

F 195
180

ЖИЗНЬ

ТВОРЧЕСТВО

крестьянъ Харьковской губерніи.

ОЧЕРКИ ПО ЭТНОГРАФИИ КРАЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. ИВАНОВА.

Изданіе Харьковскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

ТОМЪ I.

1898.

Харьковъ. Типографія Губ. Правленія.

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

10263-53

F 195
180

Стр.

Отъ редакціи	I
Современная деревня Харьковской губерніи В. В. Иванова	III

Гл. 1-я. Старобѣльскій уѣздъ.

1) Сл. Свято-Дмитріевка. А. А. Татарскаго	27
2) Сл. Ново-Астрахань. М. К. Стороженко	49
3) Сл. Шулика. Р. А. Коробовой	63
4) Сл. Мостки. С. А. Хотяинцевой и А. А. Усиковой	85
5) Сл. Танюшевка. М. М. Инноковой	95
6) Сл. Каменка. О. Бородавкиной	120
7) Сл. Нишеретова. А. Шальневой	133
8) Сл. Петро-Павловка. А. И. Ткаченко	169
9) Сл. Богдановка. А. М. Инноковой	173
10) Сл. Никольское. Г. А. и А. М. Калашниковыхъ	343
11) Сл. Александровка. А. Д. Стефановой	349
12) Сл. Бѣло-Куракино. П. М. Шинкарева	489
13) Сл. Курячевка. Д. Шинкаревой	510
14) Сл. Пантюхино. И. Н. Шухмина	528
15) Сл. Райгородка. Е. А. Коробовой	545
16) Сл. Боровское. В. Лютова	559
17) Сл. Бахмутовка. А. Коломейцевой	575
18) Сл. Ново-Айдарь. А. Г. Жижкова	589
19) Сл. Больше-Черниговка. Е. С. Тихоновой	598
20) Сл. Спѣваковка. Е. В. Поповой	600
21) Сл. Шульгинка. Е. И. Будянской	

22) Сл. Литвиновка.	Стр. 620
23) Сл. Баранниковка. <i>С. И. Костикова</i>	625
24) Сл. Ниже-Баранниковка. <i>А. Кристъ</i>	629
25) Сл. Безгинова. <i>Тремольцевой</i>	633
26) Сл. Бѣло-Куракино. <i>П. М. Шинкарева</i>	641
27) Сл. Крыгская. <i>Е. А. Алферовой</i>	731
28) Сл. Ново-Псковъ. <i>С. С. Павленко</i>	757
29) Сл. Ново-Псковъ. <i>М. Р. Мащенко</i>	770
30) Сл. Кабычена. <i>Ф. С. Борметова</i>	788
31) Сл. Римаревка. <i>Макаренковой</i>	804
32) Сл. Просяное. <i>А. И. Павловой</i>	819
33) Сл. Поповка. <i>Е. И. Кобелева</i>	831
34) Сл. Чмыровка. <i>Е. А. Ливанской</i>	862
35) Сл. Подгоровка. <i>Е. Х. Елеферьевой</i>	878
36) Сл. Марковка. <i>М. Нефедова</i>	885
37) Сл. Ново-Бѣленькая. <i>С. В. Богатыревой</i>	914
38) Сл. Бѣловодскъ. <i>П. Агеевой</i>	916
39) Сл. Ново-Боровая. <i>В. С. Нельювской</i>	929
40) Сл. Алексѣвка. <i>А. В. Доброхотовой</i>	938
41) Сл. Штормова. <i>Р. Г. Буткевичъ</i>	948
42) Сл. Бѣлолуцкъ. <i>М. Кондратьева</i>	951
43) Сл. Бондаревка. <i>А. Губныхъ</i>	957
44) Сл. Шелестова. <i>Г. Цырюльников</i>	970
45) Сл. Тимонова	983
46) Сл. Евсугъ. <i>М. Касьяновой</i>	986
47) Сл. Павловка. <i>А. Петровой</i>	988
48) Сл. Трехизбянская. <i>Ю. В. Стефановой</i>	991
49) Сл. Городище. <i>Е. А. Рыбаловой</i>	994
50) Сл. Колядовка. <i>Г. Русиновой</i>	997

Программа для сообщенія свѣдѣній по этнографіи . . . 1009

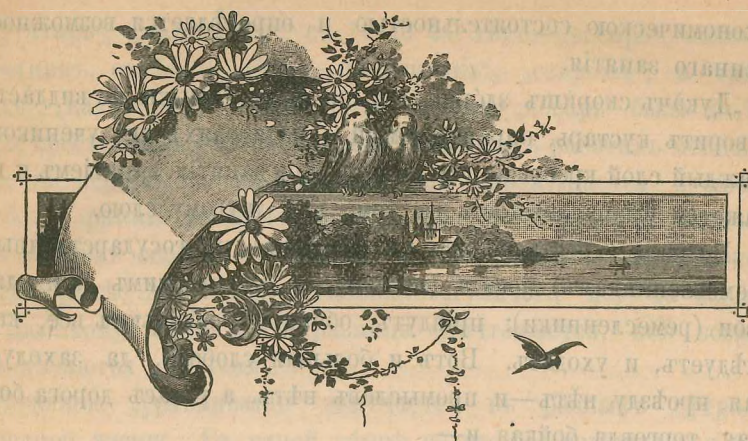
Запросы жизни и науки побудили Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ приступить къ собиранію матеріаловъ по этнографіи и отдѣльно по обычному праву Харьковскаго края. Полагая, что изученіе народной жизни доступнѣе тѣмъ интеллигентнымъ силамъ, которыя посвятили себя обученію подрастающаго населенія, Харьковскій Статистическій Комитетъ обратился къ народнымъ учителямъ и учительницамъ съ предложеніемъ заняться изученіемъ народнаго быта и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Попытка сплошнаго этнографическаго описанія губерніи, предпринятая Харьковскимъ

Статистическимъ Комитетомъ, при содѣйствіи народныхъ учителей и учительницъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Предлагаемый первый томъ задуманнаго изданія заключаетъ въ себѣ сообщенія, касающіяся лишь одного уѣзда губерніи. Обилію и полнотѣ публикуемыхъ матеріаловъ по Старобѣльскому уѣзду Харьковскій Статистическій Комитетъ обязанъ просвѣщенному содѣйствію бывшаго инспектора народныхъ училищъ по Старобѣльскому уѣзду Г. А. Ознобишина, водушевившаго учительскій персоналъ уѣзда на дѣло разъясненіемъ важности и значенія для науки предпринимаемой работы.

Сообщенія учительскаго персонала Старобѣльскаго уѣзда свидѣтельствуютъ о серьезномъ отношеніи этого персонала къ дѣлу и преданности его народнымъ интересамъ. Нѣкоторыя изъ сообщеній широко охватываютъ народную жизнь и могутъ быть признаны образцовыми.

Вмѣсто предисловія, въ началѣ книги, помѣщена статья редакціи о „современной деревнѣ“, составленная на основаніи данныхъ непосредственнаго изученія народной жизни Харьковскаго края.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Гл. I.

Взглядъ крестьянъ на свою жизнь.

Возрастъ, національность, сословность.—„Жупаныки“, „дукачи“, „мужики“ и „голь“.—Работа и праздники.—Богатство и его значеніе.—Ремесленники.

На вопросъ: „сколько лѣтъ сыну?“—крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ: „та ужѣ пастушокъ, —погоничъ, —робитнычокъ, —косарь“. Возрасту соответствуетъ извѣстное занятіе, занятіемъ и обозначается возрастъ.

Отказывая принять взрослого мальчика „въ науку“, кузнецы говорятъ: „намъ треба не гóды, а ростъ, сыла“. Занятіе требуетъ извѣстныхъ физическихъ данныхъ, данными этими и выражается годность къ тому или другому занятію.

На замѣчаніе: „отчего бѣднякъ чорнорабочій, имѣя надѣлъ, не занимается „хлиборóбствомъ“ или не отдаетъ дѣтей своихъ „въ ремесло?“—слышится: „для мужицтва нужна справа, для рукóмєсла—время, а за подушне гóнять, йісты треба, —треба й зарóблѣть“. Каждое занятіе требуетъ извѣстныхъ средствъ;

экономическою состоятельностью и определяется возможность данного занятія.

„Дукать скорішъ здѣхне, а сына въ ремѣсники не виддѣтъ“, говоритъ кустарь, опрашиваемый о родителяхъ его учениковъ. Каждый слой крестьянства имѣетъ свои занятія, занятіемъ и выражается принадлежность къ тому или другому слою.

„Панскіе (крестьяне изъ малороссовъ) къ государственнымъ (ремесленникамъ) носятъ (заказы), а къ русскимъ приходятъ свои (ремесленники): прійдутъ, обчинятъ, обольшють все, какъ слѣдуетъ, и уходятъ. Вотъ и большая слобода, да захолустная, проѣзду нѣтъ—и промысловъ нѣтъ, а у насъ дорога большая, торговля бойкая и—

„Де дворъ,—тамъ и воръ,

А де нема,—тамъ винъ найма“,—

„литературно“ сообщаетъ малороссъ изъ „жупанникивъ“ на вопросъ о состояніи промысловъ и причинахъ развитія ихъ въ данномъ селеніи. Правовыя и національныя особенности и общія основы жизни населенія обусловливаютъ существованіе и формы кустарничества, характеру народа, его положенію и отвѣчаетъ развитіе промысловъ.

„Хибѣ вонѣ вѣробылись“?—разсуждаетъ крестьянинъ, сравнивая прежнее поколѣніе съ нынѣшнимъ. „Сейчасъ чого вонѣ такѣ малѣ?—Зѣ малу пийшло въ робѣту,—зачѣчвырило. За плугомъ хѣде, а єгѣ изъ-за чепыгъ не вѣдно. А це хибѣ косарѣ! Колысь такі безъ штанивъ ходылы, не знѣлы, якъ косцѣ звѣты, а тепѣрь ужѣ и косѣ умѣе клепѣты“. И дѣйствительно, только до 5 лѣтъ дѣти—„кашныкы“, „кукылъ“, „роты“, съ 5 до 10 лѣтъ они уже пасутъ гусей, свиней, овецъ, загоняютъ скотину. Занятіе ихъ—не профессія, названіе имъ общее—„пастушокъ“, для дѣвочекъ еще „нянька“. Впослѣдствіи изъ пастушка можетъ выйти „свинарь“, гоняющій „черѣдку“ (свиней), „вивчаръ“, выпасывающій „ватѣгу“ (овецъ), „чередныкъ“, пасущій „череду“ (скотъ,—„товѣръ“). Занятіе дѣтей—дань возраста, и пасутъ они обыкновенно „свое“. Съ 8 лѣтъ до 14 мальчикъ ходитъ „погѣнычемъ“ въ поле; съ 12 до 18 лѣтъ онъ уже „робѣтнычокъ“—

„плугѣтаръ“, „молѣтныкъ“; съ 16 до 50 лѣтъ—„косаръ“, полный работникъ, съ 50-ти лѣтъ—„пасишныкъ“, „сторожъ“, а тамъ „дидъ“, „нахлибникъ“, опять „ротъ“. Прежде „косаръ“ былъ до 70 лѣтъ, крестьянинъ работалъ дольше, такъ какъ работалъ меньше. Рабочій періодъ не уменьшается, но перемѣщается нуждою на болѣе ранній возрастъ. Народъ слабѣетъ, и этотъ физическій упадокъ особенно замѣтенъ на первенцахъ, трудъ которыхъ нужнѣе для семьи. Отношеніе „гулячого“ періода жизни къ „робѣчому“ измѣняется, разница уничтожается, всѣ возрасты дѣлаются „робѣчимы“.

Подобное „уравниваніе“ замѣчается въ разныхъ сферахъ народной жизни. Въ одной сферѣ сближеніе совершается быстро, въ другой медленно. Традиціонная вражда, напр., между „хохлами“ и „москалями“, коренное различіе ихъ бытовыхъ устоевъ начинаетъ смягчаться. Эти „совсѣмъ разные народы“, столько лѣтъ живущіе бокъ-о-бокъ за своими „національными стѣнами“, начинаютъ „переглядываться“, оказывать обоюдное вліяніе. Уравниваетъ ихъ общее теченіе жизни помимо ихъ воли. „Крутая“ рѣчь хохла дѣлается предметомъ насмѣшки со стороны хохловъ-же „жупанникивъ“. „Русьскіе“ начинаютъ употреблять хохлацкія выраженія, вводятъ въ свою жизнь хохлацкіе обычаи. Представители разныхъ національностей еще мало „берѣцця“: хохолъ не женится на „московкѣ“, такъ какъ она „кѣслая“, но русскіе, особенно изъ богатыхъ, уже берутъ хохлушекъ. Прежніе кочевники-промышленники изъ русскихъ осѣдаютъ въ хохлацкихъ селеніяхъ и принимаются въ общество, прежніе отщепенцы-сосѣди изъ русскихъ, среди которыхъ вообще слабо развиты промыслы въ Харьковской губ., прибѣгаютъ къ услугамъ хохлацкихъ ремесленниковъ. Обычаи слабо „пересаживаются“, но характерные обычаи временемъ разлагаются; костюмы не перенимаются, но національная одежда, сильно мѣшавшая сліянію,—эти „плѣхты“, „запѣски“, эти „сарафѣны“, „юпки“—исчезаютъ подъ напоромъ болѣе дешеваго фабричнаго ситца. „Русьскій“ устойчивѣе хохла: „москаля хотѣ въ росѣли варѣ, все винъ, стѣрво, москаль“. Но у мѣстныхъ „москалей“ замѣчается уже „выщелачиваніе“ національных особенностей. Выработывается нѣчто нейтральное, общее.

Не менѣе враждебными „мірами“ были помѣщичьи и государственные крестьяне. Вѣчныя ссоры, насмѣшки, ругань сопровождали ихъ отношенія. Общенія почти не было. По развитію, взглядамъ, особенностямъ, по своимъ бытовымъ и экономическимъ устоямъ, они отличались не менѣе, чѣмъ представители разныхъ національностей. „Вольные“ смотрѣли на „панскихъ“, какъ на людей дикихъ, оголенныхъ, поголовныхъ воровъ и грабителей. Истощенные много-дневной „панщиной“, крѣпостные дѣйствительно совершали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые набѣги на „вольные“ хутора, опустошали ихъ бакши, огороды, воровали въ полѣ, изъ хатъ, на базарахъ, изъ лавокъ государственныхъ крестьянъ. Хвастаясь своими подвигами, они имѣли сильную защиту со стороны своего „пана“, хотя и жестоко преслѣдовавшаго воровство дома. „Рѣги“,—какъ дразнили „вольные“ „панскихъ“ за ихъ привычку нюхать изъ рожка свой домашній курительный табакъ, перетертый съ золою,—находились въ постоянной враждѣ съ „люльками“,—какъ обмѣнивались панскіе съ вольными „курийми“. Теперь вражда уничтожилась и завязались добрыя отношенія; сглаживаются приемы, обычаи, замѣчается во многомъ полное тождество. Обнаруживается явное подражаніе государственнымъ крестьянамъ, играющимъ вообще роль просвѣтителей.

Правовая грань рухнула, національныя „стѣны“ разбираются, но рядомъ съ этимъ процессомъ уравниванія замѣчается другое движеніе, процессъ противоположнаго характера. Являются новыя особенности, возникаютъ новыя различія: „міры“ сближаются, но увеличивается пропасть, раздѣляющая „классы“. Центръ тяжести перемѣщается. Національная и правовая сила уступаетъ силѣ экономической. Нити, соединявшія людей общей племенной группы, разрываются подъ давленіемъ новой разобщающей силы, а „мода“, удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ, отмѣчаетъ новую кристаллизацию населенія по „духу“ и состоянію.

Въ современной деревнѣ замѣчается мало солидарности, мало общихъ интересовъ и наблюдается много фактовъ, выражаю-

щихъ борьбу. Постоянно слышится: „И ты, бисивъ сынъ, чортивъ голякъ, ривняешься до мене! Я тебе куплю и продамъ. У тебѣ одна душа при тѣли, кишки нема въ хати, а я хазяинъ“.—Да чортъ твоего бѣтѣка берѣ! Я хоть и бѣдный, да чѣсный. Ты мене своимъ багачествомъ не годуешь, а самъ не найисѣя никѣлы, зъ другихъ дерешъ. Вонѣ тобѣ вѣпадкомъ вѣпаде колѣ небудъ. Пропадетъ ты, и все твоѣ багачество згине, або пожаромъ пиднѣмѣцѣя: бо ще Бѣга за бѣроду не взявъ. Э,—знѣйте его, шо винъ багачѣй! Не бушуй же, не бушуй, гордѣю,—бо якъ здавлю, такъ наплѣшешься“.

Интересно посмотрѣть на народную жизнь глазами самого народа, прислушаться къ его взглядамъ, выслушать его собственное мнѣніе о своей жизни. Далеко не однородною массою представится тогда наше крестьянство. Своеобразные классы съ разными взглядами, обычаями и интересами замѣчаются среди этого съ виду однороднаго люда.

Въ промысловомъ, напр., селеніи государственныхъ крестьянъ, по отзыву самихъ крестьянъ, существуетъ четыре опредѣлившихся класса: „жупаныки“, „дукачѣ“, „мужики“ и „голь“. Народныя названія эти еще не ясны; признаки классификаціи населенія оказываются различными, такъ какъ одни названія указываютъ на внѣшній видъ, другія на занятіе или состоятельность. Названія не настолько общи, чтобы охватить всѣхъ, принадлежащихъ къ данному классу,—ремесленники стоятъ какъ бы внѣ классовъ или всѣ они могутъ быть причислены къ первому, такъ какъ ходятъ большею частью въ „панскій одѣжи“. Но этими названіями мѣтко обозначается общій духъ каждаго класса. Чѣмъ выше слой, тѣмъ яснѣе проглядываетъ стремленіе его выдѣлиться, внѣшнимъ видомъ показать свое обособленіе, рѣзче обозначить „линію“; чѣмъ ниже классъ, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ экономическая его основа, тѣмъ незамѣтнѣе „грань“ его. Названіями этими ясно отмѣчается общественно-психологическій принципъ каждаго класса.

Во главѣ крестьянской жизни стоятъ люди, занятые „торговымъ промысломъ“. Это—„купці“, платящіе „госцѣве“; „торговці“, торгующіе „краномъ“, „шинкомъ“, „товаромъ шевськимъ“, „бакаліей“; „дворники“, т. е. содержатели постоянныхъ дворовъ.

Лица эти занимаются еще „отарами“ (овецъ), „гуртамы“ (скота), „сыпкою“ (хлѣба), арендами и бакшами въ большихъ размѣрахъ. Обыкновенно они наиболѣе богаты, хотя и не всѣ. Рядомъ съ такимъ, который „на 100 тысячъ не голоденъ“, живетъ и „пузырь“; „дворники“, жившіе нѣкогда, какъ помѣщики, теперь совсѣмъ обѣднѣли, разбрелись по сторонамъ, перешли большую частью въ другіе классы или занялись другими промыслами. Представители этого класса носятъ сюртуки, картузы, пальто, шубы, крытыя сукномъ; женщины ходятъ въ ситцахъ, шелковыхъ платкахъ; дѣвушки носятъ платья по городскимъ фасонамъ, поютъ романсы. Рѣчь ихъ чистая, во взаимныхъ отношеніяхъ они на „вы“, дѣти подходятъ къ ручкѣ родителей, и это обыкновеніе „бить ручку“ переходитъ въ другіе слои. Они грамотны, интересуются и слѣдятъ за событіями „внѣшней“ жизни, ѣдятъ разныя „блюда“, хорошо приготовленные, живутъ въ домахъ каменныхъ, иногда двухъ-этажныхъ, крытыхъ желѣзомъ, о нѣсколькихъ комнатахъ съ разною мебелью. Встрѣчаются, конечно, въ этомъ классѣ лица, еще сохранившія народную рѣчь или, вѣрнѣе, говорящія на двухъ нарѣчіяхъ—„паньскомъ“ и „мужицкомъ“, употребляющія простую пищу, живущія въ „хатахъ“.

Большую противоположность во многихъ отношеніяхъ представляетъ второй классъ. Если первый является представителемъ городской культуры, миссіонируя въ качествѣ моста, соединяющаго городъ съ деревней, то „дукачи“ являются представителями стараго хозяйственнаго типа. Живя большими семьями, они, говоря вообще, все имѣютъ свое, все сами для себя изготовляютъ. Занятіе „дукачей“ одно—„кóло хлѣба“. Живутъ они особняками, сохраняя „старовѣну“. Носятъ все мужицкое, но лучшаго качества; „жинки“ ихъ, однако, одѣваются такъ же, какъ и „супруги“ торговцевъ перваго класса, отличаясь простотою покроя своего платья, и носятъ на шеяхъ рублей на 50 и больше червонцевъ, „дукатовъ“, намыста. О пищѣ они не заботятся: „клóчья и вóвна, —абы кѣшка пóвна“, „ажѣ не покращашъ, якъ зысы лучче“. Пища у нихъ „зѣльцемъ пахне, пѣрцемъ посвѣрицьця“, кáша „хазыйська, а не прыкáщицька: така крута, шо зерно зерно догоня“. Живутъ они трезво; чай у

нихъ—„мерзѣна забáва: тѣлько врэмя гáять“. „сирныкѣ“ они держатъ, но освѣщаются каганцемъ, добывая огонь изъ кремня на губку изъ старой тряпки, натертой въ золѣ изъ гречневой соломы; ножъ имѣютъ, но разрѣзаютъ хлѣбъ веревкою. Отличаются скупостью, нѣкоторые собираютъ кости даже отъ чужой дохлой скотины; дома ходятъ не чисто: „попá й въ рогóжи вѣдно“, „за канáльскимъ „помагай Бигъ“ днемъ шапку обтрипавъ“. Работаютъ много; отличаются деспотизмомъ, гордостью, сознаниемъ своего достоинства: „вѣдно пана по походѣ, якъ и панъ хóде“. Школы они не любятъ, къ грамотѣ относятся съ недоверіемъ или прямо враждебно: „якъ-бы меньше знáлы, то дáли (на дольше) бѣ стáлы“. У нихъ встрѣчаются иногда оригинальныя молитвы: „Око на неби, око на землѣ, будь менѣ грѣшного, будь менѣ праведного“, а передъ обѣдомъ говорятъ: „О мья, о мья, о мья—грѣчана, вивсѣна, просѣна,—всѣка пашнѣця для скотѣны. Бóдьте здоровы, зѣ пѣтныцей, давайце снѣдать“.—Между „дукачами“, конечно, бываютъ разновидности и въ настоящее время довольно большія; но, представляя нѣкоторые переходы къ третьему классу, рѣдко къ первому, они остаются вѣрными своимъ традиціямъ.

Про третій классъ можно сказать, что здѣсь „всѣко буває“. Встрѣчаются и богатые, которые „химѣры наводять“, и бѣдные, подходящія къ классу настоящей „убижи“, и исключительно „хлиборóбы“, убѣжденные, что „мужикъ мужикомъ во вѣки викомъ“, и лица, бросающіяся „на вси штѣки“, и полные индифферентисты, говорящіе: „Богъ создавъ миръ, Богъ зѣ нымъ“, и люди, подѣ влияніемъ которыхъ совершались крупныя перемѣны въ мѣстной жизни. Трудно представить себѣ занятіе, которымъ не занимался бы „середнякъ“. Кромѣ „хлиборóбовъ“, встрѣчаются здѣсь всевозможные „рукомѣсныки“: „шевцѣ“, занимающіеся шитьемъ обуви, „кравцѣ“—шитьемъ платья, „чембарѣ“—дубленіемъ кожъ, „кушнарѣ“—чиньбою овчинъ, „ковалѣ“—кузнечествомъ, „шапувáлы“—выдѣлкою полстей, „выбóйщики“—набойкою холста, „лымарѣ“ или „швóрныки“—шитьемъ сбури, „склярѣ“—изготовленіемъ рамъ, „крыльщыки“—кровлею хатъ, ткачѣ, „колисныки“, телѣжники, плотники, бондари, столары, „скрынныки“, веревочники, „шапошныкѣ“, „свытныкѣ“, „олийныкѣ“, „се-рѣбряныки“. Тутъ занимающіеся разными промыслами и „торгѣв-

ствомъ: „ризныкы“, „крамары“, шинкары, бакшары, „вутельщики“ и всевозможные барышники: „рыбасы“, „соляныкы“, „скотары“, „курятныкы“, „прасолующіе“ землю, „кулакы“ („кагакы“), т. е. барышующіе хлѣбомъ и проч. Одни говорятъ: „весна—рідна сестра, святѣ літо—рідна маты, осинь—мачуха, зима—батарка“, а „кто літомъ не робывъ, той зимою штаны загубывъ“, „прійшло літо,—вздыхаютъ другіе,—помѣрла наша шевська или кравецька маты; настала осинь,—радуются одни,—ожила наша кравецька-шевська маты“. Разныя занятія и разные, повидимому, интересы. „Хлиборобы“ подсмѣиваются надъ „ремесныками“: „де не взявсь преудалый молодець, да къ тому-жъ и кравецъ,—заступомъ свѣту скрѣивъ, до подушки комиръ прышывъ“, „колесныкъ,—дурный ремесныкъ: вертытъ, довба, та выпять и забыва“; дразнятъ ихъ „сіднями“, „шевелами“, „цвѣнтухами“, „палышкѣнками“, „габѣлками“, „турѣцѣй“; вмѣстѣ съ ремесленниками смѣются надъ барышниками, называя ихъ „крутыхвостами“, „курошѣнками“, „бѣлыми цыганами“, „базарными собаками“. Надъ „чернымъ мужикомъ“, неразвязнымъ, съ „крутою“ рѣчью, въ историческихъ „чоботахъ“, ремесленники въ свою очередь подсмѣиваются, называя ихъ „мутирями“, „мутиряками“, „мурмулямы“, „мурмуляками“ и дразнятъ ихъ: „мурмулю ту-лю-лю, старшій братъ капралю,—сякій, такий, перетакій“. Существуетъ масса разсказовъ, гдѣ осмѣивается „мутиряка“, традиціонно сохранившій завѣтъ старинныхъ взглядовъ и отношеній,—разсказовъ, рассчитанныхъ на рисовку, хвастовство культурными привычками и понятіями. „Входѣ мутирь въ лавку и каже: „продай, паноче, сахмарю“. Винъ давъ свѣчокъ пивъ-хунта. Идѣ мужикъ и йистъ, а салдаты встравсь и каже: „чи лѣвко?“—„Лѣвко то лѣвко, да по середыни верѣвка“. Бачъ, гнить миша, а то идѣ плавка“. Разныя занятія даютъ болѣе или менѣе разный заработокъ. У „ковалѣ“—„стукъ-грякъ и пятакъ“, у „шевца“, особенно занимающагося чиньбой кожъ, дратва поетъ: „сытъ и пьянъ, сытъ и пьянъ“; у „кравца“, живущаго однимъ портняжествомъ, игла съ ниткой плачутъ: „чуть-живъ, чуть-живъ“. Ремесленники въ общемъ отличаются отъ земледѣльцевъ своимъ истощеннымъ видомъ, „паньскимъ“ костюмомъ, лучшей пищей, разговорнымъ языкомъ,

взглядами, развитіемъ. Барышники отличаются отъ нихъ „правомъ“, общественными инстинктами. Но всѣхъ ихъ соединяетъ общее положеніе, всѣхъ ихъ связываютъ общіе интересы. Всѣ они середняки по своей зажиточности, всѣ они „хазяева-работники“ и всѣ они такъ или иначе тяготеютъ къ земледѣлію. „Барышники“ въ то же время и „хлиборобы“, „рукомесныки“ тоже „хѣдять ѳколо хлѣба“ или получаютъ „скипщину“ отъ своего надѣла. Разныя отклоненія представляютъ собою незамѣтный переходъ въ другіе классы, и середнякъ служитъ матеріаломъ для расширенія всѣхъ классовъ, особенно послѣдняго, съ которымъ онъ совершенно сливается.—Отдѣльнымъ слоемъ, характернымъ и—кто знаетъ—весьма важнымъ, быть можетъ, въ будущемъ—представляется особая категорія лицъ, уже отмѣченная насмѣшкой. Насмѣшка обыкновенно сопровождаетъ все новое, какимъ бы оно ни было грознымъ въ послѣдствіи. Это „пѣжики“, гордые „скоробагатыки“, мечущіеся „во всѣ стороны“, рвущіе со всего, въ виду рубля все ставящіе на карту, изъ ничего выскакивающіе и въ „бездну“ проваливающіеся. Являясь симптомомъ новаго движенія, они служатъ въ то же время ферментомъ, усиливающимъ экономическое броженіе той категоріи „мушицѣвующихъ“, которая причастна „торгѣвству“ и „барышству“. Духъ же торговый охватилъ крестьянство и вызвалъ за послѣднее время массу мелочныхъ торговекъ.

Разнообразныя занятія встрѣчаются и среди крестьянской „убѣжи“, среди того класса, который нѣкогда вмѣстѣ съ частью середняковъ богатыми мужиками назывался „чѣрню“, такъ какъ „бѣдности“ такой прежде не чувствовалось, а теперь отдѣльно отъ нихъ называется „гѣлю“ и „батраками“. Самый характеръ „бѣдности“ измѣнился. Если третій классъ говоритъ о себѣ: „робы до поту, а не солоно йижъ“,—то этотъ классъ состоитъ: „робышъ, робышъ и ни сзѣду, ни зпѣреду“, „до поту робышъ, а бѣсый хѣдышъ“, „все литѣ хлѣбъ робы, а зимою зъ мишкѣмъ на базаръ ходы“, „сѣю та ору, а зъ базару хлѣбъ несѣ“, „торгѣю, торгѣю, а смѣку не чѣю“, „шию, шю, а въ долгахъ по шю“, „нанявсь, якъ продавсь, отслуживсь—выкупывсь“. Здѣсь тотъ-же „мужикъ“, только безъ „хозяйскаго“ устоя, тотъ-же „швецъ“, только „шкарбуны“ латающій; тутъ и

„дровяныкъ“, но продающій „хамло“ и „крутихвость“, но въ качествѣ „купецкаго подлокотника“. Существуют и спеціальныя занятія этого класса. Это поденщики — „ципурныки“. „кочары“, „сокирныки“, „пыльщики“ и отходящіе на заработокъ — „забрѣдчики“, „заборяне“, „гайдари“, „линейцы“. Отъ середняковъ „убижь“ отличается внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни, душевнымъ настроеніемъ. Бдятъ они плохо, питаются не рѣдко, какъ поденщики, въ теченіи цѣлаго „тыждня“ однимъ хлѣбомъ, живутъ часто въ сырости и въ холодѣ, не зная никакихъ удобствъ и приспособленій, не имѣя въ своихъ хатахъ ничего, кромѣ „осліна“. Не удивительно, если здѣсь говорятъ: „ходимъ, пропьемъ, а жѣ не прокоштѣмся“, и существуютъ лица, о которыхъ говорятъ: „винъ якъ запѣ, такъ и ворѣта забѣ“. Середнякъ „самоваръ пьетъ“¹⁾, удерживается своимъ „мужичькимъ“ общественнымъ мнѣніемъ, останавливаясь передъ упрекомъ: „лучче пропыты, чимъ дѣгтю купыты“; онъ такъ или иначе сытъ, ежедневно ѣстъ горячее, воодушевленно работаетъ. А у „голи“ одно утѣшеніе: „заробышъ крѣвно, пропьемъ пѣвно, — нікому ни въ ніжку“. Нечего удивляться, если рядомъ съ полной апатіей здѣсь существуютъ затаенная злоба и непримиримая ненависть, хотя „убижь“ и не вмѣшивастся въ „общество“, помня басню о синицахъ, поспорившихъ съ орломъ²⁾. Разновидность этого класса составляетъ переходъ отъ абсолютнаго нищенства къ относительному достатку середняковъ, отъ „мужиковъ“, занимающихся, кромѣ земледѣлія, ремесломъ или торговлею, къ лицамъ, не имѣющимъ „въ рукахъ“ ни земли, ни ремесла. Этотъ классъ составляютъ главнымъ образомъ „мищане: —одно мищѣкъ на базаръ тягне“. Земля сдается ими „съ копы“, за деньги или просто за подати, отъ „безнадежныхъ“ и глав-

¹⁾ Крестьяне пьютъ чай съ цикоріемъ или „цвѣтъ“ — материнку, шавлю, буквицу, или просто горячую воду, забѣленную молокомъ. Крестьяне любятъ чай.

„Пѣ панъ — два, а то одынь стаканъ.“

Купецъ пѣ, поки чай сопѣ,

Начавъ пѣть мужикъ — выпѣ самоваръ, якъ бы не бувъ велькѣ.“

²⁾ „Дви синицы вздумалы зъ орломъ сражацца: „ты шо одынь, — одынь, а насъ якъ два, — такъ два“. Орелъ одну схватывъ и задавивъ, а одна осталась и каже: „ацо, ты таки шо одынь, то одынь, а насъ шо два, то два“. — Яка умна!“

нымъ образомъ отъ вдовъ она отбирается въ общество; „николаевскіе“ лишь въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣютъ надѣлы, такъ какъ во время ревизіи были на службѣ. Общество имѣетъ безземельныхъ, „приписанныхъ“ избывшихъ дворовыхъ и проч.

Таковы слои крестьянства, таковы „классы“ въ современной деревнѣ. Выдѣливъ по нѣсколько десятковъ семействъ на долю перваго и втораго, остальные сотни почти равномерно распредѣляются между третьимъ и послѣднимъ классомъ.

Два признака лежатъ въ основѣ народной классификаціи крестьянства: работа и зажиточность. Первый классъ, по мнѣнію народа, составляютъ люди, которые „своими жилами не тягнутъ“, лица, про которыхъ говорятъ: „на легкой хлѣбъ пийшлы, а робыты не хотѣтъ“, „цѣлый день хлопѣче, а не робе“. Взглядъ на этотъ классъ, какъ на людей не работающихъ, выражается въ насмѣшкахъ и брани. Представителей этого класса въ запальчивости называютъ: „дуріями“, „дурисвитами“, „драчами“, „дерунами“, „міройидами“, „горланами“, „глота-рями“, „ватухами“. У нихъ „копѣйка не трудовѣ“. Остальные классы принадлежатъ къ трудящимся. Представители послѣдняго класса — это „чужіе работники“: „челядныки“, „батраки“, выполняющіе „чужую“ работу, нанимающіеся „до людей“, второй и третій классъ состоитъ изъ „хозяевъ“, имѣющихъ „свое дѣло“ и затрачивающихъ на него личный трудъ. У середняковъ чѣмъ больше этого „дѣла“, тѣмъ больше имъ затрачивается своего труда, — середнякъ работаетъ прямо пропорціонально своей зажиточности: сдѣлавъ „свою“ работу, онъ отдыхаетъ, на чужую рѣдко идетъ, не желая ронять своего „хазяйского“ достоинства. Богатые мужики уже имѣютъ годовыхъ работниковъ и эксплуатируютъ наемный трудъ въ объемѣ ихъ „дѣла“, участвуя лишь въ нѣкоторыхъ процессахъ этого „дѣла“: „на то коваль и клѣщи дѣрже, щобъ рукъ не пекты“.

Не только выраженіемъ, но и самыми мотивами хозяйственной дѣятельности отличаются между собой эти группы. „Личный интересъ“, какъ стимулъ труда, представляется формой, въ которую вкладывается разное содержаніе:

„Бѣдный зъ крайности бѣецца,

Серѣдній, щобъ не дойти до нѣй печецца,

Высший, щоб поривняцца зъ багатымъ хлопце,
Багатый, щоб не бувъ хто ривнымъ, уйты хоче“.

Такова схема импульсовъ на разныхъ ступеняхъ довольства. Однихъ заставляетъ трудиться личная нужда, у другихъ „заведенный кругъ“ хозяйства требуетъ опредѣленной работы, третьими руководить зависть или честолюбіе. Личныя потребности, хозяйственныя потребности, а затѣмъ страсти руководятъ хозяйственною дѣятельностью человѣка. Вообще люди, по понятію народа, находятся подъ вліяніемъ разныхъ мотивовъ, смотря по своему положенію. Положеніе крестьянъ иное, чѣмъ положеніе высшихъ слоевъ общества, „панівъ“, и мотивы ихъ дѣятельности совершенно разные. Жизнь народа протекаетъ въ „работѣ“, т. е. въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, жизнь высшихъ слоевъ протекаетъ въ „хлопотахъ“. Жизнь народа основана на *раздѣленіи труда*, жизнь высшихъ слоевъ на *„раздѣленіи хлопотъ“*. Группировка людей высшихъ слоевъ совершается по ихъ способностямъ „къ услугамъ“ или по значенію уже оказанныхъ „услугъ“ обществу. Отношенія высшихъ слоевъ и крестьянъ—не экономическія, такъ какъ здѣсь не происходитъ обмѣна „матеріальными“ цѣнностями, непосредственнымъ производствомъ которыхъ высшіе слои не занимаются.

Иллюстраціей трудового принципа можетъ служить отношеніе разныхъ „классовъ“ народа къ праздникамъ. Первый классъ обвиняетъ „чернь“ въ праздности, настойчиво пропагандируетъ идею труда, разрушая суевѣрія, связанные со многими праздниками и заставляя работать своихъ работниковъ въ эти дни. Послѣдній классъ, наоборотъ, наиболѣе сочувствуетъ всѣмъ народнымъ праздникамъ и крѣпко придерживается „суевѣрій“*). Празднуетъ онъ потому, что ему дѣлать у себя нечего. Остальные классы придерживаются особыхъ праздниковъ. Середнякъ создалъ особую литературу, которой порицается праздность и осмѣивается человѣкъ лѣнивый и „невдалый“.

Вообще праздники дѣлятся народомъ на двѣ категоріи: на „грѣшныя“ и „сердѣтыя“. Къ грѣшнымъ относятъ общепринятые большіе праздники и нѣкоторые изъ малыхъ, въ которые

*) Народные „предразсудки“ бываютъ часто своеобразною, примѣнительною формою выраженія извѣстныхъ тенденцій.

грѣшно работать; подъ сердитыми праздниками разумѣютъ тѣ, святые которыхъ отличаются мстительностью за непочтеніе къ нимъ. Тѣ и другіе въ свою очередь дѣлятся на крѣпко грѣшныя и сердитые праздники и мало грѣшныя и сердитые. Первая категорія обыкновенно празднуется, на вторую воздерживаются отъ нѣкоторыхъ видовъ работы. На сердитые праздники, кромѣ того, часто постятъ. „Ягорій“ завѣдываетъ волками, и если есть въ хозяйствѣ мелкій скотъ, то одинъ изъ семьи постить; существуетъ „коробьячій“ праздникъ „Власа“, его празднуютъ бабы, хотя бѣдовая баба заставляетъ праздновать и своего „чоловіка“; на „Рѣфу“, когда „травы рушацца и гадюки выползають“ и на „Здвѣженье“ нельзя въ лѣсъ ходить; на „Чорного Івана“ не все можно дѣлать, такъ какъ работа почернѣетъ; на „Головосіка“ нельзя круглаго рѣзать. Если работать на „Царяграда“,—градъ выбьетъ поле, на „Паліа“,—пожаръ будетъ, на „Михайлови чѣда“,—какое нибудь „чудо“ совершится, на „Благовісника“,—родится „благовісный“. Приведемъ нѣсколько характерныхъ рассказовъ, которые намъ удалось собрать. „Одинъ чоловікъ взявъ жито въ прѣздыкъ та кинувъ лопатою вгору, а тамъ була гадюка та й впала ему на плечи; укусила, обвилась коло шиї,—такъ и вмеръ нещасный“.—„Одна жінка берѣмена шила въ прѣздыкъ та й родыла дитя зъ штымы пальцами на рукахъ и ногахъ“.—„Одна дівка пишла въ лѣсъ прохóдыця та й заблудыла. Ходыла, ходыла, та й впала въ ту яму, шо гадюки злѣзацца на Здвѣженье вси до мѣста на зѣму. И гадюки йий такъ ушлелы одна за другу, шо неззѣ булò вылизты,—тамъ и вмерла“.—„Одинъ багатый чоловікъ не чтывъ малыхъ прѣздыкы, и на Паліа оставсь одинъ визъ сношѣвъ не скыданныхъ. Винъ ихъ скыдавъ, довершѣвъ стóга, не вспивъ злѣзты,—якъ отъ летѣть птѣця и несè головѣшку вогню, а зъ неї такъ йскры и сыплюцца, та й кынула на той стигѣ, шо довершувавъ. И вразъ весь тикъ его зъ хлибомъ загорѣвся и згорѣвъ до тла. Не дай Богъ robbery на Паліа,—непрѣменно хлибъ погорѣть“.—„А то одинъ чоловікъ пойхавъ сіяты; ему люде й кажутъ: „куды ты ййдешъ“?—„Куды? хибá не бачишь: сіяты“.—„А сегодня прѣздыкъ Михайлови чѣда“.—„Э, чѣдно жъ бѣде, якъ засію нѣву“.

Отъ и прійѣхавъ на нѣву, ставъ боронѣ зниматы та задѣвъ голѣву мижъ бѣльця боронѣ, шобъ на плѣчи ийѣи взѣты и зне-стѣ на нѣву,—та такъ зъ борѣною цѣлый день по нѣви и проходѣвъ до вѣчора, ажъ поки смѣркло. Та ажъ тодѣ опом-нѣвся. Тодѣ положѣвъ боронѣ на визѣ та ѣ прійѣхавъ до дѣму, та ѣ дѣтямъ заказавъ на Мыхайлово чѣдо ничѣго не робѣты“

Встрѣчаются крестьяне, которые еще празднуютъ „великій день русальчинѣ“, „розытры“, „пѣятинки“, двѣнадцать знаменитыхъ пятницъ и проч. ¹⁾ Но ремесленники не празднуютъ „сердитыхъ“ и малыхъ праздниковъ. На „мало грѣшныя“ праздни-ки и мужики обыкновенно уже работаютъ. Празднуются дни церковнослуженія: „чи вонѣ зѣвтра дѣже грѣшный прѣзныкъ,—чи бѣдутъ звонѣты, чи нѣ? Треба-бѣ отѣ и отѣ зрѣбѣты, та ѣ не знѣю, чи рѣбѣлять дѣ? Якъ люде рѣбѣлять, нехай Богъ про-стѣтъ“. Слышится протестъ: „якъ бѣдемъ сѣвыты да варварѣты да не бѣдемъ почѣнка кувѣаныты, то ѣ останемъ безъ сорѣчки“, и ропѣтъ на праздни-ки, столкнѣвшіеся вмѣстѣ: „оцѣ менѣ ще прѣзныки! Тутъ дѣла по гѣрло, ажъ крычѣтъ, а тутъ прѣзд-

¹⁾ Въ рукописи „Сонѣ Пресвятыя Богородицы“, сильно распространен-ной среди крестьянъ, идея отдыха настойчиво пропагандируется. Руко-пись эта знаменательна во многихъ отношеніяхъ: нѣкоторые по наив-ности своей ею молятся и до настоящаго времени, ее кладутъ подъ го-лову родильницъ для облегченія родовъ, прикосновеніемъ ея лѣчатъ нѣкоторые болѣзни. Въ ней предписывается не работать въ воскресный день и во дни праздниковъ Господнихъ. „Ежели, сказано въ рукописи сего моего писанія не будете слушать, то буду васъ карать злымъ по-вѣтрѣмъ и побужу царя на царя, короля на короля, князя на князя, пана на пана, сосѣда на сосѣда, брата на брата, отца на сына, сына на отца, и будутъ между вами великія кровопролитія и всѣхъ васъ оскорблю, и пищу отниму; еще буду карать васъ градомъ и блистаніемъ, дабы познали гнѣвъ мой и справедливость мою. Еще приказую, дабы въ субботу послѣ вечерни не робыли для Пресвятыя Богородицы, Матери моеѣ“. Въ „Поученіи палы римскаго о двѣнадцати пятницахъ“, входя-щемъ въ общую рукопись, предписывается поститься въ эти дни, а по другимъ спискамъ поститься и не работать. Кто читѣтъ 1-ую пятницу, на первой недѣлѣ великаго поста, „отъ внезапныя смерти избавленъ будетъ“, 2-ую, передъ Благовѣщеніемъ, „отъ непріятеля сохраненъ бу-детъ“, а по другому списку, „отъ напраснаго убивства сохраненъ бу-детъ“, 3-ью, на Страстной недѣлѣ, „отъ пагубы сохраненъ будетъ“, „отъ великой муки сохраненъ будетъ“, 4-ую, передъ Вознесеніемъ,—„на судѣ нерушимъ будетъ“, „отъ потопленія сохраненъ будетъ“, 5-ую передъ Сшествіемъ Св. Духа, „отъ страшнаго меча сохраненъ будетъ“, 6-ую,

нуй“. Работаютъ иногда и на большіе праздни-ки половину дня, Молодое поколѣніе не признаетъ многихъ праздни-ковъ стараго поколѣнія, работаетъ и на сердитые праздни-ки.

Народъ возбуждаетъ себя въ работѣ пословицами: „хто дѣбае, той и маѣ“, „хто тѣдыця, —не кѣчиця“, „ледѣчѣи чѣловѣкъ—плохѣи хазѣинъ“, „бѣлы рѣки,—чужѣи трудъ“, и т. п. Лѣнивыхъ и неумѣлыхъ называютъ: „лѣгами“, „баглаѣми“, „нехлѣями“ „вѣйлами“, „лутаѣми“, „неклѣгами“, „пришелепуватѣми“, „недо-тѣпными“, „недалѣгами“, „долѣнами“, „мишкѣмъ прѣбѣтыми“, „недѣтка—не кукѣбами“, „вонѣ нехлѣи и кѣнци хвѣста не завѣяже“, „пришелепа недѣтѣпный, винъ до вѣза и кѣлѣчка не затѣше“. Надсмѣхаются: „гей—цабѣ! сѣмо, оремѣ, а зѣ базѣру хлѣбъ ѣймѣ“, „умѣмъ робѣ, а крѣвью на двѣрѣ ходѣ“, „о, той швецъ, якъ пошѣе, такъ якъ разъ бѣдутъ на собѣку велѣки, а на кѣшку малѣ“, „вѣдно, кѣже, прѣху по пѣдѣци“, „тай, скѣмзавъ дѣдя на сѣбе глѣдя“, „сѣла прѣсты, якъ черѣдныкѣва Хѣмка“, „торгувалѣ ѣ кирпичѣмъ, та ѣ осталѣсь ни причѣмъ“, „ни швецъ, ни мѣецъ,—ни чѣртъ зна шо“. Народъ знаетъ цѣну сатиры и прибѣгаетъ къ ней для осмѣянія праздности и неумѣло-сти, для увеличенія труда и усиленія его производительности. При-водимъ нѣсколько собранныхъ нами образцовъ народной сатиры.

передъ Рождествомъ Іоанна Прѣдтечи, „отъ недостатка сохраненъ бу-детъ“, „отъ великаго и недоступнаго грѣха сохраненъ будетъ“, 7-ю, передъ Ильѣи, „отъ грома сохраненъ будетъ“, 8-ую, передъ Успеніемъ, „отъ всякаго трясовицы сохраненъ будетъ“, 9-ю, передъ Космою и Даміа-номъ, „отъ болѣзни сохраненъ будетъ“, „отъ смертнаго грѣха сохраненъ будетъ“, 10-ую, передъ Михаиломъ, „увидѣтъ имя свое у Пресвятой Богородицы на престолѣ“, 11-ю, передъ Рождествомъ Христовымъ, „Пресвятую Богородицу передъ смертію узрѣтъ“ и 12-ую, передъ Бого-явленіемъ, „увидѣтъ имя свое у самого Господа нашего І. Х., въ живот-ныхъ книгахъ“.—Извѣстно, что бабы вообще по пятницамъ не прѣдѣтъ, бѣльѣ не бѣчатъ, въ 12-ую пятницу не шѣютъ, мужики по пятницамъ не пашутъ землю. Въ каждомъ мѣсяцѣ, читаемъ въ той же рукописи, должно опасаться двухъ дней злыхъ: января 2 и 26, февраля 2 и 24, марта 3 и 28, апрѣля 3 и 12, мая 2 и 21, іюня 4 и 8, іюля 6 и 28, августа 6 и 18, сентября 2 и 21, октября 8 и 29, ноября 19 и 22 и декабря 2 и 21. „Кто въ оныя дни женѣтся, тотъ чѣловѣкъ не обрадуѣтся, а кто забѣ-лѣтъ, не встанѣтъ, хотя и встанѣтъ, нездоровъ будетъ; если родѣтся въ чѣловѣцѣхъ или въ скѣтѣ, то своей горѣсти не избѣдетъ. Кто домъ по-строить, не будетъ въ немъ житѣ, кто въ путѣ пойдѣтъ, прѣбытка не будетъ или смертъ явитѣся; кто посадѣтъ или посѣѣтъ, не взойдѣтъ“.

„Жінку мужикъ ругає: „та ты, стёрво, ни зпекты, ни зварыты.“—„Та й тільки-жъ“. „Та ты ни шты, ни прясты.“—„Тай тільки-жъ“. „Та ты и хаты не пидметешъ“.—„Та й тільки-жъ“. „Та ты й танцювати не вмиешъ“.—„Э, ни! За скóкы—въ бóкы,—побью, матери вашій чортъ и щóкы“. Тільки танцювати и вмила“.

„Одна жінка запустила дижу шо вона и на дижу не похóжа: óколо и въ середци вершка на три позасыхало тисто, хлибъ не удаецьця. Мужъ ийий ругає: „чогò такой плохий хлибъ, не такъ, якъ у людей?“ Вона одвичає: „Э, бисъ батькови твоєму! У людей святятъ дижу на годъ разивъ дэсять, а у насъ и зъ рóду не святылась“.—„Такъ трéба поклыкаты та по-святиты“. Ну и поклыкалы. Пипъ кадыть дижу и приговóрюе: „дижа, дижа! трéба тоби вíхтя та ножá, а хазáйци батожá“. Чоловикъ: „ты чúешъ, жінко?“ Вона: „Эгè,—молысь, чоловіче, та бий поклóны“.

„А то одна жінка задумала паляны́цами торгувати. „Купы, ка́же, чоловіче, куль мукй, бóду пекты паляны́цы та на базáри торгувати“. Чоловикъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утяла,—вынесла на базáрь, никóму и дúрно не нúжно. Прыно́се назáдь. Ни, чоловіче, на паляны́цы нема́ хóду, люде—бóблыкивъ та й бóблыкивъ. Иды, чоловіче, товчй на стúпи паляны́цы, а я бóду сáяты та бóблыки пекты“. Напекла, понесла,—то́же никóму не нúжно. Прыно́се назáдь. „Ни, чоловіче, и на бóблыки нема́ хóду, люде—квáши та й квáши. Иды товчй, я наварю квáши“. Наварыла дижку, привязáла е́му за плéчи. „Ну несы-жъ на базáрь, торгуй, та гляды, у тебе рóдичивъ до чóрта, ты ще дúрно пороздаешъ“. Взяла кочергу та на землй напысáла хрестъ. „Цилуй, бисивъ сынъ, божысь, шо никóму дúрно не дасы“. Винъ дурный и нахиливъсь цилуваты хрестъ, а квáша чéрезъ гóлову до дóлу й вóлилась. Вона и давай крычáть: „Отъ бисивъ сынъ, зъ такимъ чоловікомъ и поживы на свíти,—якъ схотывъ, такъ мишóкъ мукй и перевывъ“.

„А то якъ коваль зъ пúда залíза зробывъ пшыкъ. Одынь хлибордбъ ка́же ковалю: „вийде зъ пúда залíза лемйшъ?“—„Выйде та ще й дóбрый“.—„Ну, на залíзо, робы“. Отъ винъ

робывъ, робывъ,—ни, ка́же, не выйде лемйшъ, а выйде чересло“.—„Ну робы чересло“. Робывъ, робывъ,—ни, ка́же, не выйде чересло, а выйде сокира“.—„Ну робы сокиру“. Робывъ, робывъ,—ни, ка́же, не бóде сокира, а бóде долотò“.—„Ну робы и долотò“. Робывъ, робывъ,—ни, ка́же, не бóде долотò, а бóде шквáйка“.—„Робы шквáйку“. Робывъ, робывъ,—ни, не выйде шквáйка, бóде шíло“.—„Та робы й шíло“. Заплíскавъ, встро́мывъ въ вóду загартуваты,—онò й зашипíло. Мужикъ: „Эгè! бачъ, ка́же, шо вонò выйшло—пшыкъ! Ну прихóдь же за гришмы“.—Кузнéць пийшòвъ и хлóпця взявъ. „Гляды-жъ, ка́же, якъ бóду грóши просыты, а ты кажй: прыбáвте, панъ-отець, и на мáльчика, бо робóты булò багáто“. Прихóдють. Мужикъ попáвъ кузнéця за верхивья и давай е́му метéлыци даваты. А хлóпецъ за двермы крычíть: „прыбáвте, панъ-отець, и на мáльчика, бо робóты булò багáто“.

Вторымъ признакомъ народной классификации населения является богатство. Чёмъ зажиточнѣе человекъ, тѣмъ выше классъ, къ которому онъ принадлежитъ. „Хозяйственность“ есть существенный атрибутъ второго и третьяго класса, денежная сила характеризуетъ первый классъ. „Полный хозяинъ“ тотъ, у кого „заведенъ кругъ“, кто имѣетъ „худо́бу“ и деньги. О бѣдныхъ земледѣльцахъ и ремесленникахъ, хотя вполнѣ самостоятельныхъ, обыкновенно говорятъ: „та зъ ёго никóлы не бóде хазáйинъ, винъ до вíку чужий робíтныкъ“. Такъ переплетаются два принципа работы и богатства,—имѣя одни и тѣже термины для своего выражения. „Чужий робíтныкъ“, „хазáйинъ“, „повный хазáйинъ“, „купёць“—таково, по существу, обозначение классовъ.

Если подъ „работой“ народъ разумѣетъ усилія, производящія матеріальныя цѣнности, то съ богатствомъ соединяется у него мысль о нравственномъ паденіи: „не отдавши чортáмъ дúшу, богáтъ не бóдешъ“, „богáтому ти помогають, шо пидъ мóстомъ сыдáтъ“, „богáтому чортъ дытíну колыше, а бíдный и ня́нки не нáйде“, „шо мужикъ богáтый, шо чортъ рога́тый,—мижъ собóй брáтья рíдни“. Тотъ богатѣетъ, кто отдаетъ чорту свою душу. Получивъ душу, чортъ заставляетъ чертенятъ работать и черезъ нихъ посылаетъ деньги. „Мы, ка́же, молóлы на мёльницы, отъ д́вымыся, ка́же, шото óколо мостóчка за-

грузло,—гійка, гійка, ниякъ не вы́тягне. А мы й ка́жемъ: „а ну, ходимъ, шо вонò за чортъ“? Прыхòдымъ, колы везлы людý тачку зъ здоровеннымъ ящикомъ на двухъ колесахъ и повни́сеный грóший,—самого серебра. „Поможить, ка́же, добри людý, намъ вы́таскаты ящикъ,—нийкъ не вы́тягнемъ. Мы вамъ, ка́же, дамо по пры́горшни грóший“. Давай. Помоглы вы́таскаты, вонý, намъ всы́пали въ ша́пку по пры́горшни серебра. Мы такй ра́ди прийшлы въ млинъ до вогню—ды́вымся: колы вонò вугилья. „Бо-дай тебе чорты взяли! Ды́вись,—дава́лы грóши, а зрòбилось вугилья“. А мирошныкъ ка́же: „Шо тамъ такè“?—Алè, оттакè и такè. Эгè, вы думали, то людý везлы грóши, то чорты везлы нашому хазяину. Отто́ якъ-бы виддали чортамъ свой дýши, такъ якъ нашъ панъ-отець, то и у васъ булы-бы грóши, а не вугилья. Мени́, ка́же, хазяинъ велытъ то́же ору́довать чортамъ, шобъ скоры́шъ молòды“. Мы й напáлысь на ёго: „а ну скомáндуй“.—„А кúпите пивъ-кварты“? „Кúпимо“. Тутъ збо́ку неда́леко и шинòкъ,—пишлы, вы́пылы. Идёмъ изъ шинку, а вонò тильки, тильки шо двýжацьця. Винъ пидийшòвъ до лотокы́въ та й ка́же: „а що це такè! Хиба́ такъ мёлють! А не хòчете ка́же, потягты наза́дъ, а нý-те-ка попрòбуйте якъ воиò, чи лёгче бóде тягты прòтывъ воды́, чимъ за водо́ю“. Ды́вымся,—пийшлы колеса прòты воды́, тильки „скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ“. „Ну глядите же,—валяй да хороше́нько!“ Якъ же вонò зажа́рило, такъ и чорты ёго ба́тька зна; ну прýмо-жъ стра́шно и въ млы́ни сидыты. Отъ вонò шо“.

„А то идуть у дво́хъ въ тёмну ничъ зъ шинку на гóру, а вонò душъ 20 тя́гнуть на гóру такý-жъ тачку червòнцы въ повни́сенку и ниякъ не вы́тягнуть. Пидийшлы и ка́жуть: „шо це вы. добри людý?“—„Та веземо́ оттому́ прокля́тому шевцёви грóши. Везёмъ, везёмъ и ниякъ не наста́чемъ; де винъ ихъ дива́, чорты ёго ба́тька зна. Поможите, пожа́луста“. Вонý помоглы вы́тягты на гóру та й шли сли́дкомъ пры́слидыты, куды́ пове́зуть. Прýмо, ка́жуть, и повезлы до шевця́ въ двиръ,—ше по-кòйного шевця́—та, ка́жуть, до двора́ блы́зко нейзя́ й пидийты́: стукотня́ва, грыкотня́ва,—ти дубъ товкúть, ти грóши но́сятъ, бряжча́ть. Прýмо цёле, ка́жуть, пёкло. Кòло ёго и людё боя́лысь селы́тьця,—такъ самъ со́бой и живъ за слободóю“.

Неопредёленная и слишкомъ обща́я идея „работы чорта“, выра́женная въ народныхъ легендахъ, принимаетъ бол́ше конкретное очерта́ние въ разгово́рной рёчи: „це зъ чо́го винъ нажы́вся? Це винъ зъ насъ, изъ нашихъ труды́въ“,—„отакый бу́въ голово́ю, нажы́вся, а той пы́саремъ, а того́-то ба́тько бу́въ полисо́вщикомъ, нажы́вся, а такому́-то зъ монасты́ря братъ ната́скавъ, а такый-то ска́рба (кладъ) вы́копавъ“ и т. п. Существуютъ указа́ния на промы́слы: „цей нажы́вся изъ лisa, а „изъ лisa, якъ изъ бisa“, той зъ торго́вли—отъ ла́вки, той изъ шинка́, а той зёмлю держа́въ, а у того́ ба́тько чумакува́въ; тепе́рь ка́жуть: „чумаку́ю, чумаку́ю, а сма́ку не чу́ю“, а тоди́ смакъ бу́въ“.—Трудъ не счита́ется исто́чникомъ богатства́, а лишь усло́виемъ существова́ния, средствомъ пропита́ния челове́ка. Люди богатё́ють не отъ труда́, а отъ „заня́тия“. Богатё́ють не мужики́ или „рукомёсныкы“, а „заня́тельныекы“. „Заня́тие“—это предпр́ятие́, специа́льно рассчита́нное на бары́шъ. „Заня́тие разработа́вается“ не личнымъ трудомъ, а „чрезъ посредство́ нанята́го труда“: „въ заня́тии успива́е, хто чужый трудъ покупа́е“.

Имё́ня нёкогда́ количественное значе́ние, богатство́ является въ настоящее время́ качественнымъ факто́ромъ и теряетъ свои́ филантропические атрибуты́. Зажиточные счита́ли пре́жде своею нравственною обяза́нностью помога́ть бёднымъ. Разные были́ виды помощи́. Бёдные, видя́, что у богатыхъ есть какое-нибу́дь дёло, приходи́ли, работали и уходили́. За это́ имъ присыла́ли двойное вознагра́ждение. По освяще́нии пасо́къ, около́ церкви́ оставля́лось принесенное. Миски́ и „рушныкы́“ поступа́ли на церковь, а пасхи́ и стё́стное разда́вались бёднымъ. На други́е праздни́ки зажиточные пе́кли хлёбъ и разда́вали его́ или разно́сили. Въ извёстные дни разно́сили по „прывба́мъ“ зерно́ въ мёшкахъ и незаме́тно уходили́. Въ полё́ оставля́ли „для прохо́жаго“ хлёбъ недоко́шеннымъ, ча́ще ско́шеннымъ, но не сгрома́женнымъ, иногда́ уже сло́женнымъ въ копны́ съ вё́хами, чтобы́ отличи́ть ихъ отъ хозяйскихъ. Э́тотъ хлёбъ называ́лся „пайка́ми для бёдныхъ“. И не мало́ было́ лицъ, которы́я на вопро́с: „у тебе́ свий хли́бъ?“ отвё́чали: „ни, пайко́вый“.—Въ настоящее время́ предста́вители богатства́ стали глу́хи къ народнымъ нужда́мъ. Гордые созна́ниемъ своей силы́ („есть рубль,—есть и умъ,

а два рубля и два ума”), они замѣняютъ прежнюю филантропію вмѣшательствомъ во всѣ случаи нужды въ цѣляхъ личной наживы, говоря: „по совѣсти жить—по міру ходѣть“. Игнорируя народныя „рѣзсканія“, они оправдываютъ себя ссылкой на законъ, вызывая затаенный ропотъ и общій упрекъ: „якій тамъ законъ,—зачипѣвсь за колъ“.

Велико вліяніе богатства на человѣка. „Есть рубль, есть и умъ. Багатый чоловікъ и дурный стѣне розумнымъ и веселымъ, и морда стѣне бѣлѣша и свѣтлѣша; мало того, шо одѣжа лѣпша и чистѣша. Колы багатый шо рѣбе въ полі або дома,—и бѣдный такъ-же старѣецца; такъ бачъ винъ розумнѣйшій,—въ ёго и сѣно пидъ дождѣмъ не булѣ: знавъ, колы скосѣты и выгромадыты; усѣ рѣбыцца вразъ; а бѣдный, покъ зберѣцца, дывѣсь—и тамъ, и въ другімъ мѣсти зробѣвъ не впопадъ; ну, знѣчь, и дурнѣйшій. Багатый никого не бойцца, ни десятника, ни старосты, ни старшѣны, ни станового: за подѣшне его не тѣнуть, на пѣнщину не поженѣтъ; а бѣдный отѣ всего зѣ дѣрками,—такъ зѣбы и знѣты,—проклѣты мѣши пойдѣли. Я такъ здѣрово нахвацѣвавъ его сѣломъ“. — „Та шо, панѣче, по-жалуй и случѣцца. Якъ дѣже намѣзанный, то залѣзо сѣломъ и пройшлѣ, а вонѣ, проклѣты мѣши, на все пѣдки“. Хѣде багатый красѣвый, гладкѣй, моложавѣй, а якъ забѣднѣша, вразъ постарѣша, де той и толкъ дѣнецца, голова закурлатѣша, по-дурнѣша. Святѣ оцѣ карбѣванци: лѣпше святѣхъ помагѣють“. Богатство—сила, а силой можно злоупотреблять. Не регулируемое сознѣніемъ долга, не обставленное внѣшней репрессіей, оно обуздывается идеей небеснаго возмездѣя. „Убийца“ создала массу легендъ, которыми возбуждается въ душѣ богатыхъ чувство страха конкретными образами. Разныя виды несчастѣя постигаютъ богатыхъ за угнетеніе бѣдныхъ. То на нихъ нападаютъ физическія боли, то ихъ обуреваютъ душевныя муки, въ

домѣ поселяются духи, парализующѣе всѣ удобства, доставляемыя богатствомъ, подѣ конецъ жизни появляется страшное, но уже позднее раскаяніе.

Указанныя принципы „работы“ и „богатства“, говоря вообще, находятся въ обратномъ отношеніи. Силою, установившею такое отношеніе ихъ, является „доля“. Доля у каждаго своя. У однихъ „дѣля мохнатѣя, щастѣва“, у другихъ „дѣля гѣла, нещастѣва“. Можно находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ людямъ, но ругать долю также нѣлѣпо, какъ и роптать на Бога.

Было уже замѣчено, что ремесленники вообще составляютъ особый „мѣръ“ въ крестьянствѣ. Ихъ обособленность, жизнь, основанная на „живѣй копѣйци“, исключительная работа на другихъ отдѣляютъ ихъ отъ остальнаго населенія, отъ котораго они отличаются и внѣшнимъ видомъ. Разная работа, соединяя людей общественно, лично разъединяетъ ихъ. Къ общимъ отношеніямъ заказчика и исполнителя, продавца и покупателя, присоединялись спеціальныя условія, вызывавшія взглядъ на ремесленниковъ, какъ на людей жмущихъ, эксплуатирующихъ. Посторонній человѣкъ всегда былъ чужимъ и до извѣстной степени враждебнымъ. Прибѣгая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ „странникамъ“, пришлымъ „чужеземнымъ“ ремесленникамъ, населеніе относилось къ нимъ недоброжелательно. Въ время крѣпостнаго права, крестьяне еще пользовались услугами „панскихъ“ ремесленниковъ. При дешевизнѣ хлѣба, бѣдные помѣщики, нуждаясь въ деньгахъ, смотрѣли на своихъ ремесленниковъ, какъ на выгодную статью дохода. Дозволяя имъ работать на „вольныхъ“, они назначали высокую таксу, къ которой ремесленники присоединяли еще нѣсколько процентовъ для себя.

Но, представляя отдѣльный „мѣръ“, ремесленники не составляютъ особаго „класса“. Они входятъ въ составъ разныхъ классовъ, хотя болѣе или менѣе и отличаются отъ другихъ представителей этихъ классовъ. Степень отличѣя опредѣляется родомъ ремесла и класса, къ какому ремесленнику принадлежитъ. Чѣмъ сельскохозяйственнѣе промыселъ или выше классъ, тѣмъ меньше этого классоваго отличѣя. Бѣдный „олейныкъ“ живетъ

также, какъ остальные мужики, богатый „швецъ“ такъ, какъ торговцы. Ремесленниковъ перваго класса и называютъ „торговцами“, торгующихъ ремесленниковъ третьяго и послѣдняго классовъ называютъ просто „ремесныками“. Сами ремесленники называютъ себя еще „здыльщиками“, „занятельщиками“ и рѣзко отдѣляютъ „большихъ здыльщикивъ“ отъ „малыхъ“. Крестьяне вообще отличаютъ тѣ разнородные и разнохарактерные элементы, которые обволакиваются у насъ общимъ терминомъ „кустарная промышленность“. Не придавая самостоятельнаго значенія работѣ на рынокъ, какъ признаку второстепенному, производному, а также другимъ временнымъ или мѣстнымъ условіямъ, они устанавливаютъ два принципа классификаціи: „укладъ“ и „челядничество“. Великою оборотнаго „капитала“ и количествомъ наемныхъ рабочихъ рукъ отдѣляются одни ремесленники отъ другихъ, т. е. специальными формами тѣхъ же принциповъ, которые лежатъ въ основѣ классификаціи населенія вообще.

Гл. 2.

Общинное землевладѣніе.

Размѣщеніе угодій.—Способъ пользованія и форма владѣнія.—Два народныхъ теченія.—Займанщина.—Усадьба.—Выгонъ.—Поле.—Лѣсъ.—Сѣнокосъ.—Заполье.

Велика разобщенность въ современной деревнѣ и крѣпкі нити, соединяющія отдѣльныя группы. Начиная съ формальностей, до глубоко интимныхъ влеченій,—все подчиняется властнымъ законамъ общественной солидарности и общественной розни. Сама территорія какъ-бы носитъ отпечатокъ этой власти.

Первый классъ занимаетъ самое сердце селенія, второй поселяется на окраинахъ и поясомъ охватываетъ слободу, остальные классы занимаютъ промежуточное мѣсто, отдѣляясь впрочемъ другъ отъ друга. Торговцамъ нуженъ базаръ, проѣзжій трактъ, „дукачамъ“ нужны просторъ, близость поля, выгона, пописа, возможность подъ-часъ захвата для расширенія своихъ угодій.

Концентрическое, поясное дѣленіе замѣчается на всемъ пространствѣ крестьянской общины. Въ центрѣ ея находится усадебная площадь, раздѣленная на постоянные участки потомственного семейнаго владѣнія, за нею идетъ концентрически расположенная площадь общественнаго выгона, находящагося въ безраздѣльномъ пользованіи всѣхъ, затѣмъ расположены поля, лѣса, сѣнокосы, постоянно передѣляемые на пайки и доли по душамъ, работникамъ, дворамъ и, наконецъ, охватывающее разныя угодья и замыкающее всю общину, „заполье“, состоящее изъ рѣдко передѣляемыхъ, ежегодно обрабатываемыхъ душевыхъ участковъ.

Разнообразны способы пользованія и формы владѣнія общественною землею. Внѣшнимъ дѣятелемъ этого разнообразія является родъ самого угодья, которому соответствуетъ внутренній факторъ—человѣческія потребности. Каждое угодье имѣетъ свою основу распредѣленія. Усадьба нужна для организаціи хозяйства и основаніемъ распредѣленія усадебной площади, является частное хозяйство членовъ общины, поле нужно для человѣка и основой распредѣленія поля является ревизская, а съ недавняго времени и наличная душа, относительно выгона основой является само общество, для лѣса—дворъ, ревизская душа, работникъ. Владѣніе, такимъ образомъ, бываетъ личнымъ и коллективнымъ: общественнымъ, семейнымъ, дворовымъ, душевымъ, работничимъ. Пользованіе бываетъ по времени—постояннымъ, временнымъ и разовымъ, по виду—нераздѣленнымъ и участковымъ, паевымъ, долевымъ. Относительно времени,—чѣмъ больше труда затрачивается на извѣстное угодье, тѣмъ продолжительнѣе бываетъ пользованіе имъ. На усадьбу затрачиваютъ больше всего труда и ею пользуются „вѣчно“, въ полѣ—меньше, и имъ пользуются временно, сѣнокосъ и лѣсъ появляются безъ труда человѣческаго, и ими пользуются въ формѣ разовой вырубки, разоваго укуса. Видъ пользованія опредѣляется качествомъ угодья и его разстояніемъ. Форма владѣнія, такимъ образомъ, указываетъ на единицу распредѣленія общественной собственности, способъ пользованія на продолжительность и видъ владѣнія; форма владѣнія диктуется *потребностями*,

способъ пользованія—соображеніями о количествѣ *труда*, необходимого для удовлетворенія этихъ потребностей.

Итакъ, разные угоды общины, владѣніе и пользованіе ими находятся въ связи съ потребностями и трудомъ чело­вѣка; разные классы населенія, общественное положеніе ихъ находятся въ связи съ богатствомъ и работою чело­вѣка.

Общинное землевладѣніе въ Харьковской губерніи въ его современной формѣ обязано своимъ появленіемъ борьбѣ „классовъ“, формировавшихся на почвѣ неравномѣрно распре­дѣленной „старо­заимки“. Чѣмъ раньше возникла эта форма, тѣмъ покойнѣе она образовалась; чѣмъ позже она появилась, тѣмъ больше жертвъ и даже жизней она потребовала. Административное вмѣшательство способствовало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этому процессу. Такъ, изъ болѣе позднихъ вліяній, кадастровая ком­исія, работавшая въ Харьковской губерніи (1848—1853 гг.) надъ переложеніемъ у государственныхъ крестьянъ податей съ ревизскихъ душъ на земли и промысли, сообщила новый тол­чокъ формированію общинъ ¹⁾. Въ образовавшихся общинахъ

¹⁾ См. мою статью: „Кадастръ Харьковской губ.“ (Харьковскій Сбор­никъ, вып. VI, стр. 32—33). Приведемъ два общественныхъ приговора о передѣлѣ земель, относящихся къ тому времени.

„1851 года іюля 21 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковскаго округа Липецквій волости, Больше-Прохожанскаго сельскаго общества сельъ Большихъ и Малыхъ Проходовъ государственные крестьяне, бывъ на сельскомъ сходѣ въ полномъ собраніи всего 220 домохозяевъ, учинили сей приговоръ въ томъ, что въ нашихъ селеніяхъ, Большихъ и Малыхъ Проходовъ, пахатная земля, принадлежащая намъ, государственнымъ крестьянамъ, есть *четвертная*, владѣмая нами съ предковъ до сего вре­мени *по старымъ заимкамъ* и документамъ четвертями по помѣстьямъ не­уравнительно, т. е. имѣющіе домохозяева, при семействахъ только по одному работнику, отъ 20 до 35 десятинъ на одну ревизскую м. п. душу, которую, по малому ихъ состоянію и по недостатку рабочаго скота, об­рабатывать исправно не могутъ,—а потому мы всѣ съ доброй своей воли безъ всякаго и ни отъ кого принужденія предположили для себя за выгоды раздѣлить всѣ таковыя четвертные участки земли на чи­сло ревизскихъ м. п. по 9 переписи состоящихъ въ нашемъ обществѣ 999 душъ уравнительно по сколько причитаться будетъ, и мы послѣ сего о передѣлѣ оной земли впредь просить и заводить дѣлъ по при­сутственнымъ мѣстамъ пигдѣ не будемъ. Въ чемъ сей приговоръ под­писомъ нашимъ удостоверяемъ и просимъ представить оный на утвер­жденіе куда слѣдуетъ чрезъ волостное правленіе, въ томъ и подписуемся“

замѣчается въ настоящее время стремленіе къ передѣлу поля на наличныя души и „равненіе“ старыхъ усадебъ соответствен­нымъ измѣненіемъ величины полевого надѣла. Зародившись въ большихъ центральныхъ пунктахъ, движеніе въ пользу общин­наго землевладѣнія, какъ преобладающей формы землевладѣнія, перешло въ хутора и, не смотря на увеличившіяся внѣшнія и внутреннія препятствія, охватило много селеній и хуторовъ, еще сохранившихъ старозаимочный личный типъ землевладѣнія.

Параллельно съ этимъ народнымъ движеніемъ замѣчается движеніе иного рода—разложеніе общинныхъ формъ подъ влія­ніемъ агитаціи первыхъ двухъ классовъ крестьянства. Старо­заимочные судебные процессы сообщили сильный толчокъ дви­женію этого рода. Освобождая государственныхъ крестьянъ отъ платежа оброчной подати, они воодушевляють „старозаимщиковъ“, ломающихъ общину, и уже содѣйствовали имъ въ нѣкоторыхъ

„1851 г. іюля 10 дня мы, нижеподписавшіеся Харьковской губ. Сум­скаго округа, Верхне-Сыроватской волости, Нижне-Сыроватскаго обще­ства всѣ домохозяева, бывши на мірскомъ сходѣ, въ присутствіи завѣдывающаго харьковскимъ отрядомъ уравненія сборовъ съ государст­венныхъ крестьянъ коллежскаго совѣтника и кавалера Зубова и по­мощника Сумскаго окружнаго начальника, составили сей приговоръ, что желаемъ объявленное намъ количество земли, по каждому домохозяи­ству отдѣльно, раздѣлить между всѣми домохозяевами по числу ревиз­скихъ душъ по-ровну, также дать такіе же участки и тѣмъ изъ насъ, которые земли не имѣютъ, а отставнымъ солдатамъ назначить равныя съ нами земли въ раздѣлѣ по расчету на душевой пай; усадебныя же земли въ раздѣлѣ не назначать, а оставить ихъ, какъ у cadaго по измѣренію оказалось. Это наше желаніе основано въ томъ, чтобы при уравнительномъ владѣніи полевыми землями и плата поземельная была одинакова съ каждой ревизской души. Что же касается до земель, ко­торыя будутъ отведены и отставнымъ солдатамъ, то за земли усадеб­ныя обязуемся мы платить обществомъ, а за полевыя земли они, солдаты, должны платить въ общество тотъ окладъ, какой на десятину будетъ положенъ. Земли же присвоаемыя за крѣпостныя изъ насъ Новаковыми и Обозными въ раздѣлѣ не назначать, а предоставить имъ платить особо. Означенный раздѣлъ земли, на каждую ревизскую душу, обязуемся сдѣлать своими средствами, не затрудняя начальства“.—Интересно, что въ прошломъ столѣтіи въ Нижней Сыроваткѣ было общинное землевла­дѣніе. По свѣдѣніямъ за 1773 годъ—, въ сл. Низшей Сыроваткѣ владѣ­ющихъ вообще землею 1949 душъ, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ отдѣльныя дачи 161 душа, неимѣющихъ земли 215 душъ“.

поселеніяхъ „разобрать землю по старому“¹⁾.— Фактической основою землевладѣнія Слободской Украйны, нынѣшней Харьковской губерніи, была главнымъ образомъ *общественная* заимка „на дикой волной степи, лежащей близъ Крымской границы, въ большихъ черныхъ и малопроходныхъ въ то время лѣсахъ и пасѣкахъ“, юридическою основою—царская грамота, пожалованная *цѣлымъ полкомъ* или *товарицямъ*. Займанщина индивидуальная или коллективная, какъ основа народнаго землевладѣнія слобожанъ, не исключала заимки, какъ способа пользованія общественной землей. Изъ поколѣнія въ поколѣніе не передаваемые, „старо-заимки“ были то способомъ пользованія общественной землей, то видомъ индивидуальной собственности. Заимка „оранкою“, „хуторомъ“ полковой земли, купля-продажа „пайковъ“ или „старыхъ заимокъ“ общественной земли были въ духѣ „черкасскихъ обыкностей“²⁾. Займанщина какъ *основа* землевладѣнія, имѣла въ XVIII в. разныя *формы*: общественную, частную и смѣшанную. И послѣдняя, повидимому, преобладала³⁾

1) Въ Зміевскомъ уѣздѣ намъ пришлось услышать о результатахъ разрушенія общиннаго землевладѣнія у русскихъ слѣдующее: „Наградилъ Боровую аблокать Колюшка! На „земли“ порѣзалъ: одному, у кого было 2 души, десятинъ 50, да лѣсу 20, а другому, который платилъ за сколько душъ, леху отвелъ. Безземельщиковъ сколько надѣлалъ!.. Какой лѣсъ извелъ и общество заложилъ!.. Мы и къ Царю посылали, и въ судѣ судимся!.. Обидѣлъ, страсть обидѣлъ“.

2) И теперь крестьяне, по обычаю, считаютъ себя въ правѣ продавать невыкупленные надѣлы.

3) Для иллюстраціи формъ народнаго землевладѣнія Слободской Украйны, приведемъ изъ имѣющихся у насъ документовъ XVIII в. нѣкоторыя типическія выдержки.

1. „Оная деревня Леонтьевка (Валковскаго уѣзда) поселеніе свое имѣетъ вмѣстѣ съ Коломакомъ и владѣніе землями и лѣсами было вообще и какаѣ именно частіи земли принадлежатъ къ деревнѣ Леонтьевкѣ—узнать не можно потому больше, что казенные обыватели и Леонтьевскіе подданные какъ бы поочередно распашиваютъ земли и потомъ одинъ другую на захватъ заоны пашутъ“.

2. „Которою землею сл. Козацкой (Богодуховскаго уѣзда) вѣсь, раздѣля на пайки, хотя съ нуждою и довольствуются, а безземельныхъ между ними, равно проданныхъ и уступленныхъ (земель) не имѣется“.

3. „Въ оныхъ обывателей показанныя земли доставшіяся отъ предковъ ихъ еще въ прошлыхъ давнихъ годахъ сначала населенія сл. Бѣлокъ (Ахтырскаго уѣзда) по заимкамъ, а потомъ и по покупкамъ другъ отъ друга до запретительнаго въ 736 г. указа... кою они *всякіе* своими участками владѣтъ... а безземельныхъ 217 душъ“.

Общинное землевладѣніе нашего времени уменьшило чрезвычайную клочковатость прежнихъ „старыхъ заимокъ“, расширило площадь воздѣлываемаго поля, ограничило истощеніе почвы, часто ежегодно обрабатывавшейся, вводя обязательный трехпольный правильный сѣвооборотъ, равномерно распредѣлило народную землю среди крестьянъ, подняло общее благосостояніе, уменьшило пьянство, давъ занятіе безземельнымъ и ремесленникамъ, сильно „гулявшимъ“ лѣтомъ. Оно объединило крестьянскіе классы, создало общіе интересы. Но оно не въ силахъ бороться съ движеніемъ разъединяющаго свойства, поддерживаемымъ и вызываемымъ совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни. Это станетъ очевиднымъ изъ общаго обзора его функцій.

По приговору „сходки“, вслѣдствіе заявленія отдѣльной семьи, желающей устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, къ какому бы классу она ни принадлежала, — изъ участковъ общей земли отводится, „наризаецця“ для нея дворовое мѣсто, — „плець“. Приговоръ выполняется старостой и писаремъ при участіи „громады“, хотя бы изъ нѣсколькихъ лицъ. Измѣряемая прежде „кроковкою“, циркулеобразнымъ сажнемъ, земля измѣряется теперь цѣпью. Обнесенный „тыномъ“ плець обращается въ „подвирье“. Обстроенный „подвирокъ“ представляетъ три отгораживаемыя части: „двиръ“, „тикъ“ и „огородъ“. Каждая часть имѣетъ свое значеніе. Во дворѣ ставится, смотря по зажиточности новаго хозяйства, одинарная хата или „хата-кимната, а чрезъ сини друга хата“, комора съ „засиками“ и „всыпищами“ и проч. На „тикъ“ свозится хлѣбъ, гдѣ его молотятъ и вѣютъ. Свезенный хлѣбъ ставится на „пидъ“ изъ бревенъ. Такъ какъ молотба требуетъ гладкаго, твердаго, уюточеннаго мѣста, то, очистивъ небольшое пространство на току, поливаютъ его водою, посыпаютъ ржаной половицей и выравни-

4. „Сл. Печенегъ (Зміевскаго уѣзда) пользующихся вообще общественною землею 2751 душа, въ томъ числѣ состоитъ имѣющихъ свои отдѣльныя земли 2551 душа, не имѣющихъ вовсе въ землѣ никакого участія 461 душа“.

5. „Оный черныи лѣсъ сл. Асоевки по приговору общества, дабы общественною порубкою вскорѣ истребится не могъ, въ 775 году на общество каждой душѣ по одной десятинѣ раздѣленъ“.

ваютъ, т. е. убиваютъ „толокомъ“, дубообразнымъ полѣномъ съ ручкой. Огородъ раздѣляется на „плеса“, „грядки“ и „капустники“. Если огородъ находится на высокомъ, сухомъ мѣстѣ, то капустники нарѣзаются отдѣльно въ низкихъ, мокрыхъ мѣстахъ. Для капустниковъ, если окажется необходимымъ, раздѣляютъ и „сагу“, болотистое мѣсто, заросшее камышемъ и осокою. Въ такомъ случаѣ каждый, прокапывая межи, унаваживая, самъ осушаетъ свое мѣсто. На низкихъ мѣстахъ нарѣзаютъ еще необходимые въ хозяйствѣ конопляники, — „пидметы“. „Плесо“ въ огородѣ—это широкое, продолговатое мѣсто, „грядка“—узкое, длинное, высокое. Грядки накладываются землею и унаваживаются обыкновенно „товарячимъ“ навозомъ. Отдѣляются онѣ „межами“. На нихъ сажаютъ капусту, цыбулю, чеснокъ; на плесахъ—огурцы, бураки, картошку. Плеса обсаживаются пшеничкой, гарбузами. „Огородъ—бабынь доходъ“,—это арена ея личныхъ заботъ и трудовъ. „То не хазяйка, шо овоць покупаетъ, а то хазяйка, шо продаётъ“. „Огородъ для семьи пидмѣга“: „въ огоро́ди літомъ покопаеться, то й зимою въ овоцяхъ не понуждаеться“. Говорятъ: „якъ лышний разъ попѣлемъ, то лышний разъ и за овоцами схѣдемъ“, упрекая нерадивую хозяйку: „завелъ бурьянь вовкѣмъ плодѣцьця“.

За усадьбою слѣдуетъ выгонъ. Требуется нейтральное мѣсто, гдѣ можно было бы стать возомъ, поставить „витряки“, привязать свинью, коня, пасти скотъ на время. „Выгнѣ“—не настоящее пастбище, а мѣсто, куда можно выгнать скотину на короткое время, такъ какъ, выгнавъ ее на отдаленное пастбище, хозяинъ лишается услугъ рабочей силы на продолжительное время. Богатые мужики имѣютъ иногда еще частные, обыкновенно огораживаемые—„пастивныки“. Смотря по положенію угодій, бываетъ одинъ выгонъ, если поле лежитъ по одну сторону селенія, и два, если селеніе стоитъ въ центрѣ угодій. Гдѣ паровое поле, на той сторонѣ и выгонъ; перемѣщается „толока“, перемѣщается и выгонъ, а прежній обращается въ поле, „збий“, особенно цѣнимый крестьянами. Если нѣтъ свободнаго мѣста для выгона, часть кустарника отводится подъ попасъ, обращается въ „вильне“. Но настоящее пастбище—это паровое поле, „толока“, на которой постоянно тол-

чется скотъ. Кромѣ того, скотъ пасутъ еще на „стерняхъ“, скопленномъ полѣ, на отавахъ, пускаютъ на „луки“ въ началѣ весны, на осеннюю „зеленю“, поросль озимаго хлѣба. Скотъ заставляетъ утилизировать и раздѣленную, частнымъ трудомъ уже обработанную землю по принципу общаго вольнаго пользованія. Рогатая скотина „благословенна“: „и рѣбыть, и на харчѣ идѣ“; свинья „огнемъ благословѣцьця“: „не присмѣль, йисты нейзъ“; лошадь „хоть якѣ дорогѣ мѣсо, а все такы собѣче“. Волы, конь—„тягло“, корова, свинья, вивця—„пидмѣга“. „Гѣре безъ своего тягла, безъ скотѣны, якъ безъ рукъ“; „якъ бѣдутъ корѣвки, то бѣдутъ и бычкѣ, —не голодни й дитчкѣ“, „десятокъ овечѣкъ—въ хазѣйствѣ свѣтка й кожущѣкъ“, „якъ свой свѣнка—свое сѣльце“: „дѣбра годѣна, якъ вѣдѣцьця во дворѣ скотѣна“. А между тѣмъ скотина „Бѣжья росѣ“: „якъ сѣльце глѣне,—ничѣго не стѣне; якъ Богъ захѣче, уся скотѣна вразѣ пропадѣ“.

Для своего существованія крестьянинъ нуждается въ землѣ: „пѣстбыще для скотѣ, для мужикѣ пѣле“. Община гарантируетъ ему это поле. Въ полѣ бываетъ обыкновенно три поля въ трехъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ „рукѣхъ“: — „толока“, „царыня“ и „ярыня“. Въ каждой „рукѣ“ бываетъ по очереди всѣ три поля. Поднятая „толока“, но еще не засѣянная, даетъ „рѣллю“, осенніе всходы ржи и иногда засѣваемой пшеницы—„зеленя“, тѣже всходы лѣтомъ—„царыня“; снятая „царыня“ оставляетъ „стерню“, взъораная „на зыбѣ“ стерня эта засѣвается яровымъ хлѣбомъ, всходы яровыхъ хлѣбовъ ячменя, овса и проч. даютъ „яринѣ“, а стерня яроваго хлѣба снова обращается въ „толоку“. Отдѣльныя „руки“ бываютъ порѣзаны на „гѣны“, „кѣльня“, „стѣжки“. Форма опредѣляетъ названіе. „Гѣны“—ровныя широкія полосы обыкновенно разной длины, „кѣльня“—треугольная площадь, а „стѣжка“, дорожка,—продолговатая неправильная полоска земли около лѣса, яра и проч. Эти части „рукѣ“ отдѣляются „зворѣтами“ и нарѣзаются при передѣлѣ на душевые „пайки“, отдѣляемые „обмѣжками“.

Назначеніе полосы обусловливаетъ ея названіе и опредѣляетъ ея величину. „Обмѣжекъ“—узкая полоса земли, обращаемая въ настоящее время просто въ межевую борозду, „зворѣ-

ты"—полоса, по которой можно проѣхать возомъ до пайка и завернуть плугомъ при оранкѣ. Орютъ двоякимъ способомъ: въ „розгінѣ“ и въ „складѣ“. Въ первомъ случаѣ начинаютъ съ межи своего пайка, проходятъ бороздою вдоль „обмѣжка“, заворачиваютъ на „зворѣтахъ“ и проходятъ другою бороздою вдоль другой границы, затѣмъ заворачиваютъ на другихъ „зворѣтахъ“ и проводятъ третью борозду эколо первой. Такъ, „обходя гоны“, доходятъ до середины пайка. Работая „въ складѣ“, начинаютъ съ середины пайка и постепенно доходятъ до границъ его. При „розгінѣ“ земля разваливается и по серединѣ пайка оказывается открытая борозда, которую нечѣмъ бываетъ заложить; при „складѣ“ земля складывается, такъ что борозды посрединѣ не бываетъ. Работая, слѣдятъ, чтобы не надѣлать „огрѣхивъ“, не оставить неподрѣзанной земли. Прежде орали украинцы плугомъ, теперь многіе уже пахутъ сопками, а прежній „плугъ воливъ“, три пары быковъ, замѣняется лошадыю. Время работы измѣняется разстояніемъ. Дѣлая въ день определенное число бороздъ, говорятъ—столько-то разъ „обийшовъ кругомъ гоны“. Опредѣляется время и „опругомъ“. Говорятъ: „поорався опругъ, покосылся два-три опруга“ и т. п. День имѣетъ четыре „опруга“: одинъ до „снѣданья“, другой до обѣда“, третій до „полудня“, четвертый до „вѣчеря“; осенніе короткіе дни имѣютъ три „опруга“. Такъ какъ на яровыхъ стерняхъ земля мягкая, то на нихъ, преимущественно на „прѣсыщахъ“, на „гречкѣвкахъ“, сѣютъ рожь нерѣдко „наволокомъ“, т. е. не пахутъ вновь землю, а лишь ралютъ ее, хотя и говорятъ: „насыявъ, каже, наволокомъ и вродило, якъ нарѣкомъ“. Богатые мужики обыкновенно засѣвають большія пространства, цѣлыя „ланы“ одного какого-нибудь хлѣба.

Общественная земля въ разныхъ мѣстахъ бываетъ неодинаковаго качества и лежитъ на разномъ разстояніи отъ усадьбы. Желая уравнивать интересы сочленовъ, предпринимаютъ передѣлы полей. Чѣмъ больше различія въ достоинствѣ отдѣльных частей земли, тѣмъ напряженнѣе оказывается стремленіе передѣлать ихъ чаще и на большее число клочковъ дробить надѣлы. Передъ „подѣломъ“ пишутъ иногда „трактатъ на раздѣлъ земли“ и „маршутъ“ этого раздѣла съ обозначеніемъ исходного

пункта и постепеннаго чередованія отдѣльныхъ мѣстъ по урочищамъ. Въ „трактатѣ“ обозначается рѣшеніе „сходки“ о передѣлѣ на ревизскія или наличныя души, о выдѣлѣ отдѣльной части на „стороннія души“ членовъ, проживающихъ внѣ данной общины, хуторянамъ и проч. Здѣсь же обозначаются результаты „жеребьевки“, такъ какъ изъ cadaго „десятка“, на которые раздѣляется поселеніе, кто нибудь беретъ жребій съ обозначеніемъ номера для опредѣленія порядка, въ какомъ должны чередоваться эти „десятки“ при передѣлѣ. „Подѣльщики“ отмѣряютъ „пайки“ разной величины, смотря по количеству надѣловъ у cadaго, имѣя въ виду десятичкіе списки, гдѣ обозначены домохозяева десятковъ и число „душъ“ cadaго хозяина.

Въ эксплуатаціи лѣса замѣчается большое разнообразіе. Въ нераздѣльномъ лѣсѣ фруктами пользуются по принципу захвата. Въ назначенный день всѣ выходятъ въ лѣсъ, и, сколько отдѣльная семья отрясетъ деревьевъ или оберетъ ихъ, столько и пользуется. Въ лѣсѣ, раздѣленномъ между крестьянами на участки, срываніе орѣховъ, какъ роскоши, иногда допускается въ чужомъ участкѣ; собираніе же кислицъ (дикихъ яблокъ), идущихъ на варено, строго воспрещается. Вырубить дерево на „надобокъ“ у кого бы то ни было преступленіемъ не считается. Нераздѣльный лѣсъ эксплуатируется „засѣкой“. Ежегодно отводимая „дильянка“ раздѣляется, смотря по роду и состоянію лѣса, пайками, возами, отдѣльными штуками на дворы, ревизскія души или на работниковъ и вырубляется каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, а иногда цѣлой „громадой“. Общественный лѣсъ, въ видахъ его сохраненія, дѣлится иногда на участки для постояннаго пользованія каждымъ домохозяиномъ отдѣльно, съ преслѣдованіемъ лишь корчеванія. Стремленіе къ участковому пользованію лѣсомъ усиливается и фактически осуществляется, не смотря на существующее запрещеніе. Оно обусловливается убѣжденіемъ, что „землю нельзя уничтожить, а лѣсъ легко извести“ по желанію воротилъ общества.

Сѣнокосъ передѣляется на души обыкновенно ежегодно, иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ каждый пользуется своимъ „пайкомъ“; или нарѣзаются постоянные „пайки“, а

домохозяева только чередуются пользованіемъ ихъ. Иногда сѣно косится всей „громадой“ и затѣмъ раздѣляется уже копицами.

Земля, выходящая за черту удобнаго пользованія для главнаго поселенія, дѣлится на участки между хуторами, входящими въ общину, или обращается въ „запѣлье“, т. е. выдѣляется изъ общаго сѣвооборота. Скоту неудобно заходить далеко, — „запѣлье“ не бываетъ пастбищемъ: не сбиваясь скотомъ, оно не бываетъ „толокой“ и обрабатывается ежегодно. Чѣмъ ближе поле, тѣмъ напряженнѣе сказывается забота „уравнить“ его частыми передѣлами; чѣмъ дальше оно, тѣмъ эта забота слабѣе. Удаленное отъ жилья „запѣлье“ раздѣляется на душевые, рѣдко передѣляемые участки. Въ общинѣ, гдѣ оно существуетъ, оно составляетъ четвертую „руку“. Здѣсь обыкновенно сѣется рожь и гречиха, вытѣсняемая другими хлѣбами изъ черты правильнаго трехпольнаго сѣвооборота, заводятся „облѣга“; — переставая обрабатывать землю, позволяютъ ей твердѣть, „облагать“, и заростать травой. Здѣсь же встрѣчаются и не скашиваемыя пространства сорныхъ травъ.

Изъ общаго обзора функцій общиннаго землевладѣнія становится очевиднымъ, что оно стремится болѣе или менѣе равномерно распредѣлить между крестьянами основныя источники удовлетворенія насущныхъ потребностей народа. Но нельзя требовать отъ общиннаго землевладѣнія того, чего оно по своему характеру дать не можетъ. Подъ вліяніемъ разныхъ факторовъ масса крестьянъ до того ослабѣла, что не въ силахъ пользоваться предоставленнымъ ей правомъ на землю, а цѣлые слои окрѣпли и выдѣлились изъ общей массы и, кромѣ общественнаго надѣла, имѣютъ свои частныя старозаимочныя и крѣпостныя земли. Стараясь удовлетворить насущныя потребности народа, общинное землевладѣніе предоставляетъ полный просторъ для дѣятельности самыхъ разнообразныхъ факторовъ жизни.

В. В. Ивановъ.

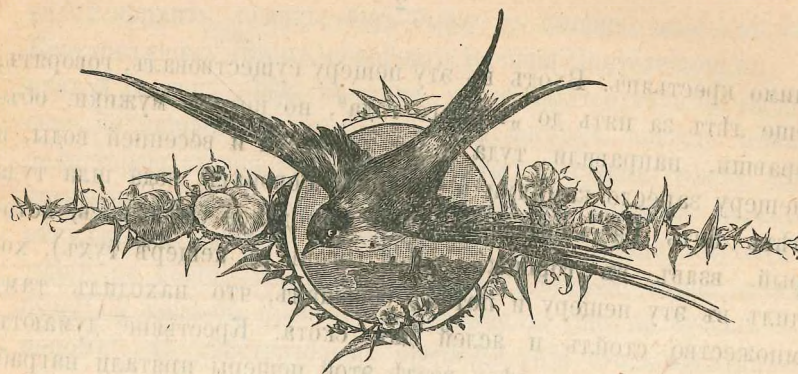

Глава 1-я.

СТАРОБѢЛЬСКІЙ УѢЗДЪ

Харьковской губерніи.

1.—Сл. Свято-Дмитріевка.

Изъ прошлаго. — Жилище, одежда и пища. — Народная медицина. — Заговоры. — Молитвы. — Религіозность и правственность. — Свадебные обряды и пѣсни (рушники, оглядины, сватанье, вареники, шипки, подвесилки, свадьба) — Обряды и обычаи — Игры. — Повѣрья. — Пѣсни. — Сказки.

Сл. Свято-Дмитріевка (Капитанова) Ново-Айдарской волости расположена по среднему теченію р. Евсугъ. Заселяться Свято-Дмитріевка начала почти разомъ съ сл. Петро-Павловой, находящейся въ 18 вер. и принадлежавшей одному и тому же помѣщику, — выходцами съ Дона приблизительно въ 1640 г. Въ 1766 г. въ ней былъ освященъ первый храмъ въ память св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Храмъ этотъ находился въ нѣсколькихъ саженьяхъ на югъ отъ теперешняго, освященнаго въ 1864 г. Построенъ онъ былъ помѣщикомъ Петромъ Трубецкимъ. Въ скорости послѣ освященія перваго храма, Свято-Дмитріевка была возвращена кн. Трубецкимъ въ казенное вѣдомство. Никакихъ остатковъ отъ пещеръ или укрупленій нѣтъ; хотя крестьяне рассказываютъ, что еще не такъ давно находили часто въ ярахъ, на которыхъ прежде росли большіе лѣса, ямы, наполненные зерномъ, преимущественно просомъ, уже погнившимъ и негоднымъ къ употребленію. Въ вершинѣ яра, называемаго „страшнымъ“, находилась громадная пещера, служившая нѣкоторое время убѣжищемъ для шайки разбойниковъ, грабившихъ чумаковъ и проѣзжавшихъ

мимо крестьянъ. Входъ въ эту пещеру существовалъ, говорятъ, еще лѣтъ за пять до „чернаго года“, но потомъ мужики, обьоравши, направили туда стокъ дождевой и весенней воды, и пещеру занесло камнями и пескомъ. Говорятъ, вода шла туда лѣтъ пять. Рассказываютъ, будто находился смѣльчакъ, который, взявъ въ горшокъ углей (огонь въ пещерѣ тухъ), ходилъ въ эту пещеру и потомъ сообщалъ, что находилъ тамъ множество стойлъ и яслей для скота. Крестьяне думаютъ, что разбойники въ лѣсу возлѣ этой пещеры прятали награбленные деньги, и теперь между ними находятся иногда охотники поискать тамъ клада, но вырывать никогда ничего не удавалось.

Сл. Дмитріевка называется такъ по имени церкви, посвященной памяти Святителя и чудотворца Дмитрія, митрополита Ростовскаго, называютъ ее въ простонародіи и Капитанова ¹⁾. Кладбище въ сл. Свято-Дмитріевкѣ три. Они находятся при выгонѣ слободы, обнесены приличными рвами; два изъ нихъ существовали еще со времени постройки церкви въ этомъ приходѣ (1766 г.), а третье устроено позже. Есть одно упраздненное кладбище, находящееся на лѣвой сторонѣ рѣки Евсуга.

Въ оградѣ при старой церкви погребено замѣчательное доброю жизнью и милосердіемъ къ ближнимъ лицо,—свящ. Василій Пантелеймоновъ (+1861 г. 30 нояб.). Не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ о фамилии Пантелеймоновыхъ, преимущественно священствовавшихъ здѣсь около столѣтія, потому что фамилія эта имѣетъ нѣкоторую связь съ исторіей образованія здѣшняго прихода. Вотъ что говоритъ объ этомъ преданіе: около 1750 года проѣзжалъ малороссіанинъ Пантелеймонъ Майборода ²⁾, изъ сл. Бѣло-Куракиной въ Луганскую станицу (Ек. губ.) на ярмарку, лѣвою стороною рѣки Евсугъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь большой мостъ, а тогда былъ бродъ, остано-

¹⁾ По преданію извѣстно, что Дмитріевка была господскою слободою, и что владѣтель ея кн. Трубецкой былъ въ чинѣ капитана.

²⁾ Фамилія Майборода и теперь существуетъ въ сл. Бѣло-Куракиной въ званіи вольныхъ хлѣбопашцевъ.

вился кормить лошадь. Онъ былъ съ сыномъ, десятилѣтнимъ Константиномъ (отецъ покойнаго Василя Пантелеймонова). На правой сторонѣ рѣки, въ этомъ мѣстѣ былъ отличнѣйшій лугъ, еще не скошенный въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца; подъ горою стояли три жилыхъ хаты, а прочія мѣста представляли собою дикую степь. Майборода бродомъ перешелъ рѣку и, въ веселомъ расположеніи духа, махая кнутомъ въ травѣ по поясъ, говорилъ: „у, сынку! тутъ-то гѣрна слобода бѣде!“ и какъ-бы пророчески прибавилъ: „ще ты бѣдешъ тутъ попомъ“. И дѣйствительно, чрезъ 22 года этотъ десятилѣтній сынъ Константинъ, по фамиліи Пантелеймоновъ ¹⁾, поступилъ уже на второй штатъ священникомъ.

Слобода находится въ 50 вер. отъ уѣзднаго города и въ 45—отъ Луганскаго лѣтняго завода; такъ какъ Луганскій заводъ—пунктъ болѣе оживленный, то мѣстные крестьяне всѣ свои продукты, состоящіе преимущественно изъ хлѣба, картофеля и капусты, возятъ для продажи въ послѣдній. Сл. Свято-Дмитріевка расположена по среднему теченію р. Евсуга, у подошвы обрывистаго холма изъ отвердѣлаго мѣла и носящаго мѣстное названіе „Кидай горы“.

Прежде, говорятъ, окрестности Свято-Дмитріевки были покрыты густыми лѣсами, а берега р. Евсуга, прежде глубокой, прекрасными лугами; теперь-же отъ лѣсовъ остались одни названія, да иногда попадаютъ пни, а, вслѣдствіе обмеленія рѣки, луга обратились сперва въ степь, а потомъ были распаханы подъ хлѣбъ.

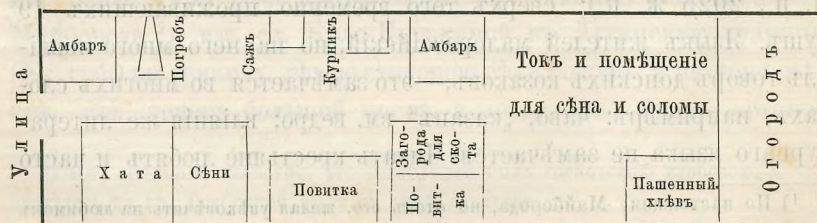
Жители слободы—малороссы; между ними есть нѣсколько семействъ и великороссовъ. Цвѣтъ волосъ жители имѣютъ темнорусый, ростъ средній, глаза сѣраго цвѣта, носъ прямой, умѣренный. Число жителей простирается до 4119 человекъ (2094 м. п., 2025 ж. п.); сверхъ того временно проживающихъ 49 душъ. Языкъ жителей малороссійскій, но на него много повліялъ говоръ донскихъ козаковъ,—это замѣчается во многихъ словахъ, напримѣръ: чаво, „казанъ“ вм. ведро; вліянія же литературнаго языка не замѣчается. Читатъ крестьяне любятъ и часто

¹⁾ По настоящему Майборода, но отецъ его, желая увѣковѣчить на любимомъ сынѣ свое имя, просилъ—именоваться ему Пантелеймоновымъ, на что и получилъ разрѣшеніе.

обращаются съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу для чтенія, но удовлетворить ихъ нѣтъ возможности, такъ какъ при училищѣ книгъ для чтенія не имѣется. Крестьяне приобретаютъ себѣ книги на ярмаркахъ и у офеней преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: житія святыхъ, Евангеліе, Псалтырь и путеводители по святымъ мѣстамъ. Занятіе крестьянъ—земледѣліе. Прежде, когда луга были не распаханы, и кругомъ росли лѣса, нѣкоторые занимались пчеловодствомъ; въ настоящее время пчеловодства, садоводства и кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Жилище крестьянъ состоитъ изъ большой свѣтлой „хаты“, преимущественно о четырехъ окнахъ (два на улицу и два во дворъ) и большихъ сѣней, которыя часто замѣняютъ собою „коморю“ (амбаръ). Убранство крестьянской хаты состоитъ изъ иконъ, занимающихъ иногда почти двѣ стѣны, идущія отъ передняго угла,—и лубочныхъ картинъ. Вдоль стѣнъ, идущихъ отъ передняго угла,—расположены широкія лавки, а въ самомъ углу находится большой столъ, за который сажаютъ почетныхъ гостей. Возлѣ порога помѣщается печь, а рядомъ съ нею по глухой стѣнѣ—„поль“ (помость), предназначенный для ночнаго отдыха всей семьи. Дворъ крестьянина продолговатъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ постройками: возлѣ хаты „повитки“, служащія крестьянамъ вмѣсто подъѣздныхъ сараевъ, рядомъ съ ними „загороды“ для скота, а по другую сторону амбары и погребъ. За постройками вдоль усадьбы расположены токъ и наконецъ огородъ. Въ концѣ тока обыкновенно стоитъ пашенный хлѣвъ, куда крестьянинъ прячетъ отъ непогоды полову и лучшій кормъ. Клуны (ригъ) въ Свято-Дмитріевкѣ, по недостатку лѣса, крестьяне не дѣлаютъ.

Представляемъ планъ двора средняго хозяина.

Раскраски и рѣзба самая простая помѣщаются только на ставняхъ оконъ. Измѣненіе въ постройкѣ хатъ состоитъ въ томъ, что ихъ, по неимѣнію лѣса, стали строить изъ мѣлового камня, обширнѣе прежнихъ и о трехъ окнахъ на улицу; соломенные крыши также въ послѣднее время начали замѣняться земляными и черепицею.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, брюкъ (штановъ) и „чемарки“, а женщинъ изъ рубахи и „дерги“ (запѣски) изъ овечьей шерсти; все это домашнего приготовленія. Дѣвушки вмѣсто дерги носятъ юбки, преимущественно краснаго цвѣта. Эта одежда употребляется всегда, только по праздникамъ одѣваются чище. Зимой какъ женщины, такъ и мужчины носятъ „кожухи“ (тулупы) изъ овечьихъ шкуръ, а дѣвушки иногда „халаты“, шитые изъ синяго сукна, покупаемаго у торговцевъ. Въ послѣднее время рубахи стали шить изъ покупнаго бумажнаго холста, вмѣсто своего болѣе толстаго, но за то и болѣе прочнаго. Стоимость одежды слѣдующая: рубаха отъ 80 к. до 1 р., брюки 1 р., чемарка 2 р. 50 к., дерга отъ 40 к. до 80 коп., юбка отъ 1 р. до 3 р., кожухъ и халатъ отъ 10 р. до 20 р.

Пища, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ въ скоромные дни состоитъ преимущественно изъ картофеля, квашеной капусты, свиного сала и яицъ. Въ постные дни ѣдятъ картофель, капусту, огурцы, пшеничную кашу и соленую рыбу; свѣжей рыбы достать негдѣ, и покупаютъ крестьяне ее вообще неохотно; бѣдные часто питаются одною квашеною капустою и кашею. Хлѣбъ всѣ безъ исключенія ѣдятъ изъ смѣси ячменя и пшеницы, во время же полевыхъ работъ, смотря по достатку, или смѣшанный изъ ржи и пшеницы, или чистый пшеничный. При недостаткѣ продуктовъ, крестьяне покупаютъ сахаръ, растворяютъ его въ водѣ и ѣдятъ съ хлѣбомъ. Пища крестьянъ, съ уничтоженіемъ пастбищъ и уменьшеніемъ количества скота, видимо ухудшается: такъ какъ молоко бываетъ не у всѣхъ, а мясо почти ни у кого.

Помѣщенія свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами съ стеклами и безъ стеколъ. Очень рѣдко и то въ богатыхъ семьяхъ встрѣчаются каганцы (съ бараньимъ или свинымъ „лобѣмъ“).

Болѣзни и ихъ лѣченіе. Весною и лѣтомъ крестьяне страдаютъ лихорадкою; зимою и осенью—горячкою. Большинство

жителей заражено сифилисомъ. Существуетъ обычай, когда въ домѣ покойникъ, класть на столъ хлѣбъ, который лежитъ до тѣхъ поръ, пока не похоронятъ покойника; этотъ хлѣбъ на обѣдѣ по умершемъ, послѣ погребенія, дѣлится между присутствующими. „Лікарки“ берегутъ этотъ хлѣбъ, и, въ случаѣ, если кто заболѣетъ горячкою, намачиваютъ его въ водѣ. Воду эту даютъ пить больному, а къ головѣ и желудку прикладываютъ компрессы, намоченные въ этой водѣ. Отъ лихорадки пьютъ „полынекъ“ и „деревій“; подъ среду и „пѣтѣкъ“ кладутъ въ горшокъ съ водою гребенку, щетку, веретено и иголку, держатъ все это всю ночь въ печи, а въ среду на зарѣ этою водою обливаютъ больного, перемѣняютъ на немъ одежду и одѣваютъ потеплѣе. Для окончательнаго же пресѣченія лихорадки рубятъ на мелкіе куски святую вербу и подвѣшиваютъ въ трубѣ. При лѣченіи *сифилиса*, на четверть водки кладутъ $\frac{1}{4}$ ф. „декохту“, сулемы съ горошину, 2 лепешки величиною съ полушку—кучелебицы, (кучелебицу предварительно перепаливаютъ въ царской водкѣ), два золотника ревеню и одинъ мускатный орѣхъ. Давая пить эту настойку, соблюдаютъ строгую діету (чай и прѣсный коржъ) въ продолженіи 10 недѣль; кислаго и соленого употребляютъ не дозволяется. Если сифилитическія боли чувствуются во рту, то берутъ 12 золотниковъ декохта, по 1 золотнику на день, варятъ въ кувшинѣ, замазанномъ тѣстомъ, и пьютъ. Во время лѣченія, чрезъ каждые три дня, больного окуриваютъ „окурѣмъ“ (корень). Пищу употребляютъ, какъ и въ первомъ случаѣ; діету соблюдаютъ цѣлый годъ, при чемъ половыя сношенія тоже на цѣлый годъ прекращаются изъ опасенія возврата болѣзни. Крестьяне полагаютъ, что отъ окура происходитъ выпаденіе зубовъ и впаденіе носа. Отъ цынги и сухого кашля, варятъ и даютъ пить, вмѣсто воды, корни Петрова батого, (цикорія, *Cichorium Intybus*) или корни одуванчика (*Taraxacum officinale*). Отъ кашля настаиваютъ бузиновый и липовый цвѣтъ, или цвѣты съ яблонь и вишенъ и употребляютъ, какъ чай. Отъ золотухи варятъ и пьютъ „солѣдке зилля“, кору съ сладкой яблони, или череду; варятъ „чистѣцъ“ (чистотѣль, *Chelidonium majus*) и купаютъ въ немъ больного. Если подорванъ желудокъ, — варятъ и пьютъ вмѣсто чаю, корень лопуха (*Lappa, Arctium.*); варятъ

и пьютъ на водкѣ или квасѣ корень травы „перѣступень“. (*Brüonia dioica*). Отъ боли зубовъ собираютъ первый цвѣтъ вишенъ и имъ парятъ зубы. Отъ младенческаго варятъ первый цвѣтъ подсолнуха и купаютъ больного; варятъ вмѣстѣ папороть и траву „ясынокъ“—и въ отварѣ купаютъ. Отъ чесотки—деготь, сѣра, синій камень и куриный пометъ переваривается и этою смѣсью обмазываютъ больного. При насморкѣ смазываютъ переносье, виски и подошвы козьимъ саломъ, а въ носъ втягиваютъ дымъ отъ потушенной восковой свѣчи. При боли груди, отъ простуды, намазываютъ сахарную бумагу, исколотую иглой, — свинымъ саломъ и прикладываютъ къ груди. Отъ ревматизма—варятъ мелкую, самую жгучую крапиву, стираютъ и парятъ больныя мѣста; потомъ напаренныя, еще горячія части тѣла стираютъ французскимъ скипидаромъ. При ревматизмѣ безъ опухоли (сухой ломъ) собираютъ въ полѣ кости, кладутъ въ горшокъ, не наливая воды, ставятъ въ печь, и стекшимъ мозгомъ стираютъ больныя мѣста. Отъ простудныхъ ранъ на ногахъ накладываютъ въ дыравый горшокъ корень жимолости (*Lonicera caprifolium*), или барбариса (*Berberis vulgaris*) и зажигаютъ, а стекающій въ отверстіе сокъ собираютъ и имъ мажутъ больныя ноги; при простудной хрипотѣ въ груди, сокъ этотъ пьютъ каплей по 10-ти на стаканъ воды. Отъ засоренія желудка—даютъ больному ягоды жостера на водкѣ или на водѣ. Отъ поноса засушиваютъ ржаной коржъ почти на уголь, трутъ въ порошокъ, запариваютъ съ мукою и даютъ пить; при боли глазъ, промываютъ глаза водою съ корыта, въ которомъ поятъ скотъ. При выпаденіи кишки и отъ грыжи даютъ пить сѣру, предварительно попаривъ больного. При задержкѣ мочи даютъ пить огуречный рассоль съ льнянымъ масломъ, а животъ растираютъ деревяннымъ масломъ.

Къ фельдшеру и доктору крестьяне обращаются только въ крайнихъ случаяхъ. Говорятъ: „они знаютъ, но не хотятъ съ нами возиться.“

Лѣченіе скота. — Если скотина съѣстъ въ полѣ паучка, или обѣстся молодой лободы, то ее поятъ рассоломъ изъ-подъ свиного сала, или кислымъ молокомъ; при боли во рту—съ чистымъ дегтемъ смѣшиваютъ чеснокъ и мажутъ полость рта;

при ящурѣ даютъ животному пожевать соленую селедку; при боли ратицъ (оконечность хвоста), мажутъ ратицы дегтемъ, предварительно смѣшавъ его съ растопленнымъ саломъ; при боли въ желудкѣ поятъ отваромъ корней лопуха и деревеи; при боли головы во время засухи даютъ нюхать тертый хрѣнъ. Къ ветеринарамъ крестьяне относятся враждебно, говоря: „лѣчить они не лѣчатъ, а убивать и мы умѣемъ, лишь бы приказали“.

Заговоры. *Отъ „перелоговъ“:* „На мѣри, на окіяни, на острови Буяни, тамъ стоитъ дубъ зелѣный, на томъ дуби галочъ сидѣть. Вамъ тутъ, галочъ, не сидѣть, вамъ тутъ, перелогы, не бывать, разной шерсты, жѣвотой кѣсты не ламаты“.

Для остановленія крови: 1) „На мѣри, на окіяни, на острови Буяни, лежѣтъ бѣлый лѣдъ—камень. На томъ камени сѣяла дѣвка рѣжу. Рѣжа, прѣймѣсь, кровь, уймѣсь“. 2) „Ишла каменна баба каменной корѣвы дойти. Якъ зъ каменной корѣвы кровь не йде, такъ бы зъ раба Бѣжого (имя) кровь не йшла“. 3) „Ийхавъ Егорій на гори на воронѣму конѣ. Мечѣмъ коня поганя, христѣянамъ кровь замовля. Замѣвъ новорождѣному, крещѣному (имя)“. 4) „Кровь, не йды, шило, не боли. Отъ жѣвотой кѣсты, Гѣсподы, простѣ“.

Отъ бѣлмы: „Ишло тры соколы чѣрезъ кленѣ—мости. Первыи сокиль кровь хлябае, дрѣтѣи сокиль бильмѣ зганяе, трѣитѣи сокиль чѣрнѣю галку чѣстытъ съ раба Бѣжого (имя, или со скота)“.

Отъ вора: 1) „На мѣри, на окіяни, на острови Буяни лежѣтъ бѣлый лѣдъ—камень. Сходѣлыся къ томъ бѣлу лѣду—каменю, вѣры, розбѣйники, колдунѣи и вси злоумышленныки. Когда той бѣлый лѣдъ—камень розибѣютъ и по кармаѣнамъ рознесѣтъ, тодѣи у раба Бѣжого (имя) и (извѣстную вещь) возъмѣтъ“. 2) Когда въ полѣ осенью оставляютъ скотъ безъ сторожа, то говорятъ: „Иисусъ Христѣсъ родѣвся, на крестѣи крестѣвся. Иисусъ воскресъ. Матѣ сыра земля, разступѣсь, лукавыи духъ, кризъ зѣмлю провалѣсь, злыи чѣловикъ, отъ моеи худѣбы отступѣсь“. 3) „Чтобы воръ не отомкнулъ замка, говорятъ: „Сибѣньска гора, сибѣньски ворота, ангѣльскѣи ключъ, апѣстѣольска рука, замкѣны дѣвери и ворота. Во вѣки, амѣнь“.

Отъ лихорадки: „Шѣвъ свѣтѣи Моисѣи чѣрною дорѣгою, а на встрѣчу ѣму идѣтъ 12 дѣвицъ-трясыцъ. Здравствуй, свѣтѣи

Моисѣи! Здравствуйте, дѣвицѣи-трясыцѣи! Вынимаѣте Моисѣи свѣи мечъ; хѣчетъ ихъ бытъ и рубѣтъ. „Стой, Моисѣи, не рубѣ, не наказывай“. Кто эту „мѣлѣтѣу“ будѣтъ знатѣ, того лихорадка не будѣтъ ни трусѣтъ, ни знѣбитѣ.

Отъ вывиха: „Не дѣсь и не здѣсь, а на сѣнѣму мѣрю лежѣтъ камѣнь бѣлый. На камѣни хтѣсъ сидѣтъ, высыжѣае изъ жѣвотѣи кѣсты цѣвили (гниль), выкликаѣ: „жѣвотѣа кѣстъ, лѣвовъ духъ! Якъ у лѣву духъ не дѣржѣицѣа, то щѣбъ такъ у жѣвотѣи кѣсты (имя) зѣвѣхъ не дѣржѣвся. Нѣколаѣу угѣдѣнику, мѣсяцю ѣсныи, кѣнѣзю прѣкрасѣный, станѣ минѣи у пѣмѣщи въ пѣрвыи разъ, у дрѣтѣи разъ, у трѣтѣи разъ. Амѣнь“.

Отъ бѣшенства: „Аронъ, Аронъ, Аронъ! Амѣлиѣнъ, Амѣлиѣнъ, Амѣлиѣнъ! Дѣвхлинъ, Дѣвхлинъ, Дѣвхлинъ! Избѣви, Гѣсподы (имя)“. Этѣ слова 27 разъ написатѣ на хлѣбѣи и датѣ съѣстѣ.

Отъ пуги: „Гѣнытъ Илѣа прѣрокъ на колѣсѣици громъ со великѣмъ дождѣмъ. Тѣча надъ тѣчей взѣидѣтъ, мѣлонѣа сѣяѣтъ, —громъ грянетъ, дождъ пойдѣтъ—пѣрохъ залѣетъ. Пѣна изѣде и ѣзыкъ кѣстанѣ. Кѣа раба, рабѣица мечѣицѣа, отъ млѣденѣа не разришаѣицѣа, такъ бы у нѣго бѣлысь и томѣлысь пули рѣжѣиныи и орудѣиныи. Какъ отъ кѣчета нѣтъ ѣица, такъ отъ рѣжѣи нѣтъ стрѣлянѣа. Ключъ въ небѣ, замокъ въ мѣри. Амѣнь“.

Отъ червей: „Свѣтѣи ѣтѣ Нѣкола, велѣкѣи пѣмѣшникъ, Самъ Гѣспѣдъ Сѣвѣдѣъ и прѣчѣста Бѣжа Мѣты, пѣмѣжитѣ отъ чѣрѣи шѣптѣты. Буѣдъ чѣрѣи 12 братѣиѣвъ. Изъ 12 стѣло 11-тъ, изъ 11-ти 10-тъ, изъ 10-ты 9-тъ, изъ 9-ты 8-мъ, изъ 8-мы 7-мъ, изъ 7-мы 6-тъ, изъ 6-ты 5-тъ, изъ 5-ты 4-ри, изъ 4-хъ 3, изъ 3-хъ 2, изъ 2-хъ ѣдѣиъ, изъ 1-го ни ѣдѣного у бычѣка (такой то) шерсты“.

Отъ бессѣнницы у дѣтей: Несутъ „пѣдъ кѣри“ и говорятъ: „дѣбрыи вѣчѣръ, дѣбрычѣки—чѣрнѣнькии, бѣлѣнькии ѣ рѣбѣнькии кѣрѣчѣки. Возъмѣтъ у насъ кѣркѣлѣвыицѣи, а намъ дѣйте сѣнѣлѣвыицѣи. Кѣры чѣрнии, кѣры бѣлии, кѣры рѣбии, мы до васъ прѣишлѣи на вѣчѣрѣицѣи, возъмѣтъ изъ нашѣго нарѣждѣного, мѣлѣтѣвѣного, крѣщѣного (имя) плаксѣвыицѣи, кѣркѣлѣвыицѣи—наслѣни, пѣдѣумѣни, пѣгадѣни, вѣтѣромъ пѣвиѣни, а намъ пѣшлѣтъ сѣнѣ со всѣхъ чѣтырѣхъ сторѣнѣвъ“. Пѣслѣ этѣго сплевѣвается тры раза.

Отъ пліснявки. „Чередѣ йде до до́му, а пліснявка па́да до до́лу съ ро́женого, мо́литвеного, кре́щеного (имя)“.

Молитвы. Часто крестьяне сами слагаютъ молитвы, избѣгая молитвъ на церковно-славянскомъ языкѣ, не вполне для нихъ понятныхъ. Напримѣръ:

Молитва на сонъ грядущій: „Крестъ въ головахъ, крестъ у ногахъ, ангелы по бокахъ. Ангелы хранители, хранятъ мою ду́шу зъ вѣчера до півночи, съ півночи до ўтра, а отъ ўтра до скончаныя віка. Аминь“.

Молитва на ночь для охраны имущества: „Сшелъ Іисусъ Христосъ съ небесъ, снесъ свой животворящій крестъ. Огради насъ, Господи, Святымъ Твоимъ Животворящимъ крестомъ. Покрый насъ, Господи, святыми Твоими облаками. Замыкай насъ Господи, своими семидесяти семью замками. Огради насъ, Господи, святымъ Твоимъ честнымъ градомъ. Сохрани насъ, Господи, святыми Твоими Архангелами, Ангелами и Пресвятою Дѣвою Богородицею отъ змія, отъ звѣря, отъ ворѣвъ и розбѣйныкивъ и отъ всякаго лыходія“.

Религіозность крестьянъ сл. Свято-Дмитріевки видна изъ усерднаго посѣщенія ими храма Божія, заботъ объ его украшеніи, а также и изъ желанія грамотныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ поступать въ монашество, и, если это поступленіе по чему нибудь невозможно, то „чернычатъ“ дома, т. е. носятъ темнаго цвѣта одежду, читаютъ по умершимъ псалтырь, занимаются чтеніемъ книгъ и распѣваютъ молитвы и пѣсни. Пѣсни эти большею частью молоканскія, хотя у насъ ни молоканъ, ни раскольниковъ по близости нѣтъ.

Народъ мало развитъ; замѣчаются плутовскія наклонности; ко всему новому относятся враждебно и недовѣрчиво; при старикахъ и даже дѣтяхъ говорятъ, не стѣсняясь, всякія сальности и ругаются площадною бранью. Женщины какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ, не ставятся наравнѣ съ мужчинами. Работая на семью, онѣ должны сами себя одѣвать, такъ какъ мужчины на наряды имъ денегъ изъ хозяйства не даютъ, а потому женщины воруютъ сами у себя различные продукты и продаютъ ихъ тайно отъ семьи; проституція и пьянство развиты сильно, пьютъ даже дѣти лѣтъ 14-ти. Въ слободѣ 6 кабаковъ.

„**Вечерницы**“ начинаются осенью и продолжаются до начала весеннихъ полевыхъ работъ. Состоятъ онѣ въ томъ, что дѣвушки собираются въ опредѣленную хату „на пряхи“. Нерѣдко туда приходятъ парни, и тогда, кромѣ работы, бываетъ пѣніе различныхъ пѣсень и игры.

Свадьба.— „Старосты“ (обыкновенно два) берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстный домъ подъ окно, съ вечера. Старосты здороваются. Хозяева имъ отвѣчаютъ. „Здоровъ, хазяинъ, пустить, пожадуйста, обигрицьца“.— „А Богъ васъ знае, що вы такѣ за люды“. „Та мы охотныкы, ходылы лысыць слидыть, тай збылысь зъ дорѣгы. Пустить обогрицьца“.— „А колы добри люды,—йдить“. Войдя въ хату, начинаютъ сватовство, но всѣ переговоры ведутся иносказательно. Хлѣбъ принимается не съ перваго раза, а стараются сватовъ заставить прійти разъ пять. Принятіе хлѣба означаетъ, что родители согласны отдать свою дочь за предлагаемаго жениха. Послѣ этого старосты уходятъ къ жениху и возвращаются съ женихомъ и его родителями къ невѣстѣ. Войдя въ хату, женихъ садится у порога подъ „мысликомъ“ и сидитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не войдетъ невѣста. Входитъ невѣста; женихъ встаетъ и становится рядомъ съ нею; подходитъ мать невѣсты и спрашиваетъ у нихъ: „Якъ, сынѣчокъ, чы ты мою дочкѣ зъ охотою берешъ? чы, мѣже, тебѣ невѣлять? Якъ невѣлять, такъ шукай друкѣ собѣ, сынѣчокъ“. Женихъ: „Якъ бы я не зъ охотою вашу дочкѣ бравъ, ябъ и старостѣвъ не прысылавъ“. Старосты: „Ну, а ваша-жъ дочка якъ?“ Мать: „Якъ ты, дочко?“ Невѣста: „Якъ бѣтько та маты, такъ и я. (Хотя и не согласна)“. Распросивши молодыхъ, зажигаютъ свѣчи, и всѣ молятся Богу. Помолвившись, женихъ и невѣста кланяются въ ноги по три раза, сперва родителямъ невѣсты, потомъ родителямъ жениха и наконецъ старостамъ. Послѣ поклоновъ родители договариваются о „подмѣжномъ“ со стороны жениха отцу невѣсты, которое состоитъ въ хлѣбѣ, или деньгами руб. 5—10. Женихъ удаляется, а невѣста даетъ „рушныкы“.

„**Рушныкы**“. Невѣста вноситъ на деревянной тарелкѣ два рушника и подаетъ ихъ старостамъ; которые и перевязываются ими. Рушники, все равно—въ богатомъ или бѣдномъ домѣ, грубые, полотняные и до того короткіе, что ихъ нужно дотачивать ве-

ревками. Повязавшись, старосты благодарят невесту, говоря: „спасѣби тобі, дочко, що рано вставала, та рушники намъ прѣла“. Въ то время, какъ невеста даетъ рушники, молодыя дѣвушки поютъ:

„Шо ты думала, Шо ты гадала, Марьичка молодала?“ — „Те я думала, Те и гадала,	Шо не дасть Мене батенько. А мий батенько, Сивъ-голубь, Все мною	Молодою Старостамъ ручку Тай по рушничку, А Семенкови хусточку“.
---	--	---

Получивши рушники, старосты вынимаютъ изъ кармана бутылку водки и обносятъ всѣхъ присутствующихъ, а отецъ жениха приглашаетъ къ себѣ на „оглядины“, почему всѣ немедленно поднимаются и идутъ къ нему.

„Оглядины“. На оглядинахъ, гдѣ все раньше готово, родителей и родныхъ невесты сажаютъ за столъ и угощаютъ. На другой день отецъ жениха приходитъ къ отцу невесты и условливается о днѣ сватанья.

„Сватанья“. Сватанье происходитъ въ домѣ невесты такъ: собираются всѣ родные, входитъ невеста, и, поклонившись отцу и матери жениха въ ноги, здоровается съ остальными. цѣлуясь, а съ женихомъ раскланивается такъ, чтобы поклоны ихъ вышли мимо одинъ другого. Мать вноситъ платки и подаетъ ихъ невестѣ, которая повязываетъ ими родныхъ и крестныхъ родителей жениха и старшаго боярина. Платокъ, предназначенный для жениха, старшій бояринъ беретъ у невесты и затыкаетъ ему за поясъ. Перевязавши, невеста подноситъ всѣмъ водки, причемъ ее дарятъ деньгами. Подается обѣдъ, послѣ котораго всѣ идутъ къ жениху, гдѣ и угощаютъ ихъ, стараясь задержать какъ можно дольше, чтобы дать молодежи время наварить въ домѣ невесты варениковъ. На сватаньи поются слѣдующія пѣсни:

„Та дасть мене, Та мий батенько И самъ бачить, Шо не разъ, не два Та за мною Тай заплачетъ. Якъ по весни Та садочки	Та цвистнуть, Якъ дивочки Та виночки Та плестнуть, Мимо твоихъ Вориточекъ Тай нестнуть,— Та не будуть	Та до хаты Тай привертаты, Та не будуть Кватирочки одсуваты, Та не будуть Дивки—Марьички Вылыкаты“.
--	--	---

„Дашъ мене, Мий батенько, Тай отъ себе; Остаецця Рута мьята Уся въ тебе.	Ой, уставай же, Мий батенько, Та раненько, Тай поливай Руту-мьяту Тай частенько—	И ранними И вечерними Зирочками И своими Дрибненькими Слизочками“.
---	---	---

Если невеста сирота, то поютъ слѣдующую пѣсню:

„Ой, великий двіръ, Та маленький збиръ. Чомъ не вся родынонька?“ „Ой, тымъ не вся Та родынонька, Шо немає батенька. Батенька немає, А чужий не знае, Тай порядку немає.	Посылай, Марьичко, Соловья зъ саду До батенька на пораду, Сыву зозуленьку На Вкраиноньку, На ридну родыноньку“. Ни соловья зъ гаю, Ни батенька зъ раю, Ни родыны зъ Украины“.
---	---

„Варѣники“. Въ то время, какъ родителей невесты угощаютъ въ домѣ жениха, въ домѣ невесты невеста угощаетъ жениха сѣменами подсолнуха; молодежь варитъ вареники, которые лѣпятся съ сыромъ, мукою, сѣменами, сухимъ горохомъ и даже перцемъ; этими варениками дѣвушки угощаютъ молодыхъ парубковъ—бояръ, подсовывая имъ для смѣха вареники съ мукою, золою или перцемъ. На другой день отцы уговариваются о днѣ свадьбы.

Вѣнчанье обыкновенно бываетъ въ пятницу. Къ вѣнцу идутъ отъ невесты, куда раньше приходитъ женихъ. Послѣ вѣнчанія всѣ обѣдаютъ у жениха; пообедавши, невеста уходитъ обратно къ своему отцу, остается тамъ до дня свадьбы и одѣвается такъ, какъ дѣвушка, украшая свою голову вѣнкомъ. Когда возвращаются изъ церкви, поютъ пѣсню:

„Схмылылася верба до коринни. Винчалася (имя) съ ранку до полудня.	Прыбрайся, матинко, прыбрайся, Та до себе дружечокъ сподивайся.
---	--

„Шпички“. Послѣ вѣнчанья одна изъ родственницъ ходитъ и приглашаетъ знакомыхъ на шпички. Въ пятницу собираются дѣвушки и лѣпятъ изъ тѣста шпички (родъ хлѣбцевъ), а въ субботу собираются для этого исключительно женщины. Лѣпятъ, кромѣ пишекъ, „коровай“ и „лѣжень“, а также убираютъ

тѣстомъ „стѣрожа“ (вѣтки вишни или сосны, убранныя разноцвѣтною бумагою). Въ обоихъ случаяхъ поютъ пѣсню:

„Егорова невяка по улицѣ ходѣ Та сусидочокъ просе: Сусидоньки, мои голубоньки! Приходить вы до мене, Не до мене, до моего дитяти	Та калачикивъ дбаты, Та порядки даваты; Бо я ий первую отдаю, Тай порядку не знаю, Тай до столу не приступаю“.
--	--

„Пидвесилокъ“. На столъ кладутъ коровай, лежень и хлѣбъ, въ который втыкаются три вишни, съ зажженными свѣчами. Вечеромъ собираются гости; въ сѣни входитъ съ дружкой невяста; поддружій, пришедшій съ нею, говоритъ старостамъ: „староста, пане пидстароста, благословить отцю, нѣнцы въ ноги впасть“—„Богъ благословить и мы благословляемъ“. „И въ другый разъ и въ третій разъ“—„Богъ благословить усй три разы“. Послѣ этого „пиддружій“ беретъ платокъ, даетъ одинъ конецъ невястѣ, а за другой держится самъ и заводитъ ее за столъ. Дружки садятся кругомъ молодой. Входитъ отецъ и начинаетъ угощать молодую и дружекъ водкою. Невяста предлагаемую ей водку отсылаетъ своимъ роднымъ. Черезъ нѣсколько времени входятъ старосты со стороны жениха и садятся у „мысника“, потомъ встаютъ и начинаютъ требовать, чтобы имъ дали умыть руки, говоря: „давайте намъ воды рѣкы мыты: мы здалеко йшли, падалы, та рѣкы замазаны. Та ще прийшли загадати, щобъ на завтра у васъ бувъ намъ постоянный дворъ, щобъ було сѣно и овесъ“. Подаютъ воду. Старосты моютъ руки, а мать даетъ имъ по рушнику. Дружки въ это время поютъ:

„Мылы старосты ручки, Глянули на кылочки, Чы не высять рушнички.	Наши рушнички Шовкови торочки, Шовкомъ мережени, А съ торгу привезени“.
--	--

Когда старосты, помывши руки, сядутъ въ ожиданіи закуски,—поютъ:

„Чого, старосты, сыдите? Чомъ до домоньку не йдете? А щежъ Марычка Ваша—не ваша, Хоть заручена, Та не винчана, *) Вы ий не возьмете.	Та вже, старосты, Темна ничъ, Ступайте собі Хоть на всю ничъ. Пора, старосты, до дому, Пойили кони солому; А якъ будете тутъ ночувати, То будете й купувати“.
--	--

*) Прежде это происходило до винчанія.

Закусивши, старосты уходятъ домой.

Готовится для всѣхъ ужинъ, во время котораго дружки поютъ:

„Ой, на хати зильля, А въ хати весилля:	Марына челядь Сила, вечерать“.
--	-----------------------------------

Послѣ ужина молодыхъ ведутъ спать въ отдѣльное помѣщеніе. Дружки поютъ:

„Ой, у субботу, пидъ недилу Пишла Марычка въ шивлю; А хто мене найде въ ций шивлийци, Тому я достанусь. Пишла матинька,—не нашла, Выврала квиточку, тай пишла. Квиточка сѣе, серденько вяне,— Нема нашой (имя).	Пишовъ батенько,—не найшовъ, Вывравъ квиточку, тай пишовъ. Квиточка сѣе, серденько вяне: Нема нашой (имя). Пишовъ (имя жениха), тай найшовъ, Взявъ за рученьку, тай пишовъ. Марычка моя зарученая, Мини-жъ ты досталася“.
--	--

Положивши молодыхъ спать, всѣ расходятся по домамъ.

„Свадьба“. Въ воскресенье гости собираются къ молодому „выряжать пойдзъ“. Въ хатѣ „боярамъ и свитѣлкамъ“ пришиваются „квиткы“. Дружки поютъ:

„Та звий соби Симъ сотъ квитокъ Щей чотыри,	Усимъ боярамъ Но квитоцьци, А (имя)	Квитки не мае: (Имя) квитка— Марычка дивка“.
---	---	--

Выходятъ всѣ изъ хаты и садятся на повозки. Мать, набравши въ заполь хмѣлю, орѣховъ и старыхъ денегъ, обсыпаетъ поѣзжанъ, беретъ лошадь за поводъ и выводитъ за ворота. Поѣздъ ѣздитъ цѣлый день, предварительно заѣхавъ въ церковь, гдѣ женихъ на паперти кладетъ три земныхъ поклона. Выѣзжая, поѣзжане поютъ:

„До церкви, сынку, До церкви;	Помолывшись Богу, —До дивки“.
----------------------------------	----------------------------------

Вечеромъ поѣздъ подѣзжаетъ къ двору невясты, тамъ ихъ не пускаютъ нѣсколько разъ. Наконецъ, взявши окупъ, состоящій изъ бутылки водки, впускаютъ поѣздъ во дворъ. Нерѣдко поѣздъ въ воротахъ невясты проѣзжаетъ чрезъ разложенный огонь. Всѣхъ поѣзжанъ и жениха ставятъ возлѣ порога, угощаютъ водкою и дарятъ платками или лентами. Бояринъ беретъ жениха за платокъ и заводитъ за столъ. Въ это время поютъ:

„Дружечки-паняночки, Посуньтесь изъ лавочки,	Нехай цей панъ сѣде Била ций паняночки“.
---	---

Отец угощает присутствующих водкою, а жених и невеста, выражая и свою просьбу выпить, кланяются. Рѣжется, привезенный женихомъ, хлѣбъ и раздается присутствующимъ. Въ это время дружки поютъ:

„Дружко пелехатый
Бига коло хаты:
„Дежъ мини статьи,
Коровай крапты,—
Чы въ рути, чы въ мѣти,

Чы въ рублений хати?“
Дружечко коровай крае
И семеро дитей мае
Та вси съ кошелями;
Увесъ коровай забрала“.

Въ то время, какъ дружка рѣжетъ коровай, бояры крадутъ куски коровай, а дружки поютъ:

„Чы не бачишь, дружко,
Що бояры коровай крадутъ,

А за насъ захиляюцца,
Короваемъ запыхаюцца“.

Послѣ этого двѣ свахи, одна со стороны жениха, а другая, со стороны невесты, надѣваютъ на голову—одна жениху шапку а другая невестѣ вѣнокъ, становятся по сторонамъ невесты и начинаютъ расплетать ей косу, снимать съ нея цвѣты и надѣвать на нее „очипокъ“, который невеста срываетъ съ головы и бросается къ порогу. Надѣвши очипокъ, „покрывають“ невесту „серпанкомъ“, а если у ся отца есть пчелы, то накрываютъ платкомъ. Дружки поютъ:

„Покрыванка плаче,
Покрывающа хоче,

Не такъ покрывающа,
Якъ поцилувающа“.

Свашки, покрывающія невесту, мѣняются головными уборами и цѣлуются. Когда покрываютъ молодую, поютъ:

„Брала Марычка лень, лень,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ.

На шо було брати,
Якъ насъ выгоняти“.

Дружки выходятъ, а остальные берутъ „дижу“, ставятъ возлѣ порога, накрываютъ рушникомъ и обводятъ вокругъ нея три раза молодыхъ; при чемъ поютъ:

„Старый оселедько
Не стое за редьку:

Не вспивъ оженныця,
Стала жинка быщця“.

Имущество невесты складывается на возы и вмѣстѣ съ невестою увозится къ свекру, при чемъ поютъ для матери и невесты.

Для невесты:

Для матери:

„Загрибай, мате, жаръ, жаръ,
Колы тоби дочки жаль, жаль;
Кыдай у пичъ дрова,
Та оставайся здорова“.

„Сидай, Марычка, на возы,
Та кыдай норовы.
Перви норовы—улицы,
Други норовы—вычирныци,
Третьи норовы—куды йшла
Батькову худобу занесла“.

Какъ только молодыхъ подвезутъ ко двору свекра, находящиеся въ поѣздѣ, поютъ:

„Вийды, матинко, огляды,
Шо тоби бояры привезлы.

Привезлы скриню й перыну
И молодую княгину“.

Въ понедѣльникъ гости собираются дарить молодыхъ. Дарятъ хлѣбомъ, овцами и деньгами; всѣ подарки дружка записываетъ на стѣнѣ рогачемъ, такъ что послѣ этого всегда приходится вновь обмазывать хату. Подаривши, родичи и сосѣди приглашаютъ всѣхъ къ себѣ. Эти приглашенія и переходы для гулянья продолжаются иногда недѣли двѣ и называются „перезвами“ или „бесідами“¹⁾.

Расходы на свадьбу простираются отъ 40 до 150 р., смотря по зажиточности, и состоятъ почти исключительно въ покупкѣ водки; водки выходитъ иногда ведеръ 20-ть.

Обряды и обычаи. Существуетъ обычай „размыванія рукъ“ на второй или третій день послѣ рожденія ребенка; состоитъ онъ въ слѣдующемъ: бабка варитъ въ горшкѣ васильки и хмѣль, наливаетъ этотъ отваръ въ тарелку и ставитъ на стулъ; возлѣ стула раскладываетъ васильки, въ видѣ креста, и приливаетъ ихъ топоромъ. Приготовивши все, она ставитъ роженицу на топоръ и льетъ ей на ладони отваръ такъ, чтобы отваръ сбѣгалъ на локоть, съ локтя бабка подхватываетъ своею ладонью и даетъ пить роженицѣ. Это продѣлывается по три раза съ каждою рукою. Послѣ этого бабка и роженица испрашиваютъ другъ у друга прощенія въ нанесенныхъ другъ другу оскорбленіяхъ. Роженица даетъ бабкѣ мыло, холста на рубаху, подъ видомъ утиранія рукъ, и деньги. Крестьяне вѣрятъ, что, послѣ размыванія рукъ, больной становится легче, и она скорѣе поправляется.

На Рождественскіе праздники дѣвушки „водятъ козла“ т. е. становятся въ кругъ, берутся за руки и перекручиваются чрезъ руки, причемъ поютъ:

¹⁾ Если невеста окажется потерявшей свою дѣвственность, то ее во время свадьбы заставляютъ носить воду дырявымъ рядномъ, а на ее родителей надѣваютъ хомуты и даютъ имъ водки изъ дырявыхъ рюмокъ.

„Выйди, выйди Пала- женько Та впизнай свого Иванка. Твий Иванъ молодець: На правий руки обидецъ,	А на ливий килечко,— До Палажки сердечко. До Ивана, душенько: Якъ заспивае,— Лысты чытае,	Якъ заговоре,— У звинъ звоне, Якъ засмиецца,— Серпе вьецца“.
--	---	---

* *

„Ой, Дунаю, Дунаю! Не далеко отъ краю Чабанъ вивци кармае У дудочку награве, На молодцѣвъ моргае. „Ой, выхлопцы-молодци Накажить вы дивонци, Що въ зеленій плахототи, Нехай вона мене не жде Нехай замижъ иде“ А дивчына почувла, Тай зъ улыци майнула. Добигае до двора— Заболела голова,	Добигае до ворить— Ухватицась за живить, Добигае до тину— Заболела спина, Добигае до хаты— Стала плакаты, рыдаты. „Ой матусю, матусенько, Що мы будемо робыты,— Неставъ чабанъ любыты“ —„Бижы донько до млына, Накопаемъ кореня Съ пидъ билого камня“. Полоскала на ритьци, Та настояла въ горильци;	Полоскала на леду, Та настояла въ меду. Поставыла на жару, Сама сита бли жало. А ще корень не вкпипивъ, А вже чабанъ прылтивъ. „Ой шожъ тебе принесли, Чы човнычекъ, чы весло“ „Принисъ мене сирый кинъ“ До дивчыны прямо въ двиръ“. А дивчына не знала— И постеленькы не слала“.
---	---	--

Подъ новый годъ, въ день св. Меланьи, утромъ дѣти „меланкують“.

Мальчишки: „Чы дома, дома Панъ-господарь. А я знаю, знаю, Що винъ дома. Сыдыть винъ Кинци стола, А на ёму	Шуба люба, На шубочки Калыточка, А въ калыточци Симъ шележечкывъ. А намъ братци По' прижечку, А старымъ бабамъ По паляныци,	Шобъ родылысь Быкы й тельця И чорни ягныци. (Если въ домъ есть дѣвушка, то припѣваютъ:) Отъ столу до порога, Шобъ була дивка чорно- брова.“
--	---	--

* *

Дѣвочки: „Меланочка ходыла, Васылечка просыла: „Васылю, мий батю, Пусты мене въ хату; Я жыта нажала,	Чесный крестъ держала, Золоту кадыльничку, Срибну тарыльничку“. Радуйтеса, люды: До васъ Христось буде. Богу свичку ставте, А намъ пиригъ дайте,	Хоть маленькый, Та циленькый. Безъ рукъ безъ нитъ, Шобъ не втикъ у снигъ; Зъ рукамы й зъ ногамы, Шобъ бигъ за нами“.
---	--	---

Хозяева даютъ меланкующимъ по прянику или по пампушкѣ.

Вечеромъ взрослые дѣвушки ходятъ *шедровать*, причемъ поютъ:

„Прылтила ластивочка, Сила, пала на виконечко. Щедрый вечеръ,	Добрый вечеръ, Добрымъ людямъ На здоровье.
---	--

Щей свитлонька та не метена, Дивка Оксана та не чесана. (Припѣвъ). Разгнивалась та на батенька, Не разгнивалась, та подумала. (Припѣвъ). Краялы свитку, та вкорстылы,	Шылы черевычкы, та вмаылы. (Припѣвъ). Обризоткы—та на квитоткы, А краеткы—та на поясоткы. (Припѣвъ). Дай, Боже, вечеръ добрый Хоть маленьку, та циленьку“.
---	--

* *

„Сивъ Сусъ Христось та вечераты, Прышла къ ёму Божая Матъ: „Ой дай сынку золоти плючи. Одимнугы рай и пекло,	Выпустыти гришны души, Лышь одну та не выпустыти Що батька-матиръ та налаяла, Не налаяла, та подумала“ *).
---	---

* *

„Ой, на ричи на Ёрдани Тамъ Марія рызы прала, Прала, прала та не вымахала, Повисыла на калыни,	На червоний на малыни. Де взялися янголята, Взялы рызы на крылята, Понесли рызы до пидъ небесамъ“ *).
---	--

Игры. Дѣти играютъ весною въ игры: въ мячъ, въ чижики и пыжа, состоящихъ въ отбиваніи палочекъ; лѣтомъ—въ креймахы, т. е. въ хватаніе пяти камней по два, по три и врозь; зимою—въ свинки, отбиваніи другъ у друга палками, преимущественно на льду, круглаго чугунаго или деревяннаго мяча. Юноши и взрослые никакихъ игръ не устраиваютъ, хотя иногда присутствуютъ при игрѣ въ мячъ. Танцуютъ преимущественно казачка и метелицу. Музыкальные инструменты: сопилка, скрипка, віолончель и барабанъ.

Повѣрья. Народъ вѣритъ въ вѣдьмъ и домовыхъ. Чтобы вѣдьма не дѣлала вреда коровѣ, у коровы проверчиваютъ рогъ, насыпаютъ туда маку и забиваютъ осиновымъ колышкомъ. Чтобы злой духъ не испортилъ скота, то, выгоняя скотъ первый разъ въ поле, перегоняютъ его чрезъ протянутый въ воротахъ поясъ и остро наточенную косу. Народъ вѣритъ, что пожаръ прекращается, если вокругъ него обойдетъ человекъ, читая молитву, которая ему приписана во снѣ, даже, если молитва эта не похожа на каноническую молитву и въ молитвенникахъ не существуетъ. Когда кругомъ слободы росли лѣса, то иногда залетала птичка ремезъ, которая вьетъ себѣ висячее гнѣздо изъ ваты лозы. Ремезы вьютъ гнѣздо или съ однимъ отверстиемъ, или съ двумя. Существуетъ по этому поводу повѣрье, что, если пара живетъ не въ ладу,

*) Припѣвъ повторяется за каждой строчкой.

то, какъ только самецъ прилетаетъ къ гнѣзду, самка быстро удаляется черезъ другое отверстіе, и наоборотъ. Крестьяне старательно отыскивали прежде гнѣзда птичекъ, живущихъ согласнo, и вѣшали у себя въ избахъ, думая, что послѣ этого и у нихъ будетъ согласіе. Существуетъ повѣрье, что подѣ Иванову ночь цвѣтетъ палоротникъ, и что нашедшій цвѣтъ будетъ знатъ нахождение кладовъ. Вѣрятъ, что, если найти коровякъ, пойти къ нему ночью, сломить его и присадить къ землѣ, то быкъ или корова, у которыхъ были черви, немедленно выздорѣвѣютъ.

П ъ с н и.

„Солдатыки молоды	Кого въ салдатыки брать.	А де два—тамъ нема,
Ведутъ коней до воды	Ой, де пять,—тамъ не	А въ удочки однитъ сынъ
За шолкови поводы.	братъ.	Тайтойпишовъ пидъаршынъ.
Стали коней напувать,	Де чотыри—не велятъ,	До аршына не дойшовъ,
Стали думать и гадать	А де тры—утеклы,	У солдатыки пишовъ“.

* *

„Выступала черная хмара,	Биле лычко,	Записалы у солдаты.
А другая сына.	Та чорніи бровы.	Тай записалы, тай забрылы,
Породыла удовонька	Та було-бъ тоби,	Та конька придилылы,
Хорошого сына.	Моя рідна маты,	Тай коня вороного
Та не дала жъ вона	Сыхъ бривъ не давати,	Козаченьку молодому,
Ему молодому	Та лучше-бъ мині, маты,	Тай коня свогрывого
Ны счастья, ны доли;	Щастя-доли дати.	Козаченьку червобри-
Та дала жъ ему	А теперь мене, моя маты,	вому“.

* *

„Ой, по тымъ боци,	Цыганочки	Та морозъ долиною,
На толоци	Вирненько прохала,	Та морозъ долиною.
Цыганы стоялы,	Та вирненько прохала.	Та не по правди
Та цыганы стоялы;	Тай цыганочка,	Козакъ молоденькый
А по мижъ тымъ	Тай махлярочка	Жыве зъ дивчиною,
Та цыганами	Вильны-жъ мою волю,	Та живе съ дивчиною.
Цыганка ворижка,	Та вильны-жъ мою волю.	Та хотъ по правди,
Та цыганка ворижка,	Прычаруй же	Та не по правди,
Та до тѣи,	Козаченька	Та все треба божыцци,
Та цыганочки	На вики зо мною,	Та все треба божыцци.
Втоптана дорожка,	Та на вики зо мною.	Цыганочка,
Та втоптана дорожка.	Ой, рада-бъ я	Та махлярочка
То чернява	Чаруваты,	Воленьку ввильныла,
Молода дивчына	Та нема мині воли,	Та воленьку ввильныла
Дорижку втоптала,	Та нема мині воли.	Та накопала
Та дорижку втоптала.	Тай туманъ,	Буркунъ зильля,
Усе-жъ тои	Туманъ яронъ,	Взяла наварыла,

Та взяла наварыла.
Та одирвала
Русои косы,
Взяла накурыва,
Та взяла накурыва.
Иле козакъ
Та по улицы
Якъ рыбонька вьецця,
Та якъ рыбонька вьецця.

А изъ го
Молодого
Вся челядь смиецця,
Та вся челядь смиецця.
Та не такъ челядь,
Не такъ челядь,
Якъ тая дивчына,
Та якъ тая дивчына,
Шо любылыся,

Та кохалыся
Якъ голубивъ пара,
Та якъ голубивъ пара.
А теперыча
Розійшыся
Якъ черная хмара,
Та якъ черная хмара“.

* *

„Пийты, люды, горилочку,
А вы, гуся, воду,
Тяжко жыты сиротыни
Безъ рідного роду.
Въ кого батько, въ кого
маты—

Е зъ кымъ розмовляты,
Въ кого браты, въ кого
сестры—
Е зъ кымъ погуляты.
Браты мои, браты дорогы
Чомъ до мене не ходете,
Що я убогая?

— Хоть ты убогая,
Такъ ты не гордая,
Хлиба, соли розгадаешъ,
Тай насъ привитаешъ,
Горилочки роздобудешъ,
Тай насъ почаствуешъ“.

* *

„А за гаємъ гаємъ
Тры садочки рядомъ,
Та вси зелененьки
Зацвѣлы биленько.
У первимъ садочку—
Зозуля кovala,
У другимъ садочку—
Соловейко шебетавъ,
Въ третимъ садочку—
Маты зъ сыномъ стояла,

Сына правды пытала:
„Скажи мині, мій сыночку,
Хто на свити вирнень-
кый,—
Чы жинка, чы теща,
Чы ненька рідненька?“
„— Теща для привита,
Жинка для совита,
А ненька рідненька
Вся правда вирненька“.

„Якъ я тобою сыну ходыла
Тай свитомъ нудыла;
Якъ порожала,—
Смертенькы бажала;
А якъ породыла—
Тай Бога просыла:
Ой дай, Боже, долю
Моему сыночку
И въ поли, и въ доми,
И въ добромъ здоровьи“.

* *

„Галочка моя, галочка чорненька,
Скажи, галочка, де моя мыленька?
А моя мыла въ лузи надъ водою
Умываецця холодною водою,
А втыраецця шитою хустыною,
Малые бровы сынею ожною.
Помалювавши, та лягла отдыхаты.
Прийшла свекруха невихну пробу-
жаты:

„Устанъ, невихну, устанъ, неробитнице,
Подий коровы, шо отъ батька нагнала,
Выжыны вивци, шо мате дарувала“.
„Ой, годи, маты, цымъ очи выбываты,
Я твоего сыночка не невольны браты.
У мене вивци—въ скрынцци у комирци,
А мои воли та коровы—
Биле лычко та чорніи бровы“.

* *

Веснянки.
1) „Та пора тоби вырбыца развыцця,
Та пора тоби, Иванко, женицця“.
— „Та ще мині жениться не пора,
Та ще моя дивчына молода,

Та нехай вона литечко погуля,
Та нехай вона кисоньку покоха“.
Встанъ же, Параско, раденько,
Та вмиль лычко биленько,
Та заплиты кисоньку дрибненько“.

2) „Иванко панычъ Первый павычъ,— Рано, рано Ранесенько. Иванко панычъ Щей Хведоровычъ,—	Рано, рано Ранесенько. А ему пара, Параска пава,— Рожа, рожа Червоная	По батющи Щей Ивановна,— Рожа, рожа Червоная“.
3) „Тай облоги, Та чоґо вы такъ рано облягы, Тай облягы? Тай обложылы насъ парубочки, Парубочки. Рубы, рубы, Иванко, комибочки, Комибочки; Та спускай виконця схиѣ сонця, Схиѣ сонця. Туды будуть соловейкы литаты, Та литаты;	Воны будуть хороше щебетаты, Щебетаты; Та дивку Наталку пробужаты, Пробужаты. Та вставай, Наталко, раненько, Та раненько; Тай умывай личко биленько, Та биленько; Тай залыты кисочку дрибненько“	
„Ой, мате моя, Малыновый цвѣтъ, На шо отдала,— Завязала свѣтъ,— За такого Нехорошого.	Очи плачуть, А я смѣюсь, Своѣму горю Тай не подаюся. Ой, горе, горе Шо я молода,	Шо я молода Якъ рыба вьла. Якъ рыба въ мори— А я въ гори, Якъ рыба въ пяску— А я въ тоску“.
„Спаты минѣ не хочѣцца И сонъ мене не бере; Пишовъ бы я до дивчины, Та не знаю, де живе. Попросю я товарища, Нехай мене одведе, А товарищъ кращый мене, Винъ дивчину одибѣ.	—Свиты, мисяцъ, свиты, мисяцъ, Свиты, ясная зоря, Просвѣтыжѣты дорожень- ку До мылаго до двора. А въ моѣго мылого	Кровать нова тесова, Кровать нова тесова, Подушечка пухова, Застелушка шовкова. —Лежыть мыла спочива, Лежыть мыла спочива, Щей дитыночка мала“
„Чы я впыла, чы я врыла, Чы мене пидлыто, Чы самъ козакъ Не стаѣть любыть, Чы ѣго отбыто. Ой, одбыла шука-рыба Одъ берега ряску; Одобрала дивчынонька Отъ козака ласку. А я тую дрибну ряску Збыру на запаску,	Такыжъ тому козаченьку Пидйду пидъ ласку. Навидала, кубельчко, Де утка несѣцця; Та почула черезъ людѣ, Вражый сынъ смѣецця. Смѣйся, смѣйся, вражый сыну, Колы довелосѣ; Колы мое биле личко Съ твоимъ понялосѣ.	Твое личко, якъ яблочко,— Мое, якъ малына, Руса коса до пояса, Сама чорнобрыва. Чоґо жъ зъ мене смѣятыся Що тоби зробыла? Хиба того, що такъ щиро Свыню полюбыла? Смѣйся, смѣйся, вражый сыну, Самъ посмѣхотъ будешъ;

Якъ дамъ тоби зъ тыха лыха, По вѣкъ не забудешъ. Хоть я не дамъ, хоть я не дамъ, Такъ дастъ моя маты; Будешъ же ты, вражый сыну,	Ще мене й прохаты. Смѣйся, смѣйся вражый сыну, За смѣхъ тоби буде: Симъ годъ трысяцѣ тру- сытые Тай смерти не буде; На постели лежатымешъ, * * * Ни до матушки, Ни до мылого Чернобрового. Запрѣгай, лакей, Тройку лошадей. Та якъ сядемо, Тай пойдѣмо У Кытай городокъ, Та на ярморокъ. Я куплю жонѣ Новый корабель, А за тотъ корабель Полтора ста рублей, Полтора ста рублей Щей съ полтыною.	Смерты бажатымешъ. Подай минѣ, стара маты, Съ кѣрѣи умывацця, Нехай зъ мене перестанѣ Те стерво смѣяцця“.
„Уси братчыкы Поженнымы, Вси товарищи Подружылыся, А я молодой Не женатъ хожу. Якъ посватавсѣ,— Тай утратысѣ, Якъ оженивсѣ,— Тай зажурывсѣ. Якъ узавъ жону Не по любви,— Ни биле личко, Ни чорни бровы; Ни до батюшки,	Ни до матушки, Ни до мылого Чернобрового. Запрѣгай, лакей, Тройку лошадей. Та якъ сядемо, Тай пойдѣмо У Кытай городокъ, Та на ярморокъ. Я куплю жонѣ Новый корабель, А за тотъ корабель Полтора ста рублей, Полтора ста рублей Щей съ полтыною.	Посалывъ жону, Самъ зъ дитыною. А корабль плывѣ— Ажъ вода рывѣ, А дѣтя плаче— Ажъ луна иде. —Воротыся мыла, Покорми сына. Не вернусъ, муже, Бо побывъ дуже, Якъ побывъ рублемъ Тай кочалкою; Щей зовешъ, подлець, Тай коханкою“.
„У поли, въ широкимъ раздолѣи, Вырослы два дубочка, Схлылыся верхы до купочки. Налынулы сиви голубочки, Йлы й пылы и врозъ политылы. А лѣтючи, ричи говорылы:	„Голубъ сывый, голубка сивыйша, Батько ридный, а мате ридныйша. Батько й мате та все для порады, А дружна для розмовы. Горько жыты парню молодому Та шей не женатому“.	
„А вчера тай зъ вечера Тры козаки прѣйшло: Одынъ Донскый, Другый Морьскый, Третій Черноморскый. Тай одинъ сыдѣть	Кинци столу, У скрипочку граѣ; Другый сыдѣть коло ѣго, Мелъ, вино кружаѣ; Третій сыдѣть на перыни, Дивчыну пытаѣ:	„Дивчынонька, повна рожа, Чы свататы гожа? —Козаченьку, барвыночку, Сватай хоть у недѣленьку,— Дивчынонька, повна рожа, Свататы не гожа“.
„Ой пидъ вышнею, Пидъ черешнею Сидѣвъ голубокъ Изь голубкою, Цылувалыся, мылувалыся Тай крылечкамы обнималыся;	Де не взявся сокиль Изь крутыхъ горъ, Голуба вбывъ, голубку вловывъ; Сховавъ голуба пидъ калыною, Голубку назвавъ винъ дружиною; Узявъ голубку за бѣлу руку,	

Повивъ голубку въ нову свитлоньку,
Насыпавъ пшеница по сами грудця,
Налывъ водыци—по колиночки.

Таже пѣсня 40 лѣтъ назадъ:

„Та пидъ грушницею,
Пидъ кудравую,
Та пидъ кудравую
Та шей кучерявою
Сидила пара голубивъ.
Цылувались,
Мылувались
Та своему жытю
Дывовались.
Та де не взявси
Стрилець-молодець,
Розбывъ—розлучивъ
Пару голубивъ.

Голуба вбивъ,
Голубку вловивъ,
Та взявъ голубку
За билу руку,
Та повивъ голубку
Въ нову свитлоньку;
Насыпавъ пшеницы
Повни свитлицы,
Налывъ водыци
Повни склянички.
А голубка гуде,
Йистоньки не йде.
Та гуды не гуды,

Йистоньки йды.
Хоть гуды не гуды,
А вжежъ мини
Не первый винецъ;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей мини
Другый молодець;
Хоть гуды не гуды,
Та вжей нагудешся,
Якъ уловимъ
Та прыбаркаемъ,
Та вжей схаминешся“.

Колыбельныя пѣсни.

1. „Коту, коту, котусю
Займы нашу телусю
Та пожены на пашу,—

Дастъ молока на кашу.
Будемъ кашу варить,
Будемъ (имя) кормить;

А дитиньчка маненька—
Вона ками раденька“.

* *

2. „А котыку, китку,
Та вкравъ котыкъ китку,
Та понись до Гали,
Положивъ на лави.

Стала Галя ката быты,
Стала Галя ката вчыты;
„Не вчысь, коту, красты,
Та вчысь робыты—
Черевычки шты

Та не наскии,
Та черкаськии,
Та не дороти
По три золотии“.

* *

3. „Котыку, котку
Не лязь на колодку,
Розибьдешъ головку.
Головка буде болать,

Ничимъ буде завертять.
Одна була хустыночка,
Тай ту дивыи вкраты
Та на куклы подраля.

Куколь наробылы,
Кота попобылы,
(Имя) розбудылы“.

* *

4. „А люлечки люли,
Налитыи гули,
Та силы на люли.
А люля скрипъ, скрипъ,

А (имя) спить, спить.
А люлечки, люлечки
Шовковыи вырвечки,
Малѣвани быльця,

Пишлы до Кырыльця;
А Кырылецъ ны гуля,
Черевычки поправля“.

* *

5. „А въ дивчыни Гапки
Смолянии лавкы:
Якъ сивъ, прикипивъ,
Вечераты не схотивъ.

Пишла маты заганыты;
Пидъ пилъ пидогнала,
Очкуръ перервала.
Очкуръ зъ бузыны

Матня съ пелены.
Тупу, тупу до дивокъ,
Найившыся ягидокъ“.

С н а з н и.

1) „Якъ жывъ собі Кóнонтъ, Уласъ та Антòнтъ. Пишлы вонѣ до пана коней красты. А у пана було семеро коней,—усимъ по пари, а одынъ лышний. Кóжному хочецьця взѣты лышнѣго коня, а Кóнонтъ и каже: „постойте, я пиду пана поспытало“. Пишовъ, откотывъ лакѣя отъ пана, лигъ на ёго мисто самъ и каже: „охъ пане, пане! а якъ я чувъ новынку: жывъ собі Кóнонтъ, Уласъ та Антòнтъ, пишлы вонѣ коней красты до пана; а у пана симъ коней,—усимъ по пари, а одынъ лышний. Кóму той лышний, Кóнонови?“ „Да, Кóнонови“, одвитывъ панъ. Взявъ Кóнонтъ трехъ коней, продавъ и пишовъ до дому.

Проснувся у ранци панъ, тай пыта лакѣя: „де ты минѣ казавъ—якъ жывъ собі Кóнонтъ, Уласъ та Антòнтъ“. А лакѣй каже: „ни“. Кóинулысь, а коней нема. Позвавъ панъ Кóнона тай пыта: „ты, Кóнонтъ, покравъ коней“. А Кóнонтъ каже: „я“. „Украдъ же у мене ще одного коня на конюшни“, каже панъ. „Украду“, отвѣтивъ Кóнонтъ и пишовъ до дому.

Поставывъ панъ на ничъ били коня, стороживъ. Четырёмъ давъ по нозѣ, пятому—хвистъ, шбстому—грѣву, сѣмому—голоу, а восьмому—повода. У ночи прыйшовъ Кóнонтъ, подававъ тимъ, що держалы нòгы, по дрючку, тимъ, що держалы хвистъ та грѣву,—прадыва, томъ, що державъ голову,—пенѣкъ, томъ, що державъ поводы,—мотузòкъ, а самъ сивъ на коня тай пойхавъ до дому. На другый день у ранци призывъ панъ Кóнона и каже: „украдъ у мене барыню“. „Гарно, каже Кóнонтъ, украду“. Чѣрезъ скѣлькись днивъ пойхала барыня въ городъ, а йихаты трѣба було лѣсомъ. Кóнонтъ узнавъ про це, побѣгъ у лѣсь и почепѣвся на вербѣ недалѣко отъ дорòгы. Побàчыла барыня и каже кучеру: „Слава Тобѣ Гóсподы—ужѣ одынъ Кóнонтъ повѣсывся“, а Кóнонтъ перебѣгъ та на другому сучкѣ почепѣвся. Барыня и каже: „ужѣ и другый Кóнонтъ завѣсывся. А ну, пидѣ, кучиръ, подывѣсь, чы и трѣтѣй Кóнонтъ повѣсывся“. Тилько кучиръ уставъ съ тарантаса, а Кóнонтъ сивъ на его мисто, отвѣзъ барыню до óзера и вкóнуувъ иѣ туда“.

2) „Чоловикъ волоче, а жыды свыни женуть. Взявъ винъ тай укравъ у ныхъ поросѣ; тилько ставъ ёго рѣзаты, кобыла злякалась, тай побѣгла до дому. Думавъ, думавъ виць, взявъ звя-

завъ домѣста оглѣбли, сивъ и спускаецця зъ горы. Жыды побачылы, що повозка йде сама безъ коня, прыйшли до ёго, тай кажутъ: „скільки твоя повозка стое?“ А винъ каже: „мирку зѣлота“. Отдалы жыды мирку золота, силы на повозку и пойхали. Повозка, якъ зыхала зъ горы, стала, а жыды, посердывшысь, пишылы, щобъ того чоловика убыты. Прыйшли до ёго, а винъ дома лежить на лавци и прѣтворывся що вмеръ. Жыды подывылись тай кажутъ: „догадався що вмеръ“. Жинка того чоловика взяла качалку, показала ии жыдамъ тай каже: „де ничего, у насъ е така качалка, що якъ ударымъ, такъ оживе“, и тыхенько вдарыла чоловика по животѣ, а винъ взявъ тай схватывся—неначе оживъ. Жыды подывовалысь на качалку и начали просыты, щобъ винъ имъ продавъ. Купылы жыды и качалку за мирку золота. Черезъ сколькось время захворавъ одинъ жыдъ и вмеръ. Жыды начали быты ёго качалкою, щобъ винъ оживъ, побылы всего, а винъ не ожива. Тогда жыды зговорылысь утопыты того чоловика, щобъ винъ ихъ бильшь не обмановавъ. Пишылы вони до ёго, а винъ приказавъ свой жинци, щобъ вона, якъ пидуть вони топыты его на мосту, запалыла ихни хаты. Жинка такъ и зробыла. Якъ побачылы жыды, що ихни хаты горять, бросылы ёго въ мишку на мосту, а самы побѣгли тушыты. Лежить винъ въ мишку, а тутъ йде панъ и пыта у ёго: „чоґо цѣ ты лежишь?“ А винъ каже: „я усѣмъ звѣрямъ и птыцямъ хазяинъ“. Панъ розвѣзавъ мишокъ, а винъ взявъ, посадывъ туды пана, вкынувъ ёго въ воду, сивъ на его коней тай пойхавъ. Жыды побачылы и стѣлы его пытаы: „де це ты такихъ коней набравъ?“ а винъ каже: „въ водѣ, ходѣть и вы набырайте“. Прыйшли на мистъ; узавъ винъ и вкынувъ одного жыда. Вода бульчыть, а жыды пытаютъ: „що це?“—„Та то винъ коней выберѣ“, одвитывъ винъ. „Ну, кидай-же и насъ скорийше“, сказѣлы жыды. Узавъ винъ и покыдавъ усѣхъ жыды въ воду, а самъ на те зѣлото, що у нихъ выманывъ, завывъ лавку“.

А. А. Тарпскій

2.—Сл. Ново-Астрахань.

Прошлое поселеніе.—Народный говоръ.—Шутовская пѣсня и побасенка.—Жилище, одежда и пища.—Болѣзни и заговоры.—Нравственное состояніе.—Обряды.—

Народная демонологія.—Присказки и пѣсни.

Слобода расположена на низменности, прилегающей къ лѣвому берегу р. Боровой, которая, направляясь отъ сѣвера къ югу, протекаетъ въ 1½ верстахъ отъ слободы. Среди слободы течетъ ручей, именующійся „Филевой Плотвою“. Сѣверо-восточный край слободы представляетъ болѣе возвышенную поверхность. Въ слободѣ много фруктовыхъ садовъ, берестовыхъ и вербовыхъ рощъ, придающихъ слободѣ очень красивый видъ. Его можно наблюдать съ возвышеннаго праваго берега р. Боровой, откуда вся слобода видна, какъ на ладони. Отъ Старобѣльска, сл. Ново-Астрахань лежитъ на разстояніи 30 в., на такомъ же разстояніи отъ Ново-Астрахани къ югу находится станція ж. д. Лисичанскъ; Луганскій литейный заводъ отстоитъ на 80 в. отъ Ново-Астрахани.

Происхожденіе сл. Ново-Астрахани ея жители объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ 106 тому назадъ здѣсь, въ необитаемой тогда мѣстности, поселился запорожецъ Гузь, привезшій на себѣ свое имущество, сложенное на двухколесной ручной повозочкѣ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ число жителей этой мѣстности увеличилось, и здѣсь образовался хуторъ, прозванный, по имени перваго, поселившагося въ немъ, Гузіевкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ переименованъ въ сл. Троицкую, получившую свое названіе отъ Троицкой церкви, а, по введеніи военнаго поселенія, слобода стала называться Ново-Астраханью отъ квартировавшаго въ ней въ то время Ново-Астраханскаго кирасирскаго полка. О прежнемъ привольѣ этой мѣстности рассказываютъ слѣдующее: крестьяне косили траву возлѣ своихъ дворовъ; сѣно въ копнахъ волокли въ огороды безъ возовъ; земляники здѣсь было такое множество, что ею окрашивалась обувь ходившихъ по травѣ. Во многихъ мѣстахъ были болота, гдѣ плодилось множество разной дичи; въ настоящее же время на тѣхъ мѣстахъ трудно бываетъ достать и воды, вся эта мѣст-

ность заселена, такъ что прежнія недослупныя болота безслѣдно исчезли.

Число жителей простирается до 2600 д. м. п. и до 2900 д. ж. п. По наружности жители нѣсколько угрюмы. Хотя слобода населена малороссами, но языкъ мѣстныхъ жителей не чисто-малороссійскій, а представляетъ смѣсь малороссійскаго съ великороссійскимъ. Здѣсь сказалось вліяніе сосѣднихъ селъ и деревень, наполовину населенныхъ великороссами. Въ говорѣ жителей замѣчается слѣдующее: звуки *о*, *е* измѣняются въ *и*: мость—мистъ, снопъ—снипъ, погъ—пипъ, плодъ—плидъ, стогъ—стигъ, ледъ—лидъ, окно—викно, говоръ—говиръ; *е* переходитъ въ *ѣ*: его—ѣго, синего—синѣго; *н* въ *и*: хлѣбъ—хлибъ, хмѣль—хмиль, мѣдъ—мидъ, успѣхъ—успіхъ, смѣхъ—смихъ; неударяемое *о* часто переходитъ въ *а* или въ *у*: горячій—гарачій, хозяинъ—хазяинъ, въ соборѣ—у суборі; звукъ *е* произносится твердо, напр., небо—нѣбо, трѣба, мѣна, сѣба; двери—двѣри; звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ *і*, напр.: шырѣкий, велѣкий, глыбѣкий; звукъ *ы* произносится также твердо, какъ и въ литературно-русскомъ языкѣ: выгинъ, лѣстя, пѣра, (перья) вырисъ (выросъ); звукъ *з* произносится, какъ *h*, за небольшимъ исключеніемъ, напр., фамилія Дараганъ—произносится Дараганъ; сочетанія: жа, ча, ша, шу, чу, жу и под. произносятся твердо.

При словообразованіи *з* переходитъ въ *ж*: ригъ—рижѣкъ, стигъ—стижѣкъ; звукъ *и* переходитъ въ *и* и *з*: лѣкы—лѣчне сіно, у лѣзи; звукъ *х*—въ *ш*: орѣхъ—орѣшокъ, грѣхъ—грѣшно; звукъ *дж* слышится въ словахъ: джирѣлъ, адже—жъ; встрѣчаются случаи удвоенія согласныхъ: биздѣлля, бизлѣддѣ, клоччѣ, высѣлля, гѣлла, зѣлля.

Крестьяне говорятъ: Ни втайся, коханочко, якъ у мишкѣ шило. Умырѣть—ны на визъ клѣсты. Мижъ сорѣкамъ—по сорѣчѣму, мижъ ворѣнамъ—по ворѣнѣму, а мижъ людѣмъ—по людѣскому.

„Ни, мамо, хотъ ны кажѣть“, говоритъ дочь матери: „а якъ ны по душі кнѣшій, такъ хотъ вы тутъ шо, такъ ны пийдѣ за нѣго“. Для иллюстраціи народнаго говора, приводимъ шутовскую пѣсню и побасенку.

Шутовская пѣсня.

Ожынясь щыголъ тай думае,
Шо жывься, утративъ тай жинкы
ны мае.
Сыдыть щыголъ на пынѣку у лодони
плеще:
Напиймося, найжмося, е ще.
Попылы й пойлы, смиху наробылы.
А вороны на той часъ коровай зли-
пылы,
Сорокы—прыданкы скачутъ поверхъ
лавкы;
Видна жъ наша головонька, нймае
кыбалкы (очипка).
А чайка кыгычить, на высилля клычыть,

А кулѣчка съ кулѣчкомъ на высил-
лячко разкомъ,
А чапелька красна на высилля ласа;
А пчолы та осы тай покусалы таплю.
„Тутъ буду почувати, до дому ны
втраплю“,
А пырыпыльця хату вымытае,
Сыдыть сова кинци стола, скося по-
глядае;
А сычъ на порози сыдыть на сторожи,
А дурный пугачъ бизъ памѣты лы-
жить на морози,
А комаръ у лиси гостей зазывае,
Чмилъ меду додае, зазовивъ ны мае.

Побасенка. „Якъ мы зъ дѣдомъ жылы, ще бѣтька на свѣти
ны булѣ; та булѣ у насъ двѣ пѣри волѣвъ чужыхъ, а третѣ ны
наша. Пойхалы орѣты мы, лѣды зъ волѣмы, а мы такъ зъ дѣ-
домъ. Ну, мы наорѣлы, а чумакамы іхалы, та нашу орѣнку на
колѣса й забрѣлы. А я дѣвчина тоді ны вылѣчка булѣ, та по-
бѣгла за чумакамы орѣнку збырѣты; назбырѣла ий повну пеле-
нѣ, приныслѣ до дѣда, тай роскыдалы мы ту орѣнку и насѣ-
лы грѣчки. Пишлы у недѣлю, а вона уродыла густѣ, а посе-
рѣдыни пустѣ, а по краямъ нымѣ ничѣго. Мы зъ дѣдомъ и по-
жалы, наклѣлы на кѣмини три скѣрты съ половѣною, а бо щѣй
далѣ. А у насъ булѣ гулевѣ худѣба—быкъ—воша; та якъ по-
бѣгла кѣло стѣга, якъ тырнѣцьця обѣ стигъ, тай звалѣла въ по-
мѣйныцю, а мы зъ дѣдомъ выкыдалы, выкыдалы снѣпыкы, та
тамъ вчынылы й замисѣлы, а бѣба напеклѣ бѣблыкивъ грѣча-
ныхъ. Повызлы бѣблыкы въ гѣродѣ продавати, хто кѣпе—ны
кѣпе, а бѣбу по плѣчахъ лѣпе. Попродалы бѣблыкы, узѣлы й
пойхалы до дѣму. Йидемъ до дѣму, бѣба барышы, щытае: „у ко-
гѣ барышѣ въ капшущѣ, а въ мѣне—мижъ плѣчѣма“. Прыйха-
лы до дѣму, а бѣтько тѣлько шо народѣвся та хѣде по хѣти
ны облѣзанный. Ну шо жъ тутъ ѣмѣ робѣть? Трѣба на ѣлицю
нысты, забавляты. Полѣзъ дѣдъ на дѣба яецъ дрѣты, бѣтька
забавляты; выдравъ двоѣ утѣчыхъ, прынісь до дѣму тай дума-
шо бѣ ѣго посадыты? Прыйшлѣ въ двѣрь чужѣ свѣня и завох-
талѣ. Мы ии посадылы, вона вылупыла двоѣ утѣтъ на дрѣтый
дѣнь. Мы ихъ выгналы въ черѣдѣ; у вѣчери прыхѣдять: одна

принесла глѣкъ молока, а друга—пидъ крыломъ пятака. На другій день мы надойлы повну хату молока и двѣри позачинялы и почалы масло колотыть. Выгналы два ополонка вверхъ масла, а останне масло въ погрибъ. А дали вже, якъ прыйдуть, такъ сыръ и масло самѣ пада въ погрибъ. Кинулысь въ погрибъ до масла,—ажъ воно зацвилѣ; мы давай ключкою тягты, та на тынъ вишаты просушуваты. Просушылы, на визъ склалы и рублѣмъ утяглы; запряглы чужого кабанѣ и волѣ и повызлы въ городъ продаваты, а дидъ пишовъ вперѣдъ мѣста одыраты, де зъ масломъ статы. Отъ идѣ я на мистокъ, а кабанъ та вилъ заспырылы: той туды, а той туды тягне, тай перекынулы масло въ грязь. Въ городѣ во вси дзвѣны по маслови дзвѣняты, а дидъ дума: де ны даромъ така трывога, колыбъ тамъ зъ масломъ чѣдъ ны случылось. Прыходѣ до масла, а ужѣ масло згасло, пырымшалося съ грязью. Плакалы, плакалы, у лодѣни ляпалы. А дидъ каже: пойдимъ въ Боровѣнку та кѣпымо бжолѣ. Прийхалы въ Боровѣнку, а чоловікъ зъ Варваривкы прививъ бжолѣ привязану до вѣза и пыхтырь, шо носѣ медъ до шѣи привязанный. Сторгувалы бжолѣ и йидимъ до дому. Прийхалы до дому тай послалы бжолѣ у Лозоватый за медомъ. Вона набрала повны пыхтырь ёдѣ и нысѣ до дому. И напалы ии шарою собѣкы и розирвалы, пыхтырь порвалы и медъ поийты. Якъ пышлы мы на другій день, ажъ лыжыть порвана бжолѣ и пыхтырь порѣжній. Такъ мы тодѣ прыйшлы до дому, запалылы хату тай попилъ розвѣялы, щобъ бѣтьковѣ ничѣго ны достѣлось. Ныхай собі дба.

Влѣяніе литературнаго языка сказывается въ появленіи новыхъ словъ: предъяснить, облокать, опынація, сторія, шланбовѣ (предъявить, адвокатъ, аппеляція, исторія, шлагбаумъ).

Хаты жителей преимущественно деревянныя, о четырехъ окнахъ: два на улицу и два во дворъ, обѣ одной комнатѣ съ сѣнями, а нѣкоторыя съ чуланами, устроенными въ сѣняхъ. Избы бѣлятыся снаружы и внутри бѣлою глиною или мѣломъ. Въ хатѣ около стѣнъ—двѣ лавки и „полъ“, замѣняющій кровать; въ переднемъ углу помѣщаются иконы съ висящею передъ ними лампадою, въ томъ же углу передъ лавками находится столъ. Передній уголъ по бокамъ иконъ оклеиваютъ полосками „шпа-

лерь“ или „квичаютъ“, т. е. раскрашиваютъ синькою и суркомъ. „Квичаютъ“ такъ-же нѣкоторыя и коминь печки, находящейся съ правой стороны при входѣ въ избу. При каждой печи устраивается лазная печь и лежанка, которая часто замѣняютъ кровать. Въ лѣвомъ при входѣ углу помѣщается шкафъ для посуды; для той же надобности надъ дверью или вверху на стѣнѣ придѣлываютъ полку. По праздникамъ около иконъ и вообще по стѣнамъ вѣшаютъ рушники, вышитые разными узорами. Передъ хатою бываетъ палисадникъ, гдѣ разводятъ деревья и разные цвѣты.

Дворъ огораживается плетнемъ; постройки во дворѣ большею частію хворостяныя и только у болѣе зажиточныхъ—деревянныя амбары для хлѣба; клуны для молотбы хлѣба устраиваются на столбахъ. Во время военнаго поселенія, хаты строили съ фронтонами, а въ настоящее время безъ фронтоновъ, а съ подташками на столбахъ (родъ балкона). Оконныя ставни и дверныя притулки окрашены красною глиною. Почти въ каждой хатѣ встрѣчаются одинъ или два крестообразно укрѣпленные подъ потолкомъ сволока.

Одежда. Еще недавно мѣстные жители не отличались изысканностью въ платьѣ, одѣвались очень просто: рубаха, запаска или дерга и свита—собственнаго издѣлія—составляли весь уборъ; въ настоящее время, не говоря уже о парняхъ и дѣвкахъ, которые, другъ передъ другомъ стараются блеснуть своими костюмами и пожилые покупаютъ для своего платья: мужчины на ченарки и шаровары, а женщины на сарафаны (юбки) и на юпки (кофты)—разныя матеріи у торговцевъ изъ лавокъ; дѣвушки почти всѣ лѣтомъ носятъ бѣлыя миткалевые съ бахромою по краямъ платки, а по праздникамъ повязываются шелковыми платками, сложивши платокъ навкося въ видѣ полоски шириною въ ладонь, и на боку прикрѣпляютъ цвѣтокъ, а въ косу вплетаютъ много лентъ. Женщины въ праздничные дни носятъ на головѣ парчевыя „очіпки“, которые, впрочемъ, уже выходятъ изъ моды, повязываются шелковыми платками, а по буднямъ носятъ недавно вошедшія въ моду капоры, стеганныя на пеньковыхъ клочьяхъ или на ватѣ. Верхняя одежда мѣстныхъ жителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, — свиты изъ

бѣлаго сукна, у мужчинъ съ двумя усиками, т. е. сборками, сзади, съ воротникомъ, обшитымъ по краямъ плисомъ, у женщинъ съ тремя усиками и верхнею полою, вышитою черными нитками. Зимой жители носятъ бараньи тулупы, часто домашнего издѣлія; а болѣе зажиточные и молодые носятъ купленные готовыми полушубки. Лѣтомъ мужчины носятъ картузы, причемъ они у парней отличаются бѣлымъ донышкомъ, чѣмъ у пожилыхъ; зимой носятъ шапки, „капелюхи“, сдѣланные изъ сукна и искусственного барашка. Обувь носятъ какъ мужчины, такъ и женщины щеголеватую, непременно съ высокими подборами и на подковкахъ. У женщинъ лѣтомъ открытые башмаки. Щеголеватость въ костюмахъ мѣстными жителями занесена изъ донскихъ мѣстъ, куда они на лѣто уходятъ на заработки. Стоимость наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго, простирается приблизительно до 25 р.

У болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ жителей въ скоромные дни пищу составляютъ—свиное сало и молоко, а осенью—баранина; у бѣдныхъ пища въ мясоѣды почти ничѣмъ не отличается отъ постной. Постная пища жителей состоитъ изъ хлѣба, картофеля, соленья и капусты. Вообще пища жителей, вследствие неурожаевъ и скотскихъ падежей,—вмѣстѣ съ оскуднѣніемъ матерьяльныхъ средствъ, становится годъ отъ году все однообразнѣе и скуднѣе.

Такъ какъ сл. Ново-Астрахань занимаетъ низменную мѣстность, то изъ болѣзней болѣе всѣхъ здѣсь развита малярія; кроме того, вследствие дурнаго питанія населенія, распространено желудочно-кишечное расстройство. Не смотря на то, что въ послѣднее время мѣстные жители стали гораздо довѣрчивѣе относиться къ медицинскому персоналу и почти всѣ при болѣзняхъ обращаются къ нему за помощью, многіе изъ нихъ прибѣгаютъ къ мѣстнымъ народнымъ средствамъ. Такъ, при боли живота завариваютъ „сѣяшныци“, „скыдають глѣчки“, шепчутъ отъ „завійной“, пьютъ сокъ полыни и деревей, разведеннаго съ водою и солью, выливаютъ „вѣлосъ“ при нарывахъ, шепчутъ при испугѣ отъ „переполоху“, а также отъ вывиха и зубной боли, дѣтямъ отъ бессонницы, отъ укушенія змѣи; шепчутъ и отъ кровотеченія и отъ „прозѣру“ (если кого сглазятъ) и проч.

„Завариваніе сѣяшныци“.—Берутъ глиняный кувшинъ, кладутъ въ него немного конопли и зажигаютъ; на животъ больного ставятъ миску съ водою, переворачиваютъ кувшинъ въ миску и ставятъ вверхъ дномъ, туда же въ миску кладутъ ложку, ножъ и веретено; въ то время, какъ вода, kloпоча, поднимается въ кувшинъ, бабка беретъ изъ миски поочередно ложку, ножъ и веретено и чертитъ ими крестообразно на днѣ кувшина. Огонь въ кувшинѣ быстро гаснетъ. Бабка снимаетъ кувшинъ, прибавляетъ конопли и, зажегши, опять ставитъ кувшинъ въ миску и повторяетъ крестообразное черченіе ложкой, ножомъ и веретеномъ на его днѣ. Тоже самое дѣлается и въ третій разъ. Затѣмъ даютъ больному пить изъ миски крестообразно воду съ солью и даютъ ему животъ вынутымъ изъ кувшина и обмакнутымъ въ деготь ключемъ. Все это дѣленіе сопровождается словами: „Сѣяшныци витрянны и глазны, зъ сѣрыхъ глазъ и карыхъ глазъ и прозѣрни, и водяны, и простудни. Матери Божій, Миколая угодныка и всихъ святыхъ просю пособыты, помогты новорожденному, крещеному (имя больного)“.

„Завійна“.—Берутъ качалку, ставятъ на столъ вертикально и закручиваютъ, какъ будто что растирая, при этомъ говорятъ: „Завійна глазна, завійна прозѣрна, завійна водяна, завійна витряна, завійна полунѣшна. Матери Божій, Царьци небесной и всихъ святыхъ просю и молю пособыты новорожденному, крещеному, старому (имя)“. Послѣ этого бабка обмакиваетъ въ деготь тряпочку и, обсыпавши ее солью, прикладываетъ къ пупу больного.

Взять деревянное ведро, поставить на порогъ вверхъ дномъ, потомъ налить на дно воды, положить „жару“, (раскаленныхъ углей) пшена, соли и говорить: „Ты, завійна, витряна, стрѣжна, зыдына, прозѣрна“. Затѣмъ составомъ, находящимся на днѣ ведра, крестообразно напоить больного и, обмакнувъ пальцы въ эту жидкость, провести ими по животу больного.

Отъ боли живота еще пьютъ растертое свяченное пшено или чернушку съ водою и солью. Больныхъ „супротивникомъ“ (конвульсіи) кормятъ „дарникомъ“ (артосъ) и подкуриваютъ херувимскимъ ладаномъ.

Отъ „переполоху“. Прежде всего нужно посрѣзывать съ рукъ и съ ногъ ногти, потомъ постричь крестообразно волосы на лбу, на затылкѣ, съ праваго и лѣваго висковъ; тогда поставить больного у двери къ притолкѣ и въ томъ мѣстѣ, куда доходитъ голова больного, просверлить дырочку, положить въ нее, закатанные въ воскъ страстной свѣчи, срѣзанные ногти и волосы и забить осиновымъ колышкомъ со словами: „выкликаю и вызываю изъ парожде́ного раба Божьего (имя)—супостата, дьявола и заклиная!“ Дѣлать это непременно нужно въ субботу, когда выходятъ изъ вечерни.

„Выливаніе „переполоха“ на воскъ“. Бабка идетъ „по-воду“ и, пришедши къ колодцу, говоритъ: „Здравствуй, вода Ульяна и земля Тытяна, я пришла до тебе воды набрать и здоровья попытать“. Набираетъ воды и несетъ домой. За водой бабка идетъ до свѣта, чтобы набрать „непоча́той“ воды. Наливаетъ въ миску воды и, растопивши воскъ, выливаетъ его въ воду со словами: „Выливайся, переполохъ, на доро́гу, на очерета́, на болота́, на густы́и миста́, де лю́ды ны ходя́тъ, чолові́чий гла́съ ны захо́де; и батькі́вський и мате́ринський, денно́й и но́щно́й, полуно́щный, диді́вський, бабівський, крыля́щий и трепета́щий, до христы́янына ны досту́пты, и кро́вы ны побу́шувать и кости ны зломы́тъ, пѣ́щи ны отбѣ́тъ и христы́янского тѣ́ла ны стрыво́жить“. Въ началѣ и въ концѣ читается молитва: „Да воскреснетъ Богъ“.

„Выливаніе переполоха на олово“. Растопить олово, вылить въ воду, говоря: „выходи́, переполохъ, съ головы́, съ ко́сты, съ мо́зку, съ ру́сыхъ волде́съ, съ бі́лого лы́ца, съ тво́его се́рца, я тебѣ́ за́клинаю на очерета́хъ и на болота́хъ, на густы́хъ ли́стахъ, де лю́ды не ходя́тъ и чолові́чий гла́съ не захо́де“.

„Выливаніе переполоха на айцо“.—Взять куриное айцо, покачать имъ по лицу, головѣ и всему тѣлу больного со словами: „Тутъ тоби́ не сто́яты, жо́втои ко́сты не лома́ты, чы́рво́ной кро́ви не пѣ́ты, щы́раго се́рца не вя́лыты, бі́лого тѣ́ла не сушы́ты, креще́ного, ро́ждено́го раба́ Божьего“ (имя). Затѣ́мъ взять стака́нъ съ водою, поставить на голову больного и на поро́гъ выпустить бѣ́локъ айца въ воду; тогда смотре́тъ въ стака́нъ: если больной не выздоровѣ́тъ, то въ стака́нъ пока́жется изображе́-

ніе священника или могилы, а можетъ показаться и тотъ предметъ, который причинилъ испугъ.

Заговоръ при кровотеченіи. „Господы, поможь отъ кро́ви шепта́ты и мо́лы́тву чыта́ты: Оче́ нашъ“. Прочитавши эту мо́лы́тву, бабка говоритъ: „Ййхавъ дидѣ́ старъ, пидѣ́ нымъ кинъ каръ, а ты чы́рво́на кро́вь стань. На мо́ри два брата́ сичу́щця, руба́ющця, сестра́ прыйшла́, кро́вь ны пишла́“. Эти слова проговори́ть 3 раза.

Отъ „прозо́ру“ (сглазъ). Въ миску налить воды, поставить на столъ и говорить: „Господы, поможь отъ прозо́ру шепта́ты и мо́лы́тву чыта́ты: Оче́ нашъ“. Потомъ бабка говоритъ: „Во́да бигу́ча, во́да котю́ча и во́да Гора́нська бере́гы потопѣ́ла и лу́гы поломы́ла, наро́ждено́му, мо́лы́твяно́му, креще́ному (имя) уро́кы отхо́дыла, а уро́кы во́дяни́, витря́ни и прози́рнии. Во ви́ки ви́ковъ. Ами́нь“. Проговоривши эти слова три раза, умываютъ больному крестообразно лицо, руки, грудь, ноги, затылокъ, мочатъ голову и даютъ больному пить крестообразно изъ миски воду. „Присвята́я Богоро́дыця, вы́лыкая по́мошны́ця, св. Микола́й уго́дникъ, ско́рый по́мошникъ, святы́и апо́столы, ста́ньте на по́мочи, Ки́ивськи, Охти́рськи, Пече́рськи, Святого́рськи, св. Митрофа́нъ Воро́нижський, ве́лыкий по́мошны́ку, Ма́терь Бо́жа дво́хру́чна, тре́хру́чна, по́можите, благосло́вите одѣ́ уся́кой боли́зни, отъ уро́кивъ. Вы вро́кы, вро́чыща, витря́ни, во́дяни́, супро́тивни, спы́тѣни, зы́дыни, мужы́цьки, хло́пьячи й дивча́чи, тутъ вамъ ны сто́яты, щы́рого се́рца ны тошны́ты, жо́втои ко́сты ны лома́ты, чы́рво́ной кро́ви ны пѣ́ты. Хрыста́мы забыва́ю, мо́лы́твамы вы́клекаю́, вызыва́ю съ тво́ихъ плы́чей, съ тво́ихъ ру́къ, съ тво́ихъ ны́гъ, съ тво́ихъ па́льцевъ, съ тво́ихъ се́мьдеся́ты сустави́въ, съ тво́еи голо́вы. Иди́тъ собі́, вро́кы, вро́чици, на очерета́, на болота́, на гны́ли коло́ды, де й ви́теръ не захо́де, дей пѣ́вни не спива́ють, де й о́гнь ны горя́тъ, ла́даны не ку́рятъ, христы́яньский гла́съ не захо́де. И во ви́ки ви́ковъ. Ами́нь“.

Какъ „скидають глечи́ки“.—Животъ больному смачиваютъ и натираютъ мыломъ, на то мѣсто, гдѣ должно ставить кувшинъ, кладутъ немного гу́щи изъ хлѣ́бного квасу, вырѣ́зываютъ кру́жочекъ изъ корки хлѣ́ба, и, укря́пивши въ мякишѣ́-по сере́динѣ́ небольшо́ую воско́вую или са́льную свѣ́чку, кладутъ на жи-

вотъ сверхъ гущи, зажигають свѣчку и ставятъ на это мѣсто перевернутый кверху дномъ кувшинъ. При этомъ шепчуть, какъ отъ прозору.

„*Выливаніе волоса*“. Беруть 27 ржанныхъ колосьевъ, кладутъ на нихъ больной палець, или вообще больную часть тѣла, льютъ сверху теплую воду и говорятъ: „Лыйся, волосъ, на колосъ, водяный, витряный, прозирный, подуманный, погаданный, пидстриженный. Тутъ тобі ны стоять и ны бывать, а жовтои кóсты ны ломыть, и бѣлого тѣла ны сушыть, и червóной крóвы ны мути́ть, и сустáва ны круты́ть“. Эти слова проговорить три раза.

Отъ „*колики*“. — Взять ножъ, слегка дотрогиваться имъ до больного мѣста и говорить: „Колóчка водяна и витряна, прозирна и подумана и погадана, пидстрижена, спытена, зыдына, отъ лыха и отъ чоловіка, и отъ робóты, и отъ усякои забóты. Во віки виковъ. Амѣнь“.

Отъ *нишныцъ* (бессонницы) у дѣтей. — „Гóсподы, поможы отъ нишныцъ шептáты, молы́тву читáты: Отче нашъ“ и т. д. Потомъ бабка говоритъ: „Дра́стуй, дубе, въ тебѣ сынъ Максѣмко, въ мене дочь (имя ребенка), ныспывка; возьми собі нишныци, ныспывци, шо ны сплять дѣнно и нóшно, я ихъ изсылаю на очеретá и на болотá, де кúры не спивáють и собáки не брѣшутъ и дытáчий голосъ не захо́де“ (3 раза).

„Чóрнии кúры, били кúры, зозулясти кúры и семенáсти и сидлáсти, возмите крыклывца, плаксы́вца, и подумани, и погадани, и помы́слени, наслáни, переслáни, и сонцевѣ, и дощевѣ, витрянѣ, тутъ тобі не стояты, щѣрого сѣрця не тошныты, жóвтои кóсты не ломыты, пиды собі де гýлля недýлля, де гýсы не ходять, де людскый гласъ не захо́де. Кúры, кúрыци, возьми́ть отъ хрещёной, молы́твяной (имя) нишныци“ (3 раза).

Отъ „*бышыхи*“ (рожистаго воспаленія). — „Прыйды, Гóсподы, помогáты, отъ бышыхи шептáты. Бышы́ха, бышы́ще, боля́чка, болячы́ще, нежыть, нежыты́ще! — и подумана, и погадана, и помы́слина, и наслáна, тутъ тобі не стояты, щѣрого сѣрця не тошныты, чырвóной крóви не пыты, жóвтои кóсты, не ломыты, пиды собі, де гýлля нидýлля, де людськый гласъ не захо́де. Бышы́ха туркѣня, бышы́ха нимкѣня, бышы́ха прýська, бышы́ха

жыдóвська и нехрещёна и немолы́твяна“. Эти слова сказать 9 разъ, а потомъ еще 3 раза.

Заговоръ отъ зубной боли: „Звиръ у пóли, кáминь у мóри, а мѣсяць на нѣби, — и пособыты новорождёному, крещёному, старóму (имя). Колы ци три браты зйдуцьця, тоды у новорождёного, крещёного (имя) зúбы болы́тмуть. Новорождёному, крещёному (имя) червáмъ роты замовляты, шобъ ны зудылы въ зубáхъ“.

При рожденіи мѣсяца надо выйти на дворъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ увидишь луну, остановиться и проговорить 9 разъ слѣдующее: „Молоды́че, молоды́че, чы бóув ты въ старóго, чы боля́ть зúбы у мёртвого? Якъ у мёртвого ны боля́ть, то такъ и у (имя) не болы́лы и не щемы́лы, и закамьянылы“.

Отъ *вывиха*. Направлять свихнутую руку или ногу и говорить: „ишла корóва чѣрезъ мистъ, — золотѣ рóгы, золотѣ нóгы, золотѣ зúбы, золотѣ гúбы, золотый и хвистъ. Иscyлы, Гóсподы, свихнýтую, злóмленую, стревóженую кистъ“ (9 разъ).

Отъ *бѣльма*. „Ййхавъ Юрѣй на конѣ, за нымъ бѣгло три хорты, оды́нь сѣрый, дрýгый бѣлый, трѣтій чóрный. Сѣрый склыка́е, бѣлый сзыва́е, а чóрный злы́зуе, бѣлый склыка́е, чóрный сзыва́е, а сѣрый злы́зуе, чóрный склыка́е, сѣрый сзыва́е, а бѣлый злы́зуе“ (9 разъ).

Отъ „*свырблячки*“ (крапивной лихорадки): „Прысвятáя Богорóдыце, велы́кая помóщныце, поможы, Гóсподы, цю свырблячку зигнáты, зислáты на очеретá, на болотá, де огнь ны горáть, де лáданы ны курáть и херувѣмскый ладанъ ны захо́де“ (9 разъ).

Отъ „*простуды*“. Покупаютъ въ лавкахъ декохтъ, леверъ, калганъ, бѣлый инбиръ, рожки, варя́ть все это въ кувшинѣ, накрытомъ деревяннымъ кружечкомъ и замазанномъ тѣстомъ. Лѣкарства этого даютъ пить въ сутки не менѣе кварты. Курсъ лѣченія 12 дней. Если же больной послѣ перваго курса не выздоравливаетъ, то лѣчится до 24-хъ дней и до 30. Раны при этомъ засыпаютъ мѣдянкой, а потомъ и прикладываютъ мазь, состоящую изъ свиного и бараньяго сала, ладану, воску, смолы и глицериноваго мыла.

Отъ *укушенія змѣи*. Давить укушенное мѣсто пальцемъ и говорить: „на Есѣ́анскый горѣ совѣ́няче гниздо́, а въ тѣмъ гнизды́ цары́ця-совѣ́ця, выймай свои слúты, выймай свои зúбы, сѣ-

ри й били, смугнасти, полосасти, хатни, загатни, лугові, лисові, зымляні и водяні и жовти жовтяниці“ (9 разъ).

Въ чистый четвергъ крестьянки до свѣта придутъ на порогъ, причемъ веретено крутятъ не въ ту сторону, какъ обыкновенно, а наоборотъ, къ себѣ. Напряденную пряжу сматываютъ на клубокъ и сохраняютъ на случай; если у кого изъ семьи заболитъ рука или нога въ суставѣ, ея перевязываютъ больное мѣсто.

Народное лѣчение „шептаниємъ“ имѣетъ, по всей вѣроятности, нѣкоторое сходство съ лѣченіемъ путемъ внушенія. При немъ также требуется наличность извѣстныхъ, часто субъективныхъ, свойствъ. Шептаніе только тогда приноситъ пользу, „якъ кровь (шептухи) пидъ кровь (больного) пидийде, або волося пидъ волося“.

Для лѣченія скота у мѣстныхъ жителей имѣются также свои средства: шепчутъ отъ перелоговъ, отъ бѣлыма; заговариваютъ кровь, при „чмырѣ“ въ уши больному животному задуваютъ соль и проч.

Отъ „перелогивъ“.—Перевязываютъ больное животное вѣнчалнымъ поясомъ и покрываютъ рушникомъ, въ которомъ святятъ пасхи. Обводятъ вокругъ животного мужскою шапкой.

Заговоръ отъ „перелогивъ“: „Господы, поможы отъ перелогивъ шептаты, молитву читаты: Отче нашъ и т. д. На мѣри на окияни, на острови Буяни тамъ стоявъ дубъ Хвильпъ, а на тимъ дуби тридевять гниздѣй; де не взялыся тридевять орлѣй, розгныздѣлы, розносѣлы; перелогы чѣртови въ рѣгы отъ егѣ (название масти больного животного), отъ червѣной крови, отъ егѣ пѣльцивъ тридевять суставцивъ. (При этомъ надо дунуть и плюнуть, а потомъ продолжать). Водяні, витрянї, подѣмани, погѣдани, пидстритынни, во віки викѣвъ. Аминь“. *Отъ „перелогивъ“ рогатому скоту:* „Пидъ горою груша стояла, пидъ грушою прыстѣла стоявъ, на прыстѣли Сусъ Хрыстѣсъ спочывавъ и перелогы топтавъ: стрѣтынни, зыдыни, прозирнї, витрянї, водяні“ (9 разъ). *Отъ перелогивъ лошадямъ:* „Поможы минї, Господы, и вси святїи и св. Харлампїй. Сыдытъ Богъ и Онисїй, Богови пѣлка, а Онисїеви шапка, а чѣртови перелогы“. *Отъ бѣлыма:* „Ййде св. Юрїй чѣрезъ золотый мистъ на бѣлимъ конї, а за нымъ 12 хор-

тивъ, одынъ бижытъ, бильмѣ лыжить, другый бижытъ—бильмѣ лыжить“ и т. д., пока не скажутъ 12 бѣжытъ—бильмѣ лыжить“.

Эти слова говорятъ три раза, подошедши къ больному животному. „Заговариваютъ кровь“ у скота слѣдующими словами: „На Есианський горї, на зымлі на Тѣньський, тамъ два брата сичѣцця, рубаѣцця, прыйшовъ до ныхъ Исусъ Хрыстѣсъ и Мѣтырь Бѣжа: ны сичѣцця, братци, ны рубѣйтися, якъ бѣдете сиктыся, рубѣтися, то такъ Вамъ бѣде, якъ у нѣдїлю дрова рубѣты, а жїнци сорочкы выкыдѣты. Во імѣ Отца и Сїна и Св. Дѣха. Аминь“.

На Симона Зилота (10-го мая) рвутъ деревьевъ, рѣзакъ, полынь, который употребляютъ отъ лихорадки, филильникъ и при этомъ заговариваютъ: „Рву деревїй, ризакъ и проч. для мїра хрещѣна“. Деревей и рѣзакъ сушатъ, варятъ и потомъ, посоливши, пьютъ при боли живота. Лопухъ употребляется при опухоляхъ: имъ парятъ, предварительно сваривши его. Пидбилъ (мать-мачиха) употребляется при опухоляхъ у скота, какъ и лопухъ. Корень рухъ-травы копаютъ въ день св. Руїни (2 сент.), варятъ и даютъ пить страдающему болѣю въ животѣ.

Набожность, соблюденіе постовъ и другихъ обрядностей и порядковъ церкви уживается съ довольно усерднымъ посѣщеніемъ общественныхъ мѣстъ винопитїи и буйствомъ или драками въ компанїи и особенно въ семействѣ.

Промысловые торговые люди, изъ временно проживающихъ здѣсь, значительно развитѣе кореннаго населенія, занимающагося земледѣліемъ. Часть коренныхъ жителей ежегодно отправляется на заработки на р. Донъ; остающїеся дома занимаются извозомъ хлѣба на желѣзную дорогу въ Екатеринославскую губ., оттуда привозятъ уголь, соль, алебастръ, иногда рыбу и пр.

Вслѣдствіе нужды и погони за большими заработками, которые весьма часто не оправдываются, въ послѣднее время вошло въ обычай съ наступленіемъ весны посылать огуломъ почти всѣхъ молодыхъ парней и дѣвокъ на заработки на все лѣто и вообще на все рабочее время до Покрова Пр. Богородицы и даже нѣсколько далѣе. Этотъ обычай крайне дурно влїяетъ на нравственную сторону молодежи: таскаясь все это время вѣдѣ дома, по разнымъ мѣстамъ, молодежь окончательно портится;

парни возвращаются разнузданными, съ дикими и грубыми привычками и приемами, а дѣвки возвращаются домой почти сплошь развращенными, падшими созданіями. Весьма желательно, чтобы подобная отправка дѣтей, которая едва только поднялась на ноги, и въ особенности дѣвушекъ, въ неопредѣленные мѣста, на произволъ судьбы, была приостановлена. Вопросъ этотъ настолько серьезенъ, что, по мнѣнію мѣстнаго священника, правительству надлежало бы обратить на него самое усиленное вниманіе.

До введенія мировыхъ учрежденій, положеніе женщины въ семьѣ было крайне тяжело и унизительно; женщинъ безпощадно били всѣ, особенно такъ называемыхъ невѣстокъ, не опасаясь никакой отвѣтственности за это. Съ этого же времени семейное положеніе женщины улучшилось до весьма значительныхъ размѣровъ, и ея общественное положеніе возвысилось, не въ смыслѣ вліянія или участія въ дѣлахъ общественного управленія, а вообще въ томъ кругѣ дѣятельности, какой женщина занимаетъ среди народонаселенія, какъ добрая совѣтница, помощница и даже, въ иныхъ случаяхъ, распорядительница въ бытовомъ хозяйственномъ положеніи мужчинъ.

Родители со свойственною имъ любовью относятся къ дѣтямъ, заботятся о нихъ, стараются воспитать добрыхъ христіанъ и трудолюбивыхъ и полезныхъ членовъ семьи и общества. Что же касается дѣтей, то частыя отлучки ихъ на заработки, къ сожалѣнію, подрываютъ добрыя отношенія ихъ къ родителямъ. Находясь долгое время внѣ семействъ и вращаясь среди разнаго сброда, они теряютъ страхъ Божій и, забывая обязанности свои къ родителямъ, обнаруживаютъ непочтительность къ нимъ и охлажденіе къ роднымъ; на это приходится весьма часто слышать скорбныя и горькія жалобы родителей.

Перехожу къ народнымъ **обрядамъ**. Если *родится* неживой ребенокъ, то его „откликаютъ“: если мальчикъ, то кричатъ на ушко ребенку мужскія имена въ семьѣ, если же дѣвочка, то женскія. При завязываніи пуповины у родившагося, повивальная бабка говоритъ: „пупъ завязую, а умъ розвязую“. На третій день послѣ рожденія ребенка больная сливаетъ воду на руки бабкѣ, а бабка больной. За водой для этого ходитъ сама

бабка. Пришедши къ колодцу и набирая воду; она говоритъ: „Изъ усыхъ гирь, изъ усыхъ джирйль (родниковъ) вода въ колодязи прибавляецця; у новорожденной, молитвенной (имя больной) шобъ такъ покормъ для дытаты прибавляеся“.

Когда *умретъ* человѣкъ, то въ томъ домѣ ставятъ на окно въ стаканѣ медъ, который стоитъ до 40 дней, затѣмъ дѣлаютъ коливо и поминаютъ покойника. У мѣстныхъ жителей есть обычай „причитать“ надъ покойникомъ. Если, напр., умретъ женщина, оставившая дочь сироту, то послѣдняя, хороня мать, такъ голоситъ: „Моя нѣнько, моя риднѣнька, моя зозуленька сывѣнька, колы жъ я тебѣ буду въ гѣсти дожыдаты? (Если время подходитъ къ Свѣтлому Празднику): Стѣжки, дорѣжки водою зальюцца, (а къ Троицѣ:) стѣжки, дорѣжки травѣю заростутъ. Та я жъ буду ходыть, та я буду розгортать, свой нѣньки стѣжычку шукать; а соловейка дождѣ, бѣде щебытатъ, а моѣи жъ нѣнькы нымъ, ни съ кымъ минѣ бѣде розмовлять. И зозуленька сѣва бѣде куваты, а менѣ моя нѣнька не бѣде пытаты: якъ моя жизнь невесѣла, горькая и тѣгосная безъ нѣньки риднѣнькой“.

На первый день Рожд. Хр., вечеромъ парни и дѣвки ходятъ по хатамъ и *колядуютъ*, причемъ, подошедши къ хатѣ, говорятъ: „Бѣже, дай вѣчиръ добрый! чи заколядоваты?“ Если изъ хаты отвѣтятъ, чтобы колядники колядовали, то они поютъ: „Пане, господарю, застылай столы, посвѣты свичи, клады калачи, бѣде до тебѣ трѣе гостей: пѣрвый гость у св. Рождество,—радѣсть прыныслѣ, друтый гость у св. Васѣля,—зъ Нѣвымъ гѣдомъ, трѣтье Рожество—Иванъ Хрыстѣтель воду охрыстѣвъ. Дѣйте перигъ дѣвгый, бизъ рукъ, бизъ нигъ, шобъ ны втикъ у снигъ. Бѣже, дай вѣчиръ добрый.“

При этомъ колядникамъ даютъ деньги, пряники, пироги и т. п.—Въ послѣднее время уже немногіе колядуютъ. Подъ Новый годъ дѣти ходятъ по хатамъ и говорятъ:

Мыланка ходе,
Васылечка просе:
Васылечку татку,
Пусты мене въ хатку,
Я жыта не жала,

Чесный хрестъ держала.
Радуйтѣся, людѣ,
До васъ Хрыстѣсь буде.
Богу свичку ставте;
А намъ пѣригъ дайте.

„Щидровка“ также выходитъ изъ обычая. На Новый годъ мальчики ходятъ по хатамъ и посыпаютъ различными хлѣбными зернами со словами: „А въ полі, полі самъ Богъ хѣде, а Бѣжа Мате йісты носыла, Бѣга просыла: уроды, Бѣже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю. Зѣ колоска жмѣнька, а зѣ снопа мірка. Здрѣвствуйте, зѣ прѣздыкомъ, зѣ Велыкымъ Васіліемъ“.

Въ періодъ времени отъ всеядной недѣли до масляной, дѣвки „водятъ козла“: берутся за руки, и крайнія съ одного конца начинаютъ проходить подъ руками двухъ дѣвушекъ, стоящихъ на другомъ концѣ этой цѣпи, пока не пройдутъ всѣ, потомъ вывертываются и повторяютъ тоже самое. При этомъ поютъ:

„По ульци драбына, драбына, Тамъ Тятинка ходыла, ходыла, За собою Павлечка водыла. «Постой, постой ты Тятинко не тикай, Бо я тебе дожыну, дожыну И якъ тоби русу косу роспустю, роспустю».	«Бодай же ты, Павлечко, не джидавъ, Шобъ ты мині русу косу роспускавъ, Бо ты жъ мині ии не кохавъ И що суботоньки не чысавъ, Що—недильньки не зряжавъ, А я косу кохала И що—суботоньки чесала, А що недильньки зряжала».
---	---

Когда *садытъ капусту*, дѣлаютъ такъ: посадивши на каждую грядку первый стебелекъ разсады, накрываютъ его ведромъ, которое остается тамъ до тѣхъ поръ, пока не засадытъ всей грядки. По народному мнѣнію это значить: какъ велико ведро, такой величины долженъ быть каждый качанъ капусты. Въ день пр. Ильи у мѣстныхъ жителей есть обычай до свѣта идти на огородъ и, пригнувши молодые листочки капусты, говорить: „Св. Илья, завывай голова“.

Существуютъ обычаи *при посѣвѣ и жатвѣ хлѣба*. Въ среду на четвертой недѣлѣ Великаго поста крестьяне пекутъ изъ тѣста кресты и кладутъ ихъ въ закомъ съ пшеницею, гдѣ они сохраняются до времени посѣва. Когда сѣютъ пшеницу, то берутъ съ собою въ поле эти кресты и кладутъ ихъ по угламъ назначенной для посѣва нивы. Въ началѣ работы и по окончаніи ея кладутъ по три земные поклона и говорятъ: „Роды, Бѣже, жыто, пше-ныцю, всяку пашныцю на всякого дѣла“.

При жатвѣ хлѣба, первый сжатый снопокъ кладутъ на возъ и везутъ домой, обмолятъ и полученные зерна и солому упо-

требляютъ, какъ лѣкарство, при боли въ груди и горлѣ; зерна варятъ и дѣлаютъ припарки, а наваръ соломы пьютъ. Последній снопокъ пшеницы, когда кончаютъ жатву, привозятъ домой, вносятъ въ хату, кладутъ на столъ и говорятъ: „нате вамъ, тѣту, и вамъ, мамо, обжыношны винѣкъ“.

Повѣрья. По мнѣнію болѣе пожилыхъ мѣстныхъ жителей, которые еще вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, упырей, вовкулакъ, водяныхъ русалокъ и пр., вѣдьма часто является въ видѣ собаки, свиньи, лошади, гуся, копы, двигающейся по улицѣ, или катящегося клубка, иногда въ видѣ палки, которая бьетъ встрѣтившагося человѣка по ногамъ, катящегося колеса, или наконецъ, женщины съ распущенными волосами.

Коровъ доить вѣдьма ходитъ больше собакою, а доенку не-сетъ въ зубахъ; потомъ становится женщиною, сдаиваетъ корову и спѣшитъ уйти, пока запоятъ пѣтухи: вѣдьма боится, чтобы не поймали ея. Вѣдьма часто перевязываетъ дойки конскимъ волосомъ и такимъ образомъ портитъ коровъ, такъ что у нихъ не стаетъ молока.

Привожу нѣсколько разсказовъ. У одного крестьянина была испорчена корова. Пригласили знахаря, который лечитъ коровъ. Знахарь велѣлъ набрать изъ трехъ колодезей воды въ 1 ч. по-полуночи. Утромъ на другой день, когда пришолъ знахарь, то потребовалъ эту воду, обмылъ ею всю корову, сбрызнулъ ее свяченою водою и, вынувъ изъ кармана найденный имъ на доро-гѣ сучекъ съ дырочкой, началъ сквозъ дырочку сучка доить корову. Знахарь не хотѣлъ указать вѣдьму, испортившую ко-рову, а сказалъ, что она сама прійдетъ, какъ только сдоенное молоко поставитъ на сковородкѣ въ печь на жаръ и при этомъ непременно ворочать ворота, чтобы въ воротахъ вертѣлась пятка. Такъ и случилось: не успѣло закипѣть молоко, а мальчикъ только что началъ ворочать ворота, какъ поденщицѣ, мазавшей на лѣстницѣ домъ снаружи, сдѣлалось дурно; она, еле держась на ногахъ, вошла во флигель и стала кричать и метаться отъ боли во всѣ стороны. Хозяйка дома велѣла вынуть изъ печки молоко и перестать ворочать ворота на загородѣ, а женщи-нинѣ дала выпить лѣкарства, и та стала здоровою и продол-

жала работу до вечера. Такъ обнаружилось, кто испортилъ корову.

Одна женщина пришла къ своей сосѣдкѣ и стала удивляться, что у сосѣдки такая хорошая сметана, жаловалась, что у нея пять коровъ, а сметаны совсѣмъ нѣтъ, и просила, чтобы та научила ее, какою травою она моетъ кувшины. Та говоритъ: „приходи вѣчиромъ, я тебѣ поучу“. Пошла она вечеромъ опять. Сосѣдка подала на ужинъ горячихъ пироговъ со сметаною, и, когда поужинали, сѣли на лавкѣ противъ печки и рассказываютъ. Вотъ сосѣдка и говоритъ пришедшей къ ней бабѣ: „такъ ты хочешь, щобъ у тебѣ постоянно була хороша смѣтана, иди сюды“. Взяла ее за руку и повела къ печкѣ, вынула изъ челюстей печки черепокъ (разбитый горшочекъ) съ какимъ то составомъ и помазала имъ подъ мышками сосѣдки и себѣ. Затѣмъ обѣ бабы очутились за воротами и уже въ видѣ собакъ. Баба, пришедшая къ вѣдьмѣ, не можетъ заговорить и вѣдьма тоже. Какъ вышли изъ хаты, въ двери или въ трубу, баба не помнитъ. Потомъ вѣдьма повела бабу на гору, которая была возлѣ хутора. На горѣ у вѣдьмы была заложенная дерномъ яма; къ ней подошли обѣ спутницы все таки въ видѣ собакъ. Тутъ вѣдьма сняла съ ямы дерновыя плиты, и тогда онѣ обѣ сдѣлались женщинами. Вотъ и говоритъ вѣдьма своей сосѣдкѣ: „одно око заплещь, а однимъ дывьсь у яму“. А женщина посмотрѣла обоими глазами; вѣдьма не спросила, что она въ ямѣ увидѣла. Потомъ вѣдьма закрыла эту яму, и, подѣлавшись собаками, онѣ пошли домой. Какъ вошли въ хату къ вѣдьмѣ, сосѣдка ея не помнитъ, въ двери, или въ трубу, но опять очутились возлѣ печки. Усѣлись на лавкѣ и разговариваютъ. Вѣдьма спрашиваетъ у бабы: „по ты бачыла въ ями?“—„А я бачыла ясный, ясный клубочокъ и егò качають червы товцыною въ палыць и съ краснымы головкамы“. „Це мой душа“, говоритъ вѣдьма: „якъ по хочышь, щобъ у тебѣ була добра смѣтана, такъ то буде и твой душѣ“. Тогда баба упала въ ноги вѣдьмѣ и говоритъ: „не хочу, титочко, не хочу!“—„Колы не желяешъ“, говоритъ вѣдьма: „такъ поклянысь передъ иконою, що нікому не скажешъ объ тимъ, що съ тобою було цю ничь; якъ же ты кому небудь скажышь, помы я жыва, тамъ мы вси (т. е. вѣдь-

мы) тебѣ въ клочки розирвимо. Тѣке шкода, шо ты дывылася на обѣдва ока въ яму“. Баба такъ перепугалась, что, пришедши домой, упала, гдѣ попало и до свѣта лежала безъ памяти. Вскорѣ послѣ этого она ослѣпла на оба глаза. Года черезъ три вѣдьма умерла. Рассказываютъ, что она передъ смертию три дня мучилась, пока старухи не надоумили старшаго сына вѣдьмы сорвать съ потолка одну доску; тогда вѣдьма скончалась. Послѣ вѣдьминой смерти, баба, желавшая научиться у вѣдьмы, какъ дѣлать хорошую сметану, рассказала семьѣ свое ночное похождение съ вѣдьмою.

По повѣрію мѣстныхъ жителей, есть знахарки, которыя могутъ испортить и человѣка. Тогда обращаются къ знахарю, который наговариваетъ воду и велитъ брызгать ею въ хатѣ, пить ее и смочить ею все тѣло испорченнаго человѣка. Велитъ также выбирать закрутки (круглые комки, сбившихся перьевъ, будто насланныхъ, чтобы повредить, знахаркой) изъ подушекъ, гдѣ оказываются и сухія мыши, ящерицы, головки сорокъ и грачей, змѣиные шкурки, косточки съ покойниковъ, стружки съ гробовыхъ досокъ, комки земли съ могилъ и пр.

„Слѣхайты, братци, шо я чувъ отъ одного чоловіка, якъ бувъ у Донщѣни на заробиткахъ. Пойхалы мы, бачъ робѣчи, за снопáмы, а одынъ дядько и почавъ дорогою росказуваты про нашего хозяина: и хорóшій винъ, каже, чоловікъ, та погáна була зъ нымъ привидѣнція. На свáдьби, якъ винъ женѣвся, обийшлы якъсь одного лыхого чоловіка чáркою, а винъ и поробѣвъ такъ, шо молодой побѣгъ зъ свáдьбы вóвкомъ, та тры гóды такъ и бѣгавъ мижъ вовкамы. Оцѣ пидѣйде до своѣи хáты и хóче заговорѣты, щобъ егò пустѣлы въ хáту, та якъ завѣе. Бáтько вѣйде съ хáты, прыщкѣе собаками, винъ и подасцьця собѣ геть. Разъ пишòвъ винъ съ товáрыщамы на зáгороду до овѣць, щобъ тамъ пожывѣцьця и вѣпала емѣ очередь лѣзты въ хливъ. Отъ другѣ вовкѣ постановѣлысь одынъ на óдного, а цей звѣрху тай полѣзъ, продрáвши крѣщу, до овѣць. Ти ждуть били загорóды, шо ось, якъ нывѣдно, вѣлизе товáрыщъ зъ вивцѣю, колы егò ны чѣты. А тутъ тогò й гляды, хозяинъ вѣйде, почувши, шо собаки брѣшуть, то колы бѣ чогò погáного не було,—

и подалысь, не дождавши товарища, дали. А той, голубчикъ, прохожуща по хливу, та ниякъ не вѣлизе и дѣла: тутъ ужъ не до вивцѣ, а хочъ би минѣ проскочить, якъ хозяинъ одчине хливъ. Та такъ не прійшло, якъ винъ дѣлавъ. Тѣке хозяинъ одчинивъ хливъ, а вовкъ хотѣвъ тикаты, колы егѣ тутъ и захватили и давай быты; былы, былы, а дали баба, мате, бачъ, тогѣ хозяина, якъ ударе егѣ трычи по спынѣ, а шкура такъ вразъ и отскочила, и ставъ перѣдъ нѣми на мѣсто вовкъ голый чоловикъ. Баба дала ему сорѣчку и штаны, и винъ тоді подав-ся до своихъ, та тепѣрь, бачъ якъ, хозяинѣ, слава Бѣгу. Такъ отъ яки ще людѣ бувають“.

По прежнему понятію мѣстныхъ жителей русалки есть ничто иное, какъ некрещеныя дѣти. Русалки и водяные по временамъ выходятъ изъ воды, играютъ, быютъ въ ладоши и приговариваютъ: „Баба бухъ, бухъ! Некрещеный духъ“. Четвергъ послѣ Троицы называется „русальчинъ великъ день“; прежде въ этотъ день боялись купаться, думали, что русалки могутъ защекотать; въ настоящее же время не только исчезло подобное повѣріе, но и вообще немногіе вѣрятъ и въ русалокъ.

Существуетъ „обереги“ отъ вѣдьмъ. Знахарь, вылѣчившій корову, совѣтовалъ непременно освятить четырехгранный кусочекъ сѣры вмѣстѣ съ пасхою и окурить загороду и дворъ; „Ни одна лѣха личина, по его словамъ, не пристѣпе до двора и до загороды“. Свяченымъ макомъ обсыпаять перваго теленка со словами: „колы лѣха личина вызбирае цей макъ, тоді вона егѣ спѣрте“. Чтобы вѣдьма не ходила доить коровъ, дѣлаютъ изъ „клѣчала“, что на воротахъ (древесныя вѣтки, которыми на Троицу украшаютъ домъ и дворъ) колышки и забиваютъ ихъ по угламъ загороды, а по серединѣ ея втыкаютъ какой нибудь негодный ножъ, надъ входомъ въ загороду закладываютъ косу, остріемъ наружу. Чтобы вѣдьма не испортила коровы, просверливаютъ послѣдней въ концѣ праваго рога дырочку и кладутъ туда частицу „дарника“ (артоса), благовѣщенской просфоры и херувимскаго ладону, потомъ забиваютъ осиновымъ колышкомъ изъ „клѣчала“.

Въ заключеніи сообщу нѣсколько пѣсень.

„Зажурывся соколенько,
Бидна его головонька,
Шо винъ рано зъ Вырѣя (югъ,
теплый край) вышовъ.
Ще по горамъ сныги лежать,
А по долинамъ воды стоять,
А по шляхамъ маки цветуть.
То-жъ не маки,
То чумаки зъ Крыму идуть.“

Зъ Крыму идуть и ренське везуть.
Мате сына пизнавала,
До домоньку завертала:
„Вернись, сынку, до домоньку,
Змыю тобі головоньку“.—
Изми, мате, сама соби,
А минѣ змые дрибный дощикъ,
А росчешуть густы терны,
А розмають буйни витра“.

Весенняя пѣсня.

„Соловей мой, вольна пташка, перепелка!
Полыты жъ ты, вольна пташка, во зеленъ садъ“.
Сила, пала, вольна пташка на кусточку, на крайнемъ листочку.
„Вы запойте, вы заграйте свою псню“.—
„Наша псня не долгая, короткая,
Начиналась наша псня объ Юрѣю,
А кончалась наша псня у Петровъ день, у Петровку“.

Осенняя пѣсня.

„Ой ты, дубе кучерявый,
Лысть на тоби широкий.
Молоденький козаченько,
Дурный розумъ у тебе.
Ты клявси, ты й божывси
Шо „не покыну я тебе“,

А теперѣ покыдаешъ,
Соби янчую шукаешъ.
Шукай, козаченько,
А я буду молода (невѣста),
Якъ будешъ ты женытси,
А я йтиму отъ винця,
Покотяцѣя дрибни слезы
Зъ твоего било лица,

Мишається, мишається
Въ лыцю кровь;
Скажуть людѣ и говорить,
Була мижъ ными любовь.
Разлучила насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Якъ выйду я на гироньку
Не видю мого батенька“.

Историческая пѣсня. „Пишетъ письма воръ Салтанъ турецкій къ билому царю: „О царь билий! отдай свою землю нидъ собою при славной Москви. Якъ не отдашь, въ розоръ розорю, всю Россіюшку наскрозъ пройду и въ каменну Москву стоять зайду, разставлю свое сильное войско по всей каменной Москви. А штабъ-офицеривъ разставлю по купеческимъ домамъ, а самъ стану, воръ Салтанъ, да турецкій, въ Николаевскомъ во славномъ дворцѣ. Стосковался Александра, ходя по Москви, просить рѣчи у сенаторовъ: „посовѣтуйтесь, братцы, вы со мною: пиши воръ Салтанъ турецкій письма, хочетъ землю отобрать при славной Москви“. Обозвался только графъ Паскевичъ, сидѣ за столомъ: „Не журися, батюшка Императоръ, ни объ чемъ, Господь да поможетъ, не допустимъ до этого“.

Признаки.

„По огороду ходыла,
Лобидоньку ломыла (полола).
Чы я въ тебе мий мыленький
За наймычку робыла?
Коли въ тебе за наймычку,
То ты минѣ заплати,
Коли въ тебе за мыленьку,

Червычки кунѣ.
Бо ты жито продаешъ,
А минѣ грошей не даешъ.
Прійшли жды по должокъ,
Взялы въ мене симъ ложокъ,
Ще й кочергу й помело,
Мене дома не було.

Ой ты, жыду, кадукъ ма,
Не на те жъ я пыла,
А я жъ пыла на той сырѣ,
Шо мий пивень наносывъ.

Сыдыть пивень на чети,
Нанисъ лець три копы,
А я яйця продала,
Жидамъ должокъ отдала“.

Однажды пришли сватать молодую дѣвку за человѣка, который нѣсколькими годами былъ старше ея (у крестьянъ существуетъ обыкновеніе женить сыновей очень молодыми, такъ что почти всегда женихъ и невѣста бываютъ ровесниками), она не согласилась и говорить:

„Я бо въ середу родилась,
То тожъ мины й горе,
Не пиду бо за старого,

Бородою коле,
А ажъ пиду за такого,
Шо не мае й уса,

То винъ кивне й моргне
на мене,
А я й засмися“.

У-ца М. К. Стороженко.

3.—Сл. Шулика.

Поселеніе.—Одежда.—Пища.—Занятіе.—Свадебные обряды.—Танцы и игры.—

Пѣсни.

Сл. Шулика лежитъ на лѣвой сторонѣ небольшой рѣки Сухого Обитока, на низменномъ мѣстѣ, и примыкаетъ къ луку; въ слободѣ имѣется небольшой холмикъ, на которомъ построены церковь, нѣсколько крестьянскихъ избъ, домъ священника и народное училище. Слобода, получившая свое названіе отъ перваго поселенца Шулики, отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 50 вер., а отъ торговой сл. Бѣловодска въ 12 верст.

Разсказываютъ, что въ сл. Шуликиной въ старину обитали шайки разбойниковъ, скрывавшіяся въ оврагахъ („балкахъ“) и стѣнкахъ, заросшихъ кустами и лѣсами, которые истреблены, были болѣе, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ. Почва мѣстности глинистая, солонцоватая; по лугамъ и огородамъ растутъ вербы, лоза и сродные имъ талы; садовъ нѣтъ, въ 7 верст. находится небольшой, молодой лѣсокъ („Саивскій“ по народному), принадлежащій казнѣ. Отъ с.-з. къ с.-в. тянутся мѣловыя горы (отроги Карпатовъ; „Макортеты“). Жителямъ онѣ приносятъ огромную пользу, такъ какъ даютъ матеріалъ для изгороди, построекъ и т. п. Въ весеннее время, какъ только обсыхаютъ, нѣкоторые изъ крестьянъ набираютъ мѣлъ цѣлыми возами и отправляютъ его въ Донскія и Приволжскія мѣста; тамъ продаютъ его, или обмѣниваютъ на хлѣбъ (зерно), горохъ, пшено, сало и т. п. Занятіе это служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, такъ какъ даетъ возможность крестьянину заработать 10—30 р., самому прокормиться и прокормить скотинку.

Въ сл. Шуликиной считается 1,351 д. об. п. Населеніе средняго роста, крѣпкаго сложенія; цвѣтъ кожи свѣтлый и здоровый, встрѣчаются и блѣдныя лица, вслѣдствіе малокровія отъ скудной пищи (среди бѣдныхъ), волосы на головѣ почти у всѣхъ темнорусые, рѣдко свѣтлорусые и черные.

Одежда. Въ праздничный день, въ лѣтнее время, крестьянина можно видѣть въ „капотахъ“, т. е. кафтанахъ, которые шьются изъ синяго или чернаго сукна, шерстяной и „шведской“ черной матеріи; иногда же просто въ „жулеткѣ“ (жилетка), сшитой изъ плису, сукна и шерстяной матеріи. Въ будничныи день крестьянинъ надѣваетъ „куцыну“ (вродѣ короткаго капота), которая шьется изъ „шведской“ ткани, большею же частью ходитъ въ сорочкѣ, надѣвая сверху еще и жилетку. Зимой крестьяне носятъ „кожухи“, покрытые сукномъ, черкасиномъ и шведской матеріей; „тулупы“ съ большими смушковыми „видлогами“ (воротниками съ капюшонами); „свитки“ изъ самодѣланнаго бѣлаго или чернаго сукна, которыя иногда надѣваютъ на кожухи или полушубки, „юбки“ (вродѣ кожуха), сшитые изъ такого-же сукна, какъ и свитки, и отдѣланныя плисомъ на рукавахъ и воротникахъ. Кожухи, юбки, тулупы и капоты подпоясываютъ широкими, разноцвѣтными, шерстяными поясами. На головѣ носятъ лѣтомъ картузы, а зимою шапки, „капелюхи“ съ большими наушниками, которые заворачиваются наверхъ, а во время холода откачиваются внизъ на уши. Капелюхи отдѣлываютъ смушкомъ или просто барашкомъ („плетенкой“).

Въ праздничный день, крестьянки одѣваются въ разноцвѣтныя шерстяныя, атласныя, бумазейныя и ситцевыя „шарофаны“ (платья), „юбки“ (кофточки), „корсеты“ (родъ юбокъ, только безъ рукавовъ) и „теплушки“, сдѣланные изъ плису, ситцу, бумазеи и шерстяной матеріи. Въ будничныи день крестьянку можно видѣть въ одномъ старомъ шарофанѣ, или дергѣ и въ теплушкѣ. Зимой женщины носятъ кожухи, „байбараки“, т. е. кожухи, крытые сукномъ или черною шведскою матеріею, съ „комирями“ (стоячими воротниками), пальто изъ самодѣланнаго бѣлаго сукна, синіе или черныя суконныя „халаты“, которые, по большей части, надѣваются весною, осенью и лѣтомъ. На головѣ носятъ разныхъ цвѣтовъ платки: шелковые, атласные, шерстяные, бѣлые миткалевые и шалевые, т. е. не просто гладкіе, а съ „разводками“ (цвѣтками). Большинство женщинъ надѣваетъ на голову „очипокъ“ (головной уборъ изъ золотой или серебряной парчи); по очипку завязываются платкомъ такъ, чтобы конецъ („хвостикъ“) платка висѣлъ сзади, а другіе два

конца кладутся по бокамъ такъ, чтобы они тоже висѣли. Дѣвушки также повязываются платками, но только не по очипку, — онѣ складываютъ платокъ въ ленту и обвязываются имъ вокругъ головы; сзади сплетаютъ волосы въ одну косу въ 20 или больше пасмъ, стараясь заплести пошире; въ косу вплетаютъ по нѣсколько красныхъ или голубыхъ „кисниковъ“ (лентъ), а иногда просто покрываются платками. Въ настоящее время вошли въ моду холодныя кофточки изъ разноцвѣтной шерстяной матеріи и ситца, теплыя кофточки изъ бумазеи, кофточки и пальто на ватѣ, крытыя атласомъ, шерстяною матеріею и нанбукомъ, ботинки на каблучкахъ и бѣлые чулки. Старинныхъ одеждъ совсѣмъ не встрѣчается, хотя сохранились у нѣкоторыхъ „дѣрги“, которыя ткются изъ овечьей шерсти.

Стоимость крестьянской одежды различна: полушубокъ стоитъ 7—15 р., юбка изъ самодѣланнаго сукна 7 р., кожухъ съ воротникомъ 15 р., крытый 20 р., будничная „куцына“ 2 р. и 1 р. 50 к., суконный капоть 10—12 р., шерстяной 6 и 7 р., капелюхи, отдѣланные смушкомъ, бываютъ въ 1 р., плетенкой въ 70 к., или 60 к., картузы въ 1 р., 50 и 70 к., шапки—1 р. 50 к.—2 руб. Женская „парочка“, т. е. кофточка и „шарофанъ“, стоитъ 2—7 р., платки 3—6 р., а подшальнички (платочки) 1 р.—1 р. 50 к., миткалевые 30—40 к., женскіе смушковые кожухи въ 15 руб., если смушокъ изъ шкурокъ маленькихъ ягнятъ, и 7 р., если изъ старой овцы, байбараки (кожухъ, крытый сукномъ) 20 р., пальто изъ самодѣланнаго бѣлаго сукна 3 р. 50 к., а пальто на ватѣ, крытое матеріей, 5 и 7 р., халаты—15 р. и 16 р., кофты на ватѣ 2—3 р., очипокъ 70 к., для старухъ 30 к., „кисныки“ (ленты) въ 30, 45 и 50 к. за арш.

Пища. Въ нашей мѣстности крестьяне, какъ бѣдные, такъ и богатые, ѣдятъ почти одинаковую пищу, только богатые варятъ борщъ, юшку (наваръ изъ картофеля), лапшу, кулишъ, галушки съ мясомъ и саломъ, а бѣдные все это ѣдятъ только съ саломъ или безъ него. Кромѣ того, въ скоромные дни варятъ лапшевникъ, (бросаютъ лапшу въ кипящую воду, а затѣмъ запекаютъ ее съ яйцами), жарятъ баранину, голубей, варятъ молодыхъ поросятъ на холодное и ѣдятъ со сметаною. Въ постные дни бываютъ блинцы, ладики (алады), кисель, узваръ;

варятъ горохъ, фасоль, чечевицу, галушки и „затирку“ (растираютъ муку, смоченную водою, чтобы она превратилась въ мелкія катушки тѣста, и варятъ), кашу (льютъ теплую воду въ муку, ставятъ на печь солодѣть, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенато хлѣба, чтобы тѣсто немного окисло; на другой день эту жидкость варятъ вмѣстѣ съ вишнями и сливами), лемишку (кладутъ муку въ чугунокъ, ставятъ на жаръ и держатъ, пока она высохнетъ, затѣмъ вливаютъ въ нее кипяченую воду, мѣшаютъ и ставятъ въ печь; когда она будетъ готова, то мажутъ масломъ). На все это употребляется пшеничная мука. Пища крестьянъ съ нѣкотораго времени ухудшилась, благодаря постояннымъ неурожаямъ. Въ населеніи распространено чаепитіе, причемъ богатые покупаютъ чай, а бѣдные вмѣсто него употребляютъ липовый цвѣтъ, сушеную розу, мяту и полынецъ; воду для чая кипятятъ въ самоварѣ, или же въ чистенькомъ чугункѣ. Хаты свои крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами, нѣкоторые каганцемъ.

Занятіе. Кромѣ земледѣлія, лѣтъ 10, 12 тому назадъ населеніе занималось еще кустарными промыслами, но теперь эти занятія оставлены. Въ весеннее время, какъ только обскѣются, многіе изъ мужиковъ и женщинъ идутъ на покосъ въ Донскія мѣста, ѣдутъ на шахты за углемъ, чтобы на мѣстѣ купить подешевле, а затѣмъ продать его съ прибылью, большею же частью отправляются на сторону съ мѣломъ, горшками и тамъ продаютъ свой товаръ или же мѣняютъ на хлѣбъ, соль, пшено и т. п. Въ осеннее время большинство крестьянъ занимается извозомъ, т. е. берутъ хлѣбъ у купцовъ и доставляютъ его на Кантемирову или Черткову станцію.

Свадьбы у крестьянъ по большей части бываютъ осенью. Когда крестьянинъ задумаетъ посватать дѣвку, приглашаетъ себѣ въ сваты кого-нибудь изъ знакомыхъ или родичей, и съ паляницей (хлѣбомъ) они идутъ къ невѣстѣ. Подойдя къ избѣ, они не входятъ въ хату, а подходятъ къ окну и говорятъ: „Бѣже, дай вѣчиръ добрый! Пустить обигрицьца“. Имъ отвѣчаютъ: „милосты прѣсымъ, якъ шо вы дѣбри люды“. Сваты входятъ; ихъ приглашаютъ садиться. Отецъ невѣсты беретъ хлѣбъ отъ сватовъ, цѣлуетъ его и кладетъ на столъ. Затѣмъ сваты говорятъ:

„Спрашивайте—чогò мы до васъ прийшли; кáжуть, що у васъ дівка є, а у насъ парубокъ“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „мòже й на́ша дівка ва́шому па́рубку не понара́выцьця, ну такъ дава́йте жъ свогò па́рубка“. Въ это время въ хату входятъ парень и дѣвка. Невѣстинъ отецъ, обращаясь къ парубку, говоритъ: „дывы́сь на мою дівчину, чи пона́равицьця, чи ни“. Онъ смотритъ на дѣвку и, если она ему понравится, говоритъ: „Нара́вицьця“. Если же не понравится, то незамѣтно для всѣхъ наступаютъ свату на ногу, давая ему знать, что дѣвка не нравится; сваты берутъ хлѣбъ и отправляются въ другую хату. Также спрашиваютъ у молодой, и, если ей понравится парубокъ, то она говоритъ сватамъ: „тамъ ба́тько зна, та ма́ты“; если же нѣтъ, то убѣгаетъ изъ хаты. Сладивши дѣло, сваты говорятъ: „ну тепе́рь ходи́м до до́му зъ се́мийствомъ сові́товацьця, та шобъ до́мáшнии при́быра́лысь“. Встаютъ съ лавокъ и отправляются домой, оставляя у невѣсты хлѣбъ. Посовѣтовавшись дома, старосты берутъ хлѣбъ и снова идутъ къ невѣстѣ; подходятъ къ окну, здороваясь, какъ и въ первый разъ; потомъ входятъ въ избу, кладутъ хлѣбъ на столъ и говорятъ: „Ну шо-жъ, дѣбри люды, зати́ялы, такъ дава́йте-жъ, ма́бутъ, конча́тъ“. На что невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: „якъ шо вы соглáсни, такъ дава́йте-жъ гро́шивъ 50 рублѣвъ, такъ бу́демо свата́ми“. *) Тѣ вынимаютъ деньги, кладутъ на столъ и быють другъ друга по рукамъ, какъ купцы во время продажи товаровъ, и говорятъ: „Ну тепе́рь дава́йте, ма́бутъ, хлѣ́ба-со́ли порі́жемо, та дите́й себе́ремò; хай дівчина іде́ собира́ть дру́жокъ (по́другъ)“. Невѣста отправляется по слободѣ собирать дружокъ и уже къ вечеру приходитъ вмѣстѣ съ ними домой. Какъ только станетъ темнѣть, въ хату начинаютъ сходитьсь родичи, сосѣди; зажигаютъ передъ иконами свѣчи, становятся молодыхъ посреди хаты, приказывая ударить три земныхъ поклона, за ними молятся и всѣ гости. Затѣмъ невѣстинъ отецъ обращается къ свату, т. е. женихову отцу, говоря: „станови́цьця, сва́ту, хай ді́ты кла́няюцьця“. Молодые кланяются, а онъ благословляетъ ихъ хлѣбомъ. Этою же паляницею молодые благословляются отцомъ и матерью мо-

*) Иногда соглашаются на 25, 30, 35, 40 р.

лодой и всѣми родичами. Помолившись Богу, молодой вмѣстѣ съ старшимъ бояриномъ (товарищемъ, который во время свадьбы ухаживаетъ за нимъ больше всѣхъ) садится за столъ, за ними садятся всѣ его гости, а гости молодой разсаживаются гдѣ попадо. Въ это время дружки поютъ:

„Ой гораздъ тобі, моя ненько,
Мое сватанье пѣть,
Та не гораздъ тобі, моя ненько,
Мое діло робити,
Та въ печи топятъ,
Тай воду носити
И на рѣчку ходити.
— Въ печи затоплю
И воды принесу,
А на рѣчку не пиду,—
Есть у мене перимвночка,
Молодаи неvistочка.
Я й не знала, не видала,

Виткиль свашенька найихала,
Хорошая да списивал.
Да ще къ тому чернобривал.
Зойди, зойди ты, Оляно, ты Ва-
сильевна,
Зъ високого терема,
Приголубь собі хоть ясного сокила,
Ясного сокила залитного,
Доброго молодця приизжого;
Та й Гаврилку, тай Ивановича.
— Ой, рада-бъ я приголубить ёго,
Живить, сердце не обернецьи,
Розумъ въ головущи мишаецьи“.

Молодая съ старшею дружкой становится около стола, дружка наливаетъ въ рюмку водки, ставитъ ее на тарелку, и невѣста прежде всего идетъ къ женихову отцу; онъ беретъ рюмку въ руки; молодая перевязываетъ его платкомъ и кланяется въ землю, въ это время онъ пьетъ водку и бросаетъ на тарелку деньги *). Такимъ образомъ молодая обходитъ всѣхъ по-ряду и уже въ послѣдній разъ подходитъ къ молодому и подноситъ ему водку; молодой, взявши въ руки платокъ, беретъ рюмку и выпиваетъ, а молодая въ это время даетъ старшему боярину небольшую „хустку“ (платокъ), тотъ затыкаетъ ее въ жениховъ поясъ. Обойдя всѣхъ, невѣста выпрашиваетъ у свекра водки, и вся молодежь отправляется на дворъ, гдѣ она начинаетъ угощать ихъ, а гости, оставшіеся въ хатѣ, вечеряютъ. Послѣ „вечѣри“ всѣ отправляются къ свату, т. е. къ женихову отцу, а молодежь входитъ въ хату, начинаетъ лѣпить и варить вареники и угощать другъ-друга. Молодой, наливая въ рюмку водки, говоритъ: „желаемъ добра!“ Выпиваетъ самъ, потомъ на-

*) Недавно на сватаньи повелся новый обычай: когда молодая подойдетъ къ матери жениха и поднесетъ ей рюмку водки, то свекровь, взявъ рюмку, ставитъ ее на столъ; молодая въ это время перевязываетъ мать платкомъ, а она ее; затѣмъ свекровь пьетъ, а молодая кланяется до земли.

ливаетъ другую и отправляетъ ее молодой; затѣмъ пьетъ старшій бояринъ и наконецъ всѣ гости. По окончаніи угощенія, молодой встаетъ изъ-за стола, приглашая всѣхъ словами: „ну, теперь мѣлосты прѣсымо, на прохолѣдь!“ Всѣ встаютъ и выходятъ на дворъ. Прохолодившись, молодежь отправляется по своимъ мѣстамъ, и уже на другой день гости собираются у невѣстиного отца, куда и молодой приходитъ похмелять всю „бѣсиду“ (гостей).

Черезъ нѣсколько времени, а именно въ среду, жениховъ отецъ и мать ѣдутъ къ свату съ $\frac{1}{2}$ квартой водки на совѣтъ и тамъ выговариваютъ себѣ съ молодою по платку рубля въ 3, а невѣстина мать выговариваетъ себѣ со свата „чботы“ (сапоги). Посовѣтовавшись между собою, въ пятницу у жениха и невѣсты собираются родичи и знакомые, лѣпятъ „шишки“, „каравай“, „лѣжинъ“ и „калѣчь“, а въ субботу молодая беретъ шишки и въ сопровожденіи дружекъ (подругъ) идетъ по слободѣ и заходитъ въ каждую знакомую хату. Войдя, она говоритъ: „прохавъ бѣтько и мѣты, и я просю на хлѣбъ, на силь, на пидвисилокъ“. Потомъ три раза кланяется въ землю, цѣлуется, отдаетъ шишку и уходитъ. Если есть родичи и въ другой слободѣ, молодая отправляется и туда. Также ходитъ со своими боярами (товарищами) и молодой. Къ вечеру молодая съ дружками идетъ къ свекру; тамъ, помолясь Богу, заводятъ молодую съ дружками за столъ и угощаютъ. Въ воскресенье, послѣ утрени или послѣ обѣдни, женихъ въ сопровожденіи старостовъ отправляется къ молодой, беретъ ее и везетъ въ церковь. Послѣ вѣнца молодой со сватами ѣдетъ домой, а молодая съ дружками идетъ къ своему отцу и обѣдаютъ тамъ. Затѣмъ молодая должна непременно идти къ сосѣдямъ и быть у нихъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ за нею поѣздъ. Молодой въ это время катается по слободѣ съ боярами, свашками и „свитѣлками“ (дивчатами) и уже къ вечеру приѣзжаетъ за молодою. Когда онъ ѣдетъ, въ это время молодую гонитъ „дружкѣ“ и „пиддружѣй“ отъ сосѣдей. Молодая приходитъ къ своему отцу во дворъ, здороваается со всѣми, идетъ въ хату, молится Богу, и пиддружѣй заводитъ ее за столъ, говоря: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ Старосты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Пиддружѣй

обращается къ сватамъ со словами: „Благословить молодѣ за стилъ посадить“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ“. Затѣмъ дружка (женатый) выходитъ изъ хаты и встрѣчаетъ повѣздъ молодого. Молодой въѣзжаетъ во дворъ, встаетъ съ тарантаса, или повозки, становится въ ряду съ свашками; теща выходитъ на встрѣчу и выноситъ ему хмель; женихъ, взявши рюмку, чрезъ руку выбрасываетъ хмель, а чрезъ лѣвое плечо бояринъ беретъ у него рюмку. Затѣмъ сваха угощаетъ жениха и весь его повѣздъ. Въ это время дружки поютъ:

„Пидь синьми, пидь синьми, Пидь ореховыми, Ой тамъ тещенько Зятенька витала, Витала, витала,	Та все его питала: „Зятеньку, Гаврилку, Чи любишь-ли Олянку“. — „Якъ бы я не любить,	Богъ бы мини ни судивъ, А то я люблю, Богъ мини судивъ (объ- щаль)“.
--	---	---

По окончаніи угощенія, молодой входитъ въ хату, а молодая наклоняется на столъ, старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, и дружки поютъ:

„Глянь-же ты, Оляно, пидь калачъ, | „Карыли очима заплачъ!“

Въ это самое время дружка тоже долженъ бы былъ ввести молодого за столъ, но около молодой на лавкѣ въ правомъ углу („на покутахъ“) стоитъ нѣсколько дѣтей съ „кйками“, (палками, на которыхъ навѣшены пучки житной соломы) и бьютъ дружка по головѣ за то, чтобы онъ даромъ не вводилъ молодого за столъ, а далъ бы имъ по копѣйкѣ и шишкѣ. Дружка, роздавъ дѣтямъ требуемое, гонитъ ихъ, говоря громкимъ голосомъ: „долой съ покути!“ Молодой тотчасъ заходитъ за столъ; старшая дружка, снявъ съ головы молодой калачъ, подводитъ ее къ молодому, и они пѣлуются. Дружки поютъ:

„А въ саду соловейко защебетавъ, | „А Гаврилко Олянку поцѣлывавъ“

Затѣмъ тестъ и теща начинаютъ угощать молодыхъ и всѣхъ гостей, а сами въ свою очередь тоже остаются не безъ подарковъ: отъ свашекъ получаютъ по шишкѣ, а отъ молодого теща получаетъ выговоренные чоботы; въ это самое время невѣста даетъ боярамъ, свашкамъ и свитилкамъ по кумачевой „стрички“ (лентѣ), а сестра ее (если только у нея есть она) беретъ шапку молодого, пришиваетъ къ ней вѣнокъ и вмѣстѣ съ подругами поетъ:

„Глянь-же ты, зятеньку, на мене,
Краще е снистонька (жена) отъ тебе,
На свистци шлычокъ-колпачокъ,
Готовъ зятеньку шосточокъ,
Якъ не буде шосточка,
Пойдешъ отъ тестя безъ шлычка
(шапки),

Безъ дротинго виночка,
Безъ калыновой квиточки,
Безъ ций Олянки дивочки.
А зять на мене дивится косо,
Що на печи просо,
Коли-бъ, Господы, утыкты,
Щобъ ни заставлы товкты“.

Пришивши вѣнокъ, она отдаетъ шапку дружку, тотъ беретъ шапку, кладетъ ее на тарелку, откуда уже старшій бояринъ беретъ ее себѣ и передаетъ жениху, а на эту тарелку кладутся шишки и ставится рюмка съ водкою; затѣмъ все это угощеніе подносятъ родичамъ; за что они въ свою очередь кладутъ деньги въ пользу тѣхъ, которыя пришивали къ шапкѣ вѣнокъ. Послѣ этого дружка вноситъ каравай, рѣжетъ его на куски и раздаетъ гостямъ, а сподку выноситъ на дворъ и отдаетъ дѣтямъ. Когда дружка войдетъ въ хату, свашки „покрываютъ“ молодую платкомъ. Прежде покрывали не однимъ платкомъ, а надѣвали на голову очипокъ, который покрывался „серпанкомъ“ (кисеею), и кругомъ головы обвязывали красною лентою, но теперь этого не дѣлаютъ. Покрывши молодую, дружка говоритъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій; благословить молодыхъ изъ-за столу вывести“. Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить!“ Молодые выходятъ изъ-за стола и идутъ на дворъ. Молодая садится въ тарантасъ, а молодого дружка обводитъ три раза вокругъ тарантаса. Дружки поютъ:

„Мисяць дорогу освятивъ, Братецъ сестрицу выпроводивъ; Оце тоби, сестрица, дорога, А идъ до свекра здорова,	Ой будь здорова, якъ вода, А будь богата, якъ земля, А будь красна, якъ весна“.
--	---

Затѣмъ онъ садится и весь повѣздъ отправляется къ его родителямъ. Когда молодые въѣдутъ во дворъ, то ихъ на порогѣ встрѣчаютъ отецъ и мать. Въ это время свашки поютъ:

„Найихала та тетеречка (невѣстка) Не вчора, а теперичка, Ни кишкайте, ни полохайте, Нехай наша тетеричка Привикае теперичка“.	„Свекруха невихны (невѣстки) бакала, До купки пирижки складала, До купки пирижки, до купки Для своей невихны, голубки“.
---	--

Свекоръ подходитъ къ невѣсткѣ и беретъ у нея икону; свекруха даетъ ей хлѣбъ, а молодому даетъ хлѣбъ отецъ; послѣ

этого они всё входятъ въ хату и начинаютъ ужинать. По окончаніи ужина, молодые молятся Богу, кланяются родителямъ. Свашки поютъ:

„Та й кланяйся ты, Оляню,
Напередъ Господу-Богу,
Отцю, неньци въ ногъ;

А матынца та низесенько,
А къ серденьку близесенько“.

Молодые уходятъ, а гости остаются гулять всю ночь.

Въ понедѣльникъ молодая, перевязавъ дружка платкомъ, ѣдетъ съ мужемъ „снѣдать“ (завтракать) къ своему отцу, а оттуда обратно къ свекру. Здѣсь молодые угощаютъ водкою своего батька, мать, „крѣстныхъ“, т. е. крестнаго отца и мать—молодого и всѣхъ гостей. Затѣмъ молодая одаряетъ платками свекра, свекровь и крестныхъ молодого, а они ее. Послѣ этого, отецъ молодого встаетъ изъ-за стола и перевязываетъ всѣхъ гостей платками; молодая въ это время идетъ угощать водкою женщинъ, а молодой-мужчинъ, за что они „даруютъ ихъ“ (т. е. дарятъ) пшеницею, деньгами, полотномъ, матеріею и т. п. Поподчивавъ своихъ гостей, молодые съ дружкомъ отправляются къ тестю и вмѣстѣ съ нимъ, его родичами и гостями приѣзжаютъ къ свату. Всѣ эти гости также обдариваютъ молодыхъ, какъ и тѣ, но сами никакихъ подарковъ не получаютъ. Во вторникъ-же молодой ѣдетъ съ дружкомъ, зоветъ къ себѣ въ гости родныхъ и знакомыхъ, разрѣзываютъ „лѣжинъ“ и подчуютъ всѣхъ гостей. На этомъ и кончается крестьянская свадьба. Расходъ на свадьбу равенъ 100 или 150 руб.

Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе **танцы**: раскомарскаго, казачка, польки, дудочки, барыньки и чижики; музыка почти та-же самая: польки, раскомарскаго, казачка, барыньки, дудочки, дѣдушки, сѣрые гуси, машина и чижики. Мѣстные музыкальные инструменты: гармонія, скрипица, балабайка, сопилка, или дудочка и „вигранъ“.

Игры.—Въ зимнее время взрослые, юноши и дѣти въ праздничный день выходятъ на *кулачный бой* и бьются каждый отдѣльно, т. е. взрослые съ взрослыми, юноши съ юношами, а дѣти съ дѣтьми. У людей среднихъ лѣтъ и постарше, кромѣ этой забавы, нѣтъ никакихъ развлеченій, у молодыхъ парней и дѣтшекъ весною и лѣтомъ бывають слѣдующія игры:

Въ „*скраки*“: нарѣжутъ 10 „рубончиковъ“ и раскладываютъ на двѣ кучки одна отъ другой, какъ можно подальше; становятся каждый около своей кучки и бьютъ палками по кучкамъ до тѣхъ поръ, пока на этомъ мѣстѣ не останется ни одного рубончика.

Въ „*шара*“: дѣлаютъ круглую, деревянную свинку на подобіе мяча, одинъ мальчикъ подкидываетъ ее, а другой бьетъ „шаромъ“ (такъ называютъ длинную закругленную палку), остальные стоятъ „въ полѣ“, затѣмъ, кто стоялъ въ полѣ, идетъ бить свинку, а—кто билъ свинку, идетъ въ поле.

Въ „*переборца*“: на просторномъ мѣстѣ (на выгонѣ), собираются дѣвки и парни, берутъ другъ-друга за руки и составляютъ кругъ, но такъ, чтобы одна половина круга состояла изъ парней, а другая изъ дѣвокъ. Одна изъ послѣднихъ входитъ въ средину круга, когда онъ начинаетъ пѣть: „Оцѣ бѣде мій батенько, а це бѣде мой матинька, а ты, батенько, не гнѣвайся, змилуйся, я вчора пьянъ бувъ, промовывся (проговорился), зять дурень, зять нерозумный; я молодѣць, тѣхій переборецъ“. Дѣвка въ это время кланяется кругу по старшинству.

Въ „*перепѣлки*“: та самая, которая стоитъ въ кругу называется перепелкой. Когда кругъ начинаетъ пѣть: „у нашої перепелочки, та голівка болѣть; тутъ була перепелочка, тутъ була бѣля зорюшки,—въ это время „перепелка“ берется за голову, затѣмъ за плечи, ноги и руки. Причемъ каждый разъ поется одно и то-же, но когда начинаютъ пѣть: „а у нашої перепелочки старъ муженѣкъ“,—она плачетъ. Кругъ поетъ: „а у нашей перепелочки молодой муженѣкъ“,—она танцуетъ въ кругу. Затѣмъ въ послѣдній разъ поютъ: „а у нашей перепелочки крылѣчки рябѣньки“, она поднимаетъ руки, изображая себя летающею, и старается вылетѣть изъ круга; если ее выпустятъ, то игра кончается.

Въ „*гуси*“ дѣти играютъ такъ: одинъ изъ мальчиковъ бываетъ волкомъ, другой хозяиномъ, третій пастухомъ, а остальные гусями; пастухъ гонитъ своихъ гусей пастись, говоря: „гиль, гиль!“ Волкъ стоитъ въ сторонѣ; когда придетъ время, идти домой, то хозяинъ кличетъ гусей: „гусы, до дому!“ Они отвѣчаютъ: „для чо́го?“—Хозяинъ: „для вѣвка!“ Гуси: „а де

вовкѣ?—Хозяинъ: „за горюю сѣру гуску скубѣ, тикайте, а то й васъ поскубѣ“. Гуси бѣгутъ и кричатъ: „га—га! га—га!“ Въ это время волкъ ловитъ ихъ.

Въ „чайки“ или „мушки“: берутъ палку и втыкаютъ ее въ землю; палку эту называютъ чайкою; съ обѣихъ сторонъ ея становятся одни дѣти (дѣды съ шапками), а другіе бросаютъ палками издали въ чайку и когда ее собьютъ, то всѣ бѣжать за палками, хватаютъ ихъ и несутъ на то мѣсто, откуда били.

Въ „подбѣзня“: одинъ изъ мальчиковъ бросаетъ на землю палку, остальные становятся недалеко отъ нея и бросаютъ подъ нее палки, чтобы подъ лежащую палку подсунуть брошенную.

Въ „мурки“: выкапываютъ небольшую ямку; одинъ изъ мальчиковъ становится съ палкою въ рукахъ и кладетъ на нее цурку, (маленькую палочку), подкидываетъ ее палкой и бьетъ; другіе мальчики стоятъ въ полѣ; если цурка полетитъ туда, то поднявшій ее выходитъ изъ поля и бросаетъ ее къ ямкѣ. Если цурка попадетъ въ ямку, то онъ уже идетъ бить ее.

Въ „креймахъ“: садятся въ кружокъ, берутъ 5 креймаховъ (черепаные или каменные кружки); одинъ креймахъ подкидывается, а остальные 4 хватаютъ въ руки, играютъ такъ до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ креймаха изъ руки, или не ухватить всей кучки, или того креймаха, что подкидывалъ.

Крестьяне пользуются для чтенія книгами церкви, гдѣ съ разрѣшенія священника, берутъ: „Житія Святыхъ“, „Прологи“, „Троицкіе листы“, которые присылаются причту. „Поученія Тихона Задонскаго“ и другихъ Св. Угодниковъ Божіихъ и даже „Библию“ въ русскомъ переводѣ. Книги эти иногда берутся домой, большею частью въ воскресные и праздничные дни, между утренею и обѣднею, крестьяне собираются въ караулѣ (въ церковной сторожкѣ), причемъ одинъ изъ болѣе грамотныхъ читаетъ, а остальные слушаютъ. Крестьяне еще заимствуютъ книги изъ волостнаго правленія, которое собственно для чтенія выписываетъ житія св. и др.

Сообщу одну народную загадку, нѣсколько пословицъ и пѣсень.

Загадка: Я идѣ, а женщѣ жнутъ; я и здравствуюсь; „Богъ на помѣчь!“ Они отвѣчаютъ: „Спасибо!“—„Кто коситъ? Мужъ

съ женою или братъ съ сестрою“. Женщина, которая косила съ мужикомъ, отвѣчаетъ: „Не мужъ съ женою и не братъ съ сестрою; а его мать моей матери родная свекруха была. (Она, т. е. эта женщина была родною дочерью жнеца).

Пословицы: По языци ротъ. По Савци свѣта, по старцеви тѣрба. Який ѣхавъ, таку встрѣвъ. Якъ пыть, такъ и кобылку пропыть. Гуляй, Маша, коли воля наша; якъ замѣжъ отдадутъ, тоді воли не дадутъ. Хоть по шѣю у воду, да до рѣдного рѣду. Есть нашей свѣсци по ковбасци.

Т у м а н ъ.

„Туманъ яромъ, туманъ долиною
налегаеть,
Та помежъ тыми туманами
Сизъ-голубчикъ летаетъ,
Та важко, тяжко буркатаеть,
Та все крылушками блудить.
По—идѣ мостомъ травка ростеть,
Водичку покрываеть;
Та помежъ тою травичкою

Шука-рыба грае.

То й не щука и не рыба.
А зъ миленькимъ разлука.
Та разлучила насъ неволя,
Та чужедальняя сторона.
„Умри-жъ ты, мой миленькій, зъ ве-
чера на зори,
А я на свиточку,
Та й поховають насъ у гробочку,
У вишневому садочку“.

* *

По—надъ садомъ, садомъ шелковая
травка,
Я й по той травкѣ не нахожусь,
Кого вирно люблю, то я й не на-
смотрюсь.
Вотъ я вижу, вижу Таничку свою,
Что ходѣ, гуляе у зеленомъ саду;
Щипае, ломаетъ спидый виноградъ,
Кидае, бросае Вани на кровать;

„Кушай, кушай, Вани, спидый виноградъ;
Какъ будешъ кушать,
Та й буду ломать“.
Якъ возмѣу и Таничку
За билу ручку
Та й поведу, поведу Таничку
Къ батеньку своему,
Та й посажу Таничку
За лубовый столъ“.

* *

К а л и н а.

„Ты калинушка, ты ма-
лвнушка
Ни стой на гори крутой,
Та не спускай листа.
По синему морю
Корабель плыветь;

А въ томъ-кораблю,
Три полка солдатъ,
Молодыхъ ребятъ.
Охвицеръ-маеръ Богу мо-
лицыи.
Рядовой солдатъ домой
просицца;

„Охвицеръ-маеръ, отпу-
сти домой,
Къ отцу-матѣ родной“.
Не доходятъ до ворить,
Та й питаецца де мий
ридъ“.

* *

С а д ъ.

„Ой, ты садъ, ты мий
садъ,

Садъ—зелененькій вино-
градъ,
Почому ты такъ нерано
цвѣтѣшь,

Ой цвѣтѣшь, не цвѣтѣшь,
осыпаешся;
Своей далече, мий другъ,
убираешся:

Чи у ходъ, чи въ походъ,
Чи на службу идешь?
Ой, съ чужими людьми
все прощаешься,
А зо мной молодой

Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: „милая“, прости!
Та лила пава
Черезъ три поля,

Та й вронила пава
Съ крыла перушко,
Та й не жаль мени
пера,
Жаль мени малого дружка“.

* *

„Ой, давно, давно я въ
неньки була,
Бесидовала, одвидовала,
Якъ бы въ мене крылечка
Стрепенула-бъ я, поли-
нула-бъ я.
Ой, де летила,—травка
шумила,
Де спочивала,—риченька
стала.“

Якъ сяду, впаду у нень-
ки въ саду
Сивою зозуленкою та й
я закую;
А якъ закую,
Весь садъ разовью,
А якъ заплачу,
Неньку побачу.
„Сосидочки, голубочки,
Слушайте сюда

Шось у моёмъ садикѣ
Пташка куде,
Та то-жъ и не пташка,
То-жъ моя дочка
Безсчастночка;
Якъ-же тией пташечки
На бывноньци,
Такъ мой дитыноньци
На чужиновци“.

* *

Любивъ, та кохавъ.
Соби дивчину мавъ,
Да не довелось взятъ,
За лхими людьми, да за ворогами
Довелось покидати.
„Покидаешь ты мене, сердяточко мое,
Та й на кого уручаешь?“
„Уручаю-жъ я тебе, сердяточко мое.
Та й на Единого Бога;
А самъ я пиду у Крымъ за водой,
За быстрою рикой.“

Сподивайся мене, сердяточко-жъ мое,
Та й не скоро въ гости:
Сподивайся къ Пречистий,
А якъ не буде мене и къ первой
Пречистий,

Сподивайся къ Покрови;
А якъ не буде къ Покрови,
Сподивайся къ Миколі;
А якъ не буде къ Миколі,
Такъ не буде никола“.

Р. А. Коробова.

4.—Сл. Мостки.

Поселеніе и его происхожденіе.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Здоровье.—Занятіе.—Нравственное и умственное состояніе.—Положеніе женщии.—Обряды при крещеніи ребенка.—Вечерниці.—Похороны.—Обряды и пѣсни въ праздничные дни.—Игры.—Ярмарки.—Псалмы.—Повѣрья.

Сл. Мостки расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки Боровой, берущей начало изъ родниковъ за хуторами круглыми, отстоящими отъ слободы въ 15 вер. Слобода находится отъ г. Старобѣльска въ 28 вер., отъ г. Харькова въ 216 вер. Соединеніе между Мостками и Харьковомъ ведется по—такъ называемой—большой столбовой дорогѣ, идущей отъ Харькова на сл. Бѣловодскъ Старобѣльскаго же уѣзда. На юго-западѣ отъ Мостковъ находится неглубокая балка, называемая „Большой-Боровикъ“. Балка эта отъ Мостковъ отстоитъ на 12½ верстъ, и служитъ границею между уѣздами: Старобѣльскимъ и Купянскимъ. Сл. Мостки тянется приблизительно на 8 вер. и расположена почти на ровномъ мѣстѣ, только нѣкоторыя части ея находятся у горъ незначительной величины. Близъ Мостковъ на юго-западѣ лежитъ два небольшихъ лѣска; лѣтъ 12 тому назадъ здѣсь росли солидныя деревья, въ настоящее же время эти лѣски похожи скорѣе на балки, заросшія мелкою порослью. Одинъ лѣсъ, лежащій ближе къ дорогѣ въ сл. Екатеринославъ, называется „Средній“, а другой, который лежитъ южнѣ Средняго,—„Крайній“. Рѣка Боровая имѣетъ маленькій притокъ, который называется Баглай. Та часть слободы, которая лежитъ около этого притока, называется также Баглай; часть, которая расположилась выше рѣки, называется „Верхній планъ“, ниже рѣки „Нижній планъ“; остальные части слободы имѣютъ тоже свои названія: Старобѣльская, по названію дороги, ведущей въ г. Старобѣльскъ, Крейдянка, расположенная около мѣловой горы, Андреевка,—по фамиліи поселянъ, впервые поселившихся на этомъ мѣстѣ. Андреевы, какъ говорятъ, пересе-

лились въ Мостки изъ д. Береки, Зміевского у. Они были настоящіе великорусы; отъ нихъ произошли, такъ называемые перевертни, т. е. смѣсь великорусскаго народа съ малорусскимъ. Говорятъ, растягивая слова, какъ великоруссы, носятъ свиту и шапку малорусса, а рубаху великорусса, застегивая на боку и надѣвая поверхъ шароваръ; волосы разбираютъ на боку; говорятъ по великорусски, часто вставляя малороссійскія слова, напр.: „зранку“ т. е. съ утра, „згадавъ“—вспомнилъ, или наоборотъ: встрѣчаешь въ школѣ мальчика, одѣтаго по малороссійски, начинаешь говорить съ нимъ, онъ отвѣчаетъ на великорусскомъ языкѣ.

Названіе Мостковъ жители объясняютъ двояко. Одни говорятъ, что основаніемъ этой деревни послужила разбойничья хата, которая была построена на болотѣ; къ этой хатѣ вели со всѣхъ сторонъ длинныя, узкіе мосты, отчего это мѣсто и получило названіе Мостки. Другіе говорятъ, что мѣсто, на которомъ расположилась слобода, было до того грязно, что во многихъ мѣстахъ не было возможности не только ѣздить, но даже и ходить, а потому на такихъ мѣстахъ строили мосты, отчего слобода и получила названіе Мостковъ. Происхожденіе слободы объясняютъ такъ: сначала былъ выстроенъ одинъ разбойничій курень, потомъ хата. Много лѣтъ, говорятъ старики, стояла эта хата, бывшая притономъ разбойниковъ; вблизи не было ни огородовъ, ни селъ, кругомъ—лѣса, степь, болота, да камышъ; въ послѣдствіи нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ пошли въ монастырь каяться въ грѣхахъ, нѣкоторые ушли въ другіе лѣса, а остальные начали заниматься хлѣбопашествомъ. Къ оставшимся разбойникамъ начали присоединяться хлѣборобы, и такимъ образомъ появился поселокъ, а потомъ—деревня. Говорятъ, что мѣстность, гдѣ теперь Мостки, была монастырскою землею. Въ нашей церкви имѣется книга, на которой написано по одному слову на страницѣ очень стариннымъ почеркомъ: „Книга глаголемая прологъ, мѣсяцъ Мартъ, Апрѣль и Май. Воронежской епархіи, Бахмутскаго уѣзда, Донецкаго Успенскаго и Предтечаго монастыря, Троицкой-Свято-Духовской слободы Мостки тоже, церкви Живоначальной Троицы“. Года въ этой книгѣ нѣтъ, такъ какъ первые листы вырваны.

Численность жителей Мостковъ простирается до 3062 д. м. п. и 3043 ж. п. Жители раздѣляются на три почти равныя части. называемыя сотнями: первая, вторая и третья. Сообразно дѣленію жителей раздѣлена и земля. Наружность жителей непривлекательна: ни мужчинъ, ни женщинъ, ни даже дѣтей нѣтъ красивыхъ. Женщины въ особенности отличаются своей некрасивою наружностью. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мостковъ есть хутора, въ которыхъ нерѣдко можно встрѣтить прехорошенькую дѣвушку, или замужнюю женщину.

Языкъ преимущественно чистый малорусскій только у стариковъ; у молодежи же встрѣчается въ говорѣ много словъ литературно-русскихъ и даже иностранныхъ, понятно, немилосердно извращенныхъ напр.: „прахтика“ (практика), „кунтузить“ (конфузить), „липортуеть“ (рапортуеть) въ смыслѣ скоро говорить. Не ударяемое *а*, въ иныхъ словахъ переходитъ въ *о*, напр.: Алексѣй—Олексій, аренда—орѣнда; *н* выговаривается, какъ *и*, въ ударяемыхъ и безъ ударенія; иногда *е* въ *и*, напр.: тѣтка—тѣтка, лѣсъ—лисъ, слѣпой—слипый, и проч.; *е* иногда произносится, какъ *ы*, напр.: земля—зымля; *о* иногда произносится, какъ *у*; взялъ—узявъ; *у* иногда выговаривается, какъ *о*; напр.: ударилъ—вдѣривъ; звукъ *о* прибавляется въ слѣд. словахъ: онъ—винъ, овса—вивса, утка—вутка, вутя. Гортанныя *г*, *к*, *х* переходятъ въ *ж*, *ч*, *ш* и въ *з*, *ц*, *с* напр.: въ ріцци, въ лүзи, на бѣрези, при дорѣзи, въ кабаці. Родительный и дательный падежъ: мнѣ—минй, тебѣ—тобй, себѣ—собй; ёго, ему, менѣ, тебѣ. Послѣ звука *б* звукъ *и* выговаривается въ нѣкоторыхъ словахъ твердо, не такъ какъ въ Полтавской и Киевской губ., напр., здѣсь говорятъ: бѣда—не бидѣ, а „быдѣ“, хотя въ словахъ „бѣдный, бѣгать“ *и* выговаривается мягко. Литературный языкъ тоже оставляетъ по себѣ слѣды. Когда малороссъ начинаетъ говорить литературнымъ языкомъ, то его можно понять только по догадкамъ; онъ говоритъ вмѣсто фizioномія—„финомбія“; одинъ крестьянинъ, вышедшій въ купцы, говорилъ мнѣ, что онъ ѣдетъ за товаромъ въ Харьковъ „въ пробѣиль“ т. е. спѣшить ѣхать и скоро возвратится обратно; разсердившись, онъ ругаетъ „Бахусомъ“ человека не пьющаго и проч.

Народъ читаетъ преимущественно дубочныя изданія, между

которыми первое мѣсто занимаютъ: Житія святыхъ, различные романы, вродѣ: Битва русскихъ съ кабардинцами, Англійскій Милордъ, Гуакъ и проч. Но главное мѣсто занимаютъ слѣдующія книги: Псалтирь, Евангеліе и даже Библия; хотя у нихъ есть повѣрье, что кто прочитаетъ всю Библию, не пропустивши ни одного слова, тотъ сойдетъ съ ума. Книги религіозныя и лубочныя покупаются и вымѣниваются у „щетинниковъ“ или „котолуповъ“, которые, кромѣ книгъ, носятъ и другія мелкія вещи: крестики, кольца и проч., и обмѣниваютъ ихъ на щетину отъ свиней, покупаютъ кошачьи шкурки и проч. Книгами торгуютъ, въ большинствѣ случаевъ на ярмаркахъ, еще Суздальцы, которые, кромѣ книгъ, продаютъ также и корзины. Всѣ эти книги читаютъ только крестьяне „мужики“; мѣщане-же, купцы и богатые крестьяне, всѣ, кому позволяютъ средства, выписываютъ „газеты“: Свѣтъ, Родину и т. п. дешевыя изданія.

Жилище.—Крестьянская небольшая хата имѣетъ въ длину 8 арш., а въ ширину 7 ар., большая—въ длину 10 ар., а въ ширину 8 ар. съ сѣнями въ длину 6 ар., ширину 8 ар. Въ большой хатѣ имѣются черезъ сѣни двѣ комнаты. Входная дверь ведетъ въ большія сѣни безъ потолка, въ сѣняхъ помѣщается труба отъ печи, въ которую проходитъ дымъ, сама же печь устраивается въ хатѣ. Труба не закрывается, а затыкается тряпкой изъ сѣней; дѣлается труба изъ мелкаго хвороста и обмазывается бѣлою глиною. Если крестьянинъ бѣдно живетъ и не имѣетъ амбаровъ, то въ сѣняхъ дѣлаются закромы, куда ссыпаютъ зерновой хлѣбъ; въ сѣняхъ же ставится деревянная посуда, кадка съ водою, ссыпается тутъ же въ уголкѣ песокъ для зимы; около трубы стоитъ лѣстница, которая ведетъ на горіще (чердакъ). У нѣкоторыхъ крестьянъ часть сѣней отгораживается и служитъ кладовою, она носитъ названіе „хѣжки“. У богатыхъ сѣни дѣлаютъ тоже большія, но въ нихъ, кромѣ кадки съ водою, да лѣстницы на чердакъ, ничего нѣтъ. Крыша надъ хатою и сѣнями всегда соломенная; весь чердакъ увѣшивается различными сухими цвѣтами, травами, ягодами калины и лѣкарственными растеніями; тамъ же складывается прядиво (пенька), иногда, если нѣтъ амбаровъ, а въ сѣняхъ не оказывается мѣста, на чердакъ же ссыпается зерновой хлѣбъ. Изъ сѣней ведутъ двери

въ хату. Вблизи дверей устраивается печь, которая иногда занимаетъ $\frac{1}{4}$ часть хаты; вдоль и поперекъ стѣнъ стоятъ ослоны, т. е. лавки, которыя сходятся подъ образами; передъ лавками стоитъ столъ, накрытый бѣлою скатертью хотя изъ толстаго, грубаго холста; на столѣ всегда долженъ лежать хлѣбъ и стоять солонка съ солью. Мѣсто за столомъ подъ образами называется „покутемъ“. Это самое почетное мѣсто, гдѣ сажаютъ жениха съ невѣстою, кумовьевъ и вообще почетныхъ и желанныхъ гостей. Уголь этотъ и почти вся стѣна противъ дверей бываетъ увѣшана иконами и самыми разнообразными картинами, иногда иконъ бываетъ до 20-ти и болѣе; послѣ иконъ идутъ раскрашенные портреты: Государя Императора, Государины Императрицы, Великихъ Князей, генераловъ, затѣмъ изображенія воиновъ, тутъ же можно встрѣтить романсы и пѣсни въ лицахъ; кромѣ картинъ, стѣны украшаются „шпалерами“, эти шпалеры (обои) прибиваютъ подъ образами,—„коло богівъ“. Иконы украшаютъ рушниками (полотенцами) и цвѣтами: гвоздиками, (самые любимые цвѣты малороссовъ), васильками, калиною и крокосомъ; крокосъ иногда обмачиваютъ въ разведенный мѣлъ, для того, чтобы онъ былъ бѣлый, а не красный. Калина служитъ здѣшнимъ дѣвушкамъ украшеніемъ: ею онѣ убираютъ голову. Вся хата, стѣны и потолокъ вымазаны бѣлою глиною; печь обыкновенно аршина на $1\frac{1}{2}$ отъ земли вымазывается землею или „кизякомъ“; коминъ, т. е. верхняя часть печи, разукрашивается красною и желтою глиною и синькою въ видѣ какихъ то безформенныхъ пятенъ, которыя соединяютъ узенькими полосками, предполагая, что эти кляксы похожи на деревья съ листьями, и называютъ ихъ „сосенками“; крупныя кляксы изображаютъ птицъ. За печью оставляютъ пространство для кровати, „поль“, или „пиль“ (нары), представляющій нѣсколько досокъ, довольно широко намощенныхъ, гдѣ зимою спятъ. Доски эти не закрываются ничѣмъ, а остаются голыми, на нихъ лежатъ кожухи, свитки, подушки, стоитъ „дижа“ (кадушка, въ которой заквашиваютъ хлѣбъ); надъ ними привѣшивается жердь, на которой висятъ клубки, пасмы нитокъ и прочія принадлежности пряжи. Поль („доливка“) въ хатахъ всегда земляной, вымазанный поверхъ земли кизякомъ. Окна въ хатахъ бываютъ

небольшія, трехъ четвертей вышины и двухъ—ширины, они не растворяются, а всегда отодвигаются (отсуваются). Это типъ самой простой хаты; существуетъ еще другой,—болѣе сложный, встрѣчающійся у болѣе зажиточныхъ людей. Подобная хата устраивается такъ:—посрединѣ строенія находятся сѣни безъ потолка, изъ сѣней идутъ двери,—однѣ на право въ „хату“, а другія влево въ „кимнату“ или „хатыну“; въ хатѣ принимаютъ гостей, да обѣдаютъ, но постоянно не живутъ въ ней. На такихъ хатахъ бываетъ двѣ дымовыя трубы, потому что дѣлаются двѣ отдѣльныя печки. Крыша на хатѣ лежитъ не непосредственно на стѣнахъ,—она отводится отъ стѣнъ на аршинъ или полтора, упирается на вѣнцы, а края поддерживаются нетолстыми колоннами; эта часть называется „поддашками“ и имѣетъ видъ галлерей; поддашки идутъ вокругъ трехъ стѣнъ: около „причылка“ (лицевой стороны хаты),—противуположной причилку и на стѣнѣ, въ которой сдѣланы двери; четвертая сторона не имѣетъ ни оконъ, ни дверей, ни поддашекъ и называется „глухою стѣною“. Хаты болѣею частію ставятся глухою стѣною на улицу или въ сосѣдній дворъ. („Намъ надо смотрѣть не на улицу, а въ свой дворъ, чтобы видѣть, какъ стоитъ сѣно и другой кормъ, какъ стоитъ скотъ и проч.“). Окно бываетъ два, а въ послѣднее время и три: на лицевой сторонѣ, гдѣ дверь, дѣлаютъ число окошекъ, смотря по величинѣ хаты, одно или два, иногда дѣлаютъ одно маленькое окно и въ глухой стѣнѣ. Постройки во дворахъ ставятъ безъ особаго плана, но замѣтно, что чистенькія зданія ставятся впереди, напримѣръ амбары ставятся не только впереди, но нерѣдко и на улицѣ противъ дома; остальные постройки: загороды (базы), хлѣвы (сарай) и проч. ставятся сзади; такимъ образомъ скрывается та грязь, которая находится во дворѣ крестьянина; постройками, кромѣ того, защищаютъ зимою скотъ отъ холоднаго вѣтра. Улицы въ Мосткахъ обстраиваются болѣею частью въ одинъ рядъ, а не въ два. Огородъ всегда бываетъ отгороженъ отъ двора; въ огородѣ помѣщается токъ (гумно); на току складывается сѣно и вообще всякій кормъ, приготовленный на зиму для скота. Необходимая принадлежность тока—клуна, или половникъ. Клуна строится двоякимъ образомъ: въ землю вкапываются стропила (крѣпки) безъ стѣнъ, къ нимъ прибиваются латы изъ нетолстыхъ жердей, и потомъ

кладется крыша до самой земли. Болѣе совершенный видъ клуны таковъ: закапываются столбы, на которые кладутъ окладыны, на окладыны—балки, въ балки задѣлываютъ кроквы; между столбами заплетаютъ плетень хворостомъ и замазываютъ глиною; кроютъ клуны камышомъ или соломой.

„Одежа“ мужчинъ состоитъ изъ рубахи (сорочки) грубаго, домашняго приготовленія, холста; обшлага, воротникъ и подолъ рубахи обыкновенно вышиваются красными и синими нитками, которыя приобретаются отъ „гончурниковъ“, собирающихъ „ганчирки“ (тряпки), обмѣнивая ихъ на крестики, мѣдныя кольца и заполочь (нитки). Въ послѣднее время встрѣчается много ситцевыхъ рубахъ „съ маньшками“ у молодежи. Штаны изъ набойки совсѣмъ почти исчезли, изъ холста попадаются тоже рѣдко, только на дѣтяхъ и старикахъ штаны полотняныя, а на молодежи всегда „набирани“, т. е. набранныя въ лавкѣ; цвѣта всегда чернаго или коричневаго. Сапоги огромной величины для того, чтобы можно было надѣть побольше онучей (портянокъ), обыкновенно нога обворачивается двумя портянками, полотняною и суконною; отъ тяжести на ногахъ, походка бываетъ лѣнивая, развалистая. Сапоги дѣлаются съ очень длинными голенищами; у молодежи сапоги на очень высокихъ каблучкахъ съ двумя или тремя подковами, лежащими одна на другой; „эта мода вышла“, какъ здѣсь говорятъ, „съ Дону“, т. е. тотъ типъ сапоговъ позаимствованъ отъ донскихъ козаковъ, къ которымъ они отправляются каждое лѣто на заработки, или по мѣстному выраженію „на закоски“. Верхняя одежда состоитъ изъ жилета по возможности плисоваго или суконнаго, украшеннаго металлическими пуговицами и расшитаго различныхъ цвѣтовъ нитками; поверхъ жилета надѣвается въ теплое время года „чинарка“, родъ поддѣвки. Чинарка непременно должна быть подпоясана; пояса носятъ краснаго и зеленаго цвѣтовъ, шириною въ $\frac{1}{2}$ арш. а длиною 3 ар. Головной уборъ—лѣтомъ—картузь съ большими козырькомъ и донышкомъ. Осенью одежда та же, что и лѣтомъ, только поверхъ чинарки надѣвается свитка, у мужчинъ чернаго, у женщинъ бѣлаго цвѣта; зимою надѣваются „кожухъ“, свита съ громаднымъ воротникомъ, подшита холстомъ, „накожи“—кожанныя рукавицы и „капелюхи“,—колпакообразная съ

наушниками и надзатыльникомъ, подобная чернымъ или сѣрымъ барашкомъ, шапка; говорятъ, будто капелюха заимствована у калмыковъ. Мужчины обуваются еще въ „черевыки“,—нѣчто сродни женскимъ башмакамъ. Нога обматывается портянкою („оу́ча“) до колѣна, потомъ обматывается веревкою („во́локи“) или ремешкомъ, а потомъ уже надѣваются „черевыки“, привязываемые къ ногѣ тоже бичевою. Эта обувь употребляется во время полевыхъ работъ, у пастуховъ, у бѣдныхъ взрослыхъ крестьянъ; только немногіе изъ подростковъ ходятъ въ сапогахъ, остальные носятъ „черевыки“. Одежда женщинъ въ Мосткахъ неизящна: „спидныця“ (юбка) очень короткая, почти до колѣнъ; „корсетъ“, на подобіе чинарки, только гораздо короче и съ застежкой сбоку на груди; грудь въ корсетѣ разшищается цвѣтными шнурками и кантами, зубцами и пуговицами; назади поперекъ талии довольно густо нашиваются бѣлыя пуговицы. Корсетъ шьютъ съ рукавами и называютъ „юбкою“. Ноги обуваютъ въ грубые неуклюжіе полусапожки; туфель, т. е. башмаковъ, здѣсь уже не носятъ; носятъ толстые чулки изъ простой шерсти. Голову дѣвушки повязываютъ платкомъ такъ, что верхняя часть головы бываетъ совсѣмъ открыта, а бахрома платка опускается на шею и слегка на лобъ; поверхъ платка надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ искусственныхъ и узенькихъ лентъ. На шеѣ носятъ множество разноцвѣтныхъ монистъ, между которыми помѣщаются мѣдные, бронзовые и серебряные кресты. Косу заплетаютъ въ „дрибушки“, не въ три пасма, а пасмъ въ двадцать и болѣе, а въ конецъ, косы вплетаютъ множество лентъ—„кисныки“. Какъ только начинается весна и появляются цвѣты, дѣвушки, молодыя женщины и дѣвочки подростки ходятъ въ церковь съ букетами въ рукахъ; если нѣтъ цвѣтовъ, то вмѣсто нихъ берутъ траву или зеленую вѣтку; вообще женщины считаютъ неприличнымъ ходить весною въ церковь безъ цвѣтовъ или растительности. Лѣтомъ и осенью у замужнихъ женщинъ головной уборъ бываетъ трехъ родовъ: „очіпокъ“ изъ парчи съ небольшими ушками и двумя лунообразными полукругами, отчасти напоминающій собою сѣдло, отчего и называется „сидластымъ“; „капоръ“, въ видѣ шапки Павловскаго гвардейскаго полка, только передній выступъ его вдвое ниже, и „капоръ“, въ видѣ мѣщанской „наколки“,

плотно обхватывающій, съ небольшимъ помѣщеніемъ сзади для волосъ. Замужняя женщина волосъ не заплетаетъ со дня выхода замужъ, вѣря, что если она заплететъ косу, то у ней „заплетется разумъ“, незаплетенныя волосы подбираютъ и укладываютъ на головѣ въ видѣ современной прически у интеллигентныхъ женщинъ; сверху нихъ надѣвается очіпокъ. „Плахта“, „запaska“ и сафьяновые сапоги совсѣмъ вышли изъ употребленія; запаски встрѣчаются теперь очень рѣдко и только у богатыхъ. Очень рѣдко встрѣчается „габова свита“,—верхняя одежда изъ синяго сукна, длинная, имѣющая видъ большого халата. Юбки и корсеты шьютъ преимущественно изъ матерій ярко-краснаго цвѣта, рѣже желтаго и зеленаго.—Городъ отчасти оказалъ вліяніе на измѣненіе одеждъ; у женщинъ появляются юбки длиннѣе мѣстныхъ и кофта „баска“, такъ что мнѣ приходилось слышать такія заявленія отъ пожилыхъ женщинъ: „теперь у насъ у слободѣ не взнаешь де барышня, а де проста дівка“.

Пища, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ разнообразна: у богатыхъ—борщъ, каша или вареный картофель, а въ праздники пироги, блины, орѣшки; у бѣдныхъ—борщъ безъ мяса и сала, картофель, хлѣбъ ячменный или ржаной. При хорошемъ урожаѣ проса, бѣдняки ѣдятъ кашу. Всю зиму дѣти, которые остаются ночевать въ школѣ, ѣдятъ только хлѣбъ и картофель. Мнѣ приходилось слышать въ школѣ, какъ дѣти бѣдныхъ крестьянъ говорили, что во всю зиму они не видали мяса и сала и что ѣдятъ они борщъ съ бураками да картофелемъ. Лѣтомъ у всякаго есть арбузы, дыни и огурцы, потому что каждый сѣетъ бахчу. Только въ годовые праздники бѣдные крестьяне покупаютъ баранину и варятъ съ нею борщъ, а пироги пекутъ съ неочищеннымъ картофелемъ, перемѣшаннымъ со свинымъ саломъ, утверждая, что въ пирогахъ неочищенный картофель на столько вкусенъ, что трудно узнать, что это картофель, а не одно сало. Собственно говоря, это дѣлается изъ экономіи, чтобы меньше выходило картофеля. Чай употребляется у крестьянъ фруктовый и изъ различныхъ травъ, собранныхъ весною и лѣтомъ. Его варятъ въ чугунахъ и въ горшкахъ, за неимѣніемъ самоваровъ.

Благодаря лавкамъ, крестьяне могутъ достать керосиновую дешевую лампу, чай, сахаръ, спички, а съ открытіемъ земскихъ школъ, почти во всякой хатѣ можно найти карандашъ, бумагу, перо и чернило. Раньше здѣсь освѣщались каганцами. Въ обломокъ горшка накладывали бараньяго сала — и помѣщали узкій, длинный кусочекъ полотняной тряпки, одинъ конецъ котораго клали такъ, чтобы онъ висѣлъ изъ черепка и его зажигали, а другой конецъ его оставался въ салѣ. Отъ этого освѣщенія было страшно много вони, а свѣта слишкомъ мало. Спички замѣнили „кресало“, благодаря тому, что всегда можно достать ихъ въ здѣшнихъ лавкахъ, а въ послѣднее время шведскія спички начали вытѣснять сѣрные.

Здоровье.—Жители слободы, въ особенности дѣти, имѣютъ изнуренный видъ; изъ сотни мальчиковъ, посѣщающихъ училище, только три свѣжихъ—румяныхъ; остальные же всегда блѣдные. Это, вѣроятно, происходитъ отъ плохой пищи и спертаго воздуха въ ихъ хатахъ. Лѣтъ 6 назадъ въ сл. Мосткахъ появился дифтеритъ, и смертность была такъ велика, что во многихъ семьяхъ, гдѣ было человѣкъ 8 дѣтей, не оставалось ни одного; съ этого года дифтеритъ въ слободѣ не прекращается. Весною 1893 г., вслѣдствіе неурожая 1892 г., появилась цынга, но скоро была прекращена. Знахарей, лечащихъ травами, въ Мосткахъ нѣтъ; есть только такіе знахари, которые *заговариваютъ* болѣзнь зубовъ, отъ укушенія змѣи и проч. Около раны, гдѣ гадина впустила жало, — окружаютъ три раза правымъ мизиннымъ пальцемъ и, ведя пальцемъ, шепчутъ: „за моремъ горѣ, а на той горѣ дубъ стоитъ, а въ тимъ дуби бараново руно, а въ тимъ руни лежитъ змѣя скорпія, Марья; прошу я выйди змѣя скорпія, погуляй на йнша, на болотѣ, на очеретѣ, на осѣннии покосы, на холодныи воды; отзови свой лютый гадъ: изъ гнѣвъ, изъ приспѣ, изъ хлибѣвъ, изъ лисѣвъ, изъ черной и бѣлой, и рябой, и половой, и сірой, и перистой, гнидистой, зузулястой; выйми жало-жалище, а не выймешь ты жало-жалище, то буду я просить Ангела, Архангела, щобъ тебе избыть громомъ и молніей. А не слушаешь цего, то буде тобі то, шо тому чоловіку, шо въ оскресный день дрова рубивъ, а не послѣшасъ цего, то буде тобі то,

шо тому чоловіку, шо въ оскресный день дрова ломавъ“. Чтобы избавиться отъ лихорадки, нужно рано утромъ выкупаться и то, чѣмъ вытирали тѣло, старую рубаху или „рушникъ“, выбросить на дорогу; вѣрятъ, что болѣзнь перейдетъ на того, кто подыметъ эту рубаху или полотенце. Отъ головной боли парятъ голову хрѣномъ, любисткомъ и другими травами. Больные теперь стали рѣже обращаться къ бабкамъ. Раньше они не вѣрили въ докторовъ, а теперь, если лечитъ докторъ и болѣзнь оканчивается смертію, то не говорятъ, что докторъ не сумѣлъ вылечить, а говорятъ, что онъ не захотѣлъ дать дорогого лекарства. Когда въ 1892 г. была здѣсь холера, крестьяне не вѣрили, что ихъ не могутъ вылечить; они увѣрили, что ихъ не хотятъ лечить, а хотятъ уморить, „щобъ не голодали“. Изъ *болѣзней скота* чаще другихъ бываетъ „ящуръ“, когда, какъ здѣсь говорятъ, „скотина хвѣра на роты“. Ящуръ лечатъ дегтемъ съ солью: деготь крѣпко солятъ и натираютъ больному животному языкъ, десны и небо. Во время сильныхъ засухъ иногда скотъ начинаетъ хромать; болѣзнь эта лечится тоже дегтемъ, которымъ смазываются копыта и подошвы заболѣвшаго животного. Интересно лечатъ мостовчане скотъ отъ „обдуванья“. Какъ только замѣтитъ хозяинъ, что у него „обдулась“ корова или быкъ, то онъ старается заставить скотину бѣгать, садится на лошадь и гоняетъ больного вола, потомъ даетъ ему слабительное изъ огуречнаго разсола съ тертой солью, который, размѣшавъ его хорошенько, заливаютъ больному изъ бутылки въ ротъ; если это средство не подѣйствуетъ, то нарѣзываютъ стараго, свиного сала небольшими кусочками и вкладываютъ въ ротъ животному, заставляя его ѣсть это сало; если и это не помогаетъ, то берутъ тонкій съ острымъ концемъ ножъ, обворачиваютъ его тряпкой и съ размаху загоняютъ его въ пахъ больного. Газы отъ этого выходятъ и животное почти всегда выздоравливаетъ. Во время чумы, даютъ скотинѣ пить деготь, глотать тертую ржавую селедку и заговариваютъ. Заговоры этихъ я не могла узнать потому, что существуетъ примѣта, будто, если передать заговоръ другому, то заговоръ этотъ теряетъ свою цѣлебную силу.

Земледѣліе—главное **занятіе** жителей Мостковъ. Сѣютъ обыкновенно пшеницу, ячмень и просо, рожь сѣютъ рѣже, а овесъ

совсѣмъ рѣдко. Пчеловодство въ большомъ упадкѣ, такъ что пасѣка въ 20 ульевъ считается большой. Хорошихъ садовъ нѣтъ; очень немногіе имѣютъ сады, состоящіе изъ вишневыхъ деревьевъ, 5—6 яблонь, 2—3 грушевыхъ дерева. Кустарныхъ промысловъ не было и нѣтъ. Народъ ходитъ на заработки на Кубань, на Донъ и на шахты. Единственный заработокъ крестьянъ зимою—возка хлѣба на вокзалъ ж. д. въ Лисичанскъ за 60 в. На вокзалъ возятъ хлѣбъ, который скупаютъ здѣсь пріѣзжіе купцы; въ Лисичанскѣ набираютъ каменный уголь для топки печей или для продажи. Года три назадъ, за неимѣніемъ дровъ, вошло въ употребленіе у нашихъ крестьянъ отапливаться углемъ. Печи для угля устраиваютъ такимъ образомъ: берутъ старый разбитый чугунокъ, выбиваютъ изъ него дно и вмазываютъ его глиной около печи на кирпичахъ или камнѣ; отъ дна чугуна проводятъ трубу изъ глины или камней, обмазанныхъ глиною, въ большую варистую печь.

Нравственность.—Народъ въ Мосткахъ религіозный и набожный; не ходить въ церковь считается большимъ грѣхомъ. Не смотря на всю религіозность здѣшняго крестьянина, у насъ существуютъ всѣхъ сортовъ воровъ; обмануть самого лучшаго пріятеля тоже ничего не стоитъ. Мостовчане, однако, народъ сострадательный: не дать куска хлѣба нищему считается дѣломъ въ высшей степени нехорошимъ; не похоронить умершаго прохожаго, не помочь погорѣльцамъ, не накормить странника—считается большимъ грѣхомъ; выбрать кума или куму, которые воспринимали ребенка, считается грѣхомъ, хотя украсть у нихъ, напр., лошадь не считаютъ грѣхомъ. Сострадательность мостовчанъ наблюдается въ дѣтахъ. Многіе изъ учениковъ моихъ остаются ночевать въ школѣ, всю осень, зиму и во время грязи, весною, всякій день остается человекъ до 20-ти. Въ это время я замѣчала, какъ заботятся старшія дѣти о меньшихъ и богатыхъ о бѣдныхъ. Когда вечеромъ и утромъ дѣти богатыхъ родителей варятъ кашу себѣ, они всегда варятъ на долю бѣдняковъ, и, наѣвшись, богатый передаетъ ложку одному изъ бѣдняковъ, уступая ему свое мѣсто; оставшаяся отъ утра каша никогда не оставляется на вечеръ, а всегда отдается бѣднякамъ. Меня всегда удивляло, что мальчикъ, кормившій всю зиму

голодающаго, никогда не упрекнетъ своего нахлѣбника кускомъ, какъ будто онъ даже и не замѣчаетъ, что дѣлаетъ благодѣяніе. Отдѣльнаго помѣщенія для ночлега дѣтей—въ школѣ нѣтъ, а потому они ложатся подъ партами на полу; здѣсь опять видна забота старшаго о младшемъ: тѣ, у которыхъ имѣются большія свиты и шубы, ложась, укладываютъ въ средину маленькихъ и тѣхъ, которымъ нечѣмъ укрыться.

Въ слободѣ встрѣчаются пьяницы среди „мироидовъ“, людей почти всегда довольно зажиточныхъ, а потому въ обществѣ имѣющихъ голосъ. Если выбираютъ старшину, старосту, нанимаютъ сторожей, дѣляютъ лугъ,—то ставятъ „могоричъ“ т. е. покупаютъ водку и угощаютъ народъ. Эти мироѣды всегда пьютъ могорычъ, а потомъ ужъ сами на свои деньги покупаютъ водку и пьютъ нѣсколько дней. Какъ мужчины, такъ и женщины не отличаются особенно высоконравственными супружескими качествами, но проституціи профессиональной нѣтъ.

Мѣстные крестьяне развитіе крестьянъ сосѣднихъ деревень, молодежь развитіе стариковъ. Нѣсколько разъ мнѣ говорили, что рѣка въ Мосткахъ была очень глубокая и по ней ходили барки; теперь же эта рѣка шириной въ полсажени, а глубиной въ $\frac{1}{4}$ ар. Я спрашивала у стариковъ: отчего это рѣка стала такъ мелка? они отвѣчали: „Богъ его зна, чогó вонó такъ! мабуть Господь за грихи наши одибравъ у насъ воду“. Тутъ же сидѣлъ паренъ 25 л.; дослушавъ рассказъ старика, онъ сказалъ: „Шо Богъ, то Богъ, а то таки и люди виноваты. Рѣчка наша стала мѣлкою видтого, що стáлы ораты ярѣ, зъ котóрыхъ иде весно́ю и въ дощѣ вода, въ слободѣ вербами берега засáжують, луга повспа́хивали, капустаныки до са́мои воды копа́ють; отъ ййии и позамуловáло, а якъ бѣгла вода по твёрдѣй землѣ, то му́лу не бу́ло“.

Въ земской школѣ, при двухъ учительницахъ и законоучителѣ, больше ста учениковъ не бываетъ, потому что помѣщеніе мало. Дѣти охотно поступаютъ въ земскую школу; зимою всегда школа биткомъ набита учениками; въ началѣ же весны, даже въ концѣ февраля, родители нанимаютъ своихъ дѣтей въ работу и потому берутъ изъ школы; къ экзамену едва можно набрать 5—8 человекъ и то подъ условіями такого рода: отецъ обѣщаетъ отпустить

сына въ школу только въ праздники и въ дурную погоду, а въ будни и въ хорошую погоду заставляеть работать дома. Почти-всегда, получая извѣщеніе о томъ, когда будетъ экзамень, волостной старшина, по просьбѣ моей, посылаетъ сотскихъ собирать по слободѣ тѣхъ дѣтей, которыя должны держать экзамень. „Хорошо если выдержитъ, а какъ нѣтъ, говорятъ родители: ему и мині стѣдно буде, що учівся, учівся тай не здержавъ кзамента“. Большихъ усилій стоитъ уговорить ихъ отпустить дѣтей на экзамень, не обходится и безъ расходовъ, особенно если ученикъ разъ уже не выдержалъ экзамена. Дѣвочекъ мало ходитъ въ школу; въ продолженіе 10 лѣтъ моей службы, въ этомъ училищѣ больше восьми дѣвочекъ не было никогда. Въ 1892³/₄ г. открыта у насъ церковно-приходская школа, въ которой обучается 15 учениковъ. Родители сами приходятъ ко мнѣ и просятъ, чтобы я позволила ихъ дѣтямъ ночевать въ школѣ; часто бываетъ такъ, что дѣти приходятъ въ школу въ понедѣльникъ, а уходятъ только въ субботу. Учительница и школа пользуются полнымъ довѣріемъ крестьянъ. Приводя ребенка въ школу, они говорятъ: „зділайте мѣлость, не балуйте его, заставляйте учиться всему. Намъ хорошо, якъ винъ читаетъ въ церквѣ и дома, и „артыметыка“ намъ здорово нужна. Самы мы и у церкву прійдемъ, то якъ „Божій быкъ“ стоимъ ничего не розбырѣшь, а винъ розскаже, той розбырѣшь що воно и къ чому. Теперь у насъ и старшина свий грамотный, и староста, и писарь, и всякий сотскій грамотный, а прѣжде надо було чужого брать. Теперь наши и въ лавки поступаютъ и въ писаря на сторону, и въ фельдерскую школу, а слободѣ польза“. Съ большимъ удовольствіемъ смотрятъ крестьяне, какъ дѣти парами, по возможности стройно, идутъ въ церковь. Ни одного слова грубаго я не слышала отъ крестьянъ во всю бытность мою въ Мосткахъ. Школа содержится не особенно аккуратно, вслѣдствіе неурожаевъ въ послѣдніе годы и большихъ расходовъ, которые были сдѣланы на постройки церквей.

Женщины ставятся ниже мужчинъ. Хозяйка, напр., принимая у себя гостя, не должна садиться; даже обѣдая въ своей семьѣ, она не садится, а ѣстъ стоя; если мужа нѣтъ, то она сидитъ за столомъ во время обѣда; совѣта ея не спрашиваютъ

никогда; если, при угощеніи водкой, гости вздумаютъ обратиться къ хозяйкѣ съ приглашеніемъ выпить, то она должна отказываться. Въ церкви мужчины и мальчики стоятъ впереди, а женщины и дѣвочки стоятъ въ притворѣ, или какъ онѣ говорятъ въ „бабникѣ“. Старая женщина пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ, она даетъ совѣты молодежи, учитъ дѣтей молиться Богу; мужъ ея, умирая, всѣ распоряженія по хозяйству даетъ ей; она иногда и немолодаго сына можетъ побить, если находитъ его виноватымъ, — и этотъ человѣкъ полный силъ и здоровья безпрекословно исполняетъ волю матери или терпитъ побои ея, боясь даже сказать ей какую нибудь дерзость. Родители вообще обращаются строго съ своими дѣтьми; сынъ, пока онъ не женатый, не имѣетъ никакого голоса; онъ дѣлаетъ все то, что прикажутъ ему; какъ только его женили, такъ онъ начинаетъ подавать совѣты и даже высказывать неудовольствіе, хотя отецъ почти никогда не обращаетъ вниманія на его неудовольствія. Когда сынъ его проживетъ женатымъ нѣсколько лѣтъ, тогда начинаютъ совѣтоваться съ нимъ, или же, когда замѣчаютъ, что сынъ хорошій хозяинъ.

Крестины. Какъ только родился ребенокъ, отецъ идетъ приглашать кумовьевъ; новорожденного спѣшатъ скорѣе окрестить; не крестить ребенка нѣсколько дней считается грѣхомъ. За страшный грѣхъ считается произносить при новорожденномъ слова: чертъ, бѣсъ, дьяволъ и проч.; вѣрять что до крещенія въ дитя можетъ вселиться нечистый духъ. Когда приходятъ кумъ и кума, то приносятъ съ собою по хлѣбу. Баба повитуха кладетъ на землю шубу, мѣхомъ наверхъ, шуба, непременно должна быть съ чернымъ мѣхомъ, на шубу полагаетъ спеленатаго ребенка и, беря съ кумомъ за противоположные концы шубы, передаютъ его кумѣ, а бабка въ это время говоритъ: „отдаю младенца некрещеннаго, немолитвеннаго“. Отецъ отдаетъ куму два хлѣба и деньги за крестины (за дѣвочку 15 к., а мальчика 20 к.) и отравляетъ ихъ къ священнику. Окрещенаго ребенка бабка такъ-же принимаетъ на тотъ-же разосланный кожухъ; но теперь ужъ кожухъ берутъ кумъ и кума, и, передавая ребенка бабкѣ, кума говоритъ: „у васъ брали некрещена, немолитвена, а вамъ принесли „крещеннаго и молитвеннаго“, при

этомъ говорить имя ребенка. На другой день крестинъ собираются къ родильницѣ замужнія женщины „въ рай“, какъ онѣ называютъ это собраніе гостей. Здѣсь гости садятся за столъ и ихъ угощаютъ: водкой, пирогами, „вареной“, т. е. наваромъ вишенъ, подаваемымъ въ чайныхъ чашкахъ. Во время угощенія баба, повитуха выводитъ къ столу роженицу, ставитъ корыто, кладетъ въ него васьковъ, косу, топоръ; роженица должна стать въ корыто правой ногой, а повитуха сливаетъ ей воду на руки; эту воду, она должна спускать до локтей и подставляя горсть подъ локоть, собирать ее, а изъ горсти пить. Это дѣлаютъ для того, чтобы у роженицы прибавлялось молоко—„пѣкормъ“, такъ выражаются бабы, а ногою становятся роженицу въ корыто—чтобы ея никто не могъ взглянуть.

Дѣвушки начинаютъ засиживать „вечерницы“ съ 8 сентября. Выбирается одна какая нибудь немолодая вдова, у которой собираются дѣвушки и парни, дѣвушки шьютъ или прядутъ, а парни играютъ въ карты: въ дурака, своего козыря, мельника и фильку. Въ большіе праздники дѣлается складчина, всякая дѣвушка беретъ изъ дому, что можетъ: муку, сало, яйца, украденую курицу; парни же покупаютъ водку, орѣхи, пряники, конфеты. Не принести лакомства на вечерницы считается не приличнымъ, дѣвушки засмѣютъ парня, который прійдетъ съ пустыми руками, а потому парни крадутъ у родителей пшеницу, куръ, гусей, и, продавъ это, покупаютъ лакомства. Украсть для вечерницъ не считается преступленіемъ. Родители знаютъ, что у нихъ крадутъ, но не бываютъ за это въ претензіи. На вечерницахъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„Тамъ дивчина по грибы ходила,
Въ зеленому гаю заблудыла;
Приблудылась къ зеленому дубу,
Ой тутъ же я ночувать буду;
Я думала що дубъ зелененькій,
Ажъ то стоитъ гайдаръ молоденькій.“

„Ой, гайдаре, молодой гайдаре!
Ой выведи мене съ цего гаю!
Ой далеби дорожки не знаю.“
„Ой, якъ быжь ты дорожки не знала,
Тобъ ты мене гайдаремъ не звала,
Тобъ ты мене серенькомъ назвала.“

* *

Якъ выйду я на улыцю гуляю,
гуляю.

Выйде мате въ хату звать,
А я шей выляю.

Поютъ еще: „туманъ яромъ налегае“ и др.

Похороны.—Когда человѣкъ сильно боленъ, то сосѣди, родственники и кумовья приходятъ къ больному, прощаются съ нимъ и передаютъ поклонъ своимъ умершимъ роднымъ и знакомымъ. Когда человѣкъ умираетъ, то кладутъ его на землю; какъ только онъ умретъ, то на окнѣ, которое находится ближе къ покутью, ставится чашка съ водой; чашка должна оставаться на окнѣ до шести недѣль, такъ какъ душа будетъ прилетать и купаться въ этой водѣ, т. е. обмываться въ ней отъ грѣховъ. Только что умершаго человѣка обмываютъ, одѣваютъ и кладутъ на лавку подъ образа головою. Читальники читаютъ надъ покойникомъ псалтырь; если умершій человѣкъ зажиточный, то приглашается священникъ и погребеніе совершается священникомъ на кладбищѣ, а если бѣдный, то его везутъ въ церковь и тамъ отправляется погребеніе священникомъ, а на кладбище везутъ безъ священника, только въ сопровожденіи крестовъ, хоругвей и фонаря; кресты перевязываются полотенцами. Существуетъ обычай отвозить покойника на кладбище на коровахъ или на волахъ, но ни въ какомъ случаѣ не на лошади. Если негдѣ занять воловъ или коровъ или дорога очень испорчена, то въ сани запрягаются мужики, а на сани ставятъ „догомуна“ (гробъ) и везутъ покойника на кладбище. Надъ покойникомъ „тужать“ родственники, т. е. поютъ и приговариваютъ. Въ этихъ пѣсняхъ высказывается сожалѣніе о томъ, что онъ покинулъ ихъ сиротами, не распорядился хозяйствомъ, не далъ совѣта, какъ жить; часто бываетъ, что умершій распорядился во всемъ, но родственники все-таки приговариваютъ тоже. Чѣмъ громче и чище у кого голосъ, чѣмъ больше кто приговариваетъ, тѣмъ больше его хвалятъ, говоря: „охъ, гѣрно плаче“. Бываетъ иногда, что и мужчины тужать. Передавая мнѣ процессію похоронъ, одинъ крестьянинъ замѣтилъ: „мабуть и мате такъ не затужить, якъ я умію тужить“. Покойниковъ опускаютъ въ могилу на полотнѣ; это полотно отдаютъ тѣмъ людямъ, которые копаютъ могилу. Поминовенія бываютъ въ девятый день, сороковой и въ годовщину. На помины приглашаютъ сосѣдей, знакомыхъ, родственниковъ и нищихъ; готовятъ для нихъ обѣдъ, за столомъ даютъ водку, но не много.

Праздники и пѣсни. Наканунѣ Рождества Христова бываетъ

„богатый святъ вечеръ“, послѣ ужина хозяинъ идетъ въ загору, гдѣ находится скотъ, и смотритъ, куда корова лежитъ головой; если на востокъ, то это означаетъ, что она приведетъ теленка утромъ, на сѣверъ,—такъ въ полночь, на югъ—въ полдень, на западъ—вечеромъ. Въ этотъ же вечеръ выходятъ воръ, неvěста или женихъ съ пирогомъ слушать за глухой стѣной. Если услышатъ разговоръ, въ которомъ говорятъ „иди“, то тотъ, кто слушаетъ, смѣло можетъ надѣяться на исполненіе задуманнаго: неvěсть—выйти замужъ, жениху—жениться, а воръ будетъ удача въ воровствѣ. Въ день Рождества Христова поютъ: „коляды“, тропарь Рождеству Христову и кондакъ тому же празднику. Подъ Новый годъ „щедруютъ“, т. е. поютъ пѣсни: На новый годъ поютъ слѣдующія пѣсни:

„На рили на Ордани“

„Мыланка ходыла, Василька просыла“

*

„Во поли, поли самъ Богъ ходе,
За нимъ ходыла Божая Матерь
Иисты носыла, Бога просыла:
Зароды, Боже, жито-пшеницю,
Всяку пашницю“

Ходѣ Илья на Василя,
Косѣ пашницю жятяную;
И сюды махну, и туды махну.
Будьте здоровы, съ праздникомъ,
Та зъ Васылемъ“

*

*

„На сѣасте, на здоровѣ, роды Боже
Жито пшеницю, всяку пашницю“

Будьте здоровы, съ новымъ годомъ,
Та съ праздникомъ поздравляю“

На масляницѣ поютъ такъ:

„Ой за нашимъ садомъ
Три мѣсяца радомъ,—
Ладомъ, ладомъ,
Три мѣсяца радомъ.
Три мѣсяца ясныхъ,
Три молодца красныхъ—
Ладомъ, ладомъ,
Три молодца красныхъ“

Первый мѣсяцъ (имя парня),
Второй (имя) и третій (имя).
Ладомъ, ладомъ и т. д.
Ой за нашимъ садомъ
Три зврочки радомъ,—
Ладомъ, ладомъ,

Три зврочки радомъ,
Первая зврка (имя дѣвицы),
Вторая и третья (то же имя).
Ладомъ, ладомъ (имена дѣвицъ),
Ой ладомъ, ладомъ
Три мѣсяца радомъ“

При *посѣвѣ* существуетъ единственный *обычай* у жителей Мостковъ; именно, на четвертой недѣлѣ Великаго поста въ среду пекутъ крестъ и прячутъ его въ зерновой хлѣбъ, въ закромя; когда ѣдутъ первый разъ въ поле сѣять, то мальчикъ долженъ носить подъ рукой крестъ, а взрослый ходить за нимъ и разсѣиваетъ зерно. 24 іюня празднуется „Ивана купала“. Въ этотъ день дѣвушки отправляются въ лѣсъ или степь и вьютъ изъ

цвѣтовъ себѣ вѣнки, а вечеромъ вмѣстѣ съ парнями собираются на гору, приносятъ соломы, раскладываютъ костры, зажигаютъ ихъ и прыгаютъ черезъ огонь. Дѣвушки приходятъ въ вѣнкахъ на головѣ, и, прыгая черезъ горящій костеръ, вѣнки разрываютъ и бросаютъ въ огонь.

Игры, танцы и музыка. Проводы мяса празднуются такимъ образомъ: собираются дѣвушки, парни и дѣти, берутся за руки и становятся, изображая фигуру „глаголь“. Первая пара поднимаетъ руки, а остальные, начиная съ послѣдней пары, проходятъ подъ руками первой пары. Когда пройдутъ всѣ, то пара съ поднятыми руками выворачивается, а послѣдняя пара поднимаетъ руки, всѣ же остальные опять идутъ подъ руки, какъ и въ первый разъ; такъ проходятъ они всю слободу. Во время этой игры поютъ пѣсню:

„Скочивъ козелъ въ огонь,
Пойивъ лукъ, чеснокъ;
Выйшла бабуса,
Взяла козла за рожокъ,
Повела козла на торжокъ,
Продала козла за рубля;
Прийшла до дому, загула“

Дешево козла продала:
Було-бъ узати три рубля,
Та впораты три поля,
Посаяты три зела:
Перве зело билило, дру-
ге красило,
А трете черныло.
— Чего мыленька биденка?

— Сударь, мучицю сѣяла,
Свое личенько убивала!
— Чого мпленька красненка?
— Сударь, а у пичи топыла,
Свое личенько спалила!
— Чого мильенька черненька?
— Сударь, сажу трусыла,
Свои бривоньы черныла“

Дѣти играютъ въ мячъ, въ цурки, въ „довгой лозы“ (въ чехарду) и въ „гусаря“. Въ гусаря играютъ такъ: отмѣряется на ровной площади квадратъ шаговъ въ 20-ть; по угламъ его становятся четыре человѣка, а на плечи имъ садятся такъ-же четыре человѣка: сидящіе верхомъ бросаютъ другъ другу мячъ; если кто-нибудь изъ сидящихъ верхомъ не поймаетъ мячъ, то тѣ, на которыхъ сидятъ, сбрасываютъ своихъ всадниковъ и стараются поднять мячъ и имъ кого-нибудь ударить изъ всадниковъ. Тогда всадники преображаются въ лошадей, а лошади въ сѣдоковъ или гусаровъ, какъ ихъ называютъ. Если три раза подрядъ сѣдоки не перебѣгаются, то они начинаютъ развязку игры: каждый проѣзжаетъ нѣсколько разъ верхомъ по четырехугольнику на своемъ конѣ. Самый распространенный танецъ въ Мосткахъ—козачекъ; его танцуютъ дѣти, взрослые и старики, дѣвушки и парни: это ихъ любимый танецъ; его танцуютъ парами и по одиночкѣ. Музыкальные инструменты на свадь-

бахъ: скрипка, бась; любимый музыкальный инструментъ мостовчанъ „сопѣлка“, родъ дудки или волынки. Существуют артисты, которые дѣйствительно артистически играютъ на сопѣлкѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ. На гармоніи играетъ только молодежь.

Ярмарки считаются особеннымъ праздникомъ у мостовчанъ; всякій считаетъ чуть-ли не обязанностью своею побывать на ярмаркѣ. Купить-ли что или продать нужно хозяину или хозяйкѣ, они откладываютъ до ярмарки; переменить-ли нужно воловъ, лошадь или корову, крестьянинъ ждетъ ярмарки; если онъ долженъ кому-нибудь—отправивается до ярмарки: „переменяю, говорить, волюкивъ, продамъ, куплю дешевле и отдамъ долгъ“; мать, уговаривая ребенка, общаетъ ему купить на ярмаркѣ бубликовъ; парень дѣвушкѣ говоритъ: „выходи на ярмарку, канхвѣтивъ куплю“; всякій ярмарки ждетъ съ нетерпѣніемъ, на ярмаркѣ всякій старается чѣмъ-нибудь „заработать“; и въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается заработать, тѣмъ болѣе, что обмануть посторонняго человѣка не считается грѣхомъ. Вотъ рассказъ одного крестьянина, почему обмануть на ярмаркѣ можно: „Апостоль Павелъ (а другіе говорятъ Лука) повелъ на ярмарку продавать быка, быкъ этотъ былъ старый и слѣпой; къ нему подходятъ покупатели и спрашиваютъ: „что за быкъ? нѣтъ-ли пороковъ какихъ?“ Апостоль говоритъ: „старый и слѣпой мой быкъ“; покупатели отходятъ. Наконецъ нашелся покупатель, который взялъ быка за очень дешевую цѣну. Когда апостоль вернулся, Христосъ и спрашиваетъ: „за сколько онъ продалъ быка?“ Апостоль рассказалъ, почему такъ дешево продалъ быка. Спаситель выслушалъ и говоритъ: „глупый ты человѣкъ, нужно было хвалить быка и даже побожиться: вѣдь на то ярмарка, чтобы бѣдный человѣкъ хоть „трѣшки починиться“ (т. е. поправить свои дѣла). Откуда взята эта несообразная легенда, я не могла узнать.

Къ пѣснямъ въ Мосткахъ можно причислить такъ называемые „псалмы“, которые поютъ всѣ: дѣвушки, парни и старики. Кѣмъ составлены эти „псалмы“, неизвѣстно, но содержаніемъ ихъ всегда является какая-нибудь сцена или моментъ изъ библейской жизни. Вотъ „псалмы“, которые мнѣ удалось записать.

„Ой сижу я въ рову, тай бисидую, Шей бисидую и совитуюсь; Ой дай мнѣ, Богъ, связь голубчика, И летающаго, и порхающаго. Напишу я письмо, тай на кры- лушкахъ	Къ отцу своему, къ отцу Якову; Ой братья мои, братья родные, Вы продали меня, шей запродали Во чужую землю, во Египетскую, Ко чужому царю, къ Фараонтію, Къ Фараонтію, ще й заморскому“.
* *	
Исусе мій прилюбезный, сердю сладости, Едина мнѣ въ скорбяхъ утиха мой радости!	Дажь ми Христа въ сердци всегда имети, Изволь во мнѣ обитати, благи мнѣ являйся;
Есть ми азъ спасеніе триховъ и рай все- леніе, Мени же Тоби къ Богу благоприлепихуся, Отъ Тебя милосердія надѣяться.	Мною гришнымъ, недостойнымъ не гнушайся, Исчезе въ близини животь мій безъ Тебе Бога;
Но ктоже мени, моймъ бидамъ, гришному, поможе Аще не ты, о преблагый Исусе Боже! Хотѣние мени единому съ Тобою быти,	Ты мнѣ крипость, здравіе, Ты слава много, Радуйся, азъ о Тебѣ я веселюся, И Тобою во вся вѣки, Боже, хвалюся“.
* *	

Плачь всегда душе моя, То протекае жисть твою; Господи помилуй насъ, То узывай на всякой часъ;	Будешь жить на небесахъ У цвѣтущихъ древесяхъ; Будешь слышать всякой часъ Всегда херувимской гласъ;	Тамъ Ангелы поютъ, Благодать на всихъ ильютъ. Буде намъ отъ Бога орада И вичная награда“.
---	--	--

Повѣрья. Послѣ праздника Троицына дня, въ четвергъ, мостовскіе жители не ходятъ въ садъ, боясь, что русалки защекочатъ ихъ. Они называютъ этотъ день: „Русальчинъ великдень“. Вѣдьмы бываютъ только женщины. Вѣдьма ходитъ доить коровъ, можетъ войти въ хату—испугать человѣка; другого вреда она не дѣлаетъ. Для того, чтобы ее не узнали, она обращается въ клубокъ нитокъ, въ свинью, въ собаку, или въ копну сѣна. Чтобы поймать вѣдму и узнать, кто это, нужно схватить конецъ нитки, когда она сдѣлается клубкомъ, или за шерсть, если она собака, прибить гвоздиками къ чему-нибудь, и она будетъ стоять до свѣта; когда разсвѣтетъ, она станетъ женщиной, и тутъ ее можно узнать, но слѣдуетъ отпустить, не дѣлая ей ни какого вреда, чтобы она не отомстила. Домовые живутъ въ домахъ; передъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или хорошимъ они душатъ человѣка, и, если спросить къ худу или добру, то-скажутъ. Относительно лошади существуетъ рассказъ, который объясняетъ, почему лошадь много ѣстъ. Когда Исусъ Христосъ былъ еще маленькимъ, „жиды“ искали Его, чтобы убить; Исусъ Христосъ спрятался

въ ясли, около которыхъ стояла лошадь; лошадь съѣла все сѣно и жида нашли Иисуса Христа. За это Спаситель сказалъ: „Щобъ ты йшла и не найилась“; и съ этихъ поръ лошадь много и постоянно ѣсть. О папоротникѣ существуетъ такое повѣрье. Однажды у мужика пропали волю, онъ, пошелъ розыскивать ихъ и, когда шелъ черезъ лѣсъ, то за голенище его сапога упалъ цвѣтокъ папоротника. Сразу мужикъ узналъ, гдѣ его волю; идя за ними, онъ съѣлъ переобуться и, выронивъ цвѣтокъ изъ сапога, онъ сразу забылъ, гдѣ его волю и не нашелъ ихъ. Папоротникъ можно найти 24 іюня такимъ образомъ: слѣдуетъ выждать, пока черепаха выйдетъ изъ своего гнѣзда; тогда заложить входъ въ гнѣздо. Возвратившись и увидѣвши, что входъ заложенъ, черепаха отправится за папоротникомъ. Когда черепаха опять вернется, надо ее убить и взять у нея папоротникъ; потомъ, разрѣзавъ на ладони правой руки кожу, заложить туда папоротникъ, чтобы во всемъ имѣть успѣхъ. Есть въ Мосткахъ лѣсъ, который называется „Куриловъ“. На самомъ краю этого лѣса стоитъ большая груша; эту грушу никто не рубить, и даже плодовъ съ нея никто не ѣсть; говорятъ, будто „еще за поселеніемъ“ на ней повѣсилъ человѣкъ, и черезъ это жители боятся ея, говоря: „она, заклята“.

С. А. Хотяинцева и А. А. Усикова,

5.—Сл. Танюшевна.

Название слободы.—Свадебные обряды и пѣсни.

Слобода расположена въ долинѣ между невысокихъ горъ, которыя окружаютъ ее съ трехъ сторонъ: сѣверной, западной и южной, а на восточной сторонѣ ея находится лугъ, который отдѣляется отъ слободы рѣкою Айдаръ. Название свое слобода Танюшевка получила отъ имени жены кн. Куракина, Татьяны, въ то время, когда князь владѣлъ этою слободою, въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ наст. столѣтія. До князя Куракина Танюшевка называлась Березовой, по имени рѣчки, которая протекала между горъ съ юго-западной стороны и впадала въ Айдаръ; въ то время рѣчка эта была довольно глубока, а теперь остался только ручеекъ, да и тотъ во время лѣтней жары высыхаетъ. Въ настоящее время слобода эта пишется Танюшевка, а жители ея, крестьяне, и до сихъ поръ называютъ ее Березовой. Отъ уѣзднаго города она отстоитъ въ 60-ти вер.

Сообщу о томъ, какъ крестьяне сватаются. Какъ сыну исполнится 18 лѣтъ, такъ отецъ начинаетъ думать о его женитьбѣ. Въ началѣ осени крестьяне сватаются, а послѣ Покрова Пресвятыя Богородицы играютъ свадьбы, такъ какъ въ то время они покончатъ всѣ главные работы, молотбу и паханье подъ яровое. Обмолотивши хлѣбъ, часть его они продаютъ и запасаются деньгами для свадебныхъ расходовъ. Задумавъ женить сына, отецъ проситъ двухъ родственниковъ или хорошихъ сосѣдей быть сватами за его сына. Эти два лица называются „старостами“. Старосты берутъ хлѣбъ и въ сумеркахъ отправляются къ родителямъ той дѣвушки, которую должны высватать. Подойдя къ хатѣ, они стучатъ въ окно и говорятъ: „добръ вѣчень, добрый вѣчень, пустить погрицьца!“ Хозяйка отвѣчаютъ изъ хаты: — „Милосты просымъ“. Иногда старосты застаютъ хозяевъ спящими, тогда имъ приходится нѣсколько разъ повторить свое привѣтствіе, чтобы разбудить ихъ. Невѣсты дома не бываетъ, — она или на вечерницахъ, или

у сосѣдки сидить съ работой. Войдя въ хату, старосты осѣняютъ себя крестомъ и говорятъ: „здорови были, съ поныдѣлкомъ, будьте здоровы!“ Хлѣбъ старосты отдаютъ отцу или матери, тѣ кладутъ хлѣбъ на столъ, а старостовъ просятъ сѣсть за столъ. Сначала разговоръ идетъ посторонній, а потомъ постепенно переходятъ къ дѣлу. Старосты говорятъ за чьего парня они хотятъ сватать дѣвушку. Если родители согласны отдать свою дочь, то сейчасъ посылаютъ за нею, чтобы спросить ее — согласна-ли она. Если-же не согласны отдать, то мать прямо говоритъ: — „идить, дѣбри люды, тай не прыходьте, бо все равно дѣла не бѣде, дочки я не отдамъ“. Иногда въ одно время приходитъ нѣсколько паръ старостовъ, отъ трехъ или четырехъ жениховъ, и за кого изъ нихъ невѣста согласна выйти замужъ, хлѣбъ того оставляетъ, а остальнымъ отдаетъ. Последнѣе уходятъ домой, а кому дано согласіе, тѣ остаются пить могорычъ; водку и вино на могорычъ старосты приносятъ съ собой.

На другой день эти старосты приходятъ съ отцомъ и матерью жениха, для окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ это время посылаютъ за женихомъ и спрашиваютъ его, согласенъ ли онъ жениться на этой дѣвушкѣ и, когда женихъ скажетъ свое согласіе и невѣста тоже самое объявить, что и она согласна, тогда послѣдняя отправляется собирать подругъ или „дружекъ“ и вмѣстѣ съ ними приходитъ домой. Идя по улицѣ, дружки поютъ:

„Та бережися, бережися	Уловыты, та молодую Ядошку
Та билад рыба,	Уговорыты, та за добраго
Хочутъ тебе, та билую рыбку	Молодця Петрушку“

Въ свадебныхъ пѣсняхъ обыкновенно приговариваютъ имя жениха и невѣсты. Съ пѣсней дѣвушки входятъ во дворъ. Войдя въ хату, онѣ находятъ большое собраніе родныхъ, сосѣдей и пріятелей. Всѣ гости сидятъ, а женихъ стоитъ у порога. Когда невѣста съ подругами входитъ въ хату, мать ея зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ иконѣ. Женихъ съ невѣстой становятся рядомъ посреди хаты и кладутъ три земныхъ поклона, всѣ присутствующіе тоже молятся, а потомъ опять садятся по своимъ мѣстамъ, а женихъ садится на лавкѣ возлѣ порога. Мать даетъ невѣстѣ два полотенца, а невѣста

кладетъ ихъ на тарелку и подноситъ ихъ старостамъ и при этомъ кланяется до земли. Старосты берутъ „рушники“, перевязываются ими черезъ плечо и говорятъ: — „спасібо, дѣчко, щорано вставала та тонко прѣла“. Послѣ этого мать ставитъ закуску на столъ, а старосты своею водкою начинаютъ угощать сначала невѣстиныхъ отца и мать, брата и невѣстку, если есть, потомъ жениховыхъ отца и мать, за тѣмъ жениха, невѣсту и дружекъ, послѣ чего молодежь удаляется на вечерницы, а сваты, старосты и гости остаются и у нихъ продолжается угощеніе до позднихъ сумерокъ, а потомъ жениховы отецъ и мать всю эту компанію просятъ къ себѣ.

Сватанье. Въ день назначенный для сватанья, хозяева приготавливаютъ лучшія угощенія, а невѣста заботится о чистотѣ и убранствѣ хаты. Къ этому дню стѣны хаты бѣлятся снаружи и внутри, земляной полъ смазывается и усыпается пескомъ, столъ покрывается чистой скатертью на которой лежитъ хлѣбъ-соль, на образахъ и возлѣ оконъ висятъ вышитыя полотенца. Въ этотъ день къ вечеру приглашаютъ родичей, крестныхъ отца и мать невѣсты и хорошихъ сосѣдей. Всѣ ожидаютъ старостовъ. Прежде всѣхъ приходитъ женихъ и старшій бояринъ, — шаферъ, съ хлѣбомъ-солью; поздоровавшись, женихъ хлѣбъ отдаетъ отцу. Отецъ благодаритъ за хлѣбъ и кладетъ его на столъ, а зятя угощаетъ водкою. Поднося рюмку съ водкою говоритъ: „милосты прося, Ивановичъ, откушать“. А зять говоритъ: — „А я вашей милосты прося“. Отецъ выпиваетъ, а ему наливаетъ другую, онъ такимъ образомъ, какъ и отца, проситъ мать и всѣхъ близкихъ родныхъ невѣсты, а послѣ всѣхъ выпиваетъ самъ и уходитъ изъ хаты во дворъ къ молодежи, гдѣ между говоромъ и смѣхомъ слышны звуки гармоника, вѣрно исполняющей комаринскую. Въ скорости послѣ жениха приходятъ старосты, перевязанные черезъ плечо полотенцами, и сваты съ женатыми сыновьями и замужними дочками. Поздоровавшись, гостей просятъ сѣсть въ красный уголъ. Потомъ входятъ женихъ, невѣста и дѣвушки. Молодыхъ ставятъ рядомъ посреди хаты, зажигаютъ свѣчи у образовъ, снимаютъ икону, благословеніе невѣсты, и начинаютъ благословлять. Послѣ благословенія, женихъ съ старшимъ бояриномъ са-

дятся за столъ, а неvěста начинаетъ давать подарки свекру, свекрови, жениху и роднымъ со стороны жениха. Потомъ неvěста подучетъ всѣхъ водкой и виномъ, поднося всякій разъ тарелку съ налитыми рюмками жениху, женихъ молча кланяется и этимъ даетъ знакъ, чтобы она сначала подносила отцу, матери и роднымъ. Последнюю рюмку выпиваетъ женихъ. Каждый, кому подносить неvěста рюмку водки или вина, даритъ ее деньгами, а свекровь даритъ ей ситцу на платье. Когда неvěста начинаетъ давать подарки, дѣвушки поютъ:

„Не просватуй, мый батенько,
Свита мни молодой не завизуй.
— Не завизуй, на другу нидиленьку
тай одложу.
— Чи я тоби, мый батенько, надо-
кучили?

— Ны ты мни надокучила,
А твой старостоньки надокучили.
Та за нymi виходячи,
Воритечки зачиняючи,
П виконци затуляючи,
И словечко промовляючи“.

Или поютъ:

„Чи зумиши, мой ненько,
Мои змовити пыты,
Въ пици затопить,
Водыци принести,
На кладочку сходять

И свекорку угодить.
Синички мои рубленые,
Теперь вы не будете метеные,
А въ свекорка хотъ заплетени,
Та будутъ—що дня метени“.

Послѣ жениха, неvěста угощаетъ своихъ подругъ, а потомъ ее заводятъ за столъ, садится она рядомъ съ женихомъ, а возлѣ нея подруги. Отецъ неvěсты начинаетъ угощать неvěстину родню, послѣ этого подаютъ ужинъ, состоящій изъ борща, лапши, жареной баранины и молошной каши. Ужинаютъ только старосты, сваты и родичи, а женихъ, неvěста и дѣвушки идутъ къ сосѣдкѣ и варятъ у нея вареники, сюда приходятъ паробки, которые приносятъ водки къ ужину. Послѣ ужина жениховъ отецъ всю компанію проситъ къ себѣ, гдѣ гуляютъ всю ночь.

Дружбины (вечерыны).—Они бываютъ подъ день свадьбы. Въ этотъ день съ утра у жениха и неvěсты пекутъ „шишки“,—маленькіе калачи. Для приготовления шишекъ приглашаютъ женщинъ, такъ какъ ихъ пекутъ очень много. Невѣста-же идетъ звать къ себѣ подругъ, которыя должны убрать ей косу гарусомъ и лентами. Придя съ подружками домой, неvěста одѣвается въ лучшее платье, садится посреди хаты на скамьѣ, а дѣвушки на лавкахъ и мать начинаетъ чесать ей волосы. Дѣвушки поютъ:

„Ой, тихо, тихо Дунай воду гоне,
А й ще тихше Явдошка косу чеше.
А вона чеше, зриває, та на Ду-
най пускає.

Ой, пливй коса, пливй руса
До свекора въ двирь проста.
Ой, слухай, послухай
Що свекорко говоре.

А свекорко каже: „добрая годьнка,
Иде до мене чужай дитынка,
Ны zobувать, ны зодягавъ,
Е кимъ замышляты!“
А батенько каже: „ляхал годьнка,
Яжъ и zobувать, яжъ и зодягавъ,
Та никимъ замышляты!“—

Во все время этой пѣсни мать и дочь плачутъ. Мать разчесать и заплететъ косу, а дѣвушки уберутъ ее лентами, голову повяжутъ лучшимъ платкомъ, а поверхъ платка надѣнутъ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Потомъ неvěста надѣваетъ „халатъ“, а мать подвязываетъ ее вышитымъ полотенцемъ, причемъ дѣвушки поютъ:

„Маты Явдошка родила
И мисяцемъ обгородила,

Рушныкомъ лиднерезала,
По дружки послала“.

Послѣ этого дѣвушки уходятъ; старшая дружка, „шаферина“, носить шишки, раздаваемые неvěстою роднымъ и знакомымъ. Проходя по улицамъ, дѣвушки поютъ разные пѣсни.

1) „Горохъ по дорози,
Мый батько въ дорози
Винь того не знає,
Що дочка гадає,

А дочка гадає,
Дружечекъ сбыває“.

Довгенкій носокъ кулечекъ,
Чи далеко чутъ дружечекъ“.

2) „Ой скокы, скокы сорокы,
Низьки поклоны,

Проходя по улицамъ, дѣвушки заходятъ къ роднымъ, знакомымъ, а также въ дома мѣстной интеллигенціи, подходя къ двору дружки поютъ:

„Обмытайте дворы,
Застилайте столы,—

Дружечки идутъ
Молоду ведутъ“.

Неvěста съ старшей дружкой входятъ въ домъ или хату, а остальные дѣвушки остаются за дворомъ. Входя, неvěста крестится и кладетъ три земныхъ поклона къ образамъ, потомъ кланяется хозяину и хозяйкѣ, каждому по три раза, и говорить:—„просывъ батько, просыла маты и я просю на дружбыны!“ Даетъ каждому по шишкѣ и уходитъ. Отходя отъ двора, дѣвушки поютъ:

„Спасибо за дружку,
За йийн послужку,

За пани панечки,
За ваши дружечки“.

Послѣ всѣхъ неvěста идетъ къ своей будущей свекрови; подходя къ ея двору, дѣвушки поютъ:

„Ой, матенько ютко, Сонячко нызенько, Сонячко ще нызче,
Ворочайся прутко, Дружечки близенько Дружечки ще ближче!“

Свекровь угощает всѣхъ водкой, даетъ по шишкѣ и затѣмъ дѣвушки уходятъ и поютъ:

„А мы у свекрухи бузы, Горилочки ни, чарочки ни пылы!“

Уже въ сумеркахъ невѣста съ дружкой идетъ домой. Къ этому времени собираются родные и сосѣди. Невѣсту заводятъ за столъ, а дѣвушки поютъ:

„Та йде Явдошка на посадь, Съ долею счастливою,
Та зустріча йй Господь Богъ, Съ доброю годиною!“

И садятся возлѣ невѣсты за столѣмъ. Отецъ угощаетъ ихъ водкой; первой подноситъ невѣстѣ, она отказывается, отецъ выпиваетъ самъ, а потомъ вторично подноситъ невѣстѣ, она выпиваетъ и начинаетъ угощать своихъ подругъ. Такимъ же образомъ и мать подчуетъ невѣсту, а невѣста дружекъ. Дѣвушки поютъ:

„Ой рясна, красна колынонька въ А передъ столѣмъ батенько частуе,
лузи, Счастемъ даруе.
Ряснише, краснише Явдошкинъ по- Отгадай донько—чи доля лучшая!
садъ, Чи Божал, чи батенькова?
Явдошкинъ посадь дружечки кра- Божал доли—доля лучшая,
сить. Чимъ батенькова,
По виконицямъ анголи сидять, Божал счастлива,
На дверичкахъ самъ Господь стоить, Батенькова вроливля!“
Доленьку дае.

Если невѣста сирота, то еще поютъ:
„Явдошкина ненька стоить Чи хороше зряжено,
На передъ Господа Бога, Чи въ часъ-то посажено.
На вхрестъ ручки держить. Та зряжено, якъ паньнятко,
Та спусты мене, Боже, зъ неба Сыдыть, якъ сыротятко,
на землю, Та зряжено, якъ квиточка
Подывлюсь я на свое дитятко Сыдыть воно, якъ сирьвоточка.“

Возлѣ печки на джѣ, кадкѣ съ крышкою, четыре женщины лѣпятъ „коровай“, „калачъ“ и „лежень“ и, когда дѣвушки окончатъ свои пѣсни, бабы поютъ:

„Хороши коровайныци, Горщикъ масла,
Хорошо коровай липлять, Дижка сыра,
Сыромъ накладываютъ, Та все на коровай“.
Масломъ поливають.

Когда коровай, калачъ и лежень посадятъ въ печь, тогда коровайницы носятъ джужу и поютъ:

„Стоить пачъ на сохахъ, Пече джужа, пече!“
Носять джужу на рукахъ.

При послѣднемъ словѣ джужу подбрасываютъ вверхъ и дѣлуются. Каравайницы угощаютъ водкой, ужинаютъ и расходятся. Такія же дружины бываютъ и у жениха.

Свадьба. Отъ вѣнца молодые, старшій бояринъ, дружка и поручители идутъ къ невѣстѣ обѣдать. Послѣ обѣда расходятся по домамъ, а невѣста съ старшей дружкой идетъ собирать дружекъ и, собравшись, поютъ:

„Схыллылася верба сверху до корня, Пипъ винчавъ, небогато взявъ,
Винчалася Явдошка зъ ранку до по- Пивзолотого, коня вороного,
лудня! Ще й мало!“

Погулявши, дѣвушки идутъ къ какой-нибудь родственницѣ подальше отъ своей хаты, чтобы не знали, гдѣ именно онѣ находятся. А женихъ вмѣстѣ съ боярами ѣдетъ кататься верхомъ или на тройкахъ. Верховые ѣдутъ одинъ за другимъ, одѣтые въ черныя чинарки, подпоясаны, красными кушаками; у бояръ на шашкахъ съ лѣвой стороны приколоты розетки изъ красной ленты. Если на тройкахъ,— то сбруя на лошадяхъ убирается красными лентами, дуга обвивается краснымъ поясомъ. На одной тройкѣ садятся женихъ и бояре, а на другой „свитилка“ и „свашка“, кто-нибудь держитъ „гильце“—сосну, убранную цвѣтными лентами, калиной, бумажными цвѣтами. Во время катанья свашки и свитилки поютъ:

„Ийздыли бояре улицами кисными,
Выврвали квиточку голубую,
Пидманули Явдошку молодую“.—

Подѣзжая къ церкви, „поѣздъ“ останавливается, женихъ и старшій бояринъ на паперти у западныхъ дверей кладутъ по три земныхъ поклона и по копѣйкѣ денегъ. Поѣздъ катается до захода солнца, а потомъ ѣдетъ ко двору невѣсты, гдѣ его не пускаютъ до тѣхъ поръ, пока бояре не угостятъ водкой, когда поѣздъ въѣдетъ во дворъ, „подружій“,—братъ невѣсты или родственникъ съ ея стороны, идетъ искать невѣсту; узнавъ это, дружки съ невѣстой начинаютъ прятаться, перебѣгая изъ хаты въ хату. Прийдя домой съ невѣстой и дружкой, подружій становится на порогъ хаты и говорятъ:—„Господы Іисусе, сыне Божій, помилуй насъ“; а старосты, сваты и гости, собравшіеся къ этому времени сидятъ въ хатѣ и кто нибудь изъ нихъ отвѣчаетъ: „аминь“. Подружій продолжаетъ: „староста паны-

пидстароста“; тѣ говорятъ:—„до кого?“—„до вашего здоровья“.—
„А мы ради слухать!“ Поддружиі говорить: „благословить Богу
и отцу, неньки поклонница“. Тѣ отвѣчаютъ:—„Богъ благосло-
вить и мы благословляемъ“.—И въ другой разъ, и въ третій
разъ, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благослов-
ляемъ“. Невѣста входитъ въ хату, кланяется къ образамъ три
раза, потомъ отцу, матери и близкимъ роднымъ. Дѣвушки поютъ:

„Кланяйся Явдошка	Серденько близенько,
Напередъ Господу Богу,	Нижечки ще ниже,—
Отцу, неньки въ ногу,	Дружечки ще ближе“.
Въ нижечки-ниженько,	

Когда невѣста поклонится всѣмъ роднымъ, тогда поддружиі
возвышаетъ голосъ и говоритъ: „Староста паныпидстароста!“—
„До кого?“—„До вашего здоровья,—благословить молодую княги-
ню за столъ завести“. Старосты отвѣчаютъ: „Богъ благосло-
вить и мы благословляемъ“. Тогда поддружиі подаетъ невѣстѣ
конецъ носоваго платка и три хлѣба, а другой конецъ платка
держитъ въ своей рукѣ и ведетъ молодую за столъ, а за нею
дѣвушки, которыя поютъ:

„Та йде Явдошка на посадь“. и т. д.

Невѣста садится подъ образами, хлѣбы кладетъ на столъ, а
дѣвушки садятся съ лѣвой стороны и поютъ:

„На посади сисы	На суженому мисци“.
-----------------	---------------------

Заведя невѣсту за столъ, поддружиі выходятъ изъ за стола. На
столѣ, накрытомъ скатерью, лежитъ коровай (большой калачъ),
въ которомъ воткнуто гильце, и калачъ (меньше коровай), на
немъ лежитъ двѣ деревянныхъ ложки, связанные лентой. Ка-
лачъ украшаютъ калиной. Когда жениха угостятъ водкой передъ
порогомъ хаты, то дружка, братъ его, или хорошій знакомый
становится на порогъ хаты и говоритъ: „Господи Іисусе и т. д.
благословить молодого князя за столъ завести“. Старосты от-
вѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Въ это
время невѣста наклоняетъ голову до самого стола, къ головѣ
ея ставятъ калачъ и покрываютъ платкомъ, а дѣвушки поютъ:

„Глянь ты, Явдошко, кризь калачъ	По червоному поясу,
Карыми очима, тай не плачь,—	По тій части трахти,
Ось твий иде, размай русу косу	По зеленой запасци“.—

При концѣ пѣсни платокъ снимаютъ, а дѣвушки поютъ:

„Ой у саду соловейко зашебывавъ | Петрушка Явдошку поцѣлювавъ“.

Въ это время женихъ и невѣста цѣлуются. Дѣвушки поютъ:

„Литили галочки у тры рядочки,	А дружечки заспывали,
А зозуля попереду,	А Явдошка заплакала;
Вси галочки силы у лужечкахъ,	Дружечки силы по лавочкамъ,
А зозуля на калыни.	А Явдошка на посади.
Шли дружечки рядочкомъ,	На посади сисы
А Явдошка попереду,	На суженому мисци“.
Галочки закрывали;	

Потомъ начинаютъ пришивать къ жениховой шапкѣ, или фу-
ражкѣ, розетку, за это подносятъ рюмку водки и шишку, а по-
томъ отецъ начинаетъ подчивать своихъ старостовъ и даетъ
каждому по шишкѣ. Невѣстина сестра, пришивая квітку, или
розетку поетъ:

„Чого зять засупротивився,	Ты жъ копою не отбудешъ,
Чемъ на мене не подывисся?	Хиба мині жуланъ купити.
Чи ты мене нышкомъ лаешъ,	Казали люди зять богатъ,
Що на мене не поглянешъ?	Та казали люди грошей михъ
Ой зятю хорошій,	Та дае копейку, якъ на смихъ“.
Готовъ копу грошей	

Потомъ матери невѣстиной отъ зятя даютъ въ подарокъ са-
поги; получивши ихъ, она поетъ:

„Ой чоботы, чоботы вы мои,	Сама лишла гуляти у шынокъ.
Чемъ дила не робите вы мині!	Висать мой чоботы скрывучи,
Оце жъ тии чоботы шо зять давъ,	А я иду изъ рички плачучи.
А за тии чоботы дочку взявъ.	А за ту прокляту шкапыну,
Повисыла чоботы на килекъ,	Отдала я ридную дытну“.

Дружки поютъ, обращаясь къ свашкамъ:

„Наша Явдошко душечко,	Свашечко, свитылочко,
Чи писня сливати,	Биле лычко, заспывай намъ писеньки,
Чи свашки прохати.	Хоть одній веселов“!

Свашкы отвѣчаютъ:

„Дружечки, голубочки,	И шо вмили, перепили,
Ни смиемо, ни вмиемо,	И шо знали, позабували,—
Далекъ переиздъ, далека дорога;	Спывайте самы“!

Послѣ этого дружка вноситъ на тарелкѣ очипокъ и гово-
ритъ: „Господи Іисусе и т. д. благословить, мы по чужымъ жѣ-
намъ покрашу маемъ и соби желаемъ“. (Это повторяетъ онъ три
раза). Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“.
Тарелка съ очипкомъ ставится на столъ и дѣвушки поютъ:

„Шось тобя внесено,
На стиль положено,
Якъ билъ билесеньке,

Якъ гай зеленесеньке!
Ця парчъ веленюча,
Всімъ дивчатамъ нымнуча“.

Потомъ свашки, замужнія молодыя женщины, одна со стороны жениха, другая со стороны невесты,—заходятъ за столъ, снимаютъ вѣнокъ съ невесты, расплетаютъ ей косу, а дѣвушки поютъ:

1) „Насияла Явдошка нагидокъ,
Не вродылись нагидки,
Та вродылись полуницы,
Мынулись твои досвитки и ве-
черницы“.

2) „Якъ бы мы схотили,
Такъ мы бѣ розвиртили,
Дивкою бѣ нарядили,
Съ собою посадили“.

Какъ расплетутъ косу, надѣнутъ парчевый очипокъ, такъ и начинаютъ покрывать, причемъ одна свашка надѣваетъ на голову шапку жениха, а другая кладетъ на голову ленты изъ косы невесты, берутъ кусокъ кисей аршина $1\frac{1}{2}$ и, держа за противоположные концы, то поднимаютъ, то опускаютъ надъ головами молодыхъ и поютъ:

„Покрыванка плаче,
Покрываться хоче,

Не такъ покрывающа
Якъ намъ поцилувающа“.

Цѣлуются и обмѣниваются шапкой и лентами три раза. Покрывши поверхъ очипка, завяжутъ невесту этой кисеей, причемъ невеста плачетъ. Послѣ этого она начинаетъ подбивать своихъ подругъ въ послѣдній разъ, прощается, плачетъ, а дѣвушки поютъ:

„Прошло твое дивованье
По столу, та по ослону
Медъ вино попываючи,
Дивованье спомынаючи!

Дѣвушки уходятъ и поютъ:
Та прощай, прощай,
Явдошко, та вже мы йдемо
За собою дивованье
Тай занесемо“!

Подойдя къ окну дѣвушки стучатъ и поютъ:

„Беры гребень, Явдошко,
Та дныше,
Та йди на вычирныця“.

А за дворомъ поютъ:

„За воритечкамы
Чырвона калына стояла,
А на тий калына

Сыва зузула кувала,
Вона ни кувала,
Правдоньку казала“!

Послѣ этого молодыхъ везутъ къ свекру.

М. М. Иннокова.

6.—Сл. Каменка.

Изъ прошлаго.—Разбойникиъ Крупка.—Населеніе и языкъ.—Жилище, одежда и лица.—Болѣзни и ихъ лѣченіе.—Занятіе.—Религіозность.—Правственность.—Вечерницы.—Свадебные обряды и пѣсни.—Народный календарь.—Сказки и пѣсни.

Слобода наша расположена на ровномъ мѣстѣ. Съ западной и сѣверо-восточной стороны ее окружаютъ песчаныя, каменистыя и мѣловыя горы, а съ юго-восточной и южной стороны—равнина, на которой крестьяне сѣютъ хлѣбъ. Камень, добываемый изъ горъ, идетъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, церковныхъ оградъ, стѣнъ, сараевъ и т. п. Подъ горой протекаетъ рѣка—Каменка, берущая начало въ концѣ этого села изъ горы. Рѣка мелка и маловодна, почему и рыба въ ней не водится; впадаетъ она въ р. Айдаръ въ сл. Осиновой, находящейся въ 25 в. Въ давнее время на западной сторонѣ Каменки были дремучіе лѣса, въ которыхъ водились дикіе кабаны, олени и дикія козы; теперь же лѣса представляютъ незначительные кустики, которые со временемъ вовсе уничтожатся. И теперь уже вырываютъ корни оставшихся пней. Лѣса—хранители водъ, а потому рѣка была прежде многоводнѣй и въ ней водилась рыба. Каменка получила свое названіе отъ множества камня, добываемаго въ горахъ. Она находится отъ Старобѣльска въ 55 в., отъ Харькова въ 250 в., отъ торговой сл. Бѣловодска въ 50 в., отъ торговой сл. Кантемировой въ 35 в., куда проходитъ вѣтъ желѣзной дороги и гдѣ устраивается элеваторъ. По рассказамъ нѣкоторыхъ, въ лѣсахъ было много разбойниковъ, которые не давали проходу ни конному, ни пѣшему. Цѣлые обозы они разоряли,—людей убивали, а добро забирали себѣ. Изъ разбойниковъ особенно помнятъ Крупку. И до сихъ поръ еще есть холмы подъ названіемъ „Крупкины могилы“, образовавшіеся отъ земли, насыпанной надъ землянками, въ которыхъ жилъ Крупка. Онъ жилъ въ лѣсу подл. Марковкой почти самъ, а свиту свою разсылалъ по разнымъ дорогамъ. Если онъ не могъ одолѣть

самъ прохожихъ или проѣзжихъ, то свисткомъ давалъ знать другимъ, которые налетали со всѣхъ сторонъ на помощь.

Всѣ жители были кирасирами, и особенно помнятъ завѣдывавшаго ими пана Сугака, который, по рассказамъ, былъ человѣкъ злой, часто употреблялъ въ наказаніе розги, за что его называли мучителемъ.

Въ Каменкѣ было уже четыре холеры, за память одной 80-лѣтней старухи, которая мнѣ говорила объ этомъ; 60 лѣтъ назадъ былъ въ Каменкѣ „голодный годъ“, когда люди ѣли полову, крейду, лупу съ проса и проч.

Жителей 3 1/2 тысячи. Большая часть—малороссы. Цвѣтъ кожи бѣлый, глаза по большей части сѣрые, пріятные, носъ ровный. Волосы мужчины подрѣзываютъ кругло по брови; женщины и дѣвушки носятъ длинные волосы, заплетенные въ косы. Всѣ мужчины носятъ бороду и усы. Молодые парни часто бороды брѣютъ. Есть великороссы въ маломъ количествѣ; они называютъ себя русскими, а малороссы—москалями; живутъ здѣсь также турки, —которыхъ прислали сюда послѣ Севастопольской войны на время, т. е. пока за нихъ будетъ полученъ выкупъ, но они просили оставить ихъ здѣсь навсегда, что и было исполнено. Ихъ надѣлили землей, приписали къ крестьянскому сословію. Они отличаются смуглой кожей, большимъ толстымъ носомъ, суровымъ взглядомъ и сердитымъ характеромъ. Ихъ было всего нѣсколько семей; современемъ они переродятся, такъ какъ вступаютъ въ бракъ съ туземными жителями, и теперь уже настоящаго турка не отыщешь, развѣ найдешь какую нибудь отличительную черту въ характерѣ или въ наружности. Отношенія малороссовъ и великороссовъ дружелюбныя. Изъ 164 фамилій по ревизіи 1858 года 25-го сентября обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія фамиліи: Бруховецкій, Вѣлянскій, Гужвинскій, Дворецкій, Житайло, Землянскій, Зикраневъ, Краснянскій, Каруна, Татарчуковъ, Трояновскій, Шкурапатскій.

Къ Камянской волости причислены, лѣтъ семь назадъ вновь образовавшіеся хутора: Чикирячинъ, Терновскій, Кабанскій, Поповскій и Новоглуховскій хутора. Въ нихъ были поселены безземельные солдаты, служившіе за Императора Николая I-го изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній. Въ Каменкѣ кирасир-

ская земля, отобранная въ казну, сначала отдавалась въ аренду крестьянамъ и купцамъ, теперь же на ней поселены упомянутые солдаты, которымъ надѣлили по 4 1/2 дес. на душу. Каменскіе крестьяне обѣднѣли потому, что у нихъ мало пахатной земли, а сѣнокосной и вовсе нѣтъ.

Языкъ малороссійскій, съ примѣсью литературнаго. Малороссійскій языкъ болѣе выражается въ грубой или дерзкой формѣ рѣчи, напр., „я тебѣ якъ мазну по пици“ (по лицу), а литературный—въ ласковой формѣ; напр., „мой дѣточка манѣсенка“. Вмѣсто овса говорятъ вивса, жена—жінка, ледь—лїдъ, синяго—синѣго, зеленый—зелѣный, его—ѣго, въ соборѣ—въ собори, тополя—тополи, ангель—анголь, одинъ—одїнь. Звукъ *и* почти всегда выговаривается *ы*; серъги—сѣргы, сѣрѣжки, дѣти—дїты; говорятъ: хорошо—гѣжо, гоженько, огурцы—огиркы, видѣль—бачивъ, Андрей—Андрій. Послѣ гортанныхъ произносится *ы*, напр. кїслый, нехорошо—гыдко.

Великороссійскій языкъ отличается вообще растяжимостью рѣчи и особымъ, не поддающимся перу, выговоромъ. Вмѣсто голова говорятъ—голова, хорошо—харашо, огурцы—агурцы, того—таво, или—ѣли, идетъ—идѣтъ, овесъ—авесъ, зеленый—зелѣный, медовый—мядовый, большущій—большушпїй, дубъ—душъ, повѣрьте—павѣрьтя, пшеница—пшаница, еще—ишшо, глубока—глыбакѣ, себѣ—сабѣ, тебѣ—табѣ, его—яво, кого—каво, того—таво, Россія—Рассѣя, пойдѣ—пади, тамъ-то—тамъ-та, теперь—теперича. „Тѣтушка мая, безъ Бѣжяго дозволенія и волосъ съ головы не упадѣтъ“, „ня знѣ вѣнь ничавѣ“. Привожу великорусскую пѣсню.

„Свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,	Мы стрѣлою павели,
Былъ спаконный вѣтерокъ;	Влодь по рѣчущкѣ помчались.
Вдругъ подвѣяло волной,	Съ потишеньемъ быстрыхъ рѣкъ,
Принесло съ моря челнокъ.	Приплывали къ бережочку,
Въ челнокѣ сидитъ малютка,	Край зяленаго лужка.
Тяжко править онъ весломъ.	Какъ по етихъ во лужечкахъ
Мнѣ малютку жалко стало:	Стоять дѣвки во кружку,
Сѣлъ я въ лодку, взялъ весло.	Поютъ пѣсни харашо“.
Тонкій парусъ распустили,	

Народъ читаетъ съ удовольствіемъ сказки, нѣкоторыя повѣсти, но предпочитаетъ читать псалтирь, Евангеліе и вообще книги духовно-нравственнаго содержанія, которыя покупаетъ на

свои средства у книжных разнощиков и на ярмарках. Читает также книги, которые даются въ школѣ ученикамъ.

Избы строятся въ рядъ одна подлѣ другой, такъ что улицы выходятъ довольно ровныя и каждая изъ нихъ имѣетъ какое нибудь названіе. Ровныя улицы крестьяне называютъ „планомъ“. Избы бываютъ деревянныя, мѣловыя и глиняныя; кроются соломой или камышомъ. Прежде избы дѣлались очень просто: громадныя сѣни, отъ которыхъ въ одну сторону шла одна комната, а въ другую другая, и выходило двѣ комнаты черезъ сѣни, у бѣдныхъ же одна комната и большія низкія сѣни; да и вообще избы были низкія. Теперь хаты строятся въ двѣ—три комнаты съ высокимъ досчатымъ крылечкомъ; часто большая комната дѣлится досчатой перегородкой на двѣ, въ которой дѣлается и дверь. Прежде рубилось 3—4 окна въ избѣ, а теперь 5—7 довольно большихъ, сравнительно, оконъ. Въ главной комнатѣ посрединѣ стоитъ столъ, вокругъ него лавки, у бѣдныхъ безъ спинокъ, а у богатыхъ съ рѣшетчатыми спинками, на подобіе диванчиковъ. У одной стѣнки, такъ называемый „пиль“, служащій вмѣсто кровати и устроенный очень незатѣливо: нѣсколько колевъ, вбитыхъ въ землю, на которые положены доски. На этомъ „полу“ всегда въ углу стоитъ сундукъ, а днемъ кладется верхняя одежда, какъ то: тулупы, поддевки, платки, шапки. Въ главномъ, красномъ углу ставятся иконы, межъ которыми вѣшаютъ въ большіе праздники вышитые рушники числомъ 6—10, а въ будни 3—2. У бѣдныхъ въ праздники вѣшаютъ 3—2 рушника, а въ будни совсѣмъ не вѣшаютъ. Когда у нихъ бываетъ веселье, „рада“, или же „бесѣда“, то въ главный уголъ сажаютъ за столъ почетныхъ дорогихъ гостей. Печь имѣетъ особое значеніе во время свадьбы; около нея сидятъ почетныя женщины и старухи, родныя или близкія жениха и невесты. Дворъ обносится плетнемъ или каменной стѣной. Надворныя постройки ставятся такъ, что дворъ выходитъ четырехугольный. Близъ воротъ или же въ концѣ хаты ставится сарай—„повѣтка“, въ которомъ женщины осенью готовятъ коноплю для пряжи, а мужчины занимаются домашнимъ плотничествомъ; за нимъ кошара и загорода для скота. Противъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи—амбаръ, дальше—„пашенный

хливъ“ каменный или мѣловой, служащій вмѣсто кладовой, а у бѣдныхъ вмѣсто амбара; дальше погребъ подъ навѣсомъ или же выходной. Ставни раскрашиваются разной краской; печь тоже раскрашивается синькой; иногда и стѣны главнаго угла украшаются раскрашенными цвѣтами. Въ кухнѣ находится передняя часть печи, а вся печь выходитъ въ главную комнату. Рѣзба встрѣчается очень рѣдко и только на деревянныхъ перегородкахъ въ главной комнатѣ. Надписей на сволокахъ нѣтъ никакихъ, а есть сволоки немазанные, но мытые. Можно найти хатъ пять съ мытыми стѣнами и сволоками. Курныхъ избъ нѣтъ.

Праздничная **одежда** мужчинъ состоитъ изъ такъ называемыхъ „чинарокъ“ черкесиновыхъ, мельтоновыхъ, у богатыхъ—суконныхъ; молодежь сверхъ чинарокъ надѣваетъ красные, синіе, зеленые пояса. Всѣ носятъ подъ чинарками жилетки плисовые или мельтоновыя; шаровары у всѣхъ широкіе, вбираются въ сапоги. Въ будни,—вмѣсто чинарокъ и разноцвѣтныхъ поясовъ, надѣваютъ „свытынки“ изъ сукна домашней работы. Въ холодное время, сверхъ описаннаго костюма, надѣваютъ свитки, зимою полушубки; молодежь сверхъ полушубковъ—пояса. Въ теплое время всѣ на головѣ носятъ картузы, а зимою шапки, капелюхи. Женщины и дѣвицы носятъ ситцевыя, шерстяныя кофточки, юпки, а на ногахъ полусапожки, у бѣдныхъ же сапоги; а женщины сверхъ такого костюма надѣваютъ въ церковь „халаты“ черкесиновые, мельтоновые и суконные, а когда станетъ холодно, то и дѣвушки надѣваютъ халаты. Въ будничные же дни носятъ запаски, шитыя, какъ юбки, со сложенными сзади складками; эти юбки шьютъ изъ сукна собственного издѣлія. Зимой сверхъ этихъ одеждъ надѣваютъ кожухи бѣлые или крытые черкесиномъ, сукномъ. Женщины въ праздники носятъ на головѣ очипки изъ парчи, а сверхъ очипковъ шелковые или шерстяные платки, старыя—черные платки. Дѣвки въ праздники голову повязываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ такъ, что макушка головы остается неповязанная, а сверхъ платка—вѣнки изъ разнообразныхъ цвѣтовъ, въ косѣ шелковыя ленты. Въ будничные дни цвѣтовъ и лентъ почти не носятъ. Изъ старинныхъ одеждъ остались плахты, вродѣ юбокъ, изъ шелковой, шерстяной матеріи въ клѣтку. Плахты не сшиваются, какъ

юбки, а просто берутъ кусокъ матеріи аршина въ $2\frac{1}{2}$ длины и оборачиваются имъ. Городское вліяніе сказалося въ появленіи шелковыхъ, шерстяныхъ платковъ и такихъ же юбокъ, лентъ чисто-шелковыхъ одноцвѣтныхъ, а не пестрыхъ, пальто, штиблетъ, чулокъ и т. п. Цѣна кожуха отъ 10—15 р., сапоговъ мужскихъ отъ 5—7 р., а женскихъ отъ 3—4 р., штиблеты $2\frac{1}{2}$ —3 р., женскія парочки—платья отъ $2\frac{1}{2}$ —4 р.; платки отъ 1—5 р., шапки отъ 50 к. до 3 р., картузы отъ 40 к. до $1\frac{1}{2}$ р.; поддевки 4—10 р.; полушубки 7—20 р.

Въ урожайный годъ пища бѣдныхъ въ скоромные дни состоитъ изъ хлѣба изъ ячменной или житной муки, борща съ саломъ, каши пшонной, гороха, изрѣдка фасоли; картофель постоянная пища. Въ праздничные дни добавляются пироги съ картофелемъ или прѣсные блины. Въ постные дни бываетъ такая же пища, часто безъ масла, а въ праздничные дни добавляются пироги съ горохомъ, картофелемъ и безъ масла, или же пампушки, обмоченные въ водѣ, разведенномъ разсолѣ. Въ плохой же годъ ѣдятъ одинъ хлѣбъ, и въ немъ часто ощущается недостатокъ. Осенью пища улучшается, благодаря овощамъ, въ хлѣбѣ и въ картофелѣ чувствуется меньшій недостатокъ; рѣжутъ овецъ, скотъ и варятъ борщъ съ мясомъ. Богатые ѣдятъ хлѣбъ изъ пшеничной или ржаной муки, борщъ съ курицей, съ мясомъ, иногда съ саломъ; картофель съ постнымъ или скоромнымъ масломъ, кашу съ молокомъ; въ постные дни употребляютъ ту же пищу, только на постномъ маслѣ. Въ праздничные дни добавляются блины съ масломъ, каша молочная, орѣшки съ саломъ или масломъ, или лапша съ мясомъ. Городское вліяніе замѣтно въ приготовленіи жаренаго мяса и картофеля. Освѣщаются керосиномъ.

Изъ болѣзней наиболѣе свойственна нашей слободѣ сибирская язва на людяхъ. Ее лѣчатъ домашними средствами такимъ образомъ: берутъ немятые листы простого табаку — махорки и варятъ съ молокомъ, а когда молоко закипитъ, берутъ эти листы и горячія прикладываютъ къ больному мѣсту. Средство это помогаетъ. Кромѣ того еще и шепчутъ. Имѣются коновалы и знахари, лечащіе скотъ. Лошадей отъ перелоговъ лечатъ шептаніемъ, а внутрь даютъ соль съ „сиривцемъ“, т. е. квасомъ.

Отъ опоя знахарь пробиваетъ около копыта въ задней части ноги жилу, изъ которой вытекаетъ кровь непродолжительное время. Это средство помогаетъ, если немедленно обращаются къ знахарю. Если скотъ болѣетъ „на ротъ“, то ротъ мажутъ дегтемъ, синимъ камнемъ, если „на ноги“, то — дегтемъ съ синимъ камнемъ. Скотъ вообще лечатъ шептаніемъ, рѣжутъ ухо и проч. Въ эпидемическихъ болѣзняхъ обращаются къ мѣстному фельдшеру, часто къ докторамъ.

Крестьяне знаютъ много травъ и собираютъ ихъ въ маѣ вообще или на „Семена“ и употребляютъ при различныхъ болѣзняхъ. Отъ рѣзы въ животѣ рвутъ луковки, которыя растутъ при корняхъ созрѣвшихъ подсолнуховъ, настаиваютъ ихъ на водкѣ и пьютъ. Щебрецъ настаиваютъ, какъ чай, и пьютъ на ночь отъ кашля. Стоголовникъ настаиваютъ и парятъ имъ голову, чтобы она не болѣла. Ранникъ, онъ-же подорожникъ, накладываютъ на раны. Холодную мятую пьютъ отъ тошноты и простуды. Отъ простуды еще употребляютъ: ромашку, шалфей, чай. Желтые цвѣты и гвоздики желтыя пьютъ отъ „желтеницъ“. Отъ боли въ животѣ еще употребляютъ деревей, и отъ лихорадки настаиваютъ на чемънибудь полынь и пьютъ. Бышыха, — сильная опухоль какойнибудь части тѣла, лѣчится шептаньемъ.

Главное занятіе жителей — земледѣліе; оно прежде процвѣтало, такъ какъ почва отличалась большимъ плодородіемъ, а теперь хлѣбныя растенія рождаются плохо и жители часто терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Изъ прежнихъ садовъ очень мало уцѣлѣло, а новыхъ не заводятъ по бесплодію почвы и вслѣдствіе того, что отъ разлива рѣки молодыя деревья вымокаютъ. Въ прежнее время многіе занимались пчеловодствомъ, а теперь это занятіе почти совсѣмъ оставлено, какъ убыточное. Въ настоящее время больше развелось ремесленниковъ: сапожниковъ, портныхъ, кожевниковъ и горшечниковъ. Сапожники и портные занимаются этимъ ремесломъ только для себя, исключая нѣкоторыхъ, профессионально занимающихся этимъ ремесломъ и берущихъ чужую работу. Кожевники, выдѣлывающіе овчины и шьющіе тулупы, всегда занимаются своимъ ремесломъ и берутъ чужую работу.

Настроеніе народа **религіозное**. Во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ обращаются съ молитвой къ Богу, служатъ молебны; во

время болѣзней маслособоруютъ не только взрослыхъ, но и юношей; много молятся за умершихъ и живыхъ на проскомидіяхъ и панихидахъ. Церковь всегда полна молящимся народомъ. Изъ наиболѣе чтимыхъ иконъ особенно отмѣчается образъ Варвары Великомученицы; почему такъ чтятъ этотъ образъ, никто не могъ мнѣ сказать. Въ этотъ день, 4-го Декабря, служатъ много молебновъ, бываетъ большая панихида за убиенныхъ воиновъ. Начиная съ весны и до созрѣванія хлѣба ходятъ по полямъ раза 4-5 и молятся объ урожаѣ. Во время холерной эпидеміи, нѣсколько разъ съ хоругвями ходили вокругъ деревни, молясь о прекращеніи болѣзни. Каждого странника принимаютъ съ почетомъ, не спрашивая кто онъ и откуда, и никому не позволять его обидѣть.

Источникомъ мѣстнаго образованія служитъ народная земская школа, въ которой крестьяне относятся съ усердіемъ. Всѣ наперерывъ спѣшатъ приводить дѣтей въ школу, каждый заботится, чтобы ребенокъ былъ грамотный; къ учительницѣ относятся хорошо и дорожатъ ею.

Правы ухудшаются, нѣтъ уже прежней прямоты, искренности, а развивается хитрость. Женщина въ семьѣ мать и хозяйка. Въ обществѣ она, если вдова, то можетъ присутствовать при народныхъ сходкахъ и подать свой голосъ. Иногда же за недосугомъ мужа или брата замѣняетъ собою десятника и вѣстового. Отношеніе родителей къ дѣтямъ хорошее, ласковое, доброе. Къ наймитамъ относятся съ довѣріемъ и часто поручаютъ имъ и дѣтей, и скотъ, и хозяйство. Къ дѣтямъ тоже питаютъ неограниченное довѣріе. Пьянство не особенно развито, и развѣ изрѣдка, въ праздникъ, увидишь пьянаго, въ будни же всѣ сидятъ дома за рукодѣльемъ, или въ полѣ. Кабаковъ четыре, содержатели кабаковъ вѣчно жалуются на плохую торговлю. Прежде пьянства было гораздо больше, вѣроятно по случаю лучшихъ урожаевъ. Проститутки нѣтъ.

Во время рожденія и крещенія ребенка никакихъ пѣсенъ не поютъ, считая это большимъ грѣхомъ. Говорятъ, что тутъ присутствуетъ самъ Господь или ангелы. Послѣ крещенія созываютъ родныхъ и сосѣдъ на „святой обидъ“ и дарятъ младенца, кто чѣмъ можетъ.

Вечерницы устраиваются такъ: собираются дѣвки и идутъ въ приготовленную заблаговременно хату, берутъ съ собою сала, хлѣба, пшена, яицъ, яблокъ, „кавуновъ“ и т. п., а также работу. Затѣмъ приходятъ парни, посидятъ, побесѣдуютъ, пошутятъ, — „погартуютъ“, и уходятъ, а нѣкоторые, которыхъ оставляютъ дѣвки, остаются ночевать. Никогда дѣвка не скажетъ сама тому парню, который ей нравится, чтобы онъ оставался, а передаетъ черезъ подругу. Иногда парень спрашиваетъ — для какой дѣвки его оставляютъ и если она ему не нравится, то онъ уходитъ. Большею частью, однако, парень остается, какая бы дѣвка его не приглашала, — любимая, или нѣтъ. Каждая дѣвка съ своимъ парнемъ спятъ на землѣ на простланной соломѣ всѣ вмѣстѣ, и цѣлую ночь занимаются разговорами и узнаютъ, кто кому нравится. Парни уходятъ еще рано до свѣта, а дѣвки послѣ, съ разсвѣтомъ, — встаютъ, снідаютъ и уходятъ.

Свадьбы совершаются такъ. Прежде приходятъ старосты, почетные люди, и спрашиваютъ у родителей: „чи согласны свою дочь отдать“; если родители согласны, то и отдаютъ, не смотря на то, что иногда невѣста бываетъ несогласна. Часто женятъ и парня не по согласію. Зовутъ парня и дѣвку и спрашиваютъ согласія, если кто не согласенъ, то уговариваютъ, пока согласится. Обыкновенно сватаются, если понравится сваты, а не молодые другъ другу. Если молодые отвѣчаютъ утвердительно, то свѣтятъ свѣчи, молятся Богу, заставляютъ молодыхъ взяться за руки (послѣ этого они заручены) и поцѣловаться три раза, рѣжутъ хлѣбъ молодого и подносятъ по рюмкѣ прежде молодымъ, которые потомъ уходятъ въ другую хату, гдѣ собирается молодежь; старики пьютъ могорычъ. Раньше этого отецъ невѣсты договаривается, сколько они ему дадутъ за невѣсту „помочи“. Даютъ „пидстожнаго“ отъ 10 до 50 р. Если невѣста бѣдная, то даютъ и подушки, и сундукъ. А если отецъ невѣсты во время сговора отпѣкивается то однимъ, то другимъ, — однимъ словомъ сваты замѣтятъ, что онъ не хочетъ дочь отдавать за мужъ, то сами сваты обѣщаются помочь и мясомъ, и деньгами, и водкой. Дня черезъ три — сватанье. Приходитъ староста отъ жениха, подноситъ невѣстѣ и ея подругамъ по рюмкѣ водки, и

невѣста съ подругами идетъ по родственникамъ и знакомымъ, кланяется въ ноги по три раза и приглашаетъ на сватанье: „мѣлосты прѣсимъ на свѣтанья“. А въ это время женихъ, свекоръ, свекровь, крестная мать жениха и его бояринъ ждутъ у невѣсты, конечно за угощеніемъ, пока она прійдетъ домой. Потомъ ставятъ рядомъ посреди хаты жениха и невѣсту и заставляютъ кланяться сначала свекру, свекрови, потомъ родителямъ невѣсты, а затѣмъ всѣмъ остальнымъ гостямъ; послѣ сажаютъ молодого съ бояриномъ за столъ, а невѣста беретъ тарелку и подноситъ на ней жениху платокъ; бояринъ беретъ платокъ, затыкаетъ жениху за поясъ и при этомъ женихъ съ бояриномъ встаютъ, кланяются въ поясъ невѣстѣ и кладутъ на тарелку отъ 5 до 20 коп. Потомъ на тарелкѣ свекру подносятъ „рушникъ“ и кланяется одинъ разъ въ ноги. Свекоръ беретъ рушникъ со словами: „спасѣби тобѣ дѣчко, що ранѣнько вставала, та тонѣнько прѣла“ и кладетъ ей на тарелку отъ 1 до 2 р. Дальше съ земнымъ поклономъ подносятъ свекрови платокъ, а та ей даритъ на сарафанъ, или на юбку, иногда и на всю пару или платокъ рубля въ три. Потомъ крестной матери съ земнымъ поклономъ подносятъ платокъ, а та ей даритъ деньгами коп. 50 или на юбку. Старостамъ безъ поклоновъ подносятъ рушники, и они ей ничего не дарятъ. Потомъ ставятъ на тарелку двѣ рюмки, наливаютъ водкой, выпиваютъ женихъ и невѣста и цѣлуются черезъ столъ, взявшись за руки, а подруги-дѣвки поютъ:

„Заручена Марьечка, положила билу ручку	Чи буде така била у свекорка — Якъ будешъ ты, Марьечка, у свекорка покирпенька,
Та на переручку. Билесенька моя ручка у батеньки,	Буде й твоя ручка биленька“

Во время этой пѣсни невѣста подноситъ гостямъ водку, а они ей кладутъ на тарелку отъ 1—10 коп., а дѣвки поютъ:

„Чого старосты сидите, Чого до дому вы йдете,	Уже старосты темна нить, Вамъ до дому на всю нить,
--	---

Старосты отвѣчаютъ:

„Мы жъ не боимся темной ночи	Но й Боже вамъ на поможу“.
------------------------------	----------------------------

Дѣвки продолжаютъ:

„Пора старосты до дому, Пойили кони солому, пойили кони солому	Щей гречяну полову, А якъ будите тутъ почувати, Такъ будите купувати“.
--	--

Послѣ этого женихъ съ невѣстой и вся молодежь за ними идутъ на вечеринку въ другую хату, а нѣтъ другой своей, такъ въ чужую. Тутъ женихъ съ невѣстой подносятъ всѣмъ по рюмкѣ водки, потомъ сидятъ всѣ, разговариваютъ, танцуютъ под балалайку. Между тѣмъ старые садятся за столъ (родичи и сосѣди), имъ подають пироги съ картофелемъ или мясомъ, подносятъ водку, потомъ подають капусту, галушки. Послѣ угощенія свекоръ и свекровь уѣзжаютъ со всѣми гостями къ себѣ домой. А молодежь является, садится вечерять тоже самое, что и старые; женихъ съ невѣстой подносятъ водку. Потомъ молодежь уходитъ по своимъ домамъ, исключая приближенныхъ жениха и невѣсты, которые остаются ночевать у невѣсты. Женихъ выбираетъ невѣсту, бояринъ его—старшую дружку и т. д.

На другой день женихъ приносить водки и угощаетъ всѣхъ, кто есть у невѣсты, его также угощаютъ, и онъ всѣхъ опять приглашаетъ къ себѣ, и всѣ ѣдутъ къ нему. У жениха бываетъ приглашеніе всѣхъ со стороны невѣсты и всѣ гурьбой ѣдутъ обратно, и все это время, какъ у жениха, такъ и у невѣсты бываетъ пиршество. Недѣли черезъ двѣ или три—свадьба. Приѣзжаютъ свекоръ и свекровь узнать, когда будетъ свадьба. За день до свадьбы у жениха лѣпятъ шишки, каравай, лежень, а у невѣсты лѣпятъ шишки наканунѣ. Въ калачѣ бываетъ разнища: у невѣсты его лѣпятъ бубликомъ, а у жениха круглый, полный, какъ хлѣбъ. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ на тройкѣ съ колокольчиками съ боярами къ невѣстѣ, беретъ ее и ѣдутъ вѣнчаться. Нарядъ жениха: чинарка, или полушубокъ, подпоясанный краснымъ или синимъ поясомъ, и новая шапка; а невѣста въ тулупѣ или халатѣ, подпоясана рушникомъ, коса мелко заплетена и увѣшана лентами, бантами, а если она сирота, то коса ничѣмъ не убрана; на головѣ повязанъ въ кружокъ шелковый или шерстяной платокъ, а на платкѣ приколонены шпильками съ праваго боку головы, сдѣланные изъ лентъ красныхъ, два вѣночка съ васильками; на шеѣ много разнаго наместа. Послѣ вѣнчанія женихъ съ невѣстой, бояринъ и старшая дружка ѣдутъ къ жениху обѣдать, а потомъ невѣсту везутъ домой, гдѣ она съ дружками идетъ прятаться, а у жениха въ это время готовятъ поѣздъ. Запрягаютъ въ каждую

телѣгу по нѣсколько лошадей (до трехъ), гостей перевязываютъ платками, а нѣкоторымъ прикалываютъ красныя ленточки къ головѣ. Женихъ садится со своимъ товарищемъ и свашкой на первую тройку, а остальные лошади занимаются гостями; когда всѣ посадились на лошадей, мать жениха ходитъ кругомъ поѣзда и обсыпаетъ хмѣлемъ, орѣхами и конфетами, которые подбираютъ маленькіе зрители. Это для того, чтобы у жениха всего было много. Лошадей украшаютъ лентами, кумачемъ. Послѣ обсыпанія мать беретъ переднюю тройку за поводъ и выводитъ за дворъ. На послѣдней тройкѣ везутъ сундукъ. Наканунѣ свадьбы у жениха и невѣсты устраиваютъ „пидвисилокъ“, гдѣ жениха сажаютъ за столъ, угощаютъ водкой и украшаютъ „гильце“, сдѣланное изъ сосны или вишни, вродѣ вѣтки,—калиной, разноцвѣтными бумажками и лентами; а у невѣсты: ее съ дружкой посажаютъ за столъ и угощаютъ водкой.

Поѣздъ съ женихомъ ѣдетъ кататься; накатавшись, отвозятъ „гильце“ къ тестю и спрашиваютъ—гдѣ невѣста; иногда имъ правду скажутъ—гдѣ невѣста, а иногда нѣтъ, и они ѣдутъ искать ее. Намедни, бояринъ загоняетъ ее и въ уплату за невѣсту даетъ дѣвкамъ шишку, чтобы отпустили невѣсту. Она идетъ со всѣми дивчатами, здороваается и цѣлуется съ женихомъ и со всѣми съ нимъ находящимися, потомъ идетъ къ себѣ домой, куда вслѣдъ прѣзжаетъ и женихъ. Невѣста тамъ кланяется своимъ роднымъ, а потомъ ее сажаютъ за столъ. Женихъ съ боярами стоитъ на дворѣ у порога съ праваго его боку бояре, а съ лѣваго свашки. Выходитъ теща пугать жениха, выносить хмѣлю въ рюмкѣ, даетъ ему и онъ беретъ не голой рукой, а съ платочкомъ и забрасываетъ рюмку черезъ плечо такъ, чтобы хмѣль полетѣлъ, а рюмка осталась въ рукахъ жениха; ее беретъ бояринъ. Теща въ другой разъ выходитъ съ водкой, наливаетъ въ рюмку и угощаетъ жениха, а потомъ его гостей и проситъ въ хату. Дружко ведетъ жениха и надъ порогомъ въ сѣни женихъ наклоняется, а двѣ молодыя женщины, родички невѣсты, а со стороны жениха свитылка и свашка съ хлѣбомъ, цѣлуются между собою по три раза навкрестъ надъ наклоненнымъ женихомъ и перемѣняются хлѣбомъ.

Послѣ идутъ всѣ въ хату, дружко ведетъ жениха за плато-

чекъ и на порогѣ говоритъ: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; отвѣчаютъ: „аминь“.—„Благословите молодого князя за стилъ посадить“; отвѣчаютъ: „Богъ благословитъ“. Тогда дружко ведетъ молодого, а старшая дружка невѣсты поднимаетъ калачъ и велитъ ей смотрѣть сквозь него на жениха, а дѣвки поютъ:

„Глянь же ты, Марьечко, скривъ калачъ Карыми очами, та й за плячь: Ось изс—	Размай косу,— Загубивъ красу, Завязавъ свиточекъ“.
--	--

Женихъ садится возлѣ невѣсты рядомъ, поднимаетъ ее отъ калача и цѣлуетъ, а дѣвки поютъ:

„Въ саду соловейко не щобытавъ, Иванко Марьечки не цылувавъ,	Въ саду соловейко зашебетавъ, Иванко Марьечку поцѣлувавъ“.
---	---

Имена припѣваютъ, смотря по тому, какъ зовутъ жениха и невѣсту. Бояре садятся противъ молодыхъ на лавку, двѣ свитылки возлѣ жениха, а возлѣ нихъ свашки, у которыхъ—„торба съ шишками, теремками“. Дѣвки поютъ:

„Здвигнулася стины, Якъ бояре силы,	Ще й дуще здвигнутця, Якъ пыва напьютця“.
--	--

„Мыръ мыромъ пироги съ сыромъ, вареныки въ масли, бояре прекрасни.—Мыръ мыромъ пироги съ сыркомъ, пироги въ мысци, бояре соплысты“. Бояре имъ отвѣчаютъ:

„Раки, дружечки, раки, Брешете, якъ собаки, А въ води раченята, Брешете, якъ цуцняята“.	„Старшая дружечка татарытця, Старшого боярына торопытця, А старшій боярынъ, якъ болванъ, Вытращивъ очи, якъ баранъ“.
--	---

Мирятся бояре съ дружкой. Подружій со стороны невѣсты держитъ тарелку, а со стороны жениха дружко беретъ изъ торбы большія шишки, украшенныя рожечками изъ тѣста, называемыхъ „теремками“ и раздастъ, кладя на тарелку, родственникамъ невѣсты. Послѣ надо пришить жениху къ шапкѣ вѣнокъ, который снимается съ головы невѣсты, а старшая дружка не даетъ вѣнка, его надо выкупить; ей подносятъ шишку, водки, а она велитъ подносить всѣмъ дѣвкамъ; потомъ кладутъ на тарелку вѣнокъ и шапку жениха и передаютъ на пиль, гдѣ его пришиваютъ молодыя молодыцы, и при этомъ поютъ:

„Изъ Клева швачка По торгамъ ходыла,	Шовки скупувала, Вивки прышивала“.
---	---------------------------------------

Тѣ, которыя пришиваютъ вѣнокъ, поютъ пѣсню:

„Зять на мене та й не дивитця, Вияъ на мене супротивця;	Косо поглядае, Вияъ мене нышкомъ лае“.
--	---

За шапку надо дружку дать денегъ на очипокъ невѣстиной замужней сестрѣ, а дѣвкѣ ленту. Выкушивши шапку, три раза примѣряють, бояринъ ее держитъ въ рукахъ, а мать невѣсты беретъ невѣстинъ платокъ, даетъ боярину, который перевязываетъ его накрестъ другимъ платкомъ, такъ какъ родная мать его еще раньше перевязала тоже платкомъ; потомъ кладутъ каравай на крышку дижи, сверху стелятъ два рушника накрестъ, а на нихъ кладутъ очипокъ изъ парчи, въ очипкѣ серпанокъ (родъ кисей). Одинъ рушникъ беретъ дружко, а другой подружій и перевязываются, потомъ одна сваха со стороны жениха и родичка со стороны невѣсты лѣзутъ къ ней по лавѣ, разбирають голову: снимають вѣнокъ, платокъ, ленты и вѣночки съ косы и расплетаютъ косу. Косу скрутятъ, надѣваютъ очипокъ и завязываютъ платкомъ кругло по очипку, а дѣвки поютъ.

„Прійхалы, моя ненька, шось за паны, Взялы мою кисоньку пидъ жупаны, Сталы мою кисоньку трипаты, Стала моя матинка плакаты.	Та не плачь, матинко, по косы, Та заплачь, матинко, по мини. Чи лучше жъ мини у очипци, Чимъ у тебы, моя ненько, въ квітци“.
---	---

* * *

„Коса жъ моя руса, я жъ тебе кохала. Шо суботиньки чесала, Шо недиленьки зряжала,	А якъ распиталы,—порвалы, Пидъ очипокъ клалы,—зломалы, Такъ мою кисоньку стирали“.
---	--

Потомъ женщины берутъ въ руки серпанокъ, махають надъ головой невѣсты и поютъ:

„Ой ты, душенько, Наша Марьечко, Покрывалочка плаче,	Покрывающа хоче, Не такъ покрывающа, Якъ поцилувающа“.
--	--

Въ рукахъ свахи со стороны жениха шапка съ вѣнкомъ, а въ рукахъ дружки со стороны невѣсты вѣночекъ, они между собою три раза перемѣняются вѣнкомъ и шапкой и цѣлуются черезъ молодыхъ. Невѣсту завязываютъ сверхъ платка серпанкомъ, а вѣнокъ прикалываютъ невѣстѣ къ платку съ правой стороны. Дружко вырѣзываетъ изъ середины каравай шишку, которую оборачиваютъ концемъ серпанка на молодой и кладутъ за „пазуху“; потомъ рѣжутъ каравай на кусочки и

раздаютъ всѣмъ родичамъ. Дѣвки уходятъ изъ хаты, а молодичи садятся и поютъ пѣсни, во время которыхъ невѣста плачетъ. Дальше угощаютъ всѣхъ сначала отецъ, а потомъ мать невѣсты водкой. Отецъ беретъ икону—благословеніе а мать два хлѣба, молодые выходятъ изъ за стола, отецъ и мать сидятъ на лавкѣ, молодые ему поклонятся и лежатъ у ногъ на полу, а онъ въ это время благословляетъ и читаетъ наставленіе; встанутъ молодые, крестятся, цѣлуютъ икону, потомъ отца,—прежде женихъ, а потомъ невѣста; потомъ икону беретъ мать и также ихъ благословляетъ, какъ и отецъ. Отдаютъ дочери икону, а жениху два хлѣба и всдуть ихъ на дворъ, гдѣ у порога на дворѣ стоитъ „дижа“, а на дижѣ „хлибына“ и водятъ ихъ вокругъ дижи. Сначала идетъ дружко, за нимъ женихъ и невѣста, потомъ двѣ свашки—гуськомъ и поютъ пѣсни:

„Старый оселедько Не стое за рѣчку, Ны вспий оживающа, Стала жинка быщца.	— А якъ буде быты, Я буду терпѣты, Прійде темна нѣчка Е съ кымъ говорѣты“.
--	---

Дальше невѣста садится въ тарантасъ, а дружко водить жениха за платочекъ кругомъ поѣзда женихъ бьетъ кнутомъ по невѣстѣ, если нелюбимая, или по свашкамъ и по тарантасу. Послѣ этого женихъ садится рядомъ съ невѣстой, обнимаетъ ее и ѣдутъ съ гостями въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ иконой, хлѣбомъ и благословляютъ. Тутъ начинается угощеніе, а молодыхъ ведутъ въ другую хату. На другой день молодые съ дружкомъ ѣдутъ въ домъ невѣсты рано утромъ сидать, потомъ ѣдутъ назадъ, тутъ ихъ дарятъ, кто чѣмъ можетъ. И продолжается веселье почти недѣлю. Водки выпивается отъ 3 до 20 ведеръ, готовится много мяса, хлѣба, такъ что свадьбы обходятся отъ 30 до 150 р.

Этнографическій календарь. Январь. На Новый годъ мальчишки 7—15 лѣтъ, утромъ, ходятъ изъ хаты въ хату „посыпаты“. Набравши въ торбочку зеренъ ячменя или пшеницы и вошедши въ домъ, разбрасываютъ ихъ, приговаривая: „на щастя, на здорѣвья, на пѣвый годъ, роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашницю!“ — Здравствуйте, съ празникомъ, зъ Нѣвымъ гѣдомъ, зъ Васылемъ“. При этомъ бабы застав-

ляютъ перваго посыпавшаго сѣсть на порогѣ хаты и квок-
татъ по куриному, „щобъ цыплѣта въ тимъ годѣу были ранни“. Разсыпанныя зерна хозяева собираютъ и даютъ курамъ „щобъ
лучше неслись“. Посыпальникамъ за ихъ трудъ даютъ по ко-
пѣйкѣ или по бублику, пампушкѣ, пирожку; собранное они дѣ-
лятъ поровну между собою. Соломою и соромъ, собираемымъ
цѣлую недѣлю на святкахъ, на Новый годъ окуриваютъ сады,
чтобъ хорошо родили.

5-го—голодный святъ вечеръ, голодна кутя“. Съ утра до
освященія воды постятся. Хозяйки въ тотъ день пекутъ пироги
съ фасолью, горохомъ или чечевицею; изъ сушеныхъ плодовъ
варятъ „озваръ“, а изъ пшеничныхъ зеренъ варятъ „кутю“. Смо-
тря по состоянію, къ ужину готовятъ и горячія блюда
безъ рыбы. Когда къ ужину все готово, вносятъ въ домъ не-
много сѣна и разстилаютъ его „на покути“, въ святомъ углу.
На это сѣно ставится кутя, озваръ, одинъ печеный хлѣбъ и
вверху его немного соли. Здѣсь все это находится до оконча-
нія обѣда въ день Богоявленія Господня. Кто-нибудь изъ се-
мейства—обыкновенно старики—съ бутылкой, кувшиномъ или
кубышкой идетъ за освященной водой. Этой водой старшій въ
домѣ окропляетъ всѣ хозяйственные постройки и скотъ, а также
вливаетъ ее крестообразно въ колодезь, если онъ есть; затѣмъ
пишетъ мѣломъ кресты не только на воротахъ, дверяхъ и ок-
нахъ, но и на всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ. Пер-
вые кресты ставятся на горшкахъ куты и озвара. Затѣмъ въ
домѣ предъ иконами зажигаются свѣчи или лампадка, всѣ мо-
лятся Богу и садятся на столъ. Старшій въ домѣ, обратив-
шись лицомъ къ ближайшему окну три раза „клѣче мороза ве-
чѣраты“, каждый разъ приговаривая: „морозе, морозе! йды до
насъ вечѣраты! Та не морозъ у насъ. ни людѣны, ни скотѣны,
ни хлѣба, ни стрѣвы!“ Кто-нибудь изъ членовъ семьи, уполномо-
ченный старшимъ прогонять мороза, выходитъ на дворъ и
стучитъ три раза въ ворота, приговаривая: „морозе, морозе!
йды кутю йисты! нейдѣшь? нейдѣшь? нейдѣшь якъ ны пѣдышь, ны
ходѣжъ ты ни на гарбузы, ни на огырки, ни на всяку город-
ню овощъ!“ Послѣ этого уже молятся и садятся за столъ. Пе-
редъ ужиномъ каждый испиваетъ немного святой воды, а за-

канчивается онъ кутьею и озваромъ. Сѣно изъ подъ куты на
покути даютъ скоту.

6-го—„Хрещення“. Для водоосвященія крестьяне рубятъ на
льду рѣки или пруда крестъ; пробоина въ вырубленномъ крестѣ,
послѣ погруженія креста въ воду затыкается коломъ, который
носитъ названіе „чопъ“. Коль этотъ стараются пріобрѣсти го-
лубятники, кладутъ его въ голубятникъ, чтобы голуби не уле-
тали въ чужія голубятни навсегда.

Освященную въ этотъ день воду сохраняютъ въ теченіи цѣ-
лаго года: ей приписывается цѣлебное дѣйствіе во всѣхъ болѣз-
няхъ. На „Иордани“ (тогдашъ послѣ освященія воды) стрѣляютъ
изъ „ружжя, щобъ вовкы пугалысь“, и пускаютъ голубей. Послѣ
освященія воды, на крещеніе, духовенство ходитъ по нѣкоторымъ
домамъ, священникъ кропитъ святой водой дома и постройки,
а псаломщикъ пишетъ на дверяхъ мѣломъ шестиконечный крестъ,
который, по уходѣ духовенства, немедленно затирается, чтобъ
куры неслись.

7-го—„Ивана Крестителя“. Въ этотъ день хозяинъ даетъ скоту
по куску святковаго хлѣба, лежавшаго на покути еще со времени
богатой куты и немного соли, „щобъ домивку и хозяина знали“.

8-го приступаютъ къ обыденнымъ работамъ. Женщины на-
чинаютъ прясть. Есть поговорка на этотъ день: „тикъ и при-
тикъ, починокъ приволикъ“.

Февраль. 2-го—„Стричення“. „Зима зъ литомъ стричаеца: сон-
це на лито, зима на морозѣ“, „половина зимы, половина зи-
мовки.—бережѣ зйиды коровки“.—„Стритенська свята вода“
употребляется для окропленія новорожденныхъ телятъ и дру-
гихъ животныхъ.

11-го—народъ празднуетъ. Власій считается покровителемъ
скота, и ему молятся, „щобъ коровы были ласкови“. Сырная
недѣля—„Масныця“. Въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ обык-
новенно ходятъ по хатамъ и привязываютъ колодки батькамъ и
матерямъ, которые не женили сыновей или не выдали замужъ
дочерей. Въ воскресенье—заговѣнье на Великій постъ, ходятъ
прощаться. Съ понедѣльника первой недѣли поста женщины
начинаютъ ткать полотно. На первой недѣлѣ Великаго поста

никто не ѣстъ горячей пищи и рыбы, ѣдят больше одинъ хлѣбъ, иногда съ капустой, но безъ масла. На этой недѣлѣ нанимають рабочихъ до Филипповскихъ заговѣнь.

Мартъ. 1-го—народъ празднуетъ начало весны. „На Евдокии курица напѣецца водицы на порѣзи“. Съ этого дня бабы начинаютъ прятать на чердакъ золу, для бученья холстовъ. 9-го.—„Сороки святыхъ“. Въ этотъ день пекутъ изъ пшеничнаго тѣста жаворонковъ, такъ какъ они къ этому времени прилетаютъ—первые вѣстники весны,—и кресты, которыя ѣдятъ на нивѣ, пріѣхавши съять. Птица наноситъ сорокъ палочекъ въ гнѣздо. Квочки сажаютъ на яйца. 17-го.—„Теплый Олыксий“. Народъ празднуетъ этотъ день. 25-го.—„Благовищенна“. Въ этотъ день, если тепло, выставляютъ пчелъ изъ зимнихъ квартиръ въ лѣтнія. Для перваго кормленія пчелъ готовится такая смѣсь: въ медъ вливаютъ немного водки и св. крещенской воды: всыпаютъ туда горсть, стертой въ порошокъ, благословенной просфоры, налитанной виномъ, столько же артоса и немного горькаго перцу; затѣмъ все это варятъ и кормятъ такимъ составомъ пчелъ. Нѣкоторые всыпаютъ еще порошокъ засушенной свѣжей щуки „щобъ бжолѣ моторниша була“. 26-го. „Благовистителя“. Съ этого дня уже производятся весенніе посѣвы. „Якъ посиешь ячмень, та овесъ у грязь, такъ воны тебѣ нарядятъ въ жупанъ“, „сий мене въ грязь, такъ будешь князь“. Крестопоклонная недѣля—„Средокрестна“. Въ среду на этой недѣлѣ пекутъ кресты, первый оставляютъ до времени посѣвовъ, и сѣдаютъ въ полѣ предъ посѣвомъ. Пришедшіе изъ церкви отъ заутрени въ вербное воскресенье, слегка быютъ вѣтками освященной вербы своихъ домашнихъ, приговаривая: „верба бѣе, не я бью; за тыж-день Великъ день! Ось недалеко красне яечко“. Вербой прокалываютъ верхушки пасокъ или сажаютъ ее въ землю. Въ чистый четверг на страстной недѣлѣ купаются до разсвѣта для исцѣленія отъ разныхъ болѣзней. Остатокъ свѣчи, горѣвшій во время чтенія страстныхъ Евангелій, хранятъ по нѣсколько лѣтъ. На сволокѣ пламенемъ свѣчи дѣлаютъ крестъ, остающійся до дня отданія праздника Пасхи. Страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами, когда на живущихъ въ домѣ нападаетъ страхъ, напр., во время грозы и т. п., для исцѣленія отъ болѣзней. Особенно

дорожатъ свѣчею, горѣвшею въ церкви три года кряду. Первый день пасхи.—„Великъ день“. Въ ночь подъ этотъ день, „шукать шкарбы“. Какъ пропоютъ „Христосъ Воскресе“, раскрывается земля и показывается кладъ. На разсвѣтѣ наблюдаютъ „якъ сонце грае“. Первое яйцо, полученное въ этотъ день послѣ перваго христосованья, хранится для отвращенія всякой напасти „одъ лихого человека“. Такое яйцо служитъ для прекращенія пожара. Дѣвицы употребляютъ первое яйцо при умываньи „щобъ кращими быти“. Второй день Пасхи называется днемъ Богородицы, въ который обыкновенно раздаютъ милостыню нищей братіи. Великодни святки продолжаются съ перваго дня пасхи до Фомина воскресенія включительно. Въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ „поминають рѣдывъ,—„проводы“.

Апрѣль 1-ое. Въ этотъ день бабы ничего не работаютъ, а также и во всѣ пятницы въ продолженіе года не прядутъ, не ткутъ, боясь, чтобы дѣти не родились калѣками. Засима и Саватій (17-го) считаются покровителями пчелъ. 23-го.—„Ягорій“. Считается онъ покровителемъ скота, и скотъ его стараются въ этотъ день освободить отъ работы. Народъ празднуетъ. На „праву середу“ (преположеніе, пятидесятницы) освящаютъ воду въ рѣкѣ или колодцѣ. Народъ празднуетъ.

Май 1-ое. Гуляютъ въ саду, варятъ кашу, встрѣчаютъ „Мая“. 9-го „Миколая“. Народъ празднуетъ. Около же этого времени уходятъ на лѣтніе заработки на Донъ. Послѣ Николаева дня запрещается пастьба скота на сѣнокосныхъ лугахъ и производится стрижка овецъ. 10-го, въ день ап. Симона Зилота, народъ празднуетъ. Въ этотъ день собираютъ травы и корни, приносящіе пользу отъ многихъ болѣзней. 11-го—„Обновленіе Царя-града“, народъ празднуетъ, „щобъ градъ хлѣба не побѣвъ“.

Вознесеніе Господне, „Вшестя“. „До Вшестя пора обсяяцця“,

Пятидесятница—день св. Троицы и Сошествія Св. Духа. „Зелена или квичальна недѣля“. „Зелени святки“ продолжаются три дня. Въ этотъ праздникъ жилища украшаются „квичаломъ“ (древесныя вѣтки) и зеленью; вѣтки осины имѣютъ особенное значеніе. Такая вѣтка прикрѣпляется на воротахъ, „щобъ видѣма не ходыла въ двиръ и не портыла коровъ“. Осина вѣтка непременно ставится около конюшни, „щобъ домовой конивъ

не гонивъ". Если листья квичальной осины, поставленной въ хатѣ, засохнуть и почернѣютъ въ теченіи трехъ дней праздника, то въ семьѣ въ томъ году будетъ покойникъ. Зелень которою украшаютъ хаты, сберегается для подстилки подъ хлѣбные стога, „щобъ мыши не плодѣлись и нейлы хлиба". „На зелѣнии недѣли не треба купатьца, — бо русалки залоскочутъ: тоді бува русальчинъ великъ-день". „До Св. Духа не скидай кожуха". — Въ четвергъ передъ Троицею, — „русальчинъ великъ-день", — не ходять купаться, не работаютъ на огородахъ. Петровъ постъ, — „Петрівка". Въ понедѣльникъ, послѣ заговѣнья „жинки глѣчыки полощутъ": собирается нѣсколько женщинъ и, сдѣлавъ „складчину", „пьютъ горилку". Есть поговорка: „Петрівка — голодивка, мала ничка". Втеченіе Петровки производится распашка земли для озими, и такая распашка называется „Петрівня рилля".

Июнь. Съ первыхъ чиселъ этого мѣсяца начинается покосъ травы. 24-го — „Ивана Купала". Ночью въ 12 часовъ, по народному повѣрью, расцвѣтаетъ „папортъ" (папоротникъ); этотъ цвѣтокъ обладаетъ чудесною силою и съ помощью его можно добиться всего: богатства, почестей, любви и т. п., а также отыскивать клады. Цвѣтетъ онъ „якъ жаръ горыть". Сорвавши цвѣтокъ, надо бѣжать домой безъ оглядки, потому что „нечиста сыла" будетъ преслѣдовать сорвавшего и стараться разными способами заставить его оглянуться; креститься при этомъ нельзя, такъ какъ цвѣтокъ теряетъ свою силу. 29-го — Петра и Павла. Народъ празднуетъ. Съ этого дня начинается „жнива" (страдная пора полевыхъ работъ). „Идутъ жныва, — жинка наче не жива". 30-го, Соборъ всхвальныхъ Апостоловъ, — „Полупетра".

Июль. 20-го „Иллі Грізного, що по небу гримъ розвѣзътъ". Пчеловоды считаютъ этотъ день послѣднимъ срокомъ для выгонки роевъ: „рой тѣльки до Илли". „Якъ прийде Илля, наробе гнилля". — „Писля Илли вода похолоднѣша". Народъ перестаетъ съ этого дня купаться. Кто окончилъ жатву, тотъ, возвращаясь съ поля, везетъ крестъ, сдѣланный изъ колосьевъ. Крестъ хранится на покути до молотбы. Не возятъ сноповъ съ поля, „бо Илля спалыть и визъ, и хлибъ". 27-го „Палія". Въ этотъ день ничего не работаютъ, „щобъ гримъ не попа-

лывъ кипѣ". Въ этомъ мѣсяцѣ производится уборка хлѣба, вывозка сноповъ съ поля и молотба „жита на сийбу".

Августъ. 1-го „Маковія", „Спасъ на води". Ъдятъ маковики (шулики) приготовляемые такъ: пекутъ тонкіе, посыпанные макомъ, „коржи", ломаютъ ихъ на маленькіе кусочки, бросаютъ въ воду, смѣшанную съ медомъ и макомъ, ѣдятъ прежде другой пищи. Съ этого дня по 15-е число продолжается Успенскій постъ: „Спасивка" — „ласивка". 6-го „Спасъ на горі". „Прийшовъ Спасъ, держи рукавици про запасъ". Въ этотъ день освящаются садовые плоды и медъ; до Спаса употребленіе яблокъ и грушъ считается грѣхомъ. 15-го „Перва Пречиста". Народъ празднуетъ. 16-го „Спасъ на полотни". Съ этого дня начинается сборъ „матирки" — пеньки. 18-го освящаютъ воду въ колодцахъ и окропляютъ ею лошадей, такъ какъ муч. Флора и Лавра считаются ихъ покровителями. 29-го „Головосика". Строгій постъ. Въ этотъ день ничего круглаго (арбузовъ, дынь, картофеля и особенно капусты) ни рѣжутъ на части, а все готовится съ вечера. Запрещается брать въ руки ножъ. Нельзя убивать животныхъ.

Сентябрь. 1-го „Семена", „Семень день", начало осени. Въ этотъ день „засиживаютъ вечера", т. е. начинаютъ работать по вечерамъ при огнѣ. 6-го „Михайлово чѣдо". Въ этотъ день не работаютъ, особенно въ полѣ, боясь наказанія. 8-го „Друга Пречиста". 9-го Богоотецъ Іоакима и Анны, — народъ празднуетъ. 14-го „Здвиженя". Въ этотъ день не ходять въ лѣсъ, „бо въ сей день въ лѣси збираюцьця гѣды на зиму зо всего свѣту".

Октябрь. 1-го „Покрова". Съ этого дня начинаются сватанья. „Прийшла Покрова, дивка заревла, якъ корова"; — „посылаютъ свативъ". 14-го „Перви пятинки". Это праздникъ „Пятницы". Обыкновенно въ пятницу въ теченіи всего года женщины не прядутъ и не золятъ бѣлья, боясь, что за это „приключицьця болість". „Мытрова суббота", — день поминовенія усопшихъ предъ 26-мъ Октября. 28-го „Други пятинки".

Ноябрь. 1-го Космы и Даміана. Въ субботу предъ этимъ днемъ поминаютъ усопшихъ. 14-го „Заговини". Заговѣнье на Рождественскій постъ, — „Пылипивку". Въ этотъ день кончается срокъ найма нѣкоторымъ рабочимъ. 21-го „Введення", 24-го

Мученицы Екатерины. Народъ празднуетъ. Въ этотъ день дѣвицы гадаютъ: срѣзываютъ вѣтку вишни и ставятъ въ глечикъ съ водою; если до Рождества вѣтка задвѣтеть, то загадавшая выйдетъ замужъ въ слѣдующемъ году. Въ Ноябрь производится рубка и вывозка хвороста.

Декабрь. 1-го Пророка Наума. Народъ празднуетъ. Начало зимы. „Пророкъ Наумъ наставляетъ на умъ“. 4-го Великом. Варвары. Народъ празднуетъ. „Варвара ночи ввирвала“. 5-го Преп. Саввы Освященнаго. Народъ празднуетъ. 6-го „Миколая“. 12-го „Свиридона солнцеворота“, — „Сонце на лито, зима на морозъ“. 24-го „Богатый святъ вечеръ“ — „Богата кутя“. Хозяйки съ утра еще готовятъ кушанья для „вечери“. Старики и старухи ничего не ѣдятъ до звѣзды. Передъ заходомъ солнца постилаютъ самое лучшее сѣно въ видѣ гнѣзда въ переднемъ углу; на этомъ сѣнѣ ставятся „кутя и озваръ“. По заходѣ солнца всѣ молятся и садятся вечерять. „Вечера“ заканчивается кутей и озваромъ. 25-го „Риздво“. Съ этого дня до 7 Января, включительно, продолжаются „Риздвяни святки“. Рано утромъ мальчики ходятъ изъ хаты въ хату „вершуваты“. Вечеромъ молодежь колядуетъ. Съ этого дня до Нового года не выносятъ сору изъ дому: „такъ годыщця“. 31-го „Меланки“. Вечеромъ въ этотъ день ходятъ „по пидъ виконью“ и щедруютъ парубки и дивчата. Родители послѣ ужина дарятъ своихъ дѣтей, чѣмъ могутъ (теленкомъ, овцою, поросенкомъ и т. д.).

На масляной „водятъ козла“: поберутся за руки парни и дѣвки, а одинъ изъ парней, представляющій изъ себя козла, идетъ впередъ, при этомъ всѣ поютъ пѣсню: „а надъ нашимъ садкомъ три мисацы рядкомъ. Первыи мѣсяць ясний (имя парубка изображающаго козла) хали рѣжа, пали рѣжа, хали трава, мали права, сѣзомъ крыломъ, чирвонымъ пыромъ, золотыми пырцями“. Далѣе впереди идетъ другой парень, и повторяется все въ прежнемъ порядкѣ.

На Ивана Купала (очень рѣдко) прыгаютъ черезъ огонь. Дѣлаютъ куклу „Марину“, топятъ ее въ рѣкѣ и поютъ: „Купався Иванъ, та й въ воду упавъ, скризъ вода лынула, на море хвыля была, на Дунай разсыпала, тамъ дивчина потопала, на Ивана Купала“.

Обыкновенныя куриныя яйца окрашиваются въ желтый, красный, синій, зеленый цвѣтъ и называютъ „крашенкой“, „краснымъ яичкомъ“. На крашенкахъ иногда пишутъ крестики, цвѣточки, вѣточки, или острой водкой пишутъ, что понравится, напр. „Христось Воскресе“ или же какія нибудь изображенія. Такія крашенки называютъ „писанками“. Первая писанка, полученная отъ перваго съ кѣмъ нибудъ христосованья, сохраняется, такъ какъ существуетъ повѣрье, если во время пожара съ нею обойти вокругъ какого зданія, то оно останется цѣло.

Въ прежнее время гораздо больше вѣрили въ злыхъ духовъ и особенно въ вѣдьмъ. Въ колдуновъ вѣрятъ и теперь.

1) **Сказки.** „У полі надъ дорѣгою була груша; пидъ грушею була пѣтолочъ. Людямъ захотѣлось знати, шо воно тамъ робыщця пидъ тиєю грушею. Началы выбирати чоловіка, щобъ пишѣвъ туды дознати ночью, и обещались наградити его хлѣбомъ. Согласѣвся йти туды одѣнъ биднякъ. Пишовъ, злизъ на грушу и сидѣвъ до смерку. Ночью баче идуть два чоловіка; прийшли пидъ грушу, посидѣлы на стулкы. Одѣнъ выймае кнѣжечку и читае, а другий пматокъ хлѣба. Тодѣ сталы сходѣщця вовкы, — той виттиля, а той виттиля. Одѣнъ чоловікъ трѣшки прочита, а другий отлѣме кусочекъ хлѣба, дастъ вѣвку и скаже ему, де и шо въ цю ничъ братъ (кому вивцю, кому быка, кому дуже далеко, кому близько), и такъ роздавъ усѣмъ увѣсь хлѣбъ. Одѣнъ чита, а другий роздае. Вовкы получаютъ каждый свий кусочекъ и росхѣдѣщця. Тодѣ пишлы и ци два чоловікы. У рѣнци той чоловікъ устѣвъ зъ груши, прийшовъ и розказавъ, шо бачивъ, а вони его наградѣлы хлѣбомъ. Тодѣ вони послали друтого провѣрити, чи правда томъ, шо винъ бачивъ. Другий прийшовъ, злизъ на грушу, баче идуть два чоловікы и повторилось то, шо и зъ первымъ. Той, шо роздававъ хлѣбъ (у его остався кусочекъ хлѣбця) и пыта: „чи уже вси получили“, а той, шо читавъ, и каже: „ни, Господы, ще кривый (вовкъ) лежить“; шо хлѣбъ дававъ и каже: „а томъ той, шо на груши сидѣтъ“. Тодѣ усѣ поросхѣдылысь, а кривый вовкъ остався пидъ грушею, а мужикъ на груши. Якъ у рѣнци люди ййхалы на поле, та й прогналы вѣвка, чоловікъ слизъ съ груши и пишѣвъ до дому и сказавъ, шо все правда. Его тоже такъ наградѣлы. Посли

2) „Нанявъ чововикъ чововика собакою гавкать на цілу ничъ за мірку жита. Полягали спать. Нанятый собі лае и въ викна и въ двѣри; а хозієсва слухаютъ, та й кажутъ: ба, який у насъ гарный сторожъ“. А винъ велівъ своїмъ сынамъ прийхаты и набратъ два воза пшеніци; ти прийихали, набрали и поийихали. На утро хозієсва дівляцця, шо усї комори поодчиняти, та й спрашивають у свого сторожа, (а винъ собі лежить на соломи, та й мовчить): „шо це у насъ покража е, а ты наймався стерегти“, а винъ мовчить, ничего не каже. Хозіинъ ставъ его ругать, а винъ тоді и каже: „хибі собака балака съ хозіиномъ“. Тоді хозіинъ начавъ изъ нымъ судыцця за покражу, а той и каже: „я бувъ собакою, не можу сказать, хто покрывъ“. И присудылы хозіина сторожу отдать мірку жита“.

П Ы С Н И.

Дивка взорушка.
Дивка нитки потирала,—
Дивка ниточка.
А за тии сыни нитки
Хоче маминька быти.
„Стой, маминька, не бий!
Сударыня, пожалей!
Я поутру пайду,
Сыни нитки найду“.
Я поутру пайшла,
Сыни вытки найшла;
Сыни вытки найшла,
И до дому прийшла“.

* * *

Только усёго й урону,
Шо башмакъ упавъ у воду.
Башмакъ батенька купывъ,
Чулокъ милый подаривъ.
Не жалко башмачка,
Жалко мылого чулка.
На кватирушку ходывъ,
За кватирушку платывъ,—
Когда сятцю на рубашку,
Когда сала кусокъ.

Когда мыла брусокъ,
Когда тии безчастной
Чечевыци мишокъ“.

* * *

Не великий капитал.
На ём голубой кафтанъ
Раздмашуецця, поы машуця.
А на шеюшкѣ платочекъ,
Будто аловый цвѣточекъ,
А въ карманѣ другой,—
Разноцвѣтный дорогой“.

„Съ другомъ я вчора сидѣлъ,
Нынѣ смерти зрю предѣлъ.
О, горе мнѣ! горе великое!
Мимо царства прохожy,

Горько плачу и глянжу;
Въ пламени стою,
Огонь и смолу пью“.

О. Бородавкина.

7.—Сл. Нищеретова.

Поселеніе.—Жители, жилище, одежда, пища.—Болезни, занятія, религіозность.—Обычаи при рожденіи.—Свадебные обычаи и пѣсни: „змовини“, „сватання“, „домовини“, „виниць“, „шишки“, „пидвисилокъ“, „свадьба“.—Уличныя пѣсни.

Слобода находится при р. Бѣлой, въ 14 вер. отъ г. Старобѣльска. Съ западной стороны тянется мѣловая гора по всему протяженію слободы, а со всѣхъ прочихъ сторонъ—низменная равнина, на которой и расположена сл. Нищеретова; а потому она богата рощами: вербовыми, берестовыми, тополевыми; не мало въ ней фруктовыхъ садовъ; по болотистымъ мѣстамъ растутъ лозы черныя и бѣлыя. Названіе Нищеретовой слобода получила отъ слѣдующаго обстоятельства: мѣстность эта была въ дикомъ состояніи; камыши,—„очереть“, по р. Бѣлой и въ другихъ мѣстахъ выросли до громадной величины. Первые поселенцы имѣли хаты гораздо ниже „очерета“, отсюда и названіе, сначала хутора, а потомъ слободы, Ниже очерета, или сокращенно—„Нищеретова“. Такъ гласитъ народное преданіе о названіи слободы. Первые поселенцы тоже получили прозвище Нищереть, и теперь существуетъ много семействъ съ такой фамиліей. Поселеніе возникло вначалѣ 18-го столѣтія. Это видно изъ того, что въ 1793 г. 17 ноября, когда въ хуторѣ было 655 д. м. п., жители получили отъ Епископа Воронежскаго Иннокентія грамоту на построеніе деревянной церкви, которая въ 1795 г. была освящена. Слобода принадлежала къ Бѣловодскому округу, Воронежской губ.

Жителей въ настоящее время 1730 д. м. п. и 1750 д. ж. п.; народъ рослый, тѣлосложенія крѣпкаго; болѣе шатены, чѣмъ блондины и брюнеты; волосы носятъ большіе, въ кружокъ подстриженные. Много красивыхъ женщинъ. Инородческихъ примѣсей очень мало. Жители—малороссы, но говорятъ нечистымъ малороссійскимъ языкомъ, отъ того, что ходятъ на заработки въ Донскія мѣста, живутъ тамъ подолгу и усваиваютъ мѣст-

ныя нарѣчія; служившіе въ военной службѣ, возвращаясь домой, смѣшиваютъ говоръ солдатскій съ малорусскимъ.

Жилище. Дубоваго или сосноваго лѣса крестьяне не имѣютъ; вербы много своей, но вербовыя хаты непрочны, а потому предпочитаютъ строить хаты изъ мѣла, добываемаго изъ горы, тянущейся вдоль всей слободы. Въ переднемъ углу хаты ставятся иконы въ металлическихъ ризахъ изъ фольги. Иконопись суздальская изгнана изъ употребленія. Уголь, гдѣ ставятъ иконы, украшается „шпалерами“, т. е. бумагой самихъ яркихъ цвѣтовъ и пестрыхъ рисунковъ; кіоты иконъ „квичаютъ квитками“, сдѣланными ими самими изъ цвѣтной или папиросной бумаги. По сторонамъ угловъ возлѣ иконъ вѣшаютъ „рушныкы“, вышитые ими самими, или покупные.

Разныя хозяйственныя постройки не имѣютъ опредѣленнаго плана, ихъ строятъ тамъ, гдѣ находится подходящее мѣсто.

Одежда. Зимой мужчины и женщины носятъ кожухи изъ овчинъ, которыя выдѣлываютъ кушнеры великоруссы, приѣзжающіе на время въ слободу. Зажиточные крестьяне покупаютъ на ярмаркахъ готовые кожухи, лучшей отдѣлки, называемые дубленками. Лѣтняя одежда мужчинъ—чинарки изъ бумажной матеріи, сукна, плиса; кромѣ стариковъ, всѣ подпоясываютъ станъ краснаго или зеленаго цвѣта поясами. Лѣтняя одежда женщинъ—свитки изъ бѣлаго толстаго сукна, которое онѣ сами ткутъ изъ нитокъ овечьей шерсти. Дѣвушки-же ходятъ весною и лѣтомъ даже въ церковь безъ свитокъ, а въ нарядныхъ „ситцевыхъ шарафанахъ или спидницяхъ“, „юбкахъ“ (кофты); юбки носятъ черныя шерстяныя и плисовые, а шарафаны изъ кумача и вообще цвѣтные; волосы у женщинъ бываютъ очень хорошіе; онѣ заплетаютъ ихъ въ одну красивую косу изъ нѣсколькихъ пасмъ, или прядей волосъ. Въ косу вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ „кисниковъ“, т. е. лентъ, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ красныхъ купленныхъ цвѣтовъ. Иногда дѣвушки накрываются платочками шерстяными, или бѣлыми ситцевыми; это у нихъ называется—„запаняцьця“, т. е. накрываться, какъ „панянки“, т. е. барыни. Замужнія женщины носятъ на головѣ „очипки“, или чепцы, очень некрасивые; онѣ ихъ шьютъ сами изъ дешевой парчи; надѣвая ихъ, сверху покрываютъ плат-

комъ, концы котораго обводятъ вокругъ очипка. Праздничная одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—въ такомъ же родѣ, но чище и изъ лучшаго матеріала. Изъ старинныхъ одеждъ остались только „дерги“, которыя женщины носятъ осенью и зимою. Дерга—это жесткое толстое сукно, вытканное изъ овечьей шерсти шириною въ аршинъ, окрашенное ими-же самими въ черную краску. Берутъ этого сукна 4 ар. и, сшивая его, обертываютъ имъ станъ и талию и подпоясываютъ поясомъ. Дерга замѣняетъ имъ шарафанъ, стоитъ дешево и очень прочна. Бѣлье они шьютъ изъ полотна, котораго всякій хозяинъ и во всякое время имѣетъ по нѣсколько сотенъ аршинъ. Полотно они ткнутъ сами.

Пища. Въ хорошіе урожайные годы, у богатаго крестьянина всего много: хлѣба разнаго рода, сѣмянъ конопляныхъ, льняныхъ, пшени, картофеля, молока, сметаны, масла коровьяго, а потому они пищу употребляютъ хорошую и въ достаточномъ количествѣ. Къ Рождеству Христову заготавливаютъ скоромную пищу: кормятъ нѣсколько кабановъ и въ декабрѣ колятъ ихъ; сало заготавливается на цѣлый годъ, а мясо употребляется въ Рождественскій мясоѣдъ; въ осеннее время рѣжутъ куръ, „вѣлховъ“; въ скоромные дни постоянно къ столу подается мясо, кромѣ мясоѣда, слѣдующаго послѣ Воскресенія Христова, когда мяса они почти не употребляютъ, но зато всегда имѣется сало, которымъ заправляются всѣ кушанья; въ это время они часто варятъ вареники, млинцы, „галушки молодни“. Народъ трудится, но любитъ и хорошо покушать. Въ постные дни имѣется постное масло. Такъ ѣдятъ богатые.—У бѣднаго-же крестьянина пища бываетъ скудная; онъ считаетъ себя счастливымъ, если къ празднику заколетъ небольшого кабана и имѣетъ сало. Въ постные дни въ рѣдкихъ случаяхъ появляется въ домѣ его постное масло; онъ ѣстъ картофель, капусту, галушки, вареники съ капустой и все это безъ масла. Коровы онъ не имѣетъ, „десятокъ овецокъ“—все его богатство.

Освѣщаютъ крестьяне хаты керасиномъ.

Болезни. Дифтеритъ появился съ 1873 года и съ того времени почти не прекращается; каждую осень и весною бываетъ много жертвъ. Появляется частенько здѣсь и тифъ. Къ

врачамъ народъ обращается охотою, но къ сожалѣнію врачей мало, и народъ нерѣдко прибѣгаетъ къ знахарямъ на сторону, такъ какъ мѣстныхъ нѣтъ.

При лѣченіи больного скота употребляютъ домашнія лѣкарства: синій камень, росоль, мыльную воду и т. д.; женщины подкуриваютъ скотъ травами, парятъ на кирпичахъ и нашептываютъ свои неизвѣстныя молитвы.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе; въ прежнее время многіе занимались пчеловодствомъ, но, по уничтоженіи лѣсовъ, луговъ и вслѣдствіе частыхъ засухъ, занятіе это упало. Сады есть и хорошіе; кустарныхъ промысловъ не было и теперь нѣтъ.

Народъ религіозный; съ усердіемъ посѣщаетъ храмъ, любить путешествовать въ прославленные святынями монастыри, какъ напр: Киевскій, Воронежскій, Святгорскій. Когда находитъ крестьянинъ въ достаткѣ, то съ любовію и другимъ благотворитъ. Сектантовъ нѣтъ.

Въ слободѣ существуетъ съ 1867-го года народная школа, грамотныхъ много; народъ относится къ школѣ и учителю съ любовію и довѣріемъ.

Женщина въ семьѣ и обществѣ пользуется любовію и уваженіемъ. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ семейные раздѣлы стали обычнымъ явленіемъ, что вредно отзывается на благостояніи населенія. Пьянство развито.

Существуетъ обычай при крещеніи дѣтей. Когда несутъ крестить дитя, то кума непременно беретъ съ собою кусокъ ржаного хлѣба, а по крещеніи, когда въ домѣ бываетъ угощеніе гостей, то кладутъ отцу дитяти въ рюмку водки стертаго хрѣна и мягкой соли, и это онъ долженъ выпить. Бабка повитуха, подавая дитя кумѣ на руки, когда его несутъ къ священнику крестить, говорить: „даю вамъ новорожденнаго, а вы принесть мини крещеннаго“, и наоборотъ,—возвращаясь, кума отдаетъ ей-же дитя и говоритъ: „брала у васъ новорожденнаго, а вамъ принесла крещеннаго.“

Перехожу къ свадебнымъ обрядамъ и пѣснямъ. „Змовины“. Къ крестьянину, у котораго есть „дивчина“, приходятъ старосты съ хлѣбомъ, останавливаются возлѣ хаты подъ окномъ и говорятъ: „добрый вечеръ, пустить насъ погрицься“.—„А

шо вы за людѣ, чии вы, видкиля идете?—„Пустить насъ у хату мы вамъ разскажемъ“.—„Войдите, людѣ добри“. Старосты входятъ и говорятъ: „пустить насъ у гости“.—„Мылосты просимъ“. Одинъ крестьянинъ изъ числа сватовъ подаетъ хлѣбъ хозяину, или хозяйкѣ, называя ихъ мамою, или татою.

Кто нибудь изъ тѣхъ беретъ хлѣбъ и кладетъ на столъ. Начинается разговоръ, сваты говорятъ: „мы чулы, що у васъ е дивчина, що можно отдать, мы прійшли свататы“.

Тѣ отвѣчаютъ: „Вона таки е, та мы ще не радѣлись; приходѣте людѣ добри завтра, мы порадѣмся“, отдають хлѣбъ, и они уходятъ. Приходятъ сваты на другой день утромъ, а эти уже „порадѣлись“ (посоветѣвались) и принимаютъ гостей уже ласковѣе, хлѣбъ не отдають, а оставляють и просятъ на вечеръ пыть могорычъ, т. е. пропывать дивку, и „змовляцця“—на когда сватанье, согласны ли дѣти. Приходятъ сваты вечеромъ съ женихомъ, входитъ „дивчина“, здоровається, и, когда ее спросятъ, „наравится-ли йи хлопецъ“,—она „засоромицця, одвернецця до припичка“, (такъ какъ всегда стоитъ она вдали отъ стола, за которымъ сидятъ старосты), и колупа припечекъ. Нѣсколько разъ обращаются къ ней съ этимъ вопросомъ, и если женихъ ей не нравится, она говоритъ: „не хочу иты за ёго“, или совсѣмъ убѣгаетъ къ сосѣдямъ. Случается, что молода не хочетъ выходить, капризничаетъ, плачетъ, уходитъ, но батько уговариваетъ и приказываетъ. Если-же молодой, понаравився „молодой“, она изъявляетъ согласіе, и батько „свите свички передъ образы“. Къ каждой иконѣ прилѣпляють свѣчку, и молятся Богу, кладутъ земные поклоны; женихъ и невѣста „кланяются батькови, матери и сватамъ всимъ по тричи“. „Садяцця вечерять и совитуюцця на колы сватаня“.

„Сватанья“.—Сватанье бываетъ обыкновенно въ „недѣленьку“ (воскресенье) вечеромъ. Молода идетъ съ дивчатами, которыя въ это время зовутся „дружками“, къ родичамъ и сосѣдямъ; приглашая ихъ на сватанье, говоритъ: „просьвъ батько, мате и я просю на сватанье“. Молода одѣта парадно. Когда идутъ по улицѣ, то всѣ поютъ, а молода идетъ впереди одна и не поетъ.

„Тай шли дружечки,
По падъ вышневый садочкомъ,
Тай вырвали квиточку зелененьку,

Тай свинчали Марьечку молоденьку съ
Василечкомъ“.

Когда молода созоветъ всѣхъ родичей, то заходитъ къ сосѣду и ожидаетъ молодого. За нею приходитъ „молодой“, зоветъ ее, и они идутъ, входятъ въ хату молодой, молятся и кладутъ три поклона, кланяются въ ноги батькови, матери и старостамъ и батькови и матери молодого; потомъ молодого и его родителей и старостовъ приглашаютъ сѣсть за столъ, молодого на первое мѣсто, т. е. въ уголъ, въ которомъ на стѣнѣ висятъ иконы; молодой даютъ тарелку, на ней рушникъ, она подаетъ его „свѣкрови“ т. е. отцу молодого, а онъ даритъ ей рубль—бумажку, случается и серебряный; „свикурси“ подаетъ на тарелкѣ сирпанохъ т. е. бѣлую плохую кисію или марлю, старостамъ тоже даритъ рушники, и они говорятъ: „спасибѣ дочка, що раненько вставала, та рушнички довгеньки пряла“, а потомъ подаетъ молодому „хусточку“ и „чарку горилки“; онъ отдариваетъ, кладетъ на тарелку денегъ нѣсколько копеекъ. Потомъ угощаетъ всѣхъ водкой, а они дарятъ ей мелкія монеты. Дружки все это время стояли молча, теперь начинаютъ пѣть пѣсни.

„Що ты думала,
Що ты гадала
Марьечка молодая,
— Те я думала,

Те гадала,
Що ни отдасть мене
Мый батько“.

* *

„Не впивайся, мый батенько,
Чужу сторононьку,
Чужа сторона безъ витру шумить,

Чужій батько, чужа мате
Не бѣе, тай болить“.

Потомъ угощаетъ отецъ всѣхъ гостей; старики, сваты вечеряють, а молодые и молодежь уходятъ въ другую хату. Молодые уходятъ домой, а молодежь веселится всю ночь; поютъ, танцуютъ, парубки играютъ на гармоніяхъ и балалайкахъ. „Дивчата“ здѣсь-же варятъ вареники; ужинають и расходятся. На другой день молодой зоветъ батька и матирь „у сваты“, т. е. въ гости къ нему и тамъ угощаютъ ихъ. Сватанье кончилось.

Послѣ сватанья черезъ двѣ недѣли, или черезъ недѣлю сваты идутъ до молодой на „домовины“, т. е. на совѣтъ, и въ это время совѣтуются, накогода свадьба и какіе кому готовить подарки. Когда уговорятся въ какой день вѣнчаться и въ какой день свадьба, то уходятъ.

Въ назначенный день для „винца“, молодой идетъ въ церковь съ „боярами“, т. е. шаферами, а молодая приходитъ отдѣльно съ „дружками“ и съ ними по два старосты. Послѣ вѣнца, если молодой живетъ близко, то зоветъ молодую обѣдать, а она уходитъ домой, онъ уговариваетъ ее пойти обѣдать и наконецъ беретъ ее за руки и безцеремонно тянетъ; бояры его толкаютъ дружокъ и, поцеремясь, они отправляются къ молодому всѣ обѣдать; если же молодой живетъ далеко, то расходятся по домамъ. Послѣ вѣнца свадьба бываетъ черезъ недѣлю, или дня черезъ четыре, или недѣли черезъ двѣ, рѣдко случается, что въ одинъ день бываетъ и вѣнецъ, и свадьба.

За два дня до свадьбы, молода зоветъ дивчатъ, сосѣдъ и лѣпять изъ тѣста маленькія булочки, которыя состоятъ изъ узкихъ полосокъ съ вырѣзанными на концахъ зубчиками; хлѣбъ этотъ называется „шишками“; когда ихъ лѣпятъ, „дивчата и молодцы“, то поютъ:

„Тай Марьечина ненько (мать)
Тай по улицѣ ходе,
Сусылочекъ просе:
Сусидочки мои, голубочки,
Приходите до мене,

Не до мене, до мого дитяти,
Тай калачикивъ дбаты,
А шишочекъ липыты,
А дружечекъ дарыты“.

Лѣпятъ еще „каравай“, большой хлѣбъ съ такими-же украшениями изъ тѣста, какъ и шишки, и еще пекутъ „калачъ“ и украшаютъ его краснымъ гарусомъ. Передъ тѣмъ, какъ сажать этотъ каравай въ печь, мужчина выметаетъ печь помеломъ, потомъ сажаютъ каравай въ печь, а дичу, т. е. кадку, что была съ тѣстомъ, берутъ на руки четыре женщины, носятъ по хатѣ и поютъ:

„Вермень пичъ выметать,
А верменка поглядала,
Чи гораздъ вермень пичъ вымета.

Пичъ ходе на ногахъ,
Дичу носють на рукахъ.
Пычись каравай, щобъ печенный бувъ“.

Женщины, которыя носятъ его, слѣзая поцѣловаться на крестъ, и зато первой изъ нихъ подносится „чарка горилки“. Послѣ этого угощаютъ всѣхъ ихъ водкой; пообѣдаютъ, получаютъ по шишкѣ и уходятъ. На другой день, т. е. подъ день свадьбы, вечеромъ молодая идетъ съ дружками; беретъ съ собою нѣсколько шишекъ и идутъ „по родычамъ“ и просятъ такъ: „просывъ батько, мате до хлиба, до соли на вычирыны, или на пидвисилокъ“;

даетъ шишку и при этомъ въ каждой хатѣ каждому члену семьи кланяется въ ноги. Когда проходятъ по улицѣ, поютъ:

„Тай стрибнал сережечка Марьечка, Тай обився коло ручки,
Золотый обидецъ Василько, Коло косы, росы“.

Обойдя она своихъ родичей, то идутъ до свекрухи; войдя въ дворъ, всѣ останавливаются и поютъ:

„Обмѣтайте дворы, Идутъ до васъ дружечки,
Застилайте столы, Паняночки“.

Свекруха выходитъ и зоветъ ихъ; входятъ,—молодая кланяется свекрухѣ 3 раза; садятся за столъ, ихъ угощаютъ пирогами со сметаной, потомъ свекруха даетъ имъ по шишкѣ и посылаетъ молодую къ своимъ уже родычамъ, приглашать и ихъ къ ней на „пидвисилокъ“.

Приходитъ молодая домой позднимъ вечеромъ, приходитъ и молодой съ боярами, свашками и „свитылкою“, т. е. дѣвочкой, которая садится на „покутъ“,—мѣсто за столомъ въ углу, и держитъ пучокъ „василькивъ“; въ срединѣ пучка стоятъ двѣ восковыхъ свѣчи. Молодой съ молодою стоятъ возлѣ порога, а дружокъ стоитъ за ними и говоритъ: „благословить молодій княгини и молодому князю гильце вить трічи разомъ“. На лавкѣ сидятъ старосты и отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословляемъ“. Послѣ этого они садятся, за столъ: на столѣ стоитъ „гильце“, т. е. небольшое сосновое дерево, украшенное гарусомъ, ленточками бумажными, цвѣтами,—и молодой начинаетъ его вить, т. е. кончаетъ его украшеніе: беретъ „василькивъ“, три колоса жита, вѣтку калины и привязываетъ этотъ пучекъ на верхнюю вѣтку гильца. Такой же букетъ составляетъ молодая и привязываетъ его туда-же на гильце. Отецъ угощаетъ ихъ водкой, потомъ угощаетъ свитылку, свашокъ и всѣхъ родичей. Дружки въ это время стоятъ и поютъ:

„Легла черезъ хату гуска,
А въ хати зъ перцемъ, зъ инбер-
цемъ

Кипила капуста
Зъ Марьечкинымъ щирымъ сердцемъ“.

* *

„Зйили бояры цилого вола,—
На столѣ ни рисочки,
Пидъ столомъ ни кисточки.

Зйили дружечки ливъ голубонька,—
На столѣ повненько,
Пидъ столомъ чистенько“.

Въ этой пѣснѣ дружки подсмѣиваются надъ боярами, что,

когда ихъ угощали водкой, они заѣдали мясомъ и много съѣли мяса. „Молоди“ и молодежь уходятъ въ хатыну, а сваты и родичи вечераютъ и расходятся. Молодежь входитъ и веселится по своему безъ присутствія стариковъ: поютъ, танцуютъ, играютъ на балалайкѣ, гармоникахъ; потомъ молодая съ дружкой варить капусту и вареники и всѣ ужинаютъ. Въ это время происходитъ особенная церемонія: „молодой“ беретъ въ ложку капусты, подноситъ ко рту „молодй“, а она набираетъ въ свою ложку и подастъ ему и опять такъ-же; бояры кормятъ дружокъ, а дружки ихъ, и такъ весь вечеръ продолжается; потомъ расходятся. Если-же молодой живетъ въ другой слободѣ, то у него бываетъ „пидвисилокъ“ отдѣльно со всѣми обычаями, какъ и у молодой, а на другой уже день онъ прѣзжаетъ за молодой.

Свадьба. На другой день послѣ „пидвисилка“ соберутся къ молодой ея родичи, а къ нему—его, происходитъ угощеніе, обѣдъ; семья жениха выпроваживаетъ жениха съ боярами, свашками и свитилкою за молодою, а молода съ своими гостями обѣдаетъ раньше, чтобы „поиздъ“ этотъ не засталъ ихъ за обѣдомъ, и тогда уходитъ съ дружками къ сосѣдамъ, а гости остаются. Когда молодой собирается ѣхать за молодою, послѣ обѣда помолятся всѣ, кто есть изъ родичей,—онъ садится въ экипажъ и мать посыпаетъ ему на голову немного хмѣля, конфетъ и мелкихъ монетъ. Дѣти спѣшаютъ идти въ ту хату, гдѣ есть женихъ, зная что жениха будутъ обсыпать хмѣлемъ и пр., которое позволяется имъ подбирать. У жениха, по обычаю, бываетъ меньше причудъ, чѣмъ у невѣсты. Прѣзжаетъ „молодой“, заѣзжаетъ къ сосѣдямъ, беретъ „молоду“ съ дружками и ѣдутъ къ церкви; останавливаются противъ западныхъ дверей, встаютъ, подходятъ къ дверямъ, кладутъ три земныхъ поклона, пожатъ шишку на порогѣ и ѣдутъ кататься. Когда прѣдутъ ко двору молодой, всѣ встаютъ, входятъ во дворъ, подходятъ къ порогу и тутъ только молодая „здоровкается“ съ ними; идетъ съ „дружками“ и „дружкомъ“ въ хату, на порогѣ стоитъ молода, а онъ впереди и говоритъ: „благословить молодй княгини Богу помоліица и нѣнци въ нѣги поклоніица трічи разомъ и благословить молоду княгиню за столъ замисты“. Старосты

отвѣчаютъ: „Богъ благословить и мы благословимъ“, и она садится за столъ. Потомъ дружка беретъ маленькій кувшинъ, наливаетъ въ него воды; кладетъ на кувшинъ шишку, уходитъ изъ хаты и говоритъ: „прощайте“. На дворѣ передъ порогомъ хаты стоитъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, и на немъ лежатъ хлѣбъ, передъ столомъ стоитъ молодой, два старосты, свашки и ожидаютъ, когда пригласятъ ихъ въ хату; наконецъ дружка подходитъ къ нимъ, здоровается съ ними и даетъ выпить изъ кувшина; тѣ выпиваютъ по глотку, онъ прощается, уходитъ, входитъ въ хату, здоровается и предлагаетъ выпить; потомъ проситъ „старостивъ“, молодой, которые за нимъ выходятъ; онъ заставлятъ этихъ старостовъ здороваться съ тѣми; тутъ выпиваютъ по рюмкѣ водки и эти старосты приглашаютъ тѣхъ, говоря: „милости просимъ до нашего батька въ хату“, входятъ и садятся на лавкѣ, а дружка говоритъ: „Де наша маты?“ Старосты старостовъ зовутъ въ хату, а зятя—мать; мать беретъ въ рюмку хмѣля и меду, выходитъ къ зятю, здоровается и даетъ ему въ руки чарочку съ хмѣлемъ, а онъ отдастъ боярину, т. е. хлопцу, который держалъ вѣнецъ; тотъ переноситъ чарку черезъ правое плечо и высыпаетъ все изъ чарки подъ правую ногу жениха, угощаетъ молодого „горилкой“ и всѣхъ членовъ обряда и приглашаетъ въ хату. Идетъ впереди молодой и останавливается на порогѣ, наклоняется, а свашки его цѣлуются на крестъ съ свашками невѣсты и мѣняются хлѣбомъ; ея свашки садятся на мѣсто, а дружка стоитъ впереди молодого и говоритъ: „благословить молодого князя у сей домъ увести, Богу поклоніица и нѣнци трічи разомъ“. Молодой кланяется, цѣлуетъ молоду и садится рядомъ съ нею; когда молодой вошелъ въ хату, молода наклоняетъ голову на столъ, а старшая дружка кладетъ ей на голову калачъ, украшенный гарусомъ; когда молодой подходитъ къ молодой цѣловать ее, дружка принимаетъ съ головы калачъ, а остальные дружки, смѣясь, поютъ:

„Тоби дружокъ не дружковаты,
Тоби свини пасты,

Молодому завертаты,
Що не вмие молодой цилуваты“.

Тогда дружка молодого беретъ подарки у свашекъ и подаетъ матери чоботы, невѣсткамъ серебряныя серги, если у нея есть се-

стры, то имъ „кисники“, т. е. ленты; беретъ у молодого шапку, а у молодой съ головы „квитку“ и отдаетъ свашкѣ; пришиваютъ эту квитку къ шапкѣ и поютъ:

„Изъ Кіева швачка, Купеческа дочка,— По городу ходила,	Шовки куповала, Квитки пришивала“.
--	---------------------------------------

Потомъ беретъ дружкѣ шапку, подаетъ боярину, а тотъ надѣваетъ на молодого, снимаетъ и т. д., до трехъ разъ. Дружко беретъ у жениховыхъ свашекъ шишки, раздастъ всѣмъ родичамъ и спрашиваетъ: „довольны бѣтковымъ хлѣбомъ?“—тѣ отвѣчаютъ: „довольны“.

Дружко говоритъ: „готовъ, мате, що молодій робѣты“. Мать идетъ въ „хизку“, т. е. кладовую, беретъ каравай, кладетъ на него рушники, очипокъ и серпанокъ, это все дружко кладетъ на голову, идетъ въ хату и говоритъ: „благословить молодѣ княгиню покрыть тричи разомъ“, старосты отвѣчаютъ: „Богъ благословить тричи разомъ“. Въ это время дружки поютъ:

„Чи не бачишь, диво, Що несуть твоє діло,	Якъ билъ билесеньке, Якъ гай зеленесеньке“.
* * *	
„Насіяла Марьечка квиточекъ, Не вродились квиточки,	Тай вродились полуниця (клубника), Минається твоє дівованьє й вечеринці“.

Послѣ пѣнія свашки расплетаютъ косу молодой, смачиваютъ волосы водкой, завязываютъ волосы по срединѣ головы въ одинъ пучекъ, надѣваютъ очипокъ и повязываютъ сверхъ очипка платокъ; молодая плачетъ, нѣсколько разъ снимаетъ очипокъ и бросаетъ на землю, но свашки надѣваютъ снова. Дружки въ это время поютъ:

„На гори дощыкъ иде зъ росю, Говорила Марьечка съ косяю: Тай коса-жъ моя кохана, Та не годъ я тебе похала, Що суботоньки чесала,	Що недиленьки квичала; Якъ расплitalы,—порвали, Пидь очипокъ клалы,—вломалы, Такъ мою косоньку потеряли“.
--	--

Послѣ этого, двѣ свашки берутъ за концы серпанокъ и покрываютъ головы молодыхъ серпанкомъ, сами-же поютъ:

„Ой душенько, Марьечко! Покривапка плаче, Покривацця хоче, Не такъ покривацця,	Якъ намъ поцилувацця; Съ кныша поляниця,— Съ дивчини молодця“.
---	--

Сейчасъ-же этимъ серпанкомъ обвязываютъ ей голову, какъ платкомъ, и говорятъ: „за цю вистъ чарокъ по пишь, хоть по одній, тай по повній“. Ихъ угощаютъ дружко, они уходятъ на свои мѣста, а молодой даютъ водку, и она угощаетъ всѣхъ.

Послѣ этого бояре идутъ къ дружкѣ „полудновать“, а мать даетъ молодымъ вечерять; послѣ ужина отецъ беретъ образъ—благословеніе, а мать палку, садятся на нѣсколько минутъ; всѣ молятся Богу, а затѣмъ молодые кланяются въ ноги родителямъ; батько говоритъ: „глядь, дочко, щобъ винъ бувъ тобі чоловікъ, а тобі, сѣну, щобъ вона жінка була“, мать тоже повторяетъ; бьютъ ихъ по разу палкой и говорятъ: „вставайте диты“. Молодые встаютъ и цѣлуются; молодѣ беретъ икону, а отецъ говоритъ: „Богъ благословить и я—хорошо вамъ, диты, жити“. Выходятъ, садятся и ѣдутъ къ молодому; когда выѣзжаютъ изъ двора, свашки поютъ:

„Выгребай, мате, жаръ, Коли тобі дочки жалъ,	Кыдай у пичъ дрова, Оставайся здорова“.
---	--

А дорогою поютъ:

„Ой вы, кони, ведмеди Чи надієтесь вы на силу, Чи доведете нашу княгиню	Черезъ гороньки крути, Черезъ риченьки быстра“.
---	--

Когда приѣзжаютъ ко двору, то поютъ:

„Свекруха нивисточки бажала, До купки пережечки складала,	Бля своєї нивисточки, голубочки“.
--	-----------------------------------

* * *

„Вийди, матенько, обгляди, Що тобі бояри привезли“.	„Вони мни нивисточку привизли И скриню нову“.
--	--

Входятъ въ хату, ихъ угощаютъ, свашки поютъ:

„Треба тобі, нивисточка, три нага- лечи,— Одну щобъ раненько вставала, Другу щобъ пизненько легала,	А третю щобъ умила со свекомъ ко- сподарете (говорить), Раненько вставала, Рушничокъ подавала Биле личко утерате“.
--	--

Послѣ этого расходятся.

На другой день гости сходятся къ молодому, ихъ угощаютъ, а они дарятъ молодыхъ, кто чѣмъ богатъ: кто овцу, кто теленка, кто полотна, кто денегъ. Свадьба крестьянину обходится отъ 50 р. до 150 р., смотря по состоянію. Такой расходъ вызываетъ

ся угощеніемъ гостей и сватовъ водкой, конечно, считая угощеніе съ самаго начала „змовинъ“. Если невѣста бѣдная, то при сватаньи отецъ невѣсты выговариваетъ себѣ „пидстожного“, т. е. беретъ деньги со свата для расходовъ по свадьбѣ.

Въ заключеніе сообщу двѣ уличныхъ пѣсни.

„Прилитавъ соловейко,
Соловейко до выконьчка припадавъ,
Жалибненько щебетавъ,
Жалю дивчини заважава:
„Гулай, гулай, дивчино покы твоя во-
люшка,
Ны накрыта твоя головушка,

Ны подобрана руса коса,
Ны завезена въ чужу сторону.
Тай распроклита сторона,
Куда мыне мате задала,
Де я зъ роду ны була,
Цего горичка ны знала“.

* * *

„Охъ, мате, хочу йсты,
Та боюся въ погрьбъ лизты,
Та боюся щобъ невпала,
Щобъ капуста ны пропала.

Жаль, мате, капусташка,
Жаль, мате, бурикивъ,
Жаль, мате, покидыте
Черноморскихъ казакивъ“.

А. Шальнева.

8.—Сл. Петро-Павловна.

Свадебныя пѣсни.—Коляды.—Щедровка.—Загадки.—Прибаутки.—Сказки.—

Пѣсни.

Свадебныя пѣсни.

1.

А Павлеко у тѣстенька
Пье—гуляе,
Попереду соколенька посылаетъ.
Леты, леты, соколенько,
До батька мого,
Нехай дворы, частокóлы обми-
тають,
Нехай столы тесóвыи застыла-
ють,
Нехай менѣ молодóго дожида-
ють.

А теперъ молоденькій
Не самъ я буду,
А я соби Оленку добуду.

2.

Та й уже жъ, ненько,
Та нераненько
Чомъ не вчишь менѣ,
Ненько, не научаешь,
Якъ свекóркови годыты?
Ой, дóньку мой,
Сама не маненька!
Будь соби розумненька,—
Встань раненько,
Умийся биленько,
Швыденько иды,
Повненько беры,
Щобъ вечіреньку застала;

Тільки вступыла у синечки,
Брязнули зъ столу тарилочки.
Та й не гнивайся, чужбе дытѣ,
Що вечерять забулы оставыты.
У свекра вечера
Зъ масломъ печена,
Та зъ дрибными слеза́ми;
А въ батька вечера
Съ перцемъ печена,
Та зъ ласковыми слова́ми.

3.

Ой, рано, рано борамы
Тамъ стояла калы́на ряда́ми,
Тамъ збирала Галечка
Дружечо́къ юлечка́ми.
Посадыла дружечо́къ
Рядо́чками.
Самá сила ви́ще всихъ,
Наклоныла голо́воньку,
Ны́жче всихъ,
Задумала вона́ думо́ньку,
Бильше всихъ.

4.

Выйды, ты, матенко,
Прóтивъ насъ,
Глянь, ты, матенко,
По всихъ насъ.
Кра́щая Галечка
Одо всихъ насъ.

Не вгадала маты
Своего дытаты,
Чи за дружечками,
Чи за слизочками.

5.

Поплыла утка
Поплыла сира,
Та й на море почувать,
Ой, рано, рано почувать.
А за нею плыве, наздогоняе
Сызый селезень.
Та по стой утку,
Та постой, сира,
Зъ тобой пощелкочимъ!
Бувъ я на ставку
Слыхавъ я славку,
Про тебе, сира утка.
Плывутъ же сѣти
И на твой диты.
Хочъ нехай плывутъ,
Хочъ перестанутъ,
Бо вони мене
Не впиймають.

6.

Шійють кыбалочку
На твою головочку,
А у недилечку,
Пидъ понедилочокъ
Вони на тебе надинуть,
Глянь на поригъ, диво,
Несуть твоє діло:
Якъ билъ, билесеньке,
Якъ гай, зеленесеньке,
Вондъ жъ тобі зеленущее,
Вондъ тобі немнущее.

7.

За туманомъ свѣта не видно,
По долини пискотъ несѣ,
Тамъ Васылько вѣликивъ пасѣ,
А Дунышка водѣцю носѣ,
А Васылько водѣци прѣсѣ.
Якъ ухвате за видѣречко:

Здоровъ, здоровъ, моє сердечко!
Якъ и буде, маты пытаты,
Та й не буду правды казаты.
Та й полынѣлы гѣсы изъ броду.
Скаламѣтылы съ пискомъ воду.

Схватѣлы, помчѣлы,
Спасѣби не сказѣлы.

8.

Кудрявый погончикъ,
Та ще кучерявый!
Держи ужъ ровно,
Та вдаръ коня болю,
Що бъ побигъ конь бодро,
Що бъ я не слыхала,
Якъ багوشка плаче,
Маменька рыдае,
Звычайо не знае.

9.

Та нхтѣ того
Хорошого прѣизда не знае,
Та тѣлько знае, тѣлько вдае
Молода Марьечка.
Ой, рано, рано, маерь,
Митѣльця промытае.
Та по поцю по чѣстому
Маерь, метѣльця промытае.

10.

Свалка не липѣшка,
Шишѣкъ не липѣла,
Дружѣкъ не дарѣла,
Одну излипила
Зъ зеленого сѣна,
Та й ту сама зѣла.
Брѣшиты, дружкы, раки,
Брѣшиты, якъ собѣкы.
Бѣгла сѣчка ярѣмъ,
А за нею дружкы рядѣмъ,
Думалы, що маты,
Зачалы ий сѣаты.

11.
Свитѣлочка пышна,
Якъ у саду вышна.
Свитѣлочка горда,
Якъ у свѣнѣ морда.

12.

Отдаешъ менѣ, моя нѣнько,
Та й отъ себѣ,
Остаецца рѣта—мѣята
Вся у тебѣ.
Уставай же, моя нѣнько,
Та й ранѣнько!
Полывай же рѣту—мѣату
Та й частѣнько.
И ранними, вечерними
Зоречками,
Дрибнѣнькими, горячими
Слизонѣками.

13.

Перенишь, перескѣшь
Та й ничѣго не замѣшь,
Тѣлько минѣ одна шкѣда,
Що впустивъ башмакъ у воду.
Минѣ не жалко башмака,
Жалко бѣлого чулка.
Башмакъ батенька купувъ,
Чулѣкъ мылый подарувъ.
А чия жъ то дивчѣнонька,
Що на углѣ хѣта?
Гарнѣсенька дивчѣнонька,
Тѣлько не богѣта.

Ой, радъ я любѣть
Та й Морѣдъ не велѣть,
Якъ побѣчу, та й заплачу,
Та й животыкъ заболѣть
Та й сердѣнько зацѣмѣть.
Ой, чия жъ то трава
Та неѣшеная?
И не громѣжена?
А тий удовѣ
Що взяли въ солдѣты сѣна.
А де два,—тамъ нема,

А де тры, ти втеклы,
А де пять,—тамъ не братъ,
Де чѣтыри,—не велѣть,
А въ удовѣ одѣнь сынъ
Тай той пишѣвъ пидъ аршинъ.

14.

Та даешъ менѣ,
Мий батенько;
Та й самъ бачишь,
Не разъ, не два
Та й за мною
Та заплачешъ.
Якъ по веснѣ
Тай садѣчки цвѣстѣмуть,
А дружечкы винѣчки плыстѣ-
муть,

Мѣмо твоихъ ворѣтечокъ
Та й нестѣмуть,—
Та й не бѣдутъ
До хѣты привѣртѣты,
Що нѣкого на ѣлицю
Выкльѣкѣты.

15.

Ой, зѣтю хорѣший,
Гѣтовъ кѣпу, грѣшей:
Кѣпою не отбѣдешъ,
Хѣба минѣ жупѣнъ кѣпышъ.
Зѣть на мене та не дѣвыщѣця:
Винъ на мене супрѣтѣвыщѣця,
Винъ на мене кѣсо поглядѣе,
Винъ мене нѣшѣкомъ дае.

16.

Дружечкы, панѣночки,
Устанѣте зъ лавѣчкы,
Пустѣть цѣгѣ пѣна
До, ций панѣночки.

17.

Отдаешъ менѣ, мий батенько,
Молодѣю!
Купы, купы зозѣленьку луговѣю,
Прыбѣй у кимнѣти

Кры кровати
Вона́ буде́ ранесенько
Куваты,
Мене́ молодую
Розбужаты.

18.

Та й ходы́ла, тай Га́лечка
По крути́й гори́
Зобачила́ селезенья
На тыхий воді.
Плывы́, плывы́ селезеню́,
Тыхо по воді
Прыбу́дь, прыбу́дь,
Мий ба́тенько, тепе́ра ко мни́,

Ой, дай мині́ пора́доньку
Ба́дний сыро́ти.
Ой, радъ бы я, ды́тя моё,
Прибу́ты къ то́би,
Насы́пано сы́рои земли́
На ру́кы мой;
Скльпы́лыся я́сни о́чи
Не ба́чуть тебё.
Нехай тебё́ поряжа́ють
Дядьки́ та титки́
И ридни́и, не ридни́и
Сестры́ци тво́и.
Но ни́хто́ не дасть пора́доньки
Тако́и, якъ ты́.

Ко́л я́д ы́.

1.
Ой, ря́сно, кра́сно
Калы́нонька въ лу́зи.
Ой, дай, Бо́же!
А ще́ красни́ша
У Яго́рки дочка́.
Ой, дай, Бо́же!
Яго́рки дочка́—
Дывка́ Галечка́,
По дво́ру́ хо́де,—
Якъ зо́ря зо́йде,
Въ присно́чки йде́,—
Якъ ми́сяць изойде́,
Ой, дай Бо́же!
До це́рковки йде́,—
Якъ со́нечко зо́йде.
Ой, дай Бо́же!
Стри́лкою засви́стывъ,
Бра́тцывъ побуды́въ,
Ой, дай Бо́же!
Встава́йте, бра́тци,
Ко́ни сидла́йте.
Ой, дай Бо́же!
Ой, я жъ та́мъ назнавъ
Ко́ня въ де́реви,
Дывку́ въ те́реми.
Ой, дай Бо́же!

Ой вамъ́ же, бра́тци,
Ко́ня въ де́реви,
А мині́, бра́тци,
Дывка́ въ те́реми.
Ой, дай Бо́же!
Ой, ра́но, ра́но
Ку́ры запі́лы,
А ще́ рани́ше
Па́влеко у́ставъ,
Лу́чкомъ за́бряца́въ,
Ой, дай Бо́же!
Па́ны встри́чajúть,
Ша́пки скида́ють.
Ой дай Бо́же!

3.

Коля́дь, коля́дь, коля́дны́ця,
До́бра зъ ма́комъ па́ляны́ця,
А пи́сная не така́я.

4.

А въ ли́ску, ли́ску,
На жо́втимъ пи́ску
Та́мъ хо́де па́ва,
Пи́рлячко збы́ра,
Въ рука́ва скла́да.
Ой, дай Бо́же!

Ще́дри́вка.

1.
Та й сивъ́ Иису́съ Хри́сто́съ
Та й на ви́конечку́.
Ще́дрий ве́чиръ, до́брый ве́чиръ,
До́брымъ лю́дямъ на здо́ровье!
Та пришла́ къ Не́му,
Та Бо́жая Ма́терь.
Ще́дрий ве́чиръ...

2.

Ще́дрикъ, Пе́дрикъ,
Да́йте ва́ре́ныкъ,
Гру́дочку ка́шки,
Кильце́ ко́вба́ски.
Ще́ й того́ ма́ло,

Да́йте кусо́къ сала́
Що́бъ ма́ты не зна́ла,
А ба́тько не чу́въ,—
Пидъ́ при́збою засну́въ.

3.

Мыла́нка ходы́ла
Васы́лька просы́ла,
Васы́лько, мий сы́нко,
Пу́сты мене́ въ ха́тку.
Я жы́та не жа́ла,
Че́сный крё́сть держа́ла;
Крёсти́тися, лю́де,
До ва́сь Хри́сто́съ бу́де,
Бо́гу сви́чку ста́вте,
А на́мъ кала́чь да́йте.

За́га́дкы́.

„Пришла́ шалда́-балда́, взяла́ штри́кы-бры́кы, а мя́кыны́кы по-
чу́лы, та сказа́лы жы́тныкамъ: сидла́йте, жы́тны́кы, вивса́ныки́въ,
наздо́ганя́йте шалду́-балду́, отнима́йте штри́кы-бры́кы? (Волкъ,
овцы́, соба́ки, лю́ди, ко́ни). Че́тыре че́тыренки́, а два хведо́рен-
ки тя́гнуть руле́цю на у́лыцю? (Возъ, бы́ки, ко́леса). Че́тыре
че́тырки́, дви́ ростопы́рки́, а се́дьмдой́ верту́нъ? (Бара́нъ). Приш-
ла́ кума́ до кума́: дай, кума́, ля́поты, по́ляпаты́, тай иды́? (Си-
то). Пришла́ кума́ до кума́: дай, кума́, ши́лы-бы́лы, по́хита́ты
сво́й жы́лы? (Ступа́). Кру́гле, та не ми́сяць, зеле́не, та не ди-
бро́ва, зъ хво́стыкомъ, та не мы́ша? (Каву́нъ или гарбу́зь).
Одно́ ка́же: стиймо́, дру́ге ка́же: ходи́мо, а тре́тье ка́же: дава́й
Бо́гу мо́лыцьця́? (Земля́, вода́, оче́ре́тъ, или ка́мышъ). Два бра-
та ле́та́ть, а зъ ихъ кро́вь ка́поты́тъ? (Ве́дра). Си́рый во́лыще
черезъ го́рыще дры́ще? (Дымъ). Гавры́ло — зама́зане ры́ло?
(Лампа́). Верть—верть, а въ чи́рыпо́чку сме́рть? (Завертка́)
Бижа́ть ко́ни воро́ни, на ихъ у́зды порва́ни, ихъ ста́ть пере-
ня́ть, воны́ йи́сты не хо́тя́тъ? (Хма́ры или тучи́). Повзу́нъ повзе́,
го́ршки везе́? (Ё́жъ). Ма́неньке́, руде́ньке́ по ку́точкахъ бы́га?
(Вё́никъ). За́ бילו́ю го́рою тала́лай пле́ще? (Язы́къ). Оды́нъ
ка́же: свита́й, Бо́же, дру́гый ка́же: не дай, Бо́же, а тре́тий ка́-
же: мині́ все́ ривно́, що́ въ де́нь, що́ въ но́чь? (О́кно, сво́локъ,

двери). У города рубаютъ, а за городомъ триски литаютъ? (Письмо). Изъ тремъ дубамъ, загрѣзло телѣ зъ зубами? (Сокира или топоръ). Сѣредъ лѣса—стойтъ джѣ съ тѣстомъ? Рыля бѣле? (Джѣ, квашня). Чѣрне насѣння, хто ѣго вмѣе, той и посѣе? (Читатъ). Сѣре сукно лѣзе въ вѣкно? (Свѣтъ). Сѣредъ лѣса—лѣса висѣтъ красне плѣтъячко? (Калина). Въ манѣнькому горѣчку солодѣнька юшечка? (Орѣхъ). Игнѣтъ дубинѣтъ, ѣго при землѣ не знатъ? (Погребъ). Кѣнувъ я не пѣлку, убѣвъ я не гѣлку, скубѣ не пѣрья и йимъ не мѣясо? (Рыба). Онъ и чѣренъ, та не вѣронъ, и зъ рогѣми, та не быкъ? (Жукъ). Простылю рогѣжку, посѣплю горѣшку, положу хлѣба окрѣецъ? (Небо, звѣзды, мѣсяцъ). Сѣредъ поля—поля стойтъ красна комѣря? (Солнце). Онъ зелѣный, та не лугъ, зъ хвостѣмъ, та не мышъ? (Кавунъ, арбузъ). Два ўзлыки усѣ поле засѣялы? (Глаза). Симъ сѣтъ поросѣтъ, та вси рѣдомъ лежѣтъ? (Сволочки). Стоитъ барѣнъ, не стѣлько вѣвнѣ, скѣлько ранъ? (Дрѣвѣтъня). Два брѣта вѣтика, а два наздогонѣ? (Колеса). Манѣньке, тонѣньке, ѣго постоѣнно скрозъ тынъ тягѣютъ? (Иголѣка).

П р и б а у т к и.

„Ой, тѣри, тѣри, тѣри,	А кѣсѣю шѣбу шѣлы,
Бакайвѣски дѣвки дѣры,	Долѣтомъ дрѣва рубѣлы
Рѣшетѣмъ вѣду носѣлы,	Шѣломъ жѣто косѣлы“.

Дѣвѣта—курѣта, не бѣчили зѣйца?—Пуѣтъ кѣленьку пройтѣ, а въ кѣленьку не зѣйтѣ.—Я самѣ балакѣха.—Глѣстѣ подгѣлиѣстѣ.—Голѣлѣнчикъ—бубубѣнчикъ!—Ой, моя цыгѣнѣко, ой, моя кохѣнѣко! берѣ клѣчѣи струбѣви, одмыкѣи скрѣинѣи золѣтѣи.—Доѣцъ идѣ, доѣцъ идѣ, стрѣхѣтѣ лѣѣцѣя, хѣзѣина дѣма немѣ, хѣзѣйка смѣѣцѣя.—Обѣтрѣцѣя, обѣмнѣцѣя и по стѣромѣ пойдѣцѣя.—Вѣронѣ, вѣронѣ! ѣо ты рѣбышъ? Пѣчку копѣю. На ѣо вѣна тобѣ? Окрѣпецъ грѣтъ, дѣтѣмъ бѣи залѣвѣтъ, ѣобъ не лѣзылы въ горѣды; а якѣй въ тѣбе горѣдѣцъ?—Стѣрша дрѣжка, дѣй я тѣбе перѣсадѣю черѣзъ горѣдѣцъ.—Пѣрасѣко! менѣ бѣла мѣты.—Заѣцѣ?—ѣобъ на ўлыѣю нехѣдыла.—Йѣхѣла Хѣма зъ Ерѣсалѣма, тарѣтѣйка терѣчѣе, кобѣла йѣхѣтъ не хѣче; пѣшлѣ Хѣма до хѣты, кѣя шѣкѣты, кобѣлу убѣвѣты.—По хѣлодѣ, по мѣлодѣ пѣявѣка зузѣульѣка, сѣльки не тѣльки! Пѣчу, пѣчу по грѣбѣни, та нѣкуды вѣйтѣи стѣромѣу Пѣтрѣвичѣу Бѣчѣвѣчѣу; шѣшѣолъ,

вѣшѣолъ, вѣнъ пошѣолъ.—Зѣяцъ—мѣсяцъ, де болѣсяцъ, шѣли-пѣли трѣвку—мурѣвку, шѣтѣхѣлѣ нѣпѣлъ, пѣлъ-пузѣрь.—Хѣхѣолъ! берѣи кѣсѣу, молѣтѣокъ, ѣтѣравлѣйсѣ въ хѣлодѣокъ! Рѣзъ, двѣ, трѣ, чѣтѣре, пѣтъ,—вѣшѣолъ зѣйчикъ погѣулятъ, вѣругъ ѣхѣтнѣкъ вѣбѣгѣе, прѣмо въ зѣйчикѣ стрѣлѣе: пѣхъ,—пѣхъ, ѣ-ѣ-ѣ-ой! пропѣвъ зѣйчикъ мѣи.

А на горѣ звѣнѣтъ, та звѣнѣтъ,	Ужѣ мѣи Нѣстѣя не зѣужѣа;
Ужѣ мѣи Нѣстѣю хѣрѣнѣтъ;	А на горѣ пѣвѣчи спѣвѣютѣ,
На горѣ доѣцъ, та кѣлѣужѣа,	Ужѣ мѣи Нѣстѣю хѣвѣютѣ.

Дѣдъ бѣбу товѣе, товѣе,	Пѣстѣй, дѣду, не бѣсѣйсѣ,
ѣо не скѣро блѣнѣцѣи пѣчѣ.	Якъ нѣпѣчу, такъ нѣнѣсѣйсѣ.

Якъ у вѣсѣ, такъ и въ нѣсѣ	Змѣрѣзылы на пѣчѣи
Мѣрѣзъ у Пѣтрѣвѣку,	Пѣрубѣка и дѣвѣку.

Ой, хлѣпѣи рѣбѣята! де вѣ паслѣи телѣята? На попѣвѣи мѣгѣли.—Чѣи, чѣи, чѣи, чѣи сорѣка, а де булѣа? Дѣлѣко,—у Лѣвѣона на тоѣу. Чѣо-жъ ты дѣлѣла? Уздѣу пѣлылѣ. А де жъ та уздѣа? На конѣи пѣшлѣ. А де жъ тоѣи кѣнѣ? За вѣротѣи пѣишѣовѣ. А де жъ ти вѣротѣи? Вѣдѣа вѣпѣсѣла. А де жъ та вѣдѣа? Бѣкѣи вѣпѣылы. А де жъ ти бѣкѣи? На гѣру пѣишлѣ. А де жъ та гѣрѣа? Чѣрѣвы вѣѣточѣили. А де тѣи чѣрѣвы? Гѣсы вѣѣклѣовѣлы. А де тѣи гѣсы? У попѣа на пѣчѣи. А де жъ тоѣи попѣ? По кѣвѣтѣки пѣишѣовѣ. А де тѣи кѣвѣтѣки? Дѣвѣки вѣрѣвали. А де тѣи дѣвѣки? За мѣужѣаи пѣшлѣ. А де ихъ мѣужѣа? На вѣиѣну пѣшлѣ. А де жъ та вѣиѣнѣа? У кѣзлѣа та барѣнѣа.“

С к а з к и.

1. „Жѣвъ собѣи мѣужѣкъ, и булѣо въ ѣго трѣ дочѣки; томѣу мѣужѣку трѣба йѣты на слѣужѣбу. Стѣршѣа дѣчъ гѣвѣрѣе: „я пѣду, пѣпѣашѣа, за вѣсѣ слѣужѣтъ“. Оѣдѣлѣла конѣи пѣиѣхѣла; вѣиѣхѣла вѣнѣа за слѣбѣду, чѣе: стѣучѣтъ, грѣучѣтъ, хѣо знѣа йѣ де, вѣнѣа и вѣрнѣуласѣ. Срѣднѣа дѣчѣа гѣвѣрѣе: „я пойдѣу за вѣсѣ слѣужѣтъ“. Оѣдѣласѣа и пѣиѣхѣла; идѣ, идѣ, вѣиѣхѣла за слѣбѣду и чѣе: стѣучѣтъ, грѣучѣтъ; вѣнѣа и вѣрнѣуласѣ. А мѣнѣшѣа дѣчѣа булѣа дѣрѣчѣка и кѣже: „я пойдѣу за вѣсѣ слѣужѣтъ“. Бѣтѣко и кѣже: „ужѣ ти побѣялысѣ, а тобѣи шѣкѣда рѣшѣаты изъ дѣмѣу“.—„Нѣи, пойдѣу, тѣи пойдѣу“; нѣпѣласѣа, оѣдѣласѣа и пѣиѣхѣла. Вѣиѣхѣла за слѣбѣду, чѣе, дѣсѣ стѣучѣтъ, грѣучѣтъ, а вѣнѣа такѣи собѣи

ййде, тай ййде дaльшe. Пpийизжa вь лисъ, a тaмъ мopозъ зъ змиeмъ бeццa, и кpичитъ мopозъ: „эй! бpатъ, идь, минь пoмoжй“, a змий coбй кpичитъ: „идь, минь пoмoжй“. A винъ сивъ, тай дyмa: „кoмy минь пoмoгты? Пидy, мaбyдъ, мopозoви, пoмoжy“, и пишoвъ. Вбьлы вoнy вдoхъ змйa, a винъ бyвъ зъ трeмa гoлoвaмy; вoнy взялы, гoлoвы пoпaлылы, a пoпилeцъ вь кapмaны пoхoвaлы. Ййдyтъ вoнy вмиcти, вoтъ и пытa мopозъ: „якъ тeбe зoвyтъ“? Ta взявъ, нaрвaвъ вь рyкy зильячкa бyркyнeцъ, тай кaжe: „бyдъ ты Рoмaнъ мoлoдeцъ“! Рoмaнъ мoлoдeцъ ййде нa слyжбy, пoпpощaвcя зъ мopозoмъ. Вoтъ винъ coбй ййде, ййде и бaчe: лeжытъ нa дopoзи жapъ-птычинo пepo, дoйхaвъ дo eгo и хoчe взятъ coбй тe пepo, a кинь eмy и кaжe: „нe бeрy, Рoмaнъ мoлoдeцъ, жapъ-птычинo пepo, a тo бyдe тoбй вeлыкoe гope“. Винъ нe пoслyхaвъ и взявъ. Ййдyтъ и ййдyтъ пo дopoзи, дoйхaлы дo цapя и зaчaвъ тaмъ слyжытъ Рoмaнъ мoлoдeцъ. Кoнь y eгo тaкый, якъ нaрыcoвaнный пoвceгдa и вьчищeнный жapъ-птычымъ пepoмъ. Узнaлы кoнюхы, щo вь eгo e жapъ-птычинo пepo, тай взялы пидбpeхaлы цapю нa eгo; тoдй идe Рoмaнъ - мoлoдeцъ дo cвoгo кoня, тай плaчe. A кoнь и кaжe: „я жъ тoбй кaзaвъ: нe бeрy жapъ-птычoгo пepa, a тo бyдe тoбй пpивeлыкaя бидa“. Кoнюхы кaжyтъ: „кoлы ты дoстaвъ жapъ-птычинo пepo, тaкъ, дoстaнъ жe изъ мopя икoнoстaсъ“. Ййде Рoмaнъ мoлoдeцъ дo кoня, тай yпьятъ плaчe, a кинь и кaжe: „я жъ тoбй кaзaвъ—нe бeрy жapъ-птычoгo пepa, a тo бyдe пpивeлыкaя бидa, тай щe бyдe бильшa“. Винъ зиплaкaвъ и пишoвъ. Тoдй Рoмaнъ мoлoдeцъ вздyмaвъ пpo мopoзa, тай зaчaвъ кpычaтъ: „axъ, бpатъ, мopозъ, я тoбй пoмoгъ, иди и ты минь пoмoжй“! Явьвcя мopозъ, тa якъ зaчaвъ мopозытъ и вьмopозывъ yсe мope, и дoстaвъ икoнoстaсъ нa cyxoмy днй мopя. Тилькo винъ ставъ бpатъ икoнoстaсъ, a нaмьcтичкo и пocьпaлocь; eмy yпьятъ кaжyтъ: „дoстaнъ жe и нaмьcтичкo, кoлы poзcьпaвъ“. Ййде Рoмaнъ-мoлoдeцъ дo кoня и плaчe; мopозъ щe eмy пoсoбывъ—и нaмьcтичкo дoстaлы. Вcи кoнюхы вздывyвaлыcь и кaжyтъ eмy: „якъ щo ты тaкый, тaкъ вьжeны изъ мopя дeвьятъ кoбыльцъ, a дeсятoгo жepeбцъ“. Кoнь тoдй и кaжe: „вoзмь, бpатъ, Рoмaнъ, cимъ пyдивъ смoлы шeвcькoй, тa чeтыpи шкyры, oблипы мeнe смoлoю, oбшый шкypaми

и пoлизy я y вoдy, a ты cядь нa бeрeгy; якъ бyдe кpacнa вoдa—нe дoжидaй мeнe, a якъ бyдe cьня, тaкъ бyдy“. Винъ, якъ yлизъ y вoдy, тa якъ пoчaвъ бьццa зъ жepeбцeмъ, тa дo тoгo дoбылыcь, щo y кoня тилькo дo смoлы дoбылoсь, a y жepeбцъ yжe вcя кoжa пoбылaсь, и вce тaкй винъ yбывъ жepeбця и вьгнaвъ дeвьятъ кoбыльцъ тaкйхъ, щo нe вздyмaтъ, нe згaдaтъ, нe вь cкaзци cкaзaтъ,—и зeмля дpoжытъ. И кaжyтъ eмy: „тeпepь пoдй ихъ“, a кoнь и кaжe Рoмaнy мoлoдцy: „нy, бeрy кaзaнъ, тай идь, a я якъ зaржy, тaкъ ycй кoбыльцй зaмoвчaтъ и бyдyтъ cтoять, якъ yкoпaни“. Тoдй пишoвъ Рoмaнъ и пoдoйвъ ycйхъ кoбыльцъ. Кoнюхы yпьятъ кaжyтъ eмy: „кoлы пoдoйвъ, тaкъ yлизъ y мoлoкo и зaкыпъ“. Рoмaнъ мoлoдeцъ зaчaвъ плaкaтъ, a кoнь и кaжe eмy: „лизъ y кaзaнoкъ, a я бyдy пиддyвaтъ“. Якъ вьлизъ изъ мoлoкa, тa тaкый cтaлъ кpacьвый, щo нeльзй и pаздывьццa. Тoдй caмe тoй зaглaвный кoмaндyющйй и кaжe: пoлизy и я вь мoлoкo, тa якъ пoлизъ, a кoнь зaчaвъ дyтъ, тa якъ дyнyвъ, a тoй и згopивъ“.

2. „Бyвъ coбй дидъ, тa бaбa. У дидa внyчкa и y бaбы внyчкa. Пoслaлы ихъ вь лисъ ягoды pвaтъ, дидoвa pвe,—тa вь глeчичoкъ, a бaбынa pвe, тa ййcтъ. Вoтъ вoнy йдyтъ; дидoвa нaрвaлa, a y бaбиний нeмa ничoгo; вoтъ йдyтъ, a бaбынa и кaжe: „дaвaй я тoбй вoшки пoбыю, a глeчичoкъ пoстaвъ“. Вoнa бьлa, бьлa, пoкы дидoвa зaснyлa, вoнa ии взялa, зaризалa, вькoпaлa ямкy, тай зaхoвaлa. Гoнe пaстyxъ oвeчки, a нa ии грoби дyдoчкa вьpocлa, винъ yзaвъ, тай зpизaвъ и cтaвъ вь тy дyдoчкy гpaтъ, a вoнa и кaжe:

„Ой, по-мaлу-мaлу, бpaтикy, гpай,	Вь cepдeнькo нoжикъ вcтpo-
Нe вpазь мoгo cepдeнькa вь	мьлa.
кpай,	Зa зoлoтeнькй пидкйвкй,
Мeнe cecтpьцй згyбилa,	Зa cьнeнькй ягидкй!“

Вoтъ дидъ пoчyвъ, тай кaжe: „oтъ цьтытe, цьтытe, пaстyxъ гpа“, a бaбa кaжe: „a тo тaкъ шoсь“; вoтъ винъ дoгoнe дo двopy a дидъ и кaжe: „дaвaй я вь дyдoчкy зaгpao“. Вoтъ винъ гpа, a вoнa и кaжe: „Ой, пo-мaлу-мaлу, дидyсь, гpай“ и т. д. Дидъ пpoгpавъ, тай кaжe: „a нy ты, бaбo, нa, зaгpай“,—бaбa гpа, a дyдoчкa кaжe: „Ой, пo—мaлу—мaлу, бaбyсь, гpай“... и т. д. „А нy ты, внyчкo, зaгpай!“ Вoнa й кaжe:

„Ой, по-малу-малу, сүко, грай,
Не вразы мого сёрденька въ
край,
Тыжъ мене, сүко, згубыла,

Ты мини въ сёрденько нѣжикъ
встромыла
За золотѣньки пидкѣвки,
За сынѣньки ягидки“.

Тоди уси догадѣлись, що це вона зарізала; достали самого лучшего коня, привязали до хвоста бабыну внучку, ударили коня, и винъ рознисъ ий по всему бѣлому свѣту.“

3. „Живъ соби дидъ та баба и бувъ у ихъ сынѣхъ Ивашка. Винъ напався на бѣтька: „изробить мині чѣвныкъ, а пойду рѣбку ловить“. Йде, а мати ему приказуе: „гляды, сынѣхъ, якъ буде змій клѣкати, такъ не плывы до бѣрежка, а то вона тебе, зийсть. Я приду до тебе, принесу тобі штанці и сорѣчку: а рѣбку заберу“. Вотъ винъ лѣве, лѣве рѣбку, прышла мате и каже, „прыплынь, прыплынь до бѣрежка, а жъ тобі йисты-пыты, хорошененько похѣдыты!“ Ивашко прыплывъ до бѣрежка, мати дала ему штанці, рубашечку, жилѣтку, картѣзыкъ, а рѣбку забрала, и винъ пойхавъ упѣять рѣбку ловить. Лѣве и лѣве, вотъ прихѣде змій и крычить тѣсто: „Ивашко, мий сынѣчку, плывы до бѣрежка, а тобі йисты, пыты и хорошененько хѣдыты“. Винъ слѣха, та самъ соби и каже: „ни, це не матъ“, тай неплывѣ. Вотъ вона пишла до ковалѣ, тай каже: „ковалику, ковалику, скуй мині голосѣкъ такой, якъ у Ивашчиний матери“. Вотъ вона прышла, и тѣмко спива: „Ивашко, мий сынѣчку, плывы, плывы до бѣрежка, а тобі йисты-пыты, хорошененько похѣдыты“. Винъ прыплывъ, вона его взяла и понесла до Олѣнки и каже: „топы пѣчку жѣрко, та жжаръ Ивашка, а я пиду гостей покличу“. Вонъ вона пишла, а Ивашка въ пѣгрибъ посадила, а та пѣчку вытопыла и стала его брать въ пѣчку сажать. Вотъ она и каже: „кладѣ головку“, винъ кладѣ, а вона каже: „ни, не такъ;—ну, нѣгу,—не такъ, давай я тобі покажу“.—Тѣлько вона сила, а винъ ий въ пичъ, тай замѣзавъ, а самъ злизъ на дубъ. Вотъ змій, якъ начала дубъ грызты, щобъ его вѣймати; грызла, тай поламала зѣбы. Пишла до ковалѣ, тай каже: „скуй мині зѣбы“. А тутъ лѣтятъ гѣсы, Ивашко и каже:

„Гѣсы, гѣсы, гусенѣта,
Возьми менѣ на крылята,
Понесыть менѣ добѣтенька,

У бѣтенька йисты-пыты,
Хороше по двѣру похѣдыты!“

„Нехай тебе задни вѣзнуть“. Лѣтятъ други, а винъ и каже: „гѣсы, гѣсы, гусенѣта“ и т. д. Лѣтятъ трѣти, взяли его, на крыла, тай понесли до бѣтька и до матери. Вотъ вонѣ принесли, тай силы на горѣщи и винъ сивъ. Вотъ мати напекла пирѣжечкивъ, тай каже: „оцѣ тобі, дѣду, а це мині“, а Ивашко каже: „м-и-н-й“. Баба каже: „а ну цыть, що вонѣ такѣ“,—и опѣять дѣле: „це тобі, а це мині“, а вонѣ каже: „а м-и-н-й“. Вотъ пишли его шукать и нашли, взяли въ хѣту; гѣсамъ насыпали прѣса, вонѣ найились, напылись и гарни стали; а Ивашка тѣже обмылы и винъ все розказавъ, якъ було дѣло“.

4. „Якъ бувъ соби дидъ, та баба, а въ ихъ дѣтей нема зрѣду. Баба напалася: „затыши, тай затыши изъ дрючѣчка дытѣнку“. Винъ узавъ, тай затесавъ; „зробы, дѣду, колѣсочку“. Вона ту дытѣнку колѣше и колѣше, а вона стала дытѣнка. Вонѣ пойхали косѣть, а хлѣпчикъ дѣма остався. Прышли до ихъ старѣи мѣлостыни просѣть, дали томѣ хлѣпчику краснѣньке яблочко, а винъ то яблочко впустивъ, а вонѣ кѣтицьця и кѣтицьця за тѣми старѣями. Хлѣпчикъ бижить за нимъ, та въ лѣсъ, а тамъ тры голѣбки купались. Така одна сама лѣчша, сама краща, а винъ и вкравъ плѣтья, тай понѣсъ до-дѣму, утикъ отъ старѣивъ назѣдъ. Та бѣрышня, якъ вѣлизла, нема плѣтья, тай бижить за нимъ и каже: „озвѣцьця,—той, буде мужъ и бѣтенько, и бѣтець“. Винъ не озывѣцьця. Вона за нимъ бижить и бижить, та въ хѣту.—„Отдай плѣтья“.—„Ни, не отдамъ, якъ будешъ мой жѣнка, такъ отдамъ“. Вона сказала, що буде. Винъ узавъ плѣтья, замкнувъ у скрѣню. Прыизжають зъ пѣля и пытѣющѣця: „де ты взявъ, сѣныку, Ивашку, соби жѣнку?“—„Васъ не було дѣма, а й соби посѣтавъ“. Пойхали вѣпѣть на пѣле, а вонѣ оставысь у двѣхъ дѣма; вона зачала его прохѣть: „покажи мині хотъ плѣтья, а то я забѣла, якѣ вонѣ и естъ“. Винъ показавъ, а вона ужѣ давнѣ викнѣ отсѣнула, тай каже: „дай мині въ рѣки подержать“, винъ давъ въ рѣки подержать; вона взяла те плѣтья, стала голѣбкой, порхнула и вѣливила въ викнѣ. Винъ вѣйшовъ, стойтъ и плаче. Идѣтъ съ пѣля: „Чѣго ты сѣнку, плачешъ?“ Винъ каже: „якъ мині не плакать,—була въ менѣ жѣнка, а тепѣрь нема“.—„Цыть, сѣнку, не плачь: упѣять ожѣнымъ“.

5. „Жило шість братівъ и вси Кондраты. Пойіхали на Риздвѣ ораты: на первыи день оралы, на другый—плугъ поламалы, на третій зробылы, на четвёртый воливъ загубылы, на пятый нашлы, на шостый до дому пришли. Забулы зъ дому огню взаты, послалы самого старшого огню добувати. Пишдовъ, не добувъ. Пришдовъ, сыдыть дидъ: „Здорѣвъ, диду“—„Здорѣвъ, сыну“—„Дай диду огню“.—„Дай нѣгу загнѣ“.—„Не велила маты нѣги загинати“.—„Умѣешъ кѣзки, та приказки, та не былыци казати?“—„Ни, не вмию“. Пришдовъ до бративъ, а ты пытаюцця: „чогѣ не принисъ огню?“—„Тогѣ, що не дыйишдовъ“. Послалы самого меньшого огню добувати. Пишдовъ и доишдовъ: „Здорѣвъ, диду“!—„Здорѣвъ, сыну“.—„Дай, диду, огню“.—„Дай, нѣгу загнѣ“.—„Не велила маты нѣги загинати“.—„А вмиешъ кѣзки, приказки, небылыци казати?“—„Умѣю“.—„Ну, кажъ, якъ що умѣешъ“.—„Тилько гляды, диду, щобъ не казавъ, брешишъ.—Ишовъ я по-надъ лисомъ, стоить чотыре кози на одній нозі. Правда, диду?“—„Правда, сыну“.—„Ишовъ я, захотѣлось мѣду, дывлюсь стоить дубъ дупнатыи, слѣхаю гудѣтъ пчѣлы, я пидыбрѣвъ и ни одна не вкусыла“.

6. „Одынъ разъ пришдовъ Грыцькѣ до жидівки у лѣвку, тай каже: „а ну, лѣшень, подавай минѣ товару свого“. Вона подала товаръ, а винъ ѣ каже: „а стѣке бѣде ѣму цина?“ а вона каже: „гривенкѣ за пивъ аршина“, а Грыцькѣ и каже: „а стѣке бѣде стѣбитъ за те, що я отѣтъ вѣрижу кружалочку мойи дитѣни на шапочку?“ Якъ зачиркотала жидівка, тай каже: „цѣгѣ ты сюды притаскався изъ своѣю дытынною? иды отсюда геть!“ Грыцькѣ и пишдовъ тоди до дѣгтю, тай каже: „а хозѣинъ де? минѣ трѣба дегтю“. А хозѣинъ каже: „купы“, а винъ его пыта: „а стѣлько буде стѣбитъ, якъ и изъ ногѣми улѣзу у твѣи шаплыкѣ?“

7. „Колысь якъ ходѣлы Исусъ Христѣсъ и Петрѣ, та идутъ по полю, а тамъ воны паслыся, а Петрѣ и каже: „шо вонѣ оцѣ такѣ, Господы? що не чоловикѣ, его бачъ удѣръ, такъ винъ одийде“. А Господѣ и каже: „я создавъ ихъ, воливъ цихъ“, а вилъ и притовкнѣвся до ногѣ Петрѣвои, а Петрѣ, якъ удѣре по головѣ волѣвои. Тутъ бижить пастѣхъ, тай каже: „на що вы отбѣлы гѣлову волѣви?“ та кричѣтъ и кричѣтъ: „пидѣ, та ще бѣтькови скажѣ“.

П ѣ с н и.

1.

„Ой, чи воля, чи неволя,
Нихтѣ не зна мѣго гѣря.
Чи я въ пѣли родѣлася,
Чи я въ лѣси хрестѣлася,
Чи я въ мѣри купѣлася,—
Щѣ я въ гѣре попѣлася?
Я жъ мѣре переплывѣ
И все гѣре переживѣ;
Якѣ булѣ, такѣ ѣ бѣду,
Повѣкъ гѣря не забѣду.
Ишлѣ вдовѣ долѣною
Зъ манѣнькою дытѣною,
Стѣла вдовѣ спочивѣти,
Малѣ дытѣ перегортѣти,
Стѣло дытѣ промовѣти:
„Ой, гѣре, нѣнько,
Съ манѣнькими дитѣчкѣми,
А якъ побѣльшають,
Тай погѣршає“.

2.

„Уродѣвся Травѣнъ
На свѣтъ бѣлый самъ одынъ.
Та ѣ зачѣвъ Травѣнъ
Дѣмы дѣмать самъ одынъ:
И якъ минѣ, Травѣнѣ
Житѣ на свѣти одному?
Пийшѣвъ же Травѣнъ
Въ чѣсте пѣле самъ одынъ,
Изийшѣвъ же Травѣнъ
На могѣлу самъ одынъ,
Тай заглядѣвъ Травѣнъ
Табѣнъ кѣней самъ одынъ.
И зачѣвъ Травѣнъ
Дѣмы дѣмать самъ одынъ:
И якъ минѣ, Травѣнѣ
Занѣтъ табѣнъ одному?
Повернѣвся Травѣнъ,
Занѣвъ кѣней самъ одынъ,
Та ѣ погнавъ же Травѣнъ,
Та на ярмѣрочѣкъ,
Табѣнъ кѣней самъ одынъ.“

И зачѣвъ Травѣнъ

Дѣмы дѣмать самъ одынъ:
И якъ минѣ, Травѣнѣ
Прѣдѣтъ табѣнъ одному?
Повернѣвся Травѣнъ,
Прѣдѣвъ табѣнъ самъ одынъ.
И немнѣжечѣ узявъ
Вѣсимъ тѣсячъ серебрѣмъ.
И зачѣвъ Травѣнъ
Дѣмы дѣмать самъ одынъ:
И якъ минѣ Травѣнѣ
Прѣжитѣ казнѣ одному?
Та ѣ узявъ пѣятачѣкъ,
Тай пийшѣвъ въ кабѣчѣкъ“.

3.

„Кѣло рѣчки, кѣло брѣду
Два гѣлуба пѣлы вѣду.
Вонѣ пѣлы, воркутѣлы,
Встрѣпенѣлысь, полѣтѣлы;
Крылѣчкѣми встрѣпенѣлы,
Прѣ любовѣ вспѣмянѣлы.
Вы, сестрѣицы, вы, поцрѣжки,
Вы не дѣлѣйте тогѣ,
Не влобѣляйте одного.
Отъ любовѣ въ зѣмлю ѣдутъ;
Отъ болѣзни лѣуды знѣють.
А по стѣжѣи, по дѣрѣжѣи
Кѣлѣсѣка бѣжѣла,
А въ тѣи кѣлѣсонѣи
Иванѣкѣ сыдѣтъ,
На правѣи рѣченѣи
Марѣичѣку держѣтъ.
Отворѣю я клѣтку новѣ,
Вѣпустѣю пѣашѣку на вѣло,
Два словѣчка ѣи скажѣ:
Лѣтѣи, пѣашѣкѣ, во зелѣный садѣ,
Щѣ мѣи мѣлый полѣывѣвъ“.

4.

„Я не всѣдѣю, я не влѣжу,
Я росѣидаю одѣжу.
Якъ вѣйду я на гѣру,
На гѣру крутѣю,

Чи не йде, чи не йде,
Чи не перечую.
А винь, мыленький, иде,
Ступае дрибненько,
Чомъ не парень, чомъ не бравый,
Дывись, моя ненько.
Ненька віры не вняла,
Не за любого дала;
Ненька мині приказала,
Щобъ я ёго шанувала.
А я ёго шаную,
Якъ собаку рудую,
До прикорня припынала,
Зъ лоханочки напувала“.

5.

„Не ходы жъ ты по-надъ моремъ,
Бо у море упадешъ;
Не сватай же богатую,
Бо убогую возьмешъ.
Богатая—горбатая,
Убогая — пышна,
Якъ у саду вишня.
Вишню маменька садыла,
Мині лицѣ зукрасыла,
А сестриця поливала,
Мині лицѣ малювала“.

6.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купы мині жиниха,
Хочъ дорого денегъ дай,
Чорнявого выбырай.
Щобъ чорнявий, щобъ хозяинъ,
Щобъ и водочки не пывъ,
Цыгарочки не курывъ,
Табакъ не нюхавъ,
Чужихъ жонѣкъ не любивъ,
Дураковъ не слухавъ.
Чужа-мужняя жена
Горше травъ полыня,
Якъ заставыла шатацця
По чужихъ сторонахъ,
По трахтирахъ, кабакахъ“.

7.

„А зза горки, зза крутой
Ийшовъ молодець домой,
У новому сиртуці,
Балалаечка въ руці.
Балалаечка бренить,
До дивчѣнки говорыть:
— Ты дивчѣнка, ты чорнявка,
Ты неправдою живешъ:
Говорила: любить буду,
А теперъ замужъ идешъ.
— Не сама я дівка-вольна,
Родители въ мене есть.
Вонъ родытель, вонъ учытель,
Вонъ насыльно отдасть,
Вонъ на слезы не вдаряетъ,
Не за милого дасть.
Була улыця любима,
А теперъ я пройду мимо,
Пройду улыцю садами,
Оболью ий слезами.
Осеннии нѣчки темни
Все проливный дощъ идеть;
А въ милого чѣрни бровы,
Онъ спокою не дасть.
Ийхавъ Ванька изъ Ризанки,
Пивтораста рубливъ сѣнки,
Шистьдесятъ рубливъ дуга,
Парень дѣвушкы слуга“.

8.

„А у полі, въ полі
Хведѣты не дѣты!
Привязавъ коника до дѣты,
А самъ пийшовъ
По-пидъ тыню рачки
До тий до Параски, швачки.
Отчинъ жъ ты, Паранько, син-
ци,
Бо вжежъ менѣ комарыки зѣлы,
— Нехай тебѣ хоть собаки зѣ-
дять,
Кѣло мене три жупанця си-
дять“.

Розсуньтеса, жупанци, по
лѣвци,
Нехай сѣде Сызонько на лѣвци,
Нехай сѣде, та присунецця,
Съ Паранькою поцилуецця.
А хлѣбъ у печи выпикаецця,
А Василь на пичі вымихаецця.
А хлѣбъ глевкий и Василь
гладкий.
Я хлѣбъ на стилъ,
А Василь за стилъ,
Сюды—туда повернусь,
До Васыля засмиюсь.
Я й на хутори була,
Конопельки терла;
Не бачила Васыля,
Тай трѣшки не вмерла“.

9.

„А въ Заводи рѣдко звѣнать,
Мою мѣлочку хорѣнать.
Ой, я пийду, пообѣдаю,
Мѣлку свою провѣдаю.
И къ намъ, чотыремъ,
Приходили вечеромъ,
А мы имъ, чотыри,
Горилочки купили
И зъ ними вишпили,
Танцювати пийшли.
Танцювали, пѣсни грали,
А насъ маты ругала.
— Ужъ ты мать, наша мать!
Перестань ты насъ ругать.
А на двѣри сильный дощъ,
Большии калѣжи.
Якъ росѣрдылась
Та й жена на мужа,
Якъ залѣзла на пичъ,
Плакала не дуже.
— Не ты менѣ колыхавъ,
Не ты менѣ нянчивъ?
Колыхала менѣ родымая маты,
Досталася дуракови“.

Рѣки потыраты.
Потырай, потырай
Колы довелось,—
И старѣ, и малѣ
У бѣки взялось“.

10.

„Ой, на горѣ нѣвка,
Скраю матерѣнка,
Тамъ дивчина жѣто жала,
Самѣ чорнобрѣвка.
Тамъ дивчина жѣто жне,
Козакъ дорогою йде.
— Здрастуй, здрастуй,
Молодѣ дивчина!
— Здорѣвъ, козакъ сердце“.

11.

„Ой, чий жъ то сѣры волы
По горѣмъ ходылы?
Ой, це жъ того козаченька,
Що тры дивчины любылы.
Первая полюбыла,
Кольцѣ ему подарыла,
А другая полюбыла,
Любовъ ёго обьясныла,
А третая полюбыла,
Та й причарувала.
— Ой, теперъ же, моя маты,
Не перейду я хаты.
— Ой чогѣ жъ ты, мий сынѣ-
чокъ,

Такъ скоро помыраешъ?
На кого жъ, мий сынѣчокъ,
Це багачество вручаешъ?
— На що жъ мині це багачество,
Буде зъ мене трѣшки.
Дадуть мині сѣжень земли,
Ще й чотыре дѣски“.

12.

„Ой, десь мий мѣлый
Та далѣко оре,
А я за нымъ не скучаю.
Якъ прииде винъ до дому,

Я словѣчками влещаю.
Винъ же бѣжецьця, клянѣцьця,
Кивнѣ, моргнѣ, засмиѣцьця,
На другий бикъ обертае,
Одну дивчонку пытае.
У ёго губы пышнѣсеньки,
А бривочки чорнѣсеньки,
И словѣчка вирнѣсеньки“.

13.

„Ишла горюю, ишла нызомъ,
А въ Сохвййки домъ зъ кар-
нызомъ,
И огонь горѣтъ пидъ нызомъ.
Огонь горѣтъ, свича тае,
А собачка у воротъ лае;
Ой, того жъ вона ругае,
Що Сохвйичка хворае.
—Сохвйичка, дѣшечка!

Нѣтъ ли въ тебѣ трѣшнычка?
—Ни трѣшнычка, ни гроша,
Только слава хороша.
Сонюрочка, алыи цвѣтъ,
Ни копййки денегъ нѣтъ“.

14.

„Я въ лѣси бувавъ,
Берѣзу рубавъ,
Берѣзу рубавъ,
Въ метѣлки вязавъ,
На возѣчокъ клавъ,
Сижѣнку впрягавъ,
Въ Москву отправлявъ.
Тай дѣвку видавъ,—
Сыдытъ надъ викиномъ
Играе цвитомъ.
— Дивчѣнка моя! чи лѣбышь
меня?
— Люблю я тебя, пойду за тебя“.

15.

„Якъ пиду я на базаръ
Трубку купуваты,—
За трубочку копйѣчку,
За чувбучѣкъ грѣшыкъ.“

Якъ пиду жъ я до Мыкѣтки
Трубочку курѣты,
Винъ, сѣкынъ сынъ,
Изнявъ свѣту,
Тай хотѣвъ ще быты.
Якъ побѣгъ я утикаты
Та черѣзъ горѣды,
Уплѣтався въ гарбѣзъ-дѣню,
Та й нарѣбѣвъ шкѣды.
Якъ побѣгъ я утикаты
Черѣзъ перелазы,
Якъ ударѣвъ дѣдко цѣпомъ
Та чотѣри разы.
Якъ побѣгъ я утикаты
Пидъ дѣдковѣ ясла,
Якъ ударѣвъ дѣдко цѣпомъ,
А я й засмиѣвся“.

16.

„Вѣтеръ вѣе, вѣтеръ вѣе,
Викѣныци шатаѣющѣя,
Кого люблю, поцѣлюю,
Ажъ губѣчки злыпаѣющѣя.
Ахъ, ты жъ, Ванька Коротчѣнь-
ский,

Што жъ ты бѣѣшся, колѣ-
тишся?
У ворѣтъ побываѣшся,
Сирѣтѣю называѣшся?
Я й на хвѣбрикахъ бувавъ,
Разный сѣтецъ набывавъ,
Получавъ денегъ по-много,
Сѣтъ по вѣсѣмъ рублѣвъ въ годъ.
Рубъ на цѣрковъ,
Два въ кабакъ,
А три рублѣ на табакъ.
Ой да тѣра, тѣра—ѣра,
Полѣбыла старѣвѣра,
А ще къ томѣ тарѣ—ра,
Полѣбыла москалѣ.
Москалѣ лаптями торгѣе,
Ще й парчѣтки продаѣ,
Калачѣмы дѣвокъ маѣне,
Ще й на бѣблѣки даѣ.

Ой, дѣвчѣно, дѣвчѣно, чѣй ты?
Чи вѣйдѣшь на ѣлыцю гуляты?
Ой, хлѣпчику, хлѣпчику, а ты
чѣй?

Чи вѣйдѣшь на ѣлыцю на по-
чѣй?“

17.

„Годуду, годуду,
Вродѣлася на бѣду,
Горшкѣмъ водѣ носѣла,
Солѣмою топѣла.
Черѣзъ грѣблю Мыкѣтѣну
Ведѣтъ Гѣлку пидтѣкану.
Крычѣтъ Гѣпа, репетѣе,
Нѣхтѣ ии не ратѣе;
Трѣба Гѣпи устѣваты,
Бѣли нѣженѣки калѣты“.

18.

„Какъ я нѣнѣче, та надѣлала
бѣды,

Пишла по водѣ, та побѣла
казаны.
Казаныки мой мѣднѣнѣкии,
Карамѣслицы зелѣнѣнѣкии.
Посѣяла лебѣду, лебѣду,
Посѣяла лебѣду на бѣду.
Лебѣдушка ростѣ, стѣлецѣя,
Одѣнъ лѣбе, двоѣ сѣрдѣяцѣя.
Одѣнъ каже: я кѣсѣчку отрѣжу,
Другой каже: я мамѣши скажу,
Трѣтий каже: за сѣбя замѣжъ
возмѣ“.

19.

„Какъ бы мѣни да хорѣшая жена,
Такъ я бѣ ии нѣ бывъ, не жу-
рѣвъ,

А я бѣ ии во колясѣчкахъ во-
зѣвъ,
А зимою да во писанныхъ са-
нѣхъ,
А весною въ калѣкѣ на рѣкѣ.
Вдѣль по рѣчѣушки

Сѣзъ голубъ плѣветъ,
Вѣшче берѣжка головѣушку не-
сѣтъ.

По берѣжку сѣротѣночка идѣтъ,
Сѣротѣночка бабѣчка,
На бабѣчкѣ кумачная рубѣшка,
А платѣчѣкъ на нѣй бѣленѣкѣй,
Онъ бѣленѣкѣй, да сѣ обѣдѣлочкой.
Полѣбѣвся парѣнь сѣ дѣвѣчкой.
—Кабы знала, не любѣла бѣ я
тебе,

Моѣ сѣрце не болѣло по тобѣ,
А тепѣрь болѣтъ, побѣлываѣтъ,
Мѣнѣ мамѣнька побранѣваѣтъ.
Не велѣтъ мѣни на ѣлыцю хо-
дѣтъ,
Не велѣтъ мѣни хорѣшого лю-
бѣтъ.

Не ходѣла на ѣлыцю, не пѣйдѣ,
Не любѣла хорѣшого, не любѣю“.

20.

„Ишѣвъ козѣкъ дѣрѣгою,
Дѣрѣгою шѣрокою,
Мѣгѣлою высѣкою.
Зѣйшѣвъ козѣкъ на мѣгѣлонѣку,
Глѣнувъ козѣкъ у долѣнонѣку;
А въ долѣнонѣци
Огнѣ горѣтъ, тѣрки сѣдѣтъ,
Пѣсѣрѣдъ турѣчины,
Мѣлодѣ дѣвчѣина,
Вѣна сѣдѣтъ, кѣсу чѣше,
Чѣше кѣсу грѣбѣнѣкою,
Прѣмѣчѣе горѣлкѣю.
Кѣмѣ жъ ты, кѣса, дѣстѣлася?
Ой, дѣстѣлася горѣкѣй пѣяныци;
Горѣка пѣяныцѣя нарѣтаѣецѣя“.

21.

„Ишѣвъ Грѣцѣкъ зѣ вечерѣныци
Тѣмнѣнѣкой нѣчи;
Сѣдѣтъ гѣсу на дѣрѣози,
Вѣлѣупыла бѣчи.
А я кажу: гѣля, гѣля!

А вона присіла,
Якъ бы въ мене не палычка,
Вона бъ мене зъйла“.

22.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купи мині жыныхъ,
Хочъ дорого денегъ дай,
Красывого выбрай.
Онъ красивый, онъ хороний:
Роззубецца, прийде босый,
Щобъ шпоры не гарчали,
Щобъ пидкровки не бринчали,
Щобъ и маты не знала,
Съ кимъ я сю ничъ ночувала.
Ночувала одну ничъ,
Тай не знала, яка ричъ.
Ходе, ходе по лёду, не про-
валыцца.“

Чи ты мене вірно любышь,
Чи ты чванышся?
—Вірно люблю, вірно люблю,
Побий мене Боже.

Якъ у садѹ соловейко,
Тай нащербетався;
Соловей щебече,
Зузуля кувала.
Бодай же ты не дождавъ,
Щобъ я роззувала.
Наймѹ хлопчика,
Хоть манисенького,
Щобъ винъ тебѹ роззувавъ
Молодѹсенького.
Якъ будешъ мий,
А я буду твоя,
Тодѹ буду роззуваты,
Якъ неволенька моя“.

23.

„Али, али сѹры гусы,
Али до брѹду,
Доведѹцца мандруваты
Мини самий отъ рѹду.
Али, али, сѹры гусы,

Али до воды,
Доведѹцца мандруваты
Мини зъ слободы“.

24.

„Хѹде Иванъ по базарю,
Шукае товару;
Не найшовъ Иванъ товару.
Найшовъ гостру косу.
На що жъ, Иванъ,
Гострышъ косу,
Бо нема покосу?
Чужѹ траву Иванъ косе,
А свой сохне, вяне,
Чужихъ Иванъ бабывъ любе,
На свою не глѹне.
Текла рѹчка невеличка
Въ садѹ—винограду;
Клякавъ парень дивчинѹнку
Къ собѹ на пораду.
Порадъ, порадъ, дивчинѹнка,
Якъ рѹдная маты“!

25.

„Намъ Прокѹпивици не въ мѹду,
Солонѹвци ни-по-чѹмъ,
Мы полюбымъ, мы полюбымъ
Бакайвцивъ молодцѹвъ.
Бакайвци молодцѹ,
Вонѹ хѹдять, якъ купци;
Вонѹ хѹдять шарѹмъ-барѹмъ,
Десь ночѹють пидъ забѹромъ;
Вонѹ хѹдять по ночѹмъ,
Не вважають богачѹмъ.
—Продай, батенька, корѹву,
Вѹдай денегъ на дорѹгу,
Продай, батенька, вивцѹ,
Вѹдай денегъ молодцѹ.
Продай батенька, кобылу,
Вѹдай денегъ на машинѹ,
Продай, батенька, лошѹ,
Нехай вонѹ не мишѹ“.

26.

„Выходывъ пастухъ на лужѹкъ,
Та й загравъ же во рѹжѹкъ:

Выгонѹйте, вы, скотѹну,
На ширѹкую дольну.
Гѹнѹть бабы, гѹнѹть дѹвки,
Гѹнѹть старѹ старыкѹ.
Мижъ ѹтими, мижъ дѹвкѹми
Одна дѹвка весела,
Веселий усѹхъ булѹ.
Въ карагѹдѹ пишла плясѹть,
Вона пляше, рѹкѹй маше“.

27.

„Де Ростѹвська, де Москѹвська,
Петербѹрська столбовѹ?
А якъ будешъ, мѹлий, йѹхать,
Зайижжай ко мнѹ на грѹбъ.
На грѹби чѹрный хрестъ,
А на хрестѹ пѹдпись есть,
Хто не знаѹ, прочитѹ,
Чи мамаша померлѹ.
Померлѹ наша Машѹра
Померлѹ наша любѹвь.
Уси лѹды исказѹлы,
Щѹ погѹбшая душѹ
Изъ любѹви померлѹ“.

28.

„Ой, у лѹзи, лѹзи,
Лѹзи зелѹномъ,
Тамъ хѹде, гулѹе
Завдѹлый молѹчикъ.
Охъ, и лѹли, лѹли
Завдѹлый молѹдчикъ.
Винъ хѹде, гулѹе,
Дѹвку выклякае.
Вѹйды, вѹйды, дѹвко,
Ко мнѹ за ворѹта.
Съ тобѹй, съ тобѹй дѹвка,
Съ тобѹй поговоримъ.
Дѹвка выходѹла
Рѹчи говорѹла“.

29.

„Ой, на гѹри калѹна,
Пидъ горѹю малѹна.
Ой, жаль моѹ, жаль моѹ, малѹна!

Тамъ дѹвчѹнка ходѹла,
Калѹнушку ламѹла.
Ой, жаль моѹ, жаль моѹ, ламѹла.
У пучѹчки вязѹла,
На кровѹтку складѹла“.

30.

„Якъ посиѹ овѹсь, тай до зер-
на увѹсь—
До зернѹ, до зернѹ, до зернѹ
увѹсь.“

Якъ скосѹ я овѹсь,
Та й до зернѹ увѹсь. (Припѹвъ).
Якъ звѹяжѹ я овѹсь,
Та й до зернѹ увѹсь. (Припѹвъ).
Якъ привезѹ я овѹсь,
Та й до зернѹ увѹсь. (Припѹвъ).
Якъ смологѹ я овѹсь,
Та й до зернѹ увѹсь. (Припѹвъ)“.

„Ой, грай, колѹ граѹешь,
Колѹ чѹрни брѹвы маѹешь,
Колѹ такѹ, якъ у мене,
То и сѹдѹ бѹла мене“.

31.

„А я вчѹра три дни
Дѹма не булѹ,
Прийшовъ мѹлий,
А я гѹбы надулѹ:
Тонкий та высѹкынький,
Гинкий, худѹщѹкинъкий,
Та безъ вѹрхнѹи гѹбѹнки.
Цилувѹла егѹ въ зѹбѹнки“.

32.

„Сѹдыть голѹбъ, та голѹбочка,
Цилѹюцца, та мылѹюцца,
Самѹ собѹ дѹвѹюцца.
А въ голѹба та сѹза голова,
А въ голѹбки та пострѹченѹя.
А Хвѹлѹнько чѹрезъ тынъ за-
глядѹ,
Якъ бы минѹ та Хвѹклѹчка булѹ;
Ябъ ий цилувѹвъ, мылувѹвъ,

А вона присіла,
Якь бы въ мене не палычка,
Вона бь мене зъйла“.

22.

„Ой, мамаша, мамаша!
Купи мині жыныхъ,
Хочь дорого денегъ дай,
Красывого выбырай.
Онъ красывий, онъ хорыйшый:
Роззѹецця, прийде босый,
Щобъ шпоры не гарчалы,
Щобъ пидковки не бринчалы,
Щобъ и маты не знала,
Съ кимъ я сю ничъ ночувала.
Ночувала одну ничъ,
Тай не знала, якъ ричъ.
Ходе, ходе по лѣду, не про-
валыщця.

Чи ты мене вѣрно любышь,
Чи ты чванышся?
—Вѣрно люблю, вѣрно люблю,
Побѣй мене Бже.
Якь у садѹ соловейко,
Тай нащебетався;
Соловей шебече,
Зузуля кувала.
Бодай же ты не дождавъ,
Щобъ я роззувала.
Наймѣ хлопчика,
Хоть манисенького,
Щобъ винъ тебе роззувавъ
Молодисенького.
Якь будешъ мий,
А я буду твоя,
Тоди буду роззуваты,
Якь невольенька моя“.

23.

„Али, али сѣры гусы,
Али до броду,
Доведѣцця мандруваты
Мини самий отъ роду.
Али, али, сѣры гусы,

Али до воды,
Доведѣцця мандруваты
Мини зъ слободѣ“.

24.

„Ходе Иванъ по базарю,
Шукае товару;
Не найшовъ Иванъ товару,
Найшовъ гостру косу.
На що жъ, Иванъ,
Гострышъ косу,
Бо нема покосу?
Чужѹ траву Иванъ косе,
А своя сохне, вяне,
Чужихъ Иванъ бабѣвъ любе,
На свою не глѣне.
Текла рѣчка невеличка
Въ садѹ—вынограду;
Клыкавъ парень дивчиноньку
Къ собѣ на порадѹ.
Порадъ, порадъ, дивчинонька,
Якь рѣдная маты“!

25.

„Намъ Прокѣпивци не въ мѣду,
Солонѣвци ни-по-чомъ,
Мы полюбымъ, мы полюбымъ
Бакайвцивъ молодцѣвъ.
Бакайвци молодцѣ,
Вонѣ ходять, якъ купци;
Вонѣ ходять шаромъ-баромъ,
Десь ночують пидъ забѣромъ;
Вонѣ ходять по ночамъ,
Не вважають богачамъ.
—Продай, батенька, корѣву,
Вѣдай денегъ на дорогу,
Продай, батенька, вивцю,
Вѣдай денегъ молодцю.
Продай батенька, кобылу,
Вѣдай денегъ на машину,
Продай, батенька, лошѣ,
Нехай вонѣ не миша“.

26.

„Выходывъ пастухъ на лужѣхъ,
Та й загравъ же во рождѣхъ:

Выгоняйте, вы, скотѣну,
На ширѣкую долину.
Гонять бабы, гонять дѣвки,
Гонять стары старыкѣ.
Мижъ ѣтими, мижъ дѣвками
Одна дѣвка весела,
Веселый усѣхъ була.
Въ карагодѣ пишла плясать,
Вона пляше, рукой маше“.

27.

„Де Ростовська, де Москѣвська,
Петербургская столбовѣ?
А якъ будешъ, мылый, йхать,
Зайижай ко мнѣ на грѣбъ.
На грѣби черныи хрестъ,
А на хрестѹ подпись есть,
Хто не знае, прочитай,
Чи мамаша померла.
Померла наша Машѹра
Померла наша любовь.
Уси люды исказали,
Що погѣбшая душа
Изъ любви померла“.

28.

„Ой, у лѹзи, лѹзи,
Лѹзи зелѣномъ,
Тамъ хѣде, гуляе
Завдалый молѣчикъ.
Охъ, и лѣли, лѣли
Завдалый молѣчикъ.
Винъ хѣде, гуляе,
Дѣвку выкыкае.
Вѣйды, вѣйды, дѣвко,
Ко мнѣ за ворѣта.
Съ тобой, съ тобой дѣвка,
Съ тобой поговоримъ.
Дѣвка выходила
Рѣчи говорила“.

29.

„Ой, на гѣри калына,
Пидъ горѣю малына.
Ой, жаль мое, жаль мое, малына!

Тамъ дѣвѣнка ходыла,
Калынушку ламала.
Ой, жаль мое, жаль мое, ламала.
У пучѣчки вязала,
На кровѣтку складала“.

30.

„Якъ посию овѣсь, тай до зер-
на увѣсь—
До зерна, до зерна, до зерна
увѣсь.

Якъ скосю я овѣсь,
Та й до зерна увѣсь. (Припѣвъ).
Якъ звязжу я овѣсь,
Та й до зерна увѣсь. (Припѣвъ).
Якъ привезу я овѣсь,
Та й до зерна увѣсь. (Припѣвъ).
Якъ смолотю я овѣсь,
Та й до зерна увѣсь. (Припѣвъ)“.

—

„Ой, грай, колы граешъ,
Колы черни бровы машешъ,
Колы такой, якъ у мене,
То и сядь бѣля мене“.

31.

„А я вѣѣра три дни
Дѣма не була,
Прыйшовъ мылый,
А я губы надула:
Тонкий та высокынький,
Гинкий, худощѣкынький,
Та безъ верхней губѣньки.
Цилувала его въ зѹбѣньки“.

32.

„Сыдытъ голубъ, та голубѣчка,
Цилующця, та мылющця,
Самѣ собѣ дывующця.
А въ голуба та сѣза голова,
А въ голубки та пострѣченая.
А Хвылонько черѣзъ тынъ за-
гляда,
Якь бы минѣ та Хвѣлочка була;
Ябъ ии цилувавъ, мылувавъ,

А до печи куховарку нанявъ,
А до столу прибыральныйку,
А до хаты вымитальныйку,
До колыски колыхальныйку.
Я бъ самъ по водыцю ходявъ
И барыню за ручку водявъ,
За ручечку за билесеньку,
За Хвеклычку молодесеньку“.

33.

„За горюю, за крутою,
Тамъ стоялъ вокзальный домъ,
Обшалеванный кругомъ.
Обшалеванъ, обмалеванъ
И окошечка хрустальни,
И зависочки висятъ,
По три барышни сидятъ.
Одна Саша, друга Маша,
Третья душенька Наташа.
А въ нашей Наташечки
Золотыи глазочки,
Чорни бровы по природи,
Золотыи глаза въ модѣ“.

Бигъ я черезъ ричку,
Та й не умывався,
Ой, дывыся, дивчинонько,
Який я удавсь“.

34.

„Прогуляла бабеночка
Не то день, не то два,
Не то дня пивтора.
Темна ноченька настала
Женечки нужно стало.
Середь бѣлого дня
Пишювъ жоночку иськать;
Пишювъ, жоночку иськать,
Шинкарочку пытать“.

— Шинкарочко, жидовочко,
Ой, дежъ моя жинечка?
— Твоя жена въ кабацѣ
У зеленомъ калпацѣ,
Держитъ чару во руцѣ.
Изъ чашечки тѣне,
Въ окошечко гляне.

Чи не йдѣть ли нихто,
Не несѣть ли чого?
Идѣть, идѣть, мужичище,
Тѣне хлуделище;
Одно суковате,
Друге дрямувате,
То жъ на мое тѣло бѣле,
Та й ще маловато.

Зачавъ жиночку прохатъ,
По бокамъ ий ваять.
Чимъ я тоби не жона,
Объ чомъ не хозяйка?
Три дни дома не була,
Три дни хаты не мела.
Завела я сору
Пидъ самыи лавки,
Пидъ ясни окошкы.
Москаль воду пывъ,
Хату лантями зобывъ“.

35.

„Петривочка—мала ничка,
Не выспалась наша дѣвочка,
Не нагулялась,
Съ козаченькомъ не настоялась
Къ череди гнала, тай задримала
На пеньки ножки позывала“.

36.

„Ой, ты, сывая зузюля,
Не куй рано у дѣроби,
Не збуды мене молодой;
А я молоденька, послушенька.
Я встану ранішъ тебе,
Ранню рѣсу побыватъ,
Капусточку поливатъ.
Петривочка мынаецця,
Сывая зузюля ховаецця“.

37.

„Вербѣ, вербѣцѣ,
Порѣ тоби розвѣццѣ,
Порѣ тоби, Павлѣко, жыныццѣ.
Ой минѣ жыныццѣ ще не порѣ,
Ще жъ моя Лукерья молодѣ,
Нехай вона хоть лѣтечко погуля“.

38.

„За ричкою Лопотою
Живуть людѣ слободою,
А ти жъ людѣ—супостаты,
Беруть Ваню у салдаты,
Нѣкому Ваню оплакаты.
Де не взялась дѣвка Марья,
Оплакала Ваню-парня,
Тѣлько Ваня за лисѣкъ,
Дѣвка Марья въ голосѣкъ“.

39.

„Жила молодѣ вдова,
Двухъ купчикивъ любила,
У полони водыла,
Двухъ сынивъ родыла,
Иванушку и Васыла.
У пеленочки звѣла,
У лавочку ступыла,
Китаѣчки купыла.
И на морѣ носыла,
Кораблыка просыла:
— Ой, ты кораблыкъ-корабелъ,
Заберы моихъ дитѣй!
Ой, ты рыба, ты тарань,
Ты дитѣкъ моихъ не лай!
Ой, ты рыба, ты сула,
Кормы дѣтокъ моихъ сама.
Ой, ты чистая вода,
Промывай дѣтамъ глаза.
На тридцять седьмому году
Пишла вдова по воду;
Стала воду наберать,
Ставъ кораблыкъ приплыватъ.
А на томъ кораблѣ
По два молодця сыдѣтъ,
Вдовѣ рѣчи говорятъ:
— Ой, ты вдова, ты вдова!
Чи пойдешъ замужъ за меня?
Стоить козакъ на ланѣ,
Тай дывыцця на вдову
Ой, ты вдова, ты вдова!
Дурна въ тебе голова
Оцѣ твоихъ два сына!“

40.

„У горѣди бузынѣ чомъ не стѣ-
лецця?
Шолудѣва парубѣта чомъ не
жѣныцця?
Ой, да тѣра, тѣра, тѣра!
Соловей щебытавъ,
Зузуля кувала,
Бодай же ты не дождала,
Щобъ я тебе роззувала.
Ой, да тѣра, тѣра, тѣра!
На горѣди бузынѣ,
Пидъ горою рѣдка,—
Трѣхъ копѣишый кавалеръ,
Сторублѣва дѣвка.
Ой, тѣра, тѣра, ой, да тирарѣ!
На тарильци канхвѣты,
Наши хлопци патрѣты.
Ой, тѣра, тѣра, тѣра!
Вѣсыть рушныкъ на килѣчку,
Въ его бровы на шнурѣчку.
Ой, тѣра, тѣра, тѣра!
У горѣди бузынѣ,
Та й не зъ шовкамы,
Шолудѣва парубѣта,
Гербуѣ дѣвкамы.
Ой, да тѣра, тѣра, тѣра!
Тѣрла лѣнь, тѣрла лѣнь,
Та й на терныци,
Та й не давъ минѣ Богъ
Жить на мельниці.
Ой, да тѣра, тѣра, тѣра!
На тарильци мнѣтына,
Наши хлопци якъ картѣна.
Ой, тѣра, тѣра, тѣра!
Сѣрый кинь, сѣрый кинь,
Сѣрая кобыла,
Та й не давъ минѣ Богъ,
Когдъ я любила.
Ой, тѣра, тѣра, тѣра!
У горѣди бузынѣ,
Чѣрне насѣнья,
Шолудѣва парубѣта
Хѣде на весѣлля“.

Ой, тіра, тіра, тіра!
 Мукію набілюся
 Съ тебе, мій, насміюся.
 О, тіра, тіра, тіра!
 У горіди бузина червоністала,
 Шолудіва парубіта нарові-
 стала.

Ой, тіра, тіра, тіра!
 Брови сажію намажу,
 Тобі, мій, друг, не вважу.
 Ой, венько, моя ты родитылька!
 —А я донька твоя, разоритылька.
 Ой, тіра, тіра, тіра!
 На тарілиці по хати
 Наші хлопці зубати.
 Ой, тіра, тіра, тирара!

41.

„Сонь мой мій
 Сонь щастливий,
 Воротіся сонь назадъ,
 Здѣлай, здѣлай
 Дівушку щасливою,
 Хоть у жи́зни оди́нь разъ.
 Перелѣтныи кукіушечки
 Частіо по-полю лѣтять,
 Дви несчастныя подружки
 Подъ окішечкомъ сидять.
 Со слезами Бога просятъ,
 Про мыленькихъ говорять:
 — Десь мой мій другъ далѣко,
 За тисячу двісти верстъ.
 Ны письма мині не пише,
 Ны поклона мині не шлетъ“.

42.

„Туманъ яромъ—доліною на-
 лягає,
 Та по мыжъ тими туманами
 Сызъ голубчикъ літає.
 Винъ літає, воркутає,
 Та все крилочками блудє;
 Такъ тяжко, такъ важко,
 Когдъ вірно любє.
 Та ще тяжче, та ще важче,

Когдъ хто покидає.
 Пидъ мостомъ щіка рйба грає,
 Та то й не рйба щіка,
 Тожъ намъ зъ мылымъ разлұка.
 Розлучає насъ съ тобою
 Чужа дальня сторона“.

43.

„Де мій мій орє плугомъ,
 Понесу ему йісты,
 Чи не скаже, ди мині сйсты.
 Найвсья, напівсья, на борозну
 похылівсья,

—Чогдъ лежишь, чогдъ не орєшь?
 Чомъ до мене не говоришь?

—А я лежу, думаю.
 Не до мисли жоні маю.

Чужа жінка воливъ гоняє,
 А своєй дома не має.

—Який тобі дідько вінєть,
 Що вродівсья чорнобривий;

А я въ русу родилася,
 Чорнявому судилася.

А я въ русу приберуся
 На чорнявихъ не дивлюся,

А свою сажу мажу.
 Чорняву переважу“.

44.

„Туманъ яромъ по долини,
 Широкій лѣсть на каліни,

А ще шірше на дубічку,
 Зманівъ голубъ та голубічку.

Не такъ свою, якъ чужію,
 Прийді, серце, поцилую.

На що чужі цилувати,
 Своїй жаліо завдавати?

Текла річка рикова,
 Вийшла дівка молодая.

Не плачь, дівка, не журіся,
 Я й самъ молодець не жинівсья;

А якъ буду жинітися,
 Прийді, серце, дивітися;

А якъ буду винчатися,
 Прийді, серце, прощатися;

А якъ буду на посади,
 Прийді, серце, на досади;
 А якъ буду свальбу грати,
 Прийді, серце, танцювати“.

45.

„Туманъ по горахъ,
 Та й ще по долинахъ,
 Сызъ голубчикъ літає.
 Винъ літає, та все воркутає,
 Сызіи голубіньки шукать.
 Та й сустрівсья сизий голу-
 бонько

буйними витрами:
 — Ой, вы, витры, витры буйни!

Вы скризъ побували,
 Могеть вы выдалы,

Або де слыхали
 Про мою голубку?

— Могеть мы выдалы,
 Могеть мы слыхали,

Но не знаємъ якая.
 — Моя голубінька,

Сыза білокрыла,
 Лычкомъ, якъ каліна;

Въ нєи руса коса до пояса,
 Въ русий коси лєнта.

— Мы жъ не выдалы,
 Мы жъ не слыхали

Про такі голубку“.

46.

„Не сйтечкомъ сйє
 Видромъ поливає,
 Братъ сестрѣ кохає.

Сестра, моя рідна!
 Рості ты большая,

Отдамъ тебѣ замижъ,
 На чужі сторонку,

У великую семью,
 Та де бѣюцьця, деруцьця,

Топорамы сикучьця“.

47.

„Ой зима моя,
 Зима люта!

Та не зморозъ менє
 Съ походу идучи,
 Коня ведучи, сбрѣю несучи.
 Ты сбрѣя моя, предорогая,
 Ты дівчина моя, ты молодая“!

48.

„Жыто поспило,
 Та нікому жаты,

Пытаецьця сынъ матери,
 Которую браты?

Ой, чи тую богату,
 Що мати веліла?

Ой, чи тую сыротину,
 Що серцемъ болила?

Богатая богатина
 Все бѣде спысыцьця,

А вбогая сыротина
 Усымъ покоріцьця.

За яромъ брала дівка лєнь
 Вона брала, добырала,

Ще й до дому поспиніала.
 Та й подуи витеръ

Зъ глыбокого яру;
 Прибѣдъ, прылѣнь,

Мий мыленький,
 Зъ далєкого краю“.

49.

„Мальчишичка, бидняжичка,
 Склонивъ свою голівушку,

На правую сторонушку.
 На правую, на лѣвую,

На грудь мою на бѣлую.
 Якъ я лежавъ, увєсь дрожавъ,

На утро вставъ, прощай, ска-
 завъ.

Прощай, прости, красавица,
 Бо твоя краса не правіцьця

До инчої жоласцьця.
 До инчої, до кращой

Та й до кращой, до багатчой.
 Якъ я любивъ,

Щастливый бывъ;
 Любить не ставъ,

Рознещастный ставъ,
Въ тюрьмѣ попавъ.
Я въ тюрьмѣ сижу;
Въ окно гляжу:
Чи не йдетъ моя любовь прѣж-

няя,
Не несеть она цвѣту алаго?
— Какъ пойдѣ въ садокъ,
Да сорвѣ цвѣтокъ,
Да совью виноктъ
Своемѣ дружкѣ
На головушку.
Носи, дружокъ, не скидывай
Любы миня, не покидывай“.

50.

„Ходивъ чумакъ симъ годъ по
Дбну

Та не случалось емѣ причины
на вику,

Та случилась причина
На прыбытому шляхѣ.

Похворалысь та сирьи воли,
А самъ чумакъ благый

Пидъ возомъ лежить.
Та нихтѣ въ его не спытае,

Що въ его болытъ.
Та болытъ рѣчки,

Та болытъ нѣжки,
Та болытъ въ его голова,

Що рѣду нема.
Нема рѣду, ни родыны,

Ни вѣрнои дружыны.
Товарышу, рѣдний брате!

Беры зъ мене сриблѣ, злато,
Тай поховай мене

У вышнѣвому садѣ“.

51.

„Якъ прыйхавъ,
Та мий мѣлый съ поля,

Та й привязавъ коня до порога,
А самъ пийшовъ,

Чи мѣла здорова,
Ой, коню, мий коню,

Коню воронѣнкий!
Чогдѣ мой мѣла заболѣла.
Чи я ий по лѣченкѣ вдарывъ?
Чи я ий здоровьячко змалывъ?
Ой, умрѣ жъ я, мий мѣлый,
умрѣ,

Зробы минѣ ялынову трунѣ.
Надѣнь минѣ крамнѣю сорочку,
Сховай мене у вышнѣвому са-
дѣчку.

Будешъ мѣлый
По саду ходыты,

Малыхъ дѣтокъ
За рѣчку водыты.

И тодѣ будешъ
Мѣлую просыты:

Устань, мѣла, устань, дорогая!
Росплакалась дѣтина малая.

Булѣ-бъ, мѣлый,
Тодѣ не вбываы,

А зо мною вику доживаы“.

52.

„Ой, давнѣ, давнѣ
Я въ нѣнѣки була;

Та вжежъ мой стѣжечка
Тернѣмъ заросла.

Та тернѣмъ, тернѣмъ,
Ще й шипчѣною,

Якъ була я въ нѣнѣки
Ще й дивчѣною.

Та де я почувала,
Крейныця стояла,

А въ тий крейнычѣнѣки
Холодна вода,

Ажъ до самаго дна“.

53.

„Чи я брела, чи я плыла,
Чи мене пидлыто,

Чи самъ козаць не ставъ хо-
дытъ,

Чи егѣ одбыто?
Ой, одбыла щѣка—рыба

Отъ берега рѣску,

Одобрала дивчѣнонька
Отъ козака лѣску.
А я тѣю дрибну рѣску,
Зберѣ на запѣску,
Такѣ жъ тому козѣченкѣ
Пидойдѣ пидъ лѣску.
Та вжежъ тий дивчѣноньки
Не на лѣхо пишло,
Що учѣра изъ вѣчера
Три козака прыйшло.
Одѣнь стойтъ пидъ викѣнцемъ,
Дѣбрый вѣчеръ каже,
Другый сыдытъ кинѣи стѣлу,
Мѣдъ вынѣ кружае,
Трѣтий сыдытъ съ дивчѣною,
Правдонѣки пытае.

— Ой, дивчѣно, пѣвна рѣжа,
Чи свѣтаты гѣжа?

— Козѣченкѣ—барвинѣноньку,
Свѣтай мене въ недѣленьку.

— Ой, дивчѣно, пѣвна рѣжа,
Въ недѣлю не гѣже.

— Бодай же ты, козѣченкѣ,
Тодѣ ожѣнѣвся,

Якъ у млѣни, на камѣни
Кукѣль уродѣвся.

— Бодай же ты, дивчѣнонько,
Тодѣ замижъ пишла,

Якъ у пѣли край дѣроги
Рѣта—мѣята зийшла.

Дошѣ пишлы, мѣята зийшла,
Дѣвка замижъ пишла;

А у млѣни на камѣни
Кукѣль не вродѣвся,

И той дѣси козѣченкѣ,
Та й не ожѣнѣвся“.

54.

„Ой, гѣре, гѣре,
Щѣ чужая украина,

А ще гѣрше,
Щѣ не вѣрна дружѣна!

Ой, вона мене изсушила, скру-
шила,

Ой, вона жъ мене
Зъ бѣлыхъ нѣжокъ звалѣла.
Ой, якъ пидѣ я,
Тай до бѣрѣду по вѣду:
Чи не вѣвижу,
Свогѣ мѣлого на вѣрѣду?
Ой, ажъ мий мѣлый,
Та по садѣчку хѣде,
Винъ чужѣ мѣлу
Та за рѣченкѣ вѣде.
Ой, чужа мѣла,
Та въ голубѣмъ жупани,
Вона жъ ему
Пидийшла пидъ парѣ.
Чужа мѣла
Въ червѣнымъ намѣсти:
Ой, вона жъ ему
Пидийшла пидъ мѣсли“.

55.

„Ой бѣду жъ я, бѣду
Недѣленьки ждѣты

Та чи не прыйдѣ моя нѣнѣка,
Мене одвидѣты?

Недѣля мынае,
А нѣнѣки немае,

Тоска, печаль на сѣрдѣнѣку
Та нихтѣ не знае.

Прийхала нѣнѣка,
Стойтъ у порѣзи,

А дѣчка стойтъ кинѣи стѣлу
Пролывае слѣзы.

Бѣде й тоби нѣнѣко,
Дрибни слѣзы лѣты,

Та порѣдъ мене,
Моя нѣнѣко,

Якъ на свѣти жѣты?
Ой, чи жѣты, жѣты,

Ой, чи горюваы,
Та чи, обнявши голѣвоеньку,

Тай помандруваы?
А хотѣ же я помандруѣ,

Та й назѣдъ вернѣся,
Все на себѣ молодѣю

Славы наберуся.
Не такъ славы, а якъ погово́ру
Все жъ на тую дивчино́нку,
Що чо́рнии бровы́“.

56.

„Ой, на горѣ дощѣ лью́щця,
А жъ бўльба́шки дму́щця!
То за мно́ю, сыро́тою,
Вси ро́дычи бы́ющця.
Бѣйся, бѣйся, мий ро́донько,
Бѣйся, побы́вайся,
Якъ пийду́ я на Вкрайну́,
Та й не сподива́йся.
Де я не ходы́ла, де я не бро-

ды́ла,

Не нашла́ я ти́и не́ньки,
Що мене́ вроды́ла,
Не нашла́ я то́го ща́стья,
Що зма́лу згу́блыла.
Ты́лько нашла́ чы́сте по́ле,
Та сы́нее мо́ре.
Жа́луй, жа́луй, мий ро́донько,
Тепе́рь ми́нѣ го́ре!
Ой, якъ тебѣ́ жа́лува́ти?
Якъ тебѣ́ коха́ти?
Що ты вѣ́ ща́стью роды́лася,
А вѣ́ ро́скоши зросла́,
Ледя́чему доста́лася
Го́ря набра́лася“.

57.

„Изъ-за горѣ́, изъ-за кру́чи
Вылета́лы гу́сы
То жъ не гу́сы, то сы́ры,
Слу́ги доро́гии.
Запрга́йте трѣ́йку ко́ней,
Ко́ни воро́нии,
Та й по́йдемъ догана́ты
Лѣта́ молододѣ́й.
Якъ нагна́лы лѣта́ мой,
На дибро́вимъ мо́сти.
Ой, верни́щця, лѣта́ мой,
Хоть на ча́сь у го́сти.
Не ве́рнемось, не ве́рнемось,

Будо́ бѣ́ шанува́ты.
Якъ ви́рву я кві́тку зъ ро́жи,
Тай пу́стю на во́ду
Плы́вы, плывы́, кві́тка зъ ро́жи
Та до мо́го ро́ду.
Плы́ла, плы́ла зъ ро́жи кві́тка,
Та й ста́ла кружи́щця;
Ви́шла ма́ти во́ды бра́ты,
Та й ста́ла жу́рыщця.
Отчо́го жъ ты, зъ ро́жи кві́тка,
На во́дѣ завѣ́яла?
Отчо́го жъ ты, до́нько мой,
Така́ стара́ ста́ла?
Ой, тымъ же я стара́ ста́ла,
Що добра́ не вы́дала.
Я жъ ду́мала: вѣ́ ба́тька го́ре,
Вѣ́ свѣ́кра погу́ляю,
А у свѣ́кра, ги́рше пе́кла,
Добра́ не згада́ю“.

58.

„Ишо́въ коза́къ съ До́ну,
Изъ До́ну до до́му,
Та й сивъ надъ во́дою,
Проклы́нае до́лю.
До́ле моя́, до́ле!
До́ле неща́стлы́ва,
Чомъ ты не така́я,
Якъ до́ля чу́жяя?
Що лю́ды не ро́блять,
Та й хоро́ше ходо́ть,
Якъ я зарабо́ляю,
Та й вѣ́ се́бе не ма́ю.
Обизва́лась до́ля
По тимъ бо́ци мо́ря.
Коза́че, бурла́че!
Дурны́й ро́зумъ ма́ешъ,
За що́ до́лю ла́ешъ?
Не ви́нна до́ля,
А ви́нна свой во́ля,—
Все що́ зарабо́ляешъ
Та й все пропы́ваешъ“.

59.

„Ви́теръ повива́е,

Лѣ́зы росхи́лае;
А ма́ты до́чку ла́е,
Гуля́ть посыла́е.
Гуля́й, гуля́й, до́чко,
По́ки молодѣ́нька,
Гуля́ты радѣ́нька“.

60.

„Ой, не́нько моя́!
Та старѣ́нькая,
Ты пора́донько
Ви́ренѣ́нькая!
Ты не лай ме́не,
Вы́ржай менѣ́,
Та вѣ́ дорі́женьку дале́кую.
Та й при́йдещця, ма́те,
Вѣ́ степу́ ночува́ты;
Вѣ́ степу́ при до́льни
На лы́хий годы́ни.
Вѣ́ степу́ при доро́зи
На лю́тимъ морѣ́зи“.

61.

„Дурна́ була́
Нерозу́мная дивчи́нка,
Полю́блыла коза́ченька старо́го.
Веде́ за ру́ченьку пѣ́яного,
Клада́ спаты́ на пухѣ́вий кра-

ва́ти,

Тай забу́ла солове́ечкамъ при-
каза́ты,
Не щебечи́ть, солове́ечки,
Ра́но на зорі́,
Не збу́дите мо́го мѣ́лаго съ
постѣ́ли.

Ой, я жъ ду́мала,
Що мий мѣ́лый
Спы́ть не чу́е;
Винъ на ме́не
Та нага́ечку гарну́е.
Ой, я жъ ду́мала,
Що нага́ечка шу́точка,
Якъ уда́ре, розсы́дещця шку́-

рочка.

Ой, я жъ ду́мала,

Що нага́ечка чо́рный дри́ть
Якъ уда́ре—забо́лѣть се́рце,
Ще́й живи́ть“.

62.

„Ду́бе зеле́не́нький,
На я́рѣ похы́лывся,
Молоды́й коза́че,
Чо́го жа́журѣ́вся?
Чи во́лы приста́лы,
Чи зъ доро́гы збѣ́вся?
Во́лы не прыста́лы,
Зъ доро́гы не збѣ́вся,
Того́ жа́журѣ́вся,
Що безъ до́ли вродѣ́вся.
Якъ пийду́ я вѣ́ по́ле,
Пошу́каю до́ли.
Не найшо́въ я до́ли,
Найшо́въ рыбо́ловливъ,
Ой, вы робо́ловци,
Раздо́бри мо́лодци!
Вы заки́ньте си́тку;
Че́резъ бы́стру рі́чку
Та впи́йматы до́лю
Па́рню мо́лодо́му.
Не впи́ймалы до́ли,
Та впи́ймалы шу́ку
Па́рню на разлу́ку“.

63.

„Не сама́ я, не сама́ я
Пшени́ченьку жа́ла;
Прихо́жу я до до́моньку,
Нема́ мо́го па́на.
Нема́ па́на до́ма,
Що жъ бу́демъ робы́ты?
Посты́ль бы́ла, стина́ нима́,
Ни зъ кимъ гово́рыты.
И посты́ль билѣ́нька,
И стина́ нимѣ́нька,
Сжа́лься, сжа́лься,
Мужъ, на́до мнѣ́ю,
Що я молодѣ́нька“!

64.

„Ой, я ви́йду, ви́йду

На гóру крутúю!
Гляну, гляну, посмотрю я
На рíчку быстрúю.
Щúка-рыба грае,
Собí пару мае,
Тíлько жъ минí молодóму
Та й páры не мае.
Тíлько минí páры,
Що бiици кáри,
Тíлько до любóви,
Що чóрнии брóвы.
Чóрни брóвы мають,
Тай не оженюся,
Якъ пийдú я до рíченьки,
Та й зъ жалó втоплюся.
Не топíсь, козáче,
Бо дúшу загубишь,
Ходíмъ, сёрце, звинча́ймося,
Колы́ вірно любышь“.

65.

„Ой, у лiси подъ кúщикомъ
Сыдiть дiвка изъ кúпчикомъ,
Изъ кúпчикомъ, зъ голúбчикомъ.
Купецъ дiвку вговорáе:
Ты, дивiця, красáвиця,
Ты прéжняя полюбóвныця.
Якъ мы съ тобою любы́лися,
Сухi дубы розвiлися,
А какъ мы съ тобóй перестáлы,
Сырi дубы посухáть стáлы“.

66.

„Гáлочка мой,
Гáлочка чорненькая!
Скажи, гáлочка,
Де мой мыленькая?
Твой мiлая
У лúзи надъ водóю,
Умывáецця горячею слéзóю,
Утырáецця рúсою косóю“.

67.

„Ой, ненько мой,
А я дóнька твоя,
Тодí булò-бъ быты-вчiты,

Якъ маненькою булá.
А тепёръ я велика,
Трéба минí чоловіка,
Не старóго, не малóго,
Козáченька молодóго.
Ой, не бийте мене
И не лáйте мене,
Колы́-жъ я вамъ наскучила,
Такъ отдáйте мене.
Ой отдáйте мене
За Волóшина,
Щобъ булá я чорнiвая,
Та хоро́шая.
Тёрла ленъ, тёрла ленъ,
Та й ще конопельки;
Не вдалáся на робóту
Та й на вытребенки“.

68.

„Ой, забра́лы та некру́тикивъ
Въ неди́леньку въ рáнци.
Гей, гей, въ неди́леньку въ
рáнци!“

Тай погнáлы некру́тикивъ
Крутiми горáми,
Остáлыся дивчáточка,
Съ чóрными бровáми.
Ой, гáлочки та чубáрочки,
Крутú гóру кры́лы,
Молодiи некру́тыки,
Жáлю наробы́лы;
Ой, гáлочки, та чубáрочки,
Пиднимiцця въ гóру!
Молодiи некру́тыки,
Верни́цця до дóму.
Ой, рáды-бъ мы пиднíтися,
Тумáнъ налягáе,
Ой, рáды-бъ мы вернú́тися,
Насъ панъ не пуска́е.
Полывáйте дорíженьку,
Щобъ не куры́лася,
Розважáйте молодú дивчiну,
Щобъ не журы́лася.
Полывáлы дорíженьку,

Все-жъ куры́цця кúрно.
Розважáлы молодú дивчiну,
Все-жъ журы́цця жу́рно“.

69.

„Голубiни глазá
На свитъ бiлий не глядáть,
Про любóвы говорáть,
Якъ любы́ла одного
И страждáла одного.
И страждáла, помырáла,
Слiзно плакала за нымъ,
Що онъ, пóдлий, позабы́ль,
Знатъ другóу, полюбы́ль;
Знатъ другóу, разумнóу,
Катю́шечку-дúшечку.
Чогò-сь Кáтька приунíла,
На при́горкахъ стоя́че.
Рóвно въ садú соловей,
Соловьóшка мáленький,
Курчáвый, рябенький.
И защебечí ты минí,
Що я въ чужiй сторонi,
Немá роду при минí:
Ни мáтушки, ни отцá,
Ни Ивáноши молодцá“.

70.

„Ахъ ты жъ, во́ля моя дорогáя,
Дiвка молодáя!
По садóчку дiвушка гуля́ла,
Цвити сорывáла.
Охъ, все-жъ цвiтóчки
Дiвка сорывáла.
Винòкъ завывáла.
Охъ, все винóчки
Дiвка завывáла.
Платóчокъ укрáла.
Охъ, и все платóчокъ
Дiвушка укрáла.
Въ острожòкъ попáла.
Охъ, и въ острожòчку
Дiвушка сыдiла,
Въ окóшко глядiла.“

Мiмо тогò острожòчка,
Дорóжка лежáла.
Охъ, и дорóжка лежáла,
По тий дорóжки коляска би-
жáла“.

71.

„Ожыны́ла мáты сiна Васи́ля,
Нелюбу невисточку собi взя́ла,
Не бiлое лы́чко, не чóрний
брóвы.“

Посылáе сiна у Крымъ дорó-
женьку,

Нелюбу невисточку у пóле
лeну брáть.

— Не ви́берышь лeну, неходi
до дóму,—
Станъ же ты у пóли хотъ бы-
лынóу.

Та прыйiхавъ сынкò изъ до-
рóженьки,

Пытáецця неньки: де-жъ моя
мiла?

Ой, сядъ, моя ненько,
Кòло мeне блызенько,
Роспытáй мене.

Ищожъ тоу пóлиза былiнонька?
Що ви́теръ не вие,— колы-
хаецця,

Отъ ясного сòнычка сокру-
шаецця?

— Ой, возмы́жъ ты, сiнку,
Гòструю сокы́рку,
Та пойдeмо, сiнку,
Зрубáемъ ту былiнку.

Якъ пёрвый разъ кыну́въ,
Тай не докыну́въ;

Другый разъ кыну́въ,
Пере́кыну́въ;

Трeтий разъ кыну́въ,
Тiлько загулá;

А четвeртый разъ кыну́въ,—
Заговоры́ла.

— Ой, я жъ не былiна,

Я твой мыла;
 Це жъ твой нѣнька,
 Такъ наробыла,
 Що нась зъ тобою розлучила,
 Манѣнькихъ диточокъ,
 Та й посыротила“.

72.

„Берегомъ, берегомъ,
 Бережиною
 Найшовъ крышталь
 Пидъ ожыною.
 Крышталь по шнурочку
 Посуваетьця,
 Ягѣрко дочкою
 Выхвалаетьця.
 — Ой, возьми, возьми,
 Андрійко, дочку,
 Дівку Галочку;
 Дамъ бандракъ,
 Сѣмеро собакъ,
 И тѣрбу, и мишокъ,
 И пару кишокъ,
 И тую козу,
 Що грызѣ лозу,
 И тую корову
 Круторѣгу,
 И ту Галочку
 Чернобрѣву.
 Поженѣ, Галечку,
 На горы гусѣ,
 Поцилуй Андрійка
 Въ золотѣи усы“.

73.

„Ой, ты зимушка,
 Зимѣ расхолоднала!
 Просю я тебѣ,
 Не зморѣзь менѣ,
 Съ походу идучи,
 Коня ведучи,
 Сбрую несучи.
 На коню сбрую
 Роспрекрасная,

Дѣленька мой
 Рознещастная.
 Взяла бѣ ножикъ,
 Та й зарізала,
 Понесла въ садъ,
 Та й повисыла.
 Якъ прийшла домой,
 Та й сила за столъ,
 Та й пише перѣмъ:
 Ой, горе, горе
 Зъ такимъ мужемъ жыть!
 А ще гиркѣше,
 Безъ такого бытъ.
 Якъ пиду я въ садъ,
 Отчеплю назадъ.
 Уставай, милой,
 Уже на свить бѣлой!
 Та вжежъ ты, милой,
 Та й належався,
 Раннихъ пташечокъ
 Наслухався,
 Сладкихъ яблочокъ
 Накушався“.

74.

„Ой, дѣвчина по грибы ходила,
 Въ зеленому гаю заблудила,
 Къ зеленому дубу прилудила.
 Думала, що дубъ зеленѣнький,
 А то конькъ воронѣнький,
 На коньку козакъ молодѣнький.
 Ой, козаче молодѣй, гайтаре,
 Ой, вѣведи зъ зеленого гаю.
 Ой, якъ бы ты дороги не знала,
 То й ты бѣ менѣ гайтаромъ не
 звала,
 Та ты бѣ менѣ серденькомъ
 назвала.
 Помолюся я святому Богу,
 Чи не вйду я сама на дорогу;
 Помолюся я святой Пречистый,
 Нехай ходять по грибы не-
 чисти“.

75.

„Два кулыка чашечку любылы,
 Зеленую ленту купылы;
 Оцѣ жъ тоби, чашечка, плата,
 Що на тоби головка чубата,
 Оцѣ тоби, чашечко, за тѣе,
 Що на тоби пирѣячко рябѣе“.

76.

„Якъ пиду я въ садъ-виноградъ,
 Та й зорву я зъ рѣжи квітку
 И пустию на воду.
 Плывы, плывы, зъ рѣжи квітка,
 Та до мого рѣду;
 Де повна крыиыця.
 Вышла маты воды браты,
 Та стала журыыця:
 Чого, чого зъ рѣжи квітка
 На водѣ завьяла?
 Ты де жъ, мой дытинонька,
 Тры годы лежала?
 Не лежала, мой маты,
 Ны дня, ны годѣны,
 Та й попалася, мой нѣнько,
 Невѣрний дружѣни.
 Та винъ менѣ не бѣе, не лае,
 Та винъ менѣ, мой нѣнько,
 Словамы доймае“.

77.

„Сѣколъ зъ ворономъ злита-
 юця,
 Сѣколъ ворона пытаецця:
 Ой, чимъ поле окрашаетця?
 Цвитѣчками, васѣлечками,
 Все цвитѣчками билозѣровыми,
 Буграмы и долинами
 И высѣкымы могѣлами.
 Серѣдъ поля кустъ ракѣтовъ,
 Подъ тымъ подъ кустѣмъ,
 Младъ сѣзой орѣль;
 А въ кигтѣхъ держитъ
 Чѣрного ворона,
 Брата рѣдного.
 Онъ не бѣетъ и не клюѣтъ,

А все распрѣшиваетъ:
 Де жъ ты бувъ—пробувавъ?
 Ой я бувъ—пробувавъ
 У дѣкихъ степѣхъ,
 У тѣмныхъ лисѣхъ.
 Ой, я бачивъ,—младецъ,
 Все дыкѣвынку:
 Пидъ кустѣмъ лежѣтъ
 Тѣло бѣлое,
 И ниhto жъ къ тому тѣлу
 Не привѣрнецця.
 Прилитѣлы къ тѣлу,
 Та тры ластушки:
 Пѣрвая ластушка—
 Рѣдная матушка,
 Другая ластушка—
 Сѣстра рѣдная,
 Трѣтая ластушка—
 Женѣ молодѣхонька“.

78.

„Ой, ты петухъ, петушокъ,
 Ой, ты мыленѣкѣй дружѣкъ!
 Що ты рано встаешъ
 Милой спатъ не даѣшъ?
 Ты тогда менѣ збудѣ,
 Когда солнышко взойдѣтъ,
 Росѣ на зѣмлю падѣтъ“.

79.

„Якъ бы минѣ крылушка,
 Голубѣнии глазѣ,
 Поклынула бѣ я младѣ тудѣ,
 Де драгѣньскѣй славѣный
 Полѣкъ стоявъ,
 Тамъ мой мылый убѣтый ле-
 жавъ.
 Я жъ егѣ кѣсточки собрѣла,
 Въ сырѣ зѣмлю сховѣла.
 Заростѣ, милой,
 Полевѣй травѣй“.

80.

„Хѣде совѣ по кѣмнати,
 У вокѣшечко глѣне,

Чи вси жъ, чи вси жъ, див-
чаточка,

Чи вси нарумѣни?

Одна, одна та Явдошка,
Одна нарумѣна.

Вона нарумѣна, вона набилѣна,
А за нею той Алѣко,

Винъ за нею хѣде.

Винъ за нею хѣде

Кушнѣ водѣ носѣ,

Брусь мѣла пидносе.

Ой, умѣйся, та Явдошка,

Будешъ помылѣе,

Будешъ бадѣрнѣе“.

81.

„Ой, мѣла плѣтъ мѣла,

А я любовався,

Ой, мѣла воду бра́ла,

А я й засмѣвся“.

82.

„Сѣвѣй кинь, сѣвая кобы́ла,

Та й не давъ минѣ Богъ

Когѣ я люби́ла.

Тѣрла ленъ, тѣрла ленъ,

Та й на терлѣци,

Ой, не давъ минѣ Богъ

Жыть на мельныци.

Тѣрла ленъ, тѣрла ленъ,

Та й не цокотѣла,

Та й не давъ минѣ, Богъ

Когѣ я хотѣла“.

83.

„Ты куда летѣшь, кукушечка,

Куку, куку, кукушечка!

Я тудѣ лечу, куда схочу,

Куку, куку, кукушечка.

А въ томъ лѣсу соловѣй поють

Куку, куку, кукушечка“!

84.

„Пташки, канарѣйки

Вси жалобно поють,

И намъ съ тобою, мой мѣлой,

Разлѣку предають.

Разлѣка, разлѣка,

Чужа́я сторона!

Нихтѣ насъ не розлѣче,

Ны мѣсяць, ны луна,

Розлѣче насъ одна

Сыра́ земля“.

85.

„Колѣ хѣдышь чѣрезъ двѣрь,

Не кыдай каблѣчку,

Не свѣтаешъ менѣ,

Свѣтай мою сѣчку.

А я свѣтаты не буду,

Та й напѣялю халабѣду;

А зъ запѣски зрѣбымъ двѣри,

Щѣ бѣ ходѣлы ковалѣры,

А зъ пѣяса зрѣбымъ ключѣ,

Любы, сѣрце, хочѣ замѣчѣ“.

86.

„Бувъ собѣ Лѣзарь,

Попѣдѣ тѣню лѣзывъ.

Та вылазывъ свѣтку

Сѣру сѣресеньку,

Бѣлу бѣлесеньку.

Дивчѣта вкѣрлы,

На кѣкы порѣрлы,

Кѣкы порѣрлы

И Лѣзаря вѣрлы“.

87.

„По тѣмъ бѣци Дунаю,

Недалѣко отъ кѣрю,

Чабѣнъ вѣвци карнѣе,

У дѣдѣчку играѣ,

На мѣлодѣивъ морѣе.

Ой, вы хлѣпци, мѣлодѣи,

Накажѣте дѣвѣнѣи,

Нехай вона менѣ не жде,

Нехай вона зѣмижѣ иде,

Дошѣ иде, дошѣ иде,

Стрихѣта лѣпѣця,

Хѣяина дѣма нѣтъ,

Хѣяйка смѣеця“.

88.

„Чѣрезъ лѣсъ, чѣрезъ пѣле,

Чѣрезъ сѣнее мѣре,

Тамъ лежалѣ дѣсточка,

Дѣсточка дѣбѣвая,

Перехѣдѣ соснѣвенький.

Шѣвъ-перешѣвъ той Ивѣнко,

Винъ перѣвѣвъ ту Мѣрьечку,

Лукирю Ивѣновну.

Винъ перѣвѣвъ, щѣ й пыѣе,

Щѣ й дѣшкою назывѣе.

— Дѣшка моя ты, Мѣрьечка,

Сѣрце моѣ, Ивѣновна!

Чи ты вѣмѣешъ гѣстѣй звѣты?

Чи умѣешъ привѣтѣты?

—Я й не вѣмѣю гѣстѣй звѣты,

Я й не вѣмѣю привѣтѣты,

Тѣлько вѣмѣю бѣлоу вѣмѣяця,

Та зъ Ивѣномъ цѣлуѣяця,

Тѣлько вѣмѣю постѣль слѣты,

Та зъ Ивѣномъ спѣть лягѣты“.

89.

„И бѣрѣчка зелѣна,

Пѣра кѣней, щѣ й Олѣна;

И на бѣрѣчки стояла,

Пѣру кѣней продаѣла.

Изъ корѣтычка умѣѣалѣсь,

Пѣлотѣнечкомъ утыѣралѣсь.

Щѣ субѣтѣньки,

Та й чѣбѣтѣньки,

Щѣ недѣлѣньки—чѣрѣвѣчки“.

90.

„Умѣрь, умѣрь нашъ хѣяинъ

Изъ похѣду идѣчи,

Остаѣця хѣяюшка,

Зъ манѣнькими дѣтѣми.

Пѣховѣлы хѣяина

Во зелѣному садѣ,

Пѣсѣяла чѣрѣмушку

На егѣ грѣбу.

Рѣстѣ, рѣстѣ, чѣрѣмушка,

Тѣнка, вѣсѣка,

На лѣстѣ шѣрѣка“.

91.

„Чѣмъ гармѣнька не играѣешъ?

Или въ тебѣ тѣну нѣтъ?

Чѣмъ дѣвѣчка не выхѣдышь,

Али тебѣ дѣма нѣтъ?

Али тебѣ дѣма нѣтъ,

Залѣтѣла на той свѣтъ.

Нѣтѣшѣчка, худѣ жѣзнь,

Пѣтихѣнѣчку лѣжѣсь“.

92.

„Жѣто, жѣто, не пѣнѣяця,

Чѣмъ дѣвѣчѣну не лѣбытъ:

Вѣна чѣпурѣця.

Жѣто, мѣте, жѣто, мѣте,

Жѣто не полѣва,

Чѣмъ дѣвѣчѣну не лѣбытъ:

Вѣна чѣрнобѣра?

По тѣмъ бѣци, по тѣлоци,

Тамъ дѣвѣчѣта, хлѣпци;

Мѣнѣ мѣте не пѣсѣка,

Щѣ въ чѣрнѣи сѣрѣчки“.

93.

„Дѣмушку я дѣмавъ,

Та все тѣжелѣ,

Знѣтъ, вѣрѣмѣя хорѣшее,

Дѣбрѣе прошлѣ.

Чѣмъ жѣ ты за солѣвѣюшка,

Пѣсни не пѣешъ?

Зѣвѣсилѣ ты голѣвушку,

Зѣрна не клѣешъ?

Спѣѣѣвъ бы я пѣсенѣку,

Та голѣсу нѣтъ,

Клѣѣѣвъ бы я зѣрнѣшко,

Да вѣлюшки нѣтъ.

Зелѣная вѣточка

Мѣнѣ вѣселѣтъ,

Золѣтая клѣточка

Пѣмерѣтъ вѣлѣтъ.

Скѣѣѣвъ, скѣѣѣвъ

По бѣлѣхъ руѣкахъ,

По бѣлѣхъ ногѣхъ,

Вѣжѣки жѣлѣзѣчки

Бѣзѣѣѣтъ на ногѣхъ“.

94.

„Ой, Бóже, Бóже!
Колы той вéчьрь бóде?
Колы про мéне
Наговóрящя люды?
Ой, Бóже, Бóже!
Що не рíдная мáты,
Не вычéряла, та такъ лятáю
спáты.

Не вechéряла, не бóду й обíдаты,
Пусты, мылénкий,
До рóду отвíдаты,
А у мéне рóду
Та два брáтики зрóду.
Въ тýхому брóду
Кóнивь напувáють.
Воны про мéне розмовлáють:
Десъ у насъ сестрá,
Та хорóшого рóду,
Та впáла вонá,
Якъ рýбонька въ вóду“.

95.

„Ой, тамъ сидíла пáра голубíвъ,
Цилувáлыся, мылувáлыся,
Своёму житью дывувáлыся.
Де не взáвся стрилéць—моло-
дець,
Гóлуба убýвъ, голубку вловýвъ,
Прыни́сь до дóму,
Пустýвъ до дóлу,
Насы́павъ пшeнýци
Пóвни свитлы́ци,
Налýвъ водýци
Пóвни склянны́ци.
А голубка гуде́,
Водýци не пье́,
Зерна́ не клюе́.
Та чо́гожь ты гуде́шь?
Водýци не пьeшь,
Зерна́ не клюeшь,
Та все жу́рышся?
На мойй головí
Чотýри журбý:

Пéрвая журбá—гóлуба немá,
Дрýгая журбá—самá молодá,
Трeтья журбá—дитeй капéлля,
Чeтвeрта журбá—дítямъ хлiба
нема.

Ой, леты́ жъ ты, голубко́,
Ой, тамъ на дубу́
Сыды́ть симьсоть голубíвъ.
Постóй, полытý,
На ихъ посмотри́ю.
Не такé крýльячко,
Не такé пýрьячко,
Не такый носóчокъ,
Не такый чубóчокъ,
Не такый голосóчокъ“.

96.

„Ой, ты табáкъ, табачóкъ
Весéлая трáвка!
Безъ тебá мнѣ, табачóкъ,
Велíкая скýка.
Скóлько разъ я зарика́вся
По той úльци ходы́ть,
По той úльци ходы́ть
Одну́ подлую любы́ть,
Я не могъ ee забы́ть“.

97.

„Сыды́ть дéвка, сыды́ть крáсна
Кóло ясного викнá,
Вонá шíла, выпивáла
Тонкí, бѣлы рукавá.
Вонá ждáла, дожидáла
Сибѣ́ дружкá на покóй.
Не могла́ дружкá дождаться,
Потушíла, спáть лягáла.
Стучíть, грючíть о пивнóчи,
Дóбрый мóлодецъ идeтъ.
— Ой, де шлýвся, волочýвся,
Що й до мéне опизнýвся?
— Въ насъ зъ закóнною жонóю
Въ насъ побрáннице былó“.

98.

„Охъ, ты жъ, воля, моя воля!
До чо́го жъ ты довeла?“

Довeла́ воля до гóра,
До позóру, до стыдá.
Шахтeрь пýяный повсeгдá,
Шахтeрь пýяный, шахтeрь
пeть,
Шахтeрь на бáндeрь садíтся,
Съ гóря пíсенкy пóетъ,
Ажъ у гóру лунá идeтъ“.

99.

„На пригóрку кабачóкъ,
Молодeнький чумачóкъ!
Давáй, Вáнька, зайдeмъ,
Наборъ водки наберeмъ.
Наборъ водки наберeмъ
Крáсныхъ дéвóкъ напоeмъ.
Крáсны дéвушки напы́ются,
Поляжyтся усí спáть,
А мы зъ Вáнею гулéть.
Догулáлысь до зорí,
Спáть ложы́лись на дворí,
Жилéточки въ головý;
Жилéточки въ головáхъ,
Гармóнии во рука́хъ.
А въ гармóнии тонкый басъ,
Приходí, мылый, до насъ.
Ты не свáтайся нoчмí,
Распросíся ты ричeмí;
Ты не свáтайся у дeнь,
Роспытáйся ты людeй“.

100.

„Я ишóвъ въ Москвú станýцю,
Та й зайшóвъ же въ городóкъ,
Тамъ прeкрасная дивчóнка
Продаeтъ слáдкий медóкъ.
Я спросíлъ въ неe напытьца,
Вонá, стeрво, не даeтъ,
Я спросíлъ съ нею пройтýтьца,
Вонá съ радóстью идeтъ“.

101.

„Не на что я не вдарýла,
Какъ на этóть большóй домъ,
Не по комъ я не страждáла,

Какъ по мýломъ по своёмъ.
Милъ у́халъ, меня брóсилъ,
Ще й малýтку на рукахъ;
Однесу́ сестрú малýтку,
Самá выйду на крыльцó,
Простужу́ своё бѣлое лицó.
Посмотрю́ я по уличкú;
Гдѣ мýлый другъ идeтъ.
— Ты жъ не зви мeня дру-
жóчкомъ,

Я тепeрича не твой,
Ожыни́вся на другóй.
Ожыни́вся, переминýвся,
Не по собí жену́ взявъ,
Не пидъ мýсли, не по сeрцу
своeму“.

102.

„Ты калýнушка, ты малýнушка,
Ты не стой, не стой
На гори крутóй;
Прóтивъ сóнечка,
Прóтивъ яснаго,
Не пускай лiстý по сiнемъ
мóрю.

Корабeль плывeтъ,
Ажъ водá ревeтъ,
А на томъ кораблi
Тры полкá солдáтъ,
Молодýхъ ребéятъ;
Охвицeрь, маeрь
Бóгу мóлыщя
Рядовóй солдáтъ
Бóгу мóлыщя,
Домóй прóсыщя:
Къ мáминькú роднóй,
Жeнѣ молодóй,
Къ малымъ дeточкамъ—
Соловьáточкамъ!“

103.

„Душá Мáша!
Не вздыхáй такъ тяжeло;
Ну, конeчно, дружкá жалко,

Надо его забывать.
 — Ни, тогда дружка забуду,
 Когда смертным сном засну.
 Ручки, ножки одоймётся,
 Ротъ завяне, якъ трава.
 — Напыши, мила, записку
 Своей правою рукой,
 Прочитай, мила, записку
 Своей горькою слезой.
 — Я читала, говорила
 Не пийду я въ садъ гулять:
 Въ Александровскомъ садочку
 Шляхъ убитый, столбовой,
 Въ Александровскомъ садочку
 Ростётъ бленый лёнокъ“.

104.

„Понапрасну, мальчикъ, хODEшь
 Понапрасну ножки бьешь,
 Ничего-жъ ты не получишь,
 Дуракомъ домой пойдёшь.
 Навѣрно про то знаю,
 Що не любе винь меня,
 Онъ не любе, злой мальчишка,
 А мнѣ его больно жалъ.
 Наступала сinya хмара,
 Якъ ударе сильный дощъ;
 Ты, дѣвица-красавица,
 А я мальчикъ взорслыхъ лѣтъ.

Лучше, лучше соловью на вѣткѣ,
 Чимъ у клѣточки новѣй.
 Лучше, лучше у батька жить
 Чимъ солдаткой молодѣй.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черныльнаго пера,
 Ростарайся, канарейка,
 Хотя бумажечки клочокъ,
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть воробного коня.
 Ростарайся, канарейка,
 Хоть черкесаго сидла“.

105.

„Ходыла дѣвушка по базарю,
 Купыла селезня краснаго,
 Та прынысла его до дому;
 Та поставыла до долу,
 Та насыпала пшеницы,
 Та поставыла водыцы.
 Куйай, куйай, селезенько,
 Та чубатый, волохатый.
 Роспустывь волоса,
 Зъ музументу коса.
 Чорну косу заплита,
 На дѣвушекъ поглядя.
 Що жъ то, мате, за гулянье:
 За ворота, та й вертанье“?

А. И. Ткаченко.

9.—Сл. Богдановка.

Поселение. — Малороссы и великороссы. — Заговоры.

Сл. Богдановка лежитъ отъ Старобѣльска на юго-востокъ на разстояніи 50 вер. Рѣки въ ней нѣтъ, но почти въ каждомъ дворѣ имѣется колодезь, а подлѣ каждой хаты—садикъ. Въ окрестностяхъ ея есть нѣсколько небольшихъ лѣсовъ, по мѣстному названію „балокъ“. Старики рассказываютъ, что, когда населялась Богдановка, то эти лѣса были настолько велики, что ихъ рубили на постройку хатъ, амбаровъ и т. п. И теперь еще есть амбары, рубленные изъ дубовъ, вывезенныхъ изъ этихъ лѣсовъ. Въ одномъ изъ лѣсовъ были даже медвѣди, отъ чего за одной балкой и теперь осталось названіе „медвѣжьяго“ лѣса. Названіе свое Богдановка получила по фамилии перваго поселившагося малоросса Богдана.

Народонаселение Богдановки состоитъ изъ малороссовъ и великороссовъ. Первыми начали селиться малороссы; потомъ уже, когда Богдановка была хуторомъ, хатъ въ тридцать, изъ Московской губ. пришли великороссы. Церковною и поперечною улицею Богдановка раздѣляется на двѣ части; на сѣверъ отъ церкви живутъ малороссы, на югъ—великороссы. Великороссы и малороссы, хотя уже взаимно женятъ и отдаютъ замужъ своихъ дѣтей, все таки не хотятъ вполне сблизиться. Такъ, у нихъ два сельскихъ старосты (малороссъ и великороссъ), общественныя дѣла рѣшаются у нихъ отдѣльно; даже въ церкви они становятся не вмѣстѣ, а какъ расположены ихъ хаты,—на сѣверной сторонѣ церкви становятся малороссы, на южной великороссы. Въ Богдановкѣ есть земская школа, три мелочныхъ лавочки и двѣ винныхъ. Въ школу дѣтей своихъ они посылаютъ охотно, но, какъ только дѣло коснется траты денегъ на школу, какъ то: на ремонтъ, топку и т. п., то высказываютъ неудовольствие. Къ учителю большая часть изъ нихъ относится хорошо.

Мѣстность въ Богдановкѣ здоровая, но жители небрежно относятся къ своему здоровью, часто простуживаются. Лѣчатся они сами, скотъ свой лѣчатъ большею частію у знахарей. Къ врачамъ обращаются рѣдко и то съ недовѣріемъ, при чемъ лѣкарство, данное врачомъ, послѣ одного приема оставляется безъ вниманія, на томъ основаніи, что не помогло отъ одного раза. Въ знахарей же они вѣрятъ; съ уваженіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ относятся къ нимъ.

Знахари лѣчатъ заговорами.

Отъ „бытыхи“ (рожи): „Первымъ разомъ ййхавъ чоловікъ на пусту нйву, пустымъ конёмъ, пусту пшеніццю сіять. Пустый чоловікъ, пуста нйва, пуста пшеніця, пустый кинь,—и породило пусте корыньня. Тутъ тоби не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣнои крѣвы не смоктать (имя больного)“. Это говорятъ три раза и при томъ по больному мѣсту крестообразно давятъ пальцемъ. Потомъ говорятъ: „Инчимъ часомъ, четвертымъ разомъ пособи, Матерь Бѣжа. Пои́хавъ чоловікъ на бйлу нйву, бйлымъ конёмъ, бйлои пшеніци сіаты. Бйлый чоловікъ, бйлый кинь, бйлый вйзъ, бйла бороня, бйла нйва, бйла пшеніця (имя больного). Тутъ тоби не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣнои крѣвы не смоктать! Я тебе высылаю, я тебе вышпую; тутъ тоби не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣнои крѣвы не смоктать!“ И дуютъ крестообразно на больное мѣсто.

Остановить кровь послѣ ушиба или разрѣза: „Гѣсподи Исусе Хрыстѣ, Бѣже мий, Пресвятая Дѣво, Маты Бѣжая, благословы минй сию кровь замовыть. Ййхавъ гйсть чѣрезъ калынивъ мистъ поганѣнькою кобылкою, кобыла стала и кровь стала, а не станешъ, то бѣде тоби те, що томѣ чоловікови, шо въ пѣятныцю спива, а въ неділю нѣгти зрйзуе изъ жилъ, изъ сустовивъ (имя больного)“.

Отъ зубной боли. 1) „Місяць у неби, рыба у мѣри, вѣвкъ у полі. Колы ци браты зойдѣвця, тоді у мене зубы бѣдуть болить. Ангелъ мий изъ евангелія съ главы, по́мощь моя отъ Ангела“. При этомъ больное мѣсто крестообразно давятъ рукою, дуютъ и плюютъ въ сторону.

2) „Михайль Архангелъ, поможь минй грйшний раби свой,

яко избави мя отъ трѣса, потопа, отъ напрасныя смѣрты, отъ всякого зла, отъ врагъ льстѣвого, отъ бѣри носимыя, отъ лукавого избавы, великій Михайль Архангелъ, сиданіе Господне, во вѣкы вѣковъ, аминь“.

Отъ „вывиха“. 1) „На мѣри—мѣри, на окійни сидыть дівка на камени, шѣвкомъ шые, вышивае, кровь разгоняе“. Три раза безъ передышки прочесть.

2) „Ййхавъ Господь на ослѣти, а св. Петро на лоша́ти, а Юрыкъ (Георгій побѣдоносець) на коньку, на пѣзыку. Ко́ныкъ звыхнѣвся, а звѣшекъ мынѣвся“. Три раза безъ передышки.

Отъ „сояшныци“. 3) (Спазмы въ желудкѣ). На животъ больного ставится миска съ водою, туда кладутся веретено, ножъ и ложка, потомъ говорится слѣдующее: „Сѣашныци нуднй, сѣашныци тошнй, сѣашныци витровй и водянй! Тутъ вамъ не стоять, жовтои кѣсты не ломыть, червѣнои крѣвы не вѣялыть. Идыть въ очерета, въ болота, де люды не ходять, куды хрыстыяньскый гласъ не заходе!“ Послѣ этого на ладонь больного ставится веретено и ложкою изъ миски льется на него вода; больной долженъ выпить эту воду съ руки. Тоже самое производится и съ ножемъ.

„Съ глазъ“. Надъ больнымъ говорится слѣдующее: „Первымъ разомъ, Господнимъ часомъ, не я пособляла, Матерь Бѣжу на по́мощь призывала. Уріки—урічица, подѣмани, погадани, наговорени, витрянй, водянй, встрічни, хто (имя больного) врѣче, той за собою пово́лоче“.

Отъ „икоты“. Берутъ кружку воды, крестятъ ее и говорятъ: Хы́ковка, хы́ковка, пиды до воды, когѣ небу́дь напады, хотъ вола, хотъ корѣву, хотъ дівчыну чернобѣрову“. Потомъ навкрестъ пьютъ изъ кружки воду.

Если грудной ребенокъ не спитъ, то его несутъ въ тотъ сарай, гдѣ ночуютъ куры и говорятъ: „Добры вѣчиръ вамъ, куры! Здоро́во! Чы вы спытѣ?—Спымо. Чорни, рябй, по́пильнасти, бйли, возмий у насъ крыклѣвци и плаксѣвци, а намъ дайте сонлѣвцивъ, дрымлѣвцивъ, новорожденному, хрещѣному, мо́лытвѣянѣмому (имя ребенка)“.

„Перелогамы“ крестьяне называютъ боль въ желудкѣ у лошадей, когда лошади не ѣдятъ корму, падаютъ на землю и ка-

чаются. Шепчуть: 1) „На мѣри, окияни, на острови Буяни, тамъ стоить дубъ, на тимъ дубѣ дванадцать гиль, на кажный гильци по дванадцать гнздь, и прылытыть по дванадцать орлѣвъ; вонѣ ци перелѣги роскѣдають и розгрыбуть, по камышамъ, по болотамъ, по нецѣхлямъ. Тутъ вамъ не стоить, жѣв-тои кѣсты не ломѣть, червѣной крѣвы не пыть изъ жылъ, изъ суставивъ, изъ пожылъ (название скотины по шерсти)“.

2) „Йшовъ пипъ, за попѣмъ дѣяконъ, за дѣякономъ дѣяволъ; пипъ найпѣвъ кунѣцю, дѣяконъ рукавѣцю, а дѣяволъ перелѣги, тай востромѣвъ чѣртови въ рѣгы“.

Отъ „укушенія зми“. 1) „Розлыдѣсь сѣнее мѣре. На сѣнимъ мѣри стоить дубъ; пидъ тымъ дѣбомъ лыжѣтъ змиѣ неусыпѣ-щая. Загадай ты своймъ панамъ, десятныкамъ и звелѣ усьмъ своймъ нѣщымъ, нехай прѣйдуть возмѣтъ зѣбы и стыповѣмъ, и луговѣмъ, и кѣцымъ, и сѣмымъ злѣчымъ, нехай прѣйдуть, возмѣтъ зѣбы отъ шѣрсты (название скотины по шерсти)“.

А. М. Иннокова.

10.—С. Никольское.

Гл. 1-я.

Поселение.—Жители и языкъ.—Что читаетъ народъ.—Жилище и связанныя съ нимъ примѣты и поговорки.—Одежда (бѣлье, верхнее платье и обувь), примѣты и поговорки.—Пища, примѣты и поговорки.—Народная медицина, постоянныя, временныя, весеннія и случайныя болѣзни и ихъ лѣчение.—Заговоры (молитвы).—Народная ветеринарія.—Поговорки о болѣзняхъ.—Земледѣліе, пчеловодство и др. занятія.—Религіозность, пословицы, народныя молитвы, рассказы.—Школа и ея исторія, поговорки о грамотѣ.—Нравственное состояніе (положеніе женщины, отношеніе родителей къ дѣтямъ, проституція, преступность прежде и теперь), поговорки.—Беременность, обряды при рожденіи дѣтей и похвѣры.—Вечерицы.—Свадебные обряды: обрядъ сватовства, обрядъ „пидвисилка“, обрядъ свадьбы; свадебные расходы; пословицы.—Похоронные обряды, причитанья и поминки.

Село расположено по вершинѣ р. Камышной, съ обѣихъ сторонъ ея, и по ярамъ,—съ лѣвой, т. е. восточной стороны,—Лѣсковомъ, Долгомъ и Глиняномъ, а съ правой—по Парневомъ, Нехаевомъ и Липовомъ. На Нехаевомъ яру находится х. Нехаевъ, съ которымъ село въ послѣднее время соединилось своими постройками. Ближайшіе къ селу города: Старобѣльскъ—100 в., Богучаръ—70 в. и Павловскъ—120 в.

О происхожденіи вышеупомянутыхъ селеній народъ говоритъ, что х. Нехаевъ старѣе села Никольскаго и что первый его поселенецъ былъ выходецъ изъ Марковки и назывался „Нехай“, отъ котораго и хуторъ получилъ свое названіе. Названіе же села одни изъ жителей объясняютъ какимъ-то „Мыколою“, поселившимся здѣсь раньше другихъ, а другіе—именемъ храма, освященнаго въ честь святителя Николая въ 1782 г. Послѣднее объясненіе гораздо вѣроятнѣе, такъ какъ до построенія церкви селеніе называлось „хуторомъ Великоцкимъ“, по имени первыхъ поселенцевъ Великоцкихъ, съ фамиліей которыхъ и теперь много въ слободѣ. Выселившись отсюда, они же образовали теперешнюю сл. Великоцкую Стрѣльцовской волости.

Вообще, на основаніи мѣстныхъ преданій и нѣкоторыхъ записей, сохранившихся въ церкви, нужно заключить, что заселеніе здѣшняго края началось съ первой половины прошлаго вѣка. Первые поселенцы, состоявшіе изъ казаковъ (въ церковныхъ запискахъ сказано, что первые поселенцы были „черкасы“), бѣглыхъ людей и разныхъ бродягъ, занимались воровствомъ, грабежами и разбоями. Мѣстные старожилы рассказываютъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ было много вольной, первобытной, нетронутой степи, много лѣсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые теперь совершенно исчезли; была рѣка, заросшая камышами и никогда не пересыхавшая и множество озеръ, тоже поросшихъ камышами, осокою и другими водяными растеніями. Теперь все измѣнилось: степи распаханы, лѣса уменьшились, рѣка уничтожилась и самое русло ея занесено землей; озеръ и камышей не осталось, и только кое-гдѣ по бывшему теченію рѣки можно видѣть жалкіе остатки единичныхъ камышей.

Число жителей въ слоб. Никольской по провѣркѣ, сдѣланной 1 іюня 1891 г., равнялось 4,957 д. об. п., въ т. ч. 2,531 муж. и 2,426 жен., дворовъ 624. Въ х. Нехаевѣ было 755 жителей, — 382 м. и 373 ж., дворовъ 70. Всѣ коренные жители по происхожденію и по наружности принадлежатъ къ малороссійскому населенію. Ростъ они имѣютъ средній или даже выше средняго, худощавы, глаза по большей части сѣрые и карые, носъ правильный и умѣренный, волосы свѣтлорусые и темнорусые. Въ наружности замѣтнаго вліянія инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Всѣ мѣстные жители какъ слободы, такъ и хутора говорятъ на малорусскомъ языкѣ, хотя сравнительно съ другими мѣстами Старобѣльскаго уѣзда, довольно нечисто. Впрочемъ, особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ можно найти не мало. Часто народъ выговариваетъ слова съ такими звуками, для изображенія которыхъ въ русской азбукѣ не существуетъ и знаковъ. Вотъ, на примѣръ нѣсколько словъ, въ которыхъ „г“ выговаривается какъ латынское „g“, а „дз и дж“ выговаривается особенными собственными народу звуками „дзвинь“—колоколь, „дзвидь“—очень у колодца, которымъ тянуть воду, „дзыга“—дѣтская игрушка „гызда“—наростъ на тѣлѣ, „дзеркало“—зеркало, „гудзыкъ“—пуго-

вица; „гыла“—мѣра палкой при игрѣ въ скракли, „гулый“—однорогій (волъ), „герлыга“—палка пастуха („вивчаря“), „гуля“—наростъ на тѣлѣ, „гаджуеть“—бьетъ, „бджолы“—пчелы, „адже?“—такъ ли? „аджеба“—такъ, такъ, да—да. Много у крестьянъ и своихъ мѣстныхъ словъ и выраженій, на примѣръ: „нидбо“—неправда, „гожо“—хорошо, „чухно“, „мняло“—лѣнтяй, неподвижный, „жодный“—каждый, „мерщій“—скорбій, „катрага“—шатерь, балаганъ, „шутый“—безумный, „шуркатый“—когда роги сходятся вмѣсто одинъ къ другому, „кончатый“—когда одинъ рогъ зашелъ за другой (о волахъ), „контуйтесь, прозволяйтесь“—кушайте, ѣшьте, „не вживаю“—не употребляю, „перебаранчають“—перебиваетъ, мѣшаетъ, „порадыцьця“—посоветоваться, „пробують“—требуютъ, „виковуша“—старая дѣвушка, „байстриючка“—одиночка, женщина безъ мужа, „клымата завжде така“—климатъ всегда такой. Много въ народномъ языкѣ извращенныхъ литературныхъ словъ, на примѣръ: „вермень, вермешка“—армянинъ, „окиндать“—кандидатъ, „облокать“—адвокатъ, „заментъ“—экзаментъ, „шпекторъ“—инспекторъ, „левизоръ“—ревизоръ, „фитфебельщикъ“—фельдфебель, „пидвальщикъ“—подвальный, „ныкодемія“—академія, „гивназія“—гимназія, „притенденція“—претензія, „кулушубокъ“—полубубокъ, „застелка, застела“—подстилка, „канпузыты“—канфузитъ, „вчитель“—учитель и др. Привожу нѣсколько поговорокъ: „хрестъ хрестомъ та ше й зашморгомъ“ (такъ нѣкоторыя божатся), „мотаецця якъ воръ по ярмарку“, „набравсь малый, якъ май грушъ“ (говорятъ о пьяномъ или отягоченномъ ношею), „це було литомъ, — не зимою, якъ упали ящыкы зъ неба зъ водою“, „ны Кулына й голось ны ййи“, „такъ зумие и чередныкова Хымка“, „брехня колы не стрине, такъ дожене“, „казало лыхо що не буде добра“, „съ чужого возу хочъ середъ калу“ (грязи), „кому, а тоби змелетця“, „выртыця якъ швайка“.

Въ заключеніе нужно сказать, что старые люди гораздо лучше говорятъ по малороссійски и глаголы неопредѣленнаго наклоненія выговариваютъ на „ты“; молодое же поколѣніе утрачиваетъ чистоту малорусскаго языка и приближается по своему выговору нѣсколько къ языку литературному, всегда оканчивая вышеупомянутую форму глагола на „ть“ и проч.

Народъ читаетъ въ зимнее время разныя книги, какія только можно гдѣ-либо достать. На первомъ планѣ у него книги религіознаго содержанія: Евангеліе, дѣяніе св. апостоловъ, псалтирь, житіе св. Алексія, человека Божія, Николая Чудотворца, Варвары великомученицы и т. д. Затѣмъ крестьяне любятъ читать книги историческаго содержанія, въ которыхъ выражается геройство и твердость русскаго народа, напр.: о Владимірѣ Равноапостольномъ, Ярославѣ, Владимірѣ Мономахѣ, Александрѣ Невскомъ, Дмитріи Донскомъ, Мининѣ и Пожарскомъ, Петрѣ Великомъ, Суворовѣ, Кутузовѣ и мн. др. Съ большою охотою читаютъ они книги сельско-хозяйственнаго содержанія, но къ сожалѣнію таковыя книги рѣдко приходится имъ доставать. Самое же низшее и послѣднее мѣсто въ народѣ занимаютъ книги, въ которыхъ помѣщаются сказки, повѣсти, анекдоты и проч., называя ихъ „брехеньками“. Отрадно смотрѣть, когда зимою, проходя по улицѣ, увидишь какъ за столомъ сидитъ грамотный членъ семьи, по большей части ученикъ, и читаетъ любимую народомъ книгу; остальное же семейство усядется вокругъ него и со вниманіемъ слушаетъ.—Нѣкоторыя книги для своего чтенія народъ получаетъ изъ училища; но такъ какъ при нашихъ училищахъ библіотекъ не существуетъ, то онъ по большей части покупаетъ ихъ на ярмаркахъ и базарахъ и разныхъ книгоношъ и въ большинствѣ случаевъ переплачиваетъ за книгу противъ ея стоимости вдвое и даже втрое. При этомъ замѣчено, что крестьяне по своей неграмотности и неопытности покупаютъ иногда куда негодную или даже вредную для дѣтей книгу,—какуюнибудь повѣсть или романъ дешеваго изданія. Въ такихъ книгахъ, которыя мнѣ приходилось просматривать, не имѣется не только чего-нибудь интереснаго для народа, но даже нѣтъ смысла, кромѣ разной любовной галиматіи. Газетъ и журналовъ никто изъ народа не читаетъ и на чтеніе ихъ не изъявляетъ охоты.

Жилище крестьянъ состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ деревянной просторной хаты, расположенной своею длиною съ улицы во дворъ и имѣющей два или три окна на улицу, два во дворъ и одно или два на глухую стѣну, въ чужой дворъ. Въ прежнее время, когда здѣсь было много крупнаго лѣса,

хаты всегда строились дубовыя, теперь-же рѣдко строятся изъ дуба, больше изъ вербы, которой здѣсь не мало растетъ въ огородахъ, изъ глины и кое-гдѣ изъ саману. Крыши на всѣхъ хатахъ соломенные. Большинство хатъ по своему устройству раздѣляется на двѣ половины: первую половину, отъ улицы, занимаетъ главная большая комната съ четырьмя или пятью окнами, въ которой помѣщается все семейство, а другую половину занимаютъ: небольшая комната—кухня, съ однимъ или двумя окнами, и съ поломъ (кроватью), чуланъ („хыжка“), въ которомъ помѣщается нѣкоторая одежда, съѣстные продукты и проч. мелочь, и сѣни, нерѣдко загроможденные разнымъ домашнимъ скарбомъ: мѣшками, коробками, лопатами и т. п.

Въ главной комнатѣ „на покутти“ (въ переднемъ углу) и около него по обѣимъ стѣнамъ разставлены иконы, число которыхъ бываетъ различно, отъ 5 до 20 и болѣе; предъ ними виситъ 1 или 2 лампы. Въ другомъ, „причильковомъ“, углу, устроенъ досчатый „пиль“ (кровать), на которомъ спятъ; рядомъ съ нимъ въ третьемъ углу стоитъ большая печь, а въ четвертомъ—„мысникъ“, т. е. шкафикъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ, и дверь, ведущая въ сѣни. По двумъ стѣнамъ стоятъ лавки (скамейки) для сидѣнія, сходящіяся вмѣстѣ на покути, гдѣ передъ ними стоитъ единственный въ комнатѣ столъ. Изрѣдка попадаются на стѣнахъ дешевыя картины, но чаще тамъ ничего нѣтъ, кромѣ одной или двухъ „полицъ“ (полокъ) для складыванія хлѣба и проч. Въ большіе праздники около иконъ вѣшаютъ „рушныки“.

Передній уголъ въ хатѣ имѣетъ религіозное и почетное значеніе: въ немъ стоятъ иконы, виситъ лампадка, хранятся просфоры, артосъ, книги и проч.; здѣсь ставятъ пасху и кутью, сажаютъ дорогаго и почетнаго гостя, а во время свадьбы, „свитылку и стороживъ“ (мальчиковъ съ палками, обмотанными соломой и репьями)—отсюда, вѣроятно, и поговорка произошла: „на покути—колы не кутя, такъ дуракъ безъ пуття“.

Дворы у крестьянъ болѣе или менѣе окружены со всѣхъ сторонъ разными хозяйственными постройками: амбарами и хлѣвами для ссыпки хлѣба, хлѣвами для храненія дровъ, навоза, земледѣльческихъ орудій и т. п., конюшнями, птичниками, ко-

морями и повѣтками для рогатаго скота. У большинства хозевъ амбары для хлѣба („комори“) и токи устраиваются вдали отъ дворовыхъ построекъ—на выгонѣ, если можно, или на противоположномъ концѣ усадьбы, если обѣ стороны улицы застроены хатами. Старыхъ неперестроенныхъ хатъ нигдѣ не сохранилось, но говорятъ, что онѣ имѣли одну комнату, съ однимъ окномъ на улицу и однимъ или двумя во дворъ, а въ большихъ семействахъ—двѣ подобныхъ комнаты, раздѣленныхъ сѣнями, которыя имѣли двое сквозныхъ дверей, одну во дворъ, а другую на глухую стѣну. Потолки въ такихъ хатахъ дѣлались изъ досокъ и мылись. Труба въ старыхъ хатахъ дѣлалась изъ дерева (хвороста) и обмазывалась глиной, а закрывалась (затыкалась) изъ сѣней пучкомъ тряпокъ („заткаломъ“). Въ настоящее время такія трубы почти перевелись и замѣнились кирпичными, правильно устроенными. Хаты теперь начинаютъ строить на подобіе городскихъ домиковъ: длиною по направлению улицы, куда выходитъ отъ трехъ до пяти оконъ, устраивается коридорчикъ со стекломъ или крыльцо съ красивыми колонками и со „сходцами“ (лѣстницей). Крыша бываетъ красиво подмалевана, ставни и окна растворчатые. На подмалевкѣ, ставняхъ и оконныхъ заличкахъ часто дѣлается красивая рѣзба, которая иногда бываетъ и на дверяхъ. Во многихъ хатахъ подъ лавками (скамейками) и на стѣнкахъ, гдѣ полъ (кровать), высотой въ одинъ аршинъ бываетъ помазано желтою глиною, сверхъ которой проводятъ вершковую полосу (шнурокъ) красною глиной. На верхнемъ карнизѣ камина проводятъ красную полосу, подъ ней желтую, все же поле камина (въ нѣкоторыхъ хатахъ и всѣ стѣны) раскрашивается разноцвѣтными пятнами и зубчиками, для чего употребляютъ, кромѣ глины, синьку, сурикъ и фуксинъ. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ бываютъ полы въ хатахъ деревянные, а стѣны, сволоки и два или три сволочка около иконъ хорошо выглажены, вычищены и вымыты водой. Надписей на сволокахъ не бываетъ.

Съ печью въ народѣ связано множество повѣрій, примѣтъ и поговорокъ. Во время кладки печи стараются задобрить и угостить печниковъ. Иначе они могутъ такъ сложить печь, что

она никуда не будетъ годиться, или вмажутъ въ нее живого серебра (ртути), отчего во время топки будетъ сильно гудѣть.

Въ первый разъ топятъ въ новой печкѣ житною соломою, положивъ туда нѣсколько прутиковъ свяченой вербы. Въ печи во всякое время находится одно или нѣсколько полѣнъ дровъ и вода: „огонь пыть хоче“. Если въ печкѣ сбѣжитъ молоко, то это мѣсто посыпаютъ солью, „шобъ дѣйки у коровы не репалысь, (не трескались). Когда дѣвочка учится прясть, то первую свою работу она должна бросить въ печь, чтобы быть хорошею пряхою. Если человѣкъ или скотъ заблудится, или долго не возвращается домой, кричатъ въ трубу или коминъ, чтобы скорѣе возвратился.—Беременной женщинѣ не слѣдуетъ мазать печи: ребенокъ будетъ удушливый. Подъ припечкомъ, говорятъ, прячутъ клады. Если во время топки печи выскочить искра,—будетъ гость. „Жиноцька ричь коло прыпичка“. „Старій баби и на печи ухабы“. „На мини тилко пичъ та ступа не була“. „Дивчиною — повна вулиця, а жинкою — повна пичъ“. „Чоловика 20 годивъ гриеть кровь, 20—кожухъ, а дальше вже, якъ не пичъ, такъ никто не нагире“. „Якъ Богъ не годить, такъ и огонь не горить“. „Чужими руками тилко жаръ загрибать“. „Силь тоби въ зубы та пычына, та болячка мызъ очыма“ (говорятъ тому, кто завидуетъ).

На порогѣ грѣхъ садиться и становиться, а въ особенности „распынацьця“ (стать на порогъ и руками взяться за притолки). Черезъ порогъ не слѣдуетъ ничего подавать и соръ („смиття“) мести изъ хаты, а беременной женщинѣ лить воду: дитя будетъ страдать рвотами. Торговцы прибываютъ на порогѣ найденную подкову, чтобы больше привлечь покупателей. Въ окно не плюютъ, не выпускаютъ и не впускаютъ кошки, и не подаютъ милостыни. Вечеромъ и ночью не слѣдуетъ растворять оконъ, „ато ввійде нечисть“. По заходѣ солнца не слѣдуетъ смотрѣть въ окно: „диты не будуть спать“. Въ праздники и въ особенности въ поминальные дни, вынувши изъ печи хлѣбъ, разламываютъ одну паляницу на куски и кладутъ ихъ на окна и столъ, чтобы души умершихъ питались тѣмъ паромъ, который идетъ изъ горячаго хлѣба. Говорятъ, что одна женщина, засыпанная глиной, была въ глиницѣ цѣлый годъ,

морями и повѣтками для рогатаго скота. У большинства хозяевъ амбары для хлѣба („комори“) и токи устраиваются вдали отъ дворовыхъ построекъ—на выгонѣ, если можно, или на противоположномъ концѣ усадьбы, если обѣ стороны улицы застроены хатами. Старыхъ неперестроенныхъ хатъ нигдѣ не сохранилось, но говорятъ, что онѣ имѣли одну комнату, съ однимъ окномъ на улицу и однимъ или двумя во дворъ, а въ большихъ семействахъ—двѣ подобныхъ комнаты, раздѣленныхъ стѣнами, которыя имѣли двое сквозныхъ дверей, одну во дворъ, а другую на глухую стѣну. Потолки въ такихъ хатахъ дѣлались изъ досокъ и мылись. Труба въ старыхъ хатахъ дѣлалась изъ дерева (хвороста) и обмазывалась глиной, а закрывалась (затыкалась) изъ стѣн пучкомъ тряпокъ („заткаломъ“). Въ настоящее время такія трубы почти перевелись и замѣнились кирпичными, правильно устроенными. Хаты теперь начинаютъ строить на подобіе городскихъ домиковъ: длиною по направлению улицы, куда выходитъ отъ трехъ до пяти оконъ, устраивается корридорчикъ со стекломъ или крыльцо съ красивыми колонками и со „сходцами“ (лѣстницей). Крыша бываетъ красиво подмалевана, ставни и окна растворчатые. На подмазкѣ, ставняхъ и оконныхъ заличкахъ часто дѣлается красивая рѣзба, которая иногда бываетъ и на дверяхъ. Во многихъ хатахъ подъ лавками (скамейками) и на стѣнкахъ, гдѣ полъ (кровать), высотой въ одинъ аршинъ бываетъ помазано желтою глиною, сверхъ которой проводятъ вершковую полосу (шнурокъ) красною глиной. На верхнемъ карнизѣ камина проводятъ красную полосу, подъ ней желтую, все же поле камина (въ нѣкоторыхъ хатахъ и всѣ стѣны) раскрашивается разноцвѣтными пятнами и зубчиками, для чего употребляютъ, кромѣ глины, синьку, сурикъ и фуксинъ. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ бываютъ полы въ хатахъ деревянные, а стѣны, сволоки и два или три сволочка около иконъ хорошо выглажены, вычищены и вымыты водой. Надписей на сволокахъ не бываетъ.

Съ печью въ народѣ связано множество повѣрій, примѣтъ и поговорокъ. Во время кладки печи стараются задобрить и угостить печниковъ. Иначе они могутъ такъ сложить печь, что

она никуда не будетъ годиться, или вмажутъ въ нее живого серебра (ртути), отчего во время топки будетъ сильно гудѣть.

Въ первый разъ топятъ въ новой печкѣ житною соломою, положивъ туда нѣсколько прутиковъ свяченой вербы. Въ печи во всякое время находится одно или нѣсколько полѣнъ дровъ и вода: „огонь пыть хоче“. Если въ печкѣ сбѣжитъ молоко, то это мѣсто посыпаютъ солью, „шобъ дѣйки у коровы не репалысь,“ (не трескались). Когда дѣвочка учится прастъ, то первую свою работу она должна бросить въ печь, чтобы быть хорошею пряхою. Если человекъ или скотъ заблудится, или долго не возвращается домой, кричатъ въ трубу или коминъ, чтобы скорѣе возвратился.—Беременной женщинѣ не слѣдуетъ мазать печи: ребенокъ будетъ удушливый. Подъ припечкомъ, говорятъ, прячутъ клады. Если во время топки печи выскочить искра,—будетъ гость. „Жиноцька ричь коло прыпичка“. „Старій баби и на печи ухабы“. „На мини тилко пичъ та ступа не була“. „Дивчиною — повна вулиця, а жинкою — повна пичъ“. „Чоловика 20 годивъ гристи кровъ, 20—кожухъ, а дальше вже, якъ не пичъ, такъ никто не нагире“. „Якъ Богъ не годить, такъ и огонь не горить“. „Чужими руками тилко жаръ загрибать“. „Силь тобі въ зубы та пычына, та болячка мизъ очыма“ (говорятъ тому, кто завидуетъ).

На порогъ грѣхъ садиться и становиться, а въ особенности „распынацца“ (стать на порогъ и руками взяться за притолки). Черезъ порогъ не слѣдуетъ ничего подавать и соръ („смиття“) мести изъ хаты, а беременной женщинѣ лить воду: дитя будетъ страдать рвотами. Торговцы прибываютъ на порогъ найденную подкову, чтобы больше привлечь покупателей. Въ окно не плюютъ, не выпускаютъ и не впускаютъ кошки, и не подаютъ милостыни. Вечеромъ и ночью не слѣдуетъ растворять оконъ, „ато ввійде нечысть“. По заходѣ солнца не слѣдуетъ смотрѣть въ окно: „диты не будуть спать“. Въ праздники и въ особенности въ поминальные дни, вынувши изъ печи хлѣбъ, разламываютъ одну паляницу на куски и кладутъ ихъ на окна и столъ, чтобы души умершихъ питались тѣмъ паромъ, который идетъ изъ горячаго хлѣба. Говорятъ, что одна женщина, засыпанная глиной, была въ глиницѣ цѣлый годъ,

и, когда ее нечаянно откопали, рассказала, что она питалась все время этимъ паромъ съ хлѣба. Вообще на ночь слѣдуетъ крестить двери, печь и окна, чтобы злой духъ и „всяка лыха лычына“ не могла ночью проникнуть сквозь нихъ въ хату и причинить вредъ спящимъ людямъ.

Повѣрья, пословицы и поговорки. На столѣ „не годищца класты“ ключей: ссора будетъ. „Стиль—пристоль, а дижа—чаша. Своя хатка—ридна матка. Чужа хата—хуже ката. Своя хата—покрышка. Абы була хата крыта, та душа сыта. Въ чужій загороди скотыны не разведешъ. Якъ побалакаешъ, такъ якъ у скрыню положишъ. Отъ чужыхъ воротъ есть поворотъ. „Винъ въ сторони, а я въ борони“.

Для болѣе удобнаго описанія одежды нашихъ николевскихъ крестьянъ, раздѣляю ее на три разряда: бѣлье, верхнее платье и обувь.

Бѣлье. Мужчины носятъ бѣлыя льняныя сорочки, которыя у молодыхъ бываютъ съ вышитымъ стоячимъ воротникомъ, и „матирни (пеньковые) штаны“, приготовленные самими хозяйками изъ своего матеріала. Такая сорочка стоитъ отъ 50 до 70 коп., штаны—отъ 30 до 40 к., число первыхъ у каждаго бываетъ отъ 4 до 10, а вторыхъ—отъ 3 до 8. Молодые мужчины имѣютъ для праздниковъ одну или двѣ сорочки „крамныхъ“, сдѣланныхъ изъ кумача или ситцу, стоимостью отъ 80 к. до 1 р., и „крамни“ штаны темнаго цвѣта, которые стоятъ отъ 80 к. до 1 р. 50 к. Мальчики до 5—6 лѣтъ носятъ одну длинную сорочку, стоящую отъ 20 до 40 к., а старшіе—носятъ сорочку и штаны, стоящіе вмѣстѣ отъ 50 до 70 коп., если они сдѣланы изъ домашняго матеріала, и отъ 60 к. до 1 р., если изъ купленнаго. Бѣлье женщинъ состоитъ изъ длинной сорочки, верхняя часть которой („станокъ“) дѣлается изъ льняного полотна или „мыткалю“, а нижняя („пидтычка“)—изъ пеньковаго. Для большихъ праздниковъ, а также и къ смерти, готовятъ одну или двѣ сорочки „додильныхъ“, т. е. цѣльныхъ до самаго низа, сдѣланныхъ изъ тонкаго льняного полотна. Каждая сорочка бываетъ вышита красною, черною или синею „заполочью“ (нитками) на „вуставкахъ“ (вставки въ рукава, около плечъ) и „въ полихъ“ (въ подолѣ). Обыкновенныя женскія со-

рочки стоятъ отъ 80 к. до 1 р., а „додильни“ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Число сорочекъ у женщинъ бываетъ различно, смотря по достатку, отъ 5 до 15 и болѣе. Дѣвочкамъ до 8—9 лѣтъ дѣлаютъ цѣльныя сорочки, а старухамъ съ подшивками (пидтычками); стоимость ихъ отъ 40 до 60 коп.

Верхнее платье. Верхнее лѣтнее платье мужчинъ состоитъ изъ праздничнаго „капота“ (длинной одежды, чинарки), „куртыны“ (короткой поддѣвки), пиджака и „жулетки“ (жилета). Капотъ для взрослаго человѣка стоитъ отъ 4 до 10 р., куртына—отъ 3 р. до 3 р. 50 к., пиджакъ отъ 3 до 4 руб., а жилетъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Для осени и весны богатые дѣлаютъ на „бавини“ (ватѣ) капоты, стоящіе отъ 8 до 9 р., и „байковыя“ (бобриковыя) пальто съ отложнымъ воротникомъ (вродѣ свиты), стоящіе отъ 10 до 12 р., а бѣдные носятъ „юпки“, т. е. свитки изъ домашняго сукна, со сборками сзади, которыя стоятъ отъ 4 р. до 5 р. 50 к. Зимой мужчины носятъ полшубки, свиты и кожухи съ высокими „комирями“ (воротниками). Вся эта одежда готовится изъ шерсти и овчинъ своихъ овецъ. Полшубки бываютъ нагольные (бѣлые) и крытые сукномъ и другой матеріей; первый стоитъ отъ 7 р. до 8 р. 50 к., а второй—отъ 8 до 15 р.; свита съ высокимъ „комиремъ“ стоитъ отъ 5 до 7 р., а кожухъ съ такимъ же „комиремъ“—отъ 15 до 20 р. Послѣдній кожухъ бываетъ только въ зажиточныхъ семействахъ и то не въ каждомъ. Мальчики носятъ такой же формы платье, какъ и взрослые. Въ достаточныхъ семействахъ бываетъ вышеупомянутыхъ платьевъ по двое и болѣе. Всѣ мужчины, начиная отъ мальчика и до старика, лѣтомъ носятъ картузь, а зимою шапку и „капелюху“; картузь стоитъ отъ 30 к. до 1 р., шапка отъ 40 к. до 2 р. и болѣе, а „капелюха“ отъ 80 к. до 1 р. 50 к. Кромѣ того молодежь носитъ пояса и шарфы; первые стоятъ отъ 50 к. до 1½ р., а вторые—отъ 30 до 50 коп. Женскія лѣтнія платья: кофта „холодайка“, кофта на ватѣ, юбка съ „брыжами“ (со сборами сзади), „шарафанъ“, „дерга“ и „зависка“ (фартукъ). Кофты бываютъ набуковыя, которыя стоятъ отъ 2 до 3 р. и ситцевыя, съ подкладкою отъ 1 р. до 2., а теплыя, на ватѣ, смотря по матеріалу, отъ 2 р. до 3 р. 50 к.; „юпка“ со сборами стоитъ

отъ 1 р. до 1 р. 50 к., „шарафанъ“ ситцевый столько же, кашемировый—отъ 2 до 3 р.; „дерга“, которую носятъ только въ будни, стоитъ отъ 60 к. до 1 р., а „зависка“ отъ 40 до 60 к. „Юпки“ со сборами вышли изъ моды, и ихъ можно видѣть только на старухахъ. Теплыя женскія платья состоятъ изъ бѣлой суконной свиты съ „видлогою“ (небольшимъ воротникомъ), вродѣ халата, намбуковаго пальто на ватѣ такой же формы, какъ и бѣлая свита, смушковаго длиннаго и широкаго кожуха съ низенькимъ стоячимъ воротникомъ, покрытаго сукномъ или другою матеріею и домашняго нагольнаго кожуха для работы. Бѣлая свита стоитъ отъ 4 до 5 р., ватное намбуковое пальто—отъ 9 до 12 р., крытый сукномъ кожухъ, обложенный котикомъ,—отъ 18 до 25 р., будничный для работы—отъ 5 до 8 р., а такой же покрытый—отъ 10 до 15 р. Дѣвочки въ холодное время до 15 лѣтъ ходятъ въ недорогихъ кожухахъ, свиткахъ и пальто (отъ 3 до 5 р.), лѣтомъ носятъ такую же одежду, какъ и взрослые, только гораздо дешевле стоящую. Лѣтомъ въ будничные дни женщины покрываютъ голову ситцевыми платками, которые стоятъ отъ 15 до 25 к., а въ праздничные большинство изъ нихъ надѣваетъ шерстяные и шелковые, стоимостью отъ 1 до 3 р.; зимою же носятъ теплыя платки, стоящіе отъ 1 до 4 р. У каждой женщины бываютъ украшенія: крестики, „наместо“ и серги, а у дѣвушекъ и кольца. Крестики, кольца и серги бываютъ мѣдные и „стрибни“ (серебрянные), а „наместо“ по большей части дутое, цвѣтомъ бѣлое, золотистое и зеленое.

Обувь. Всѣ мужчины носятъ „чоботы“, сдѣланные по заказу мѣстными сапожниками, стоимостью, для взрослыхъ, отъ 2 до 4 р., а для мальчиковъ—отъ 1 до 2 р. Почти у каждого бываетъ двѣ пары сапогъ, новые для праздника, а старые для будня. Женская обувь состоитъ изъ сапогъ, которые бываютъ съ черными, красными или желтыми „холявами“ (голенищами) и съ каблуками, подбитыми стальными или мѣдными подковками, изъ полусапожекъ, ботинокъ и мелкихъ „черевики“ (башмаковъ). Сапоги женскіе тѣ и другіе стоятъ отъ 2 до 3 руб.; полусапожки—отъ 1 до 2 р., ботинки—отъ 3 до 4 р., а черевикі—отъ 80 к. до 1 р. Ботинки съ резинками и сапоги съ цвѣтными голенищами носятъ въ праздникъ франтихи,—бога-

тыя дѣвушки и солдатки; полусапожки и черные сапоги большинство носить въ праздники и будни, а черевикі—носятъ старухи. Изъ старинной одежды, кромѣ дерги, сохранился „капуръ“ (чепчикъ), носимый пожилыми женщинами и теперь подъ платками, и „очипокъ“, котораго почти никто не носитъ; плахты исчезли. Мужчины же прежде носили „черевики зъ волоками“ и широкіе „шаровары“, но теперь никто не носитъ. Почти всѣ вышеописанныя лѣтнія и зимнія платья и обувь, какъ мужскія, такъ и женскія, новыми надѣваются въ праздники, а старыми въ будни. Мужчины лѣтомъ во время домашней и полевой работы большею частью не носятъ верхняго платья, а ходятъ въ одной сорочкѣ и бѣлыхъ штанахъ. Небогатая молодежь („парубки и дивчата“) покупаетъ для себя наряды на деньги, которыя она сама заработала на Донщинѣ или въ своей мѣстности, работая у хозяина поденно и помѣсячно.

Никольскіе жители, одѣваются довольно порядочно и опрятно, на подобіе городскихъ мастеровыхъ и мѣщанъ. Здѣсь проявила свое вліяніе область Войска Донскаго, куда весною отправляется на заработки множество народа, принося оттуда разныя привычки и моды; этому же способствовала, вѣроятно, и близость желѣзной дороги (К. В. Р.), окружающей слободу почти съ трехъ сторонъ.

Примѣты, повѣрья, пословицы и поговорки. Когда золить (бучать) бѣлье, кладутъ въ жлукто на золу нѣсколько зеренъ пшеницы и немного соли, чтобы оно было бѣлое. Когда родится дитя, то въ тотъ день не слѣдуетъ ничего полотнянаго рвать, „а то дытына буде здорово рвать сорочки“. „Дергою и шарафаномъ не вкрывай дытыны: челядь (молодежь) не любытые“.—Дѣвочки, въ теченіе перваго года жизни, не надѣваютъ наместа, нападеніе будетъ отъ дѣтей. Въ понедѣльникъ не надѣваютъ бѣлой сорочки и штановъ: отъ этого приходится напраслину переносить. Настольникомъ „не годыщца“ вытирать рукъ: кожа около ногтей будетъ задирается, что можетъ пройти, когда нарѣжешь крестики на ногтяхъ. Кто въ первый разъ надѣнетъ новое платье, тому въ карманъ бросаютъ монету, „шобъ гроши водылысь“, и щипаютъ его, „шобъ довше одежды на носылась“. Чтобы никто не сглазилъ, нужно носить въ

платѣ иглу вверхъ жаломъ. Замужняя женщина не должна ходить безъ платка, въ особенности въ сѣни: „домовой за волосся потягне на горище“. Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу, которую можно предотвратить, завязавъ узелокъ въ платкѣ. „Шапку не годыщца класты на стиль и вертиты въ рукахъ: голова болитыме“, „дивчатамъ не годыщца шапку надиваты,—коса не ростыме, а хлопцямъ очипка и намыста: кобыла голову откусе“, „новый чобитъ не годыщца въ первый разъ надиваты безъ онучи и вустилки: холодный буде“, „праву ногу треба впередъ вбуваты, шобъ чоботы не кривылысь“.— „Къ Риздву хочъ сырову, та абы нову (сорочку), а къ Великодню хочъ стареньку, та абы биленьку. Своя сорочка ближче къ тилу. Сыроти тоди й недилля, якъ сорочка била. Якъ кожухъ та свята, такъ и душа сыта. Купуй хату крыту, а шубу шыту. По Савци свята сшыта. По Савци свытка, а по Кулыни колпакъ. Капотъ наробывъ хлопотъ. Казавъ панъ, дамъ жупанъ, ёго й слово тепле. На чужой ротокъ не накинешъ платокъ. Надивай штаны шаровары, шобъ дивчата шанувалы. Хто праздника пыта, той штаны латъ. Холодно одившысь у одно, а въ двое та въ худое, такъ усе равно. Тонко прясты,—довго ждаты“.

Пища мѣстныхъ крестьянъ, вообще говоря, самая простая и довольно незавидная по своему качеству. Впрочемъ, богатые и достаточные люди никогда не голодаютъ, имѣя возможность по своему состоянію разнообразить пищу; зато бѣдные голодаютъ и въ праздники, и въ будни, и въ скоромные, и въ постные дни. Они только тогда наѣдятся, когда работаютъ у богатого, некупного хозяина. Пищу крестьянъ составляютъ слѣдующія кушанья: борщъ, квасокъ, каша, „кулишъ“, „юмка“ (супъ), „галушки рванци и галушки крышени“ (лапша), „затирка“, „кваша“, „путря“, „кутя“, „озваръ“, „лемишка“ и „вареныки“; варятъ также горохъ, фасоль и чечевицу, кушая ихъ въ видѣ похлебки и въ пирогахъ; ѣдятъ вареный и печеный картофель и употребляютъ его въ пироги и вареники. Мною по возможности перечислены всѣ кушанья, какія готовятся крестьянами въ продолженіи года. Квасокъ, состоящій изъ кваса и мяса съ приправами, готовится рѣдко,—въ большіе праздники и на заго-

вѣны; узваръ, кутя, путря, кваша и лемишка употребляются въ пищу по большей части въ посты; галушки, „затирка“, кулишъ и супъ готовятся на завтракъ или на ужинъ, когда отъ обѣда мало остается кушанья. Борщъ же, каша и картофель служатъ ежедневной пищей крестьянина. Въ праздничные скоромные дни у богатыхъ бываетъ борщъ съ мясомъ, каша съ масломъ или молочная („молошни галушки“) и какое нибудь третье изъ вышеупомянутыхъ кушаній, въ будничные—борщъ и каша съ саломъ, а въ степи—одна каша (иногда варятъ и двѣ каши,—„круту и ридку“). Въ постные же дни готовятъ тѣ же самыя кушанья съ масломъ или безъ масла („оли“), прибавляя къ нимъ селедку, капусту, огурцы, арбузы и проч., а въ степи, если нѣтъ каши, ѣдятъ сухари съ водой и солью. У достаточныхъ крестьянъ хлѣбъ бываетъ или чисто пшеничный, или пшеничный съ примѣсью ячменя и жита, а у бѣдныхъ—житный или ячменный; борщъ же и каша у нихъ почти всегда готовится безъ сала и масла, а мясо они ѣдятъ весьма рѣдко, только въ большіе праздники. Пища крестьянская съ каждымъ годомъ ухудшается, что происходитъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ экономическихъ условій, происходящихъ отъ неурожаевъ и недородовъ хлѣба, а часто и огородныхъ овощей, и отъ уменьшенія скота и птицы. Никакого посторонняго вліянія относительно пищи не замѣчается.

Лавокъ въ слободѣ имѣется четыре: двѣ большихъ съ мануфактурнымъ товаромъ и всякою мелочью, употребляемою крестьянами, и двѣ малыхъ съ бакалейными и мелочными товарами. Торгуютъ довольно порядочно, въ особенности мануфактурнымъ товаромъ, который сбывается не только мѣстнымъ жителямъ, но и пріѣзжимъ изъ другихъ окрестныхъ селеній. Всякіе товары, потребные въ крестьянскомъ быту, имѣются въ мѣстныхъ лавкахъ; но къ сожалѣнію продаются въ большинствѣ случаевъ по весьма дорогимъ цѣнамъ, отбирающимъ у крестьянина послѣдніе остатки.

Почти всѣ дома освѣщаются керосиномъ, который наливается въ небольшія лампы со стекломъ („пузыремъ“); но нѣкоторые бѣдняки, не имѣющіе на керосинъ денегъ, освѣщаютъ свои хаты овечьимъ, говяжьимъ и свинымъ саломъ, наливаемымъ въ „ка-

ганци" (плошки). Керосиновое освѣщеніе стало появляться здѣсь около 20 лѣтъ тому назадъ, а прежде всѣ „свитылы каганцямы“, употребляя, кромѣ вышеупомянутыхъ матеріаловъ, ежеевое сало, для чего нѣкоторые хозяева ходили по лѣсамъ и ловили множество ёжей.

Повѣрья, примѣты, пословицы и поговорки. Нѣкоторые крестьяне вѣрятъ, что теперь дни стали короче, чѣмъ были встарину, въ доказательство чего они говорятъ: „Встарину людѣ снідали, подобидували, обидали, полуднували, пидвечиркували и вечерали, та все кашу круту и ридку съ саломъ або олією, а теперь тилко тры раза за день йидать: снідають, обидають и вечерають,—та й то одну ридку кашу безъ сала и оліи; або сухари зъ водою и силлю“.—„Въ понедилокъ и въ четвергъ не годытьця уваривать сиривцю (квасу), а то туда влизе яка-нёбудь гадына: жаба, мыша, тараканъ“. Одна женщина рассказывала: „Уварыла я въ четверъ сиривецъ и поставыла ёго въ сіняхъ, а сама лягла спать. Слухаю,—ажъ ноччу прыйшовъ четверъ, улизъ у сиривецъ и давай булькотить; и такъ пробулкотивъ цилисиньку ничъ. Вранци встала я, подивылась на сиривецъ,—колы винъ увесь осугою покрывся; такъ я взяла та й вылыла ёго геть“. Разбрасывать хлѣбъ и въ особенности топтать ногами—великій грѣхъ. „Кваша у того удаецця, у кого пятаы довги“. Когда насыпать соль,—нужно смѣяться, чтобы не было ссоры. „За хлѣбъ, та за силь, та за пшынышни мукыци булы помишныци“, такъ говорятъ о той хозяйкѣ, у которой работаютъ чужія. „Хлѣбъ та силь!—йймо та свій, а ты у порога постій“. „Не про те тоби говорятъ, шо помного йидать, а про те—де мыкрушки (куски) дивають“. Йдешъ на день, а харчей (пищи) беры на недилу. Кваша—маты наша. На чужый коровай очей не порывай, а соби дбай (пріобрѣтай). Хлѣбъ та вода—молодецька йида. Лучше у писокъ умоchyть кусокъ, та въ тыхомырствѣ зыйты. Не плачь—мате спече калачъ. Сербай, Мартыне, маты ще пидкине. Пирогы—обиду ворогы. Поганому жывоту и пирогы въ досади. Тымъ козакъ и гладокъ, шо найивсь-напывсь та й на-бокъ. Кто не заляже (послѣ пищи), тому Богъ сала не завьяже. Товкны у губу, та й кыдатымышъ якъ у грубу. Шо за быда, шо пецыця

вода,—я зыйвъ пивбыды, та й напывсь воды. Чай пыть—не дрова рубыть. Налупывсь (наѣлся),—ажъ свить помутывсь. Оглядилась якъ найилась. Умна жона, якъ бочка пшона, а щебъ була умниша, якъ бы—повниша.

Всѣ болѣзни, свойственныя слободѣ Никольской, можно подраздѣлить на четыре группы: 1) Болѣзни постоянныя, т. е. такія, которыя всегда бывають въ слободѣ, къ нимъ принадлежатъ: ревматизмы, катаральное состояніе желудка и сифидись; 2) болѣзни временныя, къ которымъ принадлежатъ: тифъ, дифтеритъ, скарлатина, корь, оспа и глазныя болѣзни; 3) весеннія болѣзни, между которыми чаще другихъ свирѣпствуютъ лихорадки, заушница (свинка, паратитъ), жаба, цынга и куриная слѣпота и 4) случайныя болѣзни, бывающія у дѣтей и взрослыхъ; ихъ весьма много и называются онѣ различно, чаще народными именами, какъ напрымѣръ: „переполохъ“, „нишныци“, „сплишныкы“, „сухоты“ и др.

Болѣзни постоянныя. Ревматизмы, называемые вообще „ломотою“, лѣчатъ ваннами и настоями, приготовленными изъ разныхъ травъ, которыхъ рвуть на Симона Зилота, и мазями изъ оподельдока.

Отъ болей желудка, называемыхъ „сояшныцями“ и „завійною“, существуетъ у народа множество средствъ, главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) Насыпають соли въ пупъ и на колѣно, съ котораго стараются слизать ее языкомъ; 2) берутъ сухой коровій навозъ, растирають его, разводятъ водою и эту жидкость проливають въ ту „дирку вѣя, куды закладаетця прытыка“, и даютъ пить больному; 3) заваривають „сояшныци“: зажигаютъ „клочча“ и кладутъ его въ „гличыкы“, который перевертываютъ вверхъ дномъ въ чашку съ водою, отчего происходитъ „кыко-танье“, въ продолженіи котораго лѣкарка ножомъ и веретенкомъ или ложкою проводятъ на днѣ кувшина крестообразные знаки. Этою водою мочатъ и напайвають больного. Кромѣ того, наговаривають воду, шепчуть отъ сибирки, „скыдають“ (ставять) на живить гличыкы (народныя банки), даютъ пить больному сильно пересоленный медъ. Если же у дитяти (мальчика) рѣжетъ въ желудкѣ, то собирають около мельницы клинчики и тридевять соломинокъ, кладутъ ихъ въ ванну, въ которой и купаютъ ребенка.

Сифились („нечыста бѣлисть, нечисть“) лѣчатъ слѣд. образомъ: 1) „Сажаютъ на зилля“, т. е. дѣлаютъ „гниздо“, изъ разныхъ травъ, настоянныхъ на водкѣ, которое и даютъ пить больному; 2) покупаютъ декохтъ, селитру, „яръ“ (мѣд. окись), синій камень и сулему,—все это кипятятъ и пьютъ, а также парятся травами 12 дней, въ продолженіи которыхъ ѣдятъ одинъ прѣсный, несоленый коржъ.

Временныя болѣзни. Тифъ лѣчатъ паренѣемъ, ваннами и шептанѣемъ отъ сибирки.

Горловыя болѣзни, къ которымъ принадлежитъ жаба, „заушница“ и дифтеритъ, называемый народомъ „давіемъ и дигтяріемъ“, лѣчатся безъ различія рода болѣзни, одними и тѣми же средствами: 1) даютъ „глотку“ большимъ и безымяннымъ пальцами правой руки тѣмъ изъ людей, кто задавилъ этими пальцами „зиньске щеня“ (крота); 2) даютъ глотку утромъ и вечеромъ три раза о край стола, о припечокъ и объ „воритныцю“, а также въ продолженіи трехъ зоръ поднимаютъ теменемъ „ключину“ въ хлѣвъ; 3) мажутъ глотку снаружи и внутри керосиномъ и раздавливаютъ въ ней пузыри (налеты при дифтеритѣ).

Скарлатины, кори, оспы и „гвиздкивъ“ (болѣзнь, при которой все тѣло покрывается острыми прыщиками) ничѣмъ не лѣчатъ, но стараются не застудить больного.

При глазныхъ болѣзняхъ умываются въ скотскомъ корытѣ, мочатъ глаза водкой и каплями воды, вытянутой на зарѣ изъ колодезя ключомъ безъ ведра, а также мажутъ глаза взбитымъ яичнымъ бѣлкомъ, смѣшаннымъ съ галуномъ (квасцами).

Весеннія болѣзни. Отъ куриной слѣпоты („курча слѣпота“) ѣдятъ печенку со всякаго животнаго, а въ особенности съ черной курицы, и парятся надъ ея горячимъ паромъ; смотрятъ въ „мазныцю“ и на солнце, когда оно восходитъ, стараясь не мигать глазами.

Отъ цынги лѣтомъ рвутъ траву „бабки“, засушиваютъ ее, завариваютъ, когда нужно, и пьютъ какъ чай и полощутъ во рту.

Отъ лихорадки („лыхоманка, поганка и пропасныця“) есть много способовъ лѣченія, а именно: 1) надѣваютъ на мизинецъ правой руки кожаную сѣтьку съ того яйца, изъ котораго вывелся цыпленокъ; 2) когда весною въ первый разъ услышатъ крикъ ку-

кушки, берутъ изъ подъ правой ноги немного земли, кладутъ за „пазуху“, потомъ завязываютъ ее въ платочекъ и привѣшиваютъ на шею больному, къ кресту; 3) отсчитываютъ 77 зеренъ пшена по числу существующихъ лихорадокъ, идутъ къ какой-нибудь водотокѣ (ручейку) и бросаютъ ихъ туда черезъ голову, говоря: „Вась симдѣять-симъ, нате вамъ по пшаныни всимъ“; 4) „зnezимкы“ (неожиданно) обливаютъ больного холодной водою, „шобъ винъ злякався“; 5) обмываютъ „гнить“ и эту воду даютъ пить натошакъ и передъ пищей (отъ „гнитухи“); 6) носятъ на шеѣ шкурку съ гадюки; 7) пугаютъ живою жабою; 8) вселятъ во время параксизма ходить до изнеможенія; 9) даютъ пить настой изъ полыни, спичекъ, горчицы съ водкой, ржавого желѣза съ старой подошвой и кусковъ дегтя, упавшихъ съ колесъ на дорогѣ; 10) подкуриваются собачьимъ каломъ; 11) пьютъ стружки изъ церковнаго колокола; 12) наговариваютъ воду для питья и смачиванія и шепчутъ народныя „молитвы“.

Случайныя болѣзни. При „переполохѣ“ (испугѣ): 1) надѣваютъ сорочку назадъ пазухою; 2) измѣряютъ высоту больного заполочью (ниткою), которою отмѣряютъ такую же высоту на дверной притолкѣ, гдѣ просверливаютъ дырку, куда затыкаютъ упомянутую заполочь, сръзанные на рукахъ и ногахъ ногти и волосы съ головы больного, на крестъ сръзанные,—все это забиваютъ „осыковымъ килкомъ“. Когда больное дитя переростетъ этотъ колышекъ, тогда пройдетъ испугъ. 3) Берутъ свяченой и непечатой воды, херувимскаго ладону, по тридѣять зеренъ чернушки и пшеницы „соборной“ (той, которая употребляется при соборованіи),—все это смѣшиваютъ и ставятъ на девять дней, послѣ чего эту смѣсь пьютъ и смачиваются ею. 4) Если испугъ произошелъ отъ собаки, то одни вѣрятъ, что онъ самъ собою пройдетъ—„собака выбрыше“, а другіе лѣчатъ шептаніемъ:

„Бигла сучка черезъ мистъ,	Шѣста голова.
Несла чотыри ноги, пятый	Нехай тоби Богъ помога!“
хвистъ,	

Отъ „нишныцъ“ (бессонницы): 1) Носятъ или водятъ „пидъ куры“, т. е. туда, гдѣ онѣ ночуютъ; причемъ не только маленькихъ водятъ, но и взрослыхъ и пожилыхъ. При этомъ трижды

говорятъ слѣдующія слова: „курѣци, курѣци! нате вамъ нишныци, а рабу (имя) дайте сонныци“, потомъ, выводятъ изъ хлѣва и, увидя гдѣ-нибудь огонь или дымъ, говорятъ трижды: „огныци, огныци! (или дымныци, дымныци!) нате вамъ нишныци“ и т. д. Затѣмъ входятъ опять въ хлѣвъ и еще трижды говорятъ, обращаясь къ курамъ, какъ и въ первый разъ. Если это средство не поможетъ, тогда берутъ старую „мазныцю“, вбрасываютъ въ нее что-нибудь зажженное, заставляютъ смотрѣть туда страдающаго безсонницей и говорятъ трижды: „мазныце, мазныце! возьми соби у раба (имя) нишныци, а ему дай сонныци“. 2) Мать ребенка или кто другой обходитъ три раза вокругъ хаты и каждый разъ говоритъ въ „предпичне викно“: „Помогай-би!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ кто-нибудь изъ хаты.—„Чы дома ваши нишныци?“—„Пишлы на вечерныци“.—„Нехай же малѣньки диты сплять!“

Отъ „сплишныка“ (болѣзнь при которой корчится дитя, деретъ назадъ голову и лежитъ больше на головѣ и ногахъ): 1) вынимаютъ изъ печи паляницу, раньше другихъ туда посаженную, сыроватой, поднимаютъ верхнюю корочку, берутъ оттуда горячее тѣсто, скатываютъ изъ него „трычи по девять“ комочковъ и катаютъ ими по спинѣ больного дитяти; 2) готовить въ ночвахъ купель для ребенка, разстилаютъ чистенькую пеленку, просѣваютъ на нее „попилу“ (золы) чрезъ сито, которое держатъ руками съ вывороченными въ стороны ладонями, заворачиваютъ эту золу въ пеленку, на которой и купаютъ больного дитя.

При „сухотахъ“ (сухость, чахлость ребенка: 1) какъ только увидятъ въ первый разъ молодой мѣсяцъ, обливаютъ больного ребенка водой на томъ же мѣстѣ и бросаютъ его рубашечку тутъ же; 2) идутъ въ лѣсъ, разщепляютъ деревцо, протягиваютъ больного туда и обратно три раза такъ, чтобы въ послѣдній разъ, протянувъ ребенка, оставить его сорочку въ деревѣ, въ которое вкладываютъ шапочку и поясокъ дитяти, сами же уходятъ оттуда, не оглядываясь и не здороваясь ни съ кѣмъ. 3) На мѣстѣ, гдѣ лежитъ „дрыветня“ (колодка, на которой рубятъ дрова), копаютъ ямку, въ которую кладутъ больного, поливаютъ его тепленькимъ кулишомъ, снимаютъ съ него платье, оставляютъ его тутъ, засыпаютъ землей и сверху опять кладутъ

дрыветню“. 4) „До схида сонця“ баба кладетъ или сажаетъ больное дитя въ печь, а на припечкѣ разводитъ огонекъ; затѣмъ мать больного или приглашенная вдовушка говоритъ съ бабой въ трубу: „Помогай-би тоби!“—„Здоровъ!“ отвѣчаетъ баба.—„Шо ты робышь?“—„Дытну гнытю“.—„А хто въ свити выдавъ, щобъ дытну гнытылы?“—„А хто въ свити выдавъ, щобъ дытну сухоты нападалы?“ Такъ онѣ говорятъ три раза, послѣ чего вынимаютъ изъ печи больного ребенка.

При „плисниви“ (болѣзнь языка): 1) натоцакъ крестообразно лижетъ языкомъ „коминь“ и волосами третъ языкъ, 2) дуютъ больному въ ротъ и шепчутъ: „Вацю, свини, до корыта, жабы до болота, а плиснивка зъ рота“, или: „дымъ угору, череда додому, а плиснивка додолу“. „Плиснивка буваєть отъ того, шо грибишокъ берутъ у ротъ“.

Отъ „урокивъ“ („зглазъ“) поятъ, умываютъ и смачиваютъ разными водами: свяченой, наговоренной, непечатой и полученной отъ обмыванія особенно чтимой иконы, а также шепчутъ молитвы.

При зубныхъ болѣзняхъ заговариваютъ зубы, читаютъ молитву Господню на молодыкѣ, парятся надъ кипяченымъ дурманомъ, кладутъ на больной зубъ ладонь, а также срываютъ „трыдевять“ стебельковъ молочая, варятъ ихъ въ горшкѣ три раза въ продолженіи трехъ дней; затѣмъ переливаютъ отваръ въ кувшинъ, парятся надъ нимъ и во рту полощатъ, стараясь при этомъ не пролить ни одной капли отвара. Когда напарять и выполощутъ ротъ, выливаютъ эту молочайную воду туда, гдѣ сходятся три плетня вмѣсто.

При болѣзняхъ груди и простудѣ: 1) идутъ натоцакъ въ хлѣвъ или повитку и даютъ грудью объ соху, 2) пьютъ, какъ чай, настой липоваго цвѣта, бузины и травы „буквици“.

Отъ поноса—рвутъ деревей, толкутъ его, настаиваютъ и пьютъ; ѣдятъ сухари и груши, а дѣтямъ перевязываютъ мизинецъ правой руки заполочью съ свадебнаго калача.

Отъ золотухи—шепчутъ и моютъ голову отваромъ ивы („выны“).

„Огныкъ“ (сыпь на лицѣ) засыпаютъ золою изъ пережженного помела, крешутъ кресаломъ противъ лица черезъ порогъ или

черезъ ручеекъ, гдѣ есть вода, и скатываютъ „тридевять комочковъ изъ клочка“, катаютъ ими по лицу и потомъ бросаютъ въ печь.

При ломотѣ спины (боль поясницы, „свихъ“), срываютъ мышку, даютъ „поперекъ“ (поясницу), страхиваютъ, пьютъ мѣдныя стружки изъ старыхъ монетъ и поднимаютъ телѣгу или плетень, когда весною слышатъ въ первый разъ громъ.

Порѣзы закладываютъ паутиной и цвѣточками „петроваго ба-тога“, а зимой смачиваютъ раны отваромъ изъ него.

Обжогъ мочатъ гущей и кислымъ молокомъ.

Отъ „бышихи“ (рожи) подкуриваютъ вощиной отъ мертвыхъ пчель, „свяченою лушпыною“ (скорлупою) изъ яйца и ладаномъ, а также шепчутъ, говоря: „Ставь дидъ Клымъ шептаты, стало лыхо всыхаты“.

Больныя ноги мажутъ керосиномъ.

Заговоры. Мѣстными знахарями, относительно лѣченія, заговариванія зубовъ и наговариванія воды для людей и скота, чаще бываютъ женщины, пользующіяся большимъ довѣріемъ народа. Свои знанія онѣ держатъ въ секретѣ, а лѣкарственныя „молитвы“—всякіе заговоры и слова, произносимыя во время лѣченія, называются у нихъ молитвами—шепчутъ про себя, начиная всегда словами „Господы помози“ и „дай, Боже, часть добрый“, и сопровождая затѣмъ крестными знаменіями и земными поклонами.

При заговариваніи зубовъ, берутъ слегка за щеки больного и говорятъ слѣдующую „молитву“: „Мисяце Адаме! бувъ ты на тимъ свити?—Бувъ.—Бачывъ мертвыхъ людей?—Бачывъ.—Шо въ ихъ зубы болять?—Не болять.—Такъ шобъ и въ раба (имя) не болилы, не щимилы, а якъ у камини стрымили—судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ. Цѣму слову аминь. Помози, святой Антоній“.

При заговариваніи крови („кровъ замовыть“,—остановить) людямъ и скоту: 1) Сначала читаютъ молитву Господню, а потомъ говорятъ слѣдующія слова: „Ишла Пречыста Маты черезъ мистъ, поставила трость; трость стала, а кровь перестала“; 2) Говорятъ трижды или девять разъ: „на гори на Осіянски, тамъ стояла скырта соломы. Кровъ червона! Стой кровь, не йды! Буде тобі, крове, те, шо тій души, шо въ нидиллю

рано йистъ та пье. Не соби замовляю, а рабу Божому“ (имя). 3) „Ишло дви сестри по Божій пути, несли два ножи,—цюкаюцья, рубаюцья и кровь не йде“. Эта молитва говорится много разъ безъ передышки.

Если кто перепугается или кого „пидвие витромъ або выхремъ“, того берутъ за голову руками и лѣчатъ, говоря: „Спасы, Господы, и помылуй одъ витру и выхрю, одъ огню и пужарю, одъ воды и потопу, одъ лыхого лыходия, одъ злого чоловіка, и одъ скорбі и болѣзни, и одъ великой напасти“. Эту молитву „одъ выхрю и витру“ читаютъ, кромѣ лѣченія, утромъ и вечеромъ, когда Богу молятся.

Народъ вѣритъ, что многіе люди страдаютъ болѣзнями головы и костей „одъ закрутокъ“, насылаемыхъ мстительными знахарками „по злоби“. Вотъ одинъ рассказъ нехаевской крестьянки, записанный мною со словъ ея, въ которомъ сообщается исторія болѣзни и ея лѣченіе. „Одна жинка женыла сына. Писля свайбы вона захворала: болыть та й болыть у неи поперекъ, якъ цуркую круте. Стала вона лодимъ хвалыцья. Люды посовитувалы позвать ворожку-знахурку. Позвалы. Та подывылась, сказала, шо це закруткы и велила распоротъ подушкы. Распоролы, подывылись, ажъ тамъ накручено: и обрѣвочки, и солома, и ганчыркы, и чого тамъ нема вмисти съ пирьемъ! Знахурка выбрала ци закрутки, забрала ихъ въ платокъ та й каже: „Та вжежъ и сукина дочь! Мабудъ годивъ на двѣ закрутыла. Прынесыть мини соломкы изъ свынѣчаго барлогá;—я оци закрутки съ тиею соломкою возьму додому и тамъ спалю ихъ, воно Богъ дастъ и полегша тобі“.

„Непочатá вода“ добывается при слѣдующихъ условіяхъ. Женищина знахарка надѣваетъ на себя все чистое, какъ въ праздникъ, и ночью, когда не слышно людского говора и шума, идетъ въ сопровожденіи кого-нибудь брать воду изъ трехъ колодезей. Предъ каждымъ колодцемъ кладетъ она три земные поклона и говоритъ: „Господы Иусе Хрысте, Сыне Божій, помылуй насъ, аминь. Здоровъ, земля Тытяно, а вода Оляно! Благословы мини, Господы, водыци набраты рабу Божому (имя,—а если воду берутъ для скота, то говорятъ: животній рыжый или черній скотыныни) для помочи,—тыхой й смѣрной—изъ гиръ,

изъ яривъ, изъ Дону, изъ моря. Создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ гришнихъ, обрадуй насъ праздничкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ. Пошли жъ Ты, Господы, рабу Божому (имя) чого винъ у Бога просе“. Если воду берутъ для скота, тогда послѣ словъ „изъ Дону, изъ моря“, говорятъ такъ: „Пошли жъ Ты, Господы, Божую росыцу ций животній скотыныни бля хозяена, хто ййи пое й корме. Просю я Тебе, Господы, пошли жъ Ты бля маленькихъ дитей и бля старыхъ людей, бля прибувающихъ и бля прыхожяющихъ, бля ныщы брати и бля всихъ православныхъ християнъ“. Набравши воды, говорятъ трижды: „слава Тоби, Господы, слава Тоби“; потомъ идутъ домой, не оглядываясь и не разговаривая ни съ кѣмъ, и всю дорогу читаютъ молитву Господню и другія молитвы и крестятъ воду. Прийдя домой, ставятъ воду на столъ, зажигаютъ восковую свѣчу, проводятъ ея крестообразно надъ кувшиномъ съ этою водой, и потомъ ставятъ свѣчу къ иконамъ. Начинаетъ знахарка класть поклоны и читать всякія молитвы, какія она знаетъ, а въ заключеніе читаетъ слѣдующую „молитву сглазъ“: „Божа Маты на престоли стояла, молитву читала, по всему свиту разсылала и всимъ православнымъ християнамъ для помощи посылала. Спасы, Господы, и помылуй отъ урокивъ нишнихъ и полунишнихъ, отъ вечирнихъ, денныхъ и полуденныхъ. Хрестомъ охрещаяся, хрестомъ ограждаюся, хрестомъ це горе проганяю. Оступися ты, горе, нерадивое, отъ чотырехъ головъ храменныхъ... Тутъ есть домъ Божій. Тебе, горе, закlynаты живымъ Богомъ, ниякои пакосты не сдѣлать рабу Божому (имя);—на ёму Духъ Святъ спочывае, Троица Святая просвищае. Во имя Отца и Сына, аминь. Царыця преблаженная, надежна Богородица, пріятелище скорбящій радости, помозы, яко немощна накормы, яко странна бида иса разлушы; яко живольше, нема мини помочи ни отъ кого, якъ одъ Бога, Матери Спасителя небеснаго. Яко Господы милосердный соккрыть и покрыть насъ гришнихъ. Господы, Боже милосердный! создай же Ты, Господы, милость Божу на насъ гришнихъ; возрадуй Ты насъ, Господы, праздничкомъ святымъ, краснымъ яечкомъ, годовымъ праздничкомъ; порадуй Ты, Господы, раба Божого или рабу Божу (имя) здоровьемъ, аминь“.

Прочитавши эту молитву, обмываютъ „наговоренною водою“ святую икону, послѣ чего вода становится годною къ употребленію людямъ и скоту отъ болѣзней. Такою водою поятъ, смачиваютъ и окропляютъ людей (и скотъ), страдающихъ „уроками, переполохомъ, супротивнымъ“ и другими болѣзнями. Если больной („спорченный“) скотъ дѣлается злымъ, реветъ и не допускаетъ къ себѣ лѣкарки съ водою, то она для укрощенія его нѣсколько разъ читаетъ: „Помьяны, Господы, царя Давыда и кротость его“.

Къ врачамъ народъ относится неособенно довѣрчиво и обращается къ нимъ только при опасныхъ болѣзняхъ и операціяхъ или когда, испробовавъ всѣ лѣченія мѣстныхъ знахарей и знахорокъ, ничто не помогаетъ.

Народная ветеринарія.—Почти отъ всякихъ болѣзней скотъ подкуриваютъ чѣмъ нибудь „свяченнымъ“ и окропляютъ святой водою, а также шепчутъ молитвы и наговариваютъ воду. Отъ чумы заливаютъ въ ротъ скоту бураковый квасъ съ солью и разныя слабительныя масла и проч. Отъ жабы накалываютъ языкъ иглой и затапываютъ солью.

„Перелогі“ лѣчатся молитвами и прикладываніемъ на крестъ дѣтской шапки между рогами, ногами и вокругъ всего тѣла, бьютъ по бокамъ животнаго пустымъ мѣшкомъ. Если быкъ истощаетъ и ничего не ѣстъ („нападае кровь“), то отрѣзываютъ ему наискось ухо, бьютъ по немъ палочкой и выпускаютъ кровь. Отъ вздутія живота мажутъ бока дегтемъ, гоняютъ скотъ, заливаютъ квасомъ съ солью и насыпаютъ соли въ уши. „Курдюкъ“ (ящуръ) засыпаютъ пережженными конскими костями и пережженнымъ ишеномъ. Когда скотъ болѣетъ „на ротъ и ноги“, тогда мажутъ таковыя дегтемъ и квасомъ съ галуномъ. Больныя копыта у рогатаго скота мажутъ свинымъ саломъ, распускаемымъ на горячей погосѣ желѣза, поставленной между больными копытами. „Скалѣ“ (трещина и загниваніе на нижней сторонѣ копыта) вырѣзывается ножомъ и „зашкваривается“ саломъ, послѣ чего больныя ноги подковываются. Опухоль у рогатаго скота давится зубами найденной конской челюсти, послѣ этого челюсть кладется на старое мѣсто такъ, какъ лежала прежде. Раны скота заливаютъ скипидаромъ, дегтемъ и купо-

роснымъ масломъ, а также затаптываютъ известью („вапною“), синимъ камнемъ и порошкомъ изъ перетертыхъ и просѣянныхъ травъ „ранникъ“, феліильнику и гирчакъ“. Запоръ лѣчатъ наговариваніемъ воды и молитвами, а также заливаютъ мыломъ и „оливою“, розпущенными въ водѣ. Поносъ лѣчатъ питьемъ изъ свареннаго дерева, а теляткамъ перевязываютъ хвостъ заполочью изъ свадебнаго калача и затагиваютъ въ ухо шелковую ниточку. Стертую у бычка шею („прыпоръ“) мажутъ ежевымъ саломъ. Отъ укуса гадюки лѣчатъ молитвами, травами и деревяннымъ масломъ, настоящимъ паукомъ (тарантуломъ). Бѣльмо у рогатаго скота и у лошадей задуваютъ сахаромъ и солью. Если лошадь падаетъ на землю, качается, бьется и водить головою въ разныя стороны („бьетъ шутъ или грець“), то ее напиваютъ бураковымъ квасомъ съ солью, а также шепчутъ молитвы. „Лопотуха“ (омертвленіе) лѣчится прикладываніемъ раскаленнаго желѣза къ пухлымъ мѣстамъ.

Свиней лѣчатъ отъ рвоты и тошноты питьемъ, свареннымъ изъ травы „свинячаго глыстняка“ и настоемъ изъ стараго ржаваго желѣза, которое бросаютъ въ помой.

Пословицы и поговорки о болѣзняхъ. — Хвороба не сморѣть, а зноровѣть. Хворать хворае, а хлибъ безъ памѣяти йистъ. Хвороба никого не красѣтъ. Личиннымъ конемъ недовго йиздытмышъ. Болятъ ручки и ножки и въ животи трощки. Хворому хохлѣ помажь губы саломъ, а козаку кислымъ молокомъ, такъ вони и одужаютъ. Чоловикъ жинку любе здорову, а братъ сестру богату. Зажыве якъ на собацѣ (порѣзы, уколы). Чуже лыхо за сахаръ. Чужу быду руками разведу, а свой ума не прыложу. Глухой не дочуе, та прыбычуе (прибавитъ).

Занятіе никольскихъ жителей главное и почти исключительное — *земледѣіе*, чему способствуетъ здѣсь весьма жирная, черноземная почва, на которой произрастаютъ всякія хлѣбныя растенія. Посѣва у каждаго крестьянина бываетъ различное количество, — отъ 3 или 5 до 50 десятинъ и болѣе, смотря по количеству рабочихъ рукъ и по достатку; въ среднемъ хозяйствѣ сѣется отъ 10 до 20 десятинъ разнаго хлѣба. Изъ хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто по количеству посѣва занимаетъ пшеница гарновка, идущая въ продажу и для пищи; ячмень,

жито, просо и овесъ сѣются каждымъ крестьяниномъ въ небольшомъ количествѣ для своихъ домашнихъ потребностей; остатки нерѣдко продаются. Озимой пшеницы и красной (гирки) здѣсь почти не сѣютъ, а гречихой, кукурузой, свекловицей, рапсомъ, рыжеемъ и посѣвными травами вовсе не занимаются. Изъ маслянистыхъ растеній понемного сѣютъ для себя и для продажи ленъ, коноплю и подсолнухъ. Что же касается гороха, фасоли, чечевицы, бакшъ и огородныхъ овощей, то онѣ сѣются и садятся исключительно для своихъ домашнихъ потребностей.

Пчеловодство въ прежнее время занимались многіе, но теперь оно, вслѣдствіе неблагоприятныхъ годовъ, упало; въ 1893 г. пасѣки опять нѣсколько возросли. Старинныхъ пасѣчниковъ въ слободѣ и хуторѣ насчитывается не болѣе 20 человекъ. Изъ нихъ два имѣютъ болѣе, чѣмъ по 100 колодокъ-дуплянокъ, три — отъ 50 до 100, семь — отъ 25 до 50, а остальные имѣютъ менѣе, чѣмъ по 25 семействъ. Пчеловодство у всѣхъ пасѣчниковъ самое простое, первобытное, безъ всякихъ измѣненій и усовершенствованій. Пчелиныя семейства помѣщаются въ дуплянкахъ, о рамочныхъ же ульяхъ пасѣчники и понятія не имѣютъ. Зимой пчелы сохраняются въ омшаникахъ (погребяхъ), построенныхъ на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ. Около Благовѣщенья ихъ вынимаютъ оттуда, ставятъ въ саду или огородѣ и закармливаютъ сытой, въ которую одни изъ пасѣчниковъ подмѣшиваютъ водку или вино, коричку и гвоздичку, а другіе „дарныкъ“ (артосъ), благовѣщенскую просфору и другіе освященные предметы. Въ апрѣлѣ или маѣ, когда отцвѣтутъ сады, вывозятъ пчелъ въ лѣса на лѣтній взятокъ, гдѣ онѣ и роятся. При уборкѣ роевъ употребляютъ святую воду, окропляя ею улей, въ который сажаютъ рой, и мѣсто, гдѣ его ставятъ. Тутъ же и перегоняютъ пчелъ, — т. е. выгоняютъ ихъ въ пустой улей, куда онѣ должны на зиму наносить себѣ корму, а съ прежняго улья выбирается весь медъ для продажи. По прекращеніи взятка привозятъ пчелъ домой и ставятъ на старыя мѣста. Въ первой половинѣ октября, въ хорошую погоду, пчелъ кладутъ въ зимнія помѣщенія. Нѣкоторые изъ пасѣчниковъ

считаются знахарями, могущими произвольно послать своих пчелъ на чужую пасѣку для ограбленія и т. п. Отноительно пчелъ говорятъ: „бджолы—Боже созданія, ихъ грихъ быть и душить“; „якъ бджолы прысняцьця, такъ къ умеруцому“; на бджолу грихъ казать „пропала або здохла“, а треба казать „умерла“, якъ чоловікъ; „захотивъ кануну зъ мертвыхъ бджилъ“.

Садоводствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать кое у кого маленькихъ домашнихъ садишковъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ плодовыхъ деревьевъ: яблонь, грушъ, вишенъ и сливъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только здѣшній волостной писарь (почетитель училища), который самъ развелъ прекрасный садъ со всякими плодовыми деревьями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ, существуетъ небольшая торговля скотомъ, птицей и яйцами, собираемыми приѣзжими и своими торговцами (часто крестьянами) по окрестности и отправляемыми для продажи въ Москву, Ростовъ и другія мѣста, а также мелкая торговля керосиномъ, дегтемъ, постнымъ масломъ, спичками, ремнемъ, сапогами и проч. Отхожіе же промыслы на Донъ и Кубань существуютъ ежегодно въ большомъ количествѣ: туда чаще отправляется молодежь послѣ весенняго Николая и нанимается въ большинствѣ случаевъ до Покрова.

Религіозное настроеніе народа наглядно выражается частымъ посѣщеніемъ храма Божія, который въ зимнее время по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ едва вмѣщаетъ молящихся. Молится народъ и дома, но старые неграмотные люди по своей простотѣ и невѣдѣнію сильно извращаютъ церковныя молитвы и выдумываютъ свои. Вѣру отцевъ своихъ народъ хранить крѣпко и ни въ какой расколъ не совращается. Здѣсь нѣтъ сектантовъ, кромѣ трехъ семействъ старовѣровъ-торговцевъ, переселившихся сюда изъ Стародуба (Черниговской губ.) и принадлежащихъ къ поповцамъ австрійскаго толка.

Особенно чтимыхъ или замѣчательныхъ своею древностію иконъ, церквей и монастырей не имѣется; старыя же книги прошлаго вѣка есть въ церкви, а именно: 1) Ирмосій, напечатанный въ Москвѣ 1767 г., 2) Требникъ, напечатанный

тамъ же въ 1771 г. и 3) Минея мѣсячная, служебная, напечатанная тоже въ Москвѣ въ 1781 г.

Крестьянская благотворительность выражается въ приѣмѣ къ себѣ сиротъ, въ подачѣ милостыни нищему, въ разной помощи во время нужды, несчастія и т. п.

Пословицы и поговорки: „Эй Богу и дѣлыби, хрестъ на лоби, хрестъ хрестомъ, та ще й зашморгомъ (божба). Завсегдѣ годыцьця Богу молицьця. На Бога полагайся—не погыбшый будешъ. Богъ не безъ милосты, —козакъ не безъ щастя. Богъ богатый, та й намъ дасть. Кто сѣрить питае, того Богъ не забуває. Якъ Богъ дасть, такъ и въ викно подасть. Винъ живый до Бога лизе. Сыдыть и Богъ баче. Шо Богъ то Богъ, та й самъ не будь плохъ. Не хвалысь богатствомъ,—не взявъ Бога за бороду. Богъ не Мыкытка,—зъ Нымъ не шуты. Богъ не теля,—Винъ баче видтиля. Зъ голого, якъ съ святаго. Святъ, святъ—горшки летать. У ёго ангельскій голосокъ, та чертова думка. Душа християньска, та совистъ цыганьска. До церкви близько та слызько, а до кабака далеко та легко. Який пипъ, таке й благословення“.

Молитвы.—Молитва утренняя и вечерняя: „На гори на Осіянски, тамъ стояло капарысне дерево; пидъ тымъ деревомъ прыстоль, пидъ тымъ прыстоломъ Божа Маты спаласпочивала. Прийшовъ до неї Кий и Самъ Сусъ Хрыстосъ. Маты жъ моя, Диво Маріе, чы Ты спышъ, чы такъ лежышъ?—Сыну мий и Боже жъ мий, я не спала, страсть во сні выдала, якъ жыды Суса Хрыста на муку брали, на деревѣ руци й нози роспыналы, гвѣздею руци й нози прыбывалы, терновый винець на главу накладалы, копьемъ ребра пробывалы, кровь испускалы. Ангелы зъ небесъ излиталы, елизно плакалы-рыдалы, золоти кубѣчки пидставлялы, восточної крѣви до земли не допускалы.—Не есть же це, Маты, сонъ,—есть же це ыстина правда“.—„Хто буде цю молитву рано й вечеръ чытаты, буде ёго Господь зоберегаты одъ огню и одъ воды, и одъ всякой быды, одъ наглої смерты. Намъ на вики викомъ, аминь“.

Молитва вечерняя: „Ходыла Божа Маты, Марія, по Божому городу, лягла на прыстоли, немного спочывала, во сні

выдала; прийшли три Кии и трое жыдовать, взяли Исуса Христа та пидь били руки, повели на дерево, стали распинали, руди й нози гвоздями прибивати; стали ангелы зъ небесъ злитаты; золотіи кубки пидь Хрыстову кровъ пидставлялы, Хрыстової крови до земли не допускалы.—Збережи, Боже, наши души до пивночи, изъ пивночи до свита, одъ свита Самъ, Исусъ Хрыстосъ, до вику. Аминь“.

Молитва на сонъ грядущій: „Хрыстомъ охрыщаюсь, хрыстомъ спаты лягаю, хрестъ пры мини, пры моему сні. Прычыста въ головахъ, ангелы по бокахъ. Сторожи Божи, сторожи добри! Стережить души до пивночи, а съ пивночи до свита, а одъ свита до нѣни, а одъ нѣни до вика викомъ, аминь“.

Привожу одинъ характерный рассказъ: „Якъ Богъ зъ св. Петромъ ходывъ по земли, такъ тоди Петръ побачывъ погану собаку и сказавъ: „Господы! онъ скажена собака“. На це Господь одвичавъ: „Ничего, св. Петре, сотвори воскресну молитву и вона насъ не зачепе“. Пишлы вони дальше. Побачывъ Петръ пьяного чоловіка и каже: „Господы! пьяный чоловікъ иде“. Господь сказавъ: „Эге, св. Петре, давай обыйдымъ: „пьяный чоловікъ хуже скаженої собаки“. Петръ удивився цымъ словамъ Господа. Упросылысь вони почувать въ одномъ доми. Хозяинъ цего дома бувъ пьяный и начавъ быти свою жинку. Св. Петро сказавъ: „Господы! який же дурный пьяный чоловікъ, шо такъ здорово бьецця. Шо якъ бы, Господы, жинка була старше, вона бъ такъ не былась“. Господь и каже Петру: „Та жинка булабъ дурниша отъ цего чоловіка. Ну, нехай на время буде старша жинка“. Петръ обрадовавсь и пишлы вони своею дорогою. Сталы вони у одномъ доми просыщца почувать, а хозяинъ и каже: „Та я бъ васъ, добри люды, пустывъ, та боюсь жинки: вона въ кабацѣ и якъ прійде, то шобъ не была мене й васъ“. Господь и Петръ упросылысь такы и лягли спать на полу (кровати): Богъ лигъ пидь стинку, а Петръ скраю. Ночьчу приходить изъ кабака жинка, стучыть, грючыть и крычыть: „Одчынай! та давай мени вечерять!“ Чоловікъ одчынавъ, засвѣтивъ свѣтло, а вона сила на лави и крычыть: „Давай мени вечерять! Сыпъ борщъ, клады кашу, подай воды, ходы сюды, стий тутъ!“ Замотався бидный чоло-

викъ и не знае, шо ему робыть. Схватывалась жинка, та въ высокъ его, та въ другой, та за волосься, та по хати, и ну волочыть; была, была,—вморылась и пустыла его. Дывытьця, ажъ на полу чужи люды; якъ закрычыть вона: „Хто въ тебе ото такый?“—„Та то, каже, чужи люды впросылысь почувать“.—„Кого жъ ты пытавъ?“—„Та я не дуже ихъ и пускавъ, та вони намоглысь“.—„А! такъ вони самопыхомъ увийшлы, такъ яжъ до ихъ доберусь!“—Якъ схвате вона св. Петра за волосься, та по хати;—была, была и пустыла его, а сама сила отдыхнуть. Св. Петро полизъ на пиль, попросывъ Бога лягты скраю, а самъ лигъ пидь стинку и лежить. Жинка отдыхнула и каже: „Цего вже была шо скраю, а ну ще того, шо пидь стинкою!“ Схватывала опять св. Петра и ну ему поволочки давать. Набылась и лягла спать. Вранци Господь и св. Петро встали и пишлы. Дорогою Петръ начавъ просыть Бога: „Господы! нехай чоловікъ впять буде старше, якъ раньше було, а жинка вже тоди старшою буде, якъ сорока побиліе“. Господь согласывсь исполнить Петрову прозьбу“.

Для обученія народа въ слободѣ имѣется два училища,—земское и церковно-приходское, открытое въ 1888 г., въ которыхъ ежегодно обучается дѣтей обоого пола отъ 130 до 180. Между стариками и пожилыми людьми весьма мало грамотныхъ, не смотря на то, что первое изъ упомянутыхъ училищъ существуетъ непрерывно съ 1861 года, да еще и раньше существовало училище 10 лѣтъ, съ 1843 г. по 1853 годъ. Въ первый періодъ существованія училища (1843—1853) народъ боялся, какъ нѣкоторые говорятъ, учить своихъ дѣтей, потому что тогда лучшихъ изъ учениковъ назначали писарями, а въ этой должности по большей части человекъ начиналъ пьянствовать, за что начальство строго наказывало. Въ началѣ же второго періода существованія школы, хотя и учились дѣти, но мало приобрѣтали знаній и скоро ихъ забывали. Здѣшній народъ „бывалый“, чему теперъ способствуетъ близость желѣз. дороги, а въ прежнее время этому способствовали чумацкія дороги, одна изъ которыхъ проходила чрезъ самое село Никольское изъ Воронежской губ. (Ольховатка, Константиновка) въ землю Донскаго Войска (Колодези, Мил-

лерово, Дьячкино) и называлось „Чумацкою дорогою“; другая лежала на сѣверной сторонѣ, въ 20 в. отъ слободы; она шла тоже изъ Воронеж. губ. чрезъ сл. Смаглѣвку и Донскую Область на Волгу, почему и называлась „Волжанскимъ шляхомъ“. Староб. у. эта дорога не захватила. Третья же дорога, лежавшая въ 15 в. на востокъ отъ слободы, носила названіе „Большой дороги“. Она, говорятъ, шла чрезъ Богучарь, около слоб. Ребриковой и Никольской межи на х. Бакаевъ, Манькову-Калитву и Каменскую станицу, гдѣ соединялась съ Чумацкой дорогой и направлялась на Ростовъ, Таганрогъ и другія мѣста. Благодаря близости упомянутыхъ дорогъ, большинство здѣшнихъ жителей занималось чумацествомъ и бывало не только въ Ростовѣ и Таганрогѣ, но даже и въ Москвѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей имѣли для этого по 10 и болѣе паръ воловъ и проводили всю свою жизнь въ поѣздкахъ.

Къ школѣ и учителю въ настоящее время крестьяне относятся довольно сочувственно и довѣрчиво. Это народное сочувствіе выразилось въ 1885 году постройкою красиваго и помѣстительнаго зданія для училища, стоимостью около 3000 р., безпрекословнымъ отведеніемъ земли подъ училищный садъ и огородъ, а также ежегоднымъ наймомъ сторожа, ремонтировкой училища, достаточнымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прочими училищными принадлежностями.

Чтобы сказанное о народномъ образованіи пополнить и подкрѣпить, привожу нѣкоторые выписки изъ архива Никольскаго волостнаго правленія и изъ училищныхъ бумагъ и журналовъ, которые вполне сохранились въ школѣ только съ 1879/80 учеб. года. Школа, въ исторіи своего существованія, можетъ быть подраздѣлена на три періода: 1) отъ основанія до закрытія (1843—1853 г.), 2) отъ вторичнаго открытія до передачи на земское содержаніе (1861—1868 г.) и 3) отъ начала земскаго содержанія и до настоящаго времени. Въ первый періодъ школа называлась „сельское приходское училище“, и содержалось на средства сельского общества; завѣдывали же ею Бѣловодскіе окружные начальники. Кто это училище открывалъ и какіе въ немъ были

наставники—не сохранилось свѣдѣній въ архивахъ. Мѣстный же священникъ такъ говоритъ объ этомъ: „Бѣловодскому Окружному начальнику, Солецкому, одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ былъ долженъ 200 р., которыхъ по бѣдности не могъ уплатить. Тогда Солецкій взялъ у него за долгъ домъ, перевезъ въ Никольское и сдѣлалъ изъ него училище. Первымъ наставникомъ въ училищѣ былъ протоіерей Арсеній Ѳедоровъ, а вторымъ не долгое время—семинаристъ Полтавцевъ“. На содержаніе училища, что видно изъ общественнаго приговора (1851 г.), отпускалось 140 руб. въ годъ; наставнику 85 р., сторожу 17 р. 50 к., на учебныя пособія 27 р. 50 к. и на отопленіе и освѣщеніе 10 руб. Сколько въ этомъ училищѣ было учащихся и какія были успѣхи—неизвѣстно, только извѣстно, что оно въ 1853 г. закрыто начальствомъ по причинѣ малаго количества учащихся.

Во второй періодъ училище, открытое по предписанію Палаты Госуд. Им., называлось „первоначальной школой“. На первое предписаніе Палаты (также и на предписаніе ея объ открытіи женскаго училища) общество отвѣтило, что у нихъ нѣтъ желающихъ учиться; на второе же предписаніе оно изъявило свое согласіе, результатомъ чего и было открытіе 14 декабря 1861 г. „первоначальной школы“. Въ этомъ періодѣ жалованья наставникамъ никто не платилъ и на содержаніе училища никакихъ ассигновокъ не было. Наставниками за это время были: діаконъ Поповъ (въ 1867 г. перешелъ въ г. Волчанскъ), свящ. о. Х. Ѳедоровъ (1861—1867 г.), діаконъ І. Чиркинъ (съ 1 янв. 1868 г. до 1870 г.), при которомъ земство назначило 130 р. на содержаніе училища: наставнику 100 р., на содержаніе училища 20 р. и на учебныя пособія 10 руб. Учениковъ въ этомъ періодѣ было: въ 1861½ уч. году—13 мал. и 1 д., въ 1862½—17 м., въ 1863¼—22 м., въ 1864½—19 м., въ 1865½—15 м. и 1 д., въ 1866½—15 м. Ревизію въ училищѣ въ это время производилъ штатный смотритель Староб. уѣзднаго училища.

Въ третій періодъ, во время котораго земство постепенно умучало матеріальныя средства учителей и училищъ, были учителями слѣдующія лица: 1) семинаристъ

Г. Х. Оедоровъ (1870—1872 г.), 2) діаконъ Н. А. Яблоновскій (1872—1877 г.), 3) К. Θ. Ермаковъ (1877—1879 г.), 4) С. Костиковъ (1879—1881 г.), 5) Г. И. Платонова (1881—1883 г.) и 6) Г. А. Калашниковъ съ 1883 г. по 1885 г., а съ 28 окт. 1885 г. съ помощницей учителя, А. М. Калашниковой. Въ этотъ періодъ времени учащихся по годамъ было: въ 186⁸/₉ учеб. году—19 м., въ 186⁹/₇₀—28 м., съ 187⁰/₇₁ до 187⁸/₇₉ учебн. года бывало отъ 25 до 40 душъ, въ 187⁹/₈₀—было 37 м. и 10 д., въ 188⁰/₈₁—32 м. и 11 д., въ 188¹/₂—34 м. и 3 д., въ 188²/₃—47 м. и 7 д., въ 188³/₄—49 м. и 10 д., въ 188⁴/₅—64 м. и 8 д., въ 188⁵/₆—90 м. и 13 д., въ 188⁶/₇—123 м. и 17 д., въ 188⁷/₈—117 м. и 17 д., въ 188⁸/₉—131 м. и 13 д., въ 188⁹/₉₀—111 м. и 9 д., въ 189⁰/₉₁—80 м. и 6 д., въ 189¹/₂—108 м. и 15 д., въ 189²/₃—106 м. и 13 д.

Неизвѣстно еще, оканчивалъ ли кто-нибудь курсъ ученія въ Никольскомъ училищѣ до 1880 года; начиная же съ этого года, получено свидѣтельствъ на льготу по 4-му разряду—72, свидѣтельствъ объ окончаніи курса—9 и похвальныхъ листовъ—24.

Пословицы и поговорки. „Викъ жывы, викъ учысь, а дуракомъ умрешъ. Чому навчѣшся, того съ собою не носыть. Много чытать—зачытаешся (т. е., помѣшаешся). Богато будешъ знать,—скоро состарѣшся. Шо напысано перомъ, того не вырубаешъ тупоромъ. Ученого учыть—тылько портыть. Незнайка лежыть, а знайка бижыть. Знаеть винъ, якъ йидать, та ёму не дають. Въ умѣлого руки не болять. Умъ хорошо, а два лучше. У ёго ума палата. По одежи встрѣчаютъ,—по уму провожаютъ. Кто богатый, той и умный. Братъ мый, а розумъ у ёго свий. Нужда учыть розуму. Мужыкъ мужыкомъ (говорять „дуракъ дуракомъ“) во вики викомъ. Малъ золотныкъ та дорогъ, а велыка фыгура (фыдура) та дура. Высокій до неба, а дурный якъ треба. Дурный якъ пробка. Молодчына! Дать ёму два чына—дуракъ и дурачына. Пошлы дурного, а за нымъ другого. У богатого мужыка не визнаешъ сына дурака.“

Въ нравственномъ отношеніи здѣшнихъ жителей можно подраздѣлить на двѣ категоріи, рѣзко отличающихся одна отъ другой. Къ первой принадлежатъ хозяйственные люди, почти

всегда живущіе дома и не странствующие по чужимъ сторонамъ. Они отличаются хорошою нравственностью и набожностью. Ко второй категоріи относятся тѣ изъ людей, которые почти ежегодно шатаются по бѣлу свѣту, нанимаясь въ работники на Дону и на Кубани, гдѣ нерѣдко и обкрадываютъ своихъ хозяевъ, что видно изъ архивныхъ дѣлъ Никольскаго правленія. Въ большинствѣ случаевъ эти люди бываютъ нравственно испорчены и развращены: не уважають родителей, бросаютъ своихъ супруговъ, бродяжничаютъ и т. п.

Положеніе женщины въ семьѣ вполне зависимое отъ мужчины. Безъ согласія мужа, нерѣдко деспотичнаго и грубаго, она ничѣмъ не можетъ распорядиться въ домѣ, даже не можетъ продать на свои надобности десятка яицъ или курицу. Въ обществѣ тѣмъ болѣе женщина не имѣетъ никакой силы и ни малѣйшаго значенія. О женщинѣ говорятъ даже, „что жинка не чоловікъ, а баба и бабскій у неї разумъ“. Пожилая женщина имѣетъ только силу и власть надъ меньшими членами семейства: дѣтьми, невѣстками и внуками. Но въ этомъ случаѣ мать часто начинаетъ злоупотреблять своею властью и поэтому служить первой причиною семейнаго раздора.

Дѣтей своихъ родители любятъ и стараются научить ихъ чему нибудь хорошему и полезному; но опять таки по своему невѣдѣнію и грубости нравовъ часто развращаютъ ихъ, говоря въ присутствіи ихъ нескромныя слова и дѣлая непотребныя дѣла. Кромѣ того нѣкоторые родители весьма грубо и безсердечно обращаются съ дѣтьми: бьютъ и наказываютъ ихъ за всякіе пустяки. Послѣ этого неудивительно, что подобныя дѣти, сдѣлавшись взрослыми, начинаютъ сами точно также поступать, оскорбляють своихъ родителей и доводятъ ихъ до слезъ, за что послѣдніе проклинають дѣтей и всячески осуждаютъ.

Къ работникамъ хозяева относятся вполне по семейному, требуя отъ нихъ только послушанія, старательности и умѣлости въ дѣлахъ. Хозяинъ и работникъ всегда за однимъ столомъ обѣдаютъ и вмѣстѣ работаютъ. Всякое упущеніе со стороны работника наказывается однимъ выговоромъ хозяина

или, въ крайнемъ случаѣ, вычетомъ изъ жалованья; крупныхъ же карательныхъ мѣръ хозяева не употребляютъ: тогда никто изъ работниковъ не будетъ у нихъ жить.

Кабаки, т. е. винныя лавки, въ слободѣ и хуторѣ уже два года закрыты по общественному приговору; но, не смотря на это, водка и вино все время продаются тайнымъ образомъ, что и было причиной уничтоженія общественнаго приговора по этому это дѣлу. Впрочемъ, за послѣднее десятилѣтіе на слободу и хуторъ не бывало болѣе 4 или 5 кабаковъ, производившихъ самую умѣренную торговлю, изъ чего и можно заключить, что между здѣшними жителями сравнительно большого пьянства не бываетъ.

Проституціи, въ смыслѣ обращенія разврата въ ремесло, въ нашемъ краѣ не имѣется, а секретная проституція частенько встрѣчается. Этими позорными дѣлами между мужчинами занимаются парубки, вдовцы и нерѣдко женатые развратники, по большей части „дончаки“; между женскимъ поломъ—солдатки, дѣвки, вдовы и иногда замужнія. Молодежь („челядь“) болѣе всего развращается изъ стари заведеннымъ обычаемъ ходить ночью на „вулицю и вечерницы“, гдѣ „парубки и дивчата“ держатъ себя вполне свободно и безконтрольно, позволяя между собою не только шутить, говорить и ругаться непристойно, но и ночевать вмѣстѣ. Женатыхъ мужчинъ помогаетъ развращать старинный обычай ходить вечерами куда-нибудь „на посидѣньки“ (посидѣть и поговорить отъ нечего дѣлать), а иногда и прямо на вечерницы къ женщинамъ плохого поведенія, что нѣкоторыми и родителями не воспрещается; но къ счастью послѣдній обычай теперь выводится. Не смотря на такія вольности и происходившія по причинѣ ихъ развратъ, незаконнорожденныхъ дѣтей бываетъ совсѣмъ не много: среднимъ числомъ такихъ рожденій отъ дѣвицъ и солдатокъ ежегодно по одному. Такое малое количество незаконныхъ рожденій объясняется мѣстными жителями тѣмъ, что многія развратныя женщины пьютъ порошокъ и сулему, чтобы не забеременѣть.

Сказавъ о теперешнемъ состояніи нравственности, нельзя не прибавить, что въ прежнее время между здѣшними степ-

няками она стояла еще гораздо ниже, и что тогда совершались такія преступленія, о которыхъ въ настоящее время никто и не говоритъ, что подтверждается разсказами старожиловъ и справками изъ штрафныхъ книгъ и дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ Никольскаго волостнаго правленія, гдѣ ежегодно встрѣчаются дѣла о прелюбодѣянн, изнасилованн, распутствѣ, бродяжничествѣ, кражахъ и т. п. Въ подтвержденіе сказаннаго привожу нѣсколько выписокъ изъ упомянутого архива по разнымъ родамъ преступленія. 1823 года никольскій крест. А. Великоцкій по указу Воронежской Палаты былъ наказанъ 20 ударами розогъ за кражу 7 лошадей. 1836 г. дѣвка слоб. Никольской Ульяна за рожденіе ребенка и брошеніе его въ воду была наказана 15 ударами плетей. За 1837 г. привожу цѣликомъ всѣ 7 наказаній: 1) 9 февраля Нехаев. кр. Е. Косенко и В. Пшеняникъ были наказаны за воровство лошадей плетями по 30 ударовъ; 2) 14 марта Ник. кр. А. Ландаръ за подачу прошенія Мин. Финансовъ наказанъ 30 ударовъ палокъ; 3) 27 марта Ник. кр. Е. Косенко и Ник. кр. Кучеръ наказаны: 1-й за кражу овчиннаго полушубка 20 уд. батоужья, а 2-й за воровство 2 фун. мыла 15 уд. розогъ; 4) 27 марта Ник. кр. Кучеренко и Юлесниковъ за самовольную отлучку безъ письменныхъ видовъ наказаны по 25 ударовъ; 5) 28 апрѣля Ник. солдатка Е. Мартыненкова наказана за прелюбодѣянн 20 уд. плетей; 6) 18 мая Ник. кр. С. Дегтяревъ за подачу прошенія Мин. Финансовъ и ложное названіе себя выборнымъ наказанъ 25 уд. плетей и 7) тогда же семь Ник. кр. за такое же дѣло посажены въ тюрьму на 10 дней. Въ 1845 г. 1) Ник. кр. М. Масликъ за покушеніе на растлѣніе 4-лѣтней дѣвочки оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а за разнообразныя показанія наказанъ 20 уд. розогъ и отданъ подъ строгій надзоръ полиціи; 2) крест. Прищепенко за „побѣгъ изъ жительства“ и приобрѣтеніе фальшиваго билета наказанъ 55 уд. розогъ и арест. ротами на 1½ года. за 1849 г. есть дѣло о воровствѣ Ник. кр. у казака—хозяина 180 р. денегъ и другихъ вещей. Въ 1852 г. Ник. кр. С. Лимаръ за 10-лѣтнее пьянство, буйство, безчинство, непристойное ругательство и нехозяйство наказанъ 60 уд. розогъ.

и записанъ въ штрафную книгу. За 1853 г. есть дѣло объ изнасилованіи 17-лѣтней дѣвки, окончившееся миромъ. Въ 1854 г. дѣвка Ткачева, 17 лѣтъ, за 2 лѣтнее безпаспортное бродяжничество, во время котораго она оказалась беременною, посажена на 3 дня подъ арестъ. Въ 1855 г. Нех. кр. Родченкова оштрафована на 100 р. за передержку бродяги Синицына. Въ 1856 г. два лѣсника за продажу казеннаго лѣса осуждены къ ссылке въ Сибирь. Въ 1856 г., при лѣсничемъ Аврамовѣ, было самовольныхъ порубокъ дерева въ казенныхъ и казенно-крестьянскихъ лѣсахъ Бѣловодскаго лѣсничества на 5,449 р. 15¹/₄ коп. До 60 годовъ преступленія, подобныя приведеннымъ здѣсь, встрѣчаются ежегодно.

Пословицы и поговорки. „Шо городъ то й норовъ, шо голова то й разумъ. Шукай соби добра, а другому не жалай зла. Не копай пидъ людей ямы, бо самъ попадешъ. Смилий въ турми, здоровый въ земли, а хто жыветъ просто, той проживетъ годивъ сто. Жаль тебе, та не такъ якъ себе. Ходимъ на нызъ, шобъ нхто головы не грызъ. Сама себе раба бѣе, шо нечисто жне. Спыть сова та й курь баче. Казало лихо, шо не буде добра. Своя воля доведе до горя. Винъ мянго стеле, та твирдо спать. Скажешъ гоць, якъ выскочышъ. По правди говоры, по правди й очи вылизуть. Брехать не ципомъ махать. Языкъ безъ костей, шо хоче те й лопоче. Хто бреше, тому легше, а хто виры нейме, того въ десятеро зогне. У ёго на недилі симъ пятныць. Йижь пиригъ съ крупами, та держи языкъ за зубамы. Хлибъ-силъ йижь, а правду рижь. Якъ нема, такъ купывъ бы, а якъ е, такъ убывъ бы. Любыть якъ душу, а трясетъ якъ грушу. Хвалько поке нахвалыцьця, а батько набѣецьця. Це не драка, а смертоубыство. Два бѣецьця,—третій не мишайсь. Въ дракъ волосся не жалиють. Бьють, та й плакать не даютъ. За наше жыто, та насъ и быто. Воны такъ живутъ, якъ собака съ кишкою. У бабы волосъ довгий, та умъ короткий. У дорози и батько за товариша. Гуртомъ можно й батька быть. Не вжалиешъ батька въ наймахъ, колы найнявсь такъ ныхай служе. Нанявсь—якъ продавсь. У кого ненька ридненька, у того й головка гладенька. Здумала баба диверя, шо

добрый бувъ, та й давай плакать. Всякъ баче, якъ сырота скаче, а нхто не баче, якъ сырота плаче. Пянство до добра не доведе. Пыть до дна,—не выдать добра. Пьяный, якъ сапожникъ. У ёго золоти руки, та дыравый ротъ. Водку пий та ума не пропый. Водочку пий, а въ новій шуби бабака (опушки) не обый. Пьяный свички не поставе, а все звале. Пьяный проспыцьця, а дуракъ никогда. Не хвалы въ три дни, а похвалы въ три годы (о невѣсткѣ). Гуляй, дивко, та дильце помлы. Пий, дивко, винцо, та помлы дильцо“.

Обряды при рожденіи дѣтей. Солдатки и дѣвушки, въ предупрежденіе беременности, боясь позора, пьютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ порохъ и сулему, а также пьютъ эти вещества, когда замѣтятъ свою беременность, за что платятся иногда не только плодомъ своей любви и здоровьемъ, но и жизнью своей. Беременная женщина не должна бить собаки и кошки ногою: отъ этого родившійся ребенокъ будетъ болѣть „сплишныкомъ“. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ переступать черезъ коромысло и топтать ногами помело: трудные будутъ роды. Рассказываютъ, что одна неопытная женщина всегда затаптывала помело ногами. Ей говорили знающія бабы: „ты бѣ, молодыце, не топтала его ногамы: негодыцьця, грихъ!“ На такія слова она всегда отвѣчала: „Таке! хто замича, той и одвича“. Наконецъ, настало время родить ей, но роды ея были такіе трудные, что не смотря на всѣ средства помощи, никто не могъ освободить ее отъ мученій. Тогда баба сказала ей: „мабудъ ты, дочко, топтала помело!“ И когда получила утвердительный отвѣтъ, велѣла ей кланяться помелу и Богу. Родильница исполнила приказаніе и потомъ разрѣшилась отъ бремени. Если беременная женщина лицомъ худая и блѣдная, то у нея родится сынъ, а если полная и красная,—будетъ дочь. Нѣкоторыя женщины передъ родами говѣють и, почувствовавъ симптомы родовъ, прощаются со всѣмъ семействомъ и родными. При началѣ родовъ, родильница снимаетъ съ себя кольца и серги, развязываетъ поясъ и всякія ленты, растегиваетъ все, что на ней застегнуто, а также отпираетъ всѣ замки и растворяетъ сундуки, двери, шкафы и все, что

въ домѣ затворено, — все это дѣлается ею (или мужемъ и бабою, если она не въ состояніи) „шобъ роды лёгчи булы“. Если же роды бываютъ трудные, тогда для ускоренія ихъ заставляютъ родильницу кланяться „батькови и матери“; обводятъ ее три раза вокругъ стола, причемъ она должна переступить черезъ пустой мѣшокъ, положенный на „доливку“, зажигаютъ вѣнчальные свѣчи и молятся Богу, а также идутъ къ священнику, прося его отворить Царскія двери и помолиться за освобожденіе отъ мученій.

При родахъ крестьяне не приглашаютъ медиковъ и акушеровъ, а всю помощь „породили“ (родильницѣ) возлагаютъ на бабу „пупоризку“, которая служитъ акушеркой и прислугой при родахъ. Какъ только родится ребенокъ, даютъ „породили“ для подкрѣпленія рюмку водки. Если родится мальчикъ, то ему баба отрѣзаетъ „пупъ до сокиры, шобъ майстеръ бувъ“, а если дѣвочка, — „до гребинки, шобъ пряха була“. Дѣтское мѣсто обмываютъ, посыпаютъ житомъ и закапываютъ въ землю тамъ, гдѣ родился ребенокъ, причемъ кладется оно пуповиной вверхъ, „шобъ ще диты булы“, а если баба закопаетъ его пуповиной внизъ, то у родившей не будетъ уже больше дѣтей. — Въ тотъ домъ, гдѣ произошли родины, не пускаютъ дѣтей, говоря имъ: „не ходить туды, ато баба зниме поясъ и шарафанъ, абы порве поясъ и очкуръ“. Если младенецъ, родившись, умираетъ, баба нарекаетъ ему имя и хоронитъ его, или въ хатѣ подъ столомъ, гдѣ онъ „охрещаецця“, когда батюшка молитву даетъ, или на „поду“ (мѣсто стога), гдѣ онъ „охрещаецця“, когда первые снопы кладутъ „навхрестъ“. Если же роды и ребенокъ благополучны, тогда отецъ новорожденного приглашаетъ воспріемниковъ съ собою въ домъ, гдѣ баба отдаетъ новорожденного куму и говоритъ: „нате вамъ новорожденне, а намъ принесть моли́твенне и хрещене“. Воспріемникъ беретъ у нея дитя и передаетъ кумѣ, а самъ получаетъ отъ хозяина два хлѣба, или, по бѣдности, одинъ, и идутъ къ священнику. По возвращеніи отъ священника, воспріемникъ беретъ у кумы дитя и передаетъ его бабѣ со словами: „Бралы у васъ новорожденного, а вамъ прынесли моли́твеннаго и хрещенаго“ (говорится имя). Баба беретъ у кума

младенца и кладетъ его на приготовленное для него мѣсто или относить къ матери. Въ это время собираются на крестины гости — женатые и замужнія, приходящіе попарно, причемъ мужъ несетъ хозяину цѣлый хлѣбъ, который принимаетъ баба, а жена — кусокъ хлѣба, пирожокъ или „дробокъ“ (кусочекъ, грудочку) соли и отдаетъ „породили“, которая принимаетъ, засушиваетъ все это и грызетъ на „тщѣсерце“ (натощакъ), „шобъ лучший бувъ покормъ дытны“. Когда соберутся гости, зажигаютъ лампаду и свѣчи, распускаютъ ладонь, молятся Богу и садятся за столъ. При этомъ кумъ и кума сидятъ рядомъ на первомъ мѣстѣ, на „покути“. Хозяйева начинаютъ угощать гостей закусками, водкой и обѣдомъ. Гости берутъ въ руку рюмку, желаютъ новорожденному счастья, а „породили“ поскорѣе выздоровѣть, выпиваютъ водку, а оставшуюся выплескиваютъ на потолокъ, „шобъ новорождене пидскакувало“. „Породили“ кума даетъ первой всякаго кушанья и напитоковъ, „шобъ покормъ для дытны увелычывся“. Когда кумъ и кума подносятъ по рюмкѣ, тогда они и гости дарятъ новорожденного нѣсколькими копѣйками, а, когда передъ узваромъ, называемымъ „опеньками“, подносятъ по рюмкѣ баба, тогда дарятъ и ее за труды, у кого же нѣтъ денегъ, тотъ говоритъ бабѣ: „я вамъ, бабусю, прыйду завтра цыбулю полоть“. Обычай дарить новорожденного и бабу въ послѣдніе годы сталъ выводиться; бабу благодарятъ теперь сами родители новорожденного, давая ей за труды хлѣбъ, полотно и иногда деньги.

На второй или третій день послѣ родовъ собираются однѣ женщины на „зливкы“ (или иначе въ „рай“), состояція въ томъ, что баба изъ кувшина льетъ „породили“ на ладонь „непечатѣ воду“, смѣшанную съ хмѣлемъ и конопляннымъ сѣменемъ, а та, стоя правою ногою на вѣникѣ, положенномъ на „сокиру“ (топоръ), подхватываетъ другою рукою съ локтя эту воду и пьетъ ее; это дѣлается на обѣихъ рукахъ три раза (2 раза на правой и 1 разъ на лѣвой), послѣ чего „породили“ можетъ безбоязненно вставать съ постели, гулять съ бабами и работать, если только въ состояніи. Во время „зливокъ“ на столѣ лежитъ хлѣбъ съ кусочкомъ соли сверху. Хлѣбъ этотъ беретъ себѣ баба по окончаніи „зливокъ“, а соль — „породили“, которая за-

вязывает ее въ пазуху сорочки и грызетъ на „тщѣсерце“, „шобъ прибавилось молока“. Во время „зливокъ“, баба смачиваетъ „породили“ водой изъ кувшина лицо и руки, „шобъ никто не зглазываетъ“, а грудь, „шобъ бувъ лучший подкормъ“.

Послѣ родовъ „породила“ втыкаетъ себѣ въ пазуху вверхъ жаломъ иголку, „шобъ никто не зглазываетъ“; выходя же ночью на дворъ, она беретъ съ собою чапльику, рогачъ или кочергу, „шобъ не случилось якого зла, або шобъ витромъ не пидвияло“.

Въ шесть недѣль родильница, сходявши въ церковь за молитвою, провѣдываетъ куму и бабу; къ послѣдней ходитъ она съ дѣтьми и гостинцами и на Богородицу (2-й день святокъ); въ это время баба старается угостить своихъ внучатъ.

Говорятъ, что женщины иногда портятъ, давая имъ что-то въ пищѣ или питѣ, (отравляютъ или насылаютъ на нихъ), отчего у нихъ могутъ завестись въ животѣ, который сильно растетъ, мыши, жабы, черепахи и гадюки, иногда откликающіяся оттуда своимъ голосомъ.

Дѣти, родившіяся „въ сорочкахъ“, считаются счастливыми. Сорочку эту берегутъ и, когда вырастетъ ребенокъ, зашиваютъ ее въ поясъ или одежду его, которую онъ носитъ изрѣдка, по праздникамъ, и надѣваетъ въ особенно важныхъ и нужныхъ случаяхъ въ жизни, чтобы была удача и счастье въ предпринятомъ дѣлѣ. Иногда бабы или женщины крадутъ у неопытныхъ родильницъ эту „сорочку“, и даютъ ее носить своимъ дѣтямъ, вѣря, что къ нимъ перейдетъ то счастье, которое принадлежало родившемуся „въ сорочкѣ“.

Пуповину, которая отпадаетъ у ребенка съ завязанной коноплей, тоже берегутъ и даютъ развязать ее дитяти тогда, когда оно уже сдѣлается смышленнымъ; дѣлается это почти всегда передъ началомъ какого нибудь важнаго дѣла дитяти, „шобъ ему було щастя въ цимъ дили и въ другихъ дилахъ“. Въ самый день рожденія младенца (также и скота) ничего изъ дома не даютъ и не продаютъ, — „шобъ дытына домивку знала“. Вообще не слѣдуетъ купать дитя въ тотъ день, въ какой оно родилось: утонетъ рано или поздно. По захожденіи солнца не слѣдуетъ поднимать дѣтей выше головы: не будутъ спать. Не

слѣдуетъ смѣшать дѣтей, „ато нападуть крыкльвици“. Когда ребенку исполнится годъ, стригутъ его на кожухѣ, разостланомъ вверхъ шерстью, и остриженные волосы втыкаютъ въ плетень, „шобъ кучерявый бувъ“, или въ коровій навозъ, „шобъ чорнявый бувъ“. Для того, чтобы были у человѣка крѣпкіе и долговѣчные зубы, онъ долженъ въ дѣтствѣ выпавшіе молочные зубы бросать въ сѣняхъ черезъ голову на чердакъ и говорить такъ: „Мышка, мышка! на тоби костяный зубъ, а мині дай залізний“. Жениться на кумѣ нельзя: будетъ жизнь несчастлива или кто нибудь изъ женившихся умретъ, или сдѣлается калѣкой, или дѣти будутъ калѣки и пр.

Вечерниці въ настоящее время почти перевелись, и рѣдкіе родители отпускаютъ на нихъ своихъ дочерей. Въмѣсто же вечерницъ дѣвушки, съ согласія родителей, ходятъ зимою въ семейные дома, гдѣ есть подруги, и тамъ работаютъ въ присутствіи всего семейства; иногда же, въ особенности по праздникамъ, „парубки“ и „дивчата“ вечерами собираются на такъ называемую „вулицю“ (собраніе), гдѣ вмѣстѣ и проводятъ время до полуночи, занимаясь пѣснями, шутками, игрой на гармоникѣ и т. п.

О сохранившихся же до сего времени вечерницахъ скажу слѣдующее. Дѣвушки избираютъ у кого-нибудь изъ малосемейныхъ хату, куда и собираются вечеромъ пряхъ и шить. Сюда вечеромъ сходятся и парубки, разговариваютъ съ дѣвушками, шутятъ, поютъ, играютъ и танцуютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, у которыхъ есть любимыя дѣвушки, остаются здѣсь и ночевать. Парубки уходятъ домой раньше, а дѣвушки — позже, иногда и позавтракавъ здѣсь, если принесутъ для этого чего-нибудь изъ дому; но во всякомъ случаѣ, какъ тѣ, такъ и другія, стараются уйти домой до свѣта, чтобы люди не видѣли. Опоздавшую дѣвушку пожилые люди осуждаютъ, а молодежь можетъ проводить свистками и „улюлюканьями“. Если какой парубокъ, не имѣющій сочувствующей ему дѣвушки, самовольно останется ночевать на вечерницахъ, то „дивчата“ для смѣха нашиваютъ ему на спинѣ разныхъ лоскутковъ, съ которыми онъ и домой идетъ, или насыпать въ шапку его сажі, толченаго мѣлу и т. п.

Лѣтъ 20 или 30 тому назадъ здѣсь вечерниці, рассказываютъ, были не такія. Тогда „дивчата“ тянули изъ дому на

вечерницы все, что возможно было: муку, пшено, сало, яйца, курей и т. п., а „парубки“ для вечерниц покупали водку и нерѣдко, говорятъ, занимались для этого воровствомъ. Парубкамъ, пришедшимъ на вечерницы съ чужой улицы, рвали „очкуры“ (веревочки, которыя затягивались въ поясъ штановъ для поддержанія таковыхъ на тѣлѣ; теперь ихъ не носятъ) и часто били ихъ, да и вообще драки въ то время между молодежью были частыя. Стѣны же тѣхъ хатъ, въ которыхъ собирались вечерницы, почти каждую ночь парубки обмазывали дегтемъ и „расколупывали“ (ковыряли) вилами и кольями, что „дивчата“ старались замазать до свѣта. Въ дворахъ родителей, у которыхъ были дѣвушки, они часто ставили вѣхи, вѣшали люльки (порочной дѣвушкѣ) и уносили ворота, изъ которыхъ дѣлали на улицѣ загороду, куда загоняли скотъ, клали ему солому и т. п. Въ настоящее время о такихъ продолкахъ молодежи нигдѣ не слышно.

Свадебные обряды. Обрядъ сватовства. Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, отецъ приглашаетъ двухъ родственниковъ или сосѣдей, называемыхъ въ этомъ случаѣ „старостами“, и посылаетъ ихъ къ отцу намѣченной невѣсты сватать своего сына. Тѣ приходятъ подъ окно и говорятъ: „добры-вечирь! пустить погрицьця!“ Имъ отвѣчаютъ: „мылосты просымъ, люды добри!“ „Старосты“ съ палками и хлѣбомъ подъ рукою входятъ въ хату и привѣтствуютъ хозяина такъ: „здоровы днювалы, Боже помози вамъ!“ Тотъ отвѣчаетъ: „спасыби, Боже й вамъ помози“. Хлѣбъ старосты отдаютъ хозяину, который кладетъ его на столъ, а ихъ приглашаетъ садиться на лавку. Они садятся, держа палки въ рукахъ, и говорятъ: „пытай, насъ, свату, чого мы до тебе прийшли? Хочъ сватъ—не сватъ, а такъ добрый чоловікъ“. „Скажете, а я и буду знатъ“, отвѣчаетъ хозяинъ. „Мы чулы, шо у васъ есть дивчына, а у насъ хлопець, такъ чы не будемъ мы сватами?“ „Та чогожь! якъ дило пидходяще, то й посватаемся. Тилко мы не знаємъ, чи понаравыцьця наша дивчына вашому хлопцеві, ёго батькови и матери, а нашій дивчыни вашъ хлопець?“ Старосты при этомъ увѣряютъ, что „дивчына“ нравится „хлопцеві“ и его родителямъ, въ доказательство чего и посылаютъ за ними. Тѣ приходятъ и на воп-

росъ, предложенный имъ, отвѣчаютъ: „якъ бы ваша дивчына намъ не наравылась, такъ мы бъ и старостивъ не присылали. Мы согласни зъ вами посватацьця, тилко треба спытати согласія дитей.“ Въ это время женихъ сидитъ на лавкѣ, переминая въ рукахъ шапку, а невѣста стоитъ около печки и обязательно ковыряетъ пальцами глину въ стѣнѣ комина. Прежде спросить жениха, а потомъ невѣсту, которая, если ей женихъ нравится, отвѣчаетъ: „якъ батько й мате скаже, такъ и я“; если же ей женихъ не нравится, она убѣгаетъ изъ дому, прячется и плачетъ. Ее ищутъ и, нашедши, велятъ идти домой, но она со слезами говоритъ, что не пойдетъ туда. Получивъ согласіе молодыхъ людей, родители начинаютъ уговариваться о свадебныхъ подаркахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Условившись относительно подарковъ, свѣтятъ лампаду и свѣчи, молятся Богу, рѣжутъ принесенный старостами хлѣбъ (иногда этотъ хлѣбъ рѣжетъ сама невѣста или другіе съ ея позволенія, что означаетъ ея согласіе), ставятъ женихову водку, начинаютъ пить „могорычъ“ и даютъ „рушныкы“ или платки, т. е. подарки старостамъ, а если разомъ бываетъ и „сватанье“, то даютъ подарки жениху и родителямъ его. Если же родителямъ невѣсты нужно распроситься, то они оставляютъ хлѣбъ, отпускаютъ „старостивъ“ и приглашаютъ ихъ приходить въ другой разъ; затѣмъ въ 3-й, 4-й и т. д., пока порѣшатъ дѣло или совсѣмъ откажутъ. Запивши въ домѣ невѣсты „могорычъ“, родители жениха просятъ къ себѣ сватовъ и другихъ присутствующихъ на „разгядыны“, что здѣсь въ насмѣшку называется „грызты пичъ“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ „могорыча“ и „разгядынъ“, гуляютъ „сватання“, начинающееся тѣмъ, что родители посылаютъ невѣсту собирать „дружокъ“ (подругъ), съ которыми она ходитъ къ своимъ „родычамъ“ и знакомымъ и говоритъ имъ такъ: „просивъ батько й мате и я прося до насъ на сватання“. Возвратившись съ „дружками“ домой, гдѣ уже собрались гости, невѣста здоровается съ будущимъ свекромъ и свекровьею земнымъ поклономъ, а съ остальными пояснымъ. Затѣмъ мать даетъ невѣстѣ тарелку съ подарками, которые та подноситъ свекру и свекрови, кланяется имъ въ ноги и перевязываетъ ихъ. Тѣ

благодарятъ за подарки и взаимно дарятъ ее: свекоръ кладетъ на тарелку 1 р. или нѣсколько коп., а свекровь перевязываетъ будущую невѣстку платкомъ. Потомъ невѣста подноситъ платокъ „старшему боярыну“ (шаферу), который беретъ его и вѣшаетъ „молодому князю“ (жениху) за поясъ, за что онъ тоже кладетъ на тарелку нѣсколько коп. Послѣ этого невѣста даетъ подарки „боярыну“ и близкимъ „родичамъ“, которые также бросаютъ ей по нѣсколько коп., что называется „подаркомъ на винѣчки“.

Обдавими кого слѣдуетъ, невѣста начинаетъ всѣхъ „частовать“ (угощать, подносить) рюмкою водки, которую наливаетъ „старшая дружка“ (шаферица). „Дружки“ же въ это время стоятъ среди хаты и поютъ:

„Заручена Марьечка, заручена
Положила билу ручку на за-
ручку.
Ручка моя билесенька у ба-
тенька,
Чы буде же така била и въ
свекорка?
Якъ будешъ ты, Марьечко, по-
кирненька,
Буде жъ твоя та рученька все
биленька.
Панѣчокъ Иванко, панѣчокъ
Изнявъ зъ Марьечки тавинѣчокъ,
Пославъ до батенька гостыно-
чокъ.
Полынулы голубѣньки въ поле
годѣчы,

Марьечкыно дивування та ны-
сѣчы,
А за нмы Марьечка та й пла-
чучы,
Ридненького батенька та й про-
сячы:
— Переймай же, мій батеньку,
тїи голубѣ,
Воны жъ мое дивування съ со-
бою взяли.
— Высоко, дытя мое, полынулы,
Пидъ крылѣчко дивування пид-
горнулы.
Полынулы, дѣнько моя, на ты-
хій Дунай;
Теперь же, дытя мое, хочъ не
переймай“.

Когда всѣмъ поднесутъ нѣсколько разъ по рюмкѣ и закусятъ, тогда отецъ жениха приглашаетъ сватовъ и гостей къ себѣ, а вся молодежь остается у невѣсты „вареныкы йисты“. Старшая дружка начинаетъ мѣсить тѣсто на вареники, всѣ остальные лѣпятъ, варятъ и подаютъ ихъ на столъ. Сначала подаютъ немного варениковъ, которые начинаютъ ѣсть женихъ и невѣста, за ними же вся остальная молодежь быстро расхватываетъ вареники и расходится по домамъ. Остаются съ „молодыми“ только три или четыре „дружки“ и столько же парубковъ, въ числѣ

которыхъ „боярынь“; садятся „дружки“ и парубки за столъ, ставятъ всѣ вареники и начинаютъ ѣсть, а женихъ и невѣста стоятъ передъ столомъ и „частуютъ“ ихъ водкой. Въ это время „боярынь“ говоритъ: „гѣрко!“ и „молодые“ цѣлуются, а послѣ нихъ и всѣ начинаютъ цѣловаться. Поужинавши, всѣ уходятъ на вечерницы и спятъ парами.

Обрядъ пидвесилка (дѣвичника). За день передъ свадьбой у невѣсты и жениха пекутъ шишки, коровай, лежень и калачъ. Послѣ обѣда дружки убираютъ невѣстѣ косу, что дѣлается такъ: „старшая дружка“ зажигаетъ восковую свѣчу и держитъ ее около невѣстиной головы, а вторая дружка заплетаетъ косу и убираетъ ее разноцвѣтными лентами, висящими вдоль спины, гарусомъ, заполочью и цвѣтной бумагой, нарѣзанной полосками, на средину головы крестообразно кладетъ красную ленту и перевязываетъ платкомъ, который украшаетъ разноцвѣтными булавами и цвѣтами, а съ правой стороны прикалываютъ двѣ „квиточки-виночки“, сдѣланные круглымъ бантомъ изъ узкой красной ленты. Невѣста въ это время плачетъ а дружки поютъ:

„Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
А ще тыше Марьечка косу чеше;
Шо вычеше, на тыхый Дунай
знесе.
— Плывы жъ ты, косо,
Пидъ свѣкоркынъ двирь просто!
Стань же, косо, послухай,
Шо свѣкорко говоре?“

Свекорко каже: „добрая годѣ-
нонько,
Шо йде до мене чужая дыты-
нонька.
Не зобувавъ, не зодягавъ,
Буду замышляты,
Не поивъ, не кормивъ,
Та й буду посылати“.

Убравши невѣстѣ голову, старшая дружка „пидперизуе“ (подвязываетъ) ей верхнее платье „рушныкомъ“ (полотенцемъ), послѣ чего она кланяется въ ноги отцу и матери, которые говорятъ ей: „Боже, поможи тобі, наша дытино; иды, зови людей на пидвесилокъ!“ Невѣста идетъ съ дружками къ роднымъ и знакомымъ, кланяется имъ въ ноги, даетъ шишки и проситъ на „пидвесилокъ“ также, какъ и на сватанье. Затѣмъ она идетъ къ родителямъ жениха, которые встрѣчаютъ ее въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью, кланяется имъ въ ноги и цѣлуетъ ихъ, а они говорятъ: „мылосты просымъ, наша дытино, въ отецкій домъ!“ Невѣста съ дружками входитъ въ хату, крестится и даетъ двѣ шишки родителямъ

жениха, которые благодарятъ, даютъ ей взаменъ пару своихъ шишоекъ, сажаютъ ее съ дружками за столъ и угощаютъ водкой и пирогами, послѣ чего она уходитъ домой съ дружками, которыя поютъ:

„Мы въ свекрухы булы,
Перижечки йилы,
Медъ-выно пылы

Солодесенько та добресеньке,
Ще й зъ медкомъ“.

Отецъ и мать встрѣчаютъ невѣсту въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью, она имъ кланяется и цѣлуетъ. Затѣмъ „пиддружый“ (у невѣсты „пиддружый“, а у жениха „дружко“—это по большей части родственники, опытные и знающіе люди, приглашенные хозяевами для распоряженія на свадьбѣ) беретъ полстѣ и говоритъ въ сѣняхъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Ему изъ хаты отвѣчаютъ: „Аминь!“ Потомъ онъ продолжаетъ: „староста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашего здоровья;—благословить въ сей чѣстный и важный домъ съ пѣвствомъ ввійты!“ Ему отвѣчаютъ старосты: „Богъ благословить и мы благословимъ!“ „Пиддружый“ вноситъ полстѣ и разстилаетъ ее на „посадѣ“, т. е. на „причилковой“ лавкѣ за столомъ, гдѣ молодые будутъ сидѣть (это дѣлается будто бы для богатства). Послѣ этого „пиддружый“ беретъ пучокъ житной соломы, которая въ этомъ случаѣ называется „покрося“, становится у дверей и проситъ у „старостивъ“ благословенія (какъ и при входѣ съ полстѣю) войти въ домъ съ „покрося“. Получивъ благословеніе, онъ входитъ въ хату, вѣшаетъ солому на гвоздяхъ около иконъ, затыкаетъ ею бутылку водки или узварной юшки и ставитъ на столъ, гдѣ уже лежатъ три хлѣба: коровай, лежень и калачъ, украшенный калыномъ и заполочью; на немъ лежатъ пара ложекъ, связанныхъ краснымъ гарусомъ. Въ „лежень“ втыкаютъ „рясне“—терновое или вишневое деревцо, украшенное разноцвѣтной бумагой, гарусомъ, заполочью и соломой. Управившись съ „покрося“, „пиддружый“ идетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ невѣста съ дружками, беретъ ее за платочекъ, держимый ею въ рукахъ и говоритъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“ Старосты, сидящіе около стола, отвѣчаютъ: „Аминь!“ „Пиддружый“ продолжаетъ: „спасетъ Богъ за аминь, за родительску молитву. Ста-

роста, пани—пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашего здоровья;—благословить въ сей чѣстный и важный домъ молодую княгиню за стиль завесты, и въ другой разъ, и въ третій разъ!“— „Богъ благословить и мы благословимъ трычи разомъ!“ отвѣчаютъ старосты. Получивъ благословеніе, „пиддружый“ ведетъ „молоду“ въ хату и сажаетъ на „посадѣ“, гдѣ съ лѣвой стороны садятся и „дружки“. Отецъ и мать „частуютъ“ гостей водкой, поднося каждую рюмку невѣстѣ, которая стоитъ и кланяется съ старшею дружкой, пока родители выпьютъ и обнесутъ всѣмъ гостямъ. Поподчивавъ всѣхъ гостей, подносятъ невѣстѣ, которая беретъ рюмку платочкомъ, выпиваетъ, сколько можетъ, отдаетъ обратно и садится; тогда подносятъ дружкамъ. Послѣ этого хозяева „отклоняются“ (извиняются), а „пиддружый“, испросивъ благословеніе, выводитъ „молоду“ изъ-за стола и провожаетъ ее съ дружками на вечерницы. Хозяева, по уходѣ невѣсты, „частуютъ“ опять гостей, даютъ имъ ужинать и „отклоняются“, послѣ чего они расходятся по домамъ. Женихъ, у котораго подъ руководствомъ „дружка“ дѣлается все то, что у невѣсты, приходитъ съ „боярами“ на вечерницы къ своей невѣстѣ. Здѣсь они пьютъ по рюмкѣ, бесѣдуютъ, ужинаютъ и ложатся спать также, какъ послѣ сватанья.

Обрядъ свадьбы. Если во время вѣнчанія, которое у крестьянъ чаще всего бываетъ въ день свадьбы (въ воскресенье), у кого изъ новобрачныхъ потухнетъ свѣча или больше сторитъ, тотъ скорѣе умретъ. Кто изъ новобрачныхъ при вѣнчаньѣ раньше станетъ на „рушныкѣ“ или платокъ, тотъ будетъ старшинствовать въ домѣ.

Нѣкоторые бѣдняки не гуляютъ свадьбы, а послѣ вѣнца зовутъ къ себѣ невѣсту и ея родителей, выпиваютъ, закусываютъ, дарятъ и привозятъ невѣстино приданное, а на другой день похмѣляются, чѣмъ и кончается подобная свадьба. При такихъ условіяхъ невѣста, выходя изъ церкви старается незамѣтно уйти домой; чтобы этого не случилось, женихъ долженъ не зѣвать и беречь ее, а иначе ему или боярину придется порядочно нагрѣть чубъ, догоняя невѣсту, бѣгущую по улицѣ. Если вѣнчанья за нѣсколько дней до свадьбы, то новобрачные послѣ вѣнца отправляются обѣдать къ тѣмъ родителямъ, какіе жи-

вуть ближе къ церкви, а если—въ день свадьбы, тогда женихъ съ боярами, а невѣста съ дружками расходятся по своимъ домамъ и обѣдаютъ. Послѣ обѣда снаряжаютъ жениха съ „поиздомъ“: заводятъ его за столъ, готовятъ „мичъ“ (мечъ), украшаютъ лошадей, берутъ подарки и шишки и пришиваютъ „боярамъ“, „свашкамъ“ и „свитылкѣ“ съ правой стороны шапки и платка ленточки съ крестиками, и перевязываютъ рушникомъ дружка, а иногда и бояръ платками. Какъ женихъ, такъ и всѣ „бояры“, число которыхъ всегда бываетъ четное, отъ 4 до 12 и болѣе („молодой“ долженъ быть безъ пары, потому что его пара, за которой онъ ѣдетъ, у себя дома), садятся верхомъ на лошадей, а свашки (родственницы жениха), дружка, „свитылка“ (сестра жениха, дѣвушка) и другіе родственники садятся на тарантасы, запряженные тройками и парами лошадей, украшенныхъ кумачемъ. Мать жениха изъ фартуха три раза обсыпаетъ поѣздъ хмѣлемъ, орѣхами, рожками и старыми мѣдными деньгами, что молодежью, собравшеюся посмотреть, сейчасъ же и подбирается. Затѣмъ она беретъ лошадь жениха полою за поводъ и выводитъ за дворъ; за женихомъ ѣдутъ бояре и свашки съ „свитылкою“, которая въ рукахъ держитъ „мичъ“ (пучокъ васильковъ и другихъ сухихъ цвѣтовъ, въ средину которыхъ воткнуто изображеніе лошадиной головы, гдѣ прилѣплено двѣ восковыя свѣчи). Прежде всего поѣздъ ѣдетъ къ церкви, объѣхавъ которую три раза, останавливается противъ южныхъ дверей, гдѣ женихъ съ старшимъ бояриномъ слазитъ съ лошади, идетъ къ дверямъ, кланяется три раза и кладетъ около нихъ или на замокъ шапку, послѣ чего уѣзжаетъ на ту улицу, гдѣ живетъ невѣста. Последняя въ это время ходитъ вблизи дома по улицамъ съ дружками, которыя поютъ:

„Киснии вулицы, киснии, Та йихалы бояры пышнии; Пидъ ными коньчѣньки воронии, А на ихъ бояры молодии.“	Та везли каровай, якъ бугай, А на тому караван малевання, Нашои Марьѣчки дивування“.
---	--

Встрѣча поѣзда съ невѣстой бываетъ три раза; въ послѣдній разъ женихъ съ нею цѣлуется. Затѣмъ „пиддружый“ беретъ невѣсту и ведетъ домой, по пословицѣ: „не сама я йду, —ведутъ мене молоду“; вводитъ въ хату и сажаетъ съ друж-

ками за столъ при такомъ порядкѣ, какъ и на „пидвесилку“. Въ это время женихъ съ поѣздомъ, желая въѣхать во дворъ, останавливается около затворенныхъ воротъ, гдѣ стоятъ люди и не пускаютъ поѣзда безъ выкупа; тогда дружка достаетъ бутылку, подноситъ привратникамъ по рюмкѣ и даетъ имъ шишку, послѣ чего ворота растворяются и весь поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ. Женихъ и бояре, не слѣзая съ лошадей, останавливаются рядомъ, лицомъ ко входнымъ дверямъ, передъ которыми стоитъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Выходитъ теща и подноситъ жениху рюмку водки или воды съ хмѣлемъ, которую тотъ беретъ платочкомъ, выливаетъ содержимое черезъ шею лошади на землю и отдаетъ рюмку боярину, а тотъ матери нѣвѣсты, которая теперь, начиная съ жениха, подноситъ всѣмъ боярамъ и свашкамъ по рюмкѣ водки. Въ это время по угламъ упомянутаго стола становятся старосты, дружка и пиддружый, цѣлуются черезъ столъ, мѣняются хлѣбомъ и пьютъ брагу или водку изъ „перепійця“ (поливяный кувшинъ, держимый семействомъ собственно для этого случая и считающійся какою-то святынею, надъ которою грѣхъ шутить или насмѣхаться), который передается отъ одного къ другому накрестъ черезъ столъ. Послѣ этого они моютъ руки и ихъ перевязываютъ „рядняными рушныками“. Выпивши по рюмкѣ, женихъ и бояре слазятъ съ лошадей и стоятъ, а братъ невѣсты сейчасъ же садится на женихову лошадь и катается, пока дружка выкупитъ ее, давъ мальчику плату, условленную на могоричѣ (50 к.—1 р.), шишку и рюмку водки. Дружка ведетъ молодого за платочекъ въ сѣни, гдѣ останавливается и говоритъ: „Господы Ісусе Хрысте, Сыне Божый, помылуй насъ!“—„Аминь!“ отвѣчаютъ старосты. „Спасетъ Богъ за аминь, за родытельску молитву. Староста пани-пидстароста! хто до кого, а я до Бога, до вашего здоровья,—благословить въ сей чѣсный и важный домъ молодого князя за стиль завести,—и въ другой разъ, и въ третій разъ!“—„Богъ благословить и мы благословимъ трычи разомъ“. Послѣ этого дружка ведетъ жениха къ столу, гдѣ на „покутти“ стоятъ „сторожи“ (мальчики—братья невѣсты), охраняющіе невѣсту и имѣющіе въ рукахъ палки, обмотанныя соломой и репяхами. Этими палками они намѣряются на дружка, а иногда и бьютъ

его по головѣ, не допуская жениха до невѣсты; но дружка начинаетъ чѣмъ-нибудь угрожать мальчикамъ и спрашиваетъ ихъ: „Чого вамъ, хлопцы, треба!“—„Грошей, водки и шишку!“ отвѣчаютъ сторожи. Въ это время дружки поютъ:

„Братику! не лякайся;
Братику! постарайся:
Не продавай сестры,
За рубль—за чотыри,

Просы золотого
Зъ зятя молодого,
Одъ побизду ёго“.

„Дружко даетъ дѣтямъ по 3—5 коп., по шишкѣ и по рюмкѣ; они уходятъ, а дружки поютъ:

„Татарынъ братикъ, татарынъ,—
Продавъ сестрыцю за даромъ,
Та взявъ за сестру стрілочку,
За йи русую кісочку“.

По уходѣ сторожей дружка заводитъ молодого за столъ и сажаетъ на „посадъ“ съ правой стороны невѣсты, которая въ „это время плачетъ, нагнувшись надъ калачемъ. Женихъ поднимаетъ голову невѣсты и цѣлуетъ ее, свашка, зажегши свѣчи, обводитъ „мичемъ“ надъ головами молодыхъ три раза, а дружки поютъ:

„Въ саду соловейко защебетавъ,

Иванко Марьечку та й поцилувавъ“.

Около жениха съ правой стороны (на покутти) садятся „свитылка“ и „свашки“, а „бояре“ на скамьѣ, передъ столомъ; послѣднимъ дружки поютъ:

„А въ саду соловейко гнзздо вѣе,
Чы всимъ боярамъ мисто е?
А которому немае,—
Нехай самъ соби шукае,
Старшой дружечкы пытае;

Якъ не буде пытаты,
Буде въ порога стояты,
Золоти пидковкы ломаты,
Пидъ рукою шапочку держаты“.

Какъ только посалятся всѣ на мѣста, отецъ невѣсты начинаетъ подчивать. Женихъ и невѣста все время стоятъ и кланяются, а дружки поютъ:

„Рясна-красна калынонька въ
лузи;
Гяснишый-краснішый Марьеч-
кынъ посадъ.

Щастемъ даруе,
Щастемъ—здоровьемъ
И умомъ добрымъ,
И викомъ довгымъ.

По виконькамъ янголы сыдать,
Передъ столомъ батенько частуе,

Угадай, Марьечко,
Чыя доля луччяй:

Чы Божая, чы батенькова?
Божая щаслыва,
Батенькова вродлыва;

Божая та вишня,
Батенькова до часу“.

* * *

„Крыкнулы лебедушки на води,
Заплакала Марьечка въ теремі:
Жаль мини, мий батеньку, на
тебе,

Уставай же, мий батеньку, ра-
ненько,
Та поливай зеленый садъ ча-
стенько:

Шо оддаешъ мене молоду одъ
себе;

Раньними и пизьними зорямы
И своїми дрибненькими сле-
замы“.

Зостаецця зеленый садъ у тебе.

Пропѣвши нѣсколько пѣсень, дружки слѣдующей пѣсней на-
поминають пріѣзжимъ „свашкамъ“ и „свитылка“, чтобы тѣ то-
же спѣли:

„Та ты душенько,
Наша Марьечко,
Чы писни спиваты,
Чы сванечкы прохаты?

Сванечко, билое лычко,
Заспывай намъ хочъ однии
Прыйизжои веселои писенькы“.

Если свашка и свитылка веселыя и умѣютъ пѣть то отвѣ-
чаютъ пѣснію:

„Благословіте панови-сватови
Писенькы заспываты.
У нашого у сваточка у двори
Стояла яблуня лыбонъ дви:

На одний яблуні соловей,
На другий зузуля;
Та то жъ не соловей—Иванко,
То жъ не зузуля—Марьечка“.

Если же онѣ не умѣютъ пѣть, то одна хоть на словахъ гово-
ритъ: „Дружечкы, мои голубочки! чужа сторона,—не давайты
саромѣ (стыда): мы не вмиемъ и не смиемъ,—спивайте сами“. Такихъ „свашекъ“ дружки не беспокоютъ; если же свашки не
бывалыя или чего-нибудь надутыя,—молчатъ и притомъ недали
дружкамъ шишки, то послѣднія поютъ:

„Свашка-не липашка,
Шышокъ не липыла,
Дружокъ не дарыла;

Одну злипыла
Съ зеленого сына,
Та й ту сама зыйла“.

А свитылки поютъ:

„Свитылка-шпылька при стини,
Та на ний сорочка не йи.
Прийшла сусида, торкае:

Скыдай сорочку,—смеркае.
—Постой, сусидо, побуду,
Поки веселля отбуду“.

Подобными пѣснями неопытныхъ свашекъ и свитылку друж-

ки вводятъ въ стыдъ; бываютъ же и зубастыя, оскорбившись, онѣ поютъ въ отвѣтъ:

„Щуки, дружечки, щуки, Брешети якъ ти суки,	Е на мори раки, Брешете, якъ собаки“.
--	--

Если дружки, сидящія рядомъ съ неvěстой за столомъ, не поютъ, стыдѣя бояръ, то тѣ дружки, которыя стоятъ передъ столомъ, поютъ на ихъ счетъ:

„Дружки муку йили, Тымъ и понимлы; Ой, дайты имъ йисты	За доброй висты, Ой, дайте имъ пыты, Шобъ умилы говорыты“.
--	--

Тѣ, если не струсятъ, отвѣчаютъ:

„Лозы, бояре, лозы! Рубайты занозы:	Дружокъ запрягаты На ленѣкъ ораты“.
--	--

Подобныя пѣсенныя перебранки продолжаются иногда до тѣхъ поръ, пока хозяева или старики начнутъ унимать и стыдить дружокъ, которыя тогда поютъ:

„Мыромъ мыромъ, Перижечки съ сыромъ,	Варенычки въ масли, Бояры прекрасни,—помыримся“.
---	---

Когда отецъ, а за нимъ мать поднесутъ по рюмкѣ, тогда старшая дружка разряжаетъ неvěстѣ голову, снимая всѣ ленты, кромѣ платка и „виночка“, а другой „виночекъ“ подаетъ свашкѣ, стоящей на лежанкѣ (сестра неvěсты), которая пришиваетъ его къ жениховой шапкѣ и поетъ:

„Зятю хороший, Готовъ копу (15 коп.) грошей,	Та копою не одбудешъ, Хиба мини жупанъ купышъ“.
---	--

Затѣмъ подаютъ шапку на тарелкѣ „боярину“, который три раза надѣваетъ ее на голову жениха и снимаетъ; дружка же даетъ неvěстиной сестрѣ условенныя деньги (1—2 руб. или нѣсколько коп.), шишку и „чарку горилки“. Получивши плату, она поетъ:

„Казалы бояры,— Зять богатый, Та казалы бояры,—	Грошей михъ, А винъ положывъ полушку, Якъ на смихъ“.
---	--

Послѣ этого дружка, начинаетъ давать роднымъ неvěсты подарки“, выговоренные на могорычѣ: матери чоботы (3 р.), сестрамъ по 3 арш. хорошей ленты (90 к.), бабѣ платокъ (1 р.), братьямъ, которые еще не получали, по 1 руб. денегъ и проч.

Получивъ отъ зятя подарки, родители неvěсты взаимно дарятъ сватовъ, что дѣлается такъ: дружка держитъ палку, а мать неvěсты вѣшаетъ на нее „подарки“ (платки и рушники), которыя подаются на палкѣ—сначала жениху (платокъ), котораго перевязываетъ боярынъ, потомъ дружку, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и въ заключеніе боярамъ—коротенькія красныя ленточки. Въ это время дружки поютъ:

„Не подывуйте боярочки, Шо коротенькы подарочки: Конопелькы маленькы, Подарочки коротеньки.	Повна була скриня, Теперь половины: Надобрала мате Бояръ дарувате“.
--	--

Сваты, принимая подарки, говорятъ: „Спасыби сватови, сваси и молодой княгыни, шо рано вставала, та подарки пряла, и насть дарувала“. Затѣмъ женихова свашка вынимаетъ изъ мѣшка, привезеннаго отъ родителей молодого, по парѣ шишекъ, кладетъ на тарелку и подаетъ дружку, а этотъ послѣдній—свату и свахѣ, крестнымъ отцу и матери и всѣмъ ихъ роднымъ и близкимъ, и наконецъ дружкамъ; если же имъ не дадутъ, то онѣ опять поютъ, „свашка не липашка“ и проч. Потомъ дружка начинаетъ рѣзать коровай, куски котораго кладетъ на тарелку и подаетъ молодому и молодой, свату и свахѣ, крестнымъ, всѣмъ родственникамъ, старостамъ, свашкамъ, свитылкѣ и „запорожцямъ“, т. е. чужимъ, пришедшимъ посмотреть на свадьбу и стоящимъ за порогомъ, въ сѣняхъ; сподку, оставшуюся отъ коровай, даютъ „визныци“, т. е. ямщику, который повезетъ неvěсту. Когда дружка рѣжетъ коровай, бояре хватаютъ куски, прячутъ себѣ, даютъ дружкамъ, которыя поютъ:

„Чы не бачышъ ты, дружка, Шо бояре коровай крадутъ, Та въ михъ та въ кышеню—	Батьковина вечерю, Та въ михъ, та въ рукавыци— Дивчатамъ на вечерныци“.
--	---

Дружка продолжаетъ рѣзать, бояре же, не переставая хватаютъ, почему онъ говоритъ: „Тикайты, хлопци, руки порижу! Приймайты руки,—порижу!“ Дружки продолжаютъ пѣть:

„А казалы дружка старъ, старъ, А винъ молодесенький, Якъ гай зеленесенький; А на ему каптанъ, каптанъ	Соломою напханъ, напханъ; Очи въ клотчи, А зубы въ ремѣни, Носъ въ поперіи,
--	--

Мочулою борода сшита,
Обручамы голова збыта;

Управившись съ коро
закусывать; и если дру

У синечкахъ голубонько
А въ свитлоньку голосокъ
То жъ не голубонько гуде,
То жъ Иванко съ тесте
Ты тестеньку, ты мий бат
Давай же намъ та вечер
Теперь ничка та темн
А дороженька та далѣк

Потомъ дружки вста
танетъ за собою невѣсту,
вѣста въ это время пла

„Прощай прощай,
Марьечко, сестро наша;
Мы не твои дружечки, а
Уже жъ мы идемо,

Идя изъ хаты, они п
„Брала Марьечка лень,
Выгоняла дружечекъ вонъ,
На щобъ було брати,

„Сердѣнько, мыленько!
Прысунься близенько,—

„Жаль же намъ, Марьечк
Шо зазвала насъ до себ

„Пишло жъ твое дивува
По столамъ та й по осл
Во дворѣ онѣ поють:

Лычкомъ пидперывався,
Къ короваю прибрався“.

ваемъ, начинаютъ опять выпивать и
дружко не спѣшитъ и замѣшкается, то

Шобъ зъ дороженьки та не
А Марьечки та не загубиты.
Не бийсь, затию, темной ночи,
Даю тоби провиднычѣнька,
Вороного та конычѣнька
И шабельку для охотоньки,
И Марьечку для размѣвоньки“.

отъ изъ-за стола и старшая изъ пихъ
которую женихъ придерживаетъ; не
четъ, а дружки поють:

Мы жъ твое дивування соби
беремо,
Молодого та Иванка тоби да
рымо“.

поють слѣдующія пѣсни:

Якъ насъ выгоняты
Зъ рубленой хаты?“

Будемъ говорыты,
Якъ на свити жыты“.

А теперъ же намъ розлука зъ
тобою,
Якъ зъ ридною сестрою“.

Медъ-выно выпываючи,
Дивування вспоминаючи“.

„Сидай, Марьечко, на возы,
Кыдай бѣтьковы наровы:
Первѣ наровы—вулиця,

Други наровы—вечерниці,
А трѣти наровы—куды йшла
Бѣтькову худобу рознесла“.

Вышедши за дворъ, поють послѣднюю пѣсню:

„Загрибай, маты, жаръ, жаръ,
Колы тоби дочки жаль, жаль;
Кыдай у пичъ дрѣва,
Оставайсь сама здоровѣ“.

Разомъ съ дружками уходятъ бояре и свитылка, а около
плачущей невѣсты садятся женщины-свашки и поють:

„О, уже жъ, ненько,
Уже не раненько;
Чомъ ты не вчышъ, ненько?
Чомъ мене не вчышъ,
Чомъ не навчаешъ,
Якъ свѣкорку годыты?“

—Доненько моя! сама нема-
ненька,
А будь соби розумнѣнька:
Годы, доненько моя, старому и
малому,
И Иванкови молодому“.

Затѣмъ подають ужинъ, послѣ котораго двѣ свашки становят-
ся на лавку и начинаютъ „покрывать молоду (этотъ обрядъ выво-
дится): снимають съ нея платокъ, смачивають водкою волосы,
подбирають ихъ по женски, надѣвають „очипокъ“, берутъ въ
руки за концы снятый съ нея платокъ (раньше брали серпанокъ),
кладутъ себѣ на голову—одна женихову шапку съ „виночкомъ“,
а другая снятый съ невѣстиного платка „виночекъ“, начи-
нають махать надъ головою невѣсты платкомъ и поють:

„Покрыванка плаче,
Покрывающа хоче,
Не такъ покрывающа,
Якъ поцилувающа“.

Въ это время свашки цѣлуются, перемѣняются шапкой и вѣ-
ночкомъ и опять также продолжаютъ до трехъ разъ; послѣ чего
этотъ платокъ сворачивають, какъ нужно обвязываютъ имъ
„очипокъ“ на головѣ невѣсты, которая все время плачетъ, съ
съ правой стороны прикалываютъ виночекъ и говорятъ:

„Мы такъ зробылы,
Якъ самы схотили:
Съ кныша паляныцю,
Зъ дивчыны молодыцю.“

За цю вистъ
Чарокъ шить,
А съ шестѣ
Хочъ по однѣй пиднести“.

По окончаніи „покрывання“ дружка просить у старости
благословенія „вывести дитей изъ за стола, Богу помолыщца,
отцю—нѣнци въ ноги поклоныщца“, и, получивъ таковое,
выводитъ молодыхъ и ставитъ среди хаты. Около стола стано-
вятся отецъ съ иконою Божіей Матери и мать съ хлѣбомъ;

молодые кланяются три раза отцу, цѣлуютъ икону и его, потомъ—матери, получившей икону, также кланяются и цѣлуютъ. Затѣмъ отецъ, отдавъ дочери икону, а зятю два хлѣба, говоритъ: „Наты, диты, хлѣбъ—силъ, дбайты и майты, до цѣго хлѣба прибавляйты. Слухайты батька й матери, и добрыхъ людей; другъ друга любить и почитайты“. Выслушавъ наставленіе, молодые, въ сопровожденіи пріѣхавшихъ сестры или родственницы неvěсты, называемой „приданкою“, выходятъ изъ хаты и садятся въ тарантасы и на лошадей, а бояре выносятъ неvěстино приданое: сундукъ, одежду, двѣ подушки и проч. Невѣста, слѣзши на тарантасъ, крестится на всѣ четыре стороны и стоитъ съ иконой, а около нея садятся свашки и „свитылка“. Дружко же, взявъ за поводъ коня, обводитъ жениха вокругъ тарантаса три раза; женихъ каждый разъ бьетъ свою неvěсту плетью, причемъ достается иногда свашкамъ и свитылкѣ; послѣ третьяго раза неvěста крестится и садится въ срединѣ между свашками. Женихъ и бояре, сидя верхомъ на лошадяхъ, обнажаютъ головы, крестятся и такъ выѣзжаютъ на улицу, гдѣ опять крестятся, надѣваютъ шапки и ѣдутъ впередъ, а за ними неvěста и свашки, которыя поютъ:

„Кони, кони—ведмѣди, Чы надаетесь на сылу, Чы довызете княгыню Черезъ тую гірочку крутую, Та въ тую свитлѣньку новую?“	А въ тий свитлѣнці медъ- выно пьютъ, Тамъ тебе, Марьечко, давно ждутъ“.
--	--

* * *

„Помалу, бояры, помалу! Та не выломить терныны, Та не выпустить звирѣны.“	Мы свои коныченькы пото- мылы, Поки цю звирѣну уловылы“.
---	--

Проводивъ поѣздъ, родители неvěсты и оставшіеся гости входятъ въ хату. Мать неvěсты плачетъ, старыя бабы поютъ:

„Пожалуйте вы мене, мои сусѣ- дочки, Шо нема у мене теперъ дочкы:“	Та никому мині хаты тспыты И воды носыты, и на ричку ходыты“.
--	---

Послѣ этой пѣсни пьютъ водку, ужинаютъ и расходятся по домамъ, получивъ приглашеніе хозяина приходитъ на другой день. Въ это время (ночью) поѣздъ ѣдетъ къ церкви, объѣзжаетъ ее одинъ разъ (всѣ поѣзжане крестятся на всѣхъ четырехъ

сторонахъ церкви) и ѣдетъ домой. Подъ ѣзжая къ двору жениха, свашки поютъ:

„Одчынай, батѣньку, новѣй двирѣ, Йиде до тебе сынокъ твий Изъ молодою жонѣю,“	Буде тоби до вику слугою; Буде тоби до вику службыты, Шобъ у тебе чѣстоньки зажыты“.
---	--

Заслышавши приближеніе поѣзда, гости разводятъ на воротахъ огонь, будто бы очищающій отъ всякихъ чаръ и заговоровъ; поѣздъ переѣзжаетъ черезъ него и останавливается около порога, гдѣ собравшіеся „дивчата“ поютъ:

„Десь нерада маты, Шо не выйде съ хаты Огладѣть дытаты. Выйды жъ ты, матинко, огляды,“	Шось тоби бояры привезлы. Привезлы скрыню, пырыну И молодую княгыню“.
---	---

Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ на дворѣ съ хлѣбомъ-солью и вводятъ ихъ въ хату. Женихъ кладетъ привезенный хлѣбъ на столъ, а неvěста отдаетъ „благословення“ (икону), обернутое рушникомъ, свекру, который беретъ, цѣлуетъ и ставитъ на „покути“. Заводятъ молодыхъ за столъ, даютъ по рюмкѣ, и закусываютъ пирожками; послѣ чего дружко и свашки ведутъ молодыхъ къ сосѣдямъ спать, гдѣ неvěста по обычаю должна раззуть жениха. Гости еще нѣсколько выпьютъ и закусятъ, а потомъ расходятся по домамъ до слѣдующаго дня. Ночью дружко извѣщаетъ родителей неvěсты о ея цѣломудріи, которые весьма радуются этому. На другой день (въ понедѣльникъ) гости начинаютъ собираться чуть свѣтъ и говорятъ: „Спасыби за вчерашне, а сегодня дайты“, и начинаютъ похмѣляться. Собираясь и здороваясь, они обязательно цѣлуются. Собравшіеся женщины поютъ „свекруси“:

„Невісточка-перемѣночка, Перемѣни мое ділечко:“	Хату топы, воду носы И на ричку ходы“.
--	---

Неvěста, вставши въ этотъ день, вѣшаетъ къ иконамъ свои „рушники“, застилаетъ столъ своею скатертью, даетъ утиральникъ и проч. Когда всѣ гости порядочно подгуляють и закусятъ медомъ и другими кушаньями, тогда они берутъ красный флагъ на шестѣ, „водку, закуски, большую шишку отцу неvěсты, украшенную калиной, и съ музыкой ведутъ новобрачныхъ „снять“ (завтракать) къ родителямъ неvěсты. Пришедши сюда, они выпиваютъ, рѣжутъ „лежень“, ѣдятъ его

съ медомъ и затѣмъ просятъ родителей и всѣхъ ихъ гостей къ себѣ, говоря: „Мылосты просимъ въ отѣцкій домъ,—не выборно, а всихъ покорно“. Это называется „перезвою“. Затѣмъ новобрачные съ гостями возвращаются домой раньше, а тестъ и теща съ своими гостями приходятъ послѣ. Какъ только возвратятся молодые, мать жениха начинаетъ давать „подарки“ (платки и платочки), вѣшая ихъ на палку дружковъ, который подаетъ и кричитъ—такому-то! Обдавими всѣхъ подарками, начинаютъ подчивать водкой, наливая по двѣ рюмки и поднося попарно—сначала родителямъ, потомъ крестнымъ жениха, близкимъ роднымъ и гостямъ. Новобрачные всѣмъ кланяются въ ноги, прося ихъ выпить; тѣ пробуютъ напитокъ, поднося его къ губамъ, и говорятъ: „гѣрко“, чѣмъ заставляютъ молодыхъ цѣловаться. Отецъ жениха, даря дѣтей, говоритъ: „Дарую васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, умомъ добрымъ и вѣкомъ довгымъ. Шо въ мѣне е, то й ваше. Не забувайты батька й матери; почитайте недѣлли, празнькы, посныи дни и старыхъ людей“. Мать же говоритъ такъ: „Дарую я васъ, диты, щастемъ—здоровьемъ, а тоби, дочко, рогачъ та кочергу“. Когда свои обдарятъ, приходятъ родители невѣсты съ гостями, начинаютъ и тѣ дарить; родители дарятъ новобрачнымъ пару воловъ, корову или телицу, а гости, какъ тѣ, такъ и другіе, дарятъ: мужчины—овцу, агненка, мѣшокъ пшеницы или по 1 р. денегъ, а женщины—полотна или ситцу на сорочку или на рукава, причемъ всѣ мужчины и женщины кладутъ на тарелку по мѣдной моветѣ, говоря: „Дарую васъ щастемъ—здоровьемъ и червонцемъ“. По окончаніи „даровъ“ пьютъ, ѣдятъ, поютъ, танцуютъ, бьютъ горшки и другую посуду, послѣ чего расходятся по домамъ. Во вторникъ приходятъ „похмеляющія“, купаютъ свекруху и выводятъ ее на улицу, чтобы потанцевала. Купаютъ такъ: кладутъ ее въ рядно, выносятъ во дворъ, обливаютъ водою и надѣваютъ на нее невѣстину платье и все ея украшеніе. Въ среду дѣлаютъ „складку“, что называется „съ носа по грошу“ и производятъ „завѣвыны“, т. е. ходятъ по приглашенію къ сватамъ, дружку, свапкамъ и другимъ; это продолжается и въ четвергъ, а кое-гдѣ и въ пятницу, чѣмъ и кончается свадьба.

Подсчитаемъ теперь **свадебные расходы**, начнемъ съ расходовъ со стороны жениха. На могоричѣ во время сватовства пьютъ женихову водку и еще выговариваютъ съ него за невѣсту: 1—2 ведра водки (10 р.), мѣшокъ пшеничной муки (3 р.) и деньгами, смотря по состоянію сватающихся, отъ 5 до 100 р.; кромѣ того выговариваютъ подарки, которые даются на свадьбѣ: матери красныя „чѣботы“ или деньгами 3 р., братьямъ деньгами, что называется „на коня“, отъ 50 коп. до 1 руб. каждому, сестрамъ, смотря по ихъ возрасту, по 3 арш. хорошей ленты, по платку или деньгами, отъ 50 к. до 2 р. каждой и тремъ „сторожамъ“ по 5 к. каждому. Въ понедѣльникъ во время „даровъ“ родственникамъ своимъ даютъ рублевые платки и дорожки, а гостямъ—платочки по 15 или 20 коп. Водки и вина, смотря по богатству хозяина и количеству гостей, выходитъ: на могоричѣ и сватаньѣ отъ 1 до 5 вед., а на „пидвесилку“ и свадьбѣ до конца ея—отъ 3 до 15 и болѣе ведеръ. Муки пшеничной расходуется за всѣ свадебныя гулянья отъ 5 до 15 пуд.; изъ мясного рѣжутъ на богатой свадьбѣ до 5 шт. овецъ, кабана и разной домашней птицы до 20 шт. Музыкантамъ платятъ за свадьбу отъ 5 до 10 р., но они не на всякой свадьбѣ бываютъ. Лошади на свадьбѣ бываютъ свои, т. е. собранныя у родственниковъ, на кормъ которыхъ выходитъ хозяйскаго сѣна на руб. на 10; одна же тройка нанимается подъ „молоду“ за 3 руб. Подводя общій выводъ расходовъ на свадьбѣ средняго достатка, включивъ сюда и тѣ расходы, о которыхъ выше не было сказано, получимъ:

- 1) За вѣнчаніе, вѣнцы и свѣчи и т. п. 15 р.
- 2) Средняя плата родителямъ за невѣсту 20 „
- 3) Свадебныхъ подарковъ родителямъ и родственникамъ невѣсты 8 „
- 4) Разнаго хлѣба за всю свадьбу 10 „
- 5) Разнаго мясного, сала, масла и т. п. 20 „
- 6) Водки, вина, браги, меду и проч. 50 „
- 7) Подарковъ, даваемыхъ въ понедѣльникъ родственникамъ и гостямъ 10 „
- 8) Музыкантамъ, за лошадей и на сѣно сборнымъ лошадямъ 17 „

Всего 150 руб. Этот расход средней крестьянской свадьбы кажется большим; но он уменьшается темъ, что въ понедѣльникъ гости всегда возвращаютъ половину расходовъ сдариваніемъ хлѣба, овецъ, ягнятъ, телятъ, денегъ и проч.

Свадебные расходы со стороны невесты гораздо меньше расходовъ жениха, если не считать ея приданого, состоящаго, какъ уже сказано изъ сундука (4 р.), двухъ подушекъ (6 р.), трехъ кожуховъ (25 р.), двухъ свитъ (8 р.), пальто (10 р.), двухъ паръ „чобитъ“ (5 р.) и прочей мелочи (около 20 р.), а также коровы (20 р.), которую въ понедѣльникъ даритъ отецъ своей дочкѣ. Вотъ общій приблизительный выводъ расходовъ на свадьбу невесты тоже средняго достатка:

- 1) Разныхъ подарковъ во время моговича, сватанья и свадьбы 6 р.
- 2) Разнаго хлѣба за сватанье, подвесилокъ и свадьбу. 6 „
- 3) Разнаго мясного, сала, масла и проч. 15 „
- 4) Водки, вина, браги, меду и проч. 20 „
- 5) Сѣна на кормъ лошадямъ за все время сватовства и свадьбы 7 „

Всего 54 р. Итого съ обѣихъ сторонъ 204 руб.

Пословицы и поговорки, относящіяся къ свадьбѣ и женитьбѣ: „Свайба сорочку найде. Женыцця не напасть, та якъ бы, ожынившысь, не пропасть. Кто рано женыцця, — никола не каецця. Винъ тоди буде женыцця, якъ бугаи начнуть тельцця. Суженого конемъ не обидешъ. Який йихавъ, таку й встривъ. Есть каятьтѣ, та нема воротѣтѣ. Невиста безъ миста, а женихъ безъ ума. Зъ Богомъ, Параско, колы людѣ трапылысь (нашлысь). Хоть за старця, абы не остацця. Де не ходывъ, а чарочку заробывъ“.

Похоронные обряды, причитанія и поминки. Когда человекъ умираетъ, то съ нимъ прощаются всѣ члены семейства; если умираютъ родители, дѣти просятъ у нихъ благословенія себѣ на самостоятельную жизнь, а если кто изъ дѣтей умираетъ, то родители снимаютъ со стѣнки икону, проводятъ ея крестообразно надъ кончающимся и говорятъ: „Господь тоби, дитя, благословить и я благословлю на вишне жытія“. Такъ какъ, по народной вѣрѣ, на постели и въ особенности на „по-

душкахъ“ трудно умирать, то кончающагося снимаютъ съ постели и кладутъ на „доливку“ (земляной полъ), подставлятъ подъ него „рядно“ или что нибудь изъ платья, а въ руки даютъ „страшную свичку“. Какъ только скончается человекъ, зовутъ сосѣдей и съ помощью ихъ обмываютъ умершаго, расчесываютъ, надѣваютъ на него чистое платье, крестикъ на шею и слабенько подвязываютъ ленточкой изъ какой нибудь матеріи, а на ноги надѣваютъ чулки. Затѣмъ взрослыхъ кладутъ на „лавѣ“ (скамейкѣ), а малыхъ на столѣ; складываютъ имъ руки, связываютъ ноги, чтобы не расходились, закрываютъ глаза и ротъ, для чего нерѣдко подвязываютъ подбородокъ платочкомъ. Съ правой стороны, подъ поясъ, покойнику „пидтыкають хустку“, въ которую увязываютъ мѣдную монету (1, 2 или 3 к.), „шобъ було чымъ откупыцця на тимъ свити, якъ ходытме душа по мытарствамъ“; все тѣло до рукъ покрывается „серпанкомъ“ (кисеею); въ лѣвую руку даютъ восковой крестикъ, а правая, лежащая на лѣвой, остается свободной, потому „шо нею прыйдецця хрестыцця“; на голову же надѣваютъ вѣнчикъ, въ который цѣлуютъ родственники и знакомые, приходящіе проститься съ умершимъ и приносящіе при этомъ въ даръ ему ладонь, хлѣбъ, деньги и полотно. Кромѣ выпесказаннаго убранства, женщинамъ надѣваютъ на голову „очипокъ“, а если его нѣтъ, обвязываютъ голову платкомъ, сверху которыхъ повязываютъ вѣнчальнымъ (если онъ есть) или купленнымъ для этого „серпанкомъ“; дѣвушкамъ же повязываютъ голову шелковымъ или другимъ хорошимъ платкомъ, убираютъ ее вѣнками изъ разныхъ ленточекъ и „пидпиризують рушныкомъ“ безрукавую юбку или обыкновенную кофту; ихъ надѣваютъ и на умершихъ женщинъ. Послѣ этого, если есть въ домѣ зеркало, оборачиваютъ его стекломъ къ стѣнѣ, или закрываютъ его чѣмъ-нибудь; вѣпають на стѣнѣ, около иконъ, одинъ рушникъ, на которомъ душа умершаго въ продолженіи шести недѣль садится, когда прилетаетъ въ свой домъ, и ставятъ въ головахъ покойника чашечку съ медомъ, къ которой лѣпятъ зажженную свѣчу. Эта чашечка стоитъ на окнѣ или около иконъ 6 недѣль; утромъ и вечеромъ зажигается около нея свѣча, потому что въ это время душа умершаго прилетаетъ и „йистъ медокъ изъ неї“.

Убравши покойника, распускают ладонь, зажигают лампаду и свѣчи около иконъ и молятся всѣ, находящіеся здѣсь, за упокой новопреставленной души. Затѣмъ извѣщаютъ о смерти священника, который назначаетъ время погребенія, и церковнаго сторожа, чтобы онъ прозвонилъ по умершему; приглашаютъ „чернычку“, а въ рѣдкихъ случаяхъ псаломщика, читать по покойнику псалтирь, что къ сожалѣнію не всегда дѣлается, и зовутъ сосѣдей дѣлать „доломыну“ (гробъ) и рыть „яму“ (могилу).

Во время пищи въ домѣ, закрываютъ лицо покойника „серпанкомъ“. Если умершій „дывыщца однимъ окомъ“, то въ этомъ семействѣ будетъ еще одинъ покойникъ, если обоими,—будетъ два, а если, кромѣ этого, все тѣло мертвеца мягкое, руки расходятся и не держатся на своемъ мѣстѣ, то въ этомъ домѣ многіе поумирають.

До погребенія надъ покойникомъ читаютъ псалтирь, если есть кому читать, плачутъ и тужатъ родственники, а также поютъ бабы слѣдующую „псалму“:

„Господи Боже мій, Царю!
Пріймы одъ мене писнь сию:
Взойду-жъ я на гору высокую,
Та гляну въ долину глубокую;
Тамъ увѣжу я свій вышній гробъ.
Гробе мій, гробе, предвышній
доме!

Шо стины,—то сусиды мои,
А червія,—то друзья мои,
А сыпучий писокъ,—то постеля моя,
А сыра земля,—то маты моя.
Пріймы-жъ мене, яко чадо
Твое,
На вышне житія“.

Когда сдѣлають „доломыну“, кладутъ въ нее, гдѣ будетъ лежать голова покойника, древесныя стружки, васильки (они негниющіе) и подушечку съ нашитыми по угламъ и посрединѣ крестиками, набитую тоже васильками. Затѣмъ окропляютъ „доломыну“ святой водой, накуриваютъ ладонемъ и застилають полотномъ; послѣ чего кладутъ туда умершаго, покрываютъ его „покрывцемъ“ (холстомъ) и закрываютъ крышкой, на которую кладутъ для духовныхъ три „покрывца“, два „правиднычкы“ (свѣчи) съ платочками и еще одинъ платокъ подъ евангеліе. По бѣдности можно ограничиться и однимъ „покрывцемъ“, положеннымъ на „доломыну“, но вовсе безъ нихъ нельзя хоронить. Одна женщина, когда хоронила своихъ дѣтей, по скупости не

положила „покрывцивъ“, говоря: „це все лышне: выдумалы духовни бля своей наживы“. И что же? Каждую ночь стало ей сниться, что приходятъ къ ней умершія дѣти и говорятъ подъ окно: „Мамо, мамо! чомъ ты не дала, чого намъ треба?“ Дошло до того, что женщина не могла уже и спать, и только тогда прекратились сновидѣнія, когда она, по совѣту людей, наняла читать по своему дѣтямъ псалтирь и раздала „покрывци“ на погребеніе чужихъ дѣтей.

Какъ только покойника вынесутъ изъ хаты, сейчасъ же кто нибудь сыпетъ жито (и терентъ) на столъ и на лавки, „шобъ живымъ гожо (хорошо) жылось“, а когда вынесутъ изъ двора, то затворяють ворота и завязываютъ ихъ поясомъ, „шобъ хвороба не вернулась и мертвецъ не ходывъ“.—Хозяева, мимо которыхъ несутъ покойника, тоже „зачыняють ворота и хвѣртку (калитку), шобъ хвороба не ввалылась“. Черезъ дворъ, огородъ и садъ хозяева не позволяютъ нести умершаго, потому что отъ этого „садокъ омертвѣе и не буде родыты: тоди хочъ вырубай ёго“.—Если „молодій княгынѣ“ (невѣстѣ) перейдутъ дорогу съ покойникомъ, то „не буде ий щастя и доли въ замужествѣ“.

Провожая на вѣчное житіе своихъ родителей, мужчины всегда плачутъ тихо, а женщины по большей части громко тужатъ и причитываютъ такъ: „Моя ненько, моя жъ ридненько! Моя зузуленька сывесенька, моя правдонька вирнесенька! Та зузуленька въ саду та раненько куде, а моя жъ ненька въ доми та порядки дае“.—„Мій таточку, мій риднесенькій! Мій соловейко сывесенькій! Соловейко въ саду та раненько встае, а батенько въ доми та порядки дае“.—„Хто жъ насъ буде въ гостоньки ждаты, та хто жъ насъ буде встричаты, хто-жъ намъ буде воріточки одчиняты, та хто-жъ насъ буде витаты (угощать, привѣтаты), хто-жъ насъ буде провожаты, та хто-жъ намъ буде правдоньку казаты? Мы-жъ съ тобою, моя ненько, якъ побалакаемъ, такъ якъ у скрыню положимъ. Та теперь же, моя ненько, позаростають стежкы и дорожкы, куды мы въ гостонькы ходылы, та куды мы правдоньку носылы. Та будемъ мы ту травку прогораты, та будемъ, моя ненько, слидочка твого шукаты, та будемъ зузуленькы пытаты: ты

зузуленько рябесенька, чы не бачыла, де-жъ моя нёнъка рид-несенька? Та ты-жъ далеко литаешъ, та ты-жъ багато дыва выдаешъ, та чы не бачыла моей нёнъкы риднёнъкы?—Та якый же далекий и край! Та видтиль и поклёны нейдутъ и пись-ма не шлють. Мий братику (или: „моя сестрыця“, если кто изъ нихъ отсутствуетъ), мий риднесенький! та мий голубчыку сывесенький! Та прылынь же ты та сывымъ голубомъ, та вы-проводымъ свою нёнъку риднёнъку, та въ далеку стороньку!“ Говорять, что „якъ хто дуже убываецця и туже за мертвымъ, такъ треба взять земли зъ ёго ямы и положить ему за комирь: отъ цёго, якъ рукамы зниме, перестане плакать и убываецця“. За дѣтьми говорятъ грѣхъ плакать. „Якъ мате плаче за дитымы, такъ нынче корова реве, а якъ диты плачуть, такъ нынче зузуленька кве“. Перваго умершаго ребенка мать не должна провожать на кладбище, а также не слѣдуетъ ей обмывать и убирать своихъ дѣтей, а отцу нельзя дѣлать „доломыну“ и ко-пать „яму“, „шобъ диты не мерлы“.

Возвратившись съ кладбища, начинаютъ поминать новопреставленнаго раба Божія, говоря при этомъ его имя. Сначала поминають „кануномъ“, который берутъ ложкой три раза, а за-тѣмъ ѣдятъ пироги, лапшу, борщъ и узваръ или горохъ. Пе-редъ пирогами подносятъ по рюмкѣ водки, а въ достаточныхъ домахъ и по двѣ. Рабочимъ даютъ за труды по платочку или по кусочку полотна, а если стараго чловѣка опускають въ яму на полотнѣ, то они получаютъ это полотно себѣ за трудъ. Этимъ и заканчиваются первыя поминки умершаго, за которыми у бога-тыхъ и набожныхъ людей слѣдуютъ подобныя въ 3, 9, 20 и 40 день, а также въ полгода и въ годъ смерти покойника. Нѣко-торые нанимають сорокоуствы служить въ церкви и читать псал-тирь 40 дней. Бѣдняки же въ упомянутые дни или вовсе не по-минають, или поминають только тѣмъ, что раздають нѣсколь-ко кусковъ хлѣба нищей братіи и служатъ въ 40 дней панихиду.

Пословицы и поговорки: „Нехай умирають, та й насъ дожи-дають. Нехай мрутъ, та й намъ дорожку труть; а мы сухары-кивъ насушымъ, та й соби туды рушымъ. Мертвого одъ гроба не несуть. Мертвый живого заставить. Одъ смерти и въ пичи не замажышся. Говорила покойныця до самой смерти. Якъ не

хворала, а хорошо вмерла. Сюды-туды верть,—въ черыпочку смерть. Якъ козыначый кужухъ та осыкови дрова, такъ нена-че й смерть готова. Шо то за похороны, шо не плачуть, и шо то за свайба, шо не спивають? Писля смерти нема покаяння. Его тилько за смертю посылать“.

Гл. 2-я.

Этнографическій календарь.—Постоянные праздники и соединенные съ ними повѣрья, обряды и пѣсни.—Масляница, великій постъ, пасха.—Дни недѣли.—Примѣты о погодѣ.—Писанки.—Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и рассказы.—Хлѣбъ.—Игры малолѣтнихъ и взрослыхъ.—Музыка.—Народныя бѣд-ствія: холера, падежъ скота, пожаръ и др.—Торговые обычаи и примѣты.—На-родная демонологія: вѣдма, вѣдмичъ, вовкулака, колдунъ, доля, русалка, до-мовой, злой духъ и рассказы про нихъ.—Народная зоологія: животныя, птицы, гады и наѣкомыя,—пословицы и загадки.—Народная ботаника: деревья, хлѣб-ныя и огородныя растенія, травы и цвѣты.—Народная поэзія: сказки, пѣсни, поговорки, загадки.—Причарованіе.—Малороссы, великороссы и цыгане.

Этнографическій календарь. — Январь. 1-го „Новый годъ, прѣзныкъ Васылія“. Подъ этотъ день молодежь гадаеть. Пару-бокъ или дѣвка беретъ подъ мышку пирогъ или паляницу, вы-ходить на дворъ, становится около передняго угла и слушаетъ: въ какой сторонѣ впервые услышитъ лай собаки, крикъ, раз-говоръ или другой какой звукъ, оттуда придется взять жену или выйти туда замужъ. Выходятъ на дорогу, снимають сапогъ или башмакъ и бросаютъ черезъ голову: куда онъ упадетъ носкомъ, въ той сторонѣ живетъ будущая жена или мужъ. Считаютъ тридевять колевь въ плетнѣ: если послѣдній коль припадетъ съ корою, будетъ жизнь богата, а если безъ коры—бѣдна. Бе-рутъ съ „сѣдала“ курицу, какая попадется, вносятъ въ хату, гдѣ ставятъ воду и сыпятъ зерно. Если курица начнетъ пить воду,—будетъ мужъ пьяница, а если будетъ клевать зерно,—будетъ „хлиборобъ“. Ложась спать, кладутъ въ одинъ сапогъ кусокъ хлѣба, а въ другой кусокъ „печыню“. Если на другой день, во время обуванія, первымъ попадется сапогъ съ хлѣ-бомъ, то обладателю его долго жить, а если съ „печыною“, то онъ умретъ въ томъ-же году. Въ день Новаго года стараются пораньше встать и пойти въ церковь, „шобъ увесъ годъ рано вставать и ходыть до цѣрквы“. Народъ вѣритъ,—чѣмъ зай-мешся въ этотъ день, тѣмъ будешь заниматься и цѣлый годъ.

Постели подъ этотъ день не стелятъ, „шобъ не привыкать мя-ко спать“. Утромъ мальчики ходятъ посыпать, желая урожая въ новомъ году. Набираютъ въ торбочку или въ рукавицу разнаго зерна (пшеницы, ячменя, жита, гороху, проса и проч.), входятъ въ хату, останавливаются около порога, бросаютъ зерно въ передній уголъ и говорятъ: „На щастя, на здоровья, роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашныцю! Стъ празникомъ будьте здорови, зъ Новымъ годомъ, та зъ Васыллямъ“. При этомъ нѣкоторые хозяева заставляютъ посыпальника садиться на лавкѣ или на порогѣ и „квоктатъ“, „шобъ булы курчата ранни“, а другіе просятъ посыпать садъ, „шобъ плоды уродылысь“; молодежь же спрашиваетъ перваго посыпальника, какъ его имя, вѣря, что это имя будетъ именемъ будущаго супруга. Есть такіе хозяева, которые во время посыпанья садятся на покути и держатъ руки вверхъ ладонями: сколько зеренъ жита попадетъ на ладони, столько лѣтъ жить загадывающему. За посыпанье мальчики получаютъ отъ хозяевъ деньги, пряники, конфекты, пирожки или хлѣбъ. Зерна, оставшія послѣ посыпальниковъ, собираютъ и даютъ домашней птицѣ, „шобъ раньше начала нестѣсь. Нѣкоторыя хозяйки въ продолженіи святокъ собираютъ „смиттѣ“ (соръ) подъ припечекъ, а на Новый годъ подкуриваютъ этимъ соромъ деревья въ саду „шобъ черва не заводылась. Женскому полу рано на Новый годъ „не годыщця“ ходить въ чужіе дома: къ кому въ этотъ день впервые придетъ женщина (а не мужчина), у того будетъ несчастье въ новомъ году. На Новый годъ въ продолженіи обѣда молодымъ людямъ нельзя выпускать изъ рукъ ложки, т. е. класть ее на столъ, „ато черезъ це пастухъ литомъ потиряе палку, чоловікъ—вылы, а жинка грабли“.

5-го „Голодный святъ-вечиръ“, „голодна кутя“. Въ этотъ день строго воспрещается кому бы то ни было ѣсть до освященія воды. Хозяйки съ утра готовятъ кушанья: „кутю“ изъ пшеничныхъ зеренъ, „озваръ“ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, вишенъ и терну, „густу капусту зъ олією“ (масломъ) и пироги съ горохомъ, фасолью или чечевицей. „Кутя и озваръ“ ставятся на „пóкути“, на сѣно, которое не прибирается со времени „богаты куті“. Изъ этого сѣна дѣлаются крестики, которые

ставятся въ узваръ и втыкаются въ кутю. Кто-нибудь изъ хозяевъ идетъ въ церковь, затѣмъ на водосвятіе, откуда приносятъ въ ведрѣ или въ кувшинѣ освященную воду, которую прежде всего („непочатую“) наливаютъ въ бутылки для храненія на цѣлый годъ, употребляя ее отъ разныхъ болѣзней, затѣмъ пьютъ освященную воду, наливаютъ въ миску или тарелку, берутъ кропило изъ васильковъ и начинаютъ окроплять и домъ, и дворъ, и скотъ, и всѣ хозяйственные принадлежности. Въ это же время кто-нибудь съ пирогомъ въ рукахъ пишетъ кресты на всѣхъ домашнихъ предметахъ, начиная съ „кути“; причемъ онъ кусаетъ пирогъ, по пословицѣ: „хрестъ пыснѹ и пирігъ куснѹ“. Мѣлъ, которымъ пишутъ кресты, хранятъ и употребляютъ отъ „зѣгы“ (изжоги). Написавъ кресты и все окропивъ св. водою, зажигаютъ лампаду и свѣчи предъ иконами, молятся Богу и садятся за столъ. Главный хозяинъ беретъ паляницу, обращается къ окну и три раза „кличе мороза вечерять“, говоря: „Морозе, морозе! иды до насъ вечерять, та не поморозъ намъ ни людей, ни скотыны, ни хлѣба, ни травы, ни овощи!“ Послѣ этого начинаютъ вечерять, кушая сначала пироги, потомъ капусту, кутю съ медомъ и узваръ. Кутю и узвара понемногу оставляютъ на другой день. Въ миску, гдѣ была кутя, кладутъ ложки всѣхъ вечерявшихъ вверхъ выпуклостью, накрываютъ цѣлымъ хлѣбомъ и оставляютъ на ночь на „пóкути“ или на столѣ. Чья ложка окажется на другой день перевернувшюся, тотъ скорѣе умретъ. По окончаніи вечера старики говорятъ молодежи: „а ну, хлопци, берить макогôны, та прогоняйте кутю“. Мальчики берутъ „качалки, кійки“ или палки, идутъ къ воротамъ и, ударя въ нихъ по нѣскольку разъ, говорятъ: „гетъ, кутя, съ покутя, а озваръ на базарь!“ — Послѣ вечера не позволяется „чмакать рóтомъ“, т. е. что-либо ѣсть и даже брать въ ротъ, „шобъ нишо погане не зайшло въ двиръ“. Въ этотъ же „святъ-вечиръ“ снимаютъ съ кути пригорѣвшій вершокъ и на Крещеніе, какъ только освятятъ воду и выстрѣлятъ изъ ружья, спѣшатъ сыпать его курамъ, „шобъ скорішъ неслысь“.

6-го „Хрещення“. Въ сл. Никольской, за неимѣніемъ рѣки и озеръ, освящаютъ воду въ колодезѣ. Во время погруженія

въ воду креста, кто нибудь выпускаетъ изъ рукъ принесеннаго голубя, и стрѣляютъ изъ ружей, „шобъ вовкы не бигалы гуртамы“. Богатые люди стараются пріобрѣсти часть той палочки, которая лежала на кадущѣ, подъ крестомъ. Они втыкаютъ ее гдѣ нибудь въ „стриху хлива, шобъ воры боялысь“; вѣрятъ, что, кто это сдѣлаетъ, того воры не могутъ обокрасть, такъ какъ на нихъ нападаетъ великій страхъ; пасѣчники же дѣлаютъ изъ нея „бигунці“, т. е. лавочки въ ульяхъ, „шобъ бджолы не втикалы изъ пасики“. Въ этотъ день также берутъ освященную воду, окропляютъ ею домъ и прочія постройки, пьютъ натошакъ и затѣмъ молятся Богу и садятся обѣдать. Обѣдъ начинается кутьей и узваромъ, послѣ чего ѣдятъ скоромную пищу. Сѣно, бывшее подъ кутьею и узваромъ, даютъ скоту, а часть его оставляютъ и кладутъ въ гнѣздо подъ птицу, „шобъ лучше сыдила и щобъ яйца не портылысь“. Въ этотъ день катается молодежь, а въ особенности засватанные женихъ и невѣста. Духовные ходятъ съ крестомъ по домамъ, причемъ пишутъ мѣломъ на дверяхъ „Орданскій крестъ“, который по уходѣ ихъ сейчасъ же затирается, „шобъ птиця неслась“.

7-го „Ивана Хрыстытеля“. Этотъ послѣдній день святокъ празднуется народомъ.

8-го „Риздвяный день“. Этотъ день большинство празднуетъ, заканчивая святки, а нѣкоторые работаютъ; женщины начинаютъ прясть, почему и сложилась поговорка: „Тикъ и прытикъ и починокъ приволикъ“.

30-го „Трехъ святѣтелей“. Въ этотъ день не работаютъ.

Февраль. Январь считается народомъ за отца, а февраль за сына, который говоритъ: „Якъ-бы у мене була така сыла, якъ у батька, такъ я бъ быку-третяку ригъ ссадѣвъ“.

2-го „Стриченна“. „Зима зъ литомъ стрицаецця.—На Стриченна пивень коло порога якъ напѣецця, такъ на Явдошку (1 марта) и вилъ на дорози напѣецця. На стриченна дорогу якъ перемете, такъ до Велыкодня колякы замете“.—Ночью подъ Стрѣтеніе старшій изъ мужчинъ беретъ посуду и молча идетъ къ колодцу за „стриченской водой“. Пришедши туда, онъ говоритъ: „Здоровъ, колодязь Романе, и вода Оляно и ты, земля Тытяно! Дай мини, Романе, воды одъ усякой быды“.

Набравъ воды, онъ, не оглядываясь, идетъ домой, гдѣ его должна на обоихъ порогахъ встрѣчать женщина, съ иконой и кружкой, въ которую набираетъ воды и говоритъ: „Господы Иусе Хрысте, Сыне Божый. Господы, благословы“; приэтомъ она принесшаго воду слегка бьетъ по головѣ иконой и затѣмъ накрываетъ ею сосудъ. Изъ кружки выливаютъ воду въ бутылки, хранятъ въ продолженіи года и употребляютъ отъ разныхъ болѣзней, а въ особенности лѣчатъ ею людей и скотъ „зглазъ“. Утромъ оставшуюся воду даютъ птицѣ и скоту, „шобъ лучше плодылысь“.

11-го Власія. Святый Власій считается покровителемъ рогатого скота, почему въ этотъ день большинство не работаетъ, а женщины не прядутъ и молятся св. Власію „шобъ коровы были ласкави, шобъ телята не были ласи (до молока), шобъ благополучно тельмысь и шобъ черва не заводиылась у скотыны“. Нѣкоторыя женщины въ этотъ день гуляютъ и пьютъ водку.

29-го Касьяна, „Высокость-годъ“. Народъ раздѣляетъ высокосные годы на „простые высокосные“ и „настоящій высокость-годъ“, который бываетъ черезъ 15 лѣтъ на 16-й. Въ настоящій высокость-годъ Касьянъ передъ своимъ праздникомъ лежитъ ничкомъ; въ праздникъ же, приподнявшись, смотритъ, и что ему первое придется увидѣть, на то въ этомъ году будетъ несчастье: если увидитъ человѣка,—будетъ болѣзнь и моръ на людей, если—скотину, будетъ падежь на скотъ, если—поля, то будетъ неурожай и т. п.

Мартъ. 1-го „Явдошкы“ или „Вдокин“, „первый весенный празныкъ“.—„Якъ на Вдокію пивень напѣецця коло порога, такъ буде тепло и рання весна, а якъ будутъ переметы, такъ будетъ пизня весна и уродыцця гречка и просо“. Если на Евдокію будетъ свѣтлый день, то и весь годъ будетъ солнечный, ясный.

9-го Сорокъ святыхъ, „другой весенный празныкъ“. Въ этотъ день пекутъ изъ кислаго тѣста сорокъ „жайворонкивъ“ (подобіе птички, съ крыльями, носомъ, хвостомъ и крестикомъ сверху), размачиваютъ ихъ въ разсолѣ и ѣдятъ. Народъ вѣритъ, что въ этотъ праздникъ птица рано встаетъ и приносить въ гнѣздо 40 палочекъ, и что къ этому времени прилетаетъ „изъ вѣрія (съ юга) 40 жайворонкивъ“.

17-го „Теплый Олексій, Алешка“, „третій весняный праздник“. — „Якъ повие витерь на Алешку зъ востокъ, такъ вывозъ ззидкы на мистокъ (урожай), а якъ повие москаль, то усе въ кучку таскай“ (неурожай). Если весна ранняя, такъ въ этотъ день служатъ на площади молебень и освящаютъ зерно къ предстоящему посѣву.

25-го „Благовищеня“, „четвертый весняный празникъ“. Этотъ праздникъ такъ великъ, что даже птица, по народной вѣрѣ, не вьетъ гнѣзда; люди не пекутъ хлѣба и не чешутъ волосъ, „шобъ куры не разгрибалы градокъ“. „Яка погода буде на Благовищеня, така и на Велькдень“. „Якъ на Благовищеня уранци сояшно буде, такъ ранній хлѣбъ лучшій уродыщця, якъ опивднй—средній, а якъ вечеромъ—пизвій“. „Нужно до Благовищеня свиню годувать, а писля Благовищеня хочъ на лубку вывезы йи въ степъ, або въ лисъ, такъ не пропаде“. „До Благовищеня не годыщця спать на двѣри, ато нападе хвороба“. На Благовищеніе воры стараются что нибудь украсть, чтобы цѣлый годъ красть, не попадаясь.

26-го „Благовистытеля, празникъ Гаврылѣя“ (Гавриила). Этотъ день народъ празднуетъ.

Апрѣль. 8-го ап. Руфа. „На Руфа все изъ земли рушыщця: и трава и всяка зелень, и все шо посіяно и посажено въ цей день, пиде росты; всяка гадына полизе зъ земли, а птыця полетитъ изъ вырїя“. Не ходять въ лѣсъ, чтобы гадъ не укусилъ.

11-го „Мученька Антыпїя“. Этому святому молятся и служатъ молебны, прося его исцѣленія во время зубной боли; молятся ему и тогда, когда что-нибудь теряютъ, вѣря, что онъ помогаетъ отыскать утерянное.

17-го Св. Зосимы. Зосима и Савватїй считаются покровителями пчелъ; поэтому иконы этихъ святыхъ обязательно имѣются у каждого пасѣчника и ставятся среди пасѣки, на видномъ мѣстѣ.

23-го „Святого Ягорїя или Юрїя“. „До Юрїя быють у жыти дурня, а писля Юрїя и розумного. — На Юрїя якъ буде роса, такъ сий проса“. Этотъ день празднуется народомъ и считается пастушымъ праздникомъ. Нѣкоторые пастухи ходять въ церковь, ставятъ св. Георгїю свѣчу, молятся ему и постятся, „шобъ

вовкы скотыны не трогалы“. Въ особенности постятся „вивчарї“ и, выгоняя овецъ, молятся такъ: „Ставлю я, Господы, скотынку на луку; вручаю Тоби, Господы, на руки. Святый Спасъ! шобъ Ты мыни скотынку спасъ. Пресвятый Ягорїй! сохрани ихъ (овецъ) одъ ябедныкивъ, одъ ябедныщъ; и засунъ ихъ, Господы, чугунною лавою!“ По народной вѣрѣ, безъ позволенія св. Георгїя никакой звѣрь не можетъ причинить вреда скоту или съѣсть его. Выгоняя свой скотъ на пастбище, народъ окропляетъ его святой водой и читаетъ еще слѣдующую молитву: „Гоню я, Господы, скотынку на луку; вручаю я, Господы, Тоби на руки. Святый Отче Спасъ! шобъ Ты мою скотынку пасъ; св. Мыколай! додому навертай, св. отче Ягорїй! собакаъ прыпынай и лыхыхъ лыходиивъ, шобъ воны быстрымы очамы не всмотрялы и лыхыхъ словъ не вымовлялы. Завяжы имъ, Господы, ротъ на весь годъ билымъ холстомъ. Дай, Господы, часъ добрый на всякій часъ, на всяке время. Аминь“.

Май. 8-го „Ивана“. Въ этотъ день, празднуемый народомъ, многіе ходять въ степъ рвать „гарашкы“ (кудрявые грибы), употребляемые въ пищу въ борщѣ или въ видѣ жаркого.

9-го „Весняный Мыколай“. Храмовой праздникъ съ небольшою храмовою ярмаркою. Въ этотъ день въ каждомъ домѣ собираются родственники и знакомые, по большей части прїѣзжіе изъ окрестныхъ селеній, которые, отслушавъ богослуженіе, обѣдаютъ и пьютъ водку у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, что иногда продолжается до вечера и даже до другого дня.

10-го „Семеново зело“. Большая часть народа празднуетъ Симона Зилота; бабы же стараются до восхода солнца собирать разныхъ травъ и кореньевъ, которые засушиваются ими и употребляются отъ всякихъ болѣзней: дѣлають ванны, настои для питья, жуютъ корни и листья и т. п. Когда рвутъ траву, то говорятъ такъ: „Травка, травыця, красна дивыця! не я тебе садыла, не я й поливала: Господь тебе садывъ, Господь и поливавъ, всякому христїяніну на помичъ дававъ“.

Въ этотъ день (а также въ среду подъ Вознесеніе) „не годыщця выстелать полотна: выхоръ пидниме и закруте“, послѣ чего нельзя ни продать, ни употребить на домашнія надобности, а можно только отдать на церковь или раздать людямъ,

да и то такъ, чтобы они не знали, какое оно есть. У одной женщины было два куска полотна поднято вихремъ и закручено около яблони. Сняли полотно, побрызгали св. водою и подкурили ладонь; послѣ этого женщина, по своей скупости, одинъ кусокъ продала, а другой употребила на подушки своей дочери. Какъ только дочь легла въ первый разъ на эти подушки, такъ сейчасъ же и заболѣла, слѣдствіемъ чего было то, что она осталась „кывовъязою калікою“ на всю жизнь.

11-го „Царагряда“. Этотъ день большинствомъ народа празднуется, „шобъ грядъ (градъ) хлиба не побывъ“.

Юль. Въ первой половинѣ этого мѣсяца начинаютъ косить траву. Выпроводивъ первый разъ на степь косарей, пожилыя бабы, оставшіяся дома, собираются у кого нибудь въ домѣ и начинаютъ „гладыть покосы“, т. е. устраиваютъ пирушку, во время которой пьютъ водку, поютъ пѣсни, ѣдятъ яичницу, узваръ и проч.

24-го „Ивана Купала“. Въ цей день до схода солнца косятъ траву и нею заготовляютъ скотыну, якъ ставлять на загороду, шобъ вона не худала“. Вечеромъ подъ этотъ день дѣвушки плетутъ вѣнки изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, а парубки и подростки несутъ изъ дому солому, разстилаютъ ее на выгонѣ, поджигаютъ и начинаютъ перепрыгивать черезъ горящія костры, „шобъ дивчата и хлопцы любылись“. Если парубокъ, разогнавшись, побоится перепрыгнуть черезъ усилившійся огонь, то это означаетъ, что онъ не можетъ жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, и поэтому долженъ искать другую; а если у дѣвушки во время прыганья спадетъ съ головы вѣнокъ, то это для нея самый плохой признакъ: любимый ею и любящій ее парубокъ обязательно долженъ разлюбить ее, хотя и станетъ ея мужемъ. При этомъ могутъ присутствовать и женатые и замужнія, но они не должны прыгать черезъ огонь. Ночью, около 12 час., говсрятъ, ходятъ добывать цвѣтъ „папороти“ (папоротника), имѣющій чудодѣйственную силу.

28-го „Троеручицы иконы Божіей Матери“. Съ этой иконой связано слѣдующее народное повѣрье: „Якъ хто заблуды въ степи, або въ лиси, такъ ему слѣдуетъ згадѣть, у кого есть образъ Троеручицы, и тоди винъ найде дорогу и вернецца благополучно до дому“.

29-го Петра и Павла. „Зузуля куде тилько до Пѣтра, а якъ писля Петра ще недиллю покычыть, такъ це означае, шо осинь тепла буде“. Съ этого времени начинаются „жыва“, — косить жито. Подъ этотъ праздникъ, ѣдучи съ поля, говорятъ тѣмъ, кто косить: „Буде вже вамъ косить, оставте Петрови на бороду“.

30-го „Полупетра“. Этотъ день празднуютъ, но не всѣ.

Юль. 8-го „Прокипя“. Около этого дня, празднуемаго всѣми, начинаютъ выбирать „плоскинъ“, перегонять пчелъ и косить ячмень, почему сложилась и поговорка: „Якъ прыйде Прокипя, — не буде бизъ кипья“.

15-го „Владимира“. Всѣ празднуютъ.

19-го „Мокрины“. Хотя этого дня народъ не празднуетъ, но примѣчаетъ, что если на Мокрины и на слѣдующій день (20) будетъ хорошая, ясная погода, то ждать сухой осени, а если дождь, — мокрой.

20-го „Пророка Иллі“. Всѣ празднуютъ и вѣрятъ, что „прыйде Илля, — наробы гныля“. Съ Иллі, говорятъ, вода сдѣлается холодною, начнетъ прибавляться — „наверху иты“, и купаться послѣ этого дня не слѣдуетъ: „голова болитымы“. Народъ вѣритъ, что пророкъ Илія завѣдуетъ громомъ, „йизды по небу на огненій колесныци, розвозе калачыкы (траву) и пускае въ лукавыхъ (бѣсовъ) стрилы“, которые выходятъ изъ земли черезъ 7 лѣтъ и употребляются людьми для прикалыванія „колючкы“ и опухоли. Во время грозы слѣдуетъ креститься, „шобъ лукавый не заховався пидъ чоловіка“, и чтобы чрезъ это Илья не убилъ и человѣка, пуская стрѣлы въ злого духа; если же громъ убьетъ человѣка, то онъ считается святымъ, какъ и женщина умершая отъ родовъ. Во время сильной грозы, а въ особенности „горобыной ночи“, которая бываетъ въ спасовку, въ семь лѣтъ одинъ разъ, зажигаютъ передъ иконами страстныхъ свѣчи и молятся Богу.

24-го „Хлибо-Борыса“. Такъ какъ около этого времени бываетъ самая горячая, рабочая пора, то большинство народа не празднуетъ и говоритъ объ этомъ днѣ такъ: „Прыйде Хлибо-Борыса — за хлибъ берыся“.

27-го „Пантелеймона или Палія“. Этотъ день люди празднуютъ и молятся св. Пантелеймону, чтобы онъ не допустилъ по-

жара, такъ какъ, по народной вѣрѣ, этотъ святой наказываетъ имъ тѣхъ изъ людей, кто работаетъ въ этотъ день.

30-го Ивана Воина. Хотя народъ этого дня и не празднуетъ, но молится Ив. Воину и служитъ молебны, чтобы онъ помогъ отыскать украденное.

Августъ. 1-го „Маковія, первый Спасъ“. Празднуя этотъ день, ѣдятъ „шулыки“, т. е. тонкіе прѣсные коржи изъ пшеничной муки, разломанные на мелкіе кусочки и положенные въ „сыту“ (медъ съ водою), куда примѣшиваютъ макъ. Съ 1 по 15 продолжается постъ—„Спасивка“, въ продолженіи которой начинаютъ молотить и сѣять жито.

6-го „Другой Спасъ“. „Прийшовъ Спасъ,—держи рукавички про запасъ“. Въ этотъ день освящаютъ медъ и яблоки. Старые люди и тѣ, у кого умирали дѣти, до Спаса не ѣдятъ яблокъ, вѣря, что въ этотъ день на томъ свѣтѣ собираютъ всѣхъ дѣтей вмѣстѣ и раздаютъ имъ яблоки; не даютъ только тѣмъ дѣтямъ, родители которыхъ ѣли до Спаса, почему они неутѣшно и сильно плачутъ.

13-го „Тыхона Задонскаго“. Всѣ празднуютъ.

15-го „Перва Прычиста“. Разговѣвшись въ этотъ день, хозяйки стараются дать свиньямъ варениковъ или другой скоромной пищи „шобъ вони гладкі булы“.

16-го „Рукотворѣннаго Образа“. Кто этотъ день празднуетъ, у того не будетъ на тѣлѣ и въ особенности на рукахъ и пальцахъ нарывовъ.

29-го „Писный Иванъ, Головосіка“. Въ этотъ праздникъ соблюдается строгій постъ; не варятъ борща и не рѣжутъ капусты и другихъ круглыхъ предметовъ, похожихъ на голову.

Сентябрь. 1-го „Сѣмена“. Если на Симеона будетъ сѣверный вѣтеръ, слѣдуетъ ожидать холодной зимы. Послѣ этого дня люди начинаютъ вставать и работать „вдосвита“; рабочимъ же не даютъ полудновать.

6-го „Михайлово чудо“. Въ этотъ день не работаютъ, боясь наказанія, „бо цей празныкъ часто караетъ“. Въ особенности боятся на „Михайлово чудо“ сѣять и волочить (боронить). Рассказываютъ, что одинъ человѣкъ ѣхалъ сѣять, а другой, повстрѣчавшись съ нимъ, спросилъ: „Куда ты йдишь?“—„Сіять“,

отвѣчалъ первый.—„Та сёгодня Михайлово чудо!“—„Чудно буде, якъ посию жыто“. Приѣхалъ онъ на свою ниву, разсѣялъ жито и началъ волочить; затѣмъ взялъ онъ на плечи борону и такъ проходилъ до самаго вечера, не будучи въ состояніи снять ее съ плечъ. О происхожденіи этого праздника нѣкоторые крестьяне рассказываютъ слѣдующее: ѣхалъ „гончарь“ съ горшками на парѣ лошадей, одна изъ которыхъ была бѣлая, а другая—черная. Остановился онъ около лѣса, выпрягъ лошадей и пустилъ пастись, а самъ легъ подъ возомъ отдохнуть. Въ это время выскочилъ изъ лѣса волкъ, поотрывалъ лошадямъ головы и опять скрылся. Стоитъ „гончарь“ около коней и плачетъ. Приходитъ къ нему незнакомый человѣкъ и спрашиваетъ: „Чого ты добрый чоловиче, плачешъ?“—„Та якъ же мині не плакати? Тільки и худобы було, що двоє коней, та й тыхъ вовкъ подушывъ!“—„Не плачъ;—бери головы и приставляй до туловища: вони оживуть“. Гончаръ схватилъ второпяхъ голову бѣлой лошади и приставилъ къ туловищу черной, а голову черной—къ туловищу бѣлой. Головы сейчасъ же приросли, лошади ожили и встали. Послѣ этого незнакомецъ сказалъ „гончарю“: „Теперь йди, добрый чоловиче, и розкажи всимъ людямъ про це чудо, шобъ вони кажный годъ празнували сёгодняшній день и называли ёго Михайловымъ чудомъ, потому що я архангелъ Михайлъ“. Сказавши эти слова, архангелъ скрылся, а „гончарь“ началъ рассказывать всѣмъ людямъ о чудѣ, явные слѣды котораго остались на лошадяхъ. Съ этого времени и стали праздновать „Михайлово чудо“.

8-го „Друга Прычиста“. Съ этого времени начинаютъ свататься, почему сложилась и поговорка: „Прийшла Прычиста, принесла старостивъ нечыста“. Рассказываютъ, что въ этотъ день одна бѣдная женщина, собирая сына и невестку на Донщину, дѣлала щелокъ и стирала имъ на дорогу бѣлье. Выстиравши, что было нужно, она помолилась Богу и сѣла около стола отдохнуть. Сидитъ она и видитъ незнакомую дѣвушку, идущую къ ней въ хату мимо оконъ. Заскрипѣла дверь въ сѣняхъ, заскрипѣла и другая дверь, ведущая въ комнату, гдѣ сидѣла женщина, а никого не видно. Потомъ она увидѣла, какъ кто-то махнулъ три раза передъ ея глазами бѣлымъ платкомъ и больше ничего и никогда не видѣла: она ослѣпла.

14-го „Вздыженна“. Строго соблюдается постъ. Съ этого дня все начинается „двигачья: птыци летать у вѣрій (теплыя страны), гадюки ховающья въ землю“ и проч. На этотъ праздникъ не ходять въ лѣсъ за грушами, „бо тамъ збыраецья всяка гадына, и не тѣгнуть конопѣль: гадюка вкусе“. Разсказываютъ, что „на Вздыженна одна дивка ходыла за грушами, провалылась въ лѣси въ яку-то яму, и тамъ зъ гадюками зимувалась и зъ ными лызала каминь замѣсто пыщи, а на Руфы (8 апр.) вышла видтиля, та жовта якъ вискъ“.

26-го „Покровского Ивана“. Этотъ день всѣ празднуютъ.

Октябрь. 1-го „Покрова“.—„Прийшла Покрова, зарывла дивка якъ корова“. Въ этотъ день „збирають старостивъ на порѣду,—куда йты сватацья“.—Откуда вѣтеръ дуетъ на Покровъ, оттуда будетъ дуть и всю зиму. „До Покровы ненужно топыть въ грубахъ, а то зимою холодно буде, а на Покрову трѣба вытопыть до свита. Кто до Покровы вымажыть хату, у того зимою тепло и сухо буде“.

22-го „Казаньска Божя Маты“. Этотъ день всѣ празднуютъ.

26-го „Дмытра“. „До Дмытра дѣвка хѣтра, а писля Дмытра,—сякый-такый, абы бувъ, та шобъ хлиба роздобувъ“. Передъ Димитріемъ бываетъ первая поминальная суббота, которая называется „Дмы트로вою суботою“. Подъ поминальныя субботы „не годыцья брать глыны, ато бѣвають нещастя зъ людмы“. Въ одномъ семействѣ братъ и сестра не вѣрили этому и, несмотря на предостереженіе матери, поѣхали за глиной. Только что начали они брать ее, вдругъ обвалилось глинище и засыпало ихъ. Сбѣжались люди, откопали ихъ и нашли сестру совсѣмъ мертвою, а брата живымъ, но только искалѣченнымъ. Мать этихъ дѣтей разсказывала, что „пивень“, предвѣщая несчастье, все время, когда они поѣхали за глиной, кричалъ безпрестанно подъ окнами.

Ноябрь. 1-го „Кузьмы и Демьяна“. Передъ Косьмою и Даміаномъ бываетъ вторая поминальная суббота, называемая „Кузьминою суботою“.

8-го „Мыхайла“. Передъ этимъ днемъ, празднуемымъ почти всѣми, бываетъ третья поминальная суббота, которую называютъ „Мыхайловою суботою“. Въ каждую изъ трехъ вышеупо-

мянутыхъ субботъ народъ служить въ церкви панихиды и поминаетъ своихъ усопшихъ родственниковъ. Около праздника Мыхайла заканчивается пастба овецъ и дѣлается расчетъ съ пастухами.

13-го „Ивана Златоуста“. Всѣ люди празднуютъ.

14-го „Пылыла“. „Заговини на пылыпивскій пистъ“. Такъ какъ большинство работниковъ нанимаются въ срокъ до заговѣнь, то они въ этотъ день получаютъ расчетъ отъ своихъ хозяевъ.

21-го „Введеннй“.

23-го „Мытрофана Воронежскаго“. Святителя Митрофана всѣ празднуютъ, какъ великаго чудотворца.

24-го „Катерѣны“ („Катри“). Меньшинство празднуетъ.

30-го Андрея Первозваннаго,—„Андроса“.

Декабрь. 4-го Варвары. Большинство празднуетъ этотъ день и говоритъ о немъ такъ: „Варвара ночи ввирвала, дня доточыла“.

5-го Саввы. Праздникъ препод. Саввы считается большимъ, чѣмъ праздникъ Варвары, но, не смотря на это, нѣкоторые работаютъ и о празднующихъ говорятъ такъ: „Було бъ тоби не савыте, не варварыте и не андросыте, та на сорочку кундосыте“ (прясть).

6-го „Зимній Мыхолай“. Этотъ храмовой праздникъ съ храмовою ярмаркой также проводится, какъ и весенній.

12-го „Свырыдона“. Хотя Спиридона не празднуютъ, но говорятъ, что съ этого времени „возвратъ сонця на лито: сонце на лито, зима на морозъ“. Почему-то существуетъ еще такая поговорка: „Свырыдонъ повизъ сорочки на Донъ“. Этотъ праздникъ считается послѣднимъ передъ Рождествомъ Христовымъ.

24-го „Богатый святъ-вечиръ, богата куття“. Въ этотъ день не соблюдаютъ поста, почему онъ и называется „богатою куттею“. Хозяйки утромъ готовятъ тѣ же самыя кушанья, какія готовятся на „голодный святъ вечиръ“. Куття и узваръ варятся обязательно въ новыхъ горшкахъ. Если сварившаяся куття выйдетъ съ верхомъ, то будетъ урожай,—„верховати стоги“, а если безъ верха,—неурожай. Передъ вечеромъ кто-нибудь изъ дѣтей семейства несетъ въ хату чистенькое сѣно, кладетъ его на „покутти“ и при этомъ „квокчетъ“—(кво, кво, кво) „шобъ куры квокталы и курчага водылысь“. Затѣмъ хозяйка беретъ кутю,

несетъ ее и ставить на „покуття“, приговаривая: „собѣ, куття, на покуття, а озварѣ на базарѣ“. Нѣкоторыя женщины, неся кутю на „покуття“, дергаютъ дѣтей за волосы спереди, сзади и сбоковъ, приговаривая: „шобѣ булы (курчата) чубати, шобѣ булы хвостати, шобѣ булы вухати“. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ передъ иконами лампаду и свѣчи, молятся Богу и садятся вечерять; все это начинается старшій въ домѣ, а за нимъ и всѣ прочіе члены семейства. Вечеря въ достаточномъ семействѣ состоитъ изъ пироговъ, помазанныхъ медомъ или постнымъ масломъ, густой капусты съ масломъ, жидкой похлебки изъ размятаго гороха, чечевицы или „квасоли“, куты и узвара. Во время вечера не пьютъ воды, „шобѣ літомъ въ поли не було жажды“. (Для этого же не пьютъ воды на „голодный святѣ-вечирѣ“, на Рождест. Христова и на Пасху). Если кто изъ дѣтей чхнетъ за вечерю, тотъ будетъ счастливымъ и его дарятъ чѣмъ нибудь.—Въ мискахъ оставляютъ понемногу куты и узвара для „доли“ (счастья), „атѣ може вона голодна, цілий годъ не йшла“. По окончаніи вечерней пици дѣти „носятъ вечерю“ крестнымъ, родственникамъ и сосѣдямъ. Принесши въ мискѣ, накрытой паланицей и обвязанной полотенцемъ, кутю съ медомъ, дѣти подаютъ ее въ руки, на примѣръ, крестному отцу и говорятъ: „Приславъ батько й маты съ хлибомъ и силою, на те вамъ, тату, вечерю!“ Тотъ принимаетъ, благодаритъ, отвѣдываетъ вечера, подсыпаетъ куты и меду, перемѣняетъ хлѣбъ, даетъ деньги (2, 3 или 5 коп.), гостинцы и отпускаетъ. Говорятъ, что прежде ходили и ѣздили съ вечерей не только дѣти, но и взрослые. При этомъ они пили водку, брали съ собою и того хозяина, къ которому являлись съ вечерей и такъ продолжали гурьбою странствовать изъ хаты въ хату всю ночь, до утренняго благовѣста.

25-го „Риздвѣ“. Съ этого дня и до 8 января продолжаютъ „Риздвѣни святѣй“, въ продолженіи которыхъ многіе ничего не работаютъ, говоря: „Поки вода не освѣтыцца нельзя и сокѣры въ руки брать“. Съ Рождества люди, сознавая, что половина зимы уже прошла, начинаютъ говорить такъ: „Хочѣ дуй, хочѣ не дуй,—не къ Риздвѣ (йде), а къ Велѣкодню,—цыганѣ уже и кожухъ продавъ“.

Утромъ мальчики ходятъ по хатамъ Христа славить, „вершувать“, за что получаютъ деньги, пряники, конфекты и хлѣбъ. Ходя по домамъ, они читаютъ тропарь праздника и поздравляютъ съ Рождествомъ Христовымъ, а нѣкоторые говорятъ слѣдующую виршу:

„Малѣнький хлопчыкъ
Родився въ вивторчыкъ,
А въ середу рано
Въ школу оддано.“

Винѣ чытае, читае,—
Ничого не знае,
Тилькы азѣ та буквы....
Пожалуйты пятачокѣ у руки!“

Вечеромъ „парубкы, дивчата и молодыци“ ходятъ по дворамъ и „колядуютъ“ подъ окнами, за что получаютъ деньги, сало, хлѣбъ и проч. Прежде всего спрашиваютъ позволенія: „Дай, Боже, вечерѣ добрый! Чы заколядувати вамъ?“ И когда получаютъ согласіе хозяевъ, начинаютъ большею частію слѣдующія колядки:

1) „Ишла Дива Марія лужкомъ бережкомъ, Та й зострила трое жыдовъятъ: — Чы вы, жыдовъята, Суса Хрыста мучылы? — Не мы мучылы Хрыста, а наши диды. На крутий гори кряжі кряжуютъ, церквы будуютъ; А въ тыхъ церквахъ тры грѣбы лежать: Въ первомъ грѣби Сусъ Хрыс- тосъ лежить,	А въ другомъ грѣби Иванъ Хрестытель, Въ третьемъ грѣби Дива Марія. Надъ Сусомъ Хрыстомъ та кныгы чытають, Надъ Ивановъ Хрестытелемъ свѣчи палаютъ, Надъ Дивою Марією рожа про- цвітае. А съ тии рожи та й вылетивъ птахъ, Тайполетивъ по пидъ небысамы. Юсѣ небеса ростворылися, Юсѣ святѣ поклонилися“.
---	---

Послѣ каждого стиха припѣвается „агылуа“ трижды. Одна изъ колядующихъ заканчиваетъ всякую колядку слѣдующими громко произнесенными словами: „Дай, Боже, вечерѣ добрый! та вынести перигъ довгий, та не ламайте, а ціленькій да-вайте: зѣ рукамы, зѣ ногамы, шобѣ гнався за нами; безъ рукъ, безъ нигъ, шобѣ не загрузѣ у снигъ“!

2) „На гори на Осиански, На земли на Брытаньски (на Прыпотяци). Тамъ Божая Маты походыла, Тамъ шовкова трава уродыла,	Тамъ Сусъ Хрыстосъ прыпочы- вае. Збыралосѣ все жыдовѣ, Хочутъ Хрыста уловыты, Уловыты, умертвыты;
---	---

несетъ ее и ставитъ на „покуття“, приговаривая: „собѣ, куття, на покуття, а озварѣ на базарѣ“. Нѣкоторыя женщины, неся куттю на „покуття“, дергають дѣтей за волосы спереди, сзади и сбоковъ, приговаривая: „шобѣ булы (курчата) чубати, шобѣ булы хвостати, шобѣ булы вухати“. Когда стемнѣетъ, зажигаютъ передъ иконами лампаду и свѣчи, молятся Богу и садятся вечерять; все это начинаетъ старшій въ домѣ, а за нимъ и всѣ прочіе члены семейства. Вечеря въ достаточномъ семействѣ состоитъ изъ пироговъ, помазанныхъ медомъ или постнымъ масломъ, густой капусты съ масломъ, жидкой похлебки изъ размятаго гороха, чечевицы или „квасоли“, куты и узвара. Во время вечера не пьютъ воды, „шобѣ літомъ въ поли не було жажды“. (Для этого же не пьютъ воды на „голодный святѣ-вечирѣ“, на Рождест. Христова и на Пасху). Если кто изъ дѣтей чхнетъ за вечерю, тотъ будетъ счастливымъ и его дарятъ чѣмъ нибудь.—Въ мискахъ оставляють понемногу куты и узвара для „доли“ (счастья), „атѣ може вона голодна, цілый годъ не йила“. По окончаніи вечерней пищи дѣти „носятъ вечерю“ крестнымъ, родственникамъ и сосѣдямъ. Принесши въ мискѣ, накрытой паляницей и обвязанной полотенцемъ, кутю съ медомъ, дѣти подаютъ ее въ руки, напимѣрь, крестному отцу и говорятъ: „Приславъ батько й маты съ хлибомъ и силою, на-те вамъ, тату, вечерю“! Тотъ принимаетъ, благодаритъ, отвѣдываетъ вечера, подсыпаетъ куты и меду, перемѣняетъ хлѣбъ, даетъ деньги (2, 3 или 5 коп.), гостинцы и отпускаетъ. Говорятъ, что прежде ходили и ѣздили съ вечерей не только дѣти, но и взрослые. При этомъ они пили водку, брали съ собою и того хозяина, къ которому являлись съ вечерей и такъ продолжали гурьбою странствовать изъ хаты въ хату всю ночь, до утренняго благовѣста.

25-го „Риздвѣ“. Съ этого дня и до 8 января продолжаютъ „Риздвяни святкі“, въ продолженіи которыхъ многіе ничего не работаютъ, говоря: „Поки вода не освятыцьця нельзя и сокиры въ руки братѣ“. Съ Рождества люди, сознавая, что половина зимы уже прошла, начинаютъ говорить такъ: „Хочѣ дуй, хочѣ не дуй,—не къ Риздвѣ (йде), а къ Велѣкодню,—цыганѣ уже и кожухъ продавъ“.

Утромъ мальчики ходятъ по хатамъ Христа славить, „вершувать“, за что получаютъ деньги, пряники, конфекты и хлѣбъ. Ходя по домамъ, они читають тропарь праздника и поздравляютъ съ Рождествомъ Христовымъ, а нѣкоторые говорятъ слѣдующую виршу:

„Маленький хлопчыкъ
Родився въ вивторчыкъ,
А въ середу рано
Въ школу оддано.“

Винѣ чытае, чытае,—
Ничѣго не знае,
Тилькы азѣ та буквы...
Пожалуйты пятачокъ у руки“!

Вечеромъ „парубкы, дивчата и молодцы“ ходятъ по дворамъ и „колядуютъ“ подъ окнами, за что получаютъ деньги, сало, хлѣбъ и проч. Прежде всего спрашиваютъ позволенія: „Дай, Боже, вечирѣ добрый! Чы заколядуваты вамъ“? И когда получаютъ согласіе хозяевъ, начинаютъ большею частію слѣдующія колядки:

1) „Ишла Дива Марія лужкомъ бережкомъ, Та й зострила трое жыдовъятъ: — Чы вы, жыдовъята, Суса Христа мучылы? — Не мы мучылы Христа, а наши диды. На крутий гори кряжі кряжуютъ, церквы будуютъ; А въ тыхъ церквахъ тры грѣбы лежать: Въ первомъ грѣбѣ Сусъ Хрыс- тосъ лежить,	А въ другомъ грѣбѣ Иванъ Хрестытель, Въ третьемъ грѣбѣ Дива Марія. Надъ Сусомъ Христомъ та кныгы чытають, Надъ Иваномъ Хрестытелемъ свѣчи палаютъ, Надъ Дивою Марією роза про- цвітае. А съ тии рожи та й вылетивъ птахъ, Тайполетивъ по пидънебисамы. Юсѣ небеса ростворылися, Юсѣ святѣ поклонилися“.
---	--

Послѣ каждаго стиха припѣвается „алѣлуя“ трижды. Одна изъ колядующихъ заканчиваетъ всякую колядку слѣдующими громко произнесенными словами: „Дай, Боже, вечирѣ добрый! та вынести перигъ довгий, та не ламайте, а ціленькій да-вайте: зъ рукамы, зъ ногамы, шобѣ гнався за нами; безъ рукъ, безъ нигъ, шобѣ не загрузъ у снигъ“!

2) „На гори на Осиянски, На земли на Брытаньски (на Прыпотящи). Тамъ Божая Маты походила, Тамъ шовкова трава уродила,	Тамъ Сусъ Хрыстосъ прыпочы- вае. Збыралося все жыдовья, Хочуть Христа уловыты, Уловыты, умертвыты;
---	--

На древо пидиймалы,
Гвоздымы руци й нози пры-
бывалы,

Копьемъ ребра пробывалы,
Терновый винецъ накладалы.
Ангелы зъ небесъ злиталы,
Золотии чаши пидставлялы,
Крѳви на землю не пускалы.
Прийшла Дива Марія, Божая
Маты.

— Ой, Сынку Ты жъ мий воз-
любленный!
За шѳ, Сынку, страсть прый-
маешъ?

— Яжъ тоби, Моя Маты, отпо-
видаю:

Не на вики, Маты, помираю,
На трѳ денѳчки въ грѳбъ лягаю:
На третій день воскресѳся,
На небеса вознесѳся.

Принявъ Хрыстосъ муку и стра-
сты,

Избавытъ насъ одъ напасты,
Одъ велѳкои пропасти.

Слава Тоби, Боже нашъ,
И помылуй насъ“.

При этомъ говорятъ; „Дай, Боже вечеръ добрый, та выне-
силь перигъ довгый“ и проч.

31-го „Мыланкы“. Если въ этотъ день будетъ иней, то это
хорошій признакъ,—къ урожаю. У кого есть садъ, тѳ хозяйева
ходятъ въ этотъ день (а нѳкоторые на Новый годъ во время
трѳзвона къ обѳднѳ) „лякать яблуню, шѳбъ лучше родыла“: бер-
ретъ мужчина топоръ, идетъ въ садъ и, ударяя слегка топо-
ромъ по яблонѳ, говоритъ: „Будешъ, яблунька, рожаты,—не
буду рубаты; а якъ не будешъ рожаты,—буду рубаты“. Кто къ
Рождеству кололъ свинью, тѳ въ этотъ день начиняють и жа-
рятъ свинныя кишки и желудокъ, который народъ называетъ
„богомъ“: кишки начиняются кашею, а желудокъ свининою и
саломъ. Какъ кишки, такъ и желудокъ ѳдятъ въ продолженіи
нѳсколькихъ дней, и при этомъ считается обязательнымъ при-
глашать для этого кушанья родственниковъ, знакомыхъ и со-
сѳдей: „такъ годыщця“.

Вечеромъ на „Мыланкы“ молодежь ходитъ подъ окнами „щѳд-
рувать“, получая за это хлѳбъ, сало, колбасу, деньги и проч.,
что относится еѳ на вечерницы. Подойдя подъ окно, одно лицо
изъ щѳдрующихъ говоритъ: „Дай, Боже, вечеръ добрый! Чы заще-
друваты вамъ?“ Если хозяйева позволятъ то молодежь начи-
наетъ чаще всего слѳдующую „щѳдривку“:

1) „Ой, на рици та й на Ярлани, | Вона прала, прала та вымахала,
Тамъ Пречыста та рызы прала, | На ялыну та вывишала.

Та десъ юзалѳся трѳ янголы,
Та взяли рызы на крылата,
Та й понесли по пидъ небесамы.
Юсѳ небеса раствориыся,
Юсѳ святи поклонныыся.
Де не взялася щѳбетѳшечка,
Та й въ свитылоньку поглядѳе:
Шѳ свитылонька та й не мѳтена,

А Оксанка (имя дѳвки хозяина)
не чесана, не заплетена;
А батѳнько та сукно краѳ:
Старши сестры укоротылы,
А менши сестры остановылы —
Обризѳчки на поясѳчки,
А гапылѳчки на черевычкы“.

Послѳ каждого стиха припѳваютъ: Щѳдрый вечеръ, добрый
вечеръ, добрымъ людямъ на здоровья“!

Всякую щѳдровку, какъ и колядку, заканчиваетъ одно лицо
словами: „Дай, Боже, вечеръ добрый“ и проч., а нѳкоторые
прибавляютъ къ этому: „Дайте ковбасу,—я додому понесу, дай-
те кѳшку,—я зымъ у затышку“!

2) „Мыланка ходыла,
Васылька просыла:
Васыльку, мий батьку!
Пусты мене въ хатку;
Я жыта не жала,
Чесный хрѳсть держала,
Золотую кадыльницу.
Радуйтѳся (кадѳтѳся) люды:

До васъ Хрыстосъ буде;
Богу свичу ставше,
А намъ перигъ дайте,—
Зъ рукамы, зъ ногамы,
Шѳбъ бигъ за намы,
Бизъ рукъ, бизъ нигъ,
Шѳбъ не загрузъ у снигъ“.

Переходящѳе праздники. Масляница. Приготовительныя къ по-
сту недѳли народъ называетъ такъ: „всѳйидна, ряба и масныця“.
„Примичають, шо якъ на всѳйидний недѳли будутъ на стрѳси и на
викнахъ соплякы (ледяныя сосульки), такъ уродыщця лѳнъ“. По-
слѳдній день „рябой“ недѳли называется „нижковѳми заговинамы“,
потому что къ этому дню готовятъ „холодци“ изъ свинныхъ но-
жекъ. Въ этотъ день послѳ обѳда, зятѳя съ своими женами
отправляются въ гости къ тестю, обязательно съ хлѳбомъ-солью,
гдѳ проводятъ время до вечера или до другого дня. Всякое
кушанье, приготовленное для заговѳнъ, стараются закончить въ
этотъ день; если за ужиномъ не поѳдятъ, то относятъ его не-
имущимъ, бѳднымъ сосѳдамъ, или сами встають ночью и до-
ѳдаютъ, говоря: „Хочъ пузо роздайсь, а Божѳй даръ не останьсь“.
Въ продолженіи масляницы народъ лакомится „варѳныкамы“
съ соленымъ сыромъ и „млынцѳмы“ (блинами) изъ пшеничной
и пшенной муки съ масломъ, почему сложилась и пословица:
„Варѳныкы доведутъ, шо й хлиба не дадутъ“. Если на масля-

нищъ будетъ снѣгъ или дождь, то уродится, говорятъ, хорошее просо. Женщины во всю масляницу не прядутъ, „шобъ червы не завѣдылись у масли и шобъ телята были ласкави“. Въ первый день масляницы ходятъ по домамъ и вяжутъ „колодки“ вдовцамъ и родителямъ, имѣющимъ взрослыхъ холостыхъ дѣтей. Тѣ откупаются, угощая пришедшихъ водкой, и даютъ имъ понемногу пшеницы, муки, картофеля, денегъ или чего другого. Собранные матеріалы продаются, а вырученные деньги пропиваются. Еще на масляницѣ ходятъ „цыганки“, т. е. женщины, одѣтыя по-цыгански: съ распущенными волосами, съ выпущенной пазухой, низко подпоясанныя и т. п. Ходятъ онѣ по домамъ, ворожатъ, смотря на ладонь руки, просятъ сыра, масла и муки на вареники и кричатъ: „Масныця, масныця! яка ты мала, якъ бы тебе симъ недѣль, а посту одна“.

Въ продолженіи трехъ недѣль, начиная со всеѣдной, молодежь вечерами „водить козла“. Такъ называется игра съ пѣніемъ, состоящая въ томъ, что дѣвушки становятся въ рядъ или въ кругъ, берутся за руки, идутъ по улицѣ или стоятъ на мѣстѣ и поютъ: „Та вскочывъ козелъ у горѣдъ, у горѣдъ, та поивъ козелъ лукъ-чеснокъ, лукъ-чеснокъ“. Иногда при этомъ одни изъ нихъ поднимаютъ руки, а другія проходятъ у нихъ подъ руками. Кромѣ упомянутой пѣсни, продолженія которой не пришлось узнать, дѣвушки поютъ много другихъ, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

„Якъ пиду я у козла,
А за мною тры посла:
Первый посель—нагайка,
Другой посель—шабелька
Третій посель—самъ иде,

Соби дивчыну веде.
Я нагаечку спалю,
А шабельку изломлю,
Постиль билу постелю,
Сама у козла пиду“.

* *

„Камышаньки парубки
Пойихалы на ловѣ
У зелени дибровѣ
Рудыхъ лысыцъ ловыты.
Не вловылы лысыци,
Та вловылы комаря,
Велького сподаря;
Та й повезлы до пана,

Сталы суды судыты,—
Комарыка дилыты:
Усимъ, братци, по стегнѣ,
А намъ, братци, по ребру;
А одному голова,—
Шо винъ парень бизъ ума,
А другому ошѣекъ,—
Винъ здоровый нешвыдокъ,

А третему плычыци,—
Въ ёго кари очыци,
Четвертому нижечкѣ,—
Въ его чорни бривочкѣ,
А пятому печінка,—
Шо винъ упавъ съ причылка,
А шѣстому лопата,—
Буде жинка горбата,
Я сѣмому хвостыще,—
Куды не йде все свыще,
А вѣсьмому ратычкѣ,—

Шобъ любви дивочки,
Девятому весь окість,—
Буде грызты цилый пистъ.
Коло млынѣ калына,
На калыни соловья,
А на гори дивчата,
Пидъ горою хлопьята.
Де не взявся та Иванъ,
Усыхъ дивчатъ розогнавъ,
А соби Марьечку взявъ
И зъ вулицы побижавъ“.

Эта пѣсня появилась въ послѣднее время и поется со многими варіаціями; вмѣсто же словъ „одному, другому“ дѣвки говорятъ имена парубковъ.

* *

Ой, кроко́сс, крокосе!
Ты развийся хорѣше.
Ой, лю́ли та лю́лі,
Ты развийся хорѣше.
Я на на́ший ю́лыци
Все купѣ́чки молодці́.
Ой, лю́ли та лю́лі,
Все купѣ́чки молодци́.
Нема купні́шаго купця
Надъ Ивана (имя).
Ой, лю́ли та лю́лі,
Надъ Ивана молодця.

Не одну стѣжку втопче,
Черезъ тещынъ двиръ ходяче.
Ой, лю́ли та лю́лі,
Черезъ тещынъ двиръ ходяче.
Шобъ и теща хвалыла
И Марьечка любила.
Ой, лю́ли та лю́лі,
И Марьечка любила.
Шобъ Марьечка любила,
Золотый перестѣнь дарыла.
Ой, лю́ли та лю́лі,
Золотой перстень дарыла“.

* *

„Вулиця моя нешырока,
Рано—нерано, нешырока.
Хто тебе, вулиця, все топче?
Рано—нерано все топче.
Стопталы мене парубѣчки,

Рано—нерано парубѣчки.
Парубѣчки чобитѣчкамы,
Рано—нерано чобитѣчкамы.
А дивѣчки черевычкамы,
Рано—нерано, черевычкамы“.

* *

„Рябѣна, рябына!
Рябына кудрява,
Та ще й кучерява.
А на тий рябини
Чотыри цвѣточкы,—
Чотыри парубѣчки.
Та первый цвѣточекъ
Тымошка (имя) молодчыкъ.
Та Тымошка каже:

— „Я Орыну люблю,
Та й за себе возьму,
Та й очипокъ куплю,—
Въ ныдильню зрядю,
И въ гостонькы пошлю.
Иды жъ ты, Орыно,
Иды, не барѣйся,
Шобъ я молоденький
Та й не зажурывся“.

* *

„Молодая молодычко!
Выйды до насъ, выйды до насъ.
— Рада бѣ я, мои подружки,
Выйты до васъ, выйты до васъ,
Та въ пичи, мои подружки,
Огонь горить, огонь горить,
А на прыпичку, подружки,

Борщыкѣ кыпять, борщыкѣ кы-
пять,
Въ колѣсци, мои подружки,
Дытя крычыть, дытя крычыть.
На пичи, мои подружки,
Свекорѣ ворчыть, свекорѣ вор-
чыть“.

* *

„Ой, вы, гусы-лебеди,
Привыкайты на води.
Ой, люли та люли,—
Привыкайты на води.
Якъ мы були молодымы,
Та й привыкувалы.
Ой, люли та люли,—
Та й привыкувалы.
Я свѣкрови угодо:
Въ голѣвоньци поглядю,
Ой, люли, та люли,—
Въ голѣвоньци поглядю.
Я свекруси угодо:
Бѣлу постель постелю.
Ой, люли та люли,—
Бѣлу постель постелю.
Я диверю угодо:
Рано коня напою.“

Ой, люли та люли,
Рано коня напою.
Рано коня напою
И синечка пидложу.
Ой, люли та люли,
И синечка пидложу.
Я золѣвци угодо:
Дрибно косу заплету.
Ой, люли та люли,
Дрибно косу, заплету.
Росты, коса, до пояса,
До чырвѣныхъ чобитѣкъ.
Ой, люли та люли,
До чырвѣныхъ чобитѣкъ.
До чырвѣныхъ чобитѣкъ,
До золотыхъ пидковѣкъ.
Ой, люли та люли,
До золотыхъ пидковѣкъ.“

„Заговини на пистѣ“. Вечеромъ въ этотъ день молодежь „за-
копуетъ козла“. Берутъ дѣвушки какое нибудь полѣно, несутъ
его на выгонъ, закапываютъ его въ снѣгъ и поютъ:

„Пора козла брать за хвистъ, Будемъ козла забувать.
Шобъ не водѣть увѣсь пистѣ: Теперь козла закопали
Въ пистѣ не будемо спивать, И вулецю розигналы“.

Послѣ этого онѣ прощаются и расходятся по домамъ. Про-
щаясь въ этотъ день, люди кланяются въ ноги одинъ другому
(въ домахъ по три раза, а на улицѣ по одному разу) и гово-
рятъ при этомъ: „Просты мене! и въ другой разъ, и въ третій
разъ“. — „Богъ простыть и я прощаю. Просты и мене!“ Послѣ
ужина полощутъ ротъ водою, „шобъ винъ очыстывся одъ ско-
ромнаго“.

„Великій пистѣ“. Не все коту масныця,—прийде и великій
пистѣ“. Въ первый день Великаго поста, который называется „жы-
лявымъ по недилкомъ“, женщины пекутъ „жыляныкы“—житные
коржи, которые и ѣдятъ въ этотъ день съ хрѣномъ и рѣдкою.
Нѣкоторые изъ людей ничего не ѣдятъ въ продолженіи цѣлаго
дня, отчего у нихъ тянетъ жилы и почему и день этотъ называет-
ся „жылявымъ“. Мужчины, которые были на заговѣны пьяны-
ми, въ понедѣльникъ полощутъ ротъ водкой, иногда напиваясь
допьяна. Женщины въ этотъ день не должны ходить по чу-
жимъ домамъ, такъ какъ онѣ, по народному повѣрью, разно-
сятъ въ это время „всяку хворобу“. Въ продолженіи первой не-
дѣли рѣдко кто употребляетъ вареную пищу; всѣ же питаются
хлѣбомъ, хрѣномъ, рѣдкою, капустою, огурцами, арбузами и
картофелемъ безъ масла. Почему и говорятъ: „У пистѣ рѣдки
хвистѣ“. Со вторника нѣкоторые начинаютъ ходить въ цер-
ковь; большинство же начинаетъ говѣть съ среды и четверга,
въ который идти къ вечернѣ считается обязательнымъ. Въ пят-
ницу каждый говѣющій, пидя исповѣдываться, что здѣсь назы-
вается „возытъ пона“, прощается со всѣми взрослыми членами
семейства. При этомъ онъ кланяется старшимъ по три раза въ
ноги, а младшимъ въ поясъ и говоритъ: „Простыть мене, тату!
и въ другой разъ, и въ третій разъ“. Тотъ отвѣчаетъ: „Богъ
простыть, и я прощаю“. Послѣ исповѣди священникъ не дол-
женъ ничего ѣсть и пить, потому что „винъ берѣ на себѣ гри-
хы всихъ сповидавшихся у ёго людей“.

Въ субботу, послѣ причащенія св. Таинствъ, выходятъ изъ
церкви; но потомъ каждый спѣшитъ поспѣть на молитву и за-
тѣмъ, выходя изъ церкви, „познаменовацьця“, т. е. поцѣловать
крестъ или икону, потому что „хто бизъ благословення и не
познаменовавшись пиде, того молитва не приймецьця и не за-
пышецьця на небѣ, все одно якъ винъ и въ церкви не бувъ“. Въ этотъ день „спасѣнныкамъ“ разрѣшается выпить дома три
стакана водки; плевать же имъ нельзя одинъ или три дня,—
„грихъ, прычастя выплюешъ“, и спать въ этотъ день не слѣ-
дуетъ: „ангелы прычастя вкрадуть“. Всякій говѣвшій обязатель-
но долженъ пойти къ вечернѣ, что называется „однести пры-
”

часть". Если же кто не пойдет, о томъ говорятъ, „по винѣ укравъ причастя“.

Четвертая недѣля поста называется „средохрѣсною“. Въ среду на этой недѣлѣ сѣютъ макъ, „шобъ нечервывый бувъ“, и пекутъ „хресты“ (крестообразный хлѣбецъ, въ видѣ калача), одинъ изъ которыхъ засушиваютъ и хранятъ до посѣва, а остальные поѣдаются семействомъ. Вечеромъ этого дня, во время „поклонѣнія“ (Андреево стояніе), никто изъ остающихся дома не долженъ работать; часто случаются несчастія съ работающими людьми.

Пятая недѣля называется „похвальною“ и признается самою теплою изъ всѣхъ постовыхъ недѣль. Шестая же называется „вербною“ и считается холодною, почему о ней и говорятъ: „Якъ прійде вербычъ, такъ кожухъ и свиту налычъ (надѣнь)“. Въ Воскресенье этой недѣли, пришедши изъ церкви и принеши вербу, крупную освященную вербу, годную для посадки, оставляютъ на дворѣ, „шобъ лучше прійнялась, якъ посадятъ“, а съ мелкою идутъ въ хату и бьютъ ею, шутя, кого-нибудь приговаривая: „Верба бье, не я бью, за тѣждень-Велѣкдень. Ось недалечко красне яечко!“ Небольшія вѣточки вербы оставляютъ для прикалыванія шишекъ на пасхахъ, для „загничеванія“ ихъ и для лѣкарства отъ головной боли (варятъ ее и отваромъ мочатъ голову), а остальную сожигаютъ въ печкѣ, считая большимъ грѣхомъ бросать ее и потомъ топтать ногами.—Гдѣ въ вербное воскресенье загремитъ громъ, тамъ будетъ урожай.

„Страшна недилла“. Въ эту недѣлю также строго постятся, какъ и въ первую недѣлю поста. Въ четвергъ, который называется „чыстымъ“, всѣ по возможности стараются обмыться къ празднику, а больные, „нечестю“ купаются ночью, „поки воронъ дитей не купа“, чтобы очиститься отъ болѣзни; затѣмъ изъ чанка (перерѣза), въ которомъ они купались, набираютъ ведро воды, выносятъ на „перехрѣсну“ дорогу и выливаютъ, „шобъ тамъ все лыхо осталось“. Вслѣдствіе этого утромъ осторожные люди боятся выходить или выѣзжать изъ дому, „шобъ не напасты на хворобу“, которая можетъ перейти на нихъ. Въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, женщина садится

на порогъ и прядетъ нитку, суча ее „навнакы“, т. е. крутитъ веретено пальцами отъ себя, не такъ, какъ слѣдуетъ. Такую нитку хранятъ и перевязываютъ ею руку или ногу, когда таковыя „разовыюцца“, т. е. заболятъ въ суставѣ. Если въ этотъ четвергъ золить бѣлье, то „позилкы“ (золу) прячутъ и засыпаютъ ими лошадей и скоту. Нѣкоторые неопытные хозяйки скопляютъ на послѣдніе дни много работы и поэтому не управляютъ съ дѣлами; о такихъ хозяйкахъ, говорятъ: „шыты, билыты,—завтра Велѣкдень“.

Вечеромъ этого дня, идя изъ церкви послѣ страстей, стараются горящую свѣчу донести домой, чтобы она не потухла. Если пламенемъ такой свѣчи прижечь крестъ на воротахъ, то въ этотъ дворъ не забѣжитъ „поганая“ (бѣшеная) собака. Во всѣхъ хатахъ обязательно пламенемъ свѣчи прижигаютъ на сволокахъ кресты, остающіеся до мазанья комнатъ. Если упадетъ кого лихорадка, соскабливаютъ глину съ этихъ крестовъ и даютъ пить больному. „Страшнѣ свѣчку“ хранятъ изъ года въ годъ, зажигаютъ ее во время сильной грозы и во время лѣченія людей и скота, и даютъ въ руки умирающему.

Въ пятницу и субботу пекутъ „паски“ (пасхи), жарятъ поросенка и красятъ яйца. Какъ только пасхи посажаютъ въ печь и „загнетятъ“ ихъ св. вербою, сейчасъ же хозяйки идутъ и сѣютъ розсаду, „шобъ капуста була здорова, якъ паска“. Пасхи въ печи накрываются платочкомъ, который хранится и употребляется для подкуриванія отъ „бышыхы“ (рожи). Если верхъ пасхи упадетъ или окажется она пустою въ срединѣ, то это означаетъ несчастье,—кто-нибудь изъ семейства умретъ въ томъ году.

„Велѣкдень“ (Пасха). Ночью подъ первый день Св. Пасхи ищутъ кладъ, на которыхъ, говорятъ, подъ великіе праздники горитъ свѣча. Многіе ходятъ на ночь въ церковь слушать дѣянія св. апостоловъ, но большинство до благовѣста находится дома, гдѣ въ каждой хатѣ во всю ночь горитъ огонь. Спать ложатся въ этотъ вечеръ какъ попало, не стеля постели. Идя въ церковь, каждый человекъ беретъ съ собою нѣсколько крашенныхъ яицъ, которыя отдаетъ при христосованьи духовнымъ или кому другому. Когда несутъ освящать пасху, то вмѣстѣ съ нею берутъ для освященія: сало, яйца, поросенка съ кус-

комъ хрѣна во рту, макъ, ладонъ, галунъ (квасцы), соль, пше-
но, мѣдный крестикъ и иголку. Освященный хрѣнъ грызутъ отъ
тошноты и глистовъ, иглой лѣчатъ отъ куриной слѣпоты, для
чего нужно смотрѣть сквозь ея ушко на восходящее солнце,
крестикомъ прикалываютъ „колочку“, ладонемъ подкуриваютъ отъ
„бышыхъ“, галунъ пьютъ со святой водой отъ болей живота
(„завійны“), а пшено и соль беретъ больной лихорадкой, несетъ
на „перехрѣсну“ дорогу или въ садъ, бросаетъ черезъ голову
и говоритъ: „Вась, тѣтки, симдесять симъ, такъ нате вамъ
хлиба—со́лы всѣмъ“!

Въ этотъ день до свѣта ходятъ на кладбище просить про-
щенія у отца или матери тѣ изъ людей, которыхъ проклинали
покойные родители. Пришедши на могилу, эти люди христо-
суются съ умершими родителями, а потомъ просятъ прощенія.
Если въ это время загудитъ въ землѣ, то это означаетъ, что
отецъ или мать простили свое дитя, и поэтому ихъ приняла
земля,—которая раньше не принимала за грѣхъ проклятій; если
же на могилѣ покажется свѣча, это означаетъ, что душа ихъ
пошла въ рай. Еще говорятъ, что если на Пасху пойти на
кладбище и похристосоваться съ кѣмъ-нибудь изъ родственни-
ковъ въ то время, когда въ церкви въ первый разъ скажутъ:
„Христосъ воскресъ“! то изъ могилы можно услышать отвѣтъ:
„Воистину воскресъ“.

Какъ только прійдутъ изъ церкви и принесутъ пасху, сей-
часъ же мажутъ натошакъ св. саломъ губы, носъ и все лицо
„шобъ вонь літомъ не болѣлы и не трѣскались одъ вітру и
со́нця“. Въ это же время присматриваются къ пасхѣ, чтобы
замѣтить, какія на ней есть шерстинки (волосики): если замѣ-
тятъ бѣлыя, значить бѣлый скотъ будетъ идти по двору, если
черныя,—черный и т. д. Затѣмъ молятся Богу и рѣжутъ пасху,
отломивъ предварительно шишку съ нея и отдавъ ее хозяйкѣ,
которая несетъ коровѣ или прячетъ и отдаетъ ей тогда, когда
она „отѣлыцця“, „шобъ видьма не спортыла“. Когда на Пасху
разговѣшься и выйдешь на дворъ,—то, что прежде всего уви-
дишь, тѣмъ и промышляй, т. е. занимайся,—удача будетъ. Ес-
ли въ этотъ день будетъ дождь или небо хмарно, то къ уро-
жаю. На „Велыкдень“ врата въ царство небесное открыты; по-

этому, кто въ продолженіи трехъ дней умретъ, того душа идетъ
прямо въ рай. Ребенокъ же, родившійся въ эти дни, считается
несчастливымъ. Отъ Св. праздника и до Вознесенія Христосъ
ходитъ по землѣ; поэтому, если увидишь человека издали да-
же, то слѣдуетъ ему поклониться, потому что „можетъ Самъ
Сусъ Христосъ“. На Пасху, говорятъ, „со́нце грае, якъ сходе“.
Кости, скорлупы и другіе остатки свяченнаго, за исключеніемъ
оставленнаго для разныхъ домашнихъ потребъ, относятся на
воду, чтобы не топтать ихъ ногами, что считается великимъ
грѣхомъ. Послѣ обѣда ходятъ на кладбище, христосуются съ
умершими и кладутъ на могилы яйца, которыя подбираются
собравшимися здѣсь дѣтьми. Утромъ ходятъ мальчики по домамъ
и христуютъ такъ:

„Христосъ воскресъ изъ мерт-
выхъ (3 раза).“

Со́нце святыцця,
Исусъ Христосъ на свить ро-
дыцця.

Божя Маты на камени стояла,
Кровави слезы проливала.

Пылаты, Пылаты!

Якъ намъ Хрыстово тило зняты,

На престолъ положыты,

Плещенцею уккрыты?

Тамъ пташки литалы,

Весело спивалы,

Исуса Хрыста звеселялы;

И мы будемъ спиваты,
Исуса Хрыста звеселяты.
Тамъ громы гремилы,
Додолу упалы.
Пидыть, дѣты, пиднимите,
Краснымъ яечкомъ обдарите.
Поки новый свить настане,
Земля потрясецця,
Каминь роспадецця.
Каминь роспавсь,
До гроба не мавсь.
Христосъ воскресъ изъ мерт-
выхъ (3 раза)“.

Второй день Пасхи называется „Богородыця“. Въ этотъ день
раздаютъ нищимъ милостыню,—пасху, яйца и проч. Когда въ
первый день дѣлятъ яйца поровну всѣмъ членамъ семейства,
тогда оставляютъ часть мертвымъ, которую и раздаютъ на
2-й день.

Третій день называется „Тройця“, а слѣдующіе дни—„вель-
кодными святкамы“, продолжающимися до проводъ (понедѣль-
ника), когда большинство тоже не работаетъ, поминаетъ род-
ныхъ, пьетъ водку и нерѣдко гуляетъ до самаго вечера (жен-
щины и мужчины). Кто на проводы работаетъ, съ тѣмъ слу-
чаются несчастья, а кто сѣетъ, у того посѣянная въ этотъ
день нива „не вроды“. Въ продолженіи святокъ во время обѣ-

да кладутъ на столъ лишнюю ложку, „шобъ було чимъ обидать Иусу Христу“.

Съ 4-го дня святокъ „челядь“ (молодежь) начинается дѣлать „складки“, заключающіяся въ томъ, что дѣвушки приносятъ изъ дому муку, яйца, масло и сало, изъ этихъ продуктовъ пекутъ крендели, орѣшки, жарятъ яичницу и проч., а парубки просятъ у родителей денегъ и покупаютъ водку, вино, пряники и орѣхи. Здѣсь они пьютъ, закусываютъ, поютъ пѣсни, танцуютъ и т. д.

„Права середѣ“ (Преполовеніе). Такъ какъ въ этотъ день бываетъ въ церкви служеніе и святятъ воду, то крестьяне до обѣда празднуютъ всѣ, а послѣ обѣда большинство работаетъ, хотя и говорятъ, что, кто не празднуетъ этого дня, тому будутъ убытки и неудачи. Съ Преполовенія можно купаться, и, поэтому, если нѣтъ дождя, народъ начинаетъ обливаться водою, будто бы вызывая этимъ появленіе дождя.

Около этого времени бываютъ крестные ходы по полямъ, въ сопровожденіи многихъ людей, выходящихъ изъ дома натошакъ. Обойдя поля и помолясь Богу, останавливаются въ назначенномъ мѣстѣ, гдѣ готовится обществомъ обѣдъ и куда многие хозяева привозятъ изъ дому закуски и кушанья съ цѣлью поминовенія усопшихъ. Во время обѣда, на которомъ присутствуютъ всѣ духовныя лица, пьютъ по нѣсколько рюмокъ водки и вина, закусываютъ пирогами со сметаной и ѣдятъ борщъ, лашшу, молочную кашу и проч. Послѣ обѣда, въ жаркое время, обливаются водою и вѣрятъ, что послѣ этого Господь пошлетъ дождь, если только есть между обливающимися „хоть одна душа благочестыва“.

„Вшестѣ“ (Вознесеніе). Въ среду подъ этотъ праздникъ до обѣда работаютъ, а послѣ обѣда не работаютъ, потому что „настае Вшестѣ“. „Не приходыцѣ въ среду Вшестѣ, а въ четверъ“. Отъ праздника Пасхи и до Вознесенія Богъ ходитъ по землѣ, вслѣдствіе чего въ продолженіи этого времени по вечерамъ ничего не работаютъ, — „святі вечира“.

„Тройца, Клечальна или Свята Недѣля“. Въ субботу подъ этотъ день „до схидъ сонця“ рвутъ „любыстокъ“ и полынь, а послѣ обѣда „щебрець“ и другую зелень для посыпанія по хатѣ. Святковую зелень, которая лежитъ въ хатѣ три дня,

хранять, какъ лѣкарство: настой изъ полыни употребляютъ отъ „сояшныцъ“, щебрець нюхаютъ тѣ, у кого испортилось обоняніе, а другія травы употребляютъ для мытья больной головы и для купанья новорожденныхъ дѣтей и родильницъ. Къ Троицѣ крестьяне украшаютъ свои хаты и постройки „клечаннемъ“ (древесными вѣтками), которое рубятъ въ саду и въ лѣсу. Вѣтки осины, воткнутыя въ ворота и углы загоры, охраняютъ дворъ и скотъ отъ вѣдьмы. Если листья „клечала“, поставленнаго въ хатѣ, почернѣютъ въ теченіе трехъ дней, то въ этомъ году въ домѣ будетъ покойникъ, т. е. кто-нибудь изъ хозяевъ умретъ. Ложась спать подъ этотъ день, нѣкоторые хозяйки постели не стелятъ. Если ночью подъ Троицу (и подъ другіе большіе праздники) произойдетъ въ домѣ необъяснимый стукъ или шумъ, или упадетъ икона, лампада, то это говорятъ, передъ „прычыною“ или смертью. Утромъ стараются пораньше встать, „шобъ недримлѣвымъ быть“. Кто на Троицу и вообще въ большіе праздники, стоя въ церкви, не приклоняетъ головы во время большого выхода съ Св. Чашею, тотъ „урѣкльвыи буде“. Эти святки, называемыя „Троецькымы“, празднуютъ три дня, по прошествіи которыхъ хатній соръ собирается, выносятся въ садъ и подсыпается подъ плодовые деревья, „шобъ червѣ на нихъ не заводылась“. Въ четвергъ на этой недѣлѣ бываетъ „русальчынъ великдень“, когда боятся ходить въ лѣсъ, садъ и даже огородъ, „шобъ русалка не залоскотала“. Въ продолженіи всей этой недѣли не подсыпаютъ „квочекъ“, „а то не выведущѣя курчата, а якѣ й вылупыщѣя, такъ буде каликою“. Во всю недѣлю вечерами не работаютъ, потому что „грихъ“, — „святі вечира“.

„Десята пѣятныця“ (послѣ Пасхи). Этотъ день всѣ празднуютъ, рассказываютъ много несчастныхъ случаевъ съ тѣми, кто работаетъ въ этотъ день, — „карае святѣ Пѣятинка“.

„Петрѣвка, петривскій пистъ“. — „Петривочка—мала ничка“. Въ петровку производится покосъ сѣна и поэтому весь сильный людъ находится въ степи; дома же остаются старыя бабы и дѣти, справляющія домашнія работы: бабы доятъ коровъ, собираютъ масло и сыръ, поляютъ огороды и т. п., а дѣти помогаютъ имъ, выгоняютъ скотъ въ череду, пригоняютъ его и т. д. Вотъ и пѣсня о такой помощницѣ:

„Маленька ничка—петривочка, Задримала,
Не выпалась наша дивочка, На пеньки ноги позбывала,
И якъ къ чѣреди гнала,— На шпычки очи повыймала“

Дни недѣли. Въ „недѣлю“ (воскресенье) ничего не работаютъ, „ато чымъ небудь, а покарá свята Недѣленька“. Рассказываютъ, что одинъ человекъ въ этотъ день рубилъ дрова, вслѣдствіе чего у нихъ вывелись „все гусята съ перерубанными головками“.

„Понедѣлокъ—самый важкій день“, въ который не начинаютъ никакого важнаго дѣла. Есть люди (въ особенности женщины), которые въ этотъ день „понеделкуютъ“, т. е. постятся и не ѣдятъ скоромной пищи.—„Вивторокъ, четверъ и субота“ признаются легкими днями, въ которые можно начинать всякія дѣла, если только воспоминаемый въ нихъ святой не мученикъ.

Подъ пятницу и въ пятницу не прядутъ, льну не бьютъ и не золить (бучать) бѣлья. Кто въ пятницу золить, „того на тимъ свити будутъ позилками (золою) годувать“, а чтобы этого не случилось, женщина должна выпить 3 ложки жидкой золы. Рассказываютъ, что одна женщина золила подъ пятницу, и вотъ ночью, когда она уже спала, „жлукто“ само собою падало три раза съ страшною силою. Это такъ напугало ее, что она съ этого дня перестала золить въ пятницу. Другая женщина прядла подъ пятницу: „Отъ одынъ разъ сыдѣтъ вона и прядѣ. Открываецця викно, кыдаецъ ий хто-то кучу веретѣнъ и каже: „Ты щыра прысты,—напряды жъ за ничъ уси веретена!“ Жинка узала йихъ и давай прысты и намотувать: на тѣ нытку, на тѣ двѣ, а на тѣ тры; пообмотувала все веретена и выкинула за викно. Вранци вона выйшла съ хаты, подывылась, ажъ ничого нема била виконъ“. Говорятъ, что если бы эта женщина не догадалась такъ поступить, то ее „покарала бы свята Пятныця“, которая представляется народомъ въ видѣ молодой дѣвушки.

Въ пятницу и среду женщинамъ не полагается чесаться: зубы будутъ болѣть. Женщина, вѣнчавшаяся въ среду, останется вдовою, а мужчина, повѣнчанный въ пятницу, останется

вдовцомъ. Такъ какъ въ субботу приходится раньше обыкновеннаго заканчивать свои дѣла, то поэтому народъ и говоритъ: „субота—не работа“.

Примѣты относительно погоды. Передъ дождемъ: свиньи хрюкаютъ и бѣгутъ домой, кошки и собаки спятъ, лошади фыркаютъ; ласточки летаютъ низко, воронъ кричитъ, воробьи купаются въ пыли, цыплята пищать, пчелы гуляютъ безъ времени, блохи кусаются, дремается, въ ушахъ чешется, поясница болитъ, спину ломить и вообще болятъ поврежденные члены, солнце садится за тучи, дымъ стелется по землѣ, небо желтовато-зеленаго цвѣта, соль мокрѣетъ. Передъ вѣтромъ: вечерняя заря горитъ, мѣсяцъ въ кругу, небо желто, въ трубѣ гудить, грачи и галки кружатся по воздуху, шумя крыльями. Передъ морозомъ и холодомъ: кошка прячется въ теплое мѣсто и свертывается, солома, перегорѣвшая въ печкѣ или грубкѣ, свертывается въ комки-клубки, снѣгъ подъ ногами скрипитъ, около солнца появляются столбы или кругъ. Передъ мятелюю: собаки качаются по снѣгу, грачи и галки кричатъ и летаютъ, шумя и нечасто махая крыльями, волы бѣгаютъ и брыкаются. Передъ тепломъ: кошки лежатъ на полу, вытянувшись во весь ростъ.

Если зима будетъ теплая и тихая, то и лѣто будетъ теплое и тихое, а если холодная и вѣтреная,—и лѣто будетъ холодное и вѣтреное. Если въ филипповку будутъ сильные морозы, то во время жатвы будутъ сильные жары. Чѣмъ больше зимою будетъ падать иней, тѣмъ лучшій будетъ урожай. Въ какой сторонѣ загремитъ первый громъ, тамъ будетъ урожай. Если на зимняго Николая (6 дек.) напьется пѣтухъ около порога, то будетъ хорошій урожай. Если 9 марта будетъ морозъ, то отойдетъ, говорятъ, 40 морозовъ, а 40 еще останется; если же не будетъ, то останутся всѣ 80 морозовъ и поэтому весною долго будетъ продолжаться холодъ.

Къ свѣтлому празднику готовятъ **писанки и крашенки**. Писанки, приготовляемые въ нѣкоторыхъ домахъ съ помощью воска, съ рисунками въ видѣ крестика, сосенки, полосокъ, пятенъ, кривулечъ и т. п., дѣлаются для дѣтской забавы и не имѣютъ въ народной жизни никакого значенія; крашенныя же яйца имѣютъ нѣкоторое значеніе и съ ними связано нѣсколько

повѣрій, обрядовъ, поговорокъ и проч. Крашенки готовятся въ субботу, потому что яйца, окрашенные въ пятницу, скоро портятся, а окрашенные въ субботу сохраняются въ теченіе всѣхъ святокъ.

Красятъ ихъ въ красный, желтый, зеленовато-синій и золотистый цвѣта: для краснаго цвѣта берутъ въ лавкахъ красную краску и фуксинъ, для желтаго употребляютъ траву „свѣрбель“ и яблоневую кору, для зеленовато-синяго рвутъ и варятъ пролѣски, а для золотистаго покупаютъ порошки, специально для этого приготовленные. Но такъ какъ для пріобрѣтенія краски и фуксина требуются деньги и кромѣ этого для окраски яицъ нужны еще квасцы и водка, то бѣдные крестьяне въ большинствѣ случаевъ употребляютъ для этого домашнія матеріалы, между которыми, кромѣ упомянутыхъ, извѣстны: бузиновые ягоды, окрашивающія яйца въ сизо-пепельный цвѣтъ, „дыбулыни“ (кожица съ лука), придающее имъ желто-красный цвѣтъ и просыная и гречневая полова, отъ которой они получаютъ желтоватый цвѣтъ съ бѣловатыми пятнами. Яйца, окрашенные вышеупомянутыми домашними матеріалами, хотя не такъ красивы, но за то не требуютъ никакого расхода. Яйцо, покрашенное и вынутое изъ краски первымъ, хранятъ для подкуриванія имъ отъ лихорадки. Красить яйца въ черный цвѣтъ „не годыщца“: это напоминаетъ кровь лукаваго (злаго духа); окрашенные же въ красный цвѣтъ напоминаютъ кровь Спасителя.

Существуетъ повѣрье, что когда-то Іисусъ Христосъ на зеленой травкѣ раздавалъ дѣтямъ крашенныя яйца, чему они весьма радовались. Съ этого времени и люди стали готовить къ празднику крашенки. Давая дѣтямъ по крашенкѣ, родители рассказываютъ имъ это преданіе и прибавляютъ: „Прійде Христосъ, дастъ и вамъ по красному яечку“!

Если подъ „Велыкдень“ выстоишь въ церкви всю ночь съ крашенкой въ карманѣ и выслушаешь, не дремая, утреню и обѣдню, такъ тогда смѣло держи это яйцо въ продолженіи многихъ лѣтъ: оно не испортится; а если съ однимъ и тѣмъ же яйцомъ выстоишь въ церкви подрядъ 20 лѣтъ, тогда увидишь всѣхъ вѣдьмъ, которыя будутъ приставать къ тебѣ, чтобы получить это яичко. Если же уйдешь изъ церкви домой, не вы-

слушавъ дѣяній, „поки дочитающъца до Христа“, и положишь яйцо, бывшее въ карманѣ, на столъ, то оно послѣ обѣдни окажется другого цвѣта, напр., изъ краснаго превратится въ желтое и наоборотъ: значить вѣдьма перемѣнила твое яйцо на другое. Когда ночью на „Велыкдень“ встаютъ, то кладутъ въ миску съ водою, которою умываются, красное яйцо и мѣдную монету; это дѣлается для того, чтобы красивымъ быть. Кто позже всѣхъ встанетъ и умоется, тому достанется яйцо и монета.

Яйцъ въ каждомъ семействѣ освящаютъ на Пасху 13, по числу 12 апостоловъ и Спасителя. Пришедши изъ церкви, одно яйцо откладываютъ отдѣльно, и потомъ, какъ только разговѣются, беретъ его хозяинъ, идетъ въ загороду и, проводя имъ крестообразно по спинѣ каждого животнаго, говоритъ: „Христосъ воскресъ“! Затѣмъ одни изъ хозяевъ возвращаются въ хату, очищаютъ это яйцо отъ скорлупы, крошатъ его на мелкія части, смѣшиваютъ съ отрубями и даютъ поѣсть скоту, а другіе привѣшиваютъ его цѣленькимъ „пидъ повіткою“, т. е. подъ сараемъ. И то, и другое дѣлается съ тою цѣлью, „шобъ скотына була благополучна и здорова“. Свяченныя яйца нѣкоторые люди сохраняютъ изъ года въ годъ, и, если случится пожаръ, перебрасываютъ ихъ черезъ огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ потухнуть. Употребляютъ ихъ и отъ разныхъ болѣзней: кладутъ скорлупки свяченаго яйца на огонь, и дымомъ ихъ подкуриваются отъ лихорадки, отъ куриной слѣпоты и отъ зубной боли, а также зашиваютъ яйцо въ платочекъ, вѣшаютъ на шею и носятъ его до тѣхъ поръ, пока лихорадка броситъ.

Яйцо, полученное на Пасху при первомъ христосованьи, можетъ пролежать много лѣтъ, не подвергаясь порчѣ. Рассказываютъ, что одна дѣвушка пошла на „Велыкдень“ въ хлѣвъ и забрала въ ведро снесенныя курами яйца. Возвращаясь съ ведромъ яицъ въ хату, она повстрѣчала около дверей странника и сказала ему: „Христосъ Воскресъ“!— „А хйба сѣгодня Велыкдень, шо ты хрыстоскаешься?“ спросилъ странникъ.— „Велыкдень“, отвѣчала дѣвушка.— „Не повірю! хйба оті яйца, шо ты несешъ, пороблящъца красными, тоди повірю“, сказалъ странникъ. Смотрятъ,—дѣйствительно всѣ яйца въ ведрѣ превратились изъ бѣлыхъ въ красныя. Тогда странникъ отвѣтилъ дѣвущкѣ: „Воистину воскресъ!“ И пошли оба въ хату.

Шутя съ дѣтьми и равными себѣ, говорятъ: „поцилуй мене въ лобъ и лысенку,—дамъ тобі яйце й писанку“. Крашениными яйцами дорожатъ гораздо болѣе, чѣмъ бѣлыми. „Дорогѣ яйце якъ крашене, а биле и въ пистъ бачылы, та ще й у петривку побачымъ“. Во время какой либо игры за красное яйцо даютъ два бѣлыхъ. Игры же на крашенки продолжаются всѣ святки. Играетъ не только молодежь, но и взрослые женатые мужчины. Играютъ чаще „навбытка“ и въ „котка“. Игра „навбытка“ состоитъ въ томъ, что одинъ держитъ въ рукѣ яйцо, носкомъ вверхъ, а другой бьетъ носкомъ своего яйца; затѣмъ бьетъ другой по обратной сторонѣ: чье яйцо разобьется съ обѣихъ сторонъ, тотъ и проигрываетъ его. Игра же въ „котка“ заключается въ томъ, что по наклонному мѣсту съ преградой внизу катаютъ яйца, одно за другимъ, по очереди, попадая своимъ въ чужое: кто чаще попадаетъ, тотъ больше выигрываетъ. Кладутъ нѣсколько шапокъ, подъ одной изъ которыхъ находится крашенка: кто угадаетъ подъ какой шапкой яйцо, тотъ выигрываетъ его. Еще кладутъ на извѣстномъ мѣстѣ яйцо, въ десяти шагахъ отъ котораго стоитъ играющій человекъ; затѣмъ завязываютъ ему глаза, и онъ такимъ образомъ отбѣряетъ ногами 10 шаговъ, оставляется, развязываетъ повязку и, не сходя съ мѣста, достаетъ положенную писанку, если это возможно; если же нельзя ее достать, значитъ онъ проигралъ и долженъ отдать свою. Играютъ также на святкахъ въ „орла“, т. е. подбрасываютъ монету и угадываютъ, какою стороною къверху упадетъ она: если угадаетъ,—получитъ яйцо, а не угадаетъ,—отдаетъ свое. Наконецъ играютъ еще въ „кыдка“. Игра эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ кладетъ двѣ крашенки на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы между ними не могло праякатиться яйцо; другой же становится въ саженомъ разстояніи отъ нихъ и бросаетъ туда свою крашенку: если попадетъ разомъ въ оба яйца, то выигрываетъ ихъ себѣ, а если попадетъ въ одно или вовсе промахнется, то отдаетъ свои двѣ крашенки.

Земледѣльческіе обряды, пословицы, пѣсни и рассказы. Когда въ первый разъ собираются ѣхать орать, то зажигаютъ свѣчу передъ иконами и все семейство молится Богу; затѣмъ

окропляютъ воловъ св. водою, „шобъ вони благополѣшны булы“, и уѣзжаютъ, не забывъ побольше захватить харчей, согласно пословицѣ: „йидышь на день, а харчей беры на недиллю“.

Привожу два разсказа, въ которыхъ выражается народная надежда на помощь Божію. 1) Одинъ человекъ очень старательно пахалъ добрую землю. Идетъ Господь со св. Петромъ и говоритъ ему: „Здравствуй! Боже тобі поможь“.—„Та тутъ така гѣжа земля, шо и бизъ Бога вроде“, отвѣчалъ человекъ. Господь пошелъ дальше, увидѣлъ другого человека, кое-какъ пахущаго плохую землю, поздоровался съ нимъ и спрашиваетъ: „Шо ты, чоловече, такъ плохо орешъ?“.—„Та земелька плоха, такъ я йи и орю кой-якъ! Може Богъ дастъ хочъ зѣрнечко вѣрнецьця“. Въ послѣдствіи оказалось, что у перваго не уродился хлѣбъ, кромѣ полоски, гдѣ Господь съ св. Петромъ прошелъ, а у втораго былъ прекрасный урожай. 2) Св. Петръ увидѣлъ пахущаго человека и сказалъ ему: „Боже поможь!“—„Мини вже Богъ помогавъ, я самъ собі дѣжче поможу!“ отвѣчалъ грубый человекъ. Св. Петръ ушелъ, а у человека сейчасъ же издохъ волъ.

Когда доорются до дороги, нѣкоторые „орачи“ почему-то имѣютъ обыкновеніе говорить такія слова: „Оравъ я въ чыстому поли, та доорався до дороги, найшовъ шапку й палку и поповы рызы. Буды мини въ поли ораты,—пиду я въ Полтавъ городъ молитвы даваты. Зайшовъ я въ перву хату,—даютъ мини кусокъ сала, ще й поляныцю, и копу грошей, за те шо я пипъ хорошій“.

„Мои малі погоньчи
Пойихалы орать;
Воны не вмилы панять,
Та не вмилы и крычать.
Воливъ плугатырь патурывъ,
Погоньчивъ погубывъ.“

Ставъ мий плугатырь орать,—
Никому воливъ панать;
Начавъ плугатырь серчацьця,
А погоньчи збигацьця,—
Панялы и гукáлы,
Поки плугъ поламалы“.

* *

„Въ понедѣлокъ пойихалы,
А въ вивторѣкъ прыйихалы;
Вранци въ середу оралы,
Въ четверъ вже плугъ поламалы,
Въ пятницю воливъ погубылы,
Въ суботу воливъ найшлы“

И до дому пишлы.
Тутъ прыйшовъ и пипъ,
Шобъ до церкви йты.
Иды, пипъ, кологы,
А я лапти доплету,
Тоди й до церкви пиду“.

Привожу народный рассказ о томъ, какъ орали птицы.

„Одинъ разъ орали—перепелѣця, курипка (куропатка), деркачъ (коростель) и прыпутень (дикій голубь): перепелѣця вела переднихъ воливъ, курипка—пидперѣднихъ, деркачъ—колишенныхъ, а прыпутень за плутомъ ишовъ. Перепелѣця веде та посвѣстуетъ, курипка веде и крычить: „турѣ зъ горѣ! турѣ зъ горѣ! Деркачъ крычить: „тиру! тпру! тпру! А прыпутень за плутомъ репетѣе: „припенѣ! рипены, прыпенѣ!“ Перепелѣ прѣйшовъ подывыщѣя, — иде ззади и говоре: „такъ орать, плугы ломать, дни терять! тутъ, тутъ, тутъ!“

Весною, какъ только сойдетъ снѣгъ съ земли, крестьяне въ первое воскресенье или праздникъ приглашаютъ послѣ обѣдни священника и служатъ на площади молебень съ освященіемъ къ предстоящему посѣву хлѣбныхъ зеренъ. Когда же подсохнетъ, мужчины собираются ѣхать сѣять и надѣваютъ на себя тѣ сорочки, въ которыхъ они причащались, когда говѣли (сорочки эти они снимаютъ по приходѣ изъ церкви и хранятъ до времени посѣва). Дѣлается это для того, „шобъ не було будаківъ и бурьяну мизъ хлибомъ“. Затѣмъ все семейство молится Богу; берутъ съ собою мужчины „хрестъ“, испеченный на средокрестной недѣлѣ, и уѣзжаютъ. Упомянутый „хрестъ“ долженъ храниться до этого времени въ амбарѣ или закомѣ между хлѣбными зернами. Если до него доберутся мыши и погрызутъ, то это означаетъ, что въ наступившемъ году будетъ много мышей. Приѣхавши на мѣсто посѣва, берутъ „хрестъ“, кладутъ его на „зворотахъ“ въ борозду той нивы, которую будутъ сѣять, и начинаютъ работать. Сѣяльщикъ становится на востокъ лицомъ, читаетъ „Отче нашъ“, беретъ мѣшокъ съ зерномъ и начинаетъ свою работу. Во время посѣва онъ одинъ разъ бросаетъ зерно „навхрестъ“ и говоритъ: „Уроды, Боже, и на чужу долю!“ По окончаніи посѣва начинаютъ волочить и, обошедши одинъ разъ ниву, останавливаются около „хреста“, берутъ его, перекрестившись, размачиваютъ водою и ѣдятъ всѣ участники посѣва.

Засѣвать первую ниву слѣдуетъ натошакъ, чтобы лучший хлѣбъ уродился. Кто сѣетъ съ молитвою, тому Богъ посылаетъ хорошій и чистый хлѣбъ; кто же ругается, а не молится, у

того бываетъ плохой хлѣбъ, съ большимъ количествомъ будаківъ и бурьяну, которые сѣетъ діаволь, ходя вслѣдъ за ругающимся, человѣкомъ. Если земля рыхлая и хорошо обрабатывается значитъ будетъ урожай. Кто чиститъ сажу и потомъ ѣдетъ сѣять, у того заводится и въ хлѣбныхъ колосьяхъ сажа, т. е. „зона“. Кто хочетъ пріобрѣсти хорошаго пшеничнаго зерна для посѣва, тотъ срываетъ на добрыхъ нивахъ тѣ колоски, которые наклонились на югъ и съ нихъ собираетъ зерно для завода. Есть повѣрье, что изъ плохого всхода выходитъ лучший хлѣбъ, чѣмъ изъ хорошаго, потому что послѣдній „урикають“ люди, зозихая на его“.

Пословицы и поговорки о посѣвѣ: „Сій овесъ та ячминъ у калѣ (грязь), такъ винъ тебе нарядѣ у жупанѣ. Сій мене хочъ въ золу, та въ пору (о ячменѣ). Уроды, Боже, добрый овесъ на мий хрестъ. Уроды, Боже, съ сивкѣ тры мишкѣ: мирочку попѣви, коробочку дякові, а кившыкъ питухѣви, за те ёму, по винъ пісеньку спивае, хозяена урожаеъ розвеселѣе“.

Если между выросшимъ хлѣбомъ попадаются двойные колосья то говорятъ, что онъ выйдетъ добрый на зерно. Хлѣбные колосья грѣхъ срывать, „а то якъ зѣрвешъ и повие витеръ на соломыну бизъ головы, такъ вона буде крычать: „прыдай, прыдай смѣрты! прыдай, прыдай смѣрты!“ Во время жатвы и вообще при уборкѣ хлѣба по колосьямъ и по зерну могутъ ходить только тѣ, кто убираетъ его; остальнымъ же, неработающимъ, ходить и топтаться по немъ „не годыщѣя,—грихъ“. Если во время жатвы (и въ другое время) придется переходить или переѣзжать „перехресну дорогу“, то слѣдуетъ говорить такъ: „Господы Иусе Хрысте! Перехресна дорога! Дай, Боже, здоровья въ ручки, въ ножки и въ живѣтъ трѣшки“ или: „Помьянѣ, Господы, въ царствѣ небесномъ нехрещѣныхъ дитей“!

Когда на нивѣ окончать работу, молятся Богу и говорятъ: „Нѣвко, нѣвко! вернѣ мою сылку!“ Въ доказательство того, что, работая, всегда нужно надѣяться на помощь Божию, рассказываютъ слѣдующее: „Одна дивка дожидала до обидъ свою ниву. Идетъ Богъ и св. Петро и кажутъ ей: „Здоровъ, дѣвчынѣ!“—„Здрастуйты!“ „Боже тобі помогы!“—„Та въ мене вже тутъ трошки осталось, а й бизъ Бога дожну“, одвичала вона. Богъ и св. Петро пишли,

а йи заразъ же схватѣлы сѣяшныци, и вона въ цей день не дожала свои полосы, а оставалось всего не билшь, якъ на два снопы. Если уродится хороший хлѣбъ, тогда говорятъ: „Самъ Богъ походывъ по ниви“; а если плохой, то говорятъ, что „роботныка посылавъ.“—Хлѣбныхъ растений, оставшихся въ полѣ нескошенными, грѣхъ, говорятъ, сжигать, потому что тамъ Господь отдыхаетъ.

Пѣсни, пословицы и проч. о косовицѣ и жатвѣ: „Косивъ батько, косивъ я, та выкосивъ соловья, здорового—якъ и я. Косить косы, а йисты не просы. Наскочила коса на каминь. Пипла ганжа жыто жаты, та забула серпа взяти. Пройшла косовиця и жывовиця, стала жинка красовиця“.

„Косари косятъ,
Витеръ повивае;
Десь моя мыла
Зъ инчимъ размовляе.
Якъ пиду я яромъ,

Яромъ долиною
До зрублыной крыицы
Братъ холодной водыци,
А тамъ берутъ воду
Чужи молодыци“.

Передъ завтракомъ поютъ дѣвки:

„Заскрыпили ворѣтчка,
Лыбонь на морозъ;
Зашумили густы лозы,
Лыбонь буде дощъ.
Не дай, Боже, морозоньку,
Та дай, Боже, дощъ,—
Сино прымочить,
Грыбцямъ отпочить;
На панове сино,
Шобъ тамъ воно сило,
На панивъ овесъ,

Шобъ тамъ сивъ увесъ.
Та вже вѣронъ литае,
Винъ снитаты шукае:
Ой, дай, пане, дай
Та снитаты намъ,
А якъ не дасы,—
Робыть не просы;
Ой, дай, дай, панѣчку,
Намъ хочъ по шматѣчку,
А ты, паненя,
Дай (хочъ) пивъ сухаря“.

Позавтракавши, поютъ такъ:

„Ой, спасыби хозяену
За хлибъ и за силу,
И за водопий,
Шо нагодувавъ
И понапувавъ,
А отдохнуть не давъ.“

А въ нашего прыкажчыка
Нема штанивъ ни клаптыка:
Сама очкурня;
А въ нашего прыкажчыка
Кобыла ряба,
Прывалу нема“.

* *

„Брала дивка лень, лень,
Та ще й конопѣльки,

Не вичылась на роботу,—
Та на вытрыбѣньки;

Брала дивка лень, лень, | Та не вчылась на роботу,
Брала чечевѣци,— | Та на вечерныци“.

Въ достаточныхъ семействахъ жатва и перевозка хлѣба съ поля на токъ идутъ почти одновременно. Когда въ первый разъ везешь хлѣбъ съ поля и обломаешься или перекинешься, то это плохой признакъ: „будешь всю возовицю обламувацьця и перекыдацьця“. Если къ такому человѣку, который ругается во время „возовицы“, прилетитъ птичка, сядетъ на возъ и защебечетъ (ее Богъ посылаетъ), то это значитъ, что онъ непременно обломается дорогою. Кто ругается дома, скидая снопы, у того мыши поѣдятъ хлѣбъ. Если изъ колосьевъ сыплется зерно и останется на возу, когда скидаютъ снопы, то это считается вѣрной примѣтой хорошаго и обильнаго умола. Хрѣнъ, освященный вмѣстѣ съ пасхой, и косточки съ освященного поросенка, хранить до урожая и кладутъ ихъ на „пидъ“, подъ первый стогъ хлѣба, „шобъ мыши ёго не йили“. Привезши въ гервый разъ хлѣбъ, берутъ одинъ или нѣсколько сноповъ, обмолачиваютъ ихъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, и затѣмъ вымолоченное зерно понемногу разсыпаютъ во всѣ закрома и амбары, „шобъ меньше було мышей“.—„Бизъ мыши хлиба не зийисѣ, а бизъ жабы воды не напьешся“. Впрочемъ, есть такіе знахари, у которыхъ мыши не ѣдятъ хлѣба въ стогахъ, но за это, говорятъ,—великій грѣхъ. Одинъ такой человѣкъ повезъ два воза хлѣба въ даръ монастырю и говоритъ монаху: „Я привизъ вамъ такой пшенѣци, шо й мыши йи не йили“. Монахъ отвѣчалъ: „Если её не ѣли мыши, то она не годна и людямъ“, и не принялъ подарка. Если въ праздники мелятъ муку, то въ ней заведутся „шашели“ (червечки). О спѣшной работѣ говорятъ такъ: „оры, мелы,—йижъ“.

Хлѣбъ.—Когда сѣютъ муку, то передъ началомъ всегда крестятся, а по окончаніи проводятъ на ней пальцемъ правой руки крестообразный знакъ и накрываютъ чѣмъ-нибудь, если не сейчасъ готовить тѣсто; накрываютъ для того, чтобы кошка не понюхала, „ато неженъ нападе“. Когда же сажаютъ хлѣбъ въ печь, тогда на первой палиницѣ сверху проводятъ опять такой же крестъ, что обязательно дѣлается всякою опытною хозяйкою. Вынимая изъ печи хлѣбъ и пробуя, выпекся онъ или

нѣтъ, не слѣдуетъ стучать „по спѣдци, ато ёму больно“, а нужно стучать по верхушкѣ. Народъ вѣрить, что „хлебъ живой“, пока ёго покосять, повозять, помолотять и помелють, а якъ спечуть, такъ тоди вже винъ мертвый“. Вынувши изъ печи ржаной хлебъ, верхушку его мочать водой, „шобъ поминались гришні родычи на тимъ свити и шобъ Богъ давъ имъ хлеба и воды“. Вообще вѣрятъ, что души умершихъ питаются и поминаются паромъ вынутаго изъ печки хлеба, и въ особенности разломаннаго и разложеннаго по окнамъ. Кто будетъ ѣсть цвѣлой и поджаренный хлебъ, тотъ будетъ умѣть хорошо плавать, а кто въ хлебѣ съѣстъ песчинку, тотъ утонетъ. Нѣкоторые, смотря и указывая на паляницу, говорятъ шутя: „Я оцю ззимъ, та ще симъ; гляну на сволокъ, та ще сорокъ; гляну на польцо, та ще паляницю; гляну на жертку, та ще чвертку“ (четверть). Если найдешь хлебъ,—будетъ счастье и удача, а если желѣзо,—несчастье и неудача. Найденный сухарь сохраняютъ и подкуриваются имъ отъ лихорадки и ѣдятъ его, когда болитъ животъ. „Добрый хлебъ удався,—пидъ шкурынку хочъ заховайся!“ Разказываютъ, что одинъ „вивчаръ“ былъ два раза женатъ. При первой женѣ онъ привыкъ, выгнавши овецъ въ степь, класть хлебъ въ воду ставка, гдѣ таковой зарыналъ, раскисалъ и былъ всегда готовымъ, когда бы онъ не вздумалъ его ѣсть. Умерла эта жена, и „вивчаръ“ женился въ другой разъ. Напекла хлеба другая жена. „Вивчаръ“ погналъ овецъ, положилъ по привычкѣ хлебъ въ ставокъ и пошелъ съ овцами дальше. Напасши овецъ, онъ возвратился къ ставку, чтобы пообѣдать. Сюда-туда,—нѣтъ хлеба: онъ всплылъ и былъ поклеванъ воронами. Такъ „вивчаръ“ и остался голоднымъ, за что наказалъ свою жену, когда возвратился домой, доказывая ей, что она не умѣетъ хлеба печь такъ, какъ покойница пекла.

Между народными играми и забавами имѣютъ нѣкоторый интересъ игры дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ. Чѣмъ старше этого возраста дѣти, тѣмъ игры ихъ дѣлаются блѣднѣе и постепенно теряютъ свой интересъ. Самое благоприятное время для игръ—весна, начиная съ праздника Пасхи и кончая Троицею; затѣмъ, по благоприятности, идутъ лѣто, осень и зима. Зимой рѣдко можно видѣть дѣтей, играющихъ во что нибудь;

вся игра ихъ въ это время заключается въ играньи въ „свѣнки“, въ куклы, въ жмурки (въ „кузьмирки“) „въ панаса“, если у кого есть свободная комната, и въ катаньѣ съ горъ въ салазкахъ.

„Свинку“ (деревянный шаръ) гоняютъ по улицамъ „кѣйкамы“ (палками съ головкой) и „ковѣзкамы“ (палками, загнутыми въ видѣ трубки), не только мальчики, но и взрослые мужчины. Игра въ „жмурки“ производится на току и состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ жмурится, т. е. становится около соломы или сѣна, закрывъ лицо руками, пока его товарищи попрятутся, и затѣмъ идетъ изъ своего мѣста, называемаго „городомъ“, отыскивать попрятавшихся дѣтей, которыя въ это время стараются приближать обратно въ городъ. Если жмурившійся никого не словить, то онъ опять жмурится, а если словить, тогда жмурится пойманный и т. д. Игра въ „панаса“ заключается въ томъ, что одному изъ дѣтей завязываютъ въ комнатѣ глаза, ставятъ его около порога и говорятъ: „Панасъ, Панасъ! не лови насъ. На тоби коробочку грушъ, та мене не ворущъ“. Послѣ этого дѣти тихонько ходятъ по комнатѣ, а Панасъ, разставивъ руки, ходитъ по хатѣ и старается словить кого нибудь. Кого онъ словить, тому и Панасомъ быть. Въ жмурки и въ панаса играютъ мальчики и дѣвочки.

Теперь опишу нѣсколько главнѣйшихъ дѣтскихъ игръ, производимыхъ большею частію весною. Игра „въ гусей“ или „гусочки“. Этой игрой забавляются мальчики и дѣвочки; причемъ одинъ мальчикъ бываетъ волкомъ, одна дѣвочка хозяйкой, а другая, ея дочь, пастушкой, всѣ же остальные дѣти гусями. Волкъ отходить и ложится гдѣ-нибудь въ ямкѣ или за бугоркомъ, а мать говоритъ пастушкѣ: „Гоны, гоны, дочко, гусей на поле!“ Та гонитъ, говоря: „Гыля, гыля!“ Дѣти отойдутъ и начнутъ щипать траву руками, а пастушка садится недалеко отъ нихъ. Хозяйка кричитъ: „Гусы, додому!“ Одна дѣвочка (гуска) отвѣчаетъ: „Не смію!“ „Бля чого?“ „Бля вовка!“ „А де вовкъ?“ „За горою!“ „Шо винъ робе?“ „Гуску скубе!“ „Чыпо та чыпо?“ „Попову та дякову!“ „Гусы додому!“ Дѣти бѣгутъ къ хозяйкѣ, а волкъ въ это время выскакиваетъ, хватаетъ одного или двухъ изъ нихъ, ведетъ къ себѣ и ложится на своемъ мѣстѣ. Хозяй-

ка снова посылает пастушку гусей пасти, и опять повторяется, тоже самое пока волкъ выловитъ всѣхъ гусей. Послѣ этого пастушка приходитъ и говоритъ: „Мамо! нсма гусей“. „А де жъ воны?“ „Хто и зна, не бачыла. Ихъ мабудъ вовкъ похватавъ!“ „А ну ходимъ пошукаемъ!“ Идутъ обѣ къ волку и хозяйка говоритъ ему: „Здоровъ вѣвчыку!“ „Здоровъ!“ отвѣчаетъ волкъ. „Чы не бачывъ ты моихъ гусятъ?“ „А яки твои гусята?“ „Билѣньки, сирѣньки и загрывеньки“ (пестрые, съ бѣлой шеей). „Пишли билѣнькою, сирѣнькою и загрывенькою дорожкой“. Хозяйка съ пастушкой поворачивается и идетъ отъ волка, а дѣти въ это время хлопаютъ въ ладоши. Она опять возвращается и говоритъ волку: „Ненáче гусы захлопали крыламы?“ „Ни, нема!“ „А шо то у тебе биліе?“ говоритъ хозяйка, указывая на дѣтей. „То паньски прачкы сорочкы трѹтъ“. Хозяйка, не вѣря волку, идетъ туда, узнаетъ своихъ гусей и, хватая каждого ребенка за ухо, говоритъ: „И цѣ мое! и цѣ мое!“ „А ну, ну! давай спорить. Воны й мои е!“ говоритъ волкъ. Въ это время дѣти закладываютъ пальцы за пальцы, ладонь къ ладони и сидятъ, а хозяйка беретъ каждого изъ нихъ за руки и начинаетъ разнимать. Какое дитя поддается разнять руки, то принадлежитъ ей, а какое не поддается, то-волку. Затѣмъ проводятъ на землѣ черту (межу), находятъ палку, за которую хозяйка и волкъ берутся обѣими руками, а за нихъ сзади берутся одно за другое ихъ гуси, и, стоя волкъ на одной сторонѣ черты, а хозяйка на другой, начинаютъ перетягиваться. Если хозяйка съ своими гусями перетянетъ волка за черту, то всѣ будутъ въ раю, а если волкъ съ своими гусями перетянетъ ее за черту, то всѣ будутъ въ пеклѣ.—Игра въ „хронона“, или въ „хро́на“ (хрѣ́на).—При этой игрѣ одна дѣвочка—мать садится на землю, протянувъ ноги, на которыя ложится другая, а около нея садятся остальные, кромѣ одной, которая идетъ вокругъ нихъ и поетъ: „Хрононы, хрононы! хто жъ тебе посадывъ?“—Посадывъ мене Иванъ, Харіѣнь поливавъ, Харіѣнова жонá абса́жувала и обря́жувала; вона на дорожци жыла, трое дитокъ прывыла... Нема попа, ни дяка, ни серебряныка. Продай, бабо, хронъ!“ Затѣмъ, поющая дѣвочка беретъ съ собою другую, сидящую съ краю, и вдвоємъ обходятъ вокругъ съ

этой же пѣснью; дальше третью и опять обходятъ и поютъ, и т. д., пока она заберетъ всѣхъ дѣтей, чѣмъ и кончается игра.

Игра „въ перепелкы“.—Берутся дѣвочки за руки, становятся кружкомъ, въ которомъ находится одна ихъ подруга, представляющая собою „перепелку“, и поютъ: „Я въ перепелкы та головка болыть. Тутъ була, тутъ була перепелыця; тутъ була, тутъ була, билозбрюшка. Я въ перепелкы та очыци болять; я въ перепелкы та плечыци болять; я въ перепелкы та ручыци болять; я въ перепелкы пидпо́йска болыть; я въ перепелкы та старый чоловикъ; я въ перепелкы молодой чоловикъ; я въ перепелкы нижкы коротенькы“. Послѣ каждого предложенія поется: „тутъ була, тутъ була“ и т. д. Сообразно словамъ пѣсни „перепелка“ беретъ за голову, глаза, плечи, руки и поясницу, а когда поютъ „старый чоловикъ“, она закрываетъ лицо руками и плачетъ; когда же „молодой чоловикъ“ и „нижкы коротенькы“, тогда она смѣется и танцуетъ.

Игра „въ зайку“.—При этой игрѣ дѣти становятся также, какъ и при игрѣ „въ перепелкы“ и поютъ: „Зайка, чы не батюшка, по пужарыку ходывъ, били ножечкы томывъ. Оце тобі, зайка, тры дороженькы, куды схочъ, туды скочъ, возьми собі дивочку, та за билу ручку, поведы въ комірку, постелы постылку, та й уложи спаты, а самъ тикай съ хаты. Зайка молодой по гброду ходывъ, били ножкы томывъ, то въ той городокъ, то въ той городокъ. А у насъ города все турецкыи, а у насъ замкы все немецкыи. Та нікуды зайкы та ны выскочыты, та нікуды зайкы та ны выплыгнуты. А ну, зайка, поскачы, а ну, зайка, попляшы; а ну, зайка, скокомъ-бокомъ передъ майымъ карымъ окомъ, а ну, зайка, обернися, зъ дивчонкою обнимися“. Въ это время зайка обнимается съ какой-нибудь дѣвочкой, которая послѣ этого становится въ кругъ и играетъ за зайчика.

Игра „въ бакшѣвныка“.—Во время этой игры одинъ мальчикъ, считающійся волкомъ, садится гдѣ-нибудь за бугоркомъ или въ ямкѣ, а остальные дѣти начинаютъ рвать руками траву и говорятъ: „Ирвѹ, ирвѹ орѣшечкы, не боюсь вовка ни трѣшечкы: вовкъ за горою, а я за другою; вовкъ у жупани, а я въ шарафани!“ Послѣ этого дѣти бѣжать, а волкъ гонится, ло-

вить, кого успѣтъ и снимаетъ платокъ, шапку и т. п. Когда волкъ переловитъ всѣхъ дѣтей, тогда они начинаютъ выкупать свои вещи, давая въ уплату за нихъ волку палочку, черепочекъ, бумажечку и проч.

Игра „въ краску“. — При этой игрѣ одинъ мальчикъ бываетъ „ангеломъ“, другой „цапомъ“, а одна дѣвочка „маткой“, которая всѣмъ остальнымъ дѣтямъ даетъ по секрету названія красокъ. Ангелъ, стоя вдали, говоритъ: „Дзинь, дзинь!“ Матка спрашиваетъ: „Хто йде?“ „Ангелъ“. „Зачымъ?“ „За краскою“. „За якою?“ Онъ говоритъ цѣтъ краски. Если угадаетъ, то къ нему идетъ дитя, съ названіемъ этой краски. Послѣ него говоритъ „цапъ“: „Бовъ, бовъ!“ „Хто йде?“ „Цапъ зъ бородою“. „Зачымъ?“ „За краскою“. „За якою?“ „Цапъ“ называетъ краску, послѣ чего къ нему идетъ отгаданное дитя. Когда ангелъ и „цапъ“ отгадаютъ названія всѣхъ дѣтей, и они перейдутъ къ нимъ, тогда матка съ ангеломъ берутся рука за руку и поднимаютъ ихъ, а другими руками бьютъ „цапа“ и его дѣтей по спинѣ, когда тѣ проходятъ у нихъ подъ руками. Иногда, при игрѣ въ краски, одно изъ дѣтей бываетъ торговцемъ, а другое монахомъ, который и говоритъ: „Дзинь, дзинь!“ „Хто йде?“ „Монахъ“. „Въ чому?“ „Въ бѣлыхъ штанахъ“. „Чого?“ „За краскою“. „А якои тоби краску?“ Монахъ говоритъ, какой краски и т. д.

Игра „въ котѣ и мышкы“. — Играя „въ котѣ и мышкы“, дѣти становятся въ кругъ, берутся за руки и стоятъ на своихъ мѣстахъ. Одно изъ дѣтей, представляющее изъ себя „мышку“ бѣгаетъ подъ руками то въ кругѣ, то изъ круга, а другое, называемое „котомъ“, гоняется за мышкой, пока не словитъ ее, послѣ чего она становится котомъ.

Игра „въ тыкача“. — При этой игрѣ одно изъ дѣтей бываетъ „тыкачемъ“, другое „свинаремъ“, а остальные, сидящіе рядомъ, — дѣтьми. При началѣ игры „свинарь“ стоитъ, отвернувшись, въ сторонѣ, а „тыкачъ“ каждому играющему „тычетъ“ въ руку палочку, которую и отдаетъ кому нибудь такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Послѣ этого приходитъ „свинарь“ и, указывая на каждого сидящаго, говоритъ: „Рай, рай!“ а тому, у кого онъ предполагаетъ найти палочку, говоритъ: „а ты отдай!“ Если не угадаетъ, то онъ идетъ пасти свиней и опять тоже

самое повторяется; а если угадаетъ, тогда отходить съ „тыкачемъ“ въ сторону и совѣтуется съ нимъ, какого выбрать жениха или невѣсту тому лицу, у кого была палочка. Затѣмъ возвратившись къ дѣтямъ, „тыкачъ“ говоритъ: „Кумушка, кумушка! я всю ночь не спавъ, та сыночка женывъ“ (или „дочку отдававъ“). Тѣ спрашиваютъ: „Якымъ порядкомъ?“ Онъ указываетъ въ ту сторону, гдѣ живетъ выбранная въ супруги пара. Всѣ дѣти начинаютъ отгадывать, и кто отгадаетъ, тотъ изъ нихъ становится въ повторяемой игрѣ „свинаремъ“, бывшій свинарь превращается въ „тыкача“, а тыкачъ — въ простого играющаго и садится рядомъ съ дѣтьми.

Игра „въ нещасный ополонькъ“. — Игрой этой забавляются малыя дѣвочки и взрослыя дѣвушки. Она состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ становятся рядомъ и берутся за руки, а одна стоитъ передъ ними и спрашиваетъ крайнюю, начиная съ правой стороны: „Здоровъ, кума! Чы ты ложки мыла?“ — „Мыла“. — „А ополонькъ?“ — „Забула“. — „Такъ не забувай, кумочка, не забувай!“ При этомъ хозяйка бьетъ ее палочкой, а она, бросивъ руку подруги, бѣжитъ по подъ руками другихъ подругъ и останавливается на лѣвомъ концѣ. Послѣ этого дѣлается тоже самое со второй дѣвушкой, съ третьей и т. д.

Игра въ „вѣрона“. — Въ эту игру играютъ не только малыя, но и взрослыя дѣвки, одна изъ которыхъ бываетъ „матерью“, другая „ворономъ“, а остальные — дѣтьми, берущимися сзади за мать одно за другое. Воронъ беретъ палочку и роется ею въ землѣ. Мать спрашиваетъ его: „Вороны, вороны! шо ты робышь?“ „Пичку копаю“. „На шо?“ „Окрипецъ грѣты“. „На шо?“ „Твоимъ диткамъ очи заливать“. „За шо?“ „Шобъ не лазылы въ городокъ“. „А якій твой городокъ?“ „Отакый! ажъ пидъ саме небо“, говоритъ воронъ, поднимая руки вверхъ. Мать же, опуская руку къ землѣ, говоритъ: „А въ мого батюшки отакісинькій, та й то не лазять. А ты загороды ёго ще выще“. „Чымъ?“ „Суслычками та бублычками“. „А! воны заберуть йихъ та й пойидять, а въ городокъ улизуть“. „Хибѣ ты вѣбгый на суслычки та на бублычки? Пѣкы ты йихъ найився?“ „О пѣкы!“ отвѣчаетъ воронъ, проводя рукою по груди. „А напывся пѣкы?“ „О пѣкы! говоритъ онъ и проводить ру-

кою по шеѣ. „А окружався покъ“? „О покъ!“ отвѣчаетъ воронъ, проводя рукою по лбу и вокругъ головы. Затѣмъ мать говоритъ: „Вороны, вороны! шо за тобою“? „Рогачъ“. „А за мною красна дивка, тилко не плачь! Вороны, вороны! шо за тобою“? „Макушка“, „А за мною дивка душка. Вороны, вороны! шо за тобою“? „Макогінъ“. „Пожынысь за моею дивкою — красавицею навздогінъ!“ Въ это время воронъ бросается ловить дѣтей, а мать, разставивъ руки, старается не допустить его; но онъ все таки успѣетъ словить одну или двухъ дѣвчушекъ. Дальше опять тоже самое повторяется, пока воронъ переловитъ всѣхъ дѣтей и уведетъ къ себѣ. Послѣ этого онъ ловитъ мать и, словивъ ее, начинаютъ они другъ другу „турчать“ въ уши, что дѣлаютъ и дѣти, турча въ уши матери, за то, что она не берегла ихъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ дѣтскихъ игръ, въ которыя иногда играютъ и взрослые дѣвки, дѣти забавляются еще слѣдующими играми: „въ сѣтки“, „въ дитяты“, „въ скаженаго поросѣты“, „въ рожи“, „въ зайца“, „въ блохы“, „въ помѣста“, „въ дрибушечкы“, въ мяча (въ мяча играютъ: „въ земляного“, „въ дучковѣго“, „въ круговѣго“, „въ литовѣго — простого“), а также забавляются строеніемъ и копаніемъ хатокъ; но такъ какъ эти игры ничего не представляютъ интереснаго, то я ихъ объяснять и не буду.

Что же касается игръ чисто мужскихъ, то ихъ немного и особеннаго интереса онѣ не представляютъ. Скажу о нѣсколькихъ играхъ, въ которыя забавляются не только — дѣти и юноши, но нерѣдко даже и взрослые, женатые мужчины.

Игра „въ скраклі“. — Приготовятъ 10 штукъ круглыхъ, длиною въ 6 — 8 вершковъ, деревянныхъ отрубковъ, называемыхъ „скраклями“, отмѣряютъ разстояніе, напр., въ 10 саж., на концахъ котораго и ставятъ эти отрубки рядомъ или въ шахматномъ порядкѣ по 5 штукъ. Средину разстоянія между поставленными „скраклями“ называется „масломъ“. Поставивъ, какъ слѣдуетъ, „скракли“, играющіе берутъ палки, и сначала одинъ бросаетъ свою черезъ все разстояніе, а потомъ, если собьетъ хоть одного, бросаетъ уже отъ „масла“, стараясь побольше сбить скраклей. Кто больше сбиваетъ ихъ,

тотъ и выигриваетъ, за что катается, сидя верхомъ на спинѣ своего противника.

Игра въ „довгой лозы“. — Всѣ играющіе становятся одинъ за другимъ, лицомъ въ затылокъ, въ разстояніи сажени или болѣе другъ отъ друга, наклоняютъ спину и голову и стоятъ. Одинъ, сзади стоящій, разгоняется, перепрыгиваетъ черезъ каждого и впереди всѣхъ становится и самъ также, какъ и всѣ играющіе товарищи; за нимъ тоже самое дѣлаетъ другой, задній, потомъ третій и т. д. Такъ какъ при этой игрѣ всѣ играющіе безпрестанно движутся впередъ, то, чтобы не зайти далеко, они поворачиваются передомъ въ другую сторону и продолжаютъ играть.

Игра „въ жутѣ“. — Эта игра состоитъ въ томъ, что забиваютъ коль на ровномъ мѣстѣ, на который надѣваютъ петлями двѣ веревки, имѣющія и на другихъ концахъ петли, которыя надѣваются двумъ играющимъ черезъ плечо и подъ рукою. Послѣ этого обоимъ играющимъ завязываютъ глаза и одному изъ нихъ даютъ въ руки „тыркало“ (трещетку), а другому „жутъ“, т. е. скрученный поясъ или другой предметъ. Первый бѣгаетъ кругомъ столба и „тырчитъ“, а второй, прислушиваясь, гдѣ онъ есть, старается догнать его и ударить жгутомъ. Если ударить, тогда они мѣняются своими ролями.

Игра „въ перепелѣци“. — Эта игра, производимая исключительно пастухами въ степи, заключается въ томъ, что одинъ изъ играющихъ бросаетъ свою палку вверхъ, а всѣ остальные своими палками стараются на лету попасть въ нее. Кто попадетъ, тому и бросать первому и т. д.

Игры взрослыхъ и пожилыхъ людей совсѣмъ незатѣйливы, неинтересны и немногочисленны. Ихъ игра — карты и пашки. Въ карты они играютъ: въ короля, въ дурака, въ своего козыря, въ фальки (въ фильку), въ вѣдьмы, въ носка, въ мельника и на деньги въ три листика. Чаше же всего пожилые мужчины играютъ въ пашки („въ дѣмки“), весь приборъ для которыхъ дѣлается самими играющими изъ палочекъ и досточки съ помощью ножа, угля и мѣла.

Танцевъ въ слободѣ Никольской, можно сказать, нѣтъ никакихъ. По крайней мѣрѣ мнѣ за 11 лѣтнюю службу не

пришлось здѣсь видѣть ни одного танцующаго крестьянина, если не считать какой нибудь пьяной личности, топающей ногами на одномъ мѣстѣ. Музыка, какъ инструментальная, такъ и вокальная, тоже весьма плохо развита. Здѣсь за рѣдкость приходится услышать поющихъ мужчинъ — молодыхъ и пожилыхъ. Если же кто поддерживаетъ пѣніе, такъ это именно дѣвушки, которыхъ, хотя и не часто, но всетаки можно слышать поющими. О музыкѣ инструментальной приходится, къ сожалѣнію, сказать почти тоже, что и о танцахъ. Если бы кому потребовалась музыка, то въ нашей слободѣ нельзя найти музыкантовъ, — ихъ почти нѣтъ, а нѣтъ потому, что они не требуются: здѣсь и свадьбы въ большинствѣ случаевъ гуляютъ безъ музыки. Доказательствомъ сказаннаго мною будетъ то, что на всю слободу и хуторъ имѣется два „баса“ (віолончели), изъ которыхъ одинъ уже давно не годится, и 5 скрипокъ, самыхъ дешевыхъ и плохихъ, съ простыми струнами и самодѣлковыми или поломанными смычками. Кромѣ упомянутыхъ музыкальных инструментовъ можно найти нѣсколько „балабаекъ, сопилокъ“ и одни „цымбалы“. Чаше другихъ встрѣчается гармонія, на которой парубки играютъ разныя простенькія пѣсенки. Мнѣ пришлось видѣть въ слободѣ „басъ“ (віолончель), принадлежавшій человѣку не нашего села, сдѣланный изъ листового желѣза.

Пословицы: „Пой пѣсни, хочъ трісны, а йистъ не просы. У дурного соловья дурна й писня. Трусъ въ карты не граетъ“.

Народныя бѣдствія, какъ напр. людской моръ, падежъ скота, пожары, неурожай, наводненія, градъ и проч., люди всегда объясняютъ наказаніемъ Божиимъ за грѣхи; но не смотря на это, — они все-таки возлагаютъ нѣкоторую надежду и на свои знанія. Рассказываютъ, что много лѣтъ тому назадъ былъ сильный „миръ“ (моръ) на людей, отъ котораго ничѣмъ нельзя было избавиться и вылѣчиться. Кто заболѣвалъ въ это время, тотъ, пролежавъ недѣли три, обязательно умиралъ, послѣ чего тѣло его дѣлалось чернымъ, какъ уголь, и даже чернѣлъ гробъ, въ которомъ лежало тѣло такого покойника. Тогда умершихъ клали въ гробъ не руками, а крючками, причемъ старались стоять за вѣтромъ, а кто становился противъ вѣтра, у того

сейчасъ же чернѣла палка (крючекъ), по которой болѣзнь переходила на руки и затѣмъ на все тѣло. Даже носилки, на которыхъ несли мертвеца къ могилѣ, чернѣли за дорогу и дѣлались заразительными. Эта болѣзнь, о которой рассказываетъ 40-лѣтній крестьянинъ, въ настоящее время не появляется. Въмѣсто же нея явилась, говорятъ, холера, занесенная изъ Турціи, тоже неизлѣчимая. Многие же вѣрятъ, что холеру можно излѣчить и даже предупредить ея появленіе, — для чего употребляются средства, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано.

Холера — женщина, которая ѣздитъ на черной коровѣ. Она боится, чтобы не повстрѣчаться самой съ другой холерой, и поэтому ее можно испугать, вымазавъ грудь и мѣста подъ руками дегтемъ и надѣвъ на себя черный кожухъ, вывернутый вверхъ шерстью. Тотъ же человѣкъ, котораго уже напала холера, долженъ сверхъ вышесказаннаго взять въ руки палку, ходить по хатѣ и махать ею, чтобы испугать холеру, послѣ чего она бросаетъ человѣка и уходитъ. Холера и другія болѣзни боятся дегтя и сажки, и поэтому, кто внутри хаты обмажетъ этими веществами „одвѣрки“ на окнахъ и дверяхъ, въ томъ семействѣ никто не заболѣетъ ею и даже домъ этотъ она будетъ далеко обходить. Если въ какомъ семействѣ появится холера, то больные и всѣ здоровые должны пить „добрый“, т. е. чистый деготь: первые для того, чтобы излѣчиться, а вторые, „шобъ на ныхъ не перейшла халера“. Въ каждомъ домѣ и во всякое время держать за образами или въ другомъ мѣстѣ „нехворощу“, „шобъ вси булы здорови и шобъ не нападала болізнъ“. Въ холерное же время для этой цѣли носятъ „нехворощу“ въ карманахъ и забиваютъ ее въ просверленную въ хатнихъ дверяхъ дырочку. Еще для лѣченія холернаго берутъ ржавое желѣзо, кладутъ его въ воду, обмываютъ и оскабливаютъ, и этою ржавою водою обмываютъ все тѣло больного. Кто ѣстъ „часныкъ, цыбулю и стрючковатый перецъ“, пьетъ водку и куритъ „цыгарку“, тотъ не заболѣетъ холерою.

Если весною не пронесетъ льда и примутъ его, то въ этомъ году будутъ болѣзни и моръ на людей, который бываетъ въ спасовку. Если на Евдокію повѣетъ вѣтеръ съ юга, такъ

будетъ нездоровое на людей лѣто. Когда спишь весною, во время посѣва, и сквозь сонъ услышишь, что тебя называетъ кто-то по имени, такъ не откликайся, „ато захвораетъ: то хвороба тебѣ зве“. Если спишь весною на соломѣ и къ тебѣ придетъ какое нибудь животное, напр. пѣтухъ, свинья и проч., такъ не прогоняй его и ничего не говори, „ато поганка нападѣ“. Больной человѣкъ, услышавшій во снѣ плачь, умереть, потому что „тѣ за нымъ плаче его доля“, а услышавшій пѣніе, выздоровѣть, то „доля“ поетъ и радуется его выздоровленію. Кто на ночь подмететъ хату, а утромъ увидитъ на полу какія нибудь хлѣбныя зерна, тотъ не долженъ подметать ее до захода солнца, а если подмететъ, то захвораетъ: тѣ зерна разбрасываетъ вѣдьма, чтобы похворались. Если больному приснится, что онъ ѣздитъ на лошадахъ, заѣдетъ въ кручу и тамъ ихъ броситъ, а самъ вылѣзетъ, то это означаетъ, что его броситъ болѣзнь и онъ выздоровѣетъ. Когда здоровому человѣку приснится, что онъ лѣзетъ въ окно, то это къ его хворобѣ, а если приснится, что развалится хата или погребъ, а также окно выпадетъ, значитъ умереть старшій въ домѣ; если же приснится, что зубъ выпалъ, умереть дитя.

О *скотскомъ падежѣ* слѣдуетъ сказать, что народъ раздѣляетъ его на „падежъ“ и на „чуму“. Вотъ что говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ крестьянинъ: „падижъ и чума не все одно, це рѣзныця: одъ падижа хочъ и боліе скотына, та не вся, и хвѣра не вся пропадае, а одъ чумы, котѣра занесена зъ Лыніи (Кавказа), вся подохне, яка заболие, и вся заразыщця одъ одний хвѣрой. Колысь давно хворала у насъ скотына животомъ, но Богъ мылувавъ—не падала. Такъ тоди кой-яки люды бачылы шо ця болізнь ходыла по слободи и була похожа на людину; и якъ влизе було вона нѣчью въ загороду до кѣго, такъ вся скотына перехвораетъ. Ще часто хвораетъ скотына на роты, такъ це така роса падае на траву. И якъ скотына пойиеть ции травы, такъ заразы же и захвѣра на ротъ. Одъ цией болізни вѣрють чыстый деготь съ сынимъ каминемъ и мажутъ въ роти,—проходе“. Скоть, у котораго большая, длинная шерсть и между рогами нѣтъ углубленія, или ямочки, не подвергается заболѣванію заразительными болѣзнями и не

пропадаетъ. Когда появится въ слободѣ падежъ или чума, тогда говорятъ, слѣдуетъ пораньше утромъ, чтобы никто не видѣлъ, выгнать скотину на степь и тамъ ее оставить до прекращенія падежа. Если такъ сдѣлаешь, то она останется жива и здорова, и даже зараженная и больная „выходыщця“. Если лѣтомъ по утрамъ замѣтитъ хозяинъ на какомъ-нибудь скотѣ большую росу и поднятую, взъерошенную шерсть, то такой скоть нейдетъ ему въ руку, не по двору ему; за то этотъ же самый скоть во время падежа остается живымъ и тогда, если весь остальной пропадетъ. Если на чернаго вола сядетъ сорока и будетъ на немъ стрекотать, то онъ обязательно издохнетъ.

Пожары, по своимъ причинамъ появленія, раздѣляются на три рода: отъ неосторожности, отъ грозы и отъ неизвѣстной причины; но всѣ они считаются наказаніемъ Божиимъ за грѣхи. Какъ только увидишь гдѣ-нибудь пожаръ, сейчасъ же слѣдуетъ положить три поклона и сказать: „Господы! помылуй насъ гришныхъ и всихъ православныхъ христіанъ одъ нещасного случая“. Затѣмъ слѣдуетъ бросить дѣла свои и бѣжать избавлять людей отъ несчастья. Кто стоитъ на пожарѣ и не тѣшитъ, тому,—говорятъ, большой грѣхъ. Чтобы уменьшить пламя пожара и не дать ему распространяться дальше, берутъ икону Божіей Матери, называемую „Неопалимая Купина“, или икону великомученика Пантелеймона, и спѣшатъ поскорѣе обойти съ иконою вокругъ пожара; а нѣкоторые берутъ кувшинъ молока, полученнаго отъ черной коровы и называемаго „Божьей росыщцей“, и съ нимъ тоже три раза обходятъ вокругъ пожара, читая трижды, молитву: „Да воскреснетъ Богъ“, и затѣмъ выливаютъ молоко на огонь, вѣря, что онъ отъ этого можетъ постепенно ослабѣвать. Если кто на пожарѣ прочитаетъ три раза назадъ „Отче нашъ“, начавъ со слова „дукаваго“ и окончивъ словомъ „Отче“, то пожаръ прекратится. Кто подъ „Велыкдень“ съ крашенкой въ карманѣ выстоитъ въ церкви, не дремая, дѣянія, утреню и обѣдню, тотъ долженъ хранить эту крашенку и бросать ее во время пожара въ огонь, отчего онъ долженъ скорѣе прекратиться. Говорятъ, что если при сильномъ пожарѣ собрать трехъ священниковъ (число трехъ лицъ Божества) и служить въ церкви молебны, такъ пожаръ самъ

собою утихаетъ. Во время пожара въ сосѣднихъ домахъ затапливаютъ печи для того, чтобы хаты не загорѣлись. Украсть на пожарѣ какую-нибудь вещь считается большимъ грѣхомъ; поэтому, взявшему, рано или поздно не миновать бѣды,—пожара: если не погоритъ самъ укравшій, то его дѣти или внуки погорятъ.

Пожара, происшедшаго отъ грозы, не тушатъ,—нельзя, грѣхъ, да его и не затушишь: это Богъ запалилъ. Во время такого пожара, говорятъ, сгоритъ только то, что запылено, а дальше горѣть не будетъ.

Пожаръ, происшедшій отъ неизвѣстной причины, народъ объясняетъ такъ: кто собираетъ по воскресеньямъ и праздникамъ топливо, какъ напримѣръ „кизяки“, палочки и т. п. и складываетъ ихъ въ кучку въ продолженіе 6 недѣль, у того собранное топливо на 7-й недѣль обязательно загорится само собою, безъ поджиганія; это значитъ, что собранное и приобрѣтенное въ праздникъ „некорѣсно“, не пойдетъ въ прокъ. Напротивъ даже, за него Богъ наказываетъ пожаромъ, отнимая и трудомъ приобрѣтенное.

Замѣчено людьми, что человекъ, пострадавшій отъ пожара, начинаетъ скоро богатѣть.

Если пѣтухъ бьется въ окно и кричитъ, значитъ быть пожару,—хата сгоритъ, а если кричитъ въ хлѣвъ и тамъ роется носомъ,—хлѣвъ сгоритъ. Когда приснится, что сидитъ на хатѣ красный пѣтухъ, то будетъ пожаръ, а если приснится пожаръ,—будетъ въ домѣ ссора и драка.

Относительно неурожайныхъ и голодныхъ годовъ есть повѣрье, что Господь посылаетъ таковыя людямъ за то, что они хоронятъ на кладбищѣ самоубійцъ. Существованіе этого повѣрья можно подкрѣпить тѣмъ, что въ 1891 г. нѣкоторыя крестьянки собирались было вырыть изъ могилы и перенести за черту кладбища одного человека, по имени „Салыфона“, повѣсившагося лѣтъ 12 назадъ и отличавшагося безнравственной жизнью. (Онъ былъ похороненъ внѣ кладбища, но потомъ оказался въ немъ, когда послѣднее пришлось расширять).

Во время разныхъ несчастій, кражъ, убійствъ, нападеній разбойниковъ и проч., читаютъ 90 псаломъ,—„Живый въ по-

мощи Вышняго“, отъ чтенія этого псалма люди, совершающіе упомянутыя преступленія, слѣпнутъ на время и не видятъ нападаемаго человека. Восьмой псаломъ,—„Господи, Господь нашъ“, читаютъ для того, чтобы скотъ былъ смиренный и не бился, а 50 псаломъ читаютъ, чтобы избавиться отъ бессонницы.

Базаръ въ сл. Никольской открытъ въ 1865 г., а ярмарка въ 1893 г. Но какъ тотъ, такъ и другая находятся въ зачаточномъ состояніи, вслѣдствіе чего обычаи и повѣрья относительно ихъ мало развиты. Для того, чтобы была большая ярмарка и базаръ, слѣдуетъ на мѣстахъ, гдѣ они собираются, закопать бычачью и лошадиную голову. Свиной торговцы называютъ „рыльскими купцами“, и вѣрятъ, что если таковая зайдетъ въ строящуюся балаганъ или почешется о колесо воза, на которомъ приѣхали на базаръ или ярмарку, то будетъ хорошая торговля и барыши. Во время ярмарки всѣ торговцы шапками и картузами открываютъ свою торговлю разомъ, когда соберется народъ, раньше же полного сбора ярмарки никто изъ нихъ не торгуетъ. Если кто ѣдетъ на ярмарку или на базаръ, и въ это время перейдетъ дорогу кошка или человекъ съ пустыми ведрами, то ему хоть возвращаться назадъ: не будетъ удачи ни въ чемъ. Если лошадь, передъ веденіемъ ея на ярмарочную продажу, покачается и перекинется черезъ спину, то это хорошій признакъ,—къ прибыли. Купленную же лошадь, приведши домой, пускаютъ вольно по двору, гдѣ она покачается, тамъ слѣдуетъ строить конюшню: „щаслѣве мѣсто“.

Купивши крупный скотъ, воловъ или лошадей, покупатель принимаетъ ихъ отъ продавца „съ полы“, и затѣмъ беретъ рукою землю, растираетъ ее на спинѣ купленного животного и говоритъ: „Будь сытъ, якъ земля водою, и здоровъ, якъ вода землею“. Ведя съ ярмарки домой купленныхъ воловъ, нѣкоторые хозяева кладутъ въ своихъ воротахъ топоръ остриемъ вверхъ и на него поясъ, и черезъ нихъ переводятъ воловъ, а послѣ этого подъ воротами закапываютъ подкову. И то, и другое дѣлается для того, „шобъ куплена скотына була здорова, принесла пользу хозяину и шобъ ии не врыкли люди, якъ будуть дывыцьця и зазихать на неѣ“. Если купленные вола и кони уходятъ къ старому хозяину, то, чтобы этого не было,

нужно спалить тотъ поводокъ, съ которымъ они куплены. Если будешь на ярмаркѣ покупать корову и увидишь, что хозяйка этой коровы сидитъ на возу и не встаетъ съ него, то не покупай такой коровы, „вона вже спѣрчена, одібрано у неї молоко“. Для того же, чтобы у покупаемой коровы хозяева не отобрали молока, слѣдуетъ при расчетѣ, сверхъ стоимости коровы, дать хозяину копѣйку или двѣ и сказать: „То я заплачивъ за корову, а це на тобі за молоко“.

Нѣкоторые люди говорятъ, что иногда ярмарочный шумъ и гамъ стихаетъ на мгновеніе, т. е. настаетъ безусловная тишина, которая считается ими несчастнымъ временемъ.

Пословицы и поговорки: „Трусѣвому торгашу ни убытку, ни барышу. Не хоче коза на торгъ йти, та йи ведуть. Пропавъ, якъ собака въ ярмарци. Базаръ цїну найде. Своєю цїны не вставышь. За спання не купишь коня. Купивъ бы село, та денегъ голо. Торгонувъ, якъ баба на Велькдень горохомъ“.

Народная демонологія. *Вѣдьмой* называется женщина, обладающая способностью оставлять ночью свое тѣло, а духомъ летать въ разныя стороны, доить и портить чужихъ коровъ и дѣлать людямъ разныя непріятности и пакости. Днемъ она занимается лѣченіемъ людей и скота, а ночью, отправляясь на промыселъ, можетъ принять на себя по своему желанію видъ собаки, кошки, свиньи, копыны сѣна, клубка, иглы и т. п. Женщины вѣдьмы имѣютъ большой ростъ, блѣдное, морщинистое и некрасивое лицо, длинныя растрепанные волосы и большіе глаза, которыми онѣ могутъ смотрѣть на солнце, не закрывая вѣкъ. Въ церкви вѣдьмы не могутъ стоять во время пѣнія „Херувимской пѣсни и Достойно есть“: у нихъ въ это время болитъ голова, кружится свѣтъ, и кажется имъ, что церковь горитъ или валится. Если подъ воскресенье пойти къ жилищу вѣдьмы, стать спиной къ глухой стѣнѣ, повернуть назадъ голову, подуть, плюнуть три раза и дать туда дулю, то это такъ скверно на нее подѣйствуетъ, что она обязательно придетъ утромъ сругать тебя и скажетъ: „на шо ты мини дули дававъ“?

Вѣдьмы бываютъ двухъ родовъ: „родыми и наѹчени“. Первые имѣютъ небольшой черный хвостикъ, считаются выше вторыхъ и больше ихъ знаютъ, но вреда людямъ онѣ дѣлаютъ меньше

Чтобы сдѣлаться вѣдьмой, для этого слѣдуетъ поставить на улицѣ ножъ вверхъ носкомъ и перекинуться черезъ него три раза, произнося при этомъ какія-то тайныя слова и читая назадъ молитву Господню, начавъ со словъ „лукаваго отъ“ и т. д. При этомъ должна присутствовать старая вѣдьма и наставлять свою ученицу, объясняя ей таинственныя слова и дѣйствія. Уходя за молокомъ, вѣдьма превращается въ собаку или кошку и старается идти въ тѣни, подъ плетнями и постройками; когда она придетъ въ загороду, то дѣлается изъ животнаго (у котораго всегда бабье лицо) опять бабой и начинаетъ доить корову. Выдоивъ корову, она опять превращается изъ женщины въ животное, беретъ кувшинъ съ молокомъ за „матѹзочку“ (веревочку) въ зубы, несетъ домой и ставитъ это молоко „пидъ верхъ“, (подъ старинную трубу, или „бовдуръ“) или „пидъ коминъ“, гдѣ оно сейчасъ же окисаетъ и превращается въ сметану. Идя въ чужую загороду доить коровъ, вѣдьма всегда беретъ съ собою маленькую „палыничку“ (хлѣбецъ), которую она отдаетъ хозяину или хозяйкѣ, если эти послѣдніе захватятъ ее въ загородѣ. Человѣкъ, получившій отъ вѣдьмы „палыничку“, опѣпенѣваетъ и не можетъ сойти съ мѣста, пока вѣдьма уйдетъ изъ загоры. Подъ нѣкоторые праздники вѣдьмы летаютъ въ Кіевъ, для чего онѣ „грїють окріпъ“ (кипятокъ), дѣлаютъ какую-то мазь и смазываютъ ею подъ плечами, что видѣлъ солдатъ, ночевавшій въ домѣ „родымои вѣдьмы“, къ которой собирались всѣ вѣдьмы, чтобы вмѣстѣ летѣть въ Кіевъ. Когда вѣдьмы намазали подъ руками и улетѣли въ трубу, тогда сдѣлалъ то же самое и солдатъ, вылетѣлъ въ трубу и догналъ ихъ на дорогѣ. Увидѣвши солдата, вѣдьмы закричали: „Де ты взявся! Чого тобі треба“?! Затѣмъ они дали ему липовую палочку и приказали на ней возвратиться на квартиру, что солдатъ и исполнилъ. Вѣдьмы мстительны: онѣ, за оскорбленіе, ночью сбиваютъ съ ногъ людей, портятъ коровъ и т. п. Корова, испорченная вѣдьмой, даетъ красное молоко, да и то въ маломъ количествѣ. Излѣчить ее можетъ только другая вѣдьма, или „видымычъ“. Кромѣ коровъ вѣдьмы доятъ еще кобылъ, козъ, собакъ, кошекъ и проч. Если подъ пятницу и подъ середу говорить о вѣдьмахъ, то имъ все извѣстно будетъ. Когда найдешь на дорогѣ или на выгонѣ

иглу, то не бери ее, „ато вона прыросте до пальця: то видьма“. Вѣдьмы, говорятъ, жарятъ и ѣдятъ лягушекъ, но стараются это дѣлать такъ, чтобы никто изъ домашнихъ не зналъ. Одинъ человекъ сталъ замѣчать, что его жена „видьмѣ“. Разъ ночью онъ прислушался,—жена не дышетъ, взялъ и повернулъ ее тѣло туда головою, куда оно лежало ногами. Въ полночь, когда прокричали пѣтухи, прилетѣла золотистая мушка и стала жужжать и кружиться около ногъ. Эта мушка (душа вѣдьмы) летала возлѣ ногъ до тѣхъ поръ, пока мужъ повернулъ тѣло своей жены такъ, какъ оно лежало прежде; тогда мушка влетѣла въ ротъ и жена сейчасъ же ожила. Послѣ этого, говорятъ, мужъ сильно побилъ жену-вѣдьму, и она бросила „видьмовать“. Еще говорятъ, что если подоить испорченную корову, налить этого молока на сковороду, перекипятить его и потомъ вылить подъ порогъ, то въ это время придетъ вѣдьма, испортившая корову, и скажетъ: „на шо вы мучите скотину“?

Вѣдьму называютъ „волоцюгой“, за то что она волочится или таскается по ночамъ. Ее можно ударить только „навидли“, т. е. наотмашъ или назадъ рукой. Причиняютъ вѣдьмѣ нѣкоторый вредъ и тогда, когда въ лунную ночь бьютъ ее тѣнь осиновымъ коломъ. Если нападетъ вѣдьма, то отъ нея можно отбиться исключительно палкой, сдѣланной изъ „клевальной осы“, которой слѣдуетъ махать вокругъ себя. Такъ какъ вѣдьмы умираютъ долго и страшно страдаютъ, то, чтобы избавить ихъ отъ мученій и ускорить смерть, вертятъ буравчикомъ сволокъ, сволочекъ или притолокъ въ хатѣ и забиваютъ туда „осыку“. Чтобы вѣдьмы послѣ смерти не ходили беспокоить живыхъ людей, что онѣ часто дѣлаютъ, забиваютъ въ гробъ и могилу осиновые колья.

Вѣдьма часто бываетъ неосторожна и беспомощна, что видно изъ слѣдующихъ небольшихъ народныхъ рассказовъ. Катится клубокъ по дорогѣ, а парубки увидѣли и начали его бить колыями, но онъ все катится. Тогда одинъ парубокъ взялъ его, принесъ домой и прибилъ гвоздями къ стѣнкѣ. Утромъ всталъ, посмотрѣлъ, на стѣнкѣ виситъ женщина-вѣдьма, у которой прибиты гвоздями руки къ стѣнѣ; она начала проситься, и парубокъ вынулъ гвозди, снялъ ее и отпустилъ.—Гуляютъ парубки

и видятъ, что по дорогѣ катится клубокъ; взяли они его, перерѣзывали „пасма“ и бросили. Утромъ оказалось, что у матери одного изъ парубковъ всѣ пальцы на рукахъ порѣзаны.—Разъ ѣхали съ поля люди, смотрятъ,—катится за ними „китвыця“ (колесо безъ обода); взяли они ее, протянули въ колодку веревочку, привязали къ возу, привезли въ слободу и привязали черезъ улицу, концами веревки къ плетнямъ. На другой день посмотрѣли, а тамъ стоитъ привязанная женщина, съ протянутою въ уши веревкою.—Идутъ парубки, повстрѣчали собаку, словили ее, отрѣзали ей ухо и носъ и пустили, а сами разошлись по домамъ. На другой день мать одного парубка оказалась безъ уха и безъ носа.—Идетъ солдатъ съ топоромъ, повстрѣчалъ свинью, вспрыгнулъ на нее верхомъ и началъ рубить ее между ушами. Свинья превратилась въ „чурбакъ“ (полѣно); солдатъ не испугался этого и продолжалъ рубить его. Затѣмъ бросилъ и ушелъ домой. На другой день приходитъ къ нему женщина съ порубанною и обвязанною головою и говоритъ: „На шо ты мене поколотывъ“? — „А када я тебе калатилъ“? — „А, ты й не знаешъ, якъ ты мене сикірою, сикірою“! — Одинъ человекъ увидѣлъ свинью съ кувшинчикомъ, словилъ ее, надѣлъ ей на шею „матузку“ кувшинчика и пустилъ. Утромъ всталъ онъ, смотритъ,—женщина съ кувшиномъ завязала въ воротахъ, не могши пролѣзть сквозь нихъ.—„Гулялы парубкы на вулицы, дывлюцьця,—собака йде, воны вловылы ии, поодризували ий передни лапы и бросылы. Уранци вставъ одинъ парубокъ, колы маты его лежыть на печі бизъ рукъ“.—„Идутъ парубки, побачили кобылу зъ лошамъ, уловылы ихъ и лоша зануздалы, а кобылу повелы до кўзни, пидкувалы ии на вси ноги и пустылы. На друкый день узналы, шо маты одного парубка лежыть на полу занузданою, а маты другого—пидкованною на руки и на ноги“.—„Умерла одна жинка—видьма, и стала вона ночью ходыть додому, та мыть дитей и сорочкы имъ били давать, отчогó диты стáлы жовти, якъ вискъ и звельсь на сухарь. Узнала про це сусидка, кума умершою, надила на себе билу сорочку, збрýзнула ии свяченою водою, набрала сѣмня (конопляныхъ сѣмянъ), пишла до дитей, сѣла на сѣнному порбзи и йистъ сѣмня. Опівночи явилась

умерша, остановилась коло порога и каже: „Геть, ато сорочку зниму!“—„Попробуй, попробуй!—у мене сорочка трудовá!“ каже кума.—„Шо ты йисы!“—„Вóши“, отвичала кума. Писля цего умерша начала впять прогонять куму и лякати ии, шо сорочку зніме, но пидойты до неи боялась: свячена вода не пускала и страшила ии. Такъ воны спорылы до петухивъ, а якъ тико петухы проспивалы, заразы же видьма счезла и билшъ вже не являлась“.

Упыри въ здѣшней мѣстности называются „видьмычамы“. Они также, какъ и вѣдьмы, бываютъ „родыми“ и „научени“, и обладаютъ всѣми свѣдѣніями и свойствами вѣдьмы, только гораздо въ большей степени. „Видьмычъ“ отличается отъ вѣдьмы тѣмъ, что онъ гораздо добрѣе ея, меньше дѣлаетъ зла людямъ и не ходитъ доить чужихъ коровъ. Корову, которую испортила злая вѣдьма и которую никакая женщина не можетъ излѣчить, одинъ только „видьмычъ“ въ состояніи исправить. Вѣдьмы боятся вѣдьмичей, и поэтому никогда не оскорбляютъ ихъ и всячески стараются угодить имъ.

„Вовкулакы“ дѣлаются изъ людей, мужчинъ и женщинъ. Людей превращаютъ въ „вовкулакивъ“ колдуны (а въ рѣдкихъ случаяхъ и „видьмычи“), по большой части послѣ вѣнчанья, когда молодые выходятъ изъ церкви и во время свадьбы, когда „молоду“ везутъ въ домъ жениха. Рассказываютъ, что лѣтъ 40 или болѣе тому назадъ въ сл. Никольской весь поѣздъ, съ женихомъ и невестой, былъ превращенъ въ „вовкулакивъ“. Одни изъ нихъ въ скорости опять подѣлались людьми, другіе—черезъ годъ или два, третьи совсѣмъ погибли безъ вѣсти, а одинъ черезъ 5 лѣтъ забрался въ кошару къ овцамъ, перепугалъ ихъ и, когда на шумъ выскочилъ хозяинъ съ палкой, хотѣлъ было перескочить черезъ плетень; но въ это время на немъ лопнулъ поясъ, осыпалась шерсть, и онъ сдѣлался человѣкомъ въ убранствѣ жениха, — „съ квиткою на шапкѣ“ (это и былъ женихъ). Хозяинъ поднялъ было палку и намѣревался бить волка, но этотъ, сдѣлавшись человѣкомъ, закричалъ: „Постой! не бий: я такой же чоловікъ, якъ и ты!“ Хозяинъ опустил палку, ввелъ бывшего „вовкулаку“ въ хату и началъ его спрашивать о томъ, что съ нимъ было. Тогда злосчастный женихъ расска-

залъ слѣдующее: „Якъ женился я и йихавъ съ пойиздомъ, такъ тоди поробывъ намъ колдунъ такъ, шо мы вси подилалысь вовкамы и разбиглысь, щобъ насъ люди не добылы. Я побигъ въ лисъ и тамъ все время живъ зъ вовкамы, но пыци ихъ не йивъ: вона мини протывна була. Пытався жъ я въ лиси зѣленню и коріннямы, а якъ колы прыходылось забигты въ жылля, такъ йивъ вмисти съ свын्याмы те, шо люди имъ выносылы, або старався шо небудь украсты изъ людской пыци. Я все знавъ и понимавъ, тилко не могъ говорити. Така жизнь мини обрыдла за 5 годівъ, и я пишовъ въ слободу и зализъ въ кошару, тилко не за вивцямы,—я ихъ николи не трогавъ,—а для того, щобъ мене або вбывъ хто, абощо: такъ надопла мини жысть. Якъ же ты, добрый чоловіче, выйшовъ съ палкою, такъ мини моторошно стало и я начавъ утикать“.

Когда человѣкъ дѣлается „вовкулакой“, то на немъ моментально вырастаетъ волчья кожа съ шерстью. Эта кожа держится на человѣкѣ какимъ то волшебнымъ поясомъ, насылаемымъ на него знахаремъ. Обратитъ вовкулаку въ человѣка можетъ только колдунъ, вѣдьмычъ или „родыма видьма“. Если же таковыхъ не найдется, тогда человѣкъ будетъ вовкулакой до тѣхъ поръ, пока на немъ порвется самъ собою упомянутый поясъ, что рано или поздно, но всегда бываетъ, если только никто не убьетъ вовкулаку.

„Колдуны“—это люди знающіеся съ нечистою силою, которая помогаетъ имъ въ ихъ страшныхъ и нечистыхъ дѣлахъ, даетъ имъ деньги и открываетъ будущее и тайное. Теперь колдуновъ, говорятъ, мало, а въ прежнее время они часто встрѣчались. Колдуны также, какъ вѣдьмы и вѣдьмычи, бываютъ „родыми“ и „научени“. Когда родится дитя колдунъ, такъ оно сейчасъ же начинаетъ лазить. Чтобы сдѣлаться колдуномъ, нужно, говорятъ, вызвать „нечыстаго“, заключить съ нимъ условіе, которое подписывается кровью, полученною изъ мизинца будущаго колдуна, и состоящее въ томъ, что колдунъ обязывается, по прошествіи условленнаго числа лѣтъ, отдать свою душу нечистому. Вслѣдствіе такихъ страшныхъ обязательствъ, колдуны, умирая, сильно мучатся и страдаютъ. Крышку на гробъ умершаго колдуна прибиваютъ „осыковыми килкамы“, а

на его могилѣ забиваютъ большой осиноый колъ, что дѣлается для того, „шобъ умершій колдунъ не ходывъ ночью до живыхъ людей“.

Разсказываютъ, что жилъ здѣсь колдунъ, который былъ мастеръ на всякую пакость. Разъ шелъ онъ навеселѣ изъ кабака, нагналъ его другой человѣкъ и они пошли вмѣстѣ. Смотрятъ, поднялся большой вихрь и несется прямо на нихъ. Колдунъ снялъ съ себя поясъ и положилъ на дорогѣ; затѣмъ выпросилъ у своего спутника крестикъ и ножъ и положилъ ихъ „навхрестъ“ на поясъ, а самъ отошелъ въ сторону и смотритъ. Прошелъ вихрь. Колдунъ взялъ ножъ, показалъ на немъ кровь своему товарищу и сказалъ: „Це я око выколовъ нечистому духу“. Тотъ испугался, увидѣвши кровь на ножѣ, и убѣжалъ домой. Колдунъ, пришедши домой, пообѣдалъ и погналъ воловъ пасти на „Сухой яръ“. Въ самую полночь пришелъ къ нему злой духъ и началъ требовать выколотый глазъ. Мучился, мучился колдунъ и воротился съ волами домой. Послѣ этого онъ погналъ пасти воловъ въ „Дибривный лѣсъ“, но злой духъ и здѣсь не оставилъ его въ покоѣ: явился къ колдуну въ полночь и выдалъ ему одинъ глазъ. Этотъ самый колдунъ, говорятъ, ходилъ по слободѣ, нюхалъ землю, предсказалъ „черный годъ“, сказалъ, что „тутъ буде плохо жить, потому шо землю будутъ дилить такъ, якъ четвертями“, собралъ свои пожитки и уѣхалъ съ однимъ глазомъ куда-то на жительство, откуда уже и не возвращался.

Еще разсказываютъ, что одинъ человѣкъ, натерпѣвшись нужды и голода отъ бѣдности, рѣшился пойти въ „Даныльчынъ лѣсъ“ и попросить у „нечистого“ чего-нибудь изъ трехъ: „колдовства, грошей, або добраго чоловика, шобъ найнявъ его въ работныйкѣ“. Пришелъ онъ въ лѣсъ и ждетъ. Смотритъ,—идетъ къ нему постыжно какой-то человѣкъ, подошелъ, поздоровался и говорить: „Хрыстысь! ты бачышь, шо ото таке стоить?“ Онъ ему указалъ на „нечистаго“, но тотъ не увидѣлъ злого духа, сколько не паялилъ глазъ. Затѣмъ пришедшій нанялъ искателя приключеній въ работники и этимъ спасъ его душу отъ вѣрной гибели.

Доля есть у cadaго человѣка,—это его счастье или не-

счастье. Доля заботится о человѣкѣ, помогаетъ ему и жалѣетъ его; но только не доля человѣка ищеть, а человѣкъ долженъ искать свою долю. Кто найдетъ свою долю, тому во всемъ удача и онъ богатѣетъ, а кто не найдетъ, „той бьецця якъ рыба объ лідъ“, и все-таки ничего не приобрѣтетъ и не разбогатѣетъ. Если больной человѣкъ передъ выздоровленіемъ услышитъ ночью, что его кто-то подъ окномъ называетъ по имени, это значитъ, что къ нему „доля прійшла и здоровья прынесла“. Былъ здѣсь, разсказываютъ, большой лѣсъ, въ которомъ жилъ страшный разбойникъ. Когда онъ шелъ однажды на разбой, вдругъ выскочилъ изъ дуплистаго дерева человѣкъ, весь въ шерсти, съ длинными костлявыми ногами и съ кошачьимъ носомъ и говоритъ: „Покайся, брате, ато Богъ мене проклина за твои беззаконія!“ Явленіе это исчезло, а разбойникъ не послушался и сдѣлалъ опять преступленіе, послѣ чего легъ спать. Во снѣ ему вторично явилось то же самое видѣніе, повторило прежнія слова и велѣло креститься, что онъ и исполнилъ. Послѣ крещенія разбойникъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ—христіаниномъ. Это, говорятъ, доля ему являлась, чтобы спасти его отъ гибели. „Косыло два чоловика: одынь, шо скосе, то й складѣ, а другый,—якъ скосе, заразы и спаты ляже, а доля ёго прыйде и складѣ въ кѣпы. Первый замитывъ це, пидсѣвъ, уловывъ долю и пытае ии: „Де моя доля?—скажы!“—„Твоя доля въ кабаці“.—„Въ якому“.—Доля сказала въ якому гѣроди и въ якому кабаці. Тоди винъ пишовъ въ городъ, найшовъ той кабаць, сивъ тамъ торгувать и разбогативъ“.

„Русалки“—дѣти, умершія до крещенія. Живутъ онѣ въ водѣ и въ лѣсахъ, гдѣ ихъ можно и теперь видѣть. Русалки-мальчики имѣютъ короткіе, рыжіе и курчавые волоса, а русалки-дѣвочки—ровные бѣлые волоса, въ видѣ льняныхъ волоконъ, и длинные до самой земли. Русалокъ видятъ въ лѣсахъ, въ видѣ маленькихъ дѣтей, которыя часто кричатъ такъ: „Дайты хрестыкѣ! дайты хрестыкѣ!“ и затѣмъ скрываются. Родителямъ, у которыхъ умирали некрещенныя дѣти, грѣхъ за это, а чтобы простилъ Богъ этотъ грѣхъ, нужно въ субботу (подъ Троицу и на „троецькихъ святкахъ“ поминать некрещенныхъ дѣтей, а также дать на этихъ святкахъ богомольцамъ руб. 3—5

на монастырь и вообще на церковь, за что тоже прощаетъ Господь родителей. Кто же поминаетъ въ эти дни русалокъ, тотъ можетъ „выхрестить ихъ и ввести въ царство“, а въ особенности для крещенія русалокъ полезно купить матери, имѣющей умершихъ некрещеныхъ дѣтей, 12 крестиковъ, по числу 12 апостоловъ, и раздать ихъ на Троицу чужимъ дѣтямъ. Вслѣдствіе этого 12 дѣтей будетъ vykрещено по молитвамъ апостоловъ. Въ четвергъ послѣ Троицы бываетъ „русальчынъ великдень“. Въ этотъ день нельзя купаться и ходить въ лѣса, сады и огороды, „ато русалка залоскочетъ“. Въ особенности онѣ стараются щекотать тѣхъ своихъ родственниковъ, которые не поминаютъ ихъ. Если же кому необходимо нужно пойти, то онъ, чтобы предохранить себя отъ русалки, долженъ идти въ лѣсъ не иначе, какъ взявъ съ собою той полыни, которую на Троицу разбрасываютъ по хатѣ и подъ столомъ. Одна женщина, еще и теперь живая, рассказываетъ, что она въ дѣтствѣ своими глазами видѣла въ Данильчиномъ лѣсу, въ озерѣ (теперь высохшемъ), русалокъ-дѣтей, купавшихся тамъ и смѣявшихся. Она подошла ближе и увидела голыхъ женщинъ, съ распущенными волосами, сидѣвшихъ на берегу, кормившихъ грудью малыхъ дѣтей, смѣявшихся и звавшихъ и ее къ себѣ. Женщина, не помня себя, убѣжала домой. Другая женщина рассказываетъ, что она въ дѣтствѣ, съ мальчиками и дѣвочками, пасла овецъ около лѣса, гдѣ близко никого не было. Вдругъ на опушкѣ лѣса неизвѣстно откуда явился голый мальчикъ и, прокричавъ: „Молицыца Богу! молицыца Богу!“ незамѣтно скрылся.

Домовой—злой духъ, живущій на „горищи“ (на чердакѣ) въ каждомъ домѣ, который онъ оберегаетъ отъ несчастныхъ случаевъ. Домовой живетъ „на горищи“ не въ одномъ мѣстѣ, а каждый годъ переходитъ изъ одного угла въ другой по порядку. По наружному виду онъ похожъ на животное или на человѣка, только безъ головы. Если ночью застучитъ кто-то или назоветъ тебя по имени, не откликайся до трехъ разъ; въ третій же разъ, когда отзовешься, такъ слушай, какой звукъ издаетъ домовой: если онъ скажетъ звукъ „д“, то это къ добру, а если звукъ „х“, то къ худу. Когда построишь новую хату и въ ней домовой закричитъ или заплачетъ, значитъ будетъ въ

новой хатѣ несчастье, а если онъ засмѣется,—будетъ счастье и веселье. Ложки и всю посуду на ночь слѣдуетъ перемывать или накрывать; „ато ихъ домовый буде вылизывать“. Говорятъ, что если въ четвергъ, послѣ страстей, полѣзешь на чердакъ съ непотухшею изъ церкви свѣчей, такъ увидишь лежащаго домового: если онъ будетъ весь въ шерсти,—хозяинъ дома будетъ богатъ, если одна только сторона въ шерсти,—будетъ имѣть средній достатокъ, а если совсѣмъ голый,—значитъ хозяинъ будетъ бѣденъ. Слезить съ „горища“ слѣдуетъ задомъ, чтобы смотрѣть на домового, а если полѣзешь передомъ, „такъ винъ такъ тебе въ спину пернѣ, шо й дуба дасынъ“, что въ Николаевкѣ и случилось съ однимъ человѣкомъ. Убить домового нельзя, а можно только испугать его крестнымъ знаменіемъ. „Голычирва“ (вверхъ лицомъ) нельзя спать, „ато домовый буде душить“, что онъ частенько дѣлаетъ съ людьми. Когда онъ душитъ, слѣдуетъ читать молитву и креститься; но бѣда въ томъ, что въ это время человѣкъ не можетъ ни повернуться, ни рукъ поднять.

Кричитъ домовой ночью—къ смерти, плачетъ—къ веселью, а давить спящаго хозяина—къ продажѣ скота. Домовые часто дѣлаются изъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ степи на западъ головою нельзя ложиться спать, „ато прійде домовый, шо съ чоловика зробывся, нальетъ въ вѣхо яко-то жидкости и превратитъ въ домового“.—„Ишлы степомъ дви дивкы, и захотилосъ имъ воды, дывляцьця, колы сыдыть надъ кручою дидъ коло крыйниці. Воны попросылы у ёго воды, напылысь прямо съ крыйныці и поробылысь домовыми“.—„Ишовъ солдатъ со службы до дому, зострівъ чоловика, та такого здорового, и поздоровкався зъ нимъ, а той, не здоровкаясь, схватывъ ёго ззади, прыдавивъ, застогнавъ и счезъ. Прійшовъ солдатъ додому, а жинка хвѣра лежить, а пѣтимъ и вмерла“. Это, говорятъ, солдатъ повстрѣчался съ домовымъ, который предвѣщалъ ему несчастье, ожидающее его дома. Если домовой не влюбитъ лошади, т. е. шерсть ея не понравится ему, то онъ будетъ на ней кататься каждую ночь, отчего лошадь будетъ мокрая; а если ему не понравится шерсть другого скота, то таковой будетъ изводиться и пропадать.

„Злые духи“, по народной вѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ являются пьянымъ, чтобы ихъ завести въ какую нибудь пропасть и погубить, и тѣмъ, кто ходитъ подъ 24 июня за цвѣткомъ „папороти“, чтобы испугать ихъ и не допустить до обладанія драгоценнымъ цвѣткомъ. Имѣютъ злые духи и особенно излюбленныя для нихъ мѣста, гдѣ часто являются людямъ и строятъ съ ними какія нибудь причуды. Такихъ мѣстъ въ особенности боится народъ ночью и рѣдко ходитъ туда. Оберегать себя отъ „нечистой силы“ ничѣмъ нельзя, кромѣ крестнаго знаменія, молитвы вообще и въ особенности „воскрѣсной молитвы“, которую слѣдуетъ читать при всякой опасности и появленіи злого духа. Ночуя въ степи съ волами или другимъ скотомъ, молятся передъ сномъ такъ: „Во имя Оца и Сына, и Святого Духа, не допусти, Господы, до мене злого духа“. Существуетъ здѣсь между нѣкоторыми людьми легенда, что желѣзную дорогу выдумалъ при помощи злого духа какой-то безнравственный человѣкъ, острожникъ. Онъ будто-бы провалился на какой то горѣ въ землю, увидѣлъ тамъ машину (паровозъ), разсмотрѣлъ ее хорошенько и потомъ, когда вылѣзъ оттуда, сдѣлалъ и себѣ точно такую же. На первыхъ порахъ, когда строили желѣзную дорогу, люди, по условію съ нечистою силою, клали подъ шпалы живыхъ дѣтей, „шобъ машина лучше и скорѣе ходила“. Многіе въ то время говорили: „Я бачивъ на машины чорта! Винъ чорный якъ вугиль, тѣко очи та зубы блестятъ!“

Никольскіе знахари, говорятъ, мѣшали машинѣ чѣмъ могли: заколдовывали ее и останавливали, и этими дѣйствіями принуждали желѣзнодорожниковъ приходиться въ слободу, отыскивать знахарей и, кланяясь имъ въ ноги, просить, чтобы они „отколдовали“ — пустили въ ходъ машину и проч. Говорятъ, что если въ полночь подъ Ивана Купала накосить травы, держа косу „навпакъ“, сложить въ кучку въ сохранное мѣсто, чтобы ее никто не тронулъ, и на Крещеніе, когда выстрѣлять первый разъ изъ ружья, разрыть эту кучку, то подъ нею соберутся всѣ черти, которые будутъ просить хозяина травы, чтобы онъ не разрывалъ ее, за что и дадутъ ему денегъ и всего, чего онъ только у нихъ попроситъ.

Цвѣтокъ „папороти“ добываютъ ночью въ 12 часовъ. Злой

духъ, не допуская человѣка овладѣть цвѣткомъ, начинаетъ кричать, свистѣть, шумѣть, „гавкать“, бросать камни и огонь, трясти землю и т. п.; но человѣкъ долженъ все это перенести и, когда сорветъ цвѣтокъ, идти домой, креститься, читать молитвы, не оглядываясь и ни съ кѣмъ не говорить.

Одинъ крестьянинъ говоритъ, что его отецъ, лѣсникъ казенныхъ лѣсовъ, добывъ цвѣтокъ „папороти“ и возвращаясь домой повстрѣчалъ своего пана, лѣсничаго, который закричалъ: „Гдѣ это ты былъ?“ Лѣсникъ сильно испугался и выпустилъ цвѣтокъ, послѣ чего панъ лѣсничій исчезъ, и тѣмъ дѣло кончилось. —Одному мальчику, отыскивавшему въ лѣсу утеранныхъ воловъ, упалъ самъ собою цвѣтокъ папороти въ „черевыкъ“, послѣ чего онъ сейчасъ же узналъ, гдѣ его вола, пошелъ и занялъ ихъ. Смотритъ, —ѣдетъ на тройкѣ панъ, который остановился и говоритъ: „Промѣняй мнѣ, мальчикъ, свои черевыки на моихъ лошадей!“ Мальчикъ согласился, снялъ черевыки, отдалъ, а себѣ получилъ тройку коней; сѣлъ въ тарантасъ, взялъ возжи въ руки, думалъ ѣхать, когда смотритъ а у него въ рукахъ лыко, привязано къ тремъ палочкамъ и больше ничего и никого нѣтъ. —Заснулъ около кабака пьяный человѣкъ, приходитъ къ нему ночью его братъ и говоритъ: „Ходимъ, брате, во мною!“ Пошли. Приходятъ въ чей то хорошій домъ, открывается дверь въ прекрасную комнату, гдѣ сидятъ и гуляютъ люди: человѣкъ по обыкновенію перекрестился, смотритъ: нѣтъ никакого дома, и самъ онъ стоитъ надъ страшною пропастью. —Шолъ ночью пьяный никольскій мужикъ изъ слободы Морозовки домой. На дорогѣ около Кисличкина яра нагоняетъ его какой-то господинъ въ шляпѣ, въ тарантасѣ, запряженномъ парой добрыхъ лошадей. Пригласилъ господинъ мужика сѣсть съ нимъ; тотъ сѣлъ и поѣхали. Незнакомецъ, погоняя лошадей, называетъ ихъ человѣческими именами, и потомъ говоритъ мужичку: „Знаешь ты оцѣхъ коней?—Коринѣкъ де Солыфонъ, а прыстяжна—де такая-то!“ (Назвалъ онъ лошадей по имени двухъ повѣсившихся). Мужикъ, услышавши это, перекрестился. И что же? Оказалось, что онъ сидѣлъ на трубѣ какой то хаты? Началъ онъ кричать: вышли люди и сняли его съ трубы.

Пословицы и поговорки: „Товчецця, якъ Марко по пеклу

Богу молись, та й черта не гнивь. Боицца, якъ чортъ ладону. Чортъ плаче, шо моды не настаче. Показавъ чортъ моду, тай заховався въ воду“.

Народная зоологія. 1) Четвероногія животныя. Лошадь.
„Киньске мнясо не годыцца въ пыщу: Богъ проклявъ ёго за те, шо Винъ якъ ховався одъ жыдивъ и зализъ въ ясла, такъ тоди кинь своею мордою все сино выкыдавъ изъ ныхъ и открывъ Спасителя“. Въ конюшнѣ на порогѣ прибываютъ подкову или гвоздь, чтобы воры не могли украсть лошади. Черезъ то мѣсто, гдѣ качалась лошадь не слѣдуетъ переходить: „лышай нападе“, а если придется кому перейти, такъ онъ долженъ три раза сплюнуть и сказать: Нехай тоди мепе лышай нападе, якъ кинь лоша прыведе“. Если „домовой“ заплетаетъ лошади гриву, значить она идетъ ко двору, а если нѣтъ, —неидетъ. У одного человѣка была хорошая карая лошадь, но онъ ее каждое утро находилъ мокрою, тощею и съ взерошенною шерстью. За эту лошадь онъ вымѣнялъ себѣ пѣлаго коня; привелъ домой, поставилъ на ночь въ конюшню, а самъ сѣлъ въ уголокъ и спрятался. Лошадь сейчасъ же начала ѣсть сѣно, а домовой пришелъ и сталъ ее гладить, „ажъ шелестѣть“, потомъ говорить: „отъ такъ-такъ! це шерсть по мини“. Лошадь замѣтно стала поправляться.

Корова. Ихъ мясо благословенно на пищу за то, что онѣ съ помощью своей морды и роговъ прикрыли „синьцѣмъ“ Иисуса Христа отъ жидовъ. Если у коровы испортится молоко, сдѣлается краснымъ, нужно ее выдоить и вылить это молоко на этомъ же самомъ мѣстѣ; затѣмъ подкурить ее чѣмъ-нибудь свяченымъ и пройдетъ, если только не будешь никому рассказывать. Если же этого не сдѣлать, тогда корова будетъ ходить испорченною до весны. Весною же слѣдуетъ взять палку изъ „клевачной осыки“, вырубленной первою въ субботу подъ Троицу и ею выгнать корову первый разъ въ череду. Въ этомъ случаѣ можно узнать и ту вѣдму, которая испортила корову: „вона прыйде и буде просыть осыкову палочку“. Послѣ этого порча коровы проходитъ. Подъ новый годъ ходять въ загороду и смотрять, какъ корова лежитъ, если на востокъ головою, то она отелится утромъ, если на югъ, —въ полдень, на западъ, —

вечеромъ, а на сѣверъ, —ночью. Если у нея правый бокъ кидается, то будетъ быкъ, а если лѣвый, —будетъ телка. Когда отелится корова, даютъ ей сѣсть пасхальную шишку, „шобъ смырна була“, а такъ же вертятъ ей рогъ, насыпаютъ туда свяченаго маку и забиваютъ „осыковымъ килѣчкомъ, шобъ добра на молоко була и шобъ видьма не портыла“. „Коромысломъ нетрѣба быть воливъ, ато воны будуть ревты и бигать“. Не слѣдуетъ палкою проводить креста на землѣ, а также не „годыцца“ заступомъ и „сапачкою“, или „тяпкою“ „дзѣбать“ (бить, рубить) земли, „ато якъ скотына уступе туда, такъ буды хроматы“. Если утеранныхъ воловъ, а также и другого скота „нихто не нагліне“, т. е. не увидитъ, такъ они могутъ прожить въ степи или въ лѣсу нѣсколько дней невредимыми, т. е. ихъ не тронетъ ни волкъ, ни что нибудь другое.

Овцы. Овецъ Господь благословилъ на пищу людямъ за то, что онѣ кормомъ и своей шерстью прикрыли Его, когда онъ прятался отъ жидовъ. Если отъ овецъ рождается больше валашковъ, то пшеница въ этомъ году будетъ съ бурьяномъ, но добрая, а если больше ягницъ, то будетъ она чистая, но плохая.

Козы. Козу сотворилъ не Богъ, а чортъ, но не могъ онъ дать ей жизни. Когда же Богъ далъ козѣ жизнь и коза побѣжала, тогда чортъ, желая рассмотреть ее, схватилъ козу за хвостъ и оторвалъ его. Такъ коза и осталась до теперешняго времени съ короткимъ хвостомъ. Козла называютъ „цапомъ“ и держатъ его при лошадяхъ для того, чтобы домовой игралъ съ нимъ, а не съ лошадьми.

Свинья. Свиней Богъ благословилъ на пищу за то, что онѣ своимъ рыломъ загорнули и спрятали Спасителя отъ жидовъ. За это же ихъ сало и поросятъ святятъ на Велыкдень. „Шобъ свыни не бракувалы кормомъ, такъ ихъ треба загодѣвувать на сало тоди, якъ побачышь на степи кѣпы въ первый разъ“. Тогда приѣзжаютъ домой, насыпаютъ на „вѣко (крышку) дижи“ разнаго зерна и потомъ относятъ его той свиньѣ, которую предполагаютъ кормить на сало. Закармливать свинью слѣдуетъ тому, кто самъ ѣсть много, а ухаживать за нею въ продолженіи кормежки долженъ одинъ человѣкъ. И то и другое дѣлается для того, чтобы свинья скорѣе и сильнѣе жирѣла. Най-

денную подкову варят и эту воду даютъ свиньямъ съ помоями для того, чтобы скорѣе жирѣли; а нѣкоторые хозяева такую подкову задалбливаютъ въ корыто, чтобы собаки и свиньи не бѣсились. Есть еще такія знахарки, которыя наговариваютъ на хлѣбъ и даютъ его съѣсть свинѣ, чтобы она хорошо ѣла, за определенное время ожирѣла и годилась колоть на сало. Рассказываютъ, что одна женщина наговорила такъ на кускѣ хлѣба, положила его на столъ и собиралась дать кабану, чтобы онъ черезъ два мѣсяца годился для колки на сало. Мальчикъ, сынъ этой знахарки, схватилъ упомянутый кусокъ и съѣлъ; послѣ чего онъ сталъ такъ сильно ѣсть и жирѣть, что черезъ два мѣсяца, когда пришло назначенное для убоя кабана время, онъ умеръ отъ жира.

Собака. Собака, родившаяся первою, называется „ярчукомъ“. Она страшно злая, имѣетъ волчій зубъ, беретъ волка и даже мѣшаетъ вѣдьмамъ ходить въ чужую загороду; поэтому онѣ всячески стараются истребить ярчука еще маленькимъ. Собаку не слѣдуетъ бить изъ ружья: оно испортится и не будетъ годиться для охоты. Если собака воетъ, поднявши голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ,—къ покойнику. Когда забѣжитъ собака, такъ слѣдуетъ трижды крикнуть въ трубу: „дюцю, на!“ и она возвратится. Если прибудится собака,—къ богатству и къ благополучію. Кто обдеретъ собаку, тому цѣлый годъ нельзя ходить въ церковь, „грихъ“. Если кого укуситъ собака, то ее стригутъ и пережженною ея шерстью засыпаютъ рану. Отъ бѣшенства даютъ собакамъ майки.

Кошка. Какой шерсти уживается въ домѣ кошка, такой масти и скотъ слѣдуетъ держать: „домовый заразъ же задѣшетъ кишку, якъ шо ему не полюбыцца ии шерсть“. „Якъ кишка перебижить кому дорогу, такъ тому буде неудача, або кинь здохне; а щобъ цѣго не случилось, такъ трѣба кинуть палку такъ, щобъ вона перелетѣла навхрестъ черезъ слидъ кишкы. Хто спыть съ кишкою або напѣецца тии воды, шо вопа пила, того нежень нападе. Якъ куды йдешъ, такъ не беры съ собою кишкы, ато шкѣпа (лошадь) прыстане. До кого прибудыцца кишка, той чоловикъ обидниє“. Если кошка умывается

и имѣетъ при этомъ горячую лапу,—будетъ родной или дорогой гость, а если холодную,—чужой.

Волкъ. Когда является много волковъ,—будетъ голодъ; если же волкъ перебижалъ дорогу, то это къ счастью.

Заяцъ. „Якъ заецъ кому перебижить дорогу, такъ буде ему быда, або невдача въ тимъ дили, за якимъ йде“.

Кроликъ. У кого есть кролики, у того не будетъ разводиться (плодиться) скотъ.

Мыши. Если зимой много мышей,—на слѣдующій годъ будетъ урожай; если они чаще грызутъ верхнюю часть печенаго хлѣба, то тоже къ урожаю, а если нижнюю,—къ неурожаю. Чтобы мыши не истребляли хлѣба, нужно на „Маковіа“ (1-го августа) принести освященной въ этотъ день воды, пойти съ нею въ хлѣбное помѣщеніе, окроплять его и говорить: „Мыши! не ходите въ комору: васъ не пусте сюда маковийска вода“. „Якъ уловышь мѣшу, треба ии присмалыть и тоди пустыть, такъ вони скочують; а якъ підкуривать мышей табашнымъ дымомъ, такъ вони будуть пропадать“.

Медвѣдь. „Видьмидь—изъ чоловика“. „Разъ прийшовъ въ одну хату прохатырь, той шо просе на церкву, а хозяенъ, щобъ злякати цѣго прохатыря, взявъ та й заховався на покутті, за образами; за це его Богъ и обративъ въ видьмидя. Того видьмидь и рвецца завсегда на покуття, якъ его приведуть у хату“. „Якъ видьмидь потопче спыну, такъ вона николи не болытме“.

Байбакъ. На зиму „бабакъ“ засыпаетъ, на Срѣтеніе перевертывается на другой бокъ, а на Евдокію (1-го марта) свиснетъ въ первый разъ и опять заснетъ, если холодная погода; если же теплая, то онъ встаетъ и начинаетъ прохаживаться.

Ежъ. Сало „йижакъ“ идетъ на лѣкарство для скотскихъ ранъ, въ которыхъ заводится черви, и на освѣщеніе. Послѣ Покрова онъ залегаетъ въ берлогу, по отверстію и по мѣсту которой предугадываютъ силу зимы и зимнюю погоду. Если логовище ежа съ краю лѣса,—будетъ теплая зима, а если въ срединѣ,—холодная. Вѣтеръ и снѣгъ зимою должны быть съ противоположной стороны отверстію берлоги.

Стѣпныкъ. „Не трогай зиньского щенята, ато въ вичи плег-

не: воно сердите. Якъ бы у ёго были здорови очи, такъ вонобъ и людей йило. Зиньске щеня просило у Бога такихъ очей, якъ у вола, такъ Богъ сказавъ ему: „Нарый стилко кучокъ, якъ на неби зирочокъ, такъ тоди дамъ“. Съ того времени оно и старается побольше нарыть кучекъ, чтобы получить большіе глаза.

Летучая мышь. „Кожаны“ дѣлаются изъ мышей: если не обвязывать и не беречь пасхи и другихъ освященныхъ предметовъ, то ихъ могутъ ѣсть мыши, которыя отъ этого будутъ превращаться въ „кожановъ“. Около церкви потому много „кожановъ“, что тамъ во время посвященія всегда остаются кусочки пасхи, сѣдаемые обыкновенными мышами, и превращающимися въ летучихъ мышей. „Кожана“ засушиваютъ и носятъ на шеѣ отъ лихорадки. Если скотъ, предназначенный въ продажу, закормить сушенымъ „кожаномъ“, то онъ скоро и сильно жирѣетъ; но за это великій грѣхъ: такой скотъ скоро погибаетъ. Человѣкъ, котораго укуситъ кожанъ, умираетъ.

2) *Птицы. Куры.* Когда Спаситель прятался отъ жидовъ, тогда куры выгребли Его своими ногами. За это курей не святятъ на Пасху и не ѣдятъ ихъ ногъ,—онѣ прокляты Господомъ; сама же курица благословенна за яйца, которыя она несетъ и которое святятся вмѣстѣ съ пасхой. Яйцо, снесенное курицей на Благовѣщеніе и на Пасху, не кладется подъ насѣдку: изъ него выйдетъ калѣчка. Чтобы курица раньше „заквокта“ и сѣла на яйца, для этого нужно ее „пидъ Риздво звалыть съ сидала помеломъ“. „Якъ сыдыть курка, або друга птыця на яйцахъ, такъ нельзя сажити трусить: яйца почорниють и спортыця, и нельзя тоди пекты яецъ и бросать душпыну въ огонь, ато зародыши запечуцьця и не вылупляцьця.—Якъ спивае курка, такъ це вона вище нещасте,—треба ии заризаты, або взять ии и змирять одъ стола до порога: якъ прыйдеця головою, такъ голову отрубать, а якъ прыйдеця хвостомъ, такъ хвостъ“. Съ какой стороны дома поетъ пѣтухъ, съ той стороны будетъ гость. Ему приговариваютъ въ это время: „Якъ дорогой гость,—нехай тоби золотый хвостъ, а якъ плохый гость, такъ нехай отпаде и той хвостъ“. Если пѣтухъ поетъ вечеромъ,—веселая и теплая будетъ ночь, если ночью,—ничего не бойся, утромъ и

днемъ,—будетъ хорошая погода, на покутти и на порогъ,—будутъ гости, а если часто поетъ около окна,—къ несчастью или кто нибудь умретъ. Отъ соленого куры болѣютъ и погибаютъ; спасти ихъ можно гуцей изъ кваса.—Вечеромъ „кудачуть“ куры—къ несчастью, а утромъ—къ благополучію.

Гуси и утки. „Ця птыця благословенна на пыщу за те, шо вона Спасителя прикрыла соломкою, якъ Винъ ховався одъ жидивъ. Гусей бя завода треба купувать зъ вершыны, за водою, такъ вони лучче плодытимуцьця“. Купленныхъ для завода гусей и утокъ (а также всякую птицу и мелкій скотъ) должны ловить покупатель, а не продавецъ. Когда выведутся гусята, прижигаютъ имъ страстною свѣчею пушекъ на головкахъ, „шобъ шулика не хватала“. „Якъ у гусака вырвать изъ крыль навхрестъ по три пирыйны, такъ винъ пропаде“. Играя весною, дѣти поютъ слѣдующую пѣсенку объ уткѣ: „Селезень, селезень! догоняй ютку.—Пойды, ютыця, домой, пойды, сызая, домой; въ тебе семеро дитей, а восьмой селезень, девятая ютка, десята Анютка“.

Индѣйки. „Бндюшка сама ѣтла и врыкыва птыця. Шобъ вона не пропадала, такъ треба ии загодувать свяченымъ и брызкать свяченою водою, а вылупившимся бндюшатамъ нужно припалювать пушокъ на потылицѣ страшною свичкою“.

Голуби. „Голубьячои головы не йидать: вона проклята Богомъ за те, шо голубъ розсмыкавъ ту солому, де ховався Христосъ одъ жидивъ. Шобъ завести голубивъ, треба въ стриху хлива, де вони будутъ, заткнуть кусочекъ тии палочки, шо лежить пидъ хрестомъ, якъ святятъ воду; купыть пару голубивъ, и якъ пошнуть вони плодыцьця, такъ первыхъ голубятъ оставить для заводу, а другыхъ заризать и головкы повстромлять въ стриху хлива; а также якъ найдешъ на дорози чоку, возьми ии, неси додому не оглядаючысь, и встроми въ стриху голубьячого хлива: не будутъ залитать голубы, а все до себе будутъ приманювать. А якъ зробишь изъ клечальной осыки хрестъ, та встромишь его въ гнздо своихъ голубивъ, а потимъ найдышь квачъ зъ мазныци, та встромишь его въ стриху чужого хлива, де голубы плодыцьця, такъ тоди до тебе перелетятъ изъ того двора вси голубы, тилко не разомъ, а по пари каж-

ный мисяць. Голубьяче пирья не годытьця класты въ подушкы: голова болитыме. У кого плодяцьця голубы, у того не буде пужарю“.

Павлинъ. Иногда дѣвушки перьями павлина украшаютъ иконы, но опытные люди воспрещаютъ дѣлать это, говоря: „На шо вы оце робыте? Павычъ погана птыця,—ѣго мяса и собаки не йидять“.

Воронъ. Воронъ проклятъ за то, что онъ вырылъ изъ копны Иисуса Христа, когда Онъ прятался отъ евреевъ. Еще говорятъ, что воронъ когда-то взялъ своихъ дѣтей, понесъ къ рѣкѣ и посадилъ одного на берегу, а съ другимъ поднялся надъ рѣкой, и спрашиваетъ его: „Будешъ мене хлѣбомъ годувать? Якъ будешъ—перенесу!“—„Буду, та своихъ дитей“, отвѣчало то. Воронъ бросилъ его въ воду, а другое, сидѣвшее на берегу, само утонуло.

Орелъ. Если найдешъ гнѣздо орла и разоришь его, такъ тамъ можно найти деньги или другія цѣнныя вещи.

Сова. Совъ бываетъ два рода: одна бѣлая, весенняя, которая называется „иржунъ“, вона ирже якъ кинь“, и плодится въ бурьянахъ, а другая сѣрая, которая выводитъ своихъ дѣтей на дубѣ, въ гнѣздахъ.

Коршунъ. Коршунъ въ здѣшней мѣстности называется „шуликой“. „Шулика зыйла чоловіка“.

Копчикъ. Когда дѣти увидятъ летящаго копчика, тогда они, желая, чтобы онъ остановился на воздухѣ высматривать добычу, что здѣсь называется „плетеніемъ лаптей“, кричатъ ему нараспѣвъ: „Кобчыку, кобчыку! сплети мини лапти,— не велики, не мали, щобъ булы одъ неба до земли“.

Сычъ. „Якъ сычъ крычытъ на хати, або въ двори, такъ це передъ нещастемъ: умре хто-нѣбудь, або захворае, або пужаръ буде“.

Удодъ. „Якъ разорышь гнѣздо додыка, такъ винъ полетитъ въ степь, украдетъ у кашоваривъ огня, принесетъ его и положить на хату, щобъ згорела. У кого сядытъ на хати додыкъ або буде стукать у дворѣ, тамъ хто нѣбудь умре, або друге нещастя случыцьця“.

Кукушка. Когда весною въ первый разъ услышишь крикъ

кукушки и будутъ у тебя въ карманѣ деньги, такъ будешъ цѣлый годъ при деньгахъ и не будешъ нуждаться въ нихъ. Дѣти, увидѣвши кукушку, кричатъ: „Зузуле, зузуле! скажи,—скільки мини годъ жыть?“ и потомъ считаютъ: сколько разъ она крикнетъ, столько лѣтъ жить спрашивавшему дитяти. Иногда одно изъ ссорящихся говоритъ, вмѣсто бранныхъ словъ: „щобъ ты зузули не почувъ!“ а другое въ такомъ случаѣ говоритъ въ отвѣтъ: „та мини й додыкъ закуе“.

Грачи и галки. Говорятъ, что у „гракивъ“ и галокъ есть общественный судъ: иногда они всѣ гуртомъ убиваютъ одного изъ своихъ членовъ.

Воробей. Когда Христа распяли, тогда на крестъ сѣло два воробья,—красный и сѣрый: первый кричалъ: „пóмеръ, пóмеръ!“ а второй кричалъ: „жывъ, жывъ!“ тогда одинъ воинъ ударилъ Спасителя копьемъ въ бокъ. За это Господь проклялъ воробьевъ, не благословилъ въ пищу и спуталъ ихъ, „щобъ вони не ходылы по земли, а плыгáлы“. Нѣкоторые люди все таки ѣдятъ ихъ. „Якъ бьецця горобецъ у викно, такъ буде письмо“.

Ласточка. „Якъ ластивка змóсте пидъ хатою гнѣздо, такъ це щастя буде тому домови, и разорять его не годыцьця. Хто разорытъ ластивку и забере яечка, того нападе ластивьяче работыння, або пролетытъ ця ластивка пидъ коровою трычи, а вона й спортыцьця,—покрасние молоко и мало ѣго буде, такъ шо й телятко пропаде; а то такъ ластивка прынесѣ съ поля огню и спалытъ хату тому, хто побье ластивьятокъ. Хто убье ластивку, у того другі ластивкы по сердцахъ будутъ доить (сосать) и портытъ коровъ. Якъ весною побачешъ въ первый разъ ластивку, возьми изъ подъ правой ноги земли и подывысь: якого цвиту въ земли попадется шерсть, такой масты и скотыну держы; умыйся ще въ це время молокомъ, щобъ быть билолыцему, та ще утрысь тымъ рушныкомъ, въ якому паску носылы святытъ, такъ пройде ластивьяче работыння“.

Жаворонокъ. „Якъ жайворонки не прылетятъ на сорокъ святыхъ (9 марта), такъ тоди за нихъ спивають посमितьтюхы; за це жайворонки, якъ уроде хлѣбъ, должны дать посमितьтюхамъ мирку пшеници“.

Соловей. Съ лѣнливой хозяйки, не соткавшей до появленія со-

ловья полотна, смѣются не только люди, но и соловьи, поющіе такъ: „Выстелы, выстелы полотенце!“

Синица. Крестьяне, услышавъ раннею весною пѣніе синицы, похожее на слова: „покинь саны, возьми визъ!“ говорятъ: „Пора бросать саны та справлять возы: уже и сыныця про це спивае“.

3) Гады. *Гадюка.* Гадюка—твореніе лукаваго, что видно по ея зубамъ. Если гадюки никто не увидитъ въ продолженіи 12 лѣтъ, тогда у нея вырастетъ 12 головъ, а если не увидитъ 20 лѣтъ, тогда она вырастетъ величиною, „якъ кобыла“. У гадюки подъ шкурою есть маленькія ноги: кто ихъ увидитъ, тотъ сейчасъ же умретъ. Есть гадюки съ красными рожами, которыя называются „царіця голыця“. Линовице гадюки люди носятъ на шеѣ, пока потеряютъ, а также подкуриваются имъ отъ лихорадки. Кто убьетъ гадюку, тому Богъ проститъ 40 грѣховъ. Когда гадюка укуситъ человѣка, нужно ее тотчасъ же убить, оторвать голову и прикладывать ее къ ранкѣ, чтобы прошла болѣзнь; а если не убьешь, тогда она поползетъ къ водѣ и напьется; послѣ чего, когда вторично этого человѣка укуситъ какая-нибудь гадюка, онъ не перенесетъ и умретъ. Человѣкъ, укушенный гадюкою, долженъ для своего излѣченія трижды прочесть назадъ „Отче нашъ“. Если къ ранкѣ, образовавшейся отъ укушенія гадюки, приложить ясеновую палочку и потомъ хранить ее, тогда не будешь страдать отъ напраслины. Гадюку, укушившую человѣка, не принимаетъ земля, и потому она лазитъ до поздней осени и ожидаетъ, чтобы ее кто-нибудь убилъ. Рассказываютъ, что одна мать часто ходила провѣдывать свою замужнюю дочь, чѣмъ и надоѣла послѣдней. Одинъ разъ дочь спала, когда пришла мать, разсердилась, наругала ее и сказала: „Чого вона тутъ шляєцця!“ Мать ушла со слезами, а дочь заснула, и приснилось ей, что кто-то говоритъ: „Пидй въ садокъ и возьми тамъ два куска полотна“. Она проснулась, пошла въ садъ, увидѣла тамъ на яву два куска полотна, взяла ихъ, повѣсила на плечи и понесла; но изъ кусковъ образовалось двѣ гадюки, которыя впились ей въ грудь и приросли, такъ что ничѣмъ ихъ нельзя было оторвать. Такъ эта женщина и умерла съ гадюками, не нашедши лѣкарства отъ своего несчастія.

Ее, говорятъ, могъ бы избавить отъ гадюкъ только такой человѣкъ, который во всю жизнь не ѣлъ мяса въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Ужъ. Когда Ной былъ въ ковчегѣ, тогда дьяволъ пробуравилъ въ немъ дырку, чтобы погубить людей; но „вужака“ заткнулъ эту дырку своею головою и не пустил воды. За спасеніе людей Богъ далъ ему красную голову и сказалъ, что кто его убьетъ, тому запишется 40 грѣховъ. Ужъ, поселившійся въ домѣ или дворѣ, приноситъ счастье и богатство этимъ людямъ. Онъ любитъ молоко и доитъ коровъ, у которыхъ оно отъ этого не уменьшается, а напротивъ даже прибавляется. Если же убить ужа, то за нимъ скучаетъ корова, какъ за теленкомъ; другіе же „вужаки“ начнутъ сосать корову и испортятъ ее. „Якъ вужака кусаецця зъ жабою, такъ слѣдуетъ ихъ розвесты палочкой и хранить ихъ: вона буде спасать чоловіка одъ наказанія во время суда“.

Ящерица. Ящерицъ два рода,—одна сѣрая, которая считается „хлопьячою“, а другая зеленая и называется „дивчачою“: первая кусаетъ „дивчатъ“, а вторая „хлопчивъ“. Когда весною увидятъ въ первый разъ „ящерку“, отбиваютъ у нея хвостъ, хранятъ его и вѣшаютъ на шею отъ лихорадки. Если на отбитый у ящерицы хвостъ не наступишь ногою, пока онъ захолонетъ, такъ изъ него вырастетъ гадюка. Ящерицу брать въ руки грѣшно, а если кто возьметъ, тотъ долженъ мыть водою руки до тѣхъ поръ, пока кровь пойдетъ.—Ѣхалъ панъ съ кучеромъ. Остановились они ночевать; кучеръ началъ варить кашу, а панъ легъ на возу. Бѣжитъ ящерица; кучеръ кричитъ: „Вотъ веретѣлка!“—„Перепелка?“ говоритъ панъ: „кидай ее въ кашу!“ Кишитъ каша; ползетъ лягушка; кучеръ кричитъ: „Вотъ и луговая!“—„Другая? кидай ее въ кашу!“ говоритъ хозяинъ. Скипѣла каша; сѣли ѣсть; панъ и спрашиваетъ: „Гдѣ жъ перепелка?“—„Вотъ веретѣлка, вотъ и луговая“, говоритъ кучеръ, вытягивая изъ каши ящерицу и лягушку. Сильно разгнѣвался панъ и такъ наказалъ кучера розгами, что тотъ и умеръ отъ побоевъ.

Жабы. „Якъ хто йисть въ погриби або надъ колодцемъ, такъ отъ цего тамъ жабы заводяцця. Шобъ ихъ перевести въ пог-“

риби, нужно тамъ розвести огонь и положить на ёго скрюковатого перцю.—Жабы начинаютъ крюкать, якъ загремѣть первый гримъ. Не берѣ рукамы жабы, ато вона прѣсне на тебе та й нападутъ бородавкѣ. Одна жинка узяла жабу въ руки, а вона й прѣснула на лытцѣ, такъ у неи и выросла борода“. Укушеніе зеленой жабы иногда гонящейся за людмы, считается неизлѣчимымъ. Говорятъ, что жабы (также и мыши) чувствуютъ будущій неурожай, и съ этой мѣстности „перекочовуютъ“ въ другую, гдѣ будетъ много влаги и хорошій урожай. Однажды множество жабъ перекочевывало въ другую мѣстность. Увидѣлъ это одинъ человекъ, схватилъ палку и ударилъ переднюю жабу, называемую „маткой“. Матка прыгнула на человека и впила въ щеку, откуда никто ее не могъ оторвать: такъ человекъ этотъ умеръ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ жабой.

4) *Насѣкомыя и черви. Муравьи.* Муравьевъ, называемыхъ здѣсь „комашками“ два рода: красные,—„дивчачи“, а черные—„хлопьячи“: первые кусаютъ „хлопчивъ“, а вторые дивчатъ“. „Комашокъ“ грихъ убивать: вони никѣму шкѣды не роблять. Якъ разорышь муравъ йѣще, такъ буде здоровый витерь. На мисти муравыйѣща не строй хаты: хвороба и смертность буде, а загороду строй: прибытокъ скотыны буде. Якъ побачышь первый разъ комашокъ, беры ихъ и тры себѣ по лытцѣ,—не будешь зъ воламы въ шкѣды попадацьця“. Дѣти, увидѣвъ муравейникъ, берутъ палочку, слюнятъ ее и туда втыкають со словами: „Комашка, комашка! на тоби медку, а мині дай сирѣвчику!“ Палочка, вынутая изъ муравейника, покрывается кислою жидкостью, которую дѣти лижутъ языкомъ. Нѣкоторые крестьяне варятъ муравьевъ въ кипяткѣ и этимъ отваромъ парятся отъ ломоты и парятъ воламъ больныя шеи.

Жукъ. „Якъ жукъ гуде, такъ буде тепло або дощ“.

Корова. Такъ называется небольшой красноватый жучокъ, съ темными пятнами на верхней части тѣла. Его называютъ „Божьей коровкой“ и не позволяютъ душить, считая это грѣхомъ, по слѣдующей причинѣ. Въ старыя отдаленныя времена жили, говорятъ, большіе люди (великаны), называвшіеся „королями“. Затѣмъ Господь создалъ малаго человека, такого, какъ

мы. Выѣхалъ малый человекъ съ „погоньчями“ въ степь и началъ орать на четырехъ парахъ воловъ. Пришелъ великій человекъ, „король“, забралъ людей и воловъ съ плугомъ въ карманъ, пошелъ до Бога и спросилъ: „Шо це, Господы, за коровкы такі!“ Господь отвѣчалъ: „Не трогай ихъ,—це такі люди будутъ, а вамъ заразъ смерть настане“.

„Соньчко“. Соньчкомъ называется маленькій желто-красный жучекъ, съ двумя черными точками на надкрыльяхъ. Дѣти берутъ его въ руки, кладутъ на ладонь и говорятъ: „Соньчко, соньчко! одсунь виконьчко, та скажы мині, куды замижъ игы? (или—„де я буду женицьця?“). Куда, расправивъ крылья, улетитъ жучекъ, въ той сторонѣ живетъ будущій супругъ.

Сверчокъ. „Цвиркунъ цвириньчытъ на непогуду, а якъ у хати крычытъ, такъ це, кажуть, на богацьство“.

Тараканы. Чернаго таракана ѣдятъ отъ бѣшенства, когда заразятся этою страшною болѣзнью. Кто поздно вечеромъ подъ воскресные и праздничные дни прибираетъ въ хатахъ, у того „заводыцьця всяка погань: тараканы, стонѣгы, рогаткы, мокрушкы“ и проч. Тараканы заводятся еще оттого, что вѣникомъ припечекъ подметають. Гдѣ въ домѣ заведутся тараканы, тамъ будетъ несчастье. Въ одномъ семействѣ, гдѣ было много таракановъ, вечеромъ невѣстка принесла два ведра воды и поставила на ночь на „виднычку“ (полочка въ углу сѣней). Ночью слышали, что на чердакѣ что-то стучало. Утромъ встала невѣстка и пошла брать воду; смотритъ,—ведра оба пустыя, вездѣ сухо, и никто воды не бралъ. Разказали о случившемся людямъ, и тѣ объяснили, что это передъ „причыною“ (несчастьемъ). И дѣйствительно: черезъ недѣлю свекровь этой женщины утонула въ копанкѣ, а мужъ пошелъ на Донщину, и тамъ его мельница задушила; все же остальное семейство тоже перевелось. Чтобы уничтожить таракановъ, нужно найти старый лапотъ или „черевыкъ“, привязать къ нему двѣ нитки, посадить туда нѣсколько таракановъ и, взявшись вдвоемъ за нитки, вытянуть лапотъ на перекрестную дорогу и тамъ бросить. При этомъ долженъ кто-нибудь сопровождать таракановъ и, шутя, тужить за ними. Или дѣлають еще такъ: привязываютъ таракана ниткой, за которую берется все семейство и тя-

нетъ его съ трудомъ, надуваясь и не смѣясь, на перекрестную дорогу, гдѣ и бросають. Говорять, что послѣ этихъ способовъ тараканы сами „скачуютъ“ изъ хаты.

Саранча. Саранча считается Божиимъ наказаніемъ; поэтому ее невозможно истребить, и чѣмъ больше будешь убивать и гнать ее, тѣмъ она больше принесетъ вреда. Избавиться же отъ нея можно только молитвою.

Блохи. „Блохи плодятся оттого, шо на Риздво и на Великдень, якъ умывающа, разливають воду по хати“.

Воши. „Воши заводятся изъ тила чоловика одъ журбы, одъ заботы и одъ плохой воды. Сорочки треба золить натошакъ, шобъ воши не заводились и не кусали. Ихъ на столи и на викни грихъ бытъ: столъ-престолъ, а въ викно ангелы литають“.

Пьявка. „Де есть пьявкы, въ ту воду слидуетъ зайты чоловику зъ больнымы ногами и стоять, покы пьявки впнуцца, напьюцца и самы отпадутъ. Вони здоровой крови и здороваго чоловика не трогають, а пьютъ тилко спорчену кровь“.

Черви. Слѣдуетъ накопать въ загородѣ подъ яслями червей, положить ихъ въ черепочекъ, куда налить немного воды, и поставить въ печь, чтобы они растопились. Если этою жидкостью смазывать бѣльмо на глазахъ, то оно въ скоромъ времени пройдетъ.

Пословицы и поговорки. „Не по коню, а по оглобли. Конного не вворожышъ. Покирне телятко двѣ матки сѣе, а грубѣ и одний не попаде. Забылось сердце, якъ телячий хвистъ. Бытъ бычку на обрывочку. Паршыве теля и въ петривку мерзне. Одна паршыва вивця все стадо перепагане. Куды одынъ баранъ, туды и все стадо. Вона тоди буде прѣсты, якъ собаки дрычымуща. Привыкне собака за возомъ бигты, та й за саньмы не втерпе. Якъ доспышъ до обидъ, такъ прысныцца и видьмидъ. Сыныцю посады хочъ на пшевыцю, такъ вона усе сыныця. Мижъ воронамы живешъ, по воронячому и кракай. На чужій сторонци поклоньшся и воронци. Не давъ Богъ жаби хвоста, шобъ травы не толочыла. Муха не спорте брюха, а вычыстытъ“.

Загадки. „Бижать кони булани; на нихъ вузды порвани. Радъ бы я прыпынытъ, та ничымъ ихъ покормытъ“.

тучи). „Стоять кони на прыпони, не пьютъ—не йидать, а сыти стоять“. (Кавуны или арбузы). „Сирый виль усихъ людей извивъ“. (Утро). „Лысый виль кризъ ворота дывыцца“. (Мѣсяць). „Корова лежытъ, а шкура до воды бижытъ“. (Подушка). „Сира корова всихъ людей поборола“. (Ночь). „Крыкнувъ виль на сто городивъ,—збиглыся дитки не однии матки“. (Колоколь и люди). „Иде свынѣ одъ тытаря та вся вона потыкана“. (Наперстокъ). „Симсотъ поросятъ одну матку сцуть“. (Сволочки). „Середъ лиса-лиса старци шкуру мнуть“. (Поросата, сосущіе свинью). „Костянь деревьянь черезъ гору свиней гнавъ“. (Гребешекъ). „Баранъ у хливѣ, а роги на двори“. (Буракъ). „Жовта курця пидъ тынь кѣблицца“. (Дыня). „Середъ лиса-лиса, лежытъ шматокъ зализа,—ни взять, ни пиднять, ни на визъ положить“. (Гадюка). „Повзунъ повзе, голки везе“. (Ежъ).

Скороговорки. „Посмитѣтѣха съ посмитѣтѣшенѣтами. Перепелѣчка мала-невелѣчка трычи по трычи та не выпидподѣмкаецца. Гракъ гнылоносый. Ряба курка крупы клѣе. Летивъ горобець черезъ верхвѣрхний хливець, нисъ пудъ гороху и намъ давъ по-троху. Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, нисъ мирку гороху бизъ червотѣчыны, бизъ надчервотѣчыны“.

Народная ботаника. 1) *Деревья простыя, плодовые и кусты.* Всѣ деревья, какъ простыя, такъ и плодовые, сажалъ и сѣялъ Господь. Если зимою на деревьяхъ будутъ большія и твердыя „брунькы“ (почки), такъ это къ хорошему цвѣтенію и урожаю плодовъ, а если онѣ будутъ малыя и мягкія, значитъ не будутъ цвѣсти деревья. Когда дерево сильно цвѣтетъ,—не жди хорошаго урожая плодовъ: его „зглазятъ людѣ“, а когда цвѣтетъ умѣренно, тогда больше плодовъ будетъ. „Якъ гримъ загремытъ на голый лисъ, такъ буде на все неурожай“.

Верба. „Якъ вербу посадышъ на молодыці, такъ молодныкъ здорово ростыме, но дерево не крипкѣ буде, а якъ посадышъ на старому мѣсяци, такъ молодныкъ не скоро ростыме, за то дерево буде крипке. Вербу треба рубать на тошакъ въ жылавый понедѣлокъ, шобъ вона прочна була для постройкы. Якъ у кого болятъ зубы, такъ треба выризатъ корочку, або сердце, съ свяченой вербы, яка росте у горѣди, и прикладать до боль-

ного зуба, а побитъ того однести цю корочку и вставить на прежнее мисто, въ вербу, щобъ вона тамъ и приросла“.

Ива. „Ивыну вѣрють и мыють голову одъ болячки“ (золотухи).

Тополь. („Туполя“). Листья и вѣтви „туполи“ варять и этимъ отваромъ моютъ лицо, „щобъ зийшлы вугры“ (прищипки, чирья на лицѣ).

Пирамидальная *тополь* здѣсь называется „райбна“ или „рай дерево“, а черная тополь, осокорь, — „сокирь“.

Осина. „Якъ Спаситель ховався одъ жыдивъ, такъ тоди Винъ пишовъ та й сивъ пидъ осыкою, а вона якъ зашелестыть, та й злякала Спасителя. За це Винъ проклявъ ии и сказать: „Бодай же ты шелестила и зъ витромъ, и бизъ витру“. Поэтому листья осины и безъ вѣтру трепещутся и шелестятъ. Осины не кладутъ при постройкахъ въ стѣны домовъ, „ато вся симья дрожатыме день и ничъ одъ хворобы, такъ якъ дрожать осыка“. „Осыки боищця всяка нечысть: видьмы, колдуны, злый духъ“ и проч. Если въ плетень загороды повтыкають осиновые вѣточки, то въ такую загороду не можетъ зайти вѣдьма, и не можетъ она испортить коровы.

Кленъ и пѣкленъ. „Пѣклена похожа на клыніну, тилко мнѣкче ии и хуже на хозяйственни подилки, та сердце у неи чорне и листья шырше, чымъ у клыныны“.

Черемуха. Черемухи въ здѣшней мѣстности довольно много. „Якъ нападутъ скотыну воши, такъ тоди рубаютъ молодую черемуху, парятъ ии, скручуютъ обручемъ и вишаютъ на шью тий скотыныни“.

Липа. „Лыпеною не годыщця быть скотыну, а то здохне. Лыповый цвѣтъ пьютъ одъ простуды“.

Берестъ и вязъ. „Берестокъ и вязокъ“ употребляются на колеса, возы, сани, бороны и оси, въ стѣны же домовъ при постройкахъ ихъ не кладутъ: „не годыщця, — грихъ“.

Дубъ. Въ листьяхъ, которые зимуются на дубѣ, парятъ больныя ноги отъ ломоты. „Якъ у кого заболѣть зубы, такъ щобъ перестали болѣть, винъ долженъ найты молодого дубка, стать передъ нимъ и трычы сказать: „дубе, дубе! я тебе зыймъ зъ гиллямъ, съ коріннямъ, съ пагіннямъ („паганци“ — молодые побѣ-

ги): гамъ! гамъ! гамъ!“ — Если на дубѣ уродится много желудей, будетъ урожай на жито.

Ясень. Когда волю, съѣвши паука или вредную траву съ росой, обдуются, тогда берутъ ясеновую палочку и бьютъ ею три раза „навхрестъ по ливой здѣхвини“, отчего болѣзнь проходитъ. Ясень — крѣпкое дерево, употребляемое на столѣрные издѣлія. Съ нимъ связанъ слѣдующій рассказъ: „Вывизъ мужыкъ на новѣмъ вози, съ ясыновыми пидтоками, продавать кабана. На базари обступылы его ворѣты, та одынъ изъ ныхъ и пытае мужыка: „Зъ чого це у тебе пидтоки?“ — „Покоштуй тай знатымышъ съ чого“, каже мужыкъ. „Давай я ихъ перегрызу“. „Перегрызы“. „А шо ты мини дасы?“ „Та пожъ? кабана оддамъ“. „Ну, дывысь же сюды, щобъ посли не казавъ, шо я ихъ перерѣзавъ!“ сказавъ воръ, и начавъ грызты пидтоки, а мужыкъ дывищця на его, якъ винъ грызѣ. Ворывы товариши узялы кабана и понесли. Мужыкъ все дывищця, а воръ грызъ, грызъ, и плюнувъ та й каже: „Пху! яке дерево крѣпке: ясень, не ясень, кабанъ унесенъ. „Прощай!“ И пишовъ за своймы товаришамы, яки украли кабана“.

Яблоня. „Щобъ завести гоныхъ яблунь, такъ треба посіятъ яблунни зерна и, якъ вони зийдуть и поростуть одно лито, тоди выкопать ихъ, и поставыть на зиму въ погрибъ, а весною вынынять и впять посадыть. Писля цего вони гоже пидуть росты и годивъ черезъ тры уродять“.

Груша. Грушевые плоды ѣдятъ отъ поноса, а также перепаливаютъ ихъ и пьютъ съ водою отъ той же болѣзни.

Вишня. Вышни слѣдуетъ выкапывать и пересаживать натошакъ, „щобъ хорошо прійнялысь и росли“, а на Новый годъ нужно зерна, разбросанныя посыпальниками, собрать и разбросать между ними, „щобъ тамъ черва не заводылась“.

Сливы и теренъ. „Сливы“ въ здѣшней мѣстности немного, „теренъ“ же распространенъ вездѣ.

Чернокленъ, или „чорноклына“. Это маленькое деревцо употребляется на „пужална“ для кнутовъ.

Орѣшникъ, или „лищѣна“. Съ орѣшника крестьяне готовятъ хорошия „граблыщя и цыпыльна“, т. е. рукоятки для грабель и для цѣпа.

Жостиръ. Плодами жостира настаиваютъ водку и пьютъ ее отъ грудныхъ болѣзней, а также дѣвушки моютъ голову, „шобъ вона не болила и шобъ волосся чорняве було“, и натираютъ лицо, „шобъ пройшло ластивьяче работіння“. Его же ягодами женщины красятъ въ черный цвѣтъ свои „дерги“.

Калина, или „калына“. Ея ягоды завариваютъ кипяткомъ и пьютъ, какъ чай, отъ простуды.

„Шепишну“ (шиповникъ) и „алида“ (боярышникъ) сотворилъ лукавый, „шобъ людѣ лаялись и гришцылы, якъ укоюця нымь“.

„Брусльина“ раньше употреблялась сапожниками для сапожныхъ гвоздей.

Бузина. Бузиновый цвѣтъ завариваютъ и пьютъ отъ простуды.

„Поришкы“ или „заячи оришкы“. Такъ называется низкій кустарничекъ, на которомъ растутъ продолговатые, плосковатые и мохнатые орѣшки, употребляемые дѣтьми въ пищу. Нѣкоторые же называютъ „поришкы“ и смородину, которая мало распространена въ здѣшней мѣстности.

Крыжовникъ, называемый „кряжовныкомъ“, мало распространенъ.

Малина, или „малына“ встрѣчается еще рѣже крыжовника.

Ежевика. „Ожыны“ здѣсь въ лѣсахъ и „въ вербахъ“ весьма много.

2) *Хлѣбныя и огородныя растенія.* *Пшеница.* Когда еще не было хлѣбныхъ растеній, тогда люди питались липовыми листьями и липовой корой, да „пѣтрохомъ“ изъ деревьевъ, т. е. тѣмъ, что сыплется изъ древесныхъ червоточинъ. Затѣмъ Господь далъ пшеницу, только не человѣку. Онъ далъ, а собакѣ. „Вона завыла одъ голоду, а Богъ зъ неба и кинувъ ий колосокъ пшеницы прямо въ ротъ, но чоловікъ выхватывъ у собаки зъ рота цей колосокъ, ставъ сять и развить пшеницю. Значить намъ грихъ убывать собаку,—мы ймо йи долю“.

Рожь. Если послѣ посѣва „жита“ въ скоромъ времени пойдетъ дождь, а потомъ морозъ ударить, то оно можетъ погибнуть,—у него примерзнутъ молодые корешки,—„паганчыкы“.

Просо. Если набрать въ „хустыну“ (платочекъ) проса и обсыпать имъ три раза вокругъ того мѣста, гдѣ собирается на улицу молодежь, тогда парубки и дѣвки будутъ ругаться и даже биться. Для прекращенія же этихъ беспорядковъ, должны

дѣвушки взять „витушку“, которою разматываютъ нитки съ мотка на клубки, поставить ее на мѣстѣ собранія улицы, и одной изъ нихъ лазить подъ „витушкой“, а остальнымъ бить ее „деркачѣмъ“ (старымъ вѣникомъ) по спинѣ. Когда варятъ кашу и при этомъ плохо огонь горитъ, тогда нѣкоторые приговариваютъ: „Горі, горі ясно, прыйде Ивапко: самъ на кобыли, жона на корови, диты на телятахъ, слугы на собакахъ; приведе винъ Варьку, дастъ намъ по подарку; прыйде винъ зъ Машкою, мы ихъ нагодумѣ кашкою; прыйде ще зъ Гапкою, мы ихъ выбѣмъ палкою“. Засыпая въ кашу пшено, говорятъ: „Оце на вола, шобъ добра була, оце на корову, шобъ дулася вгору, оце на быка, шобъ була така, оце ще на старця, шобъ одъ людей не остацьця“. Если крутая каша выйдетъ полная, съ верхомъ, тогда говорятъ, что въ слѣдующемъ году будетъ хорошій урожай.

Ленъ. Когда сѣютъ ленъ, то ѣдятъ яйца, „шобъ волокно биле було“, а чтобы онъ чистый уродился и не былъ перевитъ „прывытыцею“ (повелицею), такъ его долженъ мужчина сѣять въ одной сорочкѣ. Ленъ бываетъ „скакунъ“ и „москаль“ (иначе „ростунъ“). „Скакунъ“, считающійся лучшимъ на волокно, выбираютъ надзелень, чтобы зерно изъ него не выскочило, и ставятъ въ „шипы“ (пирамидки), головками вверхъ, послѣ же на свободѣ, вытряхиваютъ изъ него сѣмена и тогда уже вяжутъ въ снопы; „ростунъ“ же вяжутъ въ снопы сейчасъ, когда выберутъ, и кладутъ въ копны.

Всякія огородныя овощи слѣдуетъ сажать и сѣять тогда, „якъ народыцьця молодой мисяць, а шо посадышъ на ущерби,—все плохе буде“.

Капуста. Когда посѣютъ рассаду, ставятъ въ чемъ нибудь около нея воду, чтобы морозъ не повредилъ. „Якъ посадять капусту, такъ хозяйка до сходу сонця бере свячену воду, яку святятъ на Праву середу, и кропѣть кропѣльцемъ каждую кѹбашку, шобъ на капусту не нападала папильнуха и червы“. Если же на нее нападутъ черви, тогда подъ каждый посаженный кустикъ слѣдуетъ подсыпать пасхальной золы. Капусту нужно вырывать съ корнемъ, „ато на другой годъ на цимъ мисти заведуцьця червякы“.

Картофель. Тѣхъ „яблучокъ“ (плодовъ), которыя вырастаютъ на картофельной ботвѣ, нельзя обрывать, „ато картошка плоха буде“.

Лукъ и чеснокъ. „Цыбулю садятъ якъ ще жабы не квакають. — Часныкъ изъ зубивъ бабы волшебницы. Ця баба вмерла и заховалы ии, а якъ тамъ у неѣ зубы повыпадали, такъ зъ ныхъ и вѣрись часныкъ, — того грихъ его й йисты. Хто найисцьця часныку, тому 12 днівъ нильзя ходыть въ церкву: винъ не Богу буде молющця, а лукавому, и отъ цѣго чоловіка одступаецьця ангель на 12 днівъ, а хто найисцьця цыбули, одъ того на 10 днівъ“.

Перецъ. „Хто буде йисты стрючковатый перецъ, той не буде бояцьця морозу и хворобы, и на лытци буде красный, якъ перецъ“.

Макъ слѣдуетъ сѣять на средокрестной недѣлѣ, въ среду пораньше. Его употребляютъ при купаньѣ дѣтей, „шобъ лучше спали“.

Подсолнухъ. Когда увидишь лѣтомъ въ первый разъ цвѣтущій „соѣшныкъ“, сорви его, спрячь и употребляй отъ „соѣшныцъ“.

Рѣпа (земляная груша). Мѣстная рѣпа похожа на подсолнухъ, только не имѣетъ она цвѣтущей головки, а плоды ея, похожія на клубень картофеля, находятся на корневищахъ, въ землѣ. Она, говорятъ, цвѣтетъ подъ Ивана Купала. Цвѣтъ ея, сорванный въ этотъ день ночью, имѣетъ такую чудесную силу, какъ и цвѣтъ „папороти“.

Хрѣнь, или „хронъ“. Хрѣнь до Рождества Христова былъ страшно ядовитъ. Жиды вздумали было отравить Христа, приготовили хрѣна и „залили“ Спасителя, но Онъ благословилъ его, уничтожилъ ядовитость и велѣлъ христіанамъ безбоязненно ѣсть его. Поэтому то люди въ постъ и употребляютъ хрѣнь въ пищу, а особенно они „йидять его въ жѣлявый понедѣлокъ, шобъ на весь пистъ закрементувацьця“, (закрѣпиться).

Мята. „Холодну мяту варють и пють одъ кашлю, а кучеряву (простую) держуть для запаху“.

Любыстокъ, кануниръ, мята и шебрѣнь употребляются для купанья и для мытья головы: „гѣжо пахне“.

Табакъ „выдумавъ лукавый, шобъ людѣ курѣлы его и гришылы“.

Арбузы, дыни и огурцы. „Бакшу треба сѣять въ понедѣлокъ, шобъ кавуны, дыни и огиркѣ завязувались изъ первого цвѣту. Якъ посиешъ огиркѣ на Праву середу (Преполовѣніе), такъ вони правѣ (т. е. прямые) будутъ рости. На вербный недѣли не годыцьця сѣять огиркѣвъ, а на клечальний — полоть, ато вони будутъ гиркѣ“.

Васильки. Огородные васильки бываютъ двухъ родовъ: одинъ родъ съ бѣлыми цвѣтами „для мертвыхъ“, — они и пахнутъ мертвецемъ, а другой, — съ синеватыми цвѣтами „для живыхъ“: этотъ родъ употребляется для украшенія иконъ и проч. Если новый столъ надушить васильками, тогда онъ крѣпкій будетъ и долго просуществуетъ.

3) Травы, цвѣты и проч. Хлѣбныя и огородныя растенія, а также полезныя травы и цвѣты сажалъ Господь, а „колючкі, будякі, рѣпяхы, бурьяны и вси гиркѣ и вонючы травы и цвѣткѣ сажавъ лукавый, шобъ людѣ кололись нѣмы, чхали одъ ныхъ, лаялись и гришылы“.

Папоротникъ. Цвѣтъ „папороти“, доставаемый ночью 23 іюня, имѣетъ чудодѣйственную силу: кто имъ обладаетъ, для того нѣтъ ничего невозможнаго и тайнаго. Онъ будетъ знать, гдѣ находятся клады и доставать ихъ безъ труда; ему будутъ отпираться замки безъ ключа, при одномъ его прикосновеніи; онъ можетъ влюбить въ себя всякую дѣвушку и проч. Говорятъ, что на „папороти“ бываютъ такіе маленькіе цвѣточки, какъ на крапивѣ, и горятъ они какъ огонь. „Папороть“ есть въ Бабиномъ лѣсу и въ Третьей стѣнкѣ (казенный лѣсокъ), гдѣ ее можно найти весною и лѣтомъ во всякое время. Папоротникомъ лѣчатъ (купаютъ) людей отъ всякихъ болѣзней и овецъ отъ оспы.

„Разрывъ трава“, заложенная въ разрѣзъ ладони, заростая тамъ, имѣетъ такую же силу, какъ и папороть.

„Прострѣлъ трава“, прострѣленная громомъ и поэтому имѣющая въ корнѣ дырочку, въ которую въ то время проскочила гадюка, употребляется, какъ лѣкарство, отъ разныхъ болѣзней и въ особенности отъ „порухы“.

Лопухъ. Лопухомъ парятся отъ ломоты и пьютъ настой его на водкѣ.

„Соба́че мыло“. Такъ называется трава бѣлаго цвѣта. Ея рветъ молодежь, растираетъ въ рукахъ и, полученною отъ этого бѣлою массою, умывается, какъ мыломъ, „шобъ быть бѣлолицѣму“.

Лебеда и щерыца. „Якъ волы найидящя молодой, солодкой лободы и щерыцы, такъ заразы же ихъ нападе тошнота и вонны пообдувающя“.

Перей. „Перий йидятъ собаки, шобъ не казыщя“.

Забудьки (чернобыльникъ). Ихъ варятъ въ борщѣ; но говорятъ, что „хто йистъ забудьки, той буде забувать про свои дила“.

Крапива. „Молоду крапивиу крышатъ въ борщъ, хочъ и кажутъ, шо йи сиявъ лукавый и шо вона проклята Богомъ“.

Болы́голова. Дѣти ѣдятъ молодые корни „булы́головы“.

Полынь. Ее сѣялъ лукавый: „якъ хто возме полынь у руки, такъ стане гирко и въ роти, и скризь, и нашинеть винъ кашлять, чхать, и лаящя“.

Щавель. „Щовой буваеъ: кыслый, горобьячий, косьй и киньскый. Кыслый и горобьячий йидятъ сырымъ, косый—варенымъ въ борщи, а киньского нельзя йисты, а то ногти выростутъ здорови“.

Молочай, растушій на каждомъ выгони, употребляется отъ лишая и отъ сильного запора.

Рожь. Она бываетъ двухъ родовъ: бѣлая, называемая собачьею, и красная, лепестки которой употребляются въ пищу.

„Копытци“—желтые цвѣточки, круглые листья которыхъ находятся не на одномъ стеблѣ съ ними, и по формѣ похожи на лошадиное копыто. Эти листья употребляются для борща.

„Сонъ“—красно-синіе цвѣточки, всегда поворачивающіе свои вѣнчики къ солнцу и закрывающіе ихъ, когда спрячется оно.

„Пивныкы и курочки“—цвѣты одного рода, съ сладкой луковичкой, употребляемой дѣтьми въ пищу и съ продольными темными полосками на нижней сторонѣ лепестковъ, которые у первыхъ бываютъ фіолетово-бѣловатаго цвѣта, а у вторыхъ почти бѣлаго. Они цвѣтутъ почти въ одно время съ „проли-

камы“ (подснѣжниками), немного раньше другого рода „півныкывъ“, желтаго цвѣта, называемыхъ „галацвитками“.

„Дмиль или имильчакъ“, (иммортель) пережигаютъ и золою затоптываютъ „огныкъ“.

Существуютъ еще: „Ряска“, „яглыця“, употребляемая для борща, „соба́ча гречка“, любимая травка для собакъ, „куряча слипота“, отъ которой заболѣваютъ этой болѣзною люди и животныя, „соба́чи кавунъ“, которые ѣдятъ собаки отъ бѣшенства, „гусячий молочай“, отъ котораго гуси жирѣютъ, „гадючий лукъ“, которымъ зимою питаются гадюки, „смоктунъ“ (чистецъ) и „варенечкы“—медоносные цвѣты, „лопу́цкы“, употребляемые для ѣды въ сыромъ видѣ, „бабкы“, „маркивныкъ (церковныкъ)“, „сверіпа“, „козелькы“, „борщивныкъ“, или „хрестати лопуцкы“, „грыцкы“ и „молочай“,—послѣднія два растенія горькія, если не потеряетъ ихъ въ рукахъ.

Изъ грибовъ, которыхъ здѣсь не мало растетъ, употребляютъ въ пищу: „печерыци“ (шампиньоны), „опѣнкы“ (опѣнки) и „гарашкы“.

Пословицы и поговорки. „У ёго на верби груши растутъ, а на осыци—кыслыци. Скоро садъ садятъ, та не скоро плоды йидятъ. Симъ годъ макъ не родывъ, та голоду не робывъ“.

Загадки. „Сыдыть дидъ надъ водою, трусы бороною“. (Камышь). „Сыдыть дидъ надъ кущемъ, захлебався борщемъ“. (Квачъ и деготь). „Ходе баба по току, въ зеленому колпаку“. (Метла). „Шатаецця, мотаецця, пидъ прыпичокъ ховаецця“. (Вѣникъ). „За лисомъ, за лисомъ стоить дижа съ кистомъ“. (Криница). „Середъ двора, двора стоить золота стрила, а въ тий стрили симсотъ и двѣ“. (Макъ).

Юридическіе обычаи. Передъ совершеніемъ брака, „на могоричѣ“, родители жениха и невѣсты въ присутствіи постороннихъ людей, свидѣтелей, заключаютъ словесное условіе, въ которомъ обуславливаются—какая сторона, кому и сколько обязывается уплатить денегъ и дать подарковъ и приданого. По окончаніи сговора даютъ старостамъ подарки, т. е. рушники или платки, а „на сватаньѣ“ даютъ подобные же подарки жениху и его родителямъ. Запивши могоричъ и давши старостамъ

упомянутые подарки, свадебный договоръ считаютъ оконченнымъ. Если въ это время женихъ или невѣста станутъ отказываться отъ вступленія въ бракъ, то виновная сторона должна возвратить полученные подарки и уплатить всѣ расходы, произведенные на могоричѣ и на сватаньѣ. Если отъ совершенія брака откажется невѣста, то ея родители или заступающіе мѣсто родителей уплачиваютъ родителямъ жениха всѣ расходы и тѣмъ заканчивается дѣло. Если же откажется женихъ, тогда родители его или заступающіе мѣсто ихъ, возвративъ подарки и всѣ расходы, уплачиваютъ еще родителямъ невѣсты за „безчестіе“ ея, если будетъ доказано свидѣтелями, что она согласна была выходить замужъ. Согласіе же невѣсты доказывается ея присутствіемъ на „могоричѣ“, ея словами: „Якъ батько й маты скаже, такъ и я“, и тѣмъ, рѣзала ли она принесенный старостами хлѣбъ или нѣтъ? Если рѣзала, значить она была вполнѣ согласна, если просила родителей порѣзать, — тоже была согласна, а если молчала или удалилась изъ хаты, — тогда она не согласна была выходить.

Въ крестьянскихъ семействахъ почти не бываетъ случаевъ формальнаго, законнаго развода, что видно изъ того, что въ продолженіи 30 лѣтъ былъ одинъ только случай такого развода по причинѣ неспособности къ супружеской жизни. Вслѣдствіе же споровъ, ссоръ и дракъ бываютъ случаи, что супруги расходятся, чтобы вести жизнь раздѣльно. Въ этихъ случаяхъ дѣти, если они есть, остаются жить при томъ изъ родителей, который ведетъ болѣе нравственную жизнь. При такихъ разводахъ каждый изъ супруговъ пользуется тѣмъ имуществомъ, которое лично ему принадлежитъ.

Если дѣти и ихъ отецъ пожелаютъ раздѣлиться при жизни послѣдняго, то все имущество дѣлится между сыновьями и отцемъ на равныя части; причемъ отецъ и мать остаются жить на старомъ мѣстѣ съ меньшимъ своимъ сыномъ, а остальнымъ сыновьямъ строить хаты отдѣльно. Непочтительнаго, непослушнаго и грубаго сына отецъ имѣетъ право выгнать изъ дома, не давъ ему ничего.

По смерти отца, если дѣти не пожелаютъ жить вмѣстѣ, имущество дѣлится поровну между сыновьями и матерью, также

какъ и при жизни отца. Незамужнія дочери, при выходѣ въ замужество, получаютъ небольшія доли отъ родителей и братьевъ, замужнія же ничего при раздѣлѣ и послѣ него не получаютъ.

Наслѣдство, оставшееся послѣ смерти родителей и бездѣтныхъ родственниковъ и воспитателей, получаютъ братья и дѣлятъ поровну между собою; сестрамъ же они, по своему усмотрѣнію, выдѣляютъ только незначительныя доли. Солдаты, ихъ жены и вдовы съ дѣтьми обоого пола принимаютъ въ наслѣдствѣ равное участіе съ братьями.

Незаконнорожденные дѣти, соблюдающія къ своимъ родителямъ всѣ обязанности родныхъ, получаютъ наслѣдство наравнѣ со всѣми дѣтьми.

Единокровныя дѣти въ наслѣдствѣ родителя имѣютъ равное участіе со всѣми дѣтьми, а единоутробныя и сводныя получаютъ часть своихъ прежнихъ родителей.

Пріемыши и сироты участвуютъ въ наслѣдствѣ воспитателей тогда только, когда у послѣднихъ не осталось своихъ дѣтей; если же у нихъ остались родныя дѣти, тогда воспитанники получаютъ то, что имъ отказали воспитатели при жизни, или же то, что добровольно дадутъ родныя дѣти.

Вдова наслѣдуетъ долю мужа послѣ его смерти.

Имущество жены, у которой не осталось послѣ смерти дѣтей, переходитъ во владѣніе ея мужа, а за смертію послѣдняго, во владѣніе ея родителей или ихъ родственниковъ.

Вообще послѣ смерти бездѣтныхъ людей, имущество ихъ переходитъ къ боковымъ родственникамъ, въ порядокъ ближайшей родственной линіи.

При наймѣ рабочихъ заключаются въ присутствіи свидѣтелей словесные и письменные договоры, въ которыхъ срокъ найма опредѣляется мѣсяцами, годомъ и праздниками, указывается, когда и сколько слѣдуетъ уплатить работнику денегъ въ счетъ наемной платы и опредѣляются отношенія договаривающихся между собою. По понятіямъ народа договоры личного найма считаются обязательными для договаривающихся сторонъ и обязываютъ нанимающагося исполнять только то, что обусловлено при наймѣ. Работникъ, взявшій плату и неотслужившій ее, обязанъ возвратить таковую хозяину.

Относительно преступлений противъ собственности, народъ держится стариннаго обычая или самосуда, по которому виновный въ кражѣ долженъ подвергаться при допросахъ народной пыткѣ. Поймавъ вора, народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ и, не спрашивая виноватъ онъ или нѣтъ, начиналъ его бить всевозможными способами, обрывать ему волосы на головѣ и бородѣ, крутить голову „дѣркою“ (бичевою и палочкою) и вѣшать вверхъ ногами, по подошвамъ которыхъ бить палками и веревками. Вслѣдствіе такихъ истязаній и бичеваній, нѣкоторые ложно признавали себя ворами, чтобы избавиться отъ мученій, а другіе надолго оставались въ постели недвижими. Кромѣ физическихъ истязаній, воръ, признававшійся въ кражѣ, отвѣчалъ за похищенную вещь платою, въ нѣсколько разъ превышавшею украденный предметъ, и могоричемъ для всей присутствующей „громады“. Женщинъ же, пойманныхъ въ воровствѣ, водили съ украденными и привѣшенными на нихъ вещами по улицамъ, смѣялись надъ ними и всячески тормозили. — Этими наказаніями заканчивалось дѣло и до свѣдѣнія начальства и суда не доводилось. — Со введеніемъ же новыхъ судебныхъ учрежденій, такіа расправы и самосуды постепенно начали уменьшаться, хотя народъ и теперь, поймавъ вора, сильно стремится „проучить“ его.

За личное оскорбленіе словами или дѣйствіемъ рѣдко кто изъ потерпѣвшихъ обращается съ жалобой въ судъ, чаще же всего онъ предъ народомъ подвергаетъ своего оскорбителя такому же, если не большому оскорбленію. Затѣмъ у нихъ идетъ мировая, платежъ за побои и обоюдный могорычъ. За оскорбленіе женской чести виновный прежде всего беретъ назадъ свои слова, затѣмъ проситъ прощенія у оскорбленной особы, причемъ нерѣдко кланяется ей и, если нанесено большое оскорбленіе, платитъ деньги „за безчестье“; въ заключеніе же слѣдуетъ могорычъ.

Относительно нравственности, слѣдуетъ сказать, что эти преступления мужчинамъ сходятъ болѣе безнаказанно, нежели женщинамъ. Мужчина, живущій безнравственно и измѣняющій супружеской вѣрности, не подвергается презрѣнію и насмѣшкамъ народа. Если же онъ попадетъ на мѣстѣ преступления,

то все наказаніе для него состоитъ въ могоричѣ, деньгахъ или побояхъ. Женщина же безнравственнаго поведенія подвергается насмѣшкамъ и презрѣнію народа гораздо болѣе. Если она попадалась въ руки смѣлыхъ людей, то ее въ прежнее время для посрамленія водили чуть ли не голую по улицамъ, рассказывали всѣмъ о ея проступкѣ, осыпали золою, грязью и перьями, вымазанными дегтемъ и т. п.

Что же касается приличій, то онѣ соблюдаются только относительно родителей и старшихъ, и почти совершенно отсутствуютъ между болѣе или менѣе равными по возрасту людьми. И въ полѣ, и на общественной работѣ, и на улицѣ, и на всѣхъ народныхъ собраніяхъ можно наблюдать безцеремонность и полную свободу разговоровъ, шутокъ, прибаутокъ, пѣсенъ и обращеній обоихъ половъ вмѣстѣ. И все это не считается неприличнымъ и неестественнымъ. Если же кому изъ старыхъ надоѣстъ что нибудь подобное, то онъ тогда начинаетъ стыдиться и усовѣщевать меньшихъ, чѣмъ и кончается все наказаніе.

Пословицы и поговорки: „Гуща дитей не розбѣны. Тамъ гарно де насъ нема. Одынъ съ сошкой, а семеро зъ ложкой! Я въ цему дили ни грачъ, ни помагачъ. Плохо не клады,—вора въ грихъ не вводи. Воръ у вора дубынку вкравъ. Скилко вору не воровать, а петли не мыновать. Украдышь лычко, а ремишкомъ не одбудешъ. Воръ краде не бля прыбыли, а бля гыбели. Неправдою можно свить пройты, та назадъ не вернешся. Чуже добро въ прокъ не йде. За чысте признанія, буаетъ помылованія. Дило по диламъ, а судъ по форми. Хто ручыця, той мучыця. Якъ не баче—душа мре, а якъ побаче—зъ души пре. Правдою не задражнешъ. Чуже взять, нужно й свое показать. Який змалку, такой и до останку. Горбатого до стины не прытулышь“.

Народная поэзія. Сказки. 1) „У одного пана живъ роботныкъ, звали его Фанасомъ, и бувъ винъ здорово быдовый на всяки штуки. Отъ панъ и каже ёму: „Слухай, Фанасъ, якъ шо зумиешъ ты украсте у мене самаго луччого барана, такъ дамъ тобі 20 рубливъ, а якъ не вкрадышь,—голову зниму!“ Пишовъ Фанасъ на степъ, де дидъ та баба паслы овецъ, зайшовъ напередъ, роззувъ одну ногу и бросывъ чобитъ, а самъ заховавъ

ся, та й дывицьця. Найшла баба чобить, узяла его и каже дидови: „Старый! я чобить найшла“.—„Та брось его, стара, може винь на коросту брошений!“ Вона бросила. Гонять овец дальше, Фанась узяв той чобить, зайшов наперед и внять положив его, а самь заховався. На цей раз дидь найшов чобить, узяв та й каже: „Стара! я найшов другый чобить, оть було-бь того не бросать!“—„Ходимь, диду, та найдемь его!“ сказала баба. Вони пишли шукать, а Фанась налыгавь бараня и повивь додому. Узнав пань, подаривь Фанасу 20 руб. и каже: „Теперь, Фанась, украдь у мене самага луччого вола, такь дамь висимдесять рубливь, а якь не вкрадышь,—голову зниму!“ Фанась уловивь ындичку, понись у лись, де оралы пановы роббчи, оскубь йи всю, кромь одного хвоста, и пустивь изь лиса. Орачи побачылы ындичку, бросылы воливь и погналысь за нею вь лись. Фанась узяв вола и повивь додому. Пань похваливь его, давь 80 руб. и каже: „Якь вкрадышь, Фанась, самого любимого мого коня, дамь тобі за це двисти рубливь, а якь не зумиешь украсты, такь голову зниму!“ Теперь пань приказавь тремь работнымь день и ничь берегты коня; одын сивь на коня верхомь, другый сивь вь яслахь и взявь его за вуздю, а третий державь коня за хвисть. Фанась купивь ведро водки, выливь йи вь боклагь, пишовь до стороживь и каже: „Хлопци! може вамь воды треба? Нате,—ось я принись!“ Оддавь боклагь, а самь пишовь одь ныхь. Сторожи попробувалы,—водка вь боклази, началы йи пыть и понапывалысь. Ноччу прыйшовь Фанась, знявь пьяного сторожа сь коня и посадивь на переводыну („бантыну“ балку) верхомь; тому шо дежавь вуздю, давь вь руки кусокь лыка, а державшому за хвисть давь пучокь конопель. Самь же взявь коня и повивь додому. Вдосвита сторожи прочумалысь, та одын и пытае: „Ты сыдышь на кони!“ — Сыдю! — „А ты держышь за хвисть?“ — Держу! — „А я держу за вуздю“. Колы дальше кнулысь, ажь лыхо,—нема коня! И одын сыдыть на переводыни, а два держуть вь рукахь лыко и конопели. Узнав пань, похваливь Фанаса за удалость и оддавь ему обещани 200 руб., а стороживь наказавь ризкымы“.

2) Жилъ у жида работникъ, христіанинъ, по имени Иванъ.

И сталъ онъ замѣчать, что когда похвалишь жиловскій родъ и хозяйское семейство, то это хозяевамъ весьма нравится, за что они всегда даютъ ему рюмку водки. Вотъ онъ одинъ разъ и говоритъ хозяину: „Иду я зарею по гори; заря зорить, а надь вашимъ батюшкой ставныкъ горить, та такой здоровый!“ Жидъ сейчасъ же поднесъ ему за это большой стаканъ водки; затѣмъ позвалъ свою жену и говоритъ ей: „Спрашивай, что Иванъ видѣлъ“. Она спросила, и Иванъ разсказалъ ей то же самое, что и хозяину, за что получилъ и отъ нея стаканъ водки. На другой день хозяинъ созвалъ всѣхъ своихъ родичей и знакомыхъ жиловъ и велѣлъ Ивану разсказывать, что онъ видѣлъ. Иванъ всѣмъ разсказывалъ, за что и получилъ угощеніе. Когда же онъ подпилъ и разсказывать ему одно и то же надобло, тогда онъ на новыя просьбы жиловъ, сказалъ имъ: „Иду я зарею по гори, смотрю,—зоря зорится, а надь вашимъ батюшкой свинья роется!“ Всѣ жида начали плевать и ругать Ивана, а потомъ выгнали его вонъ изъ хаты. Иванъ вышелъ и думаетъ: „постой же ты, жиловська харя, я тобі одячу!“ Въ скоромъ времени пришлося Ивану ѣхать съ хозяиномъ за товаромъ. Дѣло было ночью. Подѣхали они къ лѣсу. Жидъ и спрашиваетъ Ивана: „Иванъ! тутъ есть разбойники?“ — „Есть“, отвѣчалъ Иванъ. — „Какъ бы жь мнѣ заховаться, щобъ они грошей не взяли?“ — „А отъ якъ: лизь вь чуваль, а я завяжу его и скажу разбойникамъ, шо скло везу“. Жидъ влѣзъ вь мѣшокъ, а Иванъ завязалъ его и поѣхалъ. Подѣзжая къ дубку, Иванъ измѣнилъ свой голосъ и говоритъ: „Тпру! стой!“ Затѣмъ остановилъ онъ лошадей, слѣзъ съ повозки и началъ такъ говорить измѣненнымъ и своимъ голосомъ: „Куды йидешь? давай гроши!“ — „Та вь мене грошей нема“. — „А ото шо вь тебе вь мишку?“ — „Та то я скло везу“. — „А ну-ну, якѣ скло! Давай ему скло побьемъ!“ — „Давай!“ говоритъ будто бы товарищъ разбойника. И началъ Иванъ пороть жида нагайкой, а тотъ лежить вь мѣшку и пищить: „дзинь! дзинь! дзинь!“ Затѣмъ Иванъ началъ просить: „Буде вже вамъ, братци, пожалуста буде!“ Когда Иванъ, отѣхавши, развязалъ мѣшокъ и выпустилъ жида, то сей послѣдній поблагодарилъ Ивана и сказалъ: „Ну, Иванъ, хоть мнѣ и горько приходилось, но я все на стѣкла переводилъ!“

3) „Якъ найнявся я въ роботныкы до дядька овецъ пасты, якъ погнавъ я пасты штырю—бырю ще й симсотъ и чотыри; якъ лигъ я спаты, та спавъ тры дни ще й чотыри ночи. Якъ прокынувся я,—нема моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри. Якъ пишовъ я шукать, йиде дядько воламы. Здоровъ, дядьку!—Здоровъ, племінныку.—Чы не бачывъ моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? — Не бачывъ, племінныку. — Върю, върю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ широкую долину, чы не видно моеи ватажны? Шось засирило, шось забило: я жъ думавъ,—то ватажна, а воно гречка. Бодай же тоби, дядьку, тяжко важко оцю гречку йисты, якъ мени на круту гору лизты ватажны своеи шукаты. Върю, върю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ широкую долину, чы не видно моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забило: я жъ думавъ, то моя ватажна, ато прачкы сорочки перуть. Бодай же вамъ тяжко важко оци сорочки прать, якъ мини свою штырю-бырю ще й симсотъ и чотыри шукать! Върю, върю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ широкую долину.—чы не видно моеи ватажны? Шось засирило, шось забило; я жъ думавъ то моя ватажна, ато осыковы пенечкы. Бодай же вы одъ сонця погорили, а одъ витру почорнили, якъ вы мене молодого сюды заманылы. Върю, върю! Якъ выйду я на могылу, якъ загляну я въ широкую долину, чы не видно моеи штыри-быри ще й симсотъ и чотыри? Шось засирило, шось забило: то жъ моя ватажна? Сучечка-поручечка пидгоняе, а лысычка-сестричка збоку управляє, а вовчокъ-бырючокъ отстаи пидбырае. Якъ прыйшовъ я додому, батько бье, маты лае, жінка зъ дому прогоняе!“ (Этотъ народный рассказъ передается крестьянами не иначе, какъ нарастѣвъ, на подобіе того, какъ тужать за покойникомъ).

Разказы о кладахъ. Въ сл. Никольской много существуетъ правдоподобныхъ и ложныхъ рассказовъ о кладонскателяхъ и мѣстахъ, гдѣ находятся клады. Въ окрестностяхъ слободы есть двѣ могилы: „Чугунна“ и „Погана“, въ которыхъ были раскопки, но только тамъ ничего не нашли, кромѣ угля. Въ широкомъ лѣсу, говорятъ, есть много денегъ, но ихъ нельзя брать. Одинъ

крестьянинъ выкопалъ тамъ кладъ и сошелъ съ ума. Одинъ человекъ нашелъ кладъ въ Разсыпномъ лѣсу, другой въ Бабиномъ, третій въ Парневомъ и т. д.; но рѣдко кому удалось пользоваться найденными деньгами: кто ихъ тратилъ, тотъ или заболѣвалъ, или терпѣлъ убытокъ и потерю въ хозяйствѣ. Есть еще клады въ слѣдующихъ лѣсахъ: „Пятомъ“, „Дибривномъ“ и „Данильченомъ“. Въ послѣднемъ ниже криницы, въ болотистой землѣ, есть чугунные столбы, на которыхъ лежатъ такія же балки, а на балкахъ висятъ на цѣпахъ 10 боченковъ золота. Въ другомъ же мѣстѣ этого лѣса есть въ землѣ разбойничья хата, въ которой находится крестъ, Евангеліе и деньги, положенныя разбойниками.

1) „Въ Бабынченому лиси есть кладъ. Узналы про це два чоловіка и пишлы его рыть. Рылы, рылы, и якъ стали дорывацьця до клада, десь узався чоловікъ, та й крычыть имъ: „Тикайты!—Ось круча пада!“ Не пройшло и мынуты, якъ зъ неба начали падать каминня. Воны злякалысь и побиглы додому. На другой день пишлы подывыцьця на те мисто, ажъ тии ямы, шо воны копали, уже нема,—одни тилко чырыпкы зъ блюдокъ валяюцьця тамъ“.

2) „Жывъ чоловікъ бидный-пребидный, и було у ёго пятеро дитей, а жінка ёго умерла. Чолововики цѣму ни въ чому щастя й доли не було. Отъ винъ и надумавъ перейти на друге жытыльство, и перейшовъ на таке щаслыве мисто: та хата, де винъ жывъ, стояла на могыли, а въ тий могыли были гроши закляті. Якъ выйшовъ грошимъ зрокъ, воны выйшлы отакымъ случаемъ: выйшла здорова, здорова собака, така, шо страсть и сказать! тай каже ця собака чоловічимъ голосомъ удовцю: „Добрыи чоловіче! дай мини кусочокъ хлѣбця“. Винъ ий кынувъ кусокъ, та й попавъ прямо въ неи; а вона тилко—брызъ! та й розсыналась въ золоти гроши“.

3) „Разказують, шо колысь у Дибривномъ лиси пидъ кислицею, бувъ кладъ. Тамъ пидъ велькы празныкы горила свичка. Найшлысь охотныкы, забрали лопаты и пишлы пидъ Велькдень рыть цей кладъ. Воны трошкы не дойшлы до тией кислицы, дывлюцьця,—два вовкы бижать по дорози; взяли воны и силы въ травы, а вовкы, якъ тико поровнялысь зъ ными, такъ и

началы грацяца и стрыбаць одынь черезь одногo; стрыбають и стрыбають, а самы все менши и менши становляцця, и до того дострыбалысь, шо изъ обоихъ вовкивъ покотылысь клубкы. После цего воны побачылы двухъ дидівъ въ билыхъ шырокихъ шароварахъ: одынь вивъ сирыхъ воливъ, а другый спереду ишовъ, и балакають мижъ собою: „Чы воно мы не заблудылысь?“ пытае одынь.—„Та поспытайся отыхъ людей, шо сыдять въ травѣ“, сказавъ другый. Ци якъ схватацця, якъ выскочуть геть изъ грави, та втикать, а дидъ якъ крыкны: „Ловы!“ Воны по лису, а дидъ въ слидъ за ными усе крычыть: „Ловы! ловы!“... Добыглы воны до полявыны. Де не взявъ туманъ, та такой, шо й свита Божого и дороги не выдно. Посидалы воны у куци и слушають, а воно усе крычыть: „Ловы! ловы! ловы! Воны тутъ десь посидалы“. Ци якъ схватуцця, та бигты, та бигты, насылу, Богъ давъ добратысь до хутора (теперь этого хутора не существуетъ). После ходывъ туды ще одынь чоловікъ зъ роботныкомъ грошей копать. Выкопалы воны здоровенну ямуру и найшлы тамъ кисткы чоловічески, бросылы копать и загорнулы яму“.

4) „Жыла вдова, и было у ней трое дитей. Ставъ до ней кожду ничъ ходыть золотый вилъ. Недалеко одъ ней живъ ии кумъ и кума. Пишла вона до ихъ, та й просы кума и его жинку: „ходить, кумъ, и вы, кума, до насъ, ато у мене все опивнѣчи выходе золотый вилъ, а я его боюсь!“ Пишлы. Сыдять жинкы та шпыотъ, а кумъ шывцѣе (сапожничаетъ). Наступыла пѣвночъ; вдова углядила того вола та й торкае кума. Кумъ схватывся та золотого вола молоточкомъ по голови стукъ! а вилъ тико брязъ! и разсыпався въ гроши. Тоди кумъ та кума подылылы гроши и стали таки богаты, шо страсть“!

5) „Жыла симья: батько, маты и сынъ. Ожнылы родытели сына, взяли невестку; но вона имъ не полюбылась, началы воны бытъ ии и мало хлиба давать, а невестка веселылась та не журылась. Наставъ Велькдень. Пишлы уси до церкви, а ии оставылы дома. Прийшовъ до ней дидъ старый-престарый и каже: „Утры мене, молодѣчко (у его изъ рота пина текла). Вона узала рушныкъ и утерла ёго, а винъ тико—брязъ! и разсыпався въ гроши. Засвѣтыла вона свичку, помолылась Богу, собрала гроши и положила ихъ въ скрыню; потимъ узалась за

свое дило. Прийшлы изъ церкви, а вона и каже: „Тату! и вы, мамо, ходите до моеи скрыни“. Пишлы, подывылысь та й кажутъ ий: „Де ты взяла такого добра“? Вона имъ рассказала усе, якъ було. Съ тии поры началы воны жыть богато и дружно“.

Народныя пѣсни.

„Ой до гори, по гори
Тамъ ходылы журавли.
Пытаецця журавель
Та журавочки своей:
— Скажы, скажы, журавка,
Яка луччая земелька?
Чы ранняя, чы пизняя?—
— Ранняя лучша, пизняя хужа:
На ранній та пшепыця,
А на пизній та митлыця;
Раннюю та женьцы жнуть,
Пизнюю скотыною бьютъ;
Раннюю та женьцями,
А пизнюю—вивцями.
— Скажы жъ мини, журавка,
Яка луччая хозяйка?
Чы первая, чы другая?—
— Перва лучча, друга хужа:
Съ первою та нажывся,
А зъ другою та набывся;
Съ первою та дитокъ мавъ,
А зъ другою розигнавъ.
Склычу дитокъ додому:

Тике диты на поригъ,
А мачуха за батигъ:
Идите, диты, у наймы,—
Гирко жыты изъ вамы.
Одынь каже: я наймусь,
Другый каже: я втоплюсь,
Третій каже: пиду въ лисъ,
Нехай мене звиръ изыйишь.
Ходе батько по двору,
Обнявъ свою голову,
Клыче дитей додому:
— Идите, диты, додому,—
Гирко жыты самому.
Тике диты на поригъ,
А мачуха за батигъ.
— Жывы жъ, тату, теперь самъ,
Колы гарну жинку взявъ,
А мы пидемъ у наймы,—
Будемъ гроши зароблять,
Свою неньку помынать;
Будемъ въ годахъ службыты
Та по неньци тужыты“.

„Ой, ты, судьба, превелькая
судьба!
Нащо, судьба, насъ на цей
свить создала?
А создавши, щастья й доли не
дала;
Щастья й доли, ни одрады
никакои.
Вы, сусиды, вы сусидочки мои!
Перестаньте вы про мене го-
ворыть:
Скажыть мини, якъ на свити
одной жить?“

Горко жыты бизъ матушкы,
бизъ отца,
А ще горше бизъ мѣлого, бизъ
дружка.
День настане,— я въ печали
прохожу;
Ничъ настане,— такъ я въ
слезахъ пролежу.
Якъ устану я ранѣнько пою-
тру,
Та й пиду я до сусидочки огню.
А въ сусидочки мий мыленький
сыдыть,

Сусидочки ручку билою дер-
жѣть;
Съ сусидочкой тайни речи го-
ворить.
Годи жъ тоби худи речи гово-
рить:
Пора, мылый, та додому ити
жыть.
Не пиду я, моя мыла, не пиду,

Бо про тебе худу славу гово-
рять.
Зберы, мылый, сусидочокъ до
себе,
Нехай скажуть худу славу на
мене,—
Худу славу, мий мыленький,
або ричь,
Тоди знимышъ головоньку мою
съ пличь“.

* *

„Навидала кубелечко,
Де вутка несецьця;
Перечула черезъ люды,—
Ледащо смиецця.
Смийся, смийся же, ледаще,
За смихъ тоби буде:
Хворатымышъ, лежатымышъ,
Смерти бажатымышъ,
Йисты й пыты бажатымышъ,—
Нікому податы.
Чы ты чула, ненько моя,
Якъ у тебе я була;
Якъ сидила край виконця,—
Якъ голубка гула.

— Якъ бы жъ я, донечко моя,
Твий голосокъ зачула,
Одсунула-бъ кватірочку,
А ты бъ и влынула.—
Ой, на гори допикъ иде,
Ажъ водыця льецьця.
А за мною молодю
Вся родына бьецьця.
Быйся, быйся, мий родоньку,
Быйся, побывайся;
Якъ пиду я на Вкрайину,
Та й не сподивайся.
На Вкрайини чужи люде,
Правдонькы не буде“.

* *

„Пишовъ чумаць, пишовъ бур-
лакъ

Доленькы шукаты.
Та не найшовъ щастя-доли,—
Найшовъ сыне море,
Та й ставъ потопаты.
Чумаченько потопае,
Хустиною мае.
Пишла его стара ненька
По надъ берегами;
Та зострила рыбалочокъ
Съ трема неводами.
— Рыбалочки молодии
Ввольнитъ мою волю:
Роскынуты вы тонкий неводъ
По сынѣму морю.

Рыбалочки молодии
Воленьку ввольнылы,—
Роскынули тонкий неводъ
По сынѣму морю:
Сыночка вловылы.
Тягнуть, тягнуть до бережка,—
Вода зъ рота льецьця;
Его ненька старенькая,
Якъ орлыця бьецьця.
— Та наты вамъ, рыбалочки,
Горилкы напыцьця,
Шо вытягли мого сыночка,
Та хочъ подывыцьця;
Та наты вамъ, рыбалочки,
Всего золотого,
Шо вытягли мого сынка

Та хочъ нежывого;
Та нате вамъ, рыбалочки,
Сарпыньску сорочку:

Поховайте мого сыночка
Въ вышневымъ садочку“.

* *

„Та вже весна, та вже красна,—
Изъ стрихъ вода капа;
Та вже нашимъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.
Пишли наши чумаченькы
По возахъ лежаты.
Посылае маты Галю
Пшенеченькы жаты:
„Та йды, доню, та йды, Галю,
Пшенеченькы жаты;
А тамъ чумаць воли пасе,—
Буде жартуваты“.

Жартуй, жартуй, чумаченько,
Цей вечеръ зо мною,—
Якъ пойдешъ у дорогу,—
Буду плакать за тобою.
Ты думаешъ, моя ненька,
Шо я не журюся?—
Якъ выйду я за ворота,—
Одъ вітру валюся.
Изсушилась, изкрушилась,
Якъ шпылька тоненька;
Симъ-аршинный поясокъ
Обийшовсь разочокъ“.

* *

„По горбѣду я ходыла.—
Нема того шо любила;
Нема его та й не буде,—
Десь одбылы его люды;
И одбылы й одсудылы,
Шобъ парочкой не ходылы,—
И другъ друга не любылы.
Якъ пиду я до ставочка,
Чы поросла рутка мнятка?
Не поросла рутка мнятка,—

Тамъ плавають вутынятка:
Одно вутя пиринае,
А другое вырынае,
А третее догоняе,
Соби парочки шукае.
Не давъ минни Господь пары,
А давъ тилько очи кари.
Очи кари, бровы чорни,—
Нема дружка по любви“.

* *

„Чогось минни нелегко,—
Десь мий мылый далеко:
За крутымы горами,
Та за густымы лозама,
Умываецця слезама;
За кущыкомъ вышнякомъ
Втыраецця рушныкомъ.
Хылитесь густы вербы—

Видкиль витерь вне,
Дывитесь кари очи—
Видкиль мылый йиде.
Хылылыся густы вербы,
Та вже й пересталы;
Дывылыся кари очи,
Та й плакаты стали“.

* *

„Уродыла мене маты
На викъ горюваты;
Дала минни гирку долю,—
По викъ не забуду.

Повезу я гирку долю
На торгъ продаваты.
Стояла дѣнь, стояла два,—
Ни хто не пытае!

Повезу я гирку долю
Та й назадъ додому;
Та й брошу я гирку долю
Изъ воза додолу.

Прывыкай же гирка доля,
У моёму доми;
Не ходы жъ ты, гирка доля,
Изъ моего дому“.

* *

„За лисомъ, лисомъ темнесень-
кимъ
Брала дивка ленъ дрибнесень-
кий,
Вона брала, выбирала,
Къ сырїи земли прыпадала:
— Ой, ты земля, ты земелька!
Прийняла ты отца-неньку,

Приймы й мене молоденьку,
Шобъ по людихъ не ходыла,
Чуже дило не робыла:
Якъ прыйде субота,—
Чужая работа;
Якъ прыйде неділя,—
Сорочка не била“.

* *

„Не ходы у хвирту,
Не грай у сопилку:
Сопилочка грае,
Мене маты лае,
На вулицю гуляты
Вона не пускае:
— Сыды, дочко, дома,
Носы въ грубу дрова.
Я дровъ наносыла,
Гулять маты не пустыла.

— Сыри дрова не горять,
Пусты жъ мене, моя мать,
На вулицю погулять.
— Иды жъ, донько, не барыся
За ворота, та й верныся.
— Ой шо жъ то за гуляння,
За ворота та й вертанья?
Ото жъ, мамо, гуляннячко.
Шо зъ вечера до раночку“.

* *

„Ой, за лисомъ, за зеленымъ
Тамъ травы растутъ.
Ой, тамъ наши ребятушки
Гурты стережуть.
Попереду самъ хозяень
Расхаживаетъ;
Били ручки у карманы

Закладываетъ.
Та винъ своимъ ребятушкамъ
Прыказываетъ:
Выгоняйты сырїи товаръ
Та гонить въ Москву,
Вы продайты оцей товаръ
По такїи цини“.

Колыбельныя пѣсни.

„Коточокъ мий, коточокъ
Заховався въ куточокъ,
Тилько видно хвосточокъ.
Взяла я за хвосточка,
Та вытягла съ куточка.

— Котку, котку сиренький!
Ты не ходы по хати.
Не буды дитяти:
Ты не будешъ колыхать,
А дытѣтко хоче спать“.

* *

„Коту, коту, котусю!

Займы мою телусю

На поповы толоки:
Тамъ травчыкы по боки.
Кинь бижить, трава шумить;
Пидъ тымъ конемъ козакъ ле-
жить:

Поцюканый, порубаный,
Осокою поризаный;
Одъ соньчка погоривъ,
Одъ витроньку почорнивъ.
Бижи коню, до хатки,
До дивчины Галкы.
А дивчына Галка
Сыдыть край виконьця,
Пряде волоконця:
Сюды-туды нытку,

Та на лито свитку;
Сюды-туды пивтора,
Та на лито рукава.
А въ дивчины Галкы
Смолянии лавкы,—
На ныхъ якъ сивъ, прыкыпивъ,
Вечеряты не схотивъ.
Люлю, люлю, люляшечко!
Спы, спы, мое дытяшечко!
Люлі, люлі люлешычкы,
Шовковии вервешычкы;
Малевани быльця
Пишлы до Кырыльця;
А въ Кырыльця пышуть,
Ивана (имя дитяти) колышуть“.

* *

„Ходимъ, ходимъ, братци,
У лисъ изо мною,
Вырубаемъ дуба,
Дуба изъ корою;
Та будемо, диты,
Горохъ молотыты.

Нуты, диты, нуты
Горохъ молотыты!
А воробы, старіи жоны,
Пишлы танцюваты,
А сорокы билобоки
Побралыся въ боки“.

Забавляя дѣтей, чтобы не плакали, имъ рассказываютъ слѣ-
дующія „казкы“.

1) „Зайчыку, зайчыку! де ты бувавъ?—У млыни.—Шо ты вы-
давъ?—Симъ мишкивъ оришкивъ.—Чомъ ты не вкравъ?—Тамъ
булы кравчыкы, порубалы пальчыкы, а я втикъ черезъ попивъ
тикъ, й ножкы попикъ; та въ конопелькы, пужать горобейкы.
Шугай! шугай!! на бабынъ садочокъ йисты ягидочокъ, а на
дидивъ—бражки пыты“.

2) „Сорока летыть, хвостыкомъ вертыть; за нею дыркачъ:
сороко, не плачь. Ввирвала пасмó, напыла краснó; съ кра-
снымъ носыщця, въ хату просыщця: зятеньку-батеньку! пусты
мене въ хатоньку. Кузьмына дочка-перепечаёчка перепекла
перижёчокъ зъ мачкомъ, шобъ ты не лазывъ до дивчатъ рач-
комъ“.

3) „Сыдыть видьмидъ на колодци,—рукавычкы крае; коло-
дочка схытнулася,—колодочку лае: „бодай тоби, колодочко, лы-
хая година, якъ ты мини на старости плечыци побыла“.

4) „Летивъ шпакъ черезъ попивъ макъ, та й сивъ на воро-

тихъ, у червѣныхъ чобѣтихъ. Воротечка — скрипъ, скрипъ, воротечка впалы, телятокъ прыбылы. Телятка ревнулы, а люди почулы, попови сказалы, а пипъ за стола, погубывъ постола; дячки изъ хѣжки, погубылы кнѣжки, а дяконъ изъ полу выбывъ соби ногу, а попадя съ печи, та выбыла плечи, а дяконыха изъ грубы, та выбыла зубы“.

Еще забавляя маленькаго ребенка, наплевываютъ ему въ руку, тыкаютъ туда пальцемъ и говорятъ „сороки“: „Сорока, ворона на прыпечку сыдила, диткамъ кашку варыла. Пидить, диты, по водѣцю!“ Затѣмъ берутъ за каждый палецъ, начиная съ мизинца, и говорятъ: „И цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, и цему дамъ, а цему (большому) не дамъ: це боцманъ, —винъ дровъ не рубавъ, въ хату не носывъ, пѣчи не топывъ, воды не носывъ, дѣжи не мисывъ, кашпи не варывъ, хлиба не липывъ, въ пичъ не сажавъ, кашу доидавъ“.

Когда дитя качаютъ, и оно начнетъ икать, то говорятъ: „Хыковка, хыковка! бижи до воды, кого стринешъ тамъ, того й напады: хочъ коня, хочъ кобылу, хочъ дивчѣну чернобрыву“.

Пословицы и поговорки. „Шо Богъ не робе, все къ лучшему. Не хвастай, — есть на намы и надъ вами. Йимъ ротато, — теперь несвято (не праздникъ). Дорога ложка до обидъ, а пѣсля обидъ хочъ закънъ йи. Хлибъ-силъ на столи, — а въ гостя руки свои. На столи хлибъ и нижъ, — урижъ та й йижъ. На ласый кусокъ найдецьця кутокъ. Якъ бы я бувъ паномъ, та все бъ йивъ сало съ саломъ. Не говивши пѣску зйивъ. Кыпѣть, та никому пыть. Кыпѣть кыпѣтокъ попарыть жывитокъ. Негрите зализо не зогнѣшъ. Пишки — нема замишки. Не таке гиркѣ чумаковання, якъ бычування. Не родысь вродливый, а родысь щасливый. У скупого и середъ зимы леду не выпросышъ. Я не сонычко, — всихъ не обогрию. Не по души кныши. Дыравого мишка не наповнышъ. Своя рука владыка. Зъ мыру по нѣтоцци, а голому сорочка. Не тилко свита шо въ викни, за викномъ ще бильше. Куды не кынъ, такъ клянъ. Пишла кума по масло, и въ пичи погасло. Въ пустый слѣдъ хочъ тупыцею. Девять разъ одмирь, а десятый — одрижъ. Своя семеряжка не важка. Горыть ясно, щобъ воно погасло. Мы съ тобою, якъ рыба зъ водою. Взаявся за гузь, — не кажы шо не дужъ.“

Загадки. „Злизъ дидъ напомнимъ, ухватывъ пороса за хвистъ, а воно й плаче“. (Колоколь). „Невыдыма сыла чоловіку голову съ плечъ спустила“. (Смерть). „Середъ моря-моря стоить золота комора“. (Небо и солнце). „Чотыри сестры одна одну криве“. (Колеса). „Маты товстючка, дочка красючка, а сынтъ кучыравчыкъ“. (Груба, огонь, дымъ). „Лизу, лизу, по зализу, на деревѣ сяду“. (Человѣкъ и сѣдло). „Верть, верть, — въ черепочку смерть“. (Завертка у дверей). „Черезъ море стоить дужка“. (Ведро). „Сыдыть баба за подушками, заляпана галушка-мы“. (Помойница).

Скороговорки. „Ишлѣ тры панѣ та вси Прокопы, та й зговорылысь про Прокопа. По биля Прокопа паляныци пеклы“.

„Причарованіе“. Въ сл. Никольской есть женщина средних лѣтъ, занимающаяся лѣченіемъ людей, а также причарованіемъ и отчарованіемъ. Она, какъ я слышалъ, вѣритъ въ свое знаніе; и къ ней за помощью обращаются не только простые люди, но привеллигированные и даже получившіе образование. Знаніе свое она держитъ въ секретѣ; но мнѣ чрезъ посредство нѣкоторыхъ людей удалось, хотя отрывочно, узнать кое-какіе способы причарованія, которыхъ не мало имѣется у знахарей. Вообще причаровываютъ и наговариваютъ на кушаньяхъ, на питкахъ, на новой сорочкѣ, которую даютъ носить причаровываемой личности, на волосахъ, которые на крестъ обрѣзываютъ или откусываютъ у нея во время сна и частью вмазываютъ ихъ въ челюсти печи, а частью измельчаютъ на кусочки и даютъ причаровываемой особѣ выпить съ напиткомъ или съѣсть съ кушаньемъ. Берутъ еще у причаровываемой личности землю изъ подъ правой ноги и вмазываютъ еѣ въ челюсти печи. Во время же печенія хлѣба одну изъ паляницъ качаютъ, сажаютъ въ печь и вынимаютъ оттуда раньше другихъ. Вынувши изъ печи, еѣ обмываютъ водой, которою затѣмъ обмываютъ икону, молясь при этомъ Богу. Этой водой слѣдуетъ умываться, чтобы понравиться мужчине или женщине, если одно изъ такихъ не любить причаровывающей личности. Чтобы причаровать дѣвушку къ парубку и обратно, нужно взять новый горшокъ, пробить гвоздемъ въ бокахъ его маленькія дырочки, посадить туда двѣ жабы, — самца и самку, пойти въ лѣсъ, найти

муравейникъ, поставить туда горшокъ съ жабами, накрыть его плотно досточкой и обмазать грязью, оставивъ боковыя отверстия, чтобы сквозь нихъ могли проникнуть туда муравьи. Сдѣлавъ это, идутъ домой, не оглядываясь назадъ, хотя оттуда и будетъ слышаться крикъ жабъ и другой шумъ. Черезъ три дня идутъ въ лѣсъ, откапываютъ горшокъ и выбираютъ между косями жабъ, съѣденныхъ муравьями, „вылочку“ самки и „крючечекъ“ самца. Если этимъ крючкомъ зацѣпить за платье дѣвушки (или парубка), то она такъ привяжется къ зацѣпившему и такъ его полюбитъ, что съ нею иначе и не развяжешься, если не оттолкнешь той вилочкой, которая добыта изъ жабы самки.

Надъ пищей и питьемъ причоравливаемому читаютъ слѣдующее „причарованіе“: „Зоря матушка, зирница, красная дивница! возьми ты хлудину—хлыщину, а третью тырнину. Бый, хлыщ рабу или раба (имя) въ буйную голову, колы йи до сердца, не давай ий ни спать, ни лежать,—ни въ ночи, ни въ пивночи, ни въ дни, ни въ пивдні, ни въ часъ, ни въ пивчасъ, ни въ минути, ни въ пивминути; шобъ я казався зъ мылыхъ мылъ, съ хорошихъ—хорошъ,—статью, ричью, поговоркой своей; шобъ кыдалась и бросалась раба (имя) до раба (имя). Леты жъ ты, моя тоска, черезъ скотскій ревъ, черезъ собачій брехъ, черезъ пенъ-колоду, черезъ зеленый лугъ; найды жъ ты, тоска, на ней, де йи встринешъ: въ доми или въ поли, или въ широкимъ раздольи, шобъ вона не пыла, не йила, а все объ мини думала“.

Малороссы, великороссы и цыгане. Сл. Никольская имѣетъ чистое малорусское населеніе. Здѣсь нѣтъ ни одного коренного двора, семейство котораго состояло бы изъ великорусскаго, цыганскаго, еврейскаго и т. п. племени. Но такъ какъ здѣшняя мѣстность находится на пути въ землю Донскаго Войска и чрезъ нее проходитъ желѣзная дорога, то поэтому великороссы не чужды мѣстному населенію и частенько такъ заходятъ въ Никольское; мастеровой же народъ иногда проживаетъ здѣсь мѣсяцы и годы.—Цыгане въ слободѣ бываютъ только наѣздомъ, а евреевъ нѣтъ и никогда не бываетъ.

Мѣстные крестьяне называютъ великороссовъ „москалями“ и „лапотныками“ и относятся къ нимъ недоувѣрчиво и боязливо: они считаютъ ихъ хитрыми, лукавыми, лѣнивыми, злыми и

мстительными. Нашъ крестьянинъ избѣгаетъ имѣть какое-нибудь дѣло съ москалемъ, а тѣмъ болѣе нанимать его къ себѣ въ услуженіе: „москаль обмане, або прыйдецьця посѣрыцьця зъ нымъ за ёго линь и лукавство; такъ тоди винъ наробы тоби такого, шо цѣлый викъ будешъ раскѣювацьця“! Москалей вообще считаютъ знахарями, говоря о нихъ: „У москаля шось въ носи е; винъ и ходе не такъ, якъ мы ходимъ,—кучою, а одынъ за другымъ, шобъ легче було: переднему важче всихъ иты, такъ винъ якъ умѣрицьця, такъ тоди другый выхѣде напередъ“ и т. д.

Малороссы называютъ великоросса: „кацапомъ“:—„у ёго довга клыната борода, якъ у цапа (козла)“; „кыслопѣрымъ и вонючимъ москалемъ“:—„винъ усе квасъ та сиривѣць йистъ, такъ шо й пузо у его прокысло“, и „хамьскою и деревьянною душою“:—„такѣ мѣння дали москалямъ за те, шо вони часто били залізною дороги обижать пастухивъ и отнимають у нихъ хлибъ и сало“. Вони хитри и осторожни: „москаль знае дорогу, та ще й пыта“. „У москаля душа, якъ повстанка: винъ и Бога не боицьця“. Вслѣдствіе этого у малороссовъ сложилась и поговорка: „Боже мий, Боже мий! а мы твои, а чьи жъ то москали“?

Великороссы же вообще называютъ малоросса „хохло́мъ“, а въ насмѣшку—„мазепой“, „индюкомъ“, „чертовой головой“, „мазницей“, и считаютъ его грубымъ, упрямымъ и глуповатымъ. Москали всегда стараются обмануть хохла, выпросить у него что-нибудь и вообще поживиться на его счетъ, за что послѣ смѣются надъ нимъ и называютъ глупой „хохлацкой харей и хохломъ-мазницей“. Москали, сойдясь съ хохломъ, говорятъ иногда: „Хахоль-мазница! давай съ тобой дразниться“!—Тѣ отвѣчаютъ: „Давай! москва кру́гла—на чотыри вѣгла“!—Великороссы называютъ малороссовъ „чертовой головой“ потому, что когда-то, говорятъ они, хохоль дрался съ чертомъ и въ дракѣ, ухватясь другъ другу за волосы, поотрывали они себѣ головы. Идетъ Спаситель съ св. Петромъ, увидѣлъ это и велѣлъ апостолу исцѣлить обоихъ. Св. Петръ заторопился и приставилъ чертову голову на хохла, а хохлову на черта. Отъ этого то человека съ чертовой головой и размножились хохлы“. „Мазепой“ малороссовъ называютъ въ насмѣшку потому, что когда

начальникъ Мазепа измѣнилъ своему Царю, его словили и казнили „галушкѣми“, которыя онъ страшно любилъ. Приготовили ему 12 галушекъ: 11 по пяти пудовъ, 12-ю въ семь. Поставили Мазепу на площади, на возвышеніи, и начали подавать ему эти галушки на большихъ желѣзныхъ вилахъ прямо въ ротъ. Съѣлъ онъ 11 галушекъ; когда же послѣднюю, самую большую, подали ему, то онъ, не могши ее проглотить, подавился и сказалъ: „не треба!“ и умеръ.

Много лѣтъ тому назадъ одинъ баринъ имѣлъ двухъ крѣпостныхъ крестьянъ,—москаля и хохла. Москаль былъ лѣнивый и хитрый человекъ, а хохолъ—трудолюбивъ и простъ, но сильно грубъ. Вотъ барину и вздумалось выварить изъ своихъ слугъ упомянутые недостатки. Сдѣлалъ онъ большой котелъ, положилъ туда москаля и хохла и велѣлъ повару варить ихъ цѣлый годъ. По прошествіи года, пришелъ баринъ и спрашиваетъ повара; „Ну что, готовы мои крестьяне?“ — „А вотъ сейчасъ подмѣшаю и спрошу“, отвѣчалъ тотъ. Взялъ веселку, помѣшалъ въ котлѣ и говоритъ: „Москаль!“ — „Ась?“ отвѣчалъ тотъ. — „Вылазь!“ — „Готовъ“, сказалъ поваръ. Затѣмъ онъ еще помѣшалъ въ котлѣ и спросилъ: „Хохолъ!“ — „Шо?“ — „Варись еще! — Не готовъ“.

Относительно цыганъ народъ того мнѣнія, что всѣ они „дурь свиты“, т. е. обманщики; и воры, но не смотря на это, крестьяне не такъ чуждаются цыганъ, какъ москалей, и ведутъ съ ними нѣкоторыя дѣла, хотя и неохотно, потому что „съ цыганомъ якъ не говори, а за пазухой камень держи“. Цыгана крестьяне не считаютъ умнымъ и вѣрятъ, что его можно обмануть и провести, если только быть съ нимъ осторожнымъ, не слушать его клятвъ и входить съ нимъ въ такія дѣла, которыя ему неполнѣ известны. О человекѣ, непонимающемъ какого-нибудь дѣла, говорятъ: „Винъ такъ понимае, якъ цыганъ въ вивцяхъ“. „Одинъ чоловікъ найнявъ цыгана молотыть на день за мишокъ сала и прыготовывъ ему ципъ изъ оси и люшні. Молотывъ, молотывъ цыганъ, уморывся та й каже хозяину: „Дядьку! надтыши кывайло“. — „Наклады сала, такъ надтышу“, сказавъ хозяенъ. Цыганъ надложывъ сала изъ мишка, а хозяенъ надтысавъ ципъ. Помолотывся цыганъ ще трош-

гы и впять просе: „Дядьку! надтыши ще кывайло“. Мужыкъ надтысавъ, а цыгана впять заставывъ надложить сала. Такъ вони продолжали дилать, поки у цыгана не осталось сала въ мишку“.

Говорятъ, что цыганамъ не грѣхъ божиться: имъ самъ Богъ разрѣшилъ это дѣлать по слѣдующему случаю. Когда жида распинали Иисуса Христа и заказали для этого цыгану-кузнецу сдѣлать пять гвоздей, чтобы забить ихъ въ руки, ноги и въ сердце Спасителя, тогда цыганъ, приготовивши заказъ, принесъ и забилъ только четыре, — въ руки и ноги, а пятый гвоздь спряталъ въ свои кучеры (волосы); такъ онъ сдѣлалъ для того, чтобы воскресъ Иисусъ Христосъ, чему онъ вѣрилъ. Жида замѣтили обманъ цыгана и начали его допрашивать, но онъ началъ клясться и божиться, что забилъ и пятый гвоздь. Въ это время на грудь Спасителя сѣла пчела, на которую цыганъ указалъ жидамъ и сказалъ: „Онъ гвиздѣкъ, той шо я забывъ! а вы й не вірыте мині. Ий жы ты Богу, забывъ! Шобъ я почорнивъ якъ земля, якъ шо неправду я кажу!“ Вслѣдствіе вышесказаннаго, Господь воспретилъ убивать пчелу („грихъ“): цыганамъ же разрѣшилъ безнаказанно божиться и обманывать людей; а за ложную клятву Господь все-таки наказалъ цыгана тѣмъ, что всѣ они почернѣли, какъ земля. Цыганъ на работу неспособенъ, что видно изъ слѣдующаго народнаго разсказа. Однажды овчаръ пасъ овецъ въ лѣсу. Идетъ цыганъ, увидѣлъ его и думаетъ: „Шобъ воно було, якъ бы оцей чоловікъ найнявъ мене овецъ пасты? Чы я бѣ его обдурывъ?“ Подошелъ онъ къ овчарю и говоритъ: „Наймы мене овецъ пасты!“ — „Наймысь“, говоритъ овчаръ. — „А яку цину будешъ давати?“ — „Та яку жъ тобі цину?“ — „Жывы за харчи!“ — „Чы такъ, то й такъ“, сказалъ цыганъ: „тико гляды, щобъ кашу изо-дня варывъ!“ — „А то жъ якъ! Хиба ты думаешь, шо я тебе обдурю? Я обдурювать не люблю“, сказалъ овчаръ. — „Я й самъ не люблю“, сказалъ цыганъ: „колысь и я обдурювавъ людей та теперъ покаюся“. Начали варить кашу. Овчаръ и говоритъ цыгану: „вѣглянь на овецъ, ато шобъ вони не пішли куда-небудь“. Цыганъ пошелъ, посмотрѣлъ, вернулся назадъ и говоритъ: „Бачывъ овецъ. Отамъ вони пасуцьця!“ Скипѣла каша; овчаръ снялъ ее и говоритъ

цыгану: „Иди же на овец подивыся!“ Тотъ пошелъ, взошелъ на бугоръ и кричитъ: „Эй, братья, уже вивци тике хвостами замахалы!“ Овчаръ схватилъ „герлыгу“ и побѣжалъ; цыганъ же за нимъ, а потомъ, какъ закричитъ: „Ой, братья, нога болыты! Нехай тоби ти й вивци поздыхають“. Воротился цыганъ назадъ, поѣлъ всю кашу и легъ спать. Пришелъ овчаръ, схватилъ соннаго цыгана за волосы и давай таскать. Цыганъ вырвался съ голою головою, побѣжалъ и, ударяя себя по животу, закричалъ: „Хочъ голова гу-гу-гу, такъ живить бу-бу-бу!“ — Повстрѣчалъ человѣкъ избитаго цыгана и спрашиваетъ его: „Цыганъ! неначе тебе хтось бывъ?“ — „Та тамъ такъ и бывъ, — тике увесь двіръ зволючывъ! Та тамъ такой и двіръ, — тутъ круте, а тутъ и верне!“ — „Та тебе, кажутъ, и черезъ тынь кыдалы?“ — „Та тамъ такой и тынь, — не вспие за волоса взяты, та вже й перекинувъ!“

Г. А. и А. М. Калашниковы.

11.—Сл. Александровка.

Поселеніе и населеніе. — Народная медицина. — Обряды при рожденіи и свадебныхъ пѣсни.

Александровка лежитъ въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда, по правому берегу р. Лозной, въ 70 вер. отъ уѣзднаго города, недалеко отъ границы Острогожскаго у. Воронежской губ. Раньше къ востоку, въ 3 вер. отъ занимаемаго въ настоящее время слободой мѣста, была расположена слоб. Лозная съ церковью; послѣ чумы въ 1718 г. жители Лозной, считая это мѣсто несчастнымъ, разошлись въ разныя стороны, а оставленную церковь перенесли къ себѣ жители Липеговъ, Валуйскаго уѣз. Въ 1758 г. кн. Куракинъ, вновь заселивъ эту мѣстность, построилъ церковь въ честь преп. Александра-Свирскаго, откуда и названіе Александровки. Въ слободѣ жителей не очень много, но къ ней принадлежитъ много хуторовъ, по большей части расположенныхъ также по р. Лозной. Слобода и большинство хуторовъ заселены малороссами, языкъ которыхъ потерялъ свою первобытность, что надо приписать вліянію большой экономіи кн. М. А. Мещерской, такъ какъ въ этой экономіи бываетъ очень много рабочихъ изъ другихъ мѣстъ. Роста люди небольшого; чтеніемъ любятъ заниматься, но за неимѣніемъ, гдѣ приобрѣтать книги, пользуются продаваемыми книгами на ярмаркахъ у коробейниковъ, псалтырю, сказками. Жилище крестьянъ убраннымъ не отличается, по большей части его составляютъ: „сѣны“, и „хата“, новыя зданія состоятъ обыкновенно изъ трехъ помѣщеній: „хатыны“, гдѣ устраивается печь, „хаты парадной“ и „кимнаты“. Украшаютъ свои комнаты картинами различнаго вида, передній же уголъ бываетъ весь установленъ иконами („образами“) и украшенъ „рушниками“. Дворъ, за недостаткомъ земли, отличается скученностью, у зажиточныхъ крестьянъ въ немъ находятся амбаръ („комора“), сараи

(„повітка“, „хливъ“) и „клуна“. Одежда мужская: кожухъ, свита, чунарка, поддевка; женская: кожушина, халать, юбка, шарафанъ.

Народная медицина. Здоровьемъ населеніе не пользуется, вслѣдствіе неблагопріятныхъ гігіеническихъ условій, въ слободѣ имѣются земскій пріемный покой, врачъ и два фельдшера, къ которымъ крестьяне привыкли и вѣрятъ имъ. Лечатся и собственными средствами, такъ, отъ грыжи у дѣтей: вбиваютъ осинový гвоздь съ обрѣзанными ногтями больного, укатанными въ воскъ, въ притолокъ дверей на высоту роста дитяти; отъ „переполоха“: обливаютъ дитя на порогъ водою или сажаютъ его подъ припечекъ и чрезъ него сажаютъ въ печку хлѣбъ и тѣмъ хлѣбомъ послѣ кормятъ больного; отъ „сухотъ“: купаютъ больного съ кошкой или собакой для передачи имъ, или привязываютъ дитя къ лопатѣ, сажаютъ въ теплую печку; отъ „плеснявки“: мать наматываетъ свой волосъ на палецъ и третъ имъ языкъ больного; отъ „соишницъ“: поставивъ „мыску“ съ водою на животъ больного, въ кувшинъ кладутъ конопли, зажигаютъ и переворачиваютъ кувшинъ въ воду, по краямъ миски кладутъ крестомъ ложку, ножъ, веретено и свѣчу, въ это время знахарка дѣлаетъ наговоры, затѣмъ веретено обмакиваютъ въ воду, бѣгущую съ него воду собираютъ въ ложку, даютъ пить больному и мочатъ ею тѣло.

Обычаи при рожденіи ребенка и свадьбѣ. При рожденіи ребенка выполняется слѣдующій обрядъ: неся младенца крестить, баба кладетъ его на кожухъ, кумъ съ головы, а кума съ ногъ берутъ его, при этомъ баба говоритъ: „вотъ вамъ новорожденне, а намъ приносить молитвенне и крещене“, послѣ крещенія, кумы опять кладутъ на кожухъ и съ кужухомъ кумъ и кума поднимаютъ и даютъ бабкѣ, говоря: „брали у васъ новорожденне, а принесли молитвенне и крещене“. При угощеніи говорятъ: „дай Богъ, чтобы Богъ далъ дождать кумамъ на славу, а батькови да матери на послугу“. На другой день послѣ крещенія роженецъ баба сливаетъ воду съ конопляннымъ зерномъ на руку, причемъ роженца другой рукой задерживаетъ воду и задержавшееся зерно ѣстъ, чтобы было молоко.

Когда сватаются, входятъ „старосты“ во дворъ невѣсты, стучать въ окно, говоря: „здоровъ, хозяинъ, пусты погрицьця“; хо-

зяинъ просить войти въ хату; женихъ остается во дворѣ, невѣста также не появляется къ старостамъ; когда же пойдетъ на согласіе, зовутъ и ихъ. На сватаньи поютъ:

„Ты, пропою, ты, пропоючку,
Ты пропывь, батько, дочку
На солодкимъ медочку,

На золотому кубку,
Якъ сыву голубку“.

* * *

„Вчора звечера пороша пала,
Та по тий пороши кунѳчка
походила,
А къ билому свиту охотныки
на слидъ спалыся,
Тай кунѳчку пиймалы;

Вчора звечера порошенька впала,
Та по тий пороши Паранька
походила,
А къ билому свиту старосты
на слидъ спалыся,
Тай Параньку выслидовалы“.

Свадбу гуляють почти всегда въ воскресенье; подъ воскресенье устраивается вечеръ („дружбины“), какъ у жениха, такъ и у невѣсты. Сначала вводятъ молодого въ хату съ боярами, причемъ женихъ кланяется въ ноги роднымъ, при этомъ поютъ:

„Кланяйся, Иванъ,
Тай напередъ Богу,
Отцю, ненци въ ногу,

Кланяйся низенько,
Къ серденьку близенько“.

Когда сажаютъ жениха съ боярами за столъ, поютъ:

„Иде Иванька на посадь,
Встричае его самъ Гѳспыдъ,
Ой, изъ долею щастливою, съ
доброю годиною.
Ой, рясна, красна калѳнонька
въ лузы,
Рясниший, красниший Иванъ-
кинъ посадь:
По выкѳнычкамъ ангелы сидятъ,
Посадь высылять,

А на дверичкахъ самъ Гѳ-
спыдъ стоить,
Самъ Гѳспыдъ стоить,
Дѳлыньку дае,
Щастьемъ даруе.
Тай вгодай, Иванько,
Чия доля лучча? —
Лучча — Божія, чимъ батень-
кова,
Батькова вродлива,
А Божія щастлива“.

Если сирота, то поютъ:

„Ой, вышенька, чиришенька,
Та й ягидъ нема,
Кланяйся, Иванька,
Хоть батька нема.
Ой, выликий двиръ
Та маленький сбиръ,

Чомъ не вся родынька?
Ой, тымъ же не вся родынька,
Шо нема батенька,
Батька немае
И ридъ не знае,
Тымъ порядка немае.

Пошлю я соловья
Та й маленьково
По батенька рыднёнка,
А зузуленьку на Краиноньку;

Ны соловья зъ саду,
Ны батька зъ раю:
Ны родіни зъ Украйны“.

На дружинахъ лѣпятъ „коровай“, причемъ соблюдается слѣдующій порядокъ: дружкѣ говоритъ: „Господы, Исусе, Сыне Божій, помилуй насъ“, старосты: „аминь“. — „Старосты, пане пидстаросты, кто до кого, я до Бога и до вашего здоровья“. — „А мы рады слухаты“. — „Благословите коровай замыслить“. — „Богъ благословитъ“. — „И въ другій разъ и въ третій разъ“. — „Богъ благословитъ тричи разомъ“. Дружкѣ на дижу сыпетъ муки и дѣлаетъ ямку въ ней, вливаетъ квасу и сыпетъ овса, потомъ зовутъ мальчика и заставляютъ мизинцемъ замѣшать тѣсто, и потомъ облизать палецъ; въ благодарность ему даютъ чарку водки и шишку. Когда замѣсятъ тѣсто, четыре человекъ, два мужчины и двѣ женщины, растягиваютъ его на четыре стороны, прилѣпливаютъ „вареники“ съ макомъ и изъ сыромъ, поверхъ покрываютъ коржомъ, обводятъ обручемъ изъ тѣста и украшаютъ шишками изъ тѣста, прикрѣпляя ихъ житной соломой. При дѣланіи коровай поютъ:

„Сийжайся родынку
До Иваньки въ суботынку,
Поряжаты его батынка,
Шо винъ мене первого жене,

Тай порядкивъ незнае
И куночкивъ несполнае,
И своихъ гостей тай не привитае“.

* *

„Съ суботынки на недилу година,
Та сийзжаецця родына,
Тай привезлы мишокъ муки та на коровай;
Съ суботынки на недилу година,
Та сийзжаецця родына,
Тай привезлы та дижку сыра на коровай,

Хвалыты Бога, сырякъ буде нашъ коровай;
Съ суботынки на недилу година,
Та сийзжаецця родына,
Тай привезлы горшокъ масла на коровай,
Та хвалыты Бога, маслянь буде коровай“.

* *

Дружкѣ испрашиваетъ у „старостивъ“ благословеніе вышеупомянутымъ порядкомъ печь выметать и сажать коровай. При выметаніи печи поютъ три раза:

Видьмидь пичь выметае,
„Видьмидыця въ пичь заглядае,
Чи хороше те мисто,
Шо короваю систы“.

При сажаніи коровай въ печь поютъ:

„До бору, бояре, до бору;
Рубайте сосну до долу,
Тышите сосну на триски,
Гнитыть коровай и шишкы,

Шобъ нашъ коровай гниченъ
бувъ,
Шобъ нашъ друженько весель
бувъ“.

Послѣ поднимаютъ дижу вверхъ опять же съ благословенія, и каждая противоположная сторона цѣлуется, при этомъ поютъ:

„Пичь ходе на ногахъ, Дижу носить на рукахъ“.

Когда невѣста, собираетъ дружкѣ, поютъ:

„Казавъ соловейко, саду не впаду,
Казала Паранька, замужъ не пиду,
Сю осеньку погуляю,
Русою косою помаю;

Май коса да до пояса
Съ квитками, ногитками,
Съ червоною калыною по плечахъ;
Коса моя да до пояса,
Краса моя да до вечера“.

По окончаніи дѣланія коровай, бабы говорятъ:

„Что вы желали,
То мы зробылы,
За цю висть,
Чарокъ по шисть,

Хочъ по одний,
Та по повний,
А хочъ по половинци
Та всій родынци“.

Старосты подчиваютъ.

Передъ вѣнцомъ невѣстѣ перебираютъ косу гарусомъ и поютъ:

„Ой, тихо, тихо Дунай водыньку несе,
А ище тыше Паранька косу чеше;
Чеше, зрывае,
Та на Дунай пускае.
— Поплывы, коса, пидъ батенькивъ двиръ просто,
Тай послухай, коса, шо батынка говоре,
А батынка говоре:
— Не добра годынонька,

Шо йде одъ мене моя ридна дытынонька,
Шо зобувавъ, зодивавъ,
Та никимъ замышлять.
Ой, плывы коса, до свекрова двора,
Послухай, коса, шо свекоръ каже.
— Добрая годынонька,
Прийде до мене чужа дытынонька,
Ни зобувавъ, ни зодивавъ,
Та буде кимъ замышлять“.

Послѣ вѣнца, когда изъ церкви идутъ, поютъ:

„Схилилась верба
Съ верха до корыння,
Вынчалась Паранька
Съ ранку до полудня.
Пипъ винчавъ,

Не богато взять,
Пивъ золотого,
Коня вороного,
Ще мало“.

* * *

Когда молодая за столомъ, поютъ:

„Закувала зузуленька
Въ саду за дворомъ,
Заплакала Паранька
У батька за столомъ.
— Спродай, мий батыньку,
Увесъ вышневы садъ,
Исправъ, исправъ, мий батынь-
ку,
Увесъ паньский нарядъ,
Жемчужне намысточно на шпеч-
ку

И козловы черивички на нижеч-
кы,
А чрезлатный поясочекъ на
станочекъ.
— Якъ буде твий милый та рев-
ныый,
Козловы черивички пыломъ
припадуть,
А жемчужне намысто золыци
обирвуть“.

* * *

„Плачьте подружки по мині,
Десь мои брѣтыки на войні,

Десь мои сестрици на сторони,
Никому плакаты по мині“.

* * *

„Найихалы, моя ненько, шось,
за паны,
Взялы мою кисоньку пидъ жу-
паны,
Сталы мою кисоньку трипаты,
Стала моя матынька плака-
ты,
Не плачь, моя матынько, по
мини,

Заплачь, моя матынько, по ко-
си;
Чи лучше коси въ фартуси,
Чи лучше дивци въ винци,
Нижь у тебе, неньку, въ стрит-
ци,
Тай по улыци ходыты,
Тай по квітци носыты,
Отецькихъ сынивъ маныты“.

А. Д. Стефанова.

12.—Сл. Бѣло-Куракино.

Гл. 1-я.

Видъ мѣстности, курганы и почва.—Преданіе о Петрѣ Великомъ и основаніе поселенія.—Кн. А. Б. Куракинъ.

Сл. Бѣло-Куракино составляетъ часть дачи прежняго ея владѣльца кн. Александра Борисовича Куракина, расположенной между двумя холмами, проходящими параллельно съ сѣвера на югъ по р. Бѣлой, получающей свое начало въ вершинѣ на сѣверѣ по долинѣ изъ родниковъ въ х. Шиловомъ Александровской вол. и впадающей въ р. Айдаръ подъ г. Старобѣльскомъ. Извиваясь кривой линіей и постепенно мѣняясь въ своихъ живописныхъ очертаніяхъ, протекаетъ эта рѣка, то между вербой, лознякомъ, камышемъ, то лугомъ и мѣстами въ совершенно голыхъ обрывистыхъ кручахъ. Вся эта мѣстность сплошь усѣяна горными возвышеніями, украшенными курганами, „майданами“, изрѣдка остатками кирпичныхъ печищъ, служащихъ памятникомъ древняго жилья и котловинами всевозможныхъ построеній. Существующіе курганы весьма разнообразны, какъ по формѣ, такъ равно и по своему расположенію; одни изъ кургановъ довольно значительныхъ размѣровъ имѣютъ видъ конусообразный (татарскіе), другіе овальный съ вытянутымъ концомъ въ остріе,—на нѣкоторыхъ курганахъ овальнаго построенія замѣтны уступы террасами съ совершенно гладкою верху площадью (скиѣскіе). Всѣ курганы неодинаковыхъ объемовъ,—самые большіе расположены рядомъ на одной площади съ самыми малыми, переходящими наконецъ по виду въ могильныя насыпи. Расположеніе кургановъ также разнообразно: большинство изъ выдающихся по объему лежатъ въ одну прямую линію съ С. на Ю. и съ В. на З., всѣ же меньшіе курганы расположены или вѣрнѣе разбросаны въ разныя стороны, изображая собой всевозможныя геометрическія построенія—то четырехугольникъ, то треугольникъ, то слиты въ одну сплошную мас-

су; нѣкоторыя изъ нихъ запали вглубь и образуютъ котловины. Многіе курганы состоятъ не изъ одной земляной насыпи, но имѣютъ внутри себя огромные бѣлые камни и массу мелкихъ внутри и на поверхности. „Майданами“ населеніе называетъ развалины прежнихъ жилищъ полудикаго народа; они, по ихъ мнѣнію, имѣли видъ саклей, какія имѣются въ Черкесскихъ аулахъ. Неподалеку отъ такихъ „майданъ“, а иногда и далеко,—совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ кургановъ, попадаются четырехугольныя глубокія ямы, выложенныя кирпичемъ или съ голыми илистыми стѣнами.

Почва описываемой мѣстности черноземная и была когда-то покрыта массой дремучихъ, „темныхъ“, вѣковыхъ лѣсовъ. Холмы изобилуютъ въ себѣ мѣль, бѣлую, желтую и красную глину („чирвѣни каминці“), различныхъ цвѣтовъ песокъ, внутри и на поверхности камень различнаго цвѣта и качества, годный для мельничныхъ жернововъ и многихъ хозяйственныхъ подѣлокъ, и составляютъ продолженіе Донецкаго кряжа. Нѣкоторые также отыскивали, говорятъ, на незначительной глубинѣ каменный уголь и утверждаютъ о залежахъ земляной соли. Наружный видъ мѣстности совершенно напоминаетъ окрестность грушевскихъ на Дону угольныхъ копей; попадаютъ нерѣдко вымываемыя водой изъ „Комлицького“ яру небольшія глыбы желѣзной руды или остатковъ ея отъ плавки (шлаки); но все это изъ боязни, возникнувшей почему то, что съ открытіемъ минералловъ земля отъ нихъ отберется и перейдетъ въ казну,—остается пока мертвымъ богатствомъ. Судя по преданіямъ, утверждающимъ о существованіи здѣсь нѣкогда различныхъ иновѣрцевъ—татаръ, калмыковъ и др. съ ихъ жилищами, огромнѣйшими печами въ видѣ горновъ и другихъ построеній, о существующихъ и понынѣ богатѣйшихъ кладяхъ, а также въ виду имѣвшагося завода, съ чеканкой золотыхъ и серебряныхъ монетъ, который находился въ 12—15 в. отъ границъ имѣнія кн. Куракина (нынѣ находятся слѣды его въ лѣсу, именуемомъ „Медвѣжьей“ Осиновской вол.), невольно приходится подумать мѣстному населенію о томъ, какъ много неисчерпаемыхъ драгоцѣнностей заключено въ нѣдрахъ описываемой мною мѣстности.

Разстояніе слободы отъ уѣзднаго города 30 в., отъ губернскаго 210 в., отъ Купянска 70 в., отъ быв. уѣзд. г. Бѣловодска 90 в., отъ быв. зашт. г. Ново-Екатеринославля или Сватовой Лучки 40 в., отъ Валукъ 90 в., отъ Уразовой 80 в.; отъ торговыхъ слободъ: Осиновой—25 в., Ново-Астрахани или Троецкаго 40 в. и отъ мало-торговыхъ слободъ: Мостковъ—25 в. Бѣлолуцкаго—25 в. и Павловки—7 в. Происхожденіе села народъ объясняетъ такъ: однажды въ 1700-г. Петръ I, вскорѣ по возвращеніи съ похода на Азовъ, былъ извѣщенъ о какомъ то важномъ политическомъ замыслѣ, сопровождавшемся ужасными бунтами, которые успѣли охватить всю Украину до береговъ Азовскаго моря. Царь снова предпринялъ походъ и лично явился для усмиренія. Возстановивъ нарушенное спокойствіе, онъ, въ сопровожденіи кн. Бориса Степановича Куракина, пожелалъ осмотрѣть необозримую, малолюдную, дикую степь, которая широко раскинулась во всѣ стороны отъ прилегающей границы Азова. Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему чуть не пришлось было попасть въ плѣнъ къ какимъ-то разбойникамъ-иновѣрцамъ. Уставъ отъ долгаго похода, онъ оставилъ свой полкъ драгунъ на отдыхъ на лѣвомъ берегу рѣки Козинки (послѣ отдыха имъ было приказано положить мостъ чрезъ эту рѣку), а самъ съ небольшимъ отрядомъ, перейдя вплавь рѣку, отправился на в. къ Осиновымъ лѣсамъ, которые издали скорѣе походили на туманъ или спустившуюся съ высоты небесныхъ сводовъ огромнѣйшую тучу, занявшую собой необозримую даль долины, мимо роскошно раскинувшейся рѣки Айдари; эта живописная картина природы такъ очаровала царя, что онъ забылъ объ угрожающей ему опасности и незамѣтно столкнулся съ хорошо вооруженной шайкой злодѣевъ, сила которой въ нѣсколько разъ превосходила царскій отрядъ. Видя свою малочисленность, Петръ I послалъ къ гвардіи гонца, а самъ вступилъ въ неравный бой, послѣ котораго пришлось отступать къ Айдари на югъ и наконецъ быть атакованнымъ со всѣхъ сторонъ. Драгуны, слышавъ издали сигналъ тревоги, опрометью бросились чрезъ Козинку и Тавыжный яръ, и едва лишь успѣли домчаться къ Осиновымъ лѣсамъ, какъ увидѣли, что царь, уходя отъ преслѣдованій, вынужденъ былъ броситься

вплавъ на лошади черезъ р. Айдарь. Если бы не подоспѣлъ во время полкѣ, а также сторожевая казачья лодка, на которую былъ взятъ царь, ему бы не минути бѣды. Не смотря на всѣ встрѣчавшіяся тогда значительныя препятствія со стороны татарскихъ князей, охранявшихъ себя силою оружія и занимавшихся разбоемъ и грабежами, Петръ I побѣдоносно бороздилъ степь во всѣ концы, проходя „вздовшъ“ и „поперекъ“ Московскій, Воронежскій и Гатманскій шляхи и рѣки Ейсугъ, Ковсугъ, Старую-Бѣлую (при впаденіи въ Айдарь) и степи, принадлежащія къ Войсковой землѣ, а впослѣдствіи, гдѣ нынѣ Нищеретова,—земли кн. Шереметьевыхъ, держалъ путь низомъ на Валуйскій шляхъ чрезъ Тарабановскій мостъ мимо Васильковыхъ лѣсовъ. Расположившись на отдыхъ на лѣвомъ берегу р. Бѣлой, Петръ I и въ особенности кн. Куракинъ восхищались этой очаровательной окрестностью и рѣкой съ ея обрывистыми берегами, еще издавна носившей названіе по своей чистотѣ и бѣлой мѣловой подошвы русла—„Бѣлая“. (Старое русло р. Бѣлой проходило подъ мѣловой горой, настоящее новое—прошло частью по дорогѣ). Объ этомъ-то князь и сообщилъ царю такъ: „Ахъ, какъ мнѣ нравится эта живописная мѣстность долины, расположенной по обѣимъ сторонамъ такой прекрасной рѣки!“ Петръ I былъ необыкновенно доброй души, и кн. Куракину онъ никогда ни въ чемъ не отказывалъ, почему и сказалъ: „Возьми, дарю тебѣ, какъ свояку, и сыну твоему Александру, моему крестнику, всю эту мѣстность, для которой послѣ ты самъ опредѣлишь границы“. Первоначальныя границы имѣнія кн. Б. С. Куракина простирались въ длину съ С. на Ю.—отъ имѣнія Тарабанова по долинѣ къ войсковой землѣ (до земель кн. Шереметьевыхъ нынѣ Нищеретовой) разстояніемъ въ 15 в., въ ширину съ В. на З. или другими словами—отъ имѣнія Тевяшовыхъ („Тельшовыхъ“) по эту лишь сторону лѣваго берега р. Бѣлой, разстояніемъ въ 10 в. На другой сторонѣ рѣки подъ Бѣлой горой и яру, именуемому „Колмыцкый“ кочевали калмыки, находя уютище въ землянкахъ, крытыхъ „чаканомъ“—(плетенкой изъ „рогозу“). Со временемъ мало-по-малу полудикій сбродъ со всевозможными организованными шайками разбойниковъ царскимъ приказомъ были вытѣсняемы съ этимъ

мѣстъ. Съ отходомъ ихъ, имѣніе кн. Куракина все болѣе и болѣе увеличивалось. Но князь мало заботился о заселеніи своей дачи—чему препятствовали также кочевники и разношерстный бродячій людъ, которые заурядъ чинили переселенцамъ насилія, грабежи и убійства. Другого былъ взгляда сынъ его Александръ Борисовичъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ послѣ смерти своего отца къ дарованной дачѣ по р. Бѣлой, а послѣ и по р. Козинкѣ и далѣе, онъ всѣми мѣрами стремился къ заселенію этого богатаго края, для чего первымъ долгомъ приобрѣлъ себѣ изъ болѣе бѣдовыхъ—„шельмоватыхъ“ малороссовъ—агитаторовъ, которыхъ разсылалъ гонцами во всѣ концы къ помѣщичьимъ крестьянамъ дѣлать кличъ, объявляя: „если кому худо живется у своихъ пановъ, поповъ или въ монастыряхъ, то пусть свободно уходятъ ко мнѣ на вольныя степи, что за Тарабановой“, тѣ, конечно, расходились къ разнымъ помѣщикамъ, поступали къ нимъ въ рабственную запись и, пользуясь этимъ, втихомолку возмущали крестьянъ и вводили ихъ по ночамъ къ кн. Куракину. При такомъ передвиженіи народа приходилось прятаться въ дорогѣ на весь день, пересидывая гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ чащахъ до ночи. Когда молва распространилась объ этомъ благодѣтельномъ дѣйствіи князя съ присовокупленіемъ еще того, что онъ, при какихъ бы ни было застигнутыхъ въ пути арестахъ или другихъ какихъ бѣдствіяхъ, беретъ, молъ, подъ свое покровительство,—народъ началъ сходитьсь къ нему со всѣхъ сторонъ отъ помѣщиковъ Кіевской, Полтавской, Черниговской, Воронежской и другихъ мѣстъ и губерній; не брезгалъ также князь и всевозможными экземплярами бродячаго люда—людей непомнящихъ родства и т. п. Если кто изъ переселенцевъ бѣглецовъ былъ преслѣдуемъ своимъ паномъ, то ему вмѣнялось въ обязанность перемѣнять иногда не только фамилію, но даже имя и отчество. Народъ свой князь раздѣлялъ по названію:—на черкассъ и малороссовъ, а по службамъ—на дворовыхъ и хлѣбопашцевъ; самъ же народъ дѣлилъ себя на клички: „москаль“, „кацапъ“, „мужикъ“, „хохолъ“, „мазепъ“.—Князь очень любилъ малороссовъ, почему всѣ дворовые его состояли исключительно изъ нихъ. Особо-отличительная черта ихъ передъ прочими была та, что это люди были высокаго роста, мужественны, красивы и, главное,

неглупы и грамотны. О школѣ въ то время не было еще рѣшительно никакого понятія; всѣ дворовые обучались грамотѣ или въ с. Надеждинѣ Сердобскаго у. Саратовской губ. (это любимое имѣніе князя), по тогдашнему времени самое благоустроенное, гдѣ онъ больше и проживалъ), или же въ Петербургѣ. Всѣ остальные—не дворовые выучивались грамотѣ одинъ у другого; но больше всего занимались преподаваніемъ „черныи“, которымъ даже священники отдавали своихъ дѣтей въ начальную науку. Народъ увидѣлъ у себя училище лишь съ того времени, когда всѣ школы находились въ вѣдѣніи Государственныхъ Имуществъ; оно именовалось: „Общее приходское училище Старобѣльскаго округа“.

Преданіе хорошо сохранилось относительно того, что первоначально слобода состояла изъ 20 хатъ, расположенныхъ возлѣ Макортета (—такъ именуется и теперь не весьма обширныхъ объемовъ природная котловина, открытая къ рѣкѣ съ 3 стороны и находящаяся въ полумерстномъ разстояніи отъ церкви), а въ 7—8 в., гдѣ теперь Павловка, жила уже „барыня Тарабанша“ въ порядочномъ поселеніи, именуемомъ „Тарабанова“. Люди, переселявшіеся на вольныя степи Куракина, держали путь съ Валуйскаго шляха на Тарабанинъ мостъ—на Тарабанову, такъ какъ мѣстность эта давнымъ давно была уже извѣстна подъ этимъ названіемъ. Тарабановъ и Тевяшовъ происходили говорить изъ потомковъ татарскихъ князей, и участокъ, дарованный Петромъ I-мъ кн. Куракину не былъ свободнымъ, а принадлежалъ уже прежде по какимъ то наслѣдственнымъ документамъ Оттоманскаго („Бусурманьскаго“) царства съ одной стороны Тарабанову, а съ другой Тевяшову. О Тарабановѣ преданіе говоритъ, что онъ неизвѣстно гдѣ дѣвчался, оставивъ послѣ себя бездѣтную жену Тарабаншу, которая имѣла у себя крестьянъ изъ великоруссовъ. Еще съ первыхъ годовъ владѣнія этой дачей, кн. Куракинъ „покумывся“ съ Тарабаншей и часто посылалъ къ ней своего управляющаго нѣмца, да и самъ нерѣдко раздѣлялъ съ нею время въ пиршествѣ и пьянствѣ. Во время одного свиданія князь напоилъ Тарабаншу пьяной и въ такомъ видѣ завелъ рѣчь: „Скажите, пожалуйста, по какимъ документамъ владѣете вы крестьянами и имѣніемъ“?

Та, не подозрѣвая въ кумѣ ничего дурного, достала документъ и вручила ему просмотрѣть свои права; князь, просмотрѣвъ ея данную, своротилъ и спряталъ ее себѣ въ карманъ, а кумѣ передалъ такой же величины свертокъ бѣлой бумаги, на который барыня не обратила тогда никакого вниманія и снова положила его на прежнее мѣсто. Не удовольствовавшись данной, вскорѣ, того же дня, управляющій князя отправился съ Тарабаншей въ лѣсъ погулять, гдѣ она такъ усладила „безумной радости“, что спала мертвецкимъ сномъ до самого утра. Управляющій, воспользовавшись ея слабостью, снялъ съ ея руки перстень, украшенный драгоценными камнями и явился съ нимъ къ ея ключницѣ съ приказомъ отъ барини отпереть какіе-то ящики и вручить ему хранящуюся тамъ связку бумагъ. Ключницѣ не разъ приходилось выполнять различныя распоряженія по извѣстному перстню, почему она нисколько не задумалась выдать нѣмцу всѣ хранящіяся въ ящикѣ бумаги. На другой день, къ неожиданному удивленію кумы, князь велѣлъ объявить ея крестьянамъ такъ: „если кто пожелаетъ присоединиться къ нему, то пусть тотъ выброситъ къ своимъ воротамъ вѣху изъ соломы или чего нибудь другого, а если кто не укажетъ никакого знака, то домъ того со всѣмъ его имуществомъ будетъ разоренъ и самъ онъ строго будетъ наказанъ“. Теперь лишь сообразила Тарабанша о той подкладкѣ, которую имѣли дружескія отношенія ея кума. Народъ сдался, кромѣ дворовыхъ Тарабанши, которые вмѣстѣ съ нею насильно были выселены изъ родового ея имѣнія на Валуйскій шляхъ, и, дабы навсегда изгладить память о ней, приказано было домъ со всѣми пожитками сжечь до основанія. Завладѣвъ такимъ образомъ имѣніемъ Тарабанши, князь не замедлил заселить ее любимыми малороссами, переведенными изъ какой то Петровеньки отъ отмершихъ помѣщиковъ (нынѣ Петровеньчане именуется Петропавловкой, Павловской волости и Курячанами и Ооменчанами по фамиліи перешедшихъ первыхъ семей). Они не применили дать прозвище преснымъ владѣтельнымъ крестьянамъ Тарабанши—„москалы“, а заселенное ими мѣсто—„Москаливка“; въ ту же очередь получили отъ нихъ:—„хохлы“, „мазепы“.— Съ семействомъ Тевяшевыхъ князь былъ въ очень хо-

рошихъ отношеніяхъ и учинилъ съ нимъ какую то сдѣлку, по которой все имѣніе, состоящее еще и понынѣ въ управленіи его потомковъ должно было достаться Тевяшову, якобы отъ кн. Куракина въ подарокъ его крестному сыну. Говорятъ, что этотъ сынъ былъ прижитъ Тевяшовой съ княземъ. Самъ Тевяшовъ состоялъ на службѣ у князя въ качествѣ полкового доктора, онъ же завѣдывалъ ремонтами и былъ поставщикомъ лошадей изъ княжескаго коннаго завода. Отъ прежнихъ границъ Тевяшова къ кн. Куракину отошли яръ съ р. Козиной и землями расположенныхъ на немъ хуторовъ. Въ то время князь считался собственникомъ земли въ слѣдующихъ границахъ: ему принадлежали двѣ слободы—Бѣло-Куракинская и Павловская съ двадцатью двумя хуторами; затѣмъ—Танюшевка, Березова, Шаровка до Ровенекъ и Александровка. Изъ этого владѣнія княземъ проданы Бѣло-Куракинцамъ земли, находящіяся въ слободахъ Бѣло-Куракиной, Павловкѣ и хуторахъ Лизиномъ, Бѣденомъ, Кризскомъ, Шапарскомъ, Ереминомъ, Цѣлуйкиномъ, Паньковкѣ-Свѣтличной, Алексѣевкѣ, Заикиномъ, Лубьянкѣ, Гриценковомъ, Бучужномъ, Кисилевкѣ, Лавровкѣ, Шолкуновѣ, Рудовѣ, Курочкиномъ, Фоменковѣ на р. Бѣлой, Фоменковѣ на р. Козинкѣ, Заводянскѣ, Морозовѣ и Стативкиномъ. Танюшевка не вошла въ категорію выкупа, потому что она досталась родному брату князя—Алексѣю Борисовичу; Березова—по случаю какой то незаконной сдѣлки одного помѣщика (Веревкина) съ священникомъ Ивановымъ, Шаровка и Александровка были отняты у князя послѣ его смерти. Всей земли отошло въ собственность крестьянъ около 60 тысячъ дес., цѣной за 1.100,000 руб. асс.

Кн. А. Б. Куракинъ не переставалъ заселять своей дачи разными пришлыми людьми до самой смерти или, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ въ Парижъ въ качествѣ посланника, по какимъ-то важнымъ государственнымъ дѣламъ. Предъ выѣздомъ князь простился съ народомъ и сказалъ: „Я уѣзжаю въ Парижъ, по возвращеніи оттуда, общаю всѣхъ отпустить на волю; молитесь Бога о моемъ благополучномъ возвращеніи! Когда получите вольную, храните ее крѣпко у себя, не доверяйте ни попамъ, ни панамъ, а то они могутъ ее уничтожить и повернуть васъ къ себѣ въ крестьяне“.

Присоединенное княземъ имѣніе Тарабановой, съ теченіемъ времени мало по малу стало рѣже упоминаться въ названіи „Тарабанова“ и, наконецъ, совсѣмъ забыто и замѣнено общимъ названіемъ: „На рѣкѣ Бѣлой вольныя села кн. Куракина“, „село на Бѣлой—Куракина“ и въ послѣднее время: „Бѣло-Куракина“.—Бывшая Тарабанова носитъ теперь названіе „Павловка“. Переименована она въ это названіе полагаютъ съ того времени, какъ перенесена была туда деревянная церковь изъ Куракиной, посвященная во имя св. Петра и Павла. Перенесенная церковь была выстроена еще кн. Б. С. Куракинымъ; на мѣстѣ ея престола аккуратно сохраняется каменный памятникъ—„кампличка“, какъ разъ напротивъ бывшего княжескаго дома.

Церковь была перенесена въ с. Тарабаново не потому, чтобы оказалась она ветхой или невмѣстительной, но въ силу такихъ причинъ: на нее, по преданію, были весьма часты набѣги разбойниковъ, которые ее безбожно опустошали; затѣмъ однажды набѣжалъ на нее сильный ураганъ (буря), такъ что сорвалъ кровлю и отбросилъ ее въ сторону; такое происшествіе вселило въ народѣ страшную панику. Объяснили все это тѣмъ, что церковь поставлена не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ подъ нею находилось „басурманское“ кладбище; самъ же князь думалъ, что это наказаніе Божіе за то, что по неосторожности сожгли и церковь въ Тарабановой, почему и вѣрно было перенести ее въ мѣсто сожженной.

Существуетъ также преданіе въ народѣ, что Тарабанова, еще далеко до появленія кн. Куракина, имѣла у себя церковь, носившую названіе въ народѣ: „церковь Тарабанша“, три вѣтряныхъ мельницы и одну водяную. На томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь, стоитъ теперь каменная кампличка, поддерживаемая мѣстнымъ населеніемъ, какъ памятникъ доставшагося имъ преданія прежней владѣтельницѣ, рядомъ съ нею стоитъ другая тоже каменная кампличка, знаменующая мѣсто той деревянной церкви, которая перенесена была туда изъ Бѣло-Куракиной и со временемъ, лѣтъ тому около 80, за ветхостью употреблена была на постройку или починку хлѣбныхъ магазиновъ и колодцевъ.

Во время путешествія Петра I по Украинѣ, ему пригляну-

лась мѣстность при „Билий кийныци“ (Бѣловодскѣ), вблизи которой онъ пожелалъ положить основаніе царскимъ коннымъ заводамъ. Кн. Куракинъ былъ „всѣмъ царямъ крещеный батько“. Земли, принадлежація Нищеретовой были когда-то подарены Екатериной Великой кн. Шереметьеву. Екатерина Великая дарила земли съ условіемъ на 100 лѣтъ. Таково народное преданіе.

Кн. Куракинъ не имѣлъ постоянного жилища въ своей дачѣ на р. Бѣлой, но и не оставлялъ ее безъ посѣщеній; онъ пріѣзжалъ въ годъ одинъ разъ и оставался на мѣсяцъ и больше. О пріѣздѣ князя народъ извѣщался заблаговременно, почему и приготовлялся къ его встрѣчѣ. Вѣздъ князя въ слободу всегда сопровождался торжествомъ. Узнавъ о приближеніи князя, народъ одѣвался по праздничному, и старъ и малъ выходили къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи священника и управляющаго нѣмца. Молодежь въ особенности радовалась этому событію,—рѣзвилась и спѣшила занимать мѣста, расположась шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги такъ, чтобы экипажъ князя могъ проходить между ними; все это приготовленіе сопровождалось пѣснями, музыкой и танцами дѣвокъ—„танцюръ“. За молодежью собирались старики, составляя второй рядъ сзади своихъ дѣтей, а совсѣмъ дряхлые стояли по одиночкѣ или кучками по-надъ выбѣленными своими хатами, которыя были тогда съ фронтонами—двухскатной крышей, и разсуждали о житьѣ бытѣ и о той обѣщанной княземъ волѣ, въ виду которой они оставили прежнихъ своихъ помѣщиковъ и свои жилища и какъ муравьи послазились со всѣхъ концовъ. Княжескій экипажъ шагомъ проходилъ мимо разодѣтой крестьянской молодежи, а князь, здороваясь на обѣ стороны, выбрасывалъ въ толпу суковные свитки изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, тяжовые халаты, сандальные платки, сапоги, штаны зъ „крудзыками“ и „бурулькою“, юпки и т. под. Позади княжескаго экипажа шелъ грузъ съ разными вещами; все это въ суетѣ разбиралось тѣми, кто былъ посильнѣй, да поувертливѣй. Князь, говорятъ, очень забавлялся, глядя на эту бойкую сцену разнокалиберной пестрой толпы, которая, принявъ видъ церемоніальнаго шествія, сопровождала его съ музыкой, пѣснями, танцами и всевозможными криками до самого дома. Послѣ этого начинался пирь,—

гулянье: съ княжескаго погреба выкачивали за дворъ бочку или двѣ съ водкой и охотники лакомились ею, услаждая себя пріятной бесѣдой, а во дворѣ княжескомъ оставалась одна лишь молодежь, для которой, вмѣстѣ съ закупленными княземъ по селу „очіпками“, „капорами“, шапками, разными женскими уборами и т. под., заготовлялись билетки съ указаніемъ, кому, что дѣлать; такъ напримѣръ: „танцуй“, „пой“, „смѣйся“, „плавай“, „поцѣлуй кого-нибудь“... и т. д. Билетки эти прикалывались къ вещамъ и бросались въ толпу, при чемъ каждый, взявшій вещь, безпрекословно долженъ былъ въ точности исполнить все то, что было указано въ билетѣ. Вещь бросалась въ толпу чѣмъ-нибудь обвернутая; одинъ передъ другимъ желалъ отличиться и рвался въ толпу достать вещь; если при этой „кутермѣ“ кто-нибудь крикнетъ: „мала куча!“ то остальные падаютъ на выброшенную вещь и образуютъ большую кучу. Свертокъ съ билетомъ поднимается и кто-нибудь читаетъ: „такая-то вещь требуетъ танцевать“ и если доставались, примѣрно, какой-нибудь дѣвкѣ штаны съ подобнымъ требованіемъ, то она тутъ-же, на глазахъ товарищей и зрителей, переряжалась: надѣвала штаны, а для большаго смѣха изъ толпы кто-нибудь надѣвалъ ей бумажную шапку въ видѣ колпака или привязывали къ концамъ „очкура“ колокольчики и бубенчики, и въ такомъ украшеніи подъ музыку исполняла она свою обязанность. Доставшіяся вещи, были уже собственностью того, кто удостоился ихъ получить. Такое общее гульбище тянулось въ продолженіи всей ночи, въ заключеніе давались вино и закуска—„медяныкы“, а нѣкоторыхъ удостаивали даже и подаркомъ: давались кольца, намисто, серѣжки, нѣчто въ видѣ медальона изъ „сердолика“ въ золотой и „компаковой“ отдѣлкѣ и др. украшенія. Князь въ особенности любилъ женскій полъ („онъ не былъ женатъ до смерти“) и, раздавая подарки, старался отдать имъ предпочтеніе предъ парнями. Во все время своего пребыванія на дачѣ, князь почти ежедневно проводилъ время въ гуляньяхъ; но эти ежедневныя гулянья уже не служили праздникомъ всему мѣстному населенію,—это было постоянное удовольствіе князя и его двора. Это гульбище и составляло исключительную цѣль пріѣзда князя. Народъ говорилъ, что князь пріѣхалъ, пріѣзжалъ или

приѣдетъ къ нему „погулять“. Къ этому времени наѣзжали „москали“—коробейники и „лавошники“ съ разными „фыгами“, „мыгами“. Для княжескихъ вечеровъ выбирались изъ всего села красивыя дѣвки и записывались въ танцовщицы—„танцюры“, на неспособныхъ почему-либо къ такому искусству возлагались другія какія-нибудь обязанности: онѣ пѣли, прислуживали или просто упражнялись въ „яствіи“, „питіи“ и „веселіи“. Для всѣхъ красавицъ, раздѣлявшихся по службѣ на разныя категоріи, имѣлся списокъ, и никто изъ нихъ подѣ строгой отвѣтственностью не смѣлъ отказываться явиться по требованію для выполнения своихъ обязанностей; никто изъ родителей не смѣлъ также противиться этому. Между избранными „красавицами“ было нѣсколько особо уважаемыхъ княземъ, съ которыми онъ проводилъ цѣлыя ночи въ свойственныхъ тому времени оригинальныхъ гуляньяхъ. Оказавшіяся изъ „танцюръ“ съ явными признаками беременности, были выписываемы на время изъ увеселительнаго журнала и, нѣсколько не стѣсняясь и не скрываясь отъ родителей и совѣсти людской (всякому было извѣстно, чья вина), свободно разрѣшались „прибылью“, которая, спустя 2—3 недѣли, по желанію родильницы, передавалась для выкармливанія лицамъ особо завѣдующимъ по этой профессіи; впрочемъ—желаніе испрашивалось лишь къ малюткамъ женскаго пола, съ дѣтьми же мужскаго пола всегда поступали и противъ всякаго материнскаго желанія. Завѣдывающей выкармливаніемъ дѣтей мужскаго пола была въ послѣднее время жена княжескаго камердинера А. Заики. Относительно участи этихъ сыновъ вольницы и довольства извѣстно, что рѣдко какой изъ нихъ вырастался; большинство ихъ уходило, какъ выражается народъ „въ землянскую станицу“. Въ двухверстномъ разстояніи къ селу Шапорскому есть яръ именуемый и по сей день „Диточынъ“—это, говорятъ, и есть то мѣсто, которое именуется „Землянской станицей“,—тамъ хоронились незаконнорожденные дѣти дѣвушекъ и вдовъ. Князь очень любилъ маленькихъ дѣтей, которые могли уже говорить и бѣгать; часто любовался ими, а нѣкоторыхъ, которые особенно почему то полюбились ему, бралъ съ собою и отдавалъ на воспитаніе въ Петербургъ въ какое то „Екатерининское училище“

(такая участь постигала дѣтей мужскаго пола). Въ число такихъ счастливцевъ попалъ и мой родной дѣдушка, взятый семи лѣтъ собственными руками князя отъ матери его, находившейся въ замужествѣ за запорожцемъ Иваномъ Кравченкомъ непомнящимъ родства; онъ былъ главнымъ агитаторомъ князя по населенію его дачи на р. Бѣлой. Говорятъ про него, что онъ въ теченіе одного года принялъ пять законныхъ браковъ съ дѣвушками разныхъ помѣщиковъ и оставлялъ ихъ въ силу творившихся тогда побѣговъ. Тѣ изъ дѣтей мужскаго пола, которыя не обращали на себя княжескаго вниманія, были отдаваемы въ сыновья бездѣтнымъ или подбрасывались („пидкидиши“). По достиженіи ими 18—20 лѣтъ, ихъ женили и давали имъ какую нибудь фамилію по назначенію отъ князя, управляющаго или народа. Потомки одного такого субъекта (отъ „танцюръ“) существуютъ и понынѣ съ даннымъ прозвищемъ отъ народа „Княженко“, такъ и теперь пишутся они въ х. Лубянкѣ „Княженками“.—Гулянья были устраиваемы княземъ еще и другого рода въ его зарѣчномъ саду, среди котораго былъ усыпанъ большой курганъ съ поднимающимися кверху террасами, усыянными всевозможныхъ сортовъ цвѣтами и устроенной площадкой; на той площадкѣ устраивалась палатка съ застекленными отверстіями. Это и было то мѣсто, гдѣ пировалъ князь съ своими пріѣзжими гостями. Кругомъ этой могилы былъ проведенъ искусственный каналъ, выходившій однимъ концомъ въ рѣку, а другимъ въ сажалку (прудъ, ставокъ). Челядь также участвовала здѣсь своими танцами, пѣніемъ и переряжаніемъ, выбрасывала подѣ музыку, для потѣхи гостей, разные артистическіе артикулы, указанные въ доставшихся имъ билетикахъ. Здѣсь выбрасывались билетики „барынямы“—„панямы“ изъ окна палатки вмѣстѣ съ пряниками и конфетами. Въ саду, говоритъ народъ по преданію, было при князѣ, какъ въ раю: всевозможныя породы деревьевъ посажены были по группамъ, аллеями, отдѣлявшими одинъ паркъ отъ другого, роскошными бесѣдками съ цвѣтниками и съ небольшою посрединѣ ихъ возвышенностью земляной насыпи, гдѣ княжеская музыка неуспѣшно усердствовала по цѣлымъ ночамъ; садъ-же въ пяти-верстномъ своемъ объемѣ подѣ вечеръ былъ иллюминированъ плошка-

ми, („каганцами“) гдѣ горѣлъ лій (баранье сало) и деготь,— кострами и зажженными смоляными бочками. На всемъ протяженіи сада, весь правый берегъ рѣки и паромъ щедро разукрашивались огнями и пестрыми флагами. За отсутствіемъ князя были тоже устраиваемы гулянья его безконтрольнымъ управляющимъ нѣмцемъ, который, какъ говорятъ, вводилъ все на „нѣмецкый штыль“, но только не съ такимъ уже торжествомъ и блескомъ.—Тогдашняго времени помѣщики—„панство“ и „попы“ страшно возненавидѣли князя Александра Борисовича за ту прославленную имъ „волю“, которая дала ему возможность пріобрѣсти и закрѣпостить бесплатно сотни семей, въ силу различныхъ причинъ уходившихъ украдкой отъ своихъ прежнихъ пановъ, и еще болѣе озлоблены были на него за то, что онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и слылъ любимцемъ государя Павла Петровича, который, говорятъ, не рѣшался самъ исполнить ни одного дѣла безъ совѣта кн. Куракина. Предвидя враждующую сторону, князь всегда охранялъ себя во время поѣздки сотней драгунъ, которые находились при немъ и во все время пребыванія его на дачѣ.—У потомковъ княжескихъ камердинеровъ сохранилось въ памяти такое происшествіе. Однажды кн. А. Б. Куракинъ вмѣстѣ съ государемъ Павломъ Петровичемъ обсуждали вопросъ о положеніи крестьянъ, находящихся въ зависимости отъ помѣщиковъ и о принятіи мѣръ къ заселенію южной части Россіи къ берегамъ Чернаго моря; нѣсколько разъ обсуждали они вдвоемъ этотъ важный вопросъ, но въ этотъ разъ, вѣроятно онъ былъ оконченъ, ибо совѣтъ продолжался до двѣнадцати часовъ ночи, послѣ котораго у обоихъ явилась мысль снаться. Желаніе это было исполнено; былъ приглашенъ какой то художникъ и снялъ ихъ въ такомъ положеніи, какъ они обсуждали вопросъ, послѣ этого князь пріѣхалъ изъ дворца ровно въ 1 часъ, и только что успѣли раздѣть и уложить его на постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, а затѣмъ вслѣдъ — отчаянный стукъ въ дверь съ отрывистой рѣчью: „изъ дворца, отвори! Скорѣй—къ князю надо!“ и тутъ же поручили извѣстить князю, чтобы онъ скорѣе поспѣшилъ во дворецъ: царь умираетъ! Обо всемъ этомъ было доложено князю, который съ яростью вскричалъ: „Какъ умираетъ? Что

это? я сейчасъ отъ него и онъ былъ здоровъ,—нѣтъ“... Одѣваясь на скоро, князь въ досадѣ ломалъ себѣ руки и, кусая ногти, бѣгалъ по спальнѣ: „Ахъ, Боже—мой! Ахъ, злодѣи!.. Убить.. Убить“!.. Явился въ дворецъ князь вмѣстѣ съ своими камердинерами и засталъ царя, лежавшимъ въ постели, закрытымъ подушками. Смерть царя князь отнесъ не къ естественной, а къ насильственной, чѣмъ сразу вызвалъ весьма многія возраженія. Доказывали, что царь давно страдалъ головной болью; другіе говорили, что онъ любилъ драться на шпагѣ, и какъ не былъ ловокъ въ этомъ искусствѣ, случайно былъ пораженъ. До самого свѣта продолжался объ этомъ довольно бурный споръ, вотъ—вотъ доходившій было до боевой схватки; но князю все таки удалось доказать, что царь сначала былъ удушенъ въ постели, а послѣ уже нанесена была ему кинжаломъ рана.

Въ первые годы царствованія Александра 1-го, кн. Куракинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ предался разгульной жизни: окружилъ себя интимными связями сразу съ нѣсколькими особами, между которыми была дочь одного какого-то довольно знатнаго французскаго вельможи. Послѣдняя имѣла большее другихъ право на князя, но, не смотря на заискиванія съ ея стороны и наконецъ предложеніе жениться на ней, въ виду двухъ дѣтей, князь всячески уклонялся отъ этого, щедро одаривая ее подарками и золотыми. Не долго продолжалась такая любовь,—князь, противъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ въ этой женщинѣ весьма устойчиваго противника. Однажды князь былъ приглашенъ на балъ, гдѣ, въ кругу своихъ знакомыхъ, пришлось проводить ему время въ карточной игрѣ на деньги; никогда не случалось князю такъ проигрывать, какъ теперь,—вмѣсто денегъ кн. обратился къ письменнымъ обязательствамъ, а послѣ,—видя совершенную свою неудачу, оставилъ игру, хотя и вызвалъ тѣмъ нѣкоторыхъ на пререканіе. Послѣ такого неожиданнаго проигрыша, французженка не промедлила воспользоваться случаемъ—заявить ему въ лицѣ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ сановныхъ особъ, что она, въ силу своего знатнаго происхожденія, не позволить больше торговать собой и тутъ же потребовала отъ него дать подписку въ томъ, чтобы

онъ, прежде чѣмъ женился на ней, обезпечилъ ее и двухъ дѣтей половиннымъ своимъ состояніемъ въ суммѣ одного милліона и ста тысячъ. Чувствуя себя въ безвыходномъ положеніи и видя, что все это окружающее его собраніе было приготовлено для него съ заранѣ обдуманной цѣлью, князь рѣшилъ—что можетъ быть наказанъ за противорѣчіе не такъ закономъ, какъ кулачной расправой и согласился на все то, что отъ него требовали. Лишнихъ денегъ у себя князь не имѣлъ, такъ какъ крестьянскихъ оброковъ едва хватало ему на кутежи и карточную игру. Понадобившійся капиталъ въ суммѣ 1.100,000 р. заимообразно былъ взятъ княземъ въ Петербургскомъ государственномъ золотомъ банкѣ; пришлось вспомнить про дарованную Петромъ I-мъ дачу и заложить ее въ банкъ. Князь не забывалъ крестьянъ своей украинской дачи и, чтобы оставить о себѣ добрую память, предложилъ чрезъ управляющаго: „если народъ согласенъ будетъ внести состоящій за нимъ долгъ въ государственномъ банкѣ къ извѣстному сроку (чрезъ Воронежскую палату), то тогда лишь только могутъ получить отъ него вѣчную свободу и землю съ званіемъ вольныхъ или свободныхъ хлѣбопашцевъ“. Бывшіе тогда съ княземъ, въ Парижѣ, его камердинеры начали замѣчать усиливающееся критическое положеніе князя и предались грустной думѣ, находя что незавидная ихъ рабская жизнь не можетъ улучшиться, между тѣмъ какъ для хлѣбопашцевъ—ихъ однокашниковъ, отцовъ и братьевъ уже былъ назначенъ выкупъ. На вольный отпускъ они ужъ не надѣялись и, подстрекаемые проститутками, задумали устроить бунтъ. Они самовольно оставили князя и отправились съ дѣвками гулять по Парижу, предаваясь пьянству и другимъ вольностямъ. Возмущеніе камердинеровъ такъ подѣйствовало на князя, что онъ три дня проболѣлъ и ничего не рѣшался принимать себѣ въ пищу. Нѣкоторые камердинеры съ челобитною возвратились къ князю, остальнымъ—невозвратившимся, князь обѣщалъ прощеніе и всякія милости, желая тѣмъ вызвать къ себѣ преданность и возстановить прежнія отношенія. „Нѣтъ, батюшка, изъ лѣса въ лѣсъ не ходятъ по дрова“—отвѣчали прежніе крѣпаки и готовы были поднести князю переполненную чару съ ядомъ за его „милости“ къ своему мнимо-свободному разно-

шерстому наброду.—Князю пришлось одновременно испытывать на себѣ ревность и месть.—Однажды, рассказываютъ потомки одного изъ камердинеровъ, князь былъ въ театрѣ, который условлено было поджечь; пользуясь суетой, предполагали подвергнуть всесоженію и князя. Замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе, князь, сильно обожженный, вынужденъ былъ возвратиться на родину.

Нѣкоторые говорятъ, что театромъ называли камердинеры мѣсто особаго рода княжескаго гулянья въ обществѣ двухъ, трехъ дамъ или нѣсколькихъ дѣвушекъ, разодѣтыхъ, въ полуадамовскіе костюмы, гдѣ пили, ѣли и веселись до упада. Во время происшествія, никакого театральнаго представленія собственно не было, и случилось все это въ частномъ домѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: поступки князя такъ возмутительны были по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, что онъ нажилъ себѣ очень много враговъ и одна партія недоброжелателей прежде всего задумала возмутить противъ князя его камердинеровъ, что и удалось достигнуть имъ безъ особаго труда; за исключеніемъ немногихъ, камердинеры оставили князя, угрожая ему всевозможной местью. Спустя двѣ-три недѣли послѣ заговора-бунта камердинеровъ, къ князю пріѣхали двѣ дамы изъ вельможныхъ, съ которыми онъ очень часто уѣзжалъ, возвращаясь на разсвѣтъ, и убѣдительно просили его поѣхать съ ними вмѣстѣ въ приготовленный ими театръ. Сначала князь почему-то отказался, но потомъ далъ слово пріѣхать одинъ черезъ 2—3 часа, если будутъ за нимъ присланы лошади. Въ назначенное время лошади были доставлены, и князь уѣхалъ въ закрытомъ экипажѣ, а къ разсвѣту привезли его полумертвымъ, говоря, что русскій посланникъ гдѣ-то на пожарѣ обжогся изъ желанія кого-то спасти. На самомъ дѣлѣ—впослѣдствіи выяснилось, что роль фореитора, лакея и кучера исполняли замаскированные его бывшіе камердинеры, которые, схвативъ жертву, мчали съ нею на край города, гдѣ приготовленъ былъ для него „театръ мести“. У крыльца двѣ дамы взяли его подъ руки и скрылись. Спустя нѣсколько времени, когда уже князь лежалъ, отдыхая въ опьяненіи, домъ былъ зажженъ со всѣхъ концовъ; двери и окна были забиты. Замыселъ злодѣевъ удался бы, если бы

во время не подоспѣла пожарная команда. Князь отбилъ окно и выпрыгнулъ, получивъ значительные ушибы и ожоги, требовавшіе немедленнаго его возвращенія на родину. По возвращеніи на родину князю не долго пришлось лѣчиться, пользуясь въ Петербургѣ и на теплыхъ водахъ; онъ скоро почувствовалъ приближеніе смерти и заблаговременно написалъ о томъ, какъ должны распорядиться послѣ его смерти имѣніемъ, находящимся въ с. Надежинѣ Сердобскаго у. Это духовное завѣщаніе князя было напечатано отдѣльной книжкой съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ, свидѣтельствующихъ о заботѣ князя о ближнихъ. Гораздо позже, уже послѣ смерти князя, Бѣло-Куракинская община получила отъ управляющаго за подписью нѣсколькихъ лицъ владѣтельный актъ и планъ земельныхъ угодій на р. Бѣлой и Козинкѣ. Князь оставилъ крестьянамъ въ подарокъ зарѣчный садъ и домъ съ флигелемъ и подваломъ; кромѣ этого 10 вѣтряныхъ мельницъ и двѣ водяныхъ: одну на р. Бѣлой, а другую на р. Козинкѣ, питьевой каменный домъ и три небольшіе домика.

Кое-что изъ прошлаго будетъ сообщено еще въ разсказахъ о разбойникахъ, а теперь сообщу—почему такъ или иначе названы нѣкоторыя поселенія, образовавшіяся на земляхъ князя Куракина.

Заводянна, Павловской волости, получила названіе, говоритъ народъ, отъ того, что тамъ были княжескіе заводы—конный и водочный. Лошадей обѣзжали князю калмыки. Пугачивна, тоже Павл. волости, получила свое названіе отъ поселившихся тамъ выходцевъ по фамиліи „Пугачи“. Пугачане отличались разбойничествомъ и воровствомъ. Танюшевка получила свое названіе отъ того, что тамъ первой была поселена княземъ его танцюра „Танька“. Лизинъ имѣетъ названіе отъ выселившейся туда танцюры „Лизки“. Говорятъ также, что тамъ первыми были поселены Черниговскіе казаки „Лизенки“. Лубянка получила свое названіе по слѣдующему обстоятельству: стояла тамъ княжеская вѣтряная мельница, покрытая сверху и обитая по бокамъ лубьями. Отправляясь молотъ спрашивали: „Куда везти, до лубяной или водяной?“—„До лубянки!“

Гл. 2-я.

Населеніе и говоръ.—Пословицы.—Загадки и скороговорки.

Число жителей въ слободѣ состоитъ, по справкѣ въ волостномъ правленіи, изъ 3,186—м. п. и 3,210—ж. п. Наружный видъ жители имѣютъ слѣдующій: ростъ высокій, изрѣдка переходящій въ средній; волосы темные и русые; глаза сѣрые, свѣтло-карие и очень рѣдко карые; носъ длинный прямой съ небольшимъ процентомъ горбоносыхъ; лицо въ перемежку круглое съ продолговатымъ; въ корпусѣ плотны, костисты, статны и въ общемъ—собой не дурны. Отчасти обнаруживаются въ средѣ ихъ слѣды вліянія инородческой примѣси,—такъ, напр., здѣсь можно отыскать типъ татарина; съ выдавшимися скулами и кривыми ногами калмыка, башкирца и другой примѣси. Женщины съ черными бровями, имѣютъ большое во всемъ сходство съ мужчинами. Какъ мужчины, также и въ особенности женщины обладаютъ пріятнымъ звонкимъ голосомъ; любители пѣнія, музыки и всякаго рода веселія. Въ области физическаго труда и мысли отличаются изрядной лѣнью и косностью; жизнь свою проводятъ безпечно и больше въ домосѣдствѣ, питая себя надеждами на будущее: „Нэхай, мовъ, що Богъ дасть, то й будэ“. „Що було, бачылы, що будэ, побачымо“. „Бильшь копъ лѣха не будэ“.—Говорятъ всѣ твердымъ малороссійскимъ языкомъ; но замѣтны и слѣды вліянія литературнаго языка у лицъ, говоръ которыхъ представляетъ, по мѣстному выраженію, ни то, ни сѣ—„деревертней“. Къ особенностямъ тако-го мѣстнаго говора можно отнести то, что онъ ведется ими отрывисто, съ растяжкой—„пѣвагомъ“, мѣняясь часто въ словообразованіи, употребляя вмѣсто: е—ы; а—о и наоборотъ: о—а, напр., —„гарячый“, „гарячэ“ и „горячэ“, „хазайейнѣ“ и „хозяйейнѣ“; вмѣсто о—у: „въ субѳрі“, „въ сумѳрі“ и „въ сомѳрі“, „тупѳла“ и „топѳла“ и проч. Прилагаемые при семъ мѣстные слова, реченія, поговорки и загадки весьма могутъ дать матеріалъ и основаніе для характеристики языка мѣстныхъ жителей съ его словообразованіемъ и произношеніемъ словъ.

Пословицы. Въ торгѣ два дѣрня: одинъ продаѣ, другой купѣ. Якъ не живѣшь, а дѣрнемъ помрѣшь. Мѣртва усї хорѳи,—

гáрни. Сты́лько (скы́лко) не живи́, а умерáть трéба. Не почу́хавши й пры́щ не наряды́цьця. До биды́ ще трй́ дни. Пийш-лось сиромáси (бидáзи, бидолáзи) крúто ўзломъ до ўзла. Сымъ бидъ, одынъ одвйтъ. Не нагрівши мисьця, не всидышъ. Не на те козакъ пьё, що въ кишéни йе, а на те, що бóде. Шы́ла (у) въ мишкú не втайишъ. Хто бильшъ мовчйтъ, той двохъ навчйтъ. Меньшъ балакай, та бильше хлйба ййжъ. Горá зъ горóю не сходы́цьця, а чоловікъ зъ чоловікомъ повсигдá. Чый вйнъ, а нашъ сёрицьця. Пóки сонце зийде, то росá й óчи вийишъ. Грóши не свий братъ. У когò грóши той и хорóший. Свáтана дівка скрйзь гáрна. Чужй́ рúки безъ приглядку (дóглядку) мýки. За хорóшимъ чоловікомъ и свй́нка господы́нка, а за лыхимъ и лéбидь казна-що. Свй́ сво́ему по невóли братъ. Свй́ сво́ему óка не вы́коле. Свй́ сво́ему черезъ тынъ не плóне. Рукá рúку мые, щóбъ бй́ла булá. Де нáше не пропадало. Винъ такй́й стáвъ, шò й черезъ гýбу не плóне. Якъ мáешъ шо втайíti, мовчй́ жй́ньци. Шо жй́ньци сказáвъ, почитáй, шо й всёму́ селý. Хто жй́нку слýха, та правду́ ййй кáже, той недóбрый чоловікъ. Сердй́та жй́нка страшнийá чòрта. Якъ мáешъ кутòкъ, живй́ потыхёнъку, та ййжъ мóвчки кусòкъ. Де пáнь, тамъ и пидпáнки. Не такъ паны́, якъ паненя́та. Не то вòрь, шо краде, я то, шо приймае. Мой́ хáта зъ кра́ю, ничòго ни знáю. Нá тобй́, небóже, шо минй́ негòже. Однá головá не биднá. Ожй́нывся тай́ зажуры́вся. Хто не жй́нывся, той й не журы́вся. Хто зъ мóлоду не дурй́въ, той на стáристь дóйде. Ожй́нывся, якъ зновъ на свй́тъ народй́вся. При злы́дняхъ та щей́ зъ пёрцемъ. Хто новй́нки не видáвъ, той и вётоши радъ. Вилькá хвигу́ра, та ду́ра. На злóдию ша́пка горы́ть. На про́шеного гóс-тя багáто кóшту. Горы́ть, якъ мёртвый дй́вицьця. Паны́ бью́цьця, а въ мужыкй́въ (пидчинённыхъ) чубй́ булять. Чужими́ ру-кáми тй́ко жаръ загры́баты. Круты́сь, ни круты́сь, якъ бёзъ чòго ныльзя́, такъ ныльзя́ обийты́ся. Хочъ такъ,—крúть, хòчь такъ,—вёрть. Хòчь крúть—вёрть, хòчь вёрть—крúть. Це всё равно́, шо въ лóбъ, шо пó лобу́. Два бьёцьця, трётий не мишáй. Крúте—й—вёрте, а трéба вмерты́. Яръ не долы́на, чу-жá—не свой́ диты́на. У гуртй́ й каша лóчче ййсьцьця. Въ гур-тй́ широкий, а на самотй́ ныщó. У дво́хъ й бáтька гáрно бы-

ты. На лй́чиний шы́капы́ни (коны́ни, лошады́ни) ни дй́вго ййзди-тимешъ. Чужй́й кй́нь не óхне, поганый́, не здохне. Чужё́ лй́хо за сáхаръ. Гáрно (мнй́ко) й стéле, та мýльно спáть. Корóва чи бóде тельцьця, а винъ стойти́ть ужё́ зъ дóвбнёю. Тилá чи бóде, а винъ зъ дóвбнёю. Пóки Хомá зберёцьця, бу́аре й медъ попью́ть. Якё корй́ньня, такё й насй́ньня. Вй́дно Ку́лину, шо пырогй́ пеклá, й ворóта въ кй́сьти. Умна́ жонá, якъ бóчка пшонá, а двй́ сáла, то й ду́ракъ такъ кáши навáре, а якъ же пшонò въ ўзлй́, то й умъ ззадй́. Сымъ гòдь мáкъ не родй́въ, та й гòлоду не робй́въ. Ни булòбъ снй́жу, ни булòбъ й слй́ду. Братъ твй́й, а рáзумъ свй́й. Не булò на мóлоцй́, не бóде й на сирóвацьци. Вйнъ зо мнóю, якъ ры́ба зъ водо́ю: ры́ба на днò, а вйнъ въ добрò. Гусъ свй́нй́ не товáрищъ. Якъ не коваль, то й клищей́ не погáнь. Мотáецьця, якъ шей́ма на бичóвци. Хомá купй́въ, Хомá й пьё. Зá шо ку-пй́въ, за тé й продаю́. Оравъ чòртъ вóвкомъ, та ййвъ хлй́бъ. Не однá собáка блы́ньцй́ пеклá. Яръ не крúча, дилòвъ не кúча. Пúзо не дзёркало, чймъ ни напхны́, ни вй́дно: хочъ клóч-ча, та вóвна, а бы кы́шка пóвна. Оры́, мелы́ й ййжъ. Шы́ты й билй́ты, й зáвтра велй́кдень. Не святй́ горшкй́ лй́плять. Шо вбй́въ, то й вьй́хавъ. Ды́рявого мишкá не напòвнишъ. Дивй́сь въ óба, шóбъ не вй́лизлы зъ лóба. Не тодй́ собáкъ годю́ть, якъ на охóту йдóть. Пóки свáльба скóйицьця, а вонò й загóбицьця. Нáйде (знáйде) свáльба сорóчку. Щòть дру́жбы не тирáе. Длй́ (блй́) мй́лого дру́жка й серёжка зъ ушкá. Прийшлось чирвякú разъ на вй́ку, та й то не такъ, якъ трéба. Чòго надýвся, якъ мы́ша на крупú. Скры́вй́вся, якъ середá на пýятныцю. Повй́сывъ мóр-ду, якъ свй́нй́ ры́ло. Нехáй (хáй) кобы́ла дýма: у не́и здоро́ва головá. Навчй́ть лй́хо коржй́ зъ сáломъ ййсты. Тодй́ скажешъ: гòпъ (гòць), якъ вы́сочишъ. Воны́ обй́и рябóйи. Хочъ рúчка въ гно́йкú, такъ дýшка въ лойкú. Мёртвóго зъ грóбу не вертáють. Скачй́, вра́же, якъ пáнь кáже: на те вйнъ багáтый. Найшòвъ (знайшовъ) де римй́ньцй́ рожжй́цьця, де собáки й лы́ка пой́или (лы́ко зй́или). Плй́тьтю не перешибешъ обóуха. На догáдь бу́рякй́въ, шóбъ далй́ капýсты. Дýмають тй́льки (тй́ки) однй́ индй́ки, та лóды дй́ки. И гáрни й кнй́шй́ та минй́ не по душй́. Молодёць промй́жъ овёць, а на мóлодця́—й сáмъ вивця́. Засмй́ялась вёрша зъ болóта, ажъ дй́вицьця: й сáмá въ болóти. Мовчй́, глухá, мёнъче грихá.

Хлібъ—сіль вмѣсти, а табачокъ врѣзь. Богу молись, тай чорта не гнивь. Не то черви, шо мы йимѣ, а то, шо насъ будуть йїсты. Худо безъ добра не живѣ. Мовчй—та дїшъ, то й буде кнїшъ. Моїмъ саломъ, та по мойхъ же й губахъ. Договори́всь, якъ домолоти́всь. Договори́ць—брати́ць. Шо коту, то й попу. Беруть римишкѣмы, а оддають личкомъ. Не пидпалы й не буде й горїты. И камень на огни трїскаецьця. Запывъ все равнѣ, якъ ворѣта забывъ. Возьмешъ личкомъ, а оддаешъ реминцемъ. Ни кѣжи, ни рѣжи—якъ пїпъ въ рогѣжи. Промїжъ діломъ, не безъ безділля. Дума толкомъ, а вїе вѣвкомъ. Выля, якъ лисїчий хвїстъ. Выляй, не выляй, а подати дай. Було діло,—поминай, якъ звали. Сїмъ бїдъ одїнъ одвїтъ. Була не була,—повїдалася. Чїй бъ казала, а твоя бъ й мовчала. Мелї та не промѣлуйся. Лѣве вѣвкъ, та й вѣвкѣ якъ пїймають... Ни на щѣ й щука въ мѣри, щѣбъ карась не дримавъ. Хто на мѣри не бувавъ, той и гѣря не выдѣвъ. Хто на мѣри не бувавъ, той не вміе й Богу молющїця—(бѣтька й мѣтирь не згадавъ). Скрїзь зѣлото слѣзы лїлющїця. Скїлько (стїки) вѣвкѣ не годуй, а вїнъ все въ лїсѣ дївыщїця (зазирає). Робы добрѣ, добрѣ й буде. Не зивай: на те ярмарка. Одинадцѣята заповидь:—не зивай. Чужѣ хѣта—хуже кѣта. Бирѣ на глѣзы, мовъ, въ ти рѣтузы; якъ вѣзьме й въ шѣры,—кинѣць вѣли. Примостївсь, якъ сорѣка на тернїни. Хто вкрѣвъ, тому Богъ давъ (того Богъ унїсъ). Вѣрови одна дѣрѣга, а тобї чѣтыри. Ни далѣко й яблужко отко́тылося одъ яблуньки. Якї сѣми, такї й сѣни. По Хомї й шѣпка. Вїдно й по кулю, щѣ чѣтверть. Грѣши діло наживнѣ. Не тривѣжъ (не рѣшъ) собѣкъ, то й не будуть гѣвкаты. Не ворѣшъ г...а, вѣнѣ й не вунѣтыме. Попадѣ правду, тай брѣше. На головї блистѣть, а въ головї свистѣть. Помѣзали, якъ мѣдомъ по губахъ. Въ однїмъ кармѣни вѣшъ на аркѣни, въ другїмъ,—блѣхѣ на цѣпї. Бувало—зривало, тепѣрь перестѣло. Якъ Богъ дѣсѣть, такъ и въ вїкнѣ подѣсѣть. Не тїко свїту, щѣ въ вїкни: за вїкнѣмъ ще бїльше. Щѣ Богъ не дїла, то все къ лѣччому. Всѣкъ Яремїй про сѣбе розумїй. Жѣдна вывѣця за своѣ нѣгу вїсе. Жѣднїй кулѣкъ своѣ болѣто хвалѣ. Кулѣкъ кулѣкѣ бѣче здалѣка. Скрїзь гѣрно, де насъ немѣ. Мелї Мїля: твоя недїля. Въ сїмѣи не бѣзъ вїродку. Мїра—вїра, мїшѣкъ—дуракъ. Одна смѣрть усїхъ ривнѣ. Бувъ кїнь та зѣвѣз-

дывсь. Баба багѣта, якъ сорѣчокъ багѣла. Нашѣ гѣрнїця зѣ Богомъ не спорнїця. Якъ прїйде мѣй, то хлїба дѣай, бо прїйде юнѣ,—хѣщъ плѣнѣ. Прывїкла собѣка за вѣзомъ бїгаты, та й за сѣнѣмї не вѣрпѣ. Якъ рѣчка зрѣбе, такъ тїльце й знѣсе. Терпї душа: въ раѣ будешъ. Изъ хѣма не буде пѣна. У кружкѣ не бїзъ душкѣ. Дѣй, Бѣже, нашѣму телѣти вѣвка въ зѣбы пїймаѣты. Тѣнѣко прѣсты, дѣвѣ жѣдѣти. Вѣду варї, вѣдѣ й буде,—а вкїнь пшѣна, кѣша буде. Булї бѣ свїни, а корѣто буде. Булї бѣ побрѣзкѣти, а послѣхѣти будуть. На зѣговнѣи й у гѣрѣбѣи пѣво. Булѣ бѣ сїно, кѣзы будуть. Не дѣвъ Бѣгъ жѣби хвѣста, щѣбъ травѣ не толѣчила. За дурнѣю головѣю, тай ногѣмъ немѣ спѣкою. Пѣки хвалѣкѣ нахвалѣщїця, такъ нашъ бутѣкѣ набутѣщїця. Дѣ бѣ ворѣни не лїтѣты, йїй однѣ клѣватѣты. Чужѣ вѣша не залїзе, и своѣ не заплѣдѣщїця. Кѣтрѣни голубѣи вѣведѣть у купѣи. Чужїй двїръ не свїй,—обрѣшѣвъ тай въ другїй. Язѣченѣко во мѣнї, лѣхо рѣбе мїнї. Полюбїла Хѣря Мѣрю, щѣ й на ѣлицѣ стѣдно. Гѣдили попѣ, а пїпъ, якъ ягѣда. Вїдно попѣ й у жу-пѣни. Пїлѣ бѣ и лѣдѣще, якъ бы булѣ за щѣ. Хто не бувъ малїмъ, той не бувъ и дурнїмъ. И чѣртъ въ болѣти плаче, щѣ мѣды не настѣче. Не родѣсь вѣрѣлївїй, а родѣсь щѣслївїй. У кѣго одна, та дѣли немѣ, а въ кѣго сїмъ, тай щѣсѣтя всїмъ. Здорѣвїй дубъ, та душнѣастїй. Смїшкѣ зѣ чужѣи кїшки, а якъ своѣ здѣхнѣ, тѣ й заплѣчешъ. Дѣ щѣ загѣбѣшъ, тамъ опѣять и шѣкай. Одѣ чѣго захворѣвъ, тїмъ и лїчїсь. Якъ въ двѣдцѣть лїтъ умѣнитъ, тѣ й вїкъ ѣгѣ не буде. Не годуй мѣнѣ тїмъ, чѣгѣ я не йїмъ. И сѣчка своїхъ дїтѣй не кусѣе. За царѣи йїли полѣнїцы, а за царѣ не достѣнѣщїця й сѣхарѣ. Лїхѣ йскѣра пѣле зпѣле и самѣ згїнѣ. Цѣй вїкъ якъ мѣкѣвъ цвїтъ; та не такъ цѣму вїку, якъ цвїту. Не вїрь чужїмъ рїчѣмъ, а вїрь своїмъ очѣмъ. Якъ сїротѣ плаче, то й нїхтѣ и не бѣче, а якъ посѣкаче, тѣ й всѣкъ побѣче. Булї нѣви, стѣлы ярѣ, та облѣги; булѣ колѣсь, друзїи прїѣтели, тепѣрь стѣлы вѣрагѣ, та вѣрогѣ. На лѣсѣй кусѣкъ найдѣщїця кутѣкъ. Не бойїщїця вѣвкъ кѣзы, та згїи. Своѣ вѣля пѣще невѣли. Богѣтому и въ пѣкли пѣчѣсть вѣздають. Дѣрогѣ и дѣнежка во вѣрѣмнѣ скѣднѣсты. Очкурнѣ голѣпѣпенку рїднѣ. Не буде Гѣля, буде другѣя. Зкѣштѣвала бѣба пѣтри, щѣ ажъ самѣ напѣтриласѣ. Хватївъ гѣрѣчѣго до слїзъ. Хѣщъ плѣнѣ, та й свѣснѣ. Ожѣ-

нйцьця не напасьть, такъ якъ бы, оженёмше, не пропасть. Комусь сняцьця кислйци, та не зна передъ чймъ. Первого купця не цурайсь. Не попускай зъ мѳлоду вйжокъ жйньци, то й небуде на старисьть брикацьця. Матузкомъ (матузкою) хлибъ рйже, а панство наблюдае (а по паньськѳму чхае). Кругѳмъ гѳре, хочъ у бутылку лйзь. Хочъ вѳвкъ, траву ййжъ. Тѳмно, якъ у цыгана пидъ мйшкою. Переступы бѳють и недоступы бѳють. За вкѳсъ не берѳсь, а горяче (гараздъ) состряпаю. Собака брѳше тай брѳше, а барынъ все ййде собѳй тай ййде. Винъ бы поййхавъ, такъ тпрука мѳку зъйла. Не ййжъ менѳ, сйрий вовче. Хочъ ракъ-рыба, то дуракъ-кандыба, хочъ рыба-ракъ, то кандыба дуракъ. Пишло дѳло, якъ вйзь пидъ вагѳю. Эй, це нашъ братъ Савка. Одѳнъ томѳу часть, шо маты вѳ плѳхти. Горѳлку пйй, та бережи, умѳ не пропйй. Пйть-пйй, а дѳльце помны. Не рады пйва, а рады дйва. Зробѳвъ дѳдя, на себѳ глядя. Завязавъ свѳтъ собѳй й людѳмъ. Усймъ ни зпомѳжемъ, а себѳ розѳрышъ. Колѳ заложивъ шйю вѳ ярмѳ, такъ везѳ на ривнѳ зъ борозѳньнимъ. Менчуѳе, якъ цыганъ кйньмы. Богъ велѳтъ пополамъ дѳлыть. Сѳгодня Митѳта—ни дѳма, ни тѳта. Побрѳзкъ на выдѳу, якъ кабацький утоплѳнкъ. Валы на сйрого, сйрый повезѳ. Валы на вйнного кѳштъ. У горѳльци смѳку (цмѳку), якъ у мѳкивци маку. Ну, що мабудъ, схватѳвъ печѳного гарбуза?—Дай же, Боже, щобъ во здравнѳ ййлѳсь, пылѳсь, та дѳбре на свѳти жилѳсь, та по двѳри хѳййство велѳсь. Здрастуйте й вы, колѳ крѳщихъ немѳ. Ни тѳ, ни сѳ и ни кѳ-знѳ щѳ. Пышаецьця, якъ попѳвна на крѳстьнахъ. Живѳтъ,—ни слѳвы, ни пѳмѳяты. Лѳгче всѳго осудѳты чоловѳка. Хвалѳть тѳло однѳхъ мертвѳхъ. По нуждѳ и вѳ водѳ якъ по сухѳму. Нуждѳ мѳче, нуждѳ и ѳче. Нуждѳ й закѳнъ зминѳе. На свѳй аршйнъ не мйрай. Хто не стѳне пѳномъ, той не бѳде дарѳмъ. На звичѳй не потурай, а мирщѳй вѳ кипѳнѳу дбай. Пройшлы ти времйна, шо Богъ мйжъ людѳмъ. Була правда, та вмерла. Начны правду кохѳты, скусятъ трекляты. Бѳзъ умѳ зрѳбы, бѳзъ умѳ й бѳде. На всѳ трѳба сумѳру, та ума вѳ мѳру. Ни тико гѳре жѳре людѳй, а бйльше й людѳе самѳ себѳ жѳрятъ. Врѳмня такѳ, якъ и булѳ, та людѳе собѳки. Тепѳрь такѳ людѳе настѳли, шо зъ нѳми не проживѳшь;—та ни, вѳнѳ той мѳжно, та вже не такъ, якъ трѳба.

Ничѳмъ свѳнѳй вѳѳру не дывыцьця: у нѳйи рѳло замѳзане. Земля терпытъ, пѳки спѳтъ, якъ проснецьця, комѳсь учхнѳцьця. Сѳгодня всѳкъ бля себѳе, а бля тѳбѳе опѳсли. На те вѳнѳ й лѳхо, шо нййде тѳхо. Винъ и вѳ кулакъ собѳй не шѳпче (дѳе). Винъ собѳй тепѳрь зъ пѳдушкою не дѳма. Тепѳрь ййця старѳше й курѳй. Вѳжче всѳго нѳ свѳти Богѳу моляцьця, та старѳго бѳтька зъ мѳтирью годувѳты. При лѳхѳй годѳни прѳйшлось й бѳтька зъ мѳтирью згадѳты. Ты жѳдови плѳй у вѳйчи, а винъ кѳже: росѳ Бѳжа. У старинѳу шпенѳцю продавали та плугѳ купувѳлы, а тепѳрь плугѳ продаѳють та шпенѳцю купѳють. На бѳдного Макара все лѳхо обрѳшилось. Якъ пййдешъ ширѳкою дѳрѳгою,—ѳду не мынѳшь, а пййдешъ тиснѳю,—цѳрство знайдешъ. Перерѳбишь, дѳду, хливѳць тай достѳнешъ дрѳвѳць. Хотѳла бѳба вѳрви, та насылу й сама вѳрваласъ. Пустѳй, вѳрвусъ. Вйнъ самъ семерѳхъ послѳвъ, та й дѳси не вертаѳцьця. Катѳзи по заслѳзи. Не поладѳлы за мѳсляни вѳшкварки. Дурака и вѳ цѳркѳви бѳють. Тѳтъ булѳ вертѳлося, та не знѳю, де дѳлося. Тепѳрь не петрѳвка, по двѳйчи не кѳжуть. Бйцьця негодѳцьця, лѳяцьця грѳхъ,—а кусѳцьця мѳжно. Эге, вѳнѳ, бачъ, паньськѳго рѳду, та занехѳяне. Залѳзь у чайныкъ, тай пѳе самувѳрь. Я за вѳамы, а ты тутъ, забрѳлыся, та й сидѳшь. Де не ступѳла, тамъ и согришѳла. Хѳба якъ, хѳба що, хѳба грѳхъ, чи щѳ? Це на ѳго рѳку ковѳнька. Товчѳцьця, якъ Мѳрко вѳ пѳкли. У Бѳга все гѳтѳво. Всѳкому своѳ. Не бѳде,—бѳтько добѳде, не стѳне, маты достѳне. Бѳгъ терпѳвъ, та й намъ велѳвъ. Часѳ панѳмъ, шо живѳтъ даѳ намъ. Ни кладѳ заздалѳгидъ ѳмѳ пѳльцивъ у рѳтъ, або поодкѳсѳе. Ни бѳчиты свѳнѳй нѳба, хочъ кѳй колѳ й трѳба. Пйпъ—золотѳй снѳпъ. Мищѳнынъ—запаснѳй двѳрянѳнъ: якъ перевѳдѳцьця всѳ двѳряне, то ййхъ мѳсце зѳймутъ мищѳне. Ёмѳ добра желѳйешъ, вѳ тюрѳмѳ пхѳешъ (зъ крѳчы пхѳешъ), а вйнъ ще й спѳнѳчаецьця (супрѳтѳвыцьця). Ты ѳгѳ хрѳстѳй, а вйнъ—пустѳй. Не вѳсосавъ же я цѳгѳ зъ пѳльця. Дѳсѳявсѳ, доѳравсѳ, пѳки у мищѳне попѳвсѳ. Мищѳне, цыганѳе, та жѳиды, якъ десѳтый грѳхъ на душѳ. До нашѳго бѳрега ни шо дѳбре й не приплывѳ: колѳ ни кизѳкъ, такъ щѳпка. Зъ ѳго вѳйшовъ ни швѳецъ, ни мнѳць. Зверчѳвъ рябѳйи кобылы сѳнъ. Орѳе, пидслѳхала,—пидѳтъ, лѳшенъ, продзвѳнѳтъ. Не вздрѳти ѳмѳ намѳне, глядѳты,

якъ свині на небо. Скажи ляповци, скрізь разліпа. Зъ яру, та въ кручу. Ни втікь, ни догнавъ. Ни въ тинь, ни въ ворота. Емѹ такъ добре, якъ у Бога за пазухою (якъ у Бога за дверьми). Було діло, за ріжого Бога, на пирістихъ людей. Було діло за царя Панька, якъ була земля тонка, шо шільцемъ ткнешь, тай воды достанешь. За царя гороба було людей тріхи. Вінъ дума, шо це вже попавъ Бога за бороду. Віминявъ котѹ у мишкѹ. Молодчина, дати тобі два чина—дуракъ и дурачина, шей третєго половина. Якъ багатий вмере, такъ все село за нимъ иде, а якъ бідный вмере, такъ тїко пїпъ та дїкъ иде. Свій батько побєдє й пожалїе. Зарикалась свиня калу йїсты до сѹмойи смєрты. Баба зъ нєхотѹ й поросѹ зїйла. Попавъ тудѹ, де козамъ рогы правлять. Пропавъ ни за понюху табакѹ. Ганяють, якъ солонного зайця. Голь хитра, голь мудра, голь на вїдумкахъ зросла. Казавъ слипїй: побачимо. Слипомѹ не свїтять. Вондє такє нїжне, якъ слипомѹ дзеркало. Не Куліна й голосъ не йїйї. Мы й сѹми зъ вусѹми, тїко нїсъ не обрїсъ. Билобїця, якъ мазнїця; чернобрѹва, якъ сметѹна. Молодѹ, якъ у спѹсивку яглицѹ (ягода). Не журїсъ, шо вмерла жїнка: ще въ стади хѹде двї. Не всѹкому, якъ Якову. (Не всѹково-яково). Пїяницы й капля дорога. Немѹ сѹла, самѹ кїстка. Не бїйсѹ тиєн собѹки, шо гѹвка, а—шо зъ потїху хвата. Бѹде й квѹрты. Булї бѹ то мы хорѹши, то й бѹдуть грѹши. Згадалѹ баба дївири, шо добрый бѹвъ. Громада—великий чоловїкъ. Чоловїкъ и не собѹка, а брєше. Всє бѹ ничѹго, та киньцї зъ киньцѹми не схѹдяцѹця. Дуракъ дуракѹмъ о вїки викѹмъ. Зъ чїмъ у колїску зъ тїмъ и въ мугїлку. Копѹецѹця, якъ жѹкъ въ г...й. Зъ єго такїй судїѹ, якъ зъ г...ѹ пїля. Нагадавъ козї смєрть, а вона хѹде тай шѹсѹ тай шѹсѹ. Спїть сова, а кѹрей бѹче. Гарный, якъ свиня въ дѹщѹ. Сїмъ гѹдъ не видѹлись, повстрїчѹлись и говорїть нїчого. Заплачѹ, Матвїйку, дамъ копїйку. Позелєнївъ, якъ жаба въ петрївку. Оттакє лїхо,—хѹчѹ таньцѹй. Казѹло лїхо:—не бѹде добра. Якъ встрїнишѹ сирѹтїну, такъ заховѹй пїдѹ тїномъ. Кѹме, кѹме, дурноѹме, за сїмъ мїль пїва пїты. Шо зъ вѹзу впѹло,—крычї: пропѹло. Богъ не бєзъ мїлости, козакъ не бєзъ щѹсѹты. Зъ пїсьни слѹва не выкидають. На двѹ кускѹ польстїсѹся, ни ѹдного не ззисѹ. Купївъ дїѹ, на сєбе глѹѹ.

Вѹлю зробївъ, тай сєбє погубївъ. Свѹй вѹля хѹже невѹли. Стрїльба бєзъ дїму не живє. За сирѹтѹю й Богъ зъ калытѹю. Судѹ до добра не призведѹть. Судѹмъ дѹтягѹвсѹ, пѹки очкѹрѹ порѹвсѹ. Москаль скїлько не йїзде, а все дѹрогѹ пїтѹ. Мїмо рѹта лѹжки не пронесє. Колѹ не пѹнъ, то й не чѹвѹсѹся. Чѹвѹнецѹця, якъ сѹчка въ чѹвнї. Богъ шєльмѹ мїте. Дѹй, Бѹже, щѹбъ усє було гѹже, а шо негѹже, то не дѹй, Бѹже. Гѹпка свїни пасє, и вїдтыль вїтеръ несє. Кѹва головѹю, якъ кобїла въ спѹсивку. Набрѹвсѹ, якъ май грѹшъ. Ты накажєшъ, шѹ й на вербї грѹши ростѹть. Боїцѹця, якъ чѹртъ лѹдану. Вїпємъ, щѹбъ домѹшнї не журїлысѹ. Хѹчѹ пїть—умєратъ, хѹчѹ не пїть умєратъ. Пїй на цїмъ свїтї, бо на тїмъ не дадѹть. Такїй мїрзєнїй, шо й соплякѹмъ (выскрякѹмъ) убїты мѹжно. И дєнежки єсть, та не про вѹшу чєсть. Пропѹло дїдово трїпѹло. У мѹгѹ свѹта ще въ кишєни тїлїпѹецѹця. Пѹйхавъ сто цїлковѹхъ на полтїну мїнѹти. (Охѹтникъ—коня на зайця). Пивѹра нещѹсѹты. Блѹ доброго дїла не грїхъ и вкрѹсты. Прилїпъ, та й бѹецѹця, якъ собѹчїй кѹвтунъ. У гѹбы цїлѹе, а въ пѹзусї каминїѹку дєрже. Тепєрь лѹды такї, шо й нѹшимъ й вѹшимъ. Якъ лытѹвський цїпъ. Обчѹхрѹлась мїчка, шо й лѹчка не стѹе. Дурнїхъ ни сїѹть, ни оріѹть,—вонї самї рѹдяцѹця. Живє, якъ былїна въ пѹли. Нѹсѹпило єго чѹрною хмѹрою. Колїсѹ зарѹблѹли, та въ кѹчки склѹдали, а тепєрь зарѹблѹють, та дїтокъ квїчають. Не йїжѹ менє, сїрїй вѹвчє. Прѹщѹй, душѹ, потѹпъ идє! (Тѹстъ передъ выпивкѹю). Не живєшъ, а доживѹєшъ—пѹпустѹ свїй вїкъ колѹтаєшъ. Хѹто чїмъ собї дѹба: купєць—тѹргомы, пїпъ—гѹрломъ, а мужикъ—гѹрбѹмъ. Вылѹе, якъ кѹцѹй быкъ по зѹгороди. Грѹши всїмъ дїломъ правлять. Рѹстѹвївъ рѹки, якъ шѹлика крїла. Зъ довгѹми рѹкамѹ пїдѹ цєркѹву. Разхрїюкавсѹ, якъ свиня въ дѹщѹ. Вїгляда, якъ сирѹкѹ зъ кублѹ. Дождѹ, якъ вїль обѹха. Це дїло свїтовє. Ни то грїхъ, шо въ устѹ, а то, шо зъ ѹстѹ. Мы сѹмы семєрїхъ послѹлы та й дѹси не вертѹѹцѹця. Свѹй такї брєхнѹ давнѹ зъ процєнтївѹ хѹде. Бєзъ нѹжа рїже. Тєлєнь, тєлєнь—трї копїйки. Пѹки знѹву сїччикъ на кїлѹчку. Дївїна, якъ нова копїйка. Всѹкъ свѹє собї на умї. Вїрнїшъ попѹвои душї. Пїслѹ скоблѹ тѹпорѹмъ. Такїй зїидїмїй, якъ гарбѹзѹча ѹгѹдына. Такїй нїжнїй, якъ пѹятє колєсо до вѹза. Чѹвъ я цє щє въ лїху сєредѹ. Пїшѹвъ скрізь свїтъ за

очіма. Рябѣи (билои) кобылы сонъ. Набалакавъ сѣмъ мишкѣвъ гричаюи вѣвны. Якъ нема кебѣты, то й низъ плѣщешъ. Якъ нема хѣсту, то й не вкрадешъ. Тѣко очѣ несѣти. Нѣсѣщѣя, якъ дѣренъ зъ стѣпою. Егѣ й вѣ стѣпи не пѣймаешъ. Затѣлѣсуваѣсь, куда й голова не лѣзе. Ну, якъ бы вамъ, примѣромъ, сказати:—воно то такъ, то й такъ, та й не такъ, вѣхѣде ѣнѣякъ. Оно ще й такъ, що до чѣго трапѣщѣя. Грѣши не Богъ, а мѣлуютъ—посѣбляють. До Мѣколи ни сѣяты грѣчки, ни стрѣгты овѣчки (вѣснѣяный Мѣкола). Бутъ бычкѣ на обрѣвочку, а тѣлѣчки на лѣчку,—трахъ половѣночку;—а що?! Бѣдѣте здѣровѣи, якъ сѣри корѣвы. А то такѣ таки—таки, а то такѣ такъ—такѣ. Гѣсти моѣ мѣли, гѣсти моѣ лѣубѣи, якѣ-жѣ бо вѣ й пѣяни, що минѣ жѣ васѣ и не вѣдно. Тѣко й роду, шо Хѣмка. Жѣтъ бы та Бѣга хвалѣтъ. Сѣмъ лѣтъ не пѣла бѣба, а похмѣляласѣ до самоѣ смѣрты. Прѣйдещѣя у сѣрка очѣи позѣчѣты. Дѣякъ тѣгне за хвѣстъ хвалѣ Бѣжу. Артѣха на пѣснѣмъ мѣсли. Чужѣи сѣмѣи не мѣшѣи, а своѣи порѣдокъ дѣи. Кѣбылу рѣзъ, а жѣнку двѣчи. На сѣлѣ мѣщѣнѣи, шо вѣ Петербѣрси двѣрянѣи. Мѣщѣне—сѣмъ дѣнѣ вѣ горшкѣ пѣщѣлы. Мѣщѣнѣи бѣзъ землѣи, шо цѣганѣ вѣ шатрѣи. Запѣли й не трѣсне. Мѣщѣне одѣ Сѣма, мужѣи одѣ Хѣма, а попѣ одѣ Ахвѣта. Бѣвъ кѣи, та зѣйздывсѣ. Пѣи пѣявко, напѣсѣсь, прѣйде порѣ—схаменѣсь. Ну, ще мѣлѣсти просѣмъ, по однѣи: одѣ попѣ зъ цѣркѣи, а одѣ попѣдѣ зъ хѣты (Такѣ прѣпѣрохуютъ прѣ вѣпѣвцѣи). Прѣзѣба мѣсце мѣе. „Сѣ волчѣимъ бѣлетомъ куда угодно зимѣи и лѣтомъ“. Свѣя хѣта—ѣма. Свѣя хѣта—пѣкрышка. По робѣти й дѣнежки вѣ рошѣтъ. На рѣбѣму хлѣбъ сѣютъ. Емѣ сѣишки, а тѣтъ пѣлѣать хѣщѣщѣя. Тѣдѣ докѣ-жѣшъ, якъ у мѣне на лѣдѣи вѣрѣсте вѣлѣсъ. Шо кому наравѣщѣщѣя: кому пѣпъ, кому попѣдѣ, а кому й панѣночка. Оно, бѣчъ, лѣдѣмѣи дѣщѣщѣя. Ни вѣсѣ зъ мѣкомъ, дѣбрѣ й такъ (дѣбрѣ й зъ такѣмъ). Дѣрогѣ свѣя голова. Вѣи богѣти—рогѣти. Дѣи, Бѣжѣ, шѣбъ усѣ бѣло гѣжѣ. Дѣи, Бѣжѣ, бѣгатѣты, та зпѣреди горбѣтитѣ. Дѣбрѣ й пѣты, якъ мѣешъ гѣдѣты. Ни тѣлько вѣсѣ тѣ пѣшутъ, шо е. Одѣ дѣрѣвѣхъ вѣрѣтъ кругѣмъ повѣрѣтъ. Очѣи завѣсѣщѣи, руѣи загрѣбѣщѣи. Старѣи вѣлъ бѣрознѣи не спѣрте. Хѣщъ гѣлий, та вѣлнѣи. Казѣвъ слѣпѣи: побѣчѣмо. Свѣя хѣта не вѣрогѣ. Хто вѣиѣ охѣтыщѣя, такъ до тѣго й самѣ дѣвѣръ бѣжѣтъ. (На охѣтнѣи й дѣвѣръ бѣжѣтъ). Не вдругѣ

на гѣру. По трѣшки та зъ пѣпкою. Хто вѣннѣи за дѣлю, колѣи вѣна не такъ вѣдѣ Бѣга, якъ одѣ дѣбрѣхъ лѣдѣи. Емѣ шѣсѣ не пѣрѣливѣи. Повѣсѣлы замѣкъ нагѣбу. Хѣщъ вѣялова тѣлѣсъ. Прѣ злѣднѣхъ, та ще й зъ пѣрцѣмъ. Вѣнѣ у такѣмъ дѣли, якъ за копѣйку пѣдѣстѣтъ. Зъ ѣго дѣлѣщъ, якъ зъ г...ѣ пѣля. Якъ бѣлабѣйка бѣзъ стрѣнѣи, тѣи бѣлабѣйнѣкъ д...ѣи. Показѣвъ вѣнѣ емѣ вѣжѣ давнѣ дѣлю зъ кармѣна (зъ кѣшѣни). Пѣрѣмѣнѣа, якъ не своѣи. У цѣиѣи рѣхѣбы не вѣси дѣма, ще е й на пѣли. Цѣганѣу, якъ не вѣкрѣсты, то й зъ гѣлоду мѣжно пѣрѣпѣсты. Зъ грѣишѣмъ—купѣщъ, бѣзъ грѣишѣи мѣщѣнѣи. Прѣймѣтъ и мѣнѣ зъ сѣнѣимъ вѣломъ; чи не бѣжали сѣнѣго вѣалу. (Ѣто гѣворѣтъ тотъ, кто сѣильно пѣрозѣбъ на морѣзѣ). Мѣскалъ на слѣзи не вѣирѣ. За свѣи грѣшъ скрѣзъ хорѣшъ. Пѣшутъ мѣсѣютъ,—зъ лѣдѣи глѣзѣютъ. Не лѣзъ тѣду, куда голова не лѣзе. Однѣи грѣшъ, та й тѣи стѣвъ рѣба. Совѣ знѣслѣ, ѣндѣкъ вѣлѣупѣвъ, та й мужѣка вѣплѣдывъ. Бѣзгласна, якъ рѣба. Бѣлабѣйку запѣска, а хлѣба не пѣска (ни куска). Гарѣе, якъ дѣренъ за бѣтъка. (Гарѣе—гѣльмѣе; гарѣе—пѣдѣртѣ. Гѣльмѣе—вѣлѣщѣщѣя). Свѣи бѣратъ—пѣгонѣбе, пѣгонѣбе, тѣи спѣннѣщѣщѣя. Свѣя жѣнка, якъ не гѣрна, а вѣсе на чужѣи позѣхѣишъ. Тѣи не кѣма, шо пѣдѣ кѣмомъ не булѣа. Чѣсомъ—зъ квѣсомъ (сѣрѣвѣщѣмъ), порѣю—зъ вѣдѣю, абѣи зъ бѣродѣю. Якъ чѣсно дѣло пѣведѣшъ, то й зъ гѣлоду пѣрѣпадѣшъ. Булѣбъ на цѣмъ свѣти гѣрѣздѣ, а на тѣмъ нехѣи хѣщъ тѣнѣи дѣшѣю пѣдѣпѣраютъ. Дѣбрѣавсѣ, якъ свѣиѣ до кѣлу. Купѣвъ бѣ сѣлѣ, та грѣишѣи гѣлѣ. Оно й купѣвъ бѣ, такъ купѣло пѣрѣтѣпѣло. Пѣдарѣи жѣ пѣиѣхѣвъ у Пѣрѣжѣи, а наѣмъ оствѣвивъ—„купѣи жѣ“. Не то грѣишѣи, шо вѣ бѣбушки, а то грѣишѣи, шо вѣ пѣзушки. Лѣви тѣдѣи, якъ на ѣдку ѣдѣ. Лѣви и мѣлу и вѣлѣку. Хто жѣвѣ, а хто мѣчищѣя. Хто ѣчищѣя, а хто й мѣчищѣя. Хто не жѣвѣе, тѣи собѣи дѣбрѣ рѣе. Не жѣвѣи, та дѣбѣи, оттѣи бѣдѣе тѣбѣи рѣи. Совѣ не вѣвѣе соколѣ. Бѣгатѣму жѣвѣщѣя, а вѣ бѣднѣго слѣзѣ лѣщѣщѣя. Мѣхѣи наѣимъ, нехѣи кѣсѣтъ. Вѣнѣи ѣишъ, а вѣ мѣне слѣнка кѣтыщѣя (а тѣи слѣнку кѣвтѣа). Шкѣда гѣди: у наѣсѣ свѣя брѣхнѣи зъ пѣрѣщѣишѣи хѣде. Прѣишлѣдѣсѣ, панѣщѣе,—надѣвѣи дѣругѣи очѣи. Аллѣ (алѣ) тѣбѣи: хвалѣи рѣку, товѣръ вѣдѣнѣи. Ухвѣтыло, якъ бѣгатѣго за жѣвѣтъ. У тѣбѣи бѣ то дѣшѣа, а вѣ мѣне бѣлабѣйка. Тѣдѣи жѣ то лѣчищѣя, якъ рѣакъ свѣснѣе. Пѣшѣвъ бѣзъ двѣхъ за сѣрокъ. Колѣи

правду робышъ, то въ правди й кохайся. И чоловікъ, якъ чоловікъ, та сучка мижъ ногами проскочила. Поки судъ та діло, — телй корову зйло. Знала кобыла, на що оглобли была. Хто лове, тому й ловыщця. Собака мусе, якъ укўсе. Хто чимъ занимаецця те ёму й ввыжаецця. Хто за діломъ слидыть, вонд самѡ до того бижить. На добрый каминь що не скинь, такъ гораздъ (добре) буде. Язикомъ мелы, скілько (стїлько) хочъ, винъ не зитрецыця. Дїло не діло, а безъ діла не бїгай. Старшѡму напершъ перва дубїна. Хочъ Мать Бѡжу пої. Не велика й напасъть, та спаты не дасъть. По наряду зустрїчають, а по грѡсахъ провожають. Де грѡши тамъ и ўмъ. Що въ голову зайде, такъ и на печї знайде. Сїно до шкѡпы ни хѡде. Держись, якъ вошь кожуха. Не давъ Бѡгъ тысячи: девьятсѡтъ не грѡши. Чтѡбъ то й гїрэвай журилась. Нїчого лысымы кїньмы й сїни трѡвїты. Це та горячка, що безъ памьяти (памняти) хлїбъ йїсть. Батько брехунъ своимъ дїтямъ. (Емѹ всїхъ однаково жаль). Свій батько побьє й пожалїе. Якъ такъ пыть, то ничего бѣ козамы й сїна травїть. До ёго й на козї не пидйїдешъ. Пишлы наші въ гѡру—по симъ на бичѡвку. Ласый до сала, а мьѡса не хочешъ? Нехай покуштѹе жїжи, щѡбъ знавъ, одъ чѡго бувають штаны рїжи. Нехай думаютъ ти, что грамоти вчѡцыця. Багѡтому чортѹ дїтѹ тїшуть. Твердо-онъ-тѡ—вихѡде: запертѡ. Згадуї макъ, тай йїжъ такъ. Мойимъ же саломъ та по мойий же й шкѹри. Дви бѡбы — базаръ, а трї — ярмарокъ. Вѡльному—вѡля, спасѡному—раї, а горїлки даї. Нильзѹ тїко на нѡбо злїзты. Найшлѡсь (знайшлѡсь) робѡта и для (блѹ) рѡта. (Коли хто брѡше). Ты емѹ:—стрїжена, а винъ:—кѡшена; ты ёгѡ—крѡсты, а винъ:—пусты. Святѹ отцї (оцѹцї) карбѡваньци. Хтѡ не бѡде пѡномъ, тѡй не бѡде й дѡромъ. Купѹй хѡту крїту, шѹбу шїту. Чѡрного кобелѹ не вѡмйїишъ до билѡ. На лемѡнъ Грїцикивъ дурїты. Чи знатѹтѹ, що въ кумї буде пытьтѹ, то й дїтѹ бе забрѡла. Не робыть старьцѡмъ пакѡсты. Пани пьѡтъ, а у мужикївъ зѹ похмїлли гѡлови булѹть. Вонд тїко на вѡвка помѡвка, а зѡяцѹ кобылѹ зѡйвъ. Хочъ бичѡмъ, такъ йе по чѡмъ. Собѡци й собѡча чесьть. Живї, поки живѡцця: помрецьця,—все мынецьця. Горїлочко—мѡтиночко, не пихайся, а ты, дурѡче, не напивайся. У кѡго грѡшей багѡцѡко,—купѹй млїнъ, а у кѡго хлїба въ достѡнку—купѹй свїней.

Щѡ годѡкъ, тѡ й роѡкъ. Долгъ вѡзьмешъ зѹ мѡне на тїмъ свїти вугилькамї. Всї москалї однимъ мѡромъ мѡзани. Вѡше блогорѡдїе! свїни въ вѡгорѡди,—прикажите вѡгнать, чи бїльше нагнать. Кїнець и Бѡгу слава, царѹ корона, а намъ жарѡна (печѡна) ворѡна. Якъ бы я царѡмъ бѡвъ, такъ салѡ бѣ зѹ саломъ бы йивъ, та на солѡми спѡвъ. Гарни коржї у нашої тїтки. Балѡка, якъ мѡртвый дѹше. А щѡбъ ты живый бѡвъ до самѡї смѡрти. Ахъ, тѹ мѡзаний пирижѡкъ. Злѡ мнѡжицьця умысьци зѹ людѹми. Повїсывъ мѡрду, якъ свїнѹ рѹло. Зпылы крѡвъ такъ и мнѡсцѹ жѹ ззижте. Нехай—недѡбрый чоловікъ. Безъ жинки, якъ безъ кишкы. Живѡмъ не горѡемъ, хлїба не купѹемъ. Набѡвъ на пьѡтсѡтъ, а помырѹть на кѹрыцю. Сюдѹ, Бѡже, патлѡтого, щѡбъ булѡ за щѡ брѡты. Блѹ паганѡго вѹду немѡ й стѹду. Есьть каятьтѹ, та немѡ воротѹтѹ. Я тобї ни грѡчъ, ни помѡгѡчъ. Щѡбъ дѡвго не воловѡдыцьця одрїжъ зрѡзу: и знѡтъ не знѡю, й вѡдать не вѡдаю. А Хїмци по половынѹци *). Дурный ѡжъ крѹтецьця. Трѹсьця тобї въ пѹтъ. Щѡбъ тобї нѹдно. Щѡбъ тебѹ кѹрыця брыкнула. А, щѡбъ тобї вѡша въ потѹлыцю. А хрїнъ твоѡму бѡтьковї. Мѡтери твой кѡвинька. А хочъ бе вамъ зацїпыло. Скурвий сїну(бѡсурчъ)“.

Загадки. „На татарьськѡму пѡли попѹтани конї (Кавуни). Симсѡтъ свистѹтъ, а чѡтїрї лѡпотѹтъ, двѡ слѹха, а два нюха, а два дѡвыцьця (Хвистъ, нѡги, вѹха, ѡчи,—кинѹ). Лижи́тъ бѡрина на долїни у жѡвтенький жупанѹни, охѡтнычки наїжджали ии въ ж...у заглядѡли (Динѹ, аѡ лысїця). Скрѹчено звѡрчено, на колѹ посажено, а пѡ двѡрї плѡше (Митла). Бѹле рѹльлѹ, чѡрне насїнѹня, хтѡ ёгѡ вміе, тѡй и разумїе, хтѡ ёгѡ, знѡе той и позберѡе (Грамота и грамотный-письменный). Мѹля, мѹля, мылюшѡкъ, мѹля въ зѡмлю пѡйшѡвъ (пишѡвъ), мѹля шѡпочку знайшѡвъ, мѹля красненькую, мѹля зѡбрѡстѡеньку (Мѡкивка). Якъ пойду я на мистѹ, й ухватѹ волѡ за хвїстъ, станѹ тягѹтъ—стане й ревѹтъ (Дзвїнъ). Стоятъ кѡни на припѡни, не пьѡтъ, ни йидѡтъ, а гла-

*) Цѹя поговѡрка, якъ шо не брѡшуть добри лѹде, то зклѡлась такъ: Булѡ соби двї ятрѡвки; въ однїей старшѡї булѡ чимѡло дїтѹей, а въ другѡї мѡньшої однимъ-одно. Отъ вѡны булѡ шо недїлѹли пеклѹ зѹ мѡкомъ пирижки, мѡнѹча ятрѡвка и начнѹ йїхъ дїлѹты: ѡце тоби, Панѡсе, ѡце тоби, Орїску, ѡпѹ тоби, Ивѡску, ѡце тоби, Гѡлю, а моїи дїтки, Хїмци, даїте по половынѹци. Ти дїтки и дають, и такъ на кумѡдїю и вѹкѡхали ии гурѡмъ Хїмку. Недурнѡ булѡ мѡ-
бу́ть (мѡть) й Хїмка!..

дёнъки стоить (Стинѧ). Чотири чотѣрнички, а пѣята пидстѧвочка, а шѧста панѧночка (Вѣмѧ, дѣйниѧ и та, кѧтра дѧе). Симсѧтѧ тупорѣвѧ, симсѧтѧ козакѣвѧ рѧблять хѧту бизѧ углѣвѧ (Комашня, муравейникѧ). Одѣнѧ чотвирѧтѧкъ на сто двѧдцѧть дирѧкъ (Бѣдзвинѧ). Зарѣвѧ вѣлѧ на сто гѣнѧ, на тѣсячу городѣвѧ (Грѣмѧ). Стоить вербѧ середѧ двѧра, распустѣла гѣльѧ до жѧдного (кѧжного) двѧрѧ (Зѧ цѣркви людѧ йдѣть додѧму). Стоить пляшка середѧ хѧты, усѣ сѧи сѧють (Пѣсля горѣлки). Не йисѣть й не пѣе, а крупѧми с...е (Свердѣлецѧ). Стоить стрѣлѧ середѧ двѧрѧ, а вѧ тѣй стрѣлѣ симсѧтѧ и двѣ (Мѧкивка). Сывѣй сѣлезѣнѧ попидѧ землѣю плѧва (Лѣмишѧ). Манѣнѣке, гострѣнѣке (билѣнѣке) скрѣзь тѣнѧ кишѣчкѣй тѧгне (Гѧлка). Окѣталосѧ шѣло у чорнѣнѣке тѣло, та по-пидѧ небесѧми й ходѣло (Лѧстивка). Крѣламы махѧ, а литѣть не мѧже (Мѣльницѧ). Манѣнѣкий горбатѣнѣкий все пѧле проскѧкѧвѧ, а до дѧму прѣйхѧвѧ, цѣлий гѧдѧ пролѣжѧвѧ (Серпѧ). Й нѣгѧ бѧгѧто, та самѧ зѧ пѧля не хѧде (Борѧнѧ). Зѣбы й цѣлѣ, та самѧ не кусѧ (Борѧнѧ). Козѧ вѧ хлѣвы, а рѧги на двѧрѣ (Бурѧкѧ). Ни кузнѣцѧ, ни столѧрѧ, ни малѧрѧ, ни плѧтникѧ, а сѧмый пѣрвый на сѣлѣ рѧбѧтнѣкѧ (Кѣнѧ, вѣлѧ). Малѣнѣкий Макѧрчикѧ у сѣмѧ лѣюдѧмѧ пидрѧдчикѧ (Сѧкѣра). Пѣйшла кумѧ до кумѣ—дѧй, кумѧ, лѧпотѣ, полѧпѧты тѧй пѣтѣ (Сѣта). Чѧтири чѧтирѣнѣки, пѣйте малѣнѣке, а шѧсте прѧсте (Вѣкѧна, свѧлокѧ, двѣри). Якѧ бѣ нѣ дѣдова товхѧчка, то зарѧслѧ бѧ бѧбина мохнѧчка (Вѣникѧ, стѣпа). Серѣдѧ мѧрѧ—мѧрѧ, стоить золѧтѧ кумѧрѧ (Сѧнѣе). Бѧбѧ—ягѧ, вѣламы ногѧ, увѣсь свѣтъ кѧрмыть, а самѧ голѧдна (Плугѧ). Якѧ-бѣ не дѣдово утѣютѧха, не бѧбина лѧхва, по поясь зарѧсла (Ножницѧ). Крѣвый лѣсь на бѧбу злизѧ (Кѧромѣсло). Шутѣвѧ, мутѣвѧ по лѧвѧчки, нашовѧ собѣ кудрѧвѧчки, шурхѧ тѧй пишѧвѧ (Рукавицѧ). Манѣнѣке, рудѣнѣке хочѧ якѧгѧ пѧна тѧкъ зѧ конѧ зсѧде (Якѧ захѧчеѣцѧ на двѣрѧ—просѣбе). Стоить кѧни на припѧни, ни пѣють, ни йидѣть, а пѧвни стоить (лѣжать) (Кѧвунѣ). Сѣчка сѣрка де не вхѧте, тѧмѧ и дѣрка (Сѧкѣра). Сѣрый волѣще, черѣзь горѣще свѣще (Дѣмѧ). Лѣсѣй бѣкъ скрѣзь плѣтинѧ дѣвыѣцѧ (Мѣсяцѧ). Сѣва кобѣла все пѧле сходѣла (У кѧпахѧ пшѣнѣцѧ). Порѧсѧтѧ (ж)зѧлизне, а хвѧстикѧ прѧдивѣяный (Гѧлка й нѣтка). Мѧй мѧты й твѧй мѧты, бѣлы бурлѧку вѧ с...у (Зѧткѧльно). Жѧвѧ кѣ-

рыѣ пидѧ тѣномѧ кѣблыѣцѧ (Дѣня). Кобѣла на вирѣй гнѣздо змѧстѣла, навѣла порѧсѣть, вѧнѣ вѧгѧру глѧдѧть, полѣтѣты хотѣть (Лѣсѣтя). У лѣси дубкѣй рубѧють, а зѧ нѣбѧ трѣскѣй литѧють (Снѣгѧ). Кѧло вѣха завѣрюхѧ, а у г...и ярмѧрка (Вѣлий). Чѧрна корѧва всѣхѧ лѣдѣй зборѧла, сѣрый вѣлѧ всѣхѧ лѣдѣй звѣвѧ (пидвѣвѧ) (Дѣнь и нѣчѧ). Кѧстѧнѧ, дѣревѣянѧ черѣзь гѧру свѣнѣй гѧне (Грѣбинѣцѧ). Шѧтѧеѣцѧ, мѧтѧеѣцѧ, по-пидѧ прѣпѣчкомѧ хѧвѧеѣцѧ (Вѣникѧ). Манѣнѣке бѧрѣльѣе бѣзѧ дѣрѧчки й бѣзѧ дѣнѣцѧ, вѧ ѣму пѧвно вѣнѣцѧ (Яйѣе). Шѣло-мѧтовѣло по-пидѧ нѣбомѧ ходѣло, по нѣмѣцѧкому гѧворѣло (Сѧрѧка). Зѧгѧдѧю зѧгѧдки на чѧтири гѧмѧтки, всѣмѧ трѣмѧ за вѣкѧномѧ (Зѧтулки). Дѧвѧ кабѧны усѣ пѧле зѧлѧгѣлы (Тумѧнѧ). Вѧ нѧшѧи мѧлодѣки зѧгорѣлѧсь вѧ серѣдѣки, у нѧшѧи мѧлодѣкѣй кѧпѧ зѧ концѣ (Сѧмѧварѧ). Крѣуть-вѣрѣть у черѣпѧчку смѣрѣть (Зѧмѧкъ). Скрѣзь бѣкѧ й бѧранѧ свѣнѧ лѣнѧ волѧче (Дрѧтѧ). Сѧмѧ дубѧвый, поясь вѣзѧзѧвый, а нѣсь лѣповѣй. Чѧтири зѧдѣ дѣдѣсѧ додѣвлѧлѣсь зѧ бѧродѧю пѣгѧсѧ (Кѧпытѧ). Сѣдѣть дѣдѧ нѧдѣ крѣчою, зѧткнѣвѧ дѣрку онѣчою (Вѣрхѧ). Чѧтири козѣ на одѣнѣй нѧзѣ (Вѣтѣшка). Манѣнѣка собѧчка звѣрнѣлася, лѣжѣть, ни кусѧе, ни гѧрчѣть, и вѣвѣйтѣ вѧ хѧту не вѣлѣть (Зѧмѧкъ). И по землѣ й хѧде, а нѣбѧ не бѧче (Сѣвинѧ). Мѣртѣве живѧгѧ тѧгне (Грѣбинѣцѧ-вѧши). Бѣзѧ крѣлѧ летѣть, бѣзѧ нѣгѧ, а бѣжѣть (Хмѧра). Дѧвѧ порѧсѣнѣка чѧтири пѣдхвѧстѣнѣка (Черѣвѣки зѧ волѧкѧмы). Шѣйкѧ тонѣнѣка, зѧдѣ зѧпѧдѣнѣка (Плѧшка). Однѧ кѧже: „полѣжимѧ“, дрѣге кѧже:—„пѧбѣжимѧ“, а трѣтѣе.—„дѧвѧй Бѧгу помѧлымѧсь“ (Землѧ, водѧ, очѣрѣть). Зѧ бѣлою дѣрезѧю лѣжѣть Тѣлилѣйко (Язѣкѧ). Прѧстѣлю рѧгѧжѣку, пѧсыплю горѧшку, положѣю окрѧйчикѧ, бѣде бѣгѧть зѧйчикѧ (Нѣбо, зѣркѣй и мѧлодѣкѧ). Бѣзѧ крѣлѧ й бѣзѧ нѣгѧ, а бѣжѣть, якѧ летѣть; прѣйде жѧ по-рѧ, вѧнѧ слѣзы вѣтерѧ (Тѣча й дѧщѧ). Хлѣбѧ пѧвна пѣчѧ, а по-сѣредѣни щѣ и йѣкрѧиѣцѧ (Зѣвѣзды й мѣсяѣ-бѣлолѣций). Пидѧ хвѧрѧстѧмѧ лѣжѣть зѧ хвѧстѧмѧ (Огѣрѣцѧ). Бѧбѧ и бѧгѧтѧ, й сѧрѧчѧкъ бѧгѧто, а якѧ вѣтерѧ подѣе, то й хѧлодѧ почѣе (Кѣрыѣцѧ). Де двѣ дѧрѧги умѣсѣти зѣйшлѣсь (Хѧлоши у шѧтѧнѧхѧ). Вѣйму обѣжѣкѣ-обѣжѣю, тѧй ѣпѣять положѣю (Лѧжѣка). Чѧтири брѧтѧ-Кѣндрѧтѧ вѣсь вѣкѧ одѣнѧ за дрѣгѣмѧ бѣжѧть и ѣдѣнѧ дрѣгѧго не зѧгѧнѧть (Кѧлѣсо). Хѧто дѣвичѣ на свѣтъ рѧдѣщѣцѧ? (Хѧто зѧ лѣйѣцѧ, кѣрыѣцѧ). Шѣло мѧтовѣло по нѣмѣцѧкому гѧворѣло, сѣредѣ шѣлѣ-

це, ззadı—вѣльце, звѣрху сукѣньце, а ззисподи полотѣньце. Ле-
жить мѣсть въ добрый ристъ, на киньцѣ цвѣтъ, на весь билый
свѣтъ (Вѣлькденъ). Двонадцять орлѣвъ, пятьдесятъ двѣ галки и
триста шиздесѣтъ шѣсть шпакѣвъ—въ одно яйцѣ зализлы (Годъ).
Якъ роскѣну регедзѣлю, тай задѣю товстякѣ (Збирѣецѣя запря-
гати конѣ). Чѣрной кѣтъ Мѣрхву трѣтъ, Мѣрхва цѣкѣче тай йщѣ
хѣче (Сковорѣдку мѣжуть сѣломъ, вѣна шкварчѣтъ—йщѣ хѣче).
Йѣду—йѣду, нѣмѣ ни колѣсъ, ни слѣду (Лѣтка). По за лѣсомъ
лѣсомъ стоѣтъ дѣжѣ зѣ кѣстомъ (Уликъ зѣ бѣжѣламы). Бѣбыно
ремеслѣ кругѣмъ оброслѣ (Цѣ той кругъ, цѣ бѣбы прѣдѣво на ѣго
мотѣють). Пѣйшлѣ трѣ брѣты кѣзѣ копѣты, тай выкопалы чѣты-
ри козѣ на одній носѣ (Вѣтѣшка). Йшѣвъ чернѣцѣ чѣрезъ Дѣ-
нѣцѣ, нагнѣвъ дѣвку, тай шѣрхъ въ дѣрку (Клѣчѣ и замѣкъ).
Крѣсна бѣрыня за склѣмъ сѣдѣтъ и лѣдѣй собѣю потѣпѣаетъ
(Огонь у лампѣ). Бѣчка, а на бѣчцѣ бѣчка, а звѣрху бѣчки—мѣт-
лѣчка, а хтѣ й кѣже лысѣчка (Очерѣтъ). Малѣнький барѣнчикъ
всѣмъ с...ъ пѣдгладчикъ (Пѣрѣтъ). Ни нѣте я тебѣ брѣвъ, цѣбѣ
зѣ тобѣю спѣты, а на тѣ я тебѣ брѣвъ, цѣбѣ у твоѣ дѣрку своѣ
тѣло пхѣты (Чѣбитъ). У борѣ на ярѣ стоѣтъ старѣчѣкъ крѣсный
ковпачѣкъ (Грибъ). Пѣдъ черепѣчѣкомъ лежѣтъ чѣртъ зѣ молѣтѣч-
комъ (Чѣсы). Однѣ вѣвѣ до сѣна, а дрѣга одѣ сѣна. Вѣлетѣтъ,
вѣлетѣтъ, вѣще цѣркѣы плитѣнѣ (Хмѣра). Сѣдѣтъ сѣжѣха въ сѣ-
мѣ кожѣхахъ, тай та змѣрзла, а хтѣ на нѣйи поглѣне—очѣма вѣя-
не (Цѣбѣля). Повзѣунъ повзѣ, сѣмсѣтъ голокъ вѣзѣ (Ижѣкъ). Ле-
жѣтъ корѣва, а у корѣвы дѣрка гѣтѣва, прѣйшѣвъ бѣкъ та въ тѣ
дѣрку—штрѣкъ (Замѣкъ). Пѣзѣ лѣса—лѣса чѣрне, (крѣсне) сукнѣ
мѣе (Тѣренѣ, вѣшня). Лѣзу—лѣзу по залѣзу й на рѣмени сѣду (Сѣд-
лѣ). Сѣредѣ огѣрѣда—гѣрѣда лежѣтъ колѣда, вѣна не гнѣе й не вѣ-
сѣхѣе (Язѣкъ). Собѣю не пѣтѣца и спѣвѣтъ не спѣвѣ, а хтѣ въ хвѣрт-
ки иѣдѣ, хѣзѣину знѣтъ даѣ (Сѣбака). Прѣйшла Пѣкрѣва, а въ ѣму дѣ-
рѣчка гѣтѣва, прѣлитѣвъ Сѣятѣй Дѣхъ, та въ дѣрѣчку шѣрхъ (Уликъ
и бѣжѣла). Бѣзѣ рукъ, бѣзѣ нѣгъ, а на повѣтку збѣгъ (Хмѣль). Зѣйш-
плѣ дѣвка на гѣрку тай дѣвѣецѣя на своѣ ..., дѣбѣ минѣ тебѣ дѣты,
чѣ тебѣбѣ, ... на ... наѣты (Обѣдѣцѣ). Лѣзе сухѣ, а вѣлизѣ мѣкре
(Пѣрѣ). Сѣдѣтъ дѣдъ наѣдъ ярѣмъ, затѣнѣвъ с...у огѣркѣмъ (Якъ йѣде
просѣбе). Сѣдѣтъ пѣвенѣ на столѣ, спѣстѣвъ крѣла до землѣ (Стѣ-
рець). Сѣдѣтъ билый пѣвенѣ на верѣй, распѣстѣвъ крѣла до землѣ

(Скѣтертъ). Трѣхъ—та плѣхъ по полю скѣче (Бѣрона). Сѣвы кабѣ-
нѣ по пѣдѣ землѣю гѣлы (Плѣтъ). Прѣйхалы гѣсѣты, стѣлы на по-
мѣсти, распѣстѣлы лѣшадѣй бѣзѣ вѣздѣ, бѣзѣ пѣтелѣ (Бѣжѣли).
Якъ бѣгъ бѣглѣцѣ, тай вѣтѣрыщѣвъ кѣнѣцѣ, зѣгнѣвъ дѣвку, тай
штрѣкъ въ дѣрку (Кѣлѣдѣзѣ зѣ зѣдомъ). Зѣкручѣный (пѣдсѣмѣка-
ный), зѣвязѣный (пѣдтѣкѣный), а по хѣти плѣше (Вѣнѣкъ). Нашѣ
манѣнький капѣтанъ усѣхъ лѣдѣй прѣпытѣвъ, а сѣмъ догѣры
днѣмъ стѣвъ (Гѣрѣчѣкъ). Мѣхнѣте зѣ мѣхнѣтимъ зѣкладѣецѣя,
гѣле тѣло въ сѣредѣну хѣвѣецѣя (Рѣуавѣця). У бѣбынѣй хѣ-
тѣны, вѣсѣтъ хлѣба крѣйна, сѣбаки гѣвѣкають (бѣрѣшѣтъ), не мѣ-
жѣтъ достѣтъ (Мѣсѣцѣ). Дѣва стоѣтъ, дѣва лежѣтъ, пѣятѣй хѣде,
шѣбѣтый вѣде, сѣмѣй пѣсѣнѣку зѣвѣде (Дѣва одѣрка, пѣрѣгъ и вѣр-
хнѣкъ, дѣверѣ, зѣверѣтка и зѣвѣсѣ). Дѣва вѣзѣлика усѣ поѣле зѣсѣють
(Очѣ). Шо ѣ въ хѣти не тѣсанѣ? (Пѣвѣтѣна). Сѣя сѣють—усѣ
вѣли прѣдѣ тобѣю (Якъ напѣецѣя хтѣ, то й лѣецѣя). Сѣмсѣтъ
ковѣкѣвъ, бѣа ихъ двѣнадцѣтъ лѣкайвъ (Стѣрѣй мѣши). Вѣдѣ
огнѣй кѣицѣя, вѣдѣ огнѣй й прѣпадѣ (Вѣтольѣ). Не цѣрьсѣкого
й рѣду, а хѣде въ корѣни (Пѣвенѣ). Сѣмсѣтъ порѣсѣтъ, тѣко нѣж-
кѣ вѣсѣтъ (Сѣволѣчѣ). У лѣси рѣбалѣся, у кобѣлы кохѣлѣся и
на рѣуавѣхъ кохѣлѣся (Сѣто). Хтѣ слѣбѣденѣ одѣ гѣстѣй? (Стѣрѣ-
цѣ). Бѣзѣ мѣтери рѣдѣвѣся, бѣзѣ поѣа хрѣстѣвѣся, бѣзѣ смѣрѣты
вѣмѣръ (Гѣрѣчѣкъ) Вѣдѣглѣсѣ бѣба въ пѣсѣтъ кожѣхѣвъ, хтѣ ий рѣзѣ-
гѣе, тѣй и слѣзы прѣлывѣе (Цѣбѣля). Мѣжѣ двѣма дѣбѣмы клѣца тѣ-
лѣ зѣубѣмы (дѣвѣ бѣбѣ бѣюцѣя торѣбѣми) (Тѣрѣнѣця, цѣо прѣдѣво
на нѣйи тѣпѣють). Вѣдѣма у хлѣви, цѣцѣкѣй на дѣвѣри (Сѣволѣкъ
поѣцѣцѣкѣванный—померѣженѣй). Ни пѣчѣтъ, ни жѣють, ни глѣ-
тѣють, а хѣчѣ вѣнѣ й вѣнѣ, зѣ-охѣтѣкою ѣго бѣжѣють.—Крѣчѣкъ
чѣплѣ, а гѣловѣ пѣдсѣблѣ (упрѣвѣля) (Бѣдѣзѣвѣнѣ). Кѣну я на пѣлѣцѣ,
рѣу я не пѣрѣя, йѣмъ я не мѣнѣсо (Рѣба). Въ вѣдѣи рѣстѣ, въ вѣдѣи
кохѣецѣя, прѣйѣде до вѣдѣ—зѣлѣкѣецѣя (Сѣль). Ни въ вѣсѣ, ни
въ насѣ порѣсѣнокъ зѣвѣязѣ, крѣчѣтъ, пѣщѣтъ та нѣкому вѣтѣ-
щѣтъ (Вѣтерѣ). Манѣнький куколѣчѣкъ скакѣ зѣ долѣвѣки у кѣтѣ-
чѣкъ (Вѣнѣкъ). Сѣдѣтъ бѣба на нѣчѣвѣкахъ с..ѣ (Жлѣкто). Крѣ-
сна дѣвѣця сѣдѣтъ у темнѣцы, а косѣ на дѣвѣри (Бѣрѣякъ). Лѣ-
тѣтъ сѣрѣка, а за снѣю сѣрокъ,—стѣлько всѣхъ? (Дѣвѣ; сѣрокъ
—самѣцѣ). Сѣчѣтъ, шкварчѣтъ, сѣкѣче, пѣдѣ лѣвѣку (лѣву) нѣ хѣ-
че (Сковорѣдка). Дѣвѣ выкѣдѣ, а пѣятѣро пѣдтѣгѣ (Якъ сѣпли сѣ-

кають). У ліси на куші гавьядына вісе (Грыбъ). Чорнець—мо-
лодець—по поясъ у огні (Чагунъ,—чаунъ,—чавунъ). Биле якъ
снігъ, дмѣцьця якъ мѣхъ, а въ воді гіне (Піна). Шо зъ тиею
козю бѣде, якъ сімъ годъ настане; тий козі стәнецьця, якъ
сімъ літъ коньчицьця? (Восьмый (пиде) наступе). Хто бачивъ
цѣркву зъ очерету? (Ввийды въ очеретъ, тай побачишъ). Лата на
лати, ще й голкою не зшита (Капуста). Що хахлы на двірѣ вики-
дають, то панѣ у кишѣню (кешѣню) собі ховають. (Выскрякі,—
сопли). Безъ душі й безъ тіла, а сорочка била (Подушка). Билый
чоловикъ, а сорочка въ пазуси (Свѣчка). Баба круте, а вонѣ гуде
(Прядка). Летѣть—летѣть, ще й хвѣстъ вертѣть (Горобецъ). Одно
рядно сто бабъ тягло (Завертка). Родыцьця й не родѣвся, а вмѣрты
вмѣрѣ (Адамъ). Що не зъ земли робѣлося, а въ землю превратѣ-
лося (Ева). У лиси росло, на куші повросло, по рукахъ по-
котѣлося й на зубахъ очутѣлося (Орѣхъ). Безъ рукъ, безъ нигъ,
не баче й не чує, а хату бережѣ (Замѣкъ). Плѣхта—рахта по
полю скѣче, увѣсь коринъ баче (Борона). Чотыри брати пидъ
одынъ кѣсть ходять спѣты (Корѣвѣче вымѣя). Биле сыто, нымъ
свить людеѣ покрито, й юзлі знѣть, та нельзя розъязѣть (Небо
й ѣблака). Лежѣть перѣстъ на симъ вѣрѣстѣ (Дорога).

Скороговорки. „Нашѣ полковныкѣ полковныковѣвъ пѣки вы-
полковныковѣвся. Ишѣвъ Даныло гнылонѣгий по розмокروطѣ-
дивший погѣди. Рѣзъ дровѣ, двѣ дровѣ, трѣ дровѣ. Надину вуздѣ,
пойиду въ избѣ. Рыжѣ быкѣ, рыжѣбрыста крѣвъ. Зшѣвъ кол-
пѣкъ не поколпакѣвськи. Я прынесѣ рядно, а ты занесѣ рядно.
Будѣ ты хлопчѣнка, по хвѣртикуль тѣпнешѣ. „Штѣхъ у ями.
Чѣрна овѣчка спѣтъ зѣ дочкѣю“.

Врѣхѣнки. „А штѣ ты, дѣню, шѣишѣ? Шѣю, мамѣсю, шѣтки. А
колѣ-жѣ порѣтымешѣ? Якѣ дошѣю нѣтки.—Сѣстрычѣки дѣбричѣки!
чи поѣхавѣ? Дѣма нема... Запрѣгѣ... Симѣ мишѣвъ повѣзѣ...
Бѣлу кобылу до млына.—Здорѣвъ була! Кутѣ товклѣ. На свѣго
бѣтька!.. На пѣтрю. (Пѣтря це такѣ кѣшанья, —каша).—Здорѣвъ
будѣ! Кобылу ведѣ. Такѣ, Бѣже, помѣжѣ (помѣгаѣ Би)! У ѣр-
марѣкъ на Бутырѣмову. Бѣдаѣ вѣна тобѣ здѣхла! Спасѣби.—Здо-
рѣвъ будѣ! У ѣрѣ будѣ. Тѣю, чи ты дурнѣй! Тѣрну й рѣсно, та
зелѣный и терпѣкѣй.—На штѣ це ты рѣбишѣ? На пѣты, штѣбѣ ды-
вувѣлись на цѣ всѣ такѣ розѣумни, якѣ тѣ“.

Гл. 3-я.

Народные рассказы и легенды.—Рассказы о разбойниках.

1. „О тимъ, видѣлимъ взялыся мыройидѣ. Якѣ Богѣ змѣтивѣ, шо
ѣго сѣмый старшѣй Янѣголѣ задѣмавъ ѣго змѣстѣты, штѣбѣ у свѣой
рукѣ вижѣки взѣты, то Винѣ напершѣ всѣго очухравѣ ѣмѣ изъ
крилѣ пѣрѣя, забравѣ свою всю одѣжу й зробѣвъ ѣго всѣго
въ шерсты, уквѣчѣвъ рѣгамѣ, штѣ й зѣади й хвѣстѣ ѣмѣ прычи-
пѣвъ, та такѣ и турнѣвъ ѣго изъ нѣба въ пѣкло.. Такѣ винѣ,
якѣ котѣвся тудѣ (дорѣга, матѣ, була не рѣвна), а хвѣстѣ од-
пѣвъ и впѣвъ на зѣмлю тай породѣвъ видѣ сѣбе мирѣидѣвъ“.

2. „О тимъ, якѣ пѣяныця попѣвъ у рай. Умерѣ пѣяныця, тай
блукѣ по томѣ свѣти, шукѣе рѣю. Дѣло це будѣ ношнѣой добѣ.
Дѣвыцьця—дѣвери, й давѣй стукѣтитѣ.—„Хто тамѣ (тамѣчки), ок-
лѣкѣецѣця Свѣтый Пѣтрѣ“?—„Це я—пѣяныця, промѣвовѣвъ той“.
„Зачѣмѣ ты сюдѣ, хибѣ ты ни знѣишѣ, шо пѣяныци ни наслѣ-
дуютѣ цѣрѣства Бѣжѣго“?—„А хибѣ ты тодѣ будѣ пѣяный, якѣ
одѣ Хрѣстѣ одрѣксѣ“?..... Вѣслухавѣ це Свѣтый Пѣтрѣ, почесѣвъ
собѣ потѣлицѣю, тай хѣли назадѣки, а дѣмка бѣ то все такѣ,
штѣбѣ спѣныѣты цѣго неокѣянного грѣшныка; й послѣвъ винѣ—за-
мѣстѣ сѣбе Свѣтого Пѣвѣла; идѣ, мѣвъ, кѣже, ты: мѣже, спѣ-
нышѣ цѣю нѣчѣстѣ“. А пѣяныця знѣй стѣчѣтъ... „Хто стѣ-
чѣтъ, гукнѣвъ Свѣтый Пѣвлѣ“?—„Пѣяныця“.—„За чѣмѣ“?—„Звѣс-
но,—рѣю шукѣю“.—„Чи ты зѣ глѣзду, бувѣ, зѣвсимѣ ни зѣи-
хавѣ: хибѣ жѣ ты не знѣишѣ, шо пѣяныци да ни вунаслѣдуютѣ
Цѣрѣствѣя Бѣжѣго“?—„А ты хибѣ забѣвъ, якѣ казѣвъ, тай и въ
Вѣнгѣлийи ѣе, шо—„не судѣ й не судѣнѣ будѣштѣ“.—Св. Пѣвлѣ
мирѣщѣй до Вѣнгѣлийѣя, осѣ, мѣвъ, докажѣ; начѣвъ розгѣртѣувѣты,
шукѣаты, а пѣяныця тимѣ чѣсомѣ—шмѣгѣ поблѣ ѣго, та въ са-“

місенький рай.—Св. Павло й байдуже собі, все шука, а той давнò вже у рай. Оттакъ то п'яныця попавъ у рай“.

3. *„О тимъ, що трапилось Давиду, якъ дописувавъ псалтырь. (Хто кончивъ псалтырь).“* Царь Давидъ довго мусувавъ, якъ бы лóчче закончить свій псалтырь; а жабь, якъ на зло, розкричались напрòтывъ ёго хаты у óзери и зóвсимъ мишáлы ёму: ни якъ сердяга не прыдума, чимъ розквита́ця, поповныты та закрасыты на киньцї свій псалтырь; й начавъ зъ досады, та злòсти, що ни ёе, зъ усийейи сылы прокlynàты цюю поміху—гáспидьськихъ жабь; уже вñть: й шобъ на васъ лыха годьна, й шобъ вы пропáлы, й трясьця вамъ, а дáли й одумався: та нá що жъ це я йñхъ лáю?—ить и воно жъ животьна, ёго Богъ создавъ, и всякое живòтное дыхàние тожъ хвáлыть Гóспода. Якъ сказа́въ це Давидъ, тákъ и спыдхвaтýвся зъ стильця, зрáдивъ: „стой, кáже, це самъ Богъ навивъ менè на ци мýсли, тепèрь знáю, шо робыты“,—та взявъ тодї тай закончивъ свій псалтырь тымъ словáмы, що зпóкyтовавъ свій грихъ за прокля́тыя жабь: „Всякое дыхàние да хвáлыть Гóспода“.—И такъ, якъ бы ни лучйсь на цю пóру жабь, ни зáщо бъ Давидъ не кончивъ бы свій псалтырь; знáчить, кончили псалтырь жабь“.

4. *„О тимъ, якъ хотилось Св. Петру наградити биднаго.“* Одынъ разъ йшовъ Исусъ Христòсь зъ Св. Петромъ, и зайшлы ночувáты до одного вбóгого чоловйка,—мóжно бачъ бы й до багача, такъ разговiтувалысь: бидный, кáжутъ, лóчче—усèрднишъ прыйме. Прышлы; той бувъ такй радъ, шо не знавъ, де йñхъ и посадыты й чимъ погостыты; принявъ, звiсно, похристияньському. Отъ переночувáлы вони, вйшли одъ бидного и йдуть чéрезъ мистъ, а Св. Петро й кáже: „Гóсподы! давай поста́вимо отуть на цймъ мисткy глèчичокъ золотыхъ оцему бидолáзи, де мы ночувáлы, ёму никуды бильшъ вйты зъ двóру, якъ не на цей мистъ, и отò винъ йтýме й вóзме ёго собй за

ёго дóбру до насъ лáску“. (Бачъ, нельзй бъ-то, скáжемъ, булò йимъ тодї самымъ дáты, чи може забóлы).—„Хибà жъ воно вони ёму й достáнуцьця, хочъ-бы й поста́выты оцè йñхъ тутъ? Ско-ришъ вóзме онъ той багачъ, шо чотыри пáры воливъ мáе“.—„Ни такй, кáже Св. Петро, поста́вимо тай поста́вимо, може такй вóзме“,—и зъ тымъ настóйивъ наградыты бидного.—„Ну ходимъ же, сказа́въ Исусъ, гетъ вй́дциль, стáнемъ óдалъ та бóдемъ дывы́ця, чи вй́де прáвда“.—Наложылы повнèнький кушйничкй золотыхъ й поста́вылы на мисткy, а самы засылы у бéрези й зарыть, шо зъ цёго вй́де. Дывля́ця,—йде бидный по грéбли чéрезъ мистъ; дохóде до мóсту, подывывсь кругòмъ сéбе, знявъ шáпку й кáже: „Бóже мýлостывий! якъ воно отò слипй ходять чéрезъ цей мистъ, колы воно тутъ й выд́очому стрáшно:—куды не глянь, самà водà та такъ и бурёе; дай и собй зажмóрю óчи, спрóбую, може такъ—невид́очему не такъ стрáшно бóде“. Заплóщивъ óчи и пишòвъ собй чéрезъ мистъ, мовъ слипйй бачъ, тай пройшòвъ кушйничкй зъ грйшмы. Оттакè,—дывы́ця Св. Петро на цю кумèдию й почисáвъ поты́лицю. Це згóдомъ трóхи, якъ сòнце стáло о пивднй, йде багачъ зъ плóгомъ, запряжèнымъ чотырмй пáрамы воливъ и тожъ собй на мистъ, кричйть: „сòбъ, сòбè! гей, гей!“ й тйки зый́хавъ на мистъ, дывы́ця блищйть кушйничкй золотйй; „тпру!“ спынивъ миры́щйй воливъ, до ёго, а въ ёму повнйсинько золотыхъ. Нахили́вся й взявъ багачъ тигрòши й не перexристывся, ще й попинйвъ: „бачъ, кáже, не зумйвъ хтось якóго добрà берèгты!“.. Зъ тыхъ пиръ пишòвъ багачъ ще й дýжче багатйты, а бидный биднйты.—„А що, кáже тодй Исусъ Св. Петру,—не я каза́въ?“ Такè-то“!

5. *„Гонèные на Христа.“* Булò якось разъ гонèные на Христа одъ хварысèйивъ; отъ вони шо ускóчуть у одынъ двиръ, а Христòсь ужè у дрóгому,—вонй у дрóгий, а Христòсь у трéтий и ось-òсь ужè за малымъ остáлось йимъ спиймáты,—дáли дывлю́ця, а Винъ вже пишòвъ у пóле й ставъ кóло того чоловйка, шо розсивà собй нйву. Прышòвъ Христòсь й начавъ просйтысь, шобъ той чоловйкъ схòвавъ бы ёго де-небóдъ одъ врагйвъ, бо ось вже, кáже, недалèчко за мно́ю йдуть хварысèйи, вóзмутъ менè и бóдуть истязáты на свою потйху.—„Бо́юсь,

одвичѧ той, нѣгде въ мене Тобѣ заховѧтысь, а знайдуть ѣ менѣ на медь бѣде“.—„Ну, такъ зъ тымъ прощай, а якъ прѣйдуть до вѣзу, такъ ты ѣихъ забалакай, щобъ дали минѣ одъ ѣихъ одѣйты“.—Пишѣвъ собѣ дали Хрыстѣсъ, а мужѣкъ, кончивъ розсѣваты ѣ затѣго кончѧвъ волочыты, колы такъ—идѣ цѣла юрма хварысѣйивъ та такъ прѣмо до вѣзу ѣ гребѣуцыя: „чи не бачивъ ты, мовъ, дѣду, де Хрыстѣсъ дивѧвся, куды видѣ тебе винъ пишѣвъ?“—„Недѧвнично, одвичѧ, бувъ тутъ хтось кѣло мене, просѣвся сховѧтысь, ѣ нѣякъ давнѣ, кѧже: тодѣ, якъ я цю нѣву зберѧвся коньчѧты сѣяты“. Ти зиркъ на нѣву, а вонѧ вже зеленѣе ѣ затѣго зберѧецьця колосься викидѧты; колыжъ де вонѣ тутъ булѣ те дѣло, дѣмѧють? Тай пишлѣ назѧдъ, обизнѧлысь бачъ бы то, мѣже ѣ зблудѣлы.—А дидъ стойтъ тодѣ надъ своѣю нѣвою ѣ самъ не свѣй одъ такѣго чѣда“.

6. „*О тимъ, зъ чоѣ взялись ведмѣди*. Ёшѣвъ разъ Госпѣдъ зъ Св. Петрѣмъ чѣрезъ мистъ, а зъ-пидъ мѣсту выбѣгъ чоловѣкъ у вѣвернутому кожѣси,—винъ за здалегѣдъ ѣще заховѧвся тамъ, и дѣмка бѣ то булѧ въ ѣго злякѧты Исѣуса и Петрѧ,—та якъ крѣкне: „вѣ!.. а Госпѣдъ одвернѣвъ одъ ѣго, плѣнувъ ѣ сказѧвъ: „ну, такъ идѣ жъ тепѣръ собѣ у цѣй шкѣри на вси крайнѣ свѣта, лякаѣй людѣй, а людѣ тебе“. Пишѣвъ тодѣ той чоловѣкъ ведмѣдемъ, а зъ ѣго ѣ намнѣжився вже ѣ по всѣмѣу свѣту ведмѣжий рѣдъ. Отъ тымъ то ведмѣдъ ѣ похѣжий на людѣну“.

7. „*Вѣджили взялись гадѣюки*. Гадѣючки тожъ взялись одъ тѣго, шо однѣй жѣнѣци хотѣлось чи злякѧты бѣ то, чѣ, мѣже, пошѣтковѧты зъ Хрыстѣмъ и св. Петрѣмъ. Ёйдуть бачъ вонѣ пѣсля тѣго, якъ чоловѣкъ хотивъ ѣихъ злякѧты, а вонѧ ѣ повзѣ рѧчки и гѣла, та ѣимъ пидъ нѣги и почѧлѧ сычыты: вѣсолопыла язѣкъ ѣ ну—„с... с... с!“—Госпѣдъ проклѧвъ ѣиѣй ѣ сказѧвъ: „зъ сѣгѣ часу, ты бѣдѣшь новѣнною на землѣ, цѣлый вѣкъ тобѣ повзѧты на пѣзи ѣ безъ одѣжи“. Жѣнка полѣзла гѧдыною ѣ расплодѣла ѣихъ одъ сѣбе по всѣмѣу свѣти“.

8. „*О тимъ, якъ хотѣлы Хрыстѧ зѣубыты*. Иродовѣ вѣйськѣ заздрѣло, шо Ёѣсыхъ зъ Бѣжою Мѧтирѣю неслѣ кудысь млѧдѣнѣця Исѣуса, ѣ пустѣлысь за нѣмы наздогѣнъ, щобъ стрѣбытъ млѧдѣнѣця. Ёѣсѣфъ зъ Марѣєю змѣтылы погѣню, прыбѣлысь у однѣ жильѧ та мирѣщѣй въ хѧту, а тамъ сидѣтъ хѣзѣйка надъ

колыскою ѣ качѧ своѣ дѣтынчѧ; вонѣ отѣ дѣвѣго незабарѣмъ, взяли ѣгѣ зъ лѣльки собѣ на рѣки, а своѣ положиы на помѣсть ѣ упросѣлы ту жѣнку чѣжѣ назвѧты свойѣмъ, а своѣ чѣжѣмъ. Вонѧ такъ и зрѣбыла. Настѣглы гонѣтели взяли зъ рукъ Бѣжоѣ Мѧтери млѧдѣнѣця, распѧлы у пѣчи, ѣ брѣсылы ѣгѣ туда. А Спасѣтель такъ спасься. Зъ тыхъ пѣръ прынычѣжѣлось гонѣныѣ на Хрыстѧ“.

9. „*О Вѣлѣкоднѣ*. На шо мы такъ кѧжемъ: „Вѣлѣкденъ?“—Вѣлѣкденъ називѧецьця потѣмѣ, шо въ те время, якъ Хрыстѣсъ родѣвся, свѣтыло сѣнце и стоявъ одѣнъ такѣй дѣнь, шо тепѣришнѣхъ трѣба цѣлыхъ симъ днѣвъ зложѣты до кѣпы. Днѣ цѣ помѣнѣчѧлы зъ тыхъ пѣръ, якъ жѣдѣ роспѣѧлы Хрыстѧ; тодѣ, цѣ бачъ булѣ на препослѣдокъ, якъ зѣйшлѣ сѣнце у недѣлѣю въ рѧнѣци, та зѣйшлѣ ажъ у субѣту у вѣчѣри, а потѣмъ тѣго тодѣ и тепѣръ днѣ помѣнѣчѧлы и тѣлко у цѣркѣ цѧрьски вратѧ такъ стойтъ нѧвстѧжъ симъ сѣтокъ, якъ зпершъ колысь стоявъ дѣнь и свѣтыло сѣнце. Такъ ось чоѣ винъ такъ зовѣецьця,—винъ тепѣръ въ годѣ одѣнъ, якъ колысь, до Хрыстѣвого роспѣѧты вонѣ булы шо днѧ“.

10. „*Утрѣня, обѣдня и вѣчѣрня*. Якъ ѣтреннѣй морѣзъ прыбѣе на дѣби лысть, а сѣнце глѧне и лысть опѧдѣ, такъ все равнѣ ѣтрѣня и обѣдня: у вѣтрѣню ты прынѣсышъ вси свойѣ грѣхѣ, шо за тѣждѣнь нарѣбѣвъ, и цѣркѧ ѣихъ охѧчѣе, якъ той морѣзомъ лысть, а обѣдня, та вже, бачъ, зовѣѣмъ прощѧ твой грѣхѣ, якъ те сѣнце, шо пѣсля ѣго отпѧдѧецьця побѣтѣй морѣзомъ лысть. Вѣчѣрня слѣжѣ за-дѣя тѣго, щобъ въ нѣи згѧдувати днѣвнѣй свойѣ грѣхѣ“.

11. „*Шо естѣ бѣблѣя*. У бѣблѣи и ввѣсь свѣтъ завѣзѧнѣй и звѣзѧнѣй; ѣиѣи нѣякъ немѣжно прочѣтѧты, бо ѣ хто по натѣжѣнѣця, захѣче бачъ бы то все знѧты, шо въ нѣи ѣе, такъ той хочъ нехѧй шо, такъ зѣмѧ зѣйѣде. Грѧмотнѣмъ людѣмъ особлѣво трѣба берѣгѣтысь, бѣблѣи, бо тамъ ѣе такѣ словѧ, щѣй мѣжно такѣ читѧты, а промѣжъ нѣмы то ѣе ѣ такѣ, шо нѣякъ не годѣецьця ѣихъ кѧзѧты“.

12. „*Кѣмъ напѣвнѣцѣя пѣкло*. Пѣкло напѣвнѣцѣя попѧмы, пѧнѧмы, негрѧведнѣмы судѣѧмы и ковалѣѧмы, бо ѣ цѣ послѣднѣ рѧѣ не наслѣдѣють,—вонѣ кѣвалѣ жѣдѧмъ гѣвѣзѣди прыбѣвѧты Хры-

ста.—Про кабаччика й миронника ще й на тимъ свѣти не додумались, куды ихъ помистыты,—бо кабаччикъ недосыпавъ, а миронникъ такъ бравъ, шо ажъ черезъ верхъ сыпалось“...

13. „*Про Анцыхриста*. Анцыхристъ народыця изъ православныхъ. Отò може взамѣты вамъ, шо колысь було усё небо червоне, такъ отò тодѣ саме одѣнъ анцыхристъ народѣвся. Вонѣ рѣяця часто, та тѣлько йимъ все невдаецця вѣдывуваты мѣромъ,—якъ який оцѣ народыця анцыхристъ, то й начинѣе борѣця зъ Бѣгомъ, и якъ одолѣе колы, який зъ ихъ небудь, Бѣга,—ото й начинѣця страшный судъ;—такъ Бѣгъ, бачъ вамъ недоказавъ, такъ ударывъ тогò анцыхриста, шо вмѣсты зъ червонымъ небомъ родѣвся, шо ажъ землѣ затрусѣлась и трѣснула й ёгò (анцыхриста) у трѣщину втягло“.

14. „*Видѣмы*. У насъ у Курѣковий одъ здорового мѣсту и до самой Тѣхоньской цѣркви двонѣдцѣть видѣмъ. Зибралѣсь разъ мужики на вѣлицѣ дѣлѣ (бѣлѣ) Бабаѣвой кумѣри, совсѣмъ вже на смерканьѣ, бачуть: де не взялась пѣриста кобыла, въ бѣтинкахъ на ногахъ, таѣ снуѣ халѣра на ѣзбѣчи поверхний пѣрии, мѣвъ глазѣ, мы схопѣлись та мирѣцѣй до неѣ, й гѣйнуѣли въ слѣдъ за нею, а вонѣ хѣли, та въ пѣстку у вѣкно и щѣзла; трѣба бѣ було отò и собѣ тудѣ дойти бѣ такѣ дѣла,—такъ побѣялись“.

„У одній станѣцѣ цей годъ вѣмерлы козѣки, сотъ до чѣтырѣхъ, та самѣ пѣйковѣ, прѣмо мѣжѣнѣни, а дощѣ цей годъ, за всю вѣснѣ и лѣто, тамъ нѣякъ ёгò не було, и цѣ все прѣчыною цѣмѣ всѣмѣ одна гѣмонова видѣма; вонѣ, чѣртѣвъ бѣ ѣѣи кѣча, такъ порѣбѣла. Ну, таѣ не безъ дѣбрѣхъ же й людѣѣ, найшлѣсь такѣ, шо доѣшлѣ й до цѣго; найшлѣ, шо робѣты, якъ гѣрю посѣбѣты. Кѣжуть, хтѣсь прѣнѣхавъ таѣ прѣказавъ про неѣ, шо вонѣ, якъ зачѣла своѣ смерть, шо оѣсь вже на-блѣжаецця, таѣ стѣла скрѣзь ходѣты таѣ роскѣзуваты, а мѣнѣчимъ сѣбе прѣказъ давѣты: „мѣнуѣлось моѣ царствувѣнѣня, видѣмѣвсѣка потѣха, о-сѣ-сѣ зѣо мнѣю смерть лѣчиця, а й бѣчу иѣѣ, якъ вонѣ зъ кѣсѣю за плѣчѣма въ мѣне хѣде, такъ вѣ тодѣ, якъ бѣде вѣша лѣска, кѣжѣтъ лѣдѣямъ, шо робѣты одъ невѣрѣжѣю: нехѣй вонѣ пѣрилѣвлютъ всѣхъ пѣвнѣвъ по всѣѣ станѣцѣ, повѣрывѣють до кѣнѣура йимъ зъ хвѣстѣвъ пѣрѣя, щѣбѣ булѣ

кѣци, и пѣтимъ трѣба зѣибрѣаты те пѣрѣя, пѣты у який небудь глѣбѣкий ярѣ и повѣстромлѣаты ёгò тамъ,—й квѣтъ—все бѣде иѣнѣякъ, гѣраздъ“.—Такъ вонѣ, бѣратъ ты мѣѣ, якъ зѣробѣлы та-кѣчки, такъ-такъ и пѣшѣвъ дощѣ; а цѣ вже дѣло пѣдхѣдыло до ѣсыни; й ну тодѣ роскошувѣтъ“.

15. „*О тимъ, якъ видѣму пѣѣмѣаты*. Якъ тѣлько вѣнѣешъ, замѣ-тышъ, шо видѣма зѣойла вже въ тѣбе корѣву, а вѣнѣецця цѣ такъ: якъ пѣде молодѣця доѣты, а вонѣ було молоко, та немѣ; зѣстѣ-нѣецця, якъ кѣтъ наплѣкавъ, таѣ те ненѣче зъ крѣвѣю пѣре-мѣшѣне. Отò йдѣ мирѣцѣй и дѣѣ стѣко надѣѣшъ; тодѣ затѣп-люѣ у пѣчѣ, абѣ на прѣпѣчку, колыбѣ цѣ ни слѣчѣлось тамъ: у рѣнѣцѣ, у вѣчѣри чѣ сырѣдъ нѣчи, лѣѣ ёгò на сковѣрдѣку и прѣжѣѣ; пѣтимъ, якъ зѣпрѣжѣецця, бѣрѣ нѣжъ таѣ рѣжъ нѣмъ по сковѣродѣ крѣстѣ и тѣкаѣ ёгò тѣмъ же нѣжѣмъ,—и такъ пышѣ нѣжѣмъ крѣстѣ и тѣкаѣ, пышѣ и тѣкаѣ, якъ бѣдѣшъ цѣ дѣлаты, вонѣ небѣзѣпрѣмѣнно до тѣбе прѣѣде.—Ну, й дѣкѣвынка, чѣете, а цѣ самъ робѣвъ и шо жѣ?—Дѣвлюсь, а воно зъ дру-гѣѣ пѣрий прѣѣбѣга до мѣне дѣльнѣя сѣсѣдка и нѣкъ, нѣкъ по хѣти все, якъ бѣтѣто чѣгò вѣзырѣла; та й такъ, нѣчѣго ни ска-зѣвше, й мѣйнѣла махѣндрѣла. Я въ слѣдъ до неѣ: „тѣтко, тѣтко, чѣгò вамъ, скажѣтъ, чѣгò, чѣгò прѣхѣдылы“?! А вонѣ вже й слѣдъ тѣтчѣнтъ захѣлѣнувъ, й такъ зъ тѣмъ нѣчѣго й не допы-тѣвсь, влѣпетнѣла; мѣбутъ, и въ неѣ на душѣ такъ зашкѣвар-чѣло, якъ тѣе молоко на сковѣродѣ, ну, зъ тѣхъ же й пѣрѣ, якъ нѣгу влѣмыла, и тѣпѣрѣ, до слѣчного чѣсу, всѣ благополѣшно“.

16. „*О тимъ, якъ пѣдѣлядѣвъ видѣму*. Колѣсь було, роскѣзуютъ цѣ наѣшѣ бѣтѣкѣѣ, оѣя всѣ подѣна, де оттепѣрѣ базѣрѣ, булѣѣ кнѣжѣѣ лѣѣки. Стогѣвъ-стогѣвъ тѣтъ пѣребулѣ. Скѣтѣѣна ходѣла у прѣѣпускѣ, а корѣвы хѣбѣ такѣѣ, мѣбутъ, булѣѣ якъ тѣпѣрѣ?—Ѣге, мѣбутъ,—рѣгъ було не достѣѣнѣшъ.—Одѣнъ разъ унѣдѣ-ласъ видѣма до Зѣнѣцѣѣ доѣты корѣвъ, хѣде таѣ хѣде, отъ вѣнѣвъ возѣмѣ таѣ засѣдъ, дѣмка бѣ то такѣ була, щѣбѣ пѣѣмѣаты; дѣ-вѣщѣця, а вонѣ копѣѣцею пѣдсѣнуѣлась и дѣе, чѣты, цѣрѣѣтъ. А Зѣнѣцъ мѣѣѣ, сѣдѣтъ, прѣтѣлѣвсь до плѣтнѣѣ и зъ мѣсѣця не зѣвѣрухнѣецця одъ злѣѣку. Видѣма вѣрѣвыласъ, вѣгнѣла тѣлѣѣ зъ зѣгѣродѣѣ, прѣчѣнѣѣла хѣвѣртѣчку та тодѣ вѣтягла зъ борѣнѣѣ зѣ-бѣкъ, насѣнуѣлась на Зѣнѣцѣѣ и всѣдѣла ёгò ѣмѣ въ задѣ.. Прѣѣѣ-

шовъ тоді винъ у хату чуть живый тай расказавъ, якъ було. Зубокъ той вѣтяглы ёму увесь у крові и хочъ вѣтягты й вѣтяглы, та недѣво винъ, сердяга, після того поживъ,—умёръ. Кажуть, бачъ, не треба видьмы стерегты.—А булы й такі люди, ось, приміромъ, Ковтунъ; такъ той дѣвицьця,—кѣтыцьця по дорѣзи видьма клубкомъ, винъ взявъ ёго, принісь до себе у хату та до лавы десь и врубавъ,—а на другий день показувавъ вже людемъ ту видьму,—бабу безъ носу“.

17. „*О тѣмъ, якъ видьму побачити*. У первый понедѣлокъ на масницю заставъ бабу пекты млынці и первый той млынѣцъ, шо вона спечѣ, возьми, згорни ёго, якъ слидъ, положи звѣрху на коминъ, и ото хай винъ тамъ лежить, не ворущъ ёго до самого „Велѣкдень“. На Велѣкдень же, якъ ударють, слухай, у первый дзвинъ, бери ёго въ кишѣню и смалы мирщій у цѣркву, стій зъ нымъ тамъ цілу вѣтриню; а, прийшовше додому, сховай де небудь, у скрині, абощо. Тоді тѣко дывьсь, та примичай: жадна видьма, одна зперѣдъ ѓднои бѣде спишты до тебе хочъ подержацьця за замѣкъ“.

18. „*Мѣртва видьма зъ непокутанымъ грихомъ*. У одного чоловіка та вмерла жінка видьма; отъ винъ взявъ тай заховавъ ий нѣшкомъ. Малось-бы то попѣ позвѣты, такъ винъ, спасѣби ёму, такѣ загарувавъ, шо й на голову не надѣнешъ: „твоя жінка, ка (каже), видьма и несповѣдана вмерла“; воно бъ це все й ничѣго, хто бъ ёго й знавъ про тѣе; оцѣ жъ я й чоловікъ ий, а не скажи мині цѣго пипъ, й далѣбѣбъ ни знавъ сѣго, а пипъ, та бувъ самъ видьмакъ родимый,—опыряка. Ну шѣ жъ тутъ?—подумавъ—подумавъ, хочъ и грихъ скотынякою ховѣты, бо й вонѣ жъ такой чоловікъ, якъ й мы гришны,—христьянынъ, та нуждѣ закѣнъ зминѣ. Зправывся ото винъ зъ жінкою, а самъ пойхавъ кудьсь и йиздывъ до самѣсинькои нѣчи, дѣвицьця,—а на зѣстричъ ёго бижить розпѣтлана й въ ѓдній сорѣцьци ёго жінка, та такъ и грибѣцьця прѣмо до петелѣкъ; винъ одъ пѣи, а вона за нымъ, и такъ гнѣлась до самого двѣру. Чоловѣкъ баче шо дѣло пагѣне, та скорѣшъ батѣрою по шкапи, уйхавъ у двѣръ, вѣпригъ наскоро коня, пустѣвъ пидъ повѣтку, а самъ мирщій у хату; засѣнувся и лигъ спѣты; вонѣ й спаньнѣ тамъ, мабуть, було вже такѣ; це слѣха: кругѣмъ хаты шумѣть

гудѣ бѣрею. Оттакѣ, дѣма, несвитовѣ зграпылось, це жъ мой жінка зъ непокутоваными грихами, не лежѣцьця ий сердѣзи у доломѣни (домовѣни), пруть ий виднѣ вѣдтыль грихѣ; та такъ налякався, шо и не гасѣвъ каганьця цілу ничъ.—Дѣмки ёму наляглы, звѣсно, инычи, а мѣже й свѣтъ въ очѣхъ одъ злѣку кругѣмъ пишѣвъ,—помутѣвся и винъ на вѣдѣ зовсимъ змарнѣвъ бидолага; дѣты ёго тожъ зъ дня на-день, сказано, мое нѣнько, чѣхнутъ та хирѣють: журѣцьця, мѣвъ, крѣпко дѣты за мамкою, мабуть. Дѣмки всяковы. Бо (Богъ) зна.—А сусѣды, имъ то виднишь, пидмѣтили, шо вонѣ творѣцьця, та возьми й скажи ёму: „Отслужѣ, голубъ сѣвий, заклятнѣй малѣбинъ, бо по ночѣхъ, якъ тебѣ нема дѣма, прихѣде до тебе твоя покѣйна жінка зъ клѣдовыща, грѣе окрѣпъ,—мѣтель, та мѣе твоимъ дѣтямъ головы й до того ихъ вѣре, шо вони, якъ мѣртви, вихѣдѣть зъ кѣпылю; тоді ще возьми, грибинѣцъ та й вѣши повѣчѣсѣ; такъ ось чѣго вони въ тебѣ чѣриють“.—Ёго жъ свѣта вѣля, шо бѣде!—На инышу ничъ не свѣтѣвъ каганьця, лигъ, притайѣвъ духъ, та й прислухѣицьця; ажъ це, бувайте здоровѣ, якъ йе о пѣвночи, прийшла жінка й прынялась за своѣ робѣту, тошнѣсенько, якъ сусѣды казѣлы. Вона мѣже й при свѣтлови ходѣла, та сонъ такой одолывавъ, шо не до примѣчанья. Зъ цѣго жъ рѣзу жінка стѣла явлѣцьця жѣдну ничъ, и свѣтло не мишѣло ий; та такъ до тихъ пиръ навишѣла, пѣки не порѣялы ёму дѣбри люде устрѣмыты ий у яму осѣиковый клѣнъ, такъ ажъ тоді тѣлько вже перестѣла вона навишѣты ёго. И дѣты зъ тыхъ пиръ стѣлы, якъ дѣты, та й самъ одѣжавъ“.

19. „*Видьмы зъ цидылкамы на голови*. Разѣвъ стѣки прѣхѣдѣлось моѣму батѣкови чумакувѣты вмѣсьци зъ ѓднимъ опырякою. Прийхѣлы вони разъ до кабака вѣраньци, до черѣды ще, а выпыряка й каже: „хѣчешъ, насъ угосѣять тѣтычки бабѣ вѣдкою, оришкамы, сметѣною й чѣмъ хѣчешъ?“—„Гѣспѣды Сѣсе!“ крѣстѣ ёго“, каже.—„Отъ тобѣ й „Сѣсе“, а хтѣ мѣсе, той выпѣе и закѣсе“. Повыпрыгѣла вѣтивъ та й ждѣть. Чѣреду начинѣють бабѣ зѣѣныты; батѣко й дѣма мий, шо це жъ вонѣ самѣ бабѣ; ажъ вонѣ вихѣде дѣло: мѣжъ нѣмы йе й видѣмы зъ цидылкамы на голови; винъ сѣго не бѣче, а опыряци то вѣдно, и винъ це все бѣчитъ. Одигнѣлы ото вони къ чѣредѣ; колѣ такъ: пидхѣ-

дять прѣмо до кабака и давай гулять; окружили опыряку трын-дичуть, таныцюють кругомъ его, та поштують одна зъ передъ одною, а зъ нымъ въ одну чергу и могò батька. Дòбре погулялы.—Бачь, вонò колысь якѣ булы людѣ! Эгè“!

20. „Видьма клубкòмъ. Йшòвъ одѣнь чòловѣкъ зъ поля додòму, та якось нечаянно (нычаянно) и оглянувся, а за нымъ кòтыцьця клубòкъ зъ валу; винъ идè собѣ байдуже, а клубòкъ кòтыцьця тай кòтыцьця. Шо зъ нымъ робѣты? и надумавъ: возьмѹ я ёгò та прибѣю до стовба гвиздкòмъ, мòже, це видьма. Отъ прыйшòвъ, узавъ тай прыбѣвъ до стовба у сèбе въ хати, а самъ лигъ спаты. Глядь, на зорѣ вже, ажъ вонò вмѣсто клубка стоить прыбѣта жѣнка за нѣжню губу, тай жалибно прòсыцьця, шòбъ ийѣй отпустѣлы. Ни, постривай: поклякавъ сусѣдъ, прыложѣлы рáду и положилы ийѣй каюкъ; розпеклы жалѣзни швòрни и давай ийѣй пыкты нѣмы, и до тòго допеклы ийѣй, пòки здòхла; тодѣ, якъ ны жалъ ёмѹ булò хаты, а всèтаки пѣсля такòйи сквернòты, не хотѣлы въ нѣй жѣты, взяли и спалѣлы“.

21. „Мёртвый отыряка и знáхарь. Одѣнь якось рáзъ лучѣлось знáхарю заздрѣты, якъ опыряка вѣйшовъ изъ домовѣны, та взявъ тай залѣзъ у нѣи самъ; лигъ та и лежѣть, пиджидá, шò зъ цèго вѣйде. Це слѹха, пидхòде опыряка до своѣи ямы; ходѣвъ, ходѣвъ, та и кáже: „та чи ты вѣлизешъ видѣль?“—„Ни, кáже ёмѹ знáхарь,—скажѣ першъ, де ты бувъ та шò дѣявъ, тодѣ вѣйду!“—„Бувъ я, видвичá опыряка, на свáльби“.—„Шòжъ ты тамъ бáчивъ, та дѣявъ?“—„Та порѣзавъ тáмъ всѣхъ людѣй“.—„Та нá шòжъ це ты такъ здѣлавъ?“—„На тѣ, шò вонѣ тамъ вси лáялысь и не хрестѣлись; тѣко и зостáвывъ одну жѣнку, та ийѣй чòловѣка, бо вонá, якъ лягáла спаты, такъ перехрестѣлась; вонá то и перехрестѣлась тамъ такъ—нáбиръ, та и чòловѣка свогò пѣяного перехрестѣла“.—Вѣслуhavъ це знáхарь, тай пишòвъ, а опыряка тодѣ знову лигъ“.

22. „Сердыта жѣнка-видьма. Однá жѣнка булá такá сердыта, шò чòловѣкъ взявъ ийѣй якось,—сказано, пишлò вже дѣло на одчáй Бòжий: найѣла ёмѹ печинкѣ, тай шпурнѣвъ у той ривъ, де чортѣ вòдяцьця. Вонѣ зрадѣлы, позбѣгáлысь до нѣи, такъ вонá и тамъ всѣхъ чортѣвъ порозрывáла и самá зрòбылась старшòю“.

23. „Привидѣнця прохòжòму у видьмы. Зайшòвъ одѣнь чòловѣкъ до бáбы и упрòсѣвся ночувáть. Дòбре. Полягáлы, тай задѹлы хрòпакá. Чѹе прохòжий, а вонò шòсь у кòмини, якъ ие сèредѣ нòчи, тѣко: „дж...ж..., дж...ж...“.—„Шò воно за привидѣнця? Тьху! прòпáсть тебѣ возьмѣ“.—Поглянувъ на бáбу—спыть; винъ тудѣ и сюдѣ,—у кòмини знáй бушѹе. Винъ дужче ставъ до бáбы доглядáцьця, а вонá врагòва лежѣть, якъ колòда, и невòрущицьця; полáпавъ, пощѹпавъ, полòскотáвъ ийѣй,—все тежъ. „Ну, постòй же“, а видѣ людѣй винъ та чувъ про кой якѣ кáверзы; у нòси знáты булò. Бáба лежѣть; це, думáе, до видьмы зателесовáвся. Э! ну, стривай же, бесурмѣнова, стривай!—та взявъ ийѣй за нòги и за гòлову, тай здвѣнувъ на другѣ мѣсце зъ тогò, де спáла. Лежѣ жъ тепѣрь, трáсьцябъ тобѣ!—Чѹе,—ужѣ и пивнѣ спивáють, а вонò знáй собѣ въ кòмини: „дж...ж... дж...ж“, и бáба спыть; уже и свита,—спыть. Ну, шòжъ ёгò тепѣрь зъ нѣю зрòбыты?—Думáвъ-думáвъ (мáбутъ, не порòжний бувъ), та тодѣ взявъ тай положѣвъ ийѣй тѣло зновъ на тѣе мѣсце, якъ и зпѣршу лежáло; и тѣко положѣвъ, а вонò зъ кòмину, такѣ вбѣльпѣки, якъ мѹха, тѣко: „дж...“, та ийѣй въ нѣздрю такъ и шурхнѹло—влѣтѣло; тодѣ пиднялась бáба тай терáе очѣ: „ху, кáже, якъ я и крѣпко—здòрово заснѹла, шò ажъ проспáла!“—А той собѣ на умѣ: проспáла бѣ ты, врагòва.—О такъ винъ ийѣй прошкòлывъ“.

24. „Видьмина мазь. Однá видьма помáзала собѣ чимсь пидъ мѣшками и пырхъ у дѣрку, та въ кòмынѣ. Побáчивъ це чòловѣкъ, шò въ нѣи ночувáвъ, та взявъ тай собѣ жъ тимъ добрòмъ намáзавъ, и тимъ же слѣдомъ въ кòминѣ пѣрхъ, тай попáвъ до ийхъ на видмѣвське збòрыще, а тамъ ийхъ, брáтти мѣй, дєсь зъ усѣго свѣту, позлитáлысь, хто ёгò знá и скѣлько. Якъ прылитѣвъ, ставъ мѣжъ нѣмы, та такъ и отуманивъ; а та шѣльма зиркъ, тай схамѣнулась, шò зостáвила, завѣштáлась, бачъ, тодѣ, тай забѹла де небѹдъ спрѹдыты свѣй каганьчикъ зъ прѣмхами, та до ёгò: „охъ, лѣшечко“.—Зостáвáцьцябъ ёмѹ повѣкъ зъ видмѣвськѣми крѣлами видьмакòмъ, такъ та вже бáба, ёгò знáкòма, зрòбыла ёмѹ шòсь такъ, шò винъ назадъ полетѣвъ одъ ийхъ и стáвъ зновъ такѣмъ же чòловѣкомъ, якъ трѣба. Вонá булá, матъ (мáбутъ), родѣма, а родѣма видьма

кажуть замышляе всима видьмамы й прыказы йимъ дае.—Такъ такѣ то. Вона, бачъ, зъ дѹру хочъ укрѹчу, а якъ то не тямѹишь, лѹчче й неберѹсь.—Онъ що“!

25. „Прывидѣнця зъ видьмою. Разъ йшли мий дидѹсь за пидтытарнымъ зъ каминного кабака: вонѹ тодѹ булѹ цирковнымъ старостою. Вотъ вонѹ йдѹть—тай йдѹть; вже дойшлѹ якъ ѹе до вугла ограда, а вонѹ, де не возмѹсь, манѣнька горнишина собачка, та дѹдови мижъ нѹги. Винъ и впавъ. Пѹтимъ у дрѹге, ѹи въ трѣтье. Шо за нечиста матирь?.. А пидтытарный Кандѹба, оцѹхъ хлѹпцѹвъ, Йвана тощо-дѹдъ, та вы ѹгѹ знаѣте, матъ, та тямѹавъ кѹй цѹ одъ цѹго. Змѹтивъ, шо то булѹ видьма, тай каже: „ну, оставъ, оставъ, оставъ! Гѹди вже тобѹ, надсмѹялась трѹхи, ну й шкода,—бѹде тобѹ“!.. Непослѹхалась, окаѹнна, Кандѹбы и ще разѹвъ ззо два пидбѹла пидъ нѹги, то клубѹмъ, то свѹнею и тодѹ побѹгла. Разѹвъ зъ пѹять вонѹ ѹгѹ смалѣнѹла опшкварѹла пѹки винъ до двѹру дѹйшѹвъ, а пидтытарного й ни трѹнула; вѹдно, чимъ булѹ обѹжина, аѹо давнѹшъ за шо булѹ злоба.

А то якъсь йдѹть вонѹ, брѹтыцѹ мий, все тежъ зъ тогѹ жъ такѹ каминного обѹческѹго кабака, дѹвляющѹця,—а спѣреди ихъ стоить на дорѹзи копѹця сѹна. Шо за сѹкинъ сынъ, де вонѹ взяласѹ? Ни тыжъ ѹго печѣне лѹхо! а дали, трѹшки згѹдомъ й дѹмають: цѹжъ опѹать, мабѹть, та злодѹга видьма; шѹжъ ѹгѹ тутъ робѹты йѹй? Хрѹста вона не бойѹщѹця,—взявъ, звернѹвъ гѣть у бѹкъ, тай чѣше наманья, яка бѹде,—а вонѹ, трѹсьця бѹ йѹй, за нѹмы,—за нѹмы; вонѹ вже й—то тудѹ, то сюдѹ,—умлѹлы, ажъ пѹра йде, й вонѹ за нѹмы лѣмча. Та такъ, скажѹть, гналась до сѹмого двѹру. Вонѹ, дѹдушка, якъ прибѹгли до дверѹй, такъ-такъ и згарѹча вѹбылы зъ крѹчкѹвъ сѹнѣшни двѣри, та швѹдче у хѹтѹ. Мы вси поперѣлякувались,—звѹсно, булѹ цѹ ношѹди добѹ, тай ще й зъ просѹну,—та до ихъ, а вонѹ трѹсящѹця и слѹва не вѹмовлять. Онъ що зтрѹпылось.—Чѹть-чѹть, за малѹмъ булѹ, кажѹть, не здогнала окаѹнна. Шѹбъ вонѹ вже й робѹла бѹ?—Дѣсь задавѹла бѹ, бедлѹга, тай тѹко. Такъ вонѹ пѹсля цѹго три недѹльли прохворѹлы, трѹхи й не вмѣрлы; тай квѹтъ, зъ тѹхъ пѹръ закаѹлись, зариклѹсь самѹ ходѹты.

А отѹ, мѹже вы знаѣте Гордѹйку Вакулѹху, такъ йѹй чѹловѹкъ, забѹвъ йѹй Бѹгу, якъ ѹгѹ звѹлы, винъ, булѹ кажѹть, якъ молодѹй бѹвъ, такъ охѹчивъ бѹвъ зъ чѹжѹмы жѹнкамы балѹсы точѹты, а прѹйде додѹму, все летѹть, шкарѣбѹртъ, та на пѹпа; годѹвъ зъ двадѹцѹть томѹ назѹдъ, винъ берѹгъ лѹвокъ,—такъ той знавъ ѹсѣ одъ видѣмъ, кѹѣвдѹвъ, та верховѹдѹвъ нѹмы, якъ хотѹвъ, ничѹго не бѹався. Разъ кѹтыцѹця клубѹкъ, винъ взявъ ѹгѹ, прѹнѹсь у хѹту, провертѹвъ чѹповѹмъ свѣрдломъ у лѹви дѹрку, пѹтимъ оддѹлѹвъ одъ клубѹ пѹсмо,—дѣсять чѹсныцѹ, запхнѹвъ йѹхъ у ту дѹрку та й забѹвъ осѹковѹмъ кѹлѹмъ; а ѹтромъ, то бачъ булѹ дѹло вѣчеромъ, зѹзѹвавъ до сѣбе всѹхъ сѹойѹхъ сосѹдѹ, и мѹй бѹта ходѹлы тудѹ, такъ сѹойѹмы очѹма бѹчили, шо стоить баба, нагнѹлась до лѹвы й нѹжня губѹ прѹбѹта у нѣй осѹковѹмъ кѹлѹмъ.—Онъ-то вонѹ що“!

26. „Про вовкулаку. Вовкулаки, бачъ, кажѹть, ѹе. Торѹкъ ось, чѹвъ я, балѹкавъ одѹнъ мужѹкъ зъ Колмыкѹвки, шо тамъ, позѹторѹкъ цѹ булѹ, йѹде винъ зъ пѹля у сѹвѹ хѹтырь, а вонѹ шалѣющѹця шѹсь по пѹшиныцѹхъ: жѹнѹвамы бѹ цѹ то булѹ, пѹтимъ вѹбѹгло вѹтѹты (вѹтѹтыль) такѹ зѹзѹбѹлѹшки, якъ мѹдѹвѹдѹ и въ шѹрѹстѹ, тай йде до мѣне, а въ мѣне й дѹхъ похѹлѹнѹвъ, перелякѹвся такъ; та дѹмаю, дѹмаю, нѹякъ не вторѹпаю, шо вонѹ за злѹдень, чѹгѹ ѹмѹ видъ мѣне трѣба? а дали страхъ трѹхи одѹвалѹвъ, я й зѹдѹмавъ, шо цѹ жъ той, матъ (мабѹть), вовкулака, шо, кажѹть, прѹявѹвся у насъ. Ну цѹжъ трѣба якъ нѣбѹдъ одѹкорѹсѹкащѹця видъ ѹго, и тѹко цѹ подѹмавъ. а винъ шѹкѹдло скикъ до мѣне на повѹзку, та й сѹвъ пѹзъ мѣне рѹдомъ упѣрьсь очѹма,—та такъ нѹмы пѹльно прѹдѣ (дѹвѹщѹця) минѹ въ вѹчи, вѹлѹпѹвъ (вѹтрищѹвъ) йѹхъ, якъ барабанъ, чи пакъ той бѹбынъ, а балѹкаты ничѹго не балѹка, бѣлькѹче шѹсь, потѹка, по сѹѹѹмѹ, ничѹго ны пѹймѹшъ. Сѹвъ ото й сѹдѹтъ винъ чѹннѣнько, ни якъѹи шѹкѹды не рѹбе, тѹлько все бѹ то по-рѹваѣщѹця шѹсь прѹмѹвѹть. Йѹдемъ сѹбѹ й йѹдемъ; цѹ чѹты гѹвкають собѹаки, хѹтырь недалѣко, й началѹ вѹднѹщѹця хѹты; хѹра мѹя заздрѹла, шо блѹзько вже жѹльлѣ, схѹпѹвся зъ вѹзу тай бѹвъ такѹй, давъ тѹгу на зѹдни й юпѹать побѹгъ, скѹко вѹдно, у полѣ. Чи винъ бы то вѹдно чѹсь (чѹгѹдѣсь), аѹо пы-

тавъ, або просывъ у мене, злыдень же ёго зна, а тико бувъ бачъ тодѣ мырий. Хиба тымъ, сказать, шо днёмъ? Ноччу жъ оце, якъ совсімъ гораздъ вже смеркне, и люде обиснуцьця трѣхи, то отѣ, бачъ, не винъ вже й бѣде, щобъ не залѣзъ де въ хату, й не повытягавъ бы видѣти хлѣбъ — стѣко йе, сало, смѣтану, масло, молоко, а якъ шо йе, шо не пойдѣне у пичѣ, то й все зъ пѣчи берѣ й нисѣ зъ собою. — Пиддира бачъ винъ дѣбре. — Собака на ёго не гавка и дзвиръ нѣкий не бирѣ; пробувалы ёго вжѣ й стѣко разѣвъ засидаты, — каравулылы, ничѣго й нѣкъ не мѣжно такъ сылу зпийматы. — На облычча винъ всимъ такѣй якъ и чоловікъ; и нѣги, и рѣки, и морда, и все такѣ, та тико весь въ шырѣты, и вона стоѣтъ на ёму штѣремѣ.

На одній свѣльби у понедѣлокъ, пѣсля тѣго, якъ обдарѣлы молодѣхъ, у бѣтка молодѣго и молодой; такъ вони якъ йѣхалы вже до дѣму, до молодѣго, такъ якъ йе насерѣдѣ дѣроги познималысь (позлазылы) зъ пѣизду, йѣхъ булѣ симъ чоловікъ: молодѣй, молодѣ, дружкѣ, пиддружѣй и тры свѣшки, таѣ пишлѣ въ свѣтъ за очѣма на симъ разныхъ кинѣцѣвъ свѣта. Кѣжуть, це йимъ здѣлано такъ на симъ годѣвъ, а пѣтимъ опѣтъ зѣйдѣцѣя“.

27. „Колдунъ и вовкулака. Литъ зъ пѣять томѣ назадъ и въ насъ молва пройшла, таѣ тепѣръ такѣ балакають, шо бѣгалы вовкулаки по нашѣму степѣ. Кумѣднѣй цей дзвиръ „вовкулака“. Вовкулаки йе такѣ й такѣ, шо йзъ рѣду нѣмы рѣдѣцѣя, а ще, шо на бѣлышъ, йе такихъ, шо йѣхъ рѣблять колдуны та знахарѣ зъ такихъ-же людей, якъ бы оце й мѣ грѣшны. Всѣ це пѣченѣ лѣхо бѣлышъ всѣго востаѣ на свѣльбахъ зъ за-дружѣвъ и тѣпыцѣя жъ вонѣ на йѣхъ, та на пиддружѣхъ. Зѣдѣ бува, то втовкѣацѣя якѣй у цѣ причинѣлы, берѣцѣя за дѣло, а кѣбѣты немѣ, й у нѣспѣ не хватѣ, а тутъ глядѣ, на ту лѣху годѣну й проѣвыцѣя такѣй, шо й зъ пѣкла вѣскоче, — ну й гѣре: ото заѣде злоба, та гнѣвъ, о тимъ, шо ёго зплѣздрѣвалы — не попросѣлы-бъ то, бачъ, або не нанялѣ дружкѣваты и вѣдѣ цѣи пѣкосты, дѣвысь, жды, мѣчѣцѣя мѣже такѣ, шо й весь нардѣ на свѣльбахъ пѣртѣтъ. А хто отѣ вжѣ; другѣ такъ дѣлають: якъ замѣге, шо прилѣмзавъ на свѣльбу якѣй нѣбудѣ

одѣрѣголова, ни въ чѣмъ не перѣчѣтъ ёмѣ й наровлѣтъ все пѣштуваты, та всимъ годѣты, — а винъ перѣдѣ всѣю кагалѣю чѣбуныцѣя, велѣчаѣцѣя: я, молъ, не я; и Бѣже упасѣ питѣ на перѣкѣрь прѣты шѣрсты, тодѣ кѣвѣтъ, — хочъ заздѣлѣгѣ крычѣ каравѣль... Ни вжѣ, о тимъ — шкода! — годѣ вжѣ, бачъ, тодѣ, таѣ годѣ. А бѣдышъ нѣдовѣкъ, абѣ вѣвси нѣуѣкъ у цѣму дѣлы, та зъ пѣиздомъ зъ молодѣмы будѣшъ йѣхаты, то когѣ бѣ ты ни задрѣвъ, чи зустрѣвъ бы то, зѣдѣмай мѣрыцѣй шѣпку, клѣняйсѣ у пѣасѣ и пѣднѣсь горѣлки й заѣски. Вѣпѣ не вѣпѣ, заѣсе не заѣсе, — немѣ тобѣ до тѣго дѣла; будѣ бы вонѣ булѣ видѣ тѣбе чѣстѣ прилѣжена, бо всѣкѣ прѣчѣны видѣ людѣй бувають, и ёго худѣго ни за шо невзнаѣшь мѣжъ дѣбрымъ.

Однѣго чоловіка отѣкъ зробѣвъ колѣсы колдѣнъ вовкулакою. Бувъ дружкѣмъ, чи щѣбъ то, та й поспѣрылы; ну, винъ ёмѣ й вдружѣвъ: — нардѣ на свѣльбѣ хмѣра, а винъ бѣдѣга побѣгъ таѣ побѣгъ собѣ видѣ ёго вовкулакою, скѣко вѣдно у пѣле на чѣтырѣхъ; останѣвыцѣя оцѣ, подѣвыцѣя та й упѣать. И щѣй то, скажѣтъ на мѣлѣстѣ, шо все чѣе й розмышлѣ, та не балака и зѣразу ставъ увѣсь у шѣрсты, й облыччамъ той же вовкѣ. Чѣловѣкъ винъ не старѣй й малѣ дѣтки йе; плѣчѣтъ всѣ тодѣ по ёму, сумѣють. Журба напѣла и сосѣдѣ. Отѣ одѣнъ якѣйсѣ ёго знаѣомѣй видѣ всѣго дѣбре тѣмувавъ, таѣ прочѣвъ якѣсь про це лѣхо, жѣжалѣвсь надѣ нымъ й намырѣвсь одвалѣты, — обѣрнѣты назадъ въ чѣловѣка; бо вонѣ, кѣже, йе такѣ, шо тѣко зѣгѣбѣты мѣжѣтъ, а напѣравѣты „ба“, хочъ бѣ й захѣтѣвъ це зробѣты; а йе такѣ, то й те й другѣ тѣмѣють. Зѣбрѣвсь й пѣшѣвъ ёго шѣкѣты скрѣзъ по пѣлю; шѣкавъ, шѣкавъ, а винъ дѣсь далѣко забѣгъ, та ажъ на трѣтѣй дѣнь на слѣдѣ натѣрапѣвъ й знаѣшѣвъ: „чѣгѣ ты, кѣже, тутъ шѣлаѣйсѣся? ходѣмъ до дѣму“! — А той вѣсолѣпѣвъ бѣчи таѣ ни мѣкне. Отѣ винъ покѣчѣвъ, покѣчѣвъ головою, та вѣзѣвъ та й перѣвернѣвъ ёго у чѣловѣка, якъ й изспѣршу нымъ бувъ, а тодѣ й кѣже: „идѣ жѣ ты на своѣ сѣло и въ рѣныцѣ, дожѣдай бѣлѣ колѣдѣизѣ, тудѣ прѣѣде однѣ бѣба, такъ ты возѣмѣ йѣѣи сѣады за плѣчы, зѣлкаѣй (скажѣ: „тѣой!“) и промѣвышъ: „на зѣ мѣне цѣю (оцѣю) моѣ шѣкуру и носѣ йѣѣе стѣко, скѣко я носѣвъ“, а шѣбъ ты скорѣшъ це зробѣвъ, бо йѣты далѣко, бѣжѣ вовкулакою“.

Той возьми та такъ и зроби, и баба стала вовкулакомъ, а винъ—чоловікомъ.

28. „Шкарбы. Шкарбы—це заклятни гроби; кладени вони всякими людми крещеными й нехристами; ховали ихъ у землю де небудь были якои небудь примѣты, або й описля клалы якѣ небудь свойи вже примѣты: кушъ дерезы, бузыны, калыны, лыпы и чогò тѣки,—находящяца шкарбы й белѣ мугилъ, то бачъ давнишъ хтось клавъ. Шукаты ихъ трѣдно, ѣе всяково: ѣе людѣ такѣ шо на те врождѣни, вже та й знахаркѣ кой-колы попадають у рыхву.—Бильшъ совѣтують такъ, особлыво де старѣ шкарбы одъ нехристовъ: трѣба статы пузъ (поручъ) зъ примѣтою й дожидаты, поки сонце зѣйде у ростъ чоловічий, и тодѣ й дывѣсь, куды впадѣ тинъ съ твоѣйи головы, и рый,—якъ шо нема ничогò, такъ тодѣ примѣть ту тинъ, якѣ ляже зъ примѣты; узнають, чи пакъ примичають це однаково й по заходъ сонця. При киньцѣ свѣта вси, де ни ѣе, шкарбы бѣдуть являщяца всѣмъ людямъ безъ розбору, такъ тѣко ихъ тодѣ не трѣба бѣде: не до ихъ.. У нашъ вики, якъ шо выхòде срокъ заклятнѣмъ гробамъ, ихъ заклинають на сто годѣвъ ѣе й на вики; тѣки-ти, шо на вики, такъ лежѣть пидъ такѣмъ каміннямъ якъ горы завбѣльшки; такъ вони являющяца тодѣ людямъ,—не абѣ якѣмъ, а тѣмъ, якѣмъ назначѣ Богъ,—або козлямъ, або котомъ, пивнемъ, свѣчкою горѣть, або соплѣвымъ старѣмъ дѣдомъ и ждуть отò, щобъ ихъ хто вдарывъ, и вони тодѣ й розсыплющяца якѣми небудь грѣшмы. Ще й не гроби, головнѣ-то бачъ, такѣ, шо за ихъ й не зѣдришъ, якъ заплаатишь своѣю, абò жъ зъ симѣйи чѣю головою, а, бачъ, небезпримѣнно такѣ за ихъ плѣта“.

29. „Дидѣ и вдовѣ. Одѣнъ разъ, кажуть, прѣйшовъ до однѣй жѣнки старѣй престарѣй соплѣвый дидѣ, а ѣийи то чоловіка та якъ на те не булò дома; отъ винъ и кѣже ейи: „утрѣ мене старѣнького, утрѣ сѣво голубочко!“ А сопли такъ-такъ зз-обохъ нѣздеръ й шлякотѣть.—„Цуръ тобѣ, старѣй дѣду, хай тобѣ абыцю, гетъ собѣ бѣжи мирщѣй, а то ось-ось забарѣмъ якъ прѣйде мѣй чоловікъ додому, то винъ тебѣ утрѣ нагаѣю!“ И пѣшовъ дидѣсь, изигнѣвся и лѣдѣ ногѣ сова; а тамъ недалѣчко, звернѣть тѣко у провѣлокъ, жилѣ бѣдна удовѣ. Дѣдъ до нейи: „здоровѣ була! Утрѣ минѣ, молодѣчко, старѣнькому, сопли!“ Вдо-

ва зъ слинцѣ исхопылась, стяглѣ зъ мѣсника ганьчѣрку тай утѣрла выскрякѣ; успѣла тѣко трѣпку одхвѣтитѣ, а вонò—„брызъ! брызъ!“ й розсыпався перѣдъ бѣдною вдовою старѣй, соплѣвый та гѣдкѣй на врòду дѣдъ самѣмъ чѣрвòнѣцѣмъ. Стѣла тодѣ вдовѣ жѣты, багатѣты, та Бòга хвалѣты“.

30. „Старѣй дидѣ и дѣвка. Зъ вечернѣцъ ѣшла дѣвка пòлемъ; це у лѣтку булò дѣло; кругòмъ степъ, самѣ трава-перекотѣ пòле й тѣрса зъ ковылою. Зѣркъ на ўзбѣичъ до лѣскѣвъ, вѣйшло шòсъ изъ лѣсу, стѣло тѣ й стòйтѣ. Стѣжка ѣшла поблѣ лѣскѣвъ й пузъ тогò, шо вѣйшовъ вѣдѣты. Дѣвка ѣдѣ собѣ байдѣже,—чогò полошищяца? Пѣдхòде блѣжче. Стòйтѣ поблѣ стѣжки, пѣдпѣрсѣ пѣлюгòю старѣй, старѣй дѣдугѣ, у пòясѣ бѣла борода и выскрякъ зъ низдрѣ повѣсь, чутъ-чутъ трòшки не додòлу; заздрѣвъ дѣвку й кѣже: „идѣ лѣшинѣ сюдѣ, дòчко, та втрѣ мене хустѣною!“ Дѣвка булѣ, куды хòчъ ѣе не зъ труслѣвого дѣсятку, крѣстыкъ бѣвъ на шѣйи тòжъ, а зъ нѣмъ куды хòчинъ, та й такъ такѣ-булѣ небрезглыва, пѣдийшлѣ собѣ шѣвѣдѣнько та й утѣрла хустѣною соплѣкъ дѣдѣсѣви, а винъ, дѣдѣсь, узавъ та й розсыпався у ногѣ до дѣвки, й стѣлы зъ ѣгò самѣ стрѣбни гроби. Ну, звѣсно жъ, вонѣ ихъ зѣбрѣла й понеслѣ зъ собòю“.

31. „Дѣтѣ и козынѣ. Однѣ баба пòраецѣца, тѣ й пòраецѣца собѣ кòло пѣчи. а дѣткамъ свойѣмъ, шòбъ не пустѣвалѣ та не пошкòдылѣ чогò, насыпала у мѣску молока й посадыла ихъ посерѣдѣ хѣты на долѣвци ѣйсты. Самѣ жъ зновъ одѣхнѣлася, за дѣло взялѣся та й байдѣже,—не дѣвищяца до дѣтѣй. А вонò, чѣете, де не вѣзлòсь зъ пѣдпòкутя й вѣбѣжи манѣньке козынѣтко, та до дѣтòкъ, до молока,—ѣе ну давай зъ нѣми хлебѣаты; дѣтки попускалѣ ложкѣ на рядѣньце та до мѣтери: „мѣмо, а козынѣтко молоко ѣйсть“.—„А гòди тѣмъ вѣмъ, де вонò, кѣже, вòзьмѣщяца?“ Сказѣла, одѣитъ, бачъ, отò дѣлѣ, та знай такѣ собѣ пòраецѣца. Колѣ це, трòхи згòдомъ, опѣять вже дѣжче крѣчатѣ дѣтѣ: „мѣ-мо, ма-мò! Та щò це вонò за козынѣ привѣрзало до насъ? прогонѣ ѣгò одъ мѣски, атò вонò скòро усѣ молоко у насъ поѣйсть“.—„Щò за абѣщò? дѣмаѣ собѣ мѣты,—хѣбѣ и справдѣ лучѣлась дѣткамъ якѣ прѣвѣдѣнѣция?“—а вонѣ то та чѣла,

32. „Китъ и діты. Гра́лысь діты на ву́лицы, якъ ба́чуть—
иде́ до ныхъ жо́втый китъ, тай ка́же йимъ: „быйте мене́, быйте
мене́!“ Ну, а вонѣ обнаковѣнно, бачъ, нача́лы ёго ла́щыты и
гра́тыся зъ нымъ... Прыхо́дють до до́му та́й хва́люцьця сво́й
ма́тери: „ма́мо, ма́мо! Слу́хай, шо тамъ вонѣ таке́:—мы гра́лысь
на доро́зи, а до насъ прыбѣгъ чийсь жо́втый китъ, нача́въ зъ
на́мы модрува́цьця и все наровѣтъ ми́жъ на́мы бу́ты у се́редыни,
а по́тимъ й распотѣ́кався, нача́въ ра́зни вѣтѣвки вѣтѣва́ты: то
дзы́кою покрѣ́тыцьця, то геть одъ насъ схова́йицьця, хотѣвъ,
ма́ть, винъ шось намъ зроби́ты, та такъ ничѣ́го й не зору́довавъ
и все ка́же: „быйте мене́, быйте мене́! А мы й не бы́ли ёго́,
пожа́лилы, бо винъ та́кий бу́въ га́рный та ласка́вый; и шерсть
на ёму гра́ла, якъ со́нце сѣ́йе й полаштѣ́вана гладѣ́нко; такъ
таке́чки—погра́лысь со́бі трѣ́хи и винъ незаба́рѣмъ й пи́шдѣвъ
одъ насъ, шо мы й не зу́здрились“.—Ма́ты вѣ́слухала це́, тай
ка́же: „ну, гляди́ть же, ді́тки, якъ пи́дете ще гра́цьця и прѣ́йде
зно́ву, китъ до ва́съ, та́къ вы ёго́ хочъ помани́юсиньку уда́рьте
тамъ кулако́мъ а́бощо, тоді́ куплю́ я вамъ по́венъ бурги́огъ
медяны́кѣвъ, фрондзо́ль и гале́тивъ“.—Отъ вонѣ пи́шлѣ о́пять
гра́тысь, гра́лысь, гра́лысь—ды́влюцьця и китъ упѣ́ять иде́ и
те́жъ стро́йе, и нявчи́тъ: „быйте мене́!“ А ми́жъ ны́ми та бу́въ
тепе́рь та́кий за́ричи́ный хло́пецъ, незля́кавъся, пи́дийшдѣвъ до
ёго́ бля́жче та якъ уче́ше—трѣ́сне ёго́ по́ лоби́, а винъ чикбри́къ
зъ усьхъ чоты́рехъ й россы́пався зо́лотѣ́ми гри́шмы. Було́ жъ
тоді́ йимъ невпо́йи́сть ра́зныхъ ла́сощѣвъ“.

33. „Пастухи и козлята. У вѣчери разъ пастухѣ гна́лы во-
ливъ зъ поля до до́му, бу́ло дѣло пидъ якийсь вель́кий прѣз-
ныкъ; це дѣвлю́щя—поперѣдъ йихъ, гинъ, мо́же, зъ двѣе би-
жа́тъ якъ бы назу́стричъ йимъ двѣе козля́тъ, та оцѣ—розго-
ню́щя оды́нь зъ-пѣредъ одно́го, та та́къ лоба́мы й уда́рющя
и всѣ, и всѣ якъ бу́дыто бъ то наблыжа́ющя и наровла́тъ пе-
ребігты доро́гу пастуха́мъ. Пастухѣ дывы́лысь, дывы́лысь й дѣ-

34. „Заклятыи кладъ. Однѣхъ знѣхарѣхъ знавъ все свое знѣхурство и росказавъ моему брату, де ѣе позаховани грѣши и навчѣвъ молитвы такойи, що винѣ мѣже, де вгѣдно, грѣши знайтѣ, тѣльки бизѣ урѣмья (бизѣ врѣмья) не мѣже взятѣ. Отѣмѣ, кѣже, де колѣдѣзъ былѣ Зайцѣвъ на репьяхѣвци, такѣ такѣ цѣлий чувѣлѣ зарѣтый зѣ грѣшмы, а вѣ зрѣби, шо пидѣ Бунчукѣвкою, такѣ тамѣ пидѣ лѣповымѣ кущѣмѣ, де невилѣкий ярѣчокѣ вѣтявся до Курѣковсѣи, симѣ зрѣзывѣ зарѣто изѣ золотѣмы, тѣлько, звѣсно, вонѣ заклятѣи; винѣ и ходѣвъ тудѣ, такѣ отѣмѣ дидѣ сидѣи-сидѣи ѣе, шо зна вси твойи мѣсли, шо ты ѣ дѣмайишѣ, винѣ то ѣ кѣже моему брату: „що зѣ тѣго, шо ты вѣзьмешѣ? Ыимѣ зрокѣ ще не вѣйшовѣ, и ты нѣми не подживѣешѣ, а отѣмѣ ска-завѣ вже той дидѣ ѣму, чи мѣже ѣ знѣхарѣ, де велѣкий мѣстѣ, перекинѣтый чирѣзѣ ричку у Курѣковѣи, такѣ тамѣ, якѣ на сѣ-жень одступѣты и на аршѣнѣхъ вѣрыты, ѣе казанѣкѣ зѣ грѣшмы, тѣльки цимѣ зрокѣ чѣрезѣ пѣять годѣвъ, а якѣ вѣйде, тодѣи и вѣзьмешѣ“ (и винѣ же цѣ, отѣ изѣстыно прѣвду ѣ казавѣ, по-томуѣ що, якѣ ѣдѣешѣ булѣ на сѣношну пидѣ Велѣкденѣ, такѣ на тимѣ мѣсти повсѣгдѣ горѣть свѣчка). Отѣ мѣи братѣ дѣвго крипѣвся, а дѣли не вѣтерпѣвъ и лишѣвъ тудѣ у дочѣи, отко-пѣвъ, знайшовѣ тамѣ ти грѣши, тодѣи скѣнѣувѣ зѣ сѣбе чѣбитѣ, шшѣвъ торбѣнкою онѣчу и набравѣ тудѣ грѣшей, скѣлько влѣзло. Пришѣдовѣ ото винѣ додѣому ѣ положѣвъ ѣихѣ пидѣ скрѣнею, а самѣ такѣ и одѣбѣвъ зрѣзу, ѣ рѣчи однялѣ, ѣ ничимѣ ни во-лодѣ. Мы жѣ, звѣсно, про цѣ нихтѣ ничѣго не знавъ ѣ не гадавѣ, налякалысѣ ѣ пожурѣлысѣ дѣбре, а дѣли — мѣте и кѣже: „давайѣе абѣ малѣбинѣ одслѣжимѣ, абѣ що“. Взялы зибрѣлысѣ и одслѣжылы. Ёму полѣгшало, — рѣчи одпустѣло, стѣвъ балѣкаты и ворѣбацѣця,

а ходыты не може. Винъ и каже тоді: „Господы! якъ бы мині піднятысь, такъ я бъ си грóши заразъ бы й однісь туды жъ на те місто, де и взявъ“. Колы такъ,—на другий день піднявся, дождався нóчи: взявъ ти грóши и однісь; ни тíко жъ зъ ёго и добра жъ не було,—такъ винъ доживъ до Велыкодня и вмеръ“.

35. „Головни гроши. Літомъ я́кось б́ггалы д́тки стéжкою въ садóкъ на травы́чку гра́щця и знайшлы тамъ отќрыту скр́ню, зв́сно, изъ земл́и в́йшла, а въ н́й булы сам́и золот́и грóши; вон́ы жъ, бачъ, отó, скáзано жъ ще дурн́й—д́тты, обра́дили цём́у д́ву й началы пром́йжъ собóю лементова́щця: „дывысь, ка́же, оё-ё-ой у скр́ни яќхъ цяцёкъ напы́чкано“! Нах́лылыся у скр́ню й понаберáлы соб́и тихъ цяцёкъ,—хто въ кишéню, хто въ пáзуху, хто въ пéлену (д́тòкъ бу́ло чималéнько) й поб́гли зъ н́ми вси у хáту гра́тысь. Гра́лысь, гра́лысь й удра́лы въ дру́ге; принесли́, вы́сыпалы у ќчку, та́й въ трéте поб́гли—принесли́. Посидáлы на доли́вци й началы ворошќи насыпáты та въ кр́ймушки гра́ты. Шо не підќнуть ця́чку, вонá впадé на дру́ту та т́ко: „дзéнь...дзé-е-нь“ й гóлосъ протя́гне; д́тки зды́увáлысь, шо цяцќи спивáють, та до мáмки: „Мáмо, мáмо! йды дывысь, яку мы ця́чку знайшлы“.—„А гóди тамъ вамъ, сќрви д́тты, зъ вáшими цяцќама“,—а самá й не огляда́ецця!—Д́тки погра́лысь, погра́лысь та в́пять таќй корт́ать похва́лыщця: „та мáмо, таќй! ось поды́высь таќй, яќхъ цяцёкъ прыд́балы“! Мáты нéхотя зиркн́ула й взнáла червóньци, та такъ зъ м́ста й підскóчила: „дежъ це вы, мой́и д́точкы, ц́юю ця́чку взялы“?—А д́тки однó зъ-пéредъ óдного: „ось ход́мъ мáмо, онъ, отáмечкы; постривáй, стривáй, мы пока́жемо“. Ну й дóбре. Пышлы и поб́гли. А однó д́тынчá, та бу́ло бъ тóби, гáспидьске, шу́стре, такъ и снуé туды й сюды, й кр́утыщця, якъ дзы́га на лёду, вси йд́уть потихéньку, а вонó жъ, якъ ненáче ч́е на себе лих́у год́ну: поб́гло, та́й поб́гло уперéдь. Мáты зирќ у бикъ—стойть пóдли стéжки скр́ня росќрита, и хлóпчикъ йй́й доб́гá вже до н́й, а дáли—перехыл́вся кáторжн́й у скр́ню й не дожда́вся мáтери, хот́въ бы то пёрвы́й скор́йшъ достáты зъ скр́ни ця́чку, та т́ко гóлову тудá, а вонó кр́шка т́ки—„ба́ць“! Хлóпну́ла, закр́лася й одрубáла д́ты-

ни гóлову и такъ зъ нею й ув́шла, оп́ять наза́дь у зéмлю. Пóки дойшла́ мáты до тóго м́сщця, ажъ вонó й зéмлю зарив́няло, ненáче й н́чóго не бу́ло, т́ко леж́ть тамъ однó т́ловыще зъ йй́й д́тыны.—„Оттакé, ка́же вонá тоді, не ты жъ ё́го, сќрва д́ты́на, ба́ць, чогó самá соб́и нароб́ила“! У мáтери д́мка бъ то такá бу́ла, якъ бы вонá вм́сти зъ д́тмы до скр́ни пыды́шла, то и вáды бъ гóря бъ н́якого не бу́ло; та т́ко ни, ма́буть, це шкарб́ таќй, шо за ёго небызпрым́нно одв́чáты трéба ком́у нéбудъ своéю гóловою: не д́тýча, такъ йй́й бъ гóлова пыйшла́ бъ у зéмлю зъ скр́нею.—Оттакé то вонó: бу́дь дово́лынъ ч́мъ нéбудъ одн́мъ: або гр́шмы, червóньцямы, або гóловою“.

36. „О т́мъ, якъ д́вка пошутку́вала. Пышлы д́вкы на ву́лицю до д́вчáть гу́ляты, й трéба бу́ло въ одн́мъ м́сщци я́рдкъ помы́наты; то бу́ла глухá мисц́на, степъ не степъ, болóто та́й гóди. Ну й поб́гли д́вчáточка скр́зь по т́й дорóзи, ось изсóвсимъ переб́гли, ужé й в́дно хáты. Одн́й изъ ныхъ схот́лося про се́бе прыс́сты, zostáлася пыдъ ку́щёмъ, а ты зна́й поб́гли. Пыдн́лася й стáла тоді пóдру́гъ догон́аты; бж́йть самá по дорóзи, а бу́ло темн́енько, зирќ на бикъ—сховáлася въ ковел́и сид́ть якáсь д́вка. Бачъ, д́мае соб́и вонá, ще й с́ла лякáты; якъ доб́гла, та хп́тъ платòкъ зъ н́йи й х́ли по дорóзи. Доган́я свóйхъ д́вчáть та́й пытáйпыщця: „пызна́ватесь, ч́й платòкъ, гóди шутку́ваты“!—„Це не м́й, це не м́й и це не м́й“,—ус́й такъ скáзaлы. „Та шо за неч́ста? та кóтра жъ то zostáвaлася менé излякáты?“—„Мы т́тчыкы ось ус́й:—Гáпка, Стéха, Мылáшка, Ты́яна... вс́хъ перел́чылы“.—Такъ и йе! Зды́гну́лыся вси плеч́има, зды́увáлысь с́й пыч́ныи й налякáлысь дóбре, та́й подáй Богъ нóги, побра́лыся вси за р́кы й латáты вже мóвчыкы. Вечерн́цы не вдáлыся: сумн́хъ бу́ла б́льша полов́на. Хлóпцы зпёршу розва́галы, у скр́пкы и балабáйки витр́бёнькы гра́лы; пóтымъ лáялыся зъ досáды, кр́чáли и зъ т́мъ розы́шлыся. Пышлы д́вкы на дом́вку, а хлóпцы за н́ми. Прышла́ д́вка у х́жину й принесли́ хуст́ну зóвс́мъ ищé новéсеньку, зъ поря́дку шовкóвыхъ, й полож́ла на пол́щю, самá жъ лягла́ спáты. Бу́въ, ч́и не бу́въ той сонъ у н́йи, а бачъ же лежáла, й ус́й въ х́жци спáлы, про д́вóчу хуст́ноньку н́чóго не знáлы. Це якъ йе вже о пывъ нóчи, пыхóде

шось до хіжини й стукотѣть и грюкотѣть, ажъ бычачи пузырѣ полѣпалысь у викнѣ, и знай колѣшка та крычѣть: „вернѣ моє минѣ назадѣ! вернѣ, вернѣ, оддѣй моє“! Побудѣло враже лѣхо й навернѣло дѣмокѣ, ажъ у бѣгахъ зѣ перелѣку метѣлики грають.—„Хтѣ ты, шо тобѣ видѣ мѣне, убѣлого, трѣба“? насторочивѣ вѣхо й слѣха, шо єму промѣве, а вонѣ й утѣхло, ничѣго не чѣты. Полягѣлы зновѣ. Тѣко звелѣ бѣчи, слѣхають—стучѣть: „вернѣ моє минѣ назадѣ! вернѣ, вернѣ, оддѣй моє“! та такѣ й заскрыгѣче. Схопѣлыся, засвитѣлы страшнѣ свѣчку й лыпѣадку до Спѣса, тай началѣ творѣты молѣтву. Помолѣлыся, якѣ зѣумѣлы, й началѣ промижѣ собѣоу пытѣтыся, тѣлку пидбирѣты, кѣ тѣму,—шо то, бачѣ, йимѣ за нечѣста вѣ викнѣ стугонѣла й велѣла вернѣты шось такѣ йийѣ. Дѣвка довѣго крипѣлася, взяла й росказѣла про тѣ, якѣ йшла зѣ дѣвчатѣама, йшла, тай и зостѣлася,—пѣтимѣ доганѣла, й якѣ ничѣаанно вѣ вошѣбку сѣ кѣгѣсь на дорѣзи хустѣну увирѣала. Росказѣла й протѣгла на полѣцѣу рѣку: „Дѣвѣтѣся, ось вонѣ“. Розвернѣла на столѣ перѣдѣ образама й залѣлася, бидѣлага, дрибнымѣ слѣзѣама... Затымѣ пидхѣде дрѣга ничѣ. Зѣ пивѣ—нѣчи тежѣ творѣцѣця. На трѣтѣю, якѣ прѣйшло, взялы вонѣ й шпурнѣлы хѣстку у викнѣ. Лежѣть на прѣзѣби та хустѣна, а вѣ хіжини одѣ стѣку, ажѣ хѣдорѣмѣ все хѣде. На ѣтри зновѣ взялы хустѣну й пишли изѣ нѣю до попѣ—радѣ попытѣты. Прѣхѣдѣютѣ, питѣають: „шо робѣты тутѣ намѣ, пѣпе,—отѣакѣ й отѣакѣ намѣ трапылось“, й росказѣлы, якѣ булѣ одѣ началѣа до кинѣцѣа. Попенѣвѣ йихѣ трѣхи пипѣ, а шо набѣльшѣ—дѣвку: „не слѣдѣ булѣ бѣ, кѣже, брѣаты, не знѣаючи одний пѣстувѣаты“! Тай порѣавѣ ще разѣ, абѣ й мѣже й двѣчи, вѣкинутѣ ту хустѣну за викнѣ, якѣ прѣйде. Поклонѣлыся попѣ тай пишли до дѣму; ждѣть, сидѣть й очѣй не змыкѣають. Чѣють зѣ жѣаднымѣ рѣзомѣ бѣльше стѣрвенѣцѣця, кричѣть однѣ: „оддѣй моє“,—тай бѣста! Кѣнулы, такѣ ни, й далѣко не риднѣ. Ну, шо жѣ тутѣ дождѣаты,—зробѣлы й ще разѣ такѣ ємѣ, такѣ лѣчче хочѣ й облѣшѣ,—й пишли опѣять до попѣ, шо робѣть, питѣаы.—„Не берѣ, вырѣатѣй злѣдѣнь, кѣжѣть вонѣ попѣ, затѣврдѣвѣ собѣи однѣ, тѣпѣунѣ ємѣ бѣ на язѣкѣ: „вернѣ моє минѣ назадѣ“! шо жѣ тутѣ зѣ нымѣ робѣты? прѣамо немѣ жѣсты, прѣйшло вѣвѣкомѣ вѣты“.—„Тѣперѣ зостаѣцѣця,—

давѣй сюдѣ дѣвку, покѣту накинѣ тай запричасѣтѣю; тодѣ нехѣй берѣ платѣкѣ й несѣ томѣ, хтѣ до нѣи прѣйде, бѣ самѣа єгѣо знѣла, самѣа жѣ нехѣй й завѣяжѣ“. Наступѣла ничѣ, а за нѣю незабѣрѣмѣ налитѣла пѣвничѣ жартѣувѣаты зѣ дѣвчѣиноу за шѣвѣковѣ хѣстку. Стѣкѣ, стѣкѣ, стѣкѣ—затѣрусѣлася хѣта; пишла дѣвка изѣ платѣкомѣ тай бѣльшѣ не верѣталѣся. Ждѣть пождѣть, ажѣ ось и ѣтро, а йийѣ немѣе; та такѣ якѣ немѣа, й немѣа й немѣа. Пишли тодѣ зѣ усимѣ сѣломѣ ту дѣвку шукѣаты й найшли вѣ ярѣу однѣ кистѣкѣ та шматѣкама мѣаьсо, знѣаты зѣ нѣи познѣуцѣавѣся нечѣстыѣ, понѣхѣтувавѣ, розирѣавѣ й роскидѣавѣ скрѣизѣ по ярѣу.—Такѣ то, чѣете, колѣсь зѣ дѣвѣкою лѣчѣлось“!

37. „О тѣмѣ, якѣ бѣба бабуѣала у чѣртывѣ. Нѣчѣу прѣйхѣла колѣска до бѣабыноѣи хѣты; а вонѣ то булѣа такѣа, шо скрѣизѣ бабѣе, цѣ дѣло вѣже за нѣю; якѣ жѣ безѣ нѣи то й не тѣ. Вонѣа якѣ тѣко булѣо чѣрѣзѣ порѣгѣ,—й ось тобѣ й Бѣгѣ посылѣе... Ну, такѣ колѣска бѣ то прѣйхѣла й вѣ нѣи сидѣло двѣ купѣцѣа такѣ гладѣкѣ та здѣровѣ, та нарѣажѣни, у всѣмѣу новѣму, шо такѣ жѣ й блистѣть и блистѣть й брѣзкѣтѣть на йихѣ. Та й виклѣкѣають на двѣрь бѣбу: „выхѣдѣ, кѣжѣть, пожалѣуста, сюдѣ“! Бѣба выхѣде, бѣо дѣжѣ докѣучѣалѣся. Вонѣ, якѣ тѣко вздрѣлы, й кѣжѣть йей: „Пидхѣдѣ та тѣлки не хрѣстѣсь“. Бѣба такѣ и обѣмѣлила—йий и во снѣи никѣлы не вздрѣвалѣосѣ бѣачѣты такѣого вѣбранѣства на купѣцѣяхѣ, такѣихѣ кѣней и кѣалѣьски, а прыкѣазѣ йихѣ, шѣобѣ то не хрѣстѣлася, все рѣвно, якѣ кѣтѣ по спѣнѣи оперѣзѣавѣ тебѣ кѣшкоу.—„Не бѣйсь! мы прѣйѣихѣлы за тобѣоу, шѣобѣ ты вѣмѣсьти зѣ намѣ поѣйѣхѣла, та дѣбѣрое бѣ дѣло намѣ зробѣла, сидѣй зѣ намѣ та й поѣйдѣмо“!—Сѣла бѣба и ни слѣва. Колѣска побѣгѣла. Бѣба не вспѣва примѣчѣаты, кѣдѣ йийѣ тарѣхтарѣять. Завѣзѣлы бѣбу у болѣто, у густѣи прѣгустѣи очѣретѣа, та й и останѣвѣлыся. Увѣдѣаь у хѣту, а дѣтынчѣа ужѣ родѣлось й родѣльнѣа хѣде по хѣти, взялася руѣама за живѣть—стѣгнѣе й прѣосѣ бѣбу скупѣаты дѣтѣну. Бѣба взялася за дѣло, а вонѣа хѣде по хѣти та вѣказѣе, якѣ купѣаты; шо цѣ такѣе, дѣма бѣба, ажѣ росѣрдѣлася, скрѣизѣ булѣо годѣо, нѣхѣтѣо ще не вѣчивѣ, а цѣ бачѣ прѣйшлѣосѣ знѣаитѣи однѣу такѣу, шо не по йийѣ,—казѣаты жѣ йий про цѣ—бѣицѣця. Купѣе собѣи та й купѣе; дѣвыцѣця,—а вѣ дѣтѣны зѣади высѣть кѣшка зѣ дѣбѣрый собѣачѣий хвѣстѣ, та такѣ

й отхитнулася назадъ. Хотѣла перекрестыцца, молитву створыты, зиркъ, ажъ тамъ нигдѣ нема и одниѣ выкны. Догадалася баба, тай мовчѣть тодѣ вже. Старшій пославъ одного збераты гуляння, клькаты на родыны, а другому прыказавъ: „пидѣ ты, у того-то йе нехрищенихъ три горшкѣ зъ масломъ, а у того-то медъ такій, а у того—те и те... берѣ усе й несѣ ёго сюды“. На досвітку позлиталысь гості:—хто у двѣри, хто у викно, а хто й легивъ зъ пѣчи.—Стойть баба не жива, не мертва. Позлиталысь й началы гуляты: танцюють, перекидаюцца та въ ладоши плещуть; одынъ скакнувъ на стилъ та по столѣ й ну гарцювацца, та самъ себѣ сѣпьятками обѣ задныцю быты. Баче баба горе й мовчѣть, шобъ не двоѣ; зибралася зъ дѣхомъ, повернулася до старшого й каже: „одвезить теперъ додому, я вамъ не подоба, що зумѣла,—поробѣла, бильшъ робыты нічого; бувайте здоровы“.—Звелѣвъ старшій коней запрягаты. Запрягли. Стоять кони якъ орлы; шерсть на нихъ такъ и сѣе, копытами зѣмлю рѣють, а очѣ блищать, якъ каганьці.—„На жѣ тобѣ, каже, за труды, идѣ сюды до кадиба та наставляй свою пѣлену“.—Пидняла баба пѣлену й утрѣнку все, мать, похолонуло, а винъ здоровый та прямой, якъ дубына (не глызѣвый бувъ), та такъ все гогосомъ, гогосомъ коло неѣи,—набравъ зъ кадоба зъ мѣрку вугиля та такъ й шурхнувъ баби за трудѣ. Пойхала баба мовчки. Конѣ не бижать, а летать й зѣмлю пидъ собою не чѣють. Забула й подякуваты;—прѣхала додому, розвернула пѣлену, дывыцца,—ажъ не вугиля, а повнѣсинька пѣлена однихъ золотыхъ. Одъ радости бабу у пѣть бросило, й вона захворала... Оттакъ ходыты бабуваты до незнакомыхъ, та ще й у глуху ничѣ. Грихъ за це неминуций: це все равно дѣшу свою продаты за грѣши. Зъ тыхъ пѣрь пропала въ баби й завѣсть бабування“.

38. „Еретники—охотники и ключ-травѣ. (Еретниѣка охота). Ключъ-травѣ подобна тымъ тѣко, хто зорѣть за воривствомъ. Цыганѣ—шо набильшъ обзавѣдця нею. Колѣсь було частѣнько такѣ проявлялысь такѣ о цѣмъ балѣсы, а теперъ, дывѣсь, хибѣ тѣко одъ староѣ людѣны де-ни-де почѣшь про цѣ разни примѣси, та й то вже стѣлы кой що забуваты, та й цыганъ такѣ теперъ такѣхъ нема. То бувъ народъ собѣ мыжѣнный,

чорный, ажъ засмалѣванный на выдѣ; а цыганка, було, якъ глѣне тобѣ въ вѣчи тѣки, такъ такъ, якъ въ воко влѣпе: все роскрѣе, шо було, та ще й загоди зна, шо бѣде.—Такъ отъ, еретники, охотники—„ворѣги“, першъ всего, шобъ бѣты прѣйдѣ-свитомъ, шукѣють, де несѣцца черѣпахѣ, и якъ зѣдрѣть, бачъ, де (знайдѣть гнѣздо), такъ отѣ й почитѣй вже, шо достѣвъ цѣю еретниѣцкѣ ключъ-травѣ; трѣба тѣко тодѣ каравѣлыты, дывѣцца, колѣ вона сѣме поповзѣ у воу пѣстысь, и тодѣ возѣмы, та й обгородѣ кругѣмъ ёго килѣчкамы; при нѣй же цѣго низѣ зѣлѣты, бо такъ у тѣло и вѣвѣцца. (Несѣцца вона на сѣши де не (будѣ) у травѣ, а пѣстысь лѣзе у воу, на дно рѣчки, або мѣря). Вона то прѣйде, побѣче цѣ крѣпѣсть, огорѣжу, та тодѣ й тѣды-й-сюды до гнѣзда,—не вѣйде и полѣзе собѣ зновъ у воу, та такъ разѣвъ зъ три оснѣ шукѣты того зѣлля, шо всѣку всѣчину рѣе. Прѣлѣзе, бувѣ, разъ—не та травѣ; у дрѣге—ни, ничѣго, бачъ, не подѣе нѣю; а въ трѣтѣе, якъ полѣзе шукѣты и хочъ довѣ не бѣде, за то вѣрнецца зъ настоѣщою, прѣло-же до огорѣжи, вона зѣразъ же й отпадѣ вся. Травѣ йѣй цѣ теперъ не нѣжна, и ты йѣй не берѣ, лѣки (пѣты) вона засѣхне, а засѣхне, ждѣ того чѣсу, якъ полѣзе черѣпахѣ у воу; тодѣ прѣрѣжъ на пѣлѣци (на пѣлѣцеви) шкурку и залѣжи пидъ нѣйи ту травѣ. Теперъ знай: якъ це все загѣйицца, до якоѣ бѣ ты залѣза ни дотрѣнувся,—вонѣ роспадѣцца, не вѣдерже; до любѣго замка, абѣ якѣхъ такѣхъ запѣривъ, тѣко прѣтулысь рукою, й вонѣ й розлитѣцца“.

39. „Два чабаны. Йшлы двѣ отѣри чѣризъ мѣсть ѣди супротѣ другѣи, тай стрѣлыся на грѣбли. Грѣбля була вѣзѣнька; якъ ёго було прѣйты,—комѣ звернуты въ бѣкъ, абѣ вернуцца назѣдки? Отъ, одынъ чабанъ и каже другѣму: „стѣй, стрѣвай!“—тодѣ зѣывъ своѣхъ овѣцъ трѣхи, пидвѣрнувъ пидъ бѣкъ и тѣко жѣ взявъ винъ та постѣвывъ мѣжъ нѣмы, одъ своѣи й чужѣи отѣры, свѣдъ гарлигу (здоровѣ пѣлыця) и—„трошѣ! трошѣ!“—такъ провѣвъ своѣ худѣбу промѣжъ чужѣихъ овѣцъ, шо якъ пѣстысь, такъ хочъ бы однѣ де вѣвѣцѣ, козѣ абѣ барѣнъ замишѣлысь помѣжъ тѣмъ.—Зѣлѣай же теперъ такъ,—атѣ жѣ!—Та шо й казѣты, було дѣло“.

40. „Наскѣшла косѣ на камѣни. („Два дружѣкѣ голѣдунѣ“). По-

встричались два пѣйизды, тай стали одынь супроты другѣго; потимъ схопылись зъ горилкою у рукахъ дружкы й начали угощающа та хвѣстащя промѣжъ собѣю,—хто, бачъ, зъ ихъ лучше тямѣе, шо зробіты. Отъ одынь налива чарчину тай дае: „на, пий!“—Той выпивъ, а зѣбы зъ роту тѣко пущъ ёмѣ у жмѣню; высолопывъ тоді винъ очы, та й лѣпа нѣмы, мовъ, не своїмы, а дали й пыта: „це то ты зумѣты зумѣвъ зробіты, та чи вмѣишъ же ты, лѣшень, зновъ ихъ повставляты?“—„Ни, цѣго вже не мѣжу, выбачайте.“—„Ну, такъ дывѣся жъ, якъ це рѣбыщя“, взявъ та й кѣнувъ собѣ свойи зѣбы у ротъ, и вонѣ такъ и посидѣлы, якъ булы, на свойихъ гнѣздахъ,—осъ якъ це дѣещя! А ты, бачу, тѣко зпѣртыты, згубѣты, зѣсты умѣшъ, а одвалѣты назадъ нехай, мовъ, людѣ, бѣдутъ, знаѣдущя, мовъ, такѣ! Отъ за це той не гарѣздъ,—ты такъ: посмѣйся, посмѣйся трѣхы, та й облыщъ. На жъ, тепѣрь выпѣй моѣи запекѣнки, моѣ бѣде трѣхы смашнѣша: осъ на бо, на, попрѣбуѣ цмаку“, пидносе. Той пѣе и зѣбы ёго до жѣдного зостающя у чѣрцы, а очы такъ такъ и повывѣрѣлысь зъ лѣбу. Посмѣѣвся такѣ той дѣбре зъ ёго, та взявъ та й отпустѣвъ.—„Идѣ жъ собѣ, кѣже, сидѣй на визъ та везѣ молодѣхъ, кудѣ слидъ, та й не глузѣй билѣшъ зъ людѣй!“—Всѣаки людѣ йе“.

41. „*Купѣць и гуртъ ёго скотѣны*. Гнавъ купѣць шляхомъ гуртъ скотѣны по помѣщицкѣй землѣ, а вонѣ то, шляхъ той, та бѣвъ въ однѣму мѣсцы ззѣбранный, зостаѣлена булѣ одна тѣко вузѣнька дѣрѣга, за малѣмъ хибѣ, трѣхѣ не стѣжка. Кругѣмъ рослѣ пшеницѣ у ристѣ чѣлѣвичѣй. Скотѣны, звѣсно гуртъ, булѣ чѣмѣло и йшла мѣ(же) кѣй де по хлѣбовѣ, безъ тѣго вже жъ незѣ. Помѣщикъ узнавъ обѣ цимъ одѣ свойхъ обѣѣжджѣкиѣвъ й остѣновѣвъ той гуртъ, зарѣштовѣвъ. Купѣць просѣщя, —просѣвъ, просѣвъ, а потимъ бѣче, шо дѣло не выхѣде, клѣкнувъ погонѣщѣкиѣвъ до сѣбе, на кѣней—тай поѣхѣлы у блѣжнюю слѣбѣдку, а гуртъ зостаѣвся самъ. Якъ тѣко гуртъ, братъ ты мѣй, зостаѣвся одѣнь, дѣухѣмъ почѣвъ не те, хвѣсты задрѣвъ вѣгѣру, та якъ шпурнѣвъ ёмѣ винъ по хлѣбахъ, вонѣ спынѣты,—спынѣлы, спынѣлы, кудѣ жъ тутъ? ничѣго немѣжутъ зъ нимъ зробіты, и не тѣко пѣши,—й верховѣ. Нѣвы потѣлобѣчылись и зрѣбѣлись чѣрни, якъ рылѣлѣ,—такѣ невѣстѣлыѣа скотѣна порѣбѣлась. Дѣй-

шло до тѣго, шо порѣ вже й помѣщѣку наздѣганѣты та просѣты купѣця, щѣбъ гѣтъ займѣвъ свою худѣбу; и незабѣрѣмъ такѣ майнѣлы увздѣгѣнку.. До купѣця, а винъ не тѣеи: „нехай, мѣвъ, трѣхы побисѣе —помѣрдѣйщя“. Потимъ, трѣшки згѣдомъ, прѣйшлѣ гонѣцѣ тѣгѣ гурта,—москалѣ, и якъ гукнѣлы, такъ такъ всѣа скотѣна до однѣи й пырнѣла,—однѣ дѣругѣ зъ пшѣнѣщѣ на шляхъ тѣре й шляхомъ скрѣзъ, гѣй-гѣй, скѣко вѣдно, на домѣвѣку. Тѣко й бѣчылы.—Оттакъ докѣзѣвъ купѣцю за потрѣву“.

42. „*Прѣвѣдѣнѣця слѣбѣдѣизъ табѣурѣмъ*. Йшѣвъ табѣуръ чѣмакѣвъ, та й ставъ на почѣвокъ при якѣйсь слѣбѣдѣци. Пѣдвернѣлась ничъ, сталѣ ночѣвѣты, а пѣстухѣ погнѣлы дали въ степъ худѣбу попѣсты. Пѣашѣ дѣбра, волѣ сталѣ та й кѣнулысь пѣастѣсь. Мѣбутъ, ничѣго булѣ. Хлѣпци-пѣастѣшѣа тожъ намѣялысь въ дѣрѣзи, пѣдтопѣталѣсь, звѣсно, схѣлѣлысь пѣдъ кѣстамѣ й бѣйдуѣе—заснѣлы. Худѣба сѣта; травѣ прѣйѣлась, вонѣ й майнѣлы по хлѣбахъ. Лучѣвъсь, якъ йе на ту лѣхѣ гѣдѣну, обѣѣждѣкѣ зъ якѣбѣсѣ оѣкономѣи, ставъ пѣле оглѣдѣты, та й натрѣпывъ на волѣвъ чѣмѣщѣкѣхъ. Хлѣпци зѣркъ,—немѣа волѣвъ, й до табѣура хѣлы. А обѣѣждѣкѣ ихъ давнѣ до сѣбе погнѣвъ.—Пѣшлѣ хлѣпци всѣмъ табѣурѣмъ волѣвъ вѣкупѣты,—торбуѣалѣсь, зпынѣчалѣсь, зѣмлѣу йѣлы, шо шѣкода негѣадѣна; ни щѣ не въ угѣду,—тузѣвъ дѣбре бѣсурѣвъ обѣѣждѣкѣ й узѣвъ изъ ихъ по сынѣнькѣй одѣ жѣадѣи пѣры. Заплѣкало чѣмѣщѣство, ничѣ не поѣдѣишъ; повпрѣгѣлы волѣвъ въ ѣрма та й въ путь у дѣрѣжѣку за сѣльѣу у Крѣмъ. Тѣко сталѣ запрѣгѣты, занѣзы стрѣмѣлыты, хто пѣдтѣку поправѣвъ, зъ лѣушнѣю возѣвъсь, хто вагѣу чѣплѣвъ пѣдъ визъ, а хто ищѣ вѣживъ та колѣса мѣзѣвъ,—подѣвѣлысь на слѣбѣдку, ажъ лѣлѣчко—лѣхо: ззѣсиѣи слѣбѣдки, въ дѣроѣвѣщѣу нѣче, бѣжѣтъ въ пѣле на хлѣбѣ волѣ, и корѣвы, а за нѣмы слѣдомъ кѣни, вѣвѣци, свѣни и всѣ, шо ни йе якѣа худѣба, пѣщя—гѣсы, кѣры и инѣкѣи, та всѣ въ воднѣ мѣсце: на помѣщѣцѣи хлѣбѣ... „А шо, вѣрѣжѣи сѣну? слѣзы дѣромъ не пропѣлы, потѣшѣйсь жъ нѣмы“!.. У пѣли нѣслѣна худѣба прѣйшла по хлѣбу й такъ зрѣбѣла, якъ у хѣти на долѣвѣци“.

43. „*О тимъ, якъ Рѣмахъ ходѣвъ на бакѣшу кѣвунѣвъ крѣсты*. Нѣнавъ собѣ Рѣмахъ косарѣ—москалѣ тай поѣхѣавъ зъ нѣмъ

на ніву, ярыну вбыраты. Прийхалы ще за-відна, наварылы кулишү (кандеру) й крутоїи капи, попойлы всёгò добре,—одийшла вечера, й полягали спаты. Недалечко, чүйешь, вь бикъ, зь полявыны вгору, ростяглася вь поручь зь лісомъ бакша зь кавунамы. А Рóмахъ цей бувъ такий, шо не втерпе зрòду крáсты, й особлыво, якъ заздрить кавунъ, абò дýню; це вже дзудзки, не винъ бóде, шобъ чогò не вхйбыть. Про це й люды добре знáлы та й береглы бакши. Спавъ чи не спавъ отò винъ тамъ, устáвъ нýшкомъ та й поплівся промочиты дýшу; тай чужòму чоловіку—косарю тожъ вь пригоди бь стáты. Якъ добрався Рóмахъ до бакши чужби, навывбравъ кавуныкывъ чимáлый мишечокъ, тай звалывъ соби на плéчи, иты вже зибрався; подывився кругòмъ себе, ажъ скризь огорòжа. Блукá Рóмахъ вь вогудыни, мовъ, спутанный пúтомъ, та й зь досáды полосые огиркы вь кишéню... Немá хóду, куды не кинь, самы плетнй, крутыця сердéшний. Ужé й скóро свитáтыме, и зйрка вранишня ось-ось. Заря загори́лась. Проснүвсь косарь, глядь поглядь, Рóмаха кать-мае; уже тутъ винъ туды й сюды на вси думы думавъ. Догадався, мать (мáбутъ), москаль, шо шось йе недóбре,—мирыщй выбигъ, ставъ на бугрыкъ, дывыця пидъ зóрю, ажъ воно тамъ шось мирие, тонцюецця вь бакшахъ. Винъ до ёго: „що це ты тутъ робышь?“—„Нарвãвъ, бачъ, тутъ кавуныкывъ та нийкъ не вйду: скризь горòжа, стоять плетнй, немá минй хóду“. А винъ ужé налякãвся, та и мишòкъ геть бросывъ.—„Берй скорйшъ мишòкъ зь добромъ та шамиль за мною“. Схватывъ мишòкъ, бижать у двоухъ й плетнй ти де дйлысь, та до вóзу—й стáлы.—„Ну, братыще, косарь кáже, билышъ ты такъ не дйлай: безъ разбóру не лизь вь вóду, абò окунёсья“. Винъ и дýма: „стóрожъ тáме, а цей, мать, ще дýжче“,—та й съ тихъ пиръ и ни ногою,—квыть, шабашъ вже крáсты“.

44. „Чумака Галыпа. Разъ мий дядько у дорóзи побратãвся зь Галыпою тай пойхалы у Крымъ, медъ туды возылы й сыри кóжи а колы й пшиницю; а виттыль вже воны бра́лы силъ та дэготъ нéхту, а що набильшъ—бра́лы рйбу. Всяка бу́ла рйба. Було дйло, (за тйждень до Вшестя), затйялы у дорóгу, тай зибра́лы чимáленький табуръ, зийшло дру́жне чумáчество, вйрне товариство. Не згадаю, де сáмечки у якому мйсьци по-

чувáлы всимъ табуромъ, везлы, знáю, рйбу; повставáлы воны вь рáньци та й гулькь до худòбы: волы хóдять по травй дé-не-дé заздрйешъ; пáша дóбра, ну й пасу́ця мóвчки, а кóяки вже напаслысь, полягáлы й котуляють рóтомъ. Зйркъ до кóней, ажъ йихъ немá,—шòжъ ёгò робыты? Кóни бу́лы дóбри. Якъ узнáлы и... стревóжи́лы такий лéминть, суматòха зпрãвди; хто побигъ зь кийкомъ шукáты, хто жу́рыця, хто нуды́е, а хто стоить, пла́че: пропáвъ, кáже, заробитокъ, шо бóду робыты? Товариство не повйре: скáже, де самъ спрýдывъ, абò вóвси скáже:—ты жъ самъ караву́лывъ, твой бу́ла чéрга, ну й давай волы за кóни; оттакóи вйпывъ!—Всй торбу́юця, хлопóчуть; хóдять юрмамы, шукáють, а Галыпа пиднйме знйшка свою пйку, очима блймне скризь на шляхъ, тай зновъ до вóза,—ладе визъ, якъ бóтто винъ бйды не чует; ёму и байдуже про то,—нехай, моль, хлопци молодй, нехай тамъ трóхи погорюють, а самъ бо то, нинáче й вспрãжки, якъ бóдто лáгодыця зь вóзомъ: люшню то здййме, то надйне, пидъ визъ пидлы́е, пидтóки лаштýе. Ти верну́лысь. Немá дйла, тйко дурно, нóги бы́ли; мать, чимáло одчухрáлы, шо ажъ чубы мóкри й по пйци потёки. Спытáвъ Галыпа, чи всижъ то тамъ верну́лыся, тай замовчãвъ; гóлову по-нүривъ; а про кóней й ни гүгү.—Напусты́лось на Галыту усё товариство: „щòжъ щòбъ то такъ чи щò?“ й началы вприкáты: „це не дйло, а биздйльля, иды и ты шукáты“!.. „Постривáйте трóхи, й кóни бóдутъ дóма; той, хто вкравъ, не пиде дáли вйтты (вйттыль), де сидыть тепèрь винъ вёрхи на прытòни. Случáлось такъ не разъ минй, всёгò на свйти переживъ; кусáла насъ такá!“ Товариство вйслу́хало й ўхи повпуска́ло. „Щò це кáже нашъ Галыпа, чи мóже жъ це стáця? Не здуривъ бо винъ у насъ,—мóже зь переляку? Скорйшъ Йвãнъ, перекрестй брáта, дай напы́тыся воды́ци, тай на пйку бры́зны; творй скорйшъ крёсную молы́ту!“ Заходйлыся гуртòмъ й поличйлы дйда, тутъ знайшòвся ще й такий, шо й крòвъ бросыть вмие.—Бóлисть бу́ла не мáла; одвалáлы кóякъ.. А Галыпа насупывся тйко блйма очима, нийкъ не вторóпа, шо надъ нимъ лучйлось.. Трóхи згòдомъ скину́въ брыль тай перехрестйвся. (Тодй всй вь брыляхъ ходйлы ти шо чумаки бь то).—„А ну, лышинь, кйшъ изъ мйсьця, полосуй за мною, тйко спёршу догòворъ:—цүръ не

бѣщца та слухащца.—„Добре дѣду, добре“! Расправылы хлопци кѣльши (кѣльши), погреблы слѣдомъ. Идуть та мѣсять, що вѣйде изъ сѣго. Прошли чи малѣнько. „Тпру! стривайте; стійте тутъ, прогукавъ Галѣпа, я пидѣ до тихъ майданъ, тамъ щось копошищца“, тай пишѣвъ. А майдани одъ насъ всѣго не билишт гѣну. Мѣсяця дѣвлящца, махае, настромивъ на палку брыль всихъ ихъ зозывае. Поплелѣся дѣли. Пидходимъ умѣщца. „Онъ де, каже, й кѣни“,—хлопци й обомлѣли.—А вонѣ, москѣвське лѣхо, на рѣвний поляни крутыщца изъ кѣнмы; та все въ воднимъ мѣщца, а дѣли не йде; бородѣще до пояса, й на выдѣ червѣный а у плѣчихъ миръ хочъ не дѣже й рѣсый. „Здоровъ бѣвъ, Галѣпа каже! Чи то пакъ добрыйдѣнь! куды ййдешъ, рѣжа хѣра?“—„Дѣмка булѣ на Оксѣй, та изъ шляху зѣбвѣся; кругѣмъ мѣне де й взялыся гѣри та байраки, а це стѣла кругѣмъ стѣнка, хочъ тѣтычка й пропадѣй“.—„Кѣни добри, де ты взявъ ихъ?“—„Оцѣ (шкѣпу) купивъ, ярмарѣци въ Бѣтѣуриний, а це въ мѣне ще изъ рѣду,—зъ Бутурлѣмивки я рѣдомъ“.—„Добре брѣшешъ“.—„Ни, дидѣсю, не брѣшѣ, мѣже вѣведешъ видѣиль, гѣраздѣ я не бѣчу“.—„Сюдѣ хлопци“. Хлопци дѣмалы, що бѣты, та такъ й окружѣли.—„Стривѣй, бѣтыся не трѣба! Берѣть мирѣций въ ѣго кѣни, та ййдѣте у табуръ“. Хлопци рѣды, берѣтъ кѣни, й ѣха въ ихъ регѣчущца. „А ну, дѣдѣку, облѣшъ трѣхи, нехѣй винъ поийзде,—погонѣй, чѣго стойишъ? давѣй намъ дѣрѣгу, а винъ крутыщца изъ нѣми, мѣвъ, молѣте на току“, шкѣлюють изъ ѣго,—„у ѣго, кѣжѣте, полѣда въ вѣчи заступѣла и свѣтъ ѣму помарнивъ“, та пѣльцемъ шѣрь ѣмѣ у вѣчи. Галѣпа самъ зсадѣвъ ѣго зъ конѣ й давъ хлѣба на дѣрѣгу: „идѣ собѣ, ѣмѣ винъ кѣже, та билишъ, глѣдѣ, не крадѣ“. Погонѣбывъ, погонѣбывъ й отпустѣвъ небѣтымъ. Галѣпа кѣней не кувѣвъ (не заковувѣвъ у пѣто) й не возѣвъ залѣзного пѣта, а все прѣдывѣяне, и ѣгѣ конѣви зрѣду й вѣды не бувѣло. Вѣзѣтъ рѣбу чумаки й доийждѣаютъ до гѣры, гѣра булѣ высѣченъка (пѣкрутковѣта), а гѣмоньсѣка ѣгѣ шкѣпа взяла тай прѣстѣла. Тутъ бѣ тѣко чѣризъ гѣру перевѣлѣвъ й почитѣй, шо дѣма. Шкѣпа стойитъ, а сѣнце за тѣго захѣде,—не стойты жѣ тутъ.—„Чѣешъ, братѣ, Галѣпа кѣже, выпрѣтѣй, матѣ, ты цѣо шкѣпу та лизѣ у вѣглобѣли,—бѣду попыхѣты; мѣже якъ небудѣ у двѣхъ вѣвѣземъ на гѣру“.—„А на вѣзи то булѣ

вагѣ пудѣвъ зъ трѣдѣцѣтъ. Узялыся потѣхѣньку: той все тѣко направѣе, а цѣй пѣхае, тай вѣвѣзѣлы безъ бѣды, ще й не становѣлыся, оддѣхѣлы рѣзомъ. Якъ зѣбрѣлыся на гѣру, забѣжалы йѣсты; тай худѣба пѣдбѣлася, нехѣй оддѣхнѣ. „Грѣйте, хлопци, лѣтепло, бѣдемъ варѣтъ кѣшу“.—Дѣло закипѣло. Лѣштѣвалыся ночувѣаты, а Галѣпа лѣгъ на зѣмѣлю тай дѣвыщца въ небѣо, а небѣо на ѣго;—це слѣхае: штовхае шѣсъ—„вѣставѣй, дѣдѣку, вѣставѣй, дѣду! розбѣйныки ѣзъ де, рѣбы, мѣбутъ, захѣтѣлы“.—„Такъ згѣтовъ запѣты... Такъ и ѣе; пѣдѣу я самъ попѣредѣ та спѣтѣаю, шо йимъ одъ насъ трѣба, а вы бѣдѣте на сторѣжи про слѣчай чѣгѣ“,—и поплѣвся йимъ на зѣстрѣчъ зъ кѣстурѣмъ въ руцѣ. „Здоровѣ булѣ, хлопци! та кѣжѣтъ, зъ якѣю вы вѣсѣтъю?“—Вѣйшовъ одѣнъ попѣредѣ й кѣже минѣ, а ти вси зостѣлыся, дожѣдѣаютъ рѣды: „Щѣбъ дѣвѣго тутъ балѣсъ не точитѣ, давѣйте намъ грѣши!“—„Грѣшей?! бѣчъ вонѣ, чѣгѣ вамъ трѣба,—кѣ зна чѣгѣ й забѣжѣвъ! а я дѣмавъ, вы зѣлудѣлы та йдѣте пытѣты шляху. Такъ стрѣмѣй жѣ першъ цѣо штѣку (пѣку) надѣ головоѣу у конѣ, ѣсъ сѣудѣ“,—тыкнѣвъ винъ пѣльцемъ. Тѣй вѣстромѣвъ; тодѣ не зъ мѣсяця кѣнъ и винъ, и ти, шо зъ задѣу дожѣдѣалы грѣшей, стойтъ усѣ, мѣвъ побѣты. А Галѣпа тѣко блѣмае по ихъ здоровѣнными очѣма: „дѣбре хлопци мѣштру тѣмѣлютъ, отѣакъ все й вѣщца, лѣгше всѣго—давѣй грѣши! А тодѣ? тодѣ: прынесѣ лышъ йимъ, Ивѣанѣ, тиѣн кѣши, шо ты грѣишъ, вонѣ йѣсты хочѣтъ; трѣба жѣ першъ нагѣдувѣаты, бо грѣхъ гѣстѣй такъ пускѣаты, не накѣрмѣвши хлѣбомъ—сѣльѣю“.—Тѣре Ивѣанъ кѣзанъ зъ водѣю, лѣтепломъ гарѣчимъ, набѣрае опѣлоныкъ й дае вѣстовѣму: „пѣрѣзѣлѣйтеся, кѣшѣйте, ни сорѣмѣтѣся, ну бо ще“.—Тѣй пѣе.—Чи мѣже ще?“—Мѣвчѣтъ.—„Чѣмъ мѣвчѣишъ? хѣбѣ ще?“—Мѣвчѣтъ.—„Цѣ винъ грѣши лѣче, нѣякъ не дѣсѣтъ тѣлку“,—кѣже товѣрѣство.—„А шо це, не грѣши? грѣши лѣчитъ лѣгче? Пѣдѣ, Ивѣанѣ, попѣштѣй й тѣхъ! цѣо вонѣ дѣримѣаютъ, хѣбѣ спѣаты сѣудѣ прѣйшлѣ? вонѣ тутъ по дѣлу!“—Пѣшѣвъ Ивѣанъ; чѣты, тѣко чѣмѣкаютъ. Угѣстѣвъ ихъ, чѣмъ Богъ послѣвъ, тай кѣже Галѣпа: „Глѣдѣтъ, якъ прѣйѣдѣщца вамъ ще цѣгѣ добра (грѣшей) де попытѣаты, такъ вы попѣредѣ дѣвыщца: якѣ де кѣчка чумакивъ, та й якъ де бѣдутъ вонѣ йѣсты: де двѣ товѣрыща йидѣтъ та кѣстѣй клѣдѣтъ у кѣпку, то

туды не лизь; а де йистымутъ два кума такъ, шо той туды, а той туды бросаты будуть кисточки, то туды вамъ тико й можно, ото вже й будуть верхі ваши. Повертайте жъ теперь кони, та йидьте назадъ й не гнйвайтесь за вгощенья,—я не вынолося пойхаты негадавно й неждано, й не солоно хлѣбавши“.

45. „Дило було у самий розгартъ ярмарки. Люды скризъ вѣштались та шныралы и дило кипило, якъ у кучци комахнѣ. Прийхавъ на ярмарокъ й Хома Вывыхвистъ зъ своимъ сыномъ купыты баби очіпокъ, та тяжны на халатъ; зсийшовся зъ товариствомъ, ко—якою риднею и хлѣско—чѣпурно выпылы. Отъ пидходе до его сынокъ, годкывъ зъ пятнадцать, тай каже: „Тату, та-тү! дай мині гривню (три копійки) грошей“,—а тато, якъ натѣ, й нечуе;—отъ винъ, вдруге: „та-то, та дай бо мині три копійки!“ Розсѣрдывся батько на сына, (винъ вже, бачъ, пидпывъ трѣхи и все дали бильшъ роскуражовався) та зъ горяча й каже:—„ну, на жъ тобѣ, раскукинъ сынъ, ци гроши, та гляды жъ ты мині, щобъ ты купывъ собѣ на йихъ такѣ, щобъ й найився й напывся, й на голову бѣ надѣвъ“.—„Дѣбаре, тату, дѣбаре!“ Взывъ сынокъ грошы тай хѣде по ярмарци, мусѣе, розглядѣе, щобъ вонѣ було пидхоже пидъ батькову мѣву; ходывъ, ходывъ тай купывъ кавунъ.. Батько давнѣ вже жде сына назадъ зъ гришмы, а сынъ зрѣзавъ зъ кавуна верхушку, выдовбавъ зъ середины мѣякитъ, пойивъ, потимъ поскромѣдывъ—й юшки напывся, и тодѣ ще взывъ тай надѣвъ на голову, якъ батько казавъ, и йде до свого вѣзу, пузь торговцивъ черѣзъ увесь ярмарокъ; дохѣде до вѣзу; батько зиркъ: идѣ его сынъ, й на головѣ шось блѣстытъ; до его, ажъ то зъ кавуна шарлуца. Ни якъ не надѣявся про це батько на сына и такъ зрадѣвъ, шо й хмѣль одскочивъ.—„Отъ тобѣ, тату, каже, оцѣ я найився, й напывся, й на голову надѣвъ“.—„Тѣху, скурвыи сыну! Нажъ теперь тобѣ за це пятака“.

46. „Одынъ помѣщикъ та такъ вже й немилостиво прикиснѣвъ своимъ людемъ, шо дали й нѣкуды; прямо дойшло до того,—хѣтъ зъ мѣсту та въ вѣду. Отъ одынъ разъ его двѣрѣва баба, Кулына, зибрала коло себѣ такихъ же, якъ и сама, та й каже: „Бѣже жъ ты мий милостывый, Бѣже жъ ты мий праведный, якъ

вонѣ на свѣти бѣлому склѣлося? И це все, во всий ций вынѣ, Ева. Вонѣ це все надѣлала намъ; не соблазнѣсь вонѣ, мы бѣ вси жилѣ бѣ на свѣбѣди й не мучились бы мы, такъ якъ мучѣ теперь насъ оцѣи анцѣхрыстѣ; ну; ни за-щѣбъ я, здаѣцѣя, будъ на йийи мѣсци, не пиддалася томѣ соблазну;—бачъ, не бѣчила яблука, зрадѣла, я бѣ самый пѣрвый щильныкъ пидъ нѣги бѣ шпурнула“.—Пидслухавъ це помѣщикъ тай каже йимъ всимъ: „ну, постривайте жъ; горѣздъ це все, узнаю жъ я, чи й справди жъ то наша Кулына розумна така, хѣбра та терпѣча, якъ оцѣ йе. Вывѣзавъ до себѣ Кулыну й давай йий спѣршъ всего навѣрюваты, щѣбъ умъ кучки держався, та не куѣвдыла; а тодѣ взявъ мыску, перевернувъ йийи на столѣи й каже: „Гляды жъ, не додывляйсѣ, шо тамъ йе; а то, якъ узнаю, шо подѣвысся, такъ ще гѣрше тобѣ буде; а якъ шо жъ вытерпышъ, не соблазнѣсся, такъ дамъ вѣльну слѣбѣду на вси чѣтыри сторѣны, и ты де схѣчешъ тамъ й заведѣшъ свѣй рай“.—„Ни, ни це вже не сумливайтѣсь, ни за шо цѣго не будѣ“.—Помѣщикъ дѣсь пойивъ, и Кулына зостѣлася цѣкты прижжѣи. Сумно чѣгѣсь стало Кулыни, а якъ подывѣлася на стилъ, весь страхъ такъ и одѣйшовъ, и вонѣ началѣ своей мѣсли пидбыраты, та добырацѣя до того, шо „щѣбъ вонѣ вже такѣ й за задѣрне винъ и положивъ тамъ пидъ тѣю мыску, непримѣнно прижжѣи, мабуть, дѣмка бѣ то соблазнѣты, якъ Ева соблазнѣлася, та ни, я не вонѣ; та й якъ же ще то винъ и зна, якъ я потыхѣнку пиднымѣ йийи кинцѣмъ ножѣ, подывлюсь, тай зновъ опусѣтѣ? Такѣ й вытѣе,—ка зна шо“. Оскѣма брала спрѣбуваты пѣньски вытѣвки; „дай, каже, пидиймѣ,—хѣба шо?“ Взѣлася за мыску и тѣлько хѣпнула за краѣкъ, а мѣша видѣтиль зъ пидъ нейи тѣльки порѣсь, та й була така. Охъ, лѣшечко, шо жъ це я нарѣбыла. Й такъ зажурылася, шо трѣхи зъ журбы не околѣла. Прийивъ панъ тай каже: „Й зѣвсимъ Кулына бѣ то, та гѣлось не йийи“; и ставъ пѣся цѣго ще дѣжче морѣтъ людѣи робѣтою, та гѣлодомъ“.

47. „Огненный змѣи. Огненные змѣи живутъ на тѣхъ пустынныхъ и невѣдомыхъ островахъ, куда разные „знахурѣи, знахурки, колдунѣи и колдунѣи“ ссылаютъ своими заклинательными молитвами всякѣи людской недугъ, людскую нечистѣту, словомъ—все

то, что может приносить людям вред. Тѣ изъ звѣздъ, которыя при паденіи какъ бы оставляютъ по себѣ слѣдъ въ видѣ хвоста, говорятъ, есть предзнаменованіе переселенія умершей души человѣческой, оставляющей мірскую суетную жизнь и удаляющейся въ необъяснимую вѣчность; говорятъ также, что какой нибудь святой въ это время несетъ её (звѣзду) посвятить Богу; между тѣмъ такіе звѣзды—ничто иное, какъ „огненные змѣи“, но только въ меньшемъ видѣ. Огненные змѣи также указываютъ, гдѣ есть „шкарбы“. Жилъ напр., одинъ человѣкъ около выгона, а противъ его двора, сажень въ 5—10, росъ кустъ дерезы, куда каждый годъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, падалъ огненный змѣй и при паденіи рассыпался „жаромъ“; самое же паденіе жара сопровождалось оглушительнымъ шумомъ; такое обстоятельство можно лишь объяснить тѣмъ, что подъ кустомъ этой дерезы, непримѣнно сохраняется заклинательный шарбъ. Огненные змѣи не могутъ подыматься вверхъ, а всегда падаютъ на низъ.—Огненные змѣи всегда или чаще всего падаютъ въ низменныхъ мѣстахъ; частое ихъ паденіе означаетъ обильный урожай.—Когда змѣй падаетъ и рассыпается въ жиломъ дворѣ, то часто предвѣщаетъ или же большое счастье, или такое же несчастье.—Иногда змѣи летаютъ къ какой нибудь молодайкѣ и въ качествѣ жениха или любовника. Одна женщина жила съ мужемъ на старомъ дворницѣ, рѣдко какой годъ не леталъ къ нимъ огненный змѣй и каждый разъ падалъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ—въ саду. Женщина въ то время постоянно болѣла, но только перешла она съ мужемъ на другое мѣсто, то стала поправляться. Сосѣди и она сама объясняли пережитую болѣзнь посѣщеніемъ огненного змѣя.

48. „Змій любовникъ. Въ Ницирѣтовий до одиной замужнейи жінки литавъ у ночі змій и вона явно чуе, якъ винъ віхремъ спускається на хатнюю крішу, а въ хату вже йде такимъ паномъ, або купцемъ молодимъ, красивимъ та наряднимъ и вона жъ то й баче ёго, ригочицьця й пустує зъ нимъ,—змій обніме й поцилує й до себе пригорне, якъ малу дитину, а чоловікъ цѣго ничого не баче й не знає,—сказано нечистый. Оце стѣлицьця лягати зъ чоловікомъ, й полягають вмисъти и змій ляга по бля нейи изъ ыншого боку. По переду

жъ за мижъ йграшки було йийи зъ нечистымъ дѣхомъ, радѣла зъ нимъ, ублагала, а чоловіку случалося й чѣпру добре мнѣла, нечистый й тутъ йийи помогавъ, бо чоловікъ далѣко бувъ здоровѣйши одъ нейи, а потімъ не тиѣйи заспѣвала—пора вже на кѣтни: ранѣше въ тѣждень разъ литавъ, а посѣли й що нѣчи; тай зробѣвъ винъ—такъ стала, сказано, якъ щѣпка. Мовѣть тодѣ, журѣцьця та й гѣди; шо вже вона й не робѣла й чоґо тѣко не дѣмала, щобъ одъ ёго, супостата, одкарасѣкацьця-бъ такѣ,—такъ що жъ? ничого не подѣе, хочъ жива у грѣбъ лягаѣй. Долитався змій до нейи, поки двоухъ дѣтѣй прыживъ, тай не бросѣвъ,—зновъ прынявъ литати; прѣмо безперѣчь. А дѣтки, кѣже, моѣ нѣнько, не билѣшь у двѣдцѣть днѣвъ усѣ рѣжалѣсь; та ще—ажъ ѡстрашно казати: хрѣстьянѣського на ёму тѣла одъ головы по пѣпѣкъ—по поѣсъ, якъ йе половѣна, а зъ другѣйи половѣйи усѣ у шерѣтъ; вѣильши жъ було менѣчь, чимъ пѣвъ арѣйна; нарѣдѣцьця оцѣ, зѣхнѣ рѣтомъ трѣчи тай вѣрѣ не хрѣченѣ. Чи малѣнько годѣвъ пройшлѣ, и все такъ бувало. Оцѣ жъ вѣно на те й вѣйшло, потѣкують лѣды: „полобѣла хѣря мѣрю, тай жѣсты не маю“. Не замѣй чужѣхъ лѣдѣй и хлѣпѣвъ молодѣнькихъ, то й тебѣ нѣхтѣ не зѣйме, кому й здалѣсь на що, атѣ, бачъ, лѣдаще! И такъ ищѣ—й не судѣты нѣяково: слѣчай бува усяковѣй; бува такѣ, шо й самъ вѣннѣй, а шо набѣльшъ одъ лѣдѣй—изъ зѣвысты й злѣго дѣха насѣлатѣ мѣжѣтъ. Й побулѣла жъ серѣшная дуѣю и тѣломъ! Була вона скрѣзь зъ цѣмъ лѣхомъ и прочѣла про Галѣпѣху-знѣхѣрку, матѣ (мѣбутъ), порѣявъ хто такѣй, шо бувъ зъ такимъ лѣхомъ. Якъ прѣйшла жъ, та росказала вона своѣ лѣхо, такъ такъ слѣзы и навернѣлысь; жалѣко стало молодѣцю, шо ни зѣщо гѣне.—„Пѣдождѣ жъ, дѣню, кѣже знѣхѣрка:—пѣстрѣвай, обѣльшъ, слѣхай моѣ раду: на жъ ось тѣбѣ цѣго зѣльѣя, й якъ прѣйдешь до дѣму, прѣставъ у пѣчь свѣжѣйи водѣйи и зварѣ ёго въ чагѣнѣку, у горѣчѣку, абѣ у кухлѣти; тѣко дѣвьсь, якъ закипѣтъ, шо въ клѣчь бѣтысь стѣне, и мѣрьщѣй ѡдѣставляѣй, тай такъ зѣдѣлай, щобъ ажъ трѣчи вода закипѣла; тодѣ жъ возѣмѣ, моѣ дѣню, тиѣю водѣю, де варѣлось зѣльѣя, ѡкропѣ всю хату и дѣвери, и вѣкна, и те усѣ, шо ты мѣйѣшь у себѣ у хѣти, вѣйды на дѣвѣрь та и дѣвѣрь покрѣпѣшь. И пѣшла жъ вона. А цѣ, чѣѣшь, яв-

ляецця до знахурьки, та—бухъ въ нѣги: „спасѣби, бабўсю! писльѣ тѣго вже булѣ, якъ летѣть до хѣты, такъ такъ йскры у двѣри й россыпе, та гудѣ,—якъ не трѣсне хѣта,—а въ хѣту не вхѣде; побисѣ, побисѣ кѣло нѣи, тай зъ тымъ и втыхомырыцця“. Й молодыцямъ писльѣ цѣго наказыватъ стала, щобъ не трѣгаты чужыхъ и не думалы-бъ объ йихъ, бо лукавы думу визнае,—це вже нехай шо; й пидкѣтыцця винъ до тебе, шо не зўздрышъ й якъ, й въ чоловіка, лучайицця, притворыцця мѣже,—берегтѣся трѣба“.

49. *Божчиха еретниця*. Божчиха була еретниця; за свий вѣкъ чималый грихъ собѣ на думу ухотѣла. Жила вона до сотни зъ лишкомъ литъ; такъ жъ то люде, якъ вона, усе й по стѣко, кажутъ, й живуть. Вона була двоухильна, тогѣ и въ старѣсьть молодѣла й на выдъ була зовсѣмъ ще молодѣ.—Закрутки булѣ шукѣты пѣрве йий дѣло, незабарѣмъ вона вамъ знайде у пѣдушци збѣтый кѣмѣтъ пѣху, абѣ кѣмѣтъ пѣрѣя, розбирѣе по пушинѣ й чѣгѣ тѣко тамъ не знайде; все вѣдѣты (тилъ) повытягѣ. Тамъ де й вѣзьме всѣяку шѣрсть: рыжу, бѣлу й чѣрну,—мотѣзку изъ вѣлу, абѣ изъ солѣмы, абѣ зъ чѣго небудъ шо небудъ такѣ. Всѣячина бувае; на всѣячинѣ й мѣжно всѣго накрутѣты, й отѣ й крутѣють такѣ люде, якъ бы й ця Божчиха, та прыказуютъ, щѣбъ отѣ жъ то лучѣлося й даѣтъ тодѣ нечѣстѣму,—кѣне гетъ, тай скаже: „на“! Той однѣсе, кудѣ кажутъ й упѣха мѣжъ пѣрѣя. Якъ заведѣцця въ кѣго, такѣ печѣне лѣхо, то бижи швѣдѣче до Божчихи, вона вамъ помѣже. Хто до нѣи прѣйде, вона зрѣзу скаже, на якѣу прычѣну закрутка завѣта: на хѣзѣйина, чи двѣрь, чи на йихъ худѣбу, й одъ тогѣ вже й наговѣрюе водѣ вамъ пѣты; дасть водѣ напѣтысь й закрутѣ попѣле. Писльѣ нейи якъ рукамы здѣймецця все лѣхо. Хѣть людямъ, бачъ, способѣла, та й лѣхо жъ йимъ не малѣ чинѣла,—це вже годѣ тай годѣ йий, щобъ хукѣ не вкѣнула,—усѣ люды, якъ огнѣ буѣлысь Божчихи. За то й смѣрть йий, храни Бѣже, всѣякого хрѣщѣного, не такъ, якъ людямъ: заходѣлася вмерѣты, й трѣчи умерѣла; шо вже йий не вытивѣлы, щобъ скорѣшъ умерѣла, такъ ни,—мѣчицця тай гѣди: выправѣе й въ дугѣ гнѣ, ѣчи на двѣрь лѣзутъ, ажъ страшно дывѣцця, самѣ ревѣ, якъ скѣтына, на все гѣрло не

своимъ мѣтомъ.—„Печѣ, рѣжутъ менѣ“. Скрѣзь хѣмѣтъ йий тягѣлы, й на зѣмлю вже зъ пѣлу клѣлы, а дѣлы, шо бачъ йий на умѣ прѣйшлѣ: „дерѣть мирѣщѣ надо мноѣ крѣшу наскрѣзь й потѣлѣкъ, а то, бачу, безъ цѣго я не бѣду вмерѣты до скончанѣя вѣку“. Взялы тай продрѣлы, а зъ нѣи тодѣ жъ зрѣзу духъ клубѣмъ й повалѣвъ на горѣще въ дѣрку. Ажъ тодѣ тѣки вона трѣхи вгѣмонѣлася. Прѣйшовъ пѣтъ покѣту здѣймѣты, нахѣлѣвся тай пытѣе, вѣпѣитѣ не мѣжно, взяла усѣ й росказыла, шо вона й якѣ була, а винъ мирѣщѣ за пѣлыцю та зъ хѣты: „такъ Бѣгъ тобѣ судѣй! й читѣты не бѣду; чѣгѣ рѣнѣче зъ цѣмъ мѣчала й неспѣвѣстѣлась? Остовѣйтеся жъ вы зъ Бѣгомъ“!—Оттакѣ, одрѣкся й пѣтъ; вѣдно, була штѣка.... Божчиха вмерѣла й похѣвалы на кладѣвыщи, такъ йий й тамъ зпѣкою не булѣ,—шѣсь зъ годѣ ходѣло рыты йий мѣгѣлу. Оцѣ, шо загѣрнутъ, прѣйдутъ вдрѣге, опѣять такъ. Не слѣдъ булѣ бы йий тамъ клѣсты, а де небудъ де на ярѣкъ, отѣмъ бы й мѣсце одвѣстѣ еретницѣкимъ всѣмъ тѣламъ“.

50. „До однейи молодѣци вѣщаѣвъ йийи любѣзныи. А чоловікъ давнѣ це примѣчаѣвъ й поѣйхаѣвъ разъ дѣсь далѣчѣнѣко, сынкѣ zostѣвивъ литъ шѣстѣ. Прѣйиздѣтъ въ нѣчи додѣму, пѣршъ поздорѣвкѣвся зъ симѣѣю, а пѣтимъ до сынкѣ: ну, здѣровѣ бувъ и ты сѣнашу“!—„Здѣровѣнѣки булы, тѣту“. А жѣнка кѣло йихъ, якъ дѣзка на лѣдѣ. „Ну, скажи жъ тепѣрь, Панѣсыку, зъ кѣмъ вы нѣчувѣлы“? Мѣты хѣватѣ сѣна за гѣлову та въ ухо й шѣпче: „хѣба зъ кѣмъ, кажи, сынокъ, шо зъ Бѣгомъ“.—„Зъ Бѣгомъ, тѣту“. Сказѣвъ Панѣсь й одѣмаѣся. „А хѣба ото винъ, мамѣко, шо у сѣнихъ штѣанѣхъ?—„Дѣбрѣ, Панѣсь, правѣду кажѣшь, знаѣю тогѣ Бѣга, винъ до мѣтирѣныхъ молѣтѣвъ, а не до твоѣхъ“.

51. „Ийшовъ москаль зъ зарѣбѣтѣкѣвъ тай зайшовъ до однѣго мужѣка поѣбѣдѣты; дѣма була самѣ бѣба. Отъ подѣла вона ѣмѣу зарѣзъ мѣску борщѣ, пѣтимъ гѣлушѣкъ, мѣяса, кѣши й на—при послѣдку юшки зо звѣру; поѣйвъ москаль й пытѣа,—„чи нѣмѣа, каже, щѣ чѣгѣ“? Пишла бѣба у вѣхѣдъ, взяла капѣсты, огѣркѣвъ й ѣблѣчѣкъ мѣчѣныхъ; поѣйвъ и цѣ москаль, та й зновъ опѣять пытѣа, щѣбъ чѣмъ поласувѣты. „Вѣбѣчай, москалю, й грѣшей твоѣхъ не хѣчу, каже бѣба“!—Москаль хѣмѣлъ до сво-

ейи поклажи, вытять видьты бутылку зъ горилкою, наливъ кирпичъ; выпивъ ѿ спасѣи не сказавъ, пишовъ. Приходѣ чоловікъ бабинъ додому; вона ёмѹ ѿ звистыла про це,—що такъ, молъ, ѿ такъ мини булò, трòхи бѣсуривъ москаль и менѣ не ззивъ.—„Оцѣ лѣхо! чи мòжно жъ такъ йѣсты? винъ пропадѣ; отъ же ты Бòгу пропадѣ! Ось давай змиряймъ, стѣко пейивъ, ѿ пойивъ, ѿ подѣвймся, шо вонò, якъ бѣде клыкотѣты у ёго въ пѣзи“. Началъ зливатъ все до кѣпы, стѣко пейивъ, ѿ называлъ цѣлу помѣйныцю, а вонò такъ и пидходе въ ний; ну, тыперъ давай ще ѿ горѣлки. Якъ влылы горѣлки, такъ, братъ ты мий, все ѿ стѣшувалось.—Такъ, бачъ, чомъ винъ такъ йивъ“.

52. „Одному мальчику, пастуху, случайно попалъ цвѣтокъ расцвѣтшаго папоротника въ „черевѣкъ“. Онъ ходилъ въ то время по лѣсу искать воловъ и, благодаря этой случайности, отыскалъ воловъ и сталъ все знать, что есть худого и добраго на всемъ свѣтѣ. Много предвидѣлось или предназначалось ему указать полезныхъ вещей, прозрѣть, приобрѣсти возможность отвратить мѣрское зло; но „врагъ“ людской, ненавидя добро, превращается въ купца и предлагаетъ мальчику продатъ ему свои „черевѣки“; мальчикъ какъ не прельщался блескомъ золота и всетаки, изъ боязни родителей, не согласился самовольно пойти на эту сдѣлку. Демонъ, ничуть не сокрушаясь, мигомъ измѣняетъ свой планъ: мальчикъ подходит по пути къ рѣчкѣ и видитъ своихъ товарищей; одни изъ нихъ купались, а другіе, издали завидя его, поджидали и предложили поплавать. Но чего-жъ не такъ? Мальчикъ наскоро размоталъ свои „волоки“, сбросилъ въ сторону „черевѣки“ и хотѣлъ уже лѣзть въ воду, какъ вдругъ увидѣлъ себя одного безъ товарищей. Порядкомъ перетрусивъ, онъ снова одѣлся и пошелъ, но только онъ уже потерялъ свою прежнюю чудодѣйственную силу, такъ какъ цвѣтъ папоротника былъ уже унесенъ его мнимыми товарищами“.

Сообщимъ нѣсколько народныхъ историческихъ разсказовъ.

53. *Разбойникъ „Василько“*. Въ народѣ очень много сохранено преданій о разбойникахъ и ихъ шайкахъ. Въ нашихъ мѣстахъ, подъ х. Рудовимъ, былъ разбойникъ Василій Трофимовичъ, явившійся къ намъ изъ подъ Волукъ; онъ, говорятъ, былъ единственный сынъ у своего родителя и еще въ молодыхъ лѣ-

тахъ оставилъ своего отца и удалился на разбойничій промыселъ. Это былъ человѣкъ невысокаго, немного даже ниже средняго роста, тощъ, но костистъ; волосы носилъ постоянно подрѣзанные въ кружокъ и отрощенную рыжеватую бородку, вытянутую въ остріе; часто, какъ котъ, прижималъ свои небольшіе глаза; въ разговорѣ такъ лавировалъ своею рѣчью, что говоръ его походилъ не то на великороссійскій, не то на малорусскій. Мѣстомъ своего расположенія „Василько“ избралъ рѣковые дремучіе лѣса, покрывавшіе собою цѣлинныя степи, прилегающіе къ Волуйскому шляху. Недовольствуясь приведенной своей шайкой, состоящей изъ 40 человѣкъ, онъ усердно принялся пополнять ее разнымъ бродячимъ людомъ. Составивъ новую шайку разбойниковъ, онъ добывалъ для нея путемъ разбоя и грабежа оружіе и расселялъ ихъ поотдалъ себя, въ другіе смежныя лѣса, для наблюденія какой нибудь выгодной добычи. У него было много вѣстовщиковъ—сторожей, которые располагались по курганамъ и слѣдили съ нихъ за движеніемъ народа. У каждаго вѣстовщика—сторожа была подозрная труба, при помощи которой имъ легко было видѣться одинъ съ другимъ и вести разговоръ на пантомимахъ о томъ—предстоитъ ли гдѣ добыча или нѣтъ, или—если нужно было имъ всемъ съѣхаться къ „Васильку“ за приказомъ. При всѣхъ грабежахъ „Василько“ строго на строго приказывалъ избѣгать убійствъ и истязаній; случайно приходилось нарываться одинъ на одинъ или два на два и тѣ, которые по доброй волѣ не хотѣли сдаться, были убиваемы,—да и за тѣми „Василько“ сожалѣлъ: онъ велѣлъ рыть ямы въ лѣсу (гробы же—„доломѣны“ были всегда на всякій случай готовы), иногда даже „Василько“ самъ клалъ въ гробъ, и, при чтеніи молитвы, покойника опускали и предавали землѣ; дѣлали большой дубовый крестъ и ставили его въ яму такъ, чтобы онъ весь былъ скрытъ въ могилѣ безъ всякихъ признаковъ на поверхности. Василько строго слѣдилъ за тѣми, которые безъ всякихъ правъ, неизвѣстно откуда, прѣѣзжали селиться въ Украину и всячески старался препятствовать ихъ осѣдлой жизни. Разгуливая съ своею шайкой вдоль и поперекъ Волуйскаго шляха, „Василько“ не пропускалъ ни одного случая, гдѣ предстояла бы какая нибудь нажива. Набѣги свои

онъ производилъ такъ: подъѣзжалъ къ мѣсту предполагаемаго грабежа, останавливалъ свою команду поотдаль, самъ же зажигалъ восковую свѣчу и съ нею объѣзжалъ сначала мѣстность и, возвращаясь снова къ партіи, становилъ свѣчу въ землю, и тогда всѣ уже отправлялись на промыселъ. Однажды „Василько“, разгуливая съ своей шайкой, вооруженной кремневыми ружьями, въ окрестностяхъ Волуйскаго шлаха, грабилъ, убивалъ на пути проѣзжающихъ, наводя своими разбойничьими поступками ужасъ на мирные семьи осѣдлаго народа, былъ вдругъ извѣщенъ сторожевыми о шедшемъ невдалекъ отъ шляха военномъ транспортѣ, который шелъ подъ охраной нѣсколькихъ солдатъ, направляя путь къ югу по шляху. Вѣстью этой Василько и его товарищи были страшно обрадованы: не теряя времени, вскочили на лошадей и лихо помчались въ отакъ. Извѣстіе было вѣрно. Догнавъ и окруживъ со всѣхъ сторонъ свою жертву, охотники бросались въ драку, которая, за превосходившей силой и храбростью разбойниковъ, продолжалась недолго и осталась на ихъ сторонѣ. Транспортная охрана была вся перебита, и шайкѣ, предводительствуемой Василькомъ, счастливо—безъ урону удалось завладѣть транспортнымъ добромъ, которое состояло изъ нѣсколькихъ боченковъ (въ какихъ продаютъ медъ), наполненныхъ золотомъ и серебромъ. Доставивъ добычу къ мѣсту своего пристанища, „Василько“ обратился къ своимъ вѣрнымъ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью: „съ настоящей добычей разбой я покидаю и вы будьте вольны, помышляя каждый о себѣ, или какъ хотите. Препными добычами я всегда дѣлилъ васъ своею рукою, а теперь, братцы, берите себѣ, кто сколько сможетъ сохранить. Послѣ этого послѣдняго боя, я предчувствую себѣ бѣду неминуемую и потому распускаю васъ на всѣ четыре стороны, вполнѣ надѣясь, что никто изъ васъ не скажетъ, что былъ, молъ, когда обиженъ службой или дѣлелемъ“. Доставшееся золото и серебро дѣлили казанкомъ и, наполнивъ котлы, скрыли ихъ въ землѣ, положивъ „клятбу“, что никто самъ и всѣ безъ одного не могутъ коснуться до этой суммы,—а также и указать кому это мѣсто.

Главнымъ мѣстомъ „Васильковаго“ скиталища былъ „Водяной лѣсъ“, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ невдалекъ отъ него проходитъ

Валуйскій шляхъ, развѣтвляясь на три части, направляющіеся: одна—кряжемъ, другая—низовьемъ и третья—немного выше, мимо Тарасовки къ р. Красной. Всѣ лѣса: „Водяной“, „Плоскій“ и др., находясь въ районѣ „Васильковаго“ обиталища и по настоящее время носятъ общее названіе „Васильковы лѣса“. Не всегда „Васильку“ и его шайкѣ могли предстоять разбойничьи промыслы, почему, въ свободное время, они занимались бондарствомъ и кузнечествомъ, находя сбытъ своему производству на украинскихъ ярмаркахъ. Въ „Водяномъ“ у нихъ были устроены хаты—полужемлянки, конюшни, бондарни и кузня. Землянка Василька, выложенная срубомъ, также какъ и подвалъ, была отыскана при рубкѣ лѣса случайно провалившимся въ нее быкомъ. Срубъ землянки взятъ уже однимъ Павловскимъ мужикомъ, который во время ея перевозки нашелъ въ землянкѣ съ хорошую горсть мѣдныхъ денегъ. Въ землянку свою „Василько“ никого не впускалъ, вотъ потому даже товарищи его не знали о скрытномъ подвалѣ; тамъ, говорятъ, сохраняются и по настоящее время всѣ богатства награбленные у помѣщиковъ, поповъ и церквей; въ этомъ же подземельѣ находится и казна ограбленнаго транспорта, состоящая изъ золота и серебра. Распустивъ свою шайку, „Василько“ остался въ своемъ гнѣздѣ самъ; онъ зналъ, что сѣти уже давно раскинуты на него и что ему бѣды не миновать. О всякомъ происшествіи, замыслѣ или предпріятіи „Василько“ былъ всегда извѣщаемъ кѣмъ-то за три дня. Узнавъ, что къ нему жалуютъ солдаты, онъ забилъ двери своей землянки, сровнялъ землю и поставилъ на то мѣсто ясла и попривязывалъ къ нимъ лошадей, а самъ сѣлъ съ пальяницей возлѣ входа общей землянки и поджидалъ своихъ гостей (*). Наконецъ онъ видитъ, направленный уже на его гнѣздо, полкъ солдатъ, который подходилъ все ближе и бли-

*) По другому варианту, главную свою землянку велѣлъ онъ заложить хворостомъ въ сажень толщиной, покрыть толстымъ слоемъ земли и насадить на немъ разныхъ кустовъ: бузины, шиповника и др. Боченки съ золотомъ и серебромъ, большею частью были спрятаны по лѣсамъ. Всѣ похоронки производились такъ: выкапывалась яма, по вмѣстимости боченка, помѣщался въ нее боченокъ, и яма набивалась землей, а сверху ея накладывали, вырѣзанные съ землей и корнями кусты деревьевъ, такъ что мѣстность среды, напр., голой кругомъ степи, казалась съ давнихъ поръ рошеннымъ „пайкомъ“.

же, и слышитъ команду. Передняя часть войска, окружившаго лѣсъ со всѣхъ сторонъ, была выстроена въ боевой порядокъ, залпомъ выстрѣлили въ разбойника, который, какъ ни въ чемъ небывало, сидѣлъ на ослонѣ съ паляницей, да отряхивалъ отъ себя картечь. Нѣсколько разъ такъ послѣдовали въ него выстрѣлы, и „Василько“ ни слова; потомъ, когда они повыбросили свои заряды, онъ поднялся и сказалъ: „Ну, теперь позволь мнѣ, пане, этими галушками угостить твоихъ молодцевъ, они я вижу поустали!“ Взялъ горсть накиданной ими дробы и бросилъ въ передній рядъ, и солдаты повалились какъ снопы; потомъ снова говоритъ: „Вы стрѣляли не въ меня, а въ св. хлѣбъ, съ которымъ я вышелъ встрѣтить васъ и вотъ теперь прошу васъ, обращается къ начальнику, принять отъ меня прежде приготовленную вамъ хлѣбъ-соль, а вмѣстѣ съ нимъ потомъ и меня берите на судъ предъ царя“. „Василько“ былъ взятъ и повезенъ въ коляскѣ на судъ, а всѣ награбленные его сокровища остались на своемъ мѣстѣ, хотя солдаты и искали тайника, но имъ и въ мысль немогло тогда придти, что на слѣдахъ его три дня уже стоятъ ясли съ привязанными къ нимъ лошадьми. „Василько“ былъ посаженъ въ темницу и подверженъ мучительнымъ пыткамъ, несмотря на это онъ отказался указать мѣсто, гдѣ скрыта была царская казна. Послѣдній приговоръ былъ прочитанъ ему сенаторомъ о снятіи его головы; когда было приготовлено мѣсто казни, вывели „Василька“; палачъ взмахнулъ топоромъ и увидѣлъ, что вмѣсто головы „Василька“ лежала на плахѣ его паляница, а самъ онъ кричалъ изъ толпы, собравшейся на диво: „если можете вы мою хлѣбъ-соль стубить, тогда лишь и меня вольно вамъ будетъ убить. Ваше Царское Величество! не велите меня преслѣдовать—я Вамъ одинъ обещаю услужить за всѣхъ“. Послѣ всего этого, царь далъ „Васильку“ вольную и отпустилъ его на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго.—Первой заботой теперь у „Василька“ было раскаяніе: онъ, заковавъ себя въ желѣзо, на четверенькахъ лезъ въ Кіевъ каяться о своихъ грѣхахъ; потомъ, сбросивъ желѣзо, ежегодно ходилъ по монастырямъ и св. мѣстамъ. Три раза, чрезъ каждые три года, „Василько“ ходилъ въ Св. горы и каждый разъ заходилъ на свое прежнее разбойничье

пристанище. Въ послѣдній разъ, идя съ Св. горъ, онъ упротился переночевать въ хуторѣ Грицаевомъ къ вдовѣ Грицюшчихѣ, которая приняла странника, какъ долгъ велить, — а сынъ ея взявъ тряпку „ганчирку“ и отеръ ему „постолы“. Василько остался очень доволенъ приѣмомъ Грицюшчихи, и въ рассказахъ о своемъ путешествіи сказалъ ей, кто онъ, потомъ, взявъ за голову ея сына, сотворилъ молитву и сказалъ: „пусть будешь ты счастливецъ, я укажу тебѣ свои собственные богатства, которые утаивалъ отъ шайки, для этого я пойду впередъ на то мѣсто, посвѣзываю концы лѣсинъ и положу эту тряпку, что ты отиралъ мнѣ мои ходаки“. Обѣщаніе свое Василько исполнилъ, но только Грицюшчиха не могла воспользоваться имъ: она приѣхала съ однимъ своимъ родственникомъ въ лѣсъ, и, ничего не говоря о своемъ предпріятіи, нашла положенные знаки; но, чтобы самой лишь съ сыномъ объ этомъ знать, тотъ же часъ уничтожила примѣты и положила свои. Черезъ нѣсколько времени она сколько разъ не ходила, но отыскать того мѣста не могла, а на сына положиться въ томъ совѣмъ надежда была плоха, такъ какъ онъ оказался „мѣшкомъ прибитый изъ за угла“. Въ настоящее время изъ за легкой наживы, основанной по преданіяхъ, „Водяной“ очень усердно изрыть, но ни одна лопата не коснулась еще, говорятъ, къ тому мѣсту, гдѣ находится потайной погребъ „Василька“, устроенный въ видѣ пещеръ.

Василько былъ золъ до невѣроятія къ тѣмъ, которые убѣгали отъ знакомства съ нимъ, и, напротивъ, былъ милостивъ и неопасенъ для раздѣлявшихъ и поддерживавшихъ его пиршествъ. Такія дружественныя знакомства заводилъ онъ со многими.—Вдругъ, среди ночи, раздавалась стукотня, грыкотня,—это налетали разбойники, люди прячутся въ тайникъ—въ подземелье, ходъ котораго направлялся въ кошару, выворачиваютъ на себя овечьи кожухи и такъ до разсвѣта лежатъ вмѣстѣ съ овцами; деньги мѣдныя сохранялись въ мѣшкахъ, а серебро и червонцы въ „чаунахъ“ и большихъ мѣдныхъ „глѣкахъ“; все это скрывалось то въ кошарѣ, то въ загородѣ, то такъ еще гдѣ нибудь. Постоянный же ихъ „спрятъ“ находился въ запечкѣ, устроенномъ въ видѣ лежанки, и въ немъ, какъ въ сундукѣ, сохранялось все богат-

ство. Иногда, во время разбойничьих набѣговъ оставались въ хатѣ одни дѣти, но ихъ разбойники не обижали.

Идетъ разъ шляхомъ на заработки парень, повстрѣчался съ однимъ изъ сорока разбойниковъ, поздоровался и присѣлъ къ нему отдохнуть. „Куда ты идешь?“—спрашиваетъ тотъ прохожаго.—„На заработки“.—„Пойдемъ, мой батька тебя найметъ къ себѣ“.—„А гдѣ онъ?“—„Онъ, указываетъ, въ лѣсу“.—Пошли. „Василько“, разспросивъ его хорошенько, кто онъ и откуда идетъ, сказалъ: „Оставайся служить мнѣ, я тебя не обижу—награжу, чѣмъ Богъ послалъ“. „Бурлака“ согласился и получилъ изъ рукъ „Василька“ лысого коня и сѣдло съ приказомъ: „смотри за нимъ и ухаживай; въ этомъ лишь будетъ заключаться вся твоя работа“. „Привяжи коня и иди, я теперь посмотрю на тебя вмѣстѣ съ своими хлопцами“, и заставилъ ихъ поочередно бороться съ нимъ. Это дѣлалъ „Василько“ для того, чтобы опредѣлить силу новобранца. „Бурлаки“ сначала были поставлены силачи и онъ какого не хватить такъ и бросить и бросить; потомъ смекнулъ, что отъ этого ему можетъ быть плохо (они могутъ его возненавидѣть и убить) и, дабы не нажить враговъ, подъ конецъ началъ поддаваться. Но „Василько“ все это понималъ, обиялъ „бурлаку“ послѣ единоборства и назвалъ своимъ меньшимъ братомъ. „Бурлаку“ также звали „Василькомъ“.

Любимымъ мѣстопребываніемъ атамана „Василька“ въ лѣтнее время служилъ развѣтвистый, огромнѣйшихъ размѣровъ дубъ, на вершинѣ котораго онъ устраивалъ себѣ палатку въ видѣ гнѣзда и тамъ проводилъ свои досуги днемъ и ночью. Съ своего гнѣзда ему видно было всю мѣстную окрестную даль; но его гнѣзда никакъ нельзя было принять за человѣческое вмѣстилище. Съ высоты этой палатки онъ дѣлалъ разныя распоряженія и занимался отсюда съ своей братіей обученіемъ стрѣльбы въ цѣль. Для этого чертилъ онъ мѣломъ на своемъ дубѣ цѣль и слѣдилъ съ гнѣзда за выстрѣлами; отчего дубъ этотъ подъ самое гнѣздо былъ весь набитъ дробью. „Василько“ слылъ за „знахура“, „колдуна“, „чародѣя“ и „заговорщика“.—Онъ могъ заговаривать ружья, подъ выстрѣлами которыхъ изображалъ изъ себя мишень и всегда оставался цѣль и невредимъ. „Сѣдлай, Васько, коней, гово-

рить однажды атаманъ, да поѣдемъ съ тобой къ одному помѣщику барину—милліонеру, поразживемся себѣ деньжатъ“. Ни противъ кого такъ не былъ обозленъ атаманъ, какъ противъ помѣщиковъ пановъ. Лошади поданы и они вдвоемъ поѣхали. Въ пути застигаетъ ночь. Въѣзжаютъ они въ какое то село и подвернули къ двору одного пана, со всѣхъ сторонъ огороженному точно крѣпостью. Атаманъ первый слѣзъ съ коня, взялся рукой за замокъ у воротъ и онъ только „дзень“, ворота отворились и они въѣхали; затѣмъ подошелъ къ замку амбара и, совершивъ такое же чудо, приказалъ давать лошадямъ сѣно и овесъ. У „Василька“-атамана были ключи въ рукѣ: вся чудесная сила его получалась отъ цвѣтка папоротника, который былъ у него впроцѣнъ подъ кожицей правой руки. Подходить атаманъ далѣе къ дверямъ дома, берется за замокъ, который издастъ тотъ же звукъ, и такъ пробрался во внутренніе покои неизвѣстнаго пана. Панъ спитъ мертвецкимъ сномъ. Атаманъ подходитъ къ нему и говоритъ: „Вставай! Заснулъ, что ли?“—„Да, заснулъ“,—отвѣчаетъ панъ, а потомъ, „розбуркавсь“, смотритъ, — что то не ладное. „Вставай, вставай“,—повторяетъ разбойникъ,—некогда ждать, „одѣвайся мирщи, да самъ станови намъ самоваръ“. Налившись чаю, неожиданные гости предложили пану подѣлиться съ нимъ его нажитыми деньгами.—„Какими?“—спрашиваетъ хозяинъ дома.—„Тѣми, что у тебя есть, давай и шубы и все что поцѣнишь“. Набравъ себѣ, что хотѣлъ, „Василько“-атаманъ приказалъ пану не будить дворни, собакъ и не посылать за нимъ погони, „если хочешь избавиться отъ кинжала“,—показалъ онъ пальцемъ на рукоятку. Сѣли на коней и были таковы. Помѣщикъ не стерпѣлъ, далъ тревогу и послалъ погоню. Названный братъ атамана, замѣтивъ погоню, сказалъ о томъ атаману, который обернулся назадъ, взмахнулъ по воздуху кинжаломъ „навхрестъ“ и продолжалъ путь не спѣша. Вотъ вотъ уже догоняютъ и, наконецъ, поровнявшись съ ними, говорятъ: „Гдѣ жъ разбойники? Это „кущи“.—„Онъ, онъ!“ кричалъ панъ. Имъ показывались верховые, а, когда приближались къ нимъ, снова видѣли предъ собой кусты. Вотъ такимъ то невидимкой могъ быть „Василько“-атаманъ.

Неизвестно, был ли самъ „Василько“—атаманъ грамотный, но у себя держалъ онъ нѣсколько человѣкъ, которые исключительно занимались письмоводствомъ. Единственнымъ скрѣпленіемъ въ братской любви, царившей въ шайкѣ во всѣхъ ея дѣлахъ, служилъ крестъ и присяга—„клятва“. Разъ положенная въ чемъ нибудь, „клятва“ оставалась ненарушимой и тогда, если бы пришлось за уговоръ разстаться даже и съ жизнью.

54. *Разбойники „Буза“ и „Гетманецъ“.* Не одинъ Василько прошолъ грозой по Украинѣ; здѣсь подобныя ему проходили цѣлыми отрядами. Тутъ были разбойники Мазепы, остатки которыхъ поселились въ Ханенновомъ, въ Рудовѣ и частью въ Павловскѣ; Пугачи, образовавшіе хуторъ Пугачивка; Бервены—Бервенку и Шандры—Шандривку,—последніе и теперь живутъ, какъ звѣри. Въ последнее время въ Бѣлокуракиной были разбойники Вошурь (потомокъ ихъ и теперь есть), они скрывались въ лѣсу „Вошурина стѣнка“, что на большомъ шляхѣ изъ Куракиной на Лизинъ;—Булавинцы, Тишковцы, Макортетенцы, притономъ которыхъ служили „Брянскіе лѣса“ Песчанской волости. Невдалекѣ отъ Ново-Павловки есть большой курганъ, именуемой Бузовой могилой. Изстари ходитъ о ней преданіе такого содержанія: былъ здѣсь когда-то разбойникъ „Буза“, который, подобно разбойнику „Васильку“, все имъ награбленное скрывалъ въ землю. Предчувствуя послѣдніе дни своего промысла, „Буза“ скрылъ золото и серебро, а также и разныя свои письменности, закупоренныя въ бутылки чернаго стекла, неподалеку отъ „могилы“, съ которой онъ наблюдалъ сигнальные костры съ другихъ кургановъ, извѣщавшіе его или объ угрожающей опасности, или объ имѣющемся въ виду предстоящемъ скоро грабежѣ. Вся эта мѣстность была покрыта дремучими и обширнѣйшими лѣсами. Въ лѣсахъ водилось многое множество дикихъ козъ и другого звѣря. Жизнь нашихъ предмѣстниковъ этого края, говорятъ, проводилась въ „скиталищахъ“ подземныхъ ходовъ, почему и ждуть, современемъ, случайнаго ихъ открытія. Съ того времени, какъ разбойникъ „Василько“ распустилъ свою шайку, каждый изъ нихъ сталъ заводить отдѣльно свои разбойничьи берлоги. 12 братьевъ этой шайки, „Гатманьцѣ“, находились подъ руководствомъ атамана „Гатманца“. Мѣстомъ пребыванія ихъ былъ

лѣсъ и яръ, сохраняющій и теперь названіе у великороссіянъ—Конопляновцевъ—„Гатманцовъ лѣсъ“. Лѣсъ этотъ находится недалеко отъ Валуйскаго шляха. Другая шайка избрала себѣ атаманомъ „Мотяшѣ“,—тоже скрывалась въ лѣсу, именуемомъ Коноплянами „Мотяшовъ лѣсъ“. Про разбойника „Гатманца“ существуетъ молва,—когда онъ одинъ былъ оставленъ своими братьями въ лѣсу, то срубилъ дубъ, вышиной равнявшійся ширинѣ шляха; стянулъ его, безъ помощи другихъ, на шляхъ и перегородилъ имъ дорогу, въ видѣ заставы. Проходившіе чумаки должны были останавливаться и платить пропускъ. Гатманецъ, кромѣ денегъ, бралъ съ нихъ сало, пшево и хлѣбъ. Получивъ эту дань, онъ бралъ самъ за одинъ конецъ дуба и давалъ пропускъ. Шелъ разъ одинъ чумакъ тѣмъ шляхомъ съ шестью возами, видитъ заставу и приказываетъ ее снести и дать ему свободный проѣздъ безъ платы. „Гатманецъ“ сопротивлялся такой неожиданности, схватился съ нимъ бороться и, наконецъ, биться. Силень былъ „Гатманецъ“, но чумакъ оказался еще сильнѣе его. Связавъ разбойника по рукамъ и ногамъ, онъ сдѣлалъ скальпъ; нагаулъ вершину дуба и, привязавъ къ ней его волосы, пустилъ потомъ ее къ верху со скальпомъ, а самъ поѣхалъ. Чтобы загладить этотъ знакъ и уничтожить мучительную боль, „Гатманецъ“ принялся рвать въ лѣсу лопухъ, который варилъ и мочилъ имъ голову. Демьяновцы, говорятъ, видѣли „Гатманца“ въ Донскихъ мѣстахъ, во время заработковъ,—уже дряхлымъ старикомъ. Всѣ разбойники, находившіе уютище въ здѣшнихъ мѣстахъ, направлялись въ область войска Донскаго, гдѣ и оставались жить осѣдло.

55. *Разбойникъ „Засеринъ“.* Въ лѣсахъ по р. Козынѣ и далѣе по Айдару, къ Булавиновкѣ, свирѣпствовалъ разбойникъ, гроза дворянства—„Засеринъ“ съ своей шайкой. Въ основахъ его разбойничьяго промысла достигались тѣ же результаты, которые имѣлъ въ виду и „Василько“, но въ предназначеніи награбленнаго онъ былъ совсѣмъ другого свойства. Все добытое добро Василькомъ дѣлилось и закапывалось въ землю; „Засеринъ“, напротивъ, все добытое имъ, или его шайкой, немедленно раздавалъ бѣднякамъ, сиротамъ, вдовамъ и т. п.; никогда онъ не имѣлъ у себя излишка, отдавая все на добрыя дѣла, и зачастую

оставался самъ безъ копейки съ своей шайкой. Ёхалъ однажды изъ какой то небогатой экономіи управляющій и попался навстрѣчу „Засерину“. „Засерину“ еще заблаговременно была извѣстна цѣль поѣздки, почему онъ приказалъ ему встать и отдать деньги. Денегъ было что то очень много и тотъ, повинувшись, вручилъ разбойнику всѣ деньги. „Засеринъ“, принявъ къ себѣ казну, отсчиталъ, сколько по зарѣзъ ему было нужно, и положилъ въ карманъ, а остальные возвратилъ обратно управляющему, говоря: „возьми, это мнѣ ненужно, да скажи своей барынѣ, что часть ея денегъ я беру себѣ въ займы, которыя при удобномъ случаѣ уплачу“. Управляющій былъ просто внѣ себя отъ такого исхода. Воспользовавшись этимъ случаемъ, управляющій задумалъ утаить себѣ другую оставшуюся часть денегъ, и, по приѣздѣ домой, въ страшномъ горѣ заявилъ своей барынѣ, что вотъ, молъ, на дорогѣ попался разбойнику „Засерѣ“, который совершенно обобралъ его. Много времени горевала барыня, но дѣлать было нечего. „Засеринъ“, какъ „колдунъ“, предвидѣлъ, что произойдетъ между барыней и ея управляющимъ. Спустя нѣсколько времени, вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу барыни въ новомъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой бойкихъ лошадей, какой то генералъ и, не успѣвъ онъ, какъ говорится, переступить черезъ порогъ, хозяйка къ нему съ жалобой, что „вотъ, молъ, проклятый разбойникъ „Засеринъ“ не такъ давно обобралъ на дорогѣ моего управляющаго, который ёхалъ съ большой суммой денегъ, и вотъ теперь хотъ пропадай!“—„Слыхалъ, слыхалъ я, матушка, объ этомъ, да только мнѣ что то не вѣрится: ужъ больно вы на разбойниковъ возстаєте, а они вовсе не таковы, какими вы ихъ представляете: „Засеринъ“ этого не сдѣлаетъ“.—Хозяйка-барыня и слушать объ этомъ не хотѣла.—„Да какъ же? всѣ то, говорите, и забралъ?“—„Всѣ, всѣ, родимый“,—старушка сквозь слезы лепетала. „Позвать управляющаго!—Ну, Расскажи, какъ съ тобою поступилъ разбойникъ“,—спрашиваетъ генералъ.—„О-охъ, ваше благородіе! азіать то онъ какой.—всѣ по копейку забралъ, да еще насмѣялся: „скажи барынѣ, пусть ожидаетъ, завезу ей обратно“,—да вотъ и вправду завезъ—ни слуху, ни духу“...—„Козаки, плетей!“—вскричалъ генералъ. Козаки—дюжіе два парня, схватили управляющаго и—ну его пороть:

побили на немъ всю одежду и тѣло до крови. Послѣ этого генералъ сердито вскричалъ на него: „врешь ты, мерзавецъ! я взялъ у тебя лишь часть только денегъ, а остальные возвратилъ со словами: „скажи барынѣ, что это я дѣлаю заемъ“, и вотъ теперь привезъ, получите ихъ отъ меня, матушка, а управляющему подбавьте“.—Выложивъ деньги на столъ, генералъ уѣхалъ. Засеринъ особенно отличался тѣмъ, что могъ являться въ различныхъ видахъ при особой для каждаго случая осанкѣ. Жилъ мужикъ очень бѣдно въ низенькой ветхой хатенкѣ, расположенной между Осиновой и Закамянкой, что на р. Айдарѣ. Бѣднота-бы еще не порокъ, да предался, бездѣльникъ, пьянству и пакостнымъ дѣламъ, и въ концѣ концовъ, подъ видомъ заработковъ, взялъ да и бросилъ жену совсѣмъ съ пятью дѣтками. Живи, молъ, какъ хочешь! „Засеринъ“, узнавъ о ея бѣдственномъ положеніи, задумалъ помочь ея горю. Возвращаясь однажды съ своего охотничьяго промысла, „Засеринъ“ повернулъ лошадь къ ея домику. Ночь была лунная, женщина сразу узнала разбойника въ окно и въ страхѣ заперлась и притаила духъ, такъ что на всѣ его просьбы не отвѣтила ни словомъ. Разгнѣванный разбойникъ взялъ мѣлъ и написалъ имъ на двери: „для разбойника запоры твои не страшны, пожалѣешь сама на себя: я хотѣлъ осчастливить тебя и дѣтей твоихъ сотней червонцевъ“. Ёдетъ однажды на встрѣчу „Засерѣ“ гончаръ съ горшками. Разбойникъ спрашиваетъ; „что везешь?“—„Звисно горшки“.—„Что они тебѣ стоятъ?“—„Стоють усѣго пьять карбованцивъ“.—„Снимай оглоблю съ колеса да бей ихъ до одного“, приказываетъ „Засеринъ“. Мужикъ побилъ исправно весь свой товаръ. „А лошадь что стоитъ?“—„20 руб.“ отвѣчаетъ тотъ.—„Бей лошадь, да получи съ меня 25 р. Да не забудь рассказать, что „Засера“ не для себя разбойничаетъ, а для мужиковъ“. Приѣхалъ „Засеринъ“ на одинъ постоялый дворъ самъ третей, сѣлъ за столъ и подперъ обѣими руками свою голову; спалъ ли онъ или обдумывалъ, но только говорятъ, такъ онъ дѣлалъ очень часто. Это было во время ярмарки. Вѣсть о приѣздѣ „Засерина“ быстро пронеслась по всей станицѣ и, многіе жаждали увидѣть его. Спустя нѣсколько времени, явился туда какой то начальникъ, и завязался между

ними разговоръ: „кто ты, обратился начальникъ къ „Засерѣ“?— „Я тебя не спрашивалъ, былъ отвѣтъ, хотя нѣсколько разъ имѣлъ для этого удобный случай и тебѣ до меня нѣтъ дѣла!“ Начальникъ все больше и больше началъ приставать, — „присиковицѣ“ къ нему, такъ что тотъ поднялся изъ за стола и сказалъ: „Если ты слыхалъ когда про разбойника „Засерина“, то это я“. Начальникъ сначала оробѣлъ отъ такого смѣлаго отвѣта, а потомъ крикнулъ: „вяжите его!“ Народъ все сходился и набралось, что и не счесть. Власть оказалась безсильной на этотъ разъ, — ужъ потому, что чернь давнымъ давно наслышана была о „Засерѣ“, какъ о защитникѣ слабыхъ противъ сильныхъ и каждый старался какъ бы лучше разсмотрѣть и запечатлѣть черты его лица. — „Засеринъ“ былъ костистъ, широкоплечъ, ростомъ выше средняго, лицомъ смуглъ и имѣлъ большую голову съ черными курчавыми волосами. Говорятъ, что онъ, во время нашествія французовъ на Москву ѣздилъ къ Наполеону представляться и былъ нимъ принятъ. Во время бесѣды, Наполеонъ спросилъ его. — „Что это у васъ на Дону за казакъ Платовъ? Скажите мнѣ пожалуйста объ этомъ храбрецѣ, какъ рисуетъ его народная молва?“ „Смотри Императоръ на меня, сказалъ „Засеринъ“ каковъ я, таковъ былъ козакъ Платовъ“. По приѣздѣ изъ Москвы, Засеринъ-Платовъ находился на Украинѣ, гдѣ составила пѣсня:

„Храпцѣтъ умна голова

Невспознала Платова“..

До появленія русскихъ разбойниковъ жизнь украинскихъ мужиковъ была не весьма завидна отъ разбойничьихъ татарскихъ набѣговъ. Однажды, говорятъ, былъ такой случай: спасаясь отъ преслѣдованія татаръ, три довольно дюжіе мужика братья слѣзли на „горище“ и спрятались тамъ въ ожиданіи незванныхъ гостей. Вдругъ дворъ наполняется крикомъ. Появились татары, шныряютъ по всѣмъ куткамъ и закуткамъ двора, не находятъ никого изъ людей и врываются въ хату, гдѣ такъ же видятъ однѣ лишь голыя стѣны. Поворотивъ назадъ носы, выходятъ къ порогу, одинъ татаринъ остался въ сѣняхъ пить воду, черпаетъ большимъ деревяннымъ ополоникомъ воду изъ кадки и пьетъ. Одинъ изъ спрятавшихся на „горищѣ“ украдкой

все высматривалъ гостя, а потомъ снялъ шапку, кланяется и говоритъ: „здоровъ пивъ“! — „А, братецъ, ты тутъ, слѣзай-ка сюда“! И голова свалилась съ плечъ его. Жаль стало брата остальнымъ двумъ; вотъ одинъ изъ нихъ и началъ: „Дурный, тай годи! Бачъ, трѣба бъ то ёму озывацѣя—мовчавъ бы такъ, якъ я мовчу“. Татаринъ слышитъ еще чей то голосъ: „А ну, на еще и ты. Да тамъ еще васъ много“? — подаетъ голосъ татаринъ. — „Ну, це вже мабуть дзѣзкы, бувайте здорови, — хочъ и йе, такъ не озовѣс“, рявкнулъ третій и также угодилъ татарину на капусту.

56. *Про Аркачеева*. Старые люди раньше не умѣли ругаться; все это теперешнее сквернословіе явилось съ тѣхъ поръ, какъ генераль Аркачеевъ обрѣзалъ дороги и вводилъ постриженцевъ. Много въ то время претерпѣлъ народъ. Аркачеевъ обрѣзывалъ дороги, проходя на югъ сплошь до самой крестовой горы, гдѣ Петръ I-й поставилъ крестъ. Про Аркачеева сложилась пѣсня:

„Аркачеевъ всю Россію перерылъ,

Солдатъ голодомъ морилъ“!

Куда бы генераль ни отправлялся, всегда бралъ съ собой жену. Она, говорили, была у него страшная колдунья. Рядовой солдатъ былъ такъ озленъ на генерала, что во время одного ученія зарядилъ свое ружье пулю съ цѣлью запустить ее Аркачееву въ лобъ. Выстроивъ ряды, генераль дѣлаетъ приказъ: „Въ такомъ то взводѣ, такой то выходи“! солдаты выходятъ. „Подымай ружье дуломъ вверхъ и, по общей командѣ, стрѣлай и ты“. Выстрѣлъ послѣдовалъ залпомъ изъ холостыхъ ружей и въ воздухѣ взвилась лишь одна пуля замѣченнаго солдата, который тутъ-же и былъ казненъ. О замыслѣ солдата заранѣе, конечно, предупредила генерала его жена. Послѣ этой неудачной попытки, солдаты рѣшили истребить прежде всего колдунью. Въ отсутствіе генерала лакей взмахнулъ свой тесакъ надъ головой барыни и пошелъ на встрѣчу Аркачееву, сталъ передъ нимъ на колѣни и сказалъ: „Жену вашу я зарубилъ“. — „Ну, чтожъ, зачѣмъ остановка? Руби и меня“. — Со смертію жены Аркачеевъ совсѣмъ перемѣнился.

Гл. 4-я.

Заговоры и лѣкарства отъ болѣзней.—Привороты.—Народная мудрость: примѣты на всякія случаи жизни.—Колыбельныя пѣсни и дѣтскія игры.

Ключъ ливъ. Правыло: щобъ тобѣ непрыйшлося личиты такъ и знай собѣ, що попѣреду всего трѣба молицьця Бѣгу, якъ знайишь—вмийишь, або такъ: „Богородиця Диво, радуйся; ослабы—остава, й на препослѣдку—Гѣсподы, помози“.

Одъ перелѣгивъ. 1) „На горѣ Окиѣни (Осиѣни), на островѣ Буѣни стояла хата: въ тій хатѣ—первый вѣтъ, другій буймытръ (буймыстырѣ), а третій лукавый. Вѣтомъ—поля размирать, буймыстромъ судъ судѣть, лукавымъ перелѣги згонѣть изъ цийѣи моли́твенной, рождѣнной, красной (яко́и, бачъ, буде тамъ шерсты) скотыны“.—Обернысь на схи́д со́нця й читай цѣю моли́тву тры́чи безъ оддыху, а потѣмъ возьми дѣбчикъ, або соломѣнку, травѣнку, абы вонѣ було бѣ однолѣтокъ, и тѣмъ ударь тры́чи хвору скотыну по лѣби, тры́чи по зѣду, потѣмъ—зѣ тийѣи й друго́и стороны, по зѣухахъ; дали—зберѣй тры́чи жмѣнею шкурѣ одѣ головы й до хвоста скризъ по спѣни и тодѣ поламай той дѣбчикъ, чи чимъ ты тамъ бывъ, на манѣньки кусѣчки, тай брось йихъ на спѣну скотыни и сплюнь при цѣму тры́чи на зѣмлю.—Якъ ляже, та голову прыхиле до живота, то хай хочъ шо, такъ устане и буде здоровый, а якъ же лежѣтьме, не прыгѣрне головы й не двѣгатеми́цця—дѣлай у друге, и до трѣхъ разъ такъ мѣжно робѣты.—Мѣжно й за вѣчи одѣ перелѣгивъ личиты, тѣко замѣть або знай, якѣ шерсть буде.

2) „Гѣсподы помози!—Було собѣ тры брата за сѣнимъ мѣремъ; одѣнъ дрова рубѣ, другій воду спѣя, третій перелѣги замовля, водянийи, витрянийи й зглазнийи: вамъ, перелѣгамъ, тутъ не бува́ты, у черво́ной (чи у яко́и тамъ не ѣе) скотыны жѣвто́и кѣсты не ломѣты, черво́ной крѣвы не пы́ты, и вамъ, перелѣгамъ, трясы́ця всимъ“!—Якъ прокажешъ, той сплюнь за́разъ, а потѣмъ погладь руко́ю по спѣни тры́чи, одѣ головы й до хвоста, й за жа́днымъ разомъ сплѣвуй.

3) „На Осиѣньскій горѣ, на Бертѣньскій землѣ ишовъ Петро и Пѣвелъ, третій зѣ нѣмы дѣволъ; зийшли на перехрѣсну до́рогу, ста́лы дѣматы, гада́ты—комѣ перелѣги да́ты:—Петру ру-

кавы́чки, Павлу нагальчы́ки, а ва́сь, перелѣги, сѣпѣятку (сѣпѣ-ста́ту) пидъ но́ги“.—Прокѣзуй тры́чи безъ оддыху и сплѣвуй.

4) „Ишовъ Св. Петро и Мака́ренко Мытро; Св. Петро положи́въ рукавы́чки немы́гички на престѣли, а Мака́ренко Мытро взя́въ перелѣги на своѣй ро́ги“.—Прокажи́ й згладь мишкѣмъ по спѣни.

5) „Ишовъ пѣпъ, ишовъ и дякъ, ишовъ и чортъ; найшовъ пѣпъ рукавы́ци, а дякъ капы́цю, а чортъ перелѣги взя́въ на своѣй ро́ги,—зѣ рѣгъ на спѣну, зѣ спѣны на хвѣстъ, зѣ хвѣсту до до́лу (на доли́вку)“. Пѣсля цѣго берѣ осы́кове по́лино, бѣи и прычы́туй: „який тутъ ѣе́сть, та́ка ѣму́ й че́сть“. Тры́чи дунь и сплюнь пѣсля цѣго и дѣвысь, шо пе́редъ то́бою бу́де лежа́гы (хворосты́на, дѣбчикъ, чи соломѣ́на), тѣмъ берѣ и бѣи по зѣухахъ.

6) „Ишовъ Петро и Павло, за нѣмы ийшовъ третій дѣволъ; зийшли вонѣ на тры шляхѣ, й найшли на трѣхъ шляхахъ Павлу рукавы́ци, Петру ноженѣ́цы, а дѣволу перелѣги ми́жъ ро́ги. Понеси́ йихъ, дѣво́ле рога́тый, верла́тый, на жѣвтии пѣски й нагоду́й своѣихъ дѣтѣй“.

Одъ крѣвы (якъ крѣвъ замовѣты). 1) „Во ѣ́ймѣ... й сла́ва Воцѣ... а потѣмъ: „На мѣри на Окиѣни, на островѣ на Одиѣни, тамъ стоѣть кѣнь каръ, крѣвъ не канъ; тамъ стоѣть кѣнь рыжъ, крѣвъ не брижъ; тамъ стоѣть кѣнь гни́дъ, крѣвы нѣтъ... Тамъ прѣла дѣвка шѣвку нѣтку; нѣтка вѣрѣ́сья, крѣвъ увѣ́ймѣсья въ тако́го-то раба́ Бѣжого“. Зда́вь те мѣ́сце й цѣмо́кны губѣ́мы.

2) „Ка́менна коро́ва й ка́менна го́ра; на тѣй горѣ сы́дѣть во́ронъ. А во́ронъ не ка́ркнетъ, и крѣвъ не ка́пнетъ. По тѣй горѣ хо́дыла Ма́ты Ма́рѣя, ро́зу сады́ла; ро́за не прыня́лася, а крѣвъ уня́лася“. Прокѣзуй тры́чи безъ оддыху.

3) „Ишла́ Дѣ́ва Ма́рѣя че́резъ зо́лотый мѣ́стъ, ийшла́ крѣвъ—не йшла́. Стань, крѣвъ ка́менемъ“.—Прокѣзуй тры́чи по тры́ раза безъ оддыху.

4) „Теклы́ рѣ́ки крѣ́ваыйи; одна́ рѣ́ка рѣ́ки спѣ́я, дру́га рѣ́ка ко́сьгы сѣ́ля, а тре́тяя рѣ́ка рѣ́къ крѣвъ тако́го то замовля́“.

5) „На ка́меньний горѣ ка́менна коро́ва, ка́менна дѣ́йны́ця и ка́менна й доѣ́ильны́ця; ко́лы бу́де зѣ тѣ́еи ка́менной коро́вы

молоко текты, тоді й буде зь такого то раба Божого й кровъ ийти. Не должно бѣты, щобъ зь каменной коровы молоко текло, не можно й то, щобъ зь такого то раба Божого кровы ийти—о віки виковъ аминь“. Шобъ такъ все й закамьянило.

6) „На морі на Окіяни, на острові на Буяни сидять три сестриці, шиють шириньки разными шовками... Заговорить бы руду рожденному, крещенному й молитвянному (мѣнья)“.—Проказуй тричи.

7) „Кровъ кровѣще, руда рудѣще! Буде тобі ийти, а то будетъ тобі, що тому чоловіку, який въ недѣлю заготовля дрова на понедѣлокъ“.

8) „Стої, не йди, червоная кровь! Я тебе замовляю й заговоряю, и заклинаю, якъ того чоловіка, що у недѣлю робыть—дрова рубайе“.

Одз бильма ни оци. 1) Помолісь Богу й кажь: „Господы, поможи!—Бижить три псы—білый за білымъ, сірый за сірымъ, чорный за чорнымъ, и бижить вы и злыжить вы у Лукы бильмо зь ока“.—Якъ прокажешъ разъ, такъ треба пры цѣму дхнуты на его (хворого) й сплюнуты на землю, и такъ дѣлай до трѣхъ разъ,—проказуй и плюй,—а на прыпоследку, у третье кажь: „пропады якъ ця слына“, и плюнь ему въ вѣчи.—Будешъ проказуваты у друге,—кажь: „Господы, поможи! другимъ разомъ, ынчимъ (ыньшимъ) часомъ“, а въ третье то жъ—„Господы поможи! Третьимъ разомъ, ыншимъ часомъ“, и дывѣсь за жаднымъ разомъ въ вѣчи на бильмо. Можно казаты: „ынчимъ часомъ“ и—„луччимъ часомъ“; тико до мѣнья треба доказуваты, шо „молитвянный и хрещеный“.

2) „На Осианьский горі, на Бертаньский земли ыйшли два псы, одынъ сірый, другий білый; сірый бильмо збывае, білый слезу спывае такому то молитвянному й хрещеному, рабу Божому N°. Читайицця тричи, безъ оддыху, й сплевуйицця за жаднымъ разомъ“.

3) „Стойть три хорты на Осианьский горі; одынъ чорный, другий сірый, а третій білый. Злыжить бильмо такому то молитвяному, хрещеному рабу Божому“. Тричи безъ оддыху.

4) „Ийшла свята Покрова чѣрезъ живый мистъ, за нею ийшло три хорты („псы“); одынъ сівый, другий чорный и третій бі-

лый. Сівый ийшовъ кровы замовляты, а чорный—перелогы здийматы, а білый ийшовъ бильма збираты, злызаты и щипцаты молитвянному, хрещеному рабу Божому (мѣнья), й на помищъ составляты, и дай ему, Господы, здреныйе и очищенныйе и виденыйе“.

Одз зубѣз. 1) „Пытайицця старый молодого: „чи не булять зѣбы у мертвого?“—„У мертвого не булять, у мертвого й не щимлять; такъ и въ раба Божого (мѣнья) новорожденного, молитвянного, хрещеного, якъ изъ роду не болилы, также й не щимлы, шобъ вонъ у раба Божого (мѣнья) до смѣрты занимылы и закамьянылы, якъ каминь у водѣ“.

2) „Оче нашъ, ѡже... Мѣсяцъ на неби, каминь у морі, вовкъ у полі; колы вси ци вѣщи изийдуцця вечѣратъ умѣсты, тоді у молитвянного й хрещеного раба Божого хай зѣбы забулять“.—Проказуй тричи и за годнымъ разомъ сплевуй.

3) „Ослобонъ, Господы, раба Божого (такого-то) одъ систѣнки и кальверка; успокой, Господы, его, раба Божого (мѣнья)“. Проговорить тричи безъ оддыху.—Можно й такъ: оддеры бумажки, стѣко можно обернуты на мизынецъ (кругомъ мизынця) й напыши на ний ци слова—„молитву“, и потѣмъ зложь ийи и положи на болящій зубъ, абд оддай положиты, тѣко шобъ не розгортуваты, и отд зь тѣмъ такъ и засны зь молитвою; якъ устанешъ, переспышь и болишь пропадѣ“.

Одз червѣй. 1) „Господы, поможи!—Будд собѣ двонадцять братѣвъ, изъ двонадцяти—одынадцять, изъ одынадцяти—дѣсать, изъ дѣсати—дѣвять, изъ девяти—вѣсимъ, изъ висмы—симъ, изъ сѣмы—шисъ, изъ шосты—пять, изъ пяти—чотѣри, изъ чотырѣхъ—три, изъ трѣхъ—два, изъ двоухъ—одынъ, изъ одного—ни годного. Тху! (плюнь й скажи) пропадѣть!“—Одъ цѣго тоді посдѣбыцця, якъ не будешъ ийхъ ворущиты.

2) Изчитуй одъ девяти до послѣднего, и за жаднымъ разомъ треба вырывать шерсты и забѣты де небудъ у сукъ, абд повертиты и забѣты потѣмъ дѣрку хочъ землею.

Одз идыни. 1) „На горі Окіяни, на острові Буяни: тамъ змий коропія. Выймай свий гадъ степовой и луговой, а не будешъ своего гаду выиматы, побѣтъ тебе Господъ Богъ христомъ и Богомъ“.—Три разы сплюнь и рукою по укушенному

мысьцю подавы и обведы кругомъ тымъ пальцемъ, шо зиньске щеня давытъ, шобъ опухъ дады не йшовъ; а якъ шо йе крестатый стрибный рубъ, то нымъ годыщця подавыты пухлятыну и обвесты кругомъ нейи за мысьць пальця.

2) „Богоробыця... Ослабы—остаы... Господы, помози!“—„На мори, на восточи стойтъ золотый дубъ, золотокорычный, на тимъ дуби гнздо золотѣ, золотокорычнѣ; ийцѣ тамъ стойтъ лыповый кушъ, въ томъ кушѣ яряче рунце, тамъ ёго вся осаульня. Крыкнувъ царь, крыкнула царыця, крыкнувъ и царевычъ на всю свою осаульню: пиды ты, Хивря (старша гадюка), по Поляху, по Домаху, по Марыну, по Горпыну, по Тытяну, по Оляну и за всимъ злымъ, пралютымъ гадамъ; цей зубъ буде минй маты, опуху непускаты, жовтойи косты не ломыты, червонойи кровы не пыты.“—Одъ ёго тожъ такъ, якъ и одъ нейи, тико заминь слова, змисто: „на мори, на восточи“, кажы: „на мори на окияни“; вмисто: „цей зубъ буде минй маты“, кажы сей зубъ будемъ выйматы.“—Якъ винъ укѣсе, такъ на тимъ мисци репне; винъ бильшъ куса на нозѣ, а вона на боци або на спыни. Вона товста, а винъ тонѣный та злыѣ.

Одъ урокивъ. „Батькови вроки, и материни вроки, и дидови вроки, и бабыни вроки, хлопьячи вроки, дивчачи вроки (й кажы мѣньня того, хто вричиний) Панасови вроки—одъ ёго Панасовыхъ очей, одъ ёго плечей, одъ ёго пальцевъ, одъ ёго семидесяты суставцевъ.—И пидить вы уроки въ урочище—на пущи („пустыньны миста“,—у „пустку“), на нѣтры („буйный витеръ“), де пивни не спивають, де сонѣце не сходытъ, де хрыстыянськый гласъ не заходытъ,—на очерета и на болота, купьямы трясыте, осокѣ изйидайте й тамъ собѣ спочывокъ майте“.

Одъ вывыху. „Бѣгла сѣчка чѣрезъ мистъ й чотыри нозѣ, пѣятый хвистъ, шоста голова,—нехай тобѣ Богъ помози“. Сплюнь трычи и хресты те мѣсце.

Одъ вовкывъ. „Святый Юрий и Ягорий! Выйдите на Юросолымьску гору, крыкните своимъ гласомъ, склычте свойи хорты, позатыкайте йимъ роты. О вики аминь“.—Той, хто заговоруе одъ дзвѣру, долженъ на Юрия цѣлый день постыщця, ходыты въ цѣркву и молящця Богу.—Не слидъ безъ дѣла

й йихъ голодными оставляты, бо й вони йисты хотять и не самы жъ вони выбрають собѣ, шо зысты, а те, шо йимъ назначе Богъ.—Одна баба такъ все сорокъ литъ не попускала вовкамъ ничого йисты й довела йихъ до того, шо въ ныхъ zostалысь одни шкѣры, та кисткѣ,—отъ и пожалылись, принесли жалобу на нейи Юрию; такъ ажъ тодѣ Юрий благословывъ йимъ попереу ту саму бабу зысти. Ну, й пишли тодѣ вовкѣ опѣять жыты.

Защита одъ розбойныкывъ. „Одъ яритныкѣ й ѣдъ яретныцы, й одъ голдунѣ, й одъ голдунѣи мысяцемъ защитѣсь, камѣнемъ загородѣсь, одъ всякого врага супостата и розбойныкывъ защитѣсь“.

Одъ ворѣвъ. „Прыподобный оче, святый Смеркачу и Замыкачу! Замыкайишь ты цѣрквы й города, и замкны одъ рожденного, молитвянного раба Божого N всякойе горе й ворогѣ.—На Осианьскый горѣ строги дорогѣи, замкѣ золотѣи, замыкайишь ты всимъ ворамъ и ворагамъ и наведѣ на йихъ, Господы, страши одъ мого чада, одъ мого стада, одъ мого двора й одъ мого перѣ й ѣдъ всего мого помышлѣнья, попечѣнья.—Одъ ворѣвъ годыщця ще хочъ разъ въ годъ самому читаты, а хочъ выслуховаты у другѣхъ симнадыцятую кахвисьму изъ псавтыря. Щобъ збавыщця одъ ворѣвъ и розбойныкывъ, читай рано и вечеръ сальму: „Живый въ помози вышняго“...

Наговоръ воды одъ казу. Налей у мыску воды и кинь тудѣ ладону, який йе. Кажна ладанѣна кѣдаецця на шо небудь, такъ, примѣромъ сказаъ: одна кѣдаецця на симѣ, потимъ друга на худобу й такъ дады; кому зробылась причина, на тий ладанѣни бѣдутъ пузырчики;—узнаецця тожъ по цѣмѣ, колы й одъ чого сталося: одъ чоловіка, дзвѣра, скотѣны рогаатои, овѣць, свынѣи и собакъ всякойи шерсты; якъ станецця, або сталося у началѣ мысяца, то покажецця молодѣкъ, а въ кинѣцѣ, то выйде мысяцъ на спѣвни.—Якъ же не покажицця на ладанѣни пузырчыкывъ, то въ симни гораздъ бѣде, все—благополѣшно. Вода наговоруецця й даецця пыты тико тодѣ якъ окажецця на чѣму небудь причѣна (казъ) (пузырѣ на ладону). Собаки бильшъ казюцця на молодѣкѣ и менѣ на спѣвни.

На молодыхъ одлчѣйеца то, на якому зъ ныхъ бѣде на шо нѣбудь казъ; той молодкѣ, шо значить казъ, нарѣжуйеца прямѣтымъ зъ гѣлыми (тупѣмы) кинѣямъ и буѣ мутный.— Якъ явѣца де ушкрѣбѣте мѣсде кѣгѣямъ, шо пѣна тудѣ ще не зѣйшла, такъ найтѣ трѣба на горѣщи павутѣны й забѣты нѣю рѣну и пыты пѣтимъ наговѣренѣ вѣду. Казъ мѣже явѣца въ симъ часѣвъ, въ симъ сѣтокѣ, въ симъ недѣль, въ симъ мѣсяцѣвъ и въ симъ годѣвъ, (абѣжъ въ 9 часѣвъ,—9 сѣтокѣ, 9 недѣль, 9 мѣсяцѣвъ и 9 годѣвъ).

Молѣтва: „Оченашъ..... Святѣй Мытрохвѣний, Св. Уласѣй и Св. Ильѣ прорѣкъ-прорѣчителѣ лыхѣго кѣзу, помѣжѣть и заступѣть одѣ лыхѣго кѣзу, одѣ бѣшенства, одѣ бѣшеной собѣки: одѣ бѣлойи, одѣ сѣройи, одѣ мѣройи, одѣ рябѣйи, одѣ рѣжѣйи, одѣ чѣрнойи и одѣ усякѣйи разнѣшѣрстной.—На осѣ-
яньскѣй горѣ, на олѣний землѣ, тамѣ Мѣты Бѣжа спѣла—прѣвѣпочѣвалѣ, ѣ приснѣвся ѣйи сонѣ нѣвѣдѣмый, хѣрѣвѣмый. Мѣты Бѣжа сына спѣродѣла, свѣтоѣ рѣзоѣ прѣкрыла, у ѣсли положѣла. Якѣ на дрѣви корѣ, такѣ чѣста свѣтѣя водѣ. На дрѣви на кабырѣзи Сѣса Хрѣста роспынѣлы, рѣци и нѣзи гвѣздѣмѣ прѣбывѣлы. Мѣты Бѣжа увѣдѣла: „Сынѣ мой, Бѣже мой! чѣ ты на вѣкъ помѣрайѣшѣ, чѣ ты за кѣго мѣку прѣны-
мѣшѣ?“—„Нѣтъ, мѣти мой, я не на вѣкъ помѣраѣю, я за вѣсѣ
мѣръ хрѣстыѣяньскѣй мѣку прѣнымѣю,—бѣду въ цѣркѣви на прѣстоли лѣжѣты, и бѣдѣ мѣнѣ вѣсѣ мѣръ хрѣстыѣяньскѣй
рѣно ѣ вѣчѣръ помѣнѣты“. Якѣ дѣшѣчка рѣно ѣ вѣчѣръ цѣоѣ
молѣтѣву бѣдѣ чѣтѣты, та дѣшѣ не бѣдѣ въ водѣ потѣпѣты, ту
дѣшу не бѣдѣ гѣдѣ кѣсѣты, ту дѣшу не бѣдѣ дѣзѣврѣ поѣйдѣты,
ту дѣшу самѣ янголѣ бѣдѣ спѣвѣдѣты, а самѣ Господѣ бѣдѣ
прѣобѣшѣты (прѣчѣшѣты). Одѣ пѣли мѣрьскѣйи, одѣ вѣлѣкѣйи
зарѣзы Бѣгу небѣсному помѣдѣсь, Сѣсу Хрѣстѣу прѣклонѣсь;
вѣяку дрѣянь подобѣю и вѣсѣ лѣхѣйи кѣзѣ. Амѣнь“.

Якъ тико змѣтыця казъ, то небарысь,—зовы того хто
ліче; винъ звѣре зѣлыя пыты й почи́те у роти, и якъ вско-
ра́хъ, то нехай хочъ який лыхий казъ, такъ пропаде́. Трава́
цяя ро́еця въ ничъ пидъ де́сяте мая (пидъ Сѣмона Зѣлота).
Треба́ питы но́ччу въ лисѣ,—доро́гою, ни туды йдучи, ни
видѣты, не сли́дъ огляда́ця й смія́ця,—знайти́ йийи,—

вона сама одкрыецця и вѣрваты хочь небагацько, а на другіі день мѣжно вже й косыты йийи, стѣко хочь. Травѣ бува рѣзна: така якъ лёнь, якъ пырйй, якъ пѣвыныкы, одуванчыкы й зовѣцця рѣзно: ѡбуль, крѣбуль и несмыянъ. Зъ першого гѣду травѣ не гѣдыцця на лѣкы, а варѣть траву третѣгѣ—литню; и варѣты трѣба йийи трѣчы, шобъ на цвѣтъ була чырвѣна, ажъ бѣра, и на укѣсъ—терпка и вязка, пыты жъ трѣба по ковтку трѣчы й чѣтыры рѣзы вѣ день. На бутылку кладѣцця травѣ пѣчка, а на велѣкйй казъ двѣ и бѣльше и, якъ вѣшье, то абѣ жъ одѣжа, абѣ немучытѣмѣцця дѣвго:—часѣвъ зъ два—трѣ й умрѣ. Травѣ навѣрють чѣтыры бутылкы (плѣжки), плѣжка на тѣждѣнь. Сама сыльнѣша трава: якъ прѣйдецця траву рѣаты, то, шобъ одкрѣлась, трѣба цѣю молѣтву творѣты:—„Траву порывѣю и врагѣ побѣждаю; трава крѣбуль, озвѣсь и ослухнѣсь; на пѣмѣщъ Бѣгу тебѣ зрѣваю“!

Одъ безсонныя дытныи. Носять пидъ кұры и прыказують: „Кұры бйли, чорни, сйри, рябы, рыжи и всякойи масты! Понесить безсонныя такого то на вечерныци, де дивкйи ляшутъ, хлопци скъчутъ, а намъ дайте сонъ зъ усихъ сторонъ“.—Трычи.

Одъ бильма скотыни. На якимъ оци бильмò, зъ того боку
взять и протягты въ вѣхо шовкову нѣтку въ цыгáньскый гóльци
и тоди гóлку вѣтагты, а нѣтку зостáвыть тамъ—и бильмò зыйде.

Средство отъ таракановъ. 1) Чтобы выслать таракановъ, надо встать подрядъ три утреннихъ зари, до восхода солнца, и за каждымъ разомъ брать цѣлый хлѣбъ, потомъ отрѣзать отъ него краюшку, присыпать солью и, ставъ съ нею надъ какимъ-нибудь раствореннымъ окномъ, читать три раза, безъ отдыха, слѣдующую молитву: „Слава Богу, слава Богу, слава Богу! Я хозяйка (хозяинъ или человѣкъ, женщина,—по просьбѣ хозяина) сему дому, и моя хлѣбъ-соль остаётся навсегда со мною до скончанія вѣка, а вы, клопы, тараканы и всякая нечистота,—даю вамъ хлѣбъ-соль на дорогу,—идите, идите, идите изъ моего дому:—я васъ выгоняю и высылаю изъ моего дому“.—По прочтеніи, отъ присоленной краюшки хлѣба отрѣзывается маленькій ломтикъ и оставляется у себя, а остальное выбрасывается за окно. Надо при этомъ стараться, чтобы никто мимо оконъ не проходилъ или издали не могъ бы кто видѣть надъ раскры-

тымъ окномъ. Главный секретъ при этомъ тотъ, говорятъ, что не слѣдуетъ никому хвалиться, что „вотъ, молъ, выгонялъ, и теперь нѣтъ“; надо постараться забыть и никому объ этомъ не говорить. Даже если вздумаешь гравить чѣмъ таракановъ, мышей и т. п., то стоитъ лишь рассказать про задуманное, чтобы предпріятіе твое никогда не увѣнчалось успѣхомъ. Таракановъ можно выгнать лишь до Покрова; они такъ, какъ квартиранты: противъ зимы не выходятъ.

2) На Свѣтлый Праздникъ идетъ одинъ кто-нибудь изъ дому къ заутренѣ, а другой остается дома, возлѣ предпечнаго окна, поджидая къ себѣ, пока тотъ прійдетъ изъ церкви къ затворенному окну. Тотъ долженъ выйти изъ церкви первымъ, тогда, когда священники начнутъ въ алтарѣ христосоваться между собою, и стѣшиться къ окну прежде, чѣмъ кто нибудь пришелъ бы въ комнату, и говорить: „Христось воскресъ Христось воскресъ! Христось воскресъ!“—„Воистину воскресъ,—долженъ откликаться другой.—„Чимъ вы будете розгивляцьця?“—„Паскою та ковбасію“.—„А ти, шо за стинію?“—„А ти, шо за стинію,—самы собою“.—Послѣ этихъ переговоровъ, первый входитъ ранѣе другихъ въ комнату, обнимается съ тѣмъ, кто оставался, и начинаютъ христосоваться. Тараканы съ этого времени должны будутъ поѣсть одинъ другого и больше не водиться. Хорошо, если никто не замѣтитъ и не подслушаетъ.

3) Когда умретъ кто въ томъ домѣ, гдѣ есть тараканы, то надо ту воду, которою будутъ омывать покойника, прибереечь, а когда отойдутъ похороны, одинъ изъ членовъ семьи долженъ въ 12 час. ночи снять съ себя верхнее платье и бѣлье и въ природномъ костюмѣ побрызгать (покропить) тою водою всѣ стѣны, углы, потолокъ и полъ,—и тараканы сойдутъ.

4. Въ чистый (страстной) четвертъ сметають вѣникомъ со стѣнъ, угловъ, потолка, пола, изъ-подъ столовъ, кроватей и т. п. и этотъ соръ потомъ, вмѣстѣ съ тараканами (въ 12 час. ночи), выносятъ на перекрестную дорогу.

5) Найденную на дорогѣ чеку кладутъ отъ таракановъ подъ „прѣпичокъ“.

6) Поймать и связать вмѣстѣ двухъ таракановъ, какъ свиваютъ младенца, и отнести ихъ или въ переулочъ, или бросить кому-нибудь на возъ, говоря: „возьмите и насъ собою въ гости!“—Тотъ, конечно, ничего въ этомъ не будетъ подразумевать, изъяснить полнѣйшее желаніе и повезетъ съ собою незамѣтно положенныхъ гостей—таракановъ.

Таракановъ насылають въ чистый четвертокъ; ихъ приносятъ въ новомъ горшкѣ, незамѣтно выбрасываютъ и тѣмъ себя отъ нихъ избавляютъ. Приносятъ таракановъ и на новоселье, если кто позоветъ; на новоселье легче всего выходить тараканы.

Случайецця, шо супротивныкъ пидкїнецьця у голову, такъ одъ цѣго супротивныка трѣба пидкурюваты херувїмськимъ ладаномъ, и винъ вїйде.—Якъ зүздрышъ нечїстого, абѣ други страши,—читай: „Да воскреснетъ Богъ“.

Одъ живота заварюють сояшныци, вибырають у животї и стружують старїныни мїдни грѣши и йидять зъ хлїбомъ мидь; кажують, одъ „порухи“.

Хїкаецця тому, когѣ згадують, а бува, шо й нападаецця одъ того, якъ зиваешъ та не крѣстышъ роту, то тодї трѣба казаты: „Хїкавка, хїкавка, пиды до воды, кого схочъ, тогѣ и напады—хочъ коня, хочъ кобылу, хочъ цыганьську дытїну!“ Й пьютъ зъ кїрьця воду навкрестъ трїчи. Одъ запорѣши прычїтують: „Дїдку, дїдку, полїзь на драбїнку, та вїймы запорошїнку“. Порѣшу вытягають йе бабы языкомъ, а дїтямъ беруть за вїю, оттягують и кажують: „Порѣшко, порѣшко, вїйды на дорѣжку, дамъ тобї горѣшку“!

Шобъ не напала лыхорѣдка, не трѣба йїсты яецъ на Велїкдень; колы йїсы йїця, товчїй шкарлупу, а то жаба влїзе.—Потїмъ ще срѣдство: напыши на бумазыци (бумагу впередъ звали „попѣро“): „Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Бѣгу, и Богъ бѣ слово“, запїсочку цю спалы, а попилецъ вїпый зъ святою водою. Ще й такъ рѣблять: пїшуть крейдїною скрїзь по двѣряхъ и прїтулкахъ—„такого-то (мѣнця) дома нема“. Ще одъ пропѣсныци: мнуть шкарлупы зъ рѣкївъ и йидять; роцїнають щўку й нахѣдять у нїй рыбїнку, тодї сушуть и йидять.

Одъ понѣсу и блюванїня пьютъ скѣрыпъ и заварюють сояшныци.

Одъ переляку малу дитину (таку, шо ще ростіме) ставлять до одвірка, одрізують ножныцями нахрестъ по пучки волосся зъ головы и ноготки зъ пальців, тоди провірчують дірку у водвірку, вшиви зъ головою, запыхають туди те волосся и заплінують воскомъ изъ страшной свічки. Дитина переросте, й ліки понесе. Вивірчують переполдохъ и старимъ (шо вгору не ростуть); такъ тыхъ ставляють до осіки и вивірчують йимъ, обрізани ногитки и волосся укачують у воскъ и запыхають у дірку, и ото, якъ осіка підросте, то й зъ ростомъ и ліки понесе.

Якъ болить поясниця, треба трічи до порога одрубати сокирою нефорошаний виникъ й пособыцця.

Одъ переполоху выливають на голові олівромъ або воскомъ: ростоплюють и льють у воду.

Одъ жовтяниці йдять воши зъ хлібомъ.

Одъ золотухи лічать малыхъ дитей такъ: достають кліптыкъ заячого смушка намазують его сметаною и прыкладають до болячки; одъ цего, буде м'якнуты и вытикаты.

Одъ рака прыкладай свіжихъ лыстківъ капүсытняныхъ зъ сметаною и не давай йимъ ззигривацця, переминай. Одъ ранъ це жь срьдстве.

Червоточиною, шо бува вь деревни (у дереві) на оселі у вербы и дубови, такъ йийи деруть (вона, якъ мука) и засыпають дїтамъ, щобъ не прило.

Шобъ росла коса, варють березку и мїють нею голову шо тїждня.

Одъ чиряківъ треба у вечери, шобъ нхтѸ не бачивъ, поставыты на хвїртци обрүчъ зъ кадоба и трічи пролізты скрізь его, тоди взїты, обкрутнүцця зъ нымъ и закінуты, и ото, хто его вѸзме, на тому и окошїцця.

Надежны ліки одъ лыхорадки, прыпадківъ, геморѸа и вь разныхъ колькахъ: треба прынимать по чарчїни за часъ передъ йидѸю (треба бұты надыголодь шо дня) настѸйки, настѸйнойи на штоху горїлки зъ прыправою (прыправу першъ треба ззимьаты вь мукїцю, тоди наливаты): 7 золотныхъ сабүру, 1 зол. теракү, 1 зол. лїствинойи губы, 1 зол. горячѸвки, 1 зол. цыцвѸрного корню, 1 зол. шахрану, 1 зол. ревеню, 3 зол. сирного цвїту.

Свиней загодѸвають волячимъ — „товарячимъ“ (пометомъ) шобъ не дохлы; загодѸвають и голушкѸмы зъ саломъ. КурдѸкъ у вола лічать свїцїнимъ (пометомъ); привязують свїжого на ганьчїрочку.

Якъ зличить засїку?—НайдѸ йийи й прыложї жїтного хлїба зъ дегтемъ и камфорѸю и, якъ одмякне, прополѸ, а потїмъ кладѸ сырий коржикъ зъ жїтноїи мукї, камфоры, дегтю и сулимѸ, й загѸйїцця.

Тому, хто схѸче личїты одъ пїднебѸннѸ, попереду треба задавѸты двома пальцѸмы зїньське щенѸ (крота) и потїмъ тѸмы вже пальцѸмы (пальцы якї небудь) пїднимають пїднебѸннѸ, пїднимають, якъ опадѸ языкѸкъ; давлють пүхле горло одъ всякойи бѸлисти й роздавлюють, якъ йе у горли пузырї; одъ всякойи такѸйи прычїны пальцы цї сѸми вїрны ліки.

Шобъ избѸвыцця одъ запѸю, треба вь тїй бѸчци, де держуть горїлку, знайтѸ бїлыхъ червѸячківъ, вїсүшиты й ростертѸ йїхъ, а потїмъ даваты на водї, а хочъ на чѸму небудь, тому, хто лье горїлку, й пѸныця зъ тїхъ пїрѸ не мѸже тодї й нѸсомъ зачүты, де кабакъ.

Одъ зѸйидъ: мажуть йїхъ сїркою изъ үхивъ. Мажуть пшѸнойо пїною изъ каши.—Шобъ пропала плїснявка, треба добренько переварїты медкү й брѸсыты туди иржѸве залїзо и тодї, якъ настѸйїцця трѸхы, мазаты нымъ у ротѸ хвѸройи дѸтїны.—Огникъ, це звїсно вже, одъ чѸго бува, а шобъ его стрѸбїты, затопї вь грүби сырымѸ дровѸмы и, якъ покажецця зъ йїхъ на киньцѸхъ пїна, то тїею пїною берѸ й мажъ. Затоптуютъ огнькъ й трѸпкою зъ помелѸ; а у күзни вїхтемъ мѸчутъ (гартүютъ); у малярѸ мажуть бїлымъ (хүзомъ).—Одъ лышай онъ шо рѸблять: берүть у раньци зъ шїбокъ ту рѸсу, шо по йїхъ слызѸть, й мажуть лышай. Лышай натѸрають сїлью й мажуть згѸрамы изъ трүбки.—ВеретѸномъ выпѸлюють гүзку, бородавкү.

Трава бѸквыця одъ кашлю.—КоровѸякъ одъ порүхи, якъ животѸ выхѸдять.—Полїнь и изъ сояшныківъ лыстѸчки (жѸвтый цвїть) одъ лыхорадки.—Деревїй—одъ животѸ. Одъ животѸ: умѸчать цибулїну у сїль и мажуть нею нїжче пүпа.—Борщевнїкъ одъ животѸ.—КѸрнемъ кїньського щавлѸ мажуть

лышай.—Верёзка одъ урѣбу.—Ранныкъ одъ чирякѣвъ.—Лысытя бликоты прытуляють до болячки.—Шиптувы и шиптѹхи—„ликарѣ“ могорычуть дачкѣ, шобъ дававъ йимъ васылечкивъ зъ пидъ крестѣ на Здвѣженья; у йихъ купаютъ недужающихъ дитѣй—й одъ усѣго. Ту жъ траву й любыстокъ, шо на клычальний недѣльли кладѹтъ бѣтющци на стѣльчикъ пидъ кнѣжку, то жъ на росхвѣть спшѣть розбѣраты.

Одъ вразу (мѣтка),—вразъ, бачъ, кѣже, не на мѣсѣти—й лѣросыты попускавъ—одна бѣба выбѣрала у животѣ й такъ, мое нѣнько, помѣяла, шо на дрѹгий день живѣтъ зрѣбѣвъсь, якъ колѣда, й трѣнуецѣя незвѣя, а потѣмъ ще зрѣбѣла клѣди йий пѣты. Цѣ людѣна пѣе такѣ лики и кѣже, що йий лѣгшае: шкѣлыкъ спѣрту, шкѣлыкъ олывы, тры четвѣрки мѣду ($\frac{3}{4}$ ф.) и пѹчку якѣгосъ зѣлля; все це змѣшѹецѣя, и йде вытягѣты ти паросты, шо вразъ йийи роспѹстѣвъ.

Когда купаютъ дитѣ, то распарившееся его темѣ притягиваютъ къ себѣ ртомъ, полагая, что, вмѣстѣ съ поднятѣемъ кверху кожицы темени, одновременно будетъ подниматься и опавшее поднебенье (нѣбо).

Когда дитѣ часто кричитъ, то значить, что оно „свѣхнуто“; чтобы этому горю помочь, надо во время купанья смѣрять его три раза навкрестъ такъ, чтобы локоть правой руки младенца сходилъ бы съ колѣномъ лѣвой ноги и потомъ локоть лѣвой руки—съ колѣномъ правой ноги.—Когда дитѣ часто слюнѣть, то значить, что его беспокоятъ паразиты (купаютъ и чешѹтъ).

Молодайки, очень часто случается, застуживаютъ свою грудь, отчего бываетъ нестерпимая боль, и къ ихъ услугамъ мчитъ какая-нибудь „бабѹся“ горѣ пособить: раздобываетъ, если у самой нѣтъ, скорлупу съ освященнаго яйца, подсаживается къ больной (чаще это дѣлается подъ образами) и ну ее подкуривать. Въ заключеніе дастъ пить святѹю воду, или сама наговариваетъ, и наконецъ начинаетъ „развагѣти й вмѣсѣци съ цѣмъ жалѹ завдавать: це, бачъ, у васъ, нѣнько, нѣжидынь, дѣсь не спѣпѣшились, ухватѣлы; винъ такѣй завбѣльшки, якъ горошѣна, и отѣ вберѣецѣя (въ груди) таѣ росхѣдыецѣя тамъ. Оце гарѣздъ, шо я лучѣлась ускѣри, ато бѣ була вамъ халѣпа“.

Якъ бѣшена собѣка покачѣ здоровѹ, такъ отѣ не вѣштаѣсь:—возьмы, вѣпросы у трѣхъ вдовъ по окрѣйцо одъ цѣлыхъ хлибѣнь, та й даѣ йихъ зѣсты собѣци хочъ и безъ маѣкъ, и вѣна вѣхѣдыецѣя и не збѣсыецѣя.

Лубѣянѹха—це такѣ бѣлисть, шо по всемѹ тѣлу выступѣють прыщѣ, пидъ кинѣць шѣрхнѹтъ и свербѣять. Лѣки одъ цѣей хворѣбы такѣ: трѣба найтѣ де нѣбудъ на дорѣзи кусѣкъ лѹбкѣ зъ мѣльницы (нѣмы крѣла обшивѣють), варѣты ѣго, таѣ купѣты хворѣго у тѣмъ лѣтипли трѣчи.

Одъ сухѣты купѣють у наговѣрюваний водѣ, и пѣтѣмъ ту водѹ выливѣють въ те мѣсто, де два плѣтнѣ докѹпы сплѣлѣсь.

Огнѣкъ, якъ бѹдешъ личѣты, такъ запалѣ зъ ганѣчѣрки помѣло и подкѹрюѣ нѣмъ, пѣтѣмъ умѣчѣ ѣго зъ огнѣмъ у помѣйныцю й обвѣдъ трѣчи кругѣмъ ѣго, шобъ дѣли нѣйшѣвъ, а тодѣ й помѣчѣ сѣмѣй огнѣкъ навкрестъ трѣчи.

У скѣтыны бѹва на зѣыцѣ бѣлисть,—„жаба“. Якъ вѣль скрѣгѣче зубѣмы, то такъ и знаѣ, шо въ ѣго жаба; примѣта ще й такѣ: пидъ зѣыкомъ бѹде жѣлокъ ззѣдѣ цѣвитѣмъ сѣни, такъ здаѣецѣя, шо ажъ бѹтто бѣ то набѹбнѣвылы. Лѣчѹтъ йийи такъ: берѹтъ въ рѹку гѣлку, рознимѣють волѹ ритъ и скѣлюють нѣю по жѣльци; якъ кровъ зѣйде й вѣль одлѣга.

Якъ обдѣецѣя скѣтына, такъ трѣба мирѣщѣй пѹскѣты зъ нѣздри кровъ.—Одъ хромотѣ тожъ зъ ногѣ пѹскѣють кровъ.

Якъ убѣють годѣванѣго кабанѣ на сѣло, такъ пѣрѣвый кусѣкъ вѣрѣзѹють у ѣго зъ лѣбу, вѣшають, не солѣвши, на матѹзѣчку и бережѹтъ одъ всѣкойи прычѣны за-дѣля скѣтыны. Пры всѣкойи бѣлѣсти мѣжно даваѣты ѣго йѣсты и мазѣты.—Пѣрѣвый кусѣкъ сѣла зъ лѣбу никѣлы не завѹнѣецѣя й червѣ у ѣго не кѣнѣецѣя.—Рѣсѣлъ зъ молодѣго сѣла даѹтъ скѣтыни пѣты, якъ обдѣецѣя, одъ запѣру и такъ, якъ чѣго нѣбудъ бѹде чѣхрѣты.

Одъ чѣхѣтки: 1-го мѣѣ нарѣвы зъ прѣдѣва (конѣпли) зелѣныхъ верѹшокъ и вѣсуши; пѣтѣмъ, пидъ 1-го сѣнѣбрѣя, пидѣ, набѣры полѹношнѣей водѣ и, не оглѣдаѹчисъ, прынесѣ додѣму й бережѣ до 1-го окѣбрѣя; пѣтѣмъ такъ же й пидъ Пѣкрѣву трѣба прынесѣти полѹношнѣей водѣ, и тодѣ вѣже змѣшѣть ту й дрѹту водѹ докѹпы и варѣты въ нѣй ту зѣленъ, верѣхѣвъ зъ

прядыва, шо ты нарвавъ. Якъ устійицьця наваръ, тоді пый натошакъ, шо день по стакану.

Одъ пропасныци треба вловыты кажана, убыты и зсушыты ёго; потимъ стёрты въ попилецъ, завязаты у вузлыкъ, надіты собі на шию й ходыты зъ нымъ безперечъ.

Кажаномъ загодують коней, на мисяць або на годъ, щобъ сѣти булы й щобъ швѣдко бѣгали, а якъ вѣйде зрокъ заговору, то вони здыхають.

Якъ ходять молоді зъ приданнымъ (беседа) по хатахъ (по госьтахъ), то беруть у жаднымъ дворі по мѣчці, або по пивъ мѣчці прядыва й дають ёго молодій, а та зъ свашкамы йдетъ дорогою, чѣшты й на веретено пряде, а, прыйшовши до молодого, дають ёго батькови й матери, (то, бачъ, шо напѣла), а винъ йимъ за це—горѣлки; такъ отъ, оцѣ жъ то, то прядыво и прѣжа, называецця „приданяче“, ёго бережуть, держуть у спрятѣ, и отѣ, якъ захрома виль, або шо такъ прыключыцьця, то нымъ, бачъ, тоді перевязують. Рука розійдецьця, перевязують приданячимъ валомъ, або прядывомъ, гарусомъ зъ гильця, и ниткою зъ бабьячого пояса, видъ цѣго жъ такъ вѣяжуть. Красна стрѣчка, шо буѣрамъ до шапокъ чипляють,—згидлыва; вона одъ урикъ держицьця.

Перелѣги бувають всѣки: одъ воды, витру и зъ глазъ. Якъ нападуть перелѣги коня або що, то становѣсь мирщій на всхидъ сонѣця й проказуй вводѣнь духъ трѣчи „очинашѣ“, тоді мишкѣмъ або шѣпкою протягны трѣчи по пидъ брѣхомъ, смыкны трѣчи за чѣба и трѣчи за хвистъ, а потимъ ще й шлѣпны ёго ладѣнею по задній лѣшци трѣчи,—и кинъ пѣде; тѣко вмисто „одъ лукавого“ кажы „одъ перелогивъ“. Одъ перелогивъ поведѣ коня на клѣдовыще и перекрестѣ ёго трѣчи тѣю дугѣю, шо ёго запрягаешъ, й кинъ бѣде здоровый.

Якъ заведѣцьця де въ скотѣны червы, такъ возмы на дорѣзи жмѣню пѣлу и засыпъ нымъ. Одъ цѣго ще й вѣшають на шию який небудь шкуратѣкъ зъ чѣбота або що; ёго за для цѣго нарѣшне шукать на дорѣзи, хочъ дома й ѣе. Шкураткѣ ще й вѣшають одъ того, щобъ у дроковѣцю не плыгала бѣ скотѣна на скотѣну.

Одъ зубивъ: якъ побачишь молодѣкъ, то прочитай трѣчи

безъ оддыху „очинашѣ“, тѣко вмисто „одъ лукавого“, кажы— „избавы одъ зубивъ“.—Одъ зубивъ треба нарыть корѣнья изъ ожѣны й зварыть ёго, або настѣять на спиртѣ й полоскаты тымъ болящи зубы. Пѣсля цѣго не треба бѣде вѣе йѣсты ничего солѣдкого.

Якъ укѣсе гадѣюка або павѣкъ тарантѣла, такъ треба впѣиматы цѣго тарантѣлу, бросыть у бутѣлку й налыть ёму олывы; винъ отѣ тамъ пропадѣ, выпустѣ зъ сѣбе увѣсь свѣй ядѣ, и тоді тымъ мѣжно мѣзаты те мѣсто, де бѣде укѣшено.

Одъ свѣнячого дѣху ѣе такѣ трава, якъ бурѣякъ, называецця „кѣрмѣкъ“, корѣнь йѣий (винъ жовтуватый) варѣуть й напувають.

Бородавкѣ бувають одъ того, шо жаба на тѣло шѣсь... Личутъ бородавкѣ такъ: йихъ вывѣзують:—возмы якѣ небудь нѣтку, обведѣ нею кругѣмъ бородавкѣ, якъ завѣзують, й завѣжай на нѣтци ѣзлыкъ такъ, щобъ винъ прѣйшовся на бородавци, й такъ повывѣзуй йихъ вси на ѣзлыки скѣко ни ѣе, тоді вѣрый у гноѣвому мѣсци ѣмѣчку й загорны тудѣ тѣю нѣтку зъ ѣзлами—нѣтка згнѣѣе, а зъ нею й бородавкѣ пропадѣуть.

Прыворотъ *). Приводимые заговоры читаются утренними и вечерними зорями. 1) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей дверями, изъ воротъ—воротами подъ востокъ, подъ восточную сторону, подъ свѣтлый мѣсяць, подъ луну Господнюю, къ тому синему морю Окѣану. У того синяго моря лежитъ бѣль алатырь-камень, подъ тѣмъ бѣлымъ алатырѣмъ-камнемъ лежитъ три доски, а подъ тѣми досками три тоски тоскучѣя, три рѣзы рѣзучѣя; подойду я близѣхонько, поклонюся я низѣхонько: „вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучѣя, три рыды рыдучѣя и берите свое огненное пламя, разжигайте рабу (имѣя дѣвушки), разжигайте её во дни печени и полупечени,—при утренней зарѣ, а при вечерней садитесь, васъ, матушки, три тоски, въ сретивое сердце, въ печень, въ лѣгкія, въ мысли, въ думы, въ бѣлое лицо, въ ясныя очѣ, дабы рабъ Божій N показался бы ей лучше свѣта

*) Крестьянинъ с. Шапарскаго, находясь въ военной службѣ, досталъ отъ какого то солдата помѣщаемыя „заговоры“ и, списавъ ихъ себѣ въ книжечку, принѣсь на родину.

блага, пуще солнца красного, пуще луны Господней; ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, гульбой бы не загуливала, при пирѣ она или при бесѣдѣ, въ полѣ она или въ домѣ,—не сходилъ бы N съ ея ума—съ разума. Будьте, всѣ мои слова, чрезъ три часа! (ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, въ гульбы бы не загуливала и во снѣ бы не засыпала) крѣпки и липки, крѣпче камня и булата; замыкаю я васъ тридевятью ключами, и этимъ моимъ словамъ переговора и недоговора не измѣнить ихъ никому,—ни хитрецу, ни мудрецу“.

2) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей воротами въ чистое поле подъ востокъ, въ подвосточную сторону. Навстрѣчу мнѣ вышло семь братьевъ и семь сестръ буйныхъ.—„Идѣте куда?“—„Пошли мы въ чистое поле, въ широкое раздолье сушить травы подкошенные, лѣса подрубленные, земли вспаханные“. Пойдите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскующія со вдовъ, сиротъ и съ малыхъ ребятъ, со всего свѣта блага,несите красной дѣвицы N въ ретивое сердце, припейте ихъ тамъ булатнымъ топоромъ, посадите въ неё тоску тоскующую, сухоту сухоточную въ ея кровь горячую, въ печень, въ суставы, семдесятъ семь суставовъ и подсуставовъ и одинъ суставъ, 77 жилъ и единую жилу становую, чтобы красная дѣвица N тосковала бы и горевала по мнѣ, N, во всѣ сутки и въ 24 часа, ѣдой бы не заѣдала, питіемъ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы она не засыпала, въ теплоѣ парущѣ калиновымъ щелокомъ не смывала, шелковымъ вѣникомъ не спаривала бы; пошла бы слеза, плакала бъ и казался бы я ей милѣе отца и матери, милѣе всего роду и племени, милѣе подлунной Господней, скатскаго жемчуга, платья цвѣтнаго и золотой казны. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата. Ключъ моимъ словамъ не достать и замокъ—въ морской глубинѣ на рыбѣ китѣ, и никому эту китъ рыбу не достать и замокъ не отпереть, кромѣ меня, N; а кто эту китъ рыбу добудетъ и замокъ мой отперѣтъ, то онъ будетъ, яко древо, и пошлю я молнію“.

3) „Встану я, рабъ Божій, N, и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье,

къ синему морю Окіану. У того синяго моря Окіана лежитъ огненный змій; сряжается и наряжается онъ зажигать горы и долы, и быстрыя рѣки,—болотныя воды со ржавчиною, орлицу со орлятами, скопу съ скопятами, травы подкошенные, лѣса подсѣченные. Пойду я поближе, поклонюсь пониже: „Гой еси, ты, огненный змій! Не зажигай ты ни горы, ни долы, ни быстрыя рѣки, ни болотныя воды со ржавчиною, ни орлицу со орлятами, ни скопу со скопятами, зажги ты красную дѣвицу N въ семьдесятъ семь суставовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилку становую, во всю ея плотъ, чтобы ей мыслилось и хотѣлось... брало бы её днёмъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по мнѣ N,—спаньемъ бы она не засыпывала, ѣдой бы не заѣдала. Какъ бѣлая щука рыба не можетъ быть безъ проточной воды и безъ пробѣжки, такъ бы и красная дѣвица N не могла бы безъ меня N ни жить, ни быть. Будьте, мои слова, крѣпки и липки,—крѣпче камня и булата, востраго ножа и Берзаянокова копія,—а ключъ мой къ словамъ на утверждение, и крѣпость крѣпкая и сила сильная—въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ“.

4) „Встану я, N, и пойду изъ дверей во двери, а съ тѣхъ дверей въ ворота и въ чистое поле; тамъ будетъ мнѣ навстрѣчу огонь и пламя и буйный вѣтеръ. Встану я, поклонюсь имъ низехонько и скажу такъ: „Гой, еси огонь и пламя и вѣтеръ буйный! не палите зелѣныхъ луговъ, а ты, буйный вѣтеръ, не раздувай пламя и сослужи службу вѣрную: выгони изъ меня, N, тоску тоскующую, сухоту плакучую инесите её черезъ горы и не потеряйте, чрезъ моря и рѣки и не утопите, а вложите её въ рабу Божию N, въ бѣлую грудь, въ ретивое сердце, въ лёгкія, въ печень, чтобы она обо мнѣ, рабѣ Божиѣмъ, N, тосковала и горевала денную, ночную и полуночную пору,—во всякихъ бы яствахъ не заѣдала, въ меду-пивѣ и винѣ не запивала бы. Будьте, вы, мои слова, крѣпки и липки отнынѣ и до вѣка, заключаю крѣпкимъ замкомъ, и ключъ въ воду“.

5) „Встану я, рабъ Божій, N, на утренней зарѣ, на солнечномъ восходѣ красного солнца и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота—на восточную сторону, въ чистое поле. Въ томъ чистомъ полѣ гуляетъ буюнъ вѣтеръ. Подойду поближе,

поклонюсь пониже и скажу: „Гой, еси ты, буень вѣтеръ! Пособи и помози мнѣ, N, законъ получить отъ того то дому и взять, кого я хочу, и чтобъ у того бы человѣка N умъ и разумъ отступился на всѣ четыре стороны, а обо мнѣ бы приступился ей умъ и разумъ до точной судьбы нашей,—къ тому, кого я хочу получить,—персвалились бы, потопились бы ко мнѣ, N, всѣ мысли и охоты, и забавы, и её бѣ съ ними въ насъ по водѣ унесло, и они бѣ меня, N, приняли. Ключъ въ морѣ; языкъ—въ ротѣ, тому слову не будь края и конца, и отъ злого человѣка ни вреда, ни бѣды, ни напасти, а если бы кто на меня и на неё что подумалъ,—не доброе есть замыслилъ, то у того бы человѣка ничего-бы не послѣдовало, и заперло бы ключами и замками и восковыми бы печатами было запечатано отъ сушна (Sic)“.

6) „Лягу, не помоляся, встану, не перекрестясь, и пойду, не благословясь изъ дверей во дворъ, въ двери растворенныя, въ двери скрипучія, пойду на востокъ солнца, на восточную сторону. На восточной сторонѣ лежитъ три дороги, по евитимъ трѣмъ дорогамъ идутъ три хитреца и мудрые мудреца, и три красныя дѣвицы, и три молодыя молодницы, и идутъ они зажигать окіанъ море. „Ахъ, вы дѣвицы! скажу я имъ, не зажигайте окіанъ моря, а зажгите N, зажгите вы её не сами, а прикажите вы семидесяти семи чертямъ, семидесяти семи получертямъ, семидесяти семи дьяволамъ, семидесяти семи полудьяволамъ и слѣпому бѣсу и самому сатанѣ. Самъ сатана вставалъ бы съ своего царскаго престола и зажегъ бы N ретивое сердце, горящую руку и алую кровь, могучую плоть, чтобы N тосковала и горевала обо мнѣ, N, и плакала бы и рыдала, какъ тоскуетъ кобыла объ жеребѣнкѣ, корова о телѣнкѣ, овца о ягнѣнкѣ, ещё бы тошня то востосковала обо мнѣ, N. Я, я и я пойду за замками двумя желѣзными; замкну мѣдными и ключъ брошу въ окіанъ море, подъ алатырь камень. Никому мой ключъ не вытащить, никому моего замка не отпереть, и моихъ воротъ не отворяти, и моего заговора не отворачивать, и моихъ приворотъ ни отворачивати никому: ни дьячку, ни черту, ни дьяволу, ни полубѣсу, ни самому сатанѣ. Мой заговоръ или приворотъ,—крѣпче камня алатыря...Крѣпко—на—

крѣпко и туго—на—туго, еще быти нельзя всего свѣту вольнова. Одной быти (имя), за мной тосковать“.

Отворотъ. „Встану я, N, и пойду изъ збы въ двери, изъ дверей въ ворота на быструю рѣку (название рѣки) и стану я, N, по три крата мыться и полоскаться, три раза утренней и по три зори вечернія и приговаривати: „Гой, еси ты рѣка быстрая! Прохожу я по тебѣ по три зори утреннія и по три зори вечернія съ тоской тоскуею, съ сухотой плакуею мыти и полоскати лице бѣлое, чтобы сошла она съ моего лица бѣлаго эта сухота плакучая и изъ ретиваго сердца—тоска тоскучая, и повеси ты, быстрая рѣченька (имя рѣки), своею быстротою струга и затопи ты ея въ своихъ валахъ глубокихъ, чтобы она никогда по мнѣ, N, не приходила. И всѣ эти слова до слова заключаю замкомъ крѣпкимъ, и ключъ въ воду“.

Какъ приворожить жениха. Когда будешь подавать чай тому молодому человѣку, который можетъ быть любимъ тобою, то положи себѣ сначала подъ мышку (подъ плечо руки) кусочекъ сахара и жди, какъ онъ надопьетъ немного, тогда возьми да и брось ему его незамѣтно въ стаканъ.—Кусочекъ сахара будетъ пропитанъ потомъ отъ твоего желанія, и когда онъ растворится въ чаю и будетъ испить, то вѣрь—что тотъ молодой человѣкъ, какъ незамѣтно принялъ чрезъ посредство кусочка сахара твои мысли и желанія, такъ точно незамѣтно, даже иногда противъ вольной своей воли, будетъ исполненъ однихъ мыслей и желаній съ твоими.

Какъ взять ту дѣвушку, которую любишь. 1) Для этого надо поймать „кожана“ (летучую мышь), отнести его и положить на „комашню“ (муравейникъ) и накрыть горшкомъ съ проверченнымъ сверху дномъ. Такъ онъ долженъ пролежать тамъ трое сутокъ; потомъ въ 12 часовъ ночи, надо прийти и взять изъ подъ горшка остатки съѣденнаго комашками (муравьями) кожана: вилочку и ключечку. Нести надо, не оглядываясь. Когда принесешь, держи у себя, и вилочкой будешь незамѣтно отталкивать, а ключечкой притягивать къ себѣ, кто понравится, и цѣль будетъ достигнута.

2) Можно засушить и жабу, только на солнцѣ, и затѣмъ вынуть изъ нея вилочку и ключечку.

3) Написать или наговорить на конфетѣ: „На морѣ-окіянѣ, на бертанскомъ диванѣ, стоитъ пенъ пнемъ, тридевять чертей, тридевять колдуновъ и тридевять колдуній. Кто возьметъ эту ветушку и поднесетъ ее къ красной дѣвицѣ, тотъ чтобъ былъ ею любимъ и никто бы не могъ быть ей милъ, кромѣ какъ я только одинъ“. Наговоренную конфетку, или что другое, дается ей скушать.

Шобъ вѣйти дѣвци замѣжъ, треба вѣрваты того зѣлля, що де на хати ростѣ, й приказаты: „шобъ же й я така дѣвна була всимъ хлопцямъ (абѣ одному якѣму), якъ цѣя трава“! и пѣтимъ внести въ хату й положити мѣжъ икѣны—образы“.

Какъ „доказать“ своему врагу. Чтобы „доказать“ (отмстить) своему врагу, возьми песку или земли изъ подъ бѣшеной собаки и, задумавъ при этомъ что нибудь („пропади“, „онѣмѣй“), брось ему въ глаза, и задуманное скоро-не-скоро, но непременно съ нимъ должно будетъ исполниться.

Какъ сдѣлаться незамѣтнымъ въ присутствіи другихъ. Отрыть могилу и взять черепъ, затѣмъ положить въ него 9—12 фасолинъ и, закопавъ въ яму, поливать. Когда эта фасоль вырастетъ и дастъ плодъ, то тогда стоитъ лишь вложить одну фасолину въ ротъ и держать за щекой, чтобъ можно было тебѣ все дѣлать и быть незамѣченнымъ въ присутствіи другихъ.

Чтобы заставить поѣздъ съ молодымъ не выѣхать или выѣхать во дворъ, надо намазать ворота волчьимъ жиромъ и бросать на лошадей той земли, которую нарылъ кротъ, приговаривая: „Какъ эта земля изъ норы кротомъ выкидалась, такъ чтобы и вы возили молодыхъ“.

Неразмѣнный рубль. Чтобы достать неразмѣнный рубль, надо взять одноцѣтную кошку или пѣтуха и пойти съ нимъ на середокрестную дорогу въ 12 часовъ ночи, когда дойдешь, то говорить: „принесъ вамъ N, купите, дайте лишь за него рубль неразмѣнный!“ Нечистый тутъ, какъ тутъ, возьметъ у тебя изъ рукъ принесенное, а тебѣ дастъ желанный рубль. Что бы ты, гдѣ на этотъ рубль ни купилъ, онъ послѣ всегда будетъ оказываться у тебя неразмѣннымъ, цѣлымъ. Только знай при этомъ, когда будешь идти за нимъ и обратно, то долженъ не оглядываться.

Народная мудрость. „Якъ набижитъ въ дорѣзи гримъ и мѣнія, такъ тоді нетреба по ний ййхаты, а звернуты й ййхаты побля дорѣги, бо въ те саме время по ний бижитъ врагъ, а за нымъ гѣныця св. Ильля зѣ гримомъ истребляты нечѣсту силу; такъ врагъ отѣ й крѣтыця выхремъ по дорѣзи, шобъ когѣ наздогнаты й ударыця обѣ ёго, и якъ трапыця ёму це зробіты тоді, винъ остаецця живый, а, вмѣсто ёго, нечѣстого, грѣмъ убывае того, хто ишовъ, абѣ ййхавъ по дорѣзи.“

Хто кѣре, та не плойѣ, томѣ грихъ нема; а хто жѣ кѣре и плойѣ, томѣ пѣкла немѣнаты, бо земля всимъ намъ маты,—мы вси зѣ землѣ, зѣ землѣ й живѣмъ и знѣвъ у зѣмлю пѣйдемъ,—а того й земля не прѣйме, хто на неѣи плойѣ. Хто нѣоха та неветраецця, и томѣ тожѣ грихъ нема, одѣ того, шо зѣ ёго людѣ смѣюця, осуждають и тымъ берѣтъ на себѣ зѣ ёго грихъ. Наши батькѣ курѣлы зпѣршу зѣ очеретѣны, а пѣтимъ явѣлысь вѣвертки, а цыгарѣкѣ крутѣты навѣлысь одѣ кантанѣстивѣ, а купырѣсы (купырѣсыця) змудрувалы нѣмци. Нѣохалы зѣ рѣгу, носѣлы й въ вѣзлыку, а тепѣрь зѣ табатѣрьки.

Якъ шо хѣчишь, щѣбъ новорожденный хлопчикъ бувъ плѣтникомъ, такъ треба ёму кишку одѣ пѣпыка одрубаты сокирою до порога; а якъ одпадѣ пѣпыкъ, такъ схѣвай ёго й держѣ поки выростѣ, тоді дай развѣзаты, й якъ развѣяѣ, тоді ёму скризъ буде свѣтъ самъ развѣзуюця.

Шобъ дѣтина скорѣшъ ходѣла, треба йийѣ поставѣты нѣжѣ камѣ на зѣмлю й перерѣзаты ножѣмъ мѣжъ ногѣмъ зѣмлю,—це-бѣ то означа то, шо перерѣзали пѣто;—не зрѣбышь цѣго, такъ довго бѣде лѣзѣты, а нѣчне ходѣты, часто бѣде спѣты-каця.

Стрѣчными кѣмомъ и кѣмою называюця ти, хто першѣ на ѣчи стрѣвся. Стрѣчныхъ кѣмѣвъ берутъ по причинѣ: бувѣ, шо дѣтки й частѣнько такі рѣдяця, та, Богъ зна чоѣ, не растѣтъ, такъ отѣ, якъ возмѣшь стрѣчныхъ кѣмѣвъ, и дѣты бѣдутъ ростѣ. Стрѣчныхъ кѣмѣвъ самъ Богъ навѣде.

Шобъ бѣлышъ дѣтѣй не водѣты, скажи тѣко обѣ цѣмъ тѣй баби, шо бабуватѣме у тебѣ, то вона тѣко сокирою перерубѣ мѣсто навкрѣстѣ, (те въ чѣмъ дѣтина), й гуляй тоді, дѣво, смѣло!

Шобъ вѣкликать бродѣгу изъ забрѣду, треба напысѣть ёго

мѣнья на просвыри за упокой и подати йийи у церкви на проскомѣдию; такъ треба зрѣбѣть трычи, або й зразу це мѣжно зрѣбѣты тамъ де ѣе тры церкви. Чимъ частѣшъ будешъ помынати живого умершимъ, тѣмъ бѣльше буде его нудыга йисты й кортитыме до дому.

Якъ рѣдыцьця дитѣна нежива, такъ треба йийи оклыкаты на рѣзни мѣнья, и вона на чийе небудь й озовецьця, и отѣ тѣмъ же мѣньнемъ треба и крестѣты.—Якъ рѣде яка родѣльня, то заразъ же стѣлють на покути кожухъ вѣвною вѣору, заводитъ и сѣдовлять йийи за стилъ на той кожухъ, щобъ була багата.—Родыльни неслѣдъ первый разъ безъ ничѣго въ люди являцьця, а треба брѣты зъ собѣю нижъ и держѣты его пидъ пеленѣю, бо всяки очѣ ѣе. Кѣ-яки бабѣ рѣблять такъ: якъ на-надивѣють у тѣжденъ разъ бѣлу сорѣчку, такъ першъ всего протѣгують скрѣзь неѣи киньчѣстый нижъ, щобъ не прыстѣлы нѣйки худѣ наговѣры.

Першъ того, щобъ зрѣбѣть хѣту, треба найтѣ на неѣи мѣсто, а це рѣбыцьця такъ: положи на чотырѣхъ углахъ по каменюци и побля жѣдной тѣѣи каменюки насыпъ по кучѣи жѣта, потѣмъ черѣзь ничъ подывѣсь у рѣнци, якъ не буде ни кимъ ворѣшене, то мѣсце подобне, а якъ шо жъ поворѣшене, то хѣти, бачъ, тамъ бѣты не на мѣсьти, и отѣ посувайсь далѣ, атѣ въ жѣсты никѣлы не бѣде тамъ нѣякого добра.—Якъ стягѣють на хѣту свѣлокъ; такъ привѣязують до его кожухъ, або платѣкъ, а плотныкивъ перевѣязують полотномъ и стягѣють тодѣ его такъ, щобъ не тилипѣлось те, шо бѣде привѣязане до свѣлока, а ти, шо стягѣють, щобъ не крѣктѣлы, и тодѣ тѣко въ тѣй хѣти жѣсть бѣде безъ печѣлы и воздыхѣныя. Те, чимъ перевѣязани плѣтныки, бѣде йѣхнимъ.—Прыѣшовши зъ страстѣвъ, прыносьѣть свѣчку до дому, засвѣчену ще у церкви, и пышутъ, напѣлюють нею на свѣлоци чѣрный крѣсть—страшный, щобъ хѣтню симѣю мынѣлы всяки страсти.—На свѣлоци прыбывѣють и деревѣанный крѣсть, щобъ не пысѣцьця шо гѣду,—такъ тѣко тодѣ, якъ рѣблять хѣту, це треба за-бля того, щобъ вмѣсьти зъ хѣтою посвятѣвся бѣ и крѣсть на свѣлоци.—Якъ стрѣють хѣту, то пидъ свѣлокъ кладѣть якѣи небудь грѣши, щобъ була хѣта грошовѣта.—Сволоци въ старынѣ цѣцѣкувалы,—

вырѣзувалы кружалки и ко-якѣи цвитѣчки; тепѣрь це перѣвѣдыцьця. Кружалкѣи означѣютьця, щобъ жѣсть наѣа такъ ийшла, якъ на осѣи кѣлесо, а наповнѣютьця вѣны у середѣни кружечкѣамы, серпѣамы, якъ молодѣкъ,—щѣбъ жѣсть була не пѣста.

Щѣбъ крѣсты и не попадацьця, такъ настоящи вѣры добувѣють собѣи чѣловѣчого жѣру, топлѣть зъ его свѣчки и зъ нѣмы тодѣ кудѣ хочъ: свѣты й шаръ смѣлѣво.—Мѣжно запастѣсь кѣсткою зъ рукѣи мертвѣцѣи, и нею якъ окрѣстышъ вѣкна, двѣри и двѣрь якѣи, такъ все спѣтѣме, якъ у могѣли мертвѣцѣи, до тихъ пѣрь, пѣки назѣдъ не одкрѣстышъ.—Щѣ й такъ: перѣвому вѣору, шо тѣко начинѣеть крѣсты, треба першъ укрѣсты шо небудь пидъ страстѣи, або пидъ Вѣлѣкденъ, або пидъ Рѣздѣо, та прѣмо такѣи пидъ якѣи небудь здѣровый прѣзвыкъ,—ѣ не попѣстѣсь, тодѣ крадъ смѣлѣво,—не попѣдѣсья!

Якъ отдаѣть дѣвку зѣмижъ, кладѣть у скрѣню по куткѣамъ старѣнныи грѣши, щѣбъ плодѣлысь—наживѣлысь грѣши.

Въ чѣстый чѣтверъ сидѣють прѣхи на порѣгъ и прѣдѣть-крѣтѣють нѣтку навпакѣи; нѣткѣи цѣи прѣдѣцьця за-бля того, якъ розѣйдецьця рука, такъ нѣмы перевѣязують, щобъ не булѣла.

Пѣкойныку кладѣть въ домовѣну, або въ кишѣню грѣшей зъ грѣвню (3 коп.) и прѣнычкѣивъ, за-бля того, щобъ булѣо чимъ одкупѣтысь на тѣмъ свѣти одъ грѣхѣвъ, ѣ отѣ грѣши ти винъ дасѣть Кѣсарю, а прѣнычки—Цѣзарю, щѣбъ пѣстѣвъ у рай.—Пѣкойныку колѣсь становѣлы у гѣлови ѣ штофъ (штовокъ, штохъ) горѣлки,—грѣбачѣи нахѣдылы,—то бѣ то, кѣжутъ, бачъ, не наѣи булѣы похѣвани, а цѣгане.

Щѣбъ чѣго не забѣты, такъ завѣязують на хѣстоцьци вѣзлыкъ.

Щѣбъ дѣтѣи не булѣо, треба спѣлѣты мѣсто.

Крѣски—мѣсяшне у жѣнокъ бѣвѣе безперѣчъ ѣдѣть одъ того, шо ѣихъ хтѣсь напойѣвъ нѣмы, або самѣи де вѣстѣпѣть ногѣю на чужѣ крѣску.

Вѣжкѣи бабѣи, якъ ще половѣины неѣа, не слѣдъ ходѣты дѣвѣцьця на мѣртвѣхъ, атѣ неживѣ найдецьця (рѣдыцьця).

Якъ злѣкаѣсья пужарѣю и вѣзмѣсья потѣмъ за шо, то у дѣтѣвы, шо рѣдыцьця, на тѣмъ мѣсци бѣде крѣсне пѣятнѣ.

Нѣгти цѣвѣтѣть пѣредъ дарѣныцею, або обнѣвкой; задырѣецьця 7

шкура на нѣгтахъ не сама, то нечистый ихъ задыра за тымъ, цю въ недѣльлю рѣблять.

Якъ мѣртвый прыснѣця, хочъ бы й чужий, то ёго треба помынати. Причитуванья мертвому:

„Ой тужу жъ я, тужу,

По чужому мужу,

Тай такъ й не дурно,

За чорнѣнке рѣно“.

Возы у табури якъ шо лущать, такъ це вже чумакъ зна, шо шось, якъсь ёму причѣна та буде: або жъ стрѣча зъ розбойныками, або жъ зъ ворагами.

Щобъ робѣчи мало йлы и найлысь бы, такъ кой хто за-бля цѣго стромля въ зѣмлю нижъ, стѣлетъ звѣрху на ёму рядѣнце й станѣве тоді страву и хлѣбъ-силъ. Скѣко ни йе, усѣ найидѣця (накѣрмляця—нагодуюця) и ще й зоста-неця писля ихъ стѣко обѣйдѣя, шо хвѣте й на другѣй день.—Хто цю хозяйску прѣмху розшолопа, возмы и выймы нижъ зъ пидъ рядѣнця щобъ нѣхто не вздривъ, и держи у себѣ, такъ тоді хозяйина тогѣ такъ хвѣте сѣашныця та зъ прозору, шо винъ знѣтѣме свого бѣтка.

Шапки не слидъ клѣсты на столѣ, бо не оберѣсья людъ-сыкойи напасты. Шапку мѣжно тоді на стилъ клѣсты, якъ шо йе въ въ кишѣни сто кѣрбуливъ, або буде въ шапци ус-трѣмлена гѣлка зъ нѣткою.

Щобъ бѣты на пѣци (на выдѣ) чѣстому, такъ, якъ будѣшь у тѣждень сорѣчку надивѣты, повернѣсь на захѣдъ сѣнця й утрѣсь спѣнкою сорѣчки и вся нечистъ, якъ шо й хочъ и не пропадѣ, такъ зѣйде вся на спѣну.

Щобъ скѣтына велѣсь и благополѣшна булѣ, то треба у за-городи за стрѣхою держѣты викѣнку свѣтого Влѣсия.—Щобъ дѣты булѣ умнѣнѣки й учѣлысь грѣмоти бѣйко, то треба одвѣ-дыты ихъ у шѣколу на свѣтого Наѣма (1 декабѣ).

Щобъ завѣсты плодѣчихъ утѣть, треба берѣгѣсь, щобъ не купѣты у тогѣ, шо будѣ жѣты одъ тѣбе прѣты водѣ, а у тогѣ, якѣй за водѣю, щобъ вѣтка сама бачъ пльвлѣ бѣ до тѣбе.—Утѣта мѣжуть дѣбре розвѣстѣсь и одъ тогѣ, якъ купѣшь, бувѣ, на зарѣзъ, та якъ небудъ и облышишь, то ци бѣ то вутѣта (тай всѣтаки такѣ) зъ-пидъ ножа плодѣчи бувѣють, и у рѣку пѣдутъ.

Щобъ взнѣть, де шукѣты вѣопленныка, пускають на воду

чашку деревѣяну зъ огнѣмъ, и на якѣму мѣсьци начнѣ вѣна крутѣця, тамъ духѣ (скоро) й знѣйдѣшь мѣртѣ тѣло.

Свинѣй треба рѣзѣты у чѣстый чѣтѣрь, щобъ не завѣдылысь чѣрѣы у сѣлови,—щобъ то чѣсте сѣло булѣ.

У бѣшенойи скѣтыны пидъ языкѣмъ завѣдыця чѣрѣякъ; винъ невелѣчѣкий й увѣсь въ шерсть. Одномѣ чѣловѣкови (хѣ-тѣвъ, бачъ, розгладѣты) такъ упѣвъся у лѣдѣню, шо й не вѣ-тяглы,—прѣйшлѣсь дрѣтомъ выпѣлюваты.

Журбѣ прѣклучѣяецѣя одъ несѣмѣру й одъ тогѣ, шо немѣ ни грѣшей, ни хлѣба, а одъ журбѣы вѣе й все лѣхо вѣстѣдѣ.

Чѣмъ мѣжно побѣдѣты вѣдѣму? Зѣмѣтышь вѣдѣму у вѣкнѣ,—вѣны, бачу, чѣсто хѣдѣты лѣзыты по вѣкнахъ людѣй лѣкѣты,—такъ тѣко зѣтулы йѣй дѣлю й дѣй, одѣ й все. Будѣшь дѣ про-хѣдыты мѣжъ бѣбѣмы, стѣлы дѣи дѣлы й залѣжѣ ихъ въ кѣ-шѣню, и одѣ, якъ шо йе мѣжъ нѣмы якѣ вѣдѣма, то вѣна ни зачо не зѣмѣче,—чѣмъ небудъ, а зачѣпе.

Сѣнце—Бѣжѣ викѣнце.—На мѣсяци Кѣвилѣ Вѣвѣлы убѣвъ, тай на вѣла настрѣмѣвъ.—На молодѣкъ грѣхъ пѣльцѣмъ тѣка-ты, бо почѣрнѣйе.—На молодѣкѣ заговѣрують зѣбы; тай такъ годѣця,—якъ уздрѣшь, такъ перѣхрѣстѣсь на всхѣдъ сѣнця, щобъ увѣсь мѣсяцъ прожѣты безъ бѣдѣ.—На вѣспѣвнѣ мѣсяця дѣбре всѣку всѣчину сѣлѣты, щобъ повнѣнѣка удалѣсь (кавѣунѣй, огѣрки).—Якъ мѣсяцъ нарѣдыця зъ гѣстрымы кѣнѣцѣмы, такъ то будѣ увѣсь мѣсяцъ сухѣй,—а якъ зъ тѣпѣмы, шо ненѣче, якъ бѣдѣто гѣбы одкѣсѣ, то бѣты ёмѣ мѣкрому и вѣтрѣному.—Млѣчный пѣть—дорѣга зъ Кѣѣва у Юрусѣлымъ,—по нѣй св. Илѣля вѣзе свѣй грѣмъ.—Юрусѣлымъ—пѣпъ зѣмлѣ.

Якъ пѣрѣвый грѣмъ загрѣмѣть, такъ треба шо небудъ спѣ-ною подавѣты, щобъ не булѣла; це, шо набѣлышь рѣблять бѣбѣ, щобъ у жѣнѣва не булѣлы йѣхнѣ спѣны.—Страшнѣ свѣчка бѣ-рѣжѣця одъ всѣкихъ прѣчинѣ (вѣна згѣдѣлыва).—Шо грѣмъ залѣле, тогѣ тѣшѣты грѣхъ, бо то такъ угѣдно Бѣгу, а бѣ-дѣшь тѣшѣты, будѣ бѣлышь горѣты и водѣ нѣпочѣмъ, хѣбѣ молоко йе, такъ нѣмъ тѣко й мѣжно утѣшѣты.—Грѣмъ не пѣле, винъ тѣко гѣркѣтыть, а пѣле стрѣлѣ; вѣна вѣдѣты лѣгѣты й скрѣзъ зѣмлю прохѣде, якъ йе на дрѣгѣй свѣтъ; йѣйѣ пѣзѣзы чѣгѣ небудъ не залѣлыты, бо вѣна огнѣмъ себѣ очѣща.—Грѣмъ

гремѣть—св. Ильѣ на колесніци зъ Богомъ розиджа;—св. Ильѣ горшкѣ вѣзе.—Богъ грѣма свѣрыцця на людѣй, щобъ не гришілы, та хрестѣлысь.

Градомъ мѣють очі, щобъ не булілы.

Поки райдуга на небі бѣде, то й потопу не бѣде, бо вона спынѣ воду, не даѣ йй хѣду: якъ чимало наберѣцця, отѣ вона зѣразъ однѣмъ киньцѣмъ спускаѣцця у воду, а другѣмъ подаѣ на тѣчи и зновъ ту воду розсивѣ.

До Ильѣ тѣчи хѣдѣть прѣты вѣтру, а зъ Ильѣ—за вѣтромъ.

Наша землѣ—мѣты Тытѣна. Землѣ дѣржицця на китѣ-рыби.

Якъ бѣде жѣто перѣдъ покѣсомъ лежѣты на всхидѣ сѣньця, то жды зѣму глыбѣку. Якъ сѣнце зѣйде на Вдѣкию (Явдѣкию) у хмѣри, а зъ пивѣ дня вѣясныцця, такъ урожай пизнішого посѣва бѣде лѣчче одъ раннѣго; ну, а все-такѣ це бувѣ тѣки у врожайни гѣды.

Замѣть отъ Сперѣдѣна й до Риздѣ, ци двѣнадцѣть днѣвъ и знай, якѣй колѣ бѣде день, такѣй и бѣде ввесь той мѣсяць, шо на ѣго прыпадѣ.—Зиркѣ падають у осѣнѣ, перѣдъ голодомъ и мѣромъ. Мѣтлы являюцця на небі перѣдъ якою нѣбудъ котѣрмою, бѣчою, войною.

Домовѣ йе. Вонѣ дѣшутъ, налягѣють на людѣй у ночѣ, якъ вонѣ поснѣтъ (обиснѣтъ). По йихъ мѣжно взнѣты своѣе щѣсьѣ: возмѣ тѣко й спытѣй абѣ подѣмай: „чи на хѣдо, чи на добрѣ“? то винѣ й одвѣте: „хѣ!“ абѣ—„дѣ!“ (хѣдо, добрѣ). Мѣжно ще й полѣпѣты ѣгѣ, якъ шо бѣде винѣ въ шерстѣ, то къ богѣству, а голѣй—къ убѣжѣству. Домовѣ перѣдъ якою нѣбудъ причѣною пускають воду изъ стѣли на долѣвку, на стилѣ, а лѣчалѣсь, шо йидѣть, а винѣ прѣме у мѣску такъ й попѣсте.—Цѣпѣвъ дѣржѣть у конюшнѣ за-блѣ тѣго, щобъ у ночѣ йидѣлы на йихъ домовѣ.—Якъ шо домовѣ бѣдѣть заплѣтѣты грѣву шкѣпы, то та шерсть йде по-двору.

Кинѣ у вѣхѣрѣ нижѣ, абѣ склѣнку, бѣде въ кровѣ; отѣ, бѣчѣ, нечѣстого тамъ уразѣшѣ.

Пидѣ голѣднѣй святвѣчѣрѣ (Крѣщѣнѣя) пѣшутъ скрѣзь по вѣкнахъ крейдѣною хрѣстѣ, й по двѣрахъ, по горшкѣхъ, кѣчѣрѣгахъ и скрѣзь по подвѣрѣю: по кумѣрахъ, закрѣмахъ, возѣхъ, сѣняхъ и такъ дѣли. Ци крѣстѣ йе стѣрають на трѣтѣй день, щобъ кѣры булѣ несѣщи.

Вѣ опѣвночи пидѣ Крѣщѣнѣя водѣ бурѣе въ Йѣрдѣнѣському крѣстѣ; ту водѣ берѣтъ тѣдѣ ти, шо лѣчѣть одъ урѣкѣ.

Пидѣ чѣстѣй четвѣрѣ серѣдѣ нѣчи и въ сѣмѣй четвѣрѣ вѣрѣнѣци до схидѣ сѣньця хѣбри болѣчкамы, не чѣстѣтамы купѣюцця у рѣцѣци; збѣвляюцця жѣ одъ всѣкойи такѣойи сквернѣты тѣко ти, хто пѣрѣвѣй влѣзе въ водѣ.—Купѣюцця одъ такѣихъ же прычѣнѣ й тѣдѣ, якъ свѣтыцця водѣ у рѣцѣци.

На Крѣщѣнѣя въ Йѣрдѣнѣськѣй крѣстѣ убѣвѣають у гѣловѣ колѣку за-блѣ тѣго, щобъ бѣжѣлы клѣлы мѣдѣ собѣ у вѣликахъ до гѣловѣ, а якъ хто опѣсли ту колѣку вѣтягне сѣмѣ своѣими рукѣама, томѣ бѣдѣуть йитѣ бѣжѣлы.

Кытѣй пиднѣмѣцця перѣдъ стрѣшнѣмъ судѣмъ,—перѣдъ кончѣною.

Вѣюнѣ незѣзѣ йѣсты, винѣ гѣдѣючѣойи порѣди.—Голубѣвъ грѣхъ йѣсты, въ йихъ всѣлѣвся Духъ Свѣтѣй, а хто йѣстѣ, такъ не рѣжѣтъ, а одрѣвѣають йѣмѣ гѣловѣ.

Пѣсля Ильѣ негѣдѣцця купѣцця, бѣде болѣты гѣловѣ (тѣдѣ Лѣля (Ильѣ) напѣсте шѣсь).

На покѣти стѣвѣають на сѣни озвѣрѣ и кутѣ пидѣ Риздѣ—богѣтѣй святвѣчѣрѣ й на голѣднѣй святвѣчѣрѣ; кутѣ означѣ тѣло Хрѣстѣве, озвѣрѣ—крѣвъ, а сѣно ѣсли, дѣ родѣвся Госпѣдѣ.

Стрѣшнѣй крѣстѣ стѣрають зъ свѣлокѣвъ на сѣредѣкрѣснѣй недѣльѣ.

Гѣробѣцѣ—прѣклѣтѣй; винѣ, якъ роспынѣлы жѣдѣ Хрѣстѣа, такъ крѣчѣвъ: „живѣ, живѣ“! разбѣйныкѣи вѣрнѣлысь й вѣбѣлы Ёмѣу залѣзнѣй гѣвоздѣ у сѣме сѣрѣце.—Залѣзнѣмъ гѣвоздѣамъ й Бѣже якъ грѣхъ збѣвѣаѣты грѣбы, икѣны и склѣпѣваты, крѣпѣты иконѣстѣсь.

Йндѣчу гѣловѣ негѣдѣцця йѣсты; вѣнѣ дѣрна и схѣжа на гѣдѣючу. Индѣка сѣама урѣчлѣва пѣтѣця.

Гѣсы купѣюцця,—дѣщѣ бѣде, а прѣтивъ хѣлоду носѣ пидѣ крѣла хѣвѣають.

Пѣвень на порѣзи крѣчѣтъ—гѣстѣй спѣдѣвѣѣцця.

Перѣдѣ умерѣщѣмъ собѣака рѣе ѣмкѣ, а перѣдѣ пѣжѣрѣмъ вѣѣе.

Кѣурыѣ спѣивѣ пѣвнѣмъ перѣдѣ прычѣною, а щобъ мѣнѣты йѣйѣ, возмѣ вѣпѣймѣй, змѣрь йѣйѣ одъ столѣа и до порѣга, и чѣмъ прѣйдѣцця до порѣга, тѣ й одрубѣй. Прѣйдѣцця гѣловѣю, одрубѣй и закѣнѣ, а зъ нѣей борщѣ наварѣ, та йѣйѣ помѣянѣ,—

а якъ шо хвостомъ, одрубай и пусты, вона буде хазайка, несуха й сыжуха.—Курьця—Бѣжа птиця; вона, якъ родився Сусъ, такъ кѣтями загортала Егѣ, щобъ не знайшовъ який Ирѣдъ.

Дорѣгу перебижить, перейде пипъ, собака, кѣшка, зъ порожними ведрами, зъ сметѣтьмъ—добра не ждѣ.—Зъ повнымъ чимъ переходѣ, абѣ перейиждѣ,—бѣты щастю.

Сычъ бѣде крычѣты де на осѣли: „сплю! сплю!“—перѣдъ умерѣщимъ, а якъ бѣде тико: „гавъ! гавъ!“—то це перѣдъ якимъ звѣсьтамъ.

Кѣшка умывѣецѣя—перѣдъ гостѣями; кудѣ головою, видѣты й ожидѣй.—Кѣшка шкряботѣты кѣтѣями по стѣнѣ, бѣде якѣ небудь хѣга: на пичѣ спыть, абѣ у грѣбу влѣзе—перѣдъ морѣзомъ, сѣредѣ хѣты розвѣрнецѣя—на теплѣ.

На Звѣженѣя вси гѣды злизѣюцѣя до кѣпы вѣ однѣ яму,—та тѣко ти, бачъ, шо ни людѣй, ни скѣтѣны не кусѣлы,—й лыжѣты тамъ кѣменный стѣвѣ и тѣмъ зимѣють до веснѣ.—На Звѣженѣя незѣзя у лѣсь ходѣты, бо провѣлысь до гѣдѣкѣ у яму. Разъ пишѣвъ такъ одѣнѣчѣловикъ и попѣвъ мѣжъ нѣхъ, то вѣны такъ и сѣнулысь булѣ кусѣты, а старшѣ якъ засычѣты вѣны й назадѣ: началѣ лызѣты кѣменный стѣвѣ и йѣго пхнѣты тудѣ жъ; полѣзѣвъ й ставъ по йѣхнѣму понимѣть,—та такъ прожѣвъ зъ нѣмы до сѣмоѣи веснѣ; вѣлизѣты жъ сѣмоѣу ни-якъ булѣ незѣзя:—така глѣбока яма.

Хто рѣтомъ зѣва-позѣха, томѣ треба ѣго перекрѣстыты.

За столѣмъ грѣхъ ногѣмы махѣты, бо тѣмъ чѣртѣвъ колышѣшь.

Свѣдовѣ жѣто назѣваецѣя те, шо на дзелѣнь кѣсыцѣя, вѣнѣ й на цвѣть бѣде прозелѣнкуватѣ, на вѣсь вѣжчѣ, й на утрѣнокѣ здоровѣше.

Огнѣкъ бувѣ у дѣтѣй одѣ того, шо вѣны плюѣты на огнѣ.

Не берѣ у ротъ грѣбинѣцѣя, а то плѣсьнявка нападѣ.

Якъ вѣпаде у малѣйи дѣтѣны зубъ, такъ йѣйи учѣть закинѣты ѣго на горѣще й казѣты: „мышка, мышка! на тобѣ кѣстанѣй зубъ, а минѣ дай залѣзный!“

На Головѣсѣка (Усѣкновѣнѣ главы св. Иоанна Предѣчи) не вѣрють борщѣ й не крѣшѣть головѣкъ капѣсты и ничѣго не рѣжѣть такого крѣглого, щобъ булѣ похѣже на гѣлову,—це бачъ за-блѣ того, щобъ не врѣзѣты й собѣ головѣ Прѣтѣдѣчиной и не дѣлаты цѣгѣ примѣру, бо особлѣво капѣста,—вѣна врѣбѣецѣя.

Стѣри бѣбѣ понѣдѣлкѣють: абѣ жъ ничѣго не йѣдѣть, абѣ жъ йѣдѣть, та писнѣ. Йѣ й такѣ, шо пѣятѣнкѣють: йѣдѣть вѣны разъ у дѣнь и то у вѣчѣри.

Пѣрвѣй дѣвинѣ—чѣртѣмъ на розгѣнѣ; дрѣгий—на збѣрь ѣнгѣливѣ, а трѣтѣй—людѣмъ на поклѣкъ; одѣ того и не крѣсь-тѣюцѣя тодѣ, якъ бѣвкѣты тѣко разъ.

Якъ узнѣты, колѣ корѣва отѣлыцѣя? На Мѣланѣкѣ трѣба спекѣты зъ сѣромъ пѣрижѣкъ и пѣты зъ нѣмъ у загорѣду перѣдъ вѣчѣрею и дѣвыцѣя,—кудѣ бѣде корѣва лѣжѣты головою; якъ шо на всхѣдѣ сѣнѣцѣя,—у рѣнѣци бѣде, на вѣюгъ—о пѣвъ дѣни, на сѣвѣрьскѣ—у полѣудѣнь, на захѣдѣ сѣнѣцѣя (западнѣй)—нѣччѣ.—Скѣтѣна понимѣ лѣчѣе чѣловѣка, та тѣко не балѣка; вѣна то й балѣка, та тѣко у нѣчи пѣдѣ Рѣздѣ и Вѣлѣкдѣнь.

Пѣганѣ на облѣчѣча такѣ, якѣмы Бѣгъ созѣдавъ пѣрвѣхъ людѣй; вѣны й тепѣрь такъ живѣть, якъ жилѣ людѣ значѣлу свѣта.

Нѣша жѣсть—вѣтѣвки.

Осѣка прѣклѣта за те, шо на нѣй повѣсывѣсь Юда.—Осѣка згѣдлѣва и дѣля лѣкивѣ подѣба.—На Сѣмона Зѣлѣта ходѣть у лѣсь за травѣю ти бѣбѣкѣ, шо бѣбѣють и лѣчѣть одѣ всѣкойи всѣячѣны людѣй и скѣтѣну; травѣ та то жъ згѣдлѣва, й одѣ всѣкойи бѣлѣсти посѣблѣ.

Якъ тѣко пѣрвѣстка отѣлыцѣя, провернѣй йѣй прѣвѣй рѣгъ, насѣпъ тудѣ свѣтого мѣку, щобъ молѣшна, бачъ, булѣ, потѣмъ хѣрувѣмскѣго лѣданѣцѣ, щобъ нѣякѣй нечѣстѣй не пѣдчѣпѣвѣсь, и кѣнѣцъ голѣки жалѣмъ у гѣру, щобъ вѣдѣму колѣла, и тодѣще возѣмъ и забѣй осѣковѣмъ кѣлкѣмъ изъ клѣчанѣя, щобъ це жъ булѣ до сѣмоѣи йѣйи смѣрѣты нѣкимъ ненѣрушѣме.

Шѣбъ плодѣлысь инѣдѣкѣ,—ходѣть пѣдѣ Стрѣтынѣя на рѣчку, абѣ до колѣдѣизѣ; ну, звѣсно жъ, опѣвночи, и дѣржѣть ту вѣду, щобъ крѣпѣты нѣю инѣдѣшѣть одѣ урокѣвъ.—Трѣба звѣзѣты новѣй нехвѣорѣщѣнѣй вѣныкъ и вѣместѣ нѣмъ трѣчѣи у годѣ: на Рѣздѣ, на Блѣговѣщѣанѣя и на Вѣлѣкдѣнь; а тодѣ схѣватѣ и дѣржѣты за-блѣ такѣйи прыгѣды: якъ вѣлѣуплѣцѣя инѣдѣкѣ, абѣ гусѣ, такъ одѣ умѣчѣ ѣго у помѣйнѣцѣю и покрѣпы йѣхъ нѣмъ, тодѣ, бачъ, нѣхѣто вѣже не згѣлѣзе, а якъ бѣдѣшь вѣганѣты зъ двѣру на вѣгѣнѣ пѣсты, такъ тѣмъ же вѣныкомъ опѣять и проганѣй йѣхъ и все бѣде горѣздъ—блѣгополѣшно.—Шѣбъ

йидять дома домашни уже тоді, якъ прийдуть зъ нівы и привезуть вмісто хреста грошъ. Грошъ достаецця томѹ погѣнчєви—хлопцю, або дівчини, хто не проспѣть.—Печуть хрестѹ зъ грѣшмы й на щасья: напечуть, и берѣ собі жадный по старшинствѹ, комѹ попадѣцця щасья.

М'ясясо укѣсне бува писля того, у кого рука легка; унаецця цє такъ, якъ шо пидкидаецця зарізана кѹрка, або баранъ, отѣ й дѣбре! а якъ же ни,—то бѣде неукѣсне, хочъ гетъ вышпурны.—Важка рука дѣлаецця одтого, шо шо нѣбѣдъ убывають, а особливо скаженюку.

Якъ бѣшину собаку, або шо нѣбѣдъ убьють, такъ те палѣчча або чимъ ты бивъ, бросаютъ на тимъ мѣсти, щобъ вона не встала; а якъ шо хочешъ взяти, такъ трѣба попередѹ висимъ разъ скривъ огѣнь йийи провесты, щобъ очыстилось.—Якъ убѣту собаку переволочешъ на дрѹге мѣсце, такъ мѣже ожиты.

Якъ у малѣго дытѣты немѣ на бѣхѣхъ мясцѣхъ, шо чѣсти, бачъ, бѣдѹть, то то означа, шо дытѣна не вѣросте, а вмере.—Якъ бѣде дытѣна собою глызѣва (сыра, важка), то тожъ умрѣ.—Якъ начнѹть у дытѣны впередъ у горѣ ростѣ зѹбы, тожъ вмере.—Якъ хто вмере й дѣвыцця однымъ ѡкомъ, то въ тѣй симѣи щє хтосъ вмере.

Шобъ не текло зъ вѣконъ, трѣба вставляты йихъ на писного Івана (Головосѣка).

Який день бува на Благовѣщенья, такой бѣде й на Вѣлѣкденъ.—На Благовѣщенья и Вѣлѣкденъ сѣнце граѣе—радѹецця.

Шобъ удаласъ бакша, сий у ту пятницю, шо писля Вѣлѣкодня (колыбъ вона не була).

Градъ чи малѹ шкѣду рѣбе, а шобъ ѣго спынѣты, такъ якъ розийдецця винъ, то бабѹ мирѣций нехай выкидають зъ хѣты на двѣрь помелѣ, лопѣту (шо хлибъ сажаютъ), кочергѹ, чалѣйку й рогачѣ, и градъ увѣймѣцця.

Трѣба запасацця страшнѹ свѣчкою, шобъ вона була зъ двѣнадцѣты годѣвъ (12 разъ шобъ була на страсты); у кого ѣе така свѣчка, такъ той, де схѣче, тамъ и поставѣ собѣ хѣту, й всѣке хозяйство ѣмѹ бѣде йты, й не прыстане до ѣго нѣйка нѣчѣсть; трѣба тѣко, бачъ, ту страшнѹ свѣчку растѣплювати у каганчику и обкѹрювати нѣю вси пожитки.

На дѣтяхъ не годѣцця ничѣго зашиваты, а то умѣ пришьецця.—Якъ жѣнка у тѣгости, та бѣде на собѣ шо зашиваты, такъ дытѣна бѣде колыка.

На Спыридѣна (12 декабѣря) трѣба трусѣты яблѹни, груши, дѹли (бармѣты), вышни (ягоды) й тѣренъ, шобъ уродѣлысь.

Шобъ булы плодѹчи кѹры, такъ загодѣвуютъ на Нѣвый годъ кѹтѣю, на Хрѣщенѣе тожъ годѹютъ нѣю й щє й крѣплятъ свѣтѹю водѹю.—Шобъ кѹры плодѣлысь: на Нѣвый годъ, якъ прийдѹть пѣрви посѣпальныки, такъ ты йихъ посады на лѣвци, а самъ пидѣ зъ кочергѹю на сѣдалѣ, де кѹры сѣдають, й попужай йихъ; тоді прѣйдѣ въ хѣту й дай тѣмъ хлопцѣмъ, посѣпалькамъ, шо Богъ послѣвъ (грѣшикъ, або лѣсощѣвъ—прѣныкъ, канхвѣтъ).

Якъ прѣйдѹть зъ вечѣрни на голоднѣй свѣтвечѣрь, такъ берѹть сокиру, йдѹть зъ нѣю у садѣкъ лѣкаты яблѹки и все те, шо ѣе; пидѣйде оцѣ зъ сокирою до яблѹни й намѣрыцця, якъ бѣдѣто рубѣты хѣче, и прыказѹе:—„якъ бѣдѣшь рѣжѣты, не бѣдѹ й рубѣты; не бѣдѣшь рѣжѣты,—бѣдѹ рубѣты“, та тамъ и цѹкне по нѣй трѣчи—прѣмѣрь зрѣбе, тоді йде дѣли.

Ти палычкѣи, кѣтри лѣжатъ на кадѹшци зъ водѹю, шо на йихъ кладѹть попы хрѣсть, якъ свѣтѣть водѹ, такъ на йихъ позѣхѣ жадный й колѣтацця за нѣхъ (колѣтнѣча бува не малѣ), шобъ томѹ й томѹ взѣты, бо якъ ти палѣчкѣи бѣдѣшь мѣты (имѣты), такъ бѣдѣжѣлы йтѣмѹть.—Шобъ бѣдѣжѣлы водѣлысь, вѣывѣаютъ и вынимають пѣтимъ колыку зъ головы Іѣрдѣньскаго хрѣста.

Якъ шо дѣхлѣ дерѹтъ пожѣмъ, такъ по управци слѣдъ очѣшѣты той нѣжъ одъ сквернѣты: ѣго трѣчы стрѣмляють у зѣмлю; трѣтий разъ якъ устрѣмлять, такъ не выѣмають трѣ часа, шобъ очѣшѣвся одъ всѣкойни пѣгани; атѣ, бачъ, якъ не зрѣбѣты цѣго, то й незѣзѣ нѣмъ бѣде рѣзѣты ны мѣясѣ, ны хлѣба.

Шобъ всѣ худѣба була здѣрѣва, такъ роспусѣаютъ лѣданъ й крѣплятъ йийи свѣтѹю водѹю тоді, якъ вона осѣвящѣецця.

Чѣрного пѣвня нѣякъ не слѣдъ держѣты у двѣрѣ, бо тамъ, де винъ ѣе, никѣлы не живѹтъ въ сомѣри чѣловѣкъ зъ жѣнкою, а все межъ нѣми распрѣ.—Шобъ нѣшкомъ зрѣбѣты въ який симнѣ бѹчу мѣжъ чѣловѣкомъ и жѣнкою, трѣба понестѣ йимъ ударѣваннѹ чѣрнѹ кѹрыцю.—На новѣсѣлля, якъ хто добрѣ мѣсе, хѣ-

дять зъ хлѣбомъ—сильлю, а якъ хто ни, то зъ примхамы: дарують грибинѣць и чарку на тарильци; грибинѣць означа не сомырну жисть, чарка—пьянство, а тарилка—нову жисть.

Шо найдешь на дорѣзи, здря не беры, а першъ перехресты ёго.

Дытына рѣдыця у сорѣцы (зъ мѣстомъ),—означа, шо буде вона багата,—а зъ зубамы,—зла; съ косою зъади—бѣты красивый, або духовного порядку.—Якъ рѣдыця дытына, такъ ѣе назначають (перве слово), чимъ бѣты: панома, хлѣборѣбомъ, купцема.

Якъ посаджють хлѣбъ у пичъ, такъ не трѣба дверьмы стукаты, атѣ паланыци не вѣдали выйдуть,—осѣдуть.—Якъ печѣтъ паскѣ, такъ примчають: гари вѣдѣця, гарна ѣ цѣлый годъ буде жисть, а ни,—бѣты плохий.—Паскѣ осѣдають або бувають порѣжни передъ умерѣщимъ.

Не тийею ногою (не правою, бачъ) на порѣгъ або черезъ порѣгъ ступышь—бѣты бѣчи.

Тройцкымы святкамы ти баби, у акѣхъ ѣе корѣви, вывертають на себѣ кожѣхъ, ѣдѣтъ у загороду до корѣвы и лякають ѣий за-бля того, щобъ и вона лякала такъ вѣдѣму, якъ прѣйдѣ ѣий доѣйты.

Гѣлу гѣлку зъ рукъ незъа такъ бѣаты, а трѣба попѣреду уколѣты нею.

За обѣдомъ положишь лышню лѣжку на стиль—бѣты голѣдному гѣсьтю.—Хто за кутѣю, якъ ѣистыметъ, чхне, такъ буде во всѣмъ щасливый и багатый.

Якъ спѣстыця надъ тобою манѣнький павучѣкъ, ти ёго задавышь,—будѣ гѣсть, а якъ же ни,—будѣ письмо, або якѣ звѣстие.

На Стрѣтенья зима зъ лѣтомъ стрѣвѣеця.

На Анныно Зачѣтыя (9 декабѣря) вовки зачинають бѣгаты тѣчкамы, а на Хрѣщенья бросаютъ.—Якъ сѣка изъ тѣчки не кѣнеця, то ѣ вовкѣ—ни одѣнъ ѣ не подѣвыця на того, хто по-бля ѣихъ пройджа, або прохѣде.—Скѣко недѣль Рѣзвѣяного мясойѣду, стѣко ѣ вовкѣ самѣвъ будѣ за вовчѣхою бѣгаты.—Жѣдка вовчѣха за всю свою жисть одѣнъ тѣки разъ привѣде (выплѣжѣ) вовчѣнѣтъ, а бѣлышь ужѣ—ни, цѣ якъ бы вона шо году ѣихъ водѣла бѣ, то ѣихъ бы булѣ стѣко, якъ телѣрь у насъ собакѣ.

Гадѣюка якъ наведѣ гадѣчинѣтъ, то вѣзѣме ѣ обѣвѣеця зъ нѣмы на сѣцѣ (сѣкѣ) ѣ начнѣ ѣихъ ѣисты и отѣ, кѣтре впадѣ, втѣчѣ. те тѣко ѣ зостаѣеця жѣты, а то, якъ бы вона цѣго не робѣла, хѣба бѣ ѣихъ стѣко булѣ бѣ?

Все цѣ такъ Богъ давъ, а прѣйдѣтъ временѣ, шо всѣго на-мнѣжѣеця,—ѣ дѣвѣру, и лѣдѣй,—и дѣвѣрь дѣвѣра будѣ ѣисты, а лѣуды лѣдѣй“.

Пѣсни. Прѣспѣва дѣтямъ бля колѣски:

„Ой, ну-ну, сѣурѣа кѣцю,
Шкодѣ ходѣтъ по водѣцю.
Шкодѣ ходѣтъ по водѣцю,
Бо юпадѣшь у кѣйницю.“

Иѣшла кѣця по водѣцю
Та ѣ юпѣла у кѣйницю,
Кѣрычѣтъ тодѣ репетѣе,
ѣ нѣхтѣ ѣий не рѣтѣе.

Зачѣвъ кѣтыкъ, вѣбѣгъ зъ хѣты,
Пишѣвъ кѣцю вытѣгѣты.
Пишѣвъ кѣцю вытѣгѣты
Та ѣ вѣтѣгъ за вѣши.

Ой, вѣтѣгъ за вѣши (за вѣхо),
Пѣставѣвъ на сѣши (на сѣхо).
Обтѣрусѣласъ зъ водѣ кѣця
Та ѣ стѣла весѣла.

Сѣшысь, сѣшысь, моя кѣця,
ѣ пѣдѣ изъ сѣла.

Пѣдѣ я скѣризъ долѣною,
Зѣорѣ нѣву тѣрнѣною.

Зѣорѣ нѣву тѣрнѣною,
Мѣгѣрку посѣю.

Мѣлѣсь бѣты бѣ матѣроцы
ѣ уродѣвъсѣ лѣсѣчѣкъ,

ѣ уродѣвъсѣ лѣсѣчѣкъ,
Пѣрѣсь лѣпушѣчѣкъ;
А ѣ пѣдѣ ѣ ю лѣсѣкъ (-сѣчѣкъ)
Та ѣ вѣрижѣ лѣпушѣкъ (-шѣчѣкъ)

Та ѣ вѣрижѣ лѣпушѣкъ (-шѣчѣкъ)

Та ѣ пошѣю кожѣшѣкъ (-шѣчѣкъ)

Та ѣ наѣину на кѣцинькѣ,
А зъ кѣцинькѣ зѣнѣты.

А зъ кѣцинькѣ зѣнѣты

Та (Мѣрѣси) дѣты.

Бѣдемъ, дѣню, укрѣватъ (-ѣты).

Шѣбъ тѣплѣнько булѣ спѣтъ (-ѣты).

А (Мѣрѣся) манѣсѣнька,
Вѣна спѣтки рѣдѣсѣнька,
Вѣна будѣ мѣвѣчки спѣтъ
Та ѣ не будѣ плѣкатъ.

Бѣдѣй спѣла ѣ не плѣкала,
Бѣдѣй росѣла ѣ не хѣорѣла.
Бѣдѣй росѣла ѣ не хѣорѣла,
Сѣмѣй щѣсьѣ спѣдѣбѣла.

Лѣцѣмъ бѣла, сѣрдѣцѣмъ щѣра,
ѣий кѣсточкѣ у рѣсточкѣ.....
Кѣстры гѣрають, выгѣрають,
Нѣньку зъ хѣты выгѣнѣють.

Пѣшла нѣнька, тѣнѣяючи,
Пѣдѣ вѣконѣю пѣтѣаючи,
Тѣмъ, дѣ хѣтка ѣе тѣплѣнька,
Дѣ дѣтына ѣе манѣнька“.

„Э... э... лѣлѣчки,
Шѣвѣковѣйи вѣрѣчки,
Мѣлѣвани (золѣтыйи) бѣльѣця
Пѣшли до Кѣрыльѣця.“

Шѣ Кѣрыльѣць рѣбѣ?
Вѣнъ пѣсьмѣнька пѣше.
Вѣнъ пѣсьмѣнька пѣше,
Дѣтыну колѣше“.

* *
 „Э... э... Тылёшику,
 Звары мині кулёшику
 Зъ ручіцамы, зъ ножицамы,

* *
 „Коту сірый, коту білый
 Не ходы по хати,
 Не цокоты чобиткамы

* *
 „Э... э... люлі котусю,
 Займы напу телусю
 Ой, вы, хлопцы, хлопята,
 Де вы паслы телята?
 На попівий толочи,
 А тамъ травы по бѣци.
 Кинь бижить, трава шумить,

* *
 „Э... э... коту, котку,
 Не лизь на колѣдку,
 Не лизь на колѣдку,
 Розібешъ голѣвку.
 Голѣвка будѣ болить,
 Нічимъ йийи завертить.
 Одна була хустына,
 Та й ту вкрада дивчина.

* *
 „О—ой коту, котѣчокъ,
 Укравъ котыкъ клубѣчокъ
 Та й пишовъ до Гали,
 Положивъ на лави.
 Стала Галя бѣты,
 Стала котѣ вѣты:
 Не вчись, коту, красты,
 Цурайсь одъ напасты.
 Та вѣйся робѣты,
 Черевѣчки шѣты—
 Й чѣлочки (пѣчѣхы) зъмачѣлочки.

* *
 „Баю, баю, люлі,
 А котыку дѣли.

* *
 Изъ білымы плечицамы,
 Изъ карымы очіцамы“.

* *
 Й незбуды дытаты.
 Вонд ищѣ манѣсеньке
 И спѣтоньки радѣсеньке“.

* *
 Пидъ тымъ конѣмъ козѣкъ
 лежить
 Порубаный, поцѣканный
 Ще й дрѣтыкомъ поштрикан-
 ный (2 раза).
 И писѣчкомъ прысыпанный.
 Одъ сонечка погорѣвъ,
 Одъ вѣтроньку почорнѣвъ“.

* *
 На куклы подрада
 Кукѣль наробѣла, (2 раза)
 Котѣ оженила,
 Дивчѣть подражнѣла.
 Въ печѣ затопѣла, (2 раза)
 Куклы попалѣла,
 А котѣви-воркотѣви
 Гѣлову набѣла“.

* *
 Й черевѣчки зъ бабачка
 Якъ выйду 'я въ ныхъ на
 вѣлицю
 (Шобъ пишла я на вѣлицю),
 Та й удѣрю трѣпачка.
 (Та й вдѣрыла бѣ трѣпачка).
 Хлопцы будуть въ скрыбкѣ
 граты,
 (Балабайнымъ будѣ граты),
 Вытребѣньки вытѣвѣты“.

* *
 А (Панѣсу) калачѣ.
 Шобъ спавъ у день и въ нѣчи.

А въ въ нѣчи—на печѣ,
 А въ рѣнѣци—на лѣвѣци.
 Врѣнѣци—на лѣвѣци,
 А въ день—уколісьци.

* *
 „Колѣсочка хитъ,—хитъ
 А (Панѣсыкъ) спѣтъ—спѣтъ
 Колѣсочка хитнѣлася,
 (Панѣсыку) хитнѣлося.

* *
 „Э... э... мамко,
 Пошій (Йванѣцю) люлѣку.
 Изъ білого шѣвѣку;
 А я пидѣ на войнѣу.

Посвѣтаю попѣвѣну,
 А попѣвна нѣжна,
 Черѣзъ тынѣкъ лѣзла;
 Тынѣ (плѣтинѣ) повалѣла,
 Тѣлятко прыбѣла.
 Тѣлятко ревнѣло,
 Собѣки брѣхнѣлы,
 А люды почѣлы.

* *
 „Люлі, люлі, люлі,
 Налѣнулы гѣли
 Та й сілы на люлі.
 Цѣтѣте, гѣли, не гудѣтъ,
 Малыхъ дѣтокъ не будѣтъ.
 Малѣхъ дѣтѣй не будѣтъ
 Та й по хѣти не ходѣтъ,
 Бурѣтыки не бурѣтъ.
 Будѣ, гѣли, вамъ гудѣтъ,

* *
 „Эй, тѣры, тѣры, тѣры,
 Пишлѣ кѣры на шѣбтѣры

* *
 „Лѣтѣвъ шѣпакъ чѣрѣзъ макъ
 Темнѣнькойи нѣчи,
 Уморѣвся, тай прысѣвъ
 И заплѣщѣвъ ѣчи.

А въ вѣчѣри—у синѣхъ,
 На пухѣвыхъ подушѣкахъ.
 Мѣты будѣ спѣывѣты,
 (Панѣсыка) годѣвѣты“.

* *
 Ворѣточка скрыпѣ-скрыпѣ,
 А (Панѣсыкъ) спѣтъ-спѣтъ.
 Ворѣточка вѣлякнѣлася,
 (Панѣсыки) прѣснѣлася“.

* *
 Попѣви сказѣлы,
 А пѣпѣ зъ пѣчи
 Й вѣбѣвъ собѣ плѣчи,
 А попадѣ зъ грѣбы
 Та й вѣбыла грѣды,
 А дѣчѣкъ зъ хѣжки
 Та й розгубѣвъ кнѣжки,
 Пономѣръ зъ полѣци
 Покрѣвъ полянѣци,
 А наймычка зъ подушѣкъ
 Й наварѣла гѣлушѣкъ“.

* *
 Возмѣтъ собѣ й помѣтъ
 Возмѣтъ собѣ й полѣтъ,
 Нишнѣць (Йванѣцы) принѣ-
 сѣтъ,
 А (Ванѣчѣкъ) манѣсѣнький
 Й винѣ спѣтки радѣсѣнький.
 Э... э... гѣли, гѣли
 Не ходѣтъ по хѣти.
 Не збудѣтъ дытѣты“.

* *
 Ворѣбѣйко помѣръ,
 Ёмѣ вѣчнѣй покодѣ“.

* *
 А за нѣмъ-сорѣка
 Та щѣ й билѣбѣка
 И лѣтѣтъ, скрѣкотѣтъ
 Й цѣкѣчѣ, скрыпѣчѣ;

Вона дітокъ зовє
Й иймъ йистки несє.
Скро-ко-кò, скро-ко-кò!
Несу діткамъ молоко.

Когда дитя начинаетъ узнавать свою маму, то она, утѣша-
ясь имъ, кладетъ его на подушку и водить рукой—„ладоню“
сверху внизъ, отъ груди, и кончаетъ ступнями ногъ. При этомъ
массажъ она не то поетъ, не то приговариваетъ:

„Потягуси, потягуси,
На (Галю) ростуси,
Щобъ (Галочка) росла,
Росла—выростала,
Щобъ (Галочка) свойий мамци

Злитайтесь, мойи дітки,
Порхайте зъ калыни.
Несу я вамъ у кубельце
Яечокъ рядєнце“.

Скорийшъ въ помичъ стала.
(Въ помичъ мамци стала).
У помочи стала,
Дитокъ колыхала
Й хату доглядала“.

„Потягуси, потягуси,
На (Тышу) ростуси,
Щобъ (Тышичка) рись-порисъ,
Рохавсь на свободи,—
Мижъ конями, табунами
На степу широкимъ,

Бувъ бы добрымъ козакомъ
Й войкою смѣлымъ.
Щобъ (Тышечка) не лякавсь
Ни людей, ни дзвіру.
Й не оддавъ бе на войни
Туркамъ свою віру“

Якъ чукають, приказують:

Ой, чукъ, дòчко,
Моя пánночка,
Безприданночка:
Не за Сáвку дочку,

Не за Мáрка дочку,
Ни за кòго дочку
Свою пánночку,
Безприданночку.

„Ой чукъ, чукъ, чукъ!
Наловѣвъ дидъ шукъ,
А бабуса плиточòкъ
Годувáты диточòкъ,

А бабуса карасикивъ
Годувáты Тарасыкивъ,
А бабуса скуныцѣвъ
Годувáты молодцѣвъ“.

„Ой чукъ, хлòпци,
(Ой такъ, хлòпци),
Малы (мойи) запорòжци!
Насѣяли жита въ корòбци,
Постáвылы въ кòпки
Та й вдáрылы въ гòпки.
Ой гопъ,—гопакà!
Полюбыла казакà!...
Ой гопъ,—гопакъ!

Любѣвъ дѣвку козàкъ;
Любѣвъ ййи, шанувàвъ,
Подарóночки давàвъ.

Ой чукъ, черевѣкъ,
Тай набòкуватый,
Ой, набòкуватый,
Прыторòкуватый!“

„Ой чукъ—чукáлочки,
Ййде Сѣдиръ на пáлочки,
А Омѣлько на скраплѣхъ

У червоныхъ чобиткàхъ,
А Маруся на тилижки
Щòвкає орішки“.

„Чукъ, чукъ—чукáлочки!
Пошивъ батько жупáночки.

И пошивъ и надѣвъ,
И на дòцю поглядѣвъ“.

„Ой такъ, нáши
Наварѣлы квáши (кáши)

У во парнимъ горшкú
Та й на дòнычку“.

„Ой чуки, чуки, чуки,
Побѣлыся барчукѣ.
За якую причѣну?

За дѣвчину красѣву.
За якую за бѣду?
За дѣвочку (дѣвчѣну) мо-
лодú“.

Первые дѣтскіе уроки. Мать, глядя въ глазки дитяти, скоро
наскоро ворочаетъ своею головою слѣва направо, приговаривая:
„Турѣ, турѣ, турѣ“!

Дитя очень скоро воспринимаетъ этотъ первый урокъ и при
словѣ „турѣ“, начинаетъ мотать головою.—Дитя капризничаетъ,
мать прибѣгаетъ къ „туркамъ“, и оно, забывъ свое настроеніе,
утираетъ слѣзы кулакомъ и исполняетъ это подъ машиналь-
ный выговоръ матери: „турѣ, турѣ“...

Ударяя ладонь о ладонь, приговариваютъ:

„Лáдки, лáдки (лáдушки, лáдуш-
А де булѣ? [ки),
— „Въ бабки“. (Въ бабушки).
А шо ййлы?
— „Кáшку“.
А шо пылѣ?

— „Брáжку“.
Кáшку поѣлы,
Брáжку по пылѣ,
Самѣ полетѣлы
Тай гуль, гуль, гуль, гуль
На голòвку сѣлы.—

При этомъ на голову накладываются руки.

„А ну, якъ бабу морòзъ дáве“? На этотъ вопросъ дитя сжи-
маетъ оба кулачка и давить ихъ изо всей силы, причемъ и
самъ трясется.

На лѣвую руку плюютъ, а потомъ приговариваютъ, указы-
вая на ладонь указательнымъ пальцемъ правой руки:

„Сорòка, ворòна
На прыпичку сѣдѣла,
Дѣткамъ кáшку варѣла“?

Затѣмъ, перебирая пальцы на лѣвой рукѣ отъ мизинца, говорятъ:

„Цѣмѹ дамъ, цѣмѹ дамъ,

Цѣмѹ дамъ, цѣмѹ дамъ.

Дойдя же до большого, присказываютъ:

„А цѣмѹ не дамъ:

Цей быцманъ,

Винъ болванъ:

Дровъ (дривецъ) не рубавъ,

Воды не носивъ,

Въ печѣ не топивъ,

Кашѣ не варивъ,

Дѣтокъ не кормивъ,—

Цуръ ему,—пекъ“!

Ударяя кулакомъ о пятку ноги, приговариваютъ:

1) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ,

Пидкѹй чобитокъ!

—Давай, пане, гроши“.

2) „Ковалѣкъ, ковалѣкъ,

Пидкѹй чобитокъ,

А я тобѣ, ковалѣкъ,

Дамъ за тѣе пятачокъ.

—Я не хочу кувать:

Въ мене рѹчки булять“.

Взявъ дитя за уши, слегка въ тактъ пѣсенки поворачиваютъ его голову то направо, то налево, присказывая:

„Зайчику, зайчику,

Де ты бувавъ?

—„У млынѣ, у млынѣ“.

Що жъ ты выдавъ?

—„Симъ мишкѣмъ оришкѣмъ“.

Чомѹ жъ ты не вкравъ?

—„Позбигалысь мальчики,

Та й побылы пальчики...“

Бѣлы менѣ й кравчики,

Золотѣи пальчики.

А (такъ) я взявъ та й утикъ,

Та черезъ попѣвъ тикъ,

Та й пѣтки попѣкъ,

Та черезъ колѹду

Й шувбѹвхъ (шувбѹвхнувъ)

у воду“.

Мать садится на „лаву“, ставитъ дитя на ноги и, то подымая вверхъ, то подымая внизъ, качаетъ подъ тактъ пѣсенки:

„Хити, хити,

А коньки въ жити,

Та й нікому вигнати,

Тіко Микити“.

Мать, желая выучить свое дитя прыгать на одной ногѣ, употребляетъ слѣдующее:

Дитя: „Мама, дай хлѣба“!

Мать: „А поскачи дѣда“.

Мальчикъ становится на одну ногу, прыгаетъ и поетъ:

„Скачѹ, скачѹ дѣда

За скибочку хлѣба.

Я не дѹрно скачѹ,

А я йисты хочѹ“.

Мать полна довольства, рѣжетъ „окраичикъ“ хлѣба и даетъ.

„Мамо, дай водѣ!

—„Пидѣ до вербѣ“.

А верба де?

—„Тамъ, де вода“.

А вода де?

—„Тамъ, де верба“.

Мать или отецъ, развивая свое дитя, учитъ его понимать и

разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно.—„Говорѣ, сынѹкъ, за мною: „и я“,—шо бѣ я ни сказавъ“.

„Я пойду въ лѣсъ.

—„И я“.

Вырубая дѹба.

—„И я“.

Выводбаю чѹвень.

—„И я“.

Накладѹ я пѹвень.

—„И я“.

Свѣни бѹдутъ йисты.

—„И я“.

Послѣ этого раздается смѣхъ, и мальчикъ или дѣвочка до тѣхъ поръ упражняется въ этомъ, пока пойметъ, что здѣсь приводится сравненіе съ свиньей.

Дѣти, радуясь первому майскому дождю, приговариваютъ:

„Дѹщику, дѹщику,

Прыпустѣ, прыпустѣ

Та на наші капустѣ!..

Видромъ, цебрѹмъ, видѣрцемъ

цебѣрцемъ“!

Когда дѣти замѣтятъ, что ихъ родители предвидятъ въ чистыхъ дождяхъ вредъ для травъ, хлѣба и овощей, то поютъ:

„Дѹщику, дѹщику,

Перестанъ, перестанъ,

Мы пойдемъ у Ёрданъ,—

У Ёрданъ, у Ёрданъ

Бѹгу помолѣцца,

Христѹ поклонѣцца“.

Народная поэзія.

„Казавъ панъ: козѹ дамъ,
Та ще й зъ чѹрнымъ козынямъ;
Пишла козку дойти,
Крутѹ кашѹ варѣти.
Ни то каша, ни кулѣшъ...“

Прѣйды, сѣрце, Тымѣшъ!

Й дождалыся Тымѣша.

Прѣйнысь Тымѣшъ хлѣбъ та

книшъ, (2 раза).

Та й побылысь за кулѣшъ“.

„Ишовъ пастѹхъ долиною

За своєю скотѣною.

Скаче винъ—поскаче:

Шось бля шляху баче:

Хѹдятъ свѣни по долини

У серебряний щетѣни,

А за нѣмы старый дѣдъ,

Томѹ дѣду сѹрокъ литъ“.

„Тра-та-та, тра-та-та.

Сѣла баба на котѣ,

Пойхала до попѣ;

А попѹви дѹчки

Шѣють чобитѹчки.

Одна кѹса, дѹга бѹса,

Трѣтья безъ сорѹчки.

Шѣють вѹны пошивають,

На кѹтыка примѣрають.

А кѹтикъ не хѹче

Йзъ горы шѹхѣты.

Стий, кѹту, не бижи,

Скажѹ тобѣ ремезѣ“.

„Су-ду-дү, су-ду-дү! (О-ду-ду!)
Сыдыть голу́бъ (воронъ) на дубу,
Выгравáйе у трубу;
Труба ёго то́чная,
Позоло́ченная.
Прыли́тило тры сыны́ци —
То жъ мойи сестри́ци.
На помóсти жи́лы,

„Ой, тату нашъ, тату,
Сидáй на лопáту,
Понесёмъ за хáту:
Тамъ нашъ панъ-Деревя́нъ

„Ла́потъ хо́де, ки́силъ то́пче.
Ти, ки́силю, ки́силю,
Прысува́йся б́лѣжче,

„Гулькѣ! шось въ лѣси гука́.
То сынъ ба́тька шука́.
„Ой, тату, мий тату!
Гуля́ до́ма ма́ты,
Ше й зъ ты́мы козака́мы,
Що въ йихъ ша́пки бока́мы.
Ходимъ, тату, до́дому:

„Бижй, бижй, ко́ню,
Потупа́й ного́ю,
Потупа́й ного́ю
До тѣтки до Ва́рьки,

„А въ на́шойи На́сти
Черевѣ́чки кра́сни,
А въ на́шойи Марусѣ́ны
По, чотѣ́ри поду́шыны,

„Оттвора́йте ворота́,
Ййде панъ сы́ротá
Безъ сорóчки, безъ штани́въ,
Пóвна то́рба сухари́въ.
Безъ воло́бсья, безъ зубѣ́въ

Трехъ сы́нѣвъ привелѣ́и
Й Сты́цька и Гры́цька,
Тре́тий сынъ бу́въ Макси́мъ.
Ти сы́ни пи́дрослѣ́и,
Та й на Динѣ́ пи́шлѣ́и.
Це́беръ ме́ду купува́лы,
За чу́бъ ба́тька водо́лы“.

Колѣ́са дубо́ви,
Су́чка рябе́нька,
Свиня́ молодѣ́нька“.

Будемъ тебе́ йи́сты
На гаря́чимъ ми́сьти“.

Пропѣ́ ма́ты худо́бу:
Су́чку рябе́ньку,
Й свиню́ молодѣ́ньку,
Й куро́чку рябе́сеньку,
Й пѣ́вныка спива́ка,
Й колесо́ новѣ́сеньке
Й (ще й) ко́ныка ту́пака“.

А у тѣ́тки въ Ва́рьки
Пры́смáлены ла́пки:
Я якъ сивъ и пры́кипѣ́въ
Й вече́рять не схоти́въ“.

Ще й пѣ́ята манѣ́нька,
Й са́ма молодѣ́нька,
А шóсте ря́де́нце
При́крытъ моѣ́ се́рце“.

И на пѣ́ци невда́льй.
Що ни ска́же то й свѣ́стѣ́тъ,
Що ни пѣ́де, то й репѣ́тъ,
А очѣ́ма такъ й сѣ́е,
Якъ жа́ба у ма́и“.

„Го́споды, поми́луй!
Дидь ба́бу поки́нувъ,

„Бонда́рыку, бонда́рыку,
Набѣ́й минѣ́ бо́чку,
А я то́би, бонда́рыку,
Поши́ю сорóчку.

Сорóчечку новѣ́сеньку
Са́ма бу́ду пи́ты.

„Бовѣ́—дзелѣ́нь, Са́вка вмерѣ́,

„Бовѣ́—дзелѣ́нь, Са́вка вмерѣ́,
Положи́лы Са́вку
На дубо́ву ла́вку.
Ла́вка три́щѣ́тъ, гне́цьця,

„За́пряжу́ я свиню́ въ дро́жки
Та й пойду́ до Явдо́шки,
А Явдо́шка до́бра бу́де,—
Гори́лочки роздобу́де.

За́пряжу́ я свиню́ въ ви́зь
Та й пойду́ по ро́гѣ́зь,

„Ййде Се́мѣ́нь на ко́зи
(Хляпо́тка ййде на ко́зи)
У си́нѣ́му карту́зи,
Й нема́ па́льци́въ на но́зи.

„Са́вка-була́вка
Зли́зь на ла́вку,
Покоти́въ бу́лку
Та й вбѣ́въ ку́рку.

„Чомъ я па́рень не хоро́шь?
Чи я ро́стомъ не до́рoсь?
Чи не ру́блена хáта?
Чи не лю́блять дивча́та?

Соло́мкою пры́трусѣ́въ
Що́бъ кома́рыкъ не вку́сѣ́въ“.

Вди́ну йстри́чечку кра́снѣ́ньку
Що́бъ то́би вгоди́ты.

Сыды́тъ моска́ль, кру́те вусѣ́,
Та шось со́би му́се,
Сыды́тъ со́би у кутóчку,
Пидти́кавъ сорóчку“.

Пры́йшо́въ пѣ́пъ—Са́вка вти́къ“.

А Са́вка сми́ецця.
По́ки зря́хався пѣ́пъ,
Са́вка зъ хáты ути́къ“.

И ро́го́зу не набра́ла,
Й свиня́ ви́зь полама́ла.
Ой, поси́явъ Се́мѣ́нь гречку
На дубу́—зверше́чку.
Де не взя́ла́сь шу́ря—бу́ря
Й Се́менову гречку́ здѣ́ла“.

Ё́го коза́ поно́си́ла,
Повозчи́ну разтру́си́ла,
Та й послѣ́дни (ѣ́му) па́льци
На но́гахъ побѣ́ла“.

Поби́гъ на тикѣ́
И ййи́й поволи́къ.
Волочи́въ-волочи́въ
Та й у бо́рщъ умочи́въ“.

—А ты ры́жий, якъ соба́ка,
Но́ги въ те́бе, якъ у ра́ка,
Станъ у те́бе, якъ у ба́бы,
Й о́чи въ те́бе, якъ у жа́бы“.

„Москóвка ряба
Пойíхала по дровá
Й зустрíла попá.
Ой, мий батюшка!...
Та й не доказáла.
Зачепýлась за пенёкъ
И простóяла весь денёкъ.
Напрáвила все на ладъ

Игры. Дѣти при игрѣ въ жмурки—„кузьмарки“ выдѣляютъ изъ среды своей одного, который бы „жмурíлся“, такъ: одинъ изъ нихъ, указывая пальцемъ по порядку на каждого, декламируетъ какіе нибудь сложенные для этого немудрые стихи такъ, какъ они дѣлятся по плавности и размѣру стиха, причемъ, если придется на кого послѣднѣе такое дѣленіе, то тотъ и „жмурится“, а остальные прячутся—„ховáющеца“.

Писни за-бля щóту у „кузьмарки“:

„Котýлася тóрба
Зъ высóкого гóрба,
А въ тий тóрби

„Котýлося яблочко,
Въ огорóдъ, въ огорóдъ.
Хто взявѣ яблúчко?
—Войивóдъ, войивóдъ.
Войивóдова женá

„Тáня, бáня,
Шо пидѣ нáмы?
Стúльчикъ, мáльчикъ,

„Ты, кúкóлка, ты манéнька,
Почомú ты не булá?
—Буя́лася воркуна.
Воркуно́вы дѣты

„Йишла бáня изъ-за дáня,
Рúсу-кóсу держáла
Й на Бóга прохáла...
А нашъ панъ копытáнь
Симъ кóней попúтавъ

Й стáла йíхаты назáдъ;
А пидтóки обвалýлись,
И колéса скрыпúлять,—
А собáки то зачúлы
Й позбигáлись изъ дворивъ,
Бижáть слýдомъ, скавучáть:
Дúмки—везúть поросáть“.

Кнýшъ, палáныця.
Кому прыпадéцьця
Той бóде жмурýщця“.

Породýла тры сынá—
Й попá, и дýка,
Й серебрéнныка.
Дзéнь-бразъ,
Выйшовъ князь“!

Самъ корóльчикъ.
Дзéнь-бразъ,
Выйшовъ князь“.

Хотýлы летítы...
Щóтки рибéтки,
Нóжниці хлопъ“.

Серебрóмъ и злóтомъ,
Пáньскимъ дрóтомъ
Ты не вíньчана
Не ходы по замкáмъ,
Кúсточку-лúсточку кинь“!

„Одýнчики первýнчики
По сорокú стрúнокъ.
Стрúнка лепётка,
Таковá—солóмка.
Тикъ токовýй!...

„Акинъ бáкинъ
Самъ вершúнь.
Грыкýнь быкинъ

„Эньки бéньки
Бейкасì.
Лéшкй плéшкй

„Адомъ-падóмъ
Самъ маршúнь
Ушкинъ вýшинъ

„Катерýна квóчка
На морé впáла, (2 раза)
Цérква стáла.
А въ тий цérкви

„Пьявко-зозúлька,
Щебéче голúбка.
Катерýна матерýна

„Однóко-подвóко,
По трéте-рыпéте,
По пýате—щокáте.

Кладется дóска на колоду (отрубóкъ отъ дерева) и на ея двухъ противоположныхъ концáхъ садятся по мальчику, перевѣшивають одинъ другого и поють:

„Перевáги, вáги!
Дай, д́ду, бра́ги,
А мы тоб́и калач́и,
Ще й посáдышь на печ́и.

Двое изъ дѣтей, взявшись за руки, выбиваютъ ногами тактъ подъ такую „складку“:

Бóже, уб́й
Й Ярэму небирéму,
Чувб́укъ, башма́къ;
Райдывóно, в́йды вонъ“.

Петербúргъ.
Арбу́нь х́рынь
Вóронъ дашъ“!

Тайрасì.
Шóйинъ-вóйинъ
Прóчи рúсстъ“!

Петербúргъ.
Ары́нь мыры́нь,
Вóронъ дашъ“.

Сынъ Мыкóбла
Грáмоты пышé,
Вáжко дýше.
Адóмъ-падóмъ-дýхъ“!

Не виньчáйецця.
Кúстонька правдонька лýнь“!

Щóконъ вóронъ
Два рубл́й й хрестáтый
грóшъ“.

А не дасý, расхитáйемъ,
Й вси кисточќи полама́йемъ,
Бúдешъ чы тод́и сыд́ты
На увéсь двиръ сыротítы“.

„Дрибѹ, дрибѹ, дрибѹшечки,—
Найилися галѹшечки.
Гей, гей до воды,—
Найилися лободы.
Гей, гей въ очеретѣ—

Тѹта й бѹдемъ вечерять.
Хто насъ стѹне повирять
(-ты)?
До смеркѹ бѹдемъ гулять
(-лѹты)“!

Игра въ „робакѹ“ или „хрѣщика“ (въ горѣлки).—Выходятъ двое на одного на условленномъ разстояніи и спрашиваютъ:

„Робакѹ, робакѹ, — „Побижйшь та й взѹйишь“.
Чи влѹвышь изгакѹ?“

Или такъ:

„Блохѹ, блохѹ, чи ты дуже — „Якѹ укусю, такѹ знѹты-
лыхѹ?“ мешъ“!

* * *

Для игры въ „гѹсочки“ избираются одна „мѹтка“ (дѣвушка), два „вовкѹ“ (мальчики) и пастухъ или пастушка съ гусятами. Гуси садятся на землю или лѹзятъ, щиплютъ руками траву и поютъ (поетъ это и одна пастушка):

„Ирвѹ, ирвѹ оришечки, А я (мы) за другѹю.
Не боѹсь вовкѹ и (ни) трѹшечки. Той вовкѹ въ кожѹхъ-пѹни,
А вовкѹ за горѹю, А я (мы) въ шарахѹвѹни“.

Матка, выслушавъ пѣсню, говоритъ: „Гѹсы додѹмѹ!“—„Чогѹ?“ „Вовкѹ за горѹю!“—„Шо винѹ тамъ рѹбе?“—„Гѹску скѹбѣ“.— „Чиѹ та чиѹ?“—„Попѹву та дякѹву,—гѹсы додѹмѹ“!...

Гуси бѣгутъ по направленію къ „мѹткѣ“; волки ловятъ, или одинъ изъ нихъ ловитъ, а другой какъ бы гдѣ за горою „скѹбѣ“ гѹску попѹву та дякѹву“; матка же старается въ это время охранять. Гуси отправляются „маткою“ пастись до тѣхъ поръ, пока волкѹ переловитъ ихъ всѣхъ. Тогда „матка“, обходя волчью берлогу вмѣстѣ съ пастушкою, спрашиваетъ: „Здорѹвѣ!“—„Здорѹвѣ“ (волки стоятъ одинъ впереди, а другой, который меньше наловилъ, сзади его).—„Чи не бѹчили вы тутъ нѹшихъ гѹсѣй?“—„А якѹ вѹши гѹсы?“—„Сирѣньки, билѣньки, мурѣньки“ (гуси стоятъ въ это время, наклоня голову книзу, и прислушиваются).—„Ни, не бѹчили. Сирѣньки побѣгли по сирѣнький дорѹзи, билѣньки—по билѣнький, а мурѣньки—по мурѣнький“.—Матка, пропрыгавъ немного на одной ногѣ въ одну, другую и третью сторону, возвращается и начинаетъ обходить кругомъ волчьяго городка; волкѹ злится: „вернѣсь, кумѹ!“ (въ это время гуси

даютъ знать о своемъ присутствіи: стучать ногами и кричатъ: „гилъ, гилъ“.—„А це шо у васъ за гѹсы?“—„Це нѹши“.—„Ни, мой“.—„Ни, нѹши“.—„Ни, мой“.—Волкѹ, какъ бы въ доказательство, беретъ горсть земли и сыплетъ еѣ, какъ сыплѹтъ гѹсямъ кормъ. Гѹси, въ виду матки и пастушки, начинаютъ плевать на него: „тѹху! тѹху!“—Беретъ потомъ горсть земли матка и продѣлываетъ также. Гуси поднимаютъ вверхъ головы, узнаютъ свою „мѹтку“ и кричатъ: „нямъ! нямъ! нямъ!“! Посрамленный волкѹ убѣгаетъ, а матка съ пастушкою уводятъ съ собою гѹсѣй.

Игра въ „горобѣцѹ“.—Играющіе, побравшись за руки, составляютъ кругъ и поютъ („горобѣцѹ“ въ это время ходитъ кругомъ города):

„Цѹрю, сѣну, горобѣцѹ, Цѹрю, сѣну, горобѣцѹ,
Кругѹмъ гѹрода ходѹвъ. Та й гѹродѹ уступѹвъ“.

„Горобѣцѹ“ входитъ въ городъ.

„Цѹрю, сѣну, горобѣцѹ, Поклонѣсь низѣнькѹ“.
„Горобѣцѹ“ кланяется.

„Цѹрю, сѣну, горобѣцѹ, Подилѹйсь зѹ мылѣнькѹю (зѹ мылѹмъ)“.

„Горобѣцѹ“ цѣлуетъ когонибудь изъ играющихъ.

Затѣмъ поцѣлованный „горобѣцѹ“ выполняетъ игру „горобѣцѹ“, а тотъ замѣняетъ его мѣсто.

Игра въ „ворѹна“.—Въ этой игрѣ одинъ изъ играющихъ мальчикъ беретъ палочку, садится и начинаетъ рыть яму; это и будетъ „ворѹнѹ“; дѣвочка изображаетъ изъ себя „мѹтку“, которая, поставивъ сзади себя гѹськомъ по росту дѣтей, подходитъ съ ними къ „ворѹну“ и спрашиваетъ:

— „Шо ты рѹбышь?“—„Ямѹ копѹю“.

— „На шо (на вѣщо)?“—„Пѣчку зрѹблю“.

— „На що?“—„Окрѣпецѹ буду грѣты“.

— „На що?“—„Твоймѹ дѣтямъ ѹчи залывѹты“.

— „На що?“—„Щѹбѹ у гѹродѣцѹ не лѹзылы“.

— „А якѹй у тебѣ огородецѹ?“—„Отѹкий, (поднимаетъ руку вверхъ) до небѹ!“!...—„А у мѣне отѹакѣсенъкій (наклоняется къ землѣ и показываетъ вышину въ четверть аршина), обгорѹженный тернѣюю й шипѣюю, то й то не лѹ-

зють". Воронъ, засматривая съ той и другой стороны матки на конецъ протянувшихся лентою дѣтей, говоритъ:—"Кинѣць, йисты хѣчу!"—"Пидѣ собѣ погрызы на дѣбови кѣру".—"Сѣчий хвистъ, кобѣляча голова"! При этомъ восклицаніи воронъ старается оторвать себѣ крайняго съ конца, а matka, не допуская до этого, наровитъ стоять предъ нимъ сама.—Игра оканчивается, когда всѣ дѣти будутъ забраны ворономъ.

Игра въ „крѣсочки".—Для этой игры выбираютъ: ангелъ,—какойнибудь красивенькій мальчикъ, чортъ—какойнибудь „неуклюга", спорливый, сварливый мальчикъ, и распорядитель, или matka.—Распорядитель рассказываетъ въ одну линію дѣтей; затѣмъ, вызывая къ себѣ въ сторону по одному, даетъ имъ названія цвѣтовъ: (синій, красный, голубой, „поднебесный").—Дѣти получивъ себѣ отъ распорядителя новое названіе, усаживаются на свои мѣста и ожидаютъ „бовъ-бовъ" и „дзень-дзень" (чорта и ангела). Къ сидящимъ подходитъ ангелъ и говоритъ: „Бовъ-бовъ"! Распорядитель, стоя спрашиваетъ: „Хто йдѣть"?—„Ангелъ".—„Зачимъ"?—„За крѣскою".—„За якою"?—„За крѣсною".—Если съ такою крѣскою окажется сидящимъ въ ряду мальчикъ, то онъ моментально схватывается съ своего мѣста и идетъ къ ангелу; если же не окажется такого цвѣта, то не полагается больше требовать другой до слѣдующаго раза.—„Дзень-дзень"!—„Хто йдѣть"?—„Чортъ съ колотѣшкою".—„Зачимъ"?—„За крѣскою".—„За якою"?—„За пиднебесною".—У каждаго изъ играющихъ является желаніе попасть къ ангелу. Когда всѣ мальчики разберутся, то они берутся за палку и начинаютъ перетягиваться, узнавая такимъ способомъ, кто изъ нихъ сильнѣе или ловче. Распорядитель присоединяется къ большинству или по условію. На этомъ и оканчивается игра.

Игра въ „пыжѣ". Игра въ „пыжѣ" состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ рассказываетъ передъ собою мальчиковъ или дѣвочекъ, велитъ имъ наклониться къ себѣ на колѣни и, когда это будетъ исполнено, кидаетъ какуюнибудь вещь чрезъ головы играющихъ, говоря: „Пидѣвъ пыжъ въ полѣ". Играющіе поднимаются и ищутъ брошенную вещь; тотъ, кто найдетъ, становится распорядителемъ, и т. д.

Игра въ „зѣлота".—Эта игра состоитъ въ томъ, чтобы отыскать „зѣловану",—спрятанную однимъ изъ играющихъ вещь; для чего играющіе садятся въ одну линію со сложенными межъ ногами (впереди) руками. Тотъ, кто будетъ прятать вещь, проходя съ края въ край, суетъ каждому свою руку и говоритъ: „Я зѣлота хороню, хороню | „У бѣтѣшки въ теремѣ, теремѣ!

Въ это время комунибудь бросаетъ вещь, иногда даже не замѣтно отъ другихъ.

Другой затѣмъ подходитъ и съ перваго разу долженъ указать, у кого находится спрятанная вещь. Проходя по ряду, говоритъ: „и ты рай, и ты рай, а ты отдай". Если „вгадѣетъ", то садится на мѣсто того, у кого была вещь, а тотъ встаетъ и исполняетъ его обязанности, если же три раза подрядъ явится отыскивать вещь и не найдетъ, то его женятъ. Прятавшій отводитъ его въ сторону и назначаетъ ему невѣсту; играющіе интересуются выборомъ, узнаютъ и, посмѣявшись вдоволь, продолжаютъ игру.

Игра въ „присѣцѣ".—Игра состоитъ въ томъ, что дѣти, взявшись за руки, строятся въ одну линію, держа руки горизонтально. Одинъ изъ играющихъ „мѣтка" беретъ въ руки „дубчикъ" и прогоняетъ крайняго винтомъ межъ руками съ одного конца въ другой, такъ что каждый послѣдній становится первымъ. Тотъ ловецъ изъ играющихъ, кто, пробѣгая между руками, ускользнетъ отъ удара мѣтки.

Игра у „скраклей".—Въ эту игру играютъ двое, хотя можно и по-двое, по трое и т. д. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: отмѣриваютъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого два городка; по срединѣ между этимъ разстояніемъ выкапывается ямочка. Для каждаго городка полагается пять „скраклей"—небольшихъ отрубковъ, палочекъ; для играющаго же по двѣ хорошія палки—„битка". „Скракли" укладываются такъ: сначала кладется поперегъ одинъ, затѣмъ на него три и наконецъ на эти три кладется пятый (горизонтально) параллельно первому поперечному. Играющій долженъ начинать сбивать „скракли" въ чужомъ городкѣ отъ своего городка; если одинъ собьетъ три раза, тогда какъ другой—ни разу, или разъ—два, то игра начинается снова; причемъ второй—плохой игрокъ, везетъ на себѣ

верхомъ перваго къ другому противоположному городку. Прилегающая своимъ краемъ къ границѣ „скракля“ называется „попкѡмъ“. Онъ втыкается однимъ концомъ въ землю и такимъ образомъ, по отношенію къ площади, принимаетъ вертикальное положеніе; въ другой разъ онъ и сбивается въ такомъ же положеніи. Отъ колодца начинается бить тотъ, кто собьется съ города хоть одинъ „скракѡль“.

Игра въ „набѡръ“.—Два, желающіе набрать себѣ войско, усаживаютъ играющихъ, и одному изъ нихъ должны доставаться тѣ, которые во время игры смѣялись, а другому напротивъ. Для этого заводится такой разговоръ съ каждымъ отдѣльно: показывая палочкой вверхъ спрашивается:—„Шо тамъ такѣ?—„Нѣбо“.—А це шо? (указываетъ на землю)—„Земля“.—А въ землѣ шо?—„Погрибѣць“.—А въ погрибцѣ шо?—„Кабанѣць“.—А въ кабаньци шо?—„Бубунѣць“.—А въ бубуньцѣ шо?—„Панъ та пана“.—Шо вонѣ рѡблять?—„Пьютъ та гуляють, та по драбѣни лѣзють“.—Йишѡвъ чоловикъ черѣзь мистъ?—„Йишѡвъ“.—Шо винъ нистъ? „Михъ“.—А въ михѣ шо?—„Смихъ“.—Подѣленная такимъ образомъ партія перетягивается на палкѣ.

Стоитъ крикнуть комунибудь изъ играющихъ: „малѣ кѣча!“ мигомъ свѣливается одинъ, а на него наваливаются и всѣ.

Игра въ „цѣрки“ состоитъ въ искусствѣ такъ ударять „цѣрку“ по оконечности, чтобы она подпрыгивала вверхъ, а затѣмъ, ударяя еѣ палкой на лету, посылать дальше.

Игра въ „мячъ“.—При этой игрѣ то мѣсто, гдѣ бьютъ мячъ, называется „гѡродъ“; то, куда бѣгаютъ—„стѣпка“; состязавшіяся партіи одна, слѣдовательно, въ городѣ, другая уходитъ въ „запѡле“, и одинъ изъ нихъ въ городѣ „гѣле“,—подастъ мячъ; палка, которою бьютъ, называется „пѣлка“.

Когда дитя плачетъ, мать не то утѣшаетъ, не то дразнитъ его, вымѣщая на томъ свою досаду:

„Пыть, пыть (дѡню), не плачь! | Й тоби покаже.
Мѣты спечѣ калѣчъ, | Пѡтимъ тѡго сама й звисѣть,
Медкѡмъ помѣже, | А тоби—дѣлю пидѣ нистъ“.

Когда дитя сдѣлаетъ какуюнибудь „шкѡду“, то мать или ктонибудь беретъ его за чубъ, ухо и, выдирая, въ тактъ припѣваетъ: *)

„Карасю, карасю, Чогѡ ты дождавсь? Чи лѣсого горобця, Чи пойхавъ по дровцѣ,	Чи хринѣ, чи качанѣ, Чи пшонѡ-ришино, Чи рубѣль, чи качѣлка“?
--	---

Чтобы начать снова, присказываютъ: „качавъ, качавъ, та впѣять начавъ“... Дитя сначала думаетъ, что съ нимъ играютъ; когда же видитъ, что эта „игрѣшка“ безъ конца и становится больно, начинается плакать.

Дѣти, расходясь съ какойнибудь игры, стараются кого-нибудь ударить—„дать лѣтку“; при этомъ одною рукою придерживаетъ, а другою бьетъ и присказываетъ:

„Лѣтка-бѣтка, Шѡвкова нѣтка!	На тоби вѡши, А минѣ—грѡши,	А якъ не оддасѣ, Зѣвтра въ борщѣ изйисѣ“.
---------------------------------	--------------------------------	---

Получившій „лѣтку“, въ свою очередь, старается хоть разъ ударить.

Образцы народнаго каламбура, первоначальныхъ дѣтскихъ сказокъ и народныхъ молитвъ:

„Товчѣ, товчѣ макъ, За стѣпою—дякъ. Чогѡ, дѣче, плачешъ? —„Спеклѣ мѣты кнышъ“. Дежъ той кнышъ? —„Изйѣла мышъ“. Дежъ той мышъ? —„Побѣгъ пидъ пры- ничокъ“. Дежъ той прыничокъ? —„Мѡре залылѡ“.	Дежъ те мѡре? —„Быкѣ попылѣ“. Дежъ ти быкѣ? —„Колѡда побѣла“. Дежъ та колѡда? —„Чѣрвы поточѣлы“. Дежъ ти чѣрвы? —„Кѣры пойлы“. Дежъ ти кѣры? —„Шуліки похва- талы“. Дежъ ти шуліки?	—„У лисѣ полетѣлы“. Дежъ той лисѣ? —„Цвиткѣмы за- рѣст“. Дежъ ти цвиткѣ? —„Порвѣлы дивкѣ“. Дежъ ти дивкѣ? —„Женыхѣ побрѣ- лы“. А дежъ ти женыхѣ? —„На войнѣ пш- лѣ“.
--	--	---

* * *

„Здорѡвъ бувъ! —„Хливъ городѡ“. Та Бѡже помѡжѣ!	—„На свѣни“. А, шобъ вонѣ тоби подѡхлы! —„Спасѣби“.
---	---

* * *

„Здорѡвъ бувъ!	—„На ярмарку бувъ“.
----------------	---------------------

*) Чѣще упражняются въ этомъ сами между собою пастухи.

Та Бóже тобі поможи! | Бодай вонò тобі распрòпало!
— „Эге, купи́вь кобы́лу та во́жжи“ | — „Спасы́би, такъ же й вась“.

* *

„Охъ, моё нёнько,
Уже й смёркло—нераненько!
(Чоловѣкъ берѣгъ тѣльну корóву)
Свитѣ мирѣщѣй, Галько.
Намъ Богъ давъ телѣтко! | А подывѣсь, лыпѣ, Денѣсе,
Чи вонò, сучай, не лысе!?.
— „Лысе, жѣнко, лысе“!..
(А Денѣсь та въ хату жѣнѣци
Не телѣ,—соба́ку ны́се..)

* *

„Казка за́казка | Хвóсты задрала,
Залѣзла за лавку, | Нѣжки (трóщи) показала“.

* *

Бувъ собѣ чоловѣкъ Сашка, | На головѣ повстѣна ша́почка
Въ ёго бу́ла сы́ня семерѣжка, | А на штанѣцѣхъ красне́нька
латочка.

„Чи хоро́ша моя ка́зочка“?—Выслушавшѣй это говорить: „Хо-
ро́ша“, або „пога́на“, а рассказчикъ начинаетъ вновь, прибавляя:
„ты ка́жешъ: хоро́ша, або пога́на, и я кажѣ: хоро́ша—пога́на“,
и т. д.

Заботливая мать, укладывая дитя спать, читаетъ такую
молитву:

„Хрестъ постелю́, | Янголы хранѣтели!
Хрестомъ укрью́сь. | Хранѣть мою (Йвѣнчину) ду́шу
Самъ Богъ у голова́хъ, | Изъ вѣчера до пѣвнóчи,
Святѣйи у нога́хъ, | А зъ пѣвнóчи до ра́нку,
А янголы по бока́хъ. | А зъ ра́нку й до бѣлого дня“!

П. М. Шинкаревъ.

13. —Сл. Курячевка.

Поселение.—Жилище, одежда, пища.—Заговоры.—Занятие.—Религиозность, ум-
ственное состояніе.—Положеніе женщины.—Свадебные обряды и пѣсни.—Ро-
дны и похороны.

Курячевка, находящаяся на разстояніи 60 верстѣ отъ Старо-
бѣльска, расположена по обѣимъ сторонамъ р. Деркуль. Когда
именно о́сѣли здѣсь первые поселенцы, точно опредѣлить нельзя,
хотя, впрочемъ, преданіе относитъ первое поселеніе къ концу
царствованія Петра Великаго или къ началу царствованія Екате-
рины I-й. Первымъ поселенцемъ, гласитъ преданіе, былъ выхо-
децъ изъ сл. Терновъ Харьк. губ. малорось-земледѣлецъ Даміанъ
Курячѣй съ тремя сыновьями, отъ прозвища котораго и про-
изошло названіе Курячевка. Рѣка Деркуль, на которой распо-
ложена Курячевка, не такъ давно, какъ помнятъ старожилы, отли-
чалась необыкновенною глубиною и чрезвычайнымъ изобиліемъ
рыбы. Теперь же отъ этой славной рѣки остался жалкій ру-
чеекъ, который въ сухое лѣто высыхаетъ окончательно. Мѣст-
ность, по направленію отъ сл. Курячевки къ сѣверу и западу,
была богата лѣсами, жалкіе остатки которыхъ существуютъ
еще и теперь. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ водились массами
звѣрьки, по описанію очень похожіе на бѣлокъ. По ярамъ рос-
ло очень много терну, который въ доброе старое время тща-
тельно оберегался крестьянами и рвался не иначе, какъ пѣ-
лымъ обществомъ, такъ что въ зиму на долю каждой семьи
доставалось ёго по нѣсколько мѣшковъ. Теперь отъ этихъ тер-
новъ остались лишь жалкіе слѣды, лишь изрѣдка торчатъ не-
большіе и совершенно безплодные кусты этого растенія.

Жителей въ Курячевкѣ до 3,500 д. об. п.; инородческихъ
примѣсей не замѣчается.

Жилище. Хаты въ послѣднее время, по случаю безлѣсья и до-
роговины строительнаго лѣснаго матеріала, по большей части
строятся „лапаговыя“ (глиняный кирпичъ). Даже люди зажи-

точные и богатые, которыхъ нужда заставляетъ строить себѣ жилище, и тѣ строить его изъ лампага. Помѣстительность крестьянскихъ хатъ бываетъ различна, смотря и по достатку хозяина, и по количеству семьи. По большей части строятся двѣ хаты рядомъ: одна большая, собственно хата, другая маленькая—„хатына“; но у нѣкоторыхъ богатыхъ случается три и даже четыре комнаты, и, хотя очень рѣдко, встрѣчаются хаты съ полами. Если хата деревянная, то у мало-мальски зажиточнаго хозяина стѣны въ одной изъ комнатъ непременно мытыя. Въ переднемъ углу помѣщаются иконы, по большей части самой простой Суздальской работы въ фольговыхъ ризахъ, у богатыхъ встрѣчаются иконы въ серебрянныхъ ризахъ. Крестьянинъ падокъ на численность иконъ, мало обращая вниманія на живопись и украшенія, такъ что у нѣкоторыхъ крестьянъ иконами занять не только передній уголъ или „пóкуть“, но и вся передняя стѣнка и до половины прилегающія къ ней боковыя. Иконы, особенно въ праздничные дни, обязательно бываютъ убраны рушниками домашняго приготовленія съ вышивками, а кто побогаче, у того купленными. Столъ, стоящій около передняго угла, рѣдко застилается скатертью, только лишь у бѣдняковъ и мало-зажиточныхъ, а по большей части суконнымъ тканымъ ковромъ, на полѣ котораго расположены рядами небольшіе, вытканые же кресты; ковры эти очень напоминаютъ собою старинную малороссійскую плахту, только лучшей и болѣе чистой работы.

Передній уголъ,—это самое почетное мѣсто въ крестьянской хатѣ, тогда какъ порогъ считается самымъ послѣднимъ, и постоять въ чужой хатѣ у порога крестьянинъ считаетъ для себя унижительнымъ. Около порога непременно помѣщается большая печь, раскрашенная синькою въ видѣ звѣздочекъ. Дворовыя крестьянскія постройки обыкновенно располагаются такимъ образомъ: отъ дома идетъ небольшой плетень или заборъ, отдѣляющій дворъ отъ улицы, далѣе ворота, за воротами рядомъ слѣдуетъ или амбаръ, если таковой не вынесенъ куда-нибудь на токъ, что встрѣчается чаще,—или же сарай изъ „саману“, въ которомъ крестьянинъ помѣщаетъ мягкій хлѣбъ (ячмень, овесъ), а также запасную одежду и проч.; далѣе, въ видѣ гла-

голя, у мало-мальски зажиточнаго хозяина располагаются сарай, для помѣщенія повозокъ, саней, плуговъ и другихъ сельскохозяйственныхъ принадлежностей. Внутренняя сторона двора, отдѣляющая его отъ крестьянскаго тока, почти всегда застроена помѣщеніями для домашняго скота.

Крестьянская будничная одежда мужчинъ состоитъ изъ полотняной сорочки и такихъ же штановъ,—хотя крестьянина болѣе зажиточнаго никогда не увидишь въ бѣлыхъ полотняныхъ штанахъ, а всегда въ черныхъ, купленныхъ,—капота, черкесиноваго или какой нибудь дешевой матеріи, и самодѣльнаго сѣраго или бѣлаго сукна свиты, сшитой капотомъ, а зимою бѣлаго нагольнаго или дубленаго кожуха; тогда какъ въ праздничные дни крестьяне бываютъ одѣты, особенно молодые парни, въ ситцевую или бѣлую вышитую сорочку, черные штаны, которые носятъ на выпускъ, и сапоги, вычищенные ваксой, суконный пиджакъ или капотъ въ теплое время, а въ холодное—стеганный на ватѣ; въ зимнее же время—полупшубокъ, крытый сукномъ, или какой нибудь другой матеріей. Крестьянскія бабы въ будничные дни бываютъ одѣты въ круглую широкую кофту и юбку безъ оборки, широкое пальто бѣлаго самодѣльнаго сукна, или стеганную кофту; голова повязывается маленькимъ платочкомъ. Въ праздничные же дни женщины бываютъ одѣты въ шерстяные или суконные кофты и юбки, на ногахъ красные сапоги, а лѣтомъ башмаки или ботинки съ резинами, ситцевыя или миткалевыя рубашки, стеганное пальто или кофты, покрытыя „амбукомъ“ и отдѣланныя плисомъ, а зимою—крытые сукномъ кожухи. Дѣвки и бабы покрываются кашемировыми и шелковыми платками, а повязокъ почти не носятъ,—лишь изрѣдка можно увидѣть дѣвку въ повязкѣ, а бабу въ очипкѣ; молодня же бабы носятъ, вмѣсто повязокъ, ситцевыя или бѣлыя миткалевые чепчики.

Крестьянская пища, особенно въ послѣднее время, по случаю мѣстныхъ неурожаевъ, отличается большою скудностью и однообразіемъ. Тѣ же борщъ, каша, галушки и картофель служатъ постоянною пищею какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ семействъ; различіе состоитъ только въ томъ, что богатый ѣстъ все это съ саломъ или масломъ, а по праздникамъ даже

съ мясомъ и рыбой, а бѣднякъ или даже и средній крестьянинъ ѣстъ большую часть года пищу совершенно постную, т. е. безъ сала, масла и рыбы. Вліяніе городское, какъ и вездѣ, замѣчается среди крестьянъ и въ этомъ отношеніи: человѣкъ богатый имѣетъ непременно самоваръ, нѣскольکو тарелокъ, вилокъ и ножей; послѣдніе, впрочемъ, онъ рѣдко пускаетъ въ употребленіе и самъ вилокъ никогда не ѣстъ, развѣ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ семьяхъ побѣднѣ около порога на полкѣ непременно красуется двѣ—три чашки, чайничекъ и, замѣняющій собою самоваръ, большой чайникъ для нагрѣванія воды. Свои помѣщенія крестьяне освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Къ врачамъ и фельдшерамъ, относятся благосклонно, особенно въ эти послѣдніе годы крестьяне начали вѣрить въ медицину, но нерѣдко обращаются за помощью къ знахарямъ, ворожеямъ и бабкамъ. Если заболѣваетъ ребенокъ или взрослый—бессонницей, то его несутъ или ведутъ къ бабкѣ. Бабка беретъ больного, несетъ или ведетъ его въ тотъ сарай, гдѣ на ночлегъ садятся куры и читаетъ слѣдующую молитву: „Куры, курицы, адамовы дочкы, крылати, орлати, дайте намъ сонливци, а соби возмытъ ношныци, и поныситъ ихъ на очерета, на болота, де витеръ не вие, сонечко не грие и, хрыстьянскій голосъ не заходе, зъ хрыщеннаго, новорожденнаго, мольтвяннаго (называютъ—по имени) младенця или раба Божого“. Дѣтей лечатъ отъ бессонницы еще такимъ образомъ: беретъ бабка ребенка на руки на вечерней и утренней зарѣ, поворачивается на востокъ и читаетъ молитву: „Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. Не я помогаю, самъ Господь помогаетъ. Заря зарница, красна дивыця; заря рая, заря пизня, возмы мои крыкльвци и не сонливци, понесы у чисте поле, у темни лиса. Тамъ вамъ гуляты и роскошуваты, новорожденному, хрыщенному и мольтвянному младенцю (имя) спаты“.

Если ребенка или взрослого кто „сглазитъ“, бабки лечатъ отъ „урокивъ“ и читаютъ сначала „Во имя Отца“, а потомъ слѣдующую молитву: „Не я помогаю, самъ Господь Сусъ Хрыстосъ. Уроки урочыщи, прозоры прозорыщи, витряни и водяни, испытани, изйидени, подумани и погадани, парубочки и дивоцькы,

мужыцьки и жиноцьки. Выкыкаю, вызываю и вышыптую; тутъ вамъ не стояты, кости не ломыты и щирого сердца не тошныты. Зийдыть соби на очерета, та на болота, де витеръ не вие и сонечко не грие, хрыстьянскій голосъ не заходе, съ хрыщеннаго и мольтвяннаго раба Божого (имя)“. Если у кого на глазу бѣльмо, то бабки читаютъ молитву: „Йихавъ пѣнь Билыньскій, изъ билон горки, на билому кони, у билому плати, и зъ билымъ копьемъ, и зъ билымъ хортомъ; копьемъ тебе сколе, хортомъ тебе строе, отъ жовтой кости до червоной крови. Я съ словами, а самъ Господь Сусъ Хрыстосъ съ помичью. Новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвяннаго раба (или рабу) Божого (имя)“. Если у кого болитъ голова или болятъ глаза, то говорятъ: „де налягла кровь“, а потому идутъ къ бабкѣ лечиться отъ крови, и бабка лечитъ, читая слѣдующую молитву: „Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Помози мини, Господы, отъ крови шептаты. Кровъ витряна, водяна и вихряна; выкликаю, вызываю и вышыптую,—розийдыся, кровь, по шкури, яко вода по рики, такъ и кровь по шкури, по всихъ жилахъ и по суставахъ; тутъ тоби не стояты, кости не ломыты, и зайды соби на очерета, де витеръ не вие, сонечко не грие, и хрыстьянскій голосъ не заходе, съ хрыщеннаго, новорожденнаго и мольтвяннаго раба Божого (имя)“. Если у кого болятъ зубы, то бабка выводитъ его на дворъ, ставитъ напротивъ молодого мѣсяца и заговариваетъ такъ: „Младъ мисяць на неби, а дубъ у лиси, коринь у земли, а каминь у води; якъ ци чотыри брата умісти посидять, тоди у раба Божого, новорожденнаго, хрыщеннаго и мольтвяннаго (имя) зубы заболать“.

Главное занятіе жителей сл. Курячевки составляетъ земледѣліе, но въ послѣднее время, благодаря неурожайнымъ годамъ, крестьяне, не оставляя земледѣлія, ищутъ подспорья для своего хозяйства въ мелкой торговлѣ и отхожихъ промыслахъ. Весною народъ, по преимуществу молодежь обоого пола, отправляется на заработки въ Донскія мѣста, на Кавказъ и Волгу. Очень многіе въ лѣтнее же время отправляются на торговлю, извѣстную по мѣстной терминологіи подъ именемъ „ниточництва“. Занимающійся этимъ промысломъ покупаетъ у

оптоваго торговца различную мелочь—мыло, нитки, пуговицы, кружева, ленты, шурки и т. п., и потомъ отправляется по деревнямъ и преимущественно по хуторамъ обширной Донской области, гдѣ и сбываетъ свой товаръ за очень хорошія цѣны. Этотъ промыселъ очень выгоденъ, что видно уже изъ одного того, что хозяева—ниточники платятъ своимъ работницамъ—продавицамъ по 70, 100 и 150 руб. въ лѣто. Другіе же изъ жителей занимаются собираніемъ яицъ и различной домашней птицы, а потомъ все это сбываютъ въ центральные сборные пункты, находящіеся въ Донскихъ мѣстахъ. Пчеловодствомъ крестьяне почти не занимаются, если не считать двухъ, трехъ хозяевъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ болѣе тридцати ульевъ пчелъ.

Религіозность. Православная вѣра, исповѣдуемая здѣшнимъ народомъ, выражается многими сторонами ихъ жизни: правилами, порядками и завѣтными обычаями, придавшими ихъ жизни отпечатокъ христіанской церковности; они ко всякому дѣлу приступаютъ съ крестнымъ знаменіемъ и призываніемъ имени Божія, Христова. Утромъ и вечеромъ они обязательно молятся Богу; съ молитвой приступаютъ къ постройкѣ дома; освятивъ построенный домъ церковной молитвой, начинаютъ жить въ немъ. Въ домѣ первое украшеніе—это св. иконы. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда принято за неизмѣнное правило помолиться Богу.

Въ особыхъ случаяхъ семейнаго быта радостныхъ и скорбныхъ служатъ молебны, напримѣръ: предъ совершеніемъ браковъ, во время болѣзни, падежа скота, долгой засухи, пропажи, утери чего-либо. Въ воскресные и праздничные дни, оставивъ свои житейскія дѣла, посѣщаютъ церковныя службы, особенно утреню и литургію, ежегодно бываютъ у исповѣди и св. Причастія, приготовляясь къ этимъ таинствамъ говѣньемъ и примиреніемъ съ ближними, особенно съ кѣмъ были въ ссорѣ, и, прося прощенія, кланяются въ поясъ, а старѣйшему годами кланяются въ землю до трехъ разъ. Посты блюдутъ строго въ отношеніи пищи.

Нѣкоторые дни, важные въ христіанской церкви отмѣчаются особыми обычаями и обрядами, напримѣръ: въ повечерія Рож-

дства и Крещенія Господня приготавливаются на вечерю кутья и взваръ изъ плодовъ и ставятся въ переднемъ углу подъ образами на сѣнѣ. На Крещеніе—заготавливается освященная вода и хранится для больныхъ. Изъ утрени великаго четверга, т. е. со „страстей“, возвращаются съ зажженными свѣчами, которыми выжигаются кресты на матицѣ или сволокѣ дома, и долго не стираются. Къ празднику Пасхи пекутся куличи (пасхи) и заготавливаются крашенныя яйца, которыми, между прочимъ, обмѣниваются при христосованіи. На Пятидесятницу (Троицу) дома украшаются зеленью, древесными зелеными вѣтками; цвѣтами и травой выстилается полъ въ домѣ. Знаютъ они дни поминенья усопшихъ (родительскія субботы). Не всегда, не ежегодно, но случается—отправляются на богомолье въ монастыри, къ мощамъ угодниковъ: въ Воронежъ, Задонскъ, Кіевъ, Св. горы. Ради Христа подается милостыня нищимъ; при скудности средствъ,—хоть ломоть хлѣба, а иногда ковшъ зерна, муки, аршинъ-два холста; подаютъ голодающимъ, пострадавшимъ отъ пожара, калѣкамъ, разнымъ прохожимъ, словомъ всѣмъ просящимъ, даже, случалось, и обманщикамъ. Въ послѣдніе годы много являлось восточныхъ людей, подъ именемъ грековъ изъ Іерусалима, и получали обильное подаваніе. Когда былъ набожнѣе народъ,—теперь или въ прежнее время,—свидѣтельствовать трудно. Слышны похвалы старому времени, старымъ прежнимъ людямъ, что они къ старшимъ были почти-тельнѣе, при отдачѣ долговъ честнѣе; тогда росписокъ, векселей не знали и вѣрно отдавали ссуженное въ долгъ, а теперь нѣтъ прежняго довѣрія.

Умственное состояніе народа нельзя назвать удовлетвори-тельнымъ. Народъ, повидимому, смышленный, бывалый, бойкій, много хорошаго видѣвшій,—въ своемъ же житейскомъ быту мало сдѣлалъ улучшеній:—полеводство, огородничество, скотоводство ведутся по стародавнему, какъ было у предковъ; въ хлѣбопашествѣ—тѣ же орудія для обработки земли: тяжелыя и неудобныя; удобренія земли не знаютъ, травосѣянія тоже, хотя хлѣбопашество есть исключительное занятіе жителей. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ; здѣсь до послѣдняго

времени были и есть сторонніе бондари, сапожники, кузнецы, скорняки; нѣтъ никого знающаго садоводство, чтобы умѣть хотя привить плодовое дерево, и нѣтъ охоты къ садоводству; не въ ходу и пчеловодство: нѣтъ ни одной хорошей пасѣки. Однакожъ не должно умолчать, что замѣчается какъ бы поворотъ къ улучшенію веденія хозяйства: заводятся желѣзные плуги, есть въ слободѣ вѣялки, были попытки заводить конныя молотилки; появились мѣстные сапожники, портные, столяры—для нуждъ населенія; стали возводить „саманныя“ постройки; есть даже небольшое заведеніе для выдѣлки кожъ для сапожнаго товара. Нужда улучшить свое хозяйство есть, но вводится лучшее слабо, медленно; по привычкѣ ли къ прежнимъ порядкамъ, нерѣзительности выступить новаторомъ, или по недостаточности средствъ, но только лучшее вводится недружно, только немногими.

Учебнымъ заведеніемъ для просвѣщенія народа служить начальное народное училище, существующее съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ немъ всегда было довольно учащихся мальчиковъ, а въ послѣдніе годы оно переполнено ими, и въ числѣ учащихся стали появляться дѣвочки. Грамотныхъ, научившихся въ этомъ училищѣ читать, писать, считать, уже много въ слободѣ; найдется мало семействъ, въ которыхъ нѣтъ грамотнаго. Читеніемъ для грамотныхъ служатъ преимущественно книги религіозно-нравственнаго содержанія: Четы-Минеи, Псалтырь, Новый завѣтъ, Указаніе пути въ царство небесное митрополита Иннокентія, Исторія ветхаго и новаго завѣта. Въ народномъ обращеніи свѣтскаго содержанія книгъ весьма мало: „Соломонъ“, оракулы, нѣкоторыя сказки. Первые передаются по наслѣдству отъ предковъ и выносятся изъ монастырей, изъ Кіева, при паломничествѣ туда; послѣднія книжки, брошюры покупаются у офеней—разныхъ коробейниковъ. Къ ученію грамотѣ расположеніе и охота увеличиваются съ каждымъ годомъ, но только по житейскимъ нуждамъ не всегда учащіеся своевременно поступаютъ въ училище; рано весной, для услугъ въ домѣ, хозяйствѣ, ученики оставляютъ училище, и отъ этого изъ числа учащихся мало держать выпускной экзаменъ, который бываетъ въ концѣ мая, когда полевые работы въ полномъ ходу.

Отношенія малороссовъ къ великороссамъ вообще враждебныя. Хотя у насъ нѣтъ осѣдлыхъ великороссовъ, но при встрѣчѣ малоросса съ великороссомъ на какой нибудь работѣ, сейчасъ можно замѣтить ихъ обоюдное враждебное отношеніе. Часто приходится слышать, какъ ссорятся малороссы съ великороссами, если приходится имъ работать вмѣстѣ. Особенно любитъ малороссъ поддразнить великоросса, называя его „кацапомъ“ и „лапотникомъ“, а великороссъ въ свою очередь дразнить малоросса „мазепомъ“. Если приходится косить тѣмъ и другимъ вмѣстѣ траву или хлѣбъ, то великороссъ находитъ, что онъ лучше и скорѣе косить, и всегда самодовольно говорить: „ты, мазепъ, моимъ махомъ хлѣбъ ѣшь“. Враждебно также относятся малороссы и къ цыганамъ. Особенно не любитъ онъ цыгана за то, что тотъ часто божится, рассказывая правду или неправду, и не имѣетъ къ нему никакого довѣрія, а потому говоритъ: „цыгане, я тобѣ не вірю: твій Богъ у свынѣнці на тернінці“. Рассказываютъ крестьяне также, что цыганамъ не грѣхъ божиться, потому что они спрятали Спасителя въ будку, когда его хотѣли убить жида за то, что онъ изгналъ изъ храма торжниковъ. Когда его искали жида и спрашивали у цыганъ, то цыгане божились, что его не видѣли и у нихъ въ будкѣ нѣтъ. „Вамъ божиться не грѣхъ, за то, что вы меня спасли“, сказалъ имъ Спаситель. Между малороссами даже вошли въ пословицу слѣдующія слова: „не бреші, якъ цыганъ“, или „та брешешъ, якъ цыганъ“, если онъ не вѣритъ что нибудь рассказчику.

Положеніе женщины въ семьѣ вообще рабское. По выходѣ замужъ она находится въ самомъ угнетенномъ состояніи, какъ то: работаетъ самыя тяжелыя работы и все, что ей прикажутъ, она должна выполнить исправно. Не спросившись старшихъ, она не должна никуда не отлучаться и не начинать никакого дѣла. Первые годы своего замужества она должна подавать завтракъ, обѣдъ и ужинъ на столъ, а сама ѣсть стоя, не сядя за столъ, а набравши въ ложку щей или каши, каждый разъ отходить къ порогу, выѣдаетъ изъ ложки и опять подходитъ къ столу набирать. Въ права хозяйки женщина входитъ тогда, когда остается старшей въ семьѣ; тогда только она дѣлается всѣми уважаемой и ей отдаютъ особое предпочтеніе.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ—зависитъ отъ этихъ послѣднихъ. Если дѣти почитаютъ родителей и бываютъ послушны, то родители ихъ любятъ и стараются пріобрѣтать для нихъ все необходимое; если же дѣти непослушны, то родители, несмотря на то, что ихъ сынъ, напримеръ, человекъ семейный, гонятъ его со двора, не давши ему ничего. Иные хозяева со своими наймитами, обращаются хорошо, какъ со своими дѣтьми, другіе обращаются безчеловѣчно, притѣсняя то тѣмъ, то другимъ, и заставляютъ исполнять самыя тяжелыя работы.—Пьянство въ народѣ не особенно развито, кабаки посѣщаютъ рѣдко.

Сватовство между крестьянами происходитъ слѣдующимъ образомъ: когда сынъ достигаетъ совершеннолѣтія, отецъ приглашаетъ двухъ человекъ сосѣдей или хорошихъ знакомыхъ въ старосты и проситъ ихъ пойти сватать за его сына дѣвку, по желанію жениха, т. е. гдѣ жениху понравится невѣста. Отецъ даетъ старостамъ хлѣбъ и тѣ идутъ или ѣдутъ вмѣстѣ съ женихомъ сватать невѣсту; причемъ женихъ одѣтый въ суконной капотъ, или крытый сукномъ кожухъ садится обязательно на козлахъ. Войдя или пріѣхавши во дворъ невѣсты, они не входятъ въ хату, а прежде всего одинъ изъ старостовъ подходитъ къ окну со двора, и говоритъ: „добрый день“, если днемъ, а если вечеромъ то: „дай, Боже, вечеръ добрый“, имъ хозяинъ отвѣчаетъ: „здравствуйты“; „пускайты на хватырю“ (квартиру) продолжаютъ старосты; „мылосты просимъ“, отвѣчаютъ хозяева, тогда старосты входятъ въ избу. По входѣ въ избу, крестятся и даютъ въ руки хозяину принесенный хлѣбъ, а сами по приглашенію хозяевъ садятся на лавку у стола. Поговоривъ немного о постороннемъ, старосты приступаютъ къ дѣлу, начиная такъ: „пытайты добри люды, чого мы до вась приплы“,—имъ отвѣчаютъ: „скажете“.—„А ось чого мы приплы у вась ѣе дивка, а у насъ парубокъ, такъ оце мы приплы свататы за его вапу дивку“. Поговоривъ нѣсколько на эту тему, въ избу вводятъ дѣвку, чтобы она посмотрѣла на жениха, а женихъ на нее. Если жениху понравится невѣста, то старосты приходятъ нѣсколько разъ, пока не посватаютъ, или не получатъ отказъ и имъ возвратятъ хлѣбъ, ими принесенный.

Когда посватаютъ дѣвку, она идетъ собирать на „змовины“ дружекъ—(подругъ); собравши, вводитъ ихъ въ избу. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ восковыя свѣчи, прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ, и всѣ начинаютъ молиться Богу. Помолвившись Богу, женихъ и невѣста кланяются въ ноги отцу и матери невѣстинному и жениховому, а потомъ и прочимъ роднымъ; при этомъ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

„Ой, пропѣю пропѣю!
Та пропѣвъ бѣтько дѣчку,
Въ вышнѣвымъ садѣчку,
На солѣдкому медѣчку,
На зелѣному гилѣй,—
Та не жалъ дочкѣ минѣ.
На когѣ ты, тай Марьечка,
уповала,

Що ты собѣ тай Ивана сподобала,
Чи на его худѣбоньку, чи на грѣши,
Чи на его урѣдоньку, що винъ хорѣший“.

Послѣ того, какъ поклонятся, молодая беретъ тарелку, кладетъ платокъ на тарелку и сама перевязываетъ старостовъ; въ это время дружки выходятъ изъ хаты, а въ хатѣ остаются старики. Сватъ подноситъ всѣмъ гостямъ водку и проситъ на „оглядины“. Послѣ этого старики ѣдутъ къ жениховому отцу и гуляютъ, а женихъ остается у невѣсты, и вся молодежь гуляетъ всю ночь. На разсвѣтѣ старики пріѣзжаютъ домой, а женихъ остается у невѣсты; утромъ его угощаютъ: даютъ ему позавтракать и съ хлѣбомъ провожаютъ домой. Черезъ недѣлю послѣ „змовины“ бываетъ „сватанье“. На сватанье пріѣзжаютъ сваты; ихъ угощаютъ пирожками, жаркимъ, и сватъ подноситъ по рюмкѣ водки; затѣмъ приходитъ невѣста и цѣлуется со всѣми; потомъ невѣсту посылаютъ за дружками. По приходѣ невѣсты съ дружками, отецъ или мать зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ иконамъ; невѣста съ женихомъ молятся, положивши по 3 поклона, кланяются въ ноги отцу, матери и всѣмъ роднымъ по 3 раза, а ихъ благословляютъ—иконою и хлѣбомъ. Послѣ благословенія садятся сваты и женихъ съ боярами за столъ, мать приноситъ платки и отдаетъ невѣстѣ, а невѣста даетъ ихъ жениху и боярамъ, потомъ перевязываетъ отца, мать и всѣхъ родныхъ; при этомъ каждый отдариваетъ деньгами, кладя ихъ на тарелку. Когда невѣста окончитъ даренье, свекоръ беретъ графинъ и даетъ невѣстѣ, а невѣста дружкѣ; дружка беретъ графинъ, а невѣста тарелку

съ рюмками, дружка наливаетъ, а неvěста подноситъ жениху первому и сама беретъ рюмку, и пьютъ, а потомъ отцу, свекру; свекоръ отсылаетъ къ неvěстиному отцу и матери. Когда неvěстины отецъ и мать выпьютъ, тогда пьютъ свекоръ и свекровь, а затѣмъ и всѣ родные; притомъ каждый за водку кладетъ на тарелку неvěстѣ въ подарокъ деньги. Въ это время дѣвки поютъ пѣсни:

„Ой! не знала, тай не выдала,	Зайды, зайдызь высоко́го тѣрама,
Колы́ свѣшинька найихала,	Прыголѹбъ ты ясного со́кола,
Ой, гордая, тай спысывая,	Ясного со́кола тай зажитѣяго,
Та ще къ томѹ тай вродѣвая.	Доброгомоло́дця тай прыйизжаго,
Ты Ма́рьечка, ты Степа́новна,	А Ива́нка тай Егоровыча“.

Когда молодая обноситъ, тогда дружекъ провожаютъ изъ хаты, а сватамъ даютъ обѣдать. Пообѣдавши, свекоръ подноситъ по рюмкѣ и проситъ къ себѣ всѣхъ гостей. Гости всѣ уходятъ или уѣзжаютъ къ свекру гулять, а женихъ остается съ боярами у неvěсты, и вотъ неvěста съ подружками начинаютъ варить вареники и угощаютъ всѣхъ, кто бы ни былъ въ хатѣ. Поѣвши вареники, всѣ зрители уходятъ, а въ хатѣ остаются нѣсколько дѣвокъ, женихъ и бояринъ; тутъ начинаютъ ужинать, пьютъ водку и садятся за столъ парубки съ дѣвками парами. Послѣ ужина ложатся спать.

Свадьба по большей части назначается на воскресенье, а въ пятницу и субботу неvěста ходитъ просить сосѣдей и знакомыхъ лѣпить шишки. Собираются женщины и начинаютъ лѣпить „шишки“, „лежень“ и „каравай“. „Каравай“ лѣпятъ такъ: въ „дизу“ сыплютъ муки, льютъ воды, зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ дизѣ. Тѣсто мѣситъ мужчина указательнымъ пальцемъ, и когда заколотитъ тѣсто, тогда мать неvěсты подноситъ по рюмкѣ водки, и, по выпивкѣ водки, женщины начинаютъ лѣпить каравай, при этомъ поютъ пѣсню:

„Трѹйца по цѣркви ходыла,	Хоро́шии карава́йныци.
Спа́са за рѹчку водыла.	Хоро́шенько карава́й бають,
Ой, ходѣмъ, Спа́сь, до насъ:	Вѣсело спива́ють“.
У насъ усе́ горѣздъ:	

Въ субботу подъ воскресенье бываетъ „подвисѣлокъ“. Къ „подвисѣлку“ убираютъ столъ такимъ образомъ: ставятъ два стола въ длину, покрываютъ ихъ скатертями, по всѣмъ угламъ кладутъ

шесть хлѣбовъ, а посрединѣ кладутъ „лежень“ (длинный большой хлѣбъ, украшенный шишками и калиною). Въ „лежень“ втыкаютъ „гѣльце“ (вишневая вѣтка, украшенная бумажными цвѣтами, калиною, лентами и конфектами). На тарелкѣ передъ неvěстою ставятъ калачъ, украшенный калиною, лентами съ красными нитками, а на него кладутъ двѣ ложки, связанные красною лентою. Пока убираютъ столъ, неvěста ходитъ, сзываетъ дружокъ и, собравши ихъ, приводитъ въ первую избу. Тутъ начинается неvěста молиться Богу; затѣмъ ведутъ ее въ сѣни и тамъ ее благословляютъ отецъ съ матерью, при чемъ она кланяется имъ въ ноги. Послѣ благословенія неvěсту беретъ подружѣй за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и сажаетъ ее за столъ. Въ это время неvěста бываетъ одѣта въ шерстяную кофту, юбку и фартухъ,—широкое ватное пальто, подпоясана сверху пальто расшитымъ „рушникомъ“, на шеѣ имѣетъ „намысто“, на ногахъ красные сапоги, вся спина бываетъ покрыта лентами, которыя привязываются къ „намыстамъ“ и вплетаются въ косу, заплетенную широко въ „дрибушки“, лежащую на спинѣ, украшенную лентами и цвѣтами, а голова повязана шелковымъ платкомъ; къ повязкѣ прикалываютъ цвѣты. Посадивши неvěсту за столъ, начинаютъ подносить всѣмъ водку, а неvěста, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ въ отдѣльности, кто пьетъ водку; въ это время дѣвки поютъ:

„А въ оцѣ Мыко́лы	Дочкѹ видѣаты,
Ударыли у дзвѹны,	Прыйдѣ, огляды
А Ма́рьечкинъ ба́тько	И до́лею одарѣ“.
По двѹру хѹде,	„Я Самъ не пийдѹ.
По двѹру хѹде,	Янгу́ливъ пошлѹ;
Зѣ Бо́гомъ говѹре:	Янгу́лы огляда́тъ
„Ой, ма́ю я, Го́споды,	И до́лею одарѣтъ“.

* *

„Полыну́ли голу́боньки	„Ой, перейма́й, мий ба́тенько,
У по́ле, гудѹчи,	Та́и голу́бы:
Ма́рьечкино дивува́нье	Вонѣ моѣ дивува́нье
Та́и нысу́чи,	Зѣ собо́ю узя́лы“!
А за ными, та́и Ма́рьечка,	„Ой, ви́соко, ды́тъ моѣ,
Та́и плачу́чи,	Полыну́лы,
Ридне́нького та́и ба́тенька,	Пидъ крѣ́лечка дивува́нье
Та́и прося́чи:	Пидгорну́лы“.

съ рюмками, дружка наливаетъ, а невѣста подноситъ жениху первому и сама беретъ рюмку, и пьютъ, а потомъ отцу, свекру; свекоръ отсылаетъ къ невѣстиному отцу и матери. Когда невѣстины отецъ и мать выпьютъ, тогда пьютъ свекоръ и свекровь, а затѣмъ и всѣ родные; притомъ каждый за водку кладетъ на тарелку невѣстѣ въ подарокъ деньги. Въ это время дѣвки поютъ пѣсни:

„Ой! не знала, тай не выдала, Колѣ свѣшинька найихала, Ой, гордая, тай спысывая, Та ще къ томѣ тай вродливая. Ты Марьечка, ты Степановна,	Зайдѣ, зайдѣзь высокаго тѣрэма, Прыголѣбъ ты яснаго сокола, Яснаго сокола тай зажитынаго, Добротомолодця тай прыйизжаго, А Иванка тай Егоровыча“.
---	---

Когда молодая обноситъ, тогда дружекъ провожаютъ изъ хаты, а сватамъ даютъ обѣдать. Пообѣдавши, свекоръ подноситъ по рюмкѣ и проситъ къ себѣ всѣхъ гостей. Гости всѣ уходятъ или уѣзжаютъ къ свекру гулять, а женихъ остается съ боярами у невѣсты, и вотъ невѣста съ подругами начинаютъ варить вареники и угощаютъ всѣхъ, кто бы ни былъ въ хатѣ. Поѣвши вареники, всѣ зрители уходятъ, а въ хатѣ остаются нѣсколько дѣвокъ, женихъ и бояринъ; тутъ начинаютъ ужинать, пьютъ водку и садятся за столъ парубки съ дѣвками парами. Послѣ ужина ложатся спать.

Свадьба по большей части назначается на воскресенье, а въ пятницу и субботу невѣста ходитъ просить сосѣдей и знакомыхъ лѣпить шишки. Собираются женщины и начинаютъ лѣпить „шишки“, „лежень“ и „каравай“. „Каравай“ лѣпятъ такъ: въ „дизу“ сыплютъ муки, льютъ воды, зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ дизѣ. Тѣсто мѣситъ мужчина указательнымъ пальцемъ, и когда заколотитъ тѣсто, тогда мать невѣсты подноситъ по рюмкѣ водки, и, по выпивкѣ водки, женщины начинаютъ лѣпить каравай, при этомъ поютъ пѣсню:

„Тройця по цѣркви ходѣла, Спаса за ручку водѣла. Ой, ходимъ, Спасъ, до насъ: У насъ усѣ гораздъ:	Хороший каравайныци. Хорошенько каравай бають, Весело спиваютъ“.
---	--

Въ субботу подъ воскресенье бываетъ „подвисилокъ“. Къ „подвисилку“ убираютъ столъ такимъ образомъ: ставятъ два стола въ длину, покрываютъ ихъ скатертями, по всѣмъ угламъ кладутъ

шесть хлѣбовъ, а посрединѣ кладутъ „лежень“ (длинный большой хлѣбъ, убранный шишками и калиною). Въ „лежень“ втыкаютъ „гильце“ (вишневая вѣтка, убранная бумажными цвѣтами, калиною, лентами и конфетами). На тарелкѣ передъ невѣстою ставятъ калачъ, убранный калиною, лентами съ красными нитками, а на него кладутъ двѣ ложки, связанные красною лентою. Пока убираютъ столъ, невѣста ходитъ, сзываетъ дружокъ и, собравши ихъ, приводитъ въ первую избѣ. Тутъ начинается невѣста молиться Богу; затѣмъ ведутъ ее въ сѣни и тамъ ее благословляютъ отецъ съ матерью, при чемъ она кланяется имъ въ ноги. Послѣ благословенія невѣсту беретъ подружій за платокъ, который она держитъ въ рукахъ, и сажаетъ ее за столъ. Въ это время невѣста бываетъ одѣта въ шерстяную кофту, юбку и фартухъ, — широкое ватное пальто, подпоясана свѣрхъ пальто расшитымъ „рушникомъ“, на шеѣ имѣетъ „намысто“, на ногахъ красные сапоги, вся спина бываетъ покрыта лентами, которыя привязываются къ „намыстамъ“ и вплетаются въ косу, заплетенную широко въ „дрибушки“, лежащую на спинѣ, убранныю лентами и цвѣтами, а голова повязана шелковымъ платкомъ; къ поязкѣ прикалываютъ цвѣты. Посадивши невѣсту за столъ, начинаютъ подносить всѣмъ водку, а невѣста, стоя за столомъ, кланяется всѣмъ въ отдѣльности, кто пьетъ водку; въ это время дѣвки поютъ:

„А въ оцѣ Мыкóлы Ударыли у дзвóны, А Марьечкинъ бáтько По двóру хóде, По двóру хóде, Зъ Бóгомъ гóворе: „Ой, маю я, Гóсподы,	Дочку виддáты, Прийдѣ, оглядѣ И дóлею одарѣ“. „Я Самъ не пийдѣ. Янгуливъ пошлѣ; Янгулы оглядѣ И дóлею одарѣтъ“.
---	---

* * *

„Полнѣли голубоньки У дóле, гудѣчи, Марьечкино дивуванѣ Тай нысѣчи, А за ними, тай Марьечка, Тай плачѣчи, Риднѣнького тай бáтенька, Тай просѣчи:	„Ой, переймай, мий бáтенько, Тии голубы: Воны моѣ дивуванѣ Зъ собóю узялѣ“! „Ой, вѣсоко, дытѣ моѣ, Полнѣлы, Пидъ крѣлечка дивуванѣ Пидгорнѣлы“.
---	--

Угостивши всѣхъ водкой, садятся за столъ и начинаютъ вечерять. Вечеря состоитъ изъ пироговъ, вареной капусты, лапши и мяса. Послѣ ужина старики расходятся по домамъ, невѣста же съ женихомъ, друзьями и боярами собираются куда нибудь въ избу и гуляютъ всю ночь.

Къ жениху въ воскресенье, по приглашенію сходятся „бояре“, свашки и свитилки“. „Дружко“ беретъ жениха за платокъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, вводитъ его въ сѣни и черезъ порогъ говоритъ: „Старосты, пань-пидстаросты, хто до кѣго, а мы до Бѣга, та до вѣшого здѣровья,—благословѣть, старосты, молодѣго кнѣзя за стилъ завѣсты“. Ему отвѣчаютъ: „Бѣгъ благословѣть“. Тогда дружко беретъ жениха, заводитъ его за столъ, и возлѣ него садятся бояре, свашки и свитилки. Старшая свитилка держитъ „мечъ“, который связываетъ изъ васильковъ, крокоса и гвоздикъ; въ „мечъ“ воткнуты два деревянныхъ копья, и къ нимъ приклеиваютъ горящую свѣчу. Когда посадятся за столъ, имъ подають обѣдать. Послѣ обѣда поднесутъ по рюмкѣ или двѣ водки, и мать жениха начинаетъ „дарить“. Сначала перевязываетъ жениха, потомъ подастъ платочекъ на мечъ, свашкамъ и свитилкамъ по платочку, а боярамъ пришиваютъ къ картузамъ красныя ленточки. Одаривъ такимъ образомъ гостей, молятся Бѣгу и выходятъ изъ-за стола. Свитилка, одна съ мечомъ, другая съ „гильцемъ“, затѣмъ свашки, бояры и музыканты садятся на повозки, запряженныя убранными лентами, цвѣтами и кумачемъ лошадьми. Женихъ стоитъ безъ шапки среди двора; тутъ выходитъ мать жениха и въ фартухѣ держитъ—хмѣль, овесъ, сѣмечки изъ „гарбузовъ“, орѣхи, рожки и конфекты. Дружко беретъ ее за платочекъ, который она держитъ въ рукѣ, обводитъ ее три раза вокругъ „пѣйизда“, и она обсыпаетъ пѣйиздъ всѣмъ тѣмъ, что у нея въ фартухѣ. Затѣмъ мать беретъ платочкомъ подъ уздцы лошадей, на которыхъ садится женихъ, и выводитъ ихъ за ворота. Тутъ уже женихъ крестится, садится въ повозку, надѣваетъ шапку, и всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ.

Утромъ въ воскресенье невѣсту одѣваютъ, и она съ подругами идетъ въ церковь. По приходѣ изъ церкви въ скорости приѣзжаетъ пѣйиздъ съ женихомъ, боярами, свашками и музыкан-

тами, берутъ невѣсту и катаютъ почти до вечера. Покатавъ невѣсту, подвозятъ ее къ двору; она встаетъ и стоитъ, пока женихъ, проѣхавши раза два по улицѣ, вѣдетъ во дворъ. Во дворѣ встають свашки и свитилки и становятся передъ крыльцомъ, возлѣ заранѣе поставленнаго стола, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ кусокъ соли; самъ же женихъ опять ѣдетъ. Тутъ къ нимъ подходитъ невѣста, кланяется три раза въ поясъ, цѣлуетъ всѣхъ свашекъ и свитилокъ и идетъ въ сѣни. Здѣсь беретъ ее поддружій за платокъ, держитъ его въ одной рукѣ, а въ другой рукѣ два хлѣба и говоритъ: „Старосты, пань-пидстаросты, хто до кѣго, а мы до Бѣга, та до вѣшого здѣровья, благословѣть, старосты, молодѣ за стилъ завѣсты“. Ему отвѣчаютъ: „Бѣгъ благословѣть“. Тогда поддружій сажаетъ ее за столъ, возлѣ нея садятся дружки, а подлѣ иконъ, на покути, стоятъ маленькіе мальчики съ палками, на концахъ которыхъ навязано по пучку соломы. Тѣмъ временемъ подѣзжаетъ пѣйиздъ ко двору; дружко вводитъ во дворъ подъ уздцы лошадей; тутъ женихъ встаетъ и становится возлѣ свашекъ. Увидѣвъ, что приѣхалъ женихъ, выходитъ теща, выноситъ стаканъ, наполненный хмѣлемъ, цѣлуетъ жениха, отдаетъ этотъ хмѣль старшему боярину, а бояринъ сыплетъ этотъ хмѣль между лошадей; потомъ теща здоровается съ боярами, свашками и свитилками и проситъ ихъ въ хату. Когда выйдутъ всѣ въ сѣни, дружко беретъ жениха за платокъ и говоритъ: „Старосты, пань-пидстаросты, хто до кѣго, а мы до Бѣга, та до вѣшого здѣровья, благословѣть старосты, молодѣго кнѣзя за стилъ завѣсты“. Ему отвѣчаютъ: „Бѣгъ благословѣть“. Получивъ разрѣшеніе войти въ хату, дружко подводитъ ихъ къ столу, чтобы посадить жениха за столъ; но тутъ является препятствіе: мальчики, стоящіе на покути съ соломенными „кийка-ми“, не пускаютъ жениха за столъ и начинаютъ безъ церемоніи бить впереди стоящаго дружка, прося выкупъ за косу невѣсты. Дружко подноситъ имъ по рюмкѣ водкѣ, которую они выпиваютъ до дна, даетъ имъ копѣйки по двѣ или по три денегъ и по шишкѣ, которыхъ свашка держитъ полную большую сумку; тогда только мальчики встають, а женихъ залѣзаетъ за столъ, цѣлуетъ невѣсту и садится возлѣ нея, возлѣ него — всѣ сви-

тилки и свашки, а напротив бояре. Въ это время дружки поють слѣдующую пѣсню: „А въ садѣ соловейко защебетавъ, молодой Иванко Марьечку поцилувавъ“. Когда усядутся всѣ за столъ, подходитъ къ столу отецъ невесты и подноситъ всѣмъ гостямъ водки, а потомъ подноситъ мать; въ это время женихъ и невеста кланяются всѣмъ, кто пьетъ, выражая этимъ то, что они просятъ выпить.

Когда всѣхъ угостятъ водкою, тутъ молодыя бабы изъ родни, стоящія на полу (кровати), берутъ у жениха шапку, пришиваютъ къ ней вѣнокъ, который берутъ у невесты, и поють пѣсни:

„Изъ Кіева швачки, Мицѣанскіи дѣчки, Пришивъ вѣнокъ, сестра невесты кладетъ шапку съ вѣнкомъ на голову, и поють пѣсни:	Шовка скуповѣлы, Винокъ пришивѣлы“.
--	--

„Зять на мене Тай не дѣвыщца: Винъ на мене Нышкомъ крѣвыщца;	Зять на мене Косо поглядѣе: Винъ на мене Нышкомъ лае“.
---	---

„Ой, зяте хорѳшій, Выймы копу грѳшей,	Ще кобою не одбѣдешъ, Хибѣ мині жупанъ купышъ“.
--	--

„Не дывѣсь, зять, на мене, По-за плечѣма, не лупай очѣма;	Заглянь у кишѣню, Выймы грѳшей жмѣню“.
--	---

„Зять на пичъ поглядѣе скѳса, Чи немѣ на печѣ прѳса,	Колѣ-бъ швѣдче утектѣ, Щобъ не застѣвылы товѣтѣ“.
---	--

Тутъ ей за пришитый вѣнокъ подають рюмку водки на тарелкѣ, копѣекъ 5—10 денегъ и шишку; она выпиваетъ водку, беретъ деньги, кладетъ на тарелку шапку и отправляетъ ее боярину, а сама поетъ.

„Славылы бояры, Що зять багатѣй и грѳшей михъ,	А винъ положивъ Полѣшку, якъ на смихъ“.
---	--

Бояринъ беретъ шапку и черезъ столъ надѣваетъ ее на жениха три раза, то надѣвая, то снимая, а потомъ беретъ и держитъ ее у себя. Въ это время дружки поють свашкамъ:

„Ой, ты, дѣужечко, Наша Марьечко,	Чи пѣсни спивѣты, Чи свѣшку прохѣты:
--------------------------------------	---

Свѣнечко, свѣнечко,
Свитѣлочко, барвинѳчко,

А свашки поють:

„Ой, благословѣ, пѣну свѣте,
Пѣсенки намъ заспивѣты.
У нашего пѣна свѣта во дворѣ,
Стояла яблунька, либѳнь двѣ.
На тѣй яблуньци соловѣй,

Заспивѣй намъ хотѣ одинѣ,
Весѣлой, прѣйѣзжѳй пѣсенки“.

А на дѣругѣй зузуля.
Найѣхалы подѳлыны съ подѳлы.
Тѣй прѣвезлы съ собѳю ѣгры,
Началы ѣгры грѣты,
А старѳста зъ свѣнычѳкою ска-
кѣты“.

Дружки боярамъ поють:

„Рубѣйте вы, дружки лѳзы,
Рубѣйте занѳзы,
Бояръ запрягѣть,

На табѣкъ орѣть.
Не сыдѣть, бояры, до нѳчи,
Бо выѣклое совѣ ѳчи“.

Пришивъ вѣнокъ, требуютъ подарковъ которые выговариваютъ еще до свадьбы. Тутъ начинаются дары: матери подають сапоги, сестрѣ „кисныкъ“ (ленту), невесткамъ по пяти копѣекъ денегъ, а остальнымъ родичамъ по шишкѣ. Остальные шишки свашка раздаетъ дружкамъ, а если не дастъ дружкамъ по шишкѣ, то они начинаютъ ей пѣть пѣсню:

„Свѣшка не липѣшка,
Шишѳкъ не липѣла.
Дружѳкъ не дарѣла;
Одну излипила,
Та ѣ ту сама зѣйла,

А що не дойла,
До столѣ прилипила,
А бояре оголодѣлы,
Зѣбы поломѣлы“.

Получивъ подарки, начинаетъ дарить мать невесты. Сначала подаетъ платѳкъ жениху, потомъ платѳчекъ на мечъ, свашкамъ, свитѣлкамъ и боярамъ по платѳчку или по лентѳчкѣ. Въ это время дружки поють:

„Була повна скрѣня,
Стѣла половѣна:
Мѣте надбирѣла,

Бояръ дарувѣла;
А бояры дары забрѣлы
Ѣ спасѣби не сказѣлы“.

Беря подарки, свашки и свитѣлки благодарятъ, выражая благодарность въ такихъ словахъ: „спасѣби свѣтови, свѣси и молодой княгинѣ, що ранѣнько вставѣла, та подѣрѳчки прѣла“. Когда окончатъ даренье, подходитъ къ столу дружѳко, беретъ ножъ, начинаетъ рѣзать на куски каравай и подаетъ сначала по куску на тарелкѣ жениху и невестѣ, а потомъ и всѣмъ роднымъ. Дружки въ это время поють:

„А казѣлы, дружкѣ старѣ, старѣ,
Ажѣ винѣ молодѣсенѣкий,
Якѣ гай зеленѣсенѣкий;
А на ѣму кафтанѣ, кафтанѣ,
Солѣмою напханѣ, напханѣ.

Обручѣмы головѣ сбѣта,
Мочѣлою борода спѣта,
Лычкомѣ пидперезѣвѣся,
Кѣ каравѣю прибрѣвѣся“.

„А дружкѣ каравѣй краѣ,
Сѣмерѣ дѣтѣй маѣ,

Та ѣ вси съ торбынкѣми;
Увѣсь каравѣй забрѣлы“.

„Чѣ не бѣчишѣ, ты дружкѣ,
Щѣ бояры каравѣй крадѣуть;
Хтѣ въ мѣхѣ, хтѣ въ кишѣню—
Бѣтъкови на вечерѣю,

Хтѣ въ мѣхѣ, хтѣ въ рука-
вѣи—
Дѣвкамѣ на вечернѣи“.

Послѣ этого дѣвки выходятъ изъ за-стола, цѣлуютъ невѣсту
черезъ столѣ и уходятъ, а на ихѣ мѣсто садѣтся молодѣя
бабы. Дѣвки, когда уходятъ, поютъ слѣдѣующѣю пѣсню:

„Прощѣй, прощѣй, сѣстра нѣша,
Мы не твоѣ подружѣньки, ты не
нѣша.

Прощѣй, прощѣй, сѣстра нѣ-
ша, мы вѣже идѣмѣ,
Мы твоѣ дивѣванѣ съ со-
бѣю берѣмѣ“.

Тѣ-же бабы, которыя садѣтся возлѣ невѣсты, поютъ:

„Чѣмѣ ты, Мѣрьчѣко, досѣжуѣшь
Чѣмѣ ты бѣтѣнькѣ не дѣкуѣшь
За твоѣ кохѣнѣнѣчѣко.
Ужѣ кѣныки позавѣртѣни,
И колысѣчки позавѣртѣни,
Тѣльки сѣсты, та ѣ поѣйхѣты.
„Я велѣю кѣныкамѣ вѣвѣсѣ дѣтъ,
А вѣзнѣченѣкамѣ постѣять,
Пѣкѣль прѣйде мѣй бѣтѣнькѣ
изъ сѣду—выногрѣду“.
Та до мѣне на порѣду.
Тѣлько бѣтѣнькѣ на порѣгѣ,
Клѣняйсѣ, Мѣрьчѣко, нѣзѣнькѣ
до нѣгѣ.

„Спасѣйбѣ тобѣ, ты мѣй бѣ-
тѣнькѣ,
За твоѣ кохѣнѣнѣчѣко,
Щѣ я въ тебѣ жилѣ
Вѣжѣкѣ дѣла не знѣла:
Тѣлько знѣла ранѣнькѣ
вѣстѣты,
Кѣйску сѣисѣты,
Та сѣлѣстѣ вѣночѣкѣ,
Пѣтѣ до дѣвѣчѣкѣ,
Тѣй погулѣты.
А тепѣрь пѣдѣ, посѣчѣу.
Вѣжѣкѣ дѣлонѣкѣ побѣчѣу“.

Послѣ этого выводѣтъ женихѣ изъ-за столѣ, они клѣняются
отцу и матери въ ноги; отецъ дѣетъ жениху икону, а женихѣ
невѣстѣ, потомѣ дѣютъ обѣимѣ по хлѣбу и говорѣтъ: „А до цѣго
щѣ прѣроблѣйтѣ“. Послѣ этого невѣста выхѣдитъ изъ хѣты и
становѣтся на тарѣнтѣсѣ, а дружкѣ обводѣтъ женихѣ три разѣ

кругѣмѣ „поѣзда“ и каждѣй разѣ женихѣ бѣетъ невѣсту плѣтѣю,
а она ему клѣняется, стоя на тарѣнтѣсѣ, потомѣ садѣтся и
ѣдутъ къ свѣкру.

У свѣкра встрѣчаютъ съ хлѣбомѣ и солѣю отецъ и мать и гово-
рѣтъ: „мѣлѣсты прѣбѣсѣмѣ въ отцѣвѣскѣй домѣ“; потомѣ сѣжа-
ютъ ихѣ за столѣ, подносѣтъ по рѣумѣкѣ, тѣмѣ свѣдѣба и окѣн-
чивѣетсѣя. На другѣой дѣнь невѣста ѣдетъ съ женихѣмѣ, друж-
комѣ, подружѣимъ и свѣшѣкѣми къ роднѣму отцу завѣтракѣтъ.

Гулѣютъ крѣстьяне почти цѣлѣую недѣлю, зазѣвая „бѣсѣду“
(гѣстей) одѣнѣ къ другѣму. Богѣтому чѣловѣку свѣдѣба обѣхо-
дѣтся не мѣньшѣ 200 руб., а бѣднѣму не мѣньшѣ 70 рублѣй,
крупнѣй расхѣдъ большѣю чѣстѣю падѣетъ на водку, которѣй
выхѣдитъ очѣнь мнѣго. За невѣсту женихѣ дѣетъ обѣязѣтельно
дѣньги отъ 10 до 100 руб., хлѣба отъ 4 мѣрѣ до 3—4 чет-
вертѣй, смѣотрѣ, на чѣмѣ поладѣтъ, а такѣже ведрѣ или 2 водѣки.

Рѣдинѣ. Когда рѣдитсѣя рѣбенѣкъ его сѣйчѣсѣ обмѣываютъ,
бѣбка берѣтъ на рѣуки рѣбенѣка и отдѣетъ его кѣму со словѣми:
„Нѣте вамѣ новѣрождѣнѣго, нѣхрѣщѣнѣго, а намѣ прѣнысѣтъ
хрѣщѣнѣаго и молѣтъвѣанѣго“. Кѣмѣ берѣтъ рѣбенѣка, отдѣетъ его
кѣмѣ, и онѣ идутъ къ свѣщеннѣику. Когда прѣдутъ отъ свѣщен-
никѣ, кѣма отдѣетъ рѣбенѣка бѣбѣкѣ и поздравлѣетъ всѣхѣ род-
нѣхѣ съ повѣрождѣннѣмѣ, а бѣбка клѣдетъ рѣбенѣка на пѣчь.
На крѣстѣины зовѣтъ роднѣхѣ и сосѣдѣй и сѣжаютъ ихѣ за
столѣ обѣдѣтъ. За обѣдомѣ кѣма подносѣтъ гѣстямѣ водку, и
гѣсти дарѣтъ рѣжѣницѣ, а потомѣ подносѣтъ бѣбка, дарѣтъ
бѣбку, клѣда на тарѣлку дѣньги. На трѣтѣй дѣнь бѣбка слѣ-
вѣетъ на рѣуки рѣжѣницѣ воду, которѣую берѣтъ въ колѣдѣцѣ, и
читѣетъ молѣтѣву „Гѣспѣднѣю“, „Прѣсѣвятѣой Богѣродѣицѣ“ и слѣ-
дѣующѣую молѣтѣву, какѣ онѣ назѣваютъ: „Дѣй, Бѣжѣ, вѣчѣрь дѣб-
рѣй, зѣмлѣ Тѣтѣяна, водѣ Олѣяна, дѣй мѣнѣй водѣ отъ усѣякоѣ
нѣждѣ и бѣдѣ. Омѣывѣетъ ты лугѣ и берѣгѣ и всѣ чѣстѣ полѣ,
омѣй ты хрѣщѣну, порѣждѣну“ (имѣя рѣжѣницѣ). Слѣвѣ на
руки водѣ рѣжѣницѣ, бѣбка стѣлетъ за столѣмѣ на лѣвѣ ко-
жѣхѣ, на кожѣхѣ сѣжаютъ рѣжѣницѣ и подѣютъ обѣдѣтъ. Рѣ-
жѣницѣ подносѣтъ водку бѣбѣкѣ и гѣстямѣ (кѣторѣхѣ всѣ этѣ
врѣмѣ бѣваетъ 2—3 чѣловѣка); всѣ этѣ церѣмонѣя у нѣхѣ назѣ-
вѣетсѣя посѣдѣтъ рѣжѣницѣ и гѣстей „въ рѣй“.

Послѣ обѣда роженица кладетъ на столъ три хлѣба бабкѣ и на хлѣбъ-соль, а также за труды какойнибудь подарокъ: полотно или ситцу. Бабка беретъ хлѣбъ, съѣдаетъ кусочекъ, потомъ подаетъ роженицѣ кусочекъ хлѣба и кусочекъ соли. Хлѣбъ роженица съѣдаетъ, а соль завязываетъ въ рубашку, и должна ѣсть эту соль каждое утро натошакъ, чтобы скорѣе выздоровѣть. Послѣ этого бабкѣ отдаютъ все приготовленное, какъ то: хлѣбъ, подарки, и провожаютъ домой. Роженица не должна выходить въ первый разъ послѣ болѣзни, не взявъ чегонибудь желѣзнаго въ руки: гвоздя или ножа: иначе ее сглазятъ, и она долго будетъ болѣть. Роженицы, особенно здоровыя, по большей части начинаютъ подыматься и работать съ перваго дня.

Похороны. Когда умереть у крестьянъ ктонибудь въ домѣ, то въ хату вносятъ солому, постилаютъ ее на землю, покрываютъ сверху рядномъ и кладутъ на нее покойника, гдѣ его и обмываютъ.

Обмывъ покойника, одѣваютъ его въ чистое бѣлье и подпоясываютъ пояскомъ, завязывая узелъ въ петлю такъ, чтобы ему легко было развязать этотъ узелъ на томъ свѣтѣ; на лавѣ въ это время стелютъ полотно и кладутъ его на немъ. Въ маленький платочекъ завязываютъ копѣйку или двѣ денегъ и затыкаютъ его за поясъ покойника, чтобы ему было, чѣмъ на томъ свѣтѣ утираться и было за что откупить мѣсто. На ночь собираются мѣстные черницы (монашки) и поютъ молитвы и псалмы, а богатые люди, или если умереть человѣкъ старый, нанимаютъ читать надъ покойникомъ псалтырь; у нѣкоторыхъ онъ читается до шести недѣль, а также и во все это время на окнѣ возлѣ иконъ стоитъ стаканъ, наполненный медомъ. На ночь возлѣ стакана съ медомъ кладутъ чистое полотенце. Крестьяне дѣлаютъ это для того, чтобы душѣ было, что поѣсть и чѣмъ утѣреться, такъ какъ душа покойника приходитъ каждую ночь домой. Когда покойника выносятъ изъ хаты, хозяева берутъ жито и сыплотъ вслѣдъ покойнику по всей хатѣ, сѣнямъ и на крыльцѣ, чтобы онъ не унесъ съ собою семейнаго счастья, и чтобы жить безъ него было хорошо.

Вынося покойника изъ хаты, выносятъ вслѣдъ за нимъ и его постель, на которой онъ лежалъ, а также всѣ родные и кто есть въ хатѣ выходятъ не только изъ хаты, но за ворота и

затворяютъ ворота, пока унесутъ покойника, вѣря въ то, что, если кто останется въ хатѣ или во дворѣ, то съ нимъ останется и смерть. Суевѣріе это такъ сильно у нихъ, что бывали случаи, когда изъ хаты выносили покойника, а въ той же хатѣ оставался сильно больной, такъ, чтобы не оставалась съ нимъ смерть, его выносили за ворота изъ постели.

Д. Шинкарева.

14.—Сл. Пантюхино.

Поселеніе и населеніе.—Говоръ.—Хаты, одежда и пища.—Народное лѣченіе.—Куриный промыселъ.—Религіозность и развитіе.—Вечерниці.—Свадебные пѣсни и обряды.—Праздничныя пѣсни.—Игры.—Повѣрья и пословицы.

Слобода находится на возвышенномъ мѣстѣ и расположена глаголемъ, т. е. на подобіе буквы Г; разстояніе ея отъ уѣзднаго города 75 вер., отъ сл. Марковки, въ которой производится хлѣбная торговля тысячъ на 100 руб., въ 25 вер. и въ 25 вер. отъ сл. Константиновки, Богучарскаго у., Воронежской губ., чрезъ которую проходитъ линія Козлово-В.-Р. ж. д., и гдѣ находится станція Кантемировка съ элеваторомъ. Сл. Пантюхино находится на границѣ съ Воронежскою губ., именно: теперешняя сл. Бондарева Воронежской губ. и Пантюхино были одною деревнею, и, какъ г. Старобѣльскъ принадлежалъ къ Воронежской губ., такъ и Пантюхино была тоже Воронежской губ.; по новому же раздѣленію губерній, сл. Пантюхино раздѣлили пополамъ: сѣверная часть Пантюхина отошла къ Воронежской губ. и была названа сл. Бондаревою, а южная осталась Пантюхино, и жители сл. Бондаревой называютъ теперешнюю сл. Пантюхино Верхотой—потому что она расположена выше ихъ деревни. Крестьяне сами себя называютъ „пантюшанами“, а другіе называютъ ихъ „верхотянами“.

Мѣстные крестьяне были не помѣщичьими, а, какъ и теперь, государственными, и, съ большимъ удовольствіемъ вспоминая о прежней роскошной для нихъ жизни, передаютъ, что у нихъ было всего вдоволь: земли, лѣсовъ, скота рогатаго, лошадей, свиней, хлѣба; хлѣбъ сѣяли только для себя, а не для продажи; ситцевъ и матерій не покупали, а носили бѣлье изъ своего холста, обувь и платье тоже своей работы; деньги нужны были только для самыхъ необходимыхъ потребностей: на соль, деготь, на подушное и только. Нѣкоторые передаютъ, что первымъ поселившимся здѣсь былъ крестьянинъ Пантелеймонъ, или по мѣстному „Панько“; отъ этого Пантюха—впослѣдствіи Пантюхино.

Въ деревнѣ этой нѣтъ ни рѣки, ни пруда, но воды въ колодцахъ много. Замѣчается, гдѣ вода, повидимому, должна быть близко, тамъ далеко, и наоборотъ.

Всѣ жители подходятъ болѣе къ великорусскому типу, языкъ же малороссійскій; особенностей говора замѣчается мало, кромѣ немногихъ словъ, напримѣръ: „чи пакъ забѣвъ“—я и забылъ, „маиче“—кое-гдѣ есть, виднѣется, „суромыщца“—стыдится, „пидмѣтъ“—мѣсто для посѣва конопли, „мирщій“—скорѣе.

Говоръ. Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *ѣ*: рокъ—рикъ, жена—жѣнка, ледъ—лидъ, печь—пичъ, бокъ—бикъ, свой—свий, попь—пипь, песокъ—писокъ, соль—силъ, столъ—стилъ, кошка—кѣшка, котъ—китъ, громъ—гримъ, подкова—пидкова, горькій—гиркій, колодезь—колѣдизъ, слесарь—слѣсаръ; примѣры перехода *е* въ *ѣ*: его—ѣго, чернило—чѣрныло, пчела—пчѣла, бджола; переходъ *о* въ *ѣ*: Осипъ—Ѣсипъ; переходъ *ѣ* въ *е*: твердый—твердѣй, зелѣный—зелѣный, козѣлъ—козѣль, варѣный—варѣный, орѣлъ—орѣль; переходъ *ѣ* въ *и*: вѣра—вѣра, мѣсяць—мѣсяць, бѣлый—бѣлый, снѣгъ—снѣгъ, дѣло—дѣло, рѣзать—рѣзать, орѣхъ—орѣхъ, и т. д.

Измѣненія неудараемаго *о*: горячій—гарячій, хозяинъ—хазяень, въ соборѣ—въ субѣри, хорошо—харашо, Харьковъ—Харькивъ, самоваръ—самуваръ, солдатъ—салдаты, топоръ—тупоръ, яблоко—яблѣко.

Звукъ *и* произносится тверже, чѣмъ въ литературномъ говорѣ, почти какъ *ы*: синица—сынѣця, жито—жѣто, Филиппъ—Фылыпъ, учитель—учѣтель, умирать—умырять; *ы* произносится вообще твердо и иногда измѣняется въ *у*: былъ—бувъ и пр.; *е*=*ы*: стекло—стыклѣ, палець—пѣлыць, семья—сымѣя, сестра—сыстра, нелзя—нылзя; *г* (*g* или *h*) произносится, какъ литературное *г* (*g* и *gh*); сочетанія жа, ча, ша, шу, гу, жу и проч.: сижу—сыдѣю, щука—щѣюка, шучу—шутѣю и др. Измѣненія *з*, *и*—*с*: звѣрь—звѣрь и дзвѣрь, сговориться—зговорѣцца, съ горы—зъ горы, звонъ—звинъ и дзвинъ, огурцы—огиркы, доска—дѣшка.

Измѣненія губныхъ *б*, *п* и *в*: юбка—юпка, пчела—бжолѣ, бджолѣ, внукъ—онѣкъ и унѣкъ; измѣненія зубныхъ *д* и *т*: календаръ—калантырь, хотѣ—хочѣ, записаться—запысѣцца. Звукъ *дж* рѣдко слышенъ. Измѣненія *л*: шелкъ—шовкъ,

волкъ—вовкъ, гналь—гнавъ; измѣненія звука *ф*: форточка—хвирточка, фонарь—хвынаръ, фунтъ—хвунтъ; случаевъ удвоенія согласныхъ не замѣчено. Случаи придыханія: овѣсь, овса—говѣсь, вивса, овца—вивца, арбузь—гарбузь, утка—вѣтка, вдова—удова, окно—викно, ось—вись. Измѣненія *и* и *и*: имущество—имѣчество, что—шо.

Народъ читаетъ преимущественно псалтырь, часословъ, Евангеліе, житія Св. и сказки про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и др., приобретаая ихъ отъ книгоношъ и на ярмаркахъ.

Хаты крестьянъ строятся по большей части деревянные и изрѣдка изъ „самана“, т. е. необожженного глиняного въ смѣси съ соломою кирпича, въ четверть или 5 в. ширины и 8 или 9 вер. длины; крыты соломой; строятся въ 2 и 3 комнаты; устройство ихъ однообразно. Хату лицомъ (причилкомъ) ставятъ на югъ или на востокъ, или, если входная дверь съ юга, лицомъ на западъ; это общепринятый способъ,—не смотря на улицу. Хата въ 2 комнаты: одна изъ нихъ „хата“ для гостей и хозяевъ, „хатына“—кухня и, если—въ 3 комнаты, то 3 называется „кимната“—спальня; отдѣляется она такъ: отъ „хатыны“ печью, а отъ хаты—досками; почему она самая теплая изъ комнатъ. Это новѣйшее устройство; старинное же было въ 1 комнату и въ 3 окна, теперешняя хата имѣетъ отъ 4 до 8 оконъ, мѣстные жители не придають, повидимому, никакихъ значеній, ни угламъ, ни печамъ, ни порогамъ. Амбары стоятъ почти у всѣхъ жителей на улицу; за домомъ помѣщается маленький амбарчикъ, вродѣ кладовой; дальше загонъ (кошары) для скота; противъ оконъ на югъ сарай и конюшня; позади двора токъ (гумно) и клѣня (рига); за токомъ огорождъ для овощей, далѣе роща.

Дворъ расположенъ квадратомъ и устраивается такъ, что изъ оконъ хаты видно все, что дѣлается на дворѣ. Если семейство велико, то крестьяне не дѣлають пристроекъ къ дому, а строятъ другой, считая, что рано или поздно прійдется дѣлиться, т. е. не жить вмѣстѣ. Украшеній въ хатахъ нѣтъ никакихъ; волоковъ съ надписями нѣтъ.

Одежда мужчинъ зимняя праздничная: тулупъ съ воротникомъ,—не у всѣхъ, 30 р. кужухъ, крытый сукномъ, или на-

гольный, отъ 10 до 20 р., свита съ воротникомъ 6 р., капелюхъ 1 р., шапка отъ 55 к. до 3 р.; весенняя свита изъ чернаго сукна 5 р., чумарка отъ 4 р. до 15 р., пиджаки, жилеты и брюки отъ 5 р. до 15 р., картузь отъ 50 к. до 2 р.,—по большей части суконныя или триковыя пары, кушакъ 1 р. 50 к. и шарфъ отъ 30 к. до 60 к. Будничное тоже самое, только старое. У женщинъ зимняя одежда: „кожухъ“ отъ 10 р. до 20 р. платки до 4 р., „очипокъ“ очень рѣдко, почти вышелъ изъ моды, отъ 1 р. 50 к. до 10 р., „юпка“ и „шарафанъ“ бумазейныя. Весеннія: юбки разныхъ рисунковъ, халаты и свиты изъ бѣлаго сукна 5 р., платки покупають дѣвушкамъ даже шелковые до 4 р. Городское вліяніе оказалось въ появленіи пиджака, брюкъ и „жилетки“ суконныхъ или триковыхъ. Обувь—валенки отъ 1 р. до 1 р. 50 к., сапоги отъ 3 до 5 руб., штиблеты отъ 2 до 4 р. Крестьяне ходятъ чисто и любятъ щеголять. Остатковъ старинныхъ одеждъ нѣтъ.

Пища: борщъ, мясо, капуста, квасъ, блины и пироги—у богатыхъ и у бѣдныхъ, различія нѣтъ. Пища улучшается, каждый безъ исключенія крестьянинъ пьетъ чай; если самовара нѣтъ, то изъ горшка, и мало употребляютъ „фруктовый“, а все требуютъ: „В. И. Попова“. Относительно чая говорятъ: „Панъ пье,—умъ ѣе; купецъ пье,—грѣши ѣе; мужыкъ пье,—пѣкы воды ѣе“.

Мѣстные лавченки не оказываютъ никакого вліянія; подъ ними собирается молодежь въ воскресные и праздничные дни, поетъ пѣсни и грызетъ сѣмечки. Освѣщеніе вездѣ керосиновое.

Народное лѣченіе. Есть бабки и дѣды-шептуны, которые шепчуть отъ липаля, ячменя на глазу, отъ зубовъ и др. Отношеніе къ врачамъ недоверчивое, въ особенности къ фельдшерамъ. Скотъ лѣчатъ мѣстные дѣды-шептуны: „желѣзнякъ“—скалываютъ шиломъ, „курдюкъ“—натирають чеснокомъ, отъ запора—растеніе „калѣчики“ (*Malva rotundifolia*, *Malva borealis*), съ корнями, съ прибавкою „жѣстера“ (крушина); вскипятивши, заливаютъ черезъ ротъ; отъ „перелѣговъ“—дѣды-шептунъ шапкою или картузомъ обводитъ вокругъ быка или коровы съ головы до зада, кругомъ спины, шепча таинственные слова.

Занятіе. Ни садоводства, ни пчеловодства, ни кустарныхъ

промысловъ нѣтъ; главное занятіе—земледѣліе, подспорьемъ въ хозяйствѣ является куриный промыселъ. Только 15 дворовъ не занимаются этимъ промысломъ, остальные отправляются съ 15 мая до Великаго поста по Старобѣльскому, Купянскому и Изюмскому у. собирать куръ, утокъ, индюшекъ; набравши дней за семь повозку куръ, которыя возятся въ „садкахъ“, клѣткахъ, для того устроенныхъ, возвращаются домой,—изъ дому ѣдутъ „сдавать“ купцамъ, которые живутъ въ сл. Бондаревой—въ 1 верстѣ, въ сл. Куликовкѣ—въ 12 в., въ сл. Бѣлой—въ 12 вер., въ сл. Константиновкѣ—въ 25 вер.; все это Воронежской губ. и Богучарскаго у. Зарабатываютъ они на одну повозку чистаго барыша отъ 5 до 20 р. и болѣе. Съ 15 мая наступаетъ сборъ цыплятъ, отъ 20 до 40 к. за пару, сдаютъ ихъ купцамъ отъ 40 до 60 к. за пару; куръ и цыплятъ побольше собираютъ послѣ жатвы хлѣба, отъ 38 до 70 к. за пару. Купцы, покупая лѣтомъ птицу, кормятъ ее 2 или 3 дня и отправляютъ живою въ Москву или Петербургъ, а птица, собранная осенью, кормится дней 12 и, ее убитою отправляютъ туда же. Съ марта до Филипповки крестьяне, человѣкъ 40, собираютъ яйца и сдаютъ ихъ тѣмъ же хозяевамъ; яйца покупаютъ отъ 8 до 12 к. за десятокъ, а сдаютъ отъ 12 до 20 коп. Тѣ крестьяне, которые занимаются куринымъ промысломъ, зарабатываютъ отъ 70 до 150 р., а тѣ, которые и яичнымъ вмѣстѣ,—отъ 100 до 200 р. Иногда купцы сами впередъ предлагаютъ крестьянамъ деньги, безъ росписокъ, отъ 70 до 150 р.

Религіозность и развитіе. Народъ религіознаго настроенія; сектантовъ нѣтъ. Крестьяне чтутъ особенно св. Митрофанія, престолъ во имя его и икону св. Варвары великомученицы; послѣднюю чтутъ съ недавняго времени по слѣдующему обстоятельству: одинъ крестьянинъ отправился зимою въ Харьковъ пѣшкомъ и на обратномъ пути долженъ былъ переходить рѣку уже передъ разливомъ рѣкъ; вдругъ онъ провалился и сталъ тонуть, и пришло ему на мысль, что въ этотъ день церковь празднуетъ память св. Варвары великомученицы; онъ сталъ просить ея покровительства, и въ то самое время ему представилось, что какая то женщина протягиваетъ ему свою руку и вытаскиваетъ его. Пришедши домой, онъ рассказалъ своимъ

односельчанамъ о случившемся, почему они и выписали изъ Аѳона икону св. Великомученицы и благоговѣнно чтутъ день празднованія ея памяти.

Народъ развитъ; образованіе даетъ одна школа; большинство молодаго поколѣнія грамотно. Крестьяне желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились, но небрежно относятся къ ремонтнровкѣ школы и вообще къ денежнымъ затратамъ на школу, къ учителю относятся довѣрчиво. Нравы народа мало испорчены, народъ почтителенъ и добръ. Женщина считается полною хозяйкою дома, но въ обществѣ не имѣетъ никакого значенія. Родители мало обращаютъ вниманія на нравственное состояніе дѣтей и смотрятъ на нихъ только, какъ на помощниковъ въ хозяйствѣ, хотя и желаютъ, чтобы они были грамотны. Хозяева обращаются со своими работниками и работающими, какъ съ членами своей семьи,—вмѣстѣ работаютъ, пьютъ и ѣдятъ. Съ 1891 г. по 1894 г. кабаки были закрыты: крестьяне сознали, что кабаки причиняютъ большой вредъ.

Каждый богатый хозяинъ имѣетъ запасъ водки. Пьянство теперь мало развито;—но замѣчательно, что крестьяне ничего не въ состояніи сдѣлать безъ могорыча: купить, продать—обязательно могорычъ,—хотя бы продажа или покупка была даже на нѣсколько копѣекъ, говорятъ: „хизба те діло, шо безъ мага-рыча“. Проституціи нѣтъ.

При рожденіи пѣсенъ не поютъ. Сейчасъ послѣ родовъ призываютъ кума и куму и несутъ ребенка крестить; если священника нѣтъ дома, то везутъ въ сосѣдную деревню, не дожидаясь его. Мать дитяти послѣ родовъ купаютъ въ ваннѣ. Въ этотъ день въ домѣ, гдѣ родился ребенокъ,—ничего не займутъ и не продадутъ, даже самой пустячной вещи.

Вечерницы начинаются съ 1 октября и продолжаются до великаго поста, дѣвушки прядутъ пряжу, а молодые ребята сидятъ и забавляютъ ихъ игрою на гармоніяхъ или балалайкахъ; пѣсни поютъ вмѣстѣ дѣвицы и хлопцы. Приведемъ нѣкоторыя:

„Сію рідьку (2 раза),
Сію, поливаю.
Та родісь рідька,
Чепурненька,
На зиму сховано.

Та ще рідьки не кұшавъ:
Кажуть—вона гирька,
А ще мѣлоп не слұшавъ:
Кажуть—вона бойка“.

* *

„Плывѣ Донъ (2 раза)
Тѣхою стрилбю,
Та зустрѣнь, мѣла, любѣзного
За быстрою рикбю!
Ой застонѣла, не узнѣла,
Гулять заказѣла.
Та ходы, маты,
Кболо хѣты,

А я бѣду спѣты (2 раза),
Тѣй качѣлочкы въ головѣчкы,
Праничкы пидь бочкы;
Лѣгай, нѣнька,—
Тутъ мѣякѣнько;
Бодѣй ты не встѣла,
Шобъ ты моѣй головѣнькы
Та не клопотѣла“!

Свадебные пѣсни и обряды. Крестыяне свѣтаются болѣею частію въ своей деревнѣ; если же нѣтъ подходящихъ, тогда ѣздить на сторону. „Якъ задѣмѣють женѣты пѣрня, тодѣ пригласѣють двоѣхъ чоловѣкъ, або зъ рѣдычѣвъ, або зъ сусѣдѣхъ близѣкихъ (та тѣхъ, якѣ балакѣчи), котѣри назывѣающѣся старостѣми;—идѣтъ вонѣ до дѣвки, якѣ надѣмѣлы свѣтаты; а якъ не въ свойѣ слободѣ, то запрягають пѣру кѣней;—дойшѣвши, або дойдѣхавшы до сусѣдѣхъ дѣвки, роспрѣшѣють про сѣмѣйство: чи чѣсте вонѣ, чи не чѣсте; та якѣ вонѣ наудѣла, чи сырѣдѣта, чи смѣрна, чи робитѣнѣця—(шобъ вѣйти на нѣву нестыдно булѣ), якѣй бѣтько, якѣ маты, та ще вся и риднѣ ихъ,—и якѣхъ вонѣ родѣвъ. (Хѣдѣтъ старостѣ вѣрѣнцѣ, або ввѣчѣри). Пидишѣвши до вѣкнѣ, старостѣ, сѣ пѣлянѣцею въ платѣчку пидь рукою, кѣжѣтъ: „здоровѣ, хѣзѣинѣ, пѣсты обогриѣцѣ.“—Бѣтько дѣвки, або старшѣй кѣже: „прѣсымѣ мѣлѣсты,—въ бѣтькивѣскѣй курѣнѣ“. Дѣвка жѣ, якъ у хѣты,—зѣразѣ шмыгѣ изъ хѣты на вѣлицю, або до сусѣдѣ. Старостѣ, вѣйхѣвши въ хѣту, скѣдѣають шапкѣ и мѣляцѣ Бѣгу—„здрѣствуйте, „сѣ середѣю“, чи якъ ѣнше, „та бѣдѣте здоровѣ“; отдаѣють пѣлянѣцю бѣтьковѣ, або старшѣму; той, поцѣлуѣвши ѣйѣй, кладѣ на стилѣ и пригласѣ сидѣть ихъ. Сѣдѣтъ вонѣ, не роздѣтаѣючись, сѣ пѣлкамы въ рукахъ, кѣвыряють ѣмы зѣмлю, або чѣботы обтырають, спрашѣють: „чи на отдѣннѣ дѣвѣчина, и якъ шо на отдѣннѣ, такъ кѣжѣтъ дѣломѣ, а то мы бѣдемѣ шукѣаты собѣй ще свѣтѣвъ; дѣло вѣше! цѣй хлѣпецѣ вамѣ звѣснѣй, та ѣ бѣтька ѣго знѣете, та ще знѣете и бѣтькового бѣтька и мѣтирѣ, вонѣ людѣ лѣвки и гѣрныхъ родѣвъ“. „За цѣго хлѣпѣця мѣжно булѣ-бѣ отдаѣть нашу дѣвѣчину, та у насѣ недѣстѣтокѣ: на свѣйбу у нѣй нѣмѣ и скрѣйни, и свѣтѣкы празнѣшнѣй, и

кѣжѣхѣ, и чѣбитѣ, и сорѣчѣкъ нѣмѣ, и рушнѣкѣвъ перевѣязѣтъ старостѣвъ нѣмѣ, та ще трѣба купѣты очѣпокѣ рѣблѣвъ за три (отъ 2 до 10 р.), (и якъ шо дѣмѣають отдаѣты, то кѣжѣтъ:—) якъ вы посѣбѣте минѣ цѣлкѣвыхъ пѣятнѣдѣцѣ, такъ, мѣже, бѣдемѣ и свѣтамы“. Торгѣуюцѣя.

Старостѣмѣ прихѣдыцѣя разѣвъ зѣ дѣсѣть хѣдѣты, пѣкы не вѣсѣтають: изъ однѣго рѣза дѣла нѣкѣлы не буѣа; пѣслѣ соглѣскы старостѣ зѣ бѣтькомѣ призывѣають дѣвку, и бѣтько кѣже дѣвѣцѣ: „трѣба подѣвыѣцѣя ще ѣ на хлѣпѣця, хѣчъ мы и бѣчылы и знѣемо“. Прихѣде хлѣпецѣ.—Стѣновѣлять ихъ кѣло порѣга и спрашѣють, чи вонѣ соглѣсны? Дѣвка: „якъ бѣтько та маты скѣжѣтъ“,—знѣчить, вонѣ соглѣсна. Рѣжѣтъ тодѣ ту пѣлянѣцю, шо принесѣлы старостѣ, вынѣмѣають зѣ—за пѣзѣхы, або карманѣ вѣдѣку и пѣють „могорѣчѣ“. Якъ оцѣ дѣло вѣрѣнцѣ, або пѣредѣ вѣчеромѣ, такъ молодѣ достаѣ рушнѣкы и ѣмы перевѣзѣзѣють старостѣвъ, а якъ въ нѣчѣ, то дожѣдѣають рѣнка (ѣтра),—бо не полагѣецѣя.

Вѣпѣють вѣдѣку старостѣ и идѣтъ до женѣхѣвого бѣтька и обѣяснѣають, въ чѣмѣ дѣло, а женѣхъ остаѣецѣя у молодѣи нѣчувѣаты и хѣде кѣждѣ ничѣ нѣчувѣаты, а вѣрѣнцѣ снѣда (зѣвтракѣетѣ) тамѣ у нѣй. Сѣватѣ зѣйдѣуцѣя кѣлы нѣбуѣдѣ або на дрѣгий дѣнь и балѣають, на кѣлы гуляѣтъ свѣтанѣнѣя; свѣтанѣнѣя буѣа скѣро посѣли тѣго, якъ поладѣтъ, и тутѣ лѣдѣтъ, кѣмѣу якѣй подѣрки давѣтъ.

На якѣй дѣнь поладѣлы сѣватѣ гуляѣтъ свѣтанѣнѣя, молодѣ хѣде сѣ дружѣкамы (дѣвѣкѣ рѣзныхъ вѣзрастѣвъ) сѣ двѣра на двѣрѣ и зѣвѣ на свѣтанѣнѣя. Молодѣ идѣ позѣди дружѣкѣ; дружѣкы спѣвають однѣу пѣсѣню усѣ вѣрѣмѣя: „Не прѣсѣватѣуй мѣнѣ, бѣтѣнько, свѣта минѣ не завѣязѣуй, молодѣи“. Припѣвъ: „Дѣра, дѣра, дѣра; горѣхъ, горѣхъ по дѣрозѣ, а бѣтько у дѣрозѣ“.

Якъ прѣшла молодѣ до-дѣму (молодѣй ужѣ прѣйшѣвъ сюдѣ сѣ бѣтькомѣ, мѣтирѣю и блѣзѣкѣмы рѣдычѣамѣ), молодѣго сѣжаають за стилѣ зѣ старшѣмѣ боѣрыномѣ (шафѣрѣ), а молодѣ сѣ старшѣю дружѣкою (шафѣрина), кладѣ на тарѣлку платѣкъ и отдаѣ молодѣму, тодѣ старшѣму боѣрыну хѣстѣку, тодѣ свѣкровѣ, свѣкрѣси, хрѣщѣному бѣтьковѣ и мѣтырѣ, а остѣльнымѣ даѣ по чѣрѣци горѣлки; за цѣ подѣрки молодѣй даѣ одѣнѣ рѣблѣ, бо-

ярынъ тóже, свекоръ тóже, свекрѹха на парочку, а остальныхъ одъ двадцаты копйѣкъ до одного рубля. Молодѹ якъ пидносе водку, молодой все время стойтъ за столѡмъ и кланяецця. Всимъ пидносятъ, и малымъ, а главное—по порядку (по чину): бѣтькови, мѣтери, дядькамъ, титкамъ, двоюродному брѣту, сестри, а то зѣ-за цѣго ссѡбы бѹвають“.

Прежде, чѣмъ молодого (жениха) заведутъ за столъ, молодой и молодая становятся парѡю и по порядку кланяются каждому изъ присутствующихъ по 3 раза и цѣлуются.

„Пислѹ пидноскы водкы, молодѣжъ съ молодѡю и молодымъ идѹтъ въ сусидьську хѣту, вѣрять варѣныкы, а молодой угощѹ водкою. Старѹ остающецця тутъ у хѣти, сидѹють за стилъ,—хрещѣнии бѣтько и мѣты на покути,—подають обѣдать (вечѣрять) капѹсту, галушкы, барѣныну; бѣтько и мѣты пидносятъ по рѡмци. Пѡсли цѣго обѣда женыхѹвъ бѣтько зве до сѣбе всю бѣсѣду; тутъ ужѣ водкы вдѡволь, оришкы, пырожкы, гѹска жѣрына, капѹста, лапша; якъ подають дрѹгу пырымѹну, пидносятъ по-рядѹ по чѣрци. (Стойтъ это отъ 30 до 50 р.). Пислѹ цѣго винчѹють, а пислѹ винчѹ вечѣрыны.

На якѹй день вечѣрыны, тодѹ хѡде молодѹ опѣять зѣ дружкѹмъ, хѡде вонѹ зѣ двѡра на двиръ, кланяецця каждому по трѣчи и цѣлѹе,—наряжена хорошѡ: косѹ ѹбрана кисныкѹмъ (лентами), головѹ цвѣтамъ. Молодѹ хѡде зѣ старшимъ боѣрыномъ тѡже зѣ двѡра на двиръ и зѡвѣ, (но не кланяецця); прѣйшовши до тѣстя, прѡсе: „мѣлосты прѡсымъ до нѣшого бѣтька въ гѡсти“; а молодѹ пишлѹ до свекрѹхы, тутъ йийи сажѹють за стилъ, дають по чѣрци, по пирожекѹ и по шышци, хто зѣ неѹ прѣйшовъ. Такѹ честь и молодѡму.

Прѣйшовши, молодой, додѡму, спрашуе дружкѹ (ропорѣдѣтеля свѣдѣбы); дружкѡ благословѣтъ: „идѹ ты до сусиды, возъмъ свѣй тырымѡкъ (продолговатѹ шишка), старший боѣрынъ нехѣй порѣже, та роздасть всимъ“. Ти пишлѹ и здѣлалы, шо приказано. Трѡшки опѡслѹ идѣ за молодымъ дружкѡмъ въ сусидьську хѣту, кѣже: „ходѹмъ въ бѣтькѹвѹ курѹнъ начинѣть дѣло робытъ“, прѣвѣвши ѣго въ хѣту до сѣбе (додѡму), свѣте свѣчкы; „а подайте лѣшенъ платѡкъ прослѣты пидъ нѡгы“. Молодѹ, помолѣвшысѹ Бѡгу, кланяецця бѣтькови, мѣтери и всѣй

роднѹ и знакѡмымъ и цѣлѹе. Тодѹ дружкѡ, одошѣвши до двѣрей, съ молодымъ позѣды, ставши лыцѣмъ въ хѣту, крычѣтъ: „Гѡспѡды Исѹсе Хрыстѣ, Сынъ Бѡжий, помѣлуй насъ“.—Бѣтько женыхѹ: „Амѣнь, Бѡгъ благословѣтъ“, и идѹтъ прѣмо за стилъ вси боѣре; дружкѡ, завѣвши молодѡго за стилъ, сидѹ былѹ старѡстѣвъ и здѡрѡвкаецця: „здрѣствуйте“,—„здрѣствуйте“.—„Бѡже, помѡжѹ“, дружкѡ кѣже: „за цѡ вистѹ, якъ бы чѣрокъ шыеть, а хочѹ и по ѡдний, та по пѡвний“. Попѡдчѹють дружкѹ, винъ и вылѣзе виттылѹ, и сажѣе свѣтылокъ (у рукахъ у ныхъ вѣсылкѹ, а въ вѣсылкѹхъ деревѣяный мечъ и кинѹ) и свѣшѡкъ. Пидступѹ бѣтько до столѹ, берѣ плѣшку,—дружкѹ крычѣтъ: „встанъ, пиднымѣсѹ“. Молодѹ встаѣ, бѣтько пидносе молодѡму,—винъ отклѣнюецця (и водкы не пѣе и въ рѹкы не берѣ); бѣтько пѣе самъ, даѣ мѣтери и по чину всимъ рѡдѹчамъ. Якъ усѣмъ пиднесѹтъ, тодѹ пѣе и самъ молодой, боѣрынамъ (ихъ много), свѣшкѹмъ (женщины) а свѣтылкѹмъ (дивкѹ). Пидступѹ мѣты,—пидносе такъ, якъ и бѣтько, а молодой съ боѣрыномъ стойтъ и прѣи кѣждѡмъ пидноси и отклѣнюецця. Пидносятъ (якъ у багѣтыхъ), такъ почтѹ уся риднѹ за столѡмъ, якъ посидѣлы, такъ отѡ ужѣ не выпустѣть никѡго. Дивчѣта въ цѣ время спѣвають пѣсню:

„Ломѣте рѡженьку,	Та на двиръ, та на по-
Стѣлыте дѡрѡженьку,	двѣрѣячко.
Шѡбъ мнѣгко ступѣты,	Та на ясне сѡнѣчко“.

А якъ отдають сырѡтѹ, то спѣвають:

„Плывѹ, плывѹ, сѣра вѹтыця,	Бѣдний сырѡтѹ.
Тѣхо й по водѹ,	Та нехѣй тобѹ порѣжѹють
Прѣбѹдь, прѣбѹдь, мѡя нѣнько,	Ти, шо й отдають“.
Ой, даѹ мнѣ, порѣдонькы,	

Пѡсли цѣго пѡтчуванѣя, рѡдѹчѣвъ сажѹють вечѣрять, пѡтимъ тѡго росхѡдяецця, а молодой, не дожѣдѣясѹ вечѣри, берѣ боѣръ и берѣ двѣ хлѣбѣны и кусѡкъ сѣла, и пѣвквѣрты водкы, идѣ до тѣстя; тамъ зѣ молодѡю и дружкѹмъ вечѣряють.

Та же самѹ истѡрѣя идѣ и у молодѡи;—тѡчно такъ, безъ всякихъ измѣненѣй.

Пѣредъ свѣдѣбой дня за двѣ пычѹтъ шышкы, лѣжень (прѡдолговатѹ хлѣбъ), корѡвѹй (круглый); якъ той, такъ и дрѹ-

гий—украиный. Колы сажают коровай, то старающа по-
пасты хлопца, и шобъ винъ вымывъ пичку и посадивъ хлибъ;
за це ему дають чарку горилки. Посадивши коровай въ пичъ,
чотыри молодый бабы берутъ дижу и обносятъ йийи трычи кру-
гомъ; при цему спивають: „Дижку носятъ на рукахъ, а пичъ
ходе на ногахъ“. Проспивавши, наперерывъ одна пара передъ
другою, цилующа, становлятъ дижу на землю, накрываютъ
скатертиною, становлятъ пивъ-бутылки водки и кладутъ шишки,
пьють и закусують.

Сбирають пойиздъ у молодого. Сходяща боаре, зводятъ
кони, запрягаютъ, заплитають киснычкы, кони накрываютъ
кумачемъ, дзвонкы привязують до дуги и обмотують кума-
чемъ. (Дзвонкы просятъ у своихъ крестьянъ, и за це повенъ
дзвонкы водки). Якъ усё оцё готово, дружкò вводе молодого
въ хату и всехъ боаръ зъ надвору, и въ хати моляща Богу,
крычить дружкò: „подайте платокъ прослатъ, де быть поклони“;
поклонившись баткови, матери и всимъ родычамъ, тоди за-
воде молодого за стиль. Дружкò дае ему дви хлибыны пидъ
праву руку и, перехрестившись, ведё кругомъ стола и садо-
вить на покути; молодой кладё по хлибыни по углахъ; довив-
ши молодого до покути, самъ сида, здрастуеца съ старо-
стами (котори тутъ же сидятъ); дружкò: „здравствуйте вамъ“,
„здравствуйте“, — старосты одвичають; „Бóже, поможи“, — „спа-
сиби за добре слово“. — Дружкò: „за цю вистъ якъ бы чарокъ
шысть, а хотъ и по одний та по повний“. Пье дружкò, пидносе
старостамъ; послѣ выпивки дружкò встаетъ, — сажаетъ свитылокъ
и свашокъ. Свашки становлятъ тарилки и крычатъ на боаръ:
„подавайте свой шапки: мы будемъ пришиваты стежки“; при-
шиваютъ старостамъ и визныкамъ; — старосты и визныкы
ще й перевязують рушныками. И каженъ за свою шапку ки-
дае копийку въ повозку свашокъ. Пидступа батко до молодого
и частуе его; винъ откланяеца; пидносятъ усимъ, — тоди
молодому съ боарамы и свашками; тоди пидступа потчуваты
маты, — така же цырымония. Попотчувавши гостей, — дружкò
сидаетъ за стиль, а свашки и свитылки вылизаютъ. Дружкò
опять здрастуеца съ старостамы; тоди выводитъ молодого
изъ-за стола и дае опять ти дви хлибыни, що булы поло-
жени на краяхъ.

Убирающа до молодой: кладутъ у торбу той хлибъ, и ши-
шокъ кладутъ у торбу, та ще й прибавлятъ дви хлибыни: всехъ
чотыри; выходятъ зъ хаты, сидають на тарантасы; садыща
молодой и, вставши на ноги, хрыстыща на вси чотыри сто-
роны; зъ нымъ сида, старший боарынъ; — друга повозка зъ
свашками и свитылками, третя, повозка зъ боарамы, чет-
верта зъ старостамы, (старосты ще не сидають: дожидаютъ
вре́мья).

Маты берётъ хмилу, вивса, орыхивъ, копийекъ и старыхъ
грошывъ въ полы, держа полы съ платкомъ; — дружкò беретъ
за хустку (платокъ) и обводе кругомъ пойизду, куды сонычко
иде; одынъ разъ, вторый разъ, довивши до переднихъ коней,
де молодой сидитъ, и кыдаетъ навхрестъ; народъ такъ и
пада на землю: дума схватить копийку, и крычить: „кыдай,
мамо, сюда“; який остаецца хмилъ въ заполи, маты опять
заходе напередъ коней и сыне имъ пидъ ноги и тоди беретъ
полою за поводы або за вижки, а дружкò беретъ матыръ за
полу и выводитъ до двора потыхеньку, — тоди отскакуе на
бикъ; — молодой, якъ тилько маты выведетъ зъ дружкомъ за во-
рота коней, то сейчасъ съ правою рукой кыда гроши на обѣ-
двѣ стороны.

Пойиздъ пойихавъ. Дружкò зъ своей старостамы зовётъ людей
у хату — дорóгу гладить; дадутъ по стакану и идутъ до моло-
дой въ двиръ. Давши народу по стакану и по шыщи, про-
сятъ на вечеръ, якъ молоду привезутъ.

Пойиздъ дойихавъ до церкви, трычи обижитъ кругомъ неи;
тоди встаетъ молодой съ старшимъ боарыномъ, идутъ на схидци
церквы и, взийшовши на рундукъ (паперть), моляща Богу, —
идутъ и сидають на тарантасъ, катающа по слободѣ. Молода,
якъ бы дожыда молодого, хóде съ дружками по улыци, а, по-
бачивши пойиздъ, ховаецца въ хату; якъ пойиздъ добижитъ до
тии хаты и стане пытаты, — де вона, пиддружинъ, (со стороны
невѣсты, то, что со стороны жениха дружкò) скаже молодой,
шо йийи ждуть; вона выйде зъ хаты на улыцю съ дивчатами,
пойиздъ оббигаетъ кругомъ йихъ, и тоди молодá пидхóде съ стар-
шóю дружкой до молодого, здоровкающа и цилующа со
всими, хто на пойизди, за шо имъ пидносыть по рюмци моло-

дѣй. Пойіхалы ще катаѣця. А старостѣ уже давно прійіхалы до свѣта; не дойиздѣя до свѣтового двора, ихъ зѣразѣ зустрічають и не пускають у двірѣ; а дружкѣ идѣ самѣ у хѣту до свѣта и достаѣ изъ кармѣна двѣ шіішки: „здрѣствуйте вамѣ, сватѣкѣ и свѣха, Бѣже, помѣжй! вамѣ клѣняюѣця сватѣ—свѣтови, а свѣха свѣси, князь—княгінѣ, а вамѣ, свѣтушка, ще й хлѣбѣ—силѣ отъ свѣта и отъ свѣхи“, даѣ ти двѣ шіішки, и тодѣ дружкѣ поглѣдуѣ въ глухій край (де стоять рѣгачѣ), чи немѣ тамѣ колдѣуныци; якѣ шо йе, такѣ винѣ даѣ йіі шіішку (шѣбѣ не колдѣвала), и дружкѣ выбигѣ тодѣ зъ хѣты безѣ шѣпки до ворѣтъ, де старостѣ дожидѣють, и кѣже винѣ старѣстѣмѣ: „попѣштуйте людѣй, и вѣны васѣ пропѣустѣть на постоѣльный двірѣ“, старостѣ пиднѣсѣть по рѣмѣци, и ихѣ пропускають у двірѣ.

Дружкѣ кывѣ на пѣйиздѣ, шѣбѣ йііхавѣ, берѣ кѣней за пѣводы и вѣизжѣ у двірѣ,—встають боѣры зъ повѣзки, убѣрають кѣней, кладѣтъ сѣна, и дружкѣ идѣ въ хѣту и посыла за молодѣю пиддружѣго.

Пѣредѣ порѣгомѣ стоять стилѣ, накрѣтый скатыртѣною, хлѣбѣ и силѣ; пѣредѣ столѣмѣ становлѣяѣця старостѣ, дѣльше молодѣй зъ боѣрамы (всѣ стоять безѣ шѣпокѣ). Дружкѣ молодѣго ухѣде въ хѣту и говорѣтъ: „клѣняласѣ свѣха—свѣтови, а сватѣ—свѣси, а боѣры—дружечкѣмѣ, а князь княгінѣ—на хлѣбѣ—на силѣ“.—Кладѣ двѣ шіішки на стилѣ;—сѣдѣтъ рѣдомѣ собрѣвшиисѣ срѣдѣствѣныки и срѣдѣствѣныци княгінѣ и говорѣтъ дружкѣви:—„здрѣствуй, дружкѣ!“—„А я и забѣвъ зъ вѣамѣ, свѣхи, пѣздѣрѣвкаѣця“ (вѣажно), и начинѣе зъ свѣхи (титки молодѣй) и свѣта, мѣтерѣну сѣстрѣ; другѣмѣ любопѣтно, кѣжуть: „поцѣлѣй и насѣ, свѣту, ну, да пидрѣдѣ усѣхѣ“,—ну, извѣните“, „та не такѣ тѣичкѣ (только), ты цѣмѣ не одѣбѣвъ, то поцѣлувавѣ, а хѣчеѣця намѣ ще и свѣтовой по рѣмѣчѣци вѣпыты“.—„Та хѣто ѣгѣ знѣе, свѣшенѣку: я за дѣломѣ прійіхавѣ, минѣ нѣжно о томѣ смѣтрѣтъ, на менѣ дѣрѣчено (порѣчено) цѣлое собрѣныѣ хазѣйства бракосѣчѣтѣныѣ, да, мѣбудѣ, уже пиднѣсѣтъ, моглѣ бытъ, шо вы якѣ на дѣйствиѣ, то и за мнѣю застѣпытѣсѣ“. Вынимѣетѣ зъ-за пѣзухи, абѣ зъ кармѣна полушѣбка, чи свѣтки, илѣ же тѣчытъ изъ бѣчѣнка, котѣрый батѣ-

комѣ на продѣвольствѣе пѣйизда дѣнный, и тѣчытъ, вынимѣетѣ зъ-за пѣзухи рѣмку пиднѣсѣтъ батѣкови (княгінѣ), той отсылаѣтъ; „ну, бѣдѣты, здѣровѣ“, хрѣстыѣця; „даѣ же, Гѣспѣды, сѣе дѣло дѣбре началѣ, такѣ сѣ Бѣжѣю пѣмѣщѣю и кѣнѣчытъ, даѣ, Богѣ, сватѣкѣ, помѣршѣмѣ цѣрѣство небѣсное, а за вѣдѣчкѣй, живѣмѣ легѣнько погадаѣяѣця, вѣашѣмѣ, свѣточкѣй, нѣашѣмѣ и всѣмѣ знакѣмѣмѣ“,—„кушѣйты, кушѣйты, сватѣкѣ, ну, бѣдѣты здѣровѣ!“ Выпѣывѣетѣ стакѣнѣчикѣ до половѣны,—„сватѣкѣ, цѣ ты намѣ ны радѣ, бѣдѣты наскѣлько дѣбри“,—„я радѣ бы вѣпыты: да мнѣ дѣла то мнѣо пѣдѣстоѣтъ“,—„хѣчѣ, трѣшки прыбѣвѣте ищѣ“,—„бѣдѣты здѣровѣ, свѣты и свѣнѣютки“,—допѣывѣе стакѣнѣчикѣ.

Налѣывѣетѣ и даѣтъ батѣкови, та ще комѣ небѣдѣ: „врѣмѣя не ждѣтъ, намѣ нѣжно, о чѣмѣ насѣ батѣко послѣвъ, о томѣ должнѣ мы и забѣтыѣця. Якѣ же то такѣ, сватѣкѣ, бѣдѣты здѣровѣ“. Выпѣывѣ батѣко, даѣ мѣтыри, мѣты одсылѣе дружкѣви: „сватѣкѣ, извѣльтѣ собѣй“. „Свѣнѣютка, я южѣ и такѣ вѣпывъ: отъ свѣта и отъ сѣбе, а цѣ васѣ прощѣ покѣрнѣйше, свѣнѣютка, кѣшѣйты“.—„Ну, сватѣкѣ, даѣ же, Гѣспѣды, шѣбѣ счастьѣво и благополѣчно оцѣ дѣло начѣтъ и кѣнѣчытъ“.—Начѣнѣе дружкѣ порѣду пиднѣсѣты по рѣмѣчѣци, и тѣи выпѣывѣють по сѣбѣ возмѣжностѣ, порѣду. „Дѣвольнѣ-ли вы, свѣты и свѣнѣютки“?—„Дѣвольнѣ“.—Дружкѣ кѣже: „ныльзѣ ли изъ васѣ тамѣ, сватѣкѣ, вѣгадѣты по рѣмѣчѣци“?—„Ну, сватѣкѣ, якѣ дѣбѣрый ты чѣловѣкѣ, попѣтчѣю“,—берѣтъ вѣдку, налѣывѣетѣ у рѣмѣчку:—„сватѣкѣ, извѣльтѣсѣ“.—„Извѣльтѣсѣ собѣй, сватѣкѣ“,—налѣывѣетѣ другѣу:—„извѣльтѣсѣ“.—„Нѣхай свѣтынѣка вѣпѣетѣ“. Свѣха (на глазахѣ со слѣзами): „даѣ же Богѣ, сватѣкѣ, шѣбѣ все благополѣчно булѣ“ (напомѣнаѣяѣця мѣтырѣна утрѣба, рѣдѣвшѣя дѣтѣ—и отѣдѣетѣ у стрѣннѣ рѣкѣ, и чѣрызѣ то у нѣи откѣрѣваѣюѣця слѣзы)—„бѣдѣты здѣровѣ!“—„Кѣшѣйты, свѣнѣютко, Богѣ даѣтъ счастьѣя и здѣровѣя,—жѣты бѣдутѣ“. Выпѣывѣетѣ свѣнѣютка, и слѣзы на глазахѣ; батѣко тѣже утырѣ глазѣ, вѣдѣбѣвокѣ говорѣтъ, кывѣ на своѣ хазѣйку: „кѣшѣй, кѣшѣй, старѣ!“—Вѣпыла. Тепѣрѣ налѣывѣетѣ дружкѣви, отсылѣ винѣ блѣзѣкѣмѣ рѣдѣчамѣ, а якѣ нѣмѣ, кѣже: „кѣшѣй, сватѣкѣ, врѣмѣя ны ждѣтъ, поскѣрѣй, дружкѣ“.—„Ну, сватѣкѣ, даѣ же Богѣ, шѣбѣ

благополучно“,—берё тутъ у рѣки рѣмку и хрестыщца:—„по-
мѣршимъ царство небесное, за хлѣбомъ-солью—бѣдѣ здорѣвы“.
Выпивъ. „Ну, сватъ, у васъ усѣ готове?“—„Та, сватѣкъ, усѣ“.
„Ну, посылайте,—де у васъ пиддружий,—посылайте за дѣтѣми,
а ты, мамо, ёсли у тебе все готово,—подарки,—якъ тамъ у
васъ съ свѣтомъ на договори булѣ: свашкамъ, свитылкамъ,
бойрамъ“.—„Та усѣ, усѣ, сватъ, готово!“—Дружкѣ товарищу:
„Та й ты, товарищъ, мабудь, выпьешь?“—„Та я того и дожи-
даюсь!“—Пидносѣ ёмѣ; той отсылаетъ ёмѣ. „Ну, будь здоровъ,
якъ шо такъ“,—наливъ другу и даё ёмѣ:—„можѣ, щѣ кому?“—
„Нитъ, тутъ ничѣго, а немѣдленно-поскорѣй“.—„Ну, будь здо-
ровъ, братищъ“,—пѣе:—тепѣрь, можѣ, щѣ другѣ пидбавити,—
налытъ?“—„Нитъ, довольно“.—„Идѣ жѣ, сватѣкъ, поскорѣе,
отыскай дѣтѣй!“ Ухѣде и скѣро ввѣде молодѣ въ домъ; свѣтятъ
свѣчки, молящца Бѣгу и пиддружий прѣсѣтъ платѣкъ; молодѣ
клѣняющца; бѣтъко йий берѣ хлѣбѣну и стоить, а дочкѣ трѣчи
клѣняецца и цилѣе бѣтъка. Пиддружий передаѣ цю хлѣбѣну
мѣтери, дѣду, бѣби, дѣдѣкови, тѣтци, старѣстамъ молодѣго.—
„Та щѣ кому?“—„Та бильшѣ немѣ ныкому“.—„Ну, клѣняйсѣ
минѣ“ (пиддружѣму).—Поклонѣласѣ и поцилувѣла по—трѣчи.
Тодѣ пиддружий берѣ двѣ хлѣбѣни пидъ прѣву рѣку, даё мо-
лодѣй одѣнъ край хѣстки, а самъ берѣецца за другѣй.—„Гѣс-
подѣ, благѣсловѣ“,—и завѣде за столъ; за неѣу идѣ старшѣ
дружка, обхѣдѣтъ кругѣмъ столѣ, и сѣдовѣщца молодѣ на пѣ-
кути, а пиддружий на прычѣлковѣй лѣви; тутъ жѣ и старѣстѣ
пидсувѣющца, и пиддружий здорѣвкаецца съ старѣстамѣ: „за
цю вѣстѣ—чѣрокъ шѣстѣ, а хочъ по ѣднѣй, та по пѣвнѣй“,—
и пиддружий берѣ зо столѣ вѣдку, наливѣаетъ и пидносѣтъ стѣ-
рѣсти; старѣста ёмѣ отсылѣ.—„Ну, бѣдѣте здорѣвы, даѣ, Гѣс-
подѣ“, и т. д. Потѣмъ выпивѣаетъ старѣста и другѣй, и тѣдѣ
пиддружий идѣ, кудѣ знѣетъ. Пѣсли цѣго бѣтъко берѣ вѣдку, абѣ
частѣйшѣ варѣнѣй медъ, котѣрий стоить на столѣ, заткнѣтый
колѣсѣямѣ изъ житѣ; молодѣ встѣетъ зѣ старшѣю дружѣкою на
ноги, бѣтъко пидносѣ йий; вѣнѣ одѣказуецца; пѣе самъ; тѣдѣ
мѣтери, по чѣну пѣсли старѣшихъ пѣе молодѣ зѣ своѣмѣ друж-
камѣ; тѣдѣ пидносѣ мѣты. Дружкѣ: „Сватъ, у тебе старѣстѣ
есть, хѣй вѣхѣдѣтъ тудѣ до столѣ; а ты, шо пѣредѣ порѣгомъ

стойтѣ безъ шѣпокъ, зѣ хлѣбомъ и сѣлью, пѣки дружкѣ рос-
порѣдѣщца“, вышлѣ вѣнѣ. „Здрастѣуйте, сватѣ“.—„Здрастѣуйте,
сватѣки“,—„шо вы за лѣудѣ?“—„Та пришлѣ до васъ погрѣщца“.
—„Мы жѣ ны знѣемъ, шо вы за лѣудѣ“.—„Та мы лѣудѣ дѣбри“
(вокругѣмъ нарѣдѣ стоить и хѣхѣчетъ изъ нѣхъ; хѣто нѣбудѣ и
крычѣтъ: „пѣлно вамъ морѣзѣтъ“).—„Если (колѣ) такъ, такъ и
такъ,—давайтѣ здорѣвкаецца“. Начѣнаютъ трѣ рѣза цилувѣщца
чѣрезъ стилъ нѣвхрѣстѣ. Зѣразъ жѣ вѣхѣде мѣты изъ хѣты и
даё по чѣрци молодѣму зѣ бойрамѣ мѣду съ хмѣлѣмъ; вѣнѣ не
пѣютъ, а вѣливѣаютъ за спѣну, и тѣдѣ ввѣдѣтъ ихъ въ хѣту“.

Праздничныя пѣсни. На Р. Хр. дѣти ходѣтъ съ поздравле-
нѣемъ до разсвѣта и поютъ:

„На вѣлыкий плачъ Охлѣмъ,
Кѣгда Ыродѣ народѣвѣся,
На Хрѣстѣ возмѣтѣвѣся.
Повѣливъ Хрѣстѣ сѣкатъ,
Молодѣхъ дѣтѣй бѣтъ побѣ-
ватъ,
На кѣпѣяхъ пиднимѣтъ,
Бѣзбѣжна царѣ проклѣнѣтъ.
Ыродѣ, Ыродѣ, сквѣрный сынъ,

Шо ты сочинѣвъ,
Чѣтырѣнадцѣтъ тѣсѣчѣ
Нѣвѣннѣхъ млѣдѣнѣщѣвъ
погубѣвъ.
За царѣствомъ-бѣгѣщѣствомъ
погнѣвѣся,
Самъ въ вѣчнѣую мѣку по-
нѣвѣся“.

„Сѣимъ, поздравлѣемъ, та бѣдѣте здорѣви съ прѣзднѣкомъ“.

Съ понѣдѣльнѣка на маслѣнной начѣнаютъ варѣтъ „варѣ-
ныкѣ“ и пѣчѣ „блинѣ“. Дѣвки и хлѣпцы поютъ пѣсни,—чѣто
назѣвается „кѣзла водѣтъ“.

На новѣй годъ говорѣтъ:

„Рѣдѣ, Бѣжѣ, житѣ й пшѣнѣцѣю, всѣку пѣшнѣцѣю, та бѣдѣ-
те здорѣви. Съ прѣзднѣкомъ, та зѣ нѣвымъ гѣдомъ, та зѣ
Вѣсылѣмъ“.

31 Дѣкабрѣ на Мѣланѣю дѣвки, собравшѣсь гурѣбою, поютъ
пѣдѣ окнѣми.

„Мѣланѣка ходѣла.
Вѣсылѣ прѣсылѣ:
Вѣсылѣю, мѣй бѣтѣю,
Пустѣ менѣ въ хѣту,
Я житѣ не жѣла,
Чѣснѣй хрѣстѣ держѣла.
Кѣдѣщца (кайтѣся) лѣудѣ:

До васъ Исѣсъ Хрѣстѣдѣс бѣдѣ,
Бѣгу свѣчѣ стѣвѣте,
А намъ пѣрѣгъ даѣте,
Зѣ рукѣмъ, зѣ ногѣмъ,
Шѣбъ бѣгъ за намѣ;
Бѣзъ рукъ, бѣзъ нѣгъ,
Шѣбъ не вѣпѣвъ въ снѣгъ“.

* * *

„Чи дома дядько?
Чи дома тятка?
Чи варылы кашку?

Дайте мині галушку,
Якъ не дасте, такъ самы
зйисте“ (веч. поздно).

На Свѣтлый Праздникъ дѣти поють:

„Хрыстось Спасытель,
Гдѣ былъ на крестѣ прыбытый,
Тогда былъ страхъ великий,
Земля тряслась,
Каминь роспадався,
Исусова Мать
Подъ хрестомъ стояла,

Своего Сына прыглядала.
„Мой Сынъ прекрасный,
Чого помыраешъ,
Въ гробъ плащаныцю прыни-
маешъ?
Хрыстось Воскресъ (3 раза)“.

На Троицу крестьяне только украшаютъ свои дома зеленью.

Въ „чыстый четвергъ“ до разсвѣта моются и купаются почти всѣ, чтобы не было накожныхъ болѣзней, и бьютъ свиней; говорятъ, что въ салѣ этихъ свиней никогда не заведется ничего ни противнаго, ни вреднаго.

Въ первый понедѣльникъ послѣ Св. Хр. Воскресенья служатъ панихиды на гробахъ; послѣ служенія—преимущественно бабы—устраиваютъ попойки.

Дѣтскія игры:—„панасъ“ (кузмырка), лѣтомъ мячъ, зимою и осенью—„свинка“ (отрубокъ изъ крѣпкаго дерева, который одна сторона отбиваетъ у другой). Дѣти, юноши и взрослые преданы картамъ,—юноши и взрослые играютъ на деньги, въ три-листика, а дѣти на спички.

Танцуютъ „камарынский“ и „чѣботы“, подъ игру на балалайкѣ, гармоникѣ, скрипкѣ и „цымбалахъ“ (родъ цитры).

Повѣрья. Люди вѣрятъ, что, когда разорить гнѣздо ласточки при дворѣ, то она испортитъ корову, которая не будетъ молока давать, а хотя и будетъ, то съ кровью и невкусное, почему уважаютъ и не трогаютъ этихъ птичекъ.

Если зимою большіе морозы, то нужно насчитать 40 лысыхъ, и морозъ перестанетъ. Вѣрятъ, что, когда загремитъ 1-й громъ, то нужно сейчасъ же бѣжать и опрокинуть какойнибудь возъ (телѣгу), тогда опрокинувшій цѣлый годъ не будетъ болѣть. Послѣ перваго дождя—купаются—(хотя и рѣки нѣтъ).

Пословицы: „Прывыкла собака за возомъ бѣгаты, такъ и за санымъ не втерпе.—Ныхай кобыла за діломъ, а лошадь вѣсье безъ діла.—Якѣ коринья, такѣ и насинья.—Хочъ не по кобыли, такъ по оглобли.—Въ гуртѣ и каша йисыця; гуртомъ и батька ловко быть.—Тимъ саломъ, та по тий же и шкурѣ.—Абѣ выла въ бикъ, абѣ сина клокъ.—Була ны була—побувала.—Усі кизяки перевернувъ, та все вапои мѣлосты шукую, а вы оздечки собѣ разбандѣрылысь.—Побачивъ и я смаленого вѣвка.—Низзя тѣко на небо злыты, а то дывысь, яка онъ высѣка дзвиняця, й на нейи жъ бачъ лажують.—Винъ прѣты торѣшнѣго хочъ и чортъ, та діла не бѣде: въ ёго вѣча дѣмка; сказавъ, якъ завязавъ.—Аминъ пирижкамъ.—Хто бѣде, той самъ рѣно встайѣ.—Горѣ жъ минѣ та бѣда, шо выйшла замѣжъ молодѣ.—Гроши—чѣрвы, а людѣ безъ йихъ—чѣрти.—Тоди полѣгна, якъ ракъ свѣсне.—Богъ не телѣ, бачѣ й видтылѣ.—Була правда, та заржавѣла.—Й тому добрѣ не бѣде, хто скаже, шо вонѣ колѣ бѣде.—Дѣлжентъ, не спѣрю, оддамъ нескѣро, знѣчить, пидождѣ.—Такий нѣжный, якъ свынѣ архирѣй.—Изпылы кровь, такъ и мѣсцѣ зйѣжте.—Нѣша Прѣска все трѣска, и бѣблыки лѣпе якъ хто кѣпе, а не кѣпе обѣдѣця, вонѣ и такъ мынѣця.—И пѣво—мѣдъ пѣе, якъ хто даѣ, а не мѣе, то й такъ перекотулаѣ“.

И. Н. Шухминъ.

15.—Сл. Райгородка.

Поселение.—Население и языкъ.—Одежда и пища.—Болезни.—Занятіе.—Религіозность.—Свадебные обычаи и пѣсни.—Похороны.—Примѣты о погодѣ и этнографическій календарь.—Писанки.—Посѣвъ и косовица.—Игры.—Демонологія и повѣрья.—Сказки и пѣсни.

Слобода расположена на правой сторонѣ р. Айдаря, большею частью на отлогомъ мѣстѣ, а меньшею по склону холмовъ. Почва этой мѣстности почти вся супесчаная; растительность встрѣчается по низовьямъ очень хорошая, имѣется много садовъ, въ которыхъ растутъ различныя фруктовыя деревья, а по склону холмовъ сады съ каждымъ годомъ высыхаютъ. Слобода находится въ 50 в. отъ уѣзднаго города Славяносербска (Екатер. губ.) и въ 35 в. отъ Луганска (Екатер. губ.). Окрестности Райгородки въ старинное время были покрыты непроходимыми лѣсами, въ которыхъ обитали шайки разбойниковъ, занимавшіяся грабежомъ. До сихъ поръ сохранились здѣсь курганы и пещеры, какъ ихъ памятники. Эти разбойники находили себѣ пріютъ и у перваго поселенца Яндилова. Отъ имени этого поселенца сл. Райгородка сначала именовалась „Яндиловой“. Съ 1759 года часть однодворцевъ сл. Райгородки (Изюм. уѣзда) была переселена въ Яндиловку, по просьбѣ полковаго начальника, и отъ имени новыхъ поселенцевъ сл. Яндиловка стала называться Райгородкой. Народъ объясняетъ названіе своей слободы еще и такимъ образомъ: во время казачества всѣ поселенія, занимавшіяся ими, назывались городками. И вотъ, осматривая войска, одинъ начальникъ пришелъ въ восторгъ отъ этой красивой мѣстности и ея жителей и далъ поселенію названіе Райгородки.

Население и языкъ. Въ слободѣ считается до 2,172 д. жителей, изъ этого количества на мужской полъ приходится 1,073 души, а на женскій 1,099. Здѣшніе мужчины по большей части средняго роста, а женщины высокаго. Волосы больше чернаго цвѣта и гладкіе. По наружности населеніе не отличается кра-

сотою, хотя въ старинное время могли гордиться ею. Причина, вліяющая на перерожденіе красивыхъ, есть болѣзнь, свирѣпствующая здѣсь въ сильной степени.

Эту мѣстность населяютъ великоросы, пришедшіе частью изъ Орловской губ., частью изъ Калужской, Тульской и Воронежской. Въ ихъ говорѣ часто встрѣчаются слѣдующія неправильности: звукъ *о* неударяемый подвергается измѣненію въ *а*, напр., галава (голова), харашо (хорошо), агурцы (огурцы); неправильное употребленія *а* послѣ горт. *к*, напр., Ванья (Ванька), Дунья (Дунька); послѣ свистящихъ и шипящихъ также встрѣчаются неправильности: чапля (цапля), чѣпочка (цѣпочка), шшотка (щетка), шшакъ (щека), тьвѣты (цвѣты), тьвѣтутъ (цвѣтутъ); мѣстоимѣнія: кого, того, себѣ, тебѣ выговариваются: таво, каво, сабѣ, табѣ; въ глаголахъ наст. времени 3 лица, звукъ *ѣ* произносится за *е*, напр., зальѣтся (зальѣтся), озовѣтся (озовѣтся); вмѣсто глагола наст. вр., 3 лица, употр. дѣепр. съ удареніемъ на первомъ слогѣ, напр., хѣдя (ходитъ), идѣя (идетъ), пишѣя (пишетъ).

Изъ мѣстныхъ словъ интересны слѣдующія: закутаѣтся (затворяется), окѣнчены (ставни), пѣнья (хлѣвъ), анадысь (дня 2 назадъ) давеча (нѣсколько часовъ назадъ); ласкательныя слова: радименькая мая, ягодиночка мая, зѣлото, зѣрнышко.

Народъ въ этой мѣстности по большей части читаетъ — Евангеліе, Псалтирь, житія святыхъ, о страшномъ судѣ Господнемъ, поминовеніи усопшихъ, церковномъ Богослуженіи, а также читаетъ сказки и нѣкоторые отрывки изъ русской исторіи, объ Иванѣ Царевичѣ и о сѣромъ волкѣ, Конекъ Горбунокъ, Приключеніе Робинзона Крузе, Донъ Кихотъ, Крещеніе Руси, Убіеніе царевича Димитрія, Александръ Невскій, нашествіе французовъ. Между крестьянами болѣе распространяются книги духовно-нравственнаго содержанія, доставаемые въ церкви, въ мѣстномъ народномъ училищѣ, или покупаемыя ими на ярмаркахъ.

Одежда. Въ праздничные дни лѣтомъ одежда мужчинъ состоитъ изъ „чумарки“ дорогого сукна, шерстяной или ситцевой рубахи, жилетки, шароваръ изъ черной или синей китайки и картуза. Костюмъ женщины — изъ кумачеваго сарафана, или

шерстяного, цвѣта: синяго, зеленого, бордо, отдѣланнаго кружевами, лентами и шнурками, самодѣльнаго сарафана (прядутъ шерсть изъ овецъ, ткутъ ее, синятъ, шьютъ изъ нея этотъ костюмъ и отдѣлываютъ его краснымъ ситцемъ, лентами, сѣтками или позументами и пуговицами), рубахъ съ прошивами изъ миткаля, кумача и заграничнаго (т. е. краснаго съ рисунками) ситца, короткихъ люстриновыхъ или нанбуковыхъ кофть. Кромѣ этого, молодыя замужнія женщины, а также и нѣкоторыя среднихъ лѣтъ носятъ „кокошники“ изъ бархата и шелка. Первые называются „бархатниками“, а вторые „штофами“. Къ кокошникамъ надѣваютъ „подзатыльники“ изъ бѣлаго миткаля, вышитые серебряной канителью и украшенные разноцвѣтными „монистами“. Молодыя дѣвушки носятъ перевязки изъ шелковыхъ платковъ, украшенные перьями и „лопастники“, т. е. ленты, привязанныя къ янтаркамъ, бусамъ и разноцвѣтнымъ „монистамъ“. Пожилыя женщины носятъ шерстяные и гарусные платки.

Въ будничные дни вся одежда мужчинъ холщевая; рубахи обыкновенно шьютъ съ красными „ластовками“, а „жерѣлки“ (воротники) вышиваютъ красною бумагою. Женщины носятъ всѣ свои старые костюмы.

Въ зимнее время одежда мужчинъ и женщинъ почти та же самая, разница только въ верхней одеждѣ: женщины вмѣсто своихъ осеннихъ и весеннихъ халатовъ и сѣрыхъ зипуновъ, носятъ бѣлыя шубы, отдѣланная сафьяномъ, шнурками и опушенные „курпéкомъ“ изъ смухъ, синія и черныя, крытыя нанбукомъ и китайкою, опушенные бѣлкою. Мужчины носятъ дубленые полшубки, полшубки изъ смухъ, отдѣланная сафьяномъ и шнурками. Шапки „курпéчатыя“, плюшевые и „каплеухи“ малороссійскіе.

Къ старинной одеждѣ этой мѣстности принадлежатъ сарафаны, кокошники, перевязки,—которые въ настоящее время мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются городскими ситцами, бумазеей и всевозможными платками. Такая перемѣна, какъ объясняетъ народъ, происходитъ отъ того, что старинная одежда очень дорого стоитъ, а послѣдняя дешевле.

Пища. Богатые и бѣдные крестьяне этой мѣстности ѣдятъ почти одинаково; разница состоитъ въ томъ, что богатые въ скоромный день ѣдятъ борщъ съ мясомъ или саломъ, а бѣдные постный. Остальные кушанья, какъ то: „драчѣвникъ“, „саламать“, „лапшѣвникъ“, блинцы, лапшу ѣдятъ всѣ. „Драчѣвникъ“ дѣлаютъ такъ: берутъ муку, разводятъ водою, бьютъ яйца и, когда испекутъ, ѣдятъ съ масломъ; „саламать“: кипятятъ воду, насыпаютъ въ нее муки, варятъ и ѣдятъ съ жиромъ; „лапшѣвникъ“: бросаютъ лапшу въ кипяченую воду, варятъ а затѣмъ пекутъ съ яйцами.

Въ постные дни ѣдятъ—горохъ, похлебку (изъ картофеля), чечевицу, кулѣшъ, затерку (взбрызгиваютъ муку водою, растираютъ ее руками, чтобы превратилась въ мелкую крупу и варятъ), „солодѣху“ (льютъ теплой воды въ муку, ставятъ на печь „солодѣть“, а вечеромъ бросаютъ кусочекъ печенаго хлѣба, чтобы тѣсто немного скисло, на другой день варятъ съ вишнями или сливами), „вишникъ“ или взваръ, „ладушки“—оладьи.

Вообще пища крестьянъ ухудшается, благодаря почти 3-хъ лѣтнему неурожаю. Городскихъ кушаньевъ здѣсь не встрѣчается, позаимствовано только чаепитіе: даже бѣдные и тѣ пьютъ хотя вмѣсто чая липовый цвѣтъ. Въ этой мѣстности крестьяне освѣщаютъ свои хаты „газѣлками“, керосиновыми лампочками, а нѣкоторые наливаютъ въ черепокъ жиру или постнаго масла, вставляютъ фитиль и зажигаютъ его.

Болѣзни. По большей части въ этой мѣстности умираютъ младенцы отъ такъ называемаго въ народѣ „младенческаго“. Дѣти лѣтъ 5-ти, 6-ти, 7-ти, 8-ти, до 15-ти, умираютъ отъ дифтерита, а взрослые—отъ тифа. Развитію послѣдней болѣзни способствуетъ низкое и болотистое мѣсто. Изъ лекарствъ во время болѣзней употребляютъ слѣдующія: липовый цвѣтъ (отъ кашля), „колючки“ (отъ колики), „рагаль“ (отъ лихорадки), „кучелѣбу“ (отъ болѣзни зубовъ), „злую воду“ (для промывки ранъ), церковное вино съ синимъ камнемъ и корицей (отъ болѣзни десенъ).

Большую частью здѣсь лечатся наговорною водою и заговариваютъ болѣзни. Наговорною водою лечатся отъ „бѣшихи“, лихорадки, укушенія собакъ, отъ переполоха (испуга). Заговари-

ваютъ зубную боль, лихорадку, „солошницу“ (боль въ животѣ).

Къ врачамъ относятся недовѣрчиво,—немногіе обращаются къ нимъ за совѣтами: не находятъ, чтобы доктора могли оказать помощь,—не вѣрятъ въ ихъ лекарства. Болѣзни скота слѣдующія: обдуванье, перелогі, кровь и т. д. Обдуванье происходитъ тогда, когда скотина обопьется; лечатъ такъ: обливаютъ водою и надрѣзываютъ конецъ уха (т. е. пускаютъ кровь). Если же скотина обѣется, то ее подкуриваютъ тѣмъ зерномъ, которымъ она обѣлась. Перелогі (скотина ничего не ѣстъ, не пьетъ и не можетъ встать) заговариваютъ. Иногда на скотину „нападаетъ кровь“: она стоитъ, понуря голову, не ѣстъ, не пьетъ, и если её оставить безъ вниманія, то она пропадетъ, а поэтому ей пускаютъ кровь (надрѣзываютъ ухо и бьютъ по нему палкой).

Заговоры. Отъ зубной боли:

1) „Мѣсяцъ навскось,
Дай мнѣ здравіе въ кость.
Атъ панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Рабы Божіей Маріи (имя)“.

2) „Мѣсяцъ на небѣ,
Медвѣдь въ лѣсу,

Камень въ морѣ.
Кагда эти три брата сай-
дутца,
Тагда у рабы Божіей (имя),
Панашенной, паражденной,
Малитвенной, крещенной
Зубы забалятъ“.

Отъ ломоты:

„Тутъ табѣ не стоять,
Чорнай крови не пить,
Жолтыхъ кастей не ламить,

Рабы Божіей не сушить,
Ступай въ крутыя горы,
Въ гнилыя калѣды“.

Отъ переполоха (испуга):

Атъ деннова, атъ нашнова,
Атъ полуденнова, атъ глазнова,
Тутъ табѣ не быть,

Кастей не ламить,
Чорнай крови не пить,
Отъ панашенной, паражденной
и т. д.

Занятія. Въ прежнее время главнымъ занятіемъ здѣшняго населенія было пчеловодство, такъ какъ этому занятію способствовали громадныя лѣса. Въ настоящее время лѣса почти всѣ вырублены—и пчеловодство пришло въ упадокъ. Занимаются преимущественно земледѣліемъ, а также разводятъ фруктовые сады. Крестьяне развозятъ фрукты по ближайшимъ мѣстностямъ и продаютъ ихъ. Существуютъ также и отхожіе промыслы. Вес-

ною нѣкоторые крестьяне отправляются на лѣтнія работы въ дальнія мѣста и возвращаются большею частью всѣ къ Покрову. Зимой идутъ на шахты, находящіяся въ 45 в., и тамъ нанимаются, а нѣкоторые ѣздятъ за каменнымъ углемъ; купивъ его, везутъ на базаръ въ города. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ.

Религіозность. Народъ этой мѣстности очень религіозенъ, часто посѣщаютъ храмъ Божій и дѣлаютъ много жертвъ. На ихъ религіозныя убѣжденія однако вліяютъ раскольники (безпоповцы).

Здѣшнія женщины по большей части жертвуютъ полотномъ, а мужчины деньгами на священныя одежды и другія принадлежности; оказываютъ тайную помощь, напр., ставятъ мѣшокъ или мѣрку хлѣба нищему, но такъ, чтобы послѣдній не зналъ, отъ кого. Въ каждую поминальную субботу и въ праздники женщины приносятъ въ церковь буханцы, пироги, брусочки, пампушки и раздаютъ нищимъ.

Послѣ рожденія ребенка, бабка идетъ къ священнику за молитвою и именемъ, а на другой день приглашаются кумовья, которые принимаютъ ребенка не отъ матери, а отъ бабки. Бабка кладетъ новорожденнаго на тулупъ передъ святыми иконами, чтобы ребенокъ былъ счастливъ въ жизни, а кумовья берутъ его съ тулупа и несутъ крестить. Послѣ крещенія устраивается обѣдъ. Кума и куму сажаютъ на почетное мѣсто, т. е. въ святой уголъ. Бабка во время обѣда угощаетъ гостей водкою, а ей за это бросаютъ деньги. Когда она угостила всѣхъ гостей, то начинаютъ подносить водку кумовья, и деньги, собранныя ими, отдаютъ матери новорожденнаго. Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи никакихъ не поютъ.

Свадебные обычаи и пѣсни. Свадьба начинается обыкновенно „сговоромъ“. Приходятъ отъ жениха „боіре“ и говорятъ: „у насъ есть парень, а у васъ дѣвка, давайте сватами сходитьца“. Если невѣстиной роднѣ не нравится женихова родня, то они говорятъ: „не ходите, не ходите и слѣду не кладите“; а если согласны, то приглашаютъ на другой день съ хлѣбомъ-солью, водкою и „выговоромъ“. Здѣсь беретъ не женихова сторона, а невѣстина, 10—15 р. или меньше, но за то выгова-

риваютъ хлѣбомъ и водкою. На другой день собирается вся неvěстина и женихова родня къ неvěстѣ. Невѣстина родня садится за столъ и начинаетъ угощать женихову, которая въ это время стоитъ. Когда неvěстина родня обнесетъ женихову по 3 рюмки, то спрашиваетъ: „съ чѣмъ вы къ намъ пришли, и за что пьемъ, покажите свой товаръ“. Тѣ приводятъ жениха въ хату, и они начинаютъ осматривать его и спрашиваютъ: „не ко-сой ли онъ, не хромою ли?“ Затѣмъ, чтобы всѣмъ убѣдиться, ставятъ посреди хаты табуретку, а на нее жениха и осматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого поворачиваютъ его къ двери и даютъ въ руки подносъ съ рюмкою вина. Въ это время дѣвки начинаютъ „играть“ (пѣть) пѣсню:

„Смѣнь сакодъ вылеталъ,
Чечетушку выкликалъ:

„Чечетушка, вѣйди къ намъ!
Смѣнная вѣпархни!“

* * *

„Иванушка (имя) прѣзжалъ,
Марьюшку выкликалъ.
Марьюшка, падари

Шелкамъ шити ширинку,
Иванушкѣ атдари,
Три червонца палажнѣ.“

Послѣ этой пѣсни выходитъ неvěста съ „ширинкой“, т. е. съ вышитымъ полотенцемъ, и даетъ ее жениху, а онъ ей бросаетъ три серебрянныхъ монеты на тарелку. Затѣмъ женихъ подноситъ неvěстѣ водку; выпивъ немного, она отдаетъ жениху, тотъ выпиваетъ остальное, цѣлуется, становится съ неvěстою и оба кланяются роднѣ. Потомъ неvěста раздаетъ дары жениховой роднѣ, а дѣвки „дружки“ поютъ пѣсню:

„Ва садику калинушка,
Ва зелѣномъ раствѣла.
Вѣчоръ на́ша Марьюшка
Съ Иваномъ стаяла,
Рѣчь гаварѣла.
Увидѣли па́друженьки,
Журили—бранили:
—Дабрѣ—дабрѣ Марьюшка,
Мы батенькѣ скажемъ!
—Дѣвушки-па́друженьки,
Хоть вы не кажите:
Пра то дѣло, сагласіе,
Самъ батюшка знае

За кавѣ атдавае,
За младѣво Иванушку
Гѣлаву заключае,
Съ кѣмъ стаю, на кавѣ гляжѣ,
Съ тѣмъ рѣчь гаварю!
—Живи, живи, Марьюшка!
Живи, не печалься,
Ва таскѣ не вдавайся.
Изъ той таски, са кручины
Вѣйду за варѣта,—
Трава ва балѣтѣ,
Вѣйду за новѣя,—
Луга зеленіе,

Гляну въ чисто поле,—
Иванъ—свѣтъ гуляе,
Падъ нимъ вѣранъ конъ играе,
Что сокаль летѣе,
На немъ шуба галубѣя,
Что макъ разцвѣтае.
Марьюшка воду несетъ,
Карамыслицы гнѣтца,
Съ вѣдеръ вада лѣтца;
Иванушка въ акнѣ глѣне,
Слезѣю зальѣтца.
Пачтѣ же вы, карѣмыслицы,
Давнѣ не обламѣлись,

Пачтѣ же вы, дубѣвыя
Вѣдра, не пабились?
Пачтѣ же вы, Иванушка,
Дасѣлѣ не женились?
—Радъ-бы я жени́тьца,
Негдѣ было взѣти.
Прашѣлѣ же я, Марьюшка,
Три ўлицы въ рядѣ.
Не нашѣлѣ, Иванѣнна,
Тваѣ лица чѣще.
Лицѣ тваѣ бѣлое,
Брѣви чѣрныя, развесѣлые
глаза“.

Когда неvěста одаритъ всѣхъ, то садится съ женихомъ за столъ, и остается одна молодежь, а всѣ пожилые уходятъ къ жениху и тамъ гуляютъ. На другой день неvěста кроитъ рубахи и разноситъ подругамъ шить, за то, что онѣ гуляли сговоры. По прошествіи нѣсколькихъ дней начинается свадьба, передъ которою какъ у жениха, такъ и у неvěсты лѣпятъ шишки, кромѣ этого, у неvěсты дѣлаютъ „плакасики“, т. е. пироги, надъ которымъ неvěста „голѣситъ“ (плачетъ), когда на нее надѣваютъ кокошникъ,—а у жениха лѣпятъ витой хлѣбъ, или коровай. Мужики и парни въ эту ночь гуляютъ до самаго утра. Утромъ дружки провожаютъ неvěсту къ вѣнцу; передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, неvěста проситъ благословенія у своихъ родителей такъ: „прости меня, батюшка, прости меня, мамушка, и благословите къ Божьему суду и къ вѣнчанію“. Послѣ вѣнца неvěста идетъ къ себѣ домой, а женихъ къ себѣ. Пообѣдавъ, женихъ идетъ съ парнями къ неvěстѣ, она въ это время сидитъ въ чуланѣ и „голѣситъ“, а дружки поютъ:

„Пойди-ка, дружило,
Пойди-ка, дружило,
Давнѣ тебя ждали,

Ждали—поджидали,
Коврами дворъ устилали,
Чѣрными сабалями“.

Дружко выкупаетъ мѣсто у дѣвокъ (дружекъ), заводятъ за столъ неvěсту, продаютъ ея косу, затѣмъ ее „правляютъ“, т. е. надѣваютъ кокошникъ. Послѣ этого женихъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ неvěстою; пообѣдавъ, ихъ провожаютъ къ жениху.

Похоронные обряды. Покойниковъ хоронятъ въ этой мѣстности такъ: надѣваютъ чистую одежду; но, чтобы она была не

нарядна; за пояс кладутъ платочекъ (существуетъ повѣрье, что на томъ свѣтѣ покойникъ будетъ въ него прятать тѣ частицы, которыя вынимались въ воспоминаніе его), кладутъ на лавку, головою къ образамъ; на столѣ ставятъ стаканъ съ медомъ и восковою свѣчею, хлѣбъ и псалтырь. Когда сдѣлаютъ гробъ, кладутъ въ него покойника и, если онъ взрослый, вносятъ въ церковь; маленькихъ по большей части не вносятъ, а служатъ панихиду и печатаютъ гробики дома. При этомъ по отцу „причитываютъ“ такъ:

„Радименькій, мой бѣтющка!
Кармилецъ, мой бѣтющка!
Что-жъ вы, мой бѣтющка,
Ка мнѣ не озывѣетесь?
Чи я жъ вамъ тепѣрь нежал-
кая и ненужная?!

Вы жъ, мой бѣтющка, желан-
ный о мнѣ были!
А сей-часъ же мнѣ не къ
каму голѣвушки-жъ при-
хилити“.

По „матери“ причитываютъ:

„Радименькая, май мамушка!
На горѣ, май мамушка,
Вы меня порадили!
Худѣю же дѣлею надѣлили!
Я жъ за вами, мамушка,
Ничевѣ не знала,
Вы жъ меня угащали,

Вы жъ меня привѣчали!
А сей-часъ какъ прийдѣ,
мамушка,
Никтѣ ка мнѣ не озовѣтся;
Не нашла жъ я сабѣ такова
дружка,
Какъ родная мамушка“.

Схоронивши умершаго, устраиваютъ обѣдъ, кромѣ того, поминаютъ въ 3, 4, 40 день. Каждую поминальную субботу крестыане служатъ панихиды, подаютъ милостыню и просфоры на проскомидію.

Этнографическій календарь. На праздникъ Георгія Побѣдоносца всѣ крестыане ходятъ рано утромъ собирать росу; существуетъ повѣрье, что эта роса помогаетъ при болѣзни глазъ. На Благовѣщеніе пекутъ просфоры по числу семьи, причѣмъ въ одну изъ нихъ кладутъ денежку, и, кому достанется просфора съ деньгою, тотъ будетъ счастливъ. Подъ Вознесеніе Господне пекутъ лѣстницы, ставятъ ихъ подъ святой уголъ, чтобы Іисусъ Христосъ взшелъ по нимъ. На крестопоклонной, т. е. на 4, недѣлѣ Великаго поста пекутъ кресты и кладутъ ихъ въ тѣ мѣшки, зерна въ которыхъ предназначены для посѣва. На Свѣтлый Праздникъ, когда обносятъ плащаницу, если

кто возьмется за замокъ церкви, того считаютъ вѣдьмою. На послѣдній день масленицы, т. е. въ воскресенье, всѣ ходятъ прощаться другъ съ другомъ, такъ какъ вѣрятъ, что въ этотъ день долженъ быть страшный судъ.

Молодые дѣвушки этой мѣстности всю Филиповку, а также и Рождественскіе праздники водятъ „корогѣды“ (хороводы) и при этомъ поютъ пѣсню:

„Черѣмуха, зелѣный кустъ,
Далеко въ полѣ лелѣтся,
Лелѣтся—зелѣнется.
Кто-жъ у насъ
Па садику ходилъ?
Кто-жъ у насъ
Па зелѣнаму гулялъ?
У насъ па садику
Иванушка ходилъ,
Па зелѣнаму
Ивановичъ гулялъ;

А онъ вода
Свадѣ вѣрана каня,
А на встрѣчу Иванушкѣ
Идя красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Марьюшка.
—А Марьюшка—Ивановна,
А, Марьюшка, перейми мавѣ
каня,
Ивановна, каня вѣранова.
За тѣ за шелковѣ павадѣ,
За жемчужные махра“.

Подъ Новый годъ гадаютъ: бросаютъ за ворота башмаки, выливаютъ воскъ въ чистую воду, считаютъ колья и т. д.

Кромѣ этого, „щедруютъ“.

„Шедеръ-ведеръ,
Дѣбрый вѣчеръ,
Дѣбрымъ людемъ
На здарѣе.
Хозяинъ дѣбрый,
Вынаси пироги дѣлгий,
Кагда мѣло,
Кусѣкъ сала,

Кали трѣшки,
Хоть картѣшки,
Кѣнчикъ калбаски,
Глѣдачку кашки.
Вынасите,
Не крашите,
А ламайте,
Намъ давайте“.

Маленькія дѣти и парни ходятъ на Новый годъ и „обсыпаютъ“ пшеницей, житомъ, просомъ, горохомъ и т. д., и при этомъ маленькія дѣти поютъ:

„Пасѣй, Бѣже,
Заради, Бѣже,
Жито, пшеницу,
Всякую пошеницу!

Поздравляемъ васъ
Съ новымъ годамъ,
Съ новымъ счастьемъ,
Съ Василѣвымъ днѣмъ“!

Взрослые поютъ слѣдующую пѣсню:

„Поля поля,
Самъ Богъ ходя,
Дѣва Марія

Истину насилѣ,
Бѣга прасилѣ.
Хѣдя Ильѣ

На веселья,
Нбся пугу жителную;
Я туда махну,—

„Здравствуйте, хазяинъ съ хазяюшкой, съ прѣзникомъ по-
здравляемъ, съ Василевымъ днѣмъ!“

На масляницу вся молодежь катается и, приэтомъ, поютъ
пѣсню:

„Па ўлицѣ, ўлицѣ,
Па широкѣй,
Па широкѣй, навой,
Тамъ шёлъ прашёлъ
Парень маладой,
На дѣтиншкѣ шляпачка
Съ павлинымъ перомъ.
Увидѣла дѣвушка
Съ высокава тѣрема,
Съ высокава тѣрема,
Съ хрустальнава акѣшечка,
Съ яснава стекѣлушка,—

Тамъ жито растётъ;
Я туда махну,—
Пшеница твѣтѣтъ“.

Васкликнула дѣвушка
Сваймъ грѣмкимъ гѣласамъ:
—Вернись, вернись, мола-
децъ,

Парень маладой!
Пасиди хоть трѣшечки ты
са мной.

—Баюсь, баюсь, дѣвушка,
Опасюсь я вѣшей семьи!
—Не бось, не бось, моладецъ,
Не опасайся,—
Нашей семьи дѣма нѣту-ти“.

На праздники Свѣтлаго Христова Воскресенья, Вознесенъя,
на Георгія Побѣдоносца не поется отдѣльных пѣсень, а по-
ются уличныя, какъ-то: „Брасай, няня, всю работу рабѣтѣтъ“,
„Вы, сады, мой зелѣные“, „Въ полѣ три берѣзы стѣили“ и проч.

Крашенки. Подъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья
здѣшніе крестьяне красятъ яйца; большею частью красятъ
красною краскою, въ напомниманіе крови Иисуса Христа. Красныя
яички зовутся „крашенками“. Нѣкоторые красятъ серпиемъ, бе-
рутъ сухую прошлогоднюю травку (серпій) варятъ ее, а затѣмъ
бросаютъ въ наваръ яйца, они получаютъ желтый цвѣтъ. Яйца
красятъ ради Великаго праздника; существуетъ между крестья-
нами поговорка: „дорого яичко къ Велику дню“. Скорлупу свя-
тыхъ яичекъ крестьяне бережно сохраняютъ; существуетъ по-
вѣрье, что если ими подкуриться во время лихорадки, то она
оставитъ,—ими же подкуриваются и скотину. Крестьяне вѣрятъ,
что въ святомъ яйцѣ находятся 40 милостынъ и въ немъ пре-
бываетъ Духъ Святый.

Кромѣ крашенокъ и желтыхъ яичекъ, здѣсь дѣлаютъ еще
писанки такъ: облѣпливаютъ яйца воскомъ, а затѣмъ обмаки-

ваютъ въ краски и сушатъ. На писанкахъ изъ воска бываютъ
разные рисунки. Писанки здѣсь дѣлаются для украшеній.

Посѣвъ и косовица. Передъ тѣмъ, какъ начинать сѣять
хлѣбъ, крестьяне молятся и говорятъ слѣдующія слова: „зароди,
Боже, жито, пшеницу, всякую овощъ, и на видущихъ, и на
невидающихъ, и на вдовъ, и на сиротъ и на насъ на грѣш-
ныхъ. Зароди, Боже“. Затѣмъ берутъ зерна и сѣютъ. Ког-
да поспѣетъ хлѣбъ, то его начинаютъ косить и первый ско-
шенный снопокъ затыкаютъ за поясъ, что-бы не болѣла спина.
Скосивъ хлѣбъ, оставляютъ небольшой кустикъ „Иль на бо-
роду“, подъ этотъ кустикъ ставятъ хлѣбъ съ солью, а затѣмъ
крестьяне и три раза катаются по нивѣ, причемъ говорятъ:
„нивка—нивка, отдай мою силку“ и т. д. Во время косовицы
дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

„Внизъ на матушкѣ, на Волѣ,
Па широкаму раздѣлю,
Падымалась съ моря пагѣда,
Пагѣдушка небольшая, волновѣя.
Ничавѣ въ волнахъ не видно,
Не видно, не слышно,
Тѣлько лѣдачки краснѣютъ,

На гребцѣхъ шляны чернѣютъ.
Гребцы, май маладые,
Гребитесь, не лѣнитесь,
Пригребайте вы къ бережѣчку,
Къ Танюшеному ко дварѣчку.
Выхадѣла Тѣня за варѣтъя
Въ одной тѣненькой рубѣшкѣ“.

* * *
„Касиль Вѣня травушку
Зелѣненькую,
Любилъ парень дѣвушку
Чернявенькую,
Любилъ да и покинулъ,
Скѣра бросилъ, позабылъ.
Съ вѣсточной старанъ
Пріятный вѣздухъ несѣтъ.
Гдѣ май размѣлая,

Душа Сѣшенъка, живѣтъ?
Живѣтъ-проживѣетъ она
Въ нѣвамъ крашенамъ дамъ,
И хѣдя и гуляе
Анѣ па зелѣному саду,
Шипляе, ламѣе
Спѣлый-дрѣлый винаградъ,
Кидѣе, бросѣе
Мѣламу въ кравѣтъ“.

При свѣзкѣ хлѣба, никакихъ пѣсень не поютъ, такъ какъ
крестьяне его возятъ въ разное время и не вмѣстѣ.

При печеніи новаго хлѣба вспоминаются всѣ умершіе род-
ственники.

Игры. Въ зимнюю пору всѣ взрослые юноши и дѣти боль-
шею частію въ праздники выходятъ „на кулѣчки“ и бѣются,—
взрослые и юноши между собою, а дѣти съ дѣтьми. Кромѣ
этой забавы, какъ у взрослыхъ юношей, такъ и у дѣтей су-

ществуютъ игры: въ „скракли“ и въ „ладышки“. Для первой игры выкапываютъ на снѣгу 2 клѣтки такъ, что-бы одна отъ другой были на довольно большомъ разстояніи; кладутъ по 5 деревяшекъ на каждую, вооружаются палками, становятся около клѣтокъ и бьютъ по деревяшкамъ—то тѣ, то другіе—до тѣхъ поръ, пока чья нибудь сторона не собьетъ въ клѣткѣ всѣхъ деревяшекъ; тогда сбита партія носитъ на плечахъ остальныхъ. Въ ладышки играютъ такъ: берутъ „свиняшки“, „барашки“ и „волоськи“, т. е. кости изъ ногъ свиней, овецъ и коровъ, одинъ изъ играющихъ ставитъ ихъ въ рядъ, а остальные сбиваютъ ихъ своими ладышками. Вечеромъ юноши и взрослые собираются по хатамъ играть въ карты; обыкновенно играютъ на деньги. Кромѣ этихъ игръ, крестьяне зимою больше ничѣмъ не забавляются, а съ наступленіемъ весны вся молодежь и дѣти играютъ въ „дука“,—вырываютъ по числу играющихъ ямки, въ срединѣ ихъ одну большую, затѣмъ всѣ играющіе становятся около ямокъ съ палками, одинъ беретъ цурку (т. е. деревянный шарикъ) и подбрасываетъ вверхъ; когда цурка упадетъ на землю, то онъ гонитъ ее въ кругъ (или въ „дукъ“), въ это время остальные играющіе отгоняютъ цурку палками и, если цурка попадаетъ въ чью нибудь ямку, то тотъ играющій уступаетъ свое мѣсто, а самъ идетъ подбрасывать цурку. Въ „пыжѣ“ берутъ небольшую деревянную палочку и вручаютъ 2-мъ играющимъ, которые называются „бабками“, всѣ остальные ложатся бабкамъ въ ноги и, когда бабки крикнутъ: „пыжъ за пыжомъ, за горячимъ ножомъ“, и бросятъ палочку въ сторону, то играющіе вскакиваютъ и отыскиваютъ пыжъ, кто найдетъ его, кричитъ: „горитъ пыжъ“; за послѣднимъ начинаютъ гоняться и, если его уловятъ, то дерутъ за волосы и кричатъ: „покинь пыжъ“, до тѣхъ поръ, пока онъ не броситъ, кто его найдетъ, несетъ въ бабку. Такъ играютъ до 3-хъ разъ и на тѣхъ, кто въ промежутокъ этого времени ни разу не отдавалъ бабкѣ пыжа, катаются верхомъ. На праздникъ Свѣтлага Христова Воскресенья всѣ, исключая стариковъ, играютъ въ мячъ и лица. Игра въ лица двухъ родовъ: „на—вбитка“ и „на—вкатка“. Первая состоитъ въ томъ, что одинъ бьетъ своимъ яйцомъ яйцо другого, и, чье окажется разбитымъ, тотъ отдаетъ яйцо.

При второй—дѣлается городокъ, въ которомъ одинъ наставляетъ внизъ яйца, а другой катитъ сверху, и, если его яйцо сойдется съ нижнимъ, беретъ яйцо, а первый опять наставляетъ.

Въ лѣтнее время всѣ крестьяне ничѣмъ не забавляются, такъ какъ отъ мала до велика заняты работами. Въ этой мѣстности существуютъ слѣдующіе танцы: третьяка, черезъ нѣжку, задка, по улицѣ мостовой, навприсядку.

Музыка: рассѣдушка, журавля, чѣботы, казачка, барыня.

Здѣсь по большей части играютъ на гармоніи, дудкѣ, пищикѣ, балалайкѣ, на музыкѣ (скрипкѣ) и бьютъ въ бубны.

Демонологія. Среди мѣстнаго населенія распространены повѣрья относительно существованія вѣдьмъ, колдуновъ, домовыхъ и русалокъ. Вѣдьмъ крестьяне представляютъ въ образѣ женщинъ, съ распущенными волосами, въ бѣломъ одѣянніи и съ хвостомъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, выдаиваютъ молоко, онѣ обращаются въ клубки съ иглами, въ собакъ, въ свиней и съ т. д., нападаютъ на человѣка и катаютъ его до тѣхъ поръ, пока послѣдній не выбьется изъ силъ. Большею частью вѣдьмы нападаютъ на человѣка или подъ среду, или подъ пятницу; колдуны же, по словамъ крестьянъ, портятъ людей, дѣлаютъ закрутки въ хлѣбѣ, въ подушкахъ, разводятъ мужа съ женою, или даютъ такого зелья, что человѣкъ начинаетъ постоянно болѣть. Домовые душатъ людей и, если въ это время спросить: „къ добру или къ худу“ и домовой отвѣтитъ „къ добру“, то ожидать благополучія, „къ худу“—ожидать несчастья. Русалки—дѣвушки съ распущенными волосами и нагія; онѣ, по словамъ крестьянъ, выходятъ изъ воды и отправляются въ сады, и здѣсь, если имъ попадется человѣкъ, онѣ могутъ его защеко- тать до смерти. Чтобы избавиться отъ вѣдьмъ и уберечь коровъ, крестьяне читаютъ слѣдующую „молитву“:

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ аминь. Иисуса Христа рука; около моего двора огненная рѣка, каменная стѣна, желѣзный плетень отъ неба и до земли; помилуй моихъ рябыхъ коровокъ отъ еретника, отъ еретницы, отъ простоволосой дѣвицы“.

Кромѣ этого, посыпаютъ вокругъ двора пшеномъ, которое святится на Свѣтлый Праздникъ.

Примѣты и повѣрья. У здѣшнихъ крестьянъ существуютъ слѣдующія примѣты: съ какой стороны подуетъ вѣтеръ на Покровъ, съ той стороны будетъ дуть цѣлую зиму. На Крещенье, когда выйдутъ со святостями, съ какой стороны будутъ хмары (тучи), съ той стороны—урожай. Если на Срѣтеніе хорошая погода, то и весна будетъ хорошая. Какой день на Благовѣщеніе, такой и на Свѣтлый праздникъ. Если на Георгія Побѣдоносца ворона спрячется въ житѣ, то, значитъ, будетъ урожай на него. Если на Илью дождь, будутъ желуди червивые. Заря горитъ—къ вѣтру. Солнце заходитъ за тучи—къ дождю. Воробы купаются въ пыли—къ дождю, а сильно кричатъ—къ мятели.

Если собака воетъ и при этомъ держитъ голову вверхъ, то это къ пожару, а внизъ—къ покойнику; если кошка умывается—къ гостямъ, а лѣзетъ на печь—къ морозу; когда волки стаями ходятъ по деревнѣ и воютъ—къ голоду, а когда лошадь, стоя на мѣстѣ, фыркаетъ—къ дождю. Съ Рождества Христова и до Новаго года крестьяне обыкновенно метутъ соръ къ святому углу, а на Новый годъ несутъ его до зари въ сады и тамъ разбрасываютъ кучками около деревьевъ; затѣмъ этотъ соръ поджигаютъ, и курево распространяется по дереву; это они дѣлаютъ для того, чтобы весною не было червей на деревьяхъ. Кромѣ этого, подъ Крещенье выходятъ рано утромъ въ сады и стряхиваютъ снѣгъ съ вишенъ для того, чтобы ихъ больше уродило. На Спиридона (12 дек.) рѣжутъ вѣточку, ставятъ ее въ бутылъ подъ святой уголь,—если она зацвѣтетъ ясно на Новый годъ, то значитъ—хорошій цвѣтъ будетъ на деревьяхъ. Когда цвѣтетъ розъ, то дѣвки срываютъ ее черезъ голову и моютъ розью голову, чтобы росли волосы.

Сказка. *Лисича и волкъ.* „Жили себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ пошелъ за рыбкою, а баба испекла пирожокъ съ начинкою, положила на окошечко, а сама пошла къ обѣднѣ. Какъ только баба ушла, прибѣжала лисичка-сестричка къ окну, схватила пирожокъ, наложила половы и ушла съ нимъ. Приходитъ къ пастушкамъ и говоритъ: „пастушки, промѣняйте мнѣ пирожокъ на бычка, а когда я найду за ту горку, вы его разломите“.—Пастухи согласились, отдали лисичкѣ бычка, лисичка зашла за горку, нашла тамъ саночки, впрягла бычка и поѣхала. Вотъ

ѣдетъ, а на встрѣчу ей волкъ.—„Здравствуй, кумушка“.—„Здравствуй, куманекъ“,—отвѣчаетъ лиса.—„Дозволь мнѣ, кумушка, хоть лапochку положить на саночки“. Лисичка позволила, и поѣхали. Ёдутъ-ѣдутъ, а саночки—хрустѣ, а лисичка и говоритъ: „слѣзай скорѣй, а то саночки ломаются“. Волкъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, кумушка, это у меня былъ орѣшекъ, я его слуснулъ“. Ёдутъ, а саночки—хрустѣ, лисичка и говоритъ: „слѣзай, а то саночки ломаются“.—„Нѣтъ, кумушка, это у меня былъ другой орѣшекъ, я его и слуснулъ“. Поѣхали, а саночки опять хрустѣ и разломались. Лисичка-сестричка послала куманьку въ лѣсъ за полозьями. Волкъ ходилъ-ходилъ по лѣсу и нашелъ большое сучковатое дерево. Лисичка опять послала волка, чтобы онъ выбралъ поглаже. Волчекъ и во второй разъ принесъ такое же. Тогда лисичка оставила волка, а сама пошла въ лѣсъ. Волкъ выбралъ всю внутренность у бычка, набилъ его соломою, а самъ ушелъ. Лисичка приходитъ, видитъ, что волкъ обманулъ ее,—захотѣла наказатъ его: порѣзала мясо бычка, пожарила, достала капканъ и пошла просить волка въ гости. Волкъ пришелъ, только сталъ ѣсть мясо, а капканъ и прихватилъ его; а лисичка-сестричка бѣгаетъ вокругъ него да и приговариваетъ: „кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ; кто пятанцуетъ, тотъ на пяточкахъ танцуетъ“.

П ѣ с н и.

„Брасай, няня, всю работу ра-
батать,
Пайдѣмъ, няня, у альховѣгулять!
У альховамъ многа дѣвакъ,
многа бабъ!
А бабачки карагодами стаятъ,
А дѣвачки на калѣбачкахъ си-
дѣтъ,

Пра Луганскую станицу га-
варятъ,
А въ Луганѣ веселыя вѣрбочки.
На Пристѣнкѣ тамъ ребѣята
дуракѣ,—
Падбивали красныхъ дѣвакъ
казакѣ“.

* *

„Вы, садѣ, май зелѣные!
Вы зелѣные, развесѣлые!
Вы пачтѣ, садѣ, апали,
Пазавѣли, пазасѣхли.
Въ садѣ птѣшки вылетѣли,

То не птѣшки—салавѣйки.
Тѣшно—горькожить на свѣтѣ,
А ташнѣй тавѣ не будѣ,
Что мужъ женѣ не любѣ“.

* *

Въ полѣ три берёзы стояли,
Хадилъ казакъ да дѣвчѣнки
поздно.

— Не хаді жъ ты, казачѣкъ,
до меня

Будя слава пра тебѣ, пра меня

Шо пра тваво каня варанова,

Шо пра тебѣ, парня маладова.

— А я славы не баюся,

Съ кѣмъ люблюся, не нагаварюся,

Пойдѣ въ шинокъ гарѣлки на-
пьюся,

А у шинкарки умѣ наберуся.

Шинкарка бѣла плѣтье шила,

А вдовка сваю дочку била.

— Гдѣ жъ ты вѣнокъ загубила,

Чи ты прапила, чи прагуляла?

— Срѣду—срѣду я въ карты не

грала“.

Е. А. Коробова.

16.—Сл. Боровское.

Поселеніе.—Пища и одежда.—Занятія.—Школа.—Пьянство.—Свадьба.—Свадеб-
ния, весеннія, лѣтнія и осенія пѣсни.

Боровское расположено на песчаномъ грунтѣ близъ рѣки С. Донца на лѣвомъ его берегу и въ 10 верст. отъ г. Лисичанска (Екатер. губ.). Названіе свое оно получило или отъ слова „Боровъ“ (кабанъ) или отъ фамиліи Боровской: лѣтъ за 200 до нашего времени мѣстность эта была покрыта сплошными дремучими лѣсами, въ которыхъ водилось множество дикихъ свиней. Нѣкоторые же изъ стариковъ говорятъ, что близъ р. Донца поселился нѣкто Боровской, получившій это названіе за борьбу съ татарами, жившими по лѣвую сторону Донца, который потомъ перешелъ въ сл. Смольянинову, а затѣмъ въ Спѣваковку, гдѣ поколѣніе его живетъ и понынѣ. Жители сл. Боровской, какъ видно изъ исторіи нѣмецкаго писателя Михаила Ранфта, изданной имъ въ 1767 г., назывались еще въ 1717 г. однодворцами и составляли кордонъ, или охранную, сторожевую линію отъ татарскихъ набѣговъ, и, кромѣ того, какъ видно изъ лѣтописи церковной, жители назывались казаками Ново-Донцами и призывались по положенію Донскихъ казаковъ. Что касается племеннаго состава жителей, то на это фактическихъ данныхъ нѣтъ, но можно предположить, что въ составъ населенія сл. Боровской вошли тѣ же племенные элементы, изъ которыхъ составлялись казаки, т. е., могли быть поляки, русскіе и пр., что подтверждается самимъ нарѣчіемъ, нечисто русскимъ, а въ особенности акцентомъ, въ родѣ казацкаго выговора. Къ числу замѣчательныхъ лицъ сл. Боровской относится Дмитрій Труновъ, который послѣ взятія Измаила получилъ рѣдкую въ то время награду: золотой крестъ съ надписью на одной сторонѣ: „Измаилъ, Декабря 11-го 1790 года“, а на другой—„за отличную храбрость“. Одновременно онъ получилъ и званіе сот-

ника, т. е., личного дворянина. Крестъ этотъ червоннаго золота (7 золот.) хранится въ церкви. Теперь остались его внуки, дѣти младшихъ сыновей Трунова. Селеніе сначала было расположено вблизи Донца. Донецъ въ то время имѣлъ другое направление и былъ не широкою рѣкою, а когда сталъ увеличиваться и, измѣнивъ русло, заливать жилища, то жители перешли дальше отъ рѣки, къ востоку версты на двѣ, куда въ 1730 г. была перенесена и церковь. Это видно изъ лѣтописи, имѣющейся при Боровской Николаевской церкви. Одновременно съ переселеніемъ слободы образовались три хутора къ сѣверу: Вороновъ, Сиротинъ и Метелкинъ, которые получили названіе по фамиліи лицъ, поселившихся тамъ. Поселеніе находится отъ Старобѣльска въ 60 в., отъ Бахмута (Екатер. губ.) тоже въ 60 в.; сосѣднія слободы съ южной стороны: Муратова въ 18 в., съ западной селеніе Верхнее въ 5 в. (3-я рота за Донцомъ), съ сѣверной—хутора Вороновъ въ 3-хъ в., Сиротинъ—7 вер., Метелкинъ 9 в. и Боровенька въ 25 в., съ восточной стороны Смолянинова въ 18 в.

Жители имѣютъ продолговатое лице и рыжеватый цвѣтъ волосъ, говорятъ русскимъ языкомъ съ примѣсью казацкаго и малороссійскаго, численностью ихъ 4,469 д. об. п. (2,297 м. и 2,172 ж.). Жилища ихъ состоятъ изъ деревянныхъ хатъ, крытыхъ соломою, обь одной и двухъ комнатахъ,—смотря по семействамъ и зажиточности. Надворныя постройки состоятъ изъ сараевъ какъ для мастерства, такъ и для скота и амбара, послѣдній имѣется у людей болѣе зажиточныхъ.

Пища ихъ состоитъ въ будничныи день лѣтомъ изъ борща съ саломъ и рыбою (женщины ежедневно ходятъ на озеро съ бреднями и ловятъ рыбу и раки) и каши съ молокомъ или коровьимъ масломъ, а въ постный день съ постнымъ масломъ; если же такового нѣтъ, то съ борщемъ, а когда поспѣютъ арбузы, то или добавляются арбузы или просто борщъ да „арбузъ“; въ праздники пекутъ пироги съ картофелемъ, горохомъ, чечевицею, мясомъ, сыромъ капустою, смотря, въ какое время года и въ постный или скромный день,—послѣ пировъ борщъ, мясо изъ борща, которое иногда прижаривается и составляетъ какъ бы отдѣльное блюдо, лапша молочная или

съ масломъ; взваръ, который готовится осенью и въ постные дни. Зимой готовятъ студень или холодецъ, куда наливаютъ квасу и тертаго хрѣну, борщъ, мясо, по большей части свинину, картофель жареный, лапшу и взваръ; въ постъ—борщъ съ сѣченою капустою, кашу и взваръ.

Одежда мужчинъ лѣтомъ состоитъ изъ полотняной рубахи, доходящей почти до колѣнъ и подпоясанной поясомъ, штановъ изъ такой же матеріи, сапогъ и картуза, а въ праздничныи день сверхъ бѣлья надѣваются бѣдняками зипуны, шитые изъ сѣраго сукна, и подпоясываются зелеными поясами; кто побогаче, надѣваютъ чинарку чернаго или синяго сукна, или скюртку, жилетъ и подъ жилетомъ ситцевую или кумачевую рубаху на выпускъ. Зимой бѣдняки надѣваютъ или зипуны или овчинные полубубки, а побогаче чинарки на ватѣ или полубубки, крытые сукномъ. Женщины въ будень, поверхъ рубахи, надѣваютъ сарафаны, голову обматываютъ платкомъ, на подобіе круглаго калача, и лѣтомъ не носятъ обуви; въ праздники та же одежда, но только поновѣе и поизящнѣе; такъ, рубахи сдѣланы въ верхней части стана ситцевыя или кумачевыя, а остальное изъ простого холста, сарафаны обшиты, какъ на груди, такъ и крутомъ, мишурною тесьмою, смотря по богатству,—лучшаго или худшаго достоинства, на головѣ повязаны платки, на ноги надѣваютъ суконные чулки и полуоткрытые башмаки; дѣвушки носятъ платки, которые завязываются также, но середина головы не закрывается, такъ что волосы видны. Волосы заплетаютъ въ видѣ сѣти, къ концу косы привязываютъ бисерный „махорчикъ“, сдѣланный на подобіе сердечка, и въ него вдѣваютъ ленты разныхъ цвѣтовъ, широкія и аршина въ два длины. Зимой надѣваютъ—кто побѣднѣе, зипуны, не подпоясанные поясомъ, а побогаче—шубы, крытыя сукномъ, или нагольные или же такъ называемые халаты, длинные изъ чернаго или синяго сукна.

Болезни. Такъ какъ Боровское расположено на низменности и со всѣхъ сторонъ окружено лѣсами, то и болѣзни бываютъ—лихорадка, горячка, корь, оспа, дифтеритъ и др. Лѣчатся по большей части у фельдшера; если же бываетъ врачъ, то обращаются и къ врачу; что касается знахарей, то эти послѣдніе стали имѣть мало значенія въ глазахъ народа, что

объясняется городскимъ вліяніемъ, такъ какъ они, по своимъ лѣснымъ дѣламъ, бываютъ въ разныхъ городахъ и станицахъ казачьихъ.

Главныя занятія жителей—земледѣліе и лѣсопромышленность. Земледѣліемъ они занимаются по большей части за Донцомъ, арендуютъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, платя за десятину по 6—7 и 8 р.; на своемъ-же полѣ сѣютъ жито, но очень мало, такъ какъ земли удобной очень немного, по $\frac{3}{4}$ десятины на душу. Лѣсопромышленность состоитъ въ приготовленіи колесъ, дрогъ, выпалкѣ угля и т. п. Весною, во время разлитія Дона, дѣлаютъ большія лодки, которыя нагружаютъ колесами, спицами, оглоблями, подушками для дрогъ, ободьями, колодками для колесъ, углемъ и друг. матеріалами и отправляютъ внизъ по теченію рѣки на Донъ. Лѣтомъ готовятъ колеса, дроги и уголь и отправляютъ на фурахъ на югъ Россіи. Зимой же заготавливаютъ и матеріалъ для упомянутыхъ подблѣковъ.

Школа началась съ декабря 1881 г. на средства, пожертвованныя церковнымъ старостою, а затѣмъ, когда средства эти истощились, то школа считалась только на бумагѣ до 1888 г.; въ 1888 году открыта школа земствомъ въ отдѣльномъ прекрасномъ домѣ, построенномъ обществомъ. До этого школа была въ церковной караулкѣ, а въ 1889 г. открыта вновь церковно-приходская школа, на средства церкви и причта, и приглашена учительница, окончившая курсъ въ епархіальномъ училищѣ. Дѣтей своихъ крестьяне посылаютъ въ школу весьма охотно. Въ церковной оградѣ крестьяне построили для церковно-приходской школы прекрасный каменный домъ.

На женщину крестьяне смотрятъ дома, какъ на младшаго члена и какъ на рабу, а въ обществѣ оба пола почти равноправны.

Пьянство здѣсь слишкомъ развито, что объясняется занятіемъ населенія. Продавая на ярмаркѣ или на дому колеса или дроги, они выговариваютъ мотгорычъ; пріѣхавши съ ярмарки, пріятель сходятся къ винной лавкѣ, и начинается попойка. Въ годъ выпиваютъ до 1,500 ведеръ, на сумму 9,000 р. Недоимки въ податяхъ, однако нѣтъ, имѣется въ кассѣ общества запасной капиталъ, образующійся отъ арендныхъ денегъ за озера, которыхъ въ Боровскомъ очень много, а также и отъ общественныхъ заработковъ.

Свадьба крестьянину обходится весьма дорого, такъ какъ нужно много подарковъ для родственниковъ и другихъ приглашенныхъ лицъ; какъ тѣхъ, такъ и другихъ, бываетъ весьма много, и на долю каждого приходится подарка по три. Подарки состоятъ изъ платковъ различной стоимости, отъ 15 к. до 3 руб.; кромѣ этого, покупаютъ ведеръ до 5 водки, стоящей 25 р.; такъ что свадьба обходится среднему крестьянину до 50 р., не считая съѣстныхъ припасовъ. Свадьба раздѣляется на три части: сватанье, сговоры и самая свадьба. Каждый изъ этихъ отдѣловъ ничего не имѣетъ особаго, а заключается въ пляскахъ, пѣніи пѣсенъ и угощеніи. Сватанье отправляется сей-часъ, какъ только родители дали свое обоюдное согласіе на вступленіе ихъ дѣтей въ бракъ; сговоръ—есть вечеръ, устраиваемый для молодыхъ людей подъ день свадьбы, и устраивается онъ преимущественно въ домѣ невесты. Молодые люди занимаются плясками и пѣніемъ, а родители, родственники и знакомые—угощеніемъ; причемъ угощеніе происходитъ въ домѣ невесты; при этомъ, приглашенные со стороны невесты сидятъ, а со стороны жениха стоятъ, угощеніе же, т. е. водка, вино и закуска, приносится родными жениха. Въ концѣ вечера родные невесты раздаютъ подарки всѣмъ безъ исключенія и за это получаютъ обратно деньгами по желанію каждого. Въ день свадьбы молодыхъ одѣваютъ подруги и товарищи въ одежду, предназначенную раньше, которую окропляютъ святою водою, затѣмъ они ведутъ ихъ къ вѣнцу и при этомъ поютъ пѣсни, послѣ же вѣнца молодыхъ отводятъ въ дома родителей. Молодал, по приходѣ домой, угощаетъ своихъ подругъ, а сама между тѣмъ ничего не ѣстъ. Угощеніе продолжается до прихода молодого, а когда онъ пріѣдетъ, то становится у порога и дожидается, пока дружка откупить ему мѣсто у подругъ невесты, и затѣмъ уже садится возлѣ молодой. Послѣ этого молодой расплетаютъ косу на двое, надѣваютъ на голову кокошникъ и сверху закрываютъ ее кисеею, такъ что и все лицо закрывается. Женщины въ это время поютъ пѣсни всѣмъ боярамъ, каждому отдѣльно, а также дружку, свату и свахѣ, это называется „обыгрываньемъ“ (слово пѣть они замѣняютъ словомъ играть). Затѣмъ молодыхъ выводятъ изъ—за стола и даютъ ему въ руки хлѣбъ, а ей икону,

благословляют и отправляют ихъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ у фортки двора. У фортки или у воротъ настигается солома, которую зажигаютъ и черезъ огонь проводятъ молодыхъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы очистить отъ заговоровъ недобрыхъ людей, которые могли бы принести вредъ новобрачнымъ. У порога молодыхъ встрѣчаютъ родители съ иконами и, благословивши, сажаютъ ихъ за столъ, даютъ имъ обѣдать, а затѣмъ, отправляютъ ихъ на покой; приглашенные же продолжаютъ веселиться.

Свадебныя пѣсни. На сватаньи поютъ („играютъ“) слѣдующія пѣсни:

1.

„Чей это конь пробѣжалъ?
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
То Павловъ конь по улицѣ про-
бѣжалъ,
Лѣли-лешеньки, пробѣжалъ!
Онъ вырвался къ Аннушкѣ въ
огородъ.
(Припѣвъ послѣ каждого стиха).
Онъ вытопталъ руту-мяту, ва-
сильки.
То ему Аннушка смолчала,
Не смолчала Аннина матушка.
Она выломила ракивовую вѣ-
точку,
Постебала ворона коня по бедру,
Захватила Павлушу по лицу.
Приѣзжаетъ Павлуша ко двору,
Сострѣваетъ Павлушу матушка:
„Чего ты, мое дитятко, бѣлъ-
румянъ,
Чего въ тебѣ черныя брови ко-
лесомъ“?
— Охъ, былъ я, моя матушка,
у тестя,
Охъ, пилъ я, моя родная, медъ
давно,—
Стало мое лицо румяно,
Съ того мои брови колесомъ“.

2.

„Ой, колесо, колесо покатилося,
Ой, лѣли-лешеньки покатилося!
По дорожкѣ далеко,
Покатилося далеко;
Прикатилося къ огороду.
А въ огородѣ столъ стоитъ,
А за столомъ бояре,
Промежъ бояръ
Младъ дружокъ
Водить коня въ рукахъ,
Гладить коня по бедру:
— Ой, коне, коне мой вороной,
Товарищъ мой милой!
Послужишь, послужишь
Мнѣ ты вѣрно,
Поѣдешь, поѣдешь ты со мною
Въ славную Боровскую слободу
Съ дѣвками и бабами судъ
судить“.
Онъ высудилъ дѣвушку,
Онъ красную похвальную Ан-
нушку“.

3.

„Золотая метелочка, позолочена
ручка,
Лѣли-лешеньки, позолоченая
ручка!“

Чистый теремъ выметала
Изъ кута до порога.
На крылечко выходила,
Подумала, погадала,
Три словечка сказала:
— Государь ты мой, батюшка,
Государь ты мой, родимый,
Ты на что дрова рубишь,
Ты вырубливаешь?
Государыня, матушка,
На что дрова носишь,
Ты вознашиваешь?
На что хату топишь,
Ты востапливаешь?
На что обѣдъ варишь,
Ты возвариваешь?
— Ты, дитя мое, дитя милое!
Къ намъ нынче дорогой гос-
тинька буде,
Что милый то Павлуша, моло-
дой Ивановичъ,
Со князьями, со боярами,
Со молодыми поѣзжанамъ“.

4.

„Пьяница да пропойница
Аннинъ батюшка,
Пропилъ Аннушку
На меду да на патоцкѣ,
На винной чарочкѣ“.

На сговорахъ поютъ:

5.

„Ой, горы, горы крутыя,
Ой, рано-рано, крутыя!
А дороженька торная,
Ой, рано-рано, торная!
Кто тья дороженьку протопталъ,
Ой, рано-рано, протопталъ!
Протопталъ дороженьку младъ
Павло,
Ой, рано-рано, младъ Павло!
Къ тестю въ гости ѣзючи,
Дорогія подарки возючи.“

Первый подарокъ изюмецъ,
Второй подарокъ сахарецъ,
Третій подарокъ—самъ на дворъ
Къ Сергѣевнѣ въ высокъ теремъ“.

6.

„Объ мартѣ мѣсяцѣ выпадала
пороша,
Не малая, не великая,—
Коню по череву, воробью по
колѣно.
То Павловы братцы охотники
были,
Куницъ да лисицъ били:
То Аннѣ на шубу
Съ долгими полами,
Съ широкими рукавами.
Аннины братцы
Ни умны, ни разумны,—
Не вздумали пригадать,
Какъ шубушку сшить
Съ долгими полами,
Съ широкими рукавами“.

7.

„Ой, на Донку, на крутомъ бе-
режку,
Лежала тонка-гибка досточка,
На досточкѣ тонки-бѣлы руба-
шечки
Обмывала Марьюшка.
По бережку ходилъ Гордѣюшка,
Винтовочки справлялъ,
Хоче стрѣлять на бѣлаго лебедя.
Лебедь-лебядушка подъ крыль-
цомъ,
У Гордѣюшки Марьюшка подъ
бочкомъ,
Гордѣюшка до Марьюшки зѣрая:
— Въ кого жъ ты, Марьюшка,
удалася хороша?
— Я удалася въ роднаго ба-
тюшку,
А пригожа въ родимую матушку“.

А по поясу золотомъ вилась,
А по плечу въ чистый серебъ“.

8.

„Чистымъ полемъ при дорогѣ
Ячмень уродился,—
Онъ жать пригодился.
Марьюшка ячмень жала
По одномъ колоску
Золотымъ серпчкомъ.
Мимо ѣде Гордѣюшка:
—Богъ помочь, Марьюшка!
У ту пору Марьюшка
Кушать захотѣла:
—Чи мочешъ, Гордѣюшка,
Ко торгу поѣхать,
Да изюму купить,
Меня накормить?
—Могу, Марьюшка,
Ко торгу поѣхать,
Тебѣ изюму купить,
Тебя накормить!“

9.

„Марьюшка по водицу шла,
Коромыслице гнется,
Гордѣюшко въ окно глядитъ,
Самъ слезою льется.
А што жъ ты, коромыслице,
Давно не обломилось?
Что жъ ты, Гордѣюшка,
Давно не женился?
—Радъ бы жениться,
Да не кого брати,
Марьюшка подросла,
А я подждалъ!“

10.

„Обливалася шелкова трава
росою,
Да хвалилася Марьюшка
косою,
А у меня коса до шелкова
пояса,

Ай у косушки серебряный
косничекъ.

А я выплету изъ косушки
косничекъ,
Да сдѣлаю плетничекъ,
Чтобъ ворона коня чѣмъ по-
гонять,
Чтобъ Марьюшку было чѣмъ
пробуждать.

Ай у Марьюшки дѣла много:
Дары шить, чтобы было чѣмъ
Лютого свекра дарить
И лихую свекровью“.

11.

„Я на улицу спѣшу,
Я ни играть, ни плясать—
Жениха выбирать:
Со права со крыльца
Гордѣюшку молодца.
Гордѣюшка молодецъ:
Онъ и бѣлъ, и румянъ,
Чернобровъ и черноглазъ,
Говорить со мной гораздъ“.

12.

„Мимо терема высокаго
Ясенъ соколъ пролетаетъ
У галушекъ спрашиваетъ:
—Вы, галушки черныя,
Нѣтъ ли моей соколушки?
Ему галушки отказали:
—Нѣтъ твоей соколушки.
А соколушка озвѣлася:
—Соколикъ мой, я тутъ же-жъ,
Въ темномъ лѣсѣ
Гнѣздышко вью
Съ разныхъ перьевъ;
Ко мнѣ галушки слетались
По перушку сносились“.

13.

„Около колодочки—опеночки,
Только нѣту бѣлаго грузочка;

Со дождику противъ солнышка
Груздокъ вырастаетъ.
Около Марьюшки
Всѣ дѣвушки молодушки,
Только нѣтути
Молодаго Гордѣюшки.
Со вечера, со полуночи
Гордѣюшка къ намъ буде
Со князьями, со боярами,
Съ молодыми поѣзжанами“.

14.

„Ольха, ты, ольха зеленая,
Шкура золотая!
По той по ольхѣ
Марья ходила,
Шкуру колупала,
На чары ковала,
Медомъ накладала,
Бояръ частовала:
—Вы пейте, бояре,
Вы кушайте, молодые,
Вы медъ, вино пейте,
Да мене не берите,
Не берите красную Марьюшку“.

15.

„Черезъ нашъ высокъ теремъ
Пролеталъ ясенъ соколъ.
Уронился за перо,
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
Марына матушка
Въ окошко глядитъ,
Марьюшкѣ говорить:
—Марьюшка, дитятко,
Николаевна, милая,
Подымыся за крыло
Сизокрылое свое, сизокосенькое.
—Охъ, матушка, не могу,—
По новымъ сѣнямъ хожу,
Дробный жемчугъ беру,
На низочку нижу,
На шелку кладу,
Въ зеркальце гляжу—

Чи хорошо подѣ лицо,
Чи хорошо подѣ бѣлое“!
Въ день свадьбы молодымъ къ
вѣнцу поютъ:

16.

„Да не пчелушки гудутъ
Къ зеленому лугу,
А невѣста идетъ
Къ Божьему суду,
Христовому престолу.
А у насъ нынче рано
Сине море грае,
Посередѣ синяго моря
Волною сбиваетъ,—
Дѣвка потопаетъ:
„А, кто меня вые,
За того замужъ пойду“?
Да кидался—бросался
Старый бородастый,
Сроду не женатый,
Ой, я тебя выну“.

Жениху поютъ:

17.

„Горошекъ ты мой,
Хорошо тебя сѣять
При пути, при дорогѣ,
При доброй годинѣ!
Ой! младенькій Иванъ,
Хорошо тебя женить
При роду, при племени.
Чьи то кони на Дунай,
На Дунай рѣку пить пошли.
Пьютъ не пьютъ,
Копытами быють,
Стремена рвутъ,
Дороженьку чуютъ“.

Пѣсня молодой, когда ее ведутъ
къ свекру:

18.

„Съ дубравы зеленой [дыхъ,
Выѣзжали 700 бояръ и 4 моло-

Они рано выѣзжали,
Вывозили молодую.
Молодая слезно плаче, взрыдае:
„Не плачь, не плачь,
Мы тебя возедемъ,
Съ неволюшки да въ волюшку“.

19.

„По горенкѣ голубокъ ходя,
По терему голосокъ вода,
Иванъ тестю говоря:
А тестюшка, мой батюшка,
А ты меня не задерживай,
Да дороженька моя дальняя,
Кони мои притомились.
А бояре мои пьяные, похмѣль-
ные“.

Къ вѣнцу молодой сиротѣ поютъ:

20.

„Зеленая дубрава,
Зеленая да негодная,
Да и одинъ дубъ зеленый
Да и той безъ верхушки,
И того буря сломила
Съ корня до верхушки.
Одна была матушка,
Да и та на томъ свѣтѣ.
Навкрестъ ручки держе,
Анна въ рукахъ держе шири-
ночку,
На лицѣ слезиночку,
Слезой умывается,
Шириночкой утирается“.

Когда молодой идетъ съ моло-
дою домой, имъ поютъ:

21.

„Сострѣнь, сострѣнь, матушка,
Вотъ самъ соколъ ѣдетъ,
Соколушку возесть,
Перемѣну себѣ:
Въ полѣ работницу,
Въ домѣ куховницу“.

Гостямъ привѣтницу,
Молодому совѣтницу“.

Когда привозятъ имущество мо-
лодой въ домъ жениха, то поютъ:

22.

„Выйди, матушка, погляди,
Что тебе бояре привезли:
Скрыни (сундуки), перины
И молодую княгиню“.

23.

„Рай, рай раздѣлае,
Красно—мурово,
Зелено—лазорево
Что красно—Гордѣюшка,
Что зелено—Марьюшка“.

Весеннія пѣсни.

„Ой, на полѣ, на полянѣ,
На высокому курганѣ,
Посѣялъ мужикъ проса много.
Некому просо ижать,
И полоть, и толочь, и молоть!
Поѣхалъ мужикъ у Бѣль-городъ
Рыбы купить
И работницу-куховницу нанять.
Я день ждала,
Другой ждала,
На третій день
Мой мужъ ѣде,
Рыбу везе
И работницу куховницу.
Куховница уся въ золотѣ-сереб-
на ней рубашка,— [рѣ,
Что кленовъ листь,
Покромочка чирчатая,
Намиста бѣзовья,
На ней вѣвчикъ, что лугъ сѣя
(сіяетъ).“

Пошлю рабу туды-сюды,—
И жать, и полоть,
И толочь, и молоть

„Сама не панья,
Пойди туды-сюды
И жни, и поли!“
Я жъ думала;—работница,
А жъ ну наша разлучница,
Разлучила съ милымъ другомъ,
Съ надеждою великою“.

25.

„Пошли дѣвки по чеснокъ,
За нами ребята,
Боровскіе ребята,
Краснянскіе мужики.
Поихали на луга,
Раскинули тенета,
Поймали комаря.
Посѣжались судьи,
Стали судить:
Какъ комаря дѣлить?
Кому потрушокъ?
Ивану потрушокъ,—
Онъ хорошій женишокъ?
Кому голову?
Павлу голову,—
Онъ великъ безъ ума!
Кому печенки?
Петру печенки,—
Чтобы любили его дѣвченки“.

26.

„А въ городѣ диво:
Наварилъ чернецъ пива.
Чернецкое пиво
Разумчиво было,
Въ голову ступило.
Пришли молоду звати,
У пиръ пировати.
А вотъ я трухнуса,
А вотъ я ворохнуса.
Сиди ты, мужъ, дома,
Стели, мужъ, постелю,
Стели пуховую.
Пришла со галюшекъ,
Постеля послата,

Въ изголовье наклато.
Вдарила мужа въ щеку,
Ударила въ другую.
Всѣмъ стало диво.
Что жена мужа била,—
На худа не вчила:
Не красть она его посылала,
Работать заставляла—
Постелюшку слать“.

27.

„Какъ бы былъ я голубецъ,
Я бъ узвился высоко,
Полетѣлъ бы далеко,
Полетѣлъ бы у торжокъ.
Что у торжку дешево?
Дешевы молодцы.
Что у торгу дорого?
Дорога у торгу дѣвушка.
Что за дѣвушку сто рублей,
А за красную тысячу,
А за удалого,
Смѣты нѣтъ“.

28.

„Я тишкомъ лужкомъ
Съ милымъ дружкомъ,
Вечеринкой, со лучинкой
Я пришла ко двору,—
Бѣло разсвѣло,
Изба топится,
Обѣдъ варится.
Свекоръ-батюшка
На полу лежитъ,
Свекровья на приступицѣ,
Постылъ мужъ
За столомъ сидитъ,
Шелковая плетъ
На столѣ лежитъ.
И какъ сталъ меня
Младу бить:
Шкуру до пятокъ спустилъ.
Хоть двѣ спусти,
Да гратъ пусти!“

И подь себя постели,
Да грать пусти!
И шкура волочится,
Да грать хочется!
Слезы катятся,—
Плясать хочется!“

29.

„Охъ, Таня, Танюшка,
Подружка моя!
Скажи, Таня, Татьянушка,
Кто ленту тебѣ купилъ?
Алую повитую
Батюшка купилъ,
А другую голубую
Милый подарилъ!
А третью-разнотретью
Сама отъ себѣ.“

30.

„Ведутъ красную дѣвушку
Съ крыльца до вѣнца:
Одинъ ведетъ за рученьку,
Другой за рукавъ,
А третій стоитъ,—
Животъ болитъ:
Любилъ да не взялъ,
Досталась красная дѣвка
Иному—не мнѣ,
Иному, не чужому,
Брату моему.“

31.

„По стежкѣ, по дорожкѣ
Козаченокъ малекъ идетъ,
На козаченкѣ рубашечка тонка,
Тонка—тонка льняная,
Что кленовъ листокъ.
Да не матушка ему шила,
Не сестра дарила,
Ему шила—вышивала
Купеческая дочка.
А мать сыну говорила,
Углаза бранила:

—„Полно-полно, сынъ, гулять,
Полно,—увоймися,
Съ дѣвками не водися.
Велю, велю, сынъ, поймати,
Велю приковати“.
—„Не куй, не куй меня, мати,
Къ каменной кровати
А прикуй меня, мати,
Къ дѣвичей кровати.
Дѣвки граютъ, дѣвки пляшутъ,
Молодца забавляютъ.
Я со горя, со кручины
Пойду потанцую,
Со великой печали
Дѣвку поцалую!“

32.

„Вы, комарики, комарики мои,
Вы, комарики, безсовѣстные,
Завелись во зеленомъ саду,
Что не дали красной дѣвкѣ
спать,
А у дѣвушки головушка болитъ,
А отъ головушки бѣло лицо
А отъ бѣла лица горитъ,
И совсѣмъ дѣвка больна.
Пойду въ садъ разгуляюсь,
Съ донскимъ-морскимъ пови-
даюсь;
Донской-морской, то Григорь-
юшка дружокъ,
За собой ведетъ дѣвокъ ко-
рогодъ,
Всѣ дѣвки хороши, пригожи,—
Моя Мотрюшка лучше всѣхъ,
Что получше всѣхъ, повѣж-
ливѣй.
Какъ взялъ Мотрю за правую
руку,
За кисейную рубашеночку,
Какъ повелъ Мотрю въ новый
кабакъ,
Напоилъ Мотрю пьяною,

Положилъ Мотрю за бочку
спать;
Что за бочку, за сѣточку,
За желѣзную рѣшеточку.
Самъ по сѣничкамъ похаживая,
Мальчикамъ приказывая:
Вы, чумачики мои, донскіе
козаки,
Не будите мою Мотрюшку,
Коли встане, похмѣлите ее,
Похмѣливше, проводите,
Да не смѣйтеся съ нея“.

Лѣтнія и осеннія пѣсни.

33.

„Ой, садъ мой, виноградъ,
Ой, что жъ ты, мой садикъ,
Да не бѣло цвѣтешъ?
На мнѣ, на садику,
Морозъ побывалъ,
Морозъ побывалъ,
Листья обдувалъ.
Молодчикъ молоденькій,
Чтожъ ты, молодчикъ,
Да не весель стоишь?
Ой, какъ мнѣ, молодцу,
Веселому быть,
А вечеръ я—молодецъ
Съ дѣвицею стоялъ,
Съ дѣвицею стоялъ,
Я рѣчь говорилъ!
Сулилась дѣвица:
Люблю я тебя,
Пойду замужъ за тебя.
Поутру дѣвица просватана,
Сговорена замужъ далеко,
Кабы далеко, животь не болѣлъ,
Сердце не шумѣло,
А то красна дѣвка живетъ
Дворъ со дворомъ,
И теремъ съ теремомъ,
Окошко съ окномъ.
Она по двору идетъ,
Чо пава плыветъ,
А меня, доброго молодца,

Кручина беретъ,
Великая печаль,
Что любилъ, да не взять“.

34.

„Охъ, вы дѣвки—молодки,
Сходите съ терема
Вы любите молодца,—
Одинъ сынъ у отца!
Одинъ сынъ у отца, да у ма-
тери,

Добрый молодецъ
Повадился на охотушку,
Онъ на охотушку ходить,
Бѣлыхъ зайшекъ ловить,
Лисью шубушку шить.
Красна дѣвица душа
Уродилась хороша,
Много счастлива, талантлива,
И лицомъ бѣла,
И бровями черна,
Рѣчью вѣжлива“.

35.

„Ай, у матери да три дочери.
Они просятся на Дунай гулять,
Селезневъ смотрѣть.
„Суки, дочери, то не селезни,
не косатые,
Да три молодца не женатые.
Первый молодецъ да Степа-
нушка,
Другой молодецъ—Никитушка,
Третій молодецъ—Андріанушка,
А Стефанушка косить гораздъ,
А Никитушка читать гораздъ,
А Андріанушка стрѣлять го-
раздъ
За кунницами, за лисицами,
За красными, за дѣвицами“.

36.

„Звонкое дерево у раю постав-
лено,
Не сильно—добре цвѣло,
Немножко вродило:

37.

38.

39.

Неженатый—холостой.
А я молода съ нимъ стояла,
Стояла, говорила.
Поколь Донъ стоялъ,
Желтый песокъ ожидалъ.
Увидалъ батюшка
Съ высокаго терема:
А чего жъ ты, дитятко,
Мѣшкало долго?“
На праздникахъ Рожествен-
скихъ поють:

40.

Батюшка ѣдя,
Всѣхъ васъ придаре и пожалуе
Вороними конями
Невталеными подкалеными;
Мнѣ подаре колю шубу собо-
леву^а

41.

„У воротъ виноградъ,
У воротъ зеленый!
По томъ виноградъ,
Удалый молодецъ ходя;
Онъ ходя, гуляе,
Ускрипку грае,
Короля забавляе,
Короля молодого,
Молодца удалого.
Вы, дѣвки, молодки,
Сходите съ терема“!

В. Лютовъ.

Поселеніе.—Жители и языкъ.—Жилище, одежда и пища.—Болезни. Занятія и нравственное состояніе.—Свадьба и пѣсни.—Похороны.—Праздничные и др. обряды.—Игры.—Народная демонологія.—Сказка.

Жителей въ сл. Бахмутовѣ насчитываютъ 2,037 д., въ т. ч. 1,030 м. и 1,007 ж. п. Въ общемъ всѣ они худошавы, средняго роста, привлекательны, а между женщинами встрѣчаются нерѣдко и довольно красивыя. Мужчины всѣ непременно носятъ бороду, такъ какъ брить ее считается большимъ грѣхомъ, на томъ

основаніи, что Иисусъ Христосъ былъ съ бородою. Въ наружности жителей вліяніе инородческихъ примѣсей не замѣчается.

Жители великороссы; говорятъ московскимъ нарѣчіемъ; звуки *о* и *е* въ словахъ выговариваютъ за *а*, такъ, напримѣръ: вада, агурецъ, авѣсъ, галова, сабѣ, табѣ; *е* и *н* неударяемые они выговариваютъ за *я*, такъ въ словахъ: тѣвѣты (цвѣты), земля, мядовый, жана, пшаница; въ окончаніяхъ второго лица единственнаго числа и 3-го лица *ѣ* произносятся за *е*, напр.: нясешъ, пачешъ, нясетъ, вядетъ и т. д. У жителей Бахмутовки употребляется странное выраженіе привѣтствія; такъ, приходя къ кому нибудь въ хату, или-же встрѣтятся на улицѣ, они говорятъ: „здорово, днявали“,—„работали“,—„Боже, памажи“. Старовѣровъ они называютъ—„первертнѣ“, малоросовъ—„хохлунди“. Сосѣди называютъ жителей этой слободы москалями, а ихъ женщинъ московками.

Грамотность въ слободѣ очень мало распространена; только немногіе изъ крестьянъ умѣютъ читать и писать. Наиболѣе распространенными книгами въ народѣ являются: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ, житія Святыхъ и такія, какъ крещеніе Руси, о нашествіи французовъ, о подвигѣ Ивана Сусанина, объ Ильѣ Муромцѣ, о Робинзонѣ Крузе и нѣкоторыя другія. Эти книги они достаютъ частью въ церкви, или-же въ школѣ, а нѣкоторыя покупаются ими на ярмаркахъ въ городѣ.

Жилища крестьянъ составляютъ хаты. Сначала идутъ сѣнцы, за ними такъ называемая большая хата, а у болѣе зажиточныхъ крестьянъ за большую хатою устраивается еще „хатенка“, такъ называется небольшая комнатка, въ которой находится русская печь для приготовленія обѣда. При сѣнцахъ находится чуланъ, гдѣ хранятся сундуки. Убранство хатъ составляютъ—столъ, лавки и полъ, сдѣланный изъ досокъ,—гдѣ спятъ крестьяне; главнымъ-же убранствомъ хатъ служатъ иконы, и въ какой хатѣ ихъ больше, та и признается за лучшую. Иконы помѣщаются всегда въ переднемъ углу, который почитается самымъ главнымъ въ хатѣ и называется у нихъ „святнымъ“. Для украшенія на стѣнѣ вѣшаютъ еще шкафъ, который у нихъ называется „мисникомъ“, а полки въ немъ „паліцею“. Входя въ хату, они останавливаются на порогѣ и начинаютъ креститься, вѣря, что ихъ на порогѣ встрѣчаетъ ангелъ, а потомъ

уже переходятъ порогъ и здороваются съ хозяиномъ. Существуетъ повѣрье, будто-бы душа ребенка, родившагося неживымъ, остается на порогѣ хаты, или-же въ трубѣ; поэтому, крестясь на порогѣ, или-же при открываніи и закрытіи трубы, они какъ-бы крестятъ некрещеннаго младенца. Дворъ при хатахъ большой, огораживается обыкновенно плетнемъ изъ хвороста, „шали“ и раздѣляется на двѣ части: на собственно дворъ и огородъ. Дворъ застроенъ слѣдующими постройками: амбаромъ для ссыпки хлѣба, около него сараемъ, гдѣ складываютъ топливо, въ сторонѣ устраивается „закута“ для свиней и помѣщеніе для овецъ, которое у нихъ извѣстно подъ именемъ „кашары“. На огородѣ помѣщается „половень“, гдѣ складываютъ кормъ для скота, и токъ. У бѣдныхъ только сарай и помѣщеніе для скота. Хаты здѣсь не раскрашиваются, рѣзбы также не имѣютъ, и только ставни во всѣхъ хатахъ окрашиваются красною глиною.

Одежда мужчинъ лѣтомъ—„зипунъ“, чумарка, рубахи бѣлая и красная заграничная, а на зиму—еще присоединяется полушубокъ. Въ будни носятъ бѣлую рубаху и бѣлые „портки“, выходя изъ дому, надѣваютъ сверху „зипунъ“; въ праздникъ же надѣваютъ красную рубаху, покупные штаны, сверху чумарку изъ сукна и разноцвѣтный поясъ. Лѣтнюю и зимнюю одежду женщинъ составляютъ „сарафаны“, гарусные и шелковые платки, „салопы“, выдѣланные изъ овечьей шерсти и синенные, или же изъ синяго сукна, шуба изъ овчинъ, обшитая гарусомъ. Будничная одежда женщинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи, вышитой на плечахъ, изъ синеннаго сарафана, сотканнаго изъ овечьей шерсти, и изъ ситцеваго или же изъ стараго гаруснаго платка. Въ праздникъ онѣ надѣваютъ новый синенный сарафанъ, внизу кругомъ обшитый полосой краснаго ситца; спереди, начиная сверху, идутъ два ряда парчи, называемые „плѣтёнкой“; между полосами парчи нашиты пучки изъ синихъ и красныхъ лентъ, красную заграничную рубаху, къ рукавамъ которой пришиваются оборочки изъ синяго шелка,—у бѣдныхъ изъ ситца,—которыя носятъ названіе „манжетъ“; кругомъ талии обвязываютъ разноцвѣтный суконный поясъ, такъ что концы висятъ на боку. Поверхъ этого нѣкоторыя надѣваютъ еще кофты, обложенныя гарусомъ. Самымъ сложнымъ уборомъ молодыхъ

женщинъ является головной, а именно: сначала онѣ надѣваютъ „подзатылень“, сдѣланный изъ бархата или же просто изъ полотна, весь зашитый золотомъ и убранный бисеромъ, далѣе— „кичку“ изъ холстины, въ родѣ невысокаго кокошника, потомъ „бархатникъ“ изъ краснаго бархата, убранный полосками парчи и имѣющій видъ шапочки, наконецъ повязываютъ шелковый платокъ, такъ что „подзатылень“ и передъ бархатника остаются открытыми. Дѣвушки заплетаютъ косу „въ расплетъ“, вплетаютъ разнаго цвѣта ленты и потомъ вокругъ головы дѣлаютъ перевязку изъ широкой ленты, или сложеннаго небольшого платка, называемаго „подшальникомъ“; сбоку къ такой перевязкѣ прикалываютъ булавками бантики изъ красныхъ лентъ и называютъ ихъ „твѣтками“. Зимой убора не надѣваютъ, а прямо повязываются шерстянымъ или гаруснымъ платкомъ. Старинныхъ одеждъ здѣсь нѣтъ. Хорошіе сарафаны женщинъ обходятся въ 5—6 р., бархатникъ отъ 4 р. до 7 руб., „подзатылень“ въ 1 р., кичка стоитъ 15 к., „зипунъ“ 5 р. Сарафаны синеютъ особою синею краскою, которую называютъ „колья“.

Пища какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, одинакова. Въ скоромные дни почти у всѣхъ крестьянъ готовятъ очень часто мясо, что нибудь молочное, яйца, а въ постные дни обыкновенною пищею служатъ борщи и квасъ съ картофелемъ. Очень распространенная здѣсь пища—кисель изъ грушъ и терка, узваръ изъ вишенъ и солодуха съ пшеномъ. Въ послѣднее время пища стала ухудшаться по причинѣ неурожаевъ хлѣба; бывало, прежде и продадутъ хлѣбъ, и еще остается до новаго урожая, а теперь и хлѣба не достаетъ, и скотъ приходится продавать, такъ какъ нечѣмъ кормить его. Здѣшнія лавочки не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ сюда очень часто изъ другихъ селъ и даже изъ городовъ пріѣзжаютъ торгаша, у которыхъ жители забираютъ и покупаютъ все необходимое, да и лавочка здѣсь только одна. Освѣщаются керосиновыми лампами; керосинъ извѣстенъ подъ именемъ „газа“.

Болѣзни. Самыя распространенныя въ слободѣ болѣзни,—дифтеритъ, называемый „давушкой“, и оспа. Лѣкарствами по большей части служатъ настои изъ различныхъ травъ, которые собираются бабами—знахарками въ маѣ мѣсяцѣ. Если кто

нибудъ заболѣетъ, сейчасъ-же посылаютъ за знахаркою, которая приноситъ настой травы, наговариваетъ воду и даетъ ихъ пить больному; самымъ-же важнымъ средствомъ считается шептаніе надъ больнымъ. Заговариваютъ отъ колотья, отъ рожи или „бѣшихи“, отъ глазъ; заговариваютъ также кровь, отъ „криксовъ“ дѣтей и отъ всякой простуды. Чтобы заговорить воду, читаютъ три раза „Отче нашъ“, только безъ отдыха, и обмываютъ въ ней ложку, ножикъ или веретено. Чтобы вылѣчить ребенка отъ „криксовъ“, знахарка носитъ его подъ курей и шепчетъ: „качаты, пивны, возьмите криксы—плаксы отъ пораженной, отъ малитвенной и отъ хрищенной“. Отъ колотья знахарка беретъ чечку, непременно ту, которую найдетъ, а то иначе не поможетъ, или же ножъ, или пучочекъ палочекъ по девяти три раза, сначала бросаетъ ихъ назадъ, потомъ поднимаетъ и тогда уже накалываетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ болитъ. Крестьяне безусловно вѣрятъ силѣ такихъ заговоровъ и шептаній; къ врачамъ-же народъ относится недоувѣрчиво, даже враждебно, называя ихъ отравителями. При заболѣваніяхъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи врача, а, между тѣмъ, что бы ни случилось,—сейчасъ-же обращаются къ знахаркѣ. Больную скотину также лѣчатъ различными травами, дегтемъ съ солью, квасцами и шепчутъ надъ нею.

Траву „чистякъ“ варятъ и употребляютъ отъ сыпи и золотухи на тѣлѣ; существуетъ повѣрье, что больной, выкупанный въ кореньяхъ „чернобыльника“, на третій день непременно выздоровѣетъ; если же не поднимется черезъ три дня, то это значитъ,—умретъ непременно. Извѣстенъ здѣсь „подбѣлъ“ съ широкими бѣловатыми листьями, который употребляютъ отъ болѣзни головы; здѣсь особенно много по горамъ барбариса, который извѣстенъ подъ именемъ „кислицы“. Крестьяне употребляютъ довольно часто коренья „кислицы“ отъ судорогъ. Многія мѣстныя травы они ѣдятъ, какъ, напр.: козельцы, щавель кислый, коровки, купырья, окуга, пустосель и мн. др. Если хотятъ, чтобы травы помогали отъ болѣзней, то ихъ надо собирать непременно на Симона Зилота. Существуетъ повѣрье о папортникѣ, что, кто сорветъ его цвѣтокъ, который расцвѣтаетъ

только подъ Ивана-Купала въ полночь, тотъ будетъ знать, гдѣ зарыты клады, и понимать говоръ животныхъ и растений.

Существуетъ много заговоровъ, напр., отъ колотья: „не колитя, не болитя, со всѣхъ суставовъ выходить, со всѣхъ костей, со всѣхъ мошей; тутъ вамъ не жить, тутъ вамъ костей не ломить; идитя на буйные вятры, на быстрыя рѣки отъ черныхъ глазъ, отъ желтыхъ глазъ, отъ сѣрыхъ, ото всѣхъ ляхихъ людей, отъ пораженной, отъ молитвеной, отъ хрященой, отъ рабы Божіей и не разъ, и не два, и не три“, такъ до девяти. Этотъ заговоръ произносятъ три раза. Заговоръ крови: „ишли три брата по широкой вулицѣ, рожу ламали, рожу сажали; рожка не взшла, кровь съ пальца не пошла“. И еще такъ: „на Сіенской горѣ стоитъ столикъ, надъ столикомъ стульце, а въ стульцѣ сидитъ красная дьявица, сидитъ у палыцахъ вышивая краснымъ шолкомъ, а шелкъ паряруется, руда (кровь) увойнется“.

Занятіемъ жителей слободы служатъ преимущественно земледѣліе и садоводство; сѣютъ преимущественно пшеницу, рожь и ячмень; садовъ очень много, по большей части въ нихъ произрастаютъ вишни и черешни,—яблонь мало. На огородахъ сѣютъ арбузы, капусту, ленъ, дынь мало и очень много конопли. Изъ льна и конопли прядутъ нитки и ткутъ холстъ. Прежде здѣсь было очень распространено пчеловодство, но теперь никто не имѣетъ пчелъ. Въ послѣднее время, когда урожаи стали плохи и земледѣліе не можетъ обезпечить жителей, главнымъ занятіемъ явилось „паленье углей“, которые развозятся и сбываются въ сосѣднихъ городахъ; кромѣ этого, идутъ на заработки въ Ростовъ, въ Ново-Черкасскъ, поступаютъ въ шахты для добыванія каменнаго угля, затѣмъ покупаютъ тамъ уголь и продаютъ.

Крестьяне сл. Бахмутовки—народъ очень религіозный; даже въ самые небольшіе праздники стараются пойти въ церковь. Очень почитаютъ монастыри и, говоря: „надѣ потрудиться“, цѣлыми толпами идутъ на богомолье; много дѣлаютъ пожертвованій. Когда изъ монастыря приѣзжаютъ собирать пожертвованія, то они даютъ деньги, холстину, кто что имѣетъ, и никогда не отказываютъ. Богатые стараются по возможности помочь бѣднымъ,

Между крестьянами порядочно старовѣровъ, которые имѣютъ молебни въ ближайшей сл. Рай-городкѣ (въ 3 вер.) и своихъ поповъ.

Народъ здѣсь почти совсѣмъ неграмотенъ, но довольно понятливъ, смысленъ и неглупъ. Для образованія здѣсь открыта школа, куда многіе изъ крестьянъ посылаютъ своихъ дѣтей; когда-же школы здѣсь не было, то крестьяне посылали своихъ дѣтей учиться къ тѣмъ изъ нихъ, кто хотя немного умѣлъ читать. Къ школѣ и къ учителю почти всѣ относятся съ уваженіемъ, хотя есть и такіе, которые не хотятъ понять пользы ученія и относятся къ нему индифферентно.

Народъ очень добрый, миролюбивый и въ высшей степени суевѣрный. Женщины пользуются уваженіемъ, и семейная жизнь крестьянъ сравнительно очень спокойна. Родители съ дѣтьми обращаются кротко, и только въ очень немногихъ семьяхъ дѣти переносятъ побои и брань.

Хозяева съ наймитами обходятся очень хорошо, обуваютъ ихъ, одѣваютъ, кормятъ и вообще обращаются съ ними лучше даже, чѣмъ со своими. Кабаки есть; одинъ въ слободѣ, а другой на хуторѣ, и жители любятъ выпить; когда здѣсь не было открытаго кабака, то почти каждая изъ крестьянокъ старалась держать у себя водку и продавали на дому.

При рожденіи ребенка, ему сейчасъ-же даютъ имя и несутъ крестить; послѣ крещенія, кумъ и кума непременно должны прійти обѣдать къ тѣмъ, у кого крестятъ; пѣсенъ не соблюдается. Вечерницъ въ Бахмутовкѣ не бываетъ; изрѣдка зимою дѣвушки собираются вмѣстѣ прастъ.

Свадьба. Просватавъ дѣвушку, начинаютъ пить водку, или, какъ говорятъ, „пропиваютъ“ ее. На другой день послѣ этого въ домѣ невѣсты собираются три—четыре дѣвушки, которымъ невѣста раздаетъ шить ей „дары“. Если-же работы очень много, то эти дѣвушки разносятъ другимъ дѣвушкамъ, и на свадьбѣ могутъ-быть только тѣ, которыя принимаютъ участіе въ шитьѣ этого приданнаго. Здѣсь существуетъ обычай, по которому невѣста до свадьбы должна „голосить“ два раза въ день, утромъ на зарѣ и вечеромъ на зарѣ. Въ первые дни по просватаніи, невѣста голоситъ, говоря: „радименькая моя мамушка, заклю-

чили вы мою буйную галовушку, и запячалили мое рятивое сярдечушко, и уняли вы мою дѣвичью волюшку". И такъ еще: „милыя мои подружаньки, что-жъ вашла моя воля во зялёную дуброву, осыпались всѣ мои лазорявые тѣвяточки и позавяли всѣ ганусовыя васялѣчки; любая мои подружаньки, хадите вы по зялёному садочку, собярите эти тѣвяточки, раздялите промежъ сами сабѣ и красуйтесь и любуйтесь съ своими лазорявыми тѣвяточками и съ моею дѣвчьею красою". Въ послѣдній день передъ свадьбою она голосить такъ: „родимай мой батюшка, поѣзжайте вы во чистое поле, во зялёную дуброву и срубите бѣлаю бярёзу, перяпните моимъ боярамъ дорогу, чтобъ они до мене не дошли, не доѣхали, чтобъ моей дѣвчьею воли не уймали и мою красоту не тяряли". Передъ самою свадьбою бывають „сговоры"; тогда въ хату невѣсты собираются дѣвушки и парни, и невѣста съ подругами уходитъ въ сосѣдную хату; женихъ-же, пришедши къ невѣстѣ, долженъ остаться на дворѣ. Въ это время въ хатѣ невѣстина родня угощаетъ женихову, и, когда выпьютъ, то зовутъ жениха, даютъ ему въ руки подносъ, на который ставятъ стаканъ водки, потомъ зовутъ дѣвушекъ, которыя начинаютъ вызывать невѣсту такъ: „Лукерьюшка (имя), выступиай, выступиай, Ивановна, подари яго шаринкою (полотенцемъ)", и потомъ, обращаясь къ жениху, говорятъ: „Сямёновичъ, отдари, три чарвонца золотыхъ положи". Вслѣдъ за этимъ входитъ въ хату невѣста съ тремя старшими дружками, при этомъ дружки идутъ впереди, а невѣста за ними; потомъ дружки кланяются на три стороны и садятся за столъ, невѣста-же подходитъ къ жениху и, взявъ у него съ подноса стаканъ водки, отпиваетъ немного, а потомъ сама беретъ подносъ, а женихъ отпиваетъ изъ этого же стакана немного водки, и такъ повторяютъ до трехъ разъ. Затѣмъ невѣста ставитъ на подносъ два стакана водки и подноситъ роднымъ, сидящимъ за столомъ; когда тѣ выпьютъ, она отдаётъ подносъ дружкѣ, а сама цѣлуется съ женихомъ, потомъ кланяются другъ другу и цѣлуются съ тѣми, кто пилъ водку, и невѣста подноситъ водку всѣмъ, кто бываетъ въ хатѣ, не исключая даже маленькихъ. Затѣмъ родные невѣсты уходятъ къ жениху ужинать, а дѣвушки занимають ихъ мѣста за столомъ; дружка жениха начинаетъ

откупать эти мѣста, даётъ за нихъ дѣвушкамъ деньги и водку, и онѣ выходятъ изъ-за стола, а женихъ и невѣста садятся за столъ. Дѣвушки тогда начинаютъ „обыгривать" жениха; три старшія изъ дружекъ невѣсты берутъ деревянную чашечку, ставятъ въ нее стаканъ съ водкою, и всѣ дѣвушки начинаютъ пѣть:

„Мальчикъ Тимохѣеюшка, кудря-
вая галовушка,
Кто табѣ пародиль, молодца?
—Пародила родна матушка,
Вспоилъ—вскормилъ сударь-ба-
тюшка,
Возлялѣяль на чужу старонушку,
Завила кудри сударушка моя,
Завивала, приговаривала:
Создай, Боже, эти кудярги
Разудалому добру молодцу,
Тимохѣеюшки Ивановичу".

Далѣе продолжаютъ:

„Подари, Тимохѣеюшка,
Подари, Ивановичъ,
Не рублёмъ съ палтиною,
Залотою гривною.
Али у табѣ денегъ нѣту-ти,
Займи у сваго друга милаго,
Отъ сердца рятиваго,
Обярнися къ намъ лицомъ,
Выпей чарочку съ вянцомъ".

Женихъ беретъ стаканъ съ водкою и, выпивая, кладетъ дѣвушкамъ деньги; потомъ онѣ также „обыгриваютъ" почти всѣхъ парней, которые за это, въ свою очередь, даютъ имъ деньги, изъ этихъ денегъ старшія дружки невѣсты берутъ большую часть, а остальные дѣлятся между прочими дѣвушками. Обыгравъ жениха, дѣвушки и парни ужинають у невѣсты и расходятся по домамъ. Дорогою они поютъ:

„Заря, моя зорюшка,
Ранняя, вячерняя,
Усхожае солнышко.
Ой, лелюшки, лелюшки,
Усхожае солнышко!"
Солнышко не рано всхадило,
Даляко святило:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синяе море.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Тамъ ляжала сасновая дасточка,
Перекладъ варбовай,
Ой, лелюшки, лелюшки!..
По той дасточкѣ
Никто не хаживаль,
Никто не хаживаль,
Никого жъ не важиваль.

Ой, лелюшки, лелюшки!..
Только шѣлъ маладой Тимохѣе-
юшка,
Онъ вѣлъ—перявелъ Лукерь-
юшку (имя невѣсты).
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Онъ велъ, журилъ, бранилъ,
Перяведши, пожалаваль,
По галовкѣ поглаживаль.
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Другъ ты, моя Лукерьюшка,
Животъ-сердце, Яковлевна!
Ой, лелюшки, лелюшки!..
Чи ты горазда домомъ жить,
Чи ты горазда домъ дяржать?
Ой, лелюшки, лелюшки!..
—Я не горазда домъ дяржать,

Только горазда на ручкахъ | А на правянькой ручкѣ спать
сидѣть, | Ой, лелюшки, лелюшки!..

На слѣдующій день ведутъ невѣсту вѣнчать. Ей надѣваютъ обшитый парчею сарафанъ, бѣлую полотняную рубаху, заплетаютъ одну косу, дѣлаютъ „перевязку“ на голову; дружки сидятъ за столомъ; невѣста начинаетъ прощаться съ ними, потомъ отецъ и мать благословляютъ ее, а она голосить: „благослови меня, батюшка, къ Божьему суду идти, къ вянчанію; не прошу я у табѣ, батюшка, ни злата, ни серебра, а благословенія“. Послѣ этого дѣвушки выходятъ изъ хаты, а кто нибудь изъ родныхъ невѣсты набрасываетъ ей на плечи „покрывалень“, — длинную кисею, и въ руки даютъ „ширинку“. Когда невѣсту ведутъ въ церковь, то дорогою поютъ:

„По рѣчушки быстрой
Рой плыветь,
По вулицѣ шарокой
Дѣвки идутъ.
Они кличутъ Лукерьюшку:

—Хади, хади съ нами, Яков-
левна,
Рой лавить.
—Идите вы, дѣвушки красныя,
Я сабѣ уже уловила“.

Если невѣста-сирота, тогда поютъ такъ:

„Бѣлая барѣзушка,
Зяленая дубровушка,
Чаму табѣ сучья много
Сушаго, да нерушаго,
Ни ядинаго тросточка.
Только одинъ дубъ дуилистый,
И тотъ безъ макушки,
Безъ зяленой вархушки.
Красная Лукерьюшка,
Чаму табѣ роду много,
Родного, да не одного,
Ни родимой матушки.
—Хотя есть у мене матушка,
Да на томъ свѣтѣ

У Бога-Христа для престола.
Навхрястѣ руки держа,
Она Бога умоляла:
Испусти мене, Боже,
Съ небесъ на землю,
Чтобы я сваю чаду
Поглядѣла, и какъ оно
Снаряжено, на посадъ по-
сажено.

Она плача, рыдая,
Снаряжана, какъ горькая
сиротинка,
Какъ у поля одна былинка“.

Когда же подходятъ къ церкви, то поютъ:

„Попе, попе, батюшка нашъ, | Перевянчай маладыхъ у доб-
Раствори церковь противъ насъ, | рый часъ“.

Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ впереди, а за ними сестра невѣсты, или кто нибудь изъ родныхъ, за женихомъ дядька, и держатъ вѣнцы надъ головами; далѣе стоятъ свашки; женихова свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ

двѣ свѣчи, гребень, хмѣль и ложка съ масломъ. Свѣчи даютъ жениху и невѣстѣ во время вѣнчанія, масломъ послѣ вѣнчанія мажутъ жениху волосы, а гребнемъ расчесываютъ, хмѣль посыпаютъ уже на молодыхъ. Невѣстина свашка держитъ чашку, въ которой лежатъ „оправа“ (бархатникъ, подзатылень и кичка) и двѣ ложки. Когда окончится обрядъ вѣнчанія, то голову невѣсты покрываютъ кисеею, или покрывальнемъ, который у нея былъ надѣтъ на плечахъ, и женихъ съ невѣстою идутъ изъ церкви, взявшись не за руки, а за ширинку. Выйдя изъ церкви, женихъ идетъ къ себѣ домой, а невѣста къ себѣ, и дружки дорогою поютъ;

„У Бога были
И Богу молились,

И всѣмъ вышнимъ и нижнимъ
Да всѣмъ чудотворамъ“.

Пришедши домой, невѣста снимаетъ съ себя покрывалень и угощаетъ дружекъ, а къ жениху ѣдетъ „поѣздъ“, состоящій изъ родныхъ невѣсты и званныхъ на свадьбу; они обѣдаютъ у жениха, а онъ съ парнями катается по деревнѣ. Пообѣдавъ, поѣзжане берутъ съ собою жениха и ѣдутъ „оправлять“ невѣсту, т. е. снимаютъ у нея съ головы дѣвичью „перевязку“, развязываютъ въ косѣ ленту, расчесываютъ волосы и заплетаютъ уже двѣ косы, далѣе надѣваютъ на голову подзатылень, кичку, бархатникъ и закрываютъ покрывальнемъ; невѣста не даетъ надѣвать на себя уборъ женщинъ, сбрасываетъ его нѣсколько разъ, и долго приходится возиться съ нею, пока она не покорится и спокойно дастъ „оправить“ себя; послѣ этого жениха и невѣсту садятъ обѣдать. По окончаніи обѣда они цѣлуютъ „благословеніе“, прощаются съ отцомъ, съ матерью и со всѣми родными невѣсты, потомъ садятся въ телѣгу, кланяются на всѣ четыре стороны и ѣдутъ въ домъ жениха. Когда пріѣзжаетъ молодая, то ее встрѣчаютъ свекоръ и свекровь, она имъ кланяется, а они цѣлуютъ ее. На другой день свадьбы, бабы ходятъ по слободѣ, пляшутъ и поютъ:

„Кумушки пьютъ
И голубушки пьютъ,
Мяне малоду съ собою завутъ,
За рукавъ волокутъ.

И звать не назвали,
И рукавъ оторвали
Совсѣмъ съ паляками
И съ долгами рукавами.

Я молода богата пришла,
Много съ сабой принясла.
Деять сандуковъ,
Десятый лозбень,
Хоть объ земь разбей.
Во томъ лозбяню
Дудачки ляжать
И балабаечка.

Во тѣ дудочки не вялятъ
играть,
Заказываютъ и загавариваютъ;
А я хоть украдуся,
Да нагряюся.
Я тишкомъ,—тишкомъ
Со милымъ дружкомъ,
Со Тимошею подь грушаю“.

Свадьба стоитъ не всегда одинаково, кто побогаче, тотъ лучше справляетъ ее и расходуетъ очень много, а бѣдный меньше и тратитъ.

Похороны. Когда человѣкъ умираетъ, ему даютъ въ руки свѣчу и, если кто умѣетъ читать, то читаетъ отходную; когда умереть, его обмываютъ, кладутъ на лавку и за поясъ затыкаютъ платокъ, говоря, что на томъ свѣтѣ этимъ платкомъ будутъ утирать, и накрываютъ мертвого кисеей,—„сярпинкою“. Когда несутъ на кладбище, то по обычаю непремѣнно голосать; если умираютъ родители, то голосать такъ:

„На горе ты мяне, мая мамушка, породила, и на каво-жъ ты мяне покинула, и съ кѣмъ я буду совѣтушки совѣщать. И раступись, мать—сыра земля, и раскалится, дубова доска, и расгорнижъ ты, мамушка, свои бѣлыя ручушки, и распячатывай свои ясные глазушки, и пригорнижъ ты мяне горькаю и безчастною къ сабѣ, и чтобъ я добрымъ людямъ не докучала, и буду-жъ я чужая надокучница, и съ малаго и до большого все въ люди идти“.

Поминаютъ послѣ смерти до шести недѣль, бѣдные поминаютъ рѣдко.

Праздничные и другіе обряды. Наканунѣ праздника Рождества Христова все варятъ кутью, которую ѣдятъ съ медомъ, и взваръ изъ сушеныхъ яблокъ и вишенъ. Въ каждой хатѣ въ „святѣмъ“ углу кладутъ солому и ставятъ на нее кутью и „узваръ“ въ воспоминаніе того, что Иисусъ Христосъ родился въ ясляхъ. Послѣ обѣда, когда начинается темнѣть, идутъ колядовать, подходятъ подь окна; за это имъ кладутъ въ мѣшки пшено, пироги, а, если хотятъ посмѣяться, то нальютъ въ протанутый мѣшокъ воды. На самый праздникъ ходятъ на

улицу, собираются въ кружокъ и водятъ хороводы, очень часто поютъ слѣдующую пѣсню:

„Воробушка-воробей,
Ты рахмальная пташечка,
Далеко-жъ ты отляталъ?
Ой, лели да лели,
Далеко-жъ ты отляталъ?
—Ой, отъ саду до саду,
До зяленого вишенья,
До красного орѣшанья!
Ой, лели да лели.....“

Ой, младенькій-младъ,
Да Василь, да далеко-жъ
Ты отъязжалъ?
Ой лели да лели....
—Ой, отъ двора до двора,
Да до тестяго подворья,
Да до тещаго терема,
Да до Лукерьянаго полога!
Ой лели да лели“...

Съ самаго первого дня Рождества Христова сора изъ хатъ не выбрасываютъ, а оставляютъ его гдѣ-нибудь въ углу до дня Нового года, а на Новый годъ этимъ соромъ подкуриваютъ сады, чтобы родились плоды.

На масляной здѣсь заведено катанье съ горы: въ концѣ слободы устраивается гора изъ снѣгу; и большіе, и маленькіе катятся съ горы. На праздникъ Пасхи все идутъ въ церковь, освещаютъ пасху и красныя яйца. При наступленіи дня, парни и дѣвушки собираются и идутъ качаться на качели; пня и дѣвушки поютъ пѣсни, которыхъ содержаніе разнообразно. На Вознесеніе пекутъ изъ тѣста „подхресники“ и „лѣсенки“ и все это вмѣстѣ съ красными яйцами кладутъ на столъ. „Подхресники“ и „лѣсенки“ дѣлаютъ въ знакъ того, что провожаютъ Спасителя на небо. Если на Ильинъ день пойдетъ дождь, то у нихъ существуетъ повѣрье, будто-бы арбузы будутъ прѣть и не будетъ желудей: все они осыплются. На Егорьевъ день выгоняютъ скотину на поле, служатъ молебны, и есть повѣрье, что, если рано утромъ въ этотъ день собрать росу, то ею всегда можно вылѣчить болѣзнь глазъ; подь Ивана Купала ходятъ ночью въ лѣсъ искать папортникъ, который, говорятъ, цвѣтетъ только въ эту ночь. Въ пятницу они никогда не прядутъ по тому повѣрью, что на томъ свѣтѣ Божія Матерь насыплетъ въ черепъ кострики ото льна, или конопли.

Яйца на Пасху красятъ красною краскою, говоря, что Пасха называется красною, потому и яйца надо красить красною краскою. Яйца красятъ они просто для украшенія и для дѣтей; кромѣ красной краски, иногда употребляютъ для окрашиванія

яиць травы чернокленъ и протѣски, т. е. поденѣжники. Писанокъ съ рисунками не дѣлають.

Передъ посѣвомъ хлѣба накрываютъ столъ чистою скатертью, кладутъ хлѣбъ и соль, потомъ молятся и ѣдутъ въ поле; приѣхавъ туда, опять молятся, говоря: „зароди, Господи, на хромыхъ, слѣпыхъ и на всю нищю братію“, и начинаютъ сѣять. Когда ѣдутъ жать, то молятся Козьмѣ и Демьяну и пророку Ильѣ; при жатвѣ по большей части поютъ: „вы туманы мои, туманы темные, ничяго не было видно въ этихъ туманахъ; только была видна зялёная дубровушка“, но больше работаютъ молча. Когда начинаютъ свозить хлѣбъ въ клуны, то съ молитвою, посреди одонка кладутъ камень чтобы мыши не трогали хлѣба. При печеніи хлѣба изъ новины, чтобы хлѣбъ вышелъ хорошимъ первую хлѣбину перекрещиваютъ крестъ на крестъ.

Игры. Весною и лѣтомъ дѣвушки водятъ хоробы, называя ихъ „карагодами“; вода хоробы, дѣвушки поютъ:

„Хмѣль моя, хмѣлюшко,
Хмѣльное пѣрышко.
Лебядиное крылушко.
Поляти, нашъ хмѣлюшко,
На нашу старонушку:
На нашей старонушкѣ

Пряволье шарокое,
Раздолье вяликое.
По той по раздольюшки
Семь лябедей плавая
Съ бѣлами лябѣдками“.

Послѣ пѣнія начинаютъ величать тѣхъ, которыя бывають въ хоробахъ, такъ:

„Ходя, дремя по палицамъ,
Заглядая по дѣвицамъ.
Семь усѣ бяленьки,
Усѣ румяненки;
Одна наша Алѣнушка,
Она ня бялѣя, не румянѣя;
За ней ходя Тимохееюшка,
За ней ходя Митрофаначъ,
Брусь мыла нося,
Кувшины поднося;

—Мойся, мойся, Алѣнушка,
Сабѣ побялѣя, ямѣ помялѣя,
Поцалуваться, помялуваться,
Кто не скажетъ спасибо,
Тому совѣ да сова,
Совиная галова.
Девять кадушакъ
Салѣнахъ лягушакъ,
Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ“.

Дѣти играютъ въ игру, которую называютъ „скаракли“; для этого берутъ 12 круглыхъ палочекъ, шесть изъ нихъ ставятъ на одной сторонѣ, а шесть съ другой; потомъ вблизи этихъ палочекъ проводятъ межи, и четыре мальчика мѣряются на палкѣ,

и, кому достанется верхъ, тотъ первый начинаетъ сбивать палочки,—если сразу собьетъ всѣ шесть, то, значить, онъ сбилъ „конѣ“; если-же какая-нибудь палочка упадетъ не за межу, а до межи, то говорятъ, что это одинъ „чухъ“, и сбивають ее уже лежащею.

Очень часто, особенно взрослые, играютъ въ мяча; дѣти играютъ еще въ цурки, въ пушки. Между парнями особенно распространено биться на кулачки, и это очень часто оканчивается весьма плачевно. Танцы состоятъ въ томъ, что пляшутъ русскую, мятелицу; мѣстными музыкальными инструментами служатъ—дудка, балалайка, бубенъ и гармоника.

Народная демонологія. Между женщинами здѣсь сильно распространено вѣрованіе въ вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ; мужчины же уже перестаютъ вѣрить. Говорятъ, что русалокъ особенно много бываетъ на Троицу и преимущественно тамъ, гдѣ много осинъ, на которыхъ онѣ качаются; почему женщины и дѣвушки не рѣшаются въ эти дни ходить купаться и на лугъ, говоря, что онѣ утащатъ ихъ въ рѣку, или закачаютъ до смерти. Существующія будто-бы вѣдьмы ходятъ ночью доить чужихъ коровъ и портятъ людей. Начинаютъ-ли происходить несогласія и вражда въ семьѣ,—говорятъ, что „испортили“; заболѣетъ-ли кто либо чахоткою, тоже испортили, и особенно вѣрятъ, что портятъ молодыхъ на свадьбѣ. Говорятъ, что стоитъ только вѣдьмѣ „перелить“ порогъ, и перешедшій черезъ этотъ порогъ становится порченнымъ, кричитъ на разные голоса, и, дѣйствительно, здѣсь много „кликушъ“. Чтобы узнать вѣдьму, нѣкоторыя изъ женщинъ въ великій постъ бросаютъ черезъ себя на горищѣ (чердакъ) палку; это дѣлають непременно по понедѣльникамъ, иначе ничего изъ этого не выйдетъ. На „Великъ День“ топятъ этими палками и говорятъ, что вѣдьма тогда обязательно придетъ и попроситъ жару. Еще употребляютъ слѣдующее: когда заговляютъ, ѣдятъ сыръ, то оставляють во рту маленький кусочекъ, на другой день вынимають его изо рта и завязываютъ въ узелочекъ, а на „Великъ День“ съ этимъ узелкомъ идутъ въ церковь и говорятъ, что вѣдьма подойдетъ къ этому человѣку и уцѣпнетъ его. Отъ вѣдьмъ оберегаются молитвою, а нѣкоторые на четвертый день Троицы вбивають ко-

лышекъ отъ „клебанья“ осины въ воротахъ и вѣрятъ, что вѣдьма сюда никогда не придетъ.

Сказка. „Однажды жилъ одинъ человѣкъ, который охотился за птицами, и вотъ ему пришлось поймать птичку, на одномъ изъ крыльевъ которой было написано: „кто съѣстъ голову, тотъ будетъ царемъ, кто-же съѣстъ крыло, тотъ будетъ кашлять деньгами“. Человѣкъ этотъ читать не умѣлъ, а птичку оставилъ у себя. Однажды, когда его не было дома, этою дорогою проѣзжалъ одинъ купецъ, увидѣлъ эту птицу и взялъ ее; прїѣхавъ домой, онъ велѣлъ изжарить ее, а въ это время возвратились домой два сына этого купца; они были очень голодны и, увидѣвъ жареную птичку, съѣли—одинъ голову, а другой крылышко, и, дѣйствительно, одинъ изъ нихъ вскорѣ сдѣлался царемъ, а другой сталъ кашлять деньгами, и съ тѣхъ поръ появились деньги“.

А. Коломейцева.

18.—Сл. Ново-Айдаръ.

Поселеніе.—Избы, одежда, пища.—Болѣзни.—Нравственность.—Свадебные обряды.—Праздничныя вирши и развлечения.—Сказка.—Пѣсни.

Ново-Айдаръ расположена на лѣвомъ и правомъ берегахъ р. Айдара, которая беретъ свое начало въ Воронежской губ. Отъ уѣзднаго города слобода стоитъ на 37 в., отъ Луганска Екат. губ.—50 верстъ.

Сторожила говорятъ, что предки жителей описываемой слободы были казаки и назывались Ново-Донскими. При Екатеринѣ Великой пришло распоряженіе, что, если кто желаетъ служить казакомъ, то долженъ идти на Кубань, нежелающіе же могутъ оставаться въ званіи государственныхъ крестьянъ. Тогда изъ 1200 казаковъ, человѣкъ 800 пошли на Кубань, а остальные 400 душъ остались въ Айдарѣ.

Черезъ нѣсколько времени явились поселенцы изъ Курской губерніи Суджанскаго уѣзда и населили цѣлую улицу, которая теперь называется „суржею“. Въ первой половинѣ XVIII в. поселеніе это называлось „городкомъ“, какъ это видно изъ одного документа за 1740 г.

По правомъ берегу р. Айдара тянется гора до Донца. Отъ этой горы противъ поселенія идетъ небольшая вѣтвь, сажень триста; въ верху ея есть пещера, между большими камнями. Въ народѣ существуетъ повѣрье, что въ этой пещерѣ былъ слышенъ колокольный звонъ.

Жителей 4,998 об. п.; росту выше средняго, недурны собою, волосы темнорусые; говорятъ на великорусскомъ языкѣ.

Избы строятся изъ дерева, которое въ старыхъ избахъ очень толсто и не пиленное, а колотое. Въ избѣ одна комната, сѣни, кладовая, гдѣ хранится одежда. Въ комнатѣ убранства почти нѣтъ никакого, только печка раскрашивается по карнизамъ желтою и красною глиною. Новые дома устра-

иваются уже съ двумя комнатами, изъ которыхъ одна содержится чистенько. Передній уголъ, въ которомъ стоятъ иконы (нерѣдко до 20 штукъ), считается почетнымъ мѣстомъ.

Недалеко отъ хаты начинается хозяйственная постройка. Для рогатаго скота загораживаютъ небольшое пространство съ навѣсомъ, которое называется „ворокъ“. Для овецъ и телятъ дѣлается сарай, по большей части въ рядъ съ „ворокомъ“. Другіе сарайчики лѣнятся одинъ возлѣ другого, такъ что во дворѣ очень тѣсно. Всѣ эти сараи плетутся изъ лозы, нѣкоторые обмазываются глиною или кизякомъ.

Одежда мужчинъ зимою: полушубокъ изъ своихъ овчинъ, бѣлый или желтый, сверху свита сѣраго сукна своего приготовления; лѣтомъ: поддевка изъ купленной матеріи, изрѣдка изъ чернаго или синяго сукна, рубашка и штаны,—праздничныя изъ купленнаго ситца и матеріи, а въ будни изъ своего холста, для чего холстъ набивается набойщиками.

Одежда женщинъ: шуба изъ овчинъ своихъ овецъ, халаты изъ сукна своего издѣлія, синяго цвѣта, или изъ купленнаго чернаго, синяго сукна, и изъ матеріи, юпка ситцевая, больше краснаго цвѣта, рубашка ситцевая, рукава одного цвѣта, а станъ другого, сверхъ рубашки носятъ, въ праздники, въ родѣ накидки съ рукавами по поясъ, изъ цвѣтнаго ситца, (больше краснаго цвѣта), нерѣдко изъ шелковой матеріи и называется „душегрѣйка“; прежде рубашки были изъ своего холста, рукава ихъ вышивались цвѣтною бумагою; сверхъ рубашки носили обыкновенный русскій сарафанъ изъ шерстяной синей матеріи своего издѣлія; на голову надѣвали въ праздникъ „кокошникъ“ (въ родѣ кругленькой шапочки) изъ бархата, который обшивался золотыми позументами, онъ стоилъ рублей пять; сверхъ „кокошника“ повязывали голову шелковымъ платкомъ, стоимостью тоже рублей въ пять. Въ будни же голову покрывали косынками изъ своего полотна, выкрашенными въ черный цвѣтъ, добывая краску изъ цвѣтовъ черноклена.

Теперь „кокошникъ“ рѣдко когда можно видѣть; онъ нуженъ только во время свадьбы, послѣ вѣнца не больше, какъ на одинъ день; вмѣсто же него, головы покрываютъ большими платками разныхъ цвѣтовъ.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ изъ капусты и бураковъ, картофель, каша пшенная, приправленные саломъ или масломъ, иногда бываетъ мясное, но рѣдко и только у богатыхъ. Въ постные дни: борщъ и каша съ постнымъ масломъ, своего приготовления, (изъ конопляннаго сѣмени, подсолнуховъ и льняного сѣмени). Бываетъ и рыба, ловимая въ своей рѣкѣ: купленную же рыбу: сельди, тарань, чабакъ—ѣдятъ рѣдко и то только богатые. Съ половины іюля до ноября бываетъ много овощей: арбузы, дыни, огурцы. Пища бѣдныхъ: въ скоромные дни тѣ же борщъ, каша и картофель, только очень рѣдко съ коровьимъ масломъ или саломъ, а больше съ постнымъ масломъ, котораго тоже употребляютъ очень мало.

Прежде пища была, говорятъ старики, гораздо лучше. Рѣдко кто не имѣлъ коровы, свиней, овецъ. Тогда было больше луговъ и степей, на которыхъ росла хорошая трава, а теперь эти луга и степи большею частью распаханы, да и на уцѣлѣвшихъ уже не родится той травы высокой и густой. Корма были ничемъ, зимовка ничего не стоила. Корову и овцу очень трудно теперь держать зимою. Кормъ, трудно добываемый, идетъ только для необходимаго рабочаго скота.

Птица хотя и есть—индѣйки, гуси, утки и друг., но все это продается разѣзжающимъ барышникамъ или продается въ городѣ на базарѣ. Стараются продавать птицъ, яйца, а деньги употребляютъ на наряды и на другія нужды въ хозяйствѣ. Мѣстные лавчонки (2 съ краснымъ товаромъ и 3 съ бакалейнымъ) хорошо торгуютъ, такъ какъ большая часть матеріала для одежды и обуви покупается въ нихъ. Дома освѣщаютъ керосиновыми лампочками со стеклами (въ 30 и 40 к.).

Болѣзни, болѣе свойственныя описываемому селенію: дифтеритъ, оспа, въ послѣднее время и сифилисъ.

Раньше лѣчили болѣзни своими средствами и обращались къ знахарямъ, которые то пептали, то давали свои лѣкарства; теперь же хотя и обращаются къ знахарямъ, но рѣдко. Въ сл. Ново-Айдарѣ помѣщается медицинскій участокъ, живутъ врачъ, два фельдшера и акушерка, и здѣсь въ народѣ замѣтно больше довѣрія ко врачу или фельдшеру, чѣмъ къ знахарю; если же и обращается кто къ знахарю, то непременно послѣ идетъ

въ земскую больницу. Скотъ лечатъ мѣстные знахари или сами крестьяне. Если животное раздувается, то даютъ хлѣбъ съ свинымъ саломъ, мажутъ бока дегтемъ. Во время чумы рогатаго скота, даютъ пить разсолъ, стекающій съ соленого свиного сала, и разсолъ соленыхъ огурцовъ, смѣшанный съ деревяннымъ масломъ. При чесоткѣ рогатаго скота берутъ квасъ, въ которомъ квасятъ (выдѣлываютъ) сырыя овчины, солятъ его, подогрѣваютъ и мочатъ больное мѣсто. При лѣченіи лошадей и быковъ отъ перелоговъ, когда животное падаетъ, катается, кусаетъ себя за животъ зубами,—сбрасываютъ портки (штаны) и ими три раза обматываютъ больного быка или лошадь, отъ спины до живота кругомъ, или зовутъ знахаря, который читаетъ „Отче нашъ“, или молебствуютъ и просятъ свят. Власія исцѣлить скотину.

Нравственность Религіозность замѣтно стала ослабѣвать, такъ что безъ особаго труда можно найти лжесвидѣтеля, который за деньги прійметъ присягу.

Воровство и пьянство стали прекращаться со введеніемъ мировыхъ судей и, въ особенности, земскихъ начальниковъ. Раньше, даже лѣтъ 10 назадъ, нѣкоторые выходили ночью на дорогу и оббирали проезжавшихъ. Въ семействѣ отецъ ничуть не стѣняется ругаться всевозможными словами или говорить пошлости при малыхъ и взрослыхъ дѣтяхъ, даже въ трезвомъ состояніи. Женщина не угнетена, а также и дѣти; хотя послѣднія и грубо обращаются съ родителями, но изъ повиновенія выходятъ рѣдко. Прежде работникамъ плохо приходилось при расчетѣ съ хозяевами, а теперь волостной судъ не позволить какъ хозяину, такъ и работнику обидѣть одинъ другого.

Свадебныя обряды. Отецъ жениха идетъ въ домъ невѣсты, раньше уже выбранной женихомъ съ согласія родителей, и, если дѣло идетъ на ладъ, договаривается на счетъ „помощи“, которую дастъ сторона жениха невѣстиной сторонѣ, въ видѣ ведра или двухъ водки и мѣшка или двухъ муки. Потомъ дѣлаютъ „пропойки“. Отецъ жениха идетъ со своими родственниками въ домъ невѣсты, ихъ тамъ угощаютъ; потомъ они зовутъ всю компанію къ себѣ, и такъ „гуляютъ“ дня два, причемъ женихъ и невѣста не участвуютъ въ „въ гуляньи“.

Наканунѣ свадьбы, дружка,—человѣкъ знающій, специалистъ по этой части и обыкновенно уже немолодой, со стороны жениха идетъ съ полквартой водки къ невѣстѣ за рубашкой (съ отвѣстью) жениху, гдѣ угощаетъ родню ея и получаетъ рубашку. Когда дружка принесетъ рубашку, то жениха одѣваютъ и ведутъ его къ невѣстѣ дружка, отецъ и мать со своими свадебными гостями. Пришедши къ невѣстѣ въ домъ, угощаютъ отца, мать и гостей. Потомъ жениху даютъ тарелку съ рюмкою водки, онъ приглашаетъ невѣсту выпить, и выпиваютъ эту рюмку пополамъ. Ихъ заставляютъ цѣловаться, причемъ поютъ:

„Соловей калину шшекоче, Не онъ садилъ, не онъ поливалъ, Однако шшекоче.	Ой, младенькій (имя жениха), Не онъ кормилъ, не онъ по- ливалъ, Однако шшекоче“.
--	---

Послѣ этого, молодые подносятъ гостямъ водку по рюмкѣ, кланаясь каждому въ поясъ, а потомъ удаляются.

На другой день, т. е. въ день вѣнчанія, невѣстина родня и гости идутъ въ домъ жениха, гдѣ угощаютъ выпивкой и даютъ шишки (небольшіе калачики) и отпускаютъ.

Жениха и невѣсту убираютъ къ вѣнцу, каждаго въ своемъ домѣ, затѣмъ ведутъ къ вѣнцу, причемъ поютъ:

„Слетались сизые голуби, Посадились вокругъ озера, Ладо, Ладо! Они да пьютъ, да ѣдятъ. Ладо, Ладо! Одинъ голубъ не пьетъ, не ѣстъ, Ладо, Ладо! Невесель сидитъ, Ладо, Ладо! Что за церковью, Ладо, Ладо! За нѣмецкою. Ладо, Ладо! Сѣзжались 700 бояръ, Ладо, Ладо!“	Посадились Ладо, Ладо! Вокругъ стола; Ладо, Ладо! Они да пьютъ, да ѣдятъ, Ладо, Ладо! Веселы сидятъ. Ладо, Ладо! Одинъ бояринъ не пьетъ, не ѣстъ, Ладо, Ладо! Не пьетъ, не ѣстъ, не весель сидитъ. Ладо, Ладо“!
---	--

Каждый изъ молодыхъ приходитъ домой со своими гостями и обѣдаютъ. Послѣ обѣда жениху запрягаютъ пару лошадей, и онъ ѣдетъ съ родственниками за невѣстою. У невѣсты обо-

ихъ молодыхъ сажаютъ за столъ дружка, и „повиваютъ“ неvěсту: надѣваютъ ей на голову кокошникъ свахи и баба повитуха; причемъ поютъ: „повили кукушечку, повили кукушечку“.

Потомъ обѣдаютъ молодые и гости, и везутъ ихъ (молодыхъ) въ домъ жениха. Здѣсь тоже сажаютъ всѣхъ за столъ и угощаютъ. Вскорѣ является отецъ и мать жениха съ подарками для молодыхъ и со своими гостями (дарятъ молодыхъ только отецъ и мать), ихъ угощаютъ, а потомъ они удаляются, молодые также идутъ на покой.

На другой день молодые ѣздятъ и созываютъ свадебныхъ гостей на „блины“, причемъ собственно блиновъ не готовятъ, а пышки. Когда соберутся гости, то имъ даютъ водки и обѣдать. Послѣ обѣда зовутъ къ себѣ неvěстины отецъ и мать, а оттуда уже идутъ по домамъ другихъ родственниковъ, гдѣ тоже идетъ угощеніе.

Когда неvěсту сироту ведутъ предъ вѣнцомъ на могилу отца или матери, то подружки поютъ ей слѣдующую пѣсню:

„Сирота-сиротинушко, Настасьюшка, Безъ роднаго батюшки. Настасьинъ батюшка На томъ свѣтѣ у Бога, Во Христа злѣ пристаю, Навхрестъ ручки держить, Христа Бога молить:	Ой, Боже, мой Боже! Спусти меня, Боже, Съ неба на землю. Хоть бы я поглядѣлъ, Каково мое чадо, Каково оно снаряжено? Снаряжено, какъ маковка, Зажурено, какъ сиротинушка“.
--	---

На свадьбу расходуютъ отъ 50 руб. до 100 руб., большая часть этихъ денегъ идетъ на плату духовенству и на водку.

Праздники. Подъ Рождество Христово дѣвушки ходятъ по улицѣ и поютъ подъ окнами:

„Щедрый, щедрый, Добрый вечеръ! Добрымъ людямъ На веселье, На здоровье. Знаю, знаю,	Гдѣ мой милый, Въ концѣ стола, На емъ шуба новая, На шубочкѣ поясокъ, На поясочку три соболечка“.
--	---

На Новый годъ мальчики ходятъ съ сѣменами ржи, пшеницы и проч. посѣвать. Бросаютъ зерна въ св. уголъ и говорятъ „виршу“:

„О великій плачъ
Во Ефлемѣ случился,
Когда Иродъ царь
Надъ Христомъ изумился
И повелѣлъ Христа искать,
Всѣхъ младенцевъ избивать;
Били—побивали,
На копія подымали.
Не одинъ отецъ и мать
Плакали—рыдали,
Ирода проклинали

Ой Ироде, Ироде!
Какой ты безбожный,
Ты Бога не знаешь
И не почитаешь.
А мы Бога знаемъ
И почитаемъ
И васъ всѣхъ
Съ праздникомъ поздравляемъ,
Съ Новымъ годомъ,
Съ Новымъ годомъ поздравляемъ“.

* *

„Былъ маленькій воспитанчикъ,
Родился въ градѣ,
Выдалъ всякія чудеса:
Какъ летѣли ангелы съ небеса.
Я съ того страху спужался,
Бѣгъ, до сырой земли приклонялся;
Не вспѣлъ до двора добѣжать,
Вамъ, господа, рассказать.

Не скупитесь, господа!
Подѣлитесь, господа,
Златомъ и серебромъ.
Я злато и серебро принимаю,
Васъ съ праздникомъ поздравляю.
Здоровъ, хозяинъ съ хозяйкою,
Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“!

Подъ Вознесенье пекутъ лѣстницы, въ родѣ калачика, въ знакъ того, что Спаситель возносится на небо, и ѣдятъ ихъ на праздникъ Вознесенье.

На четвертой недѣлѣ великаго поста въ четвергъ пекутъ крестецъ (въ родѣ креста); этотъ крестецъ хранится до посѣва. Когда его пекутъ, вкладываютъ въ него копѣйку. Въ первый разъ выѣхавъ въ поле, семейство разламываетъ между собою крестъ, дѣлятъ его по куску между выѣхавшими въ поле, и, кто получить кусокъ креста съ копѣйкою, тотъ и начинаетъ разсѣвать.

Развлеченія. Съ начала зимы начинаются кулачные бои. Собирается толпа, большіе и малые отъ 10 до 30 лѣтъ. Разбившись на партіи, маленькіе начинаютъ кулачный бой, потомъ большіе и наконецъ всѣ присутствующіе идутъ партія на партію. Наконецъ одна сторона сбиваетъ другую и прогоняетъ ее съ извѣстнаго пункта.

Дѣвушки водятъ хороводъ, танцуютъ, при чемъ кто нибудь изъ парней играетъ въ рожокъ, другихъ музыкальных инструментовъ не бываетъ, играютъ только на мотивъ: „выгоняйте скотину на широкую долину“.

Домовой. Одного крестьянина 4 года душилъ „домовой“, крестьянинъ страдалъ видѣньями и избавился онъ отъ нихъ по совѣту старыхъ женщинъ. Ему сказали, что нужно ту рубашку, въ которой домовой давилъ его, память въ мельницѣ, въ которой мнутъ волокна льна и конопли, выстирать и надѣть. Онъ сдѣлалъ это и больше не видѣлъ домового.

Сказка. „Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ одинъ сынъ. Взяли его на службу; пробылъ онъ тамъ двадцать лѣтъ; осталось ему еще пять лѣтъ служить, и онъ ушелъ со службы, нанялся къ одному старику волшебнику, прожилъ у него три года. Тогда волшебникъ сказалъ: „что тебѣ, солдатъ, нужно? золота или серебра, аль, можетъ, отставку?“—„Дай мнѣ ружье, сказалъ солдатъ,—пойду въ лѣсъ, подумаю“. Пришелъ въ лѣсъ и сѣлъ на дубу. Дубъ толкнулъ его, а солдатъ вскочилъ и говоритъ: „я застрѣлю тебя!“—„Эхъ! глупый ты, я тебѣ скажу правду. Иди къ старику и скажи: дай мнѣ три клубочка и ружье“. Солдатъ пошелъ къ старику и сказалъ: „дай мнѣ три клубочка и ружье“. Старикъ далъ ему три клубочка, ружье и самъ пошелъ съ нимъ къ дубу. Солдатъ зарядилъ ружье клубкомъ и стрѣльнулъ. Старикъ и спрашиваетъ: „что, солдатъ, видишь?“—„Дѣвушка на море полетѣла“,—говоритъ солдатъ.

Солдатъ зарядилъ ружье еще клубкомъ и выстрѣлилъ. Старикъ спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ. Солдатъ зарядилъ въ третій разъ и выстрѣлилъ. Старикъ опять спрашиваетъ: „что, солдатъ, полетѣло?“—„Дѣвушка“, отвѣчаетъ онъ,—„да еще впалъ лидаченъкій (плохенькій) капшучекъ (кошелекъ), а въ немъ одна копѣйка“. Тогда дубъ сказалъ: „купи за эту копѣйку въ одну церкву три свѣчи, въ другую и третью, потомъ купи евангеліе и приходи ко мнѣ на ночь, обведешь три сажени кругомъ меня, сядешь и будешь читать евангеліе“. Солдатъ купилъ евангеліе, пришелъ къ дубу, обвелъ вокругъ него три сажени, сѣлъ и сталъ читать. Вотъ въ полночь является къ нему жена съ дѣтьми и говоритъ: „милый мой супругъ, что ты насъ покинулъ?“—плачетъ. Прошла полночь, и все скрылось; онъ легъ спать. На другую ночь опять такъ сдѣлалъ,—сѣлъ и читаетъ. Въ полночь является къ нему мать и говоритъ: „милый мой сыночекъ, на что ты насъ бросилъ

при старости лѣтъ?“ Полночь прошла, и все скрылось, а солдатъ легъ спать. На третью ночь является къ нему отецъ и говоритъ: „бѣги, воли въ хлѣбѣ!“—а онъ читаетъ, не слушая отца. Полночь прошла, и все скрылось. Отъ моря солдатъ пошелъ въ городъ. Вечеромъ сталъ онъ проситься ночевать, а его никто не пускаетъ. Тогда пошелъ онъ на окраину,—тутъ его пустила волшебница. На другой день напился онъ пьянымъ и пошелъ до моря. На дорогѣ подходитъ къ нему мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, сертукъ забылъ“.—„Не нужно“,—отвѣчаетъ онъ. „Возьми меня съ собою“,—говоритъ мальчикъ. „Пойдемъ“,—сказалъ солдатъ. Пришли они къ морю, а по морю корабли плывутъ. Мальчикъ взялъ и заткнулъ за ухо солдату перышко, солдатъ сейчасъ заснулъ. Является дѣвушка, стала будить его, ворочала, ворочала, а онъ не просыпается; тогда она перевязала ему платочкомъ руку и за пазуху ткнула записочку, а сама скрылась. Мальчикъ вытащилъ перо изъ уха, и солдатъ проснулся, прочиталъ записочку и сказалъ: „дрянь ты, мальчикъ“. Мальчикъ сейчасъ, неизвестно гдѣ, дѣлся.

Солдатъ пошелъ въ городъ, напился пьянымъ, а къ вечеру опять пошелъ къ морю. Бѣжитъ опять тотъ мальчикъ и говоритъ: „солдатъ, шинель забылъ“.—„Не нужно“, говоритъ солдатъ. „Возьми меня“,—сказалъ мальчикъ. „Пойдемъ, если хочешь“. Пришли къ морю. По морю корабли плывутъ. Мальчикъ опять заткнулъ перо за ухо солдату, а онъ сейчасъ заснулъ. Является опять та дѣвушка, перевязала солдату руку платочкомъ и положила записочку въ карманъ. Потомъ стала его будить. Солдатъ проснулся, а дѣвушка ему и говоритъ: „разорви этого мальчика“. Солдатъ разорвалъ мальчика и кинулъ его въ море. Дѣвушка скрылась, а солдатъ легъ и заснулъ на три года. Откуль ни взялся большой вихорь, схватилъ солдата и занесъ въ турецкіе сады. Тутъ солдатъ проснулся и увидѣлъ часового. Часовому онъ сказалъ: „иди, скажи своему царю, сколько онъ возьметъ, чтобы нанять домъ?“ Часовой отвѣчаетъ: „три тысячи, баринъ“. Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька, далъ часовому и сказалъ: „на, отнеси“. Пришелъ часовой, а солдатъ ему: „поди, скажи своему царю: сколько онъ возьметъ, чтобы нанять часового?“—„Три тысячи, баринъ!“ Солдатъ отдалъ и ве-

лѣлъ отнести царю. Въ третій разъ солдатъ говоритъ часовому: „иди спроси своего царя: сколько онъ возьметъ, чтобы пройти по саду?“—„Три тысячи, баринъ!“ Натрусилъ солдатъ денегъ изъ кошелька и отдалъ часовому. Ходилъ, ходилъ солдатъ по саду и увидѣлъ кость Ивана богатыря. Позвалъ часового и сказалъ: „сколько царь возьметъ, чтобы похоронить кость Ивана богатыря?“—„Три тысячи, баринъ!“ Вытрусилъ солдатъ деньги изъ кошелька и отослалъ царю. Солдатъ взялъ кость и велѣлъ сдѣлать гробъ золотой и крестъ золотой. Когда эту кость хоронили, то народъ обсыпалъ ее златомъ и серебромъ.

Черезъ три недѣли кость является къ солдату и говоритъ: „эхъ, солдатъ! хорошо ты сдѣлалъ, что хорошо меня похоронилъ. Теперь иди къ рѣкѣ, тамъ будутъ идти конь да кобыла, такъ ты цѣпляйся коню за гриву; какъ удержишься, такъ твой будетъ“. Солдатъ пошелъ къ рѣкѣ и сѣлъ подъ кустомъ. Глядитъ, идутъ конь и кобыла; онъ скорѣй къ коню, вцѣпилъ въ гриву и сѣлъ на него. Конь увидѣлъ недалеко дѣда и говоритъ: „что это вцѣпилось?“—„Иванъ богатырь подарилъ тебя этому солдату“.

Солдатъ на конѣ приѣхалъ домой и сталъ жить, поживать, да добра наживать“.

П ѣ с н и.

1. „Всю ночь бабочка не спала,
Чуть заснула на бѣлой зарѣ.
Хорошій сонъ во снѣ видала,
Хорошій сонъ бабочка видала
Про милого—про сваго.
Будто, будто казачекъ ко мнѣ
приходилъ,
Козачекъ, миленькій дружечекъ.
Разговорчивый такой,
Разговаривалъ со мной,
Съ бабеночкой молодой.
Ужаснулась бабеночка,
Проснулась, нѣту съ боку ни-
кого.“

Ни козачка, ни коня,
Ни хурашечки его въ головахъ.
Только прянички и гостинчики
Въ головашечкахъ лежатъ,
На сахару, на меду, на мою
бѣду“.

2. „Не спится доброму молодцу,
Не ложится, въ головахъ по-
душечка вертится.
Да задумалъ добрый молодецъ
жениться,
Да забылъ я въ родной матери
спроситься,
Чи позволить родная матушка
жениться?“

Женись, женись, сыночекъ, же-
нись, соколочекъ,
Бери женушку вдовушку, у вдо-
вушки обычай недѣвичій.
Постелюшку стеля, сама слез-
но плача,
Головочки склада, взрыдаи.,
Про прежняго милаго вспоми-
наи.
За тобою-жъ я, моя лада, пила
да гуляла.
За тобою-жъ, расканалья, все
позабывала“.

3.

„Голова ты моя, головушка,
Голова моя молодецкая,
Голова молодецкая, разудалец-
кая,
Попатала моя головушка,
По чужой—дальной сторонущкѣ
Восхвалили люди чужую сторо-
нушку:
Жемчугомъ то поле усьяно,
Виноградомъ огорожено,
А сотицемъ поливано.
Повѣрилъ же я, добрый моло-
децъ, чужую сторонущку:
Полыномъ то поле усьяно,
А крушиною обгорожено,
Горячею слезою политое“.

4.

„Воробушекъ, воробей,
Рахманная пташечка!
Далеко ты, воробей,
Далеко ты отлеталъ.
Отъ саду до саду,
Съ зеленого вишенья,
До сладкаго вишенья,
До тестева подворья,
До тещина терема,
Къ (имя дѣвушки) клѣткѣ.“

(Имя дѣвушки), выходи,
(По отчеству), выступай,
(Имя парня), обожди,
(По отчеству), обостой!
—Радъ бы я обождать,
Мой воранъ конь не стоитъ,
Золотой уздой звенить,
Капытамы землю бье,
Вѣтеръ дуи, кудри вье,
Алу ленту разовье.
Алый потокъ растелю,
(Имя парня) посажу,
(По отчеству его) пригощу,
За ворота провожу,
На слѣдочекъ погляжу“.

5.

„Старона моя, старонушка,
Старона моя чужая,
Чужая, дальняя, да незнако-
мая.
По тебѣ я, старонушка, про-
хлаждаюсь
Да чужою женою выхваляюсь.
Да чужая, жена ровно ягода;
А моя шельма жена—
Полынь горькая трава.
Полынь горькая трава на межи
росла,
Да на межику, на рубежику.
Да чужой то я жены
Башмачки куплю,
Съ чулочками, да съ шелко-
выми подвязачками,
А своей шельмѣ женѣ
Куплю лапотки-растоплеточки“.

6.

„Трава моя, травушка,
Зеленый лужокъ,
Крутой бережокъ!
Хожу я по травушкѣ
Да не нахожуся;
Кого вѣрно я люблю,

Того и не вижу;
Кого ненавижу
Всегда на глазахъ,
На ясныхъ очахъ.
Ишелъ молодецъ
Тишкомъ, да лужкомъ,
Расчесавши кудерки,
На воду бросалъ.
Плывите вы, кудерки,
Плывите туда,
Гдѣ милая моя;
Гдѣ милая моя
Водицу брала,
Кудерки поймала;
Нихто про тѣ кудерки,
Нихто не зналъ;
Только знала про кудерки
Земля да вода,
Да я молода“.

7.

„На горѣ, горѣ,
На крутой горѣ,
Во всей красотѣ
Стоитъ тамъ корчма,
Корчма польская
Королевская;
А въ той корчмѣ
Три молодца
Пьютъ три вдале:
Турокъ да полякъ,
А третій казакъ.
Турокъ водку пьетъ,
Червонцы кладетъ;
А полякъ водку пьетъ,
Монету кладетъ;
А донской казакъ
Водку пьетъ,
Ничего не кладетъ,
Шинкарку манитъ:
—Пойдемъ, пойдемъ,
Шинкарочка, къ намъ
На тихій Донъ.
У насъ на Дону

Ни ткуть, ни прядутъ,
А хорошо ходятъ“.

8.

„А кто, братцы, у насъ
На Дону бывалъ,
Про Кубань слыхалъ,
Про Кубанску славну слободу,
Про черкесскую частую сло-
боду?“

Обозвался малый мальчишечка,
Горькій сиротинушка:

—„Я, братцы, на Дону бывалъ
И все про Кубань слыхалъ:
У насъ на Дону ни ткуть,
Ни прядутъ, а хорошо ходятъ“.

9.

„Запила, загуляла моя голо-
вушка,
Запивши, всхаменулась, вспла-
кнувши,
Схаменулась, она вздохнула.
Какъ мнѣ не плакать, не го-
реть?“

Берутъ меня, добраго молодца,
Въ солдатушки,
Сажаютъ меня, добраго молод-
ца, на возочекъ,
Везутъ меня въ городочекъ,
Становятъ добраго молодца въ
радочекъ,
Стригутъ мнѣ, доброму молод-
цу, русы кудри“.

10.

„Груня, ягода моя,
Веселая голова,
Почто любишь (имя парня)?
—Я за то его люблю,
Что головушка кудрява,
Бѣло лицо, румяное.
—Я съ ума Груню свелъ,

11.

„Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,
Возлѣ моря, возлѣ синяго,
Жила была молодая вдова;
Породила она себѣ девять сы-
новей,

Десятую дочь да любимую.
Пятьб ратьевъ на разбой пошли,
А два брата королю служить,
А два брата стали дома жить,
Стали матушку поить-кормить,
А сестру взрощать.

Возростивши, стали замужъ
отдавать.

За крамара за богатаго,
Они годъ жили и другой жи-
вуть,

А на третій годъ скучились,
Стала крамарша крамара въ
гости звать.

Они день ѣдутъ, другой ѣдутъ,
На третій день приморились,
Среди поля становились,
Откели не взялись два разбой-
ника,

Крамара зарѣзали, крамаршу
съ собой взяли,

Стали крамаршу спрашивать
Чьего роду, чьего племени,
—Возлѣ Дону, возлѣ тихаго,
Жила вдова молодая,—
Она матушка моя родная“.

12.

„Не соловушекъ въ лѣсу ще-
бечеть,

Молодецъ красну дѣвицу
Словами утѣшаетъ:
Позволь, позволь, красна дѣ-
вица,

Съ молодцомъ погулять!
Ты сѣдай, добрый молодецъ,
Воронного коня въ черкесское
сѣдло.

Съ ума, съ ума, великаго розума.

Повадилась Дуня
Часто по воду ходить,
За холодной, ключевой
На Воронежъ на рѣку.
Пришла я молода,
Измучилась вода;
Постояла молода,
Состоялась вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плечики подняла,
Заматалась и пошла.
Противъ милаго двора
Прикатана гора,
Прикатана, прилита,
Чеботами прибыта,
Чеботамы и лапоткамъ.
А ячекъ на бочекъ,
Подломился каблучекъ;
Не видала, какъ упала,
И лежу, лежу
На правомъ на боку.
На правомъ на боку
Злѣ царева кабака,
Туды-сюды глядь,—
Меня нѣкому поднять.
(Имя парня) лебединъ,
Подними меня одинъ.
—Я радъ тебя поднять,
Съ стороны люди глядятъ:
Не чужіе, всѣ свои, Донскіе
казаки.

Воры, ябедники,
Плуты каторжники,
Они душу загубили,
Крысѣ голову срубили.
А крысяча голова—
Не великая бѣда,
А крысячинъ хвостъ—
На великій постъ.
А крысячи лапки—
Въ кашѣ сладки“.

—Ты жъ бери, ты жъ бери,
Красна дѣвица, бѣлый полужекъ
(палатка).

Ты садись, садись, красна дѣ-
вица,

Коню на бедро,

А я самъ сяду, добрый молодецъ,
На черкеское сѣдло,

И поѣдемъ мы, красна дѣвица,

На чистое поле гулять,

Ой, съѣдемъ мы, красная дѣ-
вица,

На широкой, высокій курганъ,
Разопнемъ-же мы тонкій,

Бѣ лый по ложекъ,

Да постелемъ мы, красна дѣ-
вица,

Мой бурлацкій потничекъ,

Ты ложись, ты ложись, красна
дѣвица,

Противъ яснаго солнышка,

А я ляжу, добрый молодецъ,

Отъ буйнаго вѣтра“.

А. Г. Жижковъ.

19.—Сл. Больше-Черниговка.

Поселеніе и ея части.—Одежда.—Пища.—Заговоры.—Занятіе.—Свадьба.—
Хороводы.

Больше-Черниговка находится въ 50 в. отъ Старобѣльска, въ 30 в. отъ запт. г. Бѣловодска и въ 45 отъ г. Луганска Ека-
теринославской губ.; она расположена на р. Койсугѣ.

Въ книгѣ архіепископа Филарета о Харьковской епархіи по-
мѣщены слѣдующія свѣдѣнія о сл. Больше-Черниговкѣ: „Черни-
говка,—на рѣкѣ Койсугѣ. Татарское названіе рѣчки, означа-
ющее „овечій потокъ“, даетъ видѣть о кочеваніи татаръ въ
здѣшнихъ мѣстахъ со своими стадами. Гильденштедтъ, въ сво-
емъ путешествіи по югу, 1774 г. писалъ: „за 10 лѣтъ на этомъ
потокѣ, Койсугѣ, поселились три слободы бѣглыхъ раскольник-
ковъ, которые возвратились изъ Польши. Эти слободы въ про-
стонародіи называются Верхняя, Средняя и Нижняя сотня, а
по бумагамъ Верхняя называется Черниговкою, Средняя—Ла-
шиновкою, а имени третьей (Богдановка) мнѣ не сказали. Онѣ
заключаютъ до 300 семей и состоятъ въ Валуйскомъ у. Воронеж-
ской губ. Прежде, чѣмъ привыкли они къ климату и водѣ, очень
многіе изъ нихъ померли“. Прибавимъ къ этому болѣе точныя
свѣдѣнія о первыхъ поселенцахъ. Первыми поселенцами мѣстъ
были Моисей и Степанъ Щигловы, малоруссы Черниговской
губ., съ которыми прибыли и раскольники стародубцы: имя
Степана Щеглова осталось въ Черкасской Степановкѣ, или
Щигловкѣ, что на лѣвомъ берегу Айдара, а имя Моисея Чер-
ниговца осталось за Черниговкою. Къ первымъ этимъ посе-
ленцамъ почти тогда же присоединились великоруссы изъ Воро-
нежской губ., православные. Различіе въ дѣлѣ вѣры было
причиною того, что раскольники, по обыкновенной своей фа-
рисейской гордости, не захотѣли жить вмѣстѣ съ православ-

ными: они поселились на западном берегу р. Койсуга, а православные—на восточной сторонѣ. Такъ какъ раскольниковъ здѣсь явилось болѣе, чѣмъ православныхъ, то первые и успѣли прежде построить себѣ часовню“.

Раскольники и въ настоящее время живутъ въ Черниговкѣ, на западном берегу р. Койсуга около ветхой часовни, существующей и доселѣ. По исповѣднымъ книгамъ Троицкой церкви въ настоящее время считается муж. пола 68 чел., а женскаго—60 коренныхъ раскольниковъ, признающихъ австрійское священство, и 6 муж., 8 женск. пола—временнопроживающихъ безпоповской секты.

Мѣсто, заселенное раскольниками, именуется въ народѣ „Старожилковою“.

Въ древнее время часть Черниговки, гдѣ жили православные, называлась Правовѣрною или Малою Черниговкою, а часть, гдѣ жили раскольники, именовалась Большою Черниговкою. Въ настоящее время обѣ части представляютъ одно селеніе, которое называется Больше-Черниговкою, а въ просторѣчій—Верхнія сотни. Жители восточной части селенія вѣкогда занимались гончарнымъ ремесломъ, отчего и теперь та часть селенія именуется въ народѣ „Горшколѣпами“. За ними, немного западнѣе, живутъ „Литвинцы“. Они такъ называются потому, что предки ихъ были выселенцами изъ Литвы. Центръ слободы не имѣетъ никакого названія. Югозападная часть именуется „Щигры“, по имени уѣзднаго гор. Курской губ., откуда были первые поселенцы той части селенія. Жители южной части называются „Бирючинцы“, потому что первые поселенцы были изъ гор. Бирюча, Воронежской губ. Юговосточная часть называется „Новая улица“, такъ какъ тамъ стали селиться вновь жители того-же селенія, жившіе раньше въ сѣверовосточной части селенія—„Зыковкѣ“ (почему эта часть такъ называется, неизвѣстно). Жителей Зыковки сильно разоряла полая и дождевая вода, чѣмъ они и были вынуждены оставить свои избы и огороды и переселились на болѣе безопасное мѣсто.

Въ настоящее время въ сл. Больше-Черниговкѣ по волостнымъ книгамъ считается 1,939 д. м. п. и 1,941 д. ж. п. Говорятъ въ Больше-Черниговкѣ на великорусскомъ языкѣ. Жи-

лица свои строятъ възъ тонкаго лѣса, мѣловаго камня и самана, облѣпливаютъ глиною, а потомъ снаружи и внутри бѣлятъ мѣломъ. Саманъ (нежженный земляной кирпичъ) готовятъ сами крестьяне изъ ила, нанесеннаго полою водою на берега рѣки, или изъ глины съ примѣсью соломы или соломы.

Одежда. Лѣтняя мужская одежда крестьянъ состоитъ изъ фуражки, рубахи съ косымъ воротомъ, жилета, шароваръ и суконной поддевки; зимою же фуражка замѣняется барашковою шапкою, а поддевка—полушубкомъ, подпоясаннымъ цвѣтнымъ поясомъ; на шею же надѣваютъ шарфы и небольшіе платки,—богатые шерстяные и шелковые, а бѣдные бумажные. Женщины лѣтомъ носятъ сорочки съ полными рукавами, которыя дѣлаются изъ бѣлаго коленкора, кумача и всевозможныхъ ситцевъ (полотняныхъ не носятъ), юбки или сарафаны (ситцевые и шерстяные), корсетки (плисовый или ситцевый лифъ безъ рукавовъ), завѣски (передники) и цвѣтные фабричные пояса; въ косу (дѣвицы) вплетаютъ нѣсколько шелковыхъ цвѣтныхъ лентъ, на шею (вообще всѣ женщины) надѣваютъ „маниста“ (преимущественно янтарь) и голову накрываютъ шелковымъ или шерстянымъ платкомъ. Осенью и весною въ праздники богатые одѣваются въ суконные черные халаты изъ фабричнаго и домашняго тонкаго сукна, а бѣдные—въ сѣрые коротейки (родъ короткихъ свитокъ изъ домашняго толстаго сукна);—нѣкоторые имѣютъ круглыя кофты на ватѣ, сдѣланныя изъ шерстяной или бумажной черной матеріи. Зимою всѣ женщины одѣваются въ овчинныя шубы—богатые—крытыя сукномъ, а бѣдные—нагольные. Дѣвицы зимою накрываютъ голову большими платками, концы которыхъ завязываютъ сзади вокругъ шеи, а женщины зимою и лѣтомъ носятъ на головѣ повязку изъ большихъ платковъ.

Пища. Богатые въ скоромные дни ѣдятъ „холодцы“ (мясной бульонъ, застуженный съ мясомъ), холодный борщъ (ботвинье), борщъ съ мясомъ, а иногда съ однимъ саломъ, похлебку (супъ), лапшу, молочную пшеничную кашу, вареное мясо (преимущественно птичье), блины и изварь. Въ постные дни—холодцы изъ рыбы, которую привозятъ сюда на продажу, по большей части изъ р. Донца, борщъ съ постнымъ масломъ, квасъ съ лукомъ, соленую рыбу, кашу и бурачный медъ (патоку). Скоромная пища бѣд-

ныхъ почти ничѣмъ не отличается отъ постной:—они въ тѣ и другіе дни ѣдятъ одно и то же: если есть квашеная капуста, варятъ борщъ безъ всякой приправы, въ противномъ же случаѣ готовятъ галушки, солодуху (квашу) и „саламать“, или же ѣдятъ хлѣбъ съ квасомъ и лукомъ, а иногда хлѣбъ съ водою.

Жилища свои освѣщаютъ керосиновыми лампами.

Заговоры. Отъ криковъ (неспокойное состояніе ребенка, когда онъ не спитъ, а день и ночь кричитъ)—берутъ на руки ребенка, смотрятъ на вечернюю звѣзду и читаютъ сначала три раза Молитву Господню, а затѣмъ слѣдующее: „заря май, зорюшка, вечерняя звѣздушка, ты криксы отъ кшенаво (крещеннаго), отъ пораженнаго (говорится имя), дайте ему сна спать до блага дня—быть споконному“ (3 раза).

Отъ зубной боли. Надо на „молодикѣ“ прочитать три раза Молитву Господню, а затѣмъ столько же разъ слѣдующее: „ты, мѣсяцъ, на небѣ, а ты, камень, у морѣ, а ты, вѣдьмѣдъ (медвѣдь), у лѣсѣ,—когда эти три брата будутъ бесѣды бесѣдовать, тогда у раба (имя) будутъ зубы болѣть“.

Отъ коликъ:—читается три раза Молитва Господня, затѣмъ лѣкарка беретъ ножъ, прикладываетъ остреемъ крестообразно къ мѣсту, гдѣ колить, и говоритъ: „я бабушка—дѣха, отъ Свята Дѣха, отъ печатнаго хреста, Ангелъ мой, хранитель мой! сохрани кшеннаго (крещеннаго), пораженнаго“.

Къ врачамъ по большей части относятся недовѣрчиво, но, въ крайности и по совѣту мѣстнаго священника, обращаются къ нимъ за помощью. Въ населеніи распространенъ сифилисъ.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе; въ зимнее-же время нѣкоторые изъ зажиточныхъ крестьянъ „прасолуютъ“ (покупаютъ и продаютъ лошадей). Женщины, кромѣ того, что помогаютъ мужчинамъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, ткутъ полотно, рядна, сукна, пояса и коврики—дорожки. Полотна изготовляются изъ конопли, которая растетъ на ихъ огородахъ, а пояса, сукна и дорожки—изъ шерсти домашнихъ овецъ. Каждая женщина среднимъ числомъ въ сутки можетъ выткать 12 арш. холста, а дорожекъ и сукна—аршинъ 15-ть и болѣе; поясовъ шириною въ $\frac{1}{4}$ арш., длиною въ 4 арш. женщина можетъ выткать 7 штукъ. Часть приготовленныхъ ряденъ и по-

лотна женщины оставляютъ для домашняго обихода, остальное же, а также пояса и дорожки, продаютъ на ярмаркахъ. Сукна готовятъ исключительно для себя. На вырученные деньги женщины пріобрѣтаютъ матеріалъ, необходимый для ихъ одежды, такъ какъ на обязанности каждой женщины—матери лежитъ одѣвать себя, мужа и дѣтей,—мужчины же заботятся только о верхней одеждѣ, какъ-то: о шубахъ, коротейкахъ, халатахъ, шапкахъ и сапогахъ.

Свадьба. Въ домъ родителей невесты приходитъ мужчина и женщина (сваты) съ пирогомъ (мѣстное названіе хлѣба) и, объяснивъ цѣль своего посѣщенія, просятъ принять отъ нихъ хлѣбъ—солъ. Родители невесты принимаютъ хлѣбъ, кладутъ его на полку вблизи иконъ, угощаютъ сватовъ и затѣмъ обѣщаютъ, подумавши, дать имъ рѣшительный отвѣтъ. Послѣ этого родители невесты нѣсколько дней разспрашиваютъ близкихъ сосѣдей жениха о его семействѣ, характерѣ, матеріальномъ состояніи и т. п. Если не получаютъ удовлетворительнаго отзыва, возвращаютъ жениху его хлѣбъ обратно; если же сосѣди жениха хорошо отзовутся о немъ, то родители невесты просятъ сватовъ посѣтить ихъ вторично. Въ назначенный день являются снова сваты жениха и приносятъ нѣсколько блюдъ (мисокъ) прѣсныхъ блиновъ, мяса и небольшое количество водки ($\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра). Сначала родители невесты угощаютъ сватовъ, а потомъ сваты угощаютъ родителей невесты и родственниковъ, усадивши ихъ за столъ. Въ это время родители даютъ свое согласіе отдать свою дочь, что называется у нихъ „пропбемъ“. Спустя нѣсколько дней, родители жениха и невесты договариваются о времени стовѣра (сватанья) и свадьбы. Стовѣръ по большей части бываетъ наканунѣ свадьбы. Въ день стовѣра вечеромъ замужняя сестра невесты или жена брата идетъ собирать дружекъ (подругъ невесты), сама же невеста остается дома встрѣчать дружекъ. Собирая дружекъ, поютъ пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ:

„Пайдѣмъ мы вдоль па вѣлицѣ,
Пайдѣмъ вдоль па ширѣкой
И во трѣтій дворъ паслѣшаемъ,
Что люди гавѣрятъ,—

Мавѣ бѣтѣшку бѣронятъ:
Пѣяница, прѣбѣйница,
Прѣпѣль сваѣ дѣчку
За вѣннаѣ бѣчку,

Прапілѣ сваю ўму
За віннаю рюмѣ,

Когда собираютъ дружекъ, идутъ къ невѣстѣ, берутъ ее съ собою въ сосѣдній домъ и тамъ одѣваютъ ее. Въ домѣ невѣсты собираются гости, исключительно родственники, сваты (родители и родственники жениха) и самъ женихъ. Сюда является и невѣста съ дружкой. Женихъ подходитъ тогда и узнаетъ между ними свою невѣсту, беретъ ее за руку, цѣлуетъ и становится подлѣ нея. Невѣста даритъ жениха небольшимъ платкомъ и полотенцомъ, а женихъ невѣсту деньгами (отъ 30 коп. до рубля). Потомъ родители невѣсты берутъ образъ и хлѣбъ, у ногъ своихъ кладутъ шубу, свороченную шерстью наверхъ, и благословляютъ жениха и невѣсту образомъ, а они кланяются родителямъ до земли. За родителями невѣсты благословляютъ родители жениха, крестные отецъ и мать, старшіе братья и сестры, дяди и тетки и всѣ близкіе родственники, какіе пожелаютъ. Послѣ этого женихъ и невѣста „почтуютъ“ водкою своихъ родителей и всѣхъ гостей, а они дарятъ ихъ, кто чѣмъ въ состояніи. За женихомъ и невѣстою почтуютъ гостей родители невѣсты и сажаютъ ихъ за столъ обѣдать въ другую комнату. Во время обѣда дружки поютъ и, подлѣ пѣніе, танцуютъ. Поютъ:

„Яблонь май садѣвая,
Груша зеленая.

Ой, лѣли! ой, ли-ли, лѣли!
Груша зеленая.
Падъ грушаю, падъ зеленаяю,
Кара залатая.

Ой, лѣли! ой, ли-ли, лѣли!
Кара залатая.

Ой, мимо шла да Марыюшка,
Шкару калупала.

Ой, лѣли!.. и т. д.
Шкару калупала, шкару калу-
Золото вынимала. [пала.

Ой, лѣли!.. и т. д.
Тѣмъ златомъ, тѣмъ серебромъ
Кавѣръ вышивала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Прапілѣ сваю чаду
За віннаю чару“.

Ана тѣмъ кавромъ, ана тѣмъ
шйтымъ

Свѣкарка дарила

Ой, лѣли!.. и т. д.

Свѣкрушко, мой батюшка,
Примай май дары.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Май дары небальшія—

Кавры вышивныя.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Тѣмъ златомъ, тѣмъ серебромъ
Чепецъ вышивала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Ана тѣмъ чепцомъ, ана тѣмъ
шйтымъ

Свекровью дарила.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Свекровьюшка, май матушка,
Примай май дары.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Май дары небальшія—

Чепцы вышивныя.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Тѣмъ златомъ, тѣмъ серебромъ

Платокъ вышивала.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Ана тѣмъ платкомъ, ана тѣмъ
шйтымъ

Ладушку (жениха) дарила.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Мой ладушка, мой батюшка,
Примай май дары.

Ой, лѣли!.. и т. д.

Май дары небальшія—

Платки вышивныя.

Ой, лѣли!.. и т. д.

На стговоръ родители жениха везутъ въ сундукъ стѣстные припасы: „холодцы“, вареное мясо, кашу, хлѣбъ, блины, „узваръ“ и ведеръ 5 водки въ боченкѣ. Когда родители невѣсты окончатъ угощеніе родни жениха, тогда жениховы родители сажаютъ невѣстиныхъ дружекъ за столъ и угощаютъ ихъ въ свою очередь тѣмъ, что привезли изъ дому.

Если свадьба бываетъ, спустя нѣсколько дней послѣ стговора, то наканунѣ свадьбы у невѣсты бываетъ „дѣвишникъ“. Собираются подруги невѣсты въ ея домъ, и каждая изъ нихъ приноситъ изъ дому блюдо (миску) блиновъ, вареную курицу и три калача; здѣсь они лѣпятъ пишки и каравай и въ это время поютъ.

Когда сажаютъ „каравай“ (небольшой круглый хлѣбъ) въ печь, втыкаютъ въ него двѣ небольшія восковыя свѣчи, наливаютъ рюмку водки, кладутъ въ нее монету и хмѣль, и двѣ изъ дружекъ, держа у печи на лопатѣ каравай, подаютъ другъ другу до трехъ разъ подлѣ лопатой рюмку водки, и каждый разъ немного выпиваютъ. Потомъ ставятъ пустую рюмку на коминъ и сажаютъ каравай въ печь. Въ это время всѣ дружки поютъ:

„А нашъ каравай у печку пошелъ,

А нашъ яравой сабѣ дружку нашелъ.

Нашъ каравай съ калачемъ шѣпча,

Нашъ яравой съ калачемъ шѣпча.

А печка гагоча, каравайчика хоча,

Жоли, жоли, хоча“.

За караваемъ въ печь сажаютъ пишки. Когда спекутся пишки, тогда невѣста одѣляетъ ими дружекъ и всѣхъ присутствующихъ. Послѣ этого невѣста сажаетъ за столъ подругъ и угощаетъ ихъ, а потомъ подруги сажаютъ невѣсту и всѣхъ ея

родныхъ и угощаютъ ихъ своими кушаньями, которыя они приносятъ изъ дому. Часть изъ этихъ кушаній онѣ оставляютъ у неvěсты и всѣ гости, кромѣ неvěсты, идутъ къ жениху просить къ неvěстѣ на блины. Въ это время приносятъ жениху отъ неvěсты сорочку, крестъ на лентѣ и поясъ. Братъ неvěсты продаетъ все это, запрашивая самую высокую цѣну, а женихъ торгуется. Когда сторгуются, женихъ отдаетъ деньги и беретъ сорочку, послѣ этого угощаютъ водкою и идутъ къ неvěстѣ. Въ этотъ день и у жениха пекутъ шишки и каравай.

Въ день свадьбы собираются гости къ неvěстѣ и къ жениху отдѣльно. Родители жениха благословляютъ своего сына и провожаютъ его съ родственниками въ церковь. Невѣсту (дома) благословляютъ ея родители и тоже провожаютъ въ церковь. Когда благословляютъ неvěсту, она, кланяясь до земли, говоритъ нараспѣвъ печальнымъ мотивомъ:

„Ой, да радѣмай мой бѣтѣшка!	И къ Божьему суду—
Охъ, да прастѣ, баславѣ!	Къ святому вѣнчанью“.
Да у пѣрвай разъ, у дрѣгай и	
трѣтѣй.	

Послѣ вѣнца молодые ѣдутъ къ неvěстѣ, обѣдаютъ тамъ и повиваютъ молодую (дѣлаютъ на головѣ изъ платка повязку). Послѣ обѣда свашка беретъ на руку кусочекъ коровьяго масла, мажетъ имъ голову жениха и посыпаетъ его хмѣлемъ. Потомъ раскрываетъ голову неvěсты, расплетаетъ ей косу и тоже мажетъ ея волосы коровьимъ масломъ и посыпаетъ хмѣлемъ. Затѣмъ заплетаютъ волосы въ двѣ косы, закладываютъ вокругъ головы и повиваютъ. Въ это время поютъ:

„А што мы схотѣли,	Съ мукѣй пеляницѣ,
То мы срабили—	Съ дѣвчины маладѣцу“.

Когда „повивютъ“ неvěсту, ставятъ на телѣгу неvěстинъ сундукъ, кладутъ ея постель и провожаютъ ее къ жениху.

Свадьба богатыхъ стоитъ 100 р. и болѣе, а бѣдныхъ не менѣе 50 р. Большая часть денегъ затрачивается на водку.

Хороводы. Молодые парни и дѣвки въ праздничные дни вечеромъ водить „танки“ (хороводы). Это дѣлается такъ: нѣсколько человѣкъ молодежи (человѣкъ 30 и болѣе) берутся за руки и съ пѣснями идутъ по улицѣ. Двое переднихъ, держась за руки,

становятся по сторонамъ дороги, подымаютъ руки, чтобы подъ ними можно было пройти, и пропускаютъ между собою всѣхъ отъ послѣдняго къ первому. Ихъ примѣру слѣдуютъ тѣ, которые прошли подъ ихъ руками первые. Поютъ:

„Ва гóрадѣ Ярославѣ.	Дóбрый мóлодецъ въ гúсли грáя,
Ой, да лялѣ, лялѣ! Ярославѣ.	Крáсную дѣвушку прабужáя:
Да маладѣцъ канѣ прадавáя.	„Встань, дѣвушка, встань,
Ой, да лялѣ, лялѣ! прадавáя.	праснѣся,
Ёнъ да продавши канѣ,	Встань, крáсная, прабудѣся!
Въ гúсли грáя.	За табóю матъ прихадѣла,
Ой, да лялѣ... и т. д.	Прихадѣла, шалковóю плетъ
Въ ягò струны мачольнѣя,	принасѣла.
Ой, да лялѣ... и т. д.	Да не чужáя матъ, матъ род-
Крáсная дѣвушка прѣоснóла	нáя,—
У дóбраго мóлодца на калѣ-	Анá болѣна бѣетъ, пажалѣя,—
нахъ.	Са дварá сашлѣтъ, опятъ вѣрнá“.

Пѣсня. Произведеніями народнаго поэтического творчества жители сл. Больше-Черниговки не богаты; они имѣютъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ, миѣическихъ сказокъ, романтическихъ пѣсень. Фантастическіе разсказы пользуются у нихъ меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ пѣсни, въ которыхъ главную роль играетъ содержаніе сравнительно съ напѣвомъ, выражаемое болѣе всего усиленіемъ звуковъ, а не разнообразіемъ ихъ. Осенняя пѣсня:

„У варòтъ саснá стáйтъ.	Атѣцкѣй сынъ—Пятрòвичъ.
Ой, да лялѣ, лялѣ, лялѣ!	Качáли ягò два брáтца,
У варòтъ зеленáя.	Да два брáта—таварѣши.
Ой, да лялѣ... и т. д.	Ушъ вы, брáтцы—таварѣши!
(Припѣвъ послѣ каждой строки пѣсни).	Падайдѣтя паблѣжа,
Канабѣль (колыбель) кляновáя,	Васкачнѣтя павѣша,
А крѣчѣкъ атъ-мѣдянай,	Штобѣ тѣстáвъ дворъ видѣнъ
А лучѣкъ серѣбрянай,	былъ,
Падцѣпачки шалковѣя,	А тѣщинъ высòкъ терѣмъ,
Патпрѣтáчки ремѣнныя.	А Мáрьюшкинъ дубòвый столъ;
Ва той канабѣли	Штобъ мая Мáрьюшка
Качáлся атѣцкѣй сынъ—Ивá-	Не плáкала, не рѣдала
нушка,	И бѣла лицá не слязѣла“.

Е. С. Тихонова.

20.—Сл. Спѣваковна.

Болѣзни.—Говорѣ.

Спѣваковка стоитъ при р. Айдари, на разстояніи 25 вер. отъ г. Старобѣльска. Близость рѣки Айдари къ селу приноситъ много полезнаго и пріятнаго для мѣстныхъ жителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много вреда. Весною во время вскрытія рѣки, вода затопляетъ лугъ и берегъ селенія. Жилища крестьянъ, расположенныя вблизи рѣки, долгое время бываютъ затоплены водою, и обитатели ихъ принуждены переходить на квартиры къ сосѣдямъ своимъ недѣли на три, а потомъ оправлять и осушивать свои избы. Во время весны, жители страдаютъ лихорадкою или же простудною горячкою, переходящею со временемъ въ водяную, воспаленіе легкихъ, колотье въ спинѣ и въ ревматизмъ. За немногими исключеніями крестьяне въ помощь земскихъ врачей не вѣрятъ и обращаются къ своимъ, народнымъ лѣкарямъ и знахарямъ. Въ Спѣваковкѣ живетъ крестьянинъ, который лѣчитъ людей отъ „сибирки“. Наговоренное кислое молоко онъ велитъ прикладывать къ больному мѣсту, а также и наговоренную смѣсь изъ нашатыря и водки даетъ пить больному. Болѣзнь переполохъ (испугъ) бабки лѣчатъ слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и выливаютъ въ чистую воду, читая при этомъ трижды молитву Господню, потомъ вынимаютъ фигуру застывшаго воска изъ воды и даютъ послѣднюю выпить больному. Болѣзнь „съ глазъ“ лѣчатъ тоже бабки, наговаривая воду и умывая ею больного. Когда животныя заболѣваютъ володырями, при чемъ иногда кожа снимается, лѣкаря смѣшиваютъ синій камень съ чистымъ дегтемъ, смазываютъ этою смѣсью полость рта, и болѣзнь уничтожается. Отъ червей знахарь вырываетъ пучекъ шерсти у больного животного на лбу между рогами и вывязываютъ ее съ произнесеніемъ молитвы. Отъ запора даютъ наваръ жостера.

Жители Спѣваковки говорятъ на великорусскомъ нарѣчій. Неударяемый звукъ *о* въ ихъ говорѣ замѣняется звукомъ *а*. Они произносятъ слова: галава, харашо, агурцы. Звуки *ь* и *е* неударяемые, при произношеніи нѣкоторыхъ словъ переходятъ въ *а* и *я*. Они произносятъ слова: сястра, мядовый, лясной, жаня, пшаница, чатыре. Есть случаи употребленія *у* вмѣсто *в*. Произносятся слова: удова, узять, усѣ. Произносятъ *т* вмѣсто *д*: „загадаю загатку, перекину черезъ грядку“. Есть случаи употребленія придыханія. Произносятъ слова: вонъ—вмѣсто онъ, вутка—вмѣсто утка. Шипящій звукъ *ш* замѣняется шипящимъ *и*: шавель—вмѣсто щавель, знающій—вмѣсто знающий, большій—вмѣсто большущій. Мѣстоимствія: себѣ, тебѣ, его, кого, того—произносятся: сабѣ, табѣ, ягѣ, кагѣ, тагѣ. Глаголы въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа имѣютъ окончаніе только *е*, напримѣръ: пекѣ—вмѣсто печетъ, ведѣ—вмѣсто ведетъ, несѣ—вмѣсто несетъ, читѣе—вмѣсто читаетъ, сѣе—вмѣсто сѣетъ. Въ говорѣ жителей сл. Спѣваковки встрѣчаются такіе слова: пѣвно—вмѣсто вѣроятно, анадѣсь—вмѣсто недавно, анадѣсь—вмѣсто третьяго дня, давеча—вмѣсто недавно, ламка—вмѣсто лампа и гакъ—вмѣсто керосинъ; ласкательныя названія по адресу женщинъ: мой лебѣдочка бѣлая, мой соколѣночка, ласкательныя названія по адресу мужчинъ: мой соколѣкъ ясный; прозвища: мордзѣ, чикулѣй, малюкъ, шкаликъ, будыня.

Е. В. Попова.

21.—Сл. Шульгинка.

Поселение.—Жители, языкъ, жилище, одежда, пища, травы.—Свадебные обряды.
Поминки.—Этнографическій календарь.—Игры.—Лѣсни и сказки.

Шульгинка расположена на лѣвомъ берегу р. Айдар и по обѣимъ сторонамъ р. Шульги (почему и получила названіе „Шульгинки“) и находится въ 15 в. отъ г. Старобѣльска. Берега р. Айдар и Шульги покрыты богатою растительностью и представляютъ мѣстность красивую и живописную. Рѣчкою Шульгою слобода дѣлится на двѣ части: на восточную, возвышенную, черноземную, и западную, низменную, песчаную. Она тянется слишкомъ на 3 версты въ длину и на столько же въ ширину. Изъ записокъ еп. Филарета видно, что Шульгинка лежитъ при устьѣ рѣчки Шульги. Вотъ показаніе о населеніи Шульгинки, данное въ 1769 г. Шульгинскимъ священникомъ Тимоѣемъ Алексѣевымъ и атаманомъ Пугачомъ: „Сл. Шульгинка заселена малороссіянами Бахмутскаго уѣзда Новоайдарской слободы—однодворцемъ Θεодотомъ Теремязовымъ въ 1719 г., въ урочищѣ р. Шульгинки, оставшимся въ пустѣ и разоренномъ, войска Донскаго, казачьей станицы Шульгинской во время Булавинскаго бунта; земля отъ г. Бахмута въ 110 вер. По поселеніи на той землѣ внизъ по р. Айдару обще съ Новоайдарскими одноворцами по урочище Каменный бродъ на 12, а вверхъ по той же рѣчкѣ по средней, срокъ на 6 верстѣ. Именовалась та слобода, Шульгинка, казенною по 1759 г. Бахмутской соляной канцеляріи регистраторъ Георгій Смольниковъ продалъ сената оберъ-прокурору Александру Ивановичу Глѣбову зачатую, но недоконченную свою мельницу на р. Айдарѣ противъ слоб. Шульгинки за 5 р. При продажѣ повѣренный г. Глѣбова, Тряпицынъ, назвавъ землю Черкасовъ Шульгинскихъ пороженю, и земля на 150 четв. въ полѣ, Бахмутскою канцеляріею отдана Глѣбову, съ платежомъ въ казну по 10 к. съ четверти

земли, впредь до указу; Шульгинка оставалась въ подданствѣ у Глѣбова по 1765 г., когда, по указу сената, отобрана она въ казну“. Первый храмъ во имя св. Николая построенъ былъ здѣсь около 1725 г. Въ 1780 г. выданы были въ Николаевскую церковь слоб. Шульгинки изъ Славянскаго духовнаго правленія метрическія тетради; въ слѣдующемъ 1781 г. прихожане-черкасы уже получили разрѣшеніе построить новый храмъ во имя св. Николая; старый же храмъ оставленъ безъ служенія, какъ ветхій. Другой храмъ въ Шульгинкѣ, на другой сторонѣ рѣчки Шульги, есть тотъ самый, который въ 1781 г. оставленъ безъ служенія, въ 1792 г. перенесенъ былъ на кладбище и освященъ былъ во имя св. Троицы, а съ 1805 г. онъ названъ приходскимъ для поселившихся на правомъ берегу р. Шульги. Онъ и понынѣ проченъ послѣ нѣкоторыхъ поправокъ: стѣны его состоятъ изъ толстыхъ, непиленыхъ, а расколотыхъ пластинъ дуба, который не тревожится отъ вѣковыхъ переменъ атмосферы. Иконостасъ возобновленъ въ 1840 г. Сл. Шульгинка входила въ составъ военнаго поселенія.

Жители слободы—малороссы; роста выше средняго, волосы, почти у всѣхъ, черные, лица круглыя, чистыя, по наружности они въ общемъ красивы; мужчинъ 2,690, женщинъ 2,568, всего 5,258 д. об. п.

Языкъ. Народъ этой мѣстности говоритъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ, на примѣръ: „хибѣ тобѣ вѣжко зробіты це діло“? Мѣстныя слова и реченія: „мой нѣнько, риднѣнько, зүзүля“, „далиби що“ (увѣряю васъ), „чи мѣло“ (достаточно), „заздалѣгидь“ (заблаговременно). Тѣ, которые уходятъ на заработки въ донскія мѣста, по возвращеніи своемъ оттуда, говорятъ ломаннымъ литературнымъ языкомъ, особенно женщины, служившія въ качествѣ горничныхъ у какихъ либо богатыхъ людей, на примѣръ: „я служила горнышной у бѣрыни, у ёи дочкѣ учится въ панцыѣнѣ, въ одынѣ ментѣ (моментѣ) книжки читаѣтъ“. Большая часть шульгинцевъ грамотна, охотно читаютъ книги, искажая книжный языкъ, какъ, на примѣръ: „гарбѣй (герой), катыгорія (категорія), кабынѣтъ (кабинетъ), діятыль (дѣятель), гостыня (гостинница), идѣя (идея), достокопѣльно (досконально), провѣнѣтъ (провіантъ), обѣчество (общество), панцыѣнѣ (пансіонѣ), вишлага (обшлага), сѣра (ссора), сѣртъ (сортъ)“ и т. д.

Избы дѣлаютъ деревянные; только у бѣдныхъ встрѣчаются плетенныя изъ хворосту, обмазанныя глиною. Прежде изба состояла изъ одной комнаты (хаты) и сѣнцовъ; окна всѣ были обращены во дворъ; теперь, по большей части изъ двухъ отдѣленій: главной (хаты) и другой (хатины) окнами на улицу. Въ хатѣ замѣчается главный уголъ, или такъ называемая „покуть“, гдѣ находятся иконы, украшенныя цвѣтками ихъ же издѣлія и увѣшанныя полотняными рушниками своей работы, иногда же и—ситцевыми. Возлѣ иконъ, на стѣнахъ прибиты куски обоевъ, какъ украшеніе. Въ переднемъ углу, вокругъ стѣнъ стоятъ лавки, а передъ ними—некрашеный деревянный столъ, покрытый холщевой скатертью своего приготовленія. За печкою устраивается родъ кровати (пиль), гдѣ они отдыхаютъ; теперь же нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ кровать, диванъ и стулья. Печи и ставни раскрашиваются желтою и красною краскою (глиною). Дворы по улицѣ узки, но очень длинны; во дворѣ находится много построекъ: амбары съ закромами, гдѣ сберегаютъ зерновой хлѣбъ, погреба—для съѣстныхъ припасовъ, клуны для хлѣба, загороды—для скота, ловитки (сарай)—для экипажей, половики—для половы, коморы—для склада теплыхъ вещей, хлѣвъ—для топлива.

Одежда. Жители Шулгинки старинный національный костюмъ, какой носили въ прежнее время, не носятъ, какъ, напр., плахты, дерги, вытканныя изъ шерсти, и выбойчатыя юбки; какъ женщины, такъ и мужчины—дѣлаютъ себѣ наряды, похожіе на наряды городскихъ мѣщанъ, благодаря близкому разстоянію отъ города; еще больше это заимствовано ими изъ донскихъ мѣстъ, куда они ежегодно отправляются на заработки. Одежда мужчинъ въ лѣтнее время, въ будни, состоитъ изъ полотняныхъ шароваръ и такой же рубашки, а въ праздники—изъ чепарки, покрытой какою-либо матеріею, стоящею 1 р. 20—2 р. 50 к., и шароваръ въ 80 к.—1 р. 20 к.; зимою носятъ кофужихи (полусубки) изъ овчинъ, стоящія 10—12 р., или крытые матеріей въ 15—17 р. На голову лѣтомъ надѣваютъ картузы въ 70 к.—1 р., а зимою шапку въ 40—70 к.; старые и малые носятъ зимою капелюхи (родъ шапки съ закрышками для ушей) въ 30—70 к. Ноги обуваютъ лѣтомъ въ сапоги, а зимою въ валенки. Одежда женщинъ лѣтомъ состоитъ изъ ситцевой

юбки (сарафана) и кофты (юбки). Юбки и кофты отдѣлываютъ пестрыми шнурками, пуговицами и плисомъ; юбка стоитъ 1 р. 20 к.—2 р., а кофта—1 р.—1 р. 80 к.; зимою носятъ кофужихи въ 12—13 р., крытые какою-нибудь матеріею съ барашковыми воротниками въ 17—20 р., суконныя свитки (юбки) въ 3—4 р. На голову дѣвушки надѣваютъ повязки изъ шелкового платка или ленты (стрички), вѣнки изъ цвѣтовъ, распускаютъ косы, вплетая массу пестрыхъ лентъ, иногда платки ситцевые, шерстяные и шелковые, смотря по состоянію, а женщины—очипки, накладки шелковыя, платки; зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ туфли (черевики).

Пища. Въ скоромные дни богатые крестьяне готовятъ 2—3 кушанья: борщъ съ мясомъ, лапшу (рѣзанцы), молочную кашу, въ праздники прибавляютъ еще пироги со сметаною и что нибудь жареное; въ постные же дни—борщъ, заправленный постнымъ масломъ. иногда съ рыбою, пшеную кашу, галушки (рванцы), затерку, узваръ изъ сушеныхъ плодовъ; также пекутъ пироги съ капустою, картофелемъ, горохомъ, фасолью; изъ этихъ овощей приготовляютъ также кушанья. Бѣдные ѣдятъ въ скоромные дни—борщъ съ саломъ, кашу, галушки, лапшу, блины съ саломъ, а въ постъ—борщъ безъ масла и рыбы, кашу,—иногда же и ничего не варятъ, питаются хлѣбомъ съ солью и водою,—лукъ съ квасомъ, огурцы соленые и арбузы (кавуны); лѣтомъ еще варятъ тыквенную кашу, пшеничку (кукурузу).

Въ прежнее время богатые жители освѣщали свои избы сальными свѣчами, а бѣдные каганцомъ (наливали въ черепокъ сала или постнаго масла, олию, опускали въ него фитиль изъ тряпочки); теперь же освѣщаютъ избы керосиновыми лампочками.

Лѣкарственные травы. Нѣкоторыя растенія употребляютъ, какъ врачебныя средства: надошникъ (бадага)—отъ ломоты костей, полынь и валерьянъ—отъ лихорадки, пижму—отъ желудочной боли, жостеръ—какъ слабительное средство, липовый и бузиновый цвѣтъ—отъ простуды, калину—отъ кашля, холодную мяту—отъ расстройства желудка, подорожникъ—отъ зубной боли, лопухъ—отъ золотухи.

Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; пчеловодство въ упадкѣ, такъ какъ за послѣднее время лѣса совер-

шенно перевелись, садоводство же развито въ высшей степени; береговые жители промысляютъ рыбною ловлею. Кустарныхъ промысловъ не было прежде и теперь нѣтъ; нѣкоторые занимаются здѣсь [прасольствомъ. Здѣшній народъ очень развитъ, много читаетъ; всѣ стремятся отдать своихъ дѣтей въ школу, которыхъ здѣсь двѣ: школьное зданіе одной построено на счетъ сельскаго общества, содержаніе же на школу и учителя отпускается отъ земства; другая—церковно-приходская, помѣщаяся при церкви, въ сторожкѣ; есть еще частныя школы которыя устраиваются отставными грамотными солдатами.

При рожденіи и крещеніи ребенка не соблюдается ни какихъ пѣсенъ и обычаевъ. Для вечерницъ избирается семейная хата бѣдныхъ людей, за которую посѣтителы,—парни и дѣвушки,—платятъ не деньгами, а съѣстными продуктами, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Дѣвушки приходятъ на вечерницы съ работою, а парни съ балалайками и гармониками идутъ увеселять дѣвушекъ, проводятъ время въ игрѣ, въ пѣніи, въ разговорѣ и этими увеселеніями часто отвлекаютъ дѣвушекъ отъ работы. Гулянье это продолжается до свѣта.

Свадебные обычаи и пѣсни. Для того, чтобы „засватать“ дѣвушку, избираются со стороны жениха два уполномоченныхъ, болѣе разбитныхъ, крестьянина въ старосты, которымъ даютъ хлѣбъ и просятъ ихъ идти засватать намѣченную женихомъ дѣвушку. Это происходитъ обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба. Сваты идутъ преимущественно вечеромъ въ назначенный домъ и начинаютъ разными окольными путями заводить разговоръ; такъ, напр.: „здоровы булы-днювалы собѣ!“—„Слава Богу,—якъ вы собѣ? що вы за люды? за якимъ діломъ вы до насъ прийшли?“—„Та, бачъ, мы охотники, выслидылы лысыцю до васъ у двирь, та й заблудылыся, не знаѣмъ, де вона ділась, хочъ по сліду и вѣдно, що вона у васъ сховалася, чи не мѣжно йийи у васъ пошукати?“—„Та сидайте, добри люды, а роспытаѣмось, мѣже, и найдете“. Послѣ этого сваты говорятъ, отъ кого они присланы, и спрашиваютъ: согласны ли родители отдать свою дочь за извѣстнаго парня. Если они согласны, то берутъ хлѣбъ у сватовъ, кладутъ его на столъ, призываютъ невѣсту и спрашиваютъ ее о согласіи. Если невѣста

согласна съ мнѣніемъ родителей, то приглашаютъ жениха и говорятъ ему: „що-жь, сѣнку, чи согласынъ ты браты нашу дитѣнку, чи, мѣже, ци люды самы зайшли сюды?“ Женихъ отвѣчаетъ: „та нѣ, вони прийшли по мойй прозьби, я согласынъ женѣцѣ на ваший дочцѣ, спытайте ей согласься.“—„Мы вже пыталы (спрашивали) ей, вона согласна ить за тебе.“ Въ это время вторично призываютъ невѣсту, молятся Богу, потомъ заставляютъ жениха въ знакъ согласія поцѣловаться съ невѣстою, выпиваютъ по чаркѣ водки, отпускаютъ молодыхъ, а сами со сватами остаются, пьютъ водку, дѣлая при этомъ договоръ, состоящій въ томъ, что женихъ обязанъ уплатить за невѣсту отъ 5 до 40 р., или берутъ, вмѣсто денегъ, хлѣбъ и водку, объясняя жениху, что онъ лишаетъ ихъ работницы и беретъ себѣ ее на всю жизнь. Послѣ этого ѣдутъ къ жениху на „оглядыны“, т. е. осматриваютъ дворъ и все его состояніе, а, спустя нѣсколько дней, играютъ формальное сватанье, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ невѣста перевязываетъ родныхъ жениха платками, за что ей даютъ деньги. Сватанье пируютъ 2—3 дня, оно сопровождается пѣніемъ пѣсенъ, музыкою и обходится отъ 20 до 40 р. и болѣе.

По прошествіи 2—3 недѣль послѣ сватанья, отецъ жениха идетъ къ священнику, договаривается за вѣнчанье, и въ назначенный день, послѣ литургіи, совершается вѣнчаніе, при которомъ присутствуютъ родственники жениха и невѣсты. У жениха, вмѣсто шафера, бываетъ парень, называемый бояриномъ, а у невѣсты—дѣвушка—дружка. Какъ невѣста, такъ и дружка верхнее платье подпоясываютъ вышитымъ „рушникомъ“. По окончаніи вѣнчанія женихъ, невѣста, бояринъ, дружка и всѣ родственники идутъ, а иногда ѣдутъ, въ домъ жениха обѣдать, послѣ чего невѣста съ дружкою и со своими родными уходитъ изъ дому жениха до вечера, проводя время съ подругами на вечерницахъ, а женихъ ѣдетъ, собираетъ парней, душъ 10, и снаряжаетъ поѣздъ изъ 2—3 троекъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; послѣ этого всѣ гости входятъ въ домъ, и дружка, избранный распорядитель свадьбы, близкій родственникъ жениха, вводитъ жениха въ сѣни со словами: „Гѣсподы Сѣсе Хрыстѣ, Сѣне Бѣжій, помылуй насъ“. Изъ избы отвѣчаютъ тоже из-

Избы дѣлаютъ деревянные; только у бѣдныхъ встрѣчаются плетенныя изъ хворосту, обмазанныя глиною. Прежде изба состояла изъ одной комнаты (хаты) и сѣнцовъ; окна всѣ были обращены во дворъ; теперь, по большей части изъ двухъ отдѣленій: главной (хаты) и другой (хатины) окнами на улицу. Въ хатѣ замѣчается главный уголъ, или такъ называемая „покуть“, гдѣ находятся иконы, украшенныя цвѣтками ихъ же издѣлія и увѣшанныя полотняными рушниками своей работы, иногда же и—ситцевыми. Возлѣ иконъ, на стѣнахъ прибиты куски обоевъ, какъ украшеніе. Въ переднемъ углу, вокругъ стѣнъ стоятъ лавки, а передъ ними—некрашеный деревянный столъ, покрытый холщевой скатертью своего приготовленія. За печкою устраивается родъ кровати (пиль), гдѣ они отдыхаютъ; теперь же нерѣдко встрѣчаются у крестьянъ кровать, диванъ и стулья. Печи и ставни раскрашиваются желтою и красною краскою (глиною). Дворы по улицѣ узки, но очень длинны; во дворѣ находится много построекъ: амбары съ закромами, гдѣ сберегаютъ зерновой хлѣбъ, погреба—для съѣстныхъ припасовъ, клуны для хлѣба, загороды—для скота, домики (сарай)—для экипажей, половики—для половы, коморы—для склада теплыхъ вещей, хлѣвъ—для топлива.

Одежда. Жители Шульгинки старинный національный костюмъ, какой носили въ прежнее время, не носятъ, какъ, напр., плахты, дерги, вытканныя изъ шерсти, и выбойчатые юбки; какъ женщины, такъ и мужчины—дѣлаютъ себѣ наряды, похожіе на наряды городскихъ мѣщанъ, благодаря близкому разстоянію отъ города; еще больше это заимствовано ими изъ донскихъ мѣстъ, куда они ежегодно отправляются на заработки. Одежда мужчинъ въ лѣтнее время, въ будни, состоитъ изъ полотняныхъ шароваръ и такой же рубашки, а въ праздники—изъ чечетки, покрытой какою-либо матеріею, стоящею 1 р. 20—2 р. 50 к., и шароваръ въ 80 к.—1 р. 20 к.; зимою носятъ кожаные (полушубки) изъ овчины, стоящіе 10—12 р., или крытые матеріею въ 15—17 р. На голову лѣтомъ надѣваютъ картузы въ 70 к.—1 р., а зимою шапку въ 40—70 к.; старые и малые носятъ зимою капелюхи (родъ шапки съ закрывками для ушей) въ 30—70 к. Ноги обуваютъ лѣтомъ въ сапоги, а зимою въ валенки. Одежда женщинъ лѣтомъ состоитъ изъ ситцевой

юбки (сарафана) и кофты (юбки). Юбки и кофты отдѣлываютъ пестрыми шнурками, пуговицами и плисомъ; юбка стоитъ 1 р. 20 к.—2 р., а кофта—1 р.—1 р. 80 к.; зимою носятъ кожаные въ 12—13 р., крытые какою-нибудь матеріею съ барашковыми воротниками въ 17—20 р., суконныя свитки (юбки) въ 3—4 р. На голову дѣвушки надѣваютъ повязки изъ шелкового платка или ленты (стрички), вѣнки изъ цвѣтовъ, пускаютъ косы, вплетая массу пестрыхъ лентъ, иногда платки ситцевые, шерстяные и шелковые, смотря по состоянію, а женщины—очипки, накладки шелковыя, платки; зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ туфли (черевики).

Пища. Въ скоромные дни богатые крестьяне готовятъ 2—3 кушанья: борщъ съ мясомъ, лапшу (рѣзанцы), молочную кашу, въ праздники прибавляютъ еще пироги со сметаною и что нибудь жареное; въ постные же дни—борщъ, заправленный постнымъ масломъ. иногда съ рыбою, пшенную кашу, галушки (рванцы), затерку, узваръ изъ сушеныхъ плодовъ; также пекутъ пироги съ капустою, картофелемъ, горохомъ, фасолью; изъ этихъ овощей готовятъ также кушанья. Бѣдные ѣдятъ въ скоромные дни—борщъ съ саломъ, кашу, галушки, лапшу, блины съ саломъ, а въ постъ—борщъ безъ масла и рыбы, кашу, — иногда же и ничего не варятъ, питаются хлѣбомъ съ солью и водою, — лукъ съ квасомъ, огурцы соленые и арбузы (кавуны); лѣтомъ еще варятъ тыквенную кашу, пшеничку (кукурузу).

Въ прежнее время богатые жители освѣщали свои избы сальными свѣчами, а бѣдные каганцомъ (наливали въ черепокъ сала или постнаго масла, олию; опускали въ него фитиль изъ тряпочки); теперь же освѣщаютъ избы керосиновыми лампочками.

Лѣкарственные травы. Нѣкоторыя растенія употребляютъ, какъ врачебныя средства: надушникъ (бадяга)—отъ ломоты костей, полынь и валерьянъ—отъ лихорадки, пижму—отъ желудочной боли, жостеръ—какъ слабительное средство, липовый и бузиновый цвѣтъ—отъ простуды, калину—отъ кашля, холодную мяту—отъ расстройства желудка. подорожникъ—отъ зубной боли, лопухъ—отъ золотухи.

Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ; пчеловодство въ упадкѣ, такъ какъ за послѣднее время лѣса совер-

шенно перевелись, садоводство же развито въ высшей степени; береговые жители промысляютъ рыбною ловлею. Кустарныхъ промысловъ не было прежде и теперь нѣтъ; нѣкоторые занимаются здѣсь [прасольствомъ. Здѣшній народъ очень развитъ, много читаетъ; всѣ стремятся отдать своихъ дѣтей въ школу, которыхъ здѣсь двѣ: школьное зданіе одной построено на счетъ сельскаго общества, содержаніе же на школу и учителя отпускается отъ земства; другая—церковно-приходская, помѣщающаяся при церкви, въ сторожкѣ; есть еще частныя школы которыя устраиваются отставными грамотными солдатами.

При рожденіи и крещеніи ребенка не соблюдается ни какихъ пѣсенъ и обычаевъ. Для вечерницъ избирается семейная хата бѣдныхъ людей, за которую посѣтители,—парни и дѣвушки,—платятъ не деньгами, а съѣстными продуктами, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Дѣвушки приходятъ на вечерницы съ работою, а парни съ балалайками и гармониками идутъ увеселять дѣвушекъ, проводятъ время въ игрѣ, въ пѣніи, въ разговорѣ и этими увеселеніями часто отвлекаютъ дѣвушекъ отъ работы. Гулянье это продолжается до свѣта.

Свадебные обычаи и пѣсни. Для того, чтобы „засватать“ дѣвушку, избираются со стороны жениха два уполномоченныхъ, болѣе разбитныхъ, крестьянина въ старосты, которымъ даютъ хлѣбъ и просятъ ихъ идти засватать намѣченную женихомъ дѣвушку. Это происходитъ обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба. Сваты идутъ преимущественно вечеромъ въ назначенный домъ и начинаютъ разными окольными путями заводить разговоръ; такъ, напр.: „здоровы булы-днювалы собѣ!“—„Слава Богу,—якъ вы собѣ? що вы за люды? за якимъ діломъ вы до насъ прийшли?“—„Та, бачъ, мы охотныки, вѣслидылы лысыцю до васъ у двирь, та й заблудылыся, не знаѣмъ, де вона ділась, хочъ по слѣду и вѣдно, що вона у васъ сховалася, чи не мѣжно пийи у васъ пошукаты?“—„Та сидайте, добри люды, а роспытѣмось, мѣже, и найдете“. Послѣ этого сваты говорятъ, отъ кого они присланы, и спрашиваютъ: согласны ли родители отдать свою дочь за извѣстнаго парня. Если они согласны, то берутъ хлѣбъ у сватовъ, кладутъ его на столъ, призываютъ невѣсту и спрашиваютъ ее о согласіи. Если невѣста

согласна съ мнѣніемъ родителей, то приглашаютъ жениха и говорятъ ему: „що-жъ, сынку, чи согласынъ ты браты нашу дѣтѣнку, чи, мѣже, ци люды самы зайшли сюды?“ Женихъ отвѣчаетъ: „та нѣ, вони прийшли по мойй прозьби, а согласынъ женѣщця на вѣший дочцѣ, спытайте ей согласься.“—„Мы вже пыталы (спрашивали) ей, вона согласна ить за тебе.“ Въ это время вторично призываютъ невѣсту, молятся Богу, потомъ заставляютъ жениха въ знакъ согласія поцѣловаться съ невѣстою, выпиваютъ по чаркѣ водки, отпускаютъ молодыхъ, а сами со сватами остаются, пьютъ водку, дѣлая при этомъ договоръ, состоящій въ томъ, что женихъ обязанъ уплатить за невѣсту отъ 5 до 40 р., или берутъ, вмѣсто денегъ, хлѣбъ и водку, объясняя жениху, что онъ лишаетъ ихъ работницы и беретъ себѣ ее на всю жизнь. Послѣ этого ѣдутъ къ жениху на „оглядыны“, т. е. осматриваютъ дворъ и все его состояніе, а, спустя нѣсколько дней, играютъ формальное сватанье, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ; въ присутствіи ихъ невѣста перевязываетъ родныхъ жениха платками, за что ей даютъ деньги. Сватанье пируютъ 2—3 дня, оно сопровождается пѣніемъ пѣсенъ, музыкою и обходится отъ 20 до 40 р. и болѣе.

По прошествіи 2—3 недѣль послѣ сватанья, отецъ жениха идетъ къ священнику, договаривается за вѣнчанье, и въ назначенный день, послѣ литургіи, совершается вѣнчаніе, при которомъ присутствуютъ родственники жениха и невѣсты. У жениха, вмѣсто шафера, бываетъ парень, называемый бояриномъ, а у невѣсты—дѣвушка—дружка. Какъ невѣста, такъ и дружка верхнее платье подпоясываютъ вышитымъ „рушникомъ“. По окончаніи вѣнчанія женихъ, невѣста, бояринъ, дружка и всѣ родственники идутъ, а иногда ѣдутъ, въ домъ жениха обѣдать, послѣ чего невѣста съ дружкой и со своими родными уходитъ изъ дому жениха до вечера, проводя время съ подругами на вечерницахъ, а женихъ ѣдетъ, собираетъ парней, душъ 10, и снаряжаетъ поѣздъ изъ 2—3 троекъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; послѣ этого всѣ гости входятъ въ домъ, и дружка, избранный распорядитель свадьбы, близкій родственникъ жениха, вводитъ жениха въ сѣни со словами: „Гѣсподы Сусе Хрыстѣ, Сїне Бѣжій, помѣлуй насъ“. Изъ избы отвѣчаютъ тоже из-

бранные крестьяне: „амѣнь“. Дружко говоритъ: „спасѣби за „амѣнь“, за дѣбѣ слѣво, благословѣтъ молодѣго Бѣгу помо-
лѣцѣя, отцѣ, нѣнцѣ вѣ нѣги поклѣнѣцѣя и за стилѣ завѣ-
стѣ“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Бѣгѣ благословѣтъ и я благословѣлю
трѣчи рѣзомѣ“. Женихѣ, войдя вѣ избѣ, молѣтся со своими
родными, кланяется имѣ вѣ ноги, а дѣвушкѣ поютъ: „та клѣ-
няйся, Иванѣкѣ, напередѣ Гѣспѣду Бѣгу, отцѣ, нѣнцѣ вѣ нѣги,
всѣй родѣнѣнцѣ и блѣзѣнѣнцѣ, и далѣкѣнцѣ, и мѣтѣнѣнцѣ та рѣднѣнѣ-
кѣнцѣ“. Затѣмѣ дружкѣ беретъ женихѣ за руки, заводѣтъ за столѣ,
который какѣ у женихѣ, такѣ и у невѣсты покрываѣтся бѣлою
скатерѣю; на немѣ бываѣтъ положѣно по углѣмѣ по хлѣбу, а
посредѣнѣ „круглѣнѣкѣ“ (булкѣ, украшеннѣя лѣнтами, а на ней
двѣ деревяннѣя ложкѣ, перевязаннѣя красною лѣнтою, пред-
назначеннѣя для молодыхѣ), затѣмѣ „лѣженѣ“ (большѣя продолго-
ватѣя булкѣ, вѣ которѣю воткнутѣ палѣчкѣ, вѣ видѣ вѣтѣокѣ,
облѣпленнѣя тѣстомѣ и такѣе украшеннѣя лѣнтами), водкѣ—
колѣсовкѣ, названнѣя такѣ потому, что вѣ отверстѣе бутылкѣ
воткнутѣ колѣсѣя рѣжѣ и ягѣды калѣнѣ. Дружкѣ сажаѣтъ женихѣ
на покѣти и самѣ садѣтся рядомѣ, а дѣвушкѣ поютъ: „Идѣ Иванѣ-
кѣ на посѣдѣ, стрѣчѣе егѣ Гѣспѣдѣ Самѣ зѣ дѣлею щѣслѣивою,
зѣ вѣрною дружѣною“. Послѣ пѣнѣя дружкѣ съ подружѣмѣ
пѣютъ по чаркѣ водкѣ и выходѣтъ изѣ-за столѣ, а вокругѣ
женихѣ садѣтся свѣшкѣ и двѣ свѣтилкѣ — дѣвушкѣ, кото-
рыя держѣтъ „мѣчѣ“ (большѣй пѣчекѣ безсмертѣнѣковѣ и ва-
силѣковѣ). Свѣшкѣ начинаѣтъ пришивѣтъ боярамѣ кѣ шап-
камѣ лѣнты, а отѣцѣ вѣ это время угощаѣтъ гостей водкѣю.
Кѣгда свѣшкѣ пришьѣютъ лѣнты, то дружкѣ выводѣтъ молодѣго
изѣ-за столѣ, за нимѣ идѣтъ свѣшкѣ, свѣтилкѣ и всѣ боярѣ,
становѣтся съ женихѣмѣ посреди двѣра, гдѣ роднѣя матѣ жѣ-
нѣхѣ осыпѣетъ егѣ конфѣкѣтами, орѣхамѣ, пряникѣми, денѣгами,
хмѣлемѣ (чтобѣ сыну ея хорошо жилѣсь); присутствѣющѣе хвата-
ютъ слѣсти, давѣ другѣ друга. Женихѣ съ старшѣмѣ боярѣномѣ
и съ другѣми боярѣми садѣтся на первѣю трѣйку, которѣю матѣ,
перекрѣстѣясь, своерѣчно выводѣтъ со двѣра на улѣцу, гдѣ опѣтъ
осыпѣетъ слѣстами; на другѣхѣ подвѣдахѣ ѣдутъ свѣшкѣ и
свѣтилкѣ. Кѣгда поѣздѣ уѣдетъ, родѣтели приглашаѣютъ гостей
вѣ хѣту, угощаѣютъ ихѣ, говорѣя: „прѣсымѣ покѣрѣно поглѣдытъ

нѣшѣму сѣну дѣрогѣу“, даѣютъ закусѣтъ и, провожая ихѣ, даѣтъ
по шѣшкѣ (небольшѣе хлѣбѣцы, украшеннѣе рѣшетѣчкѣми изѣ
тѣста), ихѣ приготѣвляѣютъ кѣ свѣдѣбѣ за нѣсколькѣ днѣй; не-
вѣста, набравѣ ихѣ, ходѣтъ по деревнѣ, приглашаѣтъ на свѣдѣбу
и кѣждѣму даѣтъ шѣшкѣ и просѣтъ приходѣтъ вечерѣмѣ встрѣ-
чатъ невѣсту. Жѣнѣхѣ съ поѣздомѣ катаѣтся до вечерѣ; во
время катѣнѣя свѣшкѣ поютъ: „вознѣченѣкѣ кѣчѣрѣявѣй, та бѣй
кѣнѣ, погонѣй кѣнѣ до тѣстѣевогѣ двѣру“. А подѣѣзжая кѣ двѣру
невѣсты, свѣшкѣ поютъ: „Ой, свѣту нашѣ, свѣту, пускѣй насѣ
у хѣту, та покѣ мы та стѣйтѣмѣмѣ, сырѣ землѣю та топѣтѣтъ-
мѣмѣ, червѣнѣными чѣбитѣкѣми, золѣтѣыми пѣдѣкѣивѣкѣми“, и, обраѣща-
ясь кѣ женихѣу, поютъ: „А на зѣтѣя та мѣтѣль мѣтѣ, щѣ й дрѣ-
бенѣ дѣощѣикѣ идѣ, крѣйся, нашѣ зѣтѣнѣкѣ, крѣйся кѣунѣцѣями,
та лысѣцѣями, червѣнѣными собѣлѣцѣями“ (вѣ смыслѣ того, что
женихѣ очень богѣтъ). Прѣѣздѣ кѣ двѣру невѣсты повтѣоряѣтся
нѣсколькѣ разѣ, вѣ ожидѣнѣи вечерѣа. Чѣсовѣ вѣ семь вечерѣа друж-
кѣ подходѣтъ кѣ воротѣмѣ невѣстѣнѣа двѣра и лѣсково, съ раз-
нѣыми поговѣрѣкѣми просѣтъ свѣтовѣ впустѣтъ во двѣрѣ женихѣ
съ поѣздомѣ, на что ему отвѣчаѣютъ, что онѣ долѣженѣ даѣтъ
выкупѣ и угѣститъ свѣтовѣ „варѣною“ (вѣшневыѣй отѣварѣ, под-
слащеннѣй сахарѣмѣ или медѣмѣ). Онѣ соглашаѣтся ихѣ угѣ-
ститъ, съ условѣемѣ, еслѣ они позволѣятъ подружѣму идѣти искѣтъ
невѣсту и поскѣрѣе привѣстѣ домоѣ. Тѣгда матѣ невѣсты вы-
носѣтъ двѣ рушѣникѣ, перевѣзываетъ имѣ дружкѣа и подружѣаго
и разрѣшаѣтъ подружѣму идѣти искѣтъ невѣсту, а дружкѣ уго-
щаѣтъ родѣтелей невѣсты „варѣною“; поѣздѣ жѣ стѣитъ у во-
ротѣ вѣ ожидѣнѣи прѣхода невѣсты. Черѣзъ нѣсколькѣ времѣнѣ
подружѣй ведѣтъ невѣсту съ дружѣками, которыя поютъ: „та
ты дѣшѣнѣкѣ, нѣашѣ Мѣрѣчѣкѣ, та вѣлѣла тобѣ мѣтѣ сѣй дѣнѣ
погулѣтъ, кѣскою (кѣсою) помѣятѣ (помѣтѣтъ); та ты, дѣшѣнѣкѣ,
нѣашѣ Мѣрѣчѣкѣ, та насѣяла Мѣрѣчѣкѣ нагѣдѣокѣ, та не вродѣ-
лыся нагѣдѣкѣ, вродѣлыся полѣунѣцѣ (кѣлубѣнѣкѣ); мѣнѣлыся тобѣ,
Мѣрѣчѣкѣ, дѣсѣвтѣкѣ и вечерѣнѣцѣ; та булѣо-бѣ тобѣ, Мѣрѣчѣкѣ,
не дружѣковѣаты, а булѣо-бѣ свѣнѣи пѣастѣ съ кѣстѣурѣмѣ, съ лѣ-
мѣакою, съ сѣрою собѣакою, кѣстѣурѣмѣ гнѣла-бѣ, собѣакою прѣцѣ-
ковѣала-бѣ“ (отѣгнѣала бѣ отѣ себя женихѣа, чтобѣ долѣше бѣтъ
дѣвушѣкою). Прѣблѣжаясь кѣ воротѣмѣ, поютъ: „Обмѣтѣйтѣ двѣрѣ,

застылайте столы, ось йдутъ дружечки, молоді паняночки".— „Выйды ты, матынько, протывъ насъ, та глянь же ты, матынько, по всихъ насъ, краще твой Марьечка отъ всихъ насъ". Подойдя къ поѣзду, невѣста кланяется низко жениху, подходитъ къ свашкамъ, здороваётся съ ними, цѣлуетъ ихъ всѣхъ, идетъ въ хату, а поѣздъ вѣзжаетъ за нею во дворъ; невѣста стоитъ съ дружками у порога, дожидая позволенія садиться за столъ: подружій опять говоритъ: „Господы Сусы Хрыстѣ, Сыне Божий, помылуй насъ". Ему отвѣчаютъ: „аминь". Онъ продолжаетъ: „спасѣби за „аминь", за добрее слово, благословить молодѣ въ сей домъ увысты, Богу помолиыця, отцю, нѣнцы поклониыця". Слѣдуетъ отвѣтъ: „Богъ благословля, и мы благословляемъ трѣчи разомъ". Въ это время невѣста со своими родными молится Богу, а дружки поютъ: „Та кланяйся, та Марьечко, напередъ Господу Богу, отцю, нѣнцы въ нѣги, всий родыноыцы и блѣзкой, и далѣкой, и матыньки та риднѣнькой". Послѣ этого подружій ведетъ невѣсту и садитъ ее за столъ со старшею дружкою, а остальные поютъ: „Иде Марьечка на посадь, стричае йийи Господъ Самъ, зъ дѣлею щасливую, зъ вѣрною дружиною". Посадивъ невѣсту за столъ, родные ея выходятъ во дворъ и приглашаютъ жениха съ его гостями войти въ хату, цѣлуются со всѣми и угощаютъ ихъ водкою. Когда дружка ведетъ жениха въ хату и садитъ его за столъ, въ это время возлѣ невѣсты стоитъ мальчикъ, братъ ея, съ палкою, увѣшанной репяхами, которою онъ бьетъ дружка, чтобы тотъ не бралъ его сестры изъ дому, а дружки поютъ: „Та ты, дѣшенько, наша Марьечко, темнѣ, хмѣрно на дворѣ, ще й темнѣше въ цимъ дѣми. Тѣрки городѣ обнѣлы, бѣткѣвы ворота бояры".—„Ой, бѣтыку, не лѣкайся (не пугайся), ой, бѣтыку, постарѣйся, та не продавай сыстры за тры золотѣго, просѣ червѣного, а за мий посадь—симдѣсятъ, а за мой рѣсу кѣсу—тысячу, а за мой походы (гулянья)—чѣботы, а за мой ѣлочки (улицы)—чѣлочки, а за мой вечернѣчки—черевѣчки". Дружка вынимаетъ 2—3 коп., кладетъ на тарелку, наливаетъ чарку водки и, вмѣстѣ съ шишкою, подноситъ мальчику въ видѣ выкупа, говоря: „Ось тобѣ и выкупъ за сыстрѣ, тысяча рублѣвъ". Мальчикъ пьетъ водку, беретъ деньги и тогда пускаетъ же-

ника сѣсть возлѣ невѣсты, а вокругъ размѣщаются свѣшки и свѣтилки, противъ нихъ бояре; дѣвушки поютъ: „Ще соловѣйко въ садѣ не щебетѣвъ, Иванько Марьечки не цѣловѣвъ". Женѣ цѣлуетъ невѣсту, а послѣ поютъ: „Та вже-жѣ соловѣйко въ садѣ защебетѣвъ, Иванька Марьечку поцѣловѣвъ". Мать и отецъ невѣсты подчуютъ всѣхъ водкою, въ это время женихъ и невѣста стоятъ и кланяются, а дѣвушки поютъ пѣсни, относящіяся къ свашкамъ: „Свѣшка не липѣшка, шишѣкъ не липѣла, дружѣкъ не дарѣла, однѣ излипѣла зъ зелѣного сѣна, та й ту сама зѣила". На что свѣшки отвѣчаютъ: „Рѣки, дружѣчки рѣки, бѣшите, якъ собѣки, а ще й рѣчинѣта, бѣшите, якъ цуцынѣта", и въ доказательство своего мастерства дарятъ всѣхъ гостей шишками, привезенными съ собою. Дружки обращаются къ боярамъ: „Старшій боярынъ горбѣтый, а на тимъ горбѣ вырѣсла вербѣ, а на тѣй вербѣ сыдѣла сова, сыдѣла до пѣвночи, пѣки выключала зъ лѣба ѣчи".—„Стоптана стѣжечка отъ пѣлу до прыпечка, бояры топѣлы, помѣи хлѣбѣлы, старшій ухлѣбѣвся, въ помѣяхъ остѣвся".—„Йѣлы дружечки, йѣлы, цѣлого волѣ зѣйѣлы, по доливы качѣючи, въ помѣи вмѣючи". Бояре отвѣчаютъ тоже пѣніемъ: „Рѣки, дружечки, рѣки, бѣшите, якъ собѣки". Дружки поютъ свѣтилкамъ: „Свѣтилка—шпѣлька при стѣни, на нѣй сорѣчка не йѣйи, прѣйшла сѣсѣда, торкаѣ: скидѣй сорѣчку: смеркаѣ". Свѣтилки отвѣчаютъ: „Свѣни, дружечки, свѣни у мѣне сорѣчка въ скрѣни, зъ Кѣйова прѣвѣзена, шѣвкомъ померѣжена", или: „Я ранѣнько встѣла, сорѣчку напѣла, пошла, помѣла, въ свѣтилки поспѣла". Дружка обращается къ дружкамъ и говоритъ: „рѣди вже брѣхѣты языкѣмъ, порѣ совершѣты дѣло, давайѣ-ка покрѣваты молодѣхъ, та мерщѣй, пожа-луста, а то насъ тамъ ждѣты и йѣхаты далѣко, та й пѣздно бѣде, зѣбѣмся съ дорѣги", и произноситъ: „старѣсте, пѣне—пѣдстарѣсте"!—„А мы рѣди слѣхаты". „Благословѣтъ молодѣхъ покрѣты"?—„Богъ благословѣтъ и мы благословляемъ". Мать невѣсты отдаѣтъ очѣпокъ и серпанѣкъ (бѣлая кисѣя), положенные на корѣвъ (громадная булка), а дѣвушки поютъ: „Глѣнька-жѣ ты, Марьечко, на порѣгъ, та несѣты тобѣ бѣлое билѣванѣячко, вѣчноѣ твое покрѣванѣячко". Въ это время невѣста рыдаѣтъ, сожалѣя, что разстѣется со своими подругами. Сестры

невѣсты—женщины берутъ шапку жениха и очипокъ невѣсты, становятся на лежанку, пришиваютъ вѣнокъ (круглый цвѣтокъ, сдѣланный изъ ленточныхъ петель) къ шапкѣ и очипку съ пѣніемъ: „изъ Кийова швачка, купечецька дочка, по торгу ходыла, шовки скуповала, въ неѣ ручки билесеньки, пучки тонесеньки, не жаль ийи дѣты, винки пришивати“. Съ этими словами подаютъ шапку дружкѣ и говорятъ: „що вы желали, то мы зробили, а за цю вистъ чарокъ шить, а съ шестѣ хочъ по одної пиднысты“. За что имъ дружкѣ подносить чарку водки, 2—3 коп. денегъ и шишку. Свѣшки жениха снимаютъ съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ косу, примачиваютъ водкою-колосовкою, стоящею на столѣ, и, взявъ очипокъ, надѣваютъ его на голову молодой, которая сопротивляется, не желая надѣвать его, а мать запрещаетъ ей мять очипокъ, говоря: „гѣди тобі, дытына моя, таловати (мять) очипокъ: порѣ вже й законъ надѣти“. Тогда невѣста допускаетъ надѣтъ на себя очипокъ, тихо садится, начинаетъ плакать и прощаться со старшею дружкою, которая беретъ ее за ручникъ и силится вытянуть ее изъ-за стола, а женихъ не пускаетъ, остальные же дружки поютъ: „Брала Мѣрьечка лень, лень, выгонѣла дружечекъ вонъ, вонъ, на що було брѣты, якъ насъ выгонѣти“. А дружкѣ имъ говоритъ: „гѣди, спивати, та Мѣрю драгувати, вже васъ порѣ зъ хѣты выгонѣти, бо Мѣря вже наша“. Дѣвушки уходятъ. Подружій просятъ благословенія покрыть молодыхъ, и двѣ свѣшки со стороны жениха берутъ серпанокъ, становятся на лавку, позади жениха и невѣсты, одна кладетъ себѣ на голову цвѣты невѣсты, а другая шапку жениха, приказываютъ молодымъ наклониться, а сами начинаютъ дадъ ними махать серпанкомъ, припѣвая: „Покрыванка плѣче, покрывацьця хѣче, не такъ покрывацьця, якъ поцѣлюацьця,—зъ кнышйвъ въ поляныци, зъ дѣвчины въ молодѣци“. Свѣшки цѣлуются и мѣняютъ свой головной уборъ, опять начинаютъ махать серпанкомъ, до трехъ разъ повторяя ту же самую пѣсню. По окончаніи покрыванія, серпанокъ надѣваютъ на голову невѣсты и закрываютъ имъ все лицо, говоря: „що вы желали, то мы здѣлали, а за цю вистъ чарокъ шить, а съ шестѣ хочъ по одної пиднысты“. Дружкѣ ихъ подаетъ водкою и благодаритъ за трудъ; потомъ молодые съ прѣзжими

родственниками жениха ужинаютъ, а женщины сидятъ вокругъ нихъ и поютъ: „У сѣнечкахъ голубонько гудѣ, а въ свѣтлоньку голосочекъ идѣ. То не голубонько гудѣ, а тѣстынько та зѣтынька просе: „ой, зѣтынько, сѣвый голубонько, берѣ-жъ ты мою дытыноньку, не дай же ийи на потѣлоньку (на обиду) своему рѣдному бѣтыньку, та що бѣ вона въ ворѣтяхъ не стояла, билыхъ рѣчокъ не ломѣла, нѣжекъ не томѣла, дѣбныхъ слизѣкъ не ронѣла“. При концѣ ужина, поютъ: „Чого, Мѣрьечко, досѣжуешь, чомъ ты бѣтыньку не дякуешь (не благодаришь), та спасѣби тобі, мий бѣтынько, та за твое гуляньечко, та що я у тебѣ гуляла, важкого дѣла не знала, ой, тѣлько знала, кѣску чесати, та питѣ погуляти. Чого, Мѣрьечко, досѣжуешь, чомъ ты бѣтыньку не дякуешь, та вже конѣ позапѣраженѣ, колѣсочки позавѣртаны, тѣлько сѣсты, та поїхати“. Молодые встаютъ изъ-за стола, молятся Богу, кланяются въ ноги отцу и матери; родители благословляютъ ихъ, давая наставленія, какъ должно жить и старшимъ угождать, даютъ невѣстѣ икону, закрытую рушникомъ, прощаются съ дочкою и плачутъ, а дружкѣ уводятъ молодыхъ, сажаютъ невѣсту со свѣшками на повозку; невѣста крестится на всѣ четыре стороны, садится на перину и подушки, что кладутъ подъ ея сидѣнье, а женихъ беретъ плетъ, обходитъ три раза вокругъ повозки, ударяя плетью по ней, будто бы бьетъ невѣсту, послѣ чего молодые уѣзжаютъ въ домъ жениха; по дорогѣ поютъ: „Отчинѣй, бѣтынько, новѣй двѣрь, ййде до тебѣ сынѣкъ твѣй съ молодѣю жоною, бѣде тобі до вѣку слугѣю“. Когда они подъѣзжаютъ къ двору, ихъ встрѣчаютъ молодые женщины, тоже съ пѣніемъ: „Вѣйды, мате, зъ хѣты, поглядѣ, що тобі бояры привезлы: привезлы скѣрѣню (сундукъ), пырѣну и молодѣ княгѣню“.—„Мѣты невѣстки бажала (желала), пирижкѣ до кѣпки скѣдала, до кѣпки—бѣя свойѣй невѣстки голѣбки“. Въ воротахъ раскладываютъ костеръ и поютъ: „Прѣлытила перепѣлочка, не вѣбра, а тепѣречка, не кѣшкайте, не полѣхайте, нехай цѣя перепѣлочка прѣвытаѣ соловѣечка“. Въ это время дружкѣ вводитъ поѣздъ во дворъ, молодые встаютъ съ повозки, становятся возлѣ порога хѣты; къ нимъ выходятъ отецъ и мать, крестятся, цѣлуютъ икону и приглашаютъ ихъ войти въ домъ, гдѣ ужинаютъ; пиръ продолжается

далеко за полночь. На другой день снова собираются гости, дѣлають молодымъ подарки, мужчины даютъ деньги, хлѣбъ, овецъ, а женщины—куски полотна, платки, ситець, за что всѣхъ гостей хозяева перевязываютъ въ свою очередь подарками—платками.

Свадебное веселье длится дней 5—6, сопровождается музыкою, и расходы достигаютъ до 200 р., у бѣдныхъ же до 70—100 р.

Поминки. При погребеніи умершаго особыхъ обрядовъ никакихъ нѣтъ; надъ умершимъ плачутъ, приговаривая, если умереть мать: „мой зузѹла, мой нѣнько риднѣнько, на що-жъ ты мене та покинула!“ Если умереть мужъ, плачетъ надъ нимъ жена, приговаривая: „мий хозяйинъ, мий дорогой, на кого-жъ ты мене покинувъ съ дѣтками манѣнькими; та що-жъ я съ нѣми бѹду робѣты, та казѣты, та съ кимъ вику коротѣты!“ Умершаго поминають, служба панихиды въ 3, 9, 40 дни, подаютъ на проскомидію, дѣлають жертвы, а богатые заказываютъ въ церкви сорокоустъ. Послѣ похоронъ дѣлають обѣдъ, варятъ кутю съ медомъ или сахаромъ (канунъ), пекутъ пироги, варятъ борщъ, галушки, кашу, покупають водку. На похороны зовутъ родственниковъ и знакомыхъ.

Этнографическій календарь. Подъ Рождество Христово здѣшніе парни и дѣвки ходятъ „колядовать“:

„У недѣлю рѣно, поранѣнько
Сбыралосѣ все жидовѣ,
Та й рѣдылы рѣду жидѣвську,
Якъ Суса Христа (поронѣты)
погубѣты.

Та не погубѣлы, тѣлько поро-
нѣлы,

На зѣлено дрѣво положиылы,
Рѹци та нѣзи гвоздѣми пры-
былы,

Тырнѣвый винѣць наложиылы,
Зъ правого бѣку рѣку пустылы.
Прийшла къ Емѹ Бѣжия Мѣте:

—„Ой, сѣнку жъ мий, сѣнку,
Бѣже жъ мий,
Чомъ ты до мѣне, сѣнку, не
говѣрышь,
Зъ своѣи гѣрдѣсты слѣва не
промовышь?“

—Не на вики, Мѣте, помыраю,
За васъ, хрыстыѣны, стражду
приймаю,
За васъ.—„За насъ, Гѣсподы,
Бѣже нашъ“.

Дай, Бѣже, вѣчиръ дѣбрый,
Дѣйте пирѣгъ дѣвгий“.

На рождественскихъ святкахъ ежедневно „водятъ козла“ вечеромъ и поютъ:

„Егѣ ридъ, егѣ ридъ, та й поивъ козѣль лукъ, чиснѣкъ,
Та й чѣрнѹю чирнѹшку, зѣленѹю петрѹшку.

Та вловѣлы козла за рижѣкъ, за рижѣкъ,
Та й повылы козла на торжѣкъ, на торжѣкъ,
Та продѣлы козла за рубля, за рубля.
Та прийшла до дѣму загула, загула,
Що дешево козла продѣла, продѣла.
Та накупѣла тры зѣла, тры зѣла (краски):
Та однѣ зѣло—красѣло, красѣло,
А другѣ—бѣлыло, бѣлыло,
Третѣ—чѣрныло, чѣрныло.
Я красѣломъ накрѣсѹсь, накрѣсѹсь,
А бѣлыломъ набылѹсь, набылѹсь,
А чѣрныломъ начѣрнѹсь, начѣрнѹсь“.

Подъ Новый годъ дѣвушки „меланкуютъ“:

„Мыланка ходѣла, Васѣля просѣла,
Васѣлю, мий бѣтку, пустѣ мене въ хѣтку,
Я жѣта не жѣла, чѣснѣй хрѣстъ держѣла,
Золотѹ кадыльницѹ“. Рѣдѹйтыся, дѣбры лѣды:
И къ вамъ Хрыстѣсъ бѣде; Бѣгу свѣчку ставѣте,
А намъ пирѣгъ дѣйте, та цѣлѣнькѣй даѣйте
Зъ рукѣмы, зъ ногѣмы, щѣбъ бѣгъ за нѣмы,
Бѣзь рукъ, бѣзь нѣгъ, щѣбъ загрѹзъ у снѣгъ“.

Въ этотъ вечеръ дѣвушки, взявъ пирѣгъ, идутъ подслушивать подѣ окна; изъ подслушаннаго узнають свою судьбу. Гдѣ услышатъ лай собаки, въ ту сторону идти замужъ. Впотѣмахъ берутъ дрова, если попадется полѣно сучковатое, то—женихъ богатый, а если—гладкое, то бѣдный. Снимають ночью съ гнѣзда курицу, раскладываютъ на полу деньги, зерна, ставятъ воду; если курица бросится къ водѣ, то женихъ—пѣяница, къ деньгамъ—богачъ, къ зернамъ—хлѣборѣбъ. Подъ Рождество Христово дѣти носятъ вечерю, состоящую изъ кутѣи и взвару и говорятъ: „Здорѣвы бѹды! прислѣлы бѣтку—мѣте кутѣи, узварѹ“. У нихъ берутъ немного кутѣи и взвару, имъ даютъ сласти и деньги. На Новый годъ ходятъ посыпать ячменемъ, пшеницею, жѣлаа хозяевамъ хорошаго урожая; ихъ опять угощаютъ сладостями. На 4-ой недѣлѣ Великаго поста, крестопоклонной, пекутъ кресты; на 40 мучениковъ (9 марта) пекутъ жаворонки, встрѣчаютъ весну съ пѣніемъ:

„Ой, выснѣ, выснѣ, днемъ
краснѣ!

Щѣ жъ ты намъ принѣслѣ?
—Принѣслѣ я вамъ лѣтечко

И зелененько зільечко,
И хрыщатынький барвынокъ,

И запашненький (пахучій)
васылекъ“.

* *

„Співáлы, дру́жечки, співáлы,
Въ ришитò пiсиньку кладáлы,
Постáвыли на верби.“

Якъ налы́нули либиди изъ-за
Дону,
Извалылы ришитò додóлу“.

* *

„Чáсомъ, дiвочки, додóму,
Мишáйте свiнiямъ полóву,
А вы, хлопья́та, за нáмы,—

Ййжте полóву зъ свiнiями,
А вы, дивóчки, за нáмы,
Пййте, гуляйте зъ панáми“.

На теплаго Алексiя (17 марта) пекутъ бублики. На св. Георгiя (23 апрiля) служат молебень и выгоняють скотъ на пастбище. На Симона Зилота (10 мая) бабы рвутъ зелье; бьвають пирушки. На Ивана Купала (24 iюня) дiвушки плетутъ вiнки, надiваютъ на головы, купаются и поютъ:

„Купáвся Ивáнь,
Та въ вóду впавъ,

На Ивáна Купáла
У воду упáла“.

Въ день пр. Ильи (20 iюля) бабы завиваютъ головки въ капустѣ, приговаривая: „святый Илья, завывай головья“. Существуетъ повѣрье, что капуста послѣ этого не портится. На Введенiе (21 ноября) дiвушки, ложась спать, загадываютъ и приговариваютъ: „Святѣ Введенья, введи мене въ той домъ, де я бóду вику дожива́тъ“. На м. Екатерину (24 ноября) дiвушки чуть свѣтъ встають, идутъ въ садъ, срiзываютъ вишневыя вѣтки, ставятъ ихъ въ воду, намѣчая, гдѣ чья; чья вѣточка зацвѣтетъ къ Новому году, та дiвушка выйдетъ замужъ въ томъ году; если же не зацвѣтетъ, то не выйдетъ. На Андрея Первозваннаго (30 ноября) дiвушки тоже задумываютъ, приговаривая: „Андрiю, Андрiю, я на тебе конопельки сiю, съ кимъ бóду конопельки брать, съ тимъ бóду вику корота́тъ“.

Яйца красятъ прежде всего красною краскою, говоря, что кровь изъ раны Спасителя потекла красного цвѣта. Красятъ еще желтою, черною, синею красками и цвѣтными тряпочками, послѣ чего они получаютъ пестрыми; сохраняють ихъ, какъ предохраненiе отъ грозы, скорлупою подкуриваютъ больные зубы, растирають ее въ порошокъ и даютъ его пить отъ лихорадки, а также и отъ куриной слѣпоты.

При посѣвѣ хлѣба приговариваютъ: „уроды, Бóже, жiта, пше-ныци на дóлю всiакого, и хрещёного, и нехрещёного“, молятся и тихо разбрасываютъ зерна по полю. При жатвѣ и уборкѣ поютъ:

„Ой, десъ нáши косарi, горбáтти та старi,
Вонь кóсють, Бóга прóсють:“

„Пошлi, Бóже, дощъ, абь не мордзъ,
Нидiль на пiять, щобъ намъ погуля́тъ,
Нидiль на чоты́ри, щобъ нóги спочи́лы“.

* *

„Якъ бы жъ моя вóля, сидiла бъ я дóма
У садóчку, та ще й въ холодóчку.
Косарi кóсють, вiтырь повивáе.
Десъ мий мылénый зъ iншею размовлiе.
Якъ зъ лiтчею, помози, Бóже,
А якъ съ хiжою, накажи ёго, Бóже“!

* *

„Ужѣ сóнце на обидъ, вары кáшу, бiсивъ дидъ.
Варывъ—не варывъ, жинцивъ поморывъ.
У дóброго хозiйна обидать порá,
А въ нáшого лыдáчого ще й дiмки нема.
У дóброго хозiйна йидать калачi,
А въ нáшого лыдáчого ще й хлибъ у печi.
У дóброго хозiйна горiлочку пьють,
А въ нáшого лыдáчого йисты не дають“.

* *

„Ужѣ сóнце надъ дубкóмъ, намъ додóму холодкóмъ
Порá, та й давнò, а мы не йдымò,
Порá, та й дiже, а мы й байдiже“.

* *

„Ужѣ сóнце подъ лыпкою,
Трусi, пáне, калы́ткою (кошелькомъ),
Трусi не трусь, по копi (50 к.) дасы.
Нáша пáня (хозяйка) пы́шна,
За ворóта вийшла тыля́тъ загонiтъ,
Грибцивъ выглядáтъ.
Нáша пáня Каты́рина, борщi, кáши наварыла,
Та й грибцивъ накормыла“.

Мiстныя примѣты. Кошка царапается на дождь, гуси купаются—тоже на дождь, грачи кружатся зимою—на мятель, а

лѣтомъ—на дождь, кошка умывается—къ гостямъ, сорока стрекочетъ—къ извѣстію, если зимою иней падаетъ на лѣсъ, то будетъ урожай на овощи.

Игры. Дѣти, а также и юноши играютъ обыкновенно въ мячъ, въ „свинки, ярки, кремешки, городки, ковиньки“, а зимою въ „снѣжки“. Есть еще пастушеская игра „крамашь“. Вбиваютъ палку въ землю, привязываютъ къ палкѣ веревку, складываютъ свою одежду подлѣ палки; одинъ изъ мальчиковъ беретъ въ руки веревку, бѣгаетъ вокругъ палки и кричитъ: „крамъ горѣть, та нѣкому потушить“. Послѣ этого онъ говоритъ: „скрозъ стрій (сквозъ строй)“! Мальчики становятся по три съ двухъ сторонъ, а другой старается пробѣжать межъ нихъ; они его побиваютъ; если не попадутъ, то опять прогоняютъ чрезъ строй до тѣхъ поръ, пока его не ударятъ, тогда побитый становится на мѣсто перваго. Взрослые играютъ въ карты: въ „возка, носка, чмыха, дурака, вѣдьмы, джгута“, нѣкоторые играютъ „на интересъ“: въ „трилистика“, въ „банкъ“. Любятъ очень танцовать, въ большемъ ходу слѣдующіе танцы: „казачокъ, трепакъ, метелица“, съ пѣніемъ:

„Метѣлыця, метѣлыця,
Чого старій не жѣныця.“

Якъ ему жиниця,
Що нѣкому журиця.“

„Гулай, гулай, Маша,
Поки воля наша,
Якъ замижъ отдадутъ,
Маша воли не дадутъ,
Накрѣютъ головочку,
Положатъ забѣтушку:

Перва забѣтушка—
Свѣкоръ да свѣкрѣвчушка,
Другая забѣтушка—
Дѣвиръ да золѣвчушка.
Трѣтя забѣтушка—
Пада рано уставать“.

Музыку здѣсь любятъ; играютъ на скрипкѣ, гармоникѣ, виолончели, балалайкѣ, а дѣти на сопилкѣ.

Пѣсни теперь совершенно извращены, поются преимущественно солдатскія пѣсни и козацкія донскія, заимствованныя на работахъ на Дону. Такъ, наприкладъ:

„Жилъ собѣ мальчикъ, былъ
слободынъ,
Да не зналъ горя, ни нужды.
Его роднии всѣ любилы,
Избаловалы, якъ дитя.

Но баловство-жъ его згубило,
Сбилъ съ правдыной путы:
Въ одну дѣвчонку онъ влюбился,
Да не могъ ее забыть.

Она божилась и клялася
Своею вѣрною судьбой,

А я былъ мальчикъ и повѣрилъ
Своей безумной головой“.

„Скоро ѣхать въ Китай-городъ
гулять,
Китайского товару закупать,
Куплю живъ покупку:
Славного праздничковаго на юбку.
Прѣзжаю домой, покорюся,
Своей раздѣлушки у ногъ покло-
нюся.

—„Чи здорова, жина молодая?
Принимай, душа, подарокъ, не
ломайся,
Душа, сердце мое, не смѣйся,
Тайна мене, молодчика, подывы-
Ой, дывиця, добри людъ, [ся.
Шо мене жина та й не любе
Не любе, не любе й не цилуе“

Только на свадьбахъ соблюдаютъ чисто малороссійскія пѣсни. Между пожилыми крестьянами на пирушкахъ можно услышать слѣдующія:

„Ой, выпьемъ, родино,
Щобъ намъ жито родило,
И житечко, и овесъ, и зибрався
ридь увесъ,
Якъ бы жъ не вы, та не мы,

То-бъ мы тутъ не булы, и горил-
ки не пылы,
А то мы прійшли и горилку
найшли“.

„И чарка нова,
Та горилки нема,

Хылю, хылю, не течѣ,
Бѣля сердца печѣ“.

„Ой, хочеця йисты, йисты,
Та боюся въ погрибъ лизты,

Та боюся, щобъ не виала,
Щобъ капустъ не пропадала“.

„Чоловѣчко, мой Мишенько,
Тебѣ дома нема, минѣ ли-
шенько,

Якъ ты дома, триски, дрова
нарубавъ,
Та й унѣсь, та й минѣ пиднѣсь“.

Сказки. „Була собѣ на свѣти дѣвчина. Отъ вона ѣшла разъ по дорѣзи, та й загнала въ нѣженку бѣдинку (занозу). На дорѣзи ѣйи застала нѣченька, вона прійшла у перву хату и просиця переночувати; ѣйи пустылы. Вона и каже тымъ людемъ: „бросьте, добри людъ, мою бѣдинку у нѣченьку“. Ти людъ такъ и зробили, якъ вона казала. Устае ранкомъ и пытае ихъ: „де жъ мой, добри людъ, бѣдинка?“—„Мы ѣйи кинулы у нѣченьку, якъ ты казала“.—„Дайте жъ минѣ тепѣрь за бѣдинку нѣченьку“. Отъ вона узала нѣченьку и пишла по вулицѣ; иде и спива:

„Гуляла на любовыньки (вечерныцахъ),
Та загнала въ нѣженку бѣдинку,
Та за тую бѣдинку узала нѣченьку“.

Попросілася опьять вона ночувати у хату до людей, та й каже имъ: „сховайте мою піченьку“. Ураньци устає и говоре: „де жъ моя, добри люды, піченька?“ Люды и кажутъ ийи: „күрочка ийи звалыла та й розбыла“.—„Дайте жъ мині за мою піченьку күрочку.“ Узяла күрочку и пишла, спиваючи:

„Гуляла на любобыньки,
Та й загнала въ нїженьку бідыньку,
Та за тую бідыньку узяла піченьку,
А за тую піченьку—күрочку“.

Застыгла ийи ничъ у дорози, попросілася ночувать до людей и каже: „положить мою күрочку до вашихъ“. Утромъ устала и пыта: „де жъ моя, добри люды, күрочка?“—„Волыкъ зйивъ“.—„Оддайте жъ мині за күрочку волыка“. Узяла вона волыка, иде и спива:

„Гуляла я на любобыньки,
Та загнала въ нїженьку бідыньку,
Та за свою бідыньку узяла піченьку,
А за тую піченьку—күрочку,
А за күрочку—волыка“.

Иде опьять и пробытыця на ночлігъ. Пустылы ийи люды ночуваты, вона и говоре имъ: „поставте мого волыка у загороду, де ваши“. Устає враньци и пыта свого волыка. Люды ийи и кажутъ: „нема твого волыка, дівчина, йшли дивки на вечерниці, та одчинили загороду, а волыкъ и пропавъ“.—„Давайте жъ теперь за волыка дівку Хвеську (Феодосію)“. Узяла дівку, посадыла у мишокъ, иде по вулиці и спива:

„Гуляла на любобыньки,
Та загнала въ нїженьку бідыньку,
Та за тую бідыньку узяла піченьку,
А за піченьку—күрочку,
А за күрочку—волыка,
А за волыка—дівку Хвеську“.

Попросілася зъ мишкѣмъ ночуваты, сама лягла на лаву спаты, а мишокъ положила пидъ лаву, а дивчата узнали, що тамъ дівка Хвеська, витягнулы ийи виттыля, а за неи посадылы туды собаку Сирка. Враньци устає дівчина, пыта тыхъ людей: „де мий, добри люды, мишочокъ?“—„Та онъ винъ пидъ лавою лыжить“.—„Спасіби вамъ, добри люды, що у васъ мий мишочокъ не пропавъ, а то де не ночувала, усє моє про-

падало“. Поблагодарыла ихъ, узяла мишочокъ за плечи и пишла по дорози и спива:

„Гуляла я на любобыньки,
Та загнала въ нїженьку бідыньку,
Та за свою бідыньку узяла піченьку,
А за тую піченьку—күрочку,
А за тую күрочку—волыка,
А за волыка—дівку Хвеську“.

Обрацається будто бы къ дівушкѣ, что въ мѣшкѣ, и говорить: „спивай за мною, дівка Хвесько?“ А Сирко изъ мишка: „Грр...“—„Ишь, бисова дочка, особачилась; спивай за мною, тобі кажѹ“. А Сирко опьять: „Грр...“ Тоді вона розвьязала мишечокъ, а виттыля якъ вѣскоче Сирко, такъ ту дівчину и розирвавъ на куски“.

Присказка: „вамъ казочка до кинця, намъ по ріумци вынця, кому ріумку, кому дви, кому нема одний“.

О яблонькѣ рассказываютъ слѣдующую сказку:

„Жили собі дидъ та баба. У ихъ була онучка, Жучка и котыкъ. Отъ баба и каже диду: „посады, диду, яблуньку пидъ поломъ (постелью)“. Дидъ посадывъ. Ростє яблунька и вѣросла пидъ пиль. Баба и говоре: „прыймы, дидусю, пиль, хай яблунька ростє“. Дидъ прынявъ. Отъ яблунька ростє и ростє и вѣрисла пидъ саму стелю (потолокъ). „Продырай, диду, стелю, щобъ яблунька проростала“. Дидъ продравъ. Ростє вона, и пидросла пидъ стріху. „Розбырай, дидусь, стріху, нехай яблунька ростє, та вродюцьця яблучки“. Дидъ розибравъ стріху, а яблунька все ростє, та ростє и вѣрисла пидъ саме небо. Тоді баба напалася на діда: „робы, диду, драбыну, полизымъ яблучки рваты“. Зробывъ дидъ драбыну, приставывъ до яблуньки, полизъ на драбынку, за дідомъ баба, за бабою—онучка, за онучкою—Жучка, за Жучкою—котыкъ. Вывравъ дидъ яблучко, покоштувавъ, давъ баби, баба—онучци, онучка—Жуци, Жучка—котыкови, а котыкъ укусывъ, та й понісь и пиднісь тобі (имя) пидъ нисъ“.

Присказка: „хто казавъ, той медѣкъ лызавъ, а кто слухавъ, той медѣкъ нюхавъ. Осъ тобі (имя) казка, а мині бублыкивъ вьязка, тобі кошелѣкъ, а мині грѣшей мишѣкъ. И я тамъ бувъ, медъ,—пиво пывъ, у рѣти не було, а по вусамъ тьклѣ“.

Е. И. Будянская.

22.—Сл. Литвиновка.

Поселение.—Жилище, одежда, пища.—Вечерниці.—Свадьбы.

Литвиновка расположена на ровномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ р. Сухого-Обитока, проходящаго вдоль всей слободы. Рѣка эта беретъ начало въ сл. Брусовкѣ изъ небольшой возвышенности. Съ южной и сѣверной стороны слободы находятся невысокія горы. Слобода дѣлится на нѣсколько частей, каждая часть имѣетъ свое названіе: та часть слободы, гдѣ находятся лучшіе домики, лавки, церкви, школа, волость, называется Накочеванка, сѣверная часть—Новосѣловка, восточная—Балобасовка, западная—Ковалѣвка. Сл. Литвиновка находится отъ г. Старобѣльска въ 45 вер., а сл. Бѣловодска—въ 15 вер. Народъ объясняетъ, что прежде всего здѣсь поселилось нѣсколько семействъ изъ Литвы, почему и слобода получила названіе Литвиновки. Рассказываютъ, что старики брили головы, оставляя пучекъ волосъ на серединѣ, заплетенный въ одну косу.

Жителей 2,926 д. Языкъ малорусскій. Встрѣчаются выраженія: „пузь двора“, „торінь було“, „далиби“.

Жилища хороши и удобны. Хаты строятъ преимущественно изъ мѣла, который добывается на мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ, но есть и деревянные; покрываютъ соломою, иногда камышемъ и желѣзомъ; обмазываютъ снаружи и внутри тоже мѣломъ. Стѣны убираютъ шпалерами и расшитыми полотенцами; у нѣкоторыхъ имѣются зеркала, хорошія, дорогія иконы, шкапы, диваны и стулья. У большинства мебель состоитъ изъ стола, лавокъ и небольшого шкапа. Печь и порогъ не имѣютъ никакого значенія. Передній уголъ имѣетъ значеніе во время свадьбы и крестинъ: въ первомъ случаѣ молодыхъ сажаютъ въ передній уголъ, а во второмъ—кума и кумѣ. Дворы огораживаютъ хворостомъ или мѣломъ. Остальныя постройки ставятся большею частію позади хаты, какъ то: амбары деревянные, „клуни“ хворостаныя или мѣловыя, „повитки“ или сарайчики, изъ того же матеріала; хлѣбные дворы (токи) обыкновенно строятъ на выгонѣ. Прежде строили небольшія хаты, съ маленькими окошечками и глухою стѣною на улицу; въ настоящее же время хаты, или скорѣе дома, строятъ обширныя, съ нѣсколькими окнами

на улицу, съ отдѣльными кухнями, спальнями, кладовыми и передними. Зимой у большинства вставляютъ двойныя окна.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: полотняныя сорочки, капоты и жакеты черкасиновыя и изъ шведской матеріи, такія же брюки, суконныя картузы, башмаки мелкіе съ резинками и сапоги; праздничная: фабричнаго чернаго сукна или шерстяной матеріи капоты, триковые жакеты, такія же брюки хорошаго издѣлія, чернаго товара сапоги, сорочки разныхъ ситцевъ, а у нѣкоторыхъ изъ бѣлаго миткаля, вышитыя въ крестъ; зимняя будничная: овчинныя полушубки, свиты крестьянскаго бѣлаго сукна, суконныя „капелюхи“ и шапки теплыя („кучми“ черныя); зимняя праздничная: полушубки, крытые сукномъ, дубленые тулупы и полушубки, пальто чернаго фабричнаго сукна,—все высокаго качества. Въ холодное время многіе ходятъ въ валежныхъ сапогахъ. Женская одежда лѣтняя будничная: сорочки ситцевыя, у большинства—своего полотна, юбки („шарафаны“) ситцевыя и изъ синей китайки, кофты черкасиновыя и ситцевыя, платки черкасиновыя и ситцевыя, сапоги чернаго товара; праздничная лѣтняя: сорочки у всѣхъ ситцевыя, миткалевыя или кумачевыя, „шарафаны“ кубовыя, шерстяныя, встрѣчаются, хотя и рѣдко, шелковыя, кофты „нанбуковыя“, „манчестеровыя“, а больше одной матеріи съ юбкою, платки шерстяныя и шелковыя, обуты всѣ въ ботинки съ резинками; на шею надѣваютъ много разнаго хорошаго „мониста“, серебряныя кресты и стараго серебра рубли, талеры, полтинники и т. д. Въ праздничныя дни дѣвки убираютъ голову такъ: волосы заплетаютъ въ одну косу, вплетая не менѣе трехъ и пяти кисниковъ—лентъ, потомъ повязываютъ голову шелковымъ платкомъ и прикалываютъ не менѣе двухъ цвѣтковъ. Зимняя будничная одежда: бумазеевыя „шарафаны“ и кофты, пальто крестьянскаго бѣлаго сукна, бѣлыя тулупы; зимняя праздничная: „шарафаны“ фланелевыя, пальто и кофты длинныя, стеганыя на ватѣ, „нанбуковыя“, халаты синіе суконныя, тулупы, крытые сукномъ, пуховыя и суконныя платки, сапоги краснаго товара.

Въ старину одежда мужчинъ состояла изъ сорочки своего полотна, выбойчатыхъ брюкъ и синей жилетки,—послѣдняя надѣвалась только въ праздники,—сапоги чернаго товара безъ подборъ; вмѣсто картузовъ, носили „брыли“,—черныя поярковыя

шляпы, въ холодное время четырехугольныя шапки съ мѣховою опушкою, свитки бѣлыя крестьянскаго сукна, овчинныя тулупы и полушубки. Одежда женщинъ состояла изъ холщевой сорочки, черной шерстяной запаски, носили ситцевыя и нанковыя „парочки“ (только зажиточныя), платки черкасиновые и ситцевые самаго низкаго качества, мелкіе башмаки; головной уборъ дѣвки состоялъ изъ „стрички“, а замужнія женщины носили „очипки“, —это единственная вещь, которая осталась изъ старинныхъ одеждъ и въ настоящее время почти выходитъ изъ употребленія.

Пища богатыхъ въ скоромные дни бываетъ хорошая, въ особенности когда бьютъ свиней, рѣжутъ закормленныхъ гусей и утокъ; лѣтомъ много бываетъ куръ и цыплятъ. Въ постные дни соленая рыба, огородные овощи съ приправою постнаго масла. Хлѣбъ ѣдятъ пшеничный и житный. Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: борщъ и галушки съ саломъ; съ мясомъ бываетъ очень рѣдко, только въ годовые праздники и заговѣнье. Можно встрѣтить и молочное, но очень рѣдко. Въ постные дни ѣдятъ еще скуднѣе. Хлѣбъ ѣдятъ житный съ ячнымъ, да и того иногда не хватаетъ.

Освѣщеніе керосиновое; отапливаютъ дровами, соломой, большею частію кизякомъ и углемъ.

Вечерницы бываютъ осенью, большею частію о Рождественскихъ святкахъ. Дѣвки приносятъ изъ дому разные съѣстные припасы, данные матерями, а парни покупаютъ водку, и въ хатѣ избранной „пани-матки“ варятъ вечерять; въ продолженіе всего вечера играютъ на гармоникахъ и поютъ пѣсни.

Пѣсней при рожденіи и крещеніи ребенка не бываетъ. Обычай соблюдаются простые: приглашаются кумовья, —являются за ребенкомъ, котораго баба-акушерка вручаетъ приглашенному куму, а послѣдній передаетъ кумѣ, и оба отправляются съ ребенкомъ къ священнику. По крещеніи несутъ ребенка домой, и опять кума передаетъ ребенка куму, а онъ бабѣ, тогда просятъ за столъ обѣдать —первыхъ кума и куму, потомъ приглашенныхъ гостей. Кумъ и кума подаютъ, черезъ бабу, матери ребенка рюмку водки, по пирожку или по кусочку хлѣба и такъ дѣлаютъ передъ началомъ cadaго кушанья. По окончаніи всего обѣда баба подноситъ гостямъ по рюмкѣ водки, и ей кладутъ по 5, по 3 и менѣ коп., тоже и „породилъ“.

Свадьба. На свадьбахъ поютъ пѣсни: „Хата моя рубленная, сѣни на помѣсти“, „Бѣла жніка мужика“, „И туды гора, и сюды гора, помйжъ тѣми гирѣньками сходѣла зорѣ“, „Якъ пойхавъ мий мылѣнький“, „Туманъ яромъ, мордзъ долиною“, „Ой, полѣла, полѣла орліця лободу, тай послала прыпотня по воду“ и друг. Свадебный обрядъ таковъ: когда хотятъ женить сына, посылаютъ старостъ къ избранной раньше невѣстѣ; они подходятъ подъ окно и говорятъ: „ночувалы-здоровы!“ —если рано утромъ, а вечеромъ; „добрый вечеръ! пускайте въ хату, кажутъ, сюды лысыця побѣгла“. На что имъ изъ хаты отвѣчаютъ: „мылосты прѣсымъ“. Невѣста сейчасъ же уходитъ изъ дому. Когда дѣло уладится, является невѣста и даетъ „рушники“ (платки), потомъ гуляютъ сватаніе („заручины“). Послѣ „заручинъ“ невѣста собираетъ дружекъ и ходитъ по улицамъ; дружки поютъ пѣсни; это продолжается до самаго вѣнчанія. Наканунѣ свадьбы невѣста со старшей и другими дружками ходитъ по роднымъ, кланяется каждому по три раза, говоря: „прохавъ батько й мате и я просю на подвисилокъ“, —при этомъ даетъ шишку. Женихъ тоже въ этотъ день ѣздитъ съ старшимъ бояриномъ и проситъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Вѣнецъ бываетъ утромъ въ назначенный день. Послѣ вѣнца невѣста съ дружкой идетъ домой и гдѣ нибудь прячется, а женихъ отправляется къ себѣ, куда на „отче нашъ“, —т. е. на обѣдъ, сходятся приглашенные гости. Пообѣдавши, женихъ съ боярами, дружкомъ, свашками и свитилкою ѣдетъ кататься. Свитилкой обыкновенно бываетъ дѣвочка, близкая родственница жениха, которая держитъ въ рукахъ пучекъ васильковъ со свѣчею въ серединѣ. При выѣздѣ жениха изъ двора мать и отецъ обсыпаютъ поѣздъ хмѣлемъ, орѣхами, конфетами и деньгами. Вечеромъ того же дня поѣздъ жениха останавливается у двора невѣсты, дружка идетъ отыскивать ее; найдя послѣднюю, ведетъ домой, при этомъ дружки, сопровождавшія невѣсту, поютъ пѣсни. Когда приведутъ невѣсту, стелятъ за воротами полотенце, кладутъ шишку, деньги, ставятъ водку; родня невѣсты забираетъ все это, и тогда только поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ, всѣ входятъ въ хату; впереди всѣхъ бояринъ съ гильцемъ (сосна, убранная бумажными ленточками и цвѣтами). Гильце ставятъ на столъ, воткнувъ въ

лежень—большой испеченный хлѣбъ. Дружко, передъ тѣмъ, какъ заводить молодыхъ за столъ, беретъ „оверко“—полсть и говоритъ: „Бóже, благословѣ унести оверко“,—на что ему отвѣчаютъ—„аминь“. Дружко стелетъ въ переднемъ углу полсть и заводитъ сначала невѣсту, причемъ опять повторяетъ: „Бóже, благословѣ завести молодѣ за стилъ“!—ему снова отвѣчаютъ—„аминь“. Когда невѣста сядетъ, по лѣвую сторону ея садится старшая дружка, а по правую мальчикъ, родственникъ невѣсты, со скалкою въ рукахъ и не пускаетъ жениха, пока тотъ не дастъ выкупа, который состоитъ изъ рюмки водки, денегъ и шишки. Откупивъ мѣсто, женихъ садится рядомъ съ невѣстой, подлѣ него свитилка, и тогда первыхъ молодыхъ угощаютъ водкою, а потомъ всѣхъ остальныхъ; молодые кланяются каждому по три раза. По окончаніи угощенія свашки снимаютъ у невѣсты цвѣтокъ и говорятъ: „Бóже, благословѣ пришить молодому до картуза квітку“!—имъ отвѣчаютъ—„аминь“. Свашки пришиваютъ цвѣтокъ, и женихъ выкупаетъ его водкою и деньгами; послѣ чего старшая дружка прощается съ невѣстою и уходитъ изъ—за стола, а свашки берутъ платокъ, покрываютъ молодую и поютъ: „покрыванка плаче, покрывающа хóче, не такъ покрывающа, якъ поцилувающа“. Свашки цѣлуются три раза, и имъ подносятъ по рюмкѣ водки. Когда покроютъ невѣсту, она ложится на столъ головою и плачетъ, женихъ поднимаетъ ее, цѣлуетъ, и потомъ они выходятъ изъ-за стола, кланяются отцу и матери и роднымъ, послѣ чего невѣсту везутъ къ жениху, а остальные гуляютъ всю ночь. На другой день молодые являются къ ея роднымъ, и снова начинается угощеніе: рѣжутъ каравай на кусочки, мажутъ медомъ и, вмѣстѣ съ платками, подаютъ каждому мужинѣ и тутъ-же перевязываютъ ихъ платками; тѣмъ отдаютъ, одни по рублю, другіе овцу или телку, а женщины по два арш. ситцу. И этотъ день гулянье продолжается за полночь; на третій же день „бесѣду“ зазываютъ къ себѣ на угощеніе близкіе родные, и такъ продолжается иногда недѣлю.

Свадебный расходъ бываетъ отъ 50 до 300 р. Приданого за невѣстою не даютъ, а берутъ еще съ жениха отъ 10 до 50 р.

23.—Сл. Баранниковка.

Поселеніе.—Занятіе, одежда и языкъ.

Баранниковка находится въ восточной части Старобѣльскаго уѣзда, въ 68 вер. отъ г. Старобѣльска и въ 18-ти отъ сл. Бѣловодска; на югъ отъ Баранниковки, въ 7 вер. находится сл. Нижнебаранниковка, извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Злодѣевки“, а на сѣверъ, въ 2-хъ вер., сл. Зеліковка. Баранниковка расположена на берегахъ небольшой рѣчки Камышной, протекающей черезъ слободу съ сѣвера на югъ двумя протоками. Рѣчка получила свое названіе отъ камышей, которые обильно растутъ по ея берегамъ.

Названіе слободы народъ объясняетъ тѣмъ, что первый поселенецъ прозывался „Баранникомъ“; а отъ прозвища первого поселенца и яръ, около котораго „Баранникъ“ жилъ и пасъ овецъ и др. скотъ, до сихъ поръ зовется „Баранниковымъ“. Въ Баранниковкѣ и въ настоящее время есть нѣсколько домохозяевъ съ фамиліей „Баранникъ“, принадлежащихъ къ числу коренныхъ жителей слободы. Жители окрестныхъ слободъ и Баранниковцы называютъ Баранниковку иногда „Камышною“, такъ ее называютъ потому, что вся почти занимаемая теперь слободою мѣстность и находящіеся около нея лиманы были покрыты въ старину непроходимыми камышами.

О времени, когда была основана Баранниковка, какъ поселокъ или хуторъ, ничего неизвѣстно; несомнѣнно только, что въ XVII вѣкѣ она уже существовала, какъ незначительный хуторокъ. Это можно видѣть изъ того, что въ половинѣ XVIII вѣка въ Баранниковкѣ имѣлась церковь, и церковь та, повидимому, была уже ветхою, такъ какъ въ 1769 г. баранниковцы, по словамъ архіепископа Харьковскаго Филарета (см. его „Историко-стати-

стическое описаніе Харьковской епархіи“, изд. 1857 г., стр. 393, отд. 5), — просили разрѣшенія вновь построить у себя храмъ.

Въ Баранниковкѣ жителей 3300 д. об. п., всѣ баранниковцы малоруссы; есть, правда, нѣсколько семействъ великоруссовъ, но они недавніе поселенцы, — это пришельцы, появившіеся въ Баранниковкѣ уже въ настоящемъ вѣкѣ. До 1816 г. жители слободы Баранниковки именовались малороссійскими крестьянами, а съ 1817 года стали именоваться коннозаводскими и конюшенными, потому что съ этого года они были обязаны для конскихъ заводовъ, находящихся около Бѣловодска, косить и доставлять сѣно, а также и собственной соломы нѣсколько пудовъ съ каждаго домохозяина. Баранниковцы, не знавшіе раньше панщины, не хотѣли отбывать этой повинности и не повиновались коннозаводскому начальству, почему правительствомъ были въ Баранниковку были присланы войска, которыя и наказали непокорныхъ камышанъ розгами.

Занятіе. Баранниковцы съ давняго времени занимаются преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, при этомъ обработку земли прежде производили исключительно на волахъ, а теперь производятъ на волахъ и лошадахъ. Пахота производится тяжелыми самодѣльными плугами и усовершенствованными, — послѣдніе появились года три—четыре назадъ и скоро, кажется, войдутъ во всеобщее употребленіе. По части сельского хозяйства, какъ полезное нововведеніе послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ отмѣтить кстати и значительное распространеніе въ Баранниковкѣ ручныхъ вѣялокъ и появленіе молотильныхъ конныхъ машинъ. Баранниковцы сѣяли и сѣютъ преимущественно пшеницу и ячмень; посѣвы же проса, ржи, овса, льна и конопли не были и не бываютъ значительны, такъ какъ этотъ хлѣбъ предназначается только для домашняго употребленія, гречихи же баранниковцы вовсе не сѣютъ. Посѣвъ ржи въ послѣдніе годы, впрочемъ, увеличился, — это объясняется тѣмъ, что рожь не подвергается загару: она до наступленія знойныхъ лѣтнихъ дней созрѣваетъ. Всѣ вообще хлѣба до семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія родились въ Баранниковкѣ очень хорошо, потому что восточные вѣтры тогда не были такими жгучими

и вредными для произрастанія хлѣбовъ. Избытокъ пшеницы и другихъ хлѣбовъ жители Баранниковки продавали преимущественно въ Бѣловодскѣ, издавна извѣстный ссыпкою хлѣба; нѣкоторые же домохозяева до построенія Воронежско-Ростовской ж. д. иногда отправляли свой хлѣбъ для продажи въ Таганрогъ и Ростовъ, а оттуда привозили торговцамъ сл. Бѣловодска и для себя соль, рыбу, деревянное масло, разные фрукты и проч. Немало тогда было въ Баранниковкѣ и такихъ домохозяевъ, которые въ свободное отъ полевыхъ работъ время охотно нанимались отвозить пшеницу изъ Бѣловодска въ Таганрогъ и Ростовъ и ѣздили также за рыбою и дегтемъ на Волгу (въ Царицынъ).

Скотоводство въ Баранниковкѣ въ послѣдніе годы пришло въ упадокъ; это зависѣло преимущественно отъ неурожаевъ хлѣба и травъ, отъ падежей скота, а также и отъ недостатка земли для попаса. Въ настоящее время уже много въ слободѣ такихъ домохозяевъ, у которыхъ не только воловъ, но и коровенки на дворѣ нѣтъ, чего двадцать—тридцать лѣтъ назадъ совсѣмъ не было: тогда почти каждый домохозяинъ имѣлъ скотъ и для себя, и для продажи. Нѣкоторые изъ баранниковцевъ, влѣдствіе неурожаевъ и упадка скотоводства, стали ежегодно весною и лѣтомъ отправляться на заработки въ Донскую и Кубанскую области; тамъ они нанимаются исключительно на полевые работы или поденно, или на извѣстный срокъ. Исключительно ремеслами никто изъ жителей слободы не занимается; если же и бываютъ нѣкоторые заняты изготовленіемъ простой обуви, одежды или плотничествомъ, то и эти работы производятся большею частію въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Огороды и сады баранниковцы имѣютъ для потребностей только своей семьи. Торговля мануфактурнымъ товаромъ, бакалейнымъ и винная находится въ рукахъ поселившихся въ слободѣ великоруссовъ.

Одежда баранниковцевъ въ послѣдніе десять—пятнадцать лѣтъ замѣтно измѣнилась. Мужчины, напримѣръ, не носятъ уже широкихъ малороссійскихъ шароваръ; бешметъ замѣняется пиджакомъ. Женщины вовсе перестали носить очипокъ, а вмѣсто суконнаго „байбарака“ (длинный халатъ), который прежде въ праздничные дни надѣвали женщины и дѣвицы, теперь носятъ

мѣщанское пальто. Корсетъ и юпка (корсетъ съ рукавами) замѣняется кофтою. Красные сапоги уже рѣдко встрѣчаются. Головная повязка дѣвицъ, на подобіе чалмы, перестала быть обычною даже для невѣстъ.

Малороссійская рѣчь баранниковцевъ имѣетъ весьма замѣтные слѣды великорусскаго вліянія, — въ этомъ сказалось вліяніе казаковъ, у которыхъ баранниковцы ежегодно бываютъ на заработкахъ, а также солдатчины и особенно школы, существующей въ Баранниковѣ съ 1845 года и съ того времени знакомящей молодя поколѣнія съ литературною русскою рѣчью; при этомъ и чтеніе народомъ книгъ не могло, конечно, пройти безслѣдно.

С. И. Костиковъ.

24.—Сл. Нижне-Баранниковка.

Поселеніе, жилище, одежда.—Свадьба: „сватанья“, „подвисилокъ“, „весилля“.

Нижне-Баранниковка, иначе Злодѣвка, находится въ 75 вер. отъ г. Старобѣльска. Названіе Нижне-Баранниковки оно получило оттого, что лежитъ ниже сл. Баранниковки, къ волости которой принадлежитъ; Злодѣвкой называется потому, что въ старину здѣсь былъ хуторъ, населенный разбойниками, которыхъ народъ называлъ злодѣями. Жителей въ селѣ 1844 д. об. п. Народъ по наружности здоровый и довольно красивый. Хаты въ большинствѣ случаевъ мѣловые, но встрѣчаются и деревянные. Стѣны въ деревянныхъ хатахъ внутри не бѣлятся, а чисто моются и для блеска натираются бѣлкомъ. У богатыхъ хата состоитъ изъ 2 или 3 комнатъ. Одна для приѣма гостей, другая маленькая называется „кимнатою“ для стариковъ и третья кухня, въ которой помѣщается молодежь.

Лѣтняя одежда мужчинъ: бешметъ, шаровары, сапоги; зимняя: нагольные тулупы, свитки изъ сукна домашняго приготовленія, валенки, капелюхъ, рукавицы. Женская лѣтняя одежда: кофты, юбки, „зависки“ (фартухи), красные сафьяновые сапоги, свитки изъ черной шерстяной матеріи, цвѣтные, шелковые или шерстяные платки; зимняя: тулупъ, сапоги, теплый платокъ. Тулупъ, шитый изъ овчинъ, стоитъ 12 р., бешметъ отъ 4 р. до 10 р., женское платье отъ 2 р. 50 к. до 5 р.

Свадьбы въ этомъ селѣ устраиваются такъ: родители, желающіе женить сына, посылаютъ сватовъ къ родителямъ той дѣвушки, которую они хотятъ взять.

„Сватанье“. Сваты берутъ хлѣбъ и идутъ въ извѣстную хату; тамъ они подходятъ подъ окно и говорятъ: „добры люды, пустишь на квѣтырю“. Хозяева отвѣчаютъ: „мѣлосты прѣсымъ“. Тогда сваты входятъ, садятся и объясняютъ причину своего прихода. Если родители дѣвушки согласны, то берутъ хлѣбъ,

если же нѣтъ, то отдають его назадъ. Затѣмъ родители дѣлають уговоръ, сколько надо уплатить денегъ за невѣсту; плата бываетъ отъ 10 до 50 р. Потомъ невѣсту зовутъ въ хату и съ нею жениха и спрашиваютъ ихъ согласія; оба отвѣчаютъ: „якъ бѣтько та мѣты, такъ и мы“. Невѣста идетъ собирать дружокъ, а старики сзываютъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ. Когда всѣ сойдутся, жениха сажаютъ за столъ подъ образа вмѣстѣ съ старшимъ дружкомъ или бояриномъ; невѣста наливаетъ рюмки и подноситъ жениху и дружку, они откланиваются, а потомъ пьютъ и на тарелку бросаютъ деньги. Затѣмъ такъ же она угощаетъ другихъ гостей и перевязываетъ сначала близкихъ родныхъ, а потомъ и дальнихъ. Потомъ староста (распорядитель) наливаетъ водки и даетъ невѣстѣ, что бы она угостила дружекъ. Затѣмъ гости, вмѣстѣ съ родителями невѣсты, идутъ къ родителямъ жениха, а дѣвушки остаются варить вареники, къ нимъ приходятъ парубки, и они поютъ. На „свѣтань“ поють слѣдующія пѣсни:

„Слѣхайте, дружечки, де голубонька гудѣ,
Та то не голубонька, то молодѣ Варвара
Дивованье сдаѣ.

Нате вамъ, дружечки, дивованья мое
И рѣсу косу, дивоцьку красу.
Якъ бы ты, Варвара, потыше ходыла,
Потыше ходыла, бѣтеньку годыла,
То бѣ ты це лѣто дѣвкою гуляла,
Дѣвкою гуляла, кѣскою майла,
То бѣ красонька въ лычиньку стояла“.

* *

„На веснѣ садочки цвѣтуть,
И дѣвчѣта виночкѣ плыстѣмуть,
Мѣмо твоѣ ворѣточкѣ нестѣ-
муть.
Та до хѣты прывыртѣтѣмуть.“

Та, ой, чи дѣма Варвара, чи
нема,
Чи зѣйничимѣ подружкамѣ гуляе.
Та вона хѣде гуляе, правды
не знае“.

„Пидвисѣлокъ“. Если свадьба предполагается въ воскресенье, то въ пятницу у жениха и невѣсты лѣбнять шишки, въ субботу невѣста собираетъ дружокъ и идетъ съ ними къ свекру и свекрови, кланяется имъ до земли и приглашаетъ на „пидвисѣлокъ“, затѣмъ заходитъ еще къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, тоже кланяется и проситъ на „пидвисѣлокъ“, и за-

тѣмъ, идетъ съ дружками домой, сажаютъ ихъ за столъ и даетъ имъ по пучку васильковъ, изъ которыхъ дружки дѣлають крестики и кладутъ на деревцо, воткнутое въ хлѣбъ и называемое „гильцѣ“, украшаютъ это „гильцѣ“ пестрыми лоскутками и кусочками гаруса. Затѣмъ отецъ и мать подносятъ всѣмъ дружкамъ и невѣстѣ по рюмкѣ водки. Послѣ ужина приходитъ сюда женихъ съ боярами и, вмѣстѣ съ невѣстою и дружками, уходятъ къ какой нибудь сосѣдкѣ. Тамъ поють:

„Ходыла Варвара по кимнѣти,
Пробужала бѣтенька зъ кровѣти.

—Та устань, устань, мий бѣтенько,
Та минѣ съ тобѣю не вѣкъ вѣковѣть,
Та останню нѣченьку переночевѣть,
Та обѣдню часѣночку перечасовѣть“.

„Весѣлля“. Въ воскресенье, послѣ утрени, жениха и невѣсту вѣнчаютъ, и затѣмъ они расходятся. Невѣста съ дружками идетъ домой, дружки распускають ей дома косу. Мать подноситъ дружкамъ по рюмкѣ водки и даетъ по шишкѣ, потомъ невѣста идетъ къ обѣднѣ. Когда прозвонятъ къ „достѣйно“, она идетъ изъ церкви къ старшей дружкѣ обѣдать. Женихъ ѣздитъ собирать поѣздъ. Когда стѣдется поѣздъ, молодой садится на посадь, его угощаютъ водкою, потомъ всѣ гости размѣщаются по экипажамъ и ѣдутъ кататься по селу, затѣмъ ѣдутъ къ молодой. Женихъ подходитъ къ молодой, цѣлуетъ ее и уѣзжаетъ, а къ невѣстѣ приходитъ подружѣй и гонитъ ее къ отцу; она здѣсь здоровається съ родственниками и идетъ въ хату. Ее садятъ на посадь, дружки садятся возлѣ нея. Дружко вводитъ жениха и говоритъ: „Гѣсподы, Исусѣ Христѣ, Сѣне Бѣжий. Благословѣть молодѣго на посадь посадыть“. Посадятъ жениха рядомъ съ невѣстою, а дружки поють:

„Не сидѣ жѣ ты, тай Варварочко, прѣмо,
Не зводѣ головѣньки сѣмо,
Та нехай той заведѣ, що бѣла тѣбе сѣде.
Сердѣнько мылѣньке, присѣнься близѣнько,
Бѣдемъ говорѣты, якъ на свѣти жѣты“.

Свашки со стороны жениха дарятъ родственникамъ невѣсты по шишкѣ и подносятъ по чаркѣ водки. Снимають съ молодого шапку и отдають теткамъ или сестрамъ невѣсты, которыя при-

шиваютъ къ ней вѣночекъ изъ ленты. Тогда отецъ и мать подаютъ на столъ на тарелкѣ очипокъ (родъ шапочки изъ парчевой матеріи), дѣвушки поютъ:

„Щось тобѣ тай унесено, | На тонесенький, на билесень-
На столѣ та положено, | кий скатерци“.

Потомъ свашки надѣваютъ на невѣсту очипокъ, покрываютъ платкомъ и поютъ:

„Покрыванка плаче, покрывающа хоче,
Не такъ покрывающа, якъ зъ молодымъ поцилувающа“.

Когда покрываютъ, то поютъ:

„Посіяла Варвара лёнъ, лёнъ, | На що було брѣты,
Выгоняла дружечокъ вонъ, вонъ, | Колѣ насъ выгоняты“.

Дѣвчата уходятъ во дворъ и поютъ:

„Та подорѣзи васылѣчки порослы, | Та повызлы скрыню и пырыню
Туды нашу Варвару повызлы, | И молодѣ Варвару-княгиню“.

Жениха и невѣсту катаютъ по селу и отвозятъ къ свекру; тамъ ихъ благословляютъ и ведутъ въ хату.

Учительница А. Кристѣ.

25.—С. Безгинова.

Поселеніе.—Вечерниці.—Свадьба.

Село Безгинова Ново-Айдарской волости находится на разстояніи 44 вер. отъ г. Старобѣльска. Расположено село у подошвы горы и по берегамъ р. Айдара. Названіе села объясняютъ тѣмъ, что еще во время крѣпостнаго права былъ помѣщикъ по фамиліи Безгинъ, отъ него и деревня стала называться Безгинова.

Вечерниці иначе называются „посидѣлками“, начинаются съ Покрова дня (1-го Октября) и оканчиваются на масляной. Для вечерницъ выбирается отдѣльная хата, которую освѣщаютъ и отапливаютъ на общія деньги; въ эту хату каждый вечеръ собираются дѣвки и парни, первыя съ работою, а вторыя съ музыкою и гостинцами, но работаютъ здѣсь очень мало: большею частью играютъ въ игры; такъ, одна изъ любимыхъ игръ „панасъ“, затѣмъ танцуютъ и поютъ пѣсни до поздней ночи.

Вотъ нѣкоторыя пѣсни, которыя поютъ на вечерницахъ:

„Ой, верба ты верба, ты кудрявая, Де жъ ты росла, де повѣросла?“	—Я жъ до тебе прійшовъ не гостѣтися,
—Я росла въ лужку на кру- томъ бережку,	Я жъ до тебе прійшовъ рас- просѣтися,
На высѣкий теремъ похилилася; Тамъ стояла вдова пѣзнозъ вечера	Чи позволѣшь ты минѣ оже- нѣтися“?
—Кто кричитъ, кто стучитъ подъ окѣшечко,	—Ты женѣсь, ты женѣсь, другъ безсѣвѣстный,
То жъ не воръ идѣтъ, не раз- бѣйничокъ,	Ты возьми, ты возьми собѣ жѣнушку,
То жъ мой прѣжній другъ, по- любовничокъ.	Собѣ жѣнушку, мою подругу“.

* * *

„Ходила—гуляла Маша по лужку,
Щипала—ломала спѣлый виноградъ,
Кидала—бросала Ванюшѣ на кровать.“

—Кушай—кушай, Ванюша,
 —Кушай, вѣрный другъ поскорѣй,
 Скажи мнѣ словечко, котре повѣришь.
 Жила была красавица, царска меньша дочь,
 А другая смутная, какъ темная ночь,
 Старшая меньшую смутила потайкомъ.
 —Пойдемъ, пойдемъ, сестрица, на бережокъ морской,
 Посмотримъ тамъ, родная, чѣмъ берегъ украшенъ.
 Украшенъ морской берегъ все синею волной,
 Покрето же море парчою голубой.
 Старшая то меньшую спихнула съ бережка:
 —Плыви, плыви, сестрица, плыви, вѣрный другъ.
 Ратуй, ратуй, сестрица, ратуй невѣрный другъ.
 Я дарю тебѣ колечко отъ друга своего,
 Я дарю тебѣ другое отъ друга своего,
 Вступи, вступи въ гробницу, въ гробницу мнѣ ногой.
 Я дарю тебѣ колечко съ своимъ вѣрнымъ женихомъ,
 И осталось твое колечко безъ послѣдствіи теперь,
 А ты захлынешься въ холодной же водѣ“.

Свадьба. Сватовство у мѣстныхъ крестьянъ устраиваютъ такимъ образомъ: приходятъ со стороны жениха два мужика съ хлѣбомъ и солью подъ окно къ дому отца невѣсты и просятъ впустить ихъ въ хату; если родители невѣсты согласны въ ту осень отдать свою дочь замужъ, то разрѣшаютъ имъ войти; мужики—„старосты“, войдя въ избу, здороваются и говорятъ, что у нихъ есть купецъ, а слышали, что у хозяевъ есть подходящий товаръ, такъ не будутъ ли они имъ сватами, не продадутъ ли имъ своего товара. Родители невѣсты, хотъ видятъ, что купецъ—„женихъ“ и подходящий, но отказываются, говоря, что ихъ товаръ еще новѣй,—молодой;—начинается торгъ и родители мало-помалу сдаются, говоря: „пойдите, люди добрые, домой, а мы тутъ посовѣтуемся“. Старосты уходятъ и, спустя часъ, приходятъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Воротившись, старосты узнаютъ, что „купецъ“ понравился родителямъ, и что они свободно могутъ ему продать свой товаръ; старосты довольны, и сейчасъ же одинъ изъ нихъ выходитъ во дворъ, гдѣ его ожидаютъ женихъ и невѣста, и зоветъ ихъ; женихъ и невѣста входятъ въ хату, и тутъ отецъ невѣсты спрашиваетъ жениха,—желаетъ ли онъ брать его дочь себѣ въ жены; тотъ отвѣчаетъ, что, если бы

онъ не желалъ имѣть ее своею женою, не послалъ бы къ нимъ старостъ; тогда отецъ спрашиваетъ дочь, согласна ли она идти замужъ за предстоящаго парня. Въ отвѣтъ дочь кланяется отцу въ поясъ,—это означаетъ, что она согласна; тутъ сейчасъ же соединяютъ руки жениха и невѣсты и говорятъ, что отнынѣ они должны любить другъ друга, а мать въ это время подаетъ дочери тарелку съ двумя рушниками „хустками“; послѣдняя подноситъ это съ поклономъ сначала одному, затѣмъ другому старостѣ; они благодарятъ ее водкою за рушники, и тутъ же родители невѣсты благословляютъ молодыхъ образомъ. Сватовство заканчивается, молодые уходятъ на улицу, а старики улаиваются, когда будутъ играть сватанье, и съ тѣмъ расходятся. Въ назначенный для сватанья день женихъ со всѣми своими родственниками приходитъ во дворъ невѣсты и остается ожидать въ сѣняхъ; старосты смѣло входятъ въ хату и садятся на лавкахъ, одинъ изъ бояръ (бояре товарищи жениха) „дружко“ становится на порогъ и громко говоритъ: „Господи Іисусе Христѣ, сыне Божій“, ему изъ хаты отвѣчаютъ „Аминь“.—„Спасетъ Богъ за аминь“, говоритъ дружко. „Староста, паны пидстаросты, благословить въ чѣстный домъ войтты, усѣ дѣбре говорыть“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить, усѣ трѣчи рѣзомъ“. Тогда дружко входитъ въ хату съ женихомъ и невѣстою, которая съ дружками—подругами стояла тамъ же въ сѣняхъ, и говоритъ: „староста, паны пидстаросты, благословить дѣтямъ Богу помолыцьця, отцѣ, матери въ нѣги поклоныцьця“.—„Богъ благословить“, отвѣчаютъ ему. Тутъ молодыхъ заставляютъ кланяться отцу и матери, которые держатъ одинъ образъ, а другая хлѣбъ затѣмъ ихъ заводятъ за столъ, и дружки начинаютъ пѣть:

Ой у садѣ соловейко ще не щебетавъ,

А Хвѣдечка та Марьечку ще не цилувавъ.

Женихъ долженъ поцѣловать невѣсту, и послѣ долгихъ сопротивлений со стороны невѣсты, онъ цѣлуетъ ее, и дружки опять поютъ:

„Ой, у садѣ соловейко вже защебетавъ,

А Хвѣдечка та Марьечку вже поцилувавъ.“

Затѣмъ родители невѣсты начинаютъ угощать сначала молодыхъ, потомъ друзей и бояръ, и молодые уходятъ изъ хаты погулять во дворъ, а ихъ мѣсто занимаютъ старики,—угощаются они до поздняго вечера, затѣмъ всѣ уходятъ къ родителямъ жениха, а молодые опять входятъ въ избу и начинаютъ гулять, поютъ пѣсни, танцуютъ и, если свадьба людей зажиточныхъ, то пьютъ медъ и варятъ вареники. Въ домѣ жениха старики уславливаются о днѣ свадьбы.

Слѣдующія пѣсни поютъ на сватаніи:

„Заручена дівка Марьечка, заручена
Положила свою рѹку на зарѹку.
Била-жъ моя тай рѹченька у бѣтка могѣ,
Та чи будешъ така била у свѣкорка?
Та якъ будешъ, Марьечко, покирнѣнка,
Буде твой рѹченька, тай билѣнка,
А якъ будешъ ты, Марьечко, покирнѣша всихъ,
Буде твой тай рѹченька билише усихъ,
А якъ будешъ ты, Марьечко, упрямая.—
Буде твой голѣвонька що дня пѣяная“.

* *

„Отдаешъ менѣ, мий бѣтечко, И самъ бѣчишь— Шо не разъ, не два, та й за мнѣю, Та й заплачешъ, Якъ по висни та садѣчки та й цвистѣмуть,	А дивѣчки та вивѣчки та й плистѣмуть, Мѣмо твоихъ ворѣтечокъ та й нестѣмуть; Вони жъ будуть та й до хаты привитѣты. Вони жъ будуть та й Марьечку выкликѣты“.
---	---

* *

„Отдаешъ менѣ, мой нѣнько, Самѣ отъ себѣ, Останѣнца рѹта—мѣята Вся у тебѣ, Уставѣй же, мой нѣнько, Та й ранѣнько,	Полывѣй же рѹту-мѣяту Тай частѣнько, Утренними вечерними зоронь- камы, Та своїми дрибнѣнькими слизонькамы“.
--	--

* *

„Ростѣ ростѣ моя мѣята, Не хилѣся, Живѣ, живѣ, моя нѣнько, Не журѣся!	Ой, рада бѣ я не хилѣщѣя,— Та вѣтеръ хилѣ, Ой, рада бѣ я не журѣщѣя,— Дѣчка покида“.
--	---

За три дня до свадьбы начинаютъ печь хлѣбы и лѣпить шишки и лежень (родъ калача); для этого собираются дружки и лѣпятъ шишки, при этомъ поютъ:

„Чѣрный вѣронъ сбудувѣвъ гѣру рѣно-рѣно,
Чѣрный вѣронъ сбудувѣвъ гѣру та й ранѣнько,
У три стинѣ камѣяны рѣно-рѣно,
У три стинѣ камѣяны та й ранѣсенько,
А четвѣртая та й золотѣя рѣно-рѣно,
А четвѣртая та й золотѣя та й ранѣсенько,
А на тѣи стинѣ та й мѣкивочки рѣно-рѣно,
А на тѣи стинѣ мѣкивочки тай ранѣсенько,
А на мѣкивочки та лѣстивочки рѣно-рѣно,
А на мѣкивочки та лѣстивочки тай ранѣсенько,
Звѣлы собѣ гнѣздѣ зъ чѣрного шѣвку рѣно-рѣно,
Зъ чѣрного шѣвку, зъ бѣлой бумѣги тай ранѣсенько;
Тай вѣвѣла дѣтокъ та й однолѣтокъ рѣно-рѣно,
Та вѣвѣла дѣтокъ та й однолѣтокъ та й ранѣсенько.
Та жъ пѣрве дѣтѣтко молодѣй Хвѣдечка рѣно-рѣно,
А дѣрге дѣтѣтко молодѣ Мѣрячка тай ранѣсенько.
Ой, мѣсяцю та перебѣрщѣку тай ранѣсенько
Ой, мѣсяцю та перебѣрщѣку тай ранѣсенько
Та не сходѣ напередѣ мѣне та рѣно-рѣно,
Та не сходѣ напередѣ мѣне тай ранѣсенько,
А зѣйдемо обѣи рѣзомъ тай ранѣсенько.
Ой, Хвѣдечко, та мий другъ вѣрный, рѣно-рѣно,
Не станѣвся напередѣ мѣне та ранѣсенько,—
Та станѣмо обѣи рѣзомъ рѣно-рѣно,
Та станѣмо обѣи рѣзомъ тай ранѣсенько,
Та развѣсѣлымо оцѣя, нѣньку рѣно-рѣно,
Отцѣя, нѣньку и всю рѣдѣноньку тай ранѣсенько“.

Послѣ всего лѣпятъ „коровѣй“, лѣпятъ его возлѣ печи, преимущественно замужнія женщины, такимъ образомъ: ставятъ возлѣ печи „дѣжу“, зажигаютъ крестообразно четыре восковыя свѣчи и начинаютъ лѣпить, причемъ поютъ пѣсню:

Изъ субѣты на недѣленьку го- дѣна, Избѣралася Хвѣдечкина рѣдѣна, Прывѣзлѣ сырѣ горщѣкъ й маслѣ,	Та на каравѣй. Хвалѣте Бога: сырѣный и маслѣный Буде нашъ коровѣй“.
--	--

Эту пѣсню поютъ до тѣхъ поръ, пока коровѣй не будетъ совсѣмъ готовъ, а потомъ берутъ четыре зажженные свѣчи, соединяютъ ихъ вмѣстѣ и втыкаютъ ихъ въ средину коровѣя

и такъ сажаютъ его въ печь; существуетъ примѣта, что если эти зажженные свѣчи не потухнутъ въ печи, то молодые будутъ счастливы; затѣмъ 4 бабы берутъ пустую „дижу“, подымаютъ ее вверхъ на рукахъ и поютъ:

„Пичъ хѳде на ногѳхъ, Печѳсь, печѳсь коровѳй“.
Дижѳ хѳде на рукѳхъ,

Поютъ это три раза и, какъ только окончатъ, то бѣютъ „дижою“ о потолокъ. Затѣмъ мать невѣсты проситъ всѣхъ сѣсть, даетъ имъ обѣдать, а когда испекутся шишки и лежень, то послѣдній украшаютъ, „уряжаютъ“, краснымъ гарусомъ и такими же лентами, потомъ расходятся по домамъ до вечера; вечеромъ опять собираются въ домъ невѣсты, поютъ, играютъ, веселятся. Наканунѣ свадьбы все происходитъ такъ-же, какъ и на сватаньи, только расходятся раньше въ виду того, что на другой день бываетъ свадьба.

Канунъ свадьбы называется „пидвисѳлкомъ“. Въ назначенный для свадьбы день женихъ съ невѣстою, съ старшимъ бояриномъ и старшею дружкой идутъ къ родителямъ невѣсты, а затѣмъ къ родителямъ жениха, тамъ ихъ благословляютъ, и они идутъ въ церковь, гдѣ ихъ вѣнчаютъ; изъ церкви они идутъ къ жениху, гдѣ обѣдаютъ. Пообѣдавши, невѣста уходитъ домой, а женихъ остается въ домѣ своихъ родителей; здѣсь собираются всѣ его товарищи „боѳре“, всѣ садятся за столъ, и снова подаютъ уже для всѣхъ обѣдъ; если у жениха нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то, когда онъ подноситъ первую ложку ко рту, начинаютъ пѣть:

„Васылѣчку, барвѳночку зеле- нѣнький, А Хвѣдечка сыротѳнка моло- дѣнький, Якъ заплакавъ та Хвѣдечка рѳ- но на зорѳ, Та заплакавъ, сѳдя на конѳ, Та слезѳ слезѳ одна ѳдну по- бывѳе, Та що рѳдного та ѳ батечка, та ѳ немае, Велѳкий двирѳ та манѣнький сбирѳ,	Чомъ не вся родѳнонька? Сбирѳмося, оглядѳмося, Котѳрого рѳду немае, Оѳ, чи блѳзького, чи далѣкого, Чи батенька риднѣнького? Та не манѣнькои перепелычки, Ни риднѣнькои сестрѳчки. Посылѳй же, Хвѣдечко, со- ловейка въ садѳ До батенька на порѳду;— Ни соловѣйки зѳ саду, ни ба- тенька зѳ рау, Ни родѳны зѳ украины“.
---	--

Послѣ обѣда всѣ бояре садятся на коней, и два изъ нихъ подводятъ лошадь жениху; тутъ мать обсыпаетъ его хмѣлемъ, деньгами, орѣхами и проч., чтобы женихъ былъ богатъ, а затѣмъ выѣзжаютъ изъ двора и ѣдутъ кататься, причемъ онъ долженъ три раза объѣхать вокругъ церкви и, когда объѣдетъ въ послѣдній разъ, должны перекреститься три раза и черезъ голову бросить три копѣйки; покатавшись до сумерекъ, всѣ бояре съ женихомъ подѣзжаютъ ко двору невѣсты, гдѣ уже стоятъ всѣ родичи жениха; но ихъ не пускаютъ, потому что еще имъ не заплатили; когда дружка заплатитъ, ихъ впускаютъ во дворъ, и сваты и всѣ старики входятъ въ хату, а женихъ съ боярами стоитъ возлѣ порога; свѳшка поетъ:

„Оѳ, якъ бѳде тебѣ тѣченька привѳтѳты,
Бѳде тебѣ мѣдомъ—винѳмъ напувѳты;
Не пѳй, не пѳй, молодой Хвѣдечка, тогѳ вынѳ,
Излѳй егѳ конѳку на грѳвку“.

Въ это время теща выходитъ и выноситъ рюмку, налитую водою съ хмѣлемъ, и даетъ ее жениху; женихъ выливаетъ черезъ плечо на лошадь, а рюмку беретъ въ карманъ; тогда теща вынимаетъ другую рюмку и бутылку съ водкою, подчуетъ всѣхъ бояръ и даритъ ихъ лентами—„кисныкѳмы“, а затѣмъ зоветъ ихъ въ хату, гдѣ невѣста сидитъ на посадѣ, наклонивъ голову на столъ, и ей накрываютъ голову калачемъ; дружки поютъ:

„Глянѳ же, Мѳрѳячко, пидъ калѳчъ
Кѳрыма очѳма тай не плачѳ.
Сѳнечко нызѣнько, сердѣнько близѣнько,
Бѳдете говорѳты, якъ на свѳти жѳты“.

Дружка въ это время торгуется съ дѣтьми, которыя не пускаютъ жениха за столъ; наконецъ имъ даютъ по грошу и по рюмкѣ водки, и они пускаютъ его; онъ снимаетъ у невѣсты съ головы калачъ, поднимаетъ ее и цѣлуетъ, а дружки поютъ: „Татѳрынѳ, брѳтику, татѳрынѳ, Та взявъ за сестрѳ, стрѳлѳчку
Прѳдавѳ сестрѳ за тѳлерѳ, За ѳѳѳ рѳсу кисѳчку“.

Послѣ этого свѳшка со стороны жениха даетъ тещѣ „чѳботы“, а свѳшка со стороны невѣсты пришиваетъ къ шапкѣ жениха невѣстинъ вѣнокъ и подаетъ жениховой свѳшкѣ, за что получаетъ шишку, рюмку водки и на „капорѳ“; затѣмъ братъ или племянникъ невѣсты расплетаютъ ей косу, тутъ двѣ свѳшки

становятся возлѣ неvěсты и начинаютъ покрывать ее, т. е. на-
дѣвають на нее очипокъ, а затѣмъ машутъ надъ головою сер-
панкомъ, припѣвая три раза:

„Покрѣванка плаче, | Не такъ покрѣваѣця,
Покрѣваѣця хѣче, | Якъ поцилуваѣця“.

Пропѣвъ такимъ образомъ три раза, онѣ этимъ самымъ сер-
панкомъ завязываютъ неvěсту, оставляя одни глаза; затѣмъ
отецъ неvěсты даетъ ей бутылку водки, и она выходитъ изъ-
за стола, угощаетъ всѣхъ своихъ подругъ, цѣлуется съ ними,
т. е. прощается, и здѣсь всѣ дѣвки уходятъ, а ее опять бла-
гословляютъ вмѣстѣ съ женихомъ, даютъ въ руки жениху
хлѣбъ, а ей—образъ и выводятъ во дворъ, гдѣ возлѣ порога
стоитъ „дижъ“, а на ней лежитъ хлѣбъ; тутъ дружка беретъ за
руки молодыхъ и три раза обводитъ ихъ вокругъ „дижъ“, чтобы
они любили другъ друга, причемъ поетъ:

„Старый оселѣдько | Не вспивъ оженѣця,
Не стоѣ за редьку, | Ставь зъ жинкою бѣця“.

Послѣ этого женихъ ведетъ неvěсту къ саямъ, усаживаетъ
ее, а самъ садится верхомъ на лошадь, обѣзжаетъ три раза
кругомъ неvěсты и бьетъ ее плетью, чтобы она боялась его,
и самъ во весь опоръ выѣзжаетъ изъ двора; за нимъ тро-
гается весь поѣздъ, вслѣдъ поѣзду разлаются выстрѣлы; возлѣ
двора жениховыхъ родителей женихъ ожидаетъ поѣздъ, и тутъ
всѣ переѣзжаютъ черезъ огонь, который лежитъ въ воротахъ;
потомъ опять женихъ подходитъ къ саямъ, беретъ неvěсту за
„зѣру“ и вводитъ въ хату своихъ родителей; тутъ ихъ встрѣчаютъ
съ образомъ, они кланяются въ ноги роднымъ и заходятъ за
столъ; подаютъ ужинъ, но молодые не ѣдятъ, а только пьютъ
по рюмкѣ водки; посидѣвъ съ $\frac{1}{4}$ ч., дружка говоритъ: „ста-
росты, панѣ пидстаросты, благословѣть дитѣй на покой итѣ“.
Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть усѣй трѣчи разомъ“. Моло-
дые выходятъ въ приготовленную для нихъ комнату, а старики
гуляютъ до поздней ночи,—и затѣмъ веселятся цѣлую недѣлю.

Третпольцева.

26. Сл. Бѣло-Куракино.

Пѣснѣи.

Въ дополненіе къ статьѣ, помѣщенной раньше, приводимъ на-
родныя пѣсни нашей мѣстности. Кромѣ неизвѣстныхъ въ ли-
тературѣ пѣсенъ, сообщаемъ и общеизвѣстныя, въ доказатель-
ство того, что онѣ не вымираютъ еще въ народѣ.

1.

Ой, яромъ дорѣга,
Зоставайсь, мѣла-здоровѣ,
А я пиду, сѣрденько,
На вкрайину житы.

—„А яжъ пиду, сѣрденько,
Умѣсьти зъ тобою.

А яжъ пиду, сѣрденько,
Умѣсьти зъ тобою.

Ой, тамъ на Вкрайини
Дѣбре, вѣльно будѣ житы:
Мѣдъ та щѣ й горѣлочку
Будѣмо мы цѣты“.

—А що жъ будѣмъ, сѣрденько,
Мы зъ тобою йѣсты?

А що жъ будѣмъ, сѣрденько,
Мы зъ тобою йѣсты?

—„Хочъ хлибъ зъ лободѣю,
Хочъ сухарыкъ изъ водѣю,
Абы жъ такъ, сѣрденько,
Умѣсьти зъ тобою“.

2.

Ой, зачула жъ мой дѣла,
Що нѣ бѣты парню (минѣ) дѣла,
Бѣты жъ ѣму (минѣ) у нѣволи,
У нѣкруцькому набѣри.

У залѣзахъ, у закѣви.
Дѣбрый парень догадався:
По юлычкамъ нѣ шѣтався,
До дѣвчѣны поспѣшався,
У дѣвчѣны й заховався...

—Ты, дѣвчѣно, моѣ сѣрцѣ,
Сховай мѣнѣ пидъ рядѣнцѣ!
Ты, дѣвчѣно, мой дѣшко,
Сховай мѣнѣ пидъ подѣшку!

Проявила дѣвка лѣску—
Та й сховѣла пидъ запѣску...
Лѣхѣ лѣуды пидѣздрѣлы, (пид-
гладѣлы).

Й атамѣнови явѣлы;
Атамѣна обявѣлы,
Й кругѣмъ хату обступѣлы, .

Застукалы, й зрыштуваылы,
Дівци двѣри проломалы.
Кругомъ хаты всѣ салдаты,
А на двѣряхъ ѣхвыцѣры,
По бла вѣконъ часовѣ.

Тогò парня йзловѣлы,
Й въ тѣмну будку (хату) по-
садылы.

Охвыцѣры збóку сѣлы
Й сабли вгòру пиднялы.
Два зъ рушныцями салдаты
Й учѣпылысь (посидалы) въ пѣ-
рэдóчокъ,

Й прыйихалы въ городóчокъ,
Поста́вылы у станóчокъ,
Покруты́ли, помі́рялы,
Тай забры́лы тогò парня,
Щѣ й забры́лы голово́ньку,
Йзвѣзлы въ чужѣ стороно́ньку.

(Оконч. по другому варианту)

Тогò парня й уловѣлы,
Посады́лы въ пѣрэдóчокъ,
Самы́ сѣлы у задóчокъ,
Та й повѣзлы въ городóчокъ,

Поста́вылы у станочóкъ,
Кругомъ парня огляды́лы,
Й чбрни кучѣри забры́лы,
До коныка прѣдѣлы́лы
Вороного
Нѣкру́тыка-борку́тыка
Молодóго.“

3.

Ой вы́пьемò, роды́но,
Щобъ намъ жы́то роды́ло,
И жы́точко, и овѣсь,
Щобъ ззыйшо́вся ридь увѣсь.
Якъ-бѣ нѣ вы, та нѣ мы,
То бѣ мы тута й нѣ булы́,
То бѣ мы тута й нѣ булы́ бѣ,
И горѣлки бѣ нѣ пѣлы́ бѣ.

Ой, вы́пыла, похѣлы́ла,
Сама́ сѣбѣ похва́лыла,—
Шо я паньського рóду,
Пью горѣлочку, якъ вóду.
Ой вы́пыла, рубну́ла,
Й усѣ горѣ забу́ла,
Та й щѣ жѣ буду рубаты́,
Щобъ бильшѣ ёгò нѣ знаты́.

4.

Ой, кумко, кумко, дóбра горѣлка,
Попьѣмся, ма бутѣ, до понѣды́лка. (Повтор. 2 раза.)
Оста́лось (зоста́лось), кумко, копѣекъ сóрокъ,
Попьѣмся, ма бутѣ, щѣй й у вихтóрокъ. (2 раз.)

Дóбра горѣлка, добры́ша мѣду,
Попьѣмся, кумко, щѣ й у сѣрѣду. (2 раз.)

Дóбра горѣлка учóра й тѣпѣрь,
Попьѣмся, кумко, щѣ й у чѣтвѣрь. (2 раз.)

Прода́ймо, кумко, рябѣ́ агны́цю,
И попьѣмось, ма бутѣ, щѣ, й у пѣятны́цю. (2 раз.)

Конча́ймо, кумко, цюю рабóту,
Попьѣмся, ма бутѣ, щѣ й у субóту. (2 раз.)

Я въ цѣмѣ́ дѣли нищó нѣ вдѣю,
Попьѣмось, ма бутѣ, щѣ й у нѣды́лю (2 раз.)

Ой, пы́ла, пы́ла, чипѣць згубы́ла,
Прыйшла́ до дóму, щѣ й мѣ́жа бы́ла. (2 раз.)

Ой, бы́ла, бы́ла, й вы́гнала зъ хаты:

Иды́, дура́че, чипѣ́ шука́ты. (2 раз.)

Мойй сусѣ́ды, дóбры́й лю́ды!

Хто чипѣ́ць зна́йдѣ, мого́рычъ бѣ́дѣ. (2 раз.)

Мого́рычъ бѣ́дѣ—ви́дрò горѣ́лки,

Хто чипѣ́ць зна́йдѣ мо́ейи жѣ́нки. (2 раз.)

Ви́дрò горѣ́лки, щѣ й ми́шòкъ прóса,

Сы́дыть бо пѣ́ана й прòстоволóса. (2 раз.)

5.

Пыйтѣ́, лю́дѣ, горѣ́лочку,

А вы, гусы́, вóду.

Гѣ́рко жы́ты сыротѣ́ни

Бизѣ́ рѣ́дного рóду.

Вѣ́ ко́го ба́тько, вѣ́ ко́го ма́ты,

Е́ зъ кимъ розмовля́ты;

Вѣ́ ко́го бра́тьтя, вѣ́ ко́го сѣ́-
стры,

Е́ зъ кимъ погуля́ты.

Браты́ мойй, браты́ мойй,

Браты́ соловѣ́йки!

Прыву́байтѣ вы до мѣ́нѣ,

Бра́тики рѣ́днѣ́ньки.

— „И ра́ди мы прыву́баты,

„Та ты не богáта.“

— „А хочѣ́ я й нѣ богáта,

За то й нѣ списѣ́ва:

Хлѣ́ба, сóлы загорѣ́ю

Та й вась нагодѣ́ю.

Горѣ́лочки разгòда́ю

Й зъ ва́мы погуля́ю.

6.

Ой, тату́, нашѣ́ тату́,

Протопѣ́ намъ хату́.

— „Нѣ́ бѣ́ду топѣ́ты,

Й нѣ́ бѣ́ду варѣ́ты.

Возьму́ чипѣ́, та на тикѣ́

Жы́то молотѣ́ты.

Ударю́ й нѣ́ вдарю́,

На шляхѣ́ погля́даю.

Чужѣ́ жѣ́нки йду́тъ зъ базáрю,

Мо́ейи жѣ́ нѣ́маѣ́ (каты́маѣ)

Каты́ жѣ́ ййй ба́тька зна́ють,
Де вонá блука́е.

А щѣ́ тры́шки згòдомъ

Идѣ́ жѣ́нка зъ рóдомъ;

Чужѣ́ жѣ́ жѣ́нки вѣ́лицю́,

Моя́ огорòдомъ:

Ты дѣ́майишѣ́, чоловѣ́чѣ́,

Що́ я й напы́лася́,

А́ я жѣ́ ра́да радѣ́сэнѣ́ка,

Що́ зъ рóдомъ зыйшла́ся.

7.

Прѣ́ла бы́ я кудѣ́лицю́,

Голо́вка болѣ́ть,

Пы́ла бѣ́ я горѣ́лочку́,

Мы́лый нѣ́ вѣ́лыть,

Якъ по́йихавъ мий мы́лѣ́нький

Далѣ́ко у стѣ́пѣ,

А́ я тѣ́ю кудѣ́лицю́

Та обѣ́ зѣ́млю гѣ́пѣ́.

Лѣ́жыть моя́ кудѣ́лиця́,

Обду́лася́.

А́ я пи́шла, горѣ́лочки

Напы́лася́.

Якъ прѣ́йихавъ мий мы́лѣ́нький

Изъ пóла до дóму,

Й пы́тайицѣ́я малѣ́хъ дѣ́токъ:

„А́ де ва́ша ма́ты?“

— „Наша́ ма́ты напы́лася́,

Лѣ́жыть пѣ́ана, спы́ть...“

— „Уста́нь, моя́ мѣ́ла,

„Уста́нь, пробудѣ́ся!“

„Возьмы́ цѣ́го рублѣ́выка

„Пидѣ́ похмѣ́лыся́,

„Якъ що мала, бэрй два,
„Встань та й будэш здорова!

— „Нэ поможэ карббванець,
Нэ поможэ й два:
Вчора пыла на корову,
Тэпэр на вола“.

— „Бодай жэ ты, моя мила,
„Здорова була,
„Що ты мойй цэ волюки
„Нэ вси пропыла!...

8.

Якъ пойхавь мий мылэнький
У поле ораты,
А я за нымъ, тымъ слідочкомъ,
Квасулю сажаты.

Й посадыла квасулыну
На всю дэсятину.
Сама жэ пишла до домоньку,
Та й зайшла до шинку.

Ажэ мий мыйй у шиночку.
Сыдыть изъ кумою...

— „Хиба тоби, кума моя.

„Доба нэма дила,
„Що ты зъ мойимъ чоловікомъ

„Въ шынцы просыдыла,

„Вздэнычки утишалась,

„Жартувала-гралась?“

— „Годи тоби, кума моя.

Сего говорыты:

Хиба такй душа мой

Схочэ цэ робыты?

Иды, вары вэчэраты,

Та пробырай мисто,

Щобъ булэ дэ минй зъ кумомъ.

Вэчэраты сйсты!“...

Пишла зъ плачэмъ до домоньку,

Й зайшла у росправу (прав-
лэньне):

— „Панй жэ мойй, сэклетарй,
Ввольнить мою волю!

Возьмйть могэ чоловіка

Зъ вірною кумою,

Бо винъ зъ нэю потыхэнь-

ку (нэчыстою)

Зогришивъ душою“...

Тай пишла я зъ тымъ до дому.

Й пидпалыла дрэва.

Сюды-туды повэрнулась,—

Вэчэра готова.

Наварыла борщү, каши

Та й всыпала дитямъ:

— „Вэчэрайтэ, мойй диты,

Та лягайтэ спаты,

Бо зъ кумою прыйде батько,

Будетэ мишаты.

Будэ й лыхо вашый мамци

Зъ вэчэра и въ раньцы“.

Полягалы дитки нышкомъ

Зъ думкою бизъ рады.

Шлёпа зъ кумомъ кумасэнька,

Нэма йийй й вэды.

Идуть пьяни, хитаюцьця,

На сусыдывъ спыньчаюцьця.

Добрэ будэ, та нэ всимъ:

Трэсьця йимъ, трэсьця йимъ!..

Одвэрнулась я до дошки,

Заплакала трёшки.

Одвэрнулась до порога,

Отó й вся дорóга.

И поригъ пэрэступыла,

Утёрлась полою.

И якъ здумаю жэ свою дóлю,

И зальюся слёзою...

9.

Спасыби Бóгу, шо въ мэнэ чоловікъ добрый!

Пошлы ёму, Божэ, щасьтя та викъ довгий,

Шо винъ мэнэ нэ бэе й нэ лае,

Якъ молодү дэтыну,—такъ мэнэ кохае.

Винъ самъ йидэ у полэ ораты,
Мэнэ жэ посылае до роду гуляты.

Та й давъ минй, мий мылэнький,
Тай давъ копу грóшей.

Гуляй, мила, зъ свойимъ родомъ,

Въ тэбэ ридъ хорóший.

Гуляй, гуляй, гуляй, моя мила,

Пóкы мой головонька жыва!

Якъ жэ-жэ моя головка поляжэ,

Тоди тоби всякъ лэдаций вкажэ,

А якъ мой головка завьэцьця (динэцьця).

Тоди й тоби гуляньня мынэцьця.

10.

Я до тэбэ, кума мой,

Нэ гулять прыйшла,

Я до тэбэ, кума моя,

Роботать прыйшла.

Изъ дныщичкомъ,

Зъ грэбэныщичкомъ,

Напыймося горилочки

Соби ныщэчкомъ.

Напыймося у ночй,

Хочъ въ кутóчку на пичй,

Щобъ настъ лóды нэ зналы

Й пьяныцямы нэ звалы.

Яка уродылась,

Така й удалась:

Якъ схотила горилочки,

Взяла й напылась.

Хотывъ свэкоръ, щобъ я прýла,

А я й нэ взялась.

Хотывъ мэнэ мыйй быты,

А я й нэ далась...

11.

Хиба жэ въ мýжа й нэ жонэ,

Та й нэ господыня:

Симъ дэнь хаты нэ мэлэ,

И смитытэ нэ носыла.

А якъ вймэла разкомъ,

Та й вйвэзла возкомъ.

Сюды хипъ, туды-хипъ,

За смитытэчко сорокъ кипъ.

Ты всё пьешъ, мэнэ бьешъ,

Мóже бь я й робыла!..

Накупывъ вэрэтинъ

Нэма мотовыла.

Въ пичй дрéва нэ горять,

А я пидпалыла,

И такй жэ тоби, мий мы-

лэнький,

Борщү наварыла.

Ты жэ всё пьешъ, мэнэ бьешъ,

За якийй вчйнкъ?

Хиба жэ тоби нэ напрудэ

За годъ тры починки? *)

Одынъ прýла до Риздвэ,

Другий до Мыкóлы,

А якъ трэтий начала,

Стало до Покрóвы.

Нэ сама я прýла,

Кума помогала;

Далэ кумй мýску пшóна,

Щэ й тры кускэ сáла.

Нэ сама жэ я прýла,

Булй й помишныцы:

То за хлибъ, то за силъ,

То за паляныцы.

*) Починокъ—нитки на веретенѣ или на скалкѣ.

А скóрая помишнѣца,
Пшэнышна мукѣца;
Якь мишэчокъ набэрэшь
Й оснѣвочку напрядэшь.
Ты жь всэ пьешъ, мэнэ бьешъ,
Роспытáймось,—за що?
Ой, що ты, ой, що я,—
Оббе лэдáщо!

12.

А до мэнэ Якивъ прыхóдивъ,
Й корóбочку рáкивъ принóсывъ.
А я тѣйи рáки забрала,
А Якушу зъ хаты прогнала:
Идѣ, идѣ, Яковэ, зъ хаты,
Бо на пичѣ бáтько та мáты,
А на полѣ братъ та нэвѣстка,
На долѣвци брáтовы дѣты.
А на лáвци вѣсько,
Пидъ лáвою грѣсько,
На прыпичку горячэ,
Пидъ прыпичкомъ болячэ...

13.

Дэ ты зрослá, тáмъ й я зрисъ,
До кúпы насъ Богъ извѣсь.
И нэ бѣймося и нэ лаймося,
Давай, мое сáрдэнятко, та по-
радѣмося.
Що зъ тобóю зáвтра и дáли
умѣсьти пропѣмъ.
Чоловѣкъ пропѣвъ бугай,
А жѣнка корóву й тэля.
Чоловѣкъ пропѣвъ ынѣйка,
За нымъ жѣнка вѣ слидъ трын-
дѣйка.
Чоловѣкъ пропѣвъ гусака,
А за нымъ жѣнка гоцака.
Пропѣвъ чоловѣкъ сáло,
А жѣнцы нэ стáло.
Жѣнка нѣшкомъ одвѣхнулась
Й оснѣвочку продáла,
Оснѣвочку продáла
Й до грóшика пропыла.

А клубочки на похмѣльля:
Нэхай тэе нэлэжѣтъ
У скрѣни бэздѣльля.
А за нэю дѣтынѣта
Й собѣ тѣрѣто клубенѣта...
Ой, нэ бѣймося и нэ лаймося,
Всэ до дѣла довэлѣ:
Що бáтьки намъ наживáлы,
Тэ у двохъ пэрэвэлѣ.

14.

Чомъ минѣ нэ пыть,
(Чого жь минѣ та й нэ пыты)
Мэнэ клѣчуть?
Чомъ минѣ нэ гуляты,
(Чого жь минѣ нэ гуляты)
Минѣ е вѣ чимъ?
Вѣ мэнэ сорóчка новá,
Тѣки пѣдтычка сама.
Чомъ минѣ нэ пыть, мэнэ
клѣчуть? и т. д.
Вѣ мэнэ й юпочка новá,
Тѣки пѣдбийка самá.
(Приспѣва).

Вѣ мэнэ очѣпокъ новѣй,
Тѣко очкурэць самѣй.

(Приспѣва).

Вѣ мэнэ хѣсточка новá,
Лáта нá лати самá.

(Приспѣва).

Вѣ мэнэ й чобѣткѣ новѣй,
Тѣко халявкѣ самѣй.

(Приспѣва).

Вѣ мэнэ й кожѣшокъ новѣй?
Тѣльки комѣрэць самѣй.

(Приспѣва).

А у тѣхъ то богачóкъ
По симѣсáтъ сорочóкъ.

(Приспѣва).

А у мэнэ хочъ и однá
Такъ за то й бѣла що днѣ.
(Тá й та бѣла що днѣ).
(Приспѣва).

Изъ вэчэра намочѣ
А зъ пѣвночи потовчѣ.
(Приспѣва).
Пóки сóньцэ вѣ рáньци блѣснэ,
Й сорóчэчка озьдэ вѣсэ.
(Приспѣва).

Якь сóнэчко о пивъ-днѣ,
Сорóчэчка на минѣ.
Чомъ минѣ та й нэ пыты,
Мэнэ клѣчуть?
Чомъ минѣ нэ гуляты,
Минѣ йе вѣ чимъ...

15.

Ой, пью жь я, всэ пью,
Й до дóму нэ йду.
Якь прѣйду я до дóмоньку,
Схилю свою голóвоньку
На свэкрóву постѣлэньку,
Тá й ляжу, засну.
А свэкорко йдэ,
Якь бѣря, гудэ:
„Устань, устань, нэгáрная,
До дѣла ты нэвдáнная,
Водѣ принэсы!“
А я встáла й одгадáла:
— Нэгáрною назывáйешъ.
Щэ й по воду посылаешъ,
То я й нэ пѣйду!“...

Ой, пью жь я й не пью,
Й до дóму нэ йду.
Якь прѣйду жь я до дóмоньку,
Схилю свою голóвоньку
На свэкрѣшэну постѣлку,
Нэхай я засну.
А свэкрѣха йдэ,
Якь буря, гудэ:
— „Вставай, вставай, нэгáрная,
Й до дѣла ты нэвдáнная,
Водѣ принэсы!“
А я встáла й одгадáла:
— „Нэгáрною назывáйешъ,
Щэ й по воду посылаешъ,
Возьму й нэ пѣйду!“

Ой, пью жь я, нэ пью,
Й до дóму нэ йду.
Якь прѣйду жь я до дóмоньку,
Й схилю свою голóвоньку
На мѣлого постѣлэньку,
Та й ляжу, засну.
А мѣй мѣлѣй йдэ,
Якь голубѣ, гудэ:
— „Устань, устань, мѣлэсэнъка,
Щэ й до дѣла славнэсэнъка.
Та до гостѣй привѣтлыва,
Й зъ усѣмъ мѣромъ совѣтлыва!
Устань лѣшынь, воды прынэсы!“
А я встáла й одгадáла:
— Мѣлэнькою назывáйешъ,
Щэ й по воду посылаешъ,
Пѣйду й прынэсу!...

16.

Ой, оддалá жь мэнэ мáты
За гѣрку пѣяніцю.
Пропѣвъ мою всю худóбу,
Щэ й рѣжу тэліцю.
Та пѣе пѣяніця нэдѣльню,
Вжэ томѣ й нищó нэ вѣдю.
Пѣе мѣй пѣяніця другюю,
Я обѣ тимъ вжэ й нэ горѣю.
Пропѣвъ штаны и сорóчку,
Й сѣдѣть голѣй у шинóчку
Бля порóга у кутóчку,
На жовтэнькому писóчку.
Й байдужэ нэньку спѣтáты:
Дэ пѣянічэньку шукáты,—
Ой чи вѣ пóли, чи вѣ дорóзи,
Чи вѣ шинкарѣки на порóзи?
Якь бэ знáла та вѣдалá бѣ,
То бизъ хлѣба обѣдалá бѣ.
Якь бы знáла-бѣ, що такъ бѣды,
Й нэ схотѣла бѣ иты вѣ людѣ.
Що днѣ трэба ублагáты,
Изъ нэвóли визволяты.
Й що днѣ трэба мѣднѣка,
Щобъ вѣзвáты зъ кабака...

17.

Ой, чарочко, чэпурушэчко,
Поднёсь,—выпьёмъ горілочки,
Моя дүшэчко.

Ой, чарочко, чэпурушэчка,
Кумà моя, кумà моя,
Кумà дүшэчка.

Ой, чарочка, чэпурушэчко.
Прыйды, прыйды до кумаси,
Моя дүшэчко.

Ой, чарочка, мой ластивко,
Поцилуй батька въ губы,
Моя макивка.

Ой, жіночко, чэпурушэчко,
Поцилуй Савку въ губы,
Моя дүшэчко.

18.

Наказалы вражи людѣ,
Що я замѣжъ нэ пийду.
Посияла васылэчки
У зэленому садѣ.

Ростѣть, ростѣть
Васылэчки,
Та по вішчэ бурьяну,
Тодѣ я васъ, васылэчки,
Тодѣ я васъ пропалѣ.

19.

Ой, Бóже мій, Бóже,
Що ся любовъ мóжэ?
Та прынысѣ, Бóжэ,
Когó я любѣла.
Ой, хочъ нэ ёгò вжэ,
Хотъ товарища ёгò
Распытатѣ ёгò.
Про здоровьячко ёгò.
Ой, чи живѣ, чи здоровѣ,
Чимъ до мэнэ нэ прѣйшовѣ?..

Чэрэзъ гóру дымъ-дымъ,
Чэрэзъ гóру лóзы.
Та й зачúлы звóны
У святѣй Покровы.

Ой, слúхай лышъ, мáмо,—
Нэ по козакóви?

А вжэ жъ якъ по ёму,
Й нэсѣть мэнэ слѣдомъ (зъ нымъ),
Якъ бóдутъ ховáты,
Вы й мэнэ кладѣтэ,
Щобъ нѣжэньки купочкáмы,
Й чóрни бровы зъ бривочкá-
мы!..

20.

Захотѣла врэжа бáба
Молодóю бутѣ,
Натѣкала за очѣпокъ
Шивліи та рúты.
Рúта жъ моя, рúта жъ моя,
Рúта зэлэнька!
Я жъ думала, що я старá,
А я молодэнька.
Пидсѣпала старá бáба
На трéхъ йцѣхъ гусака.
Самá вѣйшла за ворóта,
Та й вдáрыла гоцакá:
Сыдѣ, сыдѣ, гусáченьку,
Та й высѣжуй гúсы,
А я жъ пийдú, та й выгляну
На чóрныи вúсы...

21.

Чогò, мѣла, надулáсь,—
Чóмъ у кужúхъ нэ вдяглáсь?
— „Бодáй тобѣ такой духъ,
Якъ у мэнэ е кужúхъ!“
— Чогò, мѣла, губы дмэшъ,—
Чóмъ на свáльбу нэ йдэшъ?
— „А якъ минѣ нэ дúтыся,
Що й ни вѣщо обúтыся!“
— Ой глянь, мѣла, ось пидъ-
стиль,

Лэжѣть лáнотъ п постѣль.
— Слава Богó, що знайшла,
Ушлáпалась та й пишла.

Я по грэбли идú,
Якъ голубка, гудú.
Мнóю й лúды дывúюцѣя,
Що до дѣла я ходú.

22.

Ой, ты нэнько моя,
Та й старэнька моя.

Ой, порáдонька
Ты жъ вирнэнькая.

Та забыраѣ жэ мэнэ,
Выряжай жэ мэнэ:
Тэпэръ нѣчэнька,
Та тэмнэнькая,

Шляхъ—дорѣжэнька
Та й далэкая...

Ой довылòсь, мáты,
Въ стэпѣ ночувáты.

Въ стэпѣ при дорóзи,
На лúтимъ морóзи.
Въ стэпѣ при долѣни,
По лыхѣй годѣни.

А сидэлычко
У голóвочки,
Стрэмэнóчэчки

Та й пидъ бóчэчки,
А нагáечку

Въ прáву рúчэчку.
Та дэ нэ взялáсь

Молодá дивчѣна:

— „Уставáй, казáчэ,
Гóди тобѣ спáты:

Ордá наступáе.

Хочэ коня взáты“...

Хòчъ конѣка й вóзмэ,

Кóныкъ другѣй бóдэ.

Тэбэ жъ, молодóйи,

На свѣти нэ бóдэ.

23.

Вѣе вѣгэръ на калѣну,
Калѣна нэ спѣе;

Влюбѣвсь парэнь у дивчѣну,—
Занáты нэ смѣе...

До зэмлѣ лягá калѣна
Й вѣтокъ нэ жалѣе.

Стáла мáты пытáть сѣна,
О чѣмъ такъ маряѣе?

Чóмъ такѣмъ журнѣмъ ты хó-
дэшъ

Й Кáтри нэ займáйешъ?

По-за лѣсомъ, мовъ вовкъ, брó-
дэшъ

Й слóва нэ прокáжэшъ?

— „Тымъ я йийѣ нэ зай-
мáю,

Що свáтаты мáю.

Тымъ до нэѣи нэ горнúся,

Що слáвы бóкóся“.

Идэ парэнь вúлицю,

Та й стэлэцѣя лѣстомъ,—

Вѣклькá собѣ дивчѣну

Нэ голóсомъ,—свѣстомъ:

— Вѣйды, моє сэрдэвáтко,

Издé новóйи хáты,

Порáй мэнэ, возулáтко,

Якъ рѣдная мáты!

„А яжъ тэбэ, дóбрыи парэнь,

И рáжу й нэ рáжу;

Я зъ тобóю ничъ провóдóу,

Зъ ынѣшимъ спáты ляжу“...

— Бодáй тобѣ цуръ, дивчѣна,

Зъ твоєю радóю:

Я до тэбэ зъ щѣрымъ сэр-
цэмъ,

А ты зъ нэправдóю

Бодáй жэ ты, дивчѣннóкó,

Тодѣ замѣжъ вѣйшла!

Якъ у пóли пры дорóзи

Рúта—мѣята зѣйшла!

„Бодáй жэ ты, козáчэньку,

Тодѣ ожэнівсь,

Якъ у млынѣ на кáмэни

Кукиль уродѣвсь!“

А дивчѣна нэлѣнѣва:

Мѣятки насадѣла.

Дощикъ пишовъ, мѣтка ззий-
шла,
Дѣвка зѣмижъ пишла.
А у млыни на камѣни
Кукѣль нѣ вродѣвся,
И ищѣ жъ винъ, той козѣ-
чѣнко,

И дѣсы нѣ жѣнѣвся.
Бѣтко старѣй, бѣтко старѣй,
Бѣтко бородаѣтъ,
А ты жъ, моѣ сѣрдѣнѣтко,
И дѣсы нѣ жѣнѣтъ!..

24.

Ты дѣмаѣешъ, дѣрню,
Що я тѣбѣ люблю,
А я тѣбѣ, дѣрню,
Словамы голѣблю.
Ты дѣмаѣешъ, дѣрню,
Що я тѣбѣ клѣчу,
А я жъ тобѣ, дѣрню,
Скризь тынъ дѣли тычу.
Ты дѣмаѣешъ, дѣрню,
Що я вговарѣю,
Я жъ такѣмы дуракамы
Тыны пидпыраю.
Ты дѣмаѣешъ, дѣрню,
Що я пиддаюся,
А я жъ зъ тѣбѣ, дѣрню,
Вже давно смиюся.

25.

Ой, якъ бѣ я знѣла,
Та що минѣ бѣдѣ,
Не пыла бѣ горѣлки
Изъ-рѣду бѣ никѣлы.
Та сидѣла бѣ дѣма,
Дѣма бѣ домувѣла,
Плѣтнычкѣвъ наймѣла
Та й зробѣла бѣ трунѣ.
Та й нѣ знѣю, — комѣ,
Кѣгѣ бѣ положѣты,

Щобъ й нѣ затужѣты,
И жалѣ-бѣ нѣ зробѣты.
Положѣла бѣ оцѣдѣ,
Трунѣ нѣ прѣйдѣцѣ;
Положѣла бѣ нѣнѣку,
Дѣжѣ жалибѣнѣнѣко;

Положѣла бѣ бѣрата,
Нѣ по бѣратѣ хѣта;
Положѣла бѣ сѣстрѣ,
Вѣ сѣстрѣ малѣ дѣты.
И вѣ дѣругѣи дѣты,
Нѣкому глядѣты.
Положѣла бѣ дѣчку,
Бѣлѣтъ вѣ животѣчку;

Положѣла бѣ сѣна,
Нѣ бѣду я жѣва.
Положѣла бѣ мѣжа,
Такъ нѣ буду дѣжа (дѣжа).
Ой, лагла бѣ самѣ я,
Такъ трунка малѣя.
Положѣ мѣлого,
Вся трунѣ на ѣго.
Сѣбѣ жъ на гулянкахъ
Наживѣ дѣругѣго,
Парнѣ молодѣго.

26.

Одѣ прѣпѣчка до порѣга—
Чѣрѣвѣчки попорѣла.
Одѣ прѣпѣчка до стильцѣ—
Понесѣ йихъ до шевцѣ.
Пѣдилѣю шивцѣ вѣ рѣчки.
Щобъ устѣавѣвъ закарѣлѣчки;
Пѣдилѣю шивцѣ вѣ вѣсѣ,
Щобъ устѣавѣвъ та й прѣнѣсѣ;
Пѣдилѣю шивцѣ вѣ щѣчки,
Щобъ подѣлавъ гѣрни стрѣчки;
Пѣдилѣю й вѣ чѣрни бѣровѣ,
Щобъ пидбѣвъ яснѣ пидкѣовѣ;
Пѣдилѣю шивцѣ вѣ ѣчи,
Щобъ прѣнѣсѣ хочѣ опив-
ночи;

Пѣдилѣю й шивцѣ вѣ г... о,
Бо такъ зѣвтра чѣбитѣ нѣжно.

27.

Зацѣвѣвъ сѣдыкъ зѣлѣнѣнѣкий,—
Прѣйдѣ, прѣйдѣ, мѣй мѣлѣнѣ-
кий!...

По сѣдѣчку похѣжѣю,
И самѣ сѣбѣ разѣважѣю:
Нѣмѣ того, що бѣажѣю,
И нѣ якъ, й нѣ дѣ нѣ спѣзнѣю.
Нѣмѣ ѣго, та й нѣ бѣдѣ,
Рѣзѣялы лѣхѣ лѣудѣ,
Рѣзѣялы, рѣзлѣчѣлы,
Щобъ мѣ вѣ пѣри нѣ ходѣлы,
Щобъ мѣ вѣ пѣри нѣ ходѣлы.
И дѣругъ дѣужкѣ бѣ нѣ любѣлы.
Щѣ мѣй сѣдыкъ зѣлѣнѣе,
И у мѣлого сѣрцѣ нѣе:
То жѣ мѣй мѣлѣй скризь вѣ-
кѣнѣцѣ
У сѣдокъ прѣмѣчѣвъсѣ, якъ
сѣнѣцѣ.

Пѣки вѣ пѣри ходѣтымѣмѣ,
Та й дѣругъ дѣужкѣ любѣтымѣмѣ.
Дѣки сѣнѣцѣ свѣтѣтымѣ,
Пѣки й мѣлѣй любѣтымѣ!

28.

На тимѣ бѣѣци, на толѣѣци
Тѣры камѣни мѣлѣ.
И пыѣтѣйицѣ козѣкъ дѣвки:
— „Чи пѣйдѣшъ за мѣнѣ?“
— „Ой, нѣ пѣйду я за тѣбѣ,
Пѣйду за йѣвѣся:
А у йѣвѣся грѣшей яма,—
Бѣду що днѣ пѣяна...
Нѣ, нѣ вѣйду за йѣвѣся,
А пѣйду за Мѣрка:
А у Мѣрка стрѣбнѣ чѣрка,—
Бѣду я шинѣарѣка.
Ой, нѣ пѣйду я й за Мѣрка,
А пѣйду за Гнѣта:
А у Гнѣта новѣ хѣта,—
Бѣду я бѣгѣта.

Нѣ, нѣ хѣчу я й за Гнѣта,
Пѣйду за Пѣлыпа:
А вѣ Пѣлыпа вѣ сѣду лѣпа,—
Нѣ бѣду я бѣта.
У йѣвана свѣта дѣра,
А вѣ Дѣнѣса дѣвѣнѣ лѣса,
А у Мѣрка нѣсѣ кѣрючѣкѣмѣ,
А вѣ Пѣлыпа каблѣчѣкѣмѣ.

29.

Якъ рѣзѣю (рѣзѣяла) своѣ
гѣрѣ,
Всѣ по чѣстѣмѣ пѣлю.
И уроѣлѣлось моѣ гѣрѣ,—
Нѣ хрѣнѣ, нѣ капѣста.
Скризь травѣ всѣ муравѣя,
И цѣвѣтѣчки сынѣнѣнѣки,
И одѣнѣ всѣхъ сынѣишѣ.
Всѣ дѣужкѣ мѣлѣйи,
И одѣнѣ всѣхъ мѣлѣишѣ.
Нѣ ходѣ, кобѣль кудѣрѣвѣй,
Пѣ-блѣ моѣ сѣду;
Нѣ топѣи, кобѣль, ногѣмы
Всѣю моѣ рѣсѣду.
Нѣ блѣ тѣбѣ я сѣдѣла,
И нѣ блѣ тѣбѣ й полѣвѣла.
Мѣлѣлася, трудѣлася,
Жѣвѣиѣтѣ надѣрѣвѣла.
Я сѣдѣла й полѣвѣла
Блѣ своѣго мѣлого.
Однѣго тѣко й бѣажѣю
И нѣ хѣчу дѣругѣго.

30.

Зѣлѣнѣй дѣубѣчокъ
На ярѣ похѣлѣвъсѣ.
Молодѣй козѣчѣ
Бѣзѣ дѣли вѣродѣвъсѣ.
Нѣмѣ минѣ дѣли,
Козѣкѣовѣ—вѣли.
Сѣсѣды блѣзѣкѣйи
Вѣдѣрогѣ тяжѣкѣйи:

Нэ вэляць ходыты,
Дивчынэ любыты;
Хотыць упиймагы
Вь салдаты виддаты,
Голову забрыты
И зь нэю розлучыты.
Нихто нэ розлучэ,
Ни батыко, ни маты.
Нэхай вóрогъ злыцыця,
Бэрэ у салдаты.
Нэхай мэнэ й мучэ,—
Хочь то й нэ годыцыця.

А яжь ийи люблю,
Тай за сэбэ вóзэму
Якь б́ду жэныцыця,
Нэ стану журыцыця;
Б́ду зь нэю жыты,
До смэрты любыты.
Й вóрогивь до станку
Цымь б́ду золыты.

31.

Ой, Васылю, Васылэчку,
Моё сэрдэнятко!

Нэ ходы ты у дорóгу,
Нэхай идэ батыко:

Батыко старэнький,
На світи нажывся;
А ты, моё сэрдэнятко,
Нэдавно жэнывся.

Ой, Васылю, Васылю,
Сэрдэнятко моё!
Нэ ходы жь ты у салдаты,
Нэхай батыко идэ:

Маты старэ, й батыко старый
На світи нажывся;
А ты жь, моё сэрдэнятко,
Нэдавно жэнывся.

32.

Ой, яблучко, яблучко,
Куды кóтыцыця?
Оддай мэнэ, батычко,
Куды хóчыцыця:

Щобь й нэ за старóго,
Й нэ за молодóго,
Ой, за козаченька
Розудáлого.

За старымь жыты,
Трэба робыты.
За малымь жыты—
Сухота моя.

За молóдчикомь—
Красотá моя.
Ой, пишла жь та красá
Тай у тэмни лисá.

33.

Закотылось яснэ сóныцэ
За зэлэный гай.

Вставай, вставай, нэвдэшэчку,
Сонь цэй отгадай:

—„Нэ вмывалася й нэ вты-
ралася,

Пишла вь пóлэ жаты.
Жáла, жáла дóчка нэвдэ-
шэчка,

Та й похилилася.

Ой за яснымь, та сокóлыкомь
Та й зажурылася.

Поспишáла на яроньку нывку,
Та й забарылася.

Ой, тамь ходыць раздóбрый
молóдчыкь

По крутий горй.

Й завывавь винь та чóрни
кúдри

На свойий головй;

Ой, вжэ жь минй надокúчило,
Цийи кúдри завывáючэ,

На чужихь жинóкь, та на пй-
санокь

Крадькомá вóвкомь зазырáючэ.

Чужй дивкй (жинкй) й мо-
лодыцы,

Якь на рóжи цвитэ цвить;
Надь моёй жь нэвдэшэчки
Гыдчэ вь цилимь світи нить.

Й узавь свою нэвдэшэчку,
Взявь за праву рúчку,
Тай повивь винь скризь тумá-
номь

У Дунай у рíчку.

Зостáвся самь парэнёчокь,
Стоючэ на гíрьци.

Й пустынь свою нэвдэшэчку,
Пустынь вздовшь по рíцьци.

Плывы жь, плывы, нэвдэшэчко,
Та вслidy за водóю;
А якь прыйдэ нэдíллынька,
Б́ду сыротóю.

34.

Тымь травка зэлэна,
Що блызько водá.

Тымь дівка хорóша,
Що щэй молодá.

Ходыла, гуляла,
У зэлэный садь.

Ирвáла й ломáла
Зэлэнь виногрáдь.

Ходыла, гуляла
Вь зэлэный садóкь

Ирвáла й нэ рвáла
Собй агидóкь.

Кидала, бросáла
Дружкú на кровáть,

А зь кровати брáла,
Та вь рукахь мьяла.

Вь викно выкидала,
Щэ й за ворóта.

Нэ сушй, сэрдэнько,
Й могò живóта.

Нэ ходыжь ты у дэнь,
Нэ смишй людéй.

А прыйды у ночй
Пры ясний свичй;

Щобь людэ нэ звáлы
Й нэ осуждáлы,

Щобь нась изь тобóю
Нэ розлучáлы.

—„Нихтó й нэ розлучэ
Ны свить, ны зорá;
Тíко нась й розлучэ
Мать сырá зэмля“.

35.

Дурнá булá дивчынóнька,
Дурнá—нэ розумна:

Полюбыла козачэнька
Старóго изь Дубна.

Выйдэ зь шинку за рúчэньку,
И пьянымь кладэ спáты.
Нэ абы якь,—у подúшки,
На свойий кровáти.

Самá жь идэ вь садь зэлэный
Зь любымь погуляты.

Та й забóла соловэйку
Обь цимь прыказáты:

„Нэ щэбэчй, соловэйко,
Рáно на кáліни.

Нэ збуды, мовь, старэнького
На мякый (мьякий) пэры-
ни“.

Я жь думала, що мий старый
Спыть собй, нэ чýе,

Ажь винь свáрыцыця на мэнэ
Й нагайку гартýе.

Я жь думала: нагаёчка
Такь собй,—шúточка,

А якь вдáрывь, болыть сэрцэ
Та щэй и шкúрочка.

Я жь думала, нагаёчка—
Ото жь—жóвтый цвить,

Ажь якь прыйшлòсь зкош-
тувáты,

Болыть сэрце й живыть.

Я жь думала, нагаёчка—
Изь того попэра, *)

Ажь вона вся трэклáтая,
Изь того рэмэня.

36.

Выкыкáлы дивчáточка
Та свою подрúжку,

*) Поперо—бумага.

Молодэньку молодыцю
 До сэбэ гуляты:
 Выйды, Галю, на вўлицю,
 Выйды, погуляемъ;
 Якъ торікъ колысь гулялы,
 Й писэнь поспиваёмъ.
 — „Ой, рада бъ я, подружэчки,
 Зъ вѣмы погуляты,
 Та нэ вільно вїдъ свэкрўхи,
 Бо будэ пэняты.
 На пичй, мойй подружкы,
 Та воркунъ воркочэ,
 А въ запічку, мойй мѣлы,
 Старый свэкирь квокчэ.
 А въ колысьцы, дивчѣточка,
 Пхика мой доня.
 Бля порόга, та бля пэчы,
 Вся дивόцька воля.
 На порόзи, мойй сыви,
 Та ятрόвка стойить,
 А у пачй, на прыпичку
 Скоро каша збжыть.
 Сэрэдъ двору, мойй квѣты,
 Якъ ѣе дивирь сыдыть,
 На ворόтахъ, мойй красни,
 Самъ мий мѣлы стойить.
 На поліци, мойй стрѣбни,
 Та й нагаечка лэжыть.
 Зостаецьця, подружэньки,
 Нэ попрэжнэму намъ жить.

37.

Зелэный дубочокъ
 На яръ похилѣвся.
 Молодый козачэ,
 Чого зажурывся?

Чи воля прыстѣлы,
 Чи зъ дорόги сбѣвся,
 Чи самъ, молодэнький,
 Бэзъ доли вродѣвся?
 — Воля нэ прыстѣлы,
 Й зъ дорόги нэ збѣвся,
 Я самъ, молодэнький,
 Бизъ доли вродѣвся.

Ой, пидѣ я вѣ полэ,
 Пошукѣю доли,—
 Нэ знайшовъ я доли,
 Знайшовъ сѣне морэ,
 А вѣ сѣнэму мори
 Знайшовъ рыболовѣвъ.
 Ой вы, рыболовцы,
 Раздобрѣ молодцы!
 Вы роскыньтэ тоны (сѣтку)
 По сѣнэму морию.
 Та й роскыньтэ сѣтку
 Черэзъ бѣстру річку.
 Та вловѣтъ вы доли
 Парню молодому.
 Нэ вловили доли,
 А вловили щўку.
 Ой, вловили щўку.
 Парню на розлўку.
 Щўка рыба грае,
 На дно порынае (пирѣнае);
 На дно порынае,
 Собѣ пару мае,
 А я жъ всэ гуляю,
 Й парόчки нэ маю.
 На що минѣ пары,
 Якъ очѣди карѣ;
 На що полюбовы,
 Якъ чорнийи ўрѣвы?

(Оконч. по другому варианту).

Тѣко минѣ й пары,
 Що очѣди карѣ;
 Тѣко й полюбовы,
 Що чорнийи брѣвы.

38.

Ой, бля брѣду, брѣду,
 Брала Маша воду.
 Й примичала, Маша,
 Козакѣ на врѣду.

— „Чуешъ ты, козачэ,
 Чорныйи собѣю!
 Возьмы мэнэ вмѣсты
 На чѣвынъ зъ собѣю“

Ой, тѣко жъ та Маша
 На чѣвѣнъ ступѣла,
 Морэ сколэхлўлось,
 Хвѣля покотѣла...
 Вода сэрэдъ моря
 Чѣвѣнъ потопѣла,
 Й трѣмъ козакѣмъ, Маша,
 Жалѣю нарѣбѣла...
 Одѣнъ козакъ кажэ:
 — „Шосъ по морию грае!“
 Другий кажэ: — „Маша
 Вѣ мори потопѣла!“
 А трѣтій ймѣ и кажэ:
 — „Хочъ конѣла збўду,
 А всэжъ такѣ Машу
 Ратувѣты буду!“

39.

Ой, на нѣби, нѣби,
 Хмарка набѣгѣс,
 А зъ пидъ тѣеи хмарки
 Дѣщикъ накрапѣе.
 А на сѣнимъ мори
 Козакъ потопѣе.
 На бѣтька, на нѣньку
 Свойихъ винъ гукѣе:

Отѣць й нѣнька чўе,
 Чўе, нэ ратўе,
 Та по бѣрѣжку хѣдэ,
 Й рукамы розвѣдэ:

„Ой рада бѣ я й ратувѣты,
 Та нэ вмѣю чѣвна гнѣты“.
 — „Бѣры жъ чѣвѣнъ и вѣсѣльцэ
 Й ратўѣ мэнэ, моѣ сѣрцѣ!“

40.

Изъ-за моря хмара выступае,
 А зъ-пидъ нѣи дѣщикъ на-
 крапѣе,
 По долини туманъ пидѣймае,
 Вѣ тимъ тумани конѣкъ вы-
 гравѣе.

А той конѣкъ сторѣпѣвся,
 На лѣдѣни завѣлѣвся.

Плывы жъ, плывы, ты, мий
 коню,
 Дѣржѣсь бѣрѣга водѣю.
 Плывы, плывы, нэ збѣвайся,
 На сухѣнѣкѣ выбѣрайся.
 Нэ дай минѣ та й изгнѣтъ,
 Ны за-вѣщо свѣтъ покѣнѣтъ.
 Щѣбъ мий бѣтько нэ журывся,
 Й щѣбъ ты щѣ разъ пры-
 годѣвся.

Докажѣ казацкѣ славу!
 Кѣнь пырснѣвъ и на застѣву.
 Вывѣдылы конѣ вѣ рѣду
 Та й далѣ ёму наградѣ:
 Ой, хто жъ ёму цѣну злѣжэ,
 Хто мѣвыты слѣво мѣжэ?
 Сто чѣтыри рублѣ цѣну
 Томѣ конѣ назначѣлы,
 На добѣвокъ щѣ й зѣзѣлы,
 Й вѣ чѣстѣ полѣ одѣзѣлы,
 Зѣзѣлы ёгѣ, розрадѣлы.
 Изъ сидѣлычка роздѣлы.
 Зостѣлося тѣло гѣлѣ,
 Та й пустѣлы вѣ чѣстѣ полѣ.

41.

Вылѣтѣла гѣлка
 Зъ зелѣного гаю.
 Вылѣтѣла дрѣга
 Изъ тѣмного лўга.

Сѣла вѣнѣ й пѣла
 На зелѣний сѣсни,
 На тонѣнький гѣльци,
 Зъ гѣлки по доливи.

Вѣтѣрь повѣвае.
 Сѣсэнѣку хѣлѣе
 Хѣлѣ й нахѣлѣе,
 И зъ гѣлкою грае.

Нѣхѣлѣся гѣлко:
 Вѣ свѣти жѣты гѣрко;
 Нэ хѣлѣся, сѣсно:—
 Жѣты вѣ свѣти тѣшно.

На чужѣй чужѣни.
 Бѣдѣний сѣротѣни.

Нэма въ мэнэ й рѣду,
 Ни бѣтка, ни нѣнки;
 Тѣлько въ мэнэ й рѣду—
 Два бѣтики зъ рѣду,
 Два бѣаты риднѣнки,
 Якъ орлы, сывѣнки.

Нэ литѣйтэ, орлы,
 По крутѣхъ горѣхъ,
 Нэ ходѣтъ вы, бѣатыци,
 По чужихъ жинкахъ.
 (Въ чужихъ сторонахъ).

А прыйдѣтъ вы, бѣатыци,
 До мэнэ у рѣнѣци;
 Настѣю вамъ, бѣатыци,
 Горѣлки по чѣрыци.

Изъ пѣрцѣмъ, вымбѣрцѣмъ,
 Зъ моймъ щѣрымъ сѣрцѣмъ.

—Чогось минѣ, бѣатыци,

Горѣлка нэ пѣецѣ:

Колѣ мого сѣрѣца,

Якъ гѣдына, вѣецѣца.

Нѣхѣй вонѣ вѣецѣца,—

Колѣмъ схамѣнѣецѣца.

Зходѣтѣся жъ вы, бѣатыци,

До мэнэ у рѣнѣци:

Вонѣ й увѣймѣецѣца,—

Горѣлки напѣецѣца.

42.

Вѣкопаю чѣрѣмуху

Й у тѣмнимъ лисѣ

Та й посаджѣ чѣрѣмуху

Въ зелѣнимъ садѣ.

Ростѣ, ростѣ, чѣрѣмушка,

Тонкѣ та высѣка,

Щѣ й лѣстомъ ширѣка.

Нызѣя, нызѣя чѣрѣмушки

Йий нызѣя нѣспѣлойи,

Нѣспѣлойи рѣвѣтъ;

Нызѣя, нызѣя дивчинѣонѣку

Нѣсѣвѣтану бѣратъ.

Сѣрѣдъ двѣрѣцѣи стоѣтъ крѣльѣца

Вѣзрѣблѣнойи,

А зъ тѣхъ крѣльѣцѣ вѣдѣтъ
 хлѣпѣца

Изъ дѣвчинѣою.

Одѣнѣ вѣдѣ за рѣчѣнѣки,

Дрѣгѣй— за рѣкѣвъ.

Трѣтѣй стоѣтъ,—живѣтъ бо—
 лѣтъ...

Любѣвъ та й нэ вѣзѣвъ.

Нэ достѣласѣ крѣсна дѣвка

Нѣ бѣратѣцю, нѣ мнѣ,

Достѣласѣ крѣсна дѣвка

Бурлакѣ—свивѣнѣй.

Бурлакѣ—мужикѣ маѣапѣура,

Звѣчаю нэ зна:

Повѣрнѣвъ йий нѣ въ вѣщо,

Та щѣ й картѣ

Нэ розвѣиту, нэ привѣиту

Нѣлѣсковѣхъ сливѣ.

Зъ-пидѣ прѣвойи зъ-пидѣ
 рѣчѣнѣки

Вѣлитѣвъ сокѣлѣ.

Зъ-пидѣ дрѣгойи, зъ-пидѣ лѣ-
 войи—

Сѣра вѣтыѣца.

Ой, тѣ бѣбка, тѣ отгѣдка,

Разгѣдай минѣ мѣй сонѣ.

А то жъ твѣй онѣчѣнѣка

Спорѣдѣла сѣйна.

Понаймѣала нѣнѣкѣтъ, мамѣкѣтъ,

А самѣ й изгѣла.

43.

Зъ тѣждѣнѣ чѣхла Марѣсѣйна,

Щѣ й чѣлядѣ нэ знѣла.

Йей зѣа мѣря, йей зѣа мѣря

Зѣльѣ забѣжѣла.

Ой, кто жъ минѣ изъ-за мѣря

Зѣльѣчка здѣстанѣ,

Хто захѣчѣ одѣвалѣты,

Хто въ бѣди згѣдаѣ?

Любѣвъ пѣрѣнѣ, та й покѣнѣвъ,

Сѣбѣи йнѣшу мѣе,

Нѣчѣчу грѣецѣца и жартѣе,

А въ дѣнѣ бѣе—та лѣе.

Обѣзѣавѣся кѣзѣчѣнѣкѣо,

Кѣзѣкѣтѣ молодѣнѣкѣй:

Есть у мѣнѣ трѣ конѣки,

Та й всѣ ворѣнѣнѣки.

Я на пѣрѣвогѣ якъ сѣду,

Й до мѣря достѣну,

А на дрѣгимъ до схѣдѣ сѣнѣца

Мѣрѣ пѣрѣстѣвлю;

Трѣтимъ конѣмъ ворѣнѣнѣкимъ

Зѣйду на полѣну,

Й зъ-за-бѣла тѣбѣ зъ щѣрымъ
 сѣрцѣмъ

Зѣльѣчка здѣстанѣ.

Дрѣгой вариантъ этой пѣсни.

Захѣворѣла нѣшѣа Марѣсѣйна,

Изъ-за мѣря, изъ-за мѣря

Зѣльѣ забѣжѣла.

Хто минѣ изъ-за мѣря

Зѣльѣчка здѣстанѣ?

Обѣзѣавѣся кѣзѣкѣтѣ молодѣнѣкѣй:

Есть у мѣнѣ трѣ конѣка во-
 рѣнѣи—

Пѣрѣвымъ конѣмъ до мѣря до-
 стѣну,

Дрѣгимъ конѣмъ мѣрѣ пѣрѣ-
 стѣвлю,

Трѣтимъ конѣмъ, трѣтимъ ко-
 нѣмъ

Зѣльѣчка здѣстанѣ.

44.

Я сѣгѣдѣя дѣма,

А зѣвѣтра поѣйду.

Бѣдѣштѣ, мѣла, пѣрѣпадѣты

Та й до мѣго слѣду.

— „Я й нѣпрѣпадѣла

И пѣрѣпадѣтъ нѣ буду:

Гѣрѣювѣла-я зъ тобѣо

Та й бизѣ тѣбѣ бѣду“...

Ой, на горѣи ячѣминѣ,

Пидѣ горѣю жѣто.

Пѣрѣйшлѣи вѣсѣти до мѣлойи,

Щѣ мѣлого вѣбѣто.

Ой, убѣто, вѣбѣто,

Й затѣгнуто въ жѣто,

Чѣрѣвною кѣтѣйкѣо

Вѣдѣчѣкѣтѣ пѣрѣкрѣто.

Пѣрѣлѣтѣла пѣава

Й на лѣчѣнѣкѣо вѣпала.

Якѣ розкрѣла кѣтѣйкѣу

Та й поѣилѣувѣла.

Пѣрѣлѣтѣла мѣла,

Якѣ голѣубѣка сѣва.

Та й пидѣяла кѣтѣйкѣу.

Та й заголѣсѣла:

— „Чи тѣ, мѣлѣй, зпѣвѣся.

Чи зъ конѣи зѣвалѣвѣся,

Чи зъ йнѣшою тѣи зѣзнѣвѣся,

Мѣнѣ вѣдѣцѣуавѣся?

45.

Ой, на горѣи жѣто,

Й пидѣ горѣю жѣто.

Пидѣ бѣлою бѣрѣзою

Кѣзѣчѣнѣкѣо вѣбѣто,

Ой, убѣто, вѣбѣто,

Затѣгнуто въ жѣто,

Чѣрѣвною кѣтѣйкѣо

Лѣчѣнѣкѣо пѣрѣкрѣто.

Пѣрѣлѣтѣла пѣава,

На рѣчѣнѣки вѣпала;

Якѣ разкрѣла кѣтѣйкѣу,

Та й поѣилѣувѣла;

Якѣ пѣрѣйшлѣа дрѣгѣя,

Сѣвѣсимъ нѣтакѣя;

Якѣ розкрѣла кѣтѣйкѣу,

Та й заголѣсѣла:

— „Ой, бѣдѣа. бѣдѣа.

Дѣа мѣй мѣлѣй дѣвѣся,

Ой, чи ѣго лѣхѣи зѣялѣи,

Чи вѣнѣ утѣпѣвѣся?“

Якѣ пѣрѣйшлѣа щѣ й трѣтя—

Изъ йнѣшоѣи хѣты:

— „Бѣло бѣ тобѣи, розсѣкинѣ

сынѣ,

Нѣсѣ трѣхъ нѣа кохѣаты!“

46.

Ой, ходыла Марусына
По садочку.
Та й сколола нйжэньку
На дрялючку.

Болять, болять нйжэнька
Та й нэ болно (болко),
Нйкого й пынаты:
Ходю волно (бойко, вильно).

Ой, любыла парня
Два денёчки
Й простояла зь мылымъ
Тры часочки.

Якъ пойыхавъ мылый
Въ городочокъ,
А за нымъ Маруся
Й у слидочокъ.

Быгла Маша слідомъ
Й нэ здогнала.
Выбылась изъ мочи.
Та й упала;

Голосомъ гукала,
То жь байдужэ
Хуствою махала,
То щэ й хужэ:

Витэръ повивае,
Хуству выривае
Й гуку вэдоносэ,
Кругомъ сэбэ носэ.

Розийшлася дорйжэнька
На два шляхи,
Сыдыть бя йихъ Марусына
На два махи.

Въ одынт кинэцъ мылый йидэ,
Йидэ—погоняе.
Й витэрочокъ пылдекъ слідомъ,
Слідомъ порывае.

Въ другимъ киньці лэжить
мыла,

Мыла оддыхае.
Та й скризь слэзы свою долю,
Долю проклянае.

Другой вариантъ этой пьесы:

Ой, ходыла Машинька
По садочку
Й уколбала нйжэньку
На дрялючку.

Болять, болять нйжэньки,
Та й нэ болко;
Любывъ парэнь дивчину
Та й нэ волно.

Нэ довгое времьачко,—
Тры годочки,
Й здалось тийй Машеньци
Тры часочки.

Якъ пойыхавъ мылый
Въ городочокъ,
Й похыляла й Машинька
У слидочокъ;

Голосомъ крычала,—
Не чуты,—
Хуствою махала.—
Нэ буть.

47.

Ой, учора изъ-вэчера
Прыйшло тры козака,
Та й вхопылы видъ дивчины
Пэчэного рака.

Одынтъ всйвся на покути,
Мэдъ, выно кружае;
Другий сыдыть въ киньці
стола

У скрыбочку грае.
Трэтий стойитъ у сйнычкахъ,
Дивку вговоряе.
А дивчина тико слуха,
Зкоса поглядае:

— „Ой, дивчыно, дивчынонь-
ко,

Сывэсэнью вутко!
Якъ проведэшъ ты очима,
То й свататы жутко“.

—Ой, козачэ, козачэнько,
Ой, та хорвиночку.

Сватай мэнэ нэ въ суботу,
Сватай въ нэдильлечку.

Я дивчина щэ молодэ,
Та щэ й повнороба,
Хочъ и въ масныцю хто при-
йде,

Та й тоді я гожа.

48.

Ой, ковалю, ковалэнько,
Чомъ нэ встаэшъ ты ранэнько?
Чомъ нэ встаэшъ, моё нэнько,
Чомъ нэ куешъ жалибэнько?
Чи тэбэ нэ мае дома.

Чи спиткала яка доля,
Чи зализонька жалйишъ
Чи ковадлонька щадйишъ?

Ой, въ нашего ковалэнька
Одна дочка Катэрына,
Та й та славы наробыла:
Малэ дытя породыла.
Й у крыйныци потопыла,
Й дэрныною привалыла.
Зь буйнымъ вітромъ гово-
рыла:

Повйй, вітрэ буйнэсэнський,
Примчи дощикъ дребнэсэнський,
Залый цюю крыйныччэньку,
Щобъ до нейй нэ ходылы,
И щобъ воды зь нейй нэ пылы...
А въ нэдильлю въ раньци
рано,

Та й збэралася громада,
Та все хлопци, та дивчата—
Бля крыйныци, коло сада.
Уся челядь тэперъ знае,
Що тутъ Кэтри та й нэ мае.
Катэрыну (Ковалыну) скризь
строй гналы

Й до святыхъ мощэй послалы...

49.

Нэ шумъ ты, лужэ,
Зелэный байрачэ;

Нэ плачъ, нэ журыся,
Молодый козачэ!

—Нэ самъ, нэ я плачу.
Плачуть кэри бчи.
Й нэ дають спокую
Та й ны дня, ны ночи.

Сусиды близкийи,
Вброги тяжкийи,
Нэ велять ходыты,
Дивчыну любыты.

Я умру бизъ тэбэ,
А ты жива будэшъ.
Та нэ ходы, мыла,
Дэ мой могыла.

А мой могыла—
Въ полі пры доробзи,
Бля сйняго моря,
На чумацькимъ вёзи.

Та нэ стій жэ, мыла,
Нэ стій надо мною.
Нэ махай рукю,
Нэ махай тяжкою.

Важко минй будэ
У гроби лэжаты...
— „А минй щэ важчэ
Надъ гробомъ стойты!“

50.

И по той бикъ гора,
И по сэй бикъ гора,
А помйжъ тымы
То гиронькамы—
Ясная зорэ.

То жь нэ ясна зорэ,
То жь дивчына моя.

Ой, чорнявая,
Та билавая,
Кохана моя.

И по той бикъ гордохъ,
И по цэй бикъ гордохъ,
Ой, прыйды жэ, прыйды,
Моё сэрдэнько,
Поговорэмо въ двоухъ.

И учора оравъ,
И сѣгодня оравъ.
Ой, хто жъ та тоби,
Моє сѣрдѣнко,
Воливъ поганявъ?

Поганяла минй
Та дивчина жъ моя,
Ой, чорнявая,
Та билавая,
Кохана моя.

И учора косывъ
И сѣгодня косывъ.
Ой, хто жъ та тоби
Сѣрдѣнчотко,
Брусницю носывъ?

Та носыла жъ минй
Та дивчина моя,
Ой, чорнявая,
Та билавая,
Кохана мой.

51.

Ой, за гаємъ зелѣнѣнкимъ,
Та дивчинька
Коничѣнски пасла,
Пасла воронѣнски.

А пасучѣ конѣй,
Вона й заблудыла,
Ой, та шукѣючи,
У гай заблудыла,

Я жъ думала, нѣнько,
Що гай зелѣнѣнкий,
Ажъ то стойить въ гайи
Гайдѣрь молодѣнкий.

— Ой, ты, козачѣнко,
Молодѣй гайдѣрю!

Ой, вѣвѣды мѣнѣ
Та изъ цѣго гаю.
Изъ самага ранку

По лѣси гукѣю,
Ой, далѣби, збылась,
И дорѣжки нѣ взнѣю.

— Ой, щобъ ты, дивчино,
Гайдѣремъ нѣ звѣла.

Подивисѣ въ вѣчи,
Можѣ бѣ ты й кохѣла.

Ой, лѣччѣ бѣ ты, квітко,
Сѣрдѣчкомъ назвѣла,
Та й дорѣжки бѣ зъ гаю
Мѣнѣ нѣ пытѣла.

— Ой, лѣччѣ я бѣду
Въ гаю ночувѣты,
Чимъ тѣбѣ, гайдѣрю,
Мѣлымъ потягѣты.

Тутъ я похѣлюся
Къ зелѣному дѣбу,
Тай изъ єго корѣмъ
Ночувѣты бѣду.

— Слѣхай, загадѣю жъ
Чотѣри загадки;
А якъ одгадаѣшь,
То йди бизъ оглѣдки:

А що ростѣ въ лѣси,
Ростѣ бѣзъ корѣнѣя?

А що бижить въ полі,
Бижить бизъ повѣдѣя?

А що цвѣтѣ въ лѣзи
Зъ нѣякого цвѣта?

А що идѣ въ лѣдѣ,
Мѣвчкы, бизъ одвѣту?

— „Ростѣ камѣнь въ полі,
Ростѣ бизъ корѣнѣя.

Бижить водѣ въ кручи,
Бижить бизъ повѣдѣя;

А очѣрѣтъ ростѣ
Бизъ всѣякого цвѣта;

Зѣмижъ идѣ дѣвка,
Якъ вилъ, бизъ одвѣта.

52.

Ой, що жъ то за вѣрба,
Що бизъ корѣня рослѣ?

Ой, що жъ то за вдовѣ.
Що симъ годѣ прожила?

И двоухъ сынѣвъ привѣла—
Ахванѣса и Панѣса,

Та й въ китѣйку повѣла
И на чѣвинѣ одныслѣ:

Ой, чѣвныку соснѣвий,
Колыши мойхъ сынѣвъ,
До симѣдцѣты годѣвъ.
А въ сѣмѣнадцѣтомъ годѣ,
Пишла вдовѣ поводу,
Стѣла водѣ набѣраты,
Ставъ корѣблѣкъ прыпливѣты,
До бѣрѣга доставѣты:

— Ой вдовѣ ты, вдовѣ,
Чи пѣйдѣшь за мѣнѣ?

— Я за тѣбѣ сама йду,
За мѣнчѣго видѣю.

Якѣй тѣпѣрь вѣкъ настѣвъ,
Що сынъ мѣтирь узѣвъ!

Якѣй тѣпѣрь поплѣ сталы,
Сѣстру зъ бѣратѣмъ извинѣалы!

Пидѣ, мѣмо, въ мѣнастѣрь,
Нѣхай тѣбѣ Богъ простѣтъ.

А Богъ кѣжѣ: нѣ простѣю,
Зѣмлѣ кѣжѣ: нѣ прѣймѣю.

Идѣ жъ тѣпѣрь хочѣ у лѣсъ
Нѣхай тѣбѣ вѣвѣкъ изѣйсть.

А дѣвирѣ кѣжѣ: я не зѣимъ,
Вѣдѣ кѣжѣ: хай ты йѣмъ!

53.

Ой, у садѣ, у садѣчку
Поспѣвѣе, посѣмѣстѣе

Сѣловѣйко мѣнѣсѣнѣкий,
Кучѣрѣвий, рѣбѣсѣнѣкий.

Нѣ щѣбѣчѣй, сѣловѣйко,
Нѣ щѣбѣчѣй, мѣе нѣнько,

Що въ чужѣй сторѣнѣ
Нѣмѣ рѣду минѣ.

Тѣко въ мѣнѣ й рѣду—
Дѣва бѣратѣки зѣрѣду.

Тѣко й полюбѣви,
Що чѣрнѣйи бровѣ.

Пѣрадѣ мѣнѣ, бѣратѣ,
Якѣ рѣднѣя мѣты:

Чи минѣ гадѣты,
Чи минѣ пысѣты,

Гусѣчѣнѣкимъ пѣрѣмъ
Пѣмѣлюю кругѣмъ.

И обѣилью слѣзѣамъ,
Та й поплѣ витѣрамъ.

Бѣ сѣду и пойдѣу
До рѣду—рѣдѣны,

До мѣлойи въ гѣсти:
Зѣдорѣвъ, скажѣ, мѣла,

Мѣо чѣрнобѣрѣва!
Лѣчкѣ, якѣ кѣлына,

Очи, якѣ тѣрнѣна,
Бѣрѣвки, якѣ шнѣурѣчѣкъ,

Тѣко бѣ на кѣлѣчѣкъ,
И нѣмы лѣубѣватѣсь;

Зѣ другѣмы—кѣрѣвымы
Шѣкодѣ й чѣсу знѣтѣсь.

54.

Ой, за гаємъ, гаємъ,
Гаємъ зѣлѣнѣнѣкимъ,

Тѣмъ оѣрѣла дѣвѣчинѣонѣка
Вѣлыкомъ чѣрнѣнѣкимъ.

Оѣрѣла, й оѣрѣла,
Нѣ вѣмѣла гукѣты,

Нѣнимѣла (прыпрохѣла) ко
зѣчѣнѣка

У скѣрѣбочку грѣты.
Кѣзѣчѣнѣко грѣе,

Бровѣамъ морѣгае.
—И кѣты єго бѣтъка знѣють,

Чѣго винѣ морѣгае?
Чи на мойи вѣлы,

Чи на мойи корѣвы?
Чи на мѣе бѣлѣ лѣчѣко,

Чи на чѣрни бѣровѣ?
—Чѣрни бѣровѣ мѣють,

Та й нѣ ожѣнѣюся.
Пѣдѣ, пѣдѣ до рѣчѣнѣки,

Зѣ жалѣу утоплѣюся.
—Не топѣсь, кѣзѣчѣ,

А то дѣшу зѣгубѣшь!
Хѣдѣмъ, повѣнѣчѣймѣсь,

Кѣлы вѣрно лѣубѣшь.
Та й пишлѣ винѣчѣтѣсь,

Пѣпѣ нѣмѣ дѣома,—

Чи твой, чи мой
Нэчаслыва доля?
Пишовъ козакъ яромъ,
Дівка долыною.
Зацвѣвъ козакъ макомъ,
Дівка калыною.
Выломай, козачэ,
Калынову квітку,
И почитай дивчину
За виньчану жінку.

55.

Журба мэнэ сусэ,
Журба мэнэ крушэ;
А я та тий журби
Та й нэ пиддаюся:
Пиду до жидівки,
Горілки напыюся.
— Жидівочко Ганно,
Сыпъ горілку гарну.
Бэрѣ на заставу
Коня вороного.
— „Нэ вэлѣла маты
Заставоньки браты.
Та вэлѣла маты
Тэбэ распытаты,—
Чи ты вже жонатый,
Чи ты нэжонатый,
Якъ що ты жонатый,
То й панай до дому.
А якъ нэжонатый,
То й ночуй зо мною“.—
— Есть у мэнэ жінка,
Молода, хороша,
Щэ й дѣточокъ двое,
И чорняви обѣ.
Есть у мэнэ й маты,
Сердэнько, у хати;
На тэбэ, жидівко,
Нэ стану минаты.

56.

Ой, видтыль гора,
И видтыль крута.

А помижъ тѣмы
Гирьмы крутѣмы
Та взийшла зорѣ,
Зоря ясная.
Ой, тожъ нэ зоря,
То й нэ ясная,
Молодэнькая жъ то
Та дивчинонька.
По водѣцю йшла
И козакѣ знайшла.

А козакъ слѣдомъ
Та й собѣ зъ нэю,
Якъ тая зорѣ,
За зорэю йдэ.

Ой, сѣвымъ конэмъ
Та й по надъ морэмъ.
Ой, надъ водою
Та самъ изъ собою:
Ой, дивчинонько,
Дивчино моя!
Куды дрибно йдэжъ?

Пострэвай мэнэ,
Та й напий коня
Изъ рубленой
Та крыйнычэньки,
Зъ повного видрѣ.
„Ой козачэнько,
Я жъ и нэ твой,
Щобъ напуваты,
Та тобѣ коня

Зъ повного видрѣ
Щэ й водѣцэю
Изъ рубленой
Та й крыйнычэньки“.

-- Ой дивчино моя,
Осидлай коня,
Вороненького;
Осидлай коня,
Та й пойдэмо
Изъ цего сэлѣ.
Въ полэ чѣстое,
Ой, зъ мойимъ сѣвымъ,
Та по надъ морэмъ.
Та и подѣлымся

Мы съ своимъ горэмъ,—
До мого двора,
Въ лисѣ тэмнийи,
Въ долэки стѣпѣ,
Въ бизконэшнийи.
Бля мого двора

Дэнь и вичъ зоря;
Скѣко скинь,—зэмя,
А на вий травѣ;
Нэ ворѣтъ, плэтнийвъ,
Нэ хливѣвъ, кумдоръ
Кругомъ вѣтэрь гра—
Разлюбуйишся!

Тамъ хата мой,
Билымъ свѣтомъ вся
Обгорбжэна;
Вѣкна вузэньки,
И стэля тэмнэнька

Нэбомъ прыкрыта;

Скѣко хочъ свѣта,
И доливка чистѣ,
Скѣко хочэшъ мѣста.

Тамъ бля хаты стоявъ
Кушъ калыноньки,
Та й чоґось винъ ззовѣвъ
Въ двѣ нэдильлэньки.
— Ой, чоґо жъ то, чоґо,
Та калынонька
Засушилася,
И завѣялылася?

— Одъ того, мий дружѣкъ,
Що бизъ доґляду,
Вся бизъ кбрэню
Очутылася.

57.

Журѣлася попадэнька
Своею бэдю:
Бѣдна жъ моя голѣвонька,
Що пипъ зъ бородою.

Якъ пийду я до владѣки
Та й бѣду просѣты,
Хай дозвѣлэ, щобъ попѣви
Бороду оббрѣты.

Бо пиду я на хрѣстыны,—
Треба жъ вмѣсти сѣсты,
А якъ глянѣ на бороду,
То й нэ буду йѣсты.
Якъ пийшла я до владѣки,
И на вкѣлюжки впала,
Слизно, гѣрко заплакала:
Брѣтого бажала.
Я просыла, щобъ дозвѣливъ
Бороду побрѣты,
Бо тожъ минѣ зъ попомъ горэ,
Зъ бородастымъ жити.
Бо то жъ минѣ тѣжко,
Бо то жъ минѣ вѣжко,
Вѣжко, гѣрко й нѣдно,—
Въ свѣти зъ бородастымъ
Жѣты минѣ трѣдно!

58.

Ой, за гаэмъ зэлэнэнькимъ
Брѣла дівка лэнь дрибнэнький.
Брѣла вонѣ, выбѣрѣла
И до лѣчэнька промовляла:
„Лѣчко й рѣчки билэсэньки,
И брѣвки мойи чорнэсэньки!
Ой, кому жъ достанэґэсь,—
Чи попѣви, чи дяковѣ,
Ой, чи томѣ козакѣви (запо-
рождцю-козакѣви)?
За чумакомъ дѣбро жѣты,
Що нэ жѣты й нэ косѣты,
Горѣлочка тѣко пѣти“.
Ишовъ чумаць у дорѣгу,
А чумацька сама дѣма
Рубѣ дрѣва до порѣга,
Солѣмою въ пичѣ топѣ,
А горщэчкомъ вѣду нѣсэ.
Борщѣ, кашѣ долывае,
Своею дѣлю проклянае:
„За чумакомъ хѣдо жѣты,—
Нѣчимъ й борщѣ посолѣты.
Нѣма солѣ нэ солѣны,
Нѣма й мукѣ не полѣны,
И нѣма пшѣна нэ зѣрнѣны“.

Чума́къ въ Кры́ми чума́уе,
А чума́чка ту́тъ горюе.
Чума́къ въ Кры́ми пье, гу́лае,
А чума́чка ёго́ лае:
„Суси́дочки, голу́бочки!
Навуча́йтэ свойи́ до́чки,
Що́бъ по нача́мъ нэ ходы́лы,
И прои́дэсвитивъ нэ любы́лы“.

59.

Якъ выйду я за ворота,—
Стойтьтэ травка, якъ болото.
Якъ выйду жэ я за новийи,—
Тамъ тра́вочка зеля́ние,
Тамъ тра́вачка зеля́ние,
А у мене́ сэрце́ млие.
Вонó ние, заныва́е,
Що мылэ́нького нэма́е.

60.

Выйды, Гры́цю, на ву́лицю,
И ты, Ковале́нко,
И заграй мини́ въ сопилку.
Зэ тыха-поманэ́нску!
Ишовъ Гры́ць зэ вэчэрны́ць
Тэмнэ́нькойи но́чи.
Сыды́ть гу́ска на бэрэ́жку
И вы́трыщи́ла очы.
Я (Гры́ць) на нэ́йи: гы́ля, гы́ля!
А вона́ й прысы́ла.
Якъ бы въ мене́ (Гры́ця), нэ па-
лочка
Вона́ бэ мене́ (ёго) зы́ла.

61

Ой, нэ ходы́ Гры́цю,
Та на вэчэрны́цы,
Бо на вэчэрны́цахъ
Дивки́ чаривны́цы.
Тамъ одна́ дивчы́на
Уси́ чэры зна́ла,

Взяла́ того́ Гры́ця
Та й прычарова́ла.
Друга́я дивчы́на
Цёго́ й нэ злюбы́ла,
Взяла́ того́ Гры́ця,
Шэ́льма, утройла́.

Въ понэ́дылокъ ра́но
Корню́ накопи́ла;
Въ вихто́рокъ зорэю́
Зы́ल्या́ полоска́ла;

У сэрэ́ду ра́но
Зы́ल्या́ тэ вары́ла;
А у чэ́твэръ въ ра́ньцы
Гры́ця напои́ла;

У пъя́тныцю ра́нкомъ
Гры́ця помэ́рае;
А въ субо́ту зэ свито́мъ
Дзвинъ лю́дэи зы́вае;

А въ на́дильлю ра́но
Гры́ця похováлы;
А у понэ́дылокъ
Мэ́домъ помэ́налы.

У вихто́рокъ въ ра́ньцы
Грома́ду збэ́ралы
И усй́мъ мэ́ромъ вкúпи
Ра́ду прыкла́далы,
Що́бъ того́ вжэ́ Гры́ця
Бильшэ́ бэ́ й нэ згада́ты.
Та й нэ промэ́лыцьця
Про Гры́ця каза́ты.

—Ой, на шо́ жэ ты, су́ка,
Гры́ця утройла́,
Корню́ накопи́ла,
Зы́ल्या́мъ напои́ла?

—Ой, нэхай же, ма́мо,
Гры́ць насэ́ дво́хъ нэ лю́бе,
Бо одну́ шану́е.
А дру́гу голу́бе...

О цэ́ жэ ёму́, ма́мо,
Моя́ бу́дэ й плата,—
Изъ чоты́рэхъ до́сокъ
Та тэмная́ ха́та.

60.

Ой, поси́ю я горо́шокъ
На яры́ньци—ны́вци;
Куплю́, куплю́ чэрэ́вчыки
Свойи́й чернобры́вци.
Нэ вроды́вся мий горо́шокъ,—
Самы́ лопато́чки...
Вы́топтала́ чэрэ́вчыки,—
Самы́ перэ́дочки.

61.

Якъ поси́явъ лё́нь
Пидэ́ паньськимъ дво́ромъ;
Та й вроды́вся лё́нычэ́нько,
И вна́дывся паны́чэ́нько
На сы́рому коны́чэ́ньку,
Та й вы́топта́въ у ны́чэ́ньку.
Ой, шо́ жэ то за лё́нь,—
Высб́кий—зеля́нь,
Золотэ́е коры́ньнячко,
Шипчо́вое насы́ньнячко?
Шовковэ́нький линь,
Ты Пона́сыкъ мий!

62.

Ийдутэ́ зэ лё́номъ зэ гирэ́;
Одчина́йтэ́ дво́рь,—
Иидэ́ твой Сэ́ргиевна́,
А за нэю́ Оги́евна́
Пья́нэсэ́нька, гарнэ́сэнька,
И на лы́чэ́ньку билэ́сэнька.
Чи радэ́ жэ ты и́йи,
Ива́новычэ́ мий?
—Якъ жэ́ жэ́ то я та́ й нэ
радэ́,

Колы́ въ нэ́йи выно́градэ́.
И́йи сли́вцэ́ й моё́ сли́вцэ́,
Якъ у пля́шэ́цьцы вы́ньцэ́.
Поси́даемо́ у ря́дэ
И пидэ́ дило́ всэ́ на ла́дэ:
И́йи сэрце́ зэ мойи́мъ сэрце́мъ,
Якъ горы́лочка зэ вы́мбэ́рце́мъ.

62.

Бра́ла лё́нь, бра́ла лё́нь,
Та цэ́ й коно́пельки,
Нэ учи́лась на робо́ту,
Та на вы́трыбэ́ньки...

Другой ва́риантэ́ пэ́сни 51-й.

Ой, дивчы́на по гры́бы ходы́ла
Вэ́ зеля́нимъ гаю́ та й заблуды́ла (2 раза);
Прыблуды́ла кэ́ зеля́ному́ дубу,—
Оту́тъ жэ́ я й ночу́ваты́ бу́ду (2 раза).

Я жэ́ думала́, шо́ дубэ́ зеля́нэ́нький,
А то стои́ть ко́ныкъ воро́нэ́нький,
На коны́ку коза́къ молодэ́нький,
А на ёму́ жупа́нъ голу́бэ́нький.

— Ты коза́чэ, молодый́ гайдэ́рю,
Ой, вы́веды́ жэ́ мене́ зэ́ цёго́ гаю́!

— „Ой, дивчы́но, ты по́вная́ рóжа, *)
За-бля́ мене́ бу́ла бэ́ ты прыго́жа.

Пэ́рэночу́й зо́ мно́ю хочэ́ ны́чку,
Куплю́ тоби́ новэ́сэ́ньку стры́чку.

— Лу́ччэ́ жэ́ минн́ въ гаю́ пропа́да́ты,
Ни́ жэ́ зэ́ тобо́ю ны́чку ночу́ваты!

*) Рóжа—цвётóкъ.

Помолюсь я Святый Пречистый—
Понись мене по грибы нечистый.
Помолюсь я святому Миколы,
Та й не пиду по грибы николы.

64.

Ой, гаю мий, гаю,
Густый та зелэный!
Покрывь ты собою
Нашь край невеселый...

Выйду я на гирку
Та й гляну на зирку,
А зиронька сѣе,
Вся челядь гуляе;
И сопилонька грае,
Серце розважае.
Маты жь дочку лае.
Гулять не пускае;

Маты дочку была
И гуляты не пустыла,
Щобъ въ лись не ходыла,
Парня не любыла.

— Сыды, доню, дома
И носы въ хату дрова,
То й будэшь здорова.
Клады бля порога,—
Отъ жь тоби, доню,
И вся твой дорога.

Я дровъ наносыла
И пичъ ростопыла,
А все жь такой маты
Гулять не пустыла.
Сѣдыть доня дома
И на выдѣ змарныла...

— „Ой, доню жь, ты доню,
Якэ жь ты й лѣдащэ!“
— Колы я лѣдащэ,
Держишъ мене на що?
— „Ой, доню жь, ты доньку,
Якэ жь ты й бѣздильля!“

— Колы я бѣздильля,
Шукай, мамо, зильля,
Давай, буду пыты,
Щобъ бильшэ не любыты,—
Бо рвы кышэ зильля,
И давай гратъ весильля!

65.

Якэ пойихавъ у лись,
Лись той терномъ порисъ.
Тамъ Гайдарыкъ ходывъ,
Та й дивчѣтъ приманывъ.

На йихъ задывывся,
А визъ й похилывся.
Не жалъ було бѣ вѣза,
Якэ бы дивка хѣжа;

То жь ряба, погана,
Щэ й визъ поломала.
— Хочъ ряба й погана,
Въ мене бѣтько багачъ:

Симъ паръ на загоны,
И на намысти дѣкачъ...

66.

Якэ выйду на гирку,
Та й гляну на зирку;
А зиронька сѣе,
И улыця гуляе *).

Менэ жь маты лае,
Гулять не пускае.
Щобъ я не ходыла,
Парня не любыла—

Зъ хѣтора другою,
Парня молодого.
Сыды, какэ, дома
Та носы въ пичъ дрова.
Я дровъ наносыла,

*) Улица—парубки и дивчата.

Выхнѣлась й забула
И до парня майнула.

67.

Сызый голубочокъ
Злѣтивъ на дубочокъ.
Лычко въ его биль,

А пирьачко сывэ,
Бровнята чѣрни,
И очыци моторни.
Прилѣтила пава; *)
И сэрѣтъ двѣру впала.

Вона жь про то знае,
Чого хто бажае.

Вона й усэ бачэ,
Чого вѣронъ крѣчэ,
И що мий мѣлый рѣбэ,
И чого сѣмный хѣдэ...

А мий мѣлый рѣбэ
Та по двѣри хѣдэ,
Кѣнѣкы вѣводэ.

Сывѣнкихъ сидлаѣе,
И зъ двѣра выйиджае,
У стѣпъ поглядѣе.

Бросэ вѣрну дѣржбу,
И идэ въ вѣшню слѣжбу.
Кыда симѣю й жѣнку,
Щэ й малѣ дытыну.

68.

Вы не бѣйтэ мене,
Вы й не лѣйтэ мене.
Колы жь я вамъ наскѣчила,
Такъ видѣйтэ мене.

Вы видѣйтэ мене
За волѣшина,
Щобъ я була молодѣя,
Та й хорошая.

Вы видѣйтэ мене
Та за тѣрчина,
Щобъ я була молодѣя—
И настѣбѣрчѣна.

*) Пѣва—птица.

**) Хляки—требуха.

Чомъ пѣсѣря (тѣрчина) не
любыты,

Пѣсѣря (тѣрчинѣ) будэ пѣномъ:
Вѣувѣецѣя въ постѣлы,
Мѣтѣецѣя вѣломъ.

Чомъ пѣсѣря (тѣрчина) не лю-
быты,

Колы подобѣнка,—
Тѣрѣка й кѣсѣтъ у кармѣни,
То жь вся й худѣбѣнка?

Бѣдай тоби, пѣсѣрю,
Тѣры бѣлѣчки въ лѣсыну,
Щобъ ты пѣромъ не пѣсѣвъ,—
Тѣры бѣлѣчки чѣсѣвъ!

69.

А въ сосѣда хѣта бѣла,
А въ сосѣда жѣнка мѣла,
Нѣжки бѣли, нѣвѣлѣчки,
Нѣсѣ жѣвѣты чѣрѣвѣчки.

А якэ вѣстѣне та ранѣнѣко,
Пѣрырѣецѣя чѣпѣрнѣнѣко.
Вѣрѣ снѣдѣтъ гѣлушѣки
Зѣ шулѣкѣмы пѣрижѣки.

Кѣрѣчѣтъ пѣру зѣ пѣдлѣвѣномъ,
И зѣ свѣнѣчимъ ищѣ сѣломъ,
Нѣжки стѣжѣни ягнѣчи,
Зѣ чѣснѣкомъ хлѣки *, тѣлѣчи.

А у мене хѣта чѣрна,
Жѣнка бѣрдѣка, не моторна,—
Тѣко спѣтъ та лѣжѣты
И не хѣчѣ рѣбыты.

Смѣтыты въ хѣти по кѣлѣна,
И облѣпына кругѣмъ глѣна.
Грѣбнѣ нѣма й и вѣзѣду,
И не пѣрѣла, кѣжѣ, зѣ рѣду.

Такъ я вѣкъ свѣй кѣлотѣю,
Не доймѣ й не досѣпѣю.
Якэ пѣрышѣвъ я, пѣдгѣлѣвшѣ
На снѣданѣня спѣдѣвѣвшѣ,—
Гѣпка бѣрѣцъ на стѣлъ не стѣвѣ,
Глѣвѣкѣй хлѣбъ у гѣрлѣ дѣвѣ,

У сніданья дулі тыхэ,
А на обідь за чубь смыхэ,
А вь полудень пидь боки,
Насувае кулакй,
А вь вѣчери за лопату,
Та й зажинэ ажъ на хату,
Й нэ вѣлѣть бо щэ й злизаты:
Буду мьяломъ потягаты;
Та щэ й боѣсь тийй смѣрты,
Щобъ на хати нэ умѣрты.

70.

Мѣтѹ хату, мѣтѹ сины,
Та й задумалася:
Полюбыла ковалѣнька,
Та й раздумалася.
Полюбыла коваля,
Та й нѣдѡля мой:
Я жъ думала: кучирѣвий,
Ажъ и чѹба нѣмѡ.
Однѡ булѡ волосѣна,
Та й ту гнѣда одкусѣла.
Якъ я ёгѡ полюбыла,
Трѡхи мѣтинка нѣ была.
Я стояла черѣзъ тынѣ,
И говорѣла чортѣ-зна зъ
кымѣ.
Булѡ лѣто, булѡ й зимѡ,
Булѡ й хлѡпци, тѣперѣ нѣмѡ.
Булѡ гѣрни и богѣти,
Тодѣ бѣ булѡ й выбѣраты,
Шобъ хорѡши одивцѣй,
Охвыцѣры та купцѣй,

И хочѣ мицѣны, бо салдѣты,
Щобъ булѡ зъ кимѣ жарту-
баты.

71.

Бѣлѣ брѡду, бѣлѣ брѡду
Пѣлы вѡду голубѡчки;
Пѣлы вѡду, воркотѣлы,
Стрѣпанѹлысь й полѣтѣлы,

Сѣлы й впѣлы на могѣлы.
Дѣсь мий мѣлый на Вкрайѣни,
На кѡнѣку розйиздѣае,
И на сѡнѣчко поглядѣае,
Чи высѡко сѡнцѣ схѡдѣ,
Чи нѣзѣсѣнько захѡдѣ?
Такъ пѡ стѣпу винѣ блукѣае,
На вси всѡды зазырѣае.
Мой жъ мѣла смѣтна хѡдѣ,
Й чѡмъ до мѣнѣ нѣ говорѣае.
Чи ты, мѣла, захворѣла,
Чи ты, мѣла, ничѣ нѣ спѣла?

Вѣдно й мѣнѣ по лѣчѣньку,
Щѡ нѣ спѣла всю нѣчѣньку,
Вѣдно мѣнѣ й по бѣлому,
Щѡ скучѣаю по мѣлому.

72.

Якъ устану я ранѣнько,
Та й умѣюся билѣнько,
Та й сѣду я край вѣкѡньця,
Протѣвѣ яснѡго сѡньця.
Та й сѣду я край вѣкѡньця
Выглядѣты черномѡрьця:
Черномѡрьцѣ ййдѣ—ййдѣ,
Щѣ й сѣмѣро кѡнѣй вѣдѣ.
На сидѣмѡму ворѡнѡму
У жупѣни голубѡму.
Нѣ пойдѣхавѣ винѣ до гѣю,
А пойдѣхавѣ до Дунѣю.
Ставѣ винѣ кѡнѣй напувѣаты,
Стѣла водѣ прыбувѣаты,
Ставѣ зъ кѡнѣкомѣ ворѡнѣнѣ-
кимѣ

Черномѡрьцѣ потѡпѣты.
Черномѡрьцѣ потѡпѣае,
Своѡ мѣлую гукѣае:
— „Ратѹй, ратѹй, моя мѣла,
Колѣ вѣрно ты любѣла!“
— Ой рѣда бѣ я ратувѣаты,
Такъ нѣ вмію я нырѣаты.
Якъ бѣ чѡвынѣ, та высѣльцѣ
Ратувѣла бѣ моѣ сѣрцѣ“.

74.

Я жъ дѹмала, я жъ дѹмала,
Щѡ сѡнѣчко схѡдѣ;
А то жъ то мий мѣлѣсѣнький
По садѡчку хѡдѣ.
Чужѹ мѣлу за рѹчѣньку
По садѡчку вѡдѣ.
Егѡ жъ мѣла йдѣ на-зирѣци
Та й очѣй нѣ звѡдѣ.
Чужѹ жѣнку обнимѣае,
Цилѹе, мѣлѹе,
А на своѡ рѣдну жѣнку
Нагѣйку лаштѹе.
— „Ой нѣ бѣй жѣ, чоловѣчѣ,
Ты своѡ мѣлѹю—
И нѣ радѣй зъ дѹрнѡго тѡлку,
Щѡ знайдѡвѣ любѹю
(другѹю),

Бо прѣйдѣцѣ изѡ мнѡю
Вѣку доживѣаты.
Изъ чужѡю жъ красѹлѣю
Тѣко вѣ ночи спѣаты.
Та й на стѣристь нѣ мынѣцѣя
Тѣбѣ доглядѣаты,
И то жъ зъ своѡю рѣднѣнькою
Дитѣй годувѣаты.
Чужѣ жѣнка мѣла,
Щѡ на лѣчку бѣла.
Тымѣ йийй й мѣлѹйѣешѣ,
А своѡ катѹйѣешѣ“.

75.

Ой, садѣ, ты, мий садѣ,
Садѣ злѣнѣнький!
Почѡмѹ жъ ты, мий садѣ,
Такъ нѣрѣно цвѣтѣшѣ
И ѣспѣйѣєсья?
Ой, кудѣ жъ ты, мий другѣ,
Й убѣрѣйѣєсья?
Ой, чи вѣ хидѣ, чи вѣ похѣдѣ,
Чи вѣ дѡрѣжѣньку?
Занѡчѹй, мий дружѡкѣ,
Хочѣ щѣ нѣчѣньку.

Ой, пидѹ я по лѹды:
Чи нѣ жалѣ комѹ бѹдѣ?
Пѡки лѹдѣ изйишлѣсья,
Черномѡрьцѣ утопѣсья.
Плывѣ, плывѣ за водѡю,
Зѡстѣсья удовѡю.
Плывѣ, плывѣ рѣчѣкѣамѣ,
Зѡстѣсья зъ дѣточкѣамѣ.
Плывѣ, плывѣ крутѣнькимѣ,
Зѡстѣсья зъ манѣнькимѣ.
Ой, Дунѣю, ты, Дунѣю,
Черѣзъ тѣбѣ вѣкѣ вѣмѣлѣю.
Отѣперѣ я пропѣла:
Нѣмѡ могѡ дѡма пѣна.
Отѣперѣ я чернѣйця:
Нѣмѡ могѡ черномѡрьцѣя.

73.

Дѣ похѡдыть, дѣ понѹдыть,
И опѣять мѣзѣ любѣть бѹдѣть.
Рѡзчѣсѣвѣ бѣ своѣй кѹдри,
Рѡзчѣсѣвѣ бѣ своѣй чѡрни,
Ой, та на прѣвое плѣчѣ.
Ой, скрѣзъ по юлѣчкѣмѣ
прѡйшѡвѣ
Та й никѡго нѣ знайдѡвѣ,
Тѣко й бѣчивѣ у вѣкнѡ
Бѣло лѣчѣнько однѡ.
Ой, ты жъ мѣлый, мѣлый мий,
Сызъ голѹбочикѣ дорогѣй!
Кѡнѣчу вѣкѣ свѣй надѣ тобѡй,
Разкѹдрѣвой головѡй.

А у тѣбѣ кѹдри вѣюцѣя,
А у мѣнѣ слѣзы лѣлюцѣя.
Вѣ тѣбѣ кѹдри повѣлѣсья,
Вѣ мѣнѣ слѣзы полѣлѣсья...
Самѣ хѣтѹ становѣла,
Самѣ й вѣсыпѣла;
Самѣ дрѹжка полюбыла,
Самѣ й вѣсватѣла.
Самѣ сѣдыкѣ насадѣла,
Самѣ й бѹду полывѣать,
Самѣ дрѹжка полюбыла,
Самѣ й бѹду цѣлѣвать.

— Ой, радъ бы я почувать
 Й всю наділэнку.
 Та боюся поговорить,
 Моя мѣлэнка.
 Ой, радъ бы я почувать
 И цюю нѣчэнку,
 Боюсь зѣронку проспѣть—
 Й шляхъ, дорѣжэнку.
 — Ой, нѣ бѣйся, мий дружѣкъ,
 Я ранѣнко, встаю,
 Тай тѣбѣ избудю,
 Далѣчэнку проведю
 Й дорѣжэнку покажу.
 Й буду тѣбѣ развожѣты,
 Щобъ зѣронки нѣ проспѣты.

76.

Та туманъ яромъ,
 Та туманъ яромъ,
 Морозъ долиною.
 Морозъ долиною,
 Дѣлэнка другою.

Та нѣ по правди,
 Та козаченко
 Жывѣ зъ дивчиню.
 Жывѣ зъ дивчиню

Та за рѣчкою,
 Та за бѣстрою
 Цыганѣ стоялы,
 Цыганѣ стоялы.

Та промѣжъ тѣмы
 Та цыганами—
 Цыганка ворѣжка,
 Цыганка ворѣжка.

Та до тийей жѣ,
 Та цыганочки,
 Вѣоптана дорѣжка,
 Вѣоптана дорѣжка.

Ой, та по тий жѣ,
 Та дорѣжѣцѣ,
 Дивчѣна ходѣла,
 Дивчѣна ходѣла.

Та цыганочку,
 Та махлѣрочку,

Покѣрно просѣла,
 Покѣрно просѣла.
 Ты цыганочка.
 Ты махлѣрочка.
 Ввольнѣ мою вѣлю,
 Ввольнѣ мою вѣлю.

Та прычаруй жѣ,
 Та козаченка,
 Та на вѣкъ зо мною,
 Та на вѣкъ зо мною.
 Ой, цыганочка,
 Та махлѣрочка,
 Вѣлѣнку ввольнѣла,
 Вѣлѣнку ввольнѣла.

Та й одрѣзала
 Та рѣсу косу,
 Й егѣ утрѣйла,
 Егѣ утрѣйла.

Та бѣдай жѣ цю,
 Та дивчинѣнку
 Вся чѣлѣдъ любѣла,
 Вся чѣлѣдъ любѣла.

Ой, та идѣ дѣвка
 Та по вѣлицѣ,
 Чохлѣмы махѣе,
 Чохлѣмы махѣе.

Та стойитъ парѣнъ,
 Та за ворѣтмы.
 Важѣнко здыхѣе,
 Важѣнко здыхѣе.

Та продай, продай,
 Та моя нѣнко,
 Зѣ курчѣтамы квѣчку,
 Зѣ курчѣтамы квѣчку.

Та пошѣй, пошѣй.
 Та моя рѣдна,
 Зѣ чохлѣмы сорѣчку,
 Зѣ чохлѣмы сорѣчку.

Ой, любѣлыся,
 Та кохѣлыся,
 Якъ голубѣвъ парѣ.
 Якъ голубѣвъ парѣ.

Та потѣмъ того.
 Та розѣйшлѣся.

Якъ чѣрная хмѣра,
 Якъ чѣрная хмѣра.

77.

Ой, на край грѣбли
 Та шумлѣть вѣрбы.
 Шо я насадѣла,
 Ой, нѣмѣ того,
 Та кудрѣвого,
 Шо я полюбѣла.

Ой, на край грѣбли
 Та стоять вѣрбы,
 Шо я полывѣла
 Ой, нѣмѣ того,
 Та чернѣвого,
 Шо я цѣлувала.

Та плывѣтъ, плывѣтъ.

Сѣра вѣтка
 Тѣхо по Дунаю.
 Ой, стрѣвай, стрѣвай
 Та сѣра вѣтка,
 Чѣгѣсь попытѣю.

Ой, зостѣлася.
 Та сѣра вѣтка
 Плѣсты за водѣю,
 Та й зрѣбѣлася,
 Та на Дунаѣй.
 Кругла сырѣтѣю.

78.

Та бѣдѣ нѣ жѣнѣвшись,
 Та бѣдѣ и ожѣнѣвшись.

Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо,
 Та бѣдѣ свой вѣля!
 Узѣвъ жѣнку сѣмѣлѣтку,
 Вѣнѣ й хѣты нѣ вѣмытѣ.

Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо,
 Та бѣдѣ свой вѣля.
 Пѣгнѣвъ бѣ я овѣць пѣсты,
 Хотѣтъ хлѣпцы жѣнку вкрѣсты.
 Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хѣ.
 Та бѣдѣ свой вѣля.

Та поѣхѣвъ бѣ до мѣлына,
 Такъ то жѣ жѣнка молодѣ.
 Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо,
 Та бѣдѣ свой вѣля!

Пѣшѣвъ бѣ я по цѣбулю.
 Лучшѣ жѣнку поцѣлюю.
 Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо,
 Та бѣдѣ свой вѣля!

Трѣба й дома, бѣчѣ, сидѣты,
 Трѣба жѣнку глѣдѣты.
 Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо.
 Та бѣдѣ свой вѣля!

Трѣба лѣжки, трѣба й мѣски.
 Щѣ й нѣ зиму двѣ колѣски.
 Та бѣдѣ, та бѣдѣ й охѣ-хо,
 Та бѣдѣ свой вѣля!

79.

Возмѣтъ, хлѣпцы, по дубѣны,
 Дѣвки винкѣ погубѣлы,—
 У чѣрвѣныхъ запѣсѣхъ.

Та й сидѣнѣ на высѣхъ.
 Вѣстѣла мѣты вѣ рѣныцѣ,
 Та й сѣла на лѣвцы,
 Тѣжко, вѣжко воздыхѣе
 Шо поснѣдѣты нѣмѣе.

Идѣ жѣ, мѣты, зновѣ тудѣ,
 Дѣ учѣра ты булѣ:—
 Тамъ мѣдѣ й вѣнѣ пѣють
 И поснѣдѣты дѣдѣтъ.

80.

Гѣпъ, мой жѣ грѣчѣныкѣ,
 Гѣпъ мой жѣ мѣлы,
 Учѣныла грѣчѣныкѣ
 На трѣ нѣдѣлѣлы.

(Прѣспѣва).

На порѣзы стояла,
 Грѣчѣныкѣ учѣныла.
 Гѣпъ, мой жѣ грѣчѣныкѣ, и т. д.
 Учѣныла у горшкѣ,

Та й нэ вдэржу у мишкѹ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Учиныла на дрижджахъ.
 Та й нэ вдэржэ на вожжахъ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Учиныла на мэдѹ.
 Та й нэ вдэржэ на лэдѹ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Учиныла на опари,
 Нэ пидвызэ и три пари.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Учиныла святѹмъ дѹхомъ,
 Нэ розибыйшъ и обѹхомъ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Грэчаныки нэ вдалысь,
 По всий пичи розлылысь.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Прыйихалы панычѹ,
 Грэчаныки у пичѹ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Прыйихали москалѹ.
 Грэчаныки на столѹ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Прыйихалы капытаны,—
 Грэчаныки росхватаѹ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Прыйдѹ. прыйдѹ бородањь,
 Грэчанычокъ тобѹ дамъ.
 Гопъ, мойй грэчаныки, и т. д.
 Та нэ кладѹ пидъ плэчэ,
 Абѹ жъ юшка потэчэ.
 Гопъ, мойй грэчаныки.
 Гопъ, мейй мыли,
 Учиныла грэчаныки
 На тры нэдѹлы.

81.

Якъ вѹйду я за гай.
 Та й глянѹ у свѹй край.
 Та й зажурюся.
 Ой, пидѹ въ зэлэнтъ садъ
 Та й розвэсэлѹся,

А въ зэлэнимъ садкѹ,
 Та пидъ яблонькою
 Сыдытъ сызъ-гелубокъ,
 Щэ й зъ голубонькою.
 Вонѹ пьютъ и йидятъ,
 У двухъ раду радятъ:
 Ой нэ бѹймося
 И нэ лаймося,
 Хорошенько живѹмъ,—
 Повинчаймися.
 Дэ нэ взѹвся соклѹ,
 Изъ-за тэмныхъ лисѹвъ,
 Та й убѹвъ й разлѹчѹвъ
 Тѹю пару голубѹвъ.
 Вѹвъ голуба убѹвъ,
 А голубкѹ взѹвъ.
 Взѹвъ йий сэрдэчко
 Пидъ прѹвэ крылэчко,
 Прылэтѹвъ до дѹму,
 Та й пустѹвъ до дѹлу,
 Сыпэ йий пшинѹцѹ
 Й стѹвляе водѹцѹ.
 А голубка гудэ:
 Вона й йисты ны йдэ.
 Ой, гудѹ й нэ гудѹ,
 А йистоньки йдѹ.
 Ой, якъ прылэтѹло
 Цилыхъ сто соколѹвъ.
 Та й нэмѹ такоѹ.
 Якъ мий мѹлыи бѹвъ:
 Ны такэ й крѹльчэчко.
 Ны такэ й пѹрьчэчко,
 Та й не такъ и гудэ,
 Якъ мий мѹлыи идэ.
 Ой, нэ такъ и загѹвъ,
 Якъ мий мѹлэнький бѹвъ.
 Ой, голубонько сывъ,
 Та якъ бэ жъ ты бѹвъ живѹ,
 То я бѹ твоей крѹла
 Та й позолотѹла.
 А тэбэ бѹ самого
 Я бѹ измалювала,
 Та й въ билэнькэ лѹчкѹ
 Щѹ дня бѹ цилувала.

82.

Ой, на горѹ скрѹбка та дѹдка,
 Танцювалы Хрѹстя та Лѹбка.
 А бурякъ зъ бурякомъ,
 А дуракъ зъ дуракомъ,
 А зозѹлька сама,
 Йийй й пѹрки нэмѹ.
 Бѹтько сопѹльнѹкъ,
 Сынъ воротѹльнѹкъ,
 Мѹты прѹха,
 Дочкѹ тѹха.
 Напеклѹ калачѹвъ
 На холѹдный пичѹ,
 А я вѹравсь у ночѹ,
 Та й поѹвъ калачѹ.
 А якъ бигъ-утѹкавъ,
 Й халупѹну подрѹвъ.
 А цэ тѹя халупѹна.
 Щѹ Марѹся подарѹла.
 А я сѹвъ, налатѹвъ
 Й Марусѹну згадавъ.

83.

Розвивѹйся, сухѹй дѹбѹ:
 Зѹвтра морѹзъ бѹдэ.
 Нэ жэныся, козѹченько:
 Въ ѹсинѹ набѹръ бѹдэ.
 Я морѹзу нэ боѹся,
 Зѹвтра розивѹюся.
 Та й набѹру нэ страшѹся,
 Возмѹ й ѹжэнюся.
 Покѹ набѹръ,—наживѹся,
 Та й знѹтѹму, щѹ я,
 А пѹки щэѹ загадѹють,
 То я й убѹрѹся.
 Выстѹпала чѹрна хмѹра,
 Щэ й другѹя сыня.
 Спорѹдила старѹ мѹты
 Хорошого сына.
 Та бѹлѹ бѹ тобѹ, матѹсю,
 Щѹсьтя, дѹлю дѹты,
 А ты жъ ёмѹ та й нэ дала
 Й ны щѹсьтя, ны дѹли.

Тѹко и дала билэ лѹчкѹ,
 Та чѹрнийи брѹвы.
 А вжэ жъ тѹе лѹчкѹ й брѹвы
 Та й бля полюбѹви.
 Бѹлѹ бѹ тобѹ, старѹ мѹты,
 Цѹхъ брѹвъ нэ давѹты.
 Бо вжэ жъ тѹйи брѹвэнята
 Взѹлѹ у салдѹгы...
 Ой, чорнэньки галэнята
 Крѹтѹ гѹру вкрѹлы.
 Молодийи нѹкрѹтыки
 Жалѹ нарѹбѹлы.
 Нэ такъ жалѹ, нэ такъ жалѹ,
 Та якъ поговѹру,
 Всэ жъ на тѹю дивчѹнонькѹ,
 Та й на чорнобрѹву.
 Чорнэнькийи галэнята,
 Пиднимѹцѹя въ гѹру;
 Молодийи нѹкрѹтыки,
 Вэрнѹцѹя до дѹму!
 — Ой, рѹди бѹ мы пиднятыся,
 Тумѹнъ налягѹе;
 Ой, рѹди бѹ мы вэрнѹтыся,
 Насъ панъ нэ пускѹе.
 Чорнэнькийи галэнята,
 Пиднимѹцѹя вѹщэ,—
 Молодэнькимъ нѹкрѹтыкамъ
 До дѹмонькѹ блѹжчэ.

84.

Набѹралы та нѹкрѹтыкивъ
 Въ нэдѹльлэнькѹ въ рѹньцѹ.
 Гѹй-гѹй, гѹ-гѹ-гѹ-гѹ-гѹй,
 Въ нэдѹльлэнькѹ въ рѹньцѹ.
 Та й погналы та нѹкрѹтыкивъ
 Крѹтѹмы горѹмы.
 Гѹй-гѹй, гѹ-гѹ-гѹ-гѹ-гѹй,
 Крѹтѹмы горѹмы.
 Зоставайтѹсь, та дивчѹточки,
 Зъ чѹрными брѹвами.
 Гѹ-гѹй, гѹ-гѹ-гѹ-гѹ-гѹй,
 Зъ чѹрными брѹвами.
 Ой, гѹлочкѹ, та чѹбарѹчкѹ,
 Крѹтѹ гѹру вкрѹлы.

Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Крутү гóру вкрýлы.
Молодийи та нэкрýтыки
Гóря наробылы.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Гóря наробылы.
Ой, гáлочки, та чубáрочки,
Пиднимйцьця вь гóру.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Пиднимйцьця вь гóру.
Молодийи та нэкрýтыки,
Вэрнийцьця до дóму.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Вэрнийцьця додóму.
Ой, рáди бь мы та пиднйтыся,
Тумань налягае.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Тумань налягае.
Ой, рáди бь мы та вэрнýтыся,
Та пань нэ пускае.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та пань нэ пускае.
Полывáйтэ та дорйжэньку,
Ой, щóбь нэ курýлась.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та щóбь нэ курýлась.
Розважáйтэ молодү дивчйну,
Та щóбь нэ журýлась.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та щóбь нэ журýлась.
Полывáлы дорйжэньку,
Та й кúрыцьця кúрно.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та кúрыцьця кúрно.
Розважáлы дивчйноньку
Та й журýцьця журно.
Гэй-гэй, гэ-гэ-гэ-гэ-гэй,
Та й журýцьця журно.

85.

Гáлочка жь мой,
Гáлочка чорнэнькая!
Скажи, гáлочко,
Дэ жь мой мылэнькая?

— Ой, твой мýла
Та вь лúзи надь водóю,
Малюе брóви
Чóрною ожйною.
И зовэ богачá.
Вйрною дружйною.
Ой, ты, богáчу,
Я жь тэбэ давнó бáчу:
Що вь тэбэ волы,
А у мэнэ корóви,
Щэ й билэ лычко
Та й чорнэньки брóвы...
Ой, по сйнычкамь
Свэкрúха похóдыла
И свою нэвйстку
Та вь дóсвитку будýла:
— „Уставáй, нэвйстка,
Устань, молодáя,
Та подйй корóвы,
Що видь бáтька гнáла!“
— „Ой, годи тобй
Пымь óчи выбывáты.
Хто жь твóгò сýна,
Мэнэ нэвóлынь брáты.

86.

Журýлась попáдэнька
Своею бэдóю:
Бйдна мой голóвонька,
Що пипь зь боро́дою.
Позбэра́ла попáдэнька
Гýсы та ынды́ки,
Та й запряга́ дво́е ко́нэй
Й вызэ до владýки.
Прыййхала до владýки,
Й на вкóлюшни впáла,
Росплакалась, розрýмалась,
Та такй й сказа́ла:
„Чи нэ мóжно бь то, владýко,
Цéго учинйты,
Чи нэ мóжно, щóбь попóви
Бóроду побры́ты.“
— А ты бáчэшть жэ, попáдо,
Хоть я и владýко,

А у мэнэ боро́да
Чэсна́я й вэлы́ка.
„Ой пишла́ бь я до цэрковни
Бóгу помолы́цьця,
Якь погля́ну на бóроду,
Нэ мóжу хрэсты́цьця.
Клы́чуть мэнэ на хрэсты́ны,
Трэба вмы́сти сйсты,
Якь погля́ну на бóроду,
Нэ возмýсь я ййсты.“
Ой, попáдэ молодэнька,
Чорнобрóва и гарнэнька,
Кругóмь, кругóмь, кругóмь
гáрна,
Та щэ й зовýть ййй Гáнна.
Зь моска́лымы обизнáлась,
Моска́лымы обсажа́лась,
А пипь, застáвь, та й посвистáвь,
Та й ни слóва казáть нэ ставь.
— Ой, попáдэ, що хочь робы́,
Тýко мэнэ, попá, любы́,
Мэнэ, попá, зь боро́дою,
Такь нэ бóдэшть изь бэдóю.
А нэ бóдэшть мэнэ знáты,
Бúду тэбэ катувáты;
Тодй й бóдэшть мэнэ знáты
Й бóроду почитáты.

87.

Ой, по тимь бóци Дуна́ю
Вивча́рь вивци зговáе,
На молодцйвь гукáе:
Ой, вы, хлóпци молодцй,
Та накажйть вы дйвоцьци,
Що вь чэрвóний юпоцьци,
Та й нэхáй мэнэ та й нэ ждэ,
Нэхáй зáмижть идэ!—
А дйвчина зачу́ла,
Та й зь úлыци майну́ла.
Нэ дохóдэ до двора́,
Забóлила голóва.
Нэ дохóдэ до ворйть—
Хватае́цьця за живйть:

Ой, лэлэчко, лэлэчко!
Болйть вь мэнэ сэрдэчко,
Болйть сэрце́ и живйть,
Що то жь любйвь, а то йнйть.

88.

Ой, за рйчкою, та за бйстрою—
Тамь чума́кй пылы́ та гу́лялы.
И одйнь чума́кь нэ пье й нэ
гу́ляе,
На чума́чку кóсо погляда́е:
Ты жь чума́чка, ты жь мой
коха́нка,
Бэры́ ключй, ключй торбóвийи,
И одмыкай жэ скры́ни грошо-
вййи.
Та выбырай грóши золотййи,
Та й пойдэмо у чйстое пóлэ,
У чйстое пóлэ,—вь ширóкэ
раздóлье.

89.

Пты́чка нэ вэлы́чка
По пóлю литáла,
Травку розгортáла,
Сóкола шука́ла.
Сóкиль, соколóчокь,
Злэты́вь на дубóчокь,
На сáмый вэршóчокь,
Подэвы́вся вь гóру,
Й скружйвь голóвою,
Якь вйтэрь горóю,
Тумань долы́ною,—
Й козакь зь дивчйно́ю.
Дивчйна, сирйтка,
Нэ стэлысь ширóко,
Стэлысь вузэнько
И прысу́нься близэнько.
Бúдэмь сумувáты,
Якь на свйти жйты,
Бúдэмь размовля́ты,
Якь дру́жныны граты.

90.

И дощъ пыщѣть,
Зъ горѣ кѣтыця,
Мэнэ жінка продала,
Та й рэгѣцяця.

И дощъ идэ,
Щэ й морозъ будэ;
Дэсь моя душка
Ночувать будэ;
Ночувать будэ
У комороцы,
Пухова подушина
У головоцы.

„Набикъ, хлопци, набикъ,
хлопци,
Бо чортъ Марка нэсэть,
Якъ побачэ жінку зъ вама,
Его й трясця затрясэть.
— Нэхай трясця трясэть,
Щэ й цэбуля зъ часныкомъ,
А я такъ молодэ
Погуляю зъ козакѣмъ.

И дощъ пыщѣть,
Хмилъ по тыну вѣщця,
Нэмэ могѣ дурня дома,
Вонѣ й такъ мынэцяця.
И дощъ пыщѣть
И очерэть трыщѣть.
Мужъ въ мищанэ прыпысавсь
И нэ зна грѣшэ й дэ дитѣ...

И дощъ пыщѣть,
Зъ стрѣхи вода капа;
Булѣ конэй косякѣ.
Тэпэръ однэ шкэпа.

91.

И шлэ вдовэ дольною
Зъ маленькою дѣтиною.
Сила вдовэ спочиваты,
Малэ дѣтэ годуваты;
Сила вдовэ оддыхаты
И стэла собѣ размовляты,

Тоскѣ, горэ размовляты:
Якъ тутъ бѣты, дэ що взы-
ты,—

Сэбэ й дѣтокъ годуваты?
Тэпэръ то щэ й и такъ и сякъ:
Малѣ дѣты, малэ й лѣхо,
Побильшають,—погыршають.

Лѣччэ бѣ минѣ васъ й нэ
знаты,
Якъ такъ въ свѣти горю-
ваты.

Лѣччэ бѣ булѣ й не родѣця,
Якъ по свѣти волочыця.

Стэло дѣтя пидростаты,
И самѣ собѣ прымовляты:
Ой, чи воля, чи нэвѣля?
Нихтѣ нэ зна могѣ горэ,—
Шо я въ лѣси родѣлося,
А у пѣли хрѣстѣлося,
А у мѣри купэлося
И тоскѣ-горэ набралэся.

Въ пѣли зъ лѣсу сѣнцэ блѣснэ,
А бля мѣря бабэктъ свѣснэ,—
Я й всэ мѣрэ пэрэплывѣ,
И тоскѣ-горэ пэрэживѣ...
Зъ горэ нѣженькѣ нэ нѣсэть,
Зъ горэ й рѣчэнькѣ нэ рѣб-
лять,

Свѣтъ головоеньку зкѣружить,
Свѣтъ й потѣшэ й пожѣрыть.

92.

Ой, ты дѣля, дѣля,
Дѣки ты—нэвѣля?
И чомъ ты нэ такэя,
Якъ дѣля чужэя?—

Лѣды е й нэ рѣблять,
Та хорѣшэ хѣдэть,
А я й зарѣбляю,
Та й въ сэбэ нэ маю.

Ой, шо загорѣю,
Та й тэ прогайдѣю.
Ой, шо за молѣтѣ,
Та й тэ проколѣтѣ,

Обизвэласэ дѣля
Та й по той бикѣ мѣря:
—Козачэ-дурэчэ!

Дурнѣй рѣзумъ маѣешъ.
Дурнѣй рѣзумъ маѣешъ,
Що дѣлэньку лѣиешъ.
Нэ вѣнная дѣля,
Вѣнна свѣя воля:—

Е лѣды й нэ рѣблять,
Та й нэ пропывэють,
А ты й зарѣбляешъ,
Та й тэ пропывэиешъ.

93.

Ой, тамъ чумэчэнькѣ
Табурѣмъ стоялы,
И чайнѣтокъ зъ кубэлычка
Въ пѣлену забралы.
Лѣтыть шлэхѣмъ ййхнэ маты,
Дѣ зэмлѣ торкае,
Чайнѣтокъ—сѣрѣточкѣ
Забраныхъ шукэе.
Наздигнала чумэчэнькѣ,
Та й стэла литаты.
Дѣхѣмъ чѣе свѣйхъ дѣтокъ,
Та й стэла пытаты:
—Ой, вы дѣбри чумэчэнькѣ,
Вѣрнѣть мойхъ дѣтокъ.
Бѣду я васъ доглядэты,
Вѣрегтѣ пожѣтокъ.

Бѣду я волѣвъ вамъ пэсты,
И бѣду завѣртаты,
Дѣ воды бѣду гонѣты,
Волѣвъ напуваты.

Нэ дѣмалы чумэчэнькѣ,
Щобъ та гомѣнѣла,
Щобъ та чайничка за дѣтокъ,
Такъ бѣ йимъ рэчѣла.

Нэ дѣмалы й нэ гадэлы
И у кашѣ зварѣлы.
Та щэ вранѣцы поснѣдалы,
И дѣбрэ попойлы.
Про тэ чайка узнала,
Та й слѣзѣ вронѣла,

И залѣпала крылэтамѣ,
Мовъ заголосыла:
—Бѣдай жэ вы, чумэчэнькѣ,
И у Крымъ нэ сѣдѣлы,
Якъ вы мойхъ чайнѣтокъ.
Зъ кашѣ поийлы!

94.

Загубѣласэ дѣтына
И по полю пырѣе,
Нѣшкѣмъ скѣглэ, втѣрэ слѣзы,
Матѣри шукэе.

Зсѣпыласэ зъ прохѣжимѣ,
Та й стэла пытаты,—
Якѣ кудѣ идѣть шлѣхи,
Щобъ матѣрь зѣгнаты.
Шлэхъ рѣзвѣлся на всѣ кинѣцы,
Дэ жэ ёгѣ узнаты,
Въ якѣй кинѣцѣ пишла твѣя
Рѣднѣсэнька маты?

А дѣтына слѣха й кэжэ,
Якъ вэгою вэжэ:
Моя маты малѣрѣса,
Лѣто й зѣму хѣдэ бѣса.
Дѣбэла на вѣрѣду,
И нэ хворэла зѣрѣду.
Мэнэ зъ малѣ доглядэла,
Зѣбѣригэла, годувэла.

Вонэ мэнэ, дѣбри лѣды,
На всэ дѣбрэ наставлэла:
Вѣчѣла мэнэ лѣхѣвъ бѣты,
За пѣсыкѣ жѣдэ бѣраты,
Свѣю матѣрь зѣбѣригэты,
Тѣрѣщѣну воюваты.
Вѣчѣла правѣду доглядэты,
Що на бѣльшѣ, якъ трѣба.

Хэпунѣвъ, паниѣвъ картаты,
Щобъ бѣчили бѣ й зѣ нѣба
...
—Нэ шукэай жэ ййѣй, дѣню,
Вжэ той шлэхъ зарѣсѣ травѣю,
Бѣрьянамѣ, будэкамѣ,
Щэ й дѣкою кѣрѣвѣю...

95.

Свитѣвъ мѣсяць, свитѣвъ ясный,
Та й ставъ помѣркаты.
Любѣвъ парѣнь дивчѣноньку,
Та й ставъ покидаты.

Ой, за рѣчкою, за бѣстрою
Стоявъ лѣсъ зѣлѣный,
Зарѣсь, згустѣвъсь, щѣ й зро-
бѣвся,

Якъ нѣчѣнька, тѣмный.
Въ томѣ лѣси надъ бѣрегомъ
Чѣрѣшня стояла,
Та про цѣю дивчѣноньку
Зъ дѣбомъ розмовляла:

—Що на свѣти зробѣлося,
Комѣ вонѣ схотѣлося,
Щобъ любѣты й разлюбѣщѣ?
Бодѣй лѣччѣ й нѣ родѣщѣ,
Та й парѣсты нѣ пускаты,
Щобъ нѣхтѣ нѣ смѣвъ чѣплѣты,
Бо цѣ въ свѣти щѣ цвѣтѣчки,
А бувѣють й ягѣдѣчки.

96.

Смѣтѣнь, смѣтѣнь чумѣцький
отѣманъ

Та й по тѣбури хѣде.
Вѣнь нѣ хѣдѣ, тѣкѣ рѣки лѣмѣ,
Й шѣсь очѣма водѣ.

Ой, вѣ хлѣпци, чѣснийи мо-
лѣдѣци,
Кѣльши роспѣраляйтѣ,
Вѣзы мѣжтѣ, волѣвъ запря-
гайтѣ,

Та шлѣхомъ вѣляйтѣ.
—Гѣй, та вжѣ жѣ вѣзы та й
помѣзѣлы,
Й волѣвъ повпѣрагѣлы.
Нѣ йшлѣ сѣри,—плѣвлѣ пѣдѣ
вагѣю,
Ажѣ колѣса грѣлы.

Ой, та йдѣтъ волѣ, та рып-
лѣтъ вѣзы

Й бѣя бѣйрака стѣлы.
Ой, та й позбѣродѣлось това-
рѣство

Й рѣду прыкладѣлы.
Вѣйиждѣало та сѣрокѣ чѣло-
вѣкъ,

Щѣ й чѣтѣри разбѣйныкивъ.
Пѣперѣди грѣе на сѣвимъ конѣ
Разбѣйныкъ-атѣманъ.

Ой, жѣ грѣе, та до тѣбуру
наблѣжае,

Бѣчу замѣшлѣе.
Ой, потѣшѣщѣ дѣмку мае,
Щѣжѣ бѣдѣ,—нѣ знае.

—Ой, вѣ хлѣпци, дѣбрыи мо-
лѣдѣци!

Захѣпѣтъ вѣ дѣюки въ рѣки,
Бѣйтѣ, та вѣжѣйтѣ, на вѣзы
кладѣтъ,

Щѣбъ мѣнчѣ булѣ мѣки.

Ой, та пойдѣмо у Полтѣву,
Та й зрѣбѣмо товарѣствомъ
Чумѣцькѣю слѣву—

Бѣя тѣхѣго стѣву.

Вѣслѣсть горѣлочки напѣмѣся,
Щѣ й жѣдѣвѣчки набѣмѣся
Зѣ розбѣйныкивъ насмѣмѣся,
Й слѣвы набѣрѣмѣся.

97.

Ой, чумѣчѣ, чумѣчѣ,
Вѣ тѣбѣ лѣчѣко кѣзѣчѣ.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,
Вѣ тѣбѣ лѣчѣко кѣзѣчѣ.

Чѣмъ нѣ рѣно зѣ Крѣмѣу
йдѣштѣ,

Та нѣ всѣхъ чумѣкѣвъ вѣдѣштѣ?

Гѣй, гѣй, йѣ хѣ-хѣ,

Та нѣ всѣхъ чумѣкѣвъ вѣдѣштѣ.

—Тѣко жѣ нѣмѣ й ѣдѣногѣ,
Брѣта рѣдѣногѣ могѣ.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,
Брѣта рѣдѣногѣ могѣ.

Шукѣвъ, шукѣвъ й нѣ знай-
шѣвъ,

Та й заплѣкавъ, та й пишѣвъ.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,

Запрѣйтѣ волѣ, та й пишѣвъ.

Кѣсѣтъ, хлѣпци, очѣрѣтъ,

Та бѣдѣмо вѣчѣрѣтъ.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,

Та бѣдѣмо вѣчѣрѣтъ.

Та звѣрѣмо судѣка,

Та й помѣянѣмъ чумѣка.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,

Та й помѣянѣмъ чумѣка.

Кѣсѣтъ, хлѣпци, лѣбѣдѣ,

Та й забѣдѣмъ всѣю бѣдѣ.

Гѣй, гѣй, й охѣ-хѣ,

Та й забѣдѣмъ всѣю бѣдѣ.

98.

Усѣ брѣцьѣи подружѣлись,
Тѣварѣщи пожѣнѣлись.

А я сѣмъ, молѣдѣцѣ,

Нѣ жѣнатѣ й нѣ вѣдовѣцѣ.

А якѣ ожѣнѣвся,

Й зѣразѣ зажѣрѣвся.

Нѣ сѣмъ йѣйи свѣтавъ,

Та й нѣ сѣмъ вѣбѣравъ,—

Такѣ схѣтѣлось бѣтъку,

Щѣбъ йѣйи узѣвъ.

Нѣ пѣдѣ мѣсли мѣни

Та й нѣ по лѣбѣви,

Й нѣ бѣлого лѣчка,

Та й нѣ чѣрни брѣвы.

Запѣрайтѣ жѣ, Явсѣй,

Цѣлу трѣйку кѣнѣй,

Та й пойдѣмъ въ Китѣй,

Вѣ Китѣй-горѣдѣ панѣй.

Вѣ Китѣй-горѣдѣчѣкъ,

Та на ярмѣрѣчѣкъ.

Ой, нѣ купѣвъ жѣнѣцѣ

Нѣщѣ въ ярмѣрѣнѣцѣ,

Тѣко й купѣвъ жѣнѣцѣ,

Свѣйи лѣбий Хѣмѣи,

Та нѣвѣйи кѣрѣбѣль,

Й ѣдѣвъ сѣтѣно рѣблѣй,

Та щѣ й зѣ полтѣиноу

Й кѣнѣ изѣ дѣгѣю.

Та й посадѣвъ Хѣмѣу,

Щѣ й давѣ йѣйи дѣтѣнку.

То й кѣрѣблѣкъ плѣвѣ,

Хѣвлѣю гѣнѣ, рѣвѣ,

А въ нѣмъ Хѣмѣка сѣдѣтъ,

Та, якѣ свѣчка, горѣтъ,

А дѣтѣна крѣчѣтъ,

Та лѣна дѣсѣ лѣщѣтъ.

Нѣ лѣщѣ ты, лѣна,

Жѣнѣка йѣдѣ сѣмѣ.

Мѣлѣ по бѣрѣжѣку хѣжѣдѣ,

Рѣчки й нѣжѣнѣки лѣмѣе.

„Ой, вѣрнѣсь, та й вѣрнѣсь“,

Хѣмѣка чѣла кѣлѣсь:

Нѣ вѣрнѣсь, мѣжѣ,

Бо ты бѣсѣсь дѣжѣ.

Пѣбѣвъ рѣблѣмъ, щѣ й кѣчѣлкоу,
Й нахѣвалѣсь щѣ й нѣгайкою.
Пѣбѣвъ рѣблѣмъ щѣ й дѣбѣною,
Та й зѣвѣтъ тѣдѣ дѣружѣною.

Щѣ ты булѣ, та й щѣ ставѣ.
Кѣрѣблѣ пѣмѣрю гулѣвъ,
Нѣ вѣмѣвъ Хѣмѣки шанѣватѣ,
Чѣжѣмъ лѣдѣямъ вѣдѣдѣвъ.

99.

Ой, на горѣ хѣтка,

Тѣмъ булѣ й вѣбулѣлы

Мѣлѣдѣи дѣвчѣтка:

ѣдѣна Кѣсарѣвна,

Дѣругѣ Кѣвалѣвна,

А трѣтая на вѣдѣ

Булѣ Кѣбзарѣвна.

Тѣмъ на горѣ пѣнѣнѣчѣнька

Ярѣцѣ, ярѣцѣ.

Кѣжѣтъ лѣдѣ: Мѣкѣтонѣка—

Пѣянѣцѣ, пѣянѣцѣ.

Ой, вѣшэнько, вѣшэнько,
Присувайся блѣжэнько!
—Ой, якъ минѣ присунацьця,
Скажуть людѣ, що любляцьця.

100.

Ой, запѣвъ добрѣ й загулявъ
Молодѣй прыкажчикъ;
Звѣсивъ руки й упустивъ
Винъ въ хозяйскій ящикъ.
Щоту грѣшамъ въ тимъ нѣ знавъ,
Стѣко ёмѣ трѣба.
Полюбѣвъ бо дивчиноньку,
То жъ ёго погрѣба.
Хочъ потреба, непотреба,
Любѣть дѣвку трѣба,
Бо й Богъ велѣтъ дивчатѣ
любѣть,

Московѣкъ цурацьця.
Ой, запрѣгъ винъ воронѣго
Бля своѣйи боли—
Пры лужэчкахъ, бѣрэжкахъ,
Пры щасливѣй доли.
У знакомѣмъ табунѣ
Кинь заржавъ по полю,
Якъ пиймавъ жѣ воронѣго,
Й зануздавъ вуздѣю.
Торкнѣвъ шпѣромъ по-пидъ
бѣкомъ,
Кинь пырснѣвъ стрѣлю,—
То ярамѣ, бѣрэжкамѣ,
Та по-мѣжъ травѣю.
Лѣтъ, лѣтъ мѣй конѣчѣ,
Та й нѣ торопыся,
Протѣвъ мѣлойи дворѣця
Та й застановѣся.

Ударъ, ударъ копытамъ
Та й пидъ воротамъ,
Чи нѣ вѣйдѣ красѣточка
Зъ чѣрными бровамъ.
Нѣ выхѣдѣ красѣточка,
Выйшла йийи маты:—
—Здоровъ бувавъ, мѣй зѣтыку,
Прѣсымо у хату!

Прыввѣзавъ конѣ къ кры-
лѣчку,
Самъ ввѣйшовъ въ свѣт-
лѣцю,
Й обнѣвъ крѣпко ручѣямъ
Красную дѣвѣцю.

101.

Ой, у нашѣго сосѣда
Собѣралася бѣсѣда.
Ой, лѣлѣ по лѣлѣ,
Собѣралася бѣсѣда.
Въ тѣй бѣсѣдѣ мѣ гулялы
Й урядныка проклянылы.
Ой, лѣлѣ полѣлѣ и т. д.
Ты, розсѣкинъ сынъ урядныкъ,—
Нѣ ходѣ ты чѣрэзъ садъ.
Ой лѣлѣ...

Нѣходѣ ты чѣрэзъ садъ,
Нѣ топчѣ чужѣхъ росѣдъ
Ой лѣлѣ....
Нѣ бля тѣбѣ я садѣла
Чухѣньскѣйи порѣдыны.
Ой лѣлѣ по лѣлѣ...
А бля тѣго я садѣла,
Кѣго вѣрно я любѣла.
Ой лѣлѣ...

Нѣ для тѣбѣ полывѣла,
А бля тѣго полывѣла—
Ой лѣлѣ....
Я бля тѣго полывѣла,
Кѣго вѣрно цѣлувѣла.
Ой лѣлѣ по лѣлѣ,
Кѣго вѣрно цѣлувѣла.

102.

По юлыцьцѣ молѣдчикъ
Чѣсто похождаѣ,
У вѣконѣцѣ мылѣнькойи
Нѣшкомъ зазыраѣ.
Чи ты спышъ, моя кохѣна,
Чи лѣжѣшь-дрѣмаѣшь,
Объ своѣму сокѣлыку
Дѣмоньку гадаѣшь?

Я й нѣ сплю, мѣй голубѣчокъ,
Я всѣ такъ лѣжѣ;
Знай тѣбѣ всѣ мылѣнького
На дѣмци дѣржѣ.
До смѣркѣньна на вѣгони,
Й по садѣ гуляла,
Та й зачѣла голосѣкъ тѣй,
Та й тѣбѣ спѣзнала.

Идѣ жъ собѣй, ты, до дѣму,
Чѣрэзъ крутѣ гѣру,
Та й нѣ ходѣ въ дѣнь до мѣнѣ,
Й кѣло могѣ двѣру.
Нѣ ходѣ ты ходѣнямъ,
Й нѣ ступѣй ступѣнямъ,
Прылѣтъ жъ ты сокѣлкомъ
Надъ прычѣлковѣмъ вѣкнѣмъ.

103.

Цѣлы—цѣлы цѣтыки, та й посѣхлы:
Любѣвъ мѣнѣ мѣлый дѣругъ, та й покѣнѣвъ.
Покѣнѣвъ винъ, сѣрдѣнько, нѣ надѣвѣго,
Нѣ надѣвѣгѣ вѣрѣмѣчѣко,—на часѣну.
Тѣй часѣчокъ та й здавъ за дѣнѣчокъ,
А увѣсь тѣй дѣнѣкъ—за цѣлый годѣкъ.
Зѣбравъ мѣй мѣлый ой та й въ городѣкъ,
А я жъ за тимъ мѣлымъ та вѣжѣ й нѣ гонѣюся.
Гонѣсь, гонѣсь, сѣрдѣнько, за другѣю,
Въ ѣнышѣй край за дѣвѣчѣю красѣю.
Спышѣ, спышѣ грѣмотку я, вѣсѣла,
Та й видѣдѣшлѣ я наймытомъ изъ сѣла.
Самѣ бѣ жѣ я пустѣлася, такъ боѣсь;
Пидѣ, пидѣ до бѣтѣчка, спытаѣсь,
Голубѣцьцѣ матѣсѣньки прызнаѣсь,—
Пустѣ, пустѣ, матѣсѣнько, погулять!
—Гуляй, гуляй, дѣтѣтко, та й нѣдѣвѣго,
Нѣдѣвѣгѣ вѣрѣмѣчѣко—на часѣчокъ,
Бо вѣчѣромъ, дѣню, бѣдѣ свѣтѣчокъ,
Хѣтѣтъ тѣю кѣсоньку росплѣтѣты,
Бѣйную головѣньку розчѣсѣты.
Ой, у бѣри, бѣри—сѣсна зѣлѣнѣнька,
А у васъ, нѣнько, та щѣ й молодѣнька,
Й рѣса жъ мѣй кѣсонька йи щѣ корѣтѣнька,
Й умѣмъ то я, й рѣзумѣмъ, матѣсю, глѣпѣнька.

104.

Ой, у насъ у корчмѣй
Дѣва кѣзѣки гулялы.
Вѣнѣ жъ пѣють,—гуляють,
Та й зъ собою дѣвку
На Дѣнъ пѣдмѣвляють:
„Хѣдѣмъ, красѣна дѣвка,

Зѣ намѣ, кѣзѣкамъ,
На Дѣнъ полуляты!
Ой, у насъ на Дѣнѣ
Нѣ потѣтѣшнѣму:
Тамъ нѣ тѣуть й нѣ прѣдѣтъ,
А въ сорѣчкахъ хѣдѣтъ.
Тамъ солѣму сѣчѣтъ
Й пѣрижѣчки пѣчѣтъ,

Лущнэ сiно смáжуть,
Та пирижкi мáжуть“.
Дурнá булá дивчинькá,
Возьмi та й послúхай,—
Пишлá на Динь зъ козакáмы,
Та й билышъ нэ вэртáлась.
Прывязáлы тую дiвку,
Ой, та до соснiны,
Й запалiлы сiсну
Зъ вэрху та до кiрню.
Горыть сiсна й тлие,
А дивчина млие.
Тая соснá горыть,
А дивчiна крычiть:
„Мáмо жъ мой, мáмо!
Въ тэбэ дóчокъ щэ пýать,
Й нэ пускáй ийхъ, мáмо,
Та й на вóлыцю гулáть.
Нэхáй дóма сыдáть,
Та й нэхáй нэ люблáть
Хлóпцiвъ молодéнькихъ;
Ой, нэхáй нэ люблáть,
Якъ я ийхъ любыла.—
Самá молодэнькá
Сэбэ загубыла“.

105.

Ой, закотýлось сiнэчко,
Та й за зэлэный гáй.
Вставáй, дóчко, нэвдáшечко,
Оцáй сонъ одгадáй.
Встáла дóчка-нэвдáшечка
Та й сонъ той гадáты:
Нэ вмывáлась, нэ втырáлась,
Пишлá въ пóлэ жáты.
Жáла, жáла, та й до шлáху
Взялá й похэлýлась,
За тымъ яснымъ сокобыкомъ
Крiпко зажурылáсь.
Нэ журысь, мой дóню,
Нэ журысь, нэвдáшка,
Ййдэ сiкиль твiй зъ дорóги,
И сiня сэмырjжкá.

На кóныку розийжджáе
По крутэнькiй горi,
Й завывáе чóрни кúдри
На свойiй головi.
Кинь чэркэськiй пидъ нымъ
плáшэ,
И гóстра шáбля бряжчiть.
Чэрэзъ гóру поглядáе,
Пiсьню распивáе:
— Ой, вжэ жъ мини надокúчило
Цийи кúдри вьóчэ,
Ой, вжэ жъ мини надокúчило,
Ййхъ завывáючэ,
На чужийи молодýци
Та й завiдуючэ,
Въ билэ лычко, чóрни брóвы
Заглядáючэ.
Чужiй й гáрни молодýци
Скризь, якъ рóзовый цвiть,
Надъ моеiй жъ нэвдáшечки
На всимъ бiлимъ свiти нитъ.

106.

Ой, оддáвъ мэнэ бáтько
Та й за нэдорóстка,
А я жъ того нэдорóстка
Й зрóду нэ любыла.
Чотýри недiллэньки
Зъ нымъ нэ говорыла,
На пýтую недiллэньку
Та й заговорыла:
„Ой запрягай, нэдорóстку,
Коня воронóго,
Та й пойiдемъ, нэдорóстку,
До рóду у гóсти.
Ой, нэ ййдэмо долыно́ю,
Та пойiдемъ яромъ,
Скризь все пóлэмъ по-надъ
лысомъ,
Та зэлэнымъ сáдомъ“.
Ой, ййхалы жъ воны пóлэ,
Ййхалы й другóе.
А якъ зийхалы на трéте,
Стáлы повэртáты.

Ой, слúхай жэ, нэдорóстку,
Що бóду казáты:
„Спэнáй шкáпу та йды въ лiсь
Пулуныць шукáты“...
Нэдорóстокъ вжэ пидъ вóзомъ,
Самá жъ пишлá за рогóзомъ,
И привязáла нэдорóстка,
Будимъ зъ полюбóви,
До сiсны плычiма,
До двóру очiма.
Самá жъ сiла й пойiхала
До бáтэнькá въ гóсти.
Та й нэ дóвго гóстювáла,—
Чотýри недiльли,
А на пýту недiллэньку
До дóмоньку ййдэ.
Та й до свóго нэдорóстка
У бóри заййдэ:
„Здорóвъ, здорóвъ, нэдорóстку!
Чи спышъ, чи дримáйешъ,
Чи ты мэнэ, мылэсэньку,
Зъ гóстэй дожида́йешъ“?
— „Ой, я жъ, мой зозýлэнькá,
Нэ сплю й нэ дримáю,
То я жъ тэбэ, сэрдэня́тко,
Зъ гóстэй дожида́ю.
Ой, дай мини, мой птáшка,
Хочъ воды напýтысь!“
— Такъ ты бóдэшъ, мий мылэнь-
кий,
Щэ дóма хвалы́тысь“!?
— „Ой, нэ бóду, мой мýла,
Й далэби нэ бóду,
Та й вжэ жъ твóго гóстювáнья
Й по вiкъ нэ забóду.
Ой, розвяжi жъ скорiшъ,
мýла,
Хошъ бiлийи рýки.
Ой, вжэ жъ мойи бiли рýки
Набрáлыся мýки.
Ой, вжэ жъ мойи бiли плэчи
Набрáлыся тэчи“...
— Ой, чо́го жъ ты, мий гóлубэ,
Въ лычэнькá зминýвся?

— Того, мýла, що въ тэстэнькá
Горiлки напýвся.

107.

Эй, слúхай жэ, Мáрочку,
Шо-сь бóду казáты:
Ой, запрягай, Мáрочку,
Коня воронóго,
Та й пойiдымъ, Мáрочку,
До попá виньчáтысь.
Ой, пишлi виньчáтысь,
Нэмá попá дóма.
Ой, твóе жъ нэчáсьятэчо,
А мой нэдóля.
Ой, запрягай, Мáрочку,
Коня воронóго,
Та й пойiдымо зъ тобóю
До мáтери въ гóсти.
Ой, ййхалы пóлэ,
Й ййхалы другóе,
Стáлы повэртáты.
Ой, слúхай жэ, Мáрочку,
Шо-сь бóду казáты:
Ой, выгóстры, Мáрочку,
Нóжичокъ гóстрэнько,
Та й ври́жу я полотэньцá
Тобi, моё нэнько,
Ври́жу Мáрку на рука́вця
Тонэнького зъ лéну.
Ой, нэ ври́зала жъ Гáля
Тонкэ полотэньцэ,
Та й встро́мыла нóжичокъ
Мáрку прóты сэрэця...
Самá сiла й пойiхала
До мáтери въ гóсти.
А Мáрковá мáты
Выйшла зустрiчáты:
Ой, Мáркивъ жэ кóнычокъ
Та нэ Мáрко ййдэ,
И Мáрково сидэлэчко
Та нэ Мáрко сыдýть.
Ой, Мáрковá нагайёчка,
Та нэ Мáрко махá,
Й Мáрковá сопiлочкá,

Та нэ Марко гра.
Ой, дэ-сь, мабуть, могò Марка
Та й на свѣти нэмà...

108.

Мы изъ мамкою стоялы
За новымъ забормомъ.
Мий мылэсэнкый идэть,
Идэть зъ пэрэбормомъ.

Ступае ривнэнкы:
Чомъ нэ парэнь,
Чомъ нэ бравый?
Дывысь, мой нэнкы!
— „Хоть и парэнь, хоть и бравый
Нэ буду дывыцыця.

Оддамъ тэбэ за нэлюба,
Ты будэшъ журыцыця.“
Маты дворыкъ наняла,
За нэлюба оддала.

А щэ жъ минй приказала,
Щобъ я ёго шанувала.
А я жъ ёго шаню,
Якъ собаку рудю:
На прыпони прыпынаю,
Помыямы напуваю.

За Даныла маты была,
Щобъ Даныла нэ любыла.
Винъ горбатый, та похыла,—
Тымъ я ёго й полюбыла.

109.

Жила вдова на край сѣла,
Булò вь нэйи дэвять сыннйвъ,
И дэсятая дочка Ганна.

Усй сыннй вь разбòй пишлы,
Ганнусю замижъ виддалы
За крамаря, крамаречка.

Ой, той крамарь, крамаречекъ
Ставъ за Ганною розийжджаты
По всихъ всюдахъ торгуваты.
Якъ пойхавъ крамуваты
Й ставъ пидъ лисомъ ночуваты,
И стáлы тучи нахождаты.

То жъ тучи, то жъ нэ хмары,—
Розбòйнычки ходять вь páри.
Вь лиси, то жъ, нэ гримъ
гримыть,

Ой, то жъ ношнй розбòй
шумыть,—

И шумыть и надблыжайицыця,
А злодийи увываюцыця.

Нэ спыть крамаро зъ крамарь-
кою,

Та й зляку жахаюцыця.

Прийшла порà нэмынуча:
Взялы воннй та й убылы
Тогò крамаря бя лису,
А крамарьку билобрису

На сидельцэ пидвалылы,
Та й зъ собòю пидхватылы...
Мэньчи браты пьютъ, гуляють,
На крамарьку зазырають;

Старший тико нэ пье й нэ
гуляе,

Та всэ крамарьку пытае:
Скажи, скажи, крамарочко,
Чи хорошого ты роду?

— А я роду удòвого,
А прыридку княжэцкого:
Жыла вдова на край сѣла,
И булò вь нэйи дэвять сыннйвъ
И дэсятая дочка Гáля.

А ти сыннй, якъ пидрослы,
Та й знялыся,— вь розбòй
пишлы,

А мэнэ жъ замижъ оддалы
Та й за цегò крамарыка,
Що видъ мэнэ однялы.

— Ой, брацыцы, що жъ мы й
наробылы?

Уставайтэ, зятя мы убылы.

Чомъ ты, Гáлю, нэ сказа́ла?
Мы нэ знылы, й зятя зару-
балы.

Та й зъ тобòю, мижъ чужойи,
Жыты замышлялы.

110.

Прийдэ празнычокъ нэдильля,
Й тико сонычко захòдэ,
Вже мий мылый, чорнобрыый,
По разбòю ужэ хòдэ.

А зъ разбòюшку идэть,
Й дэвять конэкивъ вэдэть,
На дэсятимъ самъ сэдыть
Й гостру шабэльку дэргить.
Нэ дойижджа до двора:

Здоровъ, мýлая моя!
Одчинювай воротà,
Й вориточка тэсовй,
Бо йдутъ кони воронй.

Бэрыжъ, мýла, дэвять кони
Щэ й сорòчэчку лённу.
Та йды вь ричку намочй
Нэ розбòртуючы.

Моя дýшка нэ зтэрпи́ла,
Сорòчэчку разгорну́ла:
Ой, нэ естъ жэ мужъ ты мий,
Естъ разбòйничокъ ношнй!

Ой, й убывъ жэ ты й убывъ,
Могò брата ридного
И шурына своёго.

— Нэ я жъ ёго, мýла, вбывъ,
Вбыла его тэмна ничъ;
Я на ёго гукъ подавъ,
Щобъ зъ дорйжэньки звэртавъ,
Винъ зъ дорйжки нэ звэрнувъ,
Та й головоньку избу́въ.

Покоты́лась голова,
Якъ та макйвочка;
Й полэты́ла душа зъ ты́ла
Якъ та ластивочка.

111.

А вь Диньци́вци вь кабацй,
Та збэра́лысь удивцй.
Воннй раду прыклада́лы
Й свойихъ жинòкъ изгада́лы:

Яка лóчча жйнка,—
Чи пэрва, чи дрýга,
Чи трэ́тя валю́га?

Я зъ пэрвою дйтокъ мавъ,
А зъ дрýгою розигна́въ,
А зъ трэ́тею позбыра́въ,
Й на той свитъ позагнона́въ:
Тико дйты на поригъ,
А мачиха за батигъ.
Тико дйты за кусòкъ
А мачуха у высòкъ.

Дйты жъ мойй, дйты,
Дэ жъ минй васъ дйты? —
Чи минй васъ, дйты,
Вь ричьци потопы́ты,—
На морэ пусты́ты?
Чи, мòжэ, живымы
Вь зэмлю закопаты.
Чи, мòжэ, васъ, дйтки,
Чужимъ лю́дымъ даты?...
У ричку покинуть,
То вы й поплывэ́тэ,
У морэ кинуты,
То вы й потонэ́тэ.

Вь зэмлю закопаты,
Бо васъ й нэ бу́дэ.
А лю́дымъ виддаты,
Дуже жалко бу́дэ.
Оды́нъ, кáжэ, утоплюсь,
Другый, кáжэ, зави́сюсь,
Трэтйй, кáжэ, пиду́ вь лисъ,
Нэхáй мэнэ дзвиръ иззйсьть...

112.

Ой, у са́ди мугйла,
А на тий мугйлы
Росла ку́щемъ калы́на,
А на тий калы́ни
Та возу́ля кувáла.
Ой, то жъ нэ кувáла,
Тико юртовáла,
Сы́выми очйма
На даль поэыра́ла.

Та й нихто й не баче
Сывойи у гайи,
Та й нихто й не чѣе,
Якъ вона воркуе.

Ой, тѣко й почула
Та одна молода,
На крутѹ гѹру йдуче
И видѣрця нѣсуче.
Повстривавъ мылѣнький,
Й знявъ изъ плѣчъ видѣрця:
Чого жъ, мѣла, така стала,
Ажъ на видѹ брѣзка?
—Я жъ тобѣ, мылѣнький,
Всю правдоньку роскажѹ:
Ой, а жъ твойи нѣньци
Нѣякъ й нивчимъ не вгожѹ:
Стѣны помажѹ,—не глѣне,
Лавки помѣю,—не сѣдѣ;
Що бъ не здѣлавъ,—лае
Й вѣкъ мий коротае.

113.

Я зъ первою нажився,
А зъ другою набѣвся.
Я зъ первою дѣтокъ мавъ,
А зъ другою розигнавъ.
Хѹдѣ батько по дворѹ,
Блѣчѣ дѣтѣй до дому:
Идѣть, дѣты, до дому,
Гирко жѣты самѹму!
—Живѣ, тѣту, тѣперъ самъ,
Колѣ гѣрну жѣнку взявъ,
А мы бѹдемъ ходѣты,
Чужѣмъ лѹдѣмъ робѣты.
Бѹдемъ грѹшѣй зароблѣть,
Свою нѣньку помѣнѣть.

114.

Ой, ужѣ жъ нѣнько, та не ранѣнько,
Та порѣжъ минѣ та до дѹмоньку.
Ой, естѣ у мѣнѣ та воркѹнъ
дѹма,
Та й на моѹ та голѹвоньку.

Ой, воркѹнѣ, та воркѹнѹчку,
Та не бѣй мѣнѣ й у голо-
вочку.

Ой, мѣнѣ мѣты то годувѣла,
Й головоньку та й не побы-
вѣла.

Ой, пидѹ жъ я та до родѣны:
Рѹду мий, рѹду жѣлистливый,
Частѹй мѣнѣ та частѣсѣнько.
Щобъ не бѹло жалѣбнѣсѣнько.
Естѣ у мѣнѣ тры дѣлычка
дѹма:

Первѣ дѣло—дѣтѣна малѣя,
Другѣ дѣло—свѣкрѹха лыхѣя,
Трѣте дѣло—мий мѣлый рыв-
нѣвый.

Ой, пидѹ я поманѣсѣньку,
Та й пидѹ щѣ й потыхѣсѣньку.
Ой, що жъ, мѣлый,—чимъ на
мѣнѣ дѣшѣ?

А мий мѣлый, дѣтѣну колѣшѣ.
Колѣшѣчѣ, та вѣжко дѣшѣ.
Хвалѹ Бѹга, та щѣ й не
по малѹ,—

Завѣрнѹсѣя щѣ й пѣва на-
пѣюсѣя,
Зъ мѣлымъ рѹдомъ та й на-
говорѹсѣя.

115.

Ой, старѣ ты, мѣты,
Порѣднѣця въ хѣти,
Та порѣдъ мѣнѣ, мѣты,
Що жѣнѣци казѣты.

—Та сидѣй жѣ, сѣнѹку,
Та сѣву кобылку,
Та понѣй тѣ, сѣнѹку,
Та й у гѹродѣ Китѣй.

Та й купѣ тамъ, сѣнѹку,
Золотѹ нагѣйку,
Й картѣй своѹ жѣнку
Зъ вѣчѣра до ранѹку...

Зъ вѣчѣра кѹмѹря
У парѣня дѣвинѣла,

117.

Зъ пѣвночи нагѣйка
Китѣйська шумѣла,
А кѣ бѣлому свѣту
Мѣла й одѹбѣла.
Лѣжѣть собѣ мѣла,
Якъ ожѣна сѣня.

То стояла мѣла,
Якъ бѹмага бѣла.
Ой, порѣдъ мѣнѣ, мѣты,
Що тѣперъ казѣты?

—Та сидѣй жѣ, сѣнѹку,
Та бѣлу кобылку,
Та й понѣй жѣ, сѣнѹку,
По жѣйи родѣнѹку...

Ой, тѣперъ жѣ, мѣты,
Рѹду не збѣратѣ;
Рѹду не збѣратѣ
Й тѹрьмѣ не мѣнатѣ.

Та порѣдъ жѣ, мѣмѹко,
Дѣ жѣнку дѣватѣ?
—Хѹчъ зъ мѹсту, та въ вѹду
Та й бизъ жѣйи рѹду.

116.

Ой, у лѹзи, та щѣ й пры бѣрѣзи.—
Червѹна калѣна.
Ой, породѣла та удѣвонька
Хѹрѹшого сѣна.

Ой, дѣ жъ вона ѣго породѣла?
Въ зѣлѣний дѣбрѹви.
Та не далѣ ѣмѹ, молодѹму,
Нѣ щѣсѣтя й нѣ дѹли.
Гѣй, розвѣвайсѣя, ты старѣй
дѹбѣ,

Зѣвтра морѹзъ бѹдѣ;
Убѣрайсѣя, молодѣй козѣчѣ,
Зѣвтра похѹдѣ бѹдѣ.

Ой, а жъ морѹзу та й не
боѹсѣя,

Зѣвтра розвѣюсѣя;
Ой, та а жъ похѹду не
боѹсѣя,
Зѣвтра й убѣрѹсѣя.

По-надъ ѣромъ, ѣромъ
Тры садѹчки рядѹмъ;
У перѣвимъ садѹчку
Соловѣй щѣбѣчѣ,
Въ другѹму садѹчку
Зѹзѹля кувѣла;
А въ трѣтимъ садѹчку
Клѣнъ дѣрѣво прѣйѣ.

А пидѣ тѣмъ то клѣномъ
Стойѣть мѣты зъ сѣномъ.
Стойѣть, совѣтаѣ,
У сѣна на старѣистѣ
Правдоньки пыѣаѣ:
—Ой, сѣнѹ, мий сѣнѹ!
Скажѣй своѣйи нѣньци,—
Хто въ свѣти милѣший,
На слово вирѣнийший,
Й хто въ свѣти рѣднѣйший—
Чи жѣнка, чи тѣща,
Чи нѣнька рѣднѣнька?

—Жѣнка для совѣту,
Тѣща для привѣту,
А нѣнька рѣднѣнька—
Всѣя правѣда рѣднѣнька.
Надѣ нѣньку рѣднѣньку
Не маѣ милѣшѣ,
Жѣлкѣшѣ й рѣднѣшѣ
На всѣмъ бѣлимъ свѣти:
Якъ мѣнѣ рѹжалѣ,
То й смерѣти бѣжалѣ,
А якъ жѣ рѹстѣла,
То й Бѹга просѣла,—
Пѹки ожѣнѣла.

118.

Мѣты сѣна ожѣнѣла,
Й нѣвѣстѹчки не злѹбѣла,
Та й послѣла жѣйи въ полѣ
Скакѹнъ лѣндѹкъ прополѹты:
Полѣ жъ, полѣ, та й до дѹму
Ты изъ полѣ не ходѣ!

Ой, полю жъ я, та й полю
И до домоньку не йду.
Прополола той лёнокъ,
Та й зробылася былънушкою,
А ишовъ козакъ, та дольнушкою.
Ой, дольнушка протягаецця,
Козакъ до нейи прихилецця;

Прийшовъ до дому, та й
пытаетця:

Ой, шо жъ то есть, маты,
Въ поли за бѣлына,
Шо сама бизъ витру
Колыхаетця,
Бизъ ясного сонця
Сокрушаетця?

Гостры, сынокъ,
Гостру шибѣлку
Й зрубай, сыну,
Ту былънушку!

Первый разъ винъ кинувъ,
Та й не докинувъ,
А другий разъ кинувъ,
Та й перекинувъ.

А третий разъ кинувъ—
Та й по тий былъни.
Впала на дольни
Та й заговорила:
„Оце жъ твоя маты
Та такъ наробыла,
Шо насъ молодымы
Теперь розлучила.“

119.

Якъ бѣ минй не тыны
Та й не перѣлазы,
Ходывъ бѣ я до дивчины
По чотыри разы.

Якъ бѣ минй не тыны
Та й не перѣтынки,
Ходывъ бѣ я до дивчины
Всякойи годынки.
Шобъ шибры не бряжчало,
Шобъ собаки не гарчали,

Шобъ и наши не почулы,
Шо зъ тобою мы ночуемъ.
Ночувала перву нѣчку
Изъ тобою у садѣчку;
Ночувала я и другу
У зелѣному лугу;

Ночувала нѣчку й въ трѣте
У самому очерѣти.

Видтыла я выходыла
Й мылѣнького вывѣдыла.

Щѣ й словами улыщала:
Ходимъ, мѣлый, я казала,
Шобъ намъ билшѣ та й не
знаецця,

Бо порѣ намъ разлучаетця,—
Шобъ мы въ пари не ходили,
Шобъ и свѣта не нудылы,
Шобъ насъ й люди не знали,
Шарлатанами не звѣлы.

120.

Ой, пойхалы на влѣвы,
Та й вловѣлы комарѣ;
Стѣлы суды судыты,—
Комарѣчка дилѣты:

Сѣмѣ, томѣ по стѣгнѣ,
А Макару лѣгѣню,
Шо въ ѣго жѣнка Олѣна;

Антонови голова,
Шо дурный винъ безъ ума;
А Павлови ратычкѣ,
Шо чѣрнѣньки бривочкѣ;

А Ягору пичѣнку,
Шо обѣрванный зъ причѣлку;
Данѣлови кишѣчкѣ,
Шобъ любѣлы дивочкѣ;

А Якѣмови рѣбрыщѣ,
Бо у ѣго витѣрь свѣщѣ.

121.

Усѣ лужкѣ, крутѣ бѣрѣжкѣ,
Нѣгдѣ й водѣ напѣтисѣ;
Нѣма рѣду, не родѣнонькѣ,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Прихилѣсь я та й до дубѣчка;
А дубѣчокъ та й не бѣтѣнько:

Вѣтѣрь вѣе, ширѣкий лыстъ
мѣе,
Й нѣхтѣ слѣва та й не про-
мовлѣе

Нѣма рѣду, нѣма й нѣ родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Прихилѣсь я та й до яблонькѣ,
А яблонька та й не мѣтинка:

Вѣтѣрь вѣе, ширѣкий лыстъ мѣе,
Й нѣхтѣ слѣва та й не про-
мовлѣе.

Нѣма рѣду, та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Прихилѣсь та й до клѣночка,
А клѣночокъ та й не бѣратѣчокъ:

Вѣтѣрь вѣе, ширѣкий лыстъ
мѣе,

Нѣхтѣ слѣва та й не промовлѣе.
Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Прихилѣсь я до осѣчинькѣ,
А осѣчка й не сѣстрѣченька.

(Прѣспѣва).
Прихилѣсь я та й до ясынѣчка,
А ясынѣчокъ та й то жъ не сы-
ночокъ.

(Прѣспѣва).
Прихилѣсь я та й до лыпы-
нѣчки,
А лыпынѣчка та й не дѣчѣчка.

Вѣтѣрь вѣе, ширѣкий лыстъ
мѣе,

Нѣхтѣ слѣва та й не про-
мовлѣе.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Нѣма рѣду та й не родѣны,
Ни до кѣго й прихилѣтисѣ.

Якъ вѣйду я за ворѣта,
Та й глѣну у кручу:

Тѣперъ тобѣ, мѣй бѣтычку,
Вѣкъ я не докучу.

Якъ вѣйду я за ворѣта,
Та й глѣну на пѣски,—

Якъ не дастѣ конѣченька,
То я й пѣду пѣшки.

Та йдутѣ дощѣ, та йдутѣ
дрѣбни,

Та всѣ тучѣчкамы.
Ой, чужѣ ййдутѣ гостѣночки,
Та всѣ парѣчкамы,

А минѣ жъ то молодѣнький
Й парѣчки не мѣе,—

Тѣко жъ минѣ тѣйи й парѣ,
Шо очѣци карѣ.

Тѣко жъ минѣ й полюбѣви,
Шо чѣрнийи брѣвы.

Якъ на йихъ тѣко дѣвлѣюсѣ,
Тѣди й не журѣюсѣ.

123.

Щѣ й бурлѣка не послѣвсѣ,
Вжѣ хозяйинѣ нашъ проспѣвсѣ:
Вставѣй, бурлѣкъ, гѣди спѣты,
Порѣ, бурлѣкъ, волѣвѣ гнѣты!

Зѣгнѣвсѣ й пишѣвѣ бурлѣкъ
ѣромъ,

За купѣчѣцкимъ товѣромъ.
Та пишѣвѣ ѣромъ за товѣромъ

Облѣгамѣ—за волѣамѣ.
Гѣй, гѣй, облѣгамѣ—за волѣамѣ,

Манѣвцѣамѣ за вѣвцѣамѣ,
А полѣзахъ—за козѣамѣ.

Зполошѣлысѣ вѣвци й козѣ,
Поламѣлысѣ занѣзы.

Чѣрна хмѣра наступѣе,
Бурлѣкъ смѣртѣньки бѣжѣе:

Подѣй, Бѣжѣ, смѣрты зъ нѣба.
Вжѣ бурлѣку житѣ не трѣба,

Бо бурлѣка й такъ нажѣвсѣ:
Бизъ кужѣха натрудѣвсѣ

Й бизъ чѣбитѣкъ находѣвсѣ.

124.

Изъ-за горы, изъ-за кручи
Выли́талы гúсы.
То нэ гúсы, то нэ сiри,—
Слúги молодийи.

Ой, бижить, вы, та здожэ-
нить

Литá молодийи.

Якъ побиглы, та й здогнáлы
На дибрóвимъ мóсьти:
Вэрнiтыся, литá мойи,
Хоть на часъ у гóсьти!

—Нэ вэрнымось, дивчiнóнько,
Й нить тоби́ ничóго,—

Булóбъ тоби́ шанувáты
Здорóвьячка свóго!.

Якъ зроблю́ я зъ рóжи квiтку,
Та й пустю́ на вóду—

Плывы, плывы, зъ рóжи квiтка,
Та й до мóго рóду.

Плыла, плыла сь рóжи квiтка,
Та й стáла кружiцьця.

Выйшла мáты воды брáты,
Та стáла дывыцьця.

Роспизнáла тую квiтку,
Та такъ й упиймáла:

Ой, чо́го жъ ты, зъ рóжи квiтка,
На водi ззовья́ла,

Та й чо́го жъ ты, мой дóню,
Такá старá стáла?

—Изсуши́ла й зовья́лыла
Чужáя вкрайiна;

Та й нэ такъ та украйiна,
Якъ врэжа дружи́на;

Вонá свiту умалы́ла,
Що я й нэ бажáла,—

Й одъ млáдости до стáрости
Добра́ не вздривáла.

125.

Та й задумала́ удóвушка
Та й забогати́ть:

Та й наняла́ жъ мэдвэды́ка
За плúгомъ ходы́ть,

А вóвчика сирэсэ́нька
Воливъ погоны́ть,

А зáйчика-стрыбáйчика
Пэрэ́днихъ воды́ть,

А ласочку-Парáсочку
Обидать вары́ть.

Самá жъ будэ удивóнька
У пóлэ косы́ть.

Розсэрды́вся мэдвэды́чокъ,
Та й плугъ поламáвъ,

А вóвчычокъ сирэсэ́нький
Воливъ розигнáвъ,

А ласочка-Парáсочка
Горшки побы́ла,

Та й ласо́щи, якi бу́лы,
Самá поийла.

Идэ вдовá изъ обiдомъ,
Спотыка́ецця;

Сыдыть мэдвидъ на зiро́цьци
Й усмиха́ецця.

А мэдвэ́до—кусóкъ меду́,
Вóвку—баранá,

А зáйчику-стрыбáйчику
Шматóкъ качанá,

А ласо́цьци-Парáсо́цьци
Нэмá ны чортá!

126.

Сэля́нiнъ зъ сэля́нкою
Пшэ́нычэ́ньку жа́лы.

Ой, та жа́лы, жа́лы,
Й у сно́пы вяза́лы.

Сно́пы повязáвшэ,
У ко́пы поклáлы.

А поклáвшэ въ ко́пы,
Сiлы оддыхáты.

Ой, дэ нэ взяло́ся
Та два татарéнка,

Та й взя́лы сэля́нку
За бiлу ручóнку,

Й повéлы зъ со́бою
У нову́ свитлы́цю;

Ёго́ жъ нэбора́ку
У тэмну тэмны́цю.

127.

Ой, вы, лужкi, та бэрэ́жкi,
Та якъ вода́ васъ обля́гла,
Й отáкъ мэнэ́ жъ молодóго
Та тэпэ́рь журбá обня́ла.

Булó дiло,-зелэ́нылы
Лужкi й тийи́ бэрэ́жэчки;

Була́ въ лю́дахъ ласка́, другi,
Та всэ́ добрэ́ товары́ство.

Тэпэ́рь самийи́ жъ воро́гi,
А въ пóли го́ры та я́ры,

Зривня́ло зъ шля́хомъ, хочъ
оры́.

Колы́сь бу́ла рóскишъ, во́ля,
А тэпэ́рь самá нэво́ля:

Лы́хо нáлыхо прысы́пило
Й всэ́, якъ въ пэ́кли, заки́-

пи́ло.

Ой, пусьтю́ прокля́ту журбу́,
Въ Дуна́й рiчэ́ньку пусьтю́;—

Плывы, плывы́, трыкля́тая,
По круто́му бэрэ́жкú.

Плы́вэ журба́ по Дуна́йи
Й самá сэбэ́ тiко й зна́е;—

Бо́лыть сэ́рцэ́ й голо́вонька́,
Що змины́лась сторо́нóнька:

Тумáнь пóлэ наля́гае́,
Й ба́тько сы́на выгонáе,

А якъ со́нцэ́ пидогрíе,—
Ёго́ мáты завэ́ртае́:

Иды́, сы́ну, до до́моньку́,
Змы́ю тоби́ голо́воньку́!

Измый́, измый́ свойийи́ до́ньци,
Мини́ жъ змы́ють до́щи дри́бни,

А рошчэ́шуть ви́тры буйни́.

128.

Тумáнь я́ромъ наля́гае́,
По-мiжъ тíмы, та густы́мы,

Голубóчокъ сы́зъ литáе.
Винъ́ литáе й ворку́тае:

Й ой, такъ тíжко, й ой, такъ
ва́жко,

Й а щэ́ жъ тíжчэ́, й а щэ́ жъ
ва́жчэ́

Кры́льця вóру пидоймáты,
И тíжко, ва́жко воздыхáты.

Ой, хто ко́го вíрно лю́ба,
И пóтимъ мýсэ покида́ты?

Ки́да тáтонько ды́тiну,
А козáчэнько дивчíну...

По-пидъ мо́стомъ въ траву́
рóстомъ

Щу́ка ры́ба выгравáе,
И по-пидъ мо́стомъ тра́ва

ростэ́

Та й воды́цю покрывáе.
Видты́ль щу́ка выры́нае

И хвостóмъ хвíлю разгонáе.
То жъ нэ́ ры́ба, то жъ й нэ́ щу́ка,

А то жъ зъ мы́лэнькимъ розлú́ка.
Розлучи́ла нэдóлэнька,

Чужá—дальня́ сторо́нóнька.
Разлучи́ла, якъ хотíла,—

И бизъ мы́лого тэпэ́рь мíла.

129.

Злэ́тiвъ со́киль на дубóчокъ,
За нымъ сы́вый голубóчокъ.

И спивá пíсни по нэво́ли,
Що нэ́ рíвна въ свíти до́ля.

Пы́та старыйи́ молодóго:
Чи ты нэ́ вврэ́пшъ изд́ мно́ю?

Умры́, кáжэ, ты сё́годня,
А винъ́ зáвтра за то́бою.

Умры́ зъ вэ́чера,—винъ́ врэ́нцi
Та й полóжуть въ однийи́ я́мци.

И однá будэ́ домовíна,
Якъ у ба́тэчка ды́тiна.

Та й въ однú́ труну́ полóжуть,
Якъ до ў́трычка пидóждуть.

Будуть рóдычи тужы́ты,
И по всимъ́ свíти говорíты:

Нэ спивайтэ пісэнь дужэ,
Дали будэ людям хужэ.
Та й нэ журить голівоньку,
И лэтитэ вь іньшу сторбоньку,

Бо й такт дужэ я журывся,
Що бизь доли уродывся,
Гэй, бизь доли й бизь дружинь,
Та щэ й на чужий чужини!

130.

Выщэ лісу, выщэ тёмного,
Быщэ садыка зэлэного
Протоптала слидокт нїжэнька,
И тамт лэжала шляхт—дорі-
жэнька.

Чобиткамы прыюбытая,
Слизонькамы прыюлытая,
И нїхтэ по ний нэ прохажується,
И нїщэ по ний й нэ провэзюється.

Тїко йдутэ по ний наборыки,
И буютэ обь шляхт свойй пидборыки.
Йшовтэ, пройшовтэ по ний наборычоктэ,
Вь тимт набори бувтэ сокэлычоктэ.

Той наборыктэ бувтэ манэсэнський,
А вь нимт й Ваня молодэсэнський,
Винтэ ишовтэ зь наборотм вь кучэцьци,
И нїсэ бумагу вь прэвий рўчыцьци.

Лыстэ бумаги размалёванный,
И на трэхт брацьцывтэ намынованный,—
Кому зь брацьцывтэ у салдаты йты,
Кому хату и дїтэкт бэрэгты,—

Чи старшому, сэрэдўльшому,
Чи Иваньци самэ мэньюму?
Старший братэцьтэ одкупайецьця,
Сэрэдўльший одховайецьця,

Самый мэнчий убэрайецьця,
И зь таткомтэ, нэнькою прощайецьця:—
Прощай, тату й нэнька риднэнька,
И ты, жїночко молодэнька,

А вы, мойй малы дїточки,
Дождїдайтэ собї вїсточки...

131.

Туттэ и рїчка, туттэ и брїдтэ,
Туттэ хорэший пэрэхїдтэ.
Я взывтэ свою раздўшэньку
И на рўчэнькахтэ пэрэнісь.

Взавтэ на рўчки й пэрэнісь,
И у водї по пэясэ лїзтэ.
Пэрэбрївтэ й нэ замочывтэ,
Тїко шкэды и зробывтэ.

Чэрэвычоктэ загубывтэ.
Чэрэвыктэ зь нэгі згубывтэ,
И цїмт мїлую зажурывтэ.
Нэ такт жалко чэрэчка,
Яктэ бїлого чулэчка:
Чэрэвычоктэ батэко зшївтэ,
Чулэктэ мїлый подарывтэ.—
Чэрэвыктэ краснэнький,
Панчэшоктэ бїлэнький,
Пэстрэдэвий шаравантэ,
Яктэ мїлого бувтэ жупантэ.
Росла коса до пэяса,
Втрэе заплэтэна,
И кругэнтэ вь косї кїснєкї
И однэ стрїчка голуба,
Зь подарункамы була.

132.

А у лїси на прымїти
Ростутэ прэныки по лїти.
Тамтэ хлопьята йнїхтэ нарвалы
Та дивчатамтэ й дарувалы.
А дивчата йнїхтэ пойлы,
И ночуваты нэ схотїлы,
А йнїхтэ хлэпци половылы
И дэбрэ рэбра полїчылы.

133.

Пїдмовляла дивчїнонька
Молодэго козакэ:
Таки, сэрцэ, ходы,
Таки вірно любы,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.
„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:
Вь тэбэ батэко лыхий,
Вь тэбэ батэко лыхий,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.
— Батэка дэмаэ,
У шїночку гуляе.
Таки, сэрцэ, ходы,
Таки вірно любы,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:
Вь тэбэ маты лыха,
Вь тэбэ маты лыха,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.
— Мамки дэмаэ,
На хрыстїнахтэ гуляе.
Таки, сэрцэ, ходы,
Таки вірно любы,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:
Вь тэбэ сэстри лыхї,
Вь тэбэ сэстри лыхї,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.
— А я сэстрамтэ угодю
Рўсу косу заплэту.

Таки, сэрцэ, ходы
Таки вірно любы
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:
Вь тэбэ браты лыхї,
Вь тэбэ браты лыхї,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

— А я братамтэ угодю,
И жупаныки йїмтэ пошыю.
Таки, сэрцэ, ходы,
Таки вірно любы,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:
Тамтэ собакы лыхї,
Тамтэ собакы лыхї,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ“.

— Я собакамтэ угодю,
Кусэктэ хлїба положу.
Таки, сэрцэ, ходы,
Таки вірно любы,
Сэрцэ моэ, сэрцэ моэ.

„Яктэ до тэбэ ходыты,
Тэбэ вірно любыты:

Въ тѣбѣ кишка лыха,
Въ тѣбѣ кишка лыха.
Сѣрцѣ моѣ, сѣрцѣ моѣ.
— А я кишци угодо,
Кусокъ сала положу.
Таки, сѣрцѣ, ходи,
Таки вѣрно любви,
Сѣрцѣ моѣ, сѣрцѣ моѣ.
— „Якъ до тѣбѣ ходѣты,
Тѣбѣ вѣрно любѣты:

134.

Нѣ бувѣе вѣщая лобода,
Нѣ живѣ кращая попада.
Надивѣе пипъ широку рѣсу,
Та й идѣ шукаты попадѣньку напу.
Бѣгавъ, бѣгавъ, попадѣньку нѣ напавъ,
Зачѣпѣвся рукавами та й упавъ.
Бодай тѣбѣ, попадѣньку, граць узавъ:
За тобою вси рукава обирвавъ.

Прыбигае попадѣнька у ночі,
А пипъ хропѣ, якъ скажѣный, на пичі.
Ой, встанъ, попѣ, я на тѣбѣ подывлюсь,
Якъ дѣмаю, сама соби засмиюсь:

Ты дѣмаешъ въ кабаці я гуляла,
Якъ ты винчавъ, а я зъ задѣ стояла.
Ты дѣмаешъ, попадѣнька негодная,
Вона жъ тоби добра мыслѣ щѣй що дня,
щѣй що дня!

135.

Ой, чи воля, чи нѣволя,
Нихтѣ нѣ зна мого гора.
Зъ гора нѣжѣньки нѣ носятъ
И рѣчѣньки нѣ владають,
Головонька зъ плѣчъ валищца
Йкраса зъ лиця вся минѣщца.
Та йшла вдова долиною
Изъ малѣю дѣтиною.
Сѣла вдова спочывѣты,
Стало дѣтѣ прорикаты:
Ой, я въ полі родѣлося,
А у ліси хрѣстѣлося,

Въ тѣбѣ мѣши лыхи,
Въ тѣбѣ мѣши лыхи,
Сѣрцѣ моѣ, сѣрцѣ моѣ.
— Колы жъ мѣшѣ бойсься,
На ворѣтахъ повѣсься,
Здѣхны, пропадѣ
И до мѣнѣ нѣ ходѣ.
Цуръ тоби пѣкъ,
Цуръ тоби пѣкъ!

А у мѣри купѣлося,
Та й зновъ въ нѣволю попѣлося,
Попѣлося у нѣволю,
Кручинѣты своѣ долю.

136.

Черѣзъ горы, черѣзъ кручи
Орѣлъ воду носѣ.
Молодѣнький козѣчѣнько
Дивчѣноньку прѣсѣ.

Нѣ схотѣла, мой мѣла,
Дружѣною бѣты;
Ой, дай минѣ того зѣлля,
Щобъ тѣбѣ забѣты.

Есть у мѣнѣ такѣ зѣлля
Близько пѣрѣлазу,
Якъ дамъ тоби напытыся,
Забѣдѣшь видѣ рѣзу.

Бѣду пѣты, выпѣваты
И капѣли нѣ впустѣю,
Та й тодѣ тѣбѣ забѣду,
Якъ бѣчи запѣлюшчу.

137.

Та туманъ ѣромъ,
Морѣзъ долиною.
Та нѣ по правди
Та козѣчѣнько,
Живѣ зъ дивчѣнобѣ.
Ой, сѣпѣ, крушѣ
Та дивчѣноньку
Черными бровѣмы.
— Та нѣ я жъ тѣбѣ

Та сѣшѣ-крушѣ,
Ты сама зовѣяла.
Ой, якъ я жъ тѣбѣ

Та трѣчи свѣтавъ,
А ты й отказѣла:—
Ой, що нѣ пидѣ,
Та й молодѣя

За удивѣя зѣмижъ,
Бо той удивѣць,
Та й нѣ молодѣць,
Всѣ нѣровы знаѣ.

Ой, якъ пѣрву винъ
Жѣнку изгадѣе,
То мѣнѣ жъ тодѣ
Мѣнѣ поругѣе.

138.

Ой, на бродѣ, на бродѣчку
Пылы голубы водѣчку.
Вонѣ пылы, воркотѣлы,
Зналысь вонѣ й полѣтылы,
Зналысь вонѣ, полѣтылы,
И у мѣлой въ садѣ сѣлы.
Ой, высѣко сонѣцѣ схѣдѣ,
Чогѣ мѣла смѣтна хѣдѣ?

— Смѣтна й жѣвѣта на лѣчѣньку,
Щѣ нѣ спѣла всю нѣчѣньку.
Вѣдно, вѣдно й по бѣлому,
Щѣ журѣщца по мѣлому.

139.

Якъ у нашого попѣ,
Була лыхѣ (та лыхѣя) попадѣ:
Посылѣ попѣ у лѣсъ,
Посылѣе по дрова.

Далѣ ѣму сокѣроньку,
Та й нѣтѣчѣную,
Далѣ ѣму й кобѣлоньку,
Та нѣ кормѣную.

Ой, той пипъ, та й нѣ дуракъ,
Та й зайѣхавъ у кабакъ.
Тамъ сокѣрку нагѣстрѣвъ,
Та й кобѣлку накормѣвъ.

Кобѣлицѣ ажъ зарѣжала,
Якъ хвѣстыкомъ завѣляла.
А сокѣрка задѣвинѣла,
Щѣ на вѣки погѣстрѣла.

Попѣдѣньци цѣго й трѣба,
Щобъ узѣтъ попѣ за рѣбра,
Та й пыхѣнѣты зновъ у лѣсъ,
Щобъ добрѣ своѣ прѣнѣсь.

140.

Ой, ходѣвъ чѣмакъ
Сѣмъ годѣ по Донѣ,
Та й нѣ булѣ прыгѣдоньки
Нѣколы ѣмѣ.

Ой, поѣхѣвъ чѣмакъ
Та й у Крымѣ на базѣр;
Захворѣлы сѣри волѣ,
Чѣмакъ занѣпавъ.

Ой, прѣйшовъ до ѣгѣ
Товѣрыщѣ ѣгѣ.

— Товѣрыщу мѣй,
Пожалѣй мѣнѣ:
Возѣмы жъ мойѣ ѣрма й волѣ,
Похѣвай мѣнѣ!...

Ведуть волы сіри,
Та й въ новому ярмі;
Бідна мой голівонька,
Що въ чужий стороні.
Ой, та вдарили въ дзвинь,
А дали й у вси,
То жь по тому чумакові,
По ёго душі.

141.

Ой, чумаче, чумаче,
Въ тѣбѣ личко козаче,
Гэй, гэй, й охо-хò,
Въ тѣбѣ личко козаче.
Чомъ нѣрано зъ Крѣму йдѣшь,
Й нѣ всихъ чумакивъ вѣдѣшь?
Гэй, гэй, й охо-хò,
Нѣвсихъ чумакивъ вѣдѣшь.
Самѣ въ пору зъ Крѣму йду
И всихъ чумакивъ вѣдѣ.
Гэй, гэй, й охо-хò!
И всихъ чумакивъ вѣдѣ.
Тѣко нѣмѣ й одного,
Брата рѣдного мого.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Брата рѣдного мого.
Винъ zostався у Крѣму
Браты солы на вагѣ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Браты солы на вагѣ.
Шукавъ, шукавъ й нѣ знайшовъ,
Запрѣгъ волѣвъ та й пишовъ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Запрѣгъ волѣвъ та й пишовъ.
Ишовъ, ишовъ долыною,
Край долыны-могила.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Край долыны могила.
Й оцѣ жѣ тѣя долына,
Що чумаки стоялы.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Що чумаки стоялы.
И оцѣ жѣ тѣя могила,
Що чумака сховѣлы.

Гэй, гэй, й охо-хò,
Що чумака сховѣлы.
Ой, отѣманѣ, бѣтѣку нашѣ,
Та порѣдъ жѣ ты тѣперѣ насѣ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та порѣдъ жѣ ты тѣперѣ насѣ.
Якъ й що бѣдѣмъ робѣты:
Нѣчимъ волѣвъ кормѣты?
Гэй, гэй, й охо-хò,
Нѣчимъ волѣвъ кормѣты.
Косѣтъ, хлѣпци, отѣву,
Кормѣтъ волѣвъ на слѣву.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Кормѣтъ волѣвъ на слѣву.
Косѣтъ, хлѣпци, лободѣ,
Та й забѣдѣмъ всю бѣдѣ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та й забѣдѣмъ всю бѣдѣ.
Косѣтъ, хлѣпци, очѣрѣтъ,
Та й навѣрымо вѣчѣрѣтъ.
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та й навѣрымо вѣчѣрѣтъ.
Звѣрымъ, хлѣпци, чабака,
Та й помѣянѣмъ чумака,
Гэй, гэй, й охо-хò,
Та й помѣянѣмъ чумака.

142.

Ой, на горѣ на горѣ
Чабанъ вѣвци згонѣе,
Та чабанъ вѣвци згонѣе,
Та й на хлѣпцивъ гукѣе:
Гой вы, хлѣпци, молодѣцѣ,
Накажѣтъ вы дивоцѣцѣ,
Що въ картѣтий плѣхоцѣцѣ,
Нѣхай вонѣ мѣнѣ та й нѣ ждѣ,
Та нѣхай зѣмижѣ идѣ.
А дивчѣина зачѣла,
Та й зѣ ўлыци майнѣла.
Нѣ добѣгла до двора,
Заболѣла головѣ.
Ой, нѣнѣко, мѣмочко,
Та болѣтъ моѣ сѣрдѣчко!
— „Чогò жѣ вонò та й болѣтъ?

Пѣрѣстѣвъ чабанъ любѣтъ.
— „Бижѣ, дѣню, на горѣ
До бѣлого камѣню,
Копѣй, дѣню, корѣнѣя
Спѣдъ бѣлого камѣнѣя“,
Якъ я корѣнь копѣла,
На чабанѣ махѣла.
Щѣ той корѣнь й нѣ вѣпѣивъ,
А вѣжѣ чабанъ прѣлѣтивъ.
Ой, чогò жѣ ты прѣлѣтивъ,
Колѣ любѣтъ нѣ схотѣвъ?
— „А ты жѣ корѣнь копѣла,
Та й на мѣнѣ махѣла“...

143.

А въ Полтѣви огòнь горѣтъ,
А въ Кѣѣви дѣмно.
Пишлѣ нашѣ чумѣчѣнѣки,
Й за дѣмомъ нѣ вѣдно.
Молодѣнѣкий чумѣчѣнѣко
Волѣвъ напувѣе;
Волы рѣвѣтъ, — водѣ нѣ пѣютъ:
Дорѣжѣнѣку чѣютъ.
Бодѣй жѣ вы, сіри волѣ,
Й у Крѣмъ нѣ сходѣлы,
Якъ вы минѣ, молодòму,
Жалѣю нарѣбылы.
Умѣръ, умѣръ чумѣчѣнѣко
Въ нѣдѣлѣнѣку вѣрѣнѣци,
Й похѣвалѣ козѣчѣнѣка
Въ зѣлѣнимъ байрѣаци.
Злѣтивъ пѣвинѣ на ворѣта
Й крѣкнувъ: „ку-ку-рѣ-ку!“
Нѣ дожѣдай, мѣты, сѣйна
Однѣни й до вѣку.
Якъ зачѣла матѣсѣнѣка,
Що сѣва зозѣла,
Полѣтѣла на Вѣкрайѣну
Й сѣла на мугѣлу.
Сѣла жѣ вонѣ на могили,
Та мѣвны: „ку-ку!“
Подѣй, подѣй, мѣй сѣнѣчокъ,
Хотѣ однѣю рѣку!“

— Ой, радѣ бы я, моѣ мѣты,
Й обѣдѣи подѣты, —
Нѣсыпѣлы стѣко зѣмлѣ,
Що й нѣизѣя (нѣ моѣжу) пѣд-
нѣты.

144.

Чи я брѣла, чи я плѣла,
Чи мѣнѣ подлѣто,
Чи самѣ козѣкъ нѣ ставѣ лю-
бѣтъ,
Чи ёгò одбѣто?
Ой, одбѣла щѣка рѣба
Отѣ бѣрѣга рѣску,
А я й тѣю дрѣбну рѣску
Збѣрѣ у запѣску.
Ой, зѣ-за горѣ, изѣ-за тѣчи
(крѣчи)
Возѣ скрѣплѣтъ идѣчѣ;
Возѣ скрѣплѣтъ, ярма брѣзъ-
чѣтъ
Вѣдѣ вагѣ вѣзѣчѣ.
Ярма брѣзъчѣтъ, волѣ рѣмѣ-
гаютъ,
На шляхѣ-дорѣжѣнѣку по-
глядѣютъ.
По пѣрѣди старѣй чумѣкъ
Въ сопѣлочку грѣе,
А за тѣмы чумѣкамѣ
Дѣвчѣина рыдѣе:
— Ой, гòди вамъ, чумѣчѣнѣки,
Та й чумѣкувѣты;
Бѣрѣтъ сѣрпѣ, та йдѣтъ въ
стѣпѣ
Пшѣнѣчѣнѣку жѣты.
— Бодѣй жѣ ты, дѣвчѣинѣнѣко,
Нѣ вѣмѣла сказѣты,
Щобѣ намъ бѣлымы рѣкамѣ
Пшѣнѣчѣнѣку жѣты.

145.

Брѣла, брѣла дѣвка вòду,
Й нѣ добрѣлася до днѣ...

Жила въ батька й не годъ, й
нѣ два,
Та й нѣ бачила добра.
Я жъ думала: въ батька горѣ,
Въ свѣкра погуляю.
А у свѣкра—гѣршѣ пѣкла
Й добра нѣ звыдала.
Якъ пидѣ я у садѣчокъ;
Та й ззирвѣ собѣ цвѣтѣчокъ;
Та й ззирвѣ я зъ рѣжи квѣтку,
Та й пусьтѣ на воду:
„Плывы, плывы, зъ рѣжи
квѣтка,
Та й до мѣго рѣду“.
Плыла,плыла зъ рѣжи квѣтка,
Та й стѣла минѣщя.
Вѣйшла маты воды брѣты,
Та й стѣла журѣщя:
„За чимъ, за чимъ зъ рѣжи
квѣтка

На водѣ ззовѣяла;—
Чи ты жъ, моѣ дытѣточко,
Симъ годѣвъ лѣжало“?
—Нѣ лѣжала, мой нѣпко,
Ны часъ, й ны годѣны,
Та попѣлась въ добри руки,
Нѣвѣрний дружины.

146.

Ой, на тѣмъ бѣци,
Та й на толѣци
Цыганѣ стѣялы (2 раза).
Ой, та мижъ тѣмы
Та цыганами
Цыганка ворѣжка (2 раза).
А до тѣейи,
Та цыганочки
Вгѣптана дорѣжка (2 раза).
Ой, та по тѣй жѣ
Та дорѣженьки
Дивчѣна ходѣла (2 раза).
Ой, вонѣ тѣу,
Та цыганочку
Покѣрно просѣла (2 раза).

„Ой, цыганочка,
Та махлѣрочка,
Ввольны моѣ волю (2 раза):
Та прычарѣй жѣ
Та козѣчѣнька
На вѣкы зо мною (2 раза)“.
Ой, цыганочка,
Та махлѣрочка
Вѣлѣньку ввольнѣла (2 раза):
Ой, одрѣзала,
Та рѣсу косу,
Й пѣрня накурѣла (2 раза).
Та вжѣ той пѣрѣнь,
Та колѣ нѣйи,
Якъ свѣточка, вѣщѣця (2 р.).
Вси дывѣющѣця,
Та що стѣлося,
Й вся чѣлядъ смѣщѣця (2 р.).
147.

Породѣла Гѣнзю маты,
Нызызѣ йийи й змѣлювѣты:
Очи чѣрни (тѣйеи), якъ тѣрнѣви,
А брѣвочки та й орлѣви.
У Кѣйеви родѣлося,
А въ Харѣкови хрѣстѣлося,
У Полтѣви изрослѣ
Й за козѣчѣнька пишлѣ.
Пишлѣ Гѣнзѣя въ пѣлѣ жѣты,
Та й забѣла сѣрпѣ взѣты.
Сѣрпѣ узѣлѣ, хлѣбъ забѣла.
Пѣки жѣ Гѣля дѣма бѣла.
За Гѣнзѣю въ трѣтий слѣдъ:
Два дѣкова, трѣтий пѣпъ,
Щѣ й попѣвычъ попѣрѣду—
Постѣй, Гѣнзю, куплѣ мѣду.
—Я нѣ хѣчу мѣду пѣты,
Й зъ попѣвичѣмъ говорѣты.
За тѣ жѣ мѣнѣ маты й бѣла,
Щѣ бѣ я хлѣпцивъ нѣ любѣла.
Люблѣю Грѣця, та Дѣнѣла,
Ото жѣ моѣ душѣ мѣла.
Люблѣю, маты, я й Стѣпанѣ,
Въ ѣго лѣчко, якъ у пѣна,

И ставѣчокъ до жупѣна,
И свѣточка сѣрѣсѣнька,
Якъ та мѣла чѣрнобрѣва
Прыгѣртѣе злѣгѣсѣнька.
Ой, пѣдѣтѣ, привѣдѣтѣ,
Й бѣля мѣнѣ посадѣтѣ.
Бѣля ѣго блѣзько сѣдѣю,
Й такѣ жѣ ѣгѣ й нѣнавѣдѣю.
Якъ накинѣу кѣрымъ ѣкомъ,
Щѣ Грѣць хѣдѣ по-за тѣкомъ:
Ой, Грѣцю, Грѣцю, Грѣцю,
Свѣтай мѣнѣ робѣтнѣцю,
Я робѣты дѣбрѣ вѣмѣю:
Й до прѣпѣчка рѣки грѣю,
На пѣчъ лѣзѣю, живѣть пѣрю.
Нѣ лѣзѣ, Грѣцю, абѣ жѣ
вѣарѣю,

Абѣ вѣарѣю нѣпомѣлу,
Щѣ покѣтысѣся пѣдѣ лѣву...
Лѣжѣть Грѣця, та й рылѣе,
Изъ-пѣдѣ лѣвы выглѣдѣе.
Ой, на жѣ тобѣ, Грѣцю, дѣлю,
Бо я жѣ тѣбѣ давнѣ дѣрю,
Ой, на жѣ тобѣ, Грѣцю, дѣви,
Щѣ ты лѣобышъ, а я ни.

148.

(Дурный Грѣць).

Ой, плѣчѣ Грѣць, плѣчѣ,
Пѣдѣ викнѣмъ стѣячѣ.
Дѣвка Грѣця пытѣйѣщѣця:
Чѣгѣ, Грѣця, плѣчѣ?
„Ой, плѣчу я, плѣчу,
У хѣтонѣкѣ хѣчу“.
Дѣвка Грѣця вѣдовѣльнѣла,
Й у хѣтонѣкѣ й упустѣла.
Ой, плѣчѣ Грѣць, плѣчѣ,
Въ хѣтѣнѣцѣ сѣдѣчѣ.
Дѣвка Грѣця пытѣйѣщѣця:
Чѣгѣ, Грѣця, плѣчѣ?
„Ой, плѣчу я, плѣчу,
Щѣ йѣстонѣкѣ хѣчу“.
Дѣвка Грѣця вѣдовѣльнѣла,
Вѣчѣрѣю накурѣмѣла.

Ой, плѣчѣ Грѣць, плѣчѣ,
Вѣчѣрячѣ.
Дѣвка Грѣця пытѣйѣщѣця:
Чѣгѣ, Грѣця, плѣчѣ?
„Ой, плѣчу я, плѣчу,
Щѣ спѣтонѣкѣ хѣчу“.
Дѣвка Грѣця вѣдовѣльнѣла,
Изъ собѣю положѣла...
Ой, плѣчѣ Грѣць, плѣчѣ,
Зѣ дѣвѣкою лѣжѣчѣ.
Дѣвка Грѣця пытѣйѣщѣця:
Чѣгѣ, Грѣця, плѣчѣ?
„Ой, плѣчу я, плѣчу
На чѣ... хѣчу“.
Дѣвка Грѣця вѣдовѣльнѣла
Й на чѣ... положѣла...
Ой, плѣчѣ Грѣць, плѣчѣ,
На чѣ... лѣжѣчѣ.
Дѣвка Грѣця пытѣйѣщѣця:
Чѣгѣ Грѣця плѣчѣ?

„Ой, плѣчу я, плѣчу,
Дѣ... нѣ бѣчу“.
Дѣвка Грѣця за чупрѣну:
Цѣтъ, дѣрѣню, цѣтъ!

149.

Чѣрнѣвая дѣвчѣионѣка
Пшѣнѣчѣньку жѣла.
Ой, та жнѣчѣ пшѣнѣчѣньку,
Въ снѣпыкѣ вѣязѣла.
Й наколѣла бѣли рѣки,
Пшѣнѣчѣньку жнѣчѣ.
А вжѣ жѣ минѣ докѣчило,
Мѣлѣнького ждѣчѣ.
Нѣмѣ моѣ мѣлѣнького,
Нѣмѣ моѣ пѣна.
Та й вжѣ жѣ ѣгѣ бѣла постѣль
Вся пѣломъ прѣпѣла.
А въ нѣдѣльѣю рѣнѣсѣнько
На попѣвимъ пѣли,
Та вѣзѣ чумѣкъ молѣдѣнькѣй
Ажѣ трѣ вѣзы сѣлы.

Пишла егò чорнявая
Сòлы купуваты.
Вона сòлы нэ купыла,
Жалю наробыла.

150.

Ой, изъ за горы
Та буйный вiтэръ вiе.
Ой, тамъ удивòнька) 2 раза.
Та пшэнычэньку сiе.)

А посiявшэ,
Стала волочiты;
А заволочiвшэ,) 2 р.
Стала Бòга просiты.)

Ой, уроды, Бòжэ,
Та пшэнычэньку яру,
Та на мойихъ дiтокъ,) 2 р.
Та на вдòвыну слáву.)

А щэ жъ удивòнька
Та й до дóму нэ дойшла,
А у тий удивòньки) 2 р.
Пшэнычэнька зийшла.)

Ой, щэ удивòнька
На лáву нэ сiла,
А вжэ у вдòвòньки) 2 р.
Пшэныця посьпiла.)

А щэ удивòнька
На лáви нэ спала,
А вжэ жъ удивòнькину) 2 р.
Пшэныцю пожа́лы.)

Ой, дiты жъ, вы дiты,
Гòрэ минi зъ вáмы,
Та шо я нэ мáю) 2 р.
Бáтэнька надъ вáми.)

Ой, нэнэ, нэнэ,
Нэ журiся нáмы,
Мы повыростáемъ,) 2 р.
Розийдымось сáмы.)

Будэ насъ, нэнэ,
По горáмъ, по долiнамъ,
Будэ насъ, нэнэ,) 2 р.
По чужимъ украйiнамъ.)

151.

Дòбрэ булò нашимъ батькáмъ
На слобòди жiты:
Кòсють бу́ло, хочъ волòчуть,
Идутъ горiлку пiты.

А тэпэръ жэ гiрко стáло
Намъ на свiти жiты:
Горiлочки нэ добудэшь
Й душi промочiты.

У нэдiллью ранэсэнько
Та до цэрквы дэвòнять,
А атáманъ зъ дэсiтныкомъ
Свопi носiть гòнять.

А мы снопi нэ зносiлы,
Обидаты сiлы.
Ой, гiрка я нáша дòля,—
Онъ прыкáжчикъ iйдэ.

Нэ дойихавъ щэ й до лáну,
Та ставъ людéй бiты:
Вамъ вэлéно, щòбъ до службы
Вси снопi зносiты.

Ой, панi жъ вы, панi нáши,
Гòди панувáты,
Й нáши дiши хрыстияньскi
На собáкъ минáты.

152.

Здумала бабусэнька
Скòро багатiты—
Й пидсыпала курiпочку,
Щòбъ вiвэла дiты.

Пидсыпала бабусэнька
Цилэнький дэсiтокъ,
Та й вiвэла курiпочка
Шэстiрко цыплiтокъ.

Квòкчэ, хòдэ курiпочка,
Дiтокъ изклькáе.
Старый дидусъ радэсэнький
Бáбу обнимáе.

Любуюцьця старэсэньки
На квòчку и дiтокъ.
Дожи́лыся, щò й дождáлыся
Курчáтъ напоследòкъ.

Якъ пойихавъ старый дидъ
У пòлэ о́раты,
Та й забувъ старэнький мòвыть
Курчáтъ доглядáты.

Кышъ! погна́ла бабусэнька
Курипьятокъ пáсты.
Самá сiла пидъ тынòчкомъ
Кудэлыцю прiасты.

А кудэлыця прядэцьця,
Курипка пасэцьця.
Старый дидъ о́рэ у пòли,—
Курипка на вòли.

Чòрна хмáра наступáе,
И ставъ дощъ накрапáты.
Бижiть нáша бабусiна
Курипьятъ хватáты.

Ни гòдного нэ вхвaты́ла,
Задавiла дèе.
Замахну́ла вэрэтэномъ,—
Та й заразòмъ трòе.

Туды—сюды поверну́лась,
На шòстэ спиткну́лась.
Ухвaты́ла курiпочку
Та й въ хáту вэрну́лась.

Сыдыть бáба на пичi,
Голòвоньку скрèпчэ.
Курипочка пидъ полòмъ
Самá собi шèпчэ.

Якъ прыйихавъ дидусiна
Зъ пòля на домiвну,
Та й ставъ шáрыты очiма
Пидъ пилъ й на долiвку.

Й пытаецьця бабусэньки:
Чи всэ гарáздъ дóма?
—„За всэ гарáздъ, за всэ гарáздъ,
Однò тiко й нэ гарáздъ“...

—А щò жъ нáшихъ, бабусэнько,
Курипьятъ нэ чýты?
—„Мáбутъ, хáта нэ на мiсьти
У насъ йимъ нэ бýты.

Ой, нэ чýты, старый дiду,
Та й нэ чýты будэ:
Якъ погна́ла я йихъ пáсты,
Наврòчили (спидзòрылы) лóуды.

А шу́лика налэти́ла,
Та всихъ й похвaтáла.
А я тодi изъ досáды
Квòчку упиймáла“.

—Хибá ты йихъ, бабусэнько,
На лiчко знiзала,
Щò заразòмъ курипьятокъ
Шу́лика забрáла?

—„Ой ужэ жъ йихъ, старый
дiду,
Шу́лика й нэ брáла:
Якъ погна́ла я йихъ пáсты,
И самá потоптáла“.

Якъ вiхвaтывъ старый дидъ
Изъ вòза прыты́ку,
Побывъ бáби й помаслувáвъ,
(понiвычивъ)

Гòлову и пýку *).
„Бодай тобi, старый дiду,
Голòва облiзла,
Щò ты побывъ, понiвычивъ,
(понэхтувавъ)

Шò й на пичъ нэ злiзла.
„Бодай тобi, старый дiду,
Прáва рукá всòхла,
Якъ ты мэнэ понiвэчивъ
Щò трòхи й нэ здòхла“.

Ой, нэ дай Богъ смэрты —
Старый бáби вмерты,
Бо нiкому бабусэньку
Въ долòмыну пэ́рты.

Попэръ пипъ, попэръ дякъ,
Щэ й пономарiщэ;
Й зостаецьця бабусэно
Грыбинiщэ й двiщэ.

Попэръ пипъ, попэръ дякъ,
Щэ й попэрла тiтка,
Й зостаецьця бабусэна
Грèбiнка и щiтка.

*) Пýка—хàря—мордà—выдъ—лицò.

153.

Пусты жь мэнэ, мой мамо,
У лись по оришки;
Буду рваты, поспышаты,—
Долэньки шукаты.

„Ой, спынься, стризай, доню,
Щобъ й нэ заблудылась,
Бо вжэ, доню, тая доля
Давно загубылась“.

—Пусты жь мэнэ, мой мамо,
У лись по калыну;
Буду рваты, розгортаты,—
Долэньки шукаты.

—„Годи, доню, по калыну,
Калына нэ спие.
Штуря—буря повыхрыла,
Що й корыньня ние“.

—Пусты жь мэнэ, мой мамо,
У морэ купацьця;
Буду плаваты, ныраты,—
Долэньки шукаты.

—„Ой, нэ пусьтё жь тэбэ,
доню,

Щобъ й нэ угонёла,
Бо вжэ жь, доню, твою долю
Шука проглынула.

154.

Колысь була роскишь—воля.

Тэперъ стала нэволэнька.

Болыть сэрцэ й головонька,

Що чужая сторононька.

Туманъ полэ налягае,

Батько сина выгоняе:

Иды, сину, гэтъ видь мэнэ:

Черэзъ тэбэ буча въ мэнэ.

Туманъ полэмъ налягае,

Маты сина завэртае:

Та вэрнысь, сінку, до домоньку,

Змию тоби головоньку.

Змиють минй дрибнй дощй,

А рошчэшутъ гусьтй тэрнй,

А вьсушэ краснэ сонцэ,
Якъ вьглянэ у виконьцэ.

155.

У нэдильлю враньця,

Якъ сонэчко грае,

Свою дочку маты

Зъ дому выражае

У чужу сторонку,

Мижъ чужийи люды:

А хто жь тэбэ, доню,

Жалиты тамъ будэ?

—„Якъ буду робыты,

До дила годыты,

То й добрэ тамъ будэ—

Мижъ чужимы жыты“.

—Колы жь тэбэ, доню,

Въ госьти дождяты?

—„Тоди, мой нэнько,

Якъ будэшъ бажаты,—

Якъ зростэ у хати

Трава на помосьти;

Тоди твой доня

Прыйидэ у госьти“.

Росла, росла трава,

Й стала посыхаты.

Ждала дочку маты,

Та й стала вмераты.

156.

Ой, у поли могола

Зъ витромъ говорила:

„Повий, витрэ, буйнэсэнький,

Щобъ я нэ змарнила.

Щобъ я вэчорнила,

Щобъ по минй трава росла

Та щэ й зэлэнила.

Ой, у поли ричка,

Черэзъ ричку кладка;

Нэ покидай, козачэнько,

Риднэнького батька.

Якъ батька покинешъ,

Самъ марно загинешъ—

Та й быстрою ричкою

За Дунай заплывешъ.

—Бодай тая ричка

Рыбы нэ плодила;

Вона могò товарища

На вики втопила;

Бодай тая ричка,

Куширёмъ заросла,

Вона жь могò товарища

За Дунай занесла.

157.

Чи ты, мыйый, пылсмъ припавъ,

Чи метэлыцэю?

Чомъ нэ ходышь ты до мэнэ

Цэю вэлыцэю?

Чомъ нэ ходэшъ ты до мэнэ

Крутымъ горама,

Покидайешъ мэнэ бидну

Промйжъ ворогама?

А я жь тоби, мий голубэ,

Я жь тоби казала,

Ходимъ, сэрцэ, повиньчаймось,

Щобъ й маты нэ знала.

А ты нэньку свою слухавъ,

Мэнэ покидайешъ;

Покидайешъ мэнэ бидну,

Ыньшую шукаешъ.

Знайдэшъ собй дивчиноньку

Зъ карымы очима,

Будэ въ тэбэ, сэрцэ моё,

Каминь за плэчима.

Знайдэшъ собй дивчиноньку

Зъ чорнымы бровама,

Та й нэбудэ тийей правды,

Що була мижъ намы.

158.

Го я, го я! що я, що я,

Що будэ зо мною:

Полюбыла козачэнька

Й нэ маю покою.

А я жь ёгò боялася,
Тэ що жь потимъ щэ й ста-
лося:

На вэлыци постричалась,

Нывзначай поцилувалась.

Мэнэ маты зъ нымъ заздрила,

Якэ жь то йий дило?

Выдавайтэ мэнэ замйжъ,

Колы надойила.

159.

Ой, тамъ на горй,

Малювалы малярй.

Змалювалы, зрысувалы—

Чорни бровы минй.

Ой, тамъ на горй

Чайка кигичэ:

То жь минй моя маты

Жэныхивъ клычэ.

Ой, тамъ на горй

Та волы у ярымй.

Отò въ мэнэ, мой маты,

Жэныхй на умй.

Ой, нэ быйтэ мэнэ

И нэ лайтэ мэнэ и т. д.

160.

Вси дивчата, молодыци

Сталы говорыты:

Ой, чогò жь я на вэлыцю

Ставъ часто ходыты.

Пишовъ разъ я на вэлыцю,

Та й тэперъ я каюсь:—

Улюбывся въ дивчиноньку,

Ажъ въ нocy жахаюсь.

Така гарна та хороша,

Хто нэ глянэ,—ахнэ.

Пишовъ бэ я йийй сватать,

Такъ гарбузòмъ пахнэ.

Билолыця, чернобрыва,

Повна, якъ калына.

Пишовъ бэ я йийй сватать,

Такъ лыха годына.

Идѣ, мамо, ыдѣ, рідна,
Зильлячка шукаты,
Чи нэ знайдэшъ того зильля,
Щобъ Мару́си да́ты.
Щобъ Мару́ся, мой дуса,
Мэнэ полюбы́ла,
Щобъ на ві́ки своѣ сэрцэ
Мини́ уручы́ла.
Якъ бэ мини́ Богъ давъ зъ нэю
Щобъ я ожэ́нѣвса,—
Посады́в бэ за стыко́льцэ,
Сивъ бэ та дыви́вса.

161.

Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ.)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Посі́яты конопэ́ль) 2 раза.
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би посі́явъ,) 2 раза.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Заволо́чить конопэ́ль) 2 раза.
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би заволо́чѣвъ,) 2 р.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,

Вѣ́браты конопэ́ль.) 2 раза
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би выбэ́ра вѣ,) 2 р.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы,
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Помочы́ты конопэ́ль) 2 раза.
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би помочы́въ,) 2 р.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ?)
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Потипа́ты конопэ́ль) 2 раза.
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би потипа́въ,) 2 р.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ:
Якъ вонá бідна) 2 раза.
Въ свѣ́ти живэ?) 2 раза.
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Потэ́рты конопэ́ль) 2 раза.
Оби́щавса.)
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би потэ́рѣ,) 2 р.
Якъ бэ нэ́ я?)
Кумъ до кумы
Ча́сто йдэ,

Якъ вонá бідна (2 раза).
Въ свѣ́ти живэ? (2 раза).
Кумъ зъ кумо́ю
Совита́вса,
Помы́каты конопэ́ль (2 раза).
Оби́щавса. (2 раза).
Кумко мой,
Голу́бка мой,
Хто́ бэ то́би помы́кавъ, (2 раза).
Якъ бэ нэ́ я? (2 раза).

162.

Щиго́ль ту́гу мае,
Грома́ду збэ́рае.
Винъ же промы́шляе,
Жэ́ныцця гада́е.
Винъ влюбы́в сыны́цю,
Горобья́ сэстры́цю.
Хоро́шу, опры́тну,
Поштэ́нную пты́цю.
Журавэ́ль ста́роста,
Лэ́бэдь пидста́роста,
А со́колокъ дру́жий,
Горобе́ць пидру́жий,
А воро́на сва́шка,
Соро́ка свиты́лка,
Гуса́чэнько гра́е:
Сы́лу ту́ю мае.
Вся́ чэсна бэ́сэда
Яко́йи и трэ́ба.
То збра́нна му́зыка
Зъ ро́гозу, та лы́ка.
А пэ́рэпэ́льця
Хо́дэ по свитлы́ци,
Збэ́рае скля́нныци
Моло́дий сыны́ци.
А носа́тый рябе́ць
Прыпе́рѣ трэ́е гла́бэць—
Зва́ряжаты пойыздъ
Моло́дий сыны́ци.
Поле́вийи ко́нэки
Реву́ть воны́ якъ бы́кы,

Й привэ́злы сыны́цю
Щэ́гло́ви на ві́ки.
Якъ посла́лы шу́ляка
Кала́чэмы́ дилы́ты,
А винъ ду́мавъ, шо курча́та,
Й ставъ пойыздъ давы́ты.
Нэ́щаслы́вый той щиго́ль
Зъ вэ́силье́м зносы́вса,
А шу́лякъ мырсы́кыхъ курча́т
Изь ты́хъ пирѣ
Давы́ты навчы́вса.
А сыны́ця ту́жэ,
Вонá и гада́е:
Щэ́гля́ пэ́рша дру́жка
Покы́нуты мае.
А щиго́ль му́жэ ту́жэ,
Та со́би гада́е:
Ожэ́нѣвсѣ́ та втра́тывсѣ́,
Та й жы́нки нэ́ мае.
По са́ду ли́тае,
Соло́вья́ пы́тае:
Скажи́, скажи́, бра́тэ,
Дэ́ йийи шу́каты?
Соло́вей гу́кае:
Шу́кай, бра́тэ, вѣ́ кропови́—
Та́м вонá ли́тае
И гны́здэ́чко мае.

163.

А щэ́ со́нцэ нэ́ захо́дэ,
По́ й улы́ци буга́й хо́дэ;
Шата́е́цця, мота́е́цця,
До дывчи́ны пы́тайе́цця;
А дивчи́на крѣ́пко всну́ла
И воро́точка замкну́ла,
А на́ш буга́й смѣ́лый бу́вѣ
И воро́точка одимкну́вѣ.
Ой, буга́е, та буга́е,
Та́ якэ́ жѣ́ ты лы́да́щэ,
Вэ́дуть тэ́бэ до па́на,
Са́мэ нэ́ зна́йешѣ́, за шо́.

*) Глабэць—сани.

Отоді я буду знать,
 Якъ начнѣть мѣнѣ картать:
 И на рѣчки, и на нѣжки
 Биздѣнѣжки *) ладивать...
 На дорѣзи стояла,
 Пѣленѣю махала:
 Сюды, сюды, чумаки,—
 Дѣшѣвойи рѣбки:
 Богатому на пѣятакъ,
 А вбогѣму хочѣ и такъ.
 Матѣ дѣчку пѣтае:
 Чомъ хвѣртухъ нѣ стикае?
 Кукурѣзу сырѣ ййла,
 Кукурѣза й (отъ того я й)
 набуѣнѣла.
 Буѣ бѣ, дѣню, затѣпѣть,
 Кукурѣзу изварѣть.
 Я варѣла, пѣрыла,
 И парѣ ййй нѣ бѣрѣть
 Й Богѣ здѣровѣя нѣ даѣть.

164.

Вотъ пролѣтка,
 Восьмѣлѣтка,
 Жилѣ чѣчѣтка
 Изъ свойѣмъ старѣмъ,
 Изъ свойѣмъ мылѣмъ.
 Звѣлѣ собѣ гнѣздѣчкѣ
 Звѣслѣ собѣ ячѣкѣ
 Двѣ ййхъ однѣ,
 Такѣ, якѣ зѣ видрѣ.
 Пороѣла чѣчѣточка,
 Пороѣла лѣбѣдѣчка
 Сѣмѣро дѣтѣкѣ,
 Зѣ одноѣ ййѣ:
 И Орѣну, й Марѣну.
 Катѣрѣну, й Варварѣну
 И Хвѣдѣсю, й Явдѣсю,
 Настѣсю своѣю,
 Шо намѣньшѣю,
 Шо накрѣщѣю.
 Спорѣдѣвшѣ, годувѣла,

*) Кандалы—кайдалы.

Годувѣвшѣ, спорѣжѣла,
 Зѣмыжѣ давѣла:
 Шо Орѣсю за Ивѣна,
 Варварѣну за Ромѣна,
 Катѣрѣну за Дѣмѣда,
 А Марѣну за Дѣмѣда,
 А Хвѣдѣру за Яцѣкѣ,
 А Явдѣху за Грѣцѣкѣ.
 Настѣсю своѣю,
 Шо намѣньшѣю,
 Шо накрѣщѣю—
 За пѣна Самѣйла,
 Найлюбѣзнѣйшаѣ.
 Наймѣлѣйшаѣ,
 Найзвѣчайнѣйшаѣ,
 Вѣ Чѣрнѣчѣ сѣлѣ.
 Тѣшно, бушно до чѣчѣтки
 Пѣназѣйждѣжѣлись:
 Вѣ голубѣнькихъ жупанѣхъ,
 Пѣры яснѣнькихъ шабѣлькѣхъ,
 Вѣ чѣрвѣнькихъ чѣбитѣкѣхъ,
 Та всѣ любѣнькѣ,
 Та й хорѣшѣнькѣ.
 Корѣбѣзы по засѣльѣю
 Позавѣвалѣ,
 Позасѣдѣлѣ,
 Мѣдѣ, вынѣ попѣывѣють,
 Горѣлѣкою поправѣлѣють,—
 Та всѣ любѣнькѣ
 Всѣ хорѣшѣнькѣ.
 Однѣ булѣ шулѣдѣва
 Та й та тудѣ заблѣдѣла.
 Однѣ булѣ волѣсѣна,
 Та й ту гнѣда одкусѣла,
 Шо бѣ у чѣрку нѣ трусѣла.
 Пѣтѣйѣцѣя чѣчѣточка,
 Пѣтѣйѣцѣя лѣбѣдѣчка,—
 Видѣклѣя зѣтѣй,
 Зѣ якѣѣ сѣлѣ?
 Зѣ Кѣрѣкѣйѣвки Ивѣнѣ,
 Зѣ Балѣкѣрѣвки Ромѣнѣ,
 Изъ Лѣтѣвѣки пѣнѣ Дѣмѣдѣ.

А изъ Сѣсонѣки Яцѣкѣ,
 Зѣ Доброслѣбѣвки Грѣцѣкѣ,
 Изъ Чѣрнѣчѣ сѣлѣ
 Пѣнѣ Самѣйло.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю пѣрѣвѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ,
 До пѣна Ивѣна.
 А у пѣна у Ивѣна
 Пожѣвѣлѣся:—
 Якѣ кѣшѣчка, скрѣзь ворѣта
 Подѣвѣлѣся.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю дѣругѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ,
 До пѣна Ромѣна.
 А у пѣна у Ромѣна
 Погулѣла:—
 Якѣ сѣчѣчка, у ворѣтахъ
 Повѣлѣла.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю трѣтѣй дѣнѣ
 До пѣна Дѣмѣда.
 А у пѣна у Дѣмѣда
 Я одѣдалѣ:—
 Зѣ собѣаѣкѣмѣ изъ корѣта
 Поѣбѣдалѣ.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю чѣтѣрѣтѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ,
 До пѣна Дѣмѣда.
 А у пѣна у Дѣмѣда
 Погулѣла:—
 Всѣ чѣрѣчки на пѣднѣсѣ
 Подѣпѣвалѣ,
 И всѣ кѣстѣчки по-пѣдѣ столѣмъ
 Поглѣталѣ.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю пѣятѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ
 До пѣна Яцѣкѣ.
 А у пѣна у Яцѣкѣ
 Погулѣла:—

*) И днѣмъ и нѣчьѣю.

Ступѣ днѣмъ *) у двѣрѣ
 Нѣ буѣла.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю шѣстѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ,
 До пѣна Грѣцѣкѣ.
 А у пѣна у Грѣцѣкѣ
 Я одѣдалѣ:
 Изъ свѣнѣямѣ изъ корѣта
 Поѣбѣдалѣ.
 Одѣ Кѣйѣва до Лубѣнѣ
 Маршѣрѣю сѣмѣй дѣнѣ
 До зѣтѣя своѣѣ
 До пѣна Самѣйла
 Найлюбѣзнѣйшаѣ,
 Наймѣлѣйшаѣ,
 Найзвѣчайнѣйшаѣ,
 Вѣ Чѣрнѣчѣ сѣлѣ.
 А у пѣна у Самѣйла
 Погулѣла:—
 Тѣкаѣючи, рѣки й нѣги
 Поламѣла,
 Повѣвѣртѣла;
 Спѣнка дубѣнѣки
 Скоштѣвалѣ.
 Якѣ побѣгла чѣчѣточка,
 Якѣ побѣгла лѣбѣдѣчка,
 До своѣѣ дѣмѣ,
 До своѣѣ покѣю:
 Гѣтѣ, старѣй, зѣ пѣчи,
 Хотѣ попарѣю плѣчи.
 Лѣчѣ тоѣй, мѣй чѣчѣтѣ,
 Лѣчѣ тоѣй, мѣй старѣй,
 Вѣ своѣмѣ дѣмѣ,
 Та у спѣкѣю.
 Якѣ мѣнѣ, чѣчѣтоѣцѣ,
 Якѣ мѣнѣ, лѣбѣдоѣцѣ,
 По зѣтѣяхъ ходѣть?
 Сѣмѣ зѣтѣвѣ мѣла,
 Бѣдѣй и нѣ дожѣдалѣ,—
 Бѣлѣшѣ нѣ пѣдѣ.
 Бѣдѣй мѣй дѣчѣчки
 Такѣ дожѣдалѣ, якѣ и я.

И Орына, й Марына,
Катерына й Варварына,
И Хведоса, й Явдоса
Настуса мой,
Шо наменьчая,
Шо накрашая,
Щобъ такъ, якъ и я.

165.

Мыша кнышъ проточила,
Муха борщъ пролыла.
Пивинь коня задавивъ,
Ничимъ йихать до млына.

Бабыны конопль
На пичй попрылы.
Сыдятъ кұры на прыпичку,
Пирижкй поййлы.
Дидъ ходо по току,
Баба по горобу,
Дидъ носэ кочергу,
Баба сковороду.
Дидъ баби товча, товча,
Шо нэ скоро блынды пыча
Цыть, диду, нэ бисысь,
Якъ напычу, найисысь.

166.

Зъ вэчера лысыця пьна була,
Нэ вэчэравшэ, спаты лягла
Встала раненько,
Вмылась биленько,
Поснидала.

Звила вола, щэ й барана,
Два горшкй каши,
Чэтйри пташки,
Пичъ перогивъ.

Жинко, чэчитко, голубко мой!
У насъ дитокъ нэбагатычко—

Дэвьятирочко:
И Стыцкд, й Грыцкд,
Трыхайлыкъ, Мыхайлыкъ,
Кулынка, Горпынка,
Савка, та Варька,
Та Иванъ, та я
Зскбчила зъ пэнька.

Плахта рябенька,
Й сама молоденька.
И пальчики знаты,
Що дала йихъ маты.
Пальчики вертилки,
Дайтэ горилки!
Хто пье, той кривыця,
Хто нэ пье, той дивыця.
А мы будэмъ пыть,
Хазийина хвалыть.

167.

Нэ прыдалась муха
Ны шиты, ны прасты,
Тико й прыдалась
У полэ литаты,
Зъ кушинчика сметанку
Збэраты,
Свогд мужа, комаря,
Годуваты.

Полэтивъ комарыкъ
У диброву,
Сивъ—павъ комарыкъ
На дубочку,
Звисывъ нйжки комарёчокъ
Къ корынёчку,
Та й прыслонивъ голёвоньку
До вэршочку.

Дэсь узялысь буйни витры
Та й сколыхалы
Всю зэлэную диброву,—
Й упавъ жэ той комарычокъ,
Та й упавъ додбл.

Ой, стукнуло, грёкнуло
Та шось у лиси.

Мы жъ думалы—та гадалы,
Шо дубъ изломывся,
А то жъ то той комарычокъ
Изъ дуба убывся.

Дэсь узялысь мухи—горюхи,
Й пидхватили комарыка
На билии рёки,
Та понэсли комарыка
У Волуйки.

А въ Волуйкахъ плотнычки
Плотныкуютъ
Комарёви трёночку
Всэ готуютъ.
Чёрнымъ залёзомъ покрывають,
Зэлэнымъ сукномъ застылають,
Золотымъ гвёздыамъ обывають.
Понэсли комаря хоронить
У чистое полэ,
Въ широкэ роздолье,
Къ широкй дорёзи,
Къ высокй могилы.

Тамъ туды ййхавъ
Самъ панъ полковникъ,
Противъ могилы заставься;
Винъ сёму дыву дывувься:
Ой, шо жъ то лэжить
За покбйныкъ?
Чи царъ, чи князь,
Чи полковникъ?

Вонъ жъ ёму й одвичають:
Билэ лычко-комарычко,
Славного гóрода мищанышка.
Оцэ жъ той же й комарыщэ,
Старбйи мухи мужэчйщэ.

168.

Ой, умру я завтра враньци
Та й буду дывыця,
Чи нэ буде мий батенько
По минй журыця?

Батько зажурився,
На стилэць схилывся:
Поховаю свою дочку
Въ вышнэвимъ садбчку.

Ой, умру, умру я
Та й буду дывыця,
Чи нэ буде мой нэнька
За мндю журыця?

Зажурывлась нэнька
Й схилывлась на дочку:
Поховаю свою дочку
Въ вышнэвимъ садбчку!

Ой, умру я, та й умру
Та й стану дывыця,
Чи нэ буде мий братичокъ
По минй журыця?
Братикъ зажурився,
На столыкъ схилывся:
Поховаю свою сестру
Въ вышнэвимъ садбчку.

Ой, умру я навзнаршнэ
Та й стану дывыця,
Чи нэ буде мой сестра
По минй журыця?
Сестра зажуривлась,
На мэнэ схилывлась:
Ой, поховайтэ сестрочку
Въ вышнэвимъ садбчку.

Ой, умру я, та й умру.
Та й буду дывыця,
Чи нэ буде мий мылэнький
По минй журыця?
Мылый зажурився,—
Въ жупанъ нарядывся,
Сидла коня вороного,
Та й йидэ жэныця;
А я жъ якъ зхватюся,
За ёгд вхватуся:
Нэ йидэ жэ, мий мылэсэнький,
Хотъ поки я кóвчусь!
—Пóки ты скончйсься,
То я й ожэнюся;
Пóки тэбэ поховаю,
То я й наживуся.

169.

Повий, витерь, витерочокъ,
Зъ глыббкого яру.
Прыбудъ жэ, мий мылэсэнький,
Зъ далёкого краю.
Та й радъ бэ я прыбываты,
Чужий край далёкий.
Ой, радъ бэ я й сюды взыты,
Та той край нэлэгкий.
Насияла шавлйеньки,
Шо й по тину вьёця,

Й пэрэчула чэрэзъ людэ,
 Що мыйль сьмиецьця.
 Смейся, смейся, скүрей
 сїну!
 Самъ съ посьмїху ходэшъ.
 Й нэ одвўю дивчїноньку
 Зъ рóзуму извóдэшъ...
 Ой, шумїла, шэлэстїла
 Ярая пшэніця,
 Й промїжъ нэю чэрвонїе
 Спїла полонїця.
 Годї тобї, пшэвчонька,
 На кóрни стояты!
 Прыйшóвъ твїй часъ по-
 добонько,
 Замїжъ отдаваты.

170.

Ой, у пóли крїйвїчэнька,
 Тамъ холóдна водїчэнька;
 Тамъ дивчїна воду брала
 Та й изъ пáрвэмъ розмовляла:
 Ой, ты пáрэнь, парэнёчокъ,
 Свáтай мэнэ дивчїноньку!
 —Ой, боўсь твóгò я брата.
 Утрїй хібá свóгò брата,
 Тодї й бóду тэбэ свáтать.
 Ай, у мэнэ на ялїни,
 Тамъ лэжáло тры гáдыны.
 На гáдыну сóнцэ пэчэ,
 А зъ гáдыны утрўй тэчэ.
 Пидстáвъ, дївко, конóвочку
 Пидъ гадючу голóвочку,
 Та втрїй свóгò брата.
 Тїко брáтикъ съ двóру,
 Сэстрá прыйїджáе,
 Утрўй налывáе,
 Брáтикъ помырае.

171.

Ой, чогó ты хóдышь,
 Ой, чогó ты нўдышь?

Хібá ты, Олїна,
 Мого сїна любышь?
 —Якъ бэ нэ любыла,
 То я бь й нэ ходыла.
 Чэрэзъ твóгò сїна,
 Брила Дунай—рїчку,
 Брила й замочїлась.
 Скажутъ усї людэ,
 Що я волочїлась,
 Зъ хлóпцямı любылась.
 По-за-гаемъ, гаемъ,
 Лывкó жїто кóсэ,
 А Лывкóва мáты
 По дворї голóсэ.
 Лывкóва Олїна
 Дэтыну прыносэ:
 —Ой, Лэвкò, Лэвкò,
 Нá твою дытыну.
 Нэ вїзьмышъ дытыны,
 На покїсь покїну,
 Бо я знэмошїла,
 Й на выдў змарнїла.
 Продай чóрну ярку,
 Й наймы ёму няньку.
 —Ой, продáмъ тэлїцю,
 Й наймў молодїцю.

172.

Якъ задўмавъ мужычóкъ
 Мищáночку брáты,
 Вонá ёмў й одспївáла:
 Я нэ бóду жáты.
 Скорїшъ дїлай халабóду,
 Я лэжáты бóду.
 Въ понэдїлокъ пидъ вихтó-
 рокъ.
 Дэнь-дэньскїй лэжáла,
 А въ вихтóрокъ спонївъ сорóкъ
 Пшэніцї нажáла.
 А въ сэрэду вжэ возыла,
 А у чэтвэръ молотыла,
 А въ пьятныцю вїяла,
 А въ субóту мїряла,
 У нэдїльню повэзла,

На базáри продáла,
 Й махóтку купыла,
 Махóточку, чэрэпўшэчку.
 Щэрбу зъ рака варыла
 Та й посóлювала,
 Прыкуштóвувала.
 Хорошáя, прыгóжая,
 Щэрба раковáя,
 Чэкомїсовáя.
 Щэрбу й рака продáла,
 Погóныча наняла.
 Погóнычу молодїй,
 Повэдý мэнэ, напїй—
 До хáтоньки до новóйи,
 До кровáти тырсóвóйи,
 До пэрыни пуховóйи.

173.

Якъ задўмавъ старїй дидъ
 Та й ожэвїтыся:
 Скажїть мїнї, добри лóды,
 Якў мїнї брáты?
 Якъ старў узáты,—
 Нїкому робыты,
 Молодўю взáты,—
 Нэ бóдэ любыты.
 Скажї, скажї молодá,
 Якá въ мэнэ борода?
 —Цапїна борїдка,
 Вэдмэжа похїдка,
 Кошэчїйи бóвы,
 Собáчїйи брóвы,
 И старїй и брїднїй,
 Дидъ нэ въ полюбóви.
 Якъ пойїхавъ старїй дидъ
 Та й на базарїщэ,
 Та й купывъ старїй дидъ
 Та тры нагайїци.
 Пэрвáя нагайка—
 На вóзи лэжáты,
 Дрўгáя нагайка—
 Коня поганáты,
 А трэтя нагайїчка
 Бáбу навучáты:

Скажї, скажї молодá,
 Якá въ мэнэ борода?
 —Шовковáя борїдóчка,
 Козáцькáя похїдóчка,
 Карэнькїйи бóчи,
 Чорвэнькїйи брóвы,—
 Дидъ у полюбóви!

174.

Мыйль жїто продáетъ,
 Мїнї грóшэї нэ даетъ;
 А я зъ рóдомъ ззїйдўся
 И горїлочки напыюся
 За цыбўлю, та за макъ:
 Выйшла замїжъ та нэ такъ.
 Ой, разъ нэ гарáздъ,
 Нэ обмáнэ въ дрўгїй разъ;
 Мэнэ батько якъ оддáвъ,
 Солóмьѧни волы давъ;
 А мий мыйль нэлїнївїй
 На прїпичку годувáвъ,
 Изъ кухлáты напувáвъ,
 Що вэчэра доглядáвъ.
 А я въ пичї топїла
 Та й вóлыки зпалыла.
 Й удалысь жэ кулакї
 За солóмьѧни быкї.
 Кулакáмы пидъ бокáмы,
 И долóнямы по щокáхъ.
 Мыйль хóдэ по горї,
 А я по долыни;
 Мыйль сїе кавуны,
 А я жóвти дїни.
 Дэ жъ твóйи кабаны,
 Шо пойїлы кавуны?
 Дэ жъ ти бїлы свїни,
 Шо пойїлы дїни?
 Ой, пїшла бь я у лїсь,
 Такъ вóвка боўся,
 Бо на тóгò вóвка
 Нэ дóбра помóвка:
 Вївъ у лїси гычэ,—
 Паняночокъ клычэ.

Идутъ дивкѣ въ лись гулять,
А винъ до йихъ та валать...

175.

Розсърдылась жінка
Та й на чоловіка,
Та й на пичъ полізла,
Бўцимъ нездорѣва.

Вставай, мѣла, вставай, мѣла,
Принись тоби пѣва.
Гѣть, гѣть, нѣ докучай!
Нѣ бѣду я жѣва.

Вставай, мѣла, вставай, мѣла,
Я принись горѣлки.

Гѣть, мѣлуй, нѣ докучай,
Посыротѣшь дѣтки!

Вставай, мѣла, вставай, мѣла,
Я принись дубѣну,
Та на твою на гладѣчу,
На товѣстѣчу спѣну!

Якъ зхвѣтыцьця мой мѣла,
Якъа й бувѣла,
Та й вхвѣтила мылѣнького,
Та й поцилувѣла.

176.

На вгорѣди сѣю рѣдку,
Сѣю, поливѣю,
Ростѣ, рѣдко, ростѣ чѣпур-
нѣнько:

На зѣму сховѣю.

А я рѣдки щѣ й нѣ йѣла,
Та кажѣ: гиркѣя;
Щѣ й свѣкрѣхи нѣ выдѣла,
Та кажѣ: лыхѣя.

Якъ пидѣ я до свѣкрѣхи
Постѣль бѣлу слѣты,
Качѣлочку въ головѣчку,
А рубѣль пидѣ бѣки;

Лѣтай, нѣнько, тутѣ мѣякѣнько,
Й нѣ нападѣть врѣки.
Лѣтай, нѣнько, самѣ слѣла,
Й, бѣдай, нѣ вставѣла,

Якъ ты мою головѣньку
Та й наклѣпотѣла...

Лѣжѣть (вляглась) мѣты на
кровѣти,

Сынѣ хѣдѣ по хѣти
Й пытѣйцѣця сынѣ мѣтери:
Якъу жѣнку брѣты?

Чи такѣю—богѣтую,
Шѣ хорошѣ хѣдѣ;
Чи такѣю—убѣгѣю,
Шѣ хорошѣ (дѣлѣчко) рѣбѣ?

—„Богѣтая—губѣтая,
Бычки та тѣлычки,
А вбѣгая—хорѣшая,
Чѣрни чѣрѣвычѣки.

Вѣ богѣтойи—губѣтойи
Ввѣсь двѣрь на помѣсти,
А вѣ бѣднойи, хорѣшойи—
Щѣо вѣчѣра гѣсти.

Вѣ богѣтойи—губѣтойи
Рушнѣкъ на кѣлочѣку,
А вѣ бѣднойи, хорѣшойи
Брѣвки на шнѣрѣчку.

177.

Ой, ишлѣ Олѣна

Издѣ ярмарѣку пѣяна,
Й на порѣзи впѣла.

Якъ бѣ нѣнька дѣбра.—

Взѣлѣ бѣ на полтѣну
Цѣлѣньѣку квартѣну,
Й зѣзвѣла бѣ родѣнку,
Вмѣсьти бѣ й выпѣвѣлы,

Зѣ рѣдомѣ погулѣлы.

Якъ бѣ явѣй чѣловѣкъ,
Та бувѣ бѣ винѣ дѣбрѣй,
Та взѣвѣ батѣгѣ дѣвѣгий,

Та взѣвѣ жѣнку вѣчѣты,
Якъ горѣлку пыты;
Та взѣвѣ йѣйи гнѣты
До сѣмойи хѣты...

178.

Якъ ишлѣ Марѣяна
Издѣ шѣночку пѣяна,
Й зострѣлы Марѣяну
Чѣтыри улѣны,
Чѣтыри солдѣты,
—Та вси й нѣжѣнѣти.

Та сидѣй, Марѣяно,
У новѣ колѣасѣку
Й пойдѣмѣ, Марѣяно,
До нѣшого пѣана.

А вѣ нѣшого пѣана
Ввѣсь двѣрь на начѣли:
Бугѣй у капкѣни,

Свѣнѣ вѣ шѣрахвѣни,
Сѣчка у спѣдѣнѣци,
Хѣдѣ по свѣтлѣци,
Музѣйѣку наймѣе;

А музѣйка грѣе,
Й чѣрнѣйи цѣгѣны

Вдѣрылы вѣ вѣгрѣны,

А чѣрнѣйи кѣры

Загрѣлы у трѣбы.

Вѣ жѣ, сѣрийи гѣсы,

Загрѣйтѣ у гѣсли,

Вѣ, чѣрни вѣндыки,

Загрѣйтѣ вѣ музѣйки.

179.

Скажѣ, мѣлая мой,

Та й нѣ бѣйсь мѣнѣ:

Вѣдѣкѣль гѣсѣтѣюшки булѣ

У тѣбѣ бизѣ мѣнѣ?

—Самѣ панѣ зѣ Пѣтѣнбѣурѣха,

Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий

Издѣ Москѣвы!

—Рѣскажѣжѣ ты, мой мѣла,

Чѣмѣ ты гѣсѣтѣюшѣкѣ вѣ гѣстѣла,
Щѣо закѣсѣювалѣ?

—Самѣ панѣ гѣсѣй, кѣрѣй,

Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий—

Лѣбѣдѣй“.

—Скажѣ, мѣлая мой,

Рѣскажѣ минѣ, рѣдѣнѣ:

Та дѣ жѣ тѣйи гѣсѣтѣюшки
Спѣты полѣгѣлы?

—Самѣ панѣ на пѣрѣнѣ,
Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий на полѣ.

Скажѣ жѣ, скажѣ, мѣла,

Чѣмѣ гѣстѣй укѣрѣла?

—„Самѣ панѣ кѣцѣнѣю,
Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий—рѣдѣ-
нѣнѣю.

Скажѣ, скажѣ, нѣ казѣла,—
Чѣмѣ гѣсѣтѣюшѣкѣ вѣ умѣвѣла?

—Самѣ панѣ умѣвѣсь водѣю,
Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий та й слѣ-
зѣю..

Скажѣ, мѣлая мой,
Чѣмѣ гѣстѣй ты утѣрѣла?

—Пѣана бѣлымѣ рушнѣчѣ-
кѣмѣ,

Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий рука-
вѣмѣ,

Ой, чѣмѣ жѣ, скажѣ, мѣла,

Тѣбѣ гѣсѣтѣюшки дарѣлы,

—Самѣ панѣ дарѣвѣ дѣкѣты,
Пѣльсѣкий, Тѣрьсѣкий та й
гранѣты.

180.

Чѣдо, чѣдо, чудѣсѣя

Та й изѣ нѣшого Мѣсѣя:

А Мѣсѣя нѣмѣ дѣма,—

Мѣсѣй чѣмакѣе.

Якъ прѣйѣхѣвѣ винѣ до дѣму
Й кѣнѣвѣсь до барѣла.

—Ой, дѣ жѣ, жѣнѣко, горѣлочѣка
Дѣвѣлѣсь зѣ барѣла?

—„Свѣнѣ бѣгла й обѣрнѣла,
Тѣмѣ внѣзѣ й ворѣнка“.

—Ой, брѣшишѣ ты, жѣнѣко,
Ой, брѣшишѣ, брѣхѣхо:

Пѣдѣ барѣломѣ скрѣизѣ дѣ-
вѣвѣсь,

Такѣ тѣмѣчки сѣхо!

Якъ удáрывъ Мусий жінку
Въ саміснѣхъ вѣхо,—
—Ой, цуръ тобѣ—пэкъ, Мусію.
„Цуръ тобѣ, нѣ бійся!
Сидлай рябѣ кобылыну.
Та йидь на долину.
На долини чумачѣньки
Табуромъ стоялы.

Вонѣ табуромъ стоялы,
Пылы та гулялы.

Забалакалысь зо мною
Й грóшэй нѣ давалы.

Одѣнь сыдыть на вийячку,
Грóшики щитаѣ,
Другий сыдыть на важныци,
Въ кишѣню ховаѣ,
Трѣтий хóдѣ по табѣри
Мусія вблагаѣ:

—Ой, спасѣби, братъ, Мусіе,
Та й за твою жінку
Що вонѣ въ нѣждѣ спасаѣ,
Й нѣмы нѣ гнуцаѣ,
Й за тѣ, що пылы-гулялы,
Й грóшэй нѣ давалы.

181.

Якъ вѣйду я за ворóта,
Стойть трáвка, якъ болóто;
Якъ вѣйду я за новѣйи,
Тамъ трáвонька зелѣніе.

Скризь трáвонька зелѣніе,
А у мѣнѣ сѣрце нѣе;
Вонó нѣе, понываѣ,
Що дóсы мѣлого нѣмаѣ.
(Що мылѣнькаго нѣмаѣ).

А ось свить билѣнький:
Идѣ мий мылѣнький,
Сѣрымы волáмы,
Зѣ чóрнымы бровáмы.

—Ой, дѣ жъ, мѣлый, плѣвся,
Та й дѣ жъ волочѣвся,
Нѣшнóю добóю,
Зѣ чужóю жинóю?

—Чужá жінка лѣчча,
Чужá жінка й крáща—
У хрѣстáхъ, въ нѣмысьти,
И пидийшла пидъ мѣсли.
Й рушнѣкъ на килóчку;
Брѣвки на шнурóчку.
Рушнѣкъ зѣ килка мѣе,
А вонѣ моргáе...

182.

Та ходѣвъ чумáкъ,
Та ходѣвъ бурлáкъ
Симъ годъ по Крымѣ,
Та й нѣ случáлось
Тий прычѣновѣки
Й одъ рóду ёмѣ.
Ой, случѣлася
Та прычѣновѣка,

Изъ Крымѣ йдучѣ,
Щѣ й пидъ бѣлоу
Та бѣрѣзоу
Волѣвъ пасучѣ:
Ой, усѣ волѣ
Та й похворáлысь,
Й чумáкъ занѣмѣгъ.

Ой, болять рѣчки,
Та болять нѣжки,
Й болять головá.
Та тоскá, цѣчáль
Та на сѣрдѣньку,
Нѣхтó та й нѣ зна.

А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ дзвинѣ:
То жъ по тóму чумáкови,
Що ходѣвъ у Крымѣ;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ два:
То жъ по тóму чумáкови,
Що дóма нѣмá;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ тры:
То жъ по тóму чумáкови,
Що сѣри волѣ;

А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ чотѣри:
То жъ по тóму чумáкови,
Що волѣ спочѣлы;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ пѣть:
То жъ по тóму чумáкови,
Що возѣ рыплáть;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ шѣсьть:
То жъ по тóму чумáкови,
Що прѣйшла вжѣ вѣсьть;
А въ гóроди Качавáни
Удáрылы въ симъ:
То жъ по тóму чумáкови,
Що ходѣвъ по сѣль.

183.

Якъ вѣйду я на могѣлу,
Та й глѣну я на Вкрайѣну,—
На Вкрайѣни дóбрѣ жѣты:
Тамъ нѣ жáты, нѣ косѣты,
Тѣко горѣлочку пыты.
Ой, пишóвъ бѣ я до дóму,
Такъ боѣюся поговóру.
Дóма бѣдуть мѣнѣ бѣты,
Та й застáвлять щѣ й робѣты.
А чумáкъ той нѣздорѣвъ,
Пропѣвъ сѣрыхъ двохъ корѣвъ.
Пропѣвъ волѣ, пропѣвъ возѣ,
Пропѣвъ ярма и занóзы,
Пропѣвъ штáны и сорѣчку,
А самъ сыдыть у шѣночку,
Та й пѣ чумáкъ горѣлочку.
Ой, та жъ нѣ самъ пѣ-гуляѣ,
Товарѣство напуваѣ,
Щобъ булó дóбрѣ мѣжъ нѣмы,
Й щобъ бизъ ёгó нѣ ходѣлы.
А въ нѣдѣллѣньку у рáнци
Чумáкъ лáпа у кармáньци:
Вчóра тутъ дзвинѣлы грóши,
А сѣгóдня лáзятъ вóши.
Вчóра нѣтъ бѣ стѣпѣнѣцьця,
А то й нѣчимъ похмѣлѣцьця.

Ты. дѣвчѣно, бѣйся Бóга!
Пожалѣй мѣнѣ нѣбóга:
Звѣрнѣ грóшѣй, стѣко знай
Й мѣнѣ зѣ шѣнку вырѣжáй.
Та звѣрнѣ, хай бѣ тобѣ грѣць,
Мѣнѣ пѣстѣнький гамáнѣць!
Та дѣвчѣна трѣцьця, мнѣцьця,
Одвѣрнѣцьця й засмѣцьця
Зѣ того чумáкá,
Зѣ того голякá.

184.

Ой, чогó жъ ты, голубѣчокъ,
Нѣ лѣтышь до мѣнѣ,
Самъ бо знáйишь: я молодá,
Скучáю бизъ тѣбѣ?

Чи ты, мѣлый голубѣчѣкъ,
Дорѣжки нѣ знáйишь,
Чи шо такѣ прѣключѣлось,
Та тѣперъ й вылѣйишь?

Чи ты дѣ, мий карѣбкий,
Сыдышь у нѣвóли,
Чи кохáйишь чужѣ брѣви,
Вѣ чужѣни, на вóли?

—„Ой, попáвся у нѣвóлу,
У вѣ острѣгъ кацáпсѣкий.
Якъ подѣвѣсься по ёму,
Бѣцимъ тѣрѣмъ цáрьсѣкий.
Тѣко нѣтъ тамъ дѣвѣрѣй, вѣ-
конѣ,—

Трубá дѣмовáя.
А зѣ тѣѣи трубѣ мѣла
Дѣмѣкъ подѣхáе,
А по тому та дѣмѣчку
Лáстѣвка лѣтаѣ,
Чѣшѣ кѣдри, чѣшѣ чѣрни,
Й мѣнѣ розвáгаѣ...

То жъ нѣ лáстѣвка лѣтáла,
А душá мылѣйи,
Спускáлася по дѣмѣчку
Зѣ жѣнки молодѣйи.
Прѣнѣсыла молодѣнька
Чѣрвѣный платѣчокъ,

Й утэрала карі бчи
Та щэ й и выдочокъ...

185.

Ой, дэ жъ той цвиточокъ ди-
вався,
Шо долыну украшавъ?
Ой, дэ жъ той дружокъ же-
ныхався,
Шо словáмы улещавъ?

Улэстывъ мыйый, недобрый,
Я й ввйрила на рэчáхъ;
Самъ поййхавъ, мэнэ брб-
сывъ,

Щэ й манэнькэ на рукахъ,
А малютку звать Анютка,
Розбизщасное дытэ,
Чэрэзъ тэбэ, дитя моё,
Роспроклáтое життьё!

Дивкй дужэ цураюцьця
На вўлыцю водыты,
Вси глүзүють, вь вичи кб-
лють,

Шо схотйла любйты.
Чэрэзъ тэбэ, дэтынятко,
Пидў вь морэ, утоплюсь,
Й циею рўсою косю

Уся тйломь оснүюсь.

Зь жалю морэ сколыхнэцьця,
Я сама заголосю,
Та й лэнтою голубою
Усэ горэ закрáсю!...

186.

А шахтёры-жыводёры:
Роскопáлы бугры, горы;
А шахтёры молодьцы:
Вонь хóдять якъ кушцы,
Табáкъ курятъ, водку пьють,
Пидь зэмляю кáминь быють.
Стáнэ на що жйтъ, купйтъ,
Та й дивчáтокъ подарыть.

Чимъ шахтёрови жэньцыця,
Лўччэ вь кабáкъ завáлыцьця.
Лўччэ грóши вси пропйтъ
Чимъ вь законный бракъ всту-
пйтъ.

Жинокъ мóжно намъ на-
жйтъ,
Объ йихъ нйчого тужйтъ;
Объ обидови шахтёру
Треба дўжчэ дорожйтъ.

187.

Ты, розсўкинъ сынъ, лакэй,
Дэ ты бувъ, пробувавъ,
Дэ цю нйчку почувавъ?
—Ой, у вáшому дворй,
Вь высóкому тэрэмй.
Зь вáшэй дóчэнькою,
Зь вáшэй Мáшэнькою.

—Ты, розсўкинъ сынъ, лакэй,
На що скáзываешъ?

—Бáрыня, судáрыня,
На що спрáлииваешъ?

—Ахъ, розсукйнкъ сынъ, лакэй,
У солдáты оддамъ!

—Бáрыня, судáрыня,
Самъ охóтою идў,
Й пáру кóнэй увэзў,
Вь колясочку запряжў
Й вáшу дóчку завэдў.

По-за вáшимъ та й дворомъ—
Сйзымъ, яснымъ соколóмъ,

По-за гóрныцэю—
Сйзой брлыцэю,

По-надъ ярушкою—
Сйрымъ зáюшкою.

188.

Я, ты Кóля, Коляша,
Якá минй журбáша?
Я нэ знаю, що робйты,
Чи покйнуть, чи любйты?

Якъ покйну, —жáлко будэ,
Й судытымуть врэжи лўды.
Судытымуть панычй,
Шо у сйнимъ сиртудй,
Выбойчанийи штанычй,
Й балалáйка у руцй.
Балалáйка бубунйтъ,
Про мйлую говорйтъ:

—Тамъ Кáтька гуляла,
(Зь) симы кáртамь грáла,
Грáла, грáла, выгравáла,
Пидкозýрювала...

Ой, ты, Кáтя, Катэры́на,
Розмалёвана картй́на,
По й узóрамъ вышивáла,
Й охвыцэра дожидáла.

Й охвыцэрикъ молодой,
Й одвэдй мэнэ домой.
Мий домóчокъ на горй,
Тры вйкóньця во дворй.

А тамъ рóжа цвитэтъ,
Й охвыцэръ Кáтю вэдэтъ,
Вжэ та й рóжа одцвилá,
А Катрýси, знай, нэмá...

189.

Марўся по бэрэжку ходйла,
Марўсэнька у авиль* вступйла,
Линйва, соннйва, та й нэвйльна,
Й якъ схотйла, взяла й нэ ро-
бйла.

Сэрэдъ двóру комóря стояла,
Вь тий комйрьци свйчонька
налáла,

А тамъ мáты сйна навучáла:
Сидлáй, сйнку, бйлую ко-
бйлку,

Панáй, сйнку, на ярмарокъ,
пйшки,

Купйй, сйнку, рэмйньныйи вйж-
ки,

Та вяжй жйньцы рўчки и нйжки.

*) Трава.

Та сидлáй, сйнку, бйлу кобйлку,
Й панáй, сйнку, за кáмьяну
лáвку,
Купйй, сйнку, дротяну на-
гайку,

Та й бйй жйнку зь вэчэра
до рáнку.

Ой, зь вэчэра нагайка шу-
мйла,

А вь дóсвита мйла одубйла.—
Лэжйтъ мйла, якъ пичйнка,
сйня.

Ой, ты жъ мáты, порáдныця вь
хáти,

Порáдь тэпэръ, шо будэмъ ро-
бйты?

—Та сидлáй, сйнку, бйлу
кобйлку,
Й панáй, сйнку, поййй ро-
дйнку.

—Ой, тэпэръ намъ, мáты,
Рóду нэ збырáты,
Тэпэръ жэ намъ, мáты,
Тюрьмы нэ мынáты.

Тобй самйй жйтъ,
А минй сидáты,

Та й тымъ, чомў вчйла,
Тэбэ помынáты.

190.

Ой, на горй хáтка,
Пидъ горóю клáдка,
Тамъ булй, выбувáлы,
Молодй дивчáтка:

Одна Колярйвна,
Дру́га Малярйвна,
Трэ́тя, дóбрэ знаю,
Бу́ла Тэмошйвна.

Пидййшла подъ хáту,
Та ногóю тупъ-тупъ:

Вййды, вййды, Васйлэчко,
Вжэ давнó я тутъ-тутъ!

Ой, нэ выйшовъ Васыльчко,
Выйшла ёго маты,—
Просю, дѣчко, нэвисточко,
Вэчэраты вѣ хату.
—Ой, спасіѣ, матусэнько,
За вашу вэчэрю,
Я шось нэздорова,
Цэ я прыйшла на дѣвидки,
Чи Васылько дѣма?..
Ой, на горі хатка,
Пидь горѣю клѣдка;
Нэ покидай, Васыльчко,
Риднэнького бѣтка.
Якѣ бѣтка покінэшь,
То й на ридцѣ бѣстрий
Мѣрно ты погінэшь.

191.

Ой, вы бѣбушки,
Вы козѣбушки,
Вы нэвѣльнойи,
Вы роскошнойи.
Тута жѣ намѣ попыты
Тута жѣ намѣ погуляты:
Чоловѣка нѣма дѣма,
Та й нѣкому рѣвнуватѣ.
Ой, свѣкорѣ ты, бѣтѣшко,
Пустѣ жѣ мѣнѣ погуляты!
—Я и кѣжу спусѣтѣ
И гуляты нэ пусѣтѣ.
Ой, кѣжа волѣчѣцѣя,
А гуляты всѣ жѣ хѣчѣцѣя.
А якѣ кѣжу пидбѣрѣ,
То й гуляты пиддѣ.
Кѣры заспивѣлы,
А пивнѣ нэ всѣпылы;
Зорѣ пиднялѣся,
Й бѣдѣ лучилѣся:
Забѣрѣ хлѣпцѣ розибѣрѣлы,
Та й конѣ укрѣлы.
А за тѣго та конѣ
Сѣна матѣ пынѣла:
—Ой, шо жѣ ты за сынѣ,

Та й шо за хѣзѣйинѣ,
Шѣ ты жѣнки нэ бѣешѣ
Й на путѣ нэ навѣдышѣ?
—Постывѣй же тѣперѣ, мѣмо,
Зѣйзѣдѣю вѣ ярмарѣчѣкѣ,
Та й куплѣ тамѣ плѣтку,
Й бѣдѣу жѣнку вѣчитѣ, навѣчатѣ,
Якѣ конѣки вѣ доглядѣтѣ.

192.

Ой, бѣла, бѣла,
Погѣдушѣка зѣ мѣря;
Ой, ййхавѣ-же, ййхавѣ,
Мѣй мѣлыи изѣ полѣя.
Та й вставѣ, прѣвѣзавѣ
Конѣ до подвѣрѣя,
А самѣ пишѣвѣ вѣ гѣсѣти
До мѣлѣсѣнькойи.
Здрѣстуй, Мѣшѣнька,
Здрѣстуй, дѣшѣнька!
Та чѣгѣ жѣ ты такѣ
На лѣчѣньку стѣла?
Чи ты захвѣрѣла,
Чи хѣ тѣбѣ, мѣлу,
По лѣчѣньку вѣдѣры вѣ?
—Ой, вѣдѣры вѣ же, вѣдѣры вѣ
Рѣзѣкинѣ сынѣ вѣрварѣ,
Ой, вѣдѣры вѣ жѣ, вѣдѣры вѣ—
Рѣмѣньцѣ надбѣавѣ вѣ.
Вмру, й жѣивѣ нѣ бѣду,
Зрѣбѣ жѣ минѣ мѣлыи,
Олѣновѣу трѣну!
—Нѣгдѣ, мѣла, нѣгдѣ, лѣба,
Олѣновѣки вѣзѣты;
Бѣдѣшѣ, мѣла, чѣрнобѣрѣва,
Вѣ дѣбѣвий лѣжѣты.
—Ой, дѣй минѣ, мѣлыи,
Крѣмнѣю сорѣчку,
Та й самѣ похѣвѣйшѣ
Вѣ вышнѣвѣмѣ садѣчку—
На свѣомѣу, мѣлѣсѣнькийи,
На чѣсѣтимѣ слѣдѣчку.

А якѣ колѣ бѣдѣшѣ.
По сѣду хѣдѣты,
Та шѣ й малѣхѣ дѣтокѣ
За рѣки водѣты,
Шѣ й однѣ манѣнькѣ
На руѣкахѣ носѣты,
То бѣдѣшѣ, мѣлѣнькийи,
Тамѣ мѣнѣ просѣты:—
Устѣнѣ, устѣнѣ, мѣй мѣла,—
Рѣсплѣкалѣся, рѣзрѣдѣлѣся
Малѣнька дѣтѣна!

193.

Тѣмѣнѣ яромѣ кѣтѣцѣя,
Гулѣтѣ пѣрнѣу хѣчѣцѣя.
Гулѣй, гулѣй молѣдѣцѣ,
Кѣлѣ тѣбѣ вѣлѣ есѣтѣ.
А якѣ минѣ гулѣты,
Бѣрѣтѣ мѣнѣ вѣ салѣдѣты.
Тѣдѣй, дѣвѣчино, заплѣчѣшѣ,
Якѣ вѣ стрѣю мѣнѣ побѣ-
чишѣ.

Ой, у стрѣю, у стрѣю,
На гнѣдѣнькомѣ конѣу,
На чѣркѣськомѣ сидлѣу,
У салѣдѣцькомѣ вѣбраннѣу;
Рѣужѣ бѣду зарѣжѣтѣ
Свѣгѣ Цѣрѣ звѣсѣлѣтѣ.

194.

Тѣ вѣрбѣ, тѣ вѣрбѣ,
Тѣ кудрѣвѣнькая,
Во й дѣ кудѣрѣвѣнькая.
Ой, дѣ жѣ ты зѣйшлѣ,
Дѣ ты вѣрослѣ?
—Я зѣйшлѣ на лѣжѣкѣ
На крѣтѣомѣ бѣрѣжѣкѣ.
Тамѣ сидѣла пѣзно Мѣша,
Зѣ вѣчѣра однѣ,
Й зажѣгѣла свѣчѣу
Вѣску яромѣ,
Дѣжѣдѣла тамѣ дѣужѣкѣ

Вѣзлѣобѣзѣного.
Нѣ стѣчитѣ, нѣ грѣчитѣ
Вѣ подѣвшѣ улѣчки,
Застѣчитѣ загрѣмѣтѣ
Пидѣ оѣшѣчѣкѣ.
Ой, нѣ вѣрѣ жѣ прѣйшѣвѣ,
Нѣ розбѣйничѣкѣ;
А до тѣбѣ прѣйшѣвѣ
Пѣлюбѣвничѣкѣ.
Ой, нѣ вѣ гѣсти прѣйшѣвѣ,
Й нѣ гѣстѣтѣся;
Я до тѣбѣ прѣйшѣвѣ
Распрѣсѣтѣся,—
Чи дозвѣлышѣ, дѣша,
Ожѣнѣтѣся?
—Ожѣнѣсь, ожѣнѣсь,
Разѣдѣлѣй молѣдѣцѣ,
Та й вѣзѣмѣ собѣ крѣсѣтѣку,
Крѣснѣу дѣвѣушѣку мѣю,
Пѣдѣрѣжѣку рѣднѣю,
Сѣстрѣцѣю мѣю.

195.

Гулѣла дѣвѣчѣна
Вѣ зѣлѣнимѣ садѣу,
Та й жѣла тѣмѣ, жѣла
Мѣлку осѣкѣ—
Й нѣ вѣзѣачѣла та дѣвѣчѣна
Смѣртѣннѣу змѣю,
Й настѣпѣла нѣжѣнькѣю
На гѣдѣючу гѣловѣу.
Ой, вѣкусѣла жѣ тѣ дѣвѣчѣнку
Вѣ нѣгу лѣутѣя змѣй,
Й прѣкѣлѣчѣлѣся тѣй дѣвѣчѣнѣцѣ
За одѣнѣ дѣнѣкѣ бѣдѣ.
—Ой, мѣмѣчѣкѣ рѣднѣсѣнька,
Идѣ за попѣмѣ.
—Ой, дѣнѣшѣкѣ, дѣнѣшѣкѣ,
Нѣмѣ попѣ дѣма.
—Рѣднѣсѣнька мѣтинѣчѣкѣ.
Хѣчѣ за лѣкарѣмѣ пидѣ.
—Ой, рѣднѣнька дѣчѣушѣка,
До насѣ винѣ нѣ пидѣ.

Ой, мамусю, мамусю,
Вжэ жь мэнэ винь знае.
Молодэнький ликарёкь
Мэнэ сподобае...

Скачэ, скачэ ликарёкь
Вэрхи на коні,
Дойижжае до двора,
Кэпочку здиймае,

Кэпочку здиймае,
Чэлómъ оддаётъ:
Здоровъ, мой Машурочка,
Чи ты щэ жива.

—Кругомъ плохэ здорóвьячко,
Й сама чуть жива.

—Ты скажи ка, Марусенька,
Чимъ ты нэможна?

—Грудью, сэрцэмъ нездорóва,
Живиткóмъ хвораю,
Шо сь якъ бóдто тамъ стрыбае,
И сама нэ знаю...

196.

Вылитáла птýчка
Самá нэвэлýчка.

Чорнáвая мой,
Чорнобрáвая мой:
Чорнобрáва, черноóка,
Роскудрáва голова!
Роскудрá-кудрá-кудрáва,
Роскудрáва голова!

Вылитáла й дрýга
Зь зэлэного лýга.

Чорнáвая мой, и т. д.
Вылитáла й трэтя
Изъ-пидъ очэрэта.

Чорнáвая мой, и т. д.
Вылитáла пýята
Самá довгопýята.

Чорнáвая мой, и т. д.
Вылитáла пбста
Самá довгохвбста.

Чорнáвая мой, и т. д.

Приспéва

197.

Нэ оддавъ мэнэ бáтько
Та й за чоловйчка,
Та й оддавъ винь мэнэ
За розбóйнычка.

Ой, лýхо, розбóйнычокъ,
Винь лыхий чоловйкъ:
Якъ дэвёкъ настанэ,
Винь лэжить й нэ встанэ.

А якъ звэчэрíе,
Кóныка сидлае;

Нйчэнька жь настанэ,
Зь двóру виййжджае.

А вжэ опивъ-ночи
Розбóй розывае;
Всвйти прыййжджае,
На мэнэ гукáе:

—Вставáй, мýла, чернобрíва,
Вэзý стрйбло, злáто,
Вэзý хрэсты и дукáты
И всёго багáто.

Якъ глянóула на хрэсты,—
Хрэсты риднойи сэстры,
Якъ пидняла плáтэтя,—
Тожь зь ридного брáтэтя.

—Ой, бодáй ты, мой мýла,
Цёгò й нэ сказáла:
Нэ я убывъ твою риднóу,
Тэмна ничь спиткáла.

198.

Сызый орэлъ та й купáецьця,
Сызый орэлъ та й питáецьця:
Ой, чимъ зэмля сокрушáецьця?
—Долыно́у та мугíлоу,

Щэ й чóрноу чэрэшнйно́у
Ой, пидъ тиéю чэрэшнйно́у
Сыдйвъ парэнь изъ дивчйно́у.

Витэрь дуба хилáе,

Козáкъ дйвку пытае:

—Ой дйвчино, дйвчйнонько,
Чи á ты на врóду?

—Нэ пытай ты мэнэ,

Нэ кохáвъ ты мэнэ.
Кохáвъ мэнэ бáтько,
Вйкохала мáты.

Та й нэ мáлы знáты
Й нэ мáлы гадáты
Дэ бóду тыня́цьця,
Дóлэньки шукáты.

Ой, нэ мáлы знáты,
Кóму я достáнусь,
Кóму замышлáты,
Рýки потыра́ты.

199.

Сыдйтъ гóлубъ на дубу
Й загравае у трубу;
Пытае сынй́ця,
Келы намъ жэны́цьця?

—У субóту, пидъ Пётра,
Й горй́лочки пивъ видра,
Щэ й корóбку сймá,
Прóсымъ на висй́лля!

201.

Ой, добрáчий свитъ, Мыкóла господы́нь,
Всймъ прыгóжий той Пáвловычъ дворяны́нь:
Винь изъ тй́сячи на тй́сячу ступáвъ,
Мыли́енамы по гóроду шибáвъ.

А рублáмы самъ сарáйи покрывáвъ,
Золотымъ копёмъ ворóта запывáвъ,
Всйхъ сырй́токъ изъ нэвóли выкупáвъ.

Вы, сырй́тки, вы, сырй́точки мойй,
Помоли́цьця тэпэрь Бóгу обо мни,
Попросй́тъ, щобъ Богъ помылóуавъ мэнэ,
Ой, щобъ бувъ жэ я хозáйиномъ надъ гóродомъ
Й губэрнáторомъ надъ губэрнёю,
Й хозáйиномъ у свойимъ домý.

202.

—Скажи, скажи, мой мýла,
Зь якйхъ пиръ любй́ты стáла?
—Я зь тыхъ пиръ любй́ты стáла,
Якъ у сáдыку гулáла,
У сáдыку, у сáдóчку—
Изирвáла два я́блúчка,

Бóдутъ старй й дй́ты
На пичй сидй́ты.
На висй́лля грáють,
Гóстэньки гулáють.

200.

За рй́чкоу хлыгилёчокъ,
Живэть Вáня парэ́нчокъ;
Голубушка вь тэрэмй.

Вь тимъ во тэрэмй кумá
Мукý сйе, высывáе,
Оды́нь пылóкъ выбывáе,
Калáчикивь напикáе,
И за рй́чушку посылае.

А той Вáня нэ прыймае,—
Калáчики одсылáе:

Ой, такъ, кумá, кумá мой,
Ой, такъ нэ годй́цьця,
Щобъ зь попáмы та дякáмы
И зь попóвымы батракáмы
Тобй волочй́цьця!

Самá собй роскусй́ла,
Та й пáрня полюбй́ла.

Пэрэчýла чэрэзъ лóды,
Що мий мýлый нездорóвъ...
А мий мýлый, чернобрй́вий,
Лýччэ ёгò вь свй́ти нитъ:
Мýмо горны́чни прохóдэ,
И вь викóньцэ нэ глядй́тъ.

А на томѹ та виконьци
Лажала прымита,
Зъ винограду квітка.
Виноградыкъ той ростѣ,
Соловѣйко тамъ поѣ.

Виноградъ ростѣ на вѣтци,
А канарушка у клѣтци.
—Лучче бѣ цѣго та й нѣ знала,
Й нѣ знакома бѣ я була.
То й сѣрцѣмъ нѣ болѣла бѣ
И ничія бѣ я була.

203.

Ой, по хати я ходыла,
Тамъ труба трубыла;
Та труба трубыла,
Зъ мѣлымъ говорила:
—Ой ты, мѣлый, мѣлый мий,
Розкудрѣвый, хто зна чий!
Нѣ сидай ты прѣты мѣнѣ,
Скажуть людѣ: любышъ мѣнѣ
Колы любышъ, такъ любысь,
Якъ нѣ хочѣшъ, то й одкинъсь.
Колы любышъ, —любѣ двѣчи,
А нѣ любышъ, —скажи въ вѣчи.

204.

Пишла жѣнка на базаръ
Хмѣлю купуваты,
Й зоставила мѣнѣ дома
Йийй дожидаты.
(Дитѣй доглядаты)
Ждавъ я дѣнь зъ базарю,
Жду й другий, —нѣ маѣ,
Та й пишѣвъ шукаты,
Жидѣвки пытаты.
Ой, идѹ жѣ я у кабакъ
Жѣнку ратуваты;
Ходимъ, мѣлая, до дому
Ходимъ, любая, до дому!
Ой, нѣ пидѹ, мий мылѣнький,
И далѣби нѣ пидѹ,

Поки напыюсь горѣлочки,
Гарнѣнькойи доладѹ.

Тодѣ пидѹ, мий мылѣнький,
Якъ напыюсь у волю,
Самѣ пидѹ до домоньку
И ввольню твою волю.

А мий мѣлый пѣе, гуляе,
У виконьцѣ позырае;
Куда вѣтѣрь вѣе,
Туда винъ и пидѣ...

Нѣ журѣсь, дивкамы
Назадъ въ двоухъ мы прѣйдѣмъ
Ой, погѣбъ биднѣжѣчка,
Погѣбъ навсѣгда

Та й йдѹтъ скризъ рѣшѣточку
Молодѣ литѣ.
Батька винъ зарѣзавъ,
А мѣтирѣ убѣвъ;

Рѣднѹю сѣстрицю
У мѣри втопывъ,
Свою жѣ мѣлу горѣлкою
До смѣрты спойивъ.
Погѣбъ вызавѣнцѣ,
Погѣбъ навсѣгда

205.

Ой, пѣе чумакъ горѣлочку,
А жидѣвка сѣпѣ,
Сѣпѣ, напываѣе.
Чумакъ зъ горѣ хѣлѣ,
Хѣлѣ й выпываѣе.
Стойитъ жѣнка у порѣзи,
Слѣзы проливѣаѣе.
Нѣ плачъ, жѣнко, нѣ журѣсь,
Колы така дѣля:
Пропѣвъ волю, пропѣвъ возѣ,
Ярма и занѣзы.
Уставъ чумакъ враньци,
Й полапавъ у гаманьци;
Вчѣра грѣшѣй булѣ мноґо,
А сѣгодня нѣтъ ничѣго,
Нѣчимъ й похмѣлыцѣя.

206

Якъ вѣйду я за ворѣта,
Стойитъ трава, якъ болѣто.
Якъ вѣйду я за новѣйи,—
Вся травонька зелѣнѣаѣе.

Моѣ сѣрцѣ мѣе,
Мѣе, сомливѣаѣе,
Що й дѣсы до-дому
Мѣлого вѣмаѣе.

Ужѣ й свѣтъ билѣнький,
Идѣ мий мылѣнький
Зъ сѣрыми воламы,
Зъ чѣрными бровѣама.

Ой, де, мылый, шлѣвся
Шлѣвся-волочѣвся?
Нишнѣю добѣю,
Зъ чужѣю жѣноѣю;

Чужѣа жѣнка лѣчча
Й на лѣчѣньку крапѣа,—
У хрѣстахъ, намѣсьти,—
Пидѣйшла пидѣ мѣсли.

207.

По бѣрѣжку, по крутѣму
Дѣбрый молодѣць идѣтъ,
На жѣвтѣнькому писѣчку
Дѣвѣця стойитъ.

За лѣхими ворогама
Й здрѣстуй дѣвѣцѣ нѣ сказаѣвъ,
Тѣко ѣкомъ винъ накинѣвъ
Й ны словѣчка нѣ сказаѣвъ.
Стѣкнуѣвъ, грѣнуѣвъ у виконь-
цѣ,—

Вѣйды, мѣлая, сюдѣ!
—Дѣ жѣ ты шлѣвся-волочѣвся,
Що до мѣнѣ опизнѣвся?

—Изъ чужѣю дорогѣю
Цѣю нѣчку ночувѣвъ,
Та й на тѣбѣ потыхѣньку
Подѣвѣцьця забѣжавъ.

208.

Ой, на горѣ, на горѣ—
Тамъ стойлы гайдѣри;

Вѣвчѣрь вѣвѣцѣ выгонѣвъ,
Й на могѣлу выбѣваѣвъ.
Ой, вы. хлѣпци, молодѣцѣи,
Займѣтъ въ мѣнѣ по вѣвѣцѣи,
Та й накажѣтъ вы дѣвѣчиньци,
Що въ чѣрвѣний пѣроѣцѣи,

Нѣхай мѣнѣ та й нѣ ждѣ,
Нѣхай замѣжъ идѣ!
А дѣвѣчина прочѣла
Та й зъ вѣлыци майнула;
Дѣбигаѣе до двѣра,—
Зѣболѣла голова;
Дѣбигаѣе до ворѣтъ,—
Хватѣйниѣцѣя за живѣтъ:

Ой, мѣмѣчко, мѣмѣчко,
Болѣтъ въ мѣнѣ сѣрдѣчко,
Болѣтъ сѣрцѣ и живѣтъ,—
Бо любѣвъ вѣвчѣрь, тѣпѣрь
нитъ.

—Пидѣ, дѣню, до гаѣю,
Нарѣвы зѣльѣячка „розмѣй“.
А я жѣ ѣгѣ нѣ знаѣю,
Хѣбѣа людѣа спытаѣю

Щѣ й до гаѣю нѣ здѣйшла,
„Розмѣй“ зѣльѣячко знаѣйшла.
Пѣлѣскала на лѣдѣю,
А варѣла на мѣдѣю.

Пѣлѣскала й на рѣцѣи,
А варѣла у горѣльци.
И щѣ й кѣрѣнь нѣ вѣпѣивъ,
А мылѣнький прилѣтитѣвъ.

Ой, шо жѣ тѣбѣ прѣнѣсло,
Чи чѣвнѣчѣкъ, чи вѣслѣ?—
—Прѣнѣсь мѣнѣ сѣвѣый кѣнь,
До мѣлойи на посѣтитѣ.

209.

Ой, у напѣго Омѣлька
Манѣнька симѣйка:
Тѣко винъ, та вѣна
Та Ярѣма, та Хѣмѣа,
Та Андрѣсѣ, та Пѣтрѣсѣ,
Та двѣ пѣри Марѣсѣ,

Та симъ нэвистокъ,
 Й въ йихъ по сэмэро дитокъ;
 По два паробки жонатыхъ
 Й по дви дивки кудлатыхъ...

210.

Дэ ты, долэ мой, хобышь,
 Дэ ты, долэ мой, бродышь,
 И нэ провидайешъ мэнэ?
 Чи у лүзи на каліни
 Ты возүлэю куешъ,
 Чи у мори зъ крамарямы
 Барыши соби бэрэшь?
 Чи зъ бабамы молодымы
 Пьешъ-гуляйешъ въ кабацѣ?
 Прибүдь, прибүдь, долэнько,
 Хочъ разъ въ годъ до мэнэ,
 Та й провидай, долэнько,
 Якъ въ свѣти горюю,—
 Та якъ свойихъ дитокъ
 Манэнькихъ годюю...

211.

Ишовъ чумакъ зъ Дону,
 Ой, зъ Дону до дому,
 Та й сивъ надъ водою,
 Й йистъ сухарь зъ водою.
 Якъ сухарыкъ умочае
 Й долю проклинае:
 Долэ жъ, мой долэ,
 Чомъ ты нэ такаа,
 Якъ доля чужая?
 Е люды й нэ робылять,
 А до діла ходять;
 А я й заробляю,
 Та й въ сѣбэ нэ маю.

212.

Ой, у мори, мори,
 Чабанъ молодэнький
 Изъ Орломъ купався.
 Ой, чабанъ купаецьця

Й у орла пытайицьця:
 Ты орэлъ, ты орэлъ,
 Сызокрылый, золотый!
 Ты высоко литайишь,
 Ты далеко выдайишь.—
 Ой, чи бувъ же, чи нэ бувъ
 Ты въ мойй сторонѣ?
 Ой, чи журыцьця, чи ни
 Моя мыла обо мни?
 —Ой, журыцьця, й печэ-
 лыцьця,
 Бо дрибными слизенькамы
 Що зорьки вмывайицьця,
 А вышитымъ рукавцэмъ
 Видъ слизъ утырайицьця.

213.

Изъ-за горы, изъ-за кручи
 Скрыплать возы, йдучэ.
 Рыплать возы, сопуть волы
 Та всэ половийи,
 А за нѣмы чумачэньки
 Та йдутъ молодийи.
 Ой, обэрнулы сіри волы
 Та тры возы солы.
 Прийшла до йихъ дивчинонька
 Солы купуваты.
 То жъ нэ солы купуваты,—
 Жалю завдаваты:
 —Ой, гóди бъ вамъ, чумачэньки,
 Та й чумакуваты,
 Бэрить сэрпѣ, та йдуть въ
 степѣ
 Пшэнычэньку жаты!
 —Бодай жэ ты, дивчинонько,
 Цёгò й нэ диждала,
 Щобъ нашаа права рúчка
 Пшэнычэньку жала.

214.

Пишлы наши рыболовы
 Все рыбы ловыты;

Нэ вловили рыбы-щуки,
 Та вловили лына.
 Вѣкинулы на бэрэжокъ,
 А жъ малá дэтина.
 Взялы тэе, малэ дытѣ
 Й понэслы въ расправу,
 Й положили мёртвэ тѣло
 На широкій стилецъ.
 Гэй, збырайтэсь краснощóки,
 Котра цэ родыла?
 А вжэ жъ тую красавыцю
 Та скризъ строй ведуть,
 А за нэю батько й маты.
 Якъ волы рэвуть.
 Нэ плачъ, тату, нэ плачъ мамо!
 Щэ у тэбэ пьять у хати,
 Нэ пускай на вэчэрныци,
 Нэхай дома сидятъ:
 Въ вэчэрныцахъ чужа маты,
 Й нѣкому спыняты,
 Звычайо навчаты.

215.

Ходэ й Ваня по базарю
 Нэ знайдэ товару,
 Знайшовъ Йв́аня гóстру
 кóсу,
 Нэ знайдэ покóсу.
 Снуе по-полю, сумѣе,
 Що нэ ступэ, охнэ,
 Чужу Йв́аня траву кóсэ,
 Свой стойить сóхнэ.
 Чужу жону Йв́аня любэ,
 Свой стойить, плачэ.
 Нэ плачъ, дівка, нэ плачъ,
 красна,
 Ёму нэ болячэ.
 Усѣ цвѣтки пустоцвѣты,
 А одынъ повнишэ.
 Усѣ друзьѣ прѣятѣли,
 А одынъ вирнишэ.

216.

Ой, сіяла, сіяла я лёнь,
 Та й, сіячэ, прыговарювала:
 Чомъ ты, лёнушка, нэ родысься,
 А молодчики нэ жэняцьця,
 А дивчатуска та замужъ нэйдуть?
 Здумала Дуняша,—та й замижъ пишла.
 А тэща бля зятя пэригъ изпыклá:
 Со́лы та мукѣ—на чотыри рублѣ,
 Сахарю, изіюму—та на висѣмъ рублѣвъ,
 Та й ставъ той пирѣгъ та дванáдцять рублѣвъ.
 Тэща думала сэмэрхъ угостыть,
 А зятѣна сивъ, та й зразу самъ ззивъ.
 Тэща ходэ по хатыни, та всэ озырае,
 Косы́камы на зятѣну вона поглядáе:
 Ой, якъ тэбэ, зятю, та й нэ розирва́ло?
 —Луччэ бъ ты, тэща, такъ нэ поштувала.
 Прыходъ, тэща, до мэнэ на маску,
 Яжъ тэбэ, тэщэнько, угосьтю нэсма́шно:—
 Чоты́ри дубы́нушки бэрэзовыхъ.
 И пьятый батигъ, по тоби щобъ побигъ,

Бігла, бігла, насілу втыклà,
 Прибігла та й на полү впàла.
 Ой, діты жь вы, діты, ворóта запрітэ,
 Бо якь прійдэ зятэ на похмілья звать,
 То вы й нэ пусьтїтэ.

217.

А я молода
 Нэ лїнїва була:
 Прядочку взяла,
 Та й на засідки пошла;
 И прясты нэ прїла,
 Всю нїч провїляла.
 Пївни заспївали,
 Лажу, другї заспївали,
 Й нэ думаю встать,
 Трєтї заспївали,
 Зоря занялась,
 Й я изнялась.
 Пряходэ до двору,
 Старый хóдэ по двору:
 А дэ, мїла, гуляла,
 Дэ розгүлювала?
 —Я мїломү бычовку звыла,
 У вїкóнычко кївєць подàла,
 А прядочку взяла
 Та й на засідки пїшла.

218.

Якь заглянув нашъ рыбьєнокъ
 У спїдзòрную трубу,
 Та й увїдивъ нашъ рыбьєнокъ
 Свою гїркую бэдү.
 Й ударывся нашъ рыбьєнокъ
 На хравьцöзьскому мисткү;
 А вь гóроди Качавани
 Усї дзвóни зарєвлї,
 Та й нашого рыбьєночка
 Хоронїты понєслї.
 Воронї заржалы кóни,
 По конїшняхъ стоючэ;
 Зарєвлї й старї салдаты,
 Казачєнька нєсучэ;

Яму вїрылы глїбóку
 У зєлєному садү,
 Та й загрєблї козачєнька
 Бля дороги, на слїдү.
 Й посадылы клынъ дэрєво
 На грóби єгò.
 Росты жь, росты клынъ дэ-
 рєво,
 Росты вгóру высочєнько,
 Й хочь vysóko—нэ vysóko,
 Абы вь лїсьтя шїрочєнько.

219.

Ой, побїгъ же нашъ монахъ
 Вь зєлєну лєвэдү,
 А зь тїєйи тà лєвэды
 Вь камєнну оградү.
 Ой, бчэ, ты монаху,
 Та чогò ты бойїся,
 Чого хоронїсься?
 —Якь тутъ нэ боятысь,
 Хотятъ уловїты,
 Хотятъ мєнє врãжи люды,
 Хотятъ мєнє бїты,
 Рүки извьязаты,
 У громáду взяты.
 А я самъ провєнївсь,
 Шо вь кэлїйку заблудївсь,
 Ты миршїй вїдѣтїль швай-
 швай!
 А кочергà на вздогїнки вой-
 вой-вой!..
 Ой, наты жь вамъ, послүш-
 нычки,
 Та двї жóвтыхъ дїни,
 Та йдїть до Марүси
 На чєснї родїны.
 —Чєрнїця, Марүсэ,

Дай минї порáду,—
 Куды минї шатáтыся
 Старóму по бáбу?

Йды, попадї дóма,
 Бáбу уготóвэ,
 А йийи робочà
 У кұмы охóча,—
 По зàпичку нїкає,
 Полотєнця шукáє.
 Дóки мáты хóдэ,
 Глєчинъ мэдү нóсэ,
 И всякь у кұмы хóчэ;
 А якь перестáне,
 И вь кұмы байдүжэ,
 Нїхтò вжэ й нє прóсэ...

220.

Удовїцю я любївь,
 Подарунки йий носївь:
 Носївь сáло, носївь свїчки,
 Носївь мнãсо, носївь стрїчки,
 Носївь грэчку, чэрэвїчки,
 Носївь прóсо, носївь макъ
 Ось булò якь!
 Носївь жїто и пшєнїцю,
 Кукурүзу, чэчєвїцю,
 Поросїта, качєнїта,
 Й курчáта, й гусáта
 А разъ булò тылã прыпєрѣ;
 Пóкы донїсь, трохї нэ-
 вмерѣ.
 А вонà жь минї змїнїла,—
 Та панычà полюбыла;
 Но нєхай бэ булò зáщо,
 А то тáкѣ,—такэ лыдáщэ,
 Шо тїкэ пху!..
 Тєпєрѣ жэ я крычáтыму,
 На всэ сáлò гукáтыму:
 Оддãй моє сáло, свїчки,
 Оддãй мнãсо, оддãй стрїчки,
 Оддãй грэчку, чэрэвїчки,
 Оддãй прóсо, оддãй макъ,
 Ось тобї якь!..
 Оддãй жїто и пшєнїцю,

Кукурүзу, чэчєвїцю.
 Поросїта, качєнїта,
 Й курчáта, й гусáта;
 Оддãй минї всэ тэ цїлэ,
 Шо зь мєнэ поїла;—
 Ось тобї щò!...

221.

Усã вўлыця смїєцьця,
 Шо якїйсь чуднїй я ставъ,
 А тогò йи нэ вторóпа,
 Шо зь любóвы я пропáвъ.
 Якь бэ минї лїтѣ зь дєсáтокъ,
 Я бь й нэ тãмывь сю прїчїну
 А тєпєрѣ, якь двїчї дєсáты,
 Влюбївсь вь вóдну и див-
 чїну.

Чóрнїй вóронъ, другъ прылєт-
 нїй,

Залїтáйшть ты у даль,—
 Пєрэдãй мїлїй поштєннã,
 Хòчѣ забшнїй поцїлуй..
 По кармáнахъ вїтєрѣ вїє,
 Кошэлєкъ пустый дзынїть,
 А молóдчикъ нэ робїє,—
 Вь кабацї щò двã сьдїть:
 Нóги бóси, тїло чóрнэ,
 А сорóчка, кѣ зємлã,
 Роспроклãта ты дивчїна,
 До чогò ты довєлã?
 Довєлã мєнэ до гóря,
 До слóволькї, до стыдã!..
 --- Самà грáю на гїтáру,
 Самà грáю—вєсэлїсь,
 Тїко нїхтò та й нэ знáє,
 Якь я зь мїлымъ ростáєсь...

222.

Ой, мáмо жь, нэ мóжно
 Нєлюбá любїты.
 Бо нєчáсна дóля
 Изъ нєлюбимъ жїты.
 Якь тãжко, та вáжко
 Изъ нымъ розмовлãты,

Ой, лўччэ жэ я бўду
Ввэсь вїкь дївўбаты.
— Ой, дўню жэ, ты дўню,
Хїба жэ ты нэ бачїшь,
Якэ я старэнька!—
Мїнїй вэ домовїну
Лягаты порэ.

То й що тодї бўдэ,
Якэ бчї заплўшу,—
Останэсься, дўню,
На вїкь сыротэ.
— Ой, мамо, голўбка,
Нэ плачэ й нэ журїся,
Бэрї рушныкї,
Давай старостамъ.
Нэхай я зэ нелўбїмъ
Загублю всэ щасэтя,
Ты бўдэшэ вэсэла;
Одна я заплачу...
У пўлі могїла,
На нїй хрэстэ стойїть.
Тамъ рэно и вэчэрэ
Зузуля крычїть:
О, Бўже жэ, мїй мїлїй,
Що я наробїла,
Нещасную дўлю
На вїкї згубїла.

223.

Ой, чоловїчэ Ромэне,
За що тэбэ твой жїнка лэе?
Ой, возьмы жэ ты та той прутъ,
Щодрибнэнькїй лэнь нымъ трутъ
Та дай ты йїй, бїсўвэскїй
дўчцї,
Дубўового сала,
Щобъ ажэ на тры пэльця
Шкурїна одстала.

224.

Дэ жэ ты, дўлэ мой, брўдышь,
Нэ доклўчусь я тэбэ?
Дўсї бэ мўжно вэ дўкїмъ пўлі
Прыгорнўты до сэбэ.

Чи ты вэ пўлі, пры дорўзї
Дўкїмъ мўхомъ цвїтэшэ,
Чи у лўзї, на калїні
Ты зозўляю кудэшэ?
Чи при мїсяцў, бїзэ сўнэця,
Чэшэшэ кўдри паньчэмъ,
Чи у нэбї, край вїкўнэця,
Сўчїшь дўлі бїднякамъ?

Чи вэ хорўмахъ зэ панан-
кэмы
Ты рыгўчэшэсья вэ нўчї,
Чи на мўрї, мїжэ купцэми,
Дїлышь зэ крэмў барэшї?
О, змїлўйся, мой дўлэ,
Ты до мэнэ хочэ на часэ,
Хотэ сядэ-посїдэ кўло мэнэ,
То й томў я бўду радъ!...
Дэ жэ ты, дўлэ моя, брў-
дышь,

Нэ доклўчусь я тэбэ.
Всэ шукаю, та пытаю,
Ажэ сэрдэнькў изнурївэ.

225.

Я тужїла горўвала:
Давнў мїлого выдала;
А тэпэрэ жэ я й нэ бўду.—
Сказавэ мїлїй: скоро бўду.

Ой, такэ нэ до дїла,—
Що ты рудїй, а я бїла!
Гэй, ты рудэ, пїдї сюдэ,
А ты, бїла, пострэвай:
Я до тэбэ вїйду самъ.

226.

Й узэвэ, нэ любїла,
И вмерэ, нэ тужїла;
И на лэвцї лэжїть,—
Нэмэ дўмки тужїть;
И до ямы нэсўть,—
Мэнэ таньцї бэрўть,
А одэ ямы идўть,—
Мэнэ смїшки бэрўть.

227.

А я вэ лїсї бўвавэ
И бэрэзку рубавэ,
Бэрэзку, бэрэзку, бэрэзку рубавэ!
Я бэрэзку рубавэ,
На мїтэлкї вьязавэ
У снопўчки складавэ,
Вэ снопыкї, снопыкї, снопы-
кї складавэ.

Тай на вїзэ, та на вїзэ,
Щэ й на возыкэ складавэ.
(2 раза).

Рублэмъ йўтягавэ.
Рублэмъ, рублэмъ, рублэмъ йўтя-
гавэ

Рублэмъ ютягавэ,
У Москвў отправлявэ. (2 раза)
И кўпчїкамъ продававэ.—
Я тамэ дївкў выдавэ,
Що сыдїть за вїкнўмъ,
Що сыдїть за вїкнўмъ
Та балўе (волўе) цвїткўмъ,
И шовковэнькїмъ платкўмъ.
Та й волўе цвїтокэ,
На голўвкў вїнокэ.

228.

Вэлїтала нэша вэлїтўшка
Всэ зэ-пїдэ тэмного лужка;
Попэрэду нэша армїйшка
Всэ зэ-пїдэ Бїлого Царя.
Ныболшэя армїйшка—
Сўрокэ тїсячэ одїнъ полкэ.
Прывьязў я коня вўрона
До зэлэного стовпа,
А (я) самэ пїдў молодїй
До новўго трактырэ:
Здрэстўй, здрэстўй,
Молодїй трактырчїкэ

Изэ новўго трактырэ!
Налывай мэду й горїлўчкї,
Щэ й зэлэного вынэ;—
Попўштўю свою армїйшкў,
Що бэ вэсэлая бўла.

229.

Канарэйка, канарэйка,
Канарэюшка мой,—
Нэ пой груснў у клїцьцї
И нэ задавай жалў.
Злэты зэ клїткї,
Сядэ на вїтку,
И зпой пїсенькў мою.
Та про ўчасэть про мою.—
Ужэ ты, ўчасэть, моя ўчасэть,
Учасэть, гўркая моя.
До чогў жэ ты, мой ўчасэть,
До чогў жэ ты довэла?
Довэла жэ монэ ты, вўчасэть,
До сўрому (позўру), до стыда,
До слэвўшкї до худўй.
Худэ слэвўшка пройдэть,
Дївка зэмижэ нэ пойдэть,
И нїхтў йїйї нэ возмэть—
Ой, ны бэрынэ, ны купэцэ,
Ны прўйїжджїй молодэцэ.—
Вўзьме дївўшкў пастўхэ,
Що скотїнўнўкў (рогату)
пасэть.—

Ой, пастўхэ ты, пастўшўкэ,
Пастўхэ, мїлэнькїй дружў-
чўкэ,

Нэ покїнь мэнэ, сырўткї,
Бїзэ мэтэри, бїзэ оцэця,
Бїзэ дўброго молодэця.
Полубїла я тэбэ,
Шо одїнъ сынэ у оцэця...

230.

Товарышъ мий мѣлой
 Спиднѣ гуляеть,
 Крѣпко въ кабацѣ,
 Ажъ потѣхлы въ ёго очи,
 Бутылка жъ въ руцѣ.
 На головѣ тѣлпѣха,
 А на спѣни крѣйдѣха.
 Вонъ крѣпко тѣгнѣтъ,
 Вонъ—сивѣху,
 А дѣнѣгъ много, — нѣгдѣ
 взять...
 Прощай, трахтырь, проѣтомъ
 лѣснѣй,
 Прощай зъ дивѣцями, красѣ-
 выцями, —
 Бо мынѣ прѣйшлось самѣму
 Тры дня у гѣлоди сидѣть.
 Друга въ тимъ погрѣби зарѣйте,
 Дѣ рѣнышѣ въ нѣму пѣрувѣвъ,
 Повѣрнѣтъ ногѣмы къ стѣнцѣ,
 Головоѣ пидѣ самѣй грѣнтѣ.
 Й нѣ дзвонѣтъ вы во тры
 дзвѣны
 По погрѣбѣнню моѣмъ, —
 Въ тры чѣрки лѣчѣ простучѣтъ,
 Й зарѣйтѣ пѣяныцю пискѣмъ.
 Та накурѣтъ моѣ мугилу,
 Вмѣсто лѣдану свѣтѣго,
 Турѣцкѣмъ крѣпкѣмъ таба-
 комъ,
 А въ гѣлову положѣтъ
 Бѣльшу трѣбку зъ чубукѣмъ,
 Та й въ рѣки дѣйтѣ самѣ
 бѣльшѣй
 Пунѣвоѣ склѣанный стакѣнѣцъ,
 А на грѣби пропѣшитѣ,
 Якѣ я жѣсѣтѣ дорожѣвъ:
 Пѣвъ я вѣдку, пѣвъ налѣвку,
 Пѣлъ щѣ й пѣанѣское вынѣ,
 Пѣлъ шампѣанѣское вынѣ,
 И курѣвъ трѣбку зъ табакѣмъ,
 Зъ табакѣмъ турѣцкѣмъ...

231.

Ой, живѣ я у пѣана
 Та пѣрвое лѣто,
 Й вѣживѣ я у пѣана
 Кѣрыцю за ёто.
 А кѣрыця чубѣрыця,
 Та пѣдвору хѣдѣ,
 Цѣпинѣятокъ вѣдѣ.
 Ой, щѣжъ то-то за кѣрыця,
 Щѣ пѣухѣмъ здымѣецѣця,
 Шо й пѣанъ удѣвлѣйицѣця,
 А лѣуды дѣвѣуюцѣця,
 У кѣчкѣй лѣштѣуюцѣця.
 Ой, живѣ я у пѣана
 Тай дѣругѣе лѣто,
 Тай давѣ минѣй ѣтыцю
 Пѣанѣкъ мий за ёто.
 Моѣ утѣ—
 Хвѣстѣмъ крутѣ,
 Та й булѣ такаѣ...
 А кѣрыця чубѣрыця
 Знай—пѣдвору хѣдѣ,
 Цѣпинѣятокъ вѣдѣ.
 Ой, щѣжъ то-то за кѣрыця,
 Щѣ пѣухѣмъ здымѣйицѣця,
 Шо й пѣанъ удѣвлѣйицѣця,
 А лѣудѣмъ вѣвыжѣйицѣця,
 Й чѣгѣсь сумлѣивѣйицѣця.
 Ой, живѣ я у пѣана
 Та трѣтѣе лѣто,
 Та й давѣ минѣй пѣанѣ
 (Гусака) утакѣ за ёто.....

232.

Пропадай моѣ повѣзка, (раз-
 малѣвана)
 Розкращѣнная доска,—
 Куда мѣлой нѣ пойдѣтъ,
 Нападѣтъ пѣчѣаль, тѣска.
 Пропадай моѣ вѣрѣбѣва,
 Й усѣй спѣицѣ зъ колѣсѣ
 Поломѣйся, разтрусѣйся,
 Якѣ Кулѣнына косѣ.

Ой, нѣ всѣдѣю, ой, нѣ влѣжѣю,
 Я роскѣдаю одѣжу.
 А якѣ кѣну тѣмну шѣль
 То й росѣию всю пѣчѣаль.

233.

Хѣлю, хѣлю, нѣ тычѣ,
 Колѣ сѣръця пѣчѣ.
 Сѣкѣ—такѣ до вѣчѣра доживѣю
 А въ вѣчѣри Катѣрынѣку наймѣю...

Нѣ ходѣла на вѣлыцю, й
 нѣ пидѣю,
 Нѣ любѣла сопѣтого й нѣ
 любѣю!
 Брѣшишѣ, дѣвчино, брѣшишѣ,
 До вѣчѣра на вѣлыцю вѣчѣшишѣ,
 Щѣ вѣчѣра, ты й щѣ-рѣ-
 ночку;
 Полюбѣй мѣнѣ, коханѣчку.

П. М. Шинкаревъ.

27—Сл. Крыгская.

Поселеніе.—Постройки, одежда, пища.—Шептухи и „уроки“.—Заня-
 тѣя.—Рѣдины.—Свадьба и народный календарь.—Игры.

Поселеніе расположено по яру, постройки его находятся на
 плоскогоріи по обѣмъ сторонамъ Бѣлаго яра, который беретъ
 свое начало изъ криницы, верстахъ въ 15 отъ слободы и впа-
 даетъ верстахъ въ 2 отъ слободы въ Деркулѣ. Къ яру приле-
 гають крестьянскіе огороды съ ливадами, засаженными вербою,
 употребляемою крестьянами для построекъ. Отъ Старобѣльска
 слобода Крыгская находится на разстояніи 70 верстѣ.

Изъ разспросовъ старожилѣвъ слѣдуетъ, что названіе свое сло-
 бода получила отъ фамиліи Крыгскаго, который первый посе-
 лился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположена сл. Крыгская.
 Вотъ какъ разсказываютъ о происхожденіи этой слободы. „Па-
 рень изъ слободы Марковки, по фамиліи Крыгской, пасъ овецъ
 и зашелъ съ ними за шпиль (за гору); глазѣмъ его открыва-
 лась прелестная водная мѣстность; вездѣ зелень, кругѣмъ вода,
 заросшая камышами, а въ камышахъ было много всякой
 водяной птицы. Пришедши домой вечеромъ, парень сказалъ
 отцу: „тѣто якѣ мѣсто гѣже я бѣчивѣ; тамъ усѣка пѣтѣця
 вѣдыцѣця, и лѣзы и очерѣту богѣто. Осѣ ходѣмѣ за вѣтра тай
 подѣвымосѣ“. На другой день они пошли осматривать мѣстность,
 которая понравилась и отцу, и, спустя немного времени, онѣ
 пришелъ туда съ сѣмѣею и поселился возлѣ викнины, т. е. кри-
 ницы. Криница эта существуетъ и теперь. Лѣтъ 80 тому

назадъ, когда Старобѣльскій уѣздъ принадлежалъ къ Воронежской губ., этотъ небольшой поселокъ назывался „Бѣлый яръ“, т. е. носилъ названіе протекающаго тутъ же ручья Бѣлаго яра. Названіе свое яръ этотъ получилъ оттого, что вода, протекающая въ немъ, бѣловатая. Населеніе малороссійское. Въ слободѣ въ настоящее время живетъ 2175 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 1091 мужчинъ и 1084 женщинъ. Хаты строятся теперь въ видѣ небольшихъ домиковъ и состоятъ изъ большой комнаты, т. е. собственно „хаты“ и другой поменьше „хатыны“, гдѣ и ставится варистая печь. Входъ въ хату дѣлается черезъ большія сѣни, въ нихъ устраивается чуланъ, „хизжа“. Передній уголъ устанавливается иконами и называется „причильковымъ“, или святымъ угломъ. Иконы украшаются вышитыми „рушниками“ и цвѣтами: васильками и гвоздиками. Тутъ же ставится столъ, а по обѣимъ сторонамъ этого стола стоятъ широкія лавки или простые диваны; у дверей налѣво печь, направо „шафа“ (шкафъ); за печью устраивается „полъ“, служащій кроватью. Столъ покрывается скатертью домашней работы, а подушки накрываются рядномъ. Мѣсто въ углу подъ иконами называется „пѣкутъю“ и считается самымъ почетнымъ мѣстомъ. Лицевая часть печи „коминъ“, красится синькой или желтою и красною глиною или же фуксиномъ. Главное украшеніе хаты состоитъ въ томъ, что она вымазана, и „доливка“ хорошо смазана, а потому бабы разъ 8 въ годъ все вымазываютъ и каждую пятницу примазываютъ. Хата стоитъ окнами на улицу, возлѣ хаты хлѣвъ, гдѣ ставятся закрома для хлѣба, сзади хаты „кошара“ для скота, напротивъ конюшня, выше которой стоитъ „комора“ (амбаръ); если же дворъ тѣсенъ, то амбаръ выносится на улицу и ставится напротивъ хаты; погребъ—выходъ тоже, дѣлается или во дворъ или на улицѣ, но близко къ хатѣ; возлѣ конюшни или отдѣльно устраивается „довитка“, для складыванія разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Если дворъ великъ, то дальше отъ построекъ, на току, ставится „клѣня“, въ которой прячется полова и непровѣянное зерно, также устраиваются „хливцы“ для сохраненія навоза, свинушники;—все это ставится за кошарами. Иные ставятъ близко возлѣ хаты амбаръ, затѣмъ хлѣвъ, кошару, погребъ и т. д. Измѣненія въ

устройствѣ хатъ можно замѣтить въ томъ, что теперь хаты дѣлаются выше и окнами на улицу; при чемъ эти послѣднія стали дѣлать большими и часторастворчатыми; затѣмъ вводятся ставни. Теперь въ каждой почти хатѣ 2 комнаты: „хата“ и „кимната“, т. е. хатына. Дѣлаютъ даже и крылечки со сходцами, съ навѣсомъ или безъ него.

Одежда мужчинъ лѣтняя въ будни состоитъ изъ полотняной „сорочки“, „штанивъ“ того-же матеріала и „черевиковъ“ зъ волоками, или босовиковъ; нѣкоторые въ жару ходятъ въ сапогахъ; иногда сверхъ рубахи надѣвается „жулетка“ или же „капотъ“ (родъ короткой чинарки). Въ праздникъ сорочка ситцевая, штаны „крамные“, т. е. черкесиновые или шведской матеріи, капотъ короткій; иногда сверху надѣвается длинный суконный капотъ; если мужчина еще парубокъ, то сверху надѣвается зеленый поясъ, или красный, на голову надѣвается картузь. Зимой вмѣсто длиннаго капота богатые надѣваютъ крытые „кожухи“, бѣдные—простые, или же суконные бѣлые „свиты“, сверху поясъ, на голову шапку или „капелюхъ“. Зимняя одежда мужчинъ: въ будни полотняные штаны и сорочка, нѣкоторые дѣлаютъ себѣ штаны изъ смуховъ для тепла; обувь состоитъ изъ сапогъ или валенокъ,—все это носится съ суконными „онучами“ (портянками). Сверхъ рубахи жилетка и короткій капотъ или „пиджакъ“, которые по немного вводятся здѣсь въ моду, и того же фасона платья,—только разница въ чистотѣ и новизнѣ костюма. Парубки носятъ ситцевыя рубахи, на шеѣ цвѣтные платочки и „шары“, т. е. шарфы. Съ этими послѣдними они не расстаются цѣлый день.

Стоимость мужской одежды: капотъ нижній съ штанами 3 р., сапоги 6 р., а простые 4 или 3 р., жилетка нанбуковая 1 р. 50 к., капотъ верхній нанбуковый 7—8 р., а суконный 12 р. Капотъ дѣлается изъ домашняго сукна, бѣлаго или сѣраго цвѣта, и называются юнками, стоитъ 11 р., свита „зъ комиромъ“ 13 р., полушубокъ дубленый 15 р. 40 к., а съ отдѣлкою изъ краснаго сафьяна—16 р. 40 к., тулупъ 17 р.; картузь 1 р.—1 р. 50 к., шапка „кучма“—3 р., „капелюхъ“—плетенка 50—80 к., а отдѣланный барашкомъ 1 р. 50 к.

Лѣтняя женская одежда въ будни: рубаха полотняная, сарафанъ и поясъ, черевикъ, ситцевый платочекъ; такая же одежда и у бабъ. Въмѣсто сарафана носятъ „дергу“ домашней работы изъ шерсти черныхъ овецъ. Въ праздники: ситцевая или миткалевая рубаха, сарафанъ, „запанка“, т. е. фартухъ, поясъ и безрукавка плисовая или ситцевая. Волосы носятъ въ одну косу, на концѣ съ длинными лентами, „кисныками“, а если волосы недлины, то заплетаютъ въ двѣ косы и закладываютъ на головѣ вокругъ подъ платочекъ; если же косъ нѣтъ, то дѣлается обручикъ изъ платочка и кладется вокругъ головы, а ленты привязываются въ такихъ случаяхъ къ „наместу“. Безрукавки носятъ очень рѣдко, большею частью ходятъ въ кофтахъ—„холодайкахъ“, если прохладно, то надѣваютъ теплую ватную кофту или же длинное пальто; халаты же суконные носятъ только невѣсты передъ вѣнцомъ. На ноги надѣваютъ красные и желтые сапоги. Зимняя одежда та же, что и лѣтомъ; разница въ томъ, что сверху надѣвается кожухъ, крытый сукномъ или чисто бѣлый. осенью же теплое пальто или свита съ „видлогою“, откладнымъ круглымъ воротникомъ. Бабы носятъ „очипки“, которые повязываются сверху шелковыми платками, а зимою, чтобы не зябли уши, ихъ повязываютъ маленькими платками. Дивчата повязываются, когда идутъ замужъ или въ дружки. Цвѣтовъ сверху повязки не надѣваютъ, а прикалываютъ къ боку „квитку“, сдѣланную изъ ленты—„лопотушки“. Нѣкоторыя накалываютъ такія квитки вокругъ головной повязки. Зимой бабы и дѣвки сверху рубахи носятъ короткія безрукавки, называемыя „теплушками“, онѣ дѣлаются на ватѣ. Необходимая вещь у каждой крестьянки—„карманъ“, онъ пришивается къ поясу и носится на животѣ. Карманы стараются разукрасить зубчиками и шнурками, которые называются „ладунками“. Теперь очень рѣдко надѣваются „очипки“ и повязки, а всѣ носятъ платочки-„подшальники“, почти у каждой дѣвки есть шелковый платокъ послѣдняго фасона яркихъ цвѣтовъ, затѣмъ нѣсколько шерстяныхъ, а для будней ситцевыя, щеголяютъ также „запанками“, которыя дѣлаются изъ ситцу, бумази и шерстяной матеріи, съ отдѣлкою изъ бахромы. Сарафаны украшаются плисомъ, выстроченнымъ цвѣтными нитками, кофты

отдѣляются оборочками или зубчиками. Безрукавки дѣлаются плисовые, украшаются зубцами и суташемъ, полотняныя рубашки вышиваются, а ситцевыя нѣтъ, носятъ и чисто кумачевыя рубахи, или же рукава кумачевые, а станъ ситцевый; низъ во всякой рубахѣ изъ полотна, называется „пидтычкою“, которая также вышивается. Иногда дѣлаютъ рубахи безъ „пидтычекъ“, тогда онѣ называются „додильными“, но такія встрѣчаются очень рѣдко. Кромѣ красныхъ и желтыхъ сапогъ въ будни носятъ черные сапоги и черевикъ; инныя носятъ ботинки. Сарафанъ ситцевый стоитъ 1 р. 20 к., сарафанъ нанбуковый 4 р., шерстяной 3 р., кофта ситцевая 1 р. 40 к., шерстяная 2 р. 25 к., плисовая кофта 3 р. 40 к., платокъ отъ 80 к. до 5 р., запанки отъ 40 к. до 1 р., теплая ватная кофта 4—5 р., теплое пальто 8 р. 60 к., свита изъ домашнего сукна съ видлогою, отдѣланною плисомъ 8 р. 40 к., смушевый кожухъ 10 р., а крытый сукномъ 15 р., дерга 1 р. или 80 к.,—ткнутъ сами, сапоги сафьяновые и черные 3 р.

Городское вліяніе замѣчается въ томъ, что мужчины начинаютъ носить узкіе штаны на выпускъ, пиджаки, при встрѣчѣ жмутъ другъ другу руки; женщины носятъ длинные, почти по щиколки, сарафаны, кофточки и покрываются платочками (это у нихъ называется „покрылась панянкою“).

Пища богатыхъ въ скоромные дни въ праздники: пироги съ картофелемъ и „вышкварками“, борщъ съ мясомъ и съ саломъ, иногда капуста или, когда гости, каша, „млынцъ“, если есть молоко, молочная каша. Въ постный день: борщъ съ „оліею“, вареники съ капустою и „пирожки“ съ фасолью. У бѣднаго въ скоромный день въ праздникъ варится борщъ безъ мяса и сала и каша, на полдень—картофель, а на вечерю борщъ или галушки, которыя бываютъ трехъ сортовъ: „галушкѣ-рванцы“, „галушкѣ-ризаны“ и „галушкѣ-клецки“. Въ постный день варится борщъ и картошка, и ѣдятъ все безъ масла, на „вечерю“ варятъ юшку. Въ будни у богатаго, на „снѣданье“, завтракъ, „перепички“, а на „обѣдъ“ борщъ съ мясомъ, если время послѣ Рождества, а лѣтомъ безо всего—каша съ саломъ пшенная. Если имѣется корова, то ѣдятъ въ полдень молоко съ хлѣбомъ, прѣсное или кислое, иногда варятъ галушки, „кулишь-ласунецъ“,

„варёныки“, на ужинъ варится борщъ или „юшка“. Въ зимніе дни „полудновать“ не полагается. Въ постный буденный день варятъ борщъ съ масломъ и капусту, на завтракъ пекутся пирожки или „перепички“, иногда картофель; полуднуютъ лѣтомъ, у кого есть, тарань или дѣлаютъ холодный борщъ—„сиривѣцъ“ съ цыбулей, а на ужинъ—„галушкы“ или „рябко“, смѣсь пшена съ чечевицею или съ чѣмъ нибудь другимъ. У бѣдняка въ будни на „снѣданье“—„кулішъ“ постный, на „обѣдъ“—борщъ, на „полдень“ тотъ-же борщъ или сухой хлѣбъ, иногда холодный борщъ, на „вечерю“—галушки или кулешъ, или рябко; въ постный день въ „снѣданье“—картофель вареный, въ „обѣдъ“—борщъ или капуста безъ масла; лѣтомъ полуднуютъ хлѣбъ и тарань, когда есть, если же поспѣютъ овощи, то ѣдятъ или огурцы, или яблоки зеленые, на ужинъ галушки или „затирку“. Бѣдные очень рѣдко измѣняютъ свой обѣдъ; иногда и у нихъ пекутся пирожки и „млынцы“, это бываетъ больше на Рождественскихъ святкахъ, когда рѣдко у кого не водится кусокъ сала.

Пища крестьянъ зависитъ отъ урожая. Если хорошо уродится все, то и пища улучшается, и разнообразится обѣдъ. Уродятся ягоды и яблоки, значитъ—на постъ „узваръ“ будетъ и на полдень моченый тѣрнъ; если уродится горохъ, то пекутъ „гороховникъ“; чечевица и фасоль—значитъ, есть съ чѣмъ пироги печь. Самое же необходимое для нихъ—капуста и картофель, которыми въ постъ они исключительно питаются. Яичницу они дѣлаютъ только для гостей; а всѣ остальные яйца идутъ въ продажу. Если удачно выкормятъ кабана или свинью, тогда все ѣдятъ на салѣ: и „млынцы“ и „орѣшки“ и „ковбасы“ жарятъ на салѣ. Молоко мало ѣдятъ прѣснымъ; готовятъ изъ него сметану, такъ называемую „рѣбену“ сметану, да собираютъ масло для мазанія пирожковъ. Хлѣбъ теперь пекутъ бѣдняки ячный, чистый или смѣшанный съ пшеницею, иногда и съ житомъ; такой-же хлѣбъ и у богатыхъ, только у послѣднихъ на галушки и пирожки идетъ пшеничная мука. При плохомъ урожаѣ крестьяне страшно бѣдствуютъ, ѣдятъ лишь сухой хлѣбъ, да и то не въ волю.

Въ мѣстныхъ лавченкахъ крестьяне добываютъ все необходимое для шитья, какъ-то: иголки, „зѣполочъ“, „галыкы“ (крюч-

ки), „бабки“ (петельки), „зудыки“ (пуговицы) и т. д., а также керосинъ, спички, селедки; безъ нихъ пришлось бы за всякимъ пустякомъ ѣздить верстъ за 9 на базаръ.

Крестьяне освѣщаютъ свои дома керосиномъ или каганцемъ съ „знѣтомъ“, приготовленнымъ на бараньемъ салѣ.

Городское вліяніе можно замѣтить только въ томъ, что крестьяне привыкли пить чай, и теперь у многихъ есть самовары, но настоящій чай пьютъ только богачи, средніе же пьютъ или липовый и розовый цвѣтъ или мятъ, ромашку, цвѣтъ яблонь сладкихъ и т. д. У кого нѣтъ самовара, тѣ грѣютъ воду въ чайникѣ и, заваривъ, пьютъ; пьютъ они его не каждый день утромъ и вечеромъ, а тогда, когда случится кто, или же въ праздникъ; да еще когда нѣтъ ничего поѣсть варенаго.

Шептухамъ крестьяне очень вѣрятъ, и не смотря на то, что въ слободѣ находится фельдшеръ, а вблизи живетъ и докторъ, къ послѣднимъ обращаются въ рѣдкихъ случаяхъ, по большей части тогда, когда уже всякія шептанья перепробованы и ни одно не помогло. Знахарей въ нашей слободѣ нѣтъ, но шептухъ отъ всякихъ болѣзней много. Принимать лѣкарства крестьяне не любятъ, а еще больше не любятъ медленнаго лѣченія. Если отъ одного пріема не помогло, то отправляются искать другихъ лѣкарей. Скотъ лѣчатъ шептаньемъ, смотря по болѣзни. Если быкъ или корова „обдуется“, то ему рѣжутъ ухо и спускаютъ кровь, въ большинствѣ случаевъ скотъ пропадаетъ. Къ ветеринарамъ и ветеринарнымъ фельдшерамъ никогда не обращаются, отчасти по недовѣрію къ нимъ, отчасти потому, что ихъ нѣтъ въ слободѣ, ѣхать же за ними надо за нѣсколько верстъ. Если ребенку или взрослому человѣку нездоровится: заболитъ голова, тянетъ всего, то это объясняется тѣмъ, что его „зъочили“, или „урикли“, больного несутъ къ бабкѣ шептать отъ „урѣквивъ“. Шептуха беретъ кружку, наливаетъ въ нее святой воды, становится передъ иконою и молится, читая все по 3 раза, причемъ послѣ каждого раза дѣлаетъ ножомъ на водѣ крестъ. Читается „Отче нашъ“, а затѣмъ слѣдующія слова: „Не я вамъ помогаю, а Господа Бога призываю. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Пресвятая Богородица, велика помѣшница, помѣшить и пособить, и св. Миколай, великій угольникъ, великій помѣш-

ныкъ, приби́гаю къ мо́щамъ, приби́гай и къ намъ; помо́жйть, пособи́ть новоро́жденной, хре́щеной и моли́твенной раби́ Каты́ри́ни“. Затѣмъ шептуха подходитъ къ больной, разворачиваетъ на головѣ ея волосы, дѣлаетъ ножомъ крестъ, сбрызгиваетъ святою водою и шепчетъ ту же молитву. Тоже повторяется на груди, на каждой изъ рукъ, спинѣ и ногахъ. Послѣ этого больному слѣдуетъ выпить св. воду. Существуетъ повѣрье, что если мать два раза отымаетъ отъ груди ребенка, то такое дитя будетъ „урикльве“, т. е. на кого оно взглянетъ попристальнѣе и похвалитъ или-же подумаетъ что про него, то это послѣднему не пройдетъ даромъ,—онъ приболѣетъ. Узнають „уро́ки“ по уголку; если пустятъ уголекъ на воду, и онъ утонетъ, то это уже знакъ того, что больного сглазили. Если „урикльвый“ человѣкъ осмотритъ скотину, и она очень понравится ему, то пропадетъ. Также „глазливымъ“ считается тотъ, кто во время переноса святой чаши смотритъ на нее изподлобья. Чтобы хорошенькихъ и бойкихъ дѣтей не „урикалы“, матери, передъ тѣмъ какъ выносить дѣтей къ людямъ на улицу, умываютъ ихъ изъ помыльницы, т. е. изъ лохани, и утираютъ подоломъ своей сорочки. Если дитя не спитъ, носятъ его подъ куры. Часто матери, какъ говорятъ старые люди, сами „глазятъ“ своихъ дѣтей, если на ночь потѣшаются и любятъ ими; въ такомъ случаѣ мать должна слизать языкомъ на крестъ лицо ребенка и языкомъ же обвести вокругъ всего лица въ обратную сторону и сказать слѣдующія слова: „на ро́ждѣну, моли́твенну, хре́щѣну рабу́ Варва́ру, я́ка тебѣ ма́ты згла́зыла, та ѿхо́дыла“. Послѣ этого надо сплюнуть 3 раза. Существуетъ повѣрье, что того человѣка, который сглазилъ другого, надо остричь, а волоса его сжечь.

Занятія. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются огородничествомъ, разводятъ преимущественно картофель и лукъ. Эти послѣдніе разводятъ здѣсь съ успѣхомъ и доставляютъ большое подспорье въ хозяйствѣ, такъ какъ многіе хозяева изъ огорода, состоящаго изъ $\frac{1}{3}$ десятины, выручаютъ рублей по полтора и болѣе. Въ лѣтнюю рабочую пору большая часть крестьянъ отправляется на заработки на югъ, принося домой отъ 10 до 100 руб. Пчеловодство хотя и встрѣчается, но идетъ

весьма слабо; имъ занимаются люди зажиточные. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ.—Мѣстнымъ средствомъ къ образованію служить земская школа; кромѣ того, нѣкоторые преподаватели изъ крестьянъ, набираютъ мальчиковъ на зиму за извѣстную плату и обучаютъ ихъ. Такіе учителя преподають больше чтеніе,—мало обучаютъ письму и почти не учатъ счисленію. Хотя дѣтей своихъ приводятъ въ школу охотно, но мало слѣдятъ за аккуратностью посѣщенія ея. Дѣти ходятъ въ школу, пока хотятъ; если имъ что не понравится, они бросаютъ школу, и обученіе оканчивается. Въ средѣ дѣтей всегда идетъ споръ между школьниками и не школьниками, они даже играютъ избѣгаютъ вмѣстѣ.

При ро́жденіи ребенка приглашается бабка, замѣняющая акушерку, которая, „вызволить“ отъ родильницы ребенка, требуетъ отъ отца, чтобы онъ подаль ей „мыть руки“. Отецъ „сливаетъ“ ей на руки, и бабка въ это время приговариваетъ: „по́лынй на ру́ки та по́дай со́кіру, пу́пъ сы́ну тво́ему ру́баты, шо́бъ винъ у́мивъ май́струва́ты“ (плотничать); если же родится дѣвочка, то бабка говоритъ: „по́дай но́жныцы, пу́пъ до́ццѣ ри́заты, шо́бъ она у те́бе бу́ла шва́чка“. Затѣмъ на другой день, а иногда въ тотъ-же самый день приглашаются кумовья, которые и отправляются съ новорожденнымъ къ священнику.

Вечерни́цы существуютъ, но здѣсь онѣ ведутся такъ чинно, что о нихъ мало кто изъ стариковъ и знаетъ. Вечерни́цы устраи́ваются такъ: выбираютъ хату, исключительно у людей бѣдныхъ, доставляютъ туда освѣщеніе, отопленіе, а также сносятъ и харчъ, какъ-то: сало, пшено, яйца, хлѣбъ; все это крадется у родителей. Вечерни́цы собираются по большей части зимою, и, если въ будни, то дѣвки приносятъ работу: нѣкоторыя вышиваютъ, а другія приносятъ и прялки и прядутъ. За работою поютъ пѣсни, рассказываютъ сказки; парни, находящіеся здѣсь-же, поютъ съ ними или играютъ въ карты; часть-же дивчатъ готовитъ вечерю. Непремѣнныя кушанья этой вечера: борщъ, галушки-рванцы и вареники. На масляной и на ро́ждественскихъ святкахъ пекутся „ори́шки“. Сидятъ часовъ до 10-ти, а потомъ ужинають и ложатся спать въ по́котъ на

полу, для чего разстилается солома, и затѣмъ, какой парень больше нравится дѣвкѣ, того она и приглашаетъ спать съ нею до утра. Въ большинствѣ случаевъ съ кѣмъ парень ночуетъ, на той и женится.

Сватанье. Если парень желаетъ жениться, то отецъ его отправляется къ батюшкѣ, проситъ благословеніе, при чемъ справляется о годахъ сына. Получивъ отъ батюшки благословеніе, онъ, возвратясь домой, приглашаетъ двухъ старостъ, покупаетъ имъ полкварти водки; выпивъ для смѣлости, они отправляются къ заранее намѣченному крестьянину, у котораго есть подходящая невѣста. Одинъ изъ старостъ подходитъ къ окну и говоритъ: „дай, Бóже, вечеръ добрый! пустить погрѣться“. Хозяинъ отвѣчаетъ: „милости проси!“ Войдя въ хату и поздоровавшись, говорятъ: „Мы чулы, шо у васъ есть дівка, а у насъ есть хлопецъ, чи не будемъ мы зъ вáмы сватамы?“ Если согласны отдать дѣвку за парубка, то назначается выкупъ за дочь, рублей въ 50, затѣмъ сваты начинаютъ торговаться, и дѣло улаживается; если же нѣтъ, то отказываютъ сватамъ, не принявъ отъ нихъ хлѣба, который приносится ими завернутымъ въ платочкѣ подъ рукою. Если хлѣбъ принять, то значить,—согласны свататься. Когда сладятъ, то приводятъ „молодого“ (жениха) и „молодую“ (невѣсту) и спрашиваютъ у нихъ согласія на бракъ; получивъ согласія, зажигаютъ свѣчки, „молодой“ и „молода“ становятся Богу молиться. Помолвившись, молодая идетъ за дружками по слободѣ, молодой-же ѣдетъ за матерью и везетъ ее къ невѣстѣ, отецъ же остается тамъ со старостами. Когда молодой везетъ мать, то приглашаетъ съ собою сосѣдскаго парубка старшимъ бояриномъ. Одна изъ дружекъ считается старшею и повязывается по дѣвичьи, а остальные въ платкахъ. Ходя за невѣстою, дружки поютъ:

Разлыбóся сыни мóре, разлыбóся:
Хотятъ тебѣ била рýбыця уловить,
Хотятъ тебѣ заручить,
За молодчика Ивана заручить.
Ой люлі, ой люлі, заручить.

Когда соберутся дружки, то у невѣсты „ставятъ молодого и молодую отцу и матери и роднымъ кланяться“, а дружки поютъ:

Кланяйся Гáнна,
На передъ Гóсподомъ Бóгомъ,
Отцю, нѣньци (матери) въ ноги.
А нйженьки та нйзенько,

А сѣрденько та близенько,
А нйженьки та ще нйжче,
А сѣрденько та ще блйжче.

Когда начнутъ пить „горілку“, то поютъ:

Ой, пропóю, пропóю,
Та пропйвъ бáтько дóчку
Въ вышнѣвомъ садóчку,
Та на жóвтимъ песóчку,

Та на зелѣному лужóчку,
Тай не жалъ дочкй,
Якъ ягодка та повнесенька,
Якъ калына червонесенька,
А дивчына молодесенька.

Тогда молода поетъ слѣдующія пѣсни:

У вышнѣвомъ садóчку
Та не за выліки літа
Сгодувáвъ бáтько дытá,
Якъ ягодка та повнесенька,
Якъ калына червонесенька.
Заручена та дивчына,

Положила бйлу рúчку назáдъ.
Рúчка моя билесенька у бá-
тенька,
Чы будешъ такá била у свѣ-
корка?

Якъ будешъ ты, дйвчына, по-
кирненька,
Тай буде твоя рúчка биленька;
Якъ будешъ ты тай, дйвчына,
покирнйша всихъ,
Бúde твоя рúченька билиша
одъ всихъ.

* * *

А на горі цвйтй цвйтýть,
Та все жóвтый цвйтъ,
Чи у тебѣ тай, дйвчино,
Не рйдный ридъ,
Шо винъ тебѣ не удержáвъ
Тай чѣрезъ цей годъ?
А у мѣне, подружечки,
Ридъ якъ и ридъ.
Разгнйвався тай на мѣне тай
бáтенько мий,
Шо я рáно на ўлыцю тай ходыла,

А пйзненько изъ ўлыцы при-
ходыла;
Тымъ я свóго бáтенька роз-
гнйвала,
Шо я рáно по водыцю тай
ходыла,
Коромысло колынове тай
уломыла,
Сосновоеведѣречко тайпобыла
Тымъ я свóго бáтынька роз-
гнйвала.

Якъ сяду я, тай упадý
У свóго бáтеньки въ садý,
Якъ стану я щебетáты.
Выйде бáтенька пытáты
Ой ты, дóчинько мой,
Якá чужá сторона?
Я чужáя сторона,
Вся полынемъ зарослá,
Я нáшая слободá
Все васыльками;
Я въ чужий сторонй,
Та велькáя семья,
Та велькáя семья
Не розвйтливая.
Сáмы сядутъ вечѣраты,
А менѣ молодý
Посылають по воду;
По водыченьку идý,
Якъ голубка гудý,

Изъ водыцею идѹ,
Умываюся,
Шытымъ билымъ рукавцемъ
Утыраюся;
На присыночки зийшла,
Вечеринька одийшла,
А въ сыночки увийшла,
Тай прислѣхалася,
Мате сына науча:

Ой бый, сынку,
Свою жынку,
Ой бый, научай
Тай пидѣ свий обычай.
Якъ буду я жынку быты,
Бѹдутъ насъ людѣ судыты.
Черезъ людскій поговирѣ
Тай самъ пидѹ на Сибирѣ,
Черезъ людскѹ науку,
Тай самá пидѹ на мѹку.

Тогда молодой садится за столъ на покути, а молодая подходитъ здороваться съ будущимъ свекромъ и свекрухою, а затѣмъ съ молодымъ, а потомъ въ рядъ всѣхъ, при чемъ со всѣми цѣлуется. Послѣ здорованья перевязываетъ старость рушниками, свекра и свекруху платками, а свекруха въ свою очередь перевязываетъ ее платкомъ; за это она 3 раза поклонится имъ въ ноги, потомъ даетъ на тарелкѣ молодому и старшему боярину по платочку, а также и близкимъ родичамъ эти платки безъ договору; когда сватъ поднесетъ водку, дружки выйдутъ на дворъ, а сватъ приглашаетъ всѣхъ къ себѣ. Молодая-же съ молодымъ остаются здѣсь и оставляютъ дружекѣ варить вареники. Наваривши варениковъ, зовутъ молодежь ихъ ѣсть. Потомъ оставляютъ ночевать дѣвокъ и парней по парѣ, человѣкъ 12 пьютъ водку и молодой съ невѣстою цѣлуются, потомъ ужинаютъ и ложатся попарно спать. Утромъ даетъ теща зятю снѣдать; когда поснѣдаетъ, онъ идетъ домой и ему даютъ хлѣбъ. При сватаніи батько молодой выговариваетъ съ свата водку, платки, чоботы свахѣ и на кони 1 р. иногда-же все ограничивается только деньгами.

Свадьба. Когда начинаютъ свадьбу, то готовятъ водки ведеръ по 5, 8, 10, 12, брагу и шишки, которые пекутся въ пятницу, если вѣнчаніе назначено въ воскресенье. Въ субботу о полдень, какъ молодой, такъ и молодая опять собираютъ своихъ гостей, т. е. молодой сзываетъ боярѣ, а молодая дружекѣ и уже вечеромъ, когда смеркнетъ, начинается „пидвисілокъ“. Когда молодая собираетъ въ субботу дружекѣ, то онѣ поютъ:

Спасіби за дружку,
Спасіби за дружку,

За ий послѣшку,
Хоть не вмѣ спиваты,

Такъ умѣ танцюваты.
Обмитаіты дворѣ,
Застылаіты столѣ й лавкѣ.
Идѹтъ дружечки паняночки.

Застылаіты столѣ килымами
(коврами),
Не самá я идѹ,—зѣ дружеч-
камы.

Собравъ дружекѣ и обошедши всѣхъ родныхъ, невѣста кланяется каждому въ ноги трижды и даетъ шишку, говоря: „Просівъ батько й маты на свадѣбу“. Молодая идетъ съ дружками къ будущему свекру, а молодой съ боярами къ тестю. Бояре не поютъ, а дружки, когда идутъ къ свекру молодой полудновать, поютъ:

Ой матинко ўтко,
Ой матинко ўтко,
Повертаіся прѹдко;
Сѣнычко нызѣнько,

Дрѹжечкы близѣнько,
Сѣнычко ще ныжче,
Дрѹжечкы ще блѣжче.

Когда войдутъ въ хату свекра, то „молодая“ и старшая дружка здороваются со всѣми, здѣсь находящимися, и при этомъ даютъ всѣмъ по шишкѣ. Свекоръ сажаетъ молодую и дружекѣ за столъ, угощаетъ ихъ водкою и пирожками. Свекруха въ концѣ полудничанья говоритъ: „не гнивайтыся“. Всѣ встаютъ изъ-за стола и молятся; потомъ молодая кланяется свекру и свекрухѣ въ ноги, а они даютъ ей по шишкѣ, и она съ дружками уходитъ. Идя отъ свекра, дружки поютъ:

Якъ булы мы у свѣкра
Ййлы мы пирожкѣ,
Пирожкѣ гричани,
Дружечкѣ звычайни,
Та въ мáсло вмочáлы,
Шобъ дѹжче крычалы.
Свитѣ зйрочка зѣ нѣба,
Якъ намъ тебѣ трѣба,

Пѣрве вескрѣсення
Прѣсимъ на высілля.
Просівъ Якймъ
На хлѣбъ мѣякѣй,
На корѣбочку сѣмѣя,
Просівъ на высілля
На корѣбочку маку
Хлѣпцямъ на табáку.

Подростки-мальчики лѣтъ до 14, узнавъ, по какой дорогѣ будутъ возвращаться дружки, поджидаютъ ихъ, потомъ гоняются за ними и бьютъ ихъ (это называется „вытрѣсывать пирожки“). Когда прійдутъ домой, то молодая идетъ въ хатыну, а дружки въ хату. Подружій (ближайшій изъ родственниковъ) беретъ полстѣ и идетъ въ сѣни, отворяетъ оттуда немного двери и говоритъ: „Гѣсподы Исѹсе Христѣ Сыне Божій, помылуй насъ“. Сидящіе въ хатѣ старосты отвѣчаютъ: „Амѣнь“.—„Бла-

гословѣть, старостѣ, съ покрасою увийтѣ“. Тѣ говорятъ: „Богъ благословѣть“. Подружій входитъ въ хату и стелетъ полстѣ на лавкѣ за столомъ и опять уходитъ на дворъ, гдѣ, взявъ немного житной соломы, у дверей хаты опять говорить: „Благословѣть старостѣ, зѣ покрасою увийтѣ“. Войдя въ хату, подружій вѣшаетъ пучки соломы на гвоздикахъ около иконъ и тою же соломой за-
тыкають бутылку съ водкою, стоящую на столѣ. Затѣмъ онъ идетъ изъ хаты и съ молодою у дверей говоритъ: „Благословѣть, старостѣ, молодой Богъ помолыщца, отцѣ, нѣнци поклонѣщца“, вводитъ невѣсту въ хату, она кланяется 3 раза передъ обра-
зами и идетъ назадъ; къ ней въ сѣни выходятъ отецъ, мать и всѣ родичи. Когда она поклонится всѣмъ, то тѣ идутъ въ ха-
ту, а подружій съ молодою и нѣсколькими друзьями говоритъ: „Благословѣть, старостѣ, молодѣ за стиль завестѣ“. Тѣ отвѣ-
чаютъ: „Богъ благословѣть“. Это повторяется 3 раза, и тогда уже усаживаютъ ее за столъ. Отецъ беретъ водку и идетъ угощать (поштывать) гостей, молодая и подружій встають, кланяются и отъ себя отсылають рюмку всѣмъ родичамъ. Если въ хатѣ, много молодежи, то поють:

А въ садѣ яблочко вынѣвое,
Вынуватци братци всѣмъ
дѣмъ,
Чомъ вы радоньки не радѣте,
Дивчѣны на посадѣ не ведѣте.
А мы радоньку спорадѣмо
Дивчѣну на посадѣ поса-
дымо.

Сбырайся, ридоньку, та до
 мёне
На суботонку поряжаты
 могò батенька,
Шо винъ менè пёрвою отдае́,
Тай порядкивъ не знае́,
Тай до столá не приступае́,
Друждкѣ не привитае́.

Если же невѣста сирота, то поютъ:

Закувала та зозуленька та надъ брѣдомъ,
Заплакала та дівчина передъ рѣдомъ.
Слезá слезу дрибненько побыває,
Що въ дівчини тай мáтеньки (или бáтеньки) не має.
Есть у неї тай мáтинка тай далѣко,
Чогось моєму серденьку тай нелѣгко,
Написала-бъ я пысьмечко тай не вмю,
Попросила-бъ мыленького тай не смю;
Пишла-бъ же я самá младá тай боюся,

Далёкая доріженька, опизнўся.
По́ки сходя́, по́кы сбўду, тай заборўся.
А на поса́дь опизнўся.

Все также дѣлается и у молодого. Послѣ угощенія родичи вскорѣ расходятся, приходитъ женихъ съ молодою вечерять и остается ночевать. Если молодая—сирота, то она ходитъ на могилу родителей „тужить“, т. е. плакать. „Пидвисилко“ бываетъ черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія, въ крайнихъ случаяхъ дня черезъ 3. Повѣнчавшись, молодой обѣдаетъ у молодой, и до „пидвисилка“ каждый живетъ въ своей семьѣ. Въ воскресенье утромъ женихъ собираетъ лошадей ѣхать за молодою. Въ то время, когда запрягаютъ лошадей, дружка заводитъ молодую за столъ; „боярамъ“ пришиваютъ къ шапкамъ „стрички“, или „крестыки“. Пообѣдавъ и выпивъ, молодой съ „боярами“ садится въ тарантасъ, а свашки въ другіе, а дружка беретъ мать молодого за платочекъ, и она обходитъ бояръ и свашекъ и осыпаетъ ихъ хмелемъ, овсомъ, конфектами, орѣхами, копѣйками и „шагамы“ (грошами). Свашки поютъ:

Колисцемъ сонечко, колисцемъ,	Та на тий бояры молодій,
Обсыпала матинка овсыцемъ,	Та на того конька вороного,
Та на тий коньки вороніи,	Та на того сыночка молодого.

Потомъ ѣздить по слободѣ, а въ полдень свашки пріѣзжаютъ къ отцу молодой, и она въ это время ходитъ съ дружкой, прячась отъ поѣзда. Прійдя домой, она здоровается съ свашками и „свѣтылкою“ (по большей части бываетъ сестра жениха, и ей въ руки дается букетъ; также возятъ въ поѣздѣ деревцо, украшенное лентами и цвѣтною бумагою; называется оно „гильце“) и идетъ въ сѣни, подружій заводитъ ее за столъ. Когда молодой въѣзжаетъ съ боярами во дворъ, то теща выходитъ за порогъ до зятя и бояръ, подаетъ ему стаканъ водки съ водою, хмѣлемъ и овсомъ, тотъ выливаетъ все на землю, а стаканъ отдаетъ старшему боярину. Поднесетъ теща водки и уходитъ въ хату, а дружка беретъ молодого и ведетъ въ хату, спрашиваясь также, какъ и раньше, и заводитъ его за столъ къ молодой, которую тотъ цѣлуетъ. Затѣмъ начинаетъ отецъ потчивать ихъ, они отсылаютъ всѣмъ родичамъ; послѣ мать угощаетъ ихъ, они

опять отсылают родичамъ. Если у неvěсты есть братъ, то онъ становится „на покути“ и не пускаетъ молодого за столъ, пока тотъ не дастъ ему выкупа. Потомъ свашки даютъ шишку и рюмку водки отцу и матери. Если есть „выговоренные“ сапоги и платки, то и ихъ отдаютъ. По окончаніи этого выводятъ молодыхъ изъ-за стола, отецъ снимаетъ икону, становятся съ матерью рядомъ, молодые начинаютъ кланяться, а родители говорятъ: „Благословляемъ мы васъ жить и другъ другу повиноваться“. Поклонившись всѣмъ, молодой съ молодою выходятъ и садятся ѣхать къ свекру. Съ молодою, если она вела себя раньше хорошо, ѣдетъ подружій и „приданка“, въ противномъ случаѣ она предупреждаетъ, что на нихъ надѣнуть хомутъ. Часто женихъ катаетъ неvěсту по слободѣ, если женятся въ той-же слободѣ или недалеко. Когда молодой съ молодою уже сидятъ за столомъ то ее покрываютъ платкомъ везти къ свекру. По приѣздѣ къ молодому, выходятъ его отецъ и мать съ хлѣбомъ и иконою встрѣчать ихъ и говорятъ: „здравствуйте, диты,—живы здоровы“. Молодые, поцѣловавъ икону, цѣлуютъ и родителей, которые приглашаютъ ихъ въ гости. Дружко беретъ молодого за руку, вводитъ въ сѣни и кричитъ: „Господы Исусе Христѣ, Сыне Божій, помѣлуй насъ“. Тамъ отзываются: „аминь“. „Спасетъ Богъ за аминь. Старосты пань подстаросты, кто до кѣго, я до Бога, до вашого здоровья, благословѣтъ, старосты, молодыхъ за стилъ завѣсты“. Тѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословѣтъ“. Дружко вводитъ ихъ въ хату и заводитъ за столъ, а отецъ жениха начинаетъ угощать водкою. Потомъ дружко ведетъ молодого и молодую спать въ амбаръ или въ хату и оставляетъ однихъ; потомъ входятъ черезъ нѣсколько времени свашки съ очипкомъ и тамъ же надѣваютъ на молодую, заставляя ее пѣть:

Не бійся матенько, не бійся,
Въ червѣни чобіточкы обуйся,
Топчы ворогы по пидь нѣги,
А супостаты по пидь пѣты,

Шобъ наші ворогы мовчѣлы,
Шобъ наші пидкѣвки бря-
щѣлы.

Послѣ этого ихъ всѣ оставляютъ, и идутъ въ хату гулять и поютъ пѣсни нецензурнаго содержанія. Ихъ, кромѣ водки, угощаютъ „варѣною“, т. е. медомъ, разведеннымъ водою.

Если молодой изъ одной слободы съ молодою, то идутъ „снѣдать“ къ тещѣ, и тамъ опять угощаютъ ихъ водкою и медомъ; если же изъ разныхъ, то дружко ѣдетъ звать отца и мать молодой въ гости (это называется „перѣзва“ или „бесѣда“), сажаютъ свата и сваху и всѣхъ пришедшихъ съ ними за столъ и угощаютъ водкою. Послѣ ихъ потчуетъ молодой съ молодою, подносятъ прежде отцу молодой. Если у богача, то онъ, выпивъ рюмку, говоритъ, что даруетъ имъ пару бычковъ, а мать, корову—если побѣднѣй, даетъ теличку, а мать овцу. Потомъ подносятъ мужикамъ, которые также дарятъ, кто что можетъ; затѣмъ угощаютъ женщинъ, тѣ даютъ ситцу или холста отъ 2 до 5 ар. Получивъ подарки, напиваются до пьяна, затѣмъ выходятъ за ворота, разстилаютъ полсть, даже когда грязно. Сватъ опять выходитъ къ нимъ съ водкою и опять угощаетъ; потомъ гости разѣзжаются, т. е. сватъ съ родственниками ѣдетъ домой, остальные же пьянствуютъ до среды или до четверга. Иногда въ это время бываетъ и музыка. Часто родственники зазываютъ къ себѣ „бесѣду“; тогда еще дольше тянется гулянье. Въ воскресенье зазываются сваты съ родственниками и молодыми и, пообѣдавъ и попивши хохленько, тѣмъ кончаютъ свадебное гулянье. Расходъ на свадьбу опредѣляютъ въ 100 руб. и не меньше 50, считая и плату за неvěсту.

Народныя примѣты и обряды. Если свиньи бѣгаютъ и визжатъ, то будетъ дождь, если воробьи купаются въ пескѣ или въ водѣ, то также будетъ дождь; если кошка скребетъ когтями по полу или еще по чему нибудь, то будетъ морозъ, вѣтеръ и мятель; если собака или кошка спятъ согнувшись, то будетъ холодно; если куры посадятся и „нахлобучать“ перья, то будетъ холодно. Пѣтухи кричатъ въ послѣобѣденное время къ перемѣнѣ погоды. Считаютъ, что какова погода на Благовѣщенье, такова же будетъ и на Свѣтлый праздникъ.—На 1-й день Рождества Христова ходятъ славить Христа по большей части дѣти; говорятъ или тропарь праздника или же передается рассказъ о Р. Х. на малороссійскомъ и литературномъ языкѣ. Это выходитъ хорошо, если кто хорошо заучитъ разговорную рѣчь; причемъ одинъ оспариваетъ на малороссійскомъ языкѣ, что быть не можетъ, чтобъ родился Спаситель отъ Дѣвы, а другой на литера-

турномъ языкѣ объясняетъ, какъ это случилось. Подъ Новый годъ ходятъ „щедровать“, т. е. какъ говорятъ: „на Миланки пойдемъ щедруваты“; цѣлою гурьбою собираются дѣтишки, ходятъ подъ окна хатъ и кричатъ: „защидровать вамъ.“ Кто желаетъ, проситъ, и они поютъ: „щѣдрикъ ведрикъ, дайте варѣныкъ, грѣдочку кашки, кильце ковбаски, ще мою мѣло—дайте сала, тай пирѣгъ—безъ рукъ, безъ нигъ, шобъ загрѣзъ у снигъ, зъ рукамы, зъ ногамы, шобъ побѣгъ за нами“. За щедрование даютъ имъ хлѣба, сала, пшена, и они дѣлятся между собою. На самый же день Новаго года ходятъ посыпать какимъ нибудь зерномъ или смѣсью зеренъ разнаго рода, отправляются посыпальники-дѣти очень рано, сыплутъ во всѣ стороны и приговариваютъ: „роды Бѣже жыто, пшенѣцю и всяку пашнѣцю“. Подъ Новый годъ ходятъ еще пѣть такъ называемые „Миланки“. „Миланка ходыла, Васылька просыла: Васылько, мый бѣтко, пусты менѣ въ хѣтку, я жыта не жалѣ, честный крестъ держала. Бѣгу свѣчу ставте, а намъ пирѣгъ дайте“. На Крещенье во время погруженія креста въ воду выпускаютъ голубей и стараются захватить тотъ колъ, которымъ задерживается вода въ крестѣ. Этотъ колъ приносятъ домой и втыкаютъ въ голубятнѣ, вѣря, что отъ этого пойдутъ хорошіе голуби. Пасѣчники же стараются также завладѣть этимъ коломъ и вбиваютъ его въ пасѣкъ, чтобы водились пчелы. На Масляной оставляется первый вареникъ и высушивается; съ этимъ вареникомъ идутъ подъ Свѣтлый праздникъ въ церковь смотрѣть вѣдьмъ. Вечерами молодежь собирается вмѣстѣ и „водитъ козлы“. Здѣсь собирается почти вся слобода; дѣвки и парни, взявшись за руки, ходятъ и поютъ пѣсни различнаго рода, и главная изъ нихъ относится къ козлу. „Взялы козла за рожокъ, повелы козла на торжокъ, продалы козла за рубля“ и т. д. Подростки и дѣти въ это время борются, кричатъ и дерутся. — Постъ проводится тихо, даже не собираются такъ называемыя „улицы“. Приходя въ Страстной четвергъ изъ церкви, идутъ со свѣчею въ конюшни и будто тамъ видятъ домового, также въ клуни и коморы; коптятъ свѣчею въ хатѣ кресты на сволокѣ и не стираютъ ихъ до слѣдующаго Страстного четверга, считая ихъ полезными отъ пожара. Въ день Воскресенія Христова

во время заутрени бѣгають христосоваться, а въ то время, когда обходятъ передъ заутренею вокругъ церкви, замѣчаютъ, кто остается въ церкви по угламъ, и церковные сторожа выпроваживаютъ ихъ изъ церкви. Въ народѣ такіе люди считаются: женщины—вѣдьмами, а мужчины—упырями. Есть также повѣрье, что подъ Свѣтлый праздникъ кто пойдетъ съ первымъ вареникомъ, спрятаннымъ еще на Масляной, тотъ увидитъ вѣдьму, т. е. между другими узнаетъ, кто вѣдьма. По большей части, если вѣрить рассказамъ крестьянъ, вѣдьмы прячутся въ „звинѣцю“, т. е. колокольню, на время обхожденія; если же ихъ и оттуда выведутъ, то онѣ поворачиваются спинами къ святынямъ. День Вознесенія и другихъ праздниковъ, кромѣ дня Георгія Побѣдоносца, ничѣмъ не отличается отъ празднованія Воскресенія. На день Георгія Побѣдоносца служатъ „надъ скотомъ“ молебень. Есть повѣрье, что если на Бориса и Глѣба возить хлѣбъ, то будетъ пожаръ; въ день св. Пантелеймона (по простонародному Палія), тоже нельзя возить сноповъ—иначе сгорить хлѣбъ.

Въ Крыгской слободѣ съ большимъ торжествомъ отправляется храмовой праздникъ; здѣсь 2 раза празднуютъ его, такъ какъ церковь построена въ честь Іоанна Богослова, память котораго совершается 26-го сентября и 8-го мая—оттого и выходитъ 2 раза храмовой праздникъ. Къ этому дню готовятся цѣлую недѣлю, мажутъ хаты внутри и снаружи, а также всѣ надворныя постройки, выметають дворы и возлѣ хаты усыпають пескомъ. Наканунѣ праздника пекутъ хлѣбъ нѣсколько разъ, заготовляя хлѣбовъ по 20 или по 15, а въ самый день храма готовятъ борщи, лапшу и непременно для каждого пирожки; у кого есть корова, то къ пирожкамъ заготавливается сметана. Утромъ всѣ идутъ въ церковь; отстоявъ заутреню и обѣдню, хозяева приглашаютъ къ себѣ обѣдать своихъ знакомыхъ или родственниковъ; кромѣ приглашенныхъ, являются и совѣмъ неизвѣстные хозяевамъ. Передъ обѣдомъ даютъ сѣбѣ по кусочку просфоры, а затѣмъ уже садятся за столы; хозяйинъ и хозяйка потчуютъ гостей и не садятся за столъ. Если подносить водку и просить выпить, то гость непременно говоритъ: „кушайте собѣ“. Пьющій хозяинъ отпиваетъ немного, и тогда

уже подаетъ опять гостю, а не пьющій, откланявшись, опять подаетъ гостю. Послѣ хозяина потчуетъ хозяйка. За столомъ сидятъ очень чинно, послѣ пирожковъ ѣдятъ борщъ, а потомъ изъ него-же вынутое мясо, а иногда прежде борща бываетъ холодецъ; затѣмъ лапша, а на закуску подается узваръ или молочная каша или же „млынці“, т. е. блинчики. Послѣ обѣда, если у хозяина есть самоваръ, то онъ потчуетъ гостей чаемъ; молодежи при этомъ не бываетъ, она идетъ на ярмарку, которая въ этотъ день устраивается возлѣ церкви и стоитъ только до вечера. Вообще этотъ праздникъ проводится крестьянами съ большимъ торжествомъ, чѣмъ Свѣтлый праздникъ: тогда не бываетъ такого собранія народа, какъ въ этотъ день и такихъ приготовленій ко дню Пасхи, какъ въ день храма, не бываетъ. Въ храмовые дни самый послѣдній бѣднякъ старается раздобыть чего нибудь, получше приготовить и выпить и также зазываетъ къ себѣ обѣдать. Надо замѣтить, что при провожаніи гостей, ихъ семьямъ посылаются хлѣбъ или пирожки. На храмъ собирается множество нищихъ, которыхъ въ этотъ день не отпускаютъ безъ милостыни.

Писанокъ не разрисовываютъ и называютъ ихъ просто „крашенками“, и въ быту крестьянскомъ онѣ ни на что не употребляются. Раньше выпускали изъ яицъ внутренность, красили эти пустыя скорлупки и вѣшали къ иконамъ, теперь же это почти вывелось, такъ какъ кто-то объяснилъ имъ, что въ то время, когда гремитъ громъ, то „той, що пидъ грѣблею (т. е. сатана)“ прячется въ пустыхъ яйцахъ, что возлѣ иконъ. Есть повѣрье, что если передъ заутренею положить въ миску яйцо, налить водою и умыться такъ, чтобы не пролить ни одной капли, то въ хатѣ не будетъ блохъ. На 1-й и 2-й день Свѣтлаго праздника играютъ въ „каткѣ“, который устраивается вблизи качели; играютъ больше взрослые. Игра эта состоитъ въ томъ, что катятъ яйца съ горы, и чье толкнетъ стоявшее внизу яйцо, тотъ считается выигравшимъ и беретъ свой выигрышъ.

Пѣсенъ, обрядовъ и повѣрій при посѣвѣ, жатвѣ и свозкѣ хлѣба нѣтъ, кромѣ повѣрья, что на Бориса и Глѣба и Пантелеймона, если возить хлѣбъ, то молнія сожжетъ его. При печеніи-же никогда не сажаютъ вынутый сырымъ хлѣбъ, на томъ

основаніи, что, кто посадить опять вынутый хлѣбъ, будетъ 2 раза умирать. Когда хлѣбъ взойдетъ, то ходятъ крестнымъ ходомъ по полямъ, при чемъ устраиваются общественные обѣды.

Въ сосѣднихъ мѣстностяхъ существуетъ такой обычай: громадниці, при уборкѣ сѣна, убираютъ цвѣтами и лентами послѣднюю копну, сажаютъ на нее хозяйку поля (особенно барыню) и съ пѣснями тащатъ эту копну до хозяйскаго двора,—тамъ получаютъ угощеніе и подарки; если хозяйка не согласится сѣсть на такую копну, то усаживаютъ самую пригожую изъ громадниці и везутъ ее на копнѣ къ хозяйскому двору, гдѣ получаютъ „выкупъ“ за копну. Процессія эта состоитъ только изъ участниковъ въ работѣ, косарей и громадниці; первые идутъ съ косами на плечахъ, а вторыя съ граблями; поютъ и тащатъ копну только женщины, угощаются всѣ.

Народныя игры и забавы: игра въ мячъ, такъ называемый земляной городковый и „довгій“, скракли, вродѣ крокета или кеглей, т. е. ставятся отрубки и сбиваются палками и кто выбьетъ изъ черты всѣ отрубки (ихъ 5), тотъ ѣдетъ отъ черты до мѣста, откуда сбивалъ, верхомъ поочередно на всѣхъ играющихъ до того мѣста, откуда сбивалъ отрубки. Весною и осенью играютъ въ свинки, а также и зимою, но весною больше въ мячъ играютъ. Дѣти вмѣсто мяча бьютъ палку, и эта игра называется у нихъ „гилы“; участниковъ бываетъ въ ней отъ 2 до неопредѣленнаго числа желающихъ. Ведется она очень странно, такъ что и сами играющіе не могутъ объяснить порядка игры. Есть игра въ гусей, въ кошки-мышки и въ жабы. Эта послѣдняя игра совсѣмъ не затѣйлива: состоитъ въ перепрыгиваніи черезъ ровъ, конечно, небольшой. По большей части крестьянская молодежь проводить свободное время въ гуляньи; это есть собраніе дѣвокъ и парней съ одной улицы, иногда и съ нѣсколькихъ, отчего и гулянье это носитъ названіе „улицы“. Въ праздничные дни они собираются съ обѣда въ ливадахъ, поютъ тамъ пѣсни, рассказываютъ были и небылицы, пересмѣиваютъ и осуждаютъ наряды и наружность другъ друга. Введено у нихъ ауканье по ливадамъ, что весьма непріятно. Гуляютъ до поздней ночи. Лѣтомъ же, несмотря на тяжесть дневного труда, въ ливадахъ всю ночь раздаются пѣсни и ауканья. На „улицы“, т. е.

въ общество парубковъ ходять уже взрослые дѣвки лѣтъ отъ 16 или 15, до тѣхъ-же поръ онѣ считаются подростками и на улицы не ходять, а гуляють и поють пѣсни только со своими подругами и дѣтьми. Замѣчательно то, что у крестьянъ нѣтъ почти дѣтей, не поющихъ; каждый ребенокъ чуть не съ 6 лѣтняго возраста уже поетъ какую нибудь пѣсню и приучается выводить голосомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Мѣстные музыкальные инструменты—балалайка, сопилка, а въ послѣднее время появляются и гармоніи. Танцы—козачокъ и гопакъ. Взрослые люди играютъ въ карты, а также въ деньги, подбрасывая копѣйку и смотря, какъ она упала; эта забава очень рѣдка. Въ большинствѣ случаевъ взрослые проводятъ время въ шумной бесѣдѣ. Зимой-же собираются и взрослые, но недавно женатые, съ молодежью, идутъ на ледъ скользаться и бороться; при чемъ ведется игра, такъ называемая „малѣ куча“: на спину поваливагося ложится другой и кричитъ: „малѣ куча“, на него наваливается слѣдующій и т. д., пока нижній не вывернется изъ-подъ нихъ. Дѣти зимой спускаются съ бугорковъ на салазкахъ или ледянкахъ, такъ назыв. „колганахъ“.

Повѣрья. При повальныхъ болѣзняхъ въ обычаѣ у крестьянъ служить молебны. Существуетъ слѣдующее повѣрье: если священникъ, прійдя отпѣвать покойника, положить на лавку палку, то въ домѣ умретъ еще кто нибудь. За первымъ покойникомъ тотчасъ же надо запереть ворота, иначе будутъ всѣхъ выносить. Обычаевъ базарныхъ и ярмарочныхъ нѣтъ, такъ какъ самыхъ ярмарокъ въ нашей слободѣ не бываетъ. Если пожаръ случился отъ грозы, то считаютъ лишнимъ заливать его на томъ основаніи, что его водою не зальешь, а можно утушить только молокомъ отъ черной коровы. При пожарахъ отъ неосторожности или поджога во время бури ходять вокругъ строеній съ иконою „неопалимой купины“.

Колдуновъ нѣтъ, а также вовкулаковъ, русалокъ, водяныхъ и лѣшихъ не слышно. Вѣрятъ только, что есть вѣдьмы „родимия“ и „рѣблени“, иначе „учѣни“. У родимой вѣдьмы есть хвостикъ ниже спины, а у ученой такъ сбивается на затылкѣ „ковтунъ“, что и не расчешешь. Въ нашей слободѣ насчитываютъ ихъ до 12. Занятіе ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ по

ночамъ доятъ коровъ, собакъ и т. д., мѣшаютъ это молоко и иногда носятъ продавать. Участвующіе въ этомъ дѣлѣ мужчины называются „упыряками“ (упыри). Четыре видѣны кормятъ ихъ сдоеннымъ молокомъ. Есть и „обереги“ отъ вѣдьмъ, но та старуха умерла, которая отчитывала порченныхъ коровъ. При чемъ есть примѣта, что отъ ученой вѣдьмы можно поправить корову, а отъ родимой никакія обереги не помогутъ. Вѣрятъ также, что вѣдьмы обращаются въ бѣлыхъ собакъ. Представляютъ вѣдьму въ длинной рубахѣ съ распущенными волосами. Если вѣдьму поймать, то она обращается въ собаку или въ клубокъ и ходить или катится. Разсказовъ о вѣдьмахъ множество, но никто не видѣлъ ихъ. Гдѣ много коровъ, тамъ старыя хозяйки ложатся спать съ палкою возлѣ кошары, и палкою отгоняють вѣдьмъ. Узнать вѣдьму можно только подѣ Свѣтлый праздникъ передъ заутренею, потому что онѣ прячутся въ колокольнѣ или же по угламъ церкви, чтобы не идти вокругъ церкви; если же обстоятельства заставятъ идти, то отворачиваются отъ святынь. Вѣрятъ, что на „горѣщѣ“ живетъ домовый, а также въ конюшнѣ, который, если ему нравится масть лошади, заплететъ ей гриву въ косы, и кормъ будетъ ей въ пользу; это крестьяне называютъ „ко двору приплась“; если-же хозяинъ замѣчаетъ, что лошадь не поправляется и отъ хорошаго корма, то старается поскорѣе сбыть ее, такъ какъ она не ко двору приплась, или же переставитъ конюшню на другое мѣсто. На Новый годъ, говорятъ, нѣкоторые въ потьмахъ лазятъ на горѣще и щупають домового; если шерсть его окажется гладкою, то годъ будетъ хорошъ, если же шершаваю, то плохъ; лазятъ также спрашивать, къ худу или къ добру, и будто домовый отвѣтитъ, только тихо: къ „худу“ или „къ добру“. Существуетъ повѣрье, что если кто найдетъ шкурку, сброшенную гадюкой, то надо носить ее на шеѣ отъ лихорадки. Навозъ отъ скота считается для полнокровныхъ дѣтей лучшею присыпкою отъ прѣлости, а конскій употребляется для паренья отъ головной боли и водяной. Въ народѣ не терпятъ воробьевъ, и потому не останавливаютъ дѣтей, когда они мучатъ ихъ и разоряютъ ихъ гнѣзда, на томъ основаніи, что воробей „проклята птица“:—„винъ кричавъ надъ хрестомъ Суса Христа: живъ, живъ“, и вѣрятъ

еще, что они приносили гвозди распинать Христа. Замѣчаютъ, у кого сядетъ птица „дѣдыкъ“ (удодъ), у того быть бѣдѣ; если надъ домомъ кричитъ сычъ,—это подворье сгоритъ. Собаки воютъ,—тоже къ пожару или несчастью. Существуетъ повѣрье, что если подъ день великомученицы Варвары или Екатерины вечеромъ срѣзать вѣточку съ вишни и, задумавъ что нибудь, поставить эту вѣтку въ воду, то, если сбудется желаемое, она къ Новому году расцвѣтетъ, если же нѣтъ, то засохнетъ. Дорожатъ крестьяне святою вербою, цвѣтами и васильками, лежащими подъ крестомъ. Очень часто ходятъ къ священнику просить у матушки васильковъ изъ-подъ креста для мытья головы; варятъ святую вербу и отваромъ моютъ голову отъ боли. 10-го мая на Симона Зилота рвутъ разныя травы и ими настаиваютъ водку или-же сушатъ и завариваютъ ихъ, какъ чай. Для чая идутъ въ большинствѣ розовый цвѣтъ, цвѣты вишни и яблонь, липовый цвѣтъ, мята и ромашка. Есть трава, называемая въ народѣ „ризакъ“, употребляемая для купанья дѣтей отъ рѣзы въ животѣ. Замѣчаютъ, что въ маѣ, въ 20 числахъ, нельзя садить капусту: нападетъ червякъ или будетъ гнить, также не сажаютъ капусту, когда „до—пары числа“, напр., 24 мая никто ее не сажаетъ.

Народные юридическіе обычаи. Если парень засватался, и затѣмъ по какимъ либо причинамъ сватовство разстроилось, т. е. если родители дѣвки или же сама дѣвка не хочетъ вступить въ бракъ съ засватавшимся ее парнемъ, то потерпѣвшая сторона обращается въ судъ, и волостной судъ, по мѣстному обычаю, приговариваетъ виновную сторону заплатить всѣ убытки, понесенные потерпѣвшими, именно: заплатить за угощеніе гостей, которые были на сватаньи, такъ какъ парень, засва-тавшій дѣвку, доставляетъ къ ней все, что нужно для угощенія гостей и родныхъ; если же парень отказывается отъ невѣсты, то съ него взыскиваютъ, смотря по его состоянію, нѣсколько руб. за безчестіе дѣвки. Формальныхъ разводовъ не существуетъ: если же расходятся супруги вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ, то они расходятся съ собственнаго своего согласія; постороннихъ же вмѣшательствъ не существуетъ. Раздѣлы

между братьями, оставшимися послѣ смерти отца и матери, производятся съ согласія сельскаго общества, на что составляется приговоръ. Раздѣлъ производится слѣдующимъ порядкомъ: братья получаютъ по равной части, сестры же, вышедшія замужъ, ничего не получаютъ; сестры, оставшіяся въ дѣвцахъ, получаютъ $\frac{1}{4}$ недвижимости и $\frac{1}{7}$ движимости. Если кто либо изъ родителей живъ, тогда раздѣлъ происходитъ также съ согласія сельскаго общества, но по усмотрѣнію отца или матери. Относительно найма рабочихъ обычаевъ не существуетъ. Нарушившіе правила о наймѣ привлекаются къ отвѣтственности по существующимъ законамъ волостнымъ судомъ—между крестьянами и общимъ судебнымъ учрежденіемъ—между привилегированными. По преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, нравственности и благочинія—обычаевъ не имѣется, а за всѣ таковыя проступки и преступленія виновные привлекаются въ судъ на общемъ основаніи.

Заговоры отъ зубовъ: „Місяцъ на небесѣ, китъ рыба у моря, звирь у поля сходилися до мѣста вычѣраты; и місяцъ Владымырь, чи бувъ ты на небѣ“. —Бувъ“. „Чи бачивъ ты мертвыхъ людей?“—„Бачивъ“. Чи вси у нихъ зѣбы цѣли“. —„Ни“. „И на рождѣной, хрещѣной, моли́твенной Катерини, щобъ зѣбы по ви́къ не боли́лы и не щими́лы“.

Пѣсенъ у крестьянъ очень много, но старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ очень мало. Такъ какъ изъ крестьянъ многіе были на Донщинѣ, то, пришедши домой, они передаютъ тѣ пѣсни, которыя тамъ слышали, своимъ подругамъ и поютъ ихъ здѣсь уже въ измѣненномъ видѣ; забывъ первоначальную риѣму, выдумываютъ уже свою. Такъ, мнѣ пришлось слышать пѣсню, (забыла я ее начало) про Дорошенка и Сагайдачнаго, но въ такомъ искаженномъ видѣ, что отъ первоначальной пѣсни осталась только форма. Вотъ малороссійская пѣсня про вербу: Ты верба ты кудрявая, кучерявая, на чему ты сросла, а гдѣ и виросла.—„Я зросла на лужку, на крутомъ бережку, на зелѣный теремъ похылѣлася. Тамъ сидѣла вдова, поздно звѣ-

чера сама; засвѣтила свичѹ зъ вѣску ярого, дожидала дружка разудалого. Винъ стучить, винъ кричить, по дорогѣ бѣжить“. Поютъ здѣсь и про Сидоръ-Карповича только съ своими добавленіями. Вотъ еще малороссійская: „Плывѣ чѣвынѣ, воды повенѣ, сколыхнѹлася вода, тамъ молодой козаченько пару коней напува, свою дівку, свою красну все словами вговоря: „Не плачь дівка, не плачь красна, не плачь душенька моя. Вотъ я знаю, распознаю, чимъ я тебе разгнѣвывѣ, що и вѣбра, изъ вѣчера краще тебе полюбывѣ“.

Въ послѣднее время модною или новою считается пѣсня: „Ой на зорькѣ та на зѣрюшкѣ дѣвка Маша корѣвущку дойла, по-дойвши молочко цидѣла, процидѣвала, своего Ванюшу поила“ и т. д. Она до того употребительна между молодежью, что дѣти шести лѣтъ уже знаютъ и поютъ ее.

Сказка: „Жили дѣдъ и баба: у нихъ была дочка, и у дѣда дочка, они пошли на пряжи. Бабина дочка пряла, а дѣдова все мычки кидала въ печь. Напряла бабина дочка и пошла домой, начала перелазить черезъ тынъ, а дѣдова дочка говоритъ: „дай я перенесу пряжу. Бабина дала, а дѣдова пришла и хвалится: „сколько я напряла, а бабина мычки кидала въ печь“. Бабина дочка плачетъ. „Нѣтъ, я пряла, а она въ печь мычки кидала“. Баба говоритъ: „повези, дѣдъ, свою дочку въ лѣсъ“. Повезъ ее дѣдъ въ лѣсъ, оставилъ въ хатѣ и говоритъ: „ты вари кашку, а я пойду рубить дрова въ лѣсъ“. Она сварила и кличетъ своего отца вечеромъ, а кобылячья голова говоритъ: „идѹ, идѹ“. Дѣвка испугалась и побѣжала въ хату. Подошла кобыля голова до дверей. „Дѣдова дочка, отчини!“ Та отчинила. „Пересади менѣ“. Пересадила. „Усыпъ каши“. Усыпала. „Дай ложку“. Дала. „Постелись“. Постелилась. „Положи“. Положила. „Укрой“. Укрыла. „Загляни мене въ правое ухо, а въ лѣвое выглянь“. Дѣдова дочка заглянула, а тамъ всякаго наряду. Приѣхалъ дѣдъ, взялъ и поѣхалъ домой. Баба говоритъ: „дай посмотри, сколько въ тебѣ наряду“. Посмотрѣла, а тамъ всякаго наряду. Тогда баба и говоритъ: „дѣду, повези и мою дочку въ лѣсъ“. Онъ повезъ и говоритъ: „ты тутъ вари кашку, а я пойду дрова рубить“. Сварила она и кличетъ, а кобылячья

голова говоритъ: „идѹ, идѹ“. Кобылячья голова коло дверей: „Отчини“. Бабыя дочка говоритъ: „не велика барыня, сама отчинишь“. „Усыпъ каши“. „Не велика барыня, сама возмешь“. „Поставъ“. — „Не велика барыня, сама поставишь“. „Положи менѣ“. „Не велика барыня, сама ляжешь“. — „Прикрой менѣ“. — „Не велика барыня, сама укрѣешься“. „Заглянь минѣ въ правое ухо, а въ лѣвое выглянь“. Заглянула а тамъ, черви. Кобылячья голова убила дѣвчину и кости зложила въ торбынку и повѣсила на гвоздыкъ. Дидъ приѣхавъ, заставъ косты и поѣхавъ до-дому. Дѣлго баба плакала, что дочку вѣито“.

Е. А. Алферова.

28.—Сл. Ново-Псковъ.

Поселеніе.—Одежда.—Преданія.

Слобода Ново-Псковъ Осиновской волости, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи отстоитъ отъ Старобѣльска въ 34 верстахъ, отъ Осиновой въ 1 верстѣ. Съ сѣверо-западной стороны окружена рѣкой Айдаромъ. На правомъ берегу этой рѣки возвышается плоскогорье. Съ сѣверо-восточной окружена рѣкой Камянкой, которая съ сѣверной стороны впадаетъ въ рѣку Айдаръ. Эти двѣ рѣки отдѣляютъ Ново-Псковъ отъ Осиновой. Съ остальныхъ сторонъ слобода Н.-Псковъ окружена выгономъ (мѣсто, гдѣ пасется скотъ), за которымъ слѣдуетъ поле ново-псковскихъ жителей.

Ново-Псковъ еще называется „Закамьянка“. Названіе это получило давно; старики не помнятъ—когда; но рассказываютъ, что ровная мѣстность съ богатыми угодьями привлекла многихъ жителей слободы Осиновой, такъ что они переселились сюда, образовали слободу, которую и называли Закамьянка, потому что она основалась за рѣкою Камянкою. Въ 1829 году здѣсь было введено военное поселеніе. Въ это время сюда

было переселено начальствомъ много семействъ изъ другихъ ближнихъ слободъ и хуторовъ. Въ 1831 году была построена церковь во имя святителя Николая; средства на постройку церкви сначала собирались пожертвованіями отъ здѣшнихъ жителей, а во время военного поселенія была достроена рабочими солдатами. Въ 1829 году присланъ былъ въ Закамянку Псковскій кирасирскій полкъ, который простоялъ здѣсь 28 лѣтъ, отъ чего Закамянка и была переименована въ Ново-Псковъ.

Ново-Псковъ населенъ малороссами. Они имѣютъ средній ростъ; волосы на головахъ у мужчинъ подстрижены въ кружокъ; любятъ носить широкую бороду и подстриженные усы. Волосы на головѣ у женщинъ длинные, заплетаются въ косы (какъ онѣ заплетаются—описано будетъ дальше). Мальчики до 12 лѣтъ и дѣвочки до 7 лѣтъ всегда бываютъ съ остриженными волосами, потомъ начинаютъ придавать имъ такую форму, какъ у взрослыхъ. Жителей мужескаго пола считается 2029, женскаго пола 1915, обоюго пола 3944.

Жители Ново-Пскова говорятъ на малороссійскомъ нарѣчій, но неправильно, нѣкоторыя слова стараются произносить литературно. Это произошло оттого, что здѣсь стоялъ полкъ, и солдаты были военными поселянами.

Крестьяне умственно порядочно развиты оттого, что во время военного поселенія начальство заставляло ихъ дѣлать разныя незнакомыя имъ до того работы; такъ, на примѣръ, здѣсь были шелководство, садоводство, огородничество, учили мостить шоссе, была тогда и школа кантонистовъ. Большая часть крестьянъ грамотны, охотно читаютъ, какія попадутся, книги. Почти въ каждой хатѣ есть Псалтирь или Евангеліе: эти книги покупаются большею частію въ Кіевѣ или въ Святыхъ Горахъ (въ Изюмскомъ уѣздѣ) ходящими туда на богомолье. У многихъ я видѣлъ еще книгу „Потерянный и Возвращенный Рай“ Мильтона, маленькія книжки Житій Святыхъ; сказки о Бовѣ королевичѣ и Ерусланѣ Лазаревичѣ и др.; эти книги покупаются на здѣшнихъ базарахъ или ярмаркахъ у разносчиковъ. Иногда съ просьбою дать прочесть какую нибудь книгу обращаются къ учителю мѣстной народной школы, и учитель, на сколько позволяетъ ему составъ школьной бібліотеки, удо-

влетворяетъ ихъ желаніе. Школу крестьяне уважаютъ, съ удовольствіемъ посылаютъ дѣтей учиться. Въ настоящее время въ школѣ учатся около 140 мальчиковъ и дѣвочекъ; но къ трудамъ учителя относятся равнодушно, считая, что онъ обязанъ обучать ихъ дѣтей потому, что за это получаетъ жалованье.

Лѣтняя будничная одежда мужчинъ: „Сорочка“ бываетъ полотняная, шьется изъ 6 аршинъ полотна, съ средней вышины воротникомъ, который застегивается впереди шнуркомъ или ленточкой (завязка) безъ манишки, стоитъ 75 копѣекъ. Широкіе полотняные „штаны“ изъ 6 аршинъ полотна, съ правой стороны есть „карманъ“; застегиваются „очкурѣмъ“, или пуговицею, стоятъ 75 коп. „Картузъ“ суконный изъ дешеваго чернаго, тонкаго фабричнаго сукна, околица и кругъ одинаковой ширины, съ кожанымъ козырькомъ—стоитъ 50 копѣекъ. Кожаные „босовыкы“, или „чырвыкы“ шьются въ видѣ полуглубокихъ резиновыхъ галошъ, съ низкими каблуками; весною и осенью привязываются къ верхней части „чырвыковъ“ „волѣкы“ (длинные тонкія веревочки), которыми обматываютъ ногу до колѣнъ сверхъ „онучей“ („портянокъ“), стоятъ отъ 80 коп. до 1 рубля. Нѣкоторые носятъ сапоги изъ грубой, крѣпкой „чиненной“ кожи съ широкими „голенищами“, вышиною до колѣнъ, низкими „каблуками“, высокими „подъемами“; стоятъ отъ 3 до 5 рублей; чтобы дольше носились, „черевики“ и „сапоги“ („чоботы“) смазываютъ каждую недѣлю чистымъ дегтемъ. Въ холодную погоду надѣваютъ короткую, суконную „свитку“, сшитую изъ простаго, сводѣльнаго сукна, изъ 6 аршинъ, въ родѣ полукафтана; длина ея на $\frac{1}{2}$ аршина ниже таліи, застегивается на лѣвую сторону груди на 3 „дѣзыка“ (круглыя кожаныя пуговицы),—стоитъ 3 рубля.

Лѣтняя праздничная одежда мужчинъ. У молодыхъ парней („парубкы“) воротникъ на полотняной сорочкѣ бываетъ вышитъ въ сосну (на подобіе сосны); вышиваютъ „заполочью“—красною, синею и черною; нѣкоторые носятъ и ситцевыя сорочки, тоже изъ 6 аршинъ, стоящія 90 копѣекъ. Женатые только донашиваютъ вышитыя или ситцевыя сорочки, а потомъ они какъ и старики, носятъ такіе же рубахи, какъ и въ буд-

ни, только чисто вымытыя. „Штаны“ шьются изъ какой нибудь шведской матеріи или „черкесина“, тоже изъ 6 аршинъ; стоятъ 1 р. 75 копѣекъ. Нѣкоторые старики изрѣдка носятъ и полотняныя, только чисто вымытыя, застегиваются „очкурѣмъ“, иногда и пуговицею. Съ правой стороны всегда бываетъ глубокой „карманъ“. Новые „картузы“ носятъ только „парубки“ 1 лѣто; на 2 лѣто имъ покупаютъ опять новые, а прежніе донашиваютъ,—женатые и старики до тѣхъ поръ, пока они не изорвутся. 1 картузъ въ 50 копѣекъ можетъ служить на 3 года. Женатые и старики носятъ кожаные сапоги такой же формы, какъ и будничные („черевики“ надеваютъ только самые бѣдные жители, у которыхъ нѣтъ сапогъ); но для „парубковъ“ шьются нѣсколько иначе: кожа для нихъ выбирается болѣе мягкая, „голенищи“ бываютъ уже и длиннѣе; если нажать ихъ къ низу, то получаютъ красивыя складки. Ихъ высокіе каблуки обшиваются узорчато мѣдными гвоздиками, снизу къ каблукѣ прибавляется подкова—выше мѣдная, ниже желѣзная; носки бываютъ средней ширины; кромѣ того, они шьются на косую колодку, такъ что различаются правый и лѣвый сапоги. Для того, чтобы сапоги всегда были черны и мягки, каждую недѣлю ихъ смазываютъ чистымъ „дегтемъ“; такіе сапоги стоятъ отъ 6 до 8 рублей. Носятъ „чумарки“ короткія и длинныя, въ родѣ кафтана, со сборами по таліи: короткая на $\frac{1}{4}$ арш. выше колѣна, длинная на 1 вершокъ ниже колѣна. У богатыхъ бываютъ суконныя изъ тонкаго, чернаго фабричнаго сукна,—у бѣдныхъ изъ какой нибудь „шведской“ матеріи или черкесина. Суконныя короткія шьются изъ $2\frac{1}{2}$ аршинъ, стоятъ отъ 4 до 6 рублей, длинныя шьются изъ 4 аршинъ, стоятъ отъ 8 до 10 рублей. Изъ шведской матеріи или черкесиновыхъ короткія шьются изъ 6 аршинъ, стоятъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 рублей; длинныя шьются изъ 8 аршинъ, стоятъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 руб. Чумарки застегиваются на груди проволочными желѣзными или мѣдными крючками; съ боковъ, ниже таліи, есть 2 кармана. „Парубки“ еще перевязываютъ по таліи свои „чумарки“ широкими поясами изъ шерстяной матеріи разнаго цвѣта, которые стоятъ до 90 коп.

Зимняя одежда мужчинъ. На зиму прибавляютъ: „кожухи“,

„свиты“, „капелюхы“, или „шапки“, „вѣлянки“ и „шарфы“. Кожухи шьются изъ простыхъ чиненныхъ или дубленныхъ овчинъ на 3 формы. 1-ая форма: короткій, вродѣ короткой чинарки со сборами по таліи, съ 2-мя карманами по бокамъ; застегивается на груди крючками или „гудзыкамы“, шьется изъ 4 овчинъ, стоятъ отъ 5 до 7 рублей. 2-ая форма: длинный, въ родѣ длинной чинарки со сборами по таліи, съ 2 карманами по бокамъ, застегивается на груди крючками или „гудзыкамы“, шьются изъ 6 овчинъ, стоятъ отъ 8 до 12 рублей. 3-ья форма: въ родѣ шубы съ воротникомъ, для воротника приготовляютъ овчины изъ маленькихъ ягнятъ; этой же овчиною обшиваютъ узкою полоскою края рукавовъ, полы и низъ; шьются изъ 6 овчинъ, не считая воротника, стоятъ отъ 12 до 18 руб. 1-ая и 2-ая форма кожуховъ тоже обшивается по всѣмъ краямъ узкою полоскою какого нибудь мѣха или овчиною съ ягненка. Кромѣ того, на груди, на полахъ и кругомъ весь низъ обшиваютъ узорчато шнурками разныхъ цвѣтовъ. „Свиты“ шьются изъ простаго бѣлаго или сѣраго своедѣльнаго сукна, по 2 формамъ. 1-ая форма—въ родѣ кафтана, длиною до колѣнъ; застегивается на груди гудзыками съ однимъ карманомъ на правой сторонѣ; шьются изъ $7\frac{1}{2}$ аршинъ, стоятъ 4 руб. 2-ая форма—въ родѣ кожуха 3-й формы съ воротникомъ, длиною на $\frac{1}{4}$ арш. ниже колѣнъ, съ передней стороны ниже воротника есть „петелька“ и „гудзыкъ“ для застегиванья; шьется изъ 10 аршинъ, стоятъ 6 рублей. Одѣвшись въ свиту 1-й или 2-й формы, иногда подвязываются краснымъ суконнымъ поясомъ, стоящимъ 20 копѣекъ. „Капелюхы“—въ родѣ шапки съ длинными наушниками, въ концѣ которыхъ есть шнурки. Въ холодную погоду уши капелюха шнурками притягиваются къ подбородку, подъ которымъ шнурки связываются; такимъ образомъ онѣ согреваютъ виски, уши и переднюю часть шеи. Въ капелюхѣ снаружи лобъ, внутри затылочная часть и уши обшиваются овчинкой изъ шкуръ маленькихъ ягнятъ или „плетенкою“, похожую на овчину, которую покупаютъ въ мѣстныхъ или городскихъ лавкахъ. Верхняя часть суконная изъ тонкаго чернаго или сѣняго фабричнаго сукна; на макушкѣ для красоты пришиваютъ

суконную пуговку. Внутри толстая ватная или шерстяная подкладка обшивается фланелью; стоит от 70 к. до 1½ р. „Валенки“ покупаютъ въ здѣшнихъ лавкахъ или городскихъ, стоятъ отъ 1 до 2 руб.; иногда нижнюю часть ихъ обшиваютъ кожей, чтобы дольше носились. Носятъ и сапоги, только внутри подъ ноги подстилаютъ солому, ноги-же обматываютъ толстыми суконными „онучами“, чтобы теплѣе было. Шарфы стоятъ отъ 20 до 50 коп.

Лѣтняя будничная одежда женщинъ. Длинная полотняная сорочка, длиною ¼ аршина ниже колѣнъ; шьется изъ 8-ми аршинъ полотна. „Кóмиръ“ (воротникъ) состоитъ изъ оконечностей съ мелкими сборами, обшитыми въ концѣ рубцомъ, застегивается спереди пуговицею. Рукава длинные и полные, пришиваются къ плечамъ сверху со сборами, внизу безъ сборовъ; концы ихъ не широки, лишь-бы вошелъ кулакъ руки, кругомъ со сборами и рубчикомъ въ концѣ; плечи иногда бывають вышиты „мережкой“ (узорчатая вышивка дырочками), параллельно рукавному шву шириною въ 1 вершокъ, длиною ¼ аршина; конецъ подола обшивается рубцомъ или „мэрэжкой“. Цѣна такой сорочки—1 руб. „Шарафанъ“ шьется изъ какого нибудь пестраго ситца, къ нижнимъ краямъ вокругъ пришиваютъ складчатую оборку въ 2 вершка шириною. Верхняя часть бываетъ со сборами; въ концѣ ихъ вшивается поясъ съ двумя концами впереди, которыми онъ стягивается и подвязывается по талии; шьется изъ 7 или 9 аршинъ ситца, стоитъ отъ 1 р. 20 к. до 1½ р. „Кохта“ шьется тоже изъ какого нибудь пестраго ситца, съ ровною спинкою, безъ всякихъ перехватовъ по талии и подкладки, длиною на ½ аршина ниже талии. Воротникъ бываетъ такой же, какъ и у сорочки, но безъ сборовъ; нижняя часть „кохты“ и рукавовъ обшивается складчатою оборкою или „зубцами“. „Зубцы“ пришиваются 2-мя рядами, 1-й рядъ на самыхъ оконечностяхъ низа и рукавовъ, 2-й рядъ на 1 вершокъ выше. „Зубцы“ есть ничто иное, какъ длинная полоса изъ чернаго ситца, въ 1 вершокъ шириною, сложенная вдвое; съ одной стороны ея вырѣзаны угольники, какъ на пилѣ, потомъ пришитая къ кофтѣ; застегивается впереди пуговицами, шьется изъ 5 или 6 аршинъ ситца, стоитъ

90 коп. Платки носятъ небольшіе ситцевые, стоимостію въ 20 или 25 коп. Въ холодную погоду навязываютъ на голову и теплый платокъ изъ шерстяной или бумажной ткани, стоимостію въ 1½ руб. Носятъ „ботынки“, или „полусапожки“ съ чулками и безъ чулковъ; чтобы чулки не спускались, вверху подвязываютъ ихъ подвязками. „Ботынки“—родъ штиблетовъ безъ резинокъ, шейка выше подъема разрѣзывается, кончики разрѣзаннаго чуть подвертываются внутрь и пришиваются; возлѣ нихъ съ боковъ пробивается по 4 дырочки, въ нихъ вбиваются пистоны, въ которые затягивають шнурокъ и, стянувши шнуркомъ, завязываютъ. „Ботынки“ стоятъ отъ 1½ до 2 руб. Въ холодную погоду вмѣсто „ботынковъ“ носятъ сапоги такой же формы, какъ и у мужчинъ; надѣваютъ и свитки, такія же, какъ и у мужчинъ.

Лѣтняя праздничная одежда женщинъ. У молодыхъ дѣвушекъ („дивчатъ“) воротникъ на сорочкѣ бываетъ вышитъ ломаною линіею или косыми крестиками. „Мережка“ на плечахъ тоже обшивается такими же крестиками („обвóдокъ“); иногда вмѣсто „мережки“ вышиваютъ широкую вышивку, большею частію въ родѣ геометрическихъ ромбовъ; въ срединѣ ихъ вышиты такіе же звѣздочки; „обвóдки“ съ боковъ бывають, какъ и около „мэрэжки“; вышиваютъ заплочью красною, синею и черною. „Мережка“ на концѣ подола также обшивается „обвóдкомъ“. Многія носятъ ситцевыя или миткалевыя сорочки только до пояса, а дальше подшивается полотняная подставка („пидтѣчка“). „Кóхта“ и „шарафанъ“ такой же формы, какъ и будничныя, но бывають всегда новыя или очень чистыя. Вмѣсто „кóхты“ иногда носятъ „кырсэты“; эта одежда заимствована у донскихъ казачекъ дѣвушками, ходившими на заработки въ „донщину“. „Кырсэты“ шьются изъ плисовой черной ткани, у богатыхъ дѣвушекъ изъ чернаго бархата; длиною таковы же, какъ и „кóхта“. Онѣ походятъ на мужскую „чумарку“, но отличается тѣмъ, что нѣтъ сборовъ по талии и рукавовъ. Воротникъ такой же, какъ и на „кóхтѣ“, застегивается впереди маленькими крючками, но такъ, что ихъ не видно. Правая и лѣвая стороны груди и талия сзади обшиваются въ 2 ряда маленькими, круглыми, стальными пуговицами. Талия кругомъ, швы на спинѣ

и впереди пуговицы обшиваются краснымъ или зеленымъ шнуркомъ въ видѣ ломаной линіи. Шьется изъ 5 или 6 аршинъ плиса, стоитъ отъ 2½ до 3 руб. У кого есть „кырсѣтъ“, у той непременно должна быть и миткалевая бѣлая сорочка до поясницы (нижняя часть полотняная); у такихъ сорочекъ, кромѣ того, что вышиваются воротникъ и плечи, вышиваются рукава и обшлага. Рукава вышиваются въ „разбросъ“ крестами или звѣздами; обшлага обшиваютъ вокругъ ободочкомъ, къ концу пришиваютъ кружева; такая сорочка стоитъ 2 рубля. „Ботѣнки“ такіе же, какъ и въ будни; но вмѣсто простаго шнура, затянутого въ пистоны, затягивается красный шелковый шнурокъ. Вмѣсто шерстяныхъ чулки бываютъ вывязаны изъ бумажныхъ бѣлыхъ нитокъ. Каблуки „ботѣнокъ“ иногда узорчато обшиваются мѣдными гвоздиками. Дѣвушки и молодыя замужнія женщины носятъ на шеѣ „намысто“ разныхъ видовъ и большіе серебряные или изъ другого металла кресты. Въ ушахъ непременно бываютъ вадѣты серебряныя или изрѣдка изъ другого металла крестообразныя серьги; такія серьги носятъ и въ будни. Волосы на головѣ заплетаютъ въ „расплѣтъ“ и въ косы. Въ „расплѣтъ“ волосы носятъ только дѣвушки, да и то въ праздники, въ будни же, равно и замужнія женщины и старухи, заплетаютъ волосы въ косы; потомъ эти косы закручиваютъ на затылкѣ („корзыною“), или обводятъ кругомъ головы и завязываютъ. Голова бываетъ постоянно накрыта платкомъ („простоволосыми“ ходить не любятъ). Въ концѣ волосъ дѣвушки привязываютъ нѣсколько широкихъ лентъ разнаго цвѣта—шерстяныхъ или шелковыхъ (кисныкы); голову кругомъ обвязываютъ шерстянымъ или шелковымъ, средней величины, платкомъ. Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, больше засватанныя или невѣсты („молоді“) вокругъ платка прикрѣпляютъ искусственный цвѣтокъ; такіе цвѣтки покупаются въ мѣстныхъ или городскихъ лавкахъ, стоятъ 80 копѣекъ. Каждая изъ невѣстъ должна еще имѣть „халѣтъ“ изъ тонкаго, чернаго фабричнаго сукна или какой нибудь черной ткани съ сѣрою подкладкою; шьется онъ на подобіе мужской зимней свитки 2-й формы, но съ круглымъ воротникомъ, который никогда не отпускается, а пришивается на мѣстѣ; когда надѣваютъ его, то подпоясываются вы-

шитымъ „рушныкомъ“ (полотенцемъ); шьется изъ 4 арш. сукна или 8 аршинъ матеріи; стоитъ суконный отъ 7 до 10 руб., простой отъ 4 до 5 руб. Замужнія женщины донашиваютъ только свою „дивоцьку“ одежду; носятъ ихъ также и старухи, такой же формы, какъ и будничная, но въ болѣе чистомъ видѣ, или все, что поновѣе, носятъ въ праздники, а поношенное въ будни.

Зимняя одежда женщинъ. На зиму прибавляютъ „свѣтку“, родъ мужскаго „кожуха“ 2-й формы, но по таліи нѣтъ сборовъ, а только на спинѣ, начинающихся нѣсколько ниже воротника—сверху уже, а книзу расширяется; стягивается впереди крючками или „гудзыками“; иногда, надѣвши ее, подвязываются поясомъ. Поясъ бываетъ суконный, стоитъ 20 коп. Такая свитка шьется изъ бѣлаго самодѣльнаго сукна, изъ 7-ми или 8-ми аршинъ, стоитъ отъ 4 до 4½ руб. Кожухи у нихъ бываютъ такіе же, какъ у мужчинъ—3-й формы, но у нѣкоторыхъ вмѣсто высокаго воротника бываетъ низенькая обшивка изъ черной овчины ягненка. Такой кожухъ стоитъ отъ 10 до 13 рублей. Головы обматываютъ теплыми шерстяными платками, цѣною въ 1½ р. Обуваться въ сапоги такой же формы, какъ и мужчины, съ устилками и съ суконными онучами; нѣкоторыя носятъ и „валенки“. Парчевыхъ очипковъ на головѣ теперь не носятъ: мода эта совсѣмъ перевелась. Плахты и запаски тоже перевелись, такъ что старинной одежды нѣтъ. Дѣти носятъ такой же формы одежду, но въ меньшемъ видѣ, смотря по вѣзрсту.

Преданія. Съ западной стороны Ново-Пскова за рѣкою, на скатѣ плоскогорья, есть давнишнее кладбище, гдѣ похоронены нѣкоторые офицеры, служившіе въ Псковскомъ кирасирскомъ полку. Тамъ есть часовня, выстроенная полковникомъ Сугакомъ (строгій преобразователь Ново-Пскова въ военное поселеніе, энергично вводившій шелководство), возлѣ которой онъ и погребенъ. Ниже той часовни стоитъ маленькая землянка, 3 стѣнки которой вырублены въ горѣ, а передняя устроена изъ мѣла; въ ней есть одно маленькое оконце и двери. Внутри она разделена на маленькія сѣни и такую-же комнатку, посреди ком-

натки устроена печка изъ „саманѣ“ (не паленнаго глинянаго кирпича), за печкою возлѣ природной стѣнки лежатъ для постели двѣ узкихъ дощечки. Въ лѣвомъ переднемъ углу есть маленькій угольный столикъ, который всегда бываетъ накрытъ скатертью, на немъ стоятъ 3 иконы и нѣсколько свѣчей. Въ сѣняхъ отъ праваго задняго угла начинается длинная пещера шириною 1½ аршина, вышиною около 3 аршинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она раздѣляется на другія небольшія пещерки. Стѣнки въ нихъ мѣловыя. Въ этой землянкѣ 65 лѣтъ тому назадъ умеръ подвижникъ Димитрій.

Преданіе о происхожденіи Димитрія и землянки записано со словъ старика крестьянина Недовѣсова, 76 лѣтъ.

„Выходьтъ діло такъ: Мѣтрій бувъ женатый, булы въ ёго дочка ѣ батко. Разъ прійшдѣвъ батко до дому пьянѣнкій и почавъ на сына накачывать: шо ты такой сакій, ты ѣ то робѣвъ ны такъ и другѣ ны такъ. Винъ росѣрдывся на батка, взявъ та ѣ пхнувъ ёго правою рукою. Въ скоросты пѣсля того батко и жінка помѣрлы, остався винъ зъ дочкою. Чоловикъ винъ бувъ набожный, здѣмалось ёму пидты на богомолья; бувъ винъ въ Кѣѣви и ищѣ въ кой якѣхъ монастырѣхъ, розсказувавъ монахамъ свий грихъ, шо батка пѣхнѣвъ. Монахы, стало быть, пояснѣлы ёму, шо винъ зробѣвъ вылыкий грихъ, и наложѣлы на ёго такѣ пытимию: якъ прійдѣшь до дому, то возмѣ сокѣру и одрубѣй рѣку по долоню, и шобъ въ тѣ время бувъ у тѣбѣ чоловикъ такой, шобъ могъ горѣздѣ увѣязѣть одрублѣну часть до руки, и якъ шо зростѣнца рука, такъ грихъ твий Богъ простѣвъ тобѣ, а якъ шо не зростѣнца, такъ спокѣтуй набожно жысть свою до смѣрты; тодѣ Богъ простѣтъ. Отъ винъ прійшдѣвъ до дому, та ѣ ны знаю, чи зѣразѣ, чи трѣхы опослѣ, пидозвавъ до себѣ дочкѣ и кѣжѣ ѣйи: пидѣ ты, дѣчко, до того-то чоловика и скажѣ ёму, шо батко васъ просѣвъ до себѣ, якѣсь діло е. Дочка пѣшла, а винъ погострѣвъ сокѣру, найшѣвъ дрѣвѣтню, положѣвъ кѣло себѣ. Цѣ бѣчѣ, шо чоловикъ той съ дочкою вжѣ пидхѣдѣтъ до ёго, винъ узѣвъ, розмахнѣвъ сокѣрою и рубнѣвъ по рудѣ, та тѣлкъ ны знаю, чѣ винъ ии пырѣрубѣвъ, чѣ, мѣже, на шкѣроуцѣ дѣржаласѣ. Тутъ пидѣйшдѣвъ той чоловикъ, побѣчѣвши лѣхо, скорѣйши

начѣвъ увѣязывать ёму рѣку и пытѣ, на шо це ты зробѣвъ, Мѣтрій? Той ёму пояснѣвъ, для чѣго. Рука опослѣ такѣ зрослѣсь, дочкѣ въ Донцѣвку оддѣвъ зѣмижѣ, а самъ подарѣвъ свою хѣту бѣдному чоловику, пѣшѣвъ на гѣру: тамъ зробѣвъ собѣ зѣмлянку и начѣвъ въ нѣи жѣты, мѣсто тѣ звѣлося пѣстѣнею: бѣзѣкѣ тамъ ни хтѣ ны живѣ. Та вонѣ тодѣ и въ Зѣкамѣнци чѣ ѣ булѣ хѣтъ двѣдцѣтъ и то отѣтъ по бугрѣ, а до гѣры бѣдѣ вырѣствѣ три. Живѣ винъ у тѣей зѣмлянкѣ пѣяддѣсѣтъ годѣвъ: молѣвся тамъ Бѣгу, пѣщу потреблѣвъ одѣнъ разъ въ нѣдѣлю. Пѣ воду ходѣвъ съ глѣнянымъ глѣчычкомъ, до крынѣи, шо билѣ рѣчки, та крынѣя и тѣпѣръ звѣцѣя Мѣтриевою. (Вода въ нѣей очѣнь хорошаѣ, здороваѣ для пѣтѣя, въ народѣ она слывѣтъ цѣлебною); спѣвъ винъ на хворостѣнѣи кровѣтѣи, ничѣго ни славѣ пѣдѣ себѣ. Въ головѣхъ зѣмѣсть подѣшкѣ булѣ камѣнюка, бувѣло, прикрѣе ии чѣмъ нѣбѣдѣ тай лѣже. Зѣмою повѣрхъ лѣтнѣей одѣжи носѣвъ чѣрну дѣвгу сукѣнну свѣтку. Трѣдцѣтъ лѣтъ до ёго ходѣлы дѣты вѣчыцѣя гѣрамотѣ, бувѣло трѣе, абѣ чѣтверѣ и ходѣтъ съ азбѣучѣамѣ. Самъ винъ бувъ чоловикъ вылыкий, зѣ дѣбѣрымы глѣзѣамѣ, съ сидѣю бѣродѣю и волосѣамѣ, та тѣлкъ сухѣй, сухѣй. Кѣжнѣй годѣ разѣвъ пѣять прѣхѣдѣвъ до могѣ батка, бувѣло посѣдѣ поговѣрѣ, розскажѣ, якѣ ёму сѣушѣнѣя булы (бѣ винъ зѣ моѣмъ баткомъ дѣружно живѣ), и ѣ ёго тодѣ бѣчѣвъ: минѣ булѣ 11 годѣ, дѣвѣвся на ту рѣку, шо зрослѣсь: вонѣ булѣ жѣдѣта та сухѣ. Богѣто лѣудѣй ходѣло на гѣру посѣщѣтъ ёго, бѣзѣ молѣтѣвы винъ никѣго ны вѣпускѣвъ, но бѣльшѣ винъ до ѣихъ выхѣдѣвъ. Лѣудѣ, бувѣло, почнѣтъ роспѣтѣувѣтъ ёго кой о чѣмъ; винъ имъ росказуѣ. Бѣчѣ, кѣзѣвъ винъ тодѣ, шо вамъ дѣбѣри лѣудѣ, настѣпѣ времяѣ тяжкѣ, а пѣтимъ Богъ дастѣ полѣгѣча. Вонѣ такъ и прѣйшлѣсь: оттѣжъ въ скоросты булѣ воѣннѣ посѣлѣнѣя, а пѣтимъ и одминѣлось. Однѣ лѣудѣ пытѣлы въ ёго, чѣ мѣжно курѣты табѣкъ: стало быть, е тутѣ грихъ, чи нѣмѣ? Винъ имъ и сѣзѣвъ: курѣты табѣкъ мѣжно, та тѣлкъ такъ, шобъ дѣмъ ковѣтѣтъ (ны вѣпускѣтъ ёго ны зѣ рѣта, ны зѣ нѣса), и якъ вѣ бѣдѣтѣ мѣжѣ мѣромъ, а мѣрѣ не бѣдѣ чѣтъ одѣ васъ смѣрада,—такъ курѣтъ, а якъ чѣтъ бѣдѣ одѣ васъ смѣрадѣ,—такъ ны курѣтъ, абѣ вылыкий грихъ. А то ещѣ

пыта́лы лю́ды, чы мо́жно ню́хать таба́къ? Винъ имъ сказа́въ: ню́хать таба́къ мо́жно, — та тѣ́лко ны обы́раць ко́ло но́са, и якъ бу́дэ васъ мы́ръ пры́нимаць, такъ и Богъ прѣ́ймэ, а якъ мы́ръ ны прѣ́ймэ, то и Богъ ны прѣ́ймэ. А то ещэ въ слободѣ жы́ла удо́ва (вдова) въ не́и бу́ла дочка́, годѣвъ двана́ццаты (12).

Въ я́кыйсь пра́зныкъ вона́ захотѣ́ла спы́кты кала́чыкъ и одосла́ть до дѣ́душки. Отъ она́ узя́ла са́мой лу́чшой му́кы, просѣ́яла на са́мэ гу́стѣйше сѣ́то, — ну тамъ и спы́кла той кала́чыкъ. Звы́лила до́цци позва́ть подрѣ́ту и одне́сты зъ не́ю кала́чыкъ до дѣ́душки на го́ру. Воны́ взя́лы и пи́шлы, доро́гою и ка́жуть: га́рныи мы кала́чыкъ ны́сэмъ, якъ бы це дѣ́душка ны взя́въ ё́го, такъ мы бѣ́ зы́лы (а винъ ба́чы ма́ло прѣ́йма́въ изъ то́го, шо ё́му прыно́сятъ). Отъ дойш́лы воны́ до зы́мля́нкі, Мѣ́трій ихъ впу́стывъ до се́бэ, — воны́ й ка́жуть: ма́ты пры́сла́лы вамъ, дѣ́душка, кала́чыкъ. Винъ узя́въ та й ка́же: „Я, дѣ́тки, ны голо́дный, въ ме́нэ е́сть, шо й́сты, а вы, я ба́чу, голо́дни, такъ ны́хай винъ вамъ, зы́йжты вы ё́го“. А воны́ ба́чы то́дѣ спѣ́мнылы, шо доро́гою ка́зэлы, — та й нача́лы пла́кать, та просѣ́ты, шо́бъ пры́ня́въ, — и винъ та́кѣ пры́ня́въ. Бува́ло, якъ ло́влять лю́ды въ ры́цци ры́бу, въ бу́денныи де́нь, ко́ло то́го мѣ́ста, то винъ пидѣ́йде до ихъ поздо́ровка́цця, ска́же: „Бо́же помо́жь!“ А якъ въ пра́зныкъ хто ло́вэ, а́бѣ въ воскре́сныи де́нь, — такъ винъ тѣ́лько прѣ́йде и ны поздо́ровка́ецця. Ка́ж-ныи, хто ло́вэ ры́бу, про́сыты Мѣ́трія, шо́бъ винъ узя́въ у ё́го стѣ́кы вго́дно, са́мой лу́чшой ры́бы; да́ють ё́му бу́ло: сазанѣ́въ, чаба́кѣвъ фѣ́нтова́ въ 8 а́бѣ въ 10, а винъ бу́ло во́змэ ма-ле́ньку плѣ́тку та й ка́же: „и це́го ми́ни дово́льно“. Пе́рэдъ сме́ртью винъ захво́ра́въ. Оды́нъ чоло́вѣкъ зна́е, шо винъ хво́рый, прѣ́йшовъ до ё́го на́-ны́чы пры́гляда́ть, а (винъ) Мѣ́трій и сказа́въ ё́му: „идѣ́, чоло́вѣ́че, до-до́му, я якъ бу́ду вми́раць, такъ ми́ни Госпе́дь пры́шлэ́ть тако́го чоло́вѣ́ка“. Винъ и пи-шовъ. Въ ту-жэ́ ны́чы у одно́го мужы́ка, но ны въ то́го, шо при́ходывъ, хтосъ посту́кався въ ви́кно и сказа́въ: „идѣ́ на го́ру, бо Мѣ́трій вми́ра!“ Той ско́ре́нько одѣ́вся и пи́шовъ. Пидхо́де до зы́мля́нкі, про́говори́въ мо́лы́тву, слѣ́ха, изъ зы́мля́нкі обизва́вся го́лосъ. Винъ вийш́овъ, захвати́въ Мѣ́трія ще живо́го. Въ ту́жэ́ ны́чы пры́ це́му чоло́вѣ́кови винъ и вме́ръ,

въ 1828 го́ду 17 ды́кабры. Похоро́нылы ё́го пидъ Оси́новско́ю Успе́ньско́ю це́рквою (подъ стѣ́ною це́ркви, гдѣ́ горне́е мѣ́сто). Якъ хоро́нылы ё́го, то зобра́лось бо́гато свяще́нники́въ и лю́дѣй и нэ́слы ё́го зъ свя́тостами (хору́гвями) одъ го́ры и до це́рквы.

Свяще́нники осино́вскѣ́й и ново-пско́вскѣ́й е́жего́дно за неде́лю до Ро́ждества Христо́ва по просѣ́бѣ́ наро́да соверша́ють о не́мъ панихи́ды. Съ просѣ́бою отслу́жить панихи́ду собира́ются не то́лько жи́тели Осино́вой и Ново-Пско́ва, но и изъ дру́гихъ бли́жнихъ слободъ и ху́торовъ. Въ ма́ѣ е́жего́дно быва́етъ крест-ныи хо́дъ отъ Осино́вско́й Успе́нско́й це́ркви до пеще́рь. Воз-ла́ѣ пеще́рь освяща́ють „Мѣ́тріеву кры́ныцю“ и слу́жать по не́мъ панихи́ду. Димѣ́трій го́рскѣ́й во мнѣ́ннѣ́ наро́дномъ счита́ется свя́тымъ чело́вѣ́комъ, и предпо́лагають, что со вре́менемъ дол́жны откры́тыся ё́го не́тлѣ́нныи мо́щи.

О пеще́рахъ гово́рилъ кре́стьяни́нъ О. Е. Кири́ченко 78 лѣ́тъ. „Пы́щѣ́ри про́чы́щени неде́авно, годѣ́въ 20 то́му наза́дъ; по на-ча́лу про́чы́щэ́ло ихъ 2 мона́ха, а да́ли прѣ́йшлѣ́ щэ́ 2. По пра́зныкамъ тудѣ́ нача́ло сходи́щця бо́гато лю́дѣй, такъ шо ны йду́ть до це́рквы, а въ па́щѣ́ри, понано́сылы тудѣ́: ико́нтъ, сви-чо́къ, оли́вы, ломпа́докъ. Якъ пиде́шь бу́ло по па́щѣ́рямъ, то въ ка́жнимъ уго́льчику и ба́чишь: при́быта ико́на и ломпа́дка вы-сы́ты. Свяще́нныи осѣ́ни́вскѣ́й и за́камя́нскѣ́й ба́чуть, шо на-ро́дъ ны въ це́ркву йде́, а до па́щѣ́рь, доложи́лы стано́вому, а стано́вѣ́й, забравъ сво́ю по́лицію, пийшо́въ до пы́щѣ́рь, мона́хѣ́въ поро́згона́въ, иконы́ и е́ще́ якѣ́ бу́лы ве́щи звы́ли́въ по-забы́раць въ це́ркву. А па́щѣ́ри бу́лы давни́ше ка́зэлы старѣ́-лю́ды, шо ихъ ви́копэ́лы розбо́йны́кы. Одъ да́вности хо́ды по-зава́люва́лысь глі́ною, а стѣ́ны крѣ́йдя́ни, такъ-та́кѣ́ цѣ́ли и оста́лысь, такъ ихъ э́то и про́чы́стылы мона́хы. Но якъ про́чы-ща́лы, такъ, ка́жуть, ничо́го ны нахо́дылы и на́дпысѣ́въ ни яки́хъ ны бу́ло. А то 20 ли́тъ то́му наза́дъ нашъ чоло́вѣ́къ, Сты́панъ Ны́довѣ́сь — винъ у́жэ́ вме́ръ, — хо́дывъ на богомо́лья въ Кѣ́ивѣ́, такъ ё́му тамъ одѣ́нъ мона́хъ сказа́въ старѣ́й, старѣ́й: „Ко́лы ты зъ Оси́ново́й, такъ зна́й, шо въ отѣ́мъ яру́ напро́тывъ За-камя́нско́й це́рквы въ ли́ву сто́рону́ е́сть па́ды́на пидъ го́ру, тамъ пидъ то́ю го́рою зако́пано розбо́йны́камъ бо́гато зо́лота, такъ ты по́пробуй́ раско́па́ть. подро́бно расказа́въ, якъ ко́па́ть

щѣ ѥ на бумазѣ нарысувавѣ. А винѣ, бачѣ, шо сказавѣ: шо бувѣ зѣ мѡлоду вѣ разбѡйныкахѣ тамѣ,—чѣрызѣ те ѥ знаѣ. Той прѣйшовѣ до-дѡму, понаймавѣ людѣй и начавѣ копавѣ. Прокопавѣсь цѣле лѣто, зѡлота ны найшлѣ, а нашлѣ по началу пыщѣрку. Вѣ концѣ пыщѣря була роскопана: тамѣ було по-надѣ стѣнкамы такѣ, якѣ лавочки, на однѣй лавоццѣ лыжала сукѡнна свѣтка, тѣлько вжѣ зопрѣла, вѣ кутѡчку, такѣ якѣ зѣ чѣтверѣ, лыжала деревянаго вугля, а бильшѣ ничѡго ны найшлѣ“.

Еще одно преданіе, рассказанное старикомъ крестьяниномъ сл. Осиновой Я. С. 74 лѣтъ: „Вѣ Рогѣвскомѣ лѣсѣ, винѣ ще звѣщѣца и мѣдвѣжымѣ, колѣсь бувѣ татарскій ружейный заводѣ, вѣ якѣмѣ году бувѣ, ны знаю, цѣ ще минѣ дидѣ казавѣ. А тѣпѣрь на тимѣ мѣсти оставѣся розрѣтый хундѣментѣ: валѣетѣця богѣто чѣрѣпѣцѣ, побѣтого кирпичу, кусѡчки залѣза, а бильшѣ всего жѣжалѣцы (шлакѣ). Тамѣ е богѣто ямѣ такѣхѣ, шо тамѣ вѣдно булѣ горны. Та щѣ я якѣ бувѣ пѣрубкомѣ, такѣ выѡрювалѣ тамѣ молоткѣ и крупнѣнкѣ залѣзо“.

С. С. Павленко.

29.—Сл. Ново-Псковѣ.

Слобода.—Говорѣ.—Рассказѣ и сказка.—Чтеніе.—Жилище.—Пища.—Болѣзни.—Занятѣя.

Сл. Ново-Псковѣ находится вѣ 34 верстахѣ кѣ сѣверу отѣ уѣзднаго города, на лѣвомѣ берегу рѣки Айдари. Народѣ называетѣ эту слободу Закаменкой, по имени рѣченки, впадающей вѣ Айдарѣ немного сѣвернѣе села. Первоначальные жители Закаменки вышли изѣ сл. Осиновой. Вѣ старину мѣсто, гдѣ появилась Закаменка, отличалось отѣ другихѣ мѣстностей своими угодыями—лѣсами, прекрасными лугами. Угодыѣ эти привлекли кѣ себѣ людей. Еще гораздо раньше военнаго поселенѣя (когда именно, жители не помнятѣ) нѣсколько семей вышли изѣ Осиновой и образовали здѣсь хуторѣ „Закамѣнку“. Во время же военнаго поселенѣя вѣ Закаменкѣ стоялѣ Псковскій кирасирскій полкѣ, отчего и названіе—Ново-Псковѣ. Такѣ народѣ объясняетѣ происхожденіе и названіе села.

Ново-Псковѣ большая слобода; вѣ ней считается жителей 3,944 души.—Закаменчанѣ имѣютѣ выдающѣяся скулы, широкій носѣ, большой ротѣ и глаза, толстыѣ руки и ноги, большѣя ступни, большѣю частѣю средній ростѣ, темный, слегка красный цвѣтѣ кожи, большѣе подстриженные „вѣ кружокѣ“ волосы; они неповоротливы и мѣшковаты. Впрочемѣ, попадаются и довольно красивые люди, сѣ болѣе или менѣе правильными чертами лица и пропорціональными членами тѣла. Влѣніѣ инородческихѣ примѣсей вѣ наружности не замѣтно.

Говорѣ. Жители Закаменки говорятѣ малорусскимѣ нарѣчіемѣ. Вообще о малорусскомѣ нарѣчѣи можно сказать, что хотя оно и грубо, не благозвучно, но выразительно, отличается сравнительно легкимѣ выговоромѣ и точностью выраженѣя понятѣй.—„Сказано жѣ, вѣложѣ тобѣ усѣ, якѣ на долѡни, усѣ до канцура“ (народн. поговорка по адресу краснорѣчиваго мужика). Замѣчаются слѣдующѣя особенности малорусскаго говора вѣ словообразованѣи:

а) Многіѣ имена существительныѣ (преимущественно имена людей) муж. рода вѣ именительномѣ падежѣ единственнаго числа оканчиваются на *о*, напр., бѣтько, Стѣцькѡ, Грѣцькѡ, Захѣрько и пр. Звательный падежѣ этихѣ существительныхѣ сходенѣ сѣ именительнымѣ, имена же существительныѣ муж. рода на *ъ* вѣ звательномѣ падежѣ оканчиваются на *е*, напримѣрь: Ивѣнѣ—Ивѣне, дубѣ—дубѣ; оканчивающѣяся вѣ именительномѣ на *ъ* и *ѣ* вѣ зательномѣ имѣютѣ *ю*, напримѣрь: учѣтыль—учѣтылю, родѣтыль—родѣтылю, добрѡдѣй—добрѡдию. Существительное матѣ вѣ малорусскомѣ—мѣты.

б) Существительныѣ 1-го склоненѣя на *іе* вѣ малорусскомѣ обыкновенно оканчиваются на *я* сѣ удвоеніемѣ предыдущей согласной, напримѣрь: мученіе—мучѣнья, ученіе—учѣнья, здравіе—здоровья. Родительный, винительный и звательный падежи вѣ подобныхѣ существительныхѣ сходны сѣ именительнымѣ.

в) Существительное 1 и 2 склоненѣя сѣ основой на гортанную во множественномѣ числѣ вѣ именительномѣ падежѣ оканчиваются на *ы*, напримѣрь: врагѣ—врагѣы, крѣчѣкѣ—крѣчѣкѣы, кнѣжка—кнѣжкѣы.

d) Окончанію *ей* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа 1-го склоненія по малорусски соотвѣтствуетъ—*ивъ*, напимѣрь: калачей,—калачивъ, голубей—голубивъ,—но въ другихъ склоненіяхъ это *ей* остается—ночѣй, двирѣй свинѣй.

e) Въ малорусскомъ нарѣчій нѣтъ прилагательныхъ съ окончаніемъ на *ой*, а только на *ый* и *ій*, напимѣрь: дыбѣлый (прочный), сыний. Родительный падежъ имѣетъ только окончаніе *ого* (jого), напимѣрь: дыбѣлого, сын-ѣго.

f) Сравнительная степень имѣетъ и особое окончаніе для каждого рода и одно для всѣхъ родовъ, напимѣрь зыленый—ср. ст. зылынйшый,—а,—е; или зылынйшъ; вылькый (большой)—бильшый,—а,—е или бильшѣ для всѣхъ родовъ.

g) Во множественномъ числѣ всѣ прилагательныя оканчиваются на *и* (для всѣхъ родовъ)—зылѣни, выльки, дыбѣли.

h) Личное мѣстоименіе *онъ* имѣетъ придыхательное въ именительномъ единственнаго и множественнаго чиселъ—винъ, вонѣ, вонѣ, вонѣ, а въ прочихъ падежахъ придыхательное *ј*—јого, јому и пр.

i) Неопредѣленное мѣстоименіе *какой-то* по малорусски якый-се, родительный—якого-сь, дательный—якому-сь и пр.

j) Въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола окончанію *тъ* и *чь* въ малорусскомъ нарѣчій соотвѣтствуетъ окончаніе *ты*,—читаты, пысаты, плакаты, сикты, пыкты, а окончаніе—*ться*, *чься* соотвѣтствуетъ окончанію *чыця* (тысь), напимѣрь: умы-ва-цьця, надіяцьця, учійцьця, но пык-тьсь (печься).

Образцы спряженія: читаты, пысаты, пытиты.

Я читаю-ю — пыш-ю — пыт-ю

Ты —-ишь —-ышь —-ышь

Винъ —е —ѣ —ыть

Мы —-имъ —-ымъ —-ымъ

Вы —-иты —-ыты —-ытѣ

Вонны —ють —уть —ятъ

Пропедашее время:

Я чита-въ, пыса-въ, пыт-ивъ

Мы —лы, —лы, —лы.

Будущее время: *Я читаты маю* или *я маю читаты* или *я читатыму* (форма вполне сходная съ франц. *finir-ai*) и пр.

Сослагательное наклоненіе: я чита-въ-бе, пыса-въ-бе. Причастій дѣйствительнаго залога нѣтъ, а ихъ замѣняютъ выраженія: той, кто пыше (пишущій), той, кто пысавъ (писавшій). Для дѣепричастій окончанія *учи* и *ючи*, напимѣрь: пышучи, сы-дучи, читаючи. Страдательнаго залога дѣепричастій нѣтъ, а ихъ замѣняютъ слѣдующія выраженія: пысья того, якъ спросылы (будучи спрошенъ), пысья того, якъ ѣго убылы (будучи убитъ).

Особенности въ произношеніи: а) Въ малорусскомъ нарѣчій есть звуки, которыхъ нѣтъ въ литературномъ нарѣчій, напимѣрь: *г*, *дз* (одинъ звукъ, а не сочетаніе), *дъж* (тоже одинъ звукъ): *гудзыг* (кожаная пуговка), адъже? (не такъ ли? вѣдь?).

б) Звукъ *е* въ малорусскомъ очень часто замѣняется звукомъ *э* и *и* (ѣ), напимѣрь: тѣсть, хрѣсть, дѣрыво; дидъ, диты, сѣно, рѣчка (почти всегда великорусское *ѣ* въ малорусскомъ соотвѣтствуетъ *и*).

в) Малорусское нарѣчье не любитъ сочетанія *и*, а замѣняетъ его сочетаніемъ *иай*, напим.: малорусъ не скажетъ гитара, а гайтара; не скажетъ—гимназистъ, а гаймазистъ, или гамназистъ. На вопросъ,—почему не говоришь *и*, а *иай*? малорусъ отвѣчаетъ—„такъ смазнишь“ (удобнѣе для произношенія).

д) Союзъ *и* послѣ гласной буквы всегда сокращается въ *й*, напимѣрь: пишѣвъ, та й нымѣ; шлы дѣнь, другый, трѣтій, а мѣжѣ й бильшъ.

е) Великорусское *и* часто замѣняется *ы* напр., диты, пысаты, кнѣжка; *т*—*тъ*, если *т* будетъ послѣднимъ звукомъ въ слогѣ, читають; малорусъ не скажетъ,—ротмистръ, гетманъ, а рѣтъ-мыстръ, гѣтъманъ.

ф) Въ малорусск. нарѣчій нѣтъ сомнительныхъ согласныхъ и гласныхъ звуковъ, а всѣ звуки произносятся ясно, отчетливо: дубъ, гѣрно (хорошо), чита-ишь и пр.

г) *О* иногда замѣняется звуками *и* и *а*, напр., пишѣвъ, по-кийный (умершій), ничъ, хозяинъ, горячий.

h) Замѣтно преобладаніе *з* надъ *с*,—зробывъ, зийшѣвъ, *д* надъ *т*,—одвѣзны (отстанъ), видчинъ (отвори). Сказывается вліяніе литературнаго нарѣчья на малорусское, даже замѣтно желаніе выйти изъ сферы „неотесанности“, грубости, свойствен-ной людямъ вовсе необразованнымъ. Видно, что малороссы не

имѣють къ своему языку особенной любви и вообще любви, свойственной языку родному. При разговорѣ съ человѣкомъ, болѣе или менѣе интеллигентнымъ, мужикъ старается говорить литературною рѣчью. Большое вліяніе на рѣчь малороссовъ оказываетъ „грамота“. Очень рѣдко употребляются старинныя слова—далеби (честное слово), адъже? (не такъ ли?), хустка (платокъ), стрічка (лента, головное украшеніе), јѣ жыты Богу (ей Богу), що, нащѣ (начто), јо? (ну?) и пр., а замѣнены словами изъ литературнаго языка, или же нѣсколько смягчены, напр., право или вірно тобі кажѣ (вмѣсто далеби), че (чи) такъ? (вмѣсто адъже?), платѣкъ (вмѣсто хустка), јѣй Богу (вм. јѣ жы ты Богу), шо? (вм. ще?), нащѣ? (вм. на что?), та-ну? или просто—ну? (вм. јо?). Нѣкоторыя слова вовсе вышли изъ употребленія, напр.: лѣдвѣ (еле, едва), јасѣ! (смирно!), алѣ (выраженіе согласія съ словами собесѣдника). Выраженіе „цуръ тобі пѣкъ“ тоже довольно рѣдко слышно, а чаще—хай тобі лѣхѣ, ну тыбѣ зовсімъ. Когда мужикъ сдѣлаетъ какую-нибудь оплошность, то говоритъ: „Тебѣ-бѣ побыла лѣхѣ годѣна, или: охъ, ты, головѣчко грѣшна! или: щобъ тобі ласкы ны булѣ? А, сѣку јогѣ ма. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ разсказъ и сказку, записанныя со словъ разсказчиковъ.

...„Ни, хлопци, ось послухайты, шо я скажѣ.—Якѣ, шо такѣ?—Та бачѣ, хочѣ казѣты, јакѣ со мною комѣдна прѣчѣта торѣкъ случѣлась.—А ну, кажѣ, послухајѣмъ, та цѣ, кажѣшѣ, торѣкъ булѣ?—Эгѣ, торѣкъ, торѣкъ, а јѣ дѣси зѣ головѣ ны выходѣ: шѣсь такѣ душѣло у ночѣ. Такѣ пырѣлякѣвъ, трѣцѣци,—зѣбѣ на-зѣбѣ ны попадавъ, ны даѣ Богѣ другу јѣ недругѣви.—Отѣ стѣрія! а ну-ну кажѣ.—Та бачѣ, бувъ дѣсь у гостѣхъ. Запѣм-лѣвъ, дѣ цѣ я бувъ... та нѣче у тѣстѣ. Вырѣувѣ до-дѣму вѣжѣ смѣркѣмъ. Нѣши спѣлы. Ну, шѣжѣ, кажѣ собѣ, лягѣтыму јѣ я, бо порѣ вѣжѣ. Пишѣвъ собѣ у хѣтѣну, послѣвъ кѣй якѣ пѣ-ночи на лѣви и лигѣ. А Мѣрѣя (мѣя жѣнка) лягѣла у хѣти на полѣ. Оцѣ лыжѣ собѣ јѣ дѣмаю—че прѣйде Мѣрѣя до мѣнѣ, чѣ ни; и начѣвъ вѣжѣ дрімѣты. А вѣнѣ, братѣ ты мѣй, шѣсь, нѣче, лѣзѣ до мѣнѣ, та сопѣ, сопѣ. Шо вѣнѣ за бѣсь, дѣмаю собѣ, а пѣтимъ тѣго... стой, та цѣ мѣя Мѣрѣя. Бачѣ, стѣрѣво, хочѣ зѣкѣты, таѣ сопѣ... Цѣ бачѣ у мѣнѣ вѣ головѣ пронѣслѣсь.

Хѣй лѣзѣ, хѣй поповѣрѣча мѣнѣ: прѣкѣнѣсь сѣннымъ, кажѣ самѣ собѣ... Ось, нѣче, зѣзѣло на мѣнѣ, сопѣ, сопѣ, а пѣтимъ якѣ прѣдѣшѣ! че повѣрѣты, якѣ нѣче стопѣдна гѣрѣя на мѣнѣ булѣ. Я вѣжѣ јѣ ны знѣю, че я жѣвѣй бувъ тѣдѣ, че мѣртѣвѣй—зѣкѣвъсь. Хотѣвъ читѣты „Очѣ нашѣ“—ни, ны вѣчитѣю, хотѣвъ пырѣхрѣстѣцѣя, рукѣ ны пѣдѣймѣ, якѣ дырѣвѣяна, сѣку јогѣ ма, стѣла. Хотѣвъ крѣкнѣты, тѣ жѣ ни, чѣртѣ јогѣ бѣтъка знѣ: шѣсь у грудѣхъ спѣрѣло, и скѣзѣно, хотѣ бы тѣбѣ дыхнѣты. Дѣвѣго душѣло, братѣ ты мѣй. Пѣтимъ тѣго нѣче спѣвѣзѣ, спѣвѣзѣ... спѣвѣзѣ јѣ нѣмѣ ничѣго—щѣзѣло. Я тѣдѣ мѣрѣцѣй (скѣрѣй) зѣ лѣвы, та якѣ закрѣчѣ ны сѣојѣмъ мѣтомъ. Дѣ јѣ гѣлѣсь вѣзѣвъсь та сѣ хѣтѣны вѣ хѣту. Бѣтъко јѣ мѣты јѣ жѣнка сѣ пѣлу: „шо такѣ, ой, Бѣжѣ! сѣ нѣмѣ хрѣсна сѣла! Мѣрѣцѣй засѣвитѣлы свѣтѣло. Я, зѣбѣ-на-зѣбѣ ны попадајѣчи, кѣй якѣ роскѣзѣвъ, шо случѣлось со мною. Усѣ хрѣстѣцѣя, пытѣють—мѣжѣ прѣснѣлось? Дѣ тамѣ прѣснѣлось: тѣлькѣ почѣвъ дрімѣты. Такѣ ни хѣто јѣ ны лягѣвъ пѣсьлѣ тѣго:—бѣяльсь, шѣбѣ ще разѣ якѣй бѣсь ны подѣшѣвъ. Такѣ-тѣ стѣрія булѣ со мною“.

Сказка „Вѣдмѣжѣ Ушкѣ“. Жѣвъ собѣ пѣпѣ, та попадѣ, а вѣ попадѣ та бувъ мѣлѣй, вѣдмѣдѣ—зѣвѣрѣока. И найшлѣ собѣ попадѣ отѣ тѣгѣ вѣдмѣдѣ дѣтѣну. Та якѣ дѣтѣну?! Ны хрѣстѣянѣску: половѣна гѣла, а друга половѣна у шѣрѣстѣ. И назѣвъ, бачѣ, пѣпѣ тѣу дѣтѣну Вѣдмѣжѣмъ Ушкѣмъ. Ростѣ Вѣдмѣжѣ Ушкѣ, та јѣ ростѣ, и вѣрѣсь зѣ ѣго чѣловѣкъ вѣлѣ-кѣй та дѣжѣй, якѣ вѣдмѣдѣ. Разѣ пѣпѣ и Вѣдмѣжѣ Ушкѣ за шѣсь посѣрѣдылись. Пишѣвъ Вѣдмѣжѣ Ушкѣ мѣрѣцѣй у лѣсь, назѣвѣравѣ тамѣ вѣдмѣдѣвъ и вѣдѣ до попѣ. Дѣло булѣ смѣркѣмъ. Прѣвѣвъ таѣ кѣжѣ попѣви: тѣту, я добѣвъ волѣвъ (бѣ-ковѣ), кудѣ јѣхѣ постѣвыты? Пѣпѣ зѣрадѣвъ таѣ кѣжѣ: постѣвъ у комѣри (мѣсто для овецѣ). Загнѣвъ Вѣдмѣжѣ Ушкѣ вѣдмѣдѣвъ у комѣрю, а самѣ утѣкъ вѣдѣ попѣ и пишѣвъ свѣтъ-за-оцѣма (куда глаза глядѣты) щѣстѣ шѣкѣты. Идѣ, идѣ и зѣстрѣвѣ чѣловѣка.

— Зѣдорѣвъ бувъ!

— Зѣдорѣвъ бувъ.

— Хѣто ты такѣй?

— Прѣстѣлѣувѣсь, а ты хѣто?

— А я Вѣдмѣжѣ Ушкѣ,—хѣдѣмъ умѣсти, бѣдѣмъ братѣ.

— Ходимъ. Пишли. Идуть дэнь, другый, а мѡжэ й бильшъ; идэ назѡстричъ шось за чоловікъ.

— Здорѡвъ бувъ?

— Здорѡвы булы.

— Ты шо за чоловікъ?

— Я Вырнѣгиръ, а вы хто бѣдыты.

— Я Выдмѣжэ Ушкѡ, а цэ Простылыусъ, будь брѡтомъ,— ходимъ зъ нѡмы.

— Ходимъ. Пишли. Идуть дэнь, другый, трѣтий, а мѡже й бильшъ, зостривѡють иньшого чоловіка.

— Здрастуй!

— Здорѡвы булы.

— Хто ты такѣй?

— Вырвѣдубъ, а вы хто?

— Я Выдмѣжэ Ушкѡ, а цэ Простылыусъ, а цэ Вырнѣгиръ, будь брѡтомъ, ходимъ и ты зъ нѡмы.

— Ходимъ, минѣ однаково свить-за-очима йты. Пишли. Идуть дэнь, другый, трѣтий, тѣждынь, а мѡжэ й бильшъ, дѣвляцьця—рѣчка, шырока та глѣбока. Шо тутъ бѣдымъ казѡты? Якъ на той бикъ пырейтъ? Повѣсылы гѡловы. А Простылыусъ дѣвицьця, та тѣльки посмѣюицьця, а пѡтимъ и кѡжэ: дурнѣй вы дурнѣй, а я нѡщо!

Мырщѣй пырыкнѡвъ своѣй вѣсы чѣризъ рѣчку и пырейшлы усѣ. Пишли дѡли. Идуть дэнь, другый, трѣтий, идуть тѣждынь, другый, а мѡжэ й бильшъ. Стоѣть гѡры, высѡки, ыпрохѡдни. Якъ бѣты, шо казѡты? Якъ пырейтъ гѡры? Зажурѣлысь. А Вырнѣгиръ стоѣть, та тѣльки усмыхѡицьця, а пѡтимъ и кѡжэ: дурнѣй вы дурнѣй, якъ бѡчу, а мынѡ хибѡ забѣлы. Зѡразъ пличѣма тудѣ-сюдѣ, развырнѣвъ гѡры и пройшлы усѣ. Пишли дѡли. Идуть дэнь, другый, трѣтий, идуть тѣждынь, другый, трѣтий, а мѡже й бильшъ. Стоѣть лѣсъ, высѡкѣй, та товстѣй та густѣй,—виковѣй. Ны пройты, ны проѣхѡты, ны пырылитѣты. Упѣть гѡрѡ, упѣть жарѣбѡ. А Вырвѣдубъ стоѣть та тѣльки усмыхѡицьця, а пѡтимъ тогѡ й кѡжэ: дурнѣй вы, дурнѣй якъ я подѣвлѡсь, а мынѡ забѣлы, чи шо? Мырщѣй рукоѡ одѣнъ дѣбокъ, другоѡ — другѣй, одниѣю ногоѡ брыкнѣвъ, другоѡ штовхнѣвъ... је дорѡга. Идуть. Вырвѣдубъ спѣрыди—рѣзѡ

дѣрѣво, а цѣ зѡдѣ. Якъ-сѡ Вырвѣдубѡви прѣйшлѡсь вѣрѡваты одѣнъ дѣбокъ, сѡмѣй тѡвщѣй та сѡмѣй высѡкѣй; колѣ гулькѡ тудѣ, а воно скѡта (ѡма) глѣбока, глѣбока—шо й дѣна ны вѣдно. Тутъ шось ны такъ, подѣмѡвъ собѣ Вырвѣдубъ. Пидѣйшлы братѣ. Вырвѣдубъ показѡвъ ѣмъ на скѡту. Подѣвѣлись и ти. Шо воно за грѣць? Выдмѣжэ Ушкѡ й кѡжэ: трѣба полѣзты тудѣ. Мырщѣй ссукалы зъ лѣку бычѣвѣ. Комѣ-жѣ лѣзты? Вѣзѡвѡся Простылыусъ: я полѣзу. Схѡтѣвѡся Простылыусъ за бычѣвѣ и кѡжэ: спускайтѣ мынѣ! Почѡлы спускаты. Тѡй почѡлы тамъ у скѡти налѡпѡвъ жѡлизни дѣвери, штовхѡвъ, штовхѡвъ ѣхѣть,—ни, ны подѡѣюцьця, и закрьчѡвъ братѡмъ: тягнѣть!—Вѣтягнулы, пытѡють: шо-жѣ тамъ такѣ? Та тамъ, брѡцьци, такѣ, шо й дѣна ныма, стрѡшно, цѣрь ѣму пѣкъ, ходѣть дѡли. Ни, кѡжэ Вырнѣгиръ, полѣзу-ка я; спускайтѣ, кѡжэ. Спустѣлы. Налѡпѡвъ Вырнѣгиръ пѣрѡи дѣвери, садѡнѣвъ ѣхѣть ногѡмы рѡзѣвъ зъ дѡѡ, проломѣвъ дѣвери, а тѣмъ крькнѡвъ: спускайтѣ дѡли! Почѡлы спускаты. Налѡпѡвъ Вырнѣгиръ дѣругѣ жѡлизни дѣвери, садѣвъ, садѣвъ ѣхѣть ногѡмы,—ни, ничѡго ны подѣла, а пѡтимъ и крькнѡвъ: тягнѣть! Вѣтащѣлы, пытѡють: шо-жѣ тамъ такѣ?—Та тамъ, кѡжэ, брѡцьци, такѣ, шо й дѣна нымаѣ, тѣльки лѣку набрѡвѡся—ходѣть дѡли. Ни, кѡжэ Вырвѣдубъ, цѣ ны дѣло, стрѣвѣйтѣ, я полѣзу. Спустѣлы й цѣгѡ. Налѡпѡвъ Вырвѣдубъ дѣругѣ дѣвери, кѡй якъ проломѡвъ ѣхѣть ногѡмы, а тѣмъ крькнѡвъ: спускайтѣ дѡли! Почѡлы спускаты.—Шѡ за чѡртѣвъ бѡтькѡ, дѣма Вырвѣдубъ: шо й дѡси дѣна кѡтъ-мѡ, сѣм-но; а мѡжэ воно бизѡнна бѣзна; якъ шо такъ, то на грѣць минѣ й спускатысь, а пѡтимъ и крькнѡвъ: тягнѣть. Вѣтягнулы пытѡють: шо-жѣ тамъ такѣ? Та цѣ, брѡцьци, кѡже, бѣзѡнна бѣзна, ходѣть дѡли, а тутъ чѣртмѡтымѡ ничѡго дѣла.—Якъ цѣ такъ, чѣртмѡтымѡ дѣла, кѡжэ, бѡчѣ, Видмѣжэ Ушкѡ: ось спустѣть мынѡ, мѡжэ й найдѣ шо нѣбудѣ. Почѡлы спускаты. Прѡйшѡвъ Выдмѣжэ Ушкѡ пѣрѡи дѣвери, проѣшѡвъ и дѣругѣ, спускаѣцьця дѡли. Дѡвѡго спускавѡся. Ось нѡче шось тѣврѣдѡ—дѣмѡвъ, шо то жѡлизни дѣвери, такъ ни, ны такѣ, а такѣ якъ долѣвка. Пустѣвъ зъ рукъ бычѣвѣ и почѡвъ ходѣты, а воно пѡночи, пѡночи. Ходѣвъ, ходѣвъ, налѡпѡвъ одну стѣнку, а пѡтимъ дѣругѣ й трѣтью, а дѡли й четѣртѣ, а у тѣй чѣтѣртѣй налѡпѡвъ

двери. Садонувъ ихъ разивъ три, чытыри, проломивъ, тай ставъ, якъ укопанный,—бачъ, задывувався. А задывувався винъ того, що за двырьмы, та була кимната, а въ кимнати, якъ у дѣнь, видно: коганці горять, та ны людски, а якісь ностранни, до стинѣкъ прыбыти и съ склянными пузырямы, а свить видъныхъ такъ и сѣе, такъ и сѣе. Посырѣдъ кимнаты стоить стилъ, накрытый золотою скатыртѣною, а за столѣмъ сидѣтъ чытыри дѣвки, та такой гѣрни, гѣжи, якъ царѣвны, уквѣчани зилотѣмы квиткамы, у золотыхъ запаскахъ, у чырвѣныхъ чырывычкахъ. А коло шыби намыста, та христывъ!.. Сказано, царѣвны, тай тѣльки.—А у кутѣчкы стоить макѣтра (большой горшокъ безъ суженія отверстія, въ которомъ малороссы обыкновенно растирають макъ, или складываютъ сваренные вареники), а у тѣй макѣтри та сидѣтъ Маль-чоловикъ дзвинъ-голова. Якъ побѣдивъ Маль-чоловикъ Видмѣжѣ Ушкѣ, якъ выскоче зъ макѣтры, якъ зарыпытѣе: що ты за бисъ!? Чѣго ты прыйшовъ?! Тутъ ще никѣго чужѣго ны булѣ! Стрѣвай,—осъ я тобѣ, сѣчий сыну?—Та якъ кѣныцьця до Видмѣжѣ Ушкѣ якъ удѣрѣ дзвинъ головою ѣго по пѣзи, такъ що Видмѣжѣ Ушкѣ трѣхы ны упавъ, та бачъ—устойвѣ, а якъ устойчивъ, росѣрдывся, а потѣмъ того засучивъ рукавъ, пырыхристывся, жжавъ кулакъ, та якъ дзѣзнѣ Маль-чоловика у вѣхо, а зъ другѣго краѣу у другѣ, такъ шо той умѣвся юшкою, упавъ и вѣтягнуся. Укокошкавъ, якъ пыть давъ. А дѣвки пырылякалысь—сидѣтъ и ны ворохнѣцьця. Видмѣжѣ Ушкѣ пидойшовъ до нихъ, тай кѣжѣ: ны бѣйтѣсь, я нѣякого зла у вумѣ вамъ ны маю, тѣльки послухайты мынѣ:—насъ 4 брѣты, и васъ чѣтыро, бѣдѣты нашымы жинкамы. Пырымыгнѣлысь дѣвки, зачирвонѣлысь и наѣе повысылѣлы: вѣны, бачъ, дѣмалы, шо Видмѣжѣ Ушкѣ и ихъ повбывѣ, а вѣйшло ѣнѣе. Идѣтъ за мною, кѣжѣ Видмѣжѣ Ушкѣ. Пиднялысь дѣвки—пишлѣ. Прывивъ ихъ Видмѣжѣ Ушкѣ до бычѣвы, по котрѣй спускався, зказавъ, щобъ одна дѣвка схватѣлася за бычѣву; та ухватѣлася, а Видмѣжѣ Ушкѣ крѣкнувъ брѣтамъ: тягнѣтъ! И вѣвивъ Видмѣжѣ Ушкѣ на свить Бѣжый усѣхъ дѣвѣкъ, а самъ ще тутъ,—у скѣти. Закрычавъ брѣтамъ: спускайты бычѣву! Ныма бычѣвы,—ны спускають брѣты. Закрычавъ у другѣ,—тожъ ныма; закрывавъ у

трѣе — упѣтъ ныма бычѣвы. Шо цѣ за бисъ, шо тутъ казѣты?! Цѣ вѣны дѣяволѣвы сыны, пишлѣ вжѣ, а мынѣ брѣсылы. Заплакавъ Видмѣжѣ Ушкѣ,—бачъ, досадно стѣло,—ны ждавъ винъ цѣго отъ своѣхъ брѣтивъ. Заплакавъ, тай пишѣвъ назадъ у кимнату. Прыйшовъ. Ходѣвъ, ходѣвъ, сумувавъ, сумувавъ (тосковалъ), потѣмъ дѣвыцьця, а вѣно наѣе дѣри у другѣ кимнату. Пидойшовъ,—такъ, дѣри. Штовхнѣвъ ихъ разивъ зъ два, гнѣцьця дѣри, та ны подаѣцьця; садонувъ ихъ разъ, другѣй, трѣтѣй,—погнѣлысь дѣри, та ны поламалысь. Расѣрдывся Видмѣжѣ Ушкѣ, розигнавъ, та якъ удѣрѣ пычѣма,—высадывъ дѣри совѣмъ съ одѣжкамѣ. Дѣвыцьця, а вѣно пидзѣмнѣ царство. Пишѣвъ тудѣ. Ишѣвъ, ишѣвъ; а вѣно хѣлодно, та грѣзко. Дѣвѣго йшѣвъ. Дѣвыцьця, стоить дѣрѣво, а пидъ дѣрѣвомъ лыжѣтъ змиѣята,—лыжѣтъ, та трѣсяцьця,—помѣрзлы. Снявъ Видмѣжѣ Ушкѣ свѣтыну, покрывъ змиѣинѣтъ, а самъ пишѣвъ. Дѣвыцьця, лытѣтъ змиѣ. Прылытѣла вѣна до своѣхъ змиѣинѣтъ,—а вѣны свѣтою вкрѣты.—Хто вкрывъ васъ? пытѣ бачъ.—Та отѣй чоловикъ, шо пишѣвъ, кѣжѣтъ змиѣинѣта. Мырщѣй змиѣ догнала Видмѣжѣ Ушкѣ, тай кѣжѣ: спасѣби тобѣ, чоловѣче, шо вкрывъ, та согривъ моѣхъ змиѣинѣтокъ, щѣжъ тобѣ за цѣ дѣты,—че чырвѣнцѣвъ, че стрѣбла, че хлѣба?...—Ни, кѣжѣ Видмѣжѣ Ушкѣ, якъ шо такъ,—вѣнысы мынѣ на свить Бѣжый.—Дѣбрѣ, кѣжѣ змиѣ, сидѣй на мѣнѣ вѣрхы. Сивъ Видмѣжѣ Ушкѣ на змиѣ вѣрхы и пылытѣлы. Лытѣлы, лытѣлы, змиѣ й кѣжѣ: Слѣхай, чоловѣче, сылъ моѣхъ ны хватѣ,—одрѣжъ мыни своѣ ногу. Одрѣзавъ Видмѣжѣ Ушкѣ своѣ ногу, зѣла змиѣ ту ногу и пылытѣлы дѣлы. Лытѣлы, лытѣлы, дѣвѣго лытѣлы. Отъ змиѣ и кѣжѣ упѣтъ: слѣхай, чоловѣче, рѣжъ и другу ногу, бо ны хватѣ моѣхъ сылъ.—упадѣ. Одрѣзавъ Видмѣжѣ Ушкѣ и другу ногу. Зѣла змиѣ. Пылытѣлы дѣлы. Лытѣлы, лытѣлы, дѣвѣго ще лытѣлы и отъ такѣ вѣлытылы на свить Бѣжый. Положѣла змиѣ Видмѣжѣ Ушкѣ пидъ дѣрѣвомъ, рыгнула, вѣрыгнула обѣдѣи ногы Видмѣжѣ Ушкѣ, прытулыла, зрослысь ногы. Распрощавъ Видмѣжѣ Ушкѣ съ змиѣю и пишѣвъ собѣ шукѣты своѣ жѣнку и брѣтивъ. Шовъ, шовъ. Дѣвыцьця, чѣрѣдка (стадо свѣней) пасѣцьця, та здѣрѣва такѣ. Чѣй цѣ чѣрѣдка—пыта, бачъ, пастухѣвъ.—Простылывѣсова, кѣжѣтъ пастухѣ. Пишѣвъ

Видмѣжѣ Ушкѣ дали. Дѣвыцѣя пасѣцѣя табѣнѣ конный, та такі кони гарни, а табѣнѣ вылікый. Пыта Видмѣжѣ Ушкѣ пастухівѣ: чий цѣ кони?—Вырнігировы,—кажутъ пастухы. Пишѣвъ ще дали. Дѣвыцѣя—пасѣцѣя чирѣдѣ (стадо коровъ и быковъ). Чий цѣ чирѣдѣ? пыта Видмѣжѣ Ушкѣ.—А цѣ чирѣдѣ Вывѣдубова, кажутъ пастухы. Пишѣвъ Видмѣжѣ Ушкѣ дали. Дѣвыцѣя, стоїть горныця (домъ), та така гарна, выліка. Вийшѣвъ Видмѣжѣ Ушкѣ у ту горныцю, а тамъ пырь идѣ: гуляють єго браты зъ жинкѣмы, а Видмѣжѣ Ушкѣ жинка прислужницею у нихъ.—А, каже Видмѣжѣ Ушкѣ,—бачъ дѣвы, бѣсовы сыны! Я васъ, јіродовыхъ дитѣй, давнѣ шукаю. Мырщій пидойшѣвъ до Простылівуса—хлопъ єго въ вѣхо, а потѣмъ до Вырнігирѣ—тожъ, хлопъ въ однѣ ѹхо, а дали ѣ въ дрѣгѣ, а потѣмъ до Вывѣдубѣ—повбывѣвъ усѣхъ. Прыголѣбывъ свою жинку, а тыхъ здѣлавъ прислужницами. Прывѣвъ пастухівѣ—Простылівусовыхъ, Вырнігировыхъ и Вывѣдубовыхъ, тай кажѣ: тыпѣръ я вамъ панѣ;—хто гарный бѣдѣ, съ тѣмъ и я бѣду гарный, а хто бѣдѣ сквѣрный, съ тѣмъ и я бѣду сквѣрный; чѣјитѣ!?—Чѣјимъ, кажутъ пастухы, бѣдымъ служѣты вамъ, пѣнычку! И заживъ Видмѣжѣ Ушкѣ. Мѣбуть, у дѣси живѣ“.

Чтеніе. Читаетъ народъ книжки: 1) религіозно-нравственного содержания—житія святыхъ, поученія, псалтирь, часословъ, біблію, исторію ветхаго и новаго завѣтовъ, катихизисъ, апокалипсисъ; 2) сказки, повѣсти, анекдоты.

Книжки религіозно-нравственного содержания крестьяне или покупаютъ сами, или берутъ „на время“ изъ церкви, изъ школы и у такъ называемыхъ „монашѣкъ“. Въ Ново-Псковѣ два рода монашекъ: настоящія,—принадлежащія къ Старобѣльской женской обители, и просто монашкы-чирныци. Последнія—старыя дѣвы, которымъ по какимъ-либо причинамъ не удалось выйти замужъ и по волѣ или по неволѣ пришлось принять на себя смиренный образъ „угодницъ“ и вести болѣе или менѣе благочестивую жизнь. Последняго рода монашки есть почти въ каждомъ селѣ. Сказки, анекдоты, повѣсти и другія копѣчныя книжонки крестьяне покупаютъ на ярмаркахъ и у разносчиковъ.

Нужно замѣтить, что чтеніе среди крестьянъ не особенно развито, вѣроятно, потому, что хлѣбопашцу нѣтъ времени много читать. Есть такія хаты, въ которыхъ нѣтъ ни одной книжки; если же крестьянинъ начнетъ читать, то читаетъ съ удовольствіемъ, и, какого бы содержания ни была книга, крестьянинъ прочитываетъ ее всю, хотя и не сразу. Крестьянинъ больше склоненъ къ чтенію книгъ религіозно-нравственного содержания.

Жилища крестьянъ сообразуются съ внѣшнимъ видомъ ихъ самихъ: не красивы, нѣтъ пропорціональности. Между прочимъ, жилища эти сдѣланы крѣпко, любая хата безъ починки можетъ простоять 50 лѣтъ. Хаты въ Ново-Псковѣ по большей части мѣловыя, а заборы и службы изъ камня. Въ устройствѣ хатъ замѣчается нѣкоторая разница у богатыхъ мужиковъ и у бѣдныхъ. У бѣднаго крестьянина хата имѣетъ по большей части 2 или 3 отдѣленія: собственно хата, служащая и гостинною, и спальнею, и кухнею и „сѣни“—нежилая комната, служащая также и кладовою. Тутъ (у „сѣняхъ“) обыкновенно стоятъ „кошилы“ съ зерновымъ хлѣбомъ, мѣшки, „оклункы“ (неполные мѣшки). У нѣкоторыхъ кухня составляетъ особую комнату (хатѣну). Иногда къ сѣнямъ пристраиваются „прѣстѣнки“ (небольшой навѣсикъ передъ входомъ въ хату). Во многихъ хатахъ въ сѣняхъ находится еще „верхъ“. „Верхъ“ начинается съ самаго пола сѣней (дѣ-нѣбудъ у кутѣчку) и выходитъ нѣсколько наружу чрезъ крышу. Изъ сѣней же и входъ „у верхъ“. Хозяйка дома, какъ только окончитъ топить, идетъ „у верхъ“ затыкать тряпками отверстія для дыма. (Вмѣсто вьюшекъ, тряпки). У богатыхъ крестьянъ хаты называются „горныцѣми“. Это довольно красивые домики, имѣющіе хату (залъ), хатѣну, кладовку (чуланъ) или хѣжку, сѣны и присѣнокъ. Окна въ крестьянскихъ хатахъ есть не во всѣхъ стѣнахъ; есть такъ называемая „глухѣ стѣна“, большею частью со стороны двора. Въ правомъ отъ дверей углу обыкновенно помѣщаются иконы, часто украшенныя „шѣтыми рушныкѣми“. Иконъ очень много, большая часть на деревянныхъ дощечкахъ. Уголъ, гдѣ помѣщаются иконы, называется „пырѣднимъ“. Здѣсь находится и обѣденный столъ. Передній уголъ главный,—это почетное мѣсто. Въ передній

уголъ садятся самыя важныя лица изъ присутствующихъ. Въ лѣвомъ углу хаты помѣщается „пиль“ (кровать). Это помость изъ досокъ. Здѣсь крестьянская семья спитъ. Въ торжественные дни (во время свадьбы, напр.) на полу находится „дитвора“, а вдоль стѣнокъ на немъ же чинно разсаживаются старыя, не играющія важной роли бабы. Последнее же мѣсто у порога. Въ правомъ углу возлѣ дверей ставится „мысникъ“, родъ шкафа, только по большей части безъ затворокъ. Въ мысникѣ помѣщаются миски, ложки, „окра́йцы хлѣба“, солонка и пр. Если хата въ тоже время служить и кухней, то въ лѣвомъ углу возлѣ дверей находится печь. Тутъ-же стоятъ „рогачи, кочирга, чаплии (для сковороды), хлѣбна лопата“. Если же кухня отдѣльно, то въ лѣвый уголъ хаты выходитъ только половина печи, именно та, гдѣ помѣщается „пичъ“, какъ мѣсто, куда лезять грѣться. Стульевъ и табуретовъ крестьяне не употребляютъ. „Тубарѣты“, впрочемъ, встрѣчаются, но весьма рѣдко. Стулья замѣняются скамейками, которыхъ въ хатѣ (залѣ) обыкновенно бываетъ двѣ, одна—отъ передняго угла идетъ вдоль стѣны къ „пилу“, другая—тоже отъ передняго угла, идетъ къ „мысникѣ“. Подобнаго же рода скамейки есть и въ „хатыни“, на нихъ обыкновенно кладутъ горшки, макитры, джжѣ (кадка для тѣста, изъ котораго пекутъ хлѣбъ) и другія кухонныя принадлежности. Къ хатѣ каждаго крестьянина примыкаетъ кусокъ земли, который дѣлится на двѣ части. Каждая часть огорожена: одна ближе къ хатѣ,—плетнемъ (въ Ново-Псковѣ, камнемъ), а другая—рвомъ или просто бороздой. Первая часть—дворъ, застроена: „повиткѣми“ (навѣсами), „комбѣрами“ (амбарами). Тутъ есть и „кошѣра“ (помѣщеніе для овецъ), конюшня, „хливъ“ (помѣщеніе для свиней), кѣрникъ, погребѣця (надъ погребомъ), загорода (помѣщеніе для коровъ или быковъ), полѣвникъ (мѣсто для половы). Повитки, загорода, конюшня, кошѣра, хливъ, полѣвникъ—строятся, обыкновенно, на границахъ двора, а кѣрникъ, погребѣця и комбѣры въ самомъ дворѣ (по большей части). При нѣкоторыхъ дворахъ есть комбѣры и за дворомъ, на улицѣ. Вторая часть земли называется огородомъ. Нѣкоторые огороды дѣлятся на собственно—огородъ и садъ. Въ огородѣ, какъ можно ближе къ двору, обыкновенно стоитъ

„клѣня“ (великорусскій овинъ). Огороды засѣваются и засаживаются: прѣсомъ, житомъ (рожью), льномъ, прѣдевомъ (конопля), чичивѣцію, горбѣхомъ. Садятъ—кортохы, кавунѣ (арбузы), гарбузы (тыквы), буракѣ, капѣсту, пынычкѣ (кукурузу) и пр. Въ садахъ—яблони, слѣвы, вишни, груши, теренъ и кое-гдѣ виноградъ (последній разводятъ нѣкоторые любители, но что-то ихъ дѣло плохо подвигается впередъ). На границахъ огородовъ можно видѣть вербѣ, лозѣ. Огородовъ, совсѣмъ безъ деревьевъ, почти нѣтъ. Въ Ново-Псковѣ есть цѣлая улица хатъ, выстроенныхъ по плану графа Аракчеева. Въ хатахъ же, выстроенныхъ крестьянами по своему вкусу, измѣненій, сравнительно съ „старинной“, нѣтъ почти никакихъ. „Якъ колѣсь, такъ и за́разъ“—говорятъ старики. Развѣ только у „богати́въ“. У нихъ „гѣрныци“—красивые, ровненькіе домики, да и то отличаются отъ прежнихъ хатъ только своею ви́шнею формою, внутри же то, что и раньше, только „пиль“ у нѣкоторыхъ замѣняется подобіемъ кровати, да иконъ „за стыклѣмъ“. Внутри—хаты украшаются иногда „сы́нкою“ и „куксѣною“. Разводятъ синьку или куксинъ водою и туго свернутымъ кускомъ тряпки, обмокнутымъ въ растворъ, „квичѣютъ“ передній уголъ и стѣнки печи (кѣминъ). Свѣлоки и свѣлочкѣ есть въ каждой хатѣ. Свѣлоки—толстые деревянные брусѣ, главная опора потолка. Когда стѣнки хаты уже сложены, то перекидываютъ сверху отъ одной стѣнки къ другой толстый брусъ (свѣлокъ), если эта комната не высока, и нѣсколько брусѣвъ, когда комната высока. Потомъ эти брусѣ соединяють со стѣнками множествомъ „свѣлочкѣвъ“. Надписей на свѣлокахъ не бываетъ, только въ страстную седмицу послѣ „страстей“ принесенною изъ церкви свѣчкою выжигаютъ (накапчиваютъ) на нихъ кресты, въ воспоминаніе того, что Христосъ пострадалъ на крестѣ.

Пища. Въ постные дни: борщъ съ „олѣею“ (постнымъ масломъ), каша пшенная, рѣдко гречневая, тоже съ олѣею или съ „симѣянымъ“ молокомъ (употребляется молоко изъ конопляннаго сѣмени), кулѣшь (пшенный супъ съ картофелемъ), юшка (картофельная похлебка), галушкѣ-рванці (круто замѣшенное

тѣсто рвется небольшими кусочками и варится въ водѣ съ картофелемъ. Притомъ „настоящія“ галушки должны быть пшеничныя, если же и встрѣчаются изъ другой муки, то за неимѣніемъ первой), „юшка зъ рыбы“ (уха), кваша (соложеное ржаное тѣсто, походить нѣсколько на кисель), путря (пшеница бѣтса въ ступѣ, провѣвается, варится, мѣшается съ мукою, кладется въ горшокъ и ставится въ печь „просолодить“. Эта просолодѣвшая смѣсь сыплется въ сосудъ съ холодною водою, подбавляютъ еще кислаго тѣста, „щобъ заграло“, и часа черезъ 3 получается пѣтря. Иногда въ пѣтрю кладется ледъ). Варѣныкы зъ ягодамы (вишнями) и съ тѣрномъ (вареники—тѣже пирожки, только не пекутся, а варятся), пирожекы съ картошкойю, вишнями, терномъ, яблоками. Свѣжая вареная рыба, соленая рыба (сами соленой рыбы не готовятъ, а покупаютъ въ лавкахъ): ослѣдци, чехонь. Картохы (варятъ не чищенными, очищаютъ уже за столомъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ и солью, а зимой съ солеными огурцами). Хлѣбъ. Приправы къ кушаньямъ—соль, олія, цыбуля (лукъ), чеснокъ.

Пища въ скоромные дни: борщъ „зъ мясомъ“, или съ саломъ, каша молóшная или „до молока“. Молошная каша бываетъ крутая и рѣдкая. Кулйшъ „зъ мясомъ“, юшка, галушкы-рванцы и просто галушкы (лапша); лапша бываетъ молóшная или съ мясомъ. Варѣныкы зъ сыромъ (ихъ предварительно мастятъ въ макитрѣ—съ коровьимъ масломъ. Варѣныкы ѣдятъ горячими, скоромные холодные теряютъ свой вкусъ; постные-же вареники—холодные, вкусные). Пирижкы съ сыромъ, съ картошкойю, съ начинкою (съ печенкою). Вареное мясо (жарятъ очень рѣдко). „Гарбузна“ (тыквенная) молóшная каша, капуста (варится съ искрошеннымъ мясомъ въ кусочки и пшеномъ). Овощи: кавуны, рѣпа, дыни, огурцы (огирки). Нѣкоторые крестьяне имѣютъ самовары и иногда пьютъ чай (чаще фруктовый), но привычки къ нему не имѣютъ, свободно могутъ совсѣмъ его не пить. Вообще, чай—напитокъ не для крестьянъ—все „легко“, не питаетъ ихъ тѣла такъ, какъ это нужно для хлѣбопашца. Во время неурожаевъ пища ухудшается. Городское вліяніе въ отношеніи пищи не обнаруживается.

Торговля по слободамъ довольно развита. Въ рѣдкой слободѣ одна лавка, иногда 2, 3, 4 и болѣе. Въ Ново-Псковѣ 3 лавки. Все необходимое крестьянинъ покупаетъ большею частью не въ городѣ, а у себя въ селѣ; а этого необходимаго противъ прежняго времени гораздо больше. Крестьянская дѣвушка не довольствуется, какъ въ старину, одною запаскою и грубою рубашкою, а покупаетъ себѣ въ лавкѣ матерію на „шарахвѣнтъ“, „кырсеѣтъ“ и на „кóхту“. На голову не купитъ себѣ „стричку“, а болѣе или менѣе дорогой платокъ; на шею—монисто, кресты. Рубашку нужно вышить „заполочью“, которая покупается тамъ же въ лавкѣ. Корсетъ нужно украсить шнурками и блестящими пуговками; да и самую сорочку для праздника нужно сшить не изъ своего толстаго и грубаго полотна, а изъ лавочнаго „мыткѣлю“. Она не будетъ носить „чирывыкы“, или совсѣмъ ходить босою, какъ это бывало раньше когда-то, а купитъ въ лавкѣ хорошаго товару и закажетъ себѣ красивые на высокихъ каблукахъ башмаки или штилеты; кромѣ того, нужно купить тонкіе чулки, далѣе—иголки, нитки, наперстки, ленты и пр.

Пѣробокъ не надѣнетъ въ праздникъ полотняныхъ штановъ, а „чиркысынови“, „ластыкови“ или изъ другой какой-нибудь лавочной ткани. На „чунѣрку“ тоже нужно купить. У болѣе или менѣе достаточно живущаго крестьянина (пѣробка) „чунѣрка“ должна быть украшена блестящими пуговками; кромѣ того, къ чунѣркѣ нуженъ красный, зеленый или голубой—широкій поясъ. Праздничная рубашка, шапка, картузъ, капюльхъ, сапоги съ длинными голенищами и высокими каблуками, чирывыкы,—все это изъ лавки. Вообще крестьяне покупаютъ многое для своего платья въ лавкахъ. Далѣе,—деготь, керосинъ, всевозможные ремни для сбруи, табакъ, спички, бумага, соль, соленая рыба, постное масло (маслобонъ въ Ново-Псковѣ нѣтъ), желѣзо, ножи, ножницы гвозди, шила, ведра, сковороды и пр.—все это вещи необходимыя для крестьянина, и все это онъ можетъ купить у себя въ лавкахъ. Сельскія лавки имѣютъ почти такое же значеніе для сельскихъ жителей, какое для городскихъ магазины. Относительно освѣщенія можно сказать, что старинныхъ „каганцывъ“ почти нѣтъ, а есть керосиновыя лампы въ 20, 30 коп. и дороже.

Болѣзни. Пропѣсныця (лихорадка), сѣашныцы (боль живота), жаба, порча (сумасшествіе), пырыполѣхъ (болѣзнь отъ испуга), віспа, корѣста (очень рѣдко), пісклята (у дѣтей отъ броженія по стоячей водѣ, гдѣ много водяныхъ растений), младѣньчыскѣ или корчій (у дѣтей), глысты (боль живота). Какой-нибудь особой, присущей народу, болѣзни—нѣтъ, обыкновенныя же болѣзни—только подъ своими народными названіями. Болѣе серьезную болѣзнь, напр., порчу, лѣчатъ обыкновенно народные лѣкари—знахари. При лѣченіи употребляютъ наговорную воду, травы и всевозможные „заговоры“. „Пырыполѣхъ“ обыкновенно „выливается“ бабкою-лѣкаркою. Наговаривается вода, въ нее льется растопленное олово, бросаютъ еще въ воду угольки, ладанъ; этою водою вспрыскиваютъ больного и даютъ ему сего же „дыкарства“ выпить, а въ то время, какъ больной пьетъ, лѣкарка крестообразно дуетъ на него и говоритъ: „будь здоровъ, та ны личись, та по бабкамъ ны волочись“.

Обыкновенныя болѣзни лѣчатъ и своя народная „медицина“, и земскій врачъ съ фельдшерами, но довѣрія къ „бабкамъ“ и „лѣкарямъ“, пожалуй, больше, чѣмъ къ врачу и фельдшерамъ. Къ первымъ обращаются всѣ крестьяне, а ко вторымъ не всѣ. Нѣкоторые крестьяне совсѣмъ не вѣрятъ въ силу врачей; многіе же, хотя и вѣрятъ, убѣждены, что врачъ и фельдшера не охотно лѣчатъ ихъ, такъ какъ не надѣются на денежную благодарность.

Въ 1892 г. въ Ново-Псковѣ были цынга и холера. Въ это время вполне опредѣлились взгляды крестьянъ на значеніе медицины вообще и ихъ вѣра въ врачей. Приказанія принимать всевозможныя предосторожности для огражденія себя отъ заразы и для пресѣченія оной—крестьяне исполняли весьма неохотно, иногда совсѣмъ ничего не предпринимали,—говоря: „Богъ ны дастъ, свиня ны ззистъ“. „Кому трѣба вмѣрты, той вмрѣ, а кому ни, той житымъ. Супротивъ Бога ны пидымъ“.

Занятія. Главное занятіе—земледѣліе. Оно гораздо выше стоитъ теперь, чѣмъ раньше. Плуги не тѣ, что раньше. Въ устройствѣ ихъ видны измѣненія къ лучшему. У нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ появляются нѣмецкіе плуги, хотя крестьяне

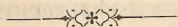
все еще предпочитаютъ свои. Бороны почти всѣ съ желѣзными зубьями, а раньше были съ деревянными. Молотятъ хлѣбъ многіе крестьяне машинами (конными и паровыми). У нѣкоторыхъ есть свои конныя машины. Если хорошая погода предвидится не надолго, а хлѣба много, то молотба происходитъ всегда машиною; у кого же хлѣба немного, или же погода предвидится на долго, тогда лучше молотить катками (дешевле). У кого совсѣмъ немного хлѣба, тотъ молотитъ цѣпами. Преимущество машинъ предъ всѣми другими способами молотбы крестьяне признали. „Скѣро молѣтѣ, чѣсто, зѣрна ны портѣ,—такъ кѣторжна рѣзомъ и выложѣ тобѣ“. Въ большемъ употребленіи вѣялки; многіе крестьяне даже сами дѣлаютъ ихъ и довольно хорошо. Хотя земледѣльческія орудія улучшились, но способъ воздѣлыванія почвы тотъ же, что и раньше, несмотря на то, что земля сильно истощена и требуетъ удобренія и отдыха. Пчеловодство стоитъ гораздо ниже, чѣмъ раньше. „Колѣсь, булѣ, якъ дидѣ, такъ и пасишныкъ; щѣжѣ, привѣльно булѣ—булѣ щѣ носѣты бѣжѣли, а тыпѣръ дѣ вонѣ мѣду вѣзмѣ“,—говорятъ мужики. Садовъ очень много; хотя мужики и дорожатъ ими, но не холятъ, не воздѣлываютъ,—однимъ словомъ мало заботятся о нихъ. Вѣроятно, совсѣмъ не умѣютъ заниматься садоводствомъ, хотя многіе и величаютъ себя садоводами.

Малоруссы умны отъ природы. Условія ихъ жизни таковы, что хотя и не даютъ особеннаго развитія ихъ умственнымъ способностямъ, но и не притупляютъ ихъ. Слабоумные и идіоты встрѣчаются весьма рѣдко. Въ Ново-Псковѣ есть одинъ идіотъ. Вообще малоруссы понятливы, при разговорѣ чрезвычайно находчивы и остроумны. Въ Ново-Псковѣ есть земская народная школа, въ которой каждый годъ бываетъ болѣе ста душъ учащихся. Но отношенія крестьянъ къ школѣ и учителямъ весьма странны: дѣтей посылаютъ въ училище охотно, между тѣмъ зданіе школы почти не ремонтируютъ и весьма плохо отапливаютъ; къ учителямъ относятся оскорбительно—равнодушно, холодно,—нисколько не благодарны имъ за то, что они обучаютъ ихъ дѣтей добру: „Хай вчатъ, вонѣ за цѣ грѣши бырутъ, вонѣ обѣязани“. Жаль, что наши школы бѣдны, напр.,

нѣтъ самаго существеннаго—библіотекъ для чтенія. Нечѣмъ привлечь вниманія крестьянина, нечѣмъ заставить его полюбить все то, что сѣетъ добро.

Малоруссы недовѣрчивы и съ предразсудками по отношенію вообще „не къ мужикамъ“, а потому и отношенія къ тому, что не дѣло ихъ рукъ—индифферентны. Имъ нужно наглядно доказать, что желаешь имъ только добра и трудишься не потому только, что ѣсть хочешь, а еще и потому, что желаешь принести обществу посильную пользу,—тогда они сдѣлались бы очень довѣрчивы, почтительны и отзывчивы ко всему хорошему.

М. Р. Мащенко.

30.—Сл. Кабычена.

Поселеніе.—Жители, ихъ жилища, одежда, пища и болѣзни.—Свадебные обычаи.—Примѣты и обряды.—Игры.—Повѣрья.—Историческія воспоминанія.—Нарѣчіе.

Сл. Кабычена Зориковской волости расположена по обоимъ берегамъ рѣки Лозной, протекающей на разстояніи 10 верстъ; эта рѣчка беретъ начало изъ родника, находящагося вверху этой же слободы, и впадаетъ въ рѣку Деркуль при сл. Курячевкѣ, Старобѣльскаго уѣзда. Сл. Кабычена расположена по теченію этой рѣчки вдаль на протяженіи 3-хъ верстъ. Ближайшій городъ къ слободѣ—Старобѣльскъ, находится на разстояніи 65 в., г. Богучарь, Воронежской губ.—90 в., станция Камянкъ Об. В. Д.—120 вер. Названіе слободы объясняетъ народъ по фамиліи крестьянина „Кабыка“, поселившагося на этой рѣкѣ лѣтъ 180 тому назадъ, и въ настоящее время въ слободѣ преобладаетъ эта фамилія. Заселена слобода выходцами изъ Харьковской и другихъ малороссійскихъ и великорусскихъ губерній. Со словъ стариковъ, какъ имъ передавали ихъ отцы и дѣды, рѣчка эта была заросшая лозою и камышемъ, при томъ была крутобережная и мѣстами съ глубокими плесами. Въ недалекомъ прошломъ, лѣтъ 50—70 тому назадъ, имѣлись двѣ

водяныя мельницы. Земля пахалась на разстояніи одной—двухъ, не далѣе версты отъ слободы, далѣе же былъ сѣнокосъ, и земля оставалась цѣлиной. Лѣса, вблизи слободы находящіеся, были не тронуты, дубы были въ обхватъ человѣка и двухъ. Въ настоящее время рѣчки почти нѣтъ, протекаетъ небольшой ручеекъ, и то только во время весенняго разлива; крутыхъ береговъ и плесовъ—какъ не бывало. Объясняется это тѣмъ, что въ окрестности слободы вспахивается все поле, вслѣдствіе чего во время весенняго разлива и лѣтнихъ сильныхъ дождей, русло заносится иломъ. Вся рѣка занесена, берега сравнялись, и во время весенняго разлива вода разливается на протяженіи 300 и болѣе саженой, вслѣдствіе чего вишневые и плодовые сады вымокли, а на ихъ мѣстѣ стали разводить вербу; вербы размножилось даже очень много, чему способствуютъ весенніе разливы. Кромѣ вербы, растутъ: тополь, осика и дубъ, но очень мало. Плодовыхъ деревьевъ тоже мало.

Численность жителей въ селѣ по X ревизіи 996 душъ, въ настоящее время мужескаго пола 1108 душъ, женскаго 1039 д., въ отлучкѣ: муж. 38, жен. 36, а всего обоюго пола 2765 д. и дѣтей 544 д. Наружность жителей: волосы большею частью темно-русые, лицо бѣлое, чистое, носъ, ротъ и подбородокъ умѣренные, ростъ преимущественно выше средняго. Жители смѣшаннаго происхожденія изъ малоруссовъ и великоруссовъ; другихъ инородческихъ примѣсей не обнаруживается. Говорятъ на нарѣчій смѣшанномъ—изъ малорусскаго и великорусскаго, съ преобладаніемъ малорусскаго. Особенности мѣстнаго говора въ произношеніи словъ состоятъ въ томъ, что выговариваютъ слова грубо, и есть слова мѣстныя, часто употребляемыя въ разговорѣ, напр., „тривай“—обожди, „геть“—прочь, „эгѣ“—да, „на рѣзи“—на углу, „труна“ и „доломіна“—гробъ, „свидомый“—знакомый, знающій. Слѣды вліянія литературнаго нарѣчія проявляются, хотя и не въ большой мѣрѣ; дѣти, пока находятся въ училищѣ, говорятъ чисто по русски, но по выходѣ изъ училища свыкаются съ говоромъ своихъ семействъ и говорятъ преимущественно по малороссійски, при разговорѣ же съ образованнымъ человѣкомъ стараются выговаривать слова чисто по русски.

Жилища въ слободѣ большею частью изъ вербового и дубоваго дерева; въ настоящее время начинаютъ строить ихъ и изъ глины, такъ какъ дубовое дерево вовсе извели, а покупка и доставка его изъ отдаленныхъ мѣстностей сопряжена съ большими затрудненіями. Строятся жилища большею частію въ одну и двѣ комнаты, въ три и больше въ очень рѣдкихъ случаяхъ; фасадомъ устраиваютъ на югъ, противъ солнца, въ два и три окна. Передній уголъ, такъ называемая „пóкуть“, есть главный уголъ; онъ весь установленъ иконами, по сторонамъ ихъ на деревянныхъ гвоздяхъ висятъ чистые рушники. Передній уголъ называютъ также „краснымъ угломъ“; въ этомъ же углу стоитъ большой столъ, вокругъ него вдоль стѣнъ длинныя скамьи, или, какъ ихъ называютъ, „лавы“. Печь устраивается при входѣ на-право или на-лѣво отъ дверей. Дворовыя постройки, смотря по состоянію хозяина, огораживаются плетнями, или бревнами, надворныя постройки устраиваются въ довольно удобномъ и стройномъ порядкѣ, такъ, напр.: вблизи дома помѣщается конюшня, затѣмъ зимнія теплыя загороды для скота, а возлѣ нихъ лѣтнія открытыя, затѣмъ амбары, которые большею частію строятся вдали отъ другихъ построекъ. Новѣйшее устройство состоитъ въ томъ, что строятъ дома высоко на фундаментѣ, и окна пускаютъ большія въ просвѣтѣ. Рѣзьбы и раскраски нѣтъ никакой; внутри дома большею частью мытые, т. е. не мажутся бѣлою глиною, а моются водою. Сволоки въ домахъ съ надписями не встрѣчается.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная состоитъ изъ бѣлой холщевой сорочки и такихъ же шароваръ, праздничная состоитъ изъ капота, поддевки или халата, суконнаго или изъ какой нибудь другой матеріи, преимущественно покупной. Одежда мужчинъ зимняя—изъ овечьихъ шкуръ полшубки и шубы, изъ бѣленыхъ или дубленыхъ шкуръ; богатые крестьяне покрываютъ ихъ сукномъ. Одежда женщинъ лѣтняя будничная—шерстяная запáска или, какъ ее называютъ, „дѣрга“, готовится она домашнимъ образомъ изъ овечьей шерсти, окрашенной въ черный цвѣтъ: рвутъ листья изъ черноклѣна, варятъ ихъ и въ этомъ отварѣ красятъ. Одежда женщинъ лѣтняя,

праздничная—кофта, юбка, сарафанъ, пьются изъ покупныхъ тканей. Зимняя женская одежда состоитъ изъ такихъ же матеріаловъ, какъ у мужчинъ: „свѣтка“, приготовляемая изъ овечьей шерсти, шуба и т. д. Остатки старинной одежды (халаты)—очень рѣдко; новѣйшее городское вліяніе въ одеждѣ—пиджакъ. Стоимость одежды, какъ напр., свиты или пальто отъ 5 до 7 руб., шубы или тулупа отъ 7 до 12 руб.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные будничные дни одна—галушки, кулѣшъ, борщъ; у богатыхъ эта пища приправляется свинымъ саломъ, у бѣдныхъ и этого нѣтъ. Въ праздничные дни—пироги, блины, борщъ, который готовится съ говядиною, бараниною и курицею. Главное значеніе въ пищѣ имѣютъ картофель, капуста, бураки и пшено. Пища улучшается и ухудшается, смотря по урожаю зерновыхъ хлѣбовъ и огородныхъ овощей. Городского вліянія на пищу незамѣтно. Значеніе мѣстныхъ лавченоекъ, особенно для бѣдныхъ людей, очень велико, и онѣ необходимы. Новѣйшій способъ освѣщенія—керосинъ, въ недалекомъ прошломъ—баранье сало. Главную пищу составляетъ хлѣбъ, у богатыхъ пшеничный, смѣшанный съ ржанымъ и ячменнымъ, у бѣдныхъ большею частію „яшный“, т. е. ячменный съ самою малою примѣсью пшеницы.

Волѣзни, наиболѣе встрѣчающіяся у дѣтей въ осеннее и весеннее время—дифтеритъ, скарлатина, оспа, хотя послѣдняя не каждый годъ. Волѣзни приключаются чаще всего отъ неосторожности и небрежности. Въ народѣ укоренилось мнѣніе о всякой внезапной боли въ животѣ, что это „сибирка“, и её лѣчатъ домашнимъ простымъ средствомъ, т. е. покупаютъ какой-то настой, называемый „зилъ“ и даютъ его больному пить. Мѣстные знахари имѣютъ большое значеніе; такъ, если заболѣлъ животъ, или оказалась гдѣ либо опухоль или воспаленіе, то обращаются къ знахарямъ, которые шепчутъ какія-то слова, или даютъ пить какой-то настой. Шепчутъ отъ бѣшихи и рѣжи; при боли въ животѣ, какъ выражаются, завариваютъ „сѣяшныцы“: больного кладутъ въ постель на спину, кладутъ на него миску съ водою, въ которую ставятъ кувшинъ; при этомъ бывають причитанія. Къ фельдшерамъ и докторамъ на-

родъ относится не особенно довѣрчиво, если-же и обращается, то съ недовѣріемъ; полученное отъ него лѣкарство, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, оставляютъ безъ вниманія или же выливаютъ прочь. Недовѣріе это вызывается тѣмъ, что народъ, по своей грубости и невѣжеству, ждетъ немедленнаго выздоровленія отъ одного или двухъ пріемовъ лѣкарства, а какъ это немислимо, то онъ и не довѣряетъ врачамъ. Въ новѣйшее время народъ обращается довольно часто къ врачамъ, пользуясь тѣмъ, что лѣкарство даютъ даромъ, но все-таки сперва обращается къ знахарямъ или бабкамъ; когда же болѣзнь осложнится, то идутъ къ врачамъ. Если хозяинъ замѣчаетъ, что у его скота засореніе желудка, то его поятъ огуречнымъ разсолomъ, смѣшаннымъ съ конопляннымъ масломъ, или разсолomъ съ свинымъ саломъ, а если скотъ не ѣстъ корму, или начинаетъ валяться по землѣ, то ему урѣзываютъ концы уха и повторяютъ это разъ или два.

Занятія. Главное занятіе земледѣліе. Садоводство и пчеловодство не существуютъ, за самыми незначительными исключеніями. Кустарныхъ промысловъ нѣтъ. Пчеловодство въ прежнее время было въ лучшемъ видѣ, потому что были вѣсковые лѣса. Цѣлинной земли было больше, было много травы и цвѣтовъ. Садоводство ухудшилось вслѣдствіе того, что во время весенняго разлива вода заливала тѣ мѣстности, гдѣ разводились сады, и по-долгу держалась, вслѣдствіе чего сады вымокли. Въ прежнее время рѣчка была крутобережная, что препятствовало разливу воды. Отхожіе промыслы развились въ недавнее время, въ неурожайные годы. Каждый годъ по 100 и больше душъ выходятъ въ мѣстности Области Войска Донскаго на косовицу травъ и уборку хлѣба. Другихъ промысловъ нѣтъ, за исключеніемъ того, что два или три домохозяина торгуютъ сапогами, да и то только въ осеннее время, а къ празднику Рождества Христова домохозяевъ 15 или 10 набираютъ гусей по 100 и больше паръ, кормятъ ихъ, бьютъ и возятъ въ Ростовъ или Новочеркасскъ для продажи.

Мѣстныя средства образованія—училища Общество отпускаетъ отопленіе и освѣщеніе для училища, нанимаетъ сторожа, ремонтируетъ его, строитъ новыя, если старыя негодны. Зем-

ство уплачиваетъ учителю 300 руб., законоучителю 50 руб., на учебники и учебныя пособія отпускаетъ 35 руб. въ годъ. Въ настоящее время народъ относится къ школѣ и къ учителю очень сочувственно, замѣчается очень порядочный приливъ учениковъ въ земскую школу. Сверхъ того въ нашемъ селѣ открыта съ 1890 г. церковно-приходская школа, гдѣ бываетъ до 25 уч. да въ земской больше 70.

Положеніе женщины въ семьѣ какъ хозяйки. На ея обязанности лежитъ присмотръ по хозяйству, готовить обѣдъ, присматривать за дѣтьми; положеніе же въ обществѣ женщины ограничивается лишь участіемъ въ устройствѣ общественныхъ обѣдовъ: въ день недѣли Мироносицъ, во время освященія полей, когда онѣ собираютъ для обѣда разные стѣстные припасы, готовятъ обѣдъ и угощаютъ народъ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ: пока дѣти живутъ вмѣстѣ, они во всемъ подчиняются отцу, когда же отдѣлены, то независимы отъ отца, и одинъ другому ни въ чемъ не помогаетъ, за небольшими исключеніями. Отношеніе къ наймитамъ удовлетворительно: если нанять добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, то и съ нимъ поступаютъ добросовѣстно. Кабаки посѣщаются народомъ усердно, особенно въ воскресные и праздничные дни, послѣ сходовъ; лишь бы кто починъ сдѣлалъ, пьянство продолжается до вечера, причемъ нѣкоторые пропиваются, но особеннаго пьянства не замѣчается, хотя крестьяне жадны на водку, и при удобномъ случаѣ не отказываются. „Предатныхъ“ же или „записныхъ“ пьяницъ и нерадивыхъ хозяевъ въ слободѣ очень незначительное число.

Свадебные обычаи и обряды. Съ праздника Покрова Пр. Богородицы, желающій сватать проситъ двухъ или трехъ сосѣдей или родственниковъ идти къ тому крестьянину, у котораго есть дѣвка, нравящаяся парубку, и чтобы онъ былъ по состоянію подходящимъ. При этомъ вошло въ обычаи торговаться за дѣвку: отецъ дѣвки выговариваетъ съ отца парубка денегъ „въ помощь“ отъ 25 до 30 руб. и водки, если онъ по своей бѣдности не можетъ обойтись безъ выговорныхъ денегъ. Бываетъ, что и богатые выговариваютъ: что взялъ де такой-то столько, а такой-то столько-то, и наша дѣвка не хуже ихъ. Если сваты стоворились, то одного изъ сватовъ со стороны отца

жениха посылаютъ за парубкомъ (женихомъ); когда парубокъ и дѣвка между собой сговорились и согласіе изъявили, то заявляютъ объ этомъ въ присутствіи всѣхъ. Тогда посылаютъ за матерью парубка и за близкими родственниками обѣ стороны; отецъ парубка покупаетъ водки отъ 1 до 2 ведеръ и начинаютъ пить „могорычъ“. Затѣмъ обѣ стороны переходятъ къ отцу парубка, сюда собираются гости съ обѣихъ сторонъ, справляютъ и гуляютъ сватанье, на которое расходуется, исключительно на водку (ведеръ 5 и 6)—рублей 30 и 40. Закускою же обходятся домашняго приготовленія, какъ-то: огурцами, арбузами, картофелемъ и капустою. Когда отецъ, мать и родственники невесты находятся у отца жениха, то невеста собираетъ по слободѣ своихъ подругъ, причемъ это сопровождается пѣніемъ пѣсенъ; женихъ собираетъ парубковъ—товарищей, и всѣ сходятся въ домъ невесты, гдѣ варятъ вареники, садятся за столъ попарно и происходитъ угощеніе. Безъ водки и здѣсь не обходится. Послѣ уговора сватовъ, когда дѣвки еще сидятъ у отца, женихъ и невеста кланяются родственникамъ жениха, которые сидятъ за столомъ, и невеста перевязываетъ отца и мать жениха платками, а „старостовъ“ рушниками. Подруги невесты въ это время поютъ пѣсни: „Кланяйся (имя невесты) отцю—нѣньки—т. е. (матери) тай въ нѣжиньки, тай низѣнько, тай сѣрдыньку, тай близѣнько, нѣжинькамъ тай ще нѣжче, а сѣрдыньку тай ще блѣжче. Тай пропѣю, тай пропѣючку, тай пропѣвъ бѣтько дочкѣ, на солѣдкому медѣчку, тай на зелѣному гилѣй (т. е. вѣткахъ), тай не жалѣ дочкѣ минѣ“. Сватанье продолжаютъ справлять дня два или три, отдѣльно каждый сватъ со своими родственниками и сосѣдами. Гулянье заканчивается тѣмъ, что обѣ стороны непременно идутъ въ кабакъ, гдѣ покупаютъ водку уже гости и подчиваютъ отцовъ и матерей молодыхъ. Свадьба откладывается недѣли на двѣ или три; въ это время сваты часто сходятся и уговариваются, кому какая сторона должна купить какіе подарки для свадьбы. Въ этотъ же промежутокъ времени молодой ходитъ къ новобрачной ночевать и утромъ, позавтракавши, уходитъ домой; если почему либо молодой не прійдетъ ночевать, то происходитъ неудовольствіе между молодыми и между сватами, и нерѣдко ихъ хлопоты пропадаютъ

даромъ, т. е. расходятся. Вѣнчаются большей частію среди недѣли въ среду или пятницу, а самую свадьбу справляютъ въ слѣдующее воскресенье или въ праздникъ (если такой случится); вѣнчаются и въ воскресенье. Въ назначенный день свадьбы, послѣ обѣдни, пообѣдавши, женихъ приглашаетъ своихъ товарищей, которые верхомъ на лошадяхъ приѣзжаютъ къ нему на дворъ, причемъ лошадей перевязываютъ платками. Къ тому же готовится двѣ или три тройки лошадей, убранныхъ въ кумачъ, а дуги красною и бѣлою бумагою или тоже кумачомъ. Въ эти повозки или сани (смотря по погодѣ) садятся свѣшки со стороны жениха, т. е. сестры невесты, и выѣзжаютъ со двора, предшествуемые боярами вмѣстѣ съ женихомъ, который тоже верхомъ, причемъ требуется, чтобы подъ нимъ былъ непременно жеребецъ или меринъ. Женихъ крестообразно перевязанъ красными или голубыми лентами; если женихъ бѣденъ, то онъ перевязывается платкомъ и на груди прицѣпляетъ цвѣтокъ. Молодого въ это время называютъ „князь“. Ыдутъ прежде всего къ церкви, гдѣ женихъ долженъ три раза поклониться, хотя бы церковь была заперта; потомъ ѣдутъ по слободѣ. Невѣста, собравши своихъ подругъ и пообѣдавши, идетъ со своими подругами по слободѣ, и всѣ онѣ поютъ пѣсни. При встрѣчѣ молодыхъ, женихъ встаетъ съ лошади и цѣлуется съ невестою, причемъ обмѣниваются шишками (небольшой хлѣбъ, сверху усаженный зубчиками, отъ чего онъ похожъ на сосновую шишку. Этихъ шишекъ во время свадьбы у богатыхъ пекутъ по 300 и 400 штукъ, ихъ раздаютъ всѣмъ гостямъ послѣ каждого обѣда. Передъ вѣнчаньемъ женихъ ходитъ по домамъ родственниковъ, кланяется всѣмъ, проситъ на „подвисѣлокъ“ и на свадьбу, и даетъ всѣмъ по шишкѣ; тоже дѣлаетъ и невеста. Передъ вѣнчаньемъ женихъ и невеста со своими старшими друзьями обязаны побывать у священника, поклониться ему и матушкѣ и вручить имъ по шишкѣ). Къ вечеру „пидружій“ со стороны жениха идетъ за невестой и гонитъ ее домой къ ея отцу, усаживаетъ за столъ съ друзьями, а молодой со своими боярами выѣзжаетъ во дворъ. Дружко беретъ жениха за руку, ведетъ его въ домъ невесты, за нимъ входятъ бояре; но прежде чѣмъ войти, дружко кричитъ у порога: „Гѣсподи Іисусе Христѣ Бѣже,

помылуй насъ"; со стороны невесты „пидружій“ отвѣчаетъ: „Аминь“. Дружко тогда говоритъ: „Старосты, благословить молодого князя за стиль завести“; ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить, и мы благословляемъ“. Дружко ведетъ жениха съ боярами, а мальчики (родственники невесты) стоятъ на „пóкути“ возлѣ молодой съ палками, на которыхъ прицѣплены „рыпьяхъ“ (т. е. головки будяковъ) и машутъ этими палками, какъ бы не пуская дружка и молодого; дружко обязанъ дать этимъ дѣтямъ по шишкѣ и по нѣсколько копѣекъ, послѣ чего дѣти уступаютъ ему мѣсто. Затѣмъ дружко угощаетъ своею водкою подружого и старосту со стороны невесты, тѣ тоже уступаютъ имъ мѣсто. Когда садутъ за столъ, то отецъ и мать невесты подчиваютъ молодыхъ водкою, тѣ отказываются и просятъ подносить прежде всѣмъ роднымъ невесты, которые находятся въ домѣ; потомъ молодой и молодая пьютъ по рюмкѣ. Затѣмъ молодую со свашками жениха усаживаютъ въ повозку, садится еще одна „приданка“ со стороны невесты, и ихъ везутъ къ жениху. Здѣсь отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ на порогѣ съ хлѣбомъ и солью, молодые кланяются отцу и матери, затѣмъ ихъ вводятъ въ домъ, сажаютъ ихъ за столъ, и отецъ и мать подчиваютъ молодыхъ; тѣ отсылаютъ родственникамъ и непременно по старшинству, а затѣмъ уже сами пригубливаютъ. Потомъ молодыхъ уводятъ спать, а ихъ родственники садятся за столъ и ужинаютъ непременно съ водкою. Черезъ пять или десять минутъ, а много черезъ полчаса дружко съ свашками идетъ къ молодымъ и узнаетъ, какова вышла молодая; если она оказалась цѣломудренна, то имъ приносятъ ужинъ сюда же, а свашки и дружко извѣщаютъ объ этомъ отца и мать, и здѣсь уже происходитъ разливное море. Свашки и дружко спѣшатъ увѣдомить объ этомъ отца и мать невесты, идутъ или ѣдутъ къ нимъ съ крикомъ, съ музыкой, зажигаютъ кусокъ какой нибудь ткани, обмоченной въ деготь, танцуютъ и поютъ пѣсню: „Тобѣ, мѣты не журитыся, горілочки тай напѣтыся, пидкинъ жаркѣ, та вкинъ медкѣ, щобъ булò солодѣсинко, всемѣ рóду веселѣсинько“. Всю эту ночь гуляютъ, и многіе гости остаются здѣсь ночевать. На утро гости собираются у каждаго свата, молодые ѣдутъ рано утромъ съ свашками и дружкой къ отцу невесты на поклоны, и, какъ говорятъ, „снѣдать“. У

отца жениха идетъ гулянье, затѣмъ усаживаютъ молодыхъ за столъ и передъ обѣдомъ дарятъ имъ, кто что можетъ: такъ, близкіе родственники дарятъ телокъ, овецъ, мѣшки какого нибудь хлѣба или деньги. Этихъ подарковъ собирается иногда рублей на 50 и больше (смотря по тому, каковы родственники, богаты или бѣдны). Когда отдаютъ, то женихъ и дружко ѣдутъ къ тестю и тещѣ, просятъ ихъ въ домъ къ отцу со всѣми гостями. Когда эти гости придутъ или приѣдутъ и застанутъ еще гостей отца за столомъ, не кончившихъ обѣда, то ждутъ на дворѣ часъ и больше; потомъ сватъ со свахой выходятъ на дворъ съ хлѣбомъ и солью и привѣтствуютъ друга друга поцѣлуями, то же дѣлаютъ и всѣ гости. Затѣмъ всѣ гости отца уходятъ изъ дома и уступаютъ мѣсто прибывшимъ гостямъ, которыхъ усаживаютъ за столъ и подчиваютъ, свои же гости въ это время гдѣ нибудь у сосѣда пьютъ и гуляютъ, просятъ у отца жениха позволенія поймать свинью или барана, рѣжутъ ихъ и варятъ на огородѣ; варятъ также много курей, которыхъ „бояре“ убиваютъ въ каждомъ дворѣ у тѣхъ, кто гуляетъ на свадьбѣ. Передъ тѣмъ, какъ подавать обѣдъ прибывшимъ гостямъ, опять начинаютъ дарить молодыхъ, которые кланяются всѣмъ и каждому. Если гости молодой долго засидятся, то гости жениховой стороны начинаютъ подсмѣиваться надъ ними: отпускаютъ на ихъ счетъ остроты, стучать въ дверь, бьютъ объ дверь горшки, бросаютъ въ нихъ горохомъ (хотя это бываетъ не у каждаго, особенно же тамъ, гдѣ невеста „не чѣстна“). Затѣмъ гости невесты уходятъ въ домъ ея отца, а гости жениха опять садятся за столъ, и попойка продолжается два—три—четыре дня, но гуляетъ уже каждая сторона отдѣльно. Заканчиваютъ тѣмъ, что обѣ стороны идутъ въ кабакъ, поютъ пѣсни, танцуютъ, покупаютъ водку и угощаютъ отца и мать; при этомъ дружка качаютъ въ ряднѣ, за что тотъ покупаетъ водку. Свадьба обходится богатому отъ 120 до 200 руб., среднему отъ 75 до 100, самому же бѣдному отъ 40 до 75 руб.

Приимты и обряды. Народный календарь: если солнце садится за тучи, то на другой день долженъ быть дождь. Если вечерняя заря „погорѣла“, т. е. сдѣлалась красною—быть вѣтру;

если капли дождя, падая въ воду, производятъ пузырьки на водѣ, то быть еще дождю; если послѣ дождя на югѣ станетъ проясняться—быть еще дождю. Примѣчаетъ также народъ, что если грачи садятся на верхушки вербъ (которыхъ въ нашей мѣстности очень много, почему и грачей много), то быть хорошей, теплой погодѣ; если же грачи садятся на серединѣ вербъ—быть мятели, дождю и вообще дурной погодѣ.—Канунъ праздника Рождества Христова проводится слѣдующимъ образомъ: по заходѣ солнца, изъ каждой семьи дѣти обоого пола, отъ 3 до 13 лѣтъ, носятъ по родственникамъ, къ крестнымъ отцамъ и сосѣдямъ кутью (толченая вареная пшеница, разведенная съ медовою сытою); дѣтей за это дарятъ деньгами или пряниками. Къ этому-же вечеру въ каждомъ домѣ готовится кутья, узваръ (вареные вишни, теренъ и яблоки), ставятъ въ передній уголъ—„покутъ“ и непременно на сѣно; во время вечера это поѣдается. У нѣкоторыхъ кутья и „узваръ“ стоятъ три дня. Этотъ вечеръ называется „богатый вечеръ, святъ-вечеръ“, такъ какъ въ каждой семьѣ къ ужину готовятъ всего много, пироговъ, вареной капусты съ постнымъ масломъ, кутьи, узвара. Праздники проходятъ въ гуляньяхъ; зятя непременно идутъ къ тестямъ со своими женами, зазываются и сваты другъ къ другу погулять. Парни и дѣвки днемъ и вечеромъ собираются на улицахъ, поютъ пѣсни, пляшутъ подѣ игру на балалайкѣ или гармоникѣ. Вечеромъ перваго дня дѣвки ходятъ по слободѣ подѣ окнами домохозяевъ, поютъ пѣсни, въ которыхъ просятъ хозяевъ дать имъ колбасы, сала, пшена, пироговъ и т. п., все собранное продаютъ и дѣлятся деньгами. За три недѣли до масленицы начинаются „кулачки“, каждый разъ съ дѣтей (одна половина слободы идетъ на другую); они происходятъ каждый день. Съ наступленіемъ масленицы вступаютъ въ бой женатые и взрослые до 35 лѣтъ, и тогда уже происходитъ серьезная борьба. Особенно сильна бываетъ „кулачка“ въ день заговѣнья, когда собирается и малый и старый; тогда изъ кулачки выходитъ драка, съ очень дурными послѣдствіями. Масленица проводится очень скромно, исключая того, что въ первый день масленицы женщины собираются обществами по 20 и 30 душъ, ходятъ по слободѣ, просятъ муки и сыра (это

называется „вязать колѣдку“), оставляютъ себѣ потребную часть муки и сыра, остатокъ продаютъ и покупаютъ водку. Вечеромъ собираются гдѣ нибудь въ одномъ домѣ, варятъ вареники, пьютъ водку и поютъ пѣсни. Въ первый день выѣзда въ поле для посѣва, берутъ съ собою хлѣбъ, испеченный на четвертой недѣлѣ, въ среду; хлѣбъ этотъ пекутъ въ видѣ креста.

Дѣтскія игры. „Свинка“. Выкапываютъ яму въ четверть или полторы въ діаметрѣ; вокругъ нея, аршина въ три, смотря по числу играющихъ, роютъ ямки поменьше. Самая свинка дѣлается изъ дерева круглая, величиною въ крупное яблоко. Одному изъ играющихъ, по жребію, приходится пасти это свинку, остальные захватываютъ ее кійками (палка, къ одному концу которой придрѣлывается деревянное или настоящее яблоко), вокругъ большой ямки. Пасущій свинку обязанъ и старается вогнать въ среднюю яму (или, какъ ее называютъ, дучка) остальные не допускаютъ, бьютъ ее кійками и въ это время слѣдятъ, чтобы пасомый не занялъ ихъ ямки своимъ кійкомъ; въ противномъ случаѣ, упустившему свою „дучку“ (ямку) приходится идти пасти свинку. Юношеская игра—въ мячъ; взрослыхъ—въ карты, шашки или „дамы“ (въ очень рѣдкихъ случаяхъ). Танцы народные—русскій трепакъ и „барыня“ или казачокъ. Народные музыкальные инструменты скрипка и гармоника, а музыканты—плохо играющіе самоучки.

Мѣстныхъ базаровъ нѣтъ, и народъ ѣздитъ почти каждое воскресенье въ ближайшія базарныя села, куда возитъ продавать зерновой хлѣбъ и огородныя овощи, на вырученные деньги покупаетъ необходимое для семейства и хозяйства. Ярмарка однодневная бываетъ 1-го октября въ день Покрова Пр. Богородицы; въ этотъ-же день и нашъ храмовой праздникъ, на который изъ сосѣднихъ селъ стѣзжается множество народу: сватовъ, зятей и всякихъ родственниковъ и знакомыхъ. Послѣ Божественной литургіи народъ расходится по знакомымъ къ обѣду, а послѣ обѣда хозяева идутъ или ѣдутъ провожать своихъ гостей въ кабакъ, гдѣ происходитъ попойка. Храмовой

день у насъ проводится два—три дня и всѣ пьянствуютъ. Съ этого же дня начинаются сватанья. Къ этому дню изъ сосѣднихъ деревень приходятъ дѣвки и парубки, и здѣсь идетъ осмотръ обѣихъ сторонъ.

Повѣрья. Народъ крѣпко увѣренъ, что вѣдьмы, колдуны, „вовкулаки“ и пр. существуютъ и причиняютъ разныя житейскія несчастья; на примѣръ: корова станетъ давать меньше молока, или какому нибудь хозяину несчастливится на мѣстѣ, т. е. неудача въ дѣлахъ, или скотъ худаетъ, или падаетъ,—всѣ эти несчастья приписываютъ колдовству.

Въ зимнія ночи случается, что волки, рысая по полю, заходятъ въ село и, гдѣ удобно или гдѣ придется, забираются въ овечьи хлѣва и разрываютъ овецъ; крестьяне убѣждены, что необходимо оставшихся овецъ продать всѣхъ (какъ выражаются „совсѣмъ зъ гнѣздомъ“) и заводить вновь.

Историко-географическія и археологическія свѣдѣнія. Въ 1890 году наша церковь праздновала 100-лѣтіе своего существованія, но праздновала уже во вновь выстроенномъ храмѣ, которому въ настоящее время 26 лѣтъ. До 1892 г. въ новомъ храмѣ стоялъ иконостасъ изъ старой церкви, съ 1892 года въ нашей церкви устроенъ новый иконостасъ, старый же разобранъ по частямъ и прибитъ къ стѣнкамъ сѣверной и южной частей храма. Жители имъ дорожатъ какъ древнею живописью, а также и въ виду рѣзбы. Изъ дерева же старой церкви сдѣланъ общественный хлѣбный магазинъ. Письменныхъ документовъ, касающихся состоянія крестьянъ, не имѣется, но со словъ старожилловъ извѣстно, что крестьяне описываемой мѣстности и близъ лежащихъ селеній по рѣкѣ Камышной, именно: х. Нехаевъ, слоб. Никольская, слоб. Шилистовка, слоб. Морозовка, х. Пѣвниевъ, слоб. Зориковка, х. Николаевъ, (именуемый въ простонародіи Безбожковка), слоб. Стрѣльцовка, называемая Чечевка, слоб. Мойсеевка, слоб. Бараниковка, слоб. Ниже-Бараниковка, слоб. Злодѣвка (при слоб. Стрѣльцовкѣ, въ рѣку Камышену впадаетъ рѣчка Мѣловая, на которой лежитъ слоб. Великотскъ и государственный конный

заводъ Стрѣлецкій)—принадлежали казенному конному заводу и считались государтсвенными конно-заводскими крестьянами. Къ этому же заводу принадлежали селенія, расположенныя по рѣкѣ Деркулу, именно: слоб. Просыная, хут. Россховатый, Слоб. Марковка, слоб. Крыгская, слоб. Сычевка, слоб. Курячевка, слоб. Кононовка, хут. Гармашовъ; при слоб. Курячевкѣ впадаетъ въ рѣку Деркуль рѣчка Лозная, на которой расположены: слоб. Кабычевка и слоб. Бондарева (означенныя селенія расположены по теченію рѣкъ и въ порядкѣ). Управление этими крестьянами было сосредоточено въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ, на р. Деркулѣ. На этой-же рѣкѣ расположены государственные кон. заводы: выше слоб. Бѣловдскъ въ 7 вер. заводъ Лимаревскій, выше Бѣловодска на разстояніе 7 верстъ Деркульскій или старый заводъ; въ 25 верстахъ отъ Бѣловодска на рѣкѣ Евсугѣ расположенъ заводъ Александровскій. Зависимость крестьянъ состояла въ томъ, что они платили оброкъ или подать по 3 руб. съ ревизской души, надѣлъ земли получали на душу больше, чѣмъ теперь, и обязаны были возить въ заводъ по 10 пуд. соломы съ души. Когда же отъ крестьянъ отрѣзана была земля и причислена къ заводамъ, то доставку соломы отмѣнили, а обязали общество во время сѣнокоса выѣзжать на заводскую землю и убирать сѣно въ пользу казны. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и государственные крестьяне отъ завода были освобождены. По разсказамъ стариковъ, слобода основалась пришельцами изъ Харьковской и другихъ губ. малороссійскихъ и великорусскихъ, а потому и говоръ жителей данной мѣстности смѣшанный. Подъ терминами: село разумѣется мѣстность, заселенная пришлымъ народомъ; деревня—если при селѣ растутъ разныя породы деревьевъ; слобода—большое торговое село, въ которомъ есть двѣ или три церкви и базары; слободка и мѣстечко—небольшія села безъ церкви, находящіяся вблизи слободы; хуторъ—небольшое село безъ церкви.

Нарѣчіе. Жители данного села называютъ себя хохлами, также называютъ ихъ и сосѣди. Неударяемый звукъ о въ говорѣ такъ и произносится, за небольшими исключеніями, напр.,

вивца, ви́кно. Ударяемый звук *о* часто измѣняется въ *и*, напр.: ви́ль—во́ль; Дѣ́нь—До́нь; кѣ́вшъ—ковѣ́шъ; кѣ́тъ—ко́тъ; мѣ́й—мо́й; дѣ́йна коро́ва—до́йная коро́ва; кѣ́зка—ко́зка; стѣ́ль—сто́ль; вѣ́вци—овѣ́цы; кѣ́нь—ко́нь; двѣ́рь—дво́рь; пѣ́ль—по́ль; кѣ́пка—ко́пка; тѣ́къ—то́къ; тѣ́лько—то́лько и пр. При измѣненіи же падежа, въ этихъ словахъ опять преобладаетъ звук *о*. Переходъ неударяемаго *а* въ *о*, напримѣръ: Авдѣ́й—Овдѣ́й; Анавѣ́й—Она́вий; работни́къ—робо́тныкъ, слово же Андрей такъ и произносится.

Ударяемый звук *е* чаще въ словахъ удерживается, но есть случаи, когда *е* переходитъ въ *и*; напр.: тѣтка—тѣтка; печка—пѣчка; жена—жѣнка; тарѣлка—тарѣлка. Ударяемый звукъ *ѣ* почти всегда переходитъ въ *и*, напр.: лѣсъ—лисѣ, хлѣбъ—хлѣбѣ; вѣкъ—вѣкъ; ослѣпѣ—ослѣпѣ; слѣпота—слѣпота, вѣра—вѣра; бѣгѣ—бѣгѣ, и вообще всѣ слова съ кореннымъ *ѣ*. Звукъ *ѣ* въ говорѣ употребляется, хотя и рѣдко; напр., ему—ему; *ѣ* въ смыслѣ неужели; нѣготѣ—нѣготѣ; человѣкъ—человѣкъ; щека—щека.

Неударяемые звуки *е* и *ь* измѣняются, хотя и не всегда, напр., въ словахъ: земля, купецъ, пшеница, ребята, сестра, медовый звукъ *е* такъ и остается; а въ словахъ: лѣсной—лисный; бѣловатый—биловатый; жена—жѣна; на мѣстѣ—на мѣсти; еще—щѣ; человекъ—чоловѣкъ,—измѣняется. Звукъ *ы* измѣняется въ *у*, напр.: былъ—бувъ; было—було; умываться—умываецца. Звукъ *в* вмѣсто *у* и *у* съ придыхат. *е*, напр., въ словахъ: ударить—вдѣрить; улица—вѣлица; взять—узять; вдовецъ—удовѣцъ; вдова—удова. Звукъ *у* иногда подвергается измѣненію въ *ы*, напр., глубоко—глыбоко; въ словахъ: будто, буйная головка, кукушка, *у* не подвергается никакимъ измѣненіямъ. Слова, начинающіяся гласными звуками, иногда имѣютъ придыханіе, напр.: онъ—винъ; утка—вѣтка; овца—вивца; окно—викно. Звукъ *д* подвергается измѣненію въ *т*, напр.: лодка—лотка, хотя и очень рѣдко; слова-же: дѣти—дѣты; видѣлъ—бачивъ; тѣло—тѣло; свѣтель—свѣтлый; мѣсяцъ—мѣсяцъ; въ золотѣ—въ золоти; зналъ—знавъ, тѣмный—тѣмный; отлетѣлъ—отлетѣвъ. Случаи измѣненія гортанныхъ *г*, *к*, *х* въ *ж*, *ч*, *ш* и въ *з*, *ц*, *с*, напримѣръ: на рѣкѣ—на рѣчці, въ лугахъ—лѣкахъ, на берегу—на бѣрези,

при дорогѣ—при дорóзи, въ кабакѣ—въ кабацѣ, въ сундукѣ—въ сундуцѣ, въ сторожкѣ—въ сторо́жци, въ землянкѣ—въ землянци и т. д. Слова хозяйка—хазя́йка, копѣйка—копѣйка, яблочковъ—яблучкивъ, корольковъ—королькивъ, палочка—пáлчичка, на рѣчку—на-рѣчку. Звукъ *л* въ срединѣ словъ иногда подвергается смягченію безъ всякой видимой надобности, напр.: бутылка—бути́лька; или же, гдѣ *л* слѣдуетъ произносить мягко, его произносятъ твердо, напр.: большой—болшо́й; больной—болно́й; большущій—болшущі́й; дѣльный—дѣлны́й; мальчикъ—ма́лчикъ; пальчикъ—па́лчикъ; вольный—во́лный; тесьма—тесма; письмо—пысмò. Звучные согласные въ концѣ словъ въ отзвучныя не измѣняются; такъ, слова: дубъ, городъ, дугъ, такъ и произносятся. Имена прилагательныя въ именительномъ падежѣ имѣютъ окончаніе настоящее, т. е. муж. р. *ый*, жен. *а*, ср. *е*; напр.: черный, синій, красный; прилагательныя въ женскомъ и среднемъ р. имѣютъ сокращенное неполное окончаніе *а, я, е*, напр.: чёрна—чёрне; сѣня—сѣне; зелёна—е и т. д. Имена прилагательныя, оканчивающіяся на *ой*, въ им. пад. имѣютъ *ый*,—напр.: хромой—хромый, дурной—дурный, слѣпой—слипый, молодой—молодой, дорогой—дорогой, золотой—золотый и т. д. Прилагательныя въ родительномъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ окончаніе *ою*. Мѣстоимѣніе *я* имѣетъ въ родит. пад. менѣ дат. мині

ТЫ	"	"	тебѣ	"	тобѣ
себя	"	"	себѣ	"	собѣ
ОНЪ	"	"	его	"	ему.

Мѣстоименіе *тоѣ* произносится *той*, род.—тогò, дат. томѹ; *этой*—цей—цѣгò—цѣмѹ. Глаголы во второмъ и пер. лицѣ ед. числа оканчиваются на *еши*, *еѣ*, только звукъ *е* не переходитъ въ *ё*, напр., ведёшь—ведёшь и т. д. Въ третьемъ лицѣ ед. числа глаголы оканчиваются на *е* или *а*, напр.: ведеть—ведѣ, несеть—несѣ, косить—косѣ, читаетъ—читѣ, рубить—рубѣ и т. д. Въ третьемъ числѣ множ. числа глаголы оканчиваются на *уть*, *ють*, *атъ*, *ятъ*; глаголы возвратнаго, взаимнаго и общаго залоговъ оканчиваются на *иця*: учащія—мающія—балующія и т. д.; притомъ замѣчается, что *т* выпадаетъ толкаѣца—играюща и т. д. Въ прошедшемъ времени глаголы оканчиваются въ единствен.

числѣ на *ыѣ* или *авѣ*, напр.: читавъ, писавъ, игравъ, косывъ, водывъ и т. д., а во множ. числѣ на *ылы*—косылы, читалы, возылы и т. д. Въ говорѣ замѣчаются непонятныя слова, напр.: оцѣй—этотъ; видкиль—откуда; пѣзь—вдоль, возлѣ; стривай—обожди; на рѣзи—на углу; тривай—обожди; гѣтъ—прочъ; треба—нужно и т. д. Изъ обыденныхъ фразъ особенно практикуются выраженія при привѣтствіи другъ друга, напр., при встрѣчѣ утромъ говорятъ такъ: „ночувалы собѣ“, на что отвѣчаетъ другой: „Слава Бѣгу, якъ вы собѣ“, что равносильно съ „добрымъ утромъ“; если привѣтствуютъ днемъ, то говорятъ: „днѣувалы собѣ“, а отвѣтъ тотъ же, что и раньше. Есть еще выраженіе: „що въ Бѣга день“, что значитъ „каждый день“.

Ф. С. Борметовъ.

31.—Сл. Римаревка.

Поселеніе и населеніе—Свадьбы.—Обрядовыя пѣсни.—Юридическіе обычаи.

Слоб. Римаревка, Старобѣльскаго уѣзда, Курічевской волости, расположена подъ горою въ долину и окружена съ восточной стороны рѣкою Деркуломъ, съ западной мѣловыми горами, съ южной—лугъ, на которомъ расположены постройки государственнаго Римаревского коннаго завода, напоминающаго собою маленькій городокъ; съ сѣверной—равною мѣстностью, со многими селеніями, окруженными деревьями. Особенностей мѣстоположенія почти никакихъ нѣтъ; но земля, принадлежащая Римаревкѣ, надобно полагать, заключаетъ въ себѣ много минераловъ: она изобилуетъ множествомъ всевозможныхъ глинъ, и въ ней по присутствію найденнаго въ 1890 году гипса, признаютъ залежи каменной соли. Въ 1892 г. являлся горный инженеръ и сдѣлалъ контрактъ, по которому предполагается произвести развѣдки. Пробы производятся, а чѣмъ они окончатся—дѣло будущаго. Римаревка отъ уѣзнаго города Старобѣльска находится въ пятидесяти верстахъ. Начало свое, какъ говоритъ народное преданіе, о чемъ, впрочемъ, частію говорится и въ лѣтописяхъ, слобода получила отъ поселенія на этомъ мѣстѣ трехъ выходцевъ изъ Полтавской губерніи, которые появились въ

концѣ восемнадцатаго вѣка. Имена ихъ: Римаръ, Кононъ, и Гармашъ. Одинъ изъ нихъ Римаръ остановилъ свое вниманіе на мѣстности къ западу отъ рѣки Деркула, а Кононъ и Гармашъ отправились за рѣку и поселились къ востоку отъ нея. Съ теченіемъ времени къ этимъ первымъ поселенцамъ стали приходить еще другіе, и такъ образовалось три хутора: Римаревка, Кононовка и Гармашевка. Изъ упомянутыхъ трехъ хуторовъ въ Римаревкѣ оказалось сравнительно больше жителей, почему жители трехъ хуторовъ сообща построили въ Римаревкѣ небольшую изъ дикаго камня церковь, и вслѣдствіе этого Римаревка стала именоваться съ тѣхъ поръ слободою. Жителей въ сл. Римаревкѣ до 700 душъ мужскаго пола. Всѣ они малороссы, но на нихъ уже повліяло ближайшее сосѣдство жителей земли Войска Донскаго, куда они каждый годъ ходятъ на заработки, вслѣдствіе чего измѣнился говоръ и наружный видъ. Особенностей мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ осталось у насъ немного, да и тѣ уже не составляютъ какъ-бы нѣчто удержанное отъ старины, а вошли въ употребленіе, благодаря близости торговаго мѣстечка Бѣловодска, гдѣ римаревцы постоянно бываютъ и производятъ торговлю хлѣбомъ. Стремленіе къ чтенію у народа довольно замѣтно, но книгъ доставать трудно, за исключеніемъ лишь въ школѣ и церковной библіотекѣ. Чтеніе народъ вообще любитъ по большей части религіозно-нравственное. Благодаря изобилію мѣла, жители устраиваютъ себѣ изъ него жилища. Хаты выходятъ изъ мѣла довольно красивыя. Хату большею частью раздѣляютъ внутри на двѣ половины, такъ что получаютъ двѣ комнаты, всегда довольно чистыя, просторныя и свѣтлыя. Въ каждой хатѣ обращаетъ на себя вниманіе изобиліе иконъ въ переднемъ углу, часто всѣ стѣны украшаются ими, что особенно любитъ народъ. Дворовыя постройки устраиваются въ послѣднее время всѣ изъ мѣла, потому что лѣсовъ нѣтъ, и постройки эти выходятъ очень красивы, такъ что онѣ, пожалуй, не уступаютъ по красотѣ своей и кирпичнымъ зданіямъ. Замѣчательно, что въ слободѣ пока еще не замѣчается густоты построекъ: всѣ хаты одна отъ другой находится на большомъ разстояніи, также и постройки дворовыя

отдѣлены другъ отъ друга порядочнымъ разстояніемъ. Улицы въ слободѣ широкія и какъ-бы приготовлены къ тому, чтобы обсаживать ихъ деревьями; если бы это было сдѣлано, то слобода была-бы значительно обезпечена отъ народнаго бича—пожаровъ.

Одежда мужчинъ, какъ видно по остаткамъ старины, совершенно измѣняется. „Чинарка“ и пиджаки стали входить въ моду у молодежи, и пройдетъ еще немного времени, какъ совершенно исчезнутъ „габóвыя“ свиты и суконныя, бѣлаго сукна, мужскія курточки. Зимняя одежда состоитъ изъ полушубковъ и тулуповъ изъ овечьихъ смуховъ и дѣлается довольно красиво. У женщинъ уже вывелись такъ называемыя „дѣрги“, приготовляемыя изъ черной овечьей шерсти; ихъ замѣнили ситцевыя юбки. На головѣ почти всегда можно встрѣтить у старухъ повязки большими хорошими платками, у молодежи же платочки шерстяные разныхъ цвѣтовъ. Зимой женщины одѣваются въ тулупы, крытые хорошимъ сукномъ и обложенные мѣхомъ; такіе тулупы у народа называются „байбарáки“, и стоимость ихъ часто доходитъ до 50 р. и болѣе. Вообще надо сказать, что народъ любитъ щеголять; въ особенности женщины, повидимому, здѣсь ни о чемъ другомъ такъ не заботятся, какъ только о томъ, чтобы одѣться по возможности щеголеватѣе. Къ этому приучены они благодаря тому, что многія изъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ съ апрѣля мѣсяца занимаются къ болѣе состоятельнымъ по торговлѣ галантерейнымъ товаромъ. Почти до Рождества Христова ходятъ по разнымъ городамъ, станицамъ и отдаленнымъ хуторамъ земли Донской, Кубанской области и др. и, получая за свой трудъ довольно хорошую цѣну, напр., отъ 100 руб. до 200 руб. отъ апрѣля по декабрь, приходятъ домой и большую часть заработковъ тратятъ на наряды. Глядя на нихъ, и оставшіяся дома не отстаютъ и на послѣднюю, трудомъ заработанную, копѣйку непременно стараются расфрантиться. При этомъ невольно припоминается старинная поговорка: „на верху шелкъ, а внутри шелкъ“.

Пища крестьянъ не затѣйлива. Она состоитъ у богатыхъ изъ борща, пшенной каши, варениковъ—въ скромные дни,

съ сыромъ, а въ постные—съ капустою; хлѣбъ большею частію готовится изъ смѣшанной муки—пшеничной и ячменной, у бѣдныхъ-же почти изъ одной ячменной. Мяса мало употребляютъ. Скотъ переводится—вслѣдствіе уничтоженія пастбищъ, земля же выработана благодаря, съ одной стороны, годовому только отдыху ея, а съ другой—бездождію; въ послѣдніе же годы корма—никакого. Хотя жители и занимаются больше посѣвомъ пшеницы, но едва только обмолятъ ее, какъ сейчасъ-же продаютъ для уплаты податей, на расплату съ долгами, которыхъ у каждого крестьянина наберется довольно за зимнее безработное время. Такъ какъ въ описываемой мѣстности нѣтъ мѣстныхъ заработковъ, то поэтому, крестьянинъ что лѣтомъ наживетъ земледѣліемъ, то за зиму проживетъ. Вообще замѣтно, что крестьяне бѣднѣютъ, съ одной стороны, благодаря постояннымъ недородамъ хлѣба, а съ другой, часто уже и съ заработковъ въ землѣ Донской, приходятъ съ пустыми руками, такъ какъ и тамъ за послѣдніе годы урожаи плохи.

Для освѣщенія въ домахъ употребляется вездѣ керосинъ.

Въ слободѣ незамѣтно исключительно свойственныхъ селенію болѣзней, но случается, хотя и рѣдко, дифтеритъ и скарлатина. Холеры въ 1891 году не было, но въ селѣ были нѣкоторыя врачебныя распоряженія на случай появленія ея, и народъ сочувственно отнесся къ нимъ. Была прислана мѣстному священнику отъ земства аптечка, и народъ пользовался нѣкоторыми лѣкарствами и отъ не холерныхъ болѣзней. Надобно сказать, что если-бы чаще врачебный персоналъ посѣщалъ селеніе, то народъ совершенно вѣрялъ-бы ему себя въ полное распоряженіе; это видно изъ того, что рѣдко кто не обращается на случай болѣзни то къ врачу, то къ фельдшеру; но такъ какъ эти послѣдніе живутъ не въ этомъ селѣ, то обращаются къ нимъ затруднительно для крестьянъ и, не смотря на это, повторяю, народъ все-таки сочувственно относится къ научному лѣченію. Мѣстныхъ знахарей здѣсь нѣтъ, а есть только бабки, которыя на случай боли въ животѣ заговариваютъ „сáяшныци“ и дѣлаютъ что-то въ родѣ сухихъ банокъ.

Главное занятіе жителей—земледѣліе; есть, впрочемъ, и пасѣки, но въ нихъ на все село не болѣе 50 ульевъ пчелъ. Изъ

кустарныхъ промысловъ по немногу всего, что называется; знаютъ „небойко“ шить сапоги, сдѣлать возъ, пошить „чинáрку“ и тулупъ, а нѣкоторые дѣлаютъ и горшки.

Относительно религіознаго настроенія народа надобно сказать, что онъ стоитъ на довольно высокой высотѣ развитія; это видно изъ того, что народъ любитъ читать религіозныя книги, исправно посѣщаетъ церковь, расположенъ къ взаимопомощи, во всѣхъ своихъ нуждахъ прежде всего обращается къ Богу и при началѣ почти каждого дѣла молится, гостепріименъ и всегда готовъ жертвовать по первому призыву. Религіозныя вѣрованія вліяютъ на всѣ другія области мысли и жизни, отсюда понятна и самая нравственность.

Народъ любитъ посылать дѣтей въ школу къ учителю и относится къ нему какъ къ лицу, желательному въ селѣ. Не мало лежить обязанностей на женщинахъ, и онѣ вообще замѣчательно трудолюбивы и выносливы. Женщина въ семьѣ полновластная хозяйка. Она завѣдываетъ почти всѣмъ домомъ: варить, мыть, огородъ убираетъ, за дѣтьми смотритъ и подчасъ скотинѣ подастъ кормъ и напоить; въ жаркую лѣтнюю пору на степи работаетъ и, какъ-бы далеко ни отлучалась изъ дому, къ вечеру спѣшитъ домой загнать овечку, накормить свинью, подоить корову и на другой день, едва только—заря, какъ она опять отправляется въ поле. Вообще она пользуется въ семьѣ должнымъ почетомъ, какъ мать, жена и хозяйка. Приниженности никакой не замѣтно. Что касается до общественныхъ дѣлъ, то тамъ она не участвуетъ ни словомъ, ни дѣломъ. Отношенія родителей къ дѣтямъ еще во многихъ семьяхъ сохраняются патриархальныя, но стремленіе дѣтей къ раздѣлу—на свободу уже нарушаетъ эти отношенія. Отношеніе къ наймитамъ довольно человѣчно и почти родственно; вообще наймитъ считается какъ-бы семьяниномъ и мало чѣмъ отличается отъ членовъ семьи. Кабакъ въ селѣ одинъ, и особаго пьянства, такъ сказать повальнаго, нѣтъ. Пьютъ, конечно, но въ свободную пору и не видно, чтобы отъ пьянства уменьшалось благосостояніе.

При рожденіи и крещеніи дѣтей не замѣчено никакихъ обычаевъ. Обыкновенно послѣ рожденія „могорычуютъ“, т. е. угощаются водкою, что дѣлается и послѣ крещенія.

Вечерницы. Теперь это—собраніе молодыхъ парней и дѣвокъ въ одной какой-либо хатѣ; тамъ дѣвки прядутъ пряжу или пьютъ что-либо, а парни играютъ на гармоникахъ и пританцовываютъ. Потомъ обыкновенно готовятъ ужинъ съ выпивкою.

Свадебные обряды. Послѣ вѣнчанія новобрачная идетъ въ свой домъ, а новобрачный въ свой; затѣмъ она собираетъ „дружокъ“ (подругъ), идетъ съ ними обѣдать къ старшей дружкѣ, и онѣ поютъ въ дорогѣ пѣсни:

Колесомъ сонычко йде.

Молода княгиня подруженьки веде.

Своему батеньку день добрый дае.

Сей день на весь день, та й до вечера.

Затѣмъ еще:

Я по бережку ишла,

Суху рыбку найшла.

Суха рыбка не трѣцца,

Багатый, ненько, не плѣцца,

А убогий, ненько, не сміе

Такъ витеръ мой и кісоньку
розвие.

Вечеромъ того дня молодая съ друзьями идетъ въ самую дальнюю хату отъ дома молодого, чтобы скрыться отъ него и его бояръ, и когда придутъ, то прячется на печку и тамъ „спитъ“, а дружки садятся за столъ и поютъ. Въ это время у молодого собирается поѣздъ. На первую тройку лошадей садится молодой, и въ это время его мать обсыпаетъ его хмелемъ, овсомъ, деньгами и проч.; на послѣдней-же тройкѣ садятся свашки и свитилка (свашки—женщины замужнія, а свитилка—дѣвка, и всѣ они родственники новобрачнаго). Въ рукахъ свитилки „мечъ“ (громадный букетъ, составленный изъ пучковъ ягодъ калины и цвѣтовъ „крокоса“) свашки же берутъ громадный узелъ шишекъ, которыя формою похожи на сосновыя, только сдѣланы изъ тѣста. Во время ѣзды поютъ:

А въ лыгони, та въ осѣчине,
(липовая и осиновая роща)

Тамъ староста сіно косе.

И ижъ, коню, зелено сіно,

А пый холодную воду.

Та играй, коню, та по-пидо
мною,

Та поидемъ помйжъ чужиною:

Щобъ чужина дывувалася,

А сванычка наряжалася.

Накатавшись, молодой подѣзжаетъ къ той хатѣ, гдѣ находится молодая и требуетъ ее, но дружки предъявляютъ ему тре-

бование выкупа, котораго молодой не хочет дать; послѣ упорства съ обѣихъ сторонъ молодой отѣзжаетъ прочь и поѣздивши опять является за новобрачною. Такъ тянется до тѣхъ поръ, пока новобрачный не поднесетъ по рюмкѣ водки дружкамъ; тогда онѣ выводятъ молодую—княгиню, какъ называютъ ее, сажаютъ ее возлѣ молодого—князя, и новобрачные до самаго вечера катаются по слободѣ. Наѣздившись въволю, молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой, останавливаются возлѣ воротъ, и молодая идетъ въ хату, садится за столъ, а молодой опять отѣзжаетъ и, поѣздивши около часу, въѣзжаетъ во дворъ новобрачной, гдѣ теща встрѣчаетъ его съ хмелемъ, угощаетъ водкою его и бояръ (боярами называются молодые парни, товарищи жениха). Въ это время, когда свашки новобрачной выходятъ изъ ея хаты и останавливаются у порога, подходятъ къ нимъ со двора свашки молодого и становятся попарно, одна противъ другой, и правая съ правою цѣлуются, а лѣвая съ лѣвою и обмѣниваются паляницами, т. е. особымъ видомъ печенаго хлѣба. Затѣмъ „свашки“ послѣ обмѣна входятъ въ хату и садятся за столъ. Вслѣдъ за „свашками“ дружка ведетъ князя (дружка выбирается вообще изъ женатыхъ и опытныхъ людей и служить руководителемъ въ продолженіи всей свадьбы), останавливается съ нимъ у порога хаты и произноситъ слова: „Господи Іисусе Христѣ, сыне Божій, помѣлуй насъ“. А „старосты“ (поручители при вѣнчаніи со стороны невесты) отвѣчаютъ ему: „Аминь“. За симъ опять дружка обращается къ старостамъ со слѣдующею рѣчью: „староста, панѣстароста, хто до кѣго, а я до Бога, та до вѣшего здоровья, благословѣть молодого князя за стиль завести“. Въ это время сидѣвшіе на мѣстѣ новобрачнаго возлѣ новобрачной мальчики вскакиваютъ и бьютъ дружка „кѣйками“ („кѣйками“ называются палки, на концы которыхъ крѣпко привязаны пучки соломы) и требуютъ выкупа за мѣсто. Когда дружка дастъ имъ по рюмкѣ водки и по копѣйкѣ, тогда они уступаютъ мѣсто молодому—князю. Въ продолженіе этой процедуры новобрачная сидитъ, наклонившись головою къ столу, старшая дружка держитъ на головѣ ея „калѣчь“ (печеный хлѣбъ, украшенный калиною), а на столѣ, надобно сказать, лежитъ громадный хлѣбъ, украшенный сверху

калиною и бантиками изъ красной ленты, который называется у нихъ „лѣжнемъ“. На этомъ „лѣжнѣ“ положены двѣ ложки, перевязанныя красными нитками и предназначенныя для молодыхъ, затѣмъ пустая бутылка, въ которую воткнута вишневая вѣтка, обвязанная разноцвѣтными бумажками и искусственными цвѣтами, и бутылка съ медомъ, которая предназначена для бояръ. Дружки стараются украсть ее, и послѣ нѣкоторой борьбы она достается боярамъ, которые сидятъ за столомъ противъ дружекъ. Когда молодого заведутъ за столъ, то онъ поднимаетъ голову наклоненной княгини и цѣлуетъ ее, а старшая дружка снимаетъ калѣчь съ головы и кладетъ его на столъ. Свашка беретъ у „свитѣлки“ „мечъ“, въ средину котораго ставится зажженная свѣча, и обводитъ имъ три раза надъ наклоненными головами молодыхъ. Послѣ этого отецъ и мать молодой угощаютъ присутствующихъ водкою и подносятъ прежде всего молодому и молодой; тѣ встаютъ и дѣлаютъ поясной поклонъ, что обозначаетъ, что они отказываются отъ водки и предлагаютъ ее отцу и матери, и до тѣхъ поръ продолжаютъ свои поклоны, пока не обнесутъ водкою всѣхъ родныхъ. Въ заключеніе пьютъ и молодые, а свашки въ это время роздаютъ каждому по шишкѣ. (Надобно сказать, что всѣ здѣсь присутствующіе—родня молодой, родни же молодого, кромѣ свашекъ и свитилокъ, нѣтъ никого). За симъ дружки поютъ пѣсни, обращаясь къ молодой:

„Та-ты дѣшенько молодѣ княгиня:

Чи пѣсни спиваты, чи свашки прохаты?

Потомъ, обращаясь къ свашкамъ, поютъ: „Свашычко, свѣтылочко, борвиночко, заспывай намъ хочъ одниѣи висильной—приизжои пѣсеньки“. Свашки отвѣчаютъ: „А у нашего пана-свата у дворѣ стойтъ яблоня, лыбѣнь двѣ; а на одній яблонѣ соловей, а на другій зозуля. Благословѣте панови сватови пѣсеньки заспываты: тожъ не соловей—сватѣчекъ, тожъ не зозуля—свынычка“.

При этомъ, если дружкамъ не дадутъ шишекъ (это дѣлается для того, чтобы вызвать дружекъ на болѣе комичныя пѣсни), то дружки, разсердившись на свашекъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

Свашка не липанка,
Шипокъ не липыла,
А злипыла съ зелёного сина,
Тай-тѹ сама зыла.
Свытылка шпылька при стинѣ,

Тай-на-ий сорочка не ий,
Прыйшла, сусѣда торкае,
Скидай сорочку-смеркае.
Заквичана косыцами,
Сыдѣть воши копыцами.

Свашки имъ отвѣчаютъ:

„Вы дружечки-раки,
Брешете, якъ собаки“.

Потомъ дружки поютъ:

„Найхалы, мой нѣнько, щось за панѣй,
Взялы мою кѣсоньку пидъ жупанѣй.
Стала моя нѣнька плакаты:
Та не плачъ, мой нѣнько, по минѣй,
Та заплачъ, мой нѣнько, по моему дивованью, та по красѣй“.

Еще:

„Я йрокъ не котыла, покотылыся йрки,
По моему бѣлому лычку слизкѣй.
Вона (невѣста) стрѣбная серѣжычка,
А винъ (женихъ) золотый обѣдчикъ (кольцо).
Тай обѣвися винъ бѣля—бѣлои рѣчки, бѣля ий рѣсои
кисочки“.

Затѣмъ начинаютъ дарить, отколовъ предварительно у невѣсты вѣнокъ и поютъ:

„Молодой паночокъ зная у мене вѣночокъ“.

Сидящая на „полу“ (поломъ у нихъ называются доски, положенныя для спанья) сестра невѣсты, пришивая къ шапкѣ жениха вѣнокъ, поетъ:

„Зять на мене та недѣвыцьця:
Винъ на мене нѣшкомъ крѣвыцьця,
Винъ на мене, та не погляне,
Винъ мене нѣшкомъ лае“.

Послѣ этого она надѣваетъ шапку жениха себѣ на голову и держитъ ее на головѣ, пока женихъ не выкупитъ ее. Выкупъ состоитъ въ томъ, что дружка подноситъ ей шишку, рюмку водки и 1 руб. серебромъ деньгами. Получивъ выкупъ, она возвращаетъ шапку жениху. Послѣ этого мать новобрачной перевязываетъ жениха большимъ хорошимъ платкомъ, а ей свашка, со стороны новобрачнаго, даритъ „чѣ-

боты“ (сапоги изъ краснаго сафьяна) и затѣмъ со стороны новобрачной даются подарки всѣмъ свашкамъ, дружкѣ и боярамъ: свашкамъ и дружкѣ по „хусткѣ“ (платочекъ), а боярамъ по красной ленточкѣ изъ кумача. Получивъ эти подарки, каждый изъ нихъ говоритъ при этомъ: „Спасѣби бѣтькови, матери и молодой кнѣтѣни, що рано вставала и намъ подарки прѣла“. Послѣ этого дружки поютъ пѣсни:

„Та прощай-же, прощай, сестра наша!
Та беремо мы твоѣ дивованье собѣй,
Та разлѣка намъ съ тобою, якъ зъ рѣдною сестрою“.

При этомъ встаютъ изъ-за стола и уходятъ совсѣмъ изъ хаты. На мѣсто ихъ рядомъ съ молодою садятся замужнія женщины, расплетаютъ ей косу, вынимаютъ ленты, при чемъ она плачетъ, а они поютъ:

„Чогѣ-жъ ты, молодѣнька, досѣжуешь
И бѣтеньковы не дякуешь?
Ужѣ-жъ коньки позапряганы,
И колясочки позавѣртаны,
Тѣльки сѣсты, та пойхаты“.

За симъ подружѣй (лицо со стороны невѣсты) начинаетъ разрѣзывать калачъ, что лежалъ на головѣ новобрачной и раздаетъ его куски присутствующимъ. Потомъ уже выводятъ новобрачныхъ изъ-за стола къ отцу и матери, которые стоятъ посреди хаты съ образомъ и хлѣбомъ; молодые кланяются, а отецъ и мать благословляютъ ихъ. При этомъ свашки поютъ пѣсни:

„Спасѣби тобѣ, мий бѣтенько,
За твоѣ коханьчко, що я у тебѣ гуляла,
Нѣякого дѣла не знала,
Тѣльки знала пити въ садѣчокъ, та сплесты вѣночокъ,
Та пити (идти) до дивѣчокъ“.

Еще поютъ:

„Не жалослива, матинко:
Прѣтывъ нѣчки пле до рѣчки,
Не даѣть минѣ провѣднычки,
Ни рѣднѣнькои сестрѣчки,
Я и дорѣженьки не знаю,

Де жъ минѣ спѣты—ночуваты:
Чы въ чѣстомъ полі, чы въ
дубровѣ,
Чы въ свекрѣвий комѣри
(амбарѣ)“.

Наконецъ, свашка и подружій покрываютъ новобрачную большимъ платкомъ, выводятъ ее и усаживаютъ на приготовленную повозку, и сами садятся возлѣ невѣсты, а новобрачный верхомъ на лошади три раза объѣзжаетъ вокругъ повозки, на которой сидитъ молодая и за каждымъ разомъ слегка бьетъ ее кнутомъ. (Надобно сказать, что если новобрачный недоволенъ молодою, то, какъ говорятъ, въ третій разъ ударить такъ сильно, что кровавая „пьявка“ покажется на спинѣ). Потомъ новобрачный садится рядомъ съ новобрачною, весь поѣздъ выѣзжаетъ со двора и направляется къ дому новобрачнаго. Присутствующіе здѣсь парубки, товарищи новобрачнаго, оставшись возлѣ двора новобрачной, если только знаютъ, что она была дурного поведения, то вслѣдъ отъѣхавшему поѣзду стрѣляютъ изъ холостого ружья и свистятъ. Въ домѣ новобрачной остаются ея родственники и сосѣди, ужинаютъ и пьютъ въ ожиданіи добрыхъ вѣстей о новобрачной. Когда новобрачные пріѣзжаютъ въ домъ молодого, то его отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ образомъ и хлѣбомъ. Молодые, поклонившись имъ три раза въ ноги, входятъ въ домъ, гдѣ заводятъ ихъ за столъ, отецъ же и мать угощаютъ ихъ водкою. Въ это время свашки и вообще присутствующія женщины поютъ:

„Та прійхавъ молодой съ подолу,
Та привізъ подолѣночку съ собою.
Частуй менѣ, мий батеньку: я въ тебѣ гистъ (гость),
И частуй мою любую гостю, шо я привізъ“.

Когда пропоютъ эту пѣсню, то новобрачные встаютъ изъ-за стола и отправляются на покой, а вся компанія располагается ужинать и гулять. На другой день, рано утромъ, если новобрачная безупречна, то дружка и свашка, сопровождавшіе ее, привозятъ молодыхъ въ домъ новобрачной къ ея отцу на „снѣданье“, т. е. на закуску, которая состоитъ изъ хлѣба и меду; этимъ же угощаютъ и всѣхъ присутствующихъ здѣсь. Если же новобрачная не безупречна, то ее не привозятъ, а оставляютъ у свекра, и является только одинъ молодой приглашать всю „бѣседу—кампанію“ къ себѣ въ домъ, и когда соберутся гости новобрачнаго, то прежде всего угощаютъ ихъ хлѣбомъ съ медомъ

въ случаѣ безупречности, въ противномъ же случаѣ—хлѣбомъ съ лукомъ. Вся эта компанія даритъ невѣсту; молодая принимаетъ подарки не съ своимъ молодымъ, а съ замѣняющимъ его парнемъ, потому что молодого вмѣстѣ съ дружкой въ это время посылаютъ за отцомъ и матерью и всѣхъ приближенныхъ новобрачной, для приглашенія ихъ въ домъ новобрачнаго. Когда молодой явится къ отцу и матери новобрачной, то его заводятъ за столъ и угощаютъ водкою и калачемъ; онъ съ своей стороны отвѣчаетъ тѣмъ-же. Послѣ этого молодой выходитъ изъ-за стола, кланяется всѣмъ и проситъ ихъ къ себѣ, а тещу ведетъ подъ руку до своего дома. Когда прійдетъ вся эта компанія, или, по мѣстному названію, „перизва“, во дворъ молодого, то его мать наряжаютъ въ одежду новобрачной, что означаетъ, что послѣдняя безукоризненна; затѣмъ вводятъ гостей молодой въ хату, гдѣ за столомъ сидятъ товарищи молодого. Сидящимъ за столомъ отецъ молодой даетъ водки и проситъ, чтобы они вышли изъ-за стола и уступили мѣста явившейся компаніи новобрачной. Когда компанія молодого выйдетъ съ хаты, то гости изъ дома молодой всѣ за столъ усаживаются и ихъ угощаютъ водкою по громадному стакану, для того, чтобы они скорѣе сдѣлались пьяными; въ противномъ случаѣ, если мало водки, то они бываютъ недовольны и поютъ: „И свѣтови лѣска, и свѣси лѣска, и молодому лѣска, и молодой лѣска“,—т. е. слѣдуетъ бить ихъ за плохое угощеніе. Гости же новобрачнаго, когда выйдутъ изъ хаты, то имъ дается водка, которую они тутъ же распиваютъ во дворѣ жениха, причемъ такъ безобразничаютъ, что если что покажется во дворѣ: свинья ли, или овца, или теленокъ, то сейчасъ же рѣжутъ его, и мясо варятъ среди двора; такъ забавляются до тѣхъ поръ, пока не уйдетъ компанія молодой. Когда отецъ и мать новобрачной сидятъ за столомъ, то ихъ дочери, т. е. молодой, не показываютъ имъ, а вмѣсто ея наряжаютъ въ ея одежду какуюнибудь „молодѣцю“, которая бросается цѣловать мать. Тогда мать новобрачной, поднимая платокъ съ ея головы, говоритъ, а другіе поютъ: „це не наша, це не наша, а ввидѣть нашу, а якъ не ввидѣть, то полетѣть ложки й мыскы зъ хаты“. Тогда вводятъ самую молодую, и она здоровается съ отцомъ и матерью и со всѣми

гостями. Послѣ этого обѣдаютъ и въ концѣ обѣда одаряютъ молодыхъ. Подарки для молодыхъ со стороны мужчинъ бываютъ деньгами, овцами и по мѣрѣ или по мѣшкѣ пшеницы, а женщины дарятъ холсты и ситецъ. Гулянье свадебное продолжается по три дня, но уже каждая компанія гуляетъ отдѣльно. На четвертый день компанія молодого идетъ къ нему въ домъ—это у нихъ называется до „чѣпа“, и здѣсь кладутъ дружка въ рядно и готовятъ воду, чтобы купать его, а дружка, чтобы избавиться отъ купанья, отдѣляется водкою, т. е. угощаетъ водкою, купленною на свой счетъ. Отецъ молодого, обнесши всѣхъ гостей по рюмкѣ, раскланивается и говоритъ: „чымъ богатъ, тымъ и радъ“, и этимъ показываетъ, что свадьба окончена. Послѣ этого вся эта компанія уже на свой счетъ покупаетъ водку, ведетъ отца и мать молодого въ кабакъ и тамъ угощаетъ ихъ водкою, причемъ бываютъ всевозможныя пѣсни и пляски.

Похороны. Что касается похоронъ, то крестьяне стараются скорѣй похоронить умершаго въ виду меньшихъ расходовъ. Когда же умереть кто нибудь изъ семьи, какъ напр. мать, то женщины, ея родственницы обыкновенно, плачутъ, или тужатъ, какъ они говорятъ, приговаривая слѣдующія слова: „Мой нѣнько (мать), мой зузѹленько, та до ко́го я теперь голово́ньку прыхлю́, кому́ я правдо́ньку скажу́; та колы́жь ты, нѣнько, до мене въ гостеньки прійдешъ, чы къ Риздвѹ, чы къ Велы́кодню, къ Риздвѹ стѣжки (дорожки) снижко́мъ позасыпа́е, а къ Велы́кодню воды́чкою позалыва́е, а къ святы́й недѣленци травы́чкою позароста́ють, а къ святы́й Покрови́ не дожида́тъ ны́колы, а дождѹ́ я весны́: соловейко́ бѹде щебетаты́, а зузѹленька куваты́; а я бѹду своѣй нѣньки пыта́ты (спрашивать), та, мо́же, вона́ слова́мы перека́зувала; ма́будь витты́ль (оттуда) ны пы́сма не плю́тъ, ны слова́мы перека́зуютъ. Та яка́ жъ, моя нѣнько, у тебе́ хато́чка те́мна ны весѣла, та ни́куда-жъ со́нечку проска́кнуты́, та ни́куда й ви́трочку прови́йнуты“.

Праздники. Въ день Рождества Христова собирается нѣсколько мужчинъ и женщинъ, ходятъ по домамъ славить Христа, при этомъ поютъ: „Днесъ пою́ще купина́ игра́е, царя́ наро́ждѣнна всихъ выхва́ляе, пою́ще и сѹще сла́ва въ ви́шнихъ глаго́люще; тогда́ Иосифъ, обруче́нный Дѣвѣ́, услы́шавъ

отъ а́нгела сло́во: возьми́ отроча́ и ма́терь его́, бѣ́ги, бѣ́ги во Египетъ́ отъ прокля́таго. Царь́ на ослѣ́ти въ Египетъ́ ступа́е, Иродъ́ войско́ свое́ разсыла́е; мы бѣ́гѣмъ, бѣ́гѣмъ съ царѣ́мъ наро́ждѣннымъ, отъ Мари́и Дѣ́вы днесъ́ воплоще́ннымъ. Царь́ воцари́льца, сла́дко возопѣ́ла Пречи́стая Дѣ́ва, царя́ породы́ла; Бо́гу возопѣ́ль: ме́жду скоты́ Христосъ́ почива́е во плоти́“. И еще: „Шѣ́дше трѣ́е ца́рие ко Христѹ́, со да́ры, Иродъ́ ихъ пригласи́ и, гдѣ́ иду́тъ испроси́; отвѣща́ше ему́: иде́мъ къ ро́ждѣнному. Къ́ ро́ждѣнному́ иди́те, и мнѣ́ возвѣ́стите, и я, шѣ́дъ, поклоню́ся, предъ́ царѣ́мъ смирю́ся, возда́мъ че́сть обы́чно, ца́реви прѣли́чно. Звизда́ иде́ чѹ́дне съ восто́къ на по́лу-днесъ́ надъ́ верте́помъ сѣ́е, царя́ Христѹ́́ явля́е; гдѣ́ Христосъ́ ро́дися́, тамъ звизда́ яви́ся; ца́рие приидо́ша, да́ры пренисо́ша. Ангелъ́ къ нимъ́ вѣща́е, на пу́ть наставля́е: инѣ́мъ путе́мъ иди́те, ко Ироду́ не иди́те; волхвы́ возврати́шася, у Ирода́ не бы́ша, воспы́тъ возврати́шася, не бо́льше труди́шася, прѣ́йти во сво́ю стра́ну, Христѹ́́ славосло́вить, ча́ютъ въ себѣ́ жити́, съ Нимъ́ на вѣ́ки служи́ти; сла́вимъ́ Ти ро́ждѣнному́, отъ всѣ́хъ просла́вленному́, съ вѣ́рою челове́ки на вѣ́чныя вѣ́ки“.

Въ новый годъ ходятъ по домамъ мальчики и посыпаютъ въ домахъ зерномъ, приговаривая: „на сча́стье, на здоро́вье, та на но́вый годъ; роды́, Бо́же, жи́то, пше́нцию́ и вся́ку па́шаньцю́“.

Юридическіе обычаи. Народные обычаи при сватовствѣ, которыхъ держатся, какъ говорятъ, крестьяне съ незапамятныхъ временъ, состоятъ въ томъ, что если парень посватаетъ дѣвку, то, въ случаѣ размолвки, виновная сторона уплачиваетъ безчестье пострадавшему, и это дѣло не обходится безъ волостнаго суда. Существуетъ еще новый, такъ сказать, обычай у крестьянъ при сватовствѣ, напр., ни одинъ парень не посватаетъ дѣвки, не уплативъ предварительно за нее родителямъ назначенной ими суммы, и сумма эта доходитъ нерѣдко до 100 руб. сереб. Бываетъ и такъ, что родные дѣвушки порѣшили взять 40 руб. за невѣсту съ тѣмъ, что 20 руб. черезъ извѣстный срокъ отдать, а другіе 20 руб. безъ отдачи. Если же невѣста бѣдна, то женихъ на свой счетъ одѣваетъ ее, и тогда уже беретъ себѣ въ жены. Подобная покупка невѣстъ

стала все болѣе и болѣе входить въ обычай—какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ. Естественно, что отсюда появилось и зло, которое состоитъ въ томъ, что послѣ вѣнчанья молодыхъ и вообще послѣ свадьбы родители часто посылаютъ жениха и свою невестку къ ея родителямъ для возвращенія взятыхъ ими за нее денегъ, отчего бывають раздоры, и даже случается, что супруги расходятся, что, хотя и рѣдко, но бываетъ, въ особенности, какъ говорятъ, когда не бываетъ въ терпѣжъ жить отъ упрековъ. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при разводѣ, тоже не обходится безъ волостного суда, который судитъ такъ, что пострадавшій забираетъ свою худобу (имущество) и переселяется жить къ своимъ родителямъ, что бываетъ по большей части съ женщинами. Для правильности раздѣла имущества и для избѣжанія могущихъ быть недоразумѣній, отцы семействъ начали обращаться къ священнику о составленіи при жизни ихъ духовнаго завѣщанія, и это завѣщаніе имѣетъ рѣшающую силу, хотя-бы нѣкоторые члены семейства и были не довольны раздѣломъ; если же почему либо не осталось завѣщанія, то дѣлежъ между членами семейства, когда нѣтъ главы семьи въ живыхъ, производится цѣлымъ обществомъ, и безапелляціонно. Бываетъ и такъ: положимъ, у отца три сына и три хаты съ „плѣцами“ (огородами), и уже каждый знаетъ еще при жизни отца свою долю; если же отецъ не успѣлъ построить одному какому либо сыну хаты, то на постройку таковой указываетъ продать что-либо изъ хозяйства и поставить сообща непременно всю семью хату. Имущество дѣлится только между сыновьями поровну; что же касается дочерей, то, если почему либо онѣ не вышли замужъ (что хотя и рѣдко, но бываетъ), отцы обязываютъ какого либо сына кормить сестру до смерти, за что ему обыкновенно удѣляется больше противъ другихъ, хотя и незначительная доля. „На корени“, какъ говорятъ крестьяне, т. е. на мѣстѣ, гдѣ жилъ отецъ, всегда остается младшій сынъ, а старшій выходитъ во вновь приготовленные жилища.—Рабочіе нанимаются на срокъ по большей части годовой, безъ всякихъ письменныхъ условій; если же нанять не доживаетъ до срока, то у него, смотря, какое время, дѣлаютъ вычетъ, и такого рабочаго уже неохотно нанимають. Вотъ почему, если работникъ иногда и дурно живетъ

у хозяина, то онъ поневолѣ доживаетъ до срока и работаетъ уже, конечно, небрежно; если же хозяину негоденъ нанять, и, какъ бываетъ большею частью, работникъ впередъ забереетъ деньги, то хозяинъ уже и не требуетъ ихъ, потому что у работника очень часто нечѣмъ бываетъ отдать. Судъ за какое-либо преступленіе противъ собственности производится, если не „міромъ“, то волостнымъ правленіемъ, при чемъ магистръ имѣетъ немаловажное значеніе, и судбище оканчивается скоро, безъ особенныхъ волокитъ. Противъ личной безопасности по большей части учиняется расправа міромъ, т. е. обществомъ, и эта расправа такова, говорятъ, была, что совершенно изгнала охотниковъ до чужой собственности.

Макаренкова.

32.—Сл. Просяное.

Населеніе.—Нарѣчіе.—Жилище, одежда и пища.—Заговоры.—Свадьбы.—Игры.—Сказки.—Пѣсни.

Сл. Просяное расположена въ яру и по балкамъ, примыкающимъ къ нему. Отъ ближайшаго города, Старобѣльска, она находится въ 15 вер. Говорятъ, что слобода эта получила такое названіе оттого, что лежитъ въ яру, гдѣ въ изобиліи урождалось просо. Слобода эта образовалась изъ хутора Просянаго, который прежде принадлежалъ къ Марковскому Преображенскому приходу. Хуторъ этотъ сталъ именоваться слободою съ 1848 года, т. е. со времени построенія здѣсь храма во имя Вознесенія Господня. Вся названная слобода раздѣляется на пять частей, изъ которыхъ каждая носитъ особенное названіе. Одна часть называется Бѣлоусовкою, потому что тамъ преобладаетъ фамилія Бѣлоусовыхъ; вторая часть—Лигутовскою, отъ фамиліи Лигутиныхъ; третья—Сердитовкою, отъ фамиліи Сердитыхъ; четвертая часть называется Грыцьвкою потому, что въ этой части нѣкогда жилъ человекъ Григорій, въ народѣ Грыцькѣ; теперь здѣсь живутъ его потомки, почему эта часть и носитъ такое названіе; пятая часть—Прокѣпивою,

тоже отъ имени человѣка Прокопія, предка теперешнихъ жителей этой части.—Жителей въ слободѣ мужескаго пола 636 душъ, женскаго—661. Всѣ крестьяне малорусскаго племени. Въ отношеніи наружности есть нѣкоторые довольно привлекательные; красивыхъ не встрѣчается, но и уродливыхъ нѣтъ. Нѣсколько семействъ имѣютъ типъ, во многомъ сходный съ цыганскимъ.

Крестьяне Просяной говорятъ на малороссійскомъ нарѣчій. Особенности говора въ произношеніи словъ заключаются въ томъ, что одни звуки замѣняются другими, на примѣръ: звукъ *о* и *е* въ малороссійскомъ нарѣчій измѣняется въ *и*; вмѣсто окно—викно, войско—війско, тетка—тѣтка, покорный—покир-ный, познать—пизнать и т. д. Звукъ *ь* во всѣхъ словахъ обращается въ *и*, на примѣръ: дѣдъ—дѣи, дѣти—дѣи, себѣ—соби, тебѣ—тоби; звукъ *и* выговаривается за *ы*, на примѣръ: купилъ—купиы, побилъ—побиы, сварилъ—зварыы и т. д. Звукъ *з* замѣняется звукомъ *ж*, на примѣръ: въ дорогѣ—въ до-рожи, на ногѣ—на ножи; звукъ *к* замѣняется звукомъ *ч*, на пр.: теткѣ—тѣтчи, собакѣ—собаки; звукъ *л* замѣняется звукомъ *р*, на пр.: волкѣ—воркѣ, долгѣ—доркѣ, сдѣлалъ—сдѣларѣ. Мѣстныя слова слѣдующія: пѣка—лицо, напнѣтся—накрытъ, машко—милая, хибѣ—развѣ, начы—кажется, далыби—ей-Богу, вздрѣвъ—увидѣлѣ. Поговорки: безъ жинки, якъ безъ кѣшки; хохилѣ не свинѣ, а поистѣ все; де поистѣ семья, тамъ не приберѣ одна свинѣ. Нѣкоторые крестьяне подъ влияніемъ литературнаго нарѣчія говорятъ довольно правильно, хотя нѣкоторые слова извращаются.

Крестьяне слободы Просяной пользуются церковною библи-текою и читаютъ большею частію Четь-Минеи (житія святыхъ), Сельскій Вѣстникъ, Воскресные Листки, раздаваемые мѣстнымъ причтомъ. Нѣкоторые крестьяне покупаютъ себѣ книжки тоже религіознаго содержанія. Многіе крестьяне пользуются газетою, высылаемой въ волостное правленіе. Одинъ изъ крестьянъ ежегодно выписываетъ себѣ какой нибудь журналъ.

Жилище. Крестьяне живутъ въ небольшихъ невзрачныхъ избахъ, которыя обыкновенно бываютъ обращены на улицу глу-хою стѣною. Больше двухъ комнатъ крестьяне не дѣлаютъ. Одна

комната бываетъ большая, называемая хатою, а другая, малень-кая—хатына, или кимната. Последняя назначается для пригото-вленія обѣда; ѣдятъ пищу въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ въ переднемъ углу висятъ иконы и передъ ними лампадка. По обѣимъ сторонамъ иконъ висятъ вышитыя полотенца. Двѣ стѣнки, образующія передній уголъ, на полъ-аршина отъ по-толка или украшаются рѣзбою, или раскрашиваются фукси-номъ разныхъ цвѣтовъ. У нѣкоторыхъ крестьянъ раскрашива-ется и каминъ. Сволоки въ избахъ устраиваются большею ча-стію крестообразно. Сволокъ крестьяне или совсѣмъ не обма-зываютъ, или обмазываютъ желтою глиною. Надписей на сво-локахъ никакихъ не дѣлаютъ. Подлѣ двухъ стѣнокъ стоятъ длинныя скамьи, предъ ними большой столъ, покрытый толстою скатертью или клеенкою. Возлѣ третьей стѣны—полъ, который служить крестьянамъ вмѣсто кровати. У зажиточныхъ крестьянъ вмѣсто скамеекъ ставятся деревянные диваны. Убранство маленькой комнаты составляютъ: икона, скамьи и столъ. На-дворныя постройки крестьяне стараются расположить такъ, чтобы онѣ служили имъ вмѣсто огорожи. Амбары крестьяне, для безопасности отъ пожаровъ, выносятъ за дворъ или даже на огородъ. Всѣ постройки, за исключеніемъ избъ и амбаровъ, дѣлаются изъ камня, такъ какъ лѣсовъ въ этой мѣстности поч-ти нѣтъ, а камня, краснаго песчаника, весьма много.

Одежда. Крестьяне слободы Просяной одѣваются довольно чи-сто. Лѣтній, будничный костюмъ крестьянина таковъ: бѣлая со-рочка, такіе-же брюки, „чинѣрки“, фуражка и сапоги; празд-ничная—черныя брюки, такіе-же „чинѣрки“ или пиджаки и ситцевыя сорочки. Нѣкоторые крестьяне носятъ длинныя су-конныя „чинѣрки“ и опоясываются красными и зелеными по-ясами. Брюки многіе стали носить на выпускъ, въ особенности молодежь. Крестьянки въ будничный день ходятъ въ запасахъ изъ овечьей шерсти, которыя окрашиваются въ черный или красный цвѣтъ, въ ситцевыхъ кофтахъ, въ темныхъ платкахъ; замужня женщины—въ чепчикахъ, въ открытыхъ башмакахъ съ суконными чулками. Праздничный костюмъ крестьянокъ таковъ: красныя, бѣлыя и синія сарафаны, такіе-жѣ кофты или безрукавки изъ чернаго манчестера, пестрые передники,

платочки ситцевые и шерстяные разнообразныхъ цвѣтовъ и желтые, зеленые или красные сапоги. На шею надѣваютъ „гранаты“ разныхъ цвѣтовъ, мѣдные кресты, а богачки серебряные кресты и рубли. Пожилыя женщины надѣваютъ въ церковь длинные суконные халаты. Бабы на голову надѣваютъ „очіпки“ и потомъ повязываются большимъ платкомъ, — такъ, чтобы назади выпускался небольшой конецъ платка. Лѣтъ десять тому назадъ всѣ замужнія женщины носили выше описанныя повязки, а дѣвушки повязывались одними шальями и прикалывали спереди по два цвѣтка своего издѣлія. Въ настоящее время эти повязки почти выходятъ изъ употребленія. Дѣвушки теперь носятъ такія повязки только тогда, когда бываютъ просватаны, чтобы можно было отличить неvěсту отъ прочихъ дѣвушекъ. Въ зимнее время крестьяне въ будни носятъ бѣлые овечьи полушубки, опушенные чернымъ барашкомъ, а въ праздникъ — дубленые, крытые черкесиномъ или сукномъ. Крестьянки въ будни тоже носятъ бѣлыя шубы, а въ праздникъ — крытыя сукномъ или черкесиномъ. Надо сказать, что костюмы крестьянъ постепенно приближаются къ мѣщанскимъ. Стоимость лѣтнихъ одеждъ доходитъ до 8 и 10 руб., а зимнихъ — до 15 и 20 рублей.

Пища крестьянъ слободы Просяной очень плоха. Богатые крестьяне ѣдятъ бѣлый пшеничный хлѣбъ. Въ скоромные дни у нихъ къ обѣду готовятся щи съ саломъ, пшенная каша съ саломъ или молочная. Въ осеннее время тыквенная каша почти ежедневно у богатаго и бѣднаго. У бѣдныхъ крестьянъ пища — щи съ саломъ, ячменный или ржаной хлѣбъ. Каша бываетъ изрѣдка. Въ большіе праздники крестьяне готовятъ блины. Щи съ мясомъ у крестьянъ бываютъ только въ осеннее время, да и то только у зажиточныхъ крестьянъ. Въ постные дни у богатаго и бѣднаго крестьянина готовятся къ обѣду щи съ подсолнечнымъ масломъ, такъ какъ всѣ мѣстные крестьяне сѣютъ подсолнухи по нѣсколько квадратныхъ сажней; самый бѣдный сѣетъ не менѣе пяти сажней. Кромѣ щей, у богатыхъ бываетъ пшенная каша или фасоль, бѣдные же довольствуются одними щами. Пища крестьянъ, смотря по времени, въ изобильные годы улучшается, а въ скудные — ухудшается. Мѣстные лавчонки имѣ-

ютъ вредное вліяніе на народъ, въ особенности на молодыхъ людей, которые воруютъ у родителей зерновой хлѣбъ и яйца, покупаютъ за это въ лавкахъ крѣпкіе напитки, разные сласти и, собравшись въ одинъ какой нибудь домикъ, поѣдаютъ все купленное. Все это продѣлывается, конечно, ночью. Хаты крестьяне освѣщаютъ керосиномъ.

Заговоры болѣзней. Жителей слободы Просяной чаще всего посѣщаетъ дифтеритъ. Мѣстный земскій врачъ назвалъ эту слободу гнѣздомъ дифтерита. Къ врачамъ крестьяне относятся очень недоовѣрчиво. Если кого изъ крестьянъ посѣтитъ какая нибудь болѣзнь, то онъ прежде всего обращается къ бабкамъ-шептухамъ, которыя лѣчатъ посредствомъ чтенія какихъ-то странныхъ молитвъ. Такъ, напр., отъ бѣлыма бабки читаютъ такую молитву: „Ийхавъ святой Юрий на бѣлому конѣ. За нимъ бѣгло тры хорты (собаки): одынь бѣлый, другый сірый, третій черныи; и бѣлый лызнувъ — бильмѣ злызнувъ, и сірый лызнувъ — бильмѣ злызнувъ и черныи лызнувъ — бильмѣ злызнувъ. Поможы, Бѣже, новорожденіи, моли́твеніи, хри́щеніи“. Отъ „бышыхи“ (рожи) и отъ всякихъ другихъ болѣзней нашептываютъ слѣдующія заклинанія: „Якъ шла я чирѣзь мистѣчокъ, ныслѣ золотый ципѣчокъ, стрѣла мене Бѣжа Мѣты, питаецця: „куды ты идешъ, рабыня Бѣжа?“ Идѣ я до рабыни Мѣрфы (имя больной) бышыху выгонѣты, бышыху выкыкѣты, бышыху ссыла́ты. Вѣйды ты, бышыха водяна, витряна, испѣтана, подѣмана, погѣдана, бышыха цыганка, бышыха дяконѣха, бышыха дячѣха. Вѣйды жъ ты изъ рабыни Бѣжон: тутъ тобѣ не стоѣты, тутъ тобѣ ны воювѣты, тутъ тобѣ жѣвтой кѣсты ны ломѣты, черво́ной крѣвы ны мутѣты. Изийды-жъ! изийды-жъ! изийды-жъ! Иды на пустѣ болѣта, на очерѣта, де сонце не свѣте, де мѣсяць ны схѣде, де вѣтеръ не вѣе, де пѣвинь (пѣтухъ) ны крычѣтъ, де пѣрубокъ конѣ ны сидѣа, де дѣвка ко-сы ны чѣше. Пособѣ минѣ, Гѣсподы, поможы минѣ, Гѣсподы“. Заговариваніе зубовъ: „Мѣсяць Владѣмырь! чы бувъ ты на тимъ свѣти? — Бувъ. „Бачывъ смѣртныхъ людей?“ — Бачывъ. „Що жъ у ныхъ зѣбы ны боляты?“ — Ни. „Дай-же Богъ, щобъ и у мене, раба Бѣжаго, ны боляты“. Въ слободѣ Просяной знахарей нѣтъ, а въ ближайшихъ слободахъ есть, и къ нимъ крестьяне

обращаются за помощью. Знахари наговаривают крестьянам воду, которую последние пьют и умываются ею. Скотъ крестьяне лѣчатъ различно, сообразно съ болѣзнями. Прежде всего, конечно, прибѣгаютъ къ шептанію, затѣмъ къ кровопусканію и припаркамъ. Скотская болѣзнь „курдюкъ“ излѣчивается синимъ камнемъ, смѣшаннымъ съ чеснокомъ и дегтемъ, нѣкоторые излѣчиваютъ эту жъ болѣзнь куринымъ саломъ.

Занятіе. Главное занятіе крестьянъ слободы Просяной—земледѣліе. Пашутъ землю они тяжелыми плугами, которые могутъ потянуть не менѣе трехъ паръ быковъ. Запашки крестьяне много не дѣлаютъ, потому что нѣтъ свободной земли. Посѣва всего—ржи, пшеницы, ячменя, овса у нихъ бываетъ, смотря по состоянію домохозяевъ, отъ 3-хъ десятинъ до 20-ти. Пчеловодствомъ занимаются весьма не многіе. Садоводство находится въ страшномъ упадкѣ. Во всѣхъ почти садахъ дикія ядовитыя деревья, отчего плоды очень не вкусны. Если есть гдѣ вкусные плоды, то они до времени никогда не достаютъ. Молодежь обрываетъ ихъ совсѣмъ съ вѣтками. Въ настоящее время каждая крестьянка старается посѣять конопли въ огородѣ или въ полѣ. Ленъ сѣютъ весьма немногіе, потому что почти всѣ потеряли даже сѣмена изъ льна. Лѣтъ десять ленъ все бываетъ плохъ, не достигая даже средней высоты. Въ прежніе годы, говорятъ, ленъ бывалъ очень хорошъ.

Религія. Религіозное настроеніе у жителей слободы Просяной развито весьма плохо, несмотря на то, что мѣстный священникъ почти каждый воскресный и праздничный дни говоритъ поученія. Въ сухое лѣто они не вздумаютъ помолиться Господу о бездождіи; развѣ мѣстный священникъ напомнитъ имъ о томъ, при этомъ часто доносятся до слуха слова неудовольствія: „оцѣ пипъ выдѣмъ для своей нажѣвы“. Во время холерной эпидеміи жители всѣхъ сосѣднихъ слободъ служили по домамъ молебны, а наши даже и не подумали объ этомъ. Когда я одному изъ крестьянъ напомнила о молебнѣ, то получила отвѣтъ: „ажѣ у насъ щѣ нима холеры“. Послѣ уборки хлѣба, они также не стараются поблагодарить Господа за все ниспосланное. Религіозное настроеніе народа выражается преимущественно въ посѣщеніи храма Божія. Благотворительность крестьянъ прояв-

ляется въ томъ, что они не отказываютъ нищему въ кускѣ хлѣба и въ копѣйкѣ денегъ. Особенно же усердно жертвуютъ они женщинамъ, которыя собираются посѣтить какой нибудь монастырь. Богадѣлень нѣтъ.

Отношеніе крестьянъ слободы Просяной къ школѣ и учительницѣ очень сочувственное. Съ открытіемъ школъ умственное состояніе народа стало возвышаться. Послѣ открытія школъ число грамотныхъ значительно увеличилось. Грамотные крестьяне употребляютъ свободное время больше на чтеніе, чѣмъ на пустые разговоры, какъ было прежде. Читаютъ они книги преимущественно религіознаго содержанія; хотя нѣкоторые крестьяне сами и не грамотны, но, слушая чтеніе дѣтей, когда они читаютъ священную исторію, нѣсколько познакомились съ ней.

Нравственное состояніе народа не безукоризненно. Положеніе женщины въ крестьянскомъ быту незавидно. Въ обществѣ она почти никакого значенія не имѣетъ, въ семьѣ же ея положеніе очень жалко. Не смотря на то, что жены трудятся отъ зари до зари, мужья не особенно дорожатъ ихъ здоровьемъ и въ болѣзняхъ онѣ большею частію бываютъ оставляемы безъ всякой врачебной помощи. На увѣщаніе другихъ—позаботиться о здоровьѣ жены, часто получается отвѣтъ: „ще въ черыдѣ (стадѣ) двѣ“, то есть можно еще два раза жениться. Родители, по отношенію къ дѣтямъ, вполне выполняютъ свои обязанности. Съ наймитами крестьяне обращаются очень человѣчно, не требуютъ отъ нихъ непосильной работы, не высчитываютъ денегъ за ущербъ въ хозяйствѣ. Если работникъ добросовѣстенъ, то становится почти членомъ семьи. Относительно кабаковъ слѣдуетъ отмѣтить, что крестьяне въ 1892 году постановили о закрытіи кабаковъ на три года. Хотя напитки тайно продаются, но всетаки пьянство значительно уменьшилось.

Свадьбы и похороны. Наканунѣ свадьбы у крестьянъ бываетъ „подвесилокъ“. Въ этотъ день невѣста и старшая дружка ходятъ по дворамъ и приглашаютъ всѣхъ на „подвесилокъ“ и свадьбу, а женихъ со старшимъ „бояриномъ“ ходятъ по слободѣ съ тою же цѣлью. Полудничать въ этотъ день женихъ идетъ къ тещѣ, а невѣста къ будущей свекрови. Вечеромъ вся моло-

дежь собирается къ невѣстѣ на „подвесилокъ“, гдѣ цѣлый вечеръ вышиваетъ да поетъ. На другой день послѣ вѣнчанія новобрачные отправляются къ отцу молодого обѣдать. Невѣста, пообедавши, ходитъ съ дружками по слободѣ, а женихъ собирается ѣхать къ невѣстѣ. Къ нему собираются сверстники, приглашенные въ „бояре“. Всѣхъ бояръ перевязываютъ платками, а къ шапкамъ пришиваютъ ленточки съ крестиками. Женихъ и бояре садятся на лошадей, а старосты, свашки и „свитилка“—на телѣги и отправляются къ церкви. При выѣздѣ со двора, жениха обсыпаютъ хмелемъ или мѣдными монетами въ знакъ пожеланія, чтобы онъ былъ богатъ. Приѣхавши къ церкви, поѣздъ объѣзжаетъ вокругъ церковной ограды три раза, затѣмъ останавливается противъ западныхъ дверей. Новобрачный и старшій бояринъ слѣзаютъ съ лошадей, входятъ въ притворъ и дѣлаютъ три земныхъ поклона, потомъ опять садятся на лошадей и отправляются къ молодой. Если свадьба богата, то поѣздъ сопровождается музыкой. Когда новобрачный приѣдетъ во дворъ молодой, подружій (ея брать) идетъ загонять молодую. Когда она явится, новобрачныхъ заводятъ за столъ. Подлѣ нихъ за столъ садятся еще свашки, свитилка и дружки. Въ избу набивается много народу. Послѣ того, какъ всѣ гости займутъ свои мѣста, молодой и молодая наклоняются надъ столомъ, а одна изъ свашекъ обводитъ кругомъ ихъ головы „мечемъ“. Мечъ устраивается изъ цвѣтовъ—безсмертниковъ. Въ пучокъ этихъ цвѣтовъ вставляютъ деревянную фигуру коня, къ которой прилѣпляется зажженная восковая свѣча. Этотъ обычай крестьяне исполняютъ для того, чтобы отогнать отъ новобрачныхъ всякое зло. Поздно вечеромъ молодую увозятъ къ свекру. Ее покрываютъ платкомъ такъ, чтобы она мало видѣла. Когда она садится на телѣгу, то въ это время молодой ѣздитъ на лошади вокругъ телѣги и бьетъ молодую хлыстомъ. У свекра въ воротахъ зажигается костеръ, чрезъ который перевозятъ новобрачную, чтобы сгорѣло все худое. У свекра, какъ и у отца новобрачной, долго продолжается угощеніе водкой. Свадьба у крестьянъ продолжается дня три. Въ послѣдній день свадьбы новобрачнымъ дарятъ подарки: кто овцу, кто мѣшокъ хлѣба зернового, а кто деньгами. Всѣ подарки записываются на стѣнку рогачемъ,

чтобы молодой было что мазать. Крестьяне на свадьбахъ очень много тратятся на водку, чѣмъ доводятъ себя до большихъ лишений. Въ недавнее время у крестьянъ явился новый обычай: платить за невѣсту отъ двадцати до пятидесяти рублей. Свадьба крестьянъ обходится отъ 100 до 150 рублей. Одна изъ свадебныхъ пѣсенъ: „Булѣбъ плаваты, щуко-рыбѣнько въ хѣлодный водѣ на дни. Якъ поплывѣтъ щуко-рыбѣнько, у тѣпли озѣрычка; та пиймають тебе, щуко-рыбѣнько, пѣньскіи рыбѣлочкы; та понысуть тебе, щуко-рыбѣнько, на пѣньску кѣхоньку; та положуть тебе щуко-рыбѣнько на тѣсовому столѣ; та обрѣжуть тобі, щуко-рыбѣнько, быстри крылычка; та очѣстють тобі усю жемчужну луску. Та рада-бъ поплыть, та нима ны крылыць, ны лускы. Якъ повызуть тебе, дѣвко Марѣнько, отъ батенька до свѣкорка; та посадять тебе, дѣвко Марѣнько, за тѣсову скамью; та роспѣстють тобі, дѣвко Марѣнько, твою рѣсу кѣсоньку; та надѣнутъ тобі, дѣвко Марѣнько, золоту кѣбалочку. Та рада-бъ ходѣты, та рада-бъ гуляты, та ны бѣдуть пускаты, а хотъ и пѣстять, та й ще прыгрѣстять и сторѣжоньку пошлѣють, щобъ ны танцювала, та ны жартувала, щобъ тѣхѣнько стояла“. Самая печальная по напѣву свадебная пѣсня.—Почти всѣ крестьяне кладутъ умирающаго на землю. Это они дѣлаютъ для того, чтобы человѣку легче было разставаться съ душою. Когда тѣло умершаго вынесутъ изъ избы, то въ ней посыпаютъ житомъ—рожью, чтобы всѣ остальные не умирали; когда мертвого вынесутъ со двора, то затворяютъ ворота, чтобы въ этотъ дворъ больше не входила смерть. Поминки крестьяне дѣлаютъ въ девятый, двадцатый и сороковой день, въ полгода и въ годъ.

Народныя игры. У дѣтей—„цѣрка“. Игра эта состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ играющіе дѣти раздѣляются на двѣ части и становятся въ два ряда параллельно другъ-другу на разстояніи трехъ сажени; каждый мальчикъ держитъ въ рукахъ шесть, который называется „цѣрковникомъ“, по серединѣ между рядами лежитъ шарикъ, который называется „цѣркою“. Этотъ шарикъ каждая изъ сторонъ старается перекатить на противоположную сторону. Дѣти очень продолжительное время ведутъ борьбу въ перекачиваніи этого шарика. Сторона, допустившая близкое приближеніе шарика, считается побѣжденною. Въ

„цўрку“ дѣти играютъ преимущественно зимою, лѣтомъ—въ мячъ. Юноши лѣтомъ играютъ тоже въ мячъ, а зимою у нихъ не бываетъ никакихъ игръ. Взрослые крестьяне ни во что не играютъ, большею частію сидятъ подъ хатами и ведутъ бесѣду о чемъ нибудь. Народный танецъ—„трепакъ“. Танцуютъ крестьяне подъ игру гармоніи. Мѣстный музыкальный инструментъ—простая гармонія.

Народная демонологія. Народъ вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ. Существуютъ также такъ называемые „оберѣги“ отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

Крестьяне слободы Просяной особенно вѣрятъ въ вѣдьмъ. Они говорятъ, что вѣдьмы являются въ образѣ собаки, свиньи, клубка и копы сѣна. У кого въ домѣ есть вѣдьма, тамъ никогда на ночь не закрывается труба, потому что вѣдьма ночью чрезъ трубу выходитъ изъ дому. Крестьянки въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія вмѣстѣ съ пасхами освящаютъ и макъ. Затѣмъ просверливаютъ коровѣ рогъ, насыпаютъ туда освященный макъ, забиваютъ отверстіе осиновымъ колышкомъ и приговариваютъ: „кто цей макъ позобѣ, той и мою корову иззобѣ“. Это выраженіе онѣ объясняютъ такъ: вѣдьма не можетъ достать этого маку, значитъ, она не можетъ испортить и корову. Кромѣ этого, крестьянки въ вербное воскресеніе выгоняютъ скотъ со двора святою вербою также для того, чтобы вѣдьма не могла прикоснуться къ нему. Для охраненія отъ злого духа, въ день Пятидесятницы крестьяне ставятъ надъ загонами скота въ плетни вѣтки осины съ цѣлью отгонять злыхъ духовъ отъ скота.

Сказки: 1) „Рукавичка“. Шовъ чоловікъ тай загубывъ рукавичку. Въ ту рукавичку влізла мышка-курпышка и каже: „тутъ, бачу, и хата и хатына е“. Тутъ де ны взялась жабка-бурьянка и каже: „хто, хто въ ций хатыци?“—„Мышка курпышка, а ты хто?“—„Я жабка-бурьянка, пусты и мене сюды“.—„Иды“. Де взявся зайчыкъ-побигайчыкъ: „хто, хто, въ ций хатыци?“—„Я мышка-курпышка, жабка-бурьянка; а ты хто?“—„Я зайчыкъ-побигайчыкъ; пусты и мене“.—„Иды“ Зайчыкъ востромывъ голову въ рукавичку и каже: „тутъ, бачу, и хата, и кимната; тутъ будымъ жыть и поживаѣть“.

2) „Дви дочкы“. Жывѣ дидъ та баба. У ныхъ булò дви дочкы: одна дидова, а друта бабына. Дидъ та баба пишлы въ гости, а дочкамъ приказалы, щобъ воны прялы, ны линувалысь. Дидова дочка все пряде, все пряде, а бабына линуецця. Дидова дочка напярля дви почыночки, бабына ни. Прийшлы воны до дому. Бабына дочка украла у дидовой почыночку, перестригла дйда та бабу и хвалыцыця: я пряла, ны линувалась, а дидова дочка ничòго ны напярля. Баба каже: вызы свою дочку въ лись. Повизъ дидъ ий въ лись, а тамъ въ лиси хатка. Дидъ оставывъ дочку въ хатыци и сказаъ: сыды), помы я дровецъ нарубаю. Прывьязавъ дидъ дручочокъ до пынька, витеръ колыше, а дрючочокъ цокотыть. Дивка жде бѣтъка тай каже: що це такъ довго ёго нымѣ, я й кашу наварыла, а его все нымѣ. Колы це стукотыть, грюкотыть кобыляча голова: дивко, дивко, одчыны. Дивка одчыныла. Дивко, дивко, пересады чѣрезъ поригъ. Дивка пересадыла. Дивко, дивко, засвты. Дивка засвтыла. Дивко, дивко, дай мині вычѣраты. Дивка дала. Дивко, влизъ мині въ прѣве ўхо, а въ ливе вылизъ. Дивка вылизла и стала, якъ барыня въ повковому платты, въ серебри та въ золоти. Тутъ бижыть пошта зъ звонками. Вылять ий выйты. Вона выйшла, сыла въ карѣти и поехала до дйда та до бабы и повызла имъ гостынцы и розказала имъ, якъ вона ихъ достала, и якъ ий тамъ булò. Баба каже: „вызы и мою туды дочку. Дидъ одвизъ бабыну дочку у ту хату и сказаъ: сыды и вары кашу, помы я нарубаю дровъ. Пишòвъ дидъ рубѣть, а вона кашу не наварыла и сыдыть, якъ барыня. Колы це стукотыть, грюкотыть кобыляча голова: „дивко, дивко, одчыны.—Ны вылыка барыня, сама одчынышъ.—Дивко, дивко, пересады чѣрезъ поригъ.—Ны вылыка барыня, сама перелизышъ.—Дивко, засвты.—Ны вылыка барыня, сама засвтышъ.—Дивко, дай мині йсты.—Ничòго у мене йсты“. Тоды кобыляча голова взяла тай зтыла дивку“.

П ѣ с н и:

Пишòвъ я разъ на ўлицю та тепѣрь и каюсь;
Улюбывся у дивчыну, ажъ во снѣ жахаюсь.
Така гярна, кругловѣда, лыце якъ калына.
Якъ иѣи ны любыты, лыхая годына,

Така гърна, така гърна, хто не глянє—ахне.
 Пишовъ-бы я ий свѣтатъ, та гарбузомъ пахне.
 Така гърна, така гърна, що ажъ побожѹся:
 Нымѣ кращон въ столыци, якъ мой Маруся.
 Ны дай, Бѣже, на ний ны жынюся,
 Продамъ волы, всю худѣбу, въ чинцѣ пострыжѹся.
 Пиды, маты, пиды, рѣдна, ворѣжки пытѣты:
 Чы нымѣ такогѣ зѣльѣ, щѣбъ Маруся дѣты,
 Щѣбъ Маруся, мой дѹся, менѣ полюбыла,
 Та щѣбъ вона бѣлу рѹчку минѣ поручѣла.
 Сыдытъ пѣвинѣ на загѣти, крычытъ куку-рѣку,
 Тепѣрь же я, мой маты, ны жынюсь до-вѣку.

* * *

Гѣлю, Гѣлю, Гѣлю, тебѣ маты клѣче!
 —Знаю, знаю, знаю, на що маты клѣче:
 Вона менѣ хѣче за цыгана дѣты.
 Я цыгана ны люблю, за цыгана ны пидѹ:
 Цыганѣ кѣньми минѣе, кѣньскимъ пѣтомъ вонае.

Грай мѣре, дѣбре бѣде, гарнадѣрь.
 Чукы-чукы-деръ-деръ-деръ.

Гѣлю, Гѣлю, Гѣлю, тебѣ маты клѣче!
 —Знаю, знаю, знаю, на що маты клѣче:
 Вона менѣ хѣче за гончѣря дѣты.
 Я гончѣря ны люблю, за гончѣря ны пидѹ:
 Гончѣрь горшкы вѣзе, винѣ менѣ зморѣе.

Грай мѣре, дѣбре бѣде, гарнадѣрь.
 Чукы-чукы-деръ-деръ-деръ.

Гѣлю, Гѣлю, Гѣлю, тебѣ маты клѣче!
 —Знаю, знаю, знаю, на що маты клѣче:
 Вона менѣ хѣче за вивчѣря дѣты.
 Я вивчѣря ны люблю, за вивчѣря ны пидѹ:
 Вивчѣрь кѣзы дѣе; винѣ менѣ замѣре.

Грай мѣре, дѣбре бѣде, гарнадѣрь.
 Чукы-чукы-деръ-деръ-деръ.

Гѣлю, Гѣлю, Гѣлю, тебѣ маты клѣче!
 —Знаю, знаю, знаю, на що маты клѣче:
 Вона менѣ хѣче за пѣсѣря дѣты.

Я за пѣсѣря пидѹ, я пѣсѣря люблю:
 Пѣсѣрь лысты пѣше—васѣльками дѣше.

Грай мѣре, дѣбре бѣде, гарнадѣрь.
 Чукы-чукы-деръ-деръ-деръ.

Пословицы: Просвѣтана дѣвка завсѣдѣ хороша; сий ячмѣнь
 въ грязѣ, такъ бѣдышѣ князь; безъ Бѣга ны до порѣга. Прѣйде
 Прѣчыста (Рождество Пресвѣтыя Богородицы), прѣнесѣ ста-
 ростивѣ нычыста; прѣйде Покровѣ, заревѣ дѣвка, якъ корѣва;
 прѣйде Илѣя, нарѣбе гнѣльѣ; прѣйде Хлѣба-Борѣса—за хлѣбъ
 дѣже берѣся; не одѣашѣ дѣшу въ адѣ, не бѣдышѣ богѣтъ“.

А. И. Павлова.

33.—Сл. Поповка.

Населеніе.—Одежда.—Пища.—Родины.—Свадьбы.—Юридическіе обы-
 чаи.—Примѣты.—Обрядовыя пѣсни.—Повѣрья.—Сказки.—Пѣсни.—По-
 словицы и загадки.—Лѣченіе.—Заговоры.—Народная ботаника.—Плачъ
 сироты.

Сл. Поповка, Городищенской волости, расположена по Деркулу
 въ 45 вер. отъ Старѣбѣльска. До основанія ея, какъ объѣсня-
 ютъ старѣжилы, на ея мѣстѣ существовала водяная мельница
 священника сл. Бѣловѣдска, отсюда произошло и ея названіе
 „Поповка“. Нарѣдонаселенія въ этой слѣбѣдѣ 1900 душъ обо-
 его пола. Народъ преимущественно рослый, крѣпкаго тѣло-
 сложенія, типъ—чистый малѣрусскій. Говорѣтъ между собою на
 малѣрусскомъ нарѣчѣи; но съ великоруссами большинство гово-
 ритъ на общѣрусскомъ нарѣчѣи, по причинѣ частыхъ сноше-
 ній между ними. Народъ читаетъ книги преимущественно духов-
 наго содержанія: Евангеліе, Псалтырь, Часословъ; читаетъ и
 свѣтскія книги: сказки, повѣсти и рассказы. Книги рели-
 гіознаго содержанія выписываются изъ Москвы и Кіева, а
 свѣтскаго—прѣобрѣтаются у корѣбейниковъ въ ближайшихъ
 селахъ во время ярмарокъ. Въ послѣднее время, по причинѣ
 безлѣсьѣ, избы и двѣровыя постройки стали строить большѣ
 ше изъ самана и мѣла; бѣдняки—въ 2 комнаты съ чула-

номъ (хѣжкою), а зажиточные—въ три комнаты: залъ (гѣрница), спальня (кѣмната) и кухня (хатѣна). Стѣны украшаютъ перетканными и расшитыми вгладь полотенцами. Вдоль стѣнъ помѣщаются лавки. Передній уголъ называется „святымъ“, его верхняя часть устанавливается иконами. Стѣны раскрашиваются въ различные цвѣта и украшенія: елками, цвѣтами, звѣздами и т. п., или обиваются обоями. Встарину избы строились у малосемейныхъ въ одну комнату, а у многосемейныхъ въ двѣ комнаты, которыя раздѣлялись сѣнцами; въ настоящее же время ходъ дѣлается изъ одной комнаты въ другую. Окна, вмѣсто подъемныхъ, стали дѣлать створчатые, со ставнями; вмѣсто вертушекъ, державшихъ двери притворенными, теперь—щеколды; сѣни съ потолкомъ (чердакомъ); дымовыя трубы не отдѣльно ставятся, какъ въ старину, въ „сѣнцахъ“, а прямо изъ камина идутъ вверхъ. Дворъ дѣлится на двѣ части: чистую, на которой ставятся амбары, погребъ и помѣщеніе для топлива, а также навѣсъ для экипажей,—и скотскую, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ конюшня, далѣе сараи для рогатаго скота и овецъ, и хлѣвы для загона въ холодное время овецъ, телятъ, свиней и птицы.

Одежда. Лѣтняя праздничная одежда мужчинъ состоитъ изъ картуза (фуражки), суконной или шерстяной поддевки на подкладкѣ у зажиточныхъ мужиковъ, а у бѣдняковъ эта же одежда изъ бумажной ткани. Кромѣ того, стали носить курточки (покрой поддевки, но значительно короче ея) и пиджаки, шаровары (подобіе брюкъ, только со складками) изъ бумажныхъ тканей и жилеты. Будничная та же одежда, только у зажиточныхъ изъ бумажной ткани, а бѣдняки ходятъ въ одномъ бѣлѣ и жилетѣ, подпоясавшись тесемочнымъ пояскомъ. Въ прохладное осеннее и весеннее время одѣваются въ ватныя поддевки, юбки изъ сукна сельскаго издѣлія, свиты съ большимъ отложнымъ воротникомъ крестьянскаго же сукна и полушубки. Зимняя праздничная одежда у болѣе зажиточныхъ крестьянъ состоитъ изъ крытаго темно-синимъ сукномъ овчиннаго тулупа, овчиннаго полушубка, тоже крытаго сукномъ, байковой (бобриковой) свиты съ отложнымъ шалью воротникомъ, суконной стеганной на ватѣ

поддевки. Неимущіе же одѣваются въ нагольный тулупъ, полушубокъ и свиту изъ сукна сельскаго издѣлія. Зимняя будничная одежда та же, только изъ болѣе дешеваго матеріала. Лѣтняя праздничная одежда женщинъ молодыхъ—замужнихъ и дѣвушекъ, состоитъ изъ небольшого головного бумажнаго платка (зажиточные носятъ шерстяные и шелковые); дѣвушки носятъ бѣлые коленкоровыя платки съ бахромою вокругъ и съ расшитымъ на одномъ углу втамбуръ цвѣткомъ разноцвѣтнымъ шелкомъ или бумагою; далѣе—изъ плисовой, шерстяной, нанбуковой и ситцевой съ оборками вокругъ таліи юбки (кофты), сарафана изъ шерстяной и ситцевой матеріи. Мѣщанскія кофты и баски вошли въ моду. Запѣнка (фартухъ)—принадлежность во всякое время. Въ холодное осеннее и весеннее время состоятельные носятъ нанбуковыя пальто на ватѣ, а побѣднѣ свитки изъ простаго крестьянскаго сукна. Въ будничные дни лѣтомъ ходятъ въ ситцевыхъ сарафанахъ и расшитой цвѣтною бумагою сорочкѣ, а въ холодные осенніе и весенніе дни одѣваются въ свитки изъ сукна крестьянскаго производства и кофты изъ бумажной матеріи, мѣщанскаго покроя, стеганныя на ватѣ. Зимняя одежда женщинъ, какъ праздничная, такъ и будничная, состоитъ изъ большого головного бумажнаго или шерстянаго платка, байбарака (кожухъ), овчиннаго нагольнаго, или крытаго темно-синимъ сукномъ, со стоячимъ воротникомъ шалью и обложеннаго котикомъ, исключая подола, и бумазейнаго сарафана. Зажиточныя имѣютъ и фланелевыя, которые вмѣсто оборки вокругъ подола, какъ, напр., у ситцевыхъ, обкладываются плисомъ въ одинъ или три ряда. Одежда старухъ лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная та же, что и у молодыхъ, только сарафаны безъ оборокъ; басокъ не носятъ.

Остатки старинныхъ одеждъ: темносиняго сукна халатъ можно встрѣтить очень рѣдко на мужчинѣ или женщинѣ, запаску (дерьгу) тоже и только на древней старухѣ; парчовый очипокъ, какъ старухи, такъ и молодыя замужнія женщины надѣваютъ только въ исключительныхъ случаяхъ: или въ двенадцатые праздники, или при какихъ либо обрядахъ, да и то весьма немногія. Сапоги изъ красной кожи, а также съ чер-

ными передами и желтыми голенищами еще носят: первые носят молодые женщины и дѣвушки, вторые—старухи.

Украшенія: молодые женщины и дѣвушки носят на шеѣ „наместо“, нѣсколько большихъ серебряныхъ крестовъ, крупныя и мелкія серебряныя монеты. Старухи носят „наместо“ чернаго цвѣта и по одному кресту. Стоимость одежды: мужской тулупъ изъ бѣлыхъ овчинъ нагольный отъ 13 до 22 руб.; крытый темносинимъ сукномъ отъ 22 до 40 руб., тулупъ черныхъ овчинъ нагольный отъ 30 до 35 руб., крытый сукномъ отъ 45 до 55 руб.; полушубокъ изъ бѣлыхъ овчинъ нагольный 8 руб., черныхъ 35 руб., полушубокъ бѣлыхъ овчинъ, крытый, смотря по тому, какою матеріею—отъ 18 до 25 р., изъ черныхъ овчинъ, крытый сукномъ—до 50 руб. Поддевка суконная холодная до 15 руб., поддевка бумажной матеріи холодная отъ 5 до 8 р., на ватѣ до 10 руб.; полушубокъ дубленый 15 руб., свита суконная 4 р. 50 коп.; штаны бумажные 1 р. 50 коп., курточка 3 руб., жилетъ отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. Стоимость женской одежды: байбарахъ (тулупъ) отъ 12 до 25 руб., изъ черныхъ овчинъ, крытый и обложенный котикомъ, отъ 40 до 50 р.; пальто нанбуковое ватное отъ 8 руб. 50 коп. до 15 руб., пальто изъ крестьянскаго сукна 3 р. 50 коп.; парочка ситцевая (сарафанъ и кофта) 3 руб., парочка шерстяная отъ 4 р. 50 коп. до 10 руб.; платокъ лѣтній отъ 15 коп. до 1 руб. 60 коп., зимній отъ 1 р. 20 коп. до 6 руб.

Пища богатыхъ въ скоромные дни: борщъ съ какимъ либо мясомъ (говядины большинство не ѣстъ, питаютъ къ ней почему-то отвращеніе), густая капуста, каша пшенная молочная, лапша, пироги съ какою либо скоромною начинкою, блины прѣсные, вареники, манурыки, сырники, лапша молочная, картофель жареный въ свиномъ салѣ. Въ постные дни: борщъ съ постнымъ масломъ, пшенная крутая каша, галушки, пироги съ картофелемъ, чечевицею, горохомъ, фасолью и кислую капустою, вареники съ картофелемъ и кислую капустою, вареный картофель съ зелеными огурцами и арбузами, соломата, рябка, кваша, путря.

Пища бѣдныхъ въ скоромные дни: бѣдные ѣдятъ ту же пищу, но только мясо замѣняютъ свинымъ саломъ. Въ постные

дни та же пища, что и у богатыхъ; только постное масло бываетъ въ праздничные дни. Вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ сельское хозяйство по всѣмъ отраслямъ скудѣетъ, а поэтому и пища постепенно ухудшается. Освѣщеніе исключительно керосиновое.

Народъ заболѣваетъ болѣе горячкою, лихорадкою, рожею, дифтеритомъ, корью, поносомъ и коклюшемъ. Всѣ болѣзни лѣчатъ или заговорами, или травами. Къ врачамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ, но обращаются весьма рѣдко и только тогда, когда народныя средства окажутся безсильными противъ болѣзни. Скотъ лѣчатъ тоже заговорами и различными медикаментами.

Жители сѣютъ яровую пшеницу, ячмень, просо, овесъ и озимую рожь и гораздо болѣе, чѣмъ прежде—по причинѣ скудныхъ урожаевъ. Пчеловодство постепенно падаетъ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ и уменьшенія отавъ отъ распашки земли подъ посѣвы. На садоводство въ послѣднее время, вслѣдствіе скудныхъ урожаевъ хлѣба, никакого вниманія не обращается.

Кустарныхъ промысловъ нѣтъ никакихъ.

Народъ религіозенъ. Назадъ тому 18 лѣтъ была скопческая и молоканская секты; первые сектанты всѣ сосланы въ Сибирь, а послѣдніе выселились въ Кубанскую область.

Очень много грамотныхъ; къ школѣ относятся сочувственно, къ учителю съ униженнымъ почтеніемъ.

Нравственное состояніе народа, можно сказать, безукоризненное. Впрочемъ, довольно часты покушенія на чужую собственность: почти каждый малоросъ одержимъ этимъ недугомъ. Женщина, въ семействѣ полная распорядительница, совѣтница во всѣхъ предпріятіяхъ мужа, а между тѣмъ отношенія ея къ нему почти рабскія и она не вмѣшивается въ общественныя дѣла.

Родители относятся къ дѣтямъ чадолюбиво, весьма строго взыскиваютъ съ нихъ за малѣйшіе проступки. Къ наймитамъ относятся такъ же, какъ къ членамъ семьи.

Родины. Повивальная бабка, разостлавъ на полу среди комнаты вчетверо свернутый тулупъ шерстью на верхъ (преи-

мущественно черныхъ овчинъ), кладетъ на него новорожденного, потомъ, взявшись руками за тулупъ со стороны головы ребенка, а кумъ со стороны ногъ и поднявъ его съ полу, бабка говоритъ: „нате вамъ не хрищёне, не мольтвене, а намъ прине- сѣтъ хрищёне и мольтвене“. Послѣ этого кумъ, взявъ новорож- денного, отправляется съ кумомъ къ священнику для соверше- ния обряда крещенія надъ новорожденнымъ. По возвращеніи, новорожденный опять кладется на тулупъ среди комнаты и поднимается съ полу вмѣстѣ съ тулупомъ—кумомъ со сторо- ны головы, а кумою со стороны ногъ новорожденного, и при этомъ кумъ или кума обращается къ бабкѣ-повитухѣ, гово- ря: „мы у васъ брали не хрищёне, не мольтвене, а вамъ принесли хрещёного новорожденнаго и мольтвеннаго“, назы- вая при этомъ имя. Бабка, принявъ ребенка, отдаетъ его ма- тери. Кумы приглашаются садиться за столъ въ передній уголъ (святѣй), для трапезы; при этомъ кумѣ дается двѣ ложки: изъ нихъ одною ложкою кума угощаетъ родильницу, поднося ей по одной ложкѣ каждого жидкаго кушанья. Гости угощаются бабкою-повитухою. Подавая на столъ послѣднее кушанье—„уз- варъ“, бабка накрываетъ его тарелкою, потомъ подноситъ по рюмкѣ водкѣ гостямъ, которые дарятъ её, кладя деньги на та- релку. По угощеніи водкою, бабка снимаетъ тарелку съ день- гами съ блюда. По окончаніи трапезы, гости расходятся.

Свадьбы. Дѣвушка, какъ только просватаютъ ее, отправ- ляется собирать дѣвушекъ, дружекъ. Какъ только соберутся три—пять дружекъ, онѣ начинаютъ пѣть приличествующія этому собранію пѣсни, ходя изъ избы въ избу, гдѣ есть дѣ- вушки, конечно, подруги. Напримѣръ:

„Тай съ крыніцы вода бижить,
Набѣрези и льбѣцця;
А Марьѣчка воду несѣ,
Коромысло, гнѣцця.
А Ивѣнко въ викнѣ смѣтрить
Всѣ слѣзамы льбѣцця.
Бодѣй-же ты, коромысло:

Давнѣ уломѣлось,
Бодѣй-же ты, тай Ивѣнко
Давнѣ оженѣлся.—
Ой радѣ бы я женѣтыся,
Та нѣкого бѣаты;
Якъ не возмѣ дѣвки Марьѣчки,
Не бѣду жонѣтый.

Якъ не возмѣ Гаврѣловны,
Не бѣду й женѣцця“.—
Вѣйду, вѣйду за ворѣта;
Лугѣ та болѣта;
Вѣйду, вѣйду за новѣи
Травка зеленіе.
По тыхъ лугѣхъ, по тыхъ лугѣхъ
Ивѣнко гулѣе,

Пидѣ нымъ конѣкѣ, пидѣ
нымъ конѣкѣ,
Якъ соколѣ литѣе.
На ѣмъ шлѣпа, на ѣмъ шлѣпа,
Якъ жарѣ разгорѣе.
На ѣмъ капѣтанѣ, на ѣмъ
капѣтанѣ,
Якъ макѣ процвитѣе“.

Во время собранія дружекъ пѣсень поется очень много. По приходѣ съ дружкой домой, дружки остаются въ сѣняхъ, а не- вѣста входитъ въ комнату, скрываясь отъ жениха и его род- ственниковъ. Въ это время она готовится для поднесенія подарковъ жениху и его роднѣ и ждетъ, пока её позовутъ для этого. Дружки между тѣмъ весьма скоро поютъ пѣсни подъ пляску, напримѣръ:

„При дорѣзи, мой бѣтѣшка, ячмѣнь уродѣлся. Ячмѣнь, яч- мѣнь колосѣстый, вѣлѣкий, остѣстый. А Марьѣчка ячмѣнь жѣ- ла, жѣла, прытомѣлася; прытомѣвшись, мой бѣтѣшка, сѣла, одпочѣла. Одпочѣвши, мой бѣтѣшка, по садѣчку гулѣла. Вонѣ гулѣла, вонѣ гулѣла, дарѣ вышивѣла. Дарѣ жѣ мой не боль- шѣи, край золотѣи. А я тѣми та дарѣми свѣкорѣка дарѣла. Свѣкорѣка мой бѣтѣнка! прыймѣ мой дарѣ. Я за цѣми та да- рѣми самѣ скѣро бѣду. Бѣду, бѣду, мой бѣтѣшка, къ обѣднѣму сѣду (времени). Я й у тѣбе, мой бѣтѣшка, нѣчку занѣчѣю. Покажицця, понарѣвыцця, я й виѣ завѣкѣю“.

Пѣсня эта сопровождается пляскою. Дружки продолжаютъ дальше пѣть, пока невѣста, наконецъ, не приготовится къ предстоящему обряду; о чемъ ея отецъ и сообщаетъ одному изъ хозяевъ старостѣ, который и вызываетъ её въ другую комнату, къ гостямъ. При входѣ ея, зажигаютъ передъ ико- нами свѣчи, начинаютъ всѣ молиться, а дружки поютъ въ это время приличествующую этому обстоятельству пѣсню:

„Кланѣйся, Марьѣчко, напередѣ Гѣспѣду Бѣгу, оцѣю, нѣнѣци (матери) въ нѣгы, а мѣтынѣци нѣжѣче, и къ сѣрдынѣку бѣлѣжѣче, у нѣженьки тай нѣзѣсынѣко, и къ сѣрдынѣку тай бѣлѣзѣсынѣко“.

Дружки продолжаютъ далѣе пѣть пѣсни, а женихъ съ не- вѣстою въ это время кланяются въ ноги отцу и матери не-

вѣсты, которые стоятъ среди комнаты; при этомъ отецъ держитъ въ рукахъ хлѣбъ. Послѣ тоекратнаго поклона и лобызанія, хлѣбъ передается матери; опять женихъ и невѣста дѣлаютъ тройной поклонъ и лобызаніе. Потомъ кланяются по старшинству: отцу и матери жениха и другимъ родственникамъ жениховымъ и невѣстинымъ; при чемъ женихова родня сидитъ за столомъ, и ей кланяются и лобызаются съ нею черезъ столъ. Будущій свекоръ сидитъ въ переднемъ углу, держа при себѣ баклагъ съ горилкою. Поклонившись всѣмъ, женихъ и будущій его бояринъ (шаферъ) садятся за столъ. Невѣста начинаетъ перевязывать платками (давать рушники), принимая ихъ отъ матери, которая стоитъ тутъ-же, у стола. Прежде всего она перевязываетъ старость, высватавшихъ её, которыхъ всегда два, потомъ подаетъ каждому гостю подарокъ на тарелкѣ—сперва жениху, который, принявъ подарокъ, отдаетъ его боярину, а тотъ втыкаетъ ему за поясъ съ боку съ лѣвой стороны, а затѣмъ боярину, далѣе свекру, свекрухѣ и прочимъ по старшинству жениховымъ родственникамъ. При поднесеніи подарка, невѣста молча кланяется, а получившій подарокъ благодаритъ, кладя на тарелку деньги, цѣлуя всѣхъ, исключая жениха и боярина. Когда подарки розданы всѣмъ, будущій свекоръ наливаетъ бутылку водки и отдаетъ её невѣстѣ, которая угощаетъ ею дружекъ. Послѣ этого женихъ, невѣста, дружки и паробки ѣдятъ „варѣныки“, и затѣмъ всѣ гости отправляются къ отцу жениха. Этимъ кончается сватанье. Наканунѣ вѣнчанія нѣтъ никакихъ увеселеній. Послѣ же вѣнчанія новобрачные отправляются къ жениху обѣдать, если онъ мѣстный, а если посторонній, то къ невѣстѣ. Послѣ обѣда невѣста остается у своего отца, а женихъ отправляется къ себѣ домой. Свадьба празднуется послѣ вѣнчанія чрезъ одну и даже двѣ недѣли; между тѣмъ женихъ ходитъ къ невѣстѣ ночевать. За день—два передъ свадьбою, тотарая начинается непременно въ воскресенье, лѣпятъ „лѣжень“ (большой овальной формы хлѣбъ, съ украшеніями изъ тѣста, подобно шишкѣ), „калачъ“, тоже подобіе шишки, величиною въ булку круглой формы. Лѣжень и калачъ украшаются калиною и красными лентами; кромѣ

того пекутся еще „шишки“. Подобные хлѣбы пекутся и у жениха. Для печенія свадебныхъ хлѣбовъ невѣста собираетъ своихъ подругъ, ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ. Во время дѣланія шишекъ и проч. хлѣбовъ поются пѣсни: 1) „Ой зашумѣла, зашелестѣла яра пшеніця у стѣзи; та не уподобонька ярий пшеніцы у стѣзи стояты; уподобонька яру пшеніцю та у шышечки бѣаты (лѣпить)“. 2) „Та Мѣрьчинъ бѣтенько, та Мѣрьчинъ бѣтенько, та тай по ўлыци ходе, тай сусѣдочекъ прѣсе: сусѣдочки мой голубочки, прыходить вы до мене и до мене и до мого дитѣты, та порядкивъ даваты. А яжъ ии та первую оддаю, тай порядкивъ не знаю. И до стѣлу та не перебуваю и чарочекъ та й не наываю, и сванычекъ та й не прывытаю“.

Въ „пидвесилокъ“ невѣста, одѣвшись въ суконный халатъ и подпоясавшись расшитымъ полотенцемъ, собираетъ дружекъ. Собравъ ихъ, отправляется съ ними къ свекру. Закусивъ у свекра и передавъ ему шишку, а отъ него получивъ взаимно, отправляется съ дружками къ себѣ. Женихъ въ это время тоже собираетъ къ себѣ бояръ. Каждый отдѣльно гуляетъ „пидвесилокъ“. По окончаніи „пидвесилка“ женихъ съ боярами отправляется къ невѣстѣ, и у невѣсты бояре и дружки отдѣльно празднуютъ пидвесилокъ. Въ день „весилья“ (свадьбы) дружки, приглашенныя еще во время пидвесилка, собираются къ невѣстѣ „распускать косу“. Собравшись, усаживаются вокругъ стола, а невѣста садится тоже у стола съ противоположной стороны; возлѣ нея стоитъ и старшая дружка (шаферка). Расплетши косу, старшая дружка расчесываетъ волосы, смачивая ихъ водою. При этомъ дружки поютъ пѣсни, напр.:

„Ой тѣхо, тѣхо Дунай водоньку несѣ; а щѣ тѣхѣше Мѣрьчка косу чѣше, та щѣ жъ она чѣше, та на тѣхий Дунай несѣ. Ой плывѣ, косо, пидъ бѣтенькивъ двирь прѣсто. Слѣхай послѣхай, шо бѣтенько говѣре. Бѣтынко кѣже: лыхая годѣна: шо йде отъ мене рѣдна дытѣнонька. Зобувавъ, зодягавъ, та й нѣкимъ замышляты. Пры старосты нѣтъ нѣкому доглядаты. А свѣкорко кѣже: дѣбная годѣнонька; шо йде до мене чужая ды-

тѣнонька. И не зобувавъ, и не зодягавъ, та е кимъ замышляты. При старости нить е кому доглядаты“.

Когда невѣста распуститъ волосы, въ это время кто-либо изъ дружекъ зажжетъ восковыя свѣчи у иконъ. Невѣста въ такомъ видѣ, поклонившись три раза иконамъ, кланяется по три же раза отцу и матери; при этомъ сначала отецъ держитъ хлѣбъ, а потомъ мать. Кромѣ дружекъ, въ это время постороннихъ нѣтъ никого. Послѣ этого, если у невѣсты нѣтъ ни отца, ни матери, то старшая дружка заплетаетъ ей всю косу, вплетая въ нее и „кисныкѣ“; если же живъ кто-либо изъ родителей, то заплетается половина косы, начиная отъ середины къ концу; если же родители живы, то коса заплетается отъ конца не болѣе, какъ на вершокъ. Невѣста, когда старшая дружка уберетъ ей голову, одѣнетъ и подпояшетъ „рушныкомъ“, садится за столъ, и дружки садятся. Невѣстина мать даетъ ей и дружкамъ по рюмкѣ водки, при этомъ и закусить. Послѣ этого дружки, получивъ по шишкѣ, отправляются съ невѣстою въ церковь къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни дружки идутъ къ невѣстѣ. Теперь уже отецъ невѣстинъ даетъ невѣстѣ и дружкамъ по рюмкѣ водки и закусить. Послѣ этого невѣста съ дружками отправляется обѣдать къ старшей дружкѣ. Послѣ обѣда невѣста забирается на печь, а дружки поютъ пѣсни. Къ условленному времени въ домъ старшей дружки являются съ поѣздомъ женихъ, бояре, дружка, два старосты, свашки и „свитилки“. У одной изъ „свитилокъ“ „гильце“, вишневая вѣтка, украшенная разноцвѣтною бумагою, нарѣзанною узкими полосками, а у другой „мичъ“—пукъ изъ различныхъ цвѣтовъ: кроко́са, васильковъ, калины и проч. Въ середину этого букета вставляется деревянный конекъ (вырѣзанная изъ дерева голова лошади). Изъ хлѣба вырѣзывается небольшое кольцо и надѣвается на коня, а къ шеѣ его прилѣпляется восковая свѣчка, нижняя часть которой до половины согнута спиралью. Женихъ и прочіе поѣзжане, войдя въ избу, подносятъ невѣстѣ и нѣкоторымъ изъ дружекъ по рюмкѣ водки; потомъ отправляются опять кататься; невѣста между тѣмъ ложится на печь. Смотря по обстоятельствамъ дѣла, является „пидружий“ къ невѣстѣ и „загоняетъ“ её къ отцу; дружки тоже слѣдуютъ за нею. „Сви-

тилки и свашки“ жениховы встрѣчаютъ невѣсту у порога избы. Поздоровавшись съ ними, невѣста съ дружками входитъ въ избу, при этомъ дружки поютъ много различныхъ пѣсень. Напр.: „Выйды жъ ты, матинко, протѣвъ насъ; глянь же ты, матинько, по всихъ насъ. Кра́щая Ма́рьечка одъ усѣхъ насъ“. Невѣста, войдя въ избу и поклонившись три раза иконамъ, кланяется три раза отцу и матери; дружки, стоявшія до этого времени въ сѣняхъ, входятъ въ избу. Послѣ привѣтствія невѣсты съ родителями, „подружий“, взявъ со стола два хлѣба, которыхъ на столѣ лежатъ четыре, на каждомъ углу по одному хлѣбу, подаетъ ихъ невѣстѣ, которая беретъ подъ мышку по одному хлѣбу, придерживая ихъ плечевыми частями рукъ; затѣмъ подаетъ сѣ въ правую руку конецъ платка, а самъ держится за другой и произноситъ: „Господы Іисусе Хрысте, Сыне Божий, помѣлуй насъ“. Слѣдуетъ отвѣтъ кого либо: „аминь“. Далѣе тотъ продолжаетъ: „благословѣть молодѣ за стиль завесты“.—„Богъ благословѣть“, отвѣчаетъ кто-либо. Послѣ этого подружий обводитъ невѣсту кругомъ стола три раза, водя её слѣва направо; старшая дружка слѣдуетъ за невѣстою. Когда подружий обведетъ во второй разъ, то, взявъ у невѣсты одинъ хлѣбъ, кладетъ его на столъ; обедя въ третій разъ, беретъ второй хлѣбъ и кладетъ его на столъ; затѣмъ садятся за столъ: въ красномъ углу подружий, за нимъ невѣста, затѣмъ старшій дружка и наконецъ остальные. На столѣ, кромѣ четырехъ хлѣбовъ, на серединѣ его лежатъ: „лѣжень и калачъ“. (*) Вскорѣ послѣ этого отецъ невѣсты подноситъ подружему рюмку водки, который, выпивъ, выходитъ изъ-за стола и присоединяется къ прочимъ гостямъ, стоявшимъ до времени у порога сѣней. Со двора у порога сѣней стоитъ столъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а на хлѣбѣ соль. При выходѣ изъ сѣней у стола стоятъ два невѣстинныхъ старосты, а съ противоположной стороны два старосты жениха, которые взаимно угощаются черезъ столъ „перепійцемъ“ крестообразно: правый староста жениха подаетъ кружку съ водою правому старостѣ невѣсты, послѣдній взаимно; потомъ лѣвый староста, принявъ

*) Калачъ лежитъ на тарелкѣ, а сверху двѣ ложки.

кружку, подаетъ лѣвому—невѣсты, послѣдній взаимно. Во время взаимнаго угощенія старость, теща угощаетъ зятя, стоящаго тутъ же, подноситъ ему стаканчикъ водки, смѣшанной съ хмелемъ, и не голою рукою, а съ платкомъ; женихъ тоже принимаетъ не голою рукою, а съ платкомъ. Принявъ стаканчикъ смѣси, онъ передаетъ его черезъ свое лѣвое плечо стоящему позади себя старшему боярину, а тотъ, принявъ, выливаетъ содержимое на землю, но стакана не возвращаетъ, а требуетъ „выкупъ“ (водкою). Послѣ удовлетворенія его требованія, стаканъ возвращается по принадлежности; тогда теща подноситъ водку зятю, далѣе опять боярину и прочимъ гостямъ жениховой стороны. Угостивши всѣхъ, она возвращается въ избу. Тогда „дружко“, подавъ въ руки жениха платокъ, за который держится самъ, вводитъ его въ сѣни и ставитъ у порога дверей изъ комнаты. Женихъ стоитъ съ наклоненною головою, за нимъ стоятъ двѣ его „свашки“ и противъ него въ комнатѣ стоятъ тоже двѣ „свашки“ невѣсты, держа каждая по хлѣбу. Попривѣтствовавъ другъ друга крестообразно и обмѣнявшись хлѣбами, отходятъ въ сторону; тогда дружко, взявъ опять жениха за руку съ помощью платка, вводитъ его въ избу, говоря: „Господы Іисусе Христѣ, Сыне Божій, помылуй насъ“. Ему отвѣчаютъ невѣстины старосты: „аминь“. Далѣе продолжаетъ дружко: „благословить молодого за стилъ посадить“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословить“. Въ это время старшая дружка, поднявъ со стола калачъ, держитъ надъ наклоненною надъ столомъ головою невѣсты, а дружки поютъ: „Не будь, Марьечко, прямъ, не подводи головоньки самъ, нѣхай той пидводе хто крий тебе сѣде; серденько, мыленьке, присунься блызенько, будемъ говорѣты, якъ на свѣти жити“. Въ это же время нѣсколько мальчиковъ, родственниковъ невѣсты, стоя на лавкѣ, машутъ на дружка „кыйками“ (палки, обмотанные соломой и утыканные сверху репешками). Дружки при этомъ поютъ пѣсни: „Братыку, не лякайся, братыку, постарайся! Не продавай сестры за пивзолото; проси чирвоного и зъ зятя молодого, и съ поизду его коня воронбого“. Тогда дружко подаетъ на тарелкѣ мальчикамъ „выкупъ“ за невѣсту: шишки по числу мальчиковъ, нѣсколько рюмокъ водки и денегъ. Ребятишки,

получивъ плату, удаляются; а женихъ, подойдя къ невѣстѣ, цѣлуетъ ее и садится съ правой стороны ея. Дружко въ это время передаетъ отъ жениха тещѣ или сапоги, или 3 рубля денегъ и шишку, тестю же только шишку, а дѣду и бабѣ, если есть таковыя, по парѣ чулокъ, остальнымъ-же невѣстиннымъ родственникамъ даетъ только по шишкѣ. Одѣливъ всѣхъ и получивъ при этомъ отъ тещи платокъ, обращается ко всѣмъ съ такими словами: „Сваты и свѣхи! Чи всимъ хлѣба-сѣлы досталось?“ Ему отвѣчаютъ: „Вси“.—„Ну, мамо“, продолжаетъ тотъ, обратившись къ тещѣ,—„давай молодому платокъ за поясъ“. Получивъ отъ нея платокъ, передаетъ его на тарелкѣ старшему боярину, который, принявъ, втыкаетъ жениху спереди за поясъ. Старшая дружка, по требованію дружка, передаетъ на тарелкѣ женихову шапку и невѣстинъ головной вѣнокъ (цвѣтокъ) женщинамъ, родственницамъ невѣсты, которыя, приколовъ вѣнокъ къ шапкѣ жениха, возвращаютъ дружкѣ, а съ него получаютъ „выкупъ“ за шапку: шишку, деньги и по рюмкѣ водки. Получивъ шапку, дружко передаетъ ее старшему боярину, который, принявъ, надѣваетъ ее на голову жениха, приподнимая ее три раза съ головы и, наконецъ, снявъ, держитъ ее при себѣ. Послѣ этого, теща подаетъ дружкѣ на тарелкѣ каравай, сверху котораго лежитъ „очипокъ“, а сверху очипка платокъ. Принявъ все это, дружко передаетъ очипокъ и платокъ двумъ свашкамъ, самъ же въ это время рѣжетъ каравай на части. Свашки между тѣмъ надѣваютъ молодой очипокъ и покрываютъ его платкомъ; при этомъ молодая долго сопротивляется и бросаетъ очипокъ къ порогу. При этомъ свашки поютъ пѣсни, напр.: „Покрыванька плаче, покрывацьця хоче; не такъ покрывацьця, якъ поцилувацьця“. Эта пѣсня поется три раза, и послѣ каждаго раза свашки цѣлуются. Въ это время свашка, сестра женихова, надѣваетъ себѣ на голову женихову шапку, а невѣстина сестра прикалываетъ себѣ съ правой стороны головы невѣстинъ вѣнокъ (цвѣтокъ). Пропѣвши въ третій разъ пѣсню, свашки надѣваютъ невѣстѣ очипокъ, а сверху накрываютъ ее платкомъ. Дружко въ это время раздаетъ куски каравайя родственникамъ невѣсты и жениха, сначала засунувъ одинъ ломоть жениху за пазуху. Раздавши каравай, дружко обращается къ отцу и матери

невѣсты: „благословѣть молодыхъ за стола вывести“. Ему отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть“. Тогда женихъ и невѣста выходятъ изъ-за стола, отецъ и мать благословляютъ ихъ. Потомъ выходятъ вонъ изъ избы. Тогда дружка, подавъ платокъ въ руки жениху, обводитъ его три раза вокругъ „дижи“ (бочки), поставленной у порога вверхъ дномъ и покрытой скатертью. Спереди идетъ дружка, за нимъ женихъ, далѣе невѣста и наконецъ свашки, которыя въ это время поютъ пѣсни: „Старый оселѣдько, не стѣе за рѣдку, не вспивъ оженѣцъца, стала жінка бѣцъца.— А хоть бѣде бѣты, бѣду терпѣты. Прійде нѣчка темнѣнька, е съ кимъ говорѣты“. Эта пѣсня сопровождается пляскою. Затѣмъ невѣста, ставъ въ повозку и перекрестившись на четыре стороны, беретъ икону и стоитъ. Дружка, подавъ жениху въ руки платокъ, обводитъ его вокругъ повозки три раза. Женихъ послѣ каждаго обхода ударяетъ невѣсту кнутомъ, и если женится по любви, то слегка, а если нѣтъ, то сильно. Затѣмъ садится въ повозку, и весь поѣздъ отправляется въ домъ жениха. Иконы невѣста держитъ сама, а калачъ, взятый у невѣсты, держать свашки. Весь поѣздъ, переѣхавъ чрезъ зажженный въ проѣздѣ воротъ костеръ, останавливается у порога избы; затѣмъ всѣ гости по приглашенію сватовъ (отца и матери жениха) входятъ въ избу. Женихъ, невѣста и всѣ гости садятся за столъ и угощаются сватами. На другой день, въ понедѣльникъ, женихъ съ дружкой приглашаетъ къ себѣ тестя, тещу и всю родню невѣстину; угощаетъ водкою, а тѣ дарятъ молодыхъ деньгами и мелкимъ скотомъ. Всѣ гости со стороны невѣсты, одаривъ молодыхъ, уходятъ въ домъ невѣсты, и тамъ сами празднуютъ свадьбу. По уходѣ ихъ, свекровь перевязываетъ всѣхъ гостей своей стороны платками. Вечеромъ бояре ходятъ по дворамъ, убиваютъ куръ и заводятъ себѣ отдѣльно стряпню. На третій день послѣ обѣда дружка, обмотавъ себѣ платкомъ правую руку, рѣжетъ на ломти каравай, который и раздаетъ всѣмъ гостямъ. Этимъ свадьба и заканчивается. Если невѣста вышла „чѣсна“, то на другой день свашки ходятъ по улицамъ и поютъ много относящихся къ этому обстоятельству пѣсенъ. Потомъ вся свадебная компанія ходитъ по улицамъ съ крас-

нымъ флагомъ на длинномъ шестѣ съ привязаннымъ къ нему звонкомъ, разбиваютъ много глиняной посуды; и невѣстину мать носятъ на рукахъ. Горе же родителямъ невѣсты, если она не сохранила дѣвства,—сколько придется имъ перенести отъ пьяной компаніи разнаго рода насмѣшекъ! Женихъ же тоже свою производитъ расправу съ невѣстою. На слѣдующее воскресенье молодые отправляются въ гости къ родителямъ невѣсты „хлѣба одвидать“. Свадебные расходы у жениха: плата за невѣсту отъ 5 до 150 руб., вѣнчанье отъ 1 до 10 руб., за вѣнцы въ церковь отъ 1 до 2 руб., на водку отъ 10 до 50 р., тещѣ сапоги отъ 2 до 4 руб., отъ 20 до 70 платковъ 3—10 руб., муки отъ 2 до 10 мѣшковъ 4—20 руб., мясного отъ 1 до 10 руб., сала, пшена и другихъ продуктовъ приблизительно отъ 1 до 5 руб., на другіе мелочные расходы до 2 руб.

Свадебные расходы у невѣсты: до 35 платковъ отъ 6 руб. 45 коп. до 10 руб., на водку отъ 5 до 35 руб., отъ 4 до 12 мѣръ муки 4—12 руб., мясного отъ 1 до 5 руб., прочихъ продуктовъ отъ 1 до 3 руб. Вечерницъ въ настоящее время нѣтъ; сборища преслѣдуются полиціей, но улицы существуютъ (сборища паробковъ и дѣвокъ). Влюбленные устраиваютъ ночевки у какойнибудь не старой вдовы.

При похоронахъ особыхъ обрядовъ нѣтъ. Обязательно по сторонамъ головы умершаго кладутъ пучки сухихъ васильковъ; въ руки вкладываютъ крестъ изъ восковой свѣчи. Послѣ погребенія поминаютъ тутъ же у могилы кутьею, затѣмъ идутъ въ домъ умершаго обѣдать.

Юридическіе обычаи. Сватовство происходитъ между родителями невѣсты и хозяевами старостами со стороны жениха словесно; въ случаѣ размолвки, виновная сторона уплачиваетъ истцу „за безчесте“ присужденную волостнымъ судомъ плату.

Если дѣлившіеся между собою имуществомъ не раздѣляются добровольно, то приглашаютъ стариковъ—„собираютъ громаду“, мѣстнаго сельскаго старосту и волостныхъ судей, если есть таковыя; если и послѣ этого не послѣдуетъ раздѣла, тогда обращаются въ волостной судъ, который и примиряетъ тяжущихся.

При наймѣ рабочихъ на продолжительные сроки условіе заключается письменно въ волостномъ правленіи; на короткіе-же сроки и въ особенности на полевые работы договоръ заключается при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ словесно, или-же просто семейнымъ образомъ.

По преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія судить большую частью тоже „громада“, при изрядной попойкѣ „на вынанаго коштъ“, а съ виновниками, смотря по важности преступленія, производится соотвѣтствующая расправа“. Если-же преступленіе превышаетъ, по ихъ усмотрѣнію, власть громады, тогда дѣло передается въ волостной судъ.

Примѣты. Если 6 января бываютъ яркія звѣзды—къ урожаю. Если на Срѣтеніе снѣгъ переметаетъ дорогу—„ховай одежды: долго протянецца холодна весна“. Если день Евдокии приходится на 1-ю недѣлю поста,—ранняя весна, если на 3-ю, то поздняя. Какова погода на Благовѣщеніе, такова и на „Великъ день“. Май будетъ дождливъ, если въ сентябрѣ пли дожди. Откуда вѣтеръ будетъ на Покрова, оттуда больше будетъ и зима. На Миколу (6 декабря) снѣгъ или дождь—къ урожаю. 13 ноября на Иоанна туманъ и „побисъ“ на деревьяхъ, ожеледица—урожай на просо. Передъ восходомъ солнца красная заря—къ дождю; послѣ захода солнца красная заря—къ вѣтру. Народившійся мѣсяцъ тупорогій и „высне пүзо“—зимою къ снѣгу, а лѣтомъ къ дождю. Поздняя весна—урожай на овощи въ садахъ, а ранняя—къ неурожаю.—Если паутина осенью летаетъ по воздуху, то къ урожаю. Какую щеку умываетъ кошка лапою, оттуда будетъ зимою снѣгъ, а лѣтомъ дождь. Если воробы летаютъ на открытомъ мѣстѣ и чирикаютъ безъ умолку—къ хорошей погодѣ, а прячутся—къ дурной.

Обрядовыя пѣсни. Въ Рождественскій сочельникъ родственникамъ, сосѣдамъ, ближайшимъ и почетнымъ дѣти носятъ „вечерю“—ужинъ, который состоитъ изъ трехъ маленькихъ хлѣбцовъ и куты (вареной пшеницы), съ разведеннымъ водою мѣдомъ.

Каждый, отвѣдавъ вечера, непременно по три ложки куты, взаимно пополняетъ своею; принявъ одинъ хлѣбецъ, замѣняютъ тоже своимъ; при этомъ дѣти одѣляются деньгами или пряниками. Въ сочельникъ-же горшокъ съ кутьею ставятъ „въ святомъ углѣ“ на лавкѣ, подложивъ подъ него сѣна; горшокъ этотъ стоитъ три дня, послѣ чего его принимаютъ.

Въ день Рождества дѣти колядуютъ. Взрослые поютъ:

„А хто, хто Мыколая любэ, А хто, хто ёму службу служе; Святый отче Мыколай, На всякий часъ помогай, Мыколаю. Богородыця Сына породыла, Всихъ янголовъ до себе зозвала; Сталы думать и гадать, Якё ёму імья дать. Далы ёму імья святого Іілья. Богородыця нэ злюбыла, Всихъ янголовъ распустыла. А хто, хто Мыколая любэ, А хто, хто ёму службу служе; Святый отче Мыколай. На всякий часъ помогай, Мыколаю. Богородыця Сына породыла, Всихъ янголовъ до себе зозвала; Сталы думать и гадать, Якё імья ёму дать, Далы ёму імья Іісуса Хрыста. Богородыця излюбыла, Всихъ янголовъ обдарыла.“	Сталы думать и гадать, Якё ёму імья дать. Далы ёму імья святого Петра, Богородыця не злюбыла, Всихъ янголовъ распустыла. А хто, хто Мыколая любэ, А хто, хто ёму службу служе; Святый отче Мыколай, На всякий часъ помогай, Мыколаю. Богородыця Сына породыла, Всихъ янголовъ до себе зозвала; Сталы думать и гадать, Якё імья ёму дать, Далы ёму імья Іісуса Хрыста. Богородыця излюбыла, Всихъ янголовъ обдарыла.“
---	---

Подъ Новый годъ „щедруютъ“, или „меланкуютъ“:

Якѣ на рѣцѣ на Ярѣни, Тамъ Пречѣста рѣзы мѣла; Та повѣсыла на ялыни. Де узѣлося тры янголи, Узѣлы рѣзы на крылята, Та понѣслы рѣзы пидъ небеса;	Усѣ небеса растворилися; Усѣ святѣи уклонилися, Сталы умывацѣя, У рѣзы наряджацѣя. Сталы рѣкы мѣты И службу служѣты“.
--	--

Дѣти, мальчики, на Новый годъ „посѣвають“ и поютъ: „На щасѣте, на здоровье и на новый годъ! Роды, Бѣже, жѣто и ппеныцю и всѣку пашныцю. Бѣдѣте здоровы; съ празныкомъ съ новымъ гѣдомъ, зѣ Васѣлиемъ“.

Начиная еще со всеядной недѣли, дѣвушки каждый вечеръ собираются на улицахъ и, взявшись рука за руку, ходятъ по

улицамъ и поютъ пѣсни, напр.: „Ускочивъ козель у городъ, у городъ, та пойвъ козель лукъ-часныкъ, лукъ-часныкъ и черненьку чернѹшку, и зеленую петрѹшку, и зеленую петрѹшку. Узялы козла за рижокъ, за рижокъ, повелы козла на торжокъ, на торжокъ, продаты козла за пять кипъ, за пять кипъ“.

„Кривѣ колысо, куды кѹтыся? ой рѹно, рѹно, куды кѹтыся?“— Ой я покотѹся на торгъ торгѹвать, на торгъ торгѹвать, свѣкра продавать, свѣкра продавать, бѹтка покупать. Свѣкра продала, шѣляга (грошъ) взяла; бѹтка купыла, сто рублѣвъ дала.—Кривѣ колысо, куды кѹтыся?“—„Ой я покотѹся жъ у лѣсъ, по ягоды; та якъ вѣрву я та двѣ ягоды, однѹ спѣлую, дрѹгу зеленѹ; де спѣленькая, то ту бѹтеньки; де зеленая, то ту свѣкру, ой ижъ, бѹтеньку, не похлѣпныся, а ты, свѣкорку, хочъ и удавѣся“.

Во время посѣва хлѣба, когда приблизится время завтрака, то крестъ, который былъ испеченъ изъ кислаго тѣста въ среду на 4-й недѣлѣ великаго поста, сѣдается рабочими.

Если будетъ забытъ въ печи хлѣбъ во время печенья, то онъ употребляется, какъ лѣкарство при поносѣ и называется „забѹдекъ“.

Игры и забавы. Мальчики играютъ: „въ коня“, „свинки“, „мячъ“, „дурки“ и „шкопырдки“. Дѣвочки: „въ креймухи“, „куклы“. Игры и забавы юношескія: парни играютъ: „въ мячъ“, „скраклы“, „карты“, „шахматы“, „шарлая“, „дѹвгой лозы“, „ѣздового мяча“; дѣвушки: „въ карты“, „года“, „въ довгой лозы“, „у блѹхи“ (горѣлки), „мяча“. Игры и забавы взрослыхъ: мужчины: въ „карты“, „шахматы“ и „свинки“; женщины: „въ козла“. Танцы: „задѹкъ“, третѹкъ“. Музыка: „чѹботы“, „бѹрыня“, „камаринскій“, „по ѹлицѣ мостовой“, „сѣни бѣлые, пушыстые“, „гайдѹчѹкъ“, „полянѹ“, „бычѹкъ“.

Мѣстные музыкальные инструменты: гармоника, балалайка и свирѣль (сопѣлка).

Повѣрья. Есть два колдуна (они же и знахари); одинъ среднихъ лѣтъ, другой молодой, которые въ большемъ почетѣ какъ у мѣстныхъ жителей, такъ и у постороннихъ, знающихъ ихъ. Къ первому обращаются для оказанія помощи отъ разныхъ порчей и „закрутокъ“, даже изъ дальнихъ мѣстъ и преимущест-

венно донскіе казаки. Первый изъ нихъ „природный“ колдунъ, а второй ученый. Вообще жители избѣгаютъ всякихъ столкновѣній съ ними, чтобы ихъ ногами не быть повернутыми пятками напередъ.

Есть одна вѣдьма, которая, имѣя на кого зло, портитъ коровъ. Она же и знахарка, лѣчитъ, по просьбѣ, испорченныхъ ею же коровъ. Ее часто видѣли превратившеюся въ свинѹ. „Лѣтъ сто, когда ще булы лѣса не далѣко одъ слободы, такъ, казѹлы старѣ люды, такъ у цыхъ лѣсахъ водѣлысь вовкулаки; а якъ стѹлы переводытъ лѣса, тодѣ вовкулаки стѹлы сбѹвать и наконѣць повтикѹлы на нызъ, де е лѣса. Вонѣ булы колысь люды, та не по законѹ жылы; за те ихъ Богъ и наказавъ, сказавъ: „бѹдьте волкѹмы“; вонѣ поробѣлись волкѹмы и уйшлы въ лѣса“.

„Якъ булы лѣса, тодѣ булы и русѹлки; вонѣ пугѹлы людѣй своимъ крѣкомъ; мяѹка, якъ кишѹка. Усю недѣлю передъ Трѹицей вонѣ пугѹють людѣй. Суббѹта передъ Трѹицей звѣцѹца русѹльчинымъ велѣкимъ днемъ. Русѹлки булы колысь жѣнки, та за ихъ грѣхѣ Богъ наказавъ ихъ и прогнавъ у лѣса“.

Повѣрья о мѣстныхъ животныхъ. Если курица поетъ по-пѣтушьи, то предвѣщаетъ семьѣ несчастье. Собака воетъ—тоже будетъ въ домѣ несчастье. Пѣтухъ поетъ на воротахъ—къ прибытію гостей. Кошка умывается—тоже къ прибытію гостей. Если нѣтъ въ хозяйствѣ бѣлыхъ курицъ, а цыплята (хотя одинъ) выведутся бѣлыми—тоже въ семьѣ несчастье. Кобылица ожеребится двумя жеребятами—тоже къ несчастью. Овца приведетъ двухъ ягнятъ—къ прибыли. Цыплята выведутся кѹлѣки, значитъ—яйца были снесены на Благовѣщенье. Если голуби у кого сильно множатся, будетъ благополучная жизнь въ семьѣ. Ласточки выютъ гнѣзда у кого либо—тоже къ благополучію въ семьѣ. Заяцъ перебѣжитъ дорогу—задуманнаго дѣла не сдѣлать. Если зимою въ амбарахъ и избахъ много мышей—то къ урожаю. Перепеловъ много на лугу и степи, тоже къ урожаю. Если сычъ прокричитъ на чѣмъ либо зданіи—тамъ быть покойнику или пожару. Додикъ прокричитъ—тоже къ покойнику или пожару. Пчелиный рой влетитъ въ трубу—къ смерти старшаго члена семьи. Если подъ Новый годъ придѹтъ щедровать прежде мальчики, то ко-

ровы отелятъ бычковъ, и овца барановъ; если же дѣвочки, то коровы телокъ, а овцы ярокъ. На первый день Свѣтлой недѣли во время стряпни надо какъ можно болѣе беречься не плеснуть воды на полъ,—а то блохи будутъ. Чтобы попелнуха (капустный вши) не портила капусты во время ея роста, нужно посыпать ее золою, полученною изъ печи во время стряпни въ первый день Свѣтлой недѣли. Если дѣти послѣ Новаго года дѣлаютъ „млынкі“, а лѣтомъ изъ пыли кучки—то къ урожаю. На Благовѣщеніе должно испечь кислаго или прѣснаго хлѣба и съѣсть его въ тотъ же день, если же почему-либо не испекутъ, то не должно печь его весь годъ по воскресеньямъ. Если на Благовѣщеніе корова отелется, то теленокъ выйдетъ калѣкой. Нельзя давать чужому молока, не посоливъ его, а иначе или молоко уменьшится у коровы, или вовсе не будетъ его. Корову, отелившуюся въ первый разъ, должно обсыпать макомъ—чтобы ничто лихое не пристало. Если куры кудахчатъ послѣ захода солнца—къ смерти кого либо изъ семьи. Если тараканы водятся въ домѣ, то или къ богатству, или къ разоренію. Если ласточка пролетитъ подъ брюхомъ коровы, то молоко превратится въ кровь. Надо сперва обувать правую ногу, чтобы зубы не болѣли. Нельзя наизнанку носить одежды: на того будутъ „вывертатъ“ всѣ глаза. Нельзя въ понедѣльникъ надѣвать бѣлья—будетъ напасть; а если пришлось надѣть, то нужно продѣть чрезъ то бѣлье три раза ножъ—тогда минуетъ напасть. Примѣты: если воронецъ будетъ съ полнымъ зерномъ, то будетъ урожай на хлѣбъ. Если на всеядной недѣлѣ передъ сырною въ среду будетъ „хмарно“, будетъ хлѣбъ съ полнымъ зерномъ; если же ясно, то загорѣлое зерно.

„Въ понедѣлокъ нельзя ѣсты скоромного: винъ, якъ буде страшный судъ, тамъ буде выводитъ дѣшу на гору; такъ ий буде идты такъ легко. якъ и съ палкою“.

„У пятницю и суббѣту на страшный нидѣли хто не исть ничѣго, того Господь одъ пекущаго вогня буде заступать“.

„Кто на Великѣй день не буде пыть за обѣдомъ воды, тому на страшномъ судѣ воды не захочецца. У пятницю нельзя пыты житного хлѣба. Одныѣи жѣнщины була така стаття: прыхѣде до неѣи у пятницю жѣнщина и спрашуе: „а шо за-

гнетѣла хлѣбъ?“ (а вона саме посажала у пичъ житный хлѣбъ). А вона и говѣре: „загнетѣла“. Тодѣ та жѣнщина зложила ий на груды рѣкы навхрестъ, та привела до огню и загнетѣла ихъ, а потѣмъ того пытае: „шо, тобѣ болѣно?“—„Болѣно“, каже та. Тодѣ та жѣнщина—хто ѣ знае, де и дѣлась, а у тѣѣи рѣкы узалися пузырями“.

„У чѣстый четвѣргъ прядѣть навпакѣи нѣтки до схѣдъ сонѣця, цѣѣю нѣткою перевѣязують рѣкы (на запѣстьѣ), щобъ ны ломѣло кѣсты, а скотѣи перевѣязують нѣгы, щобъ не хромала“.

„У пятницю нѣльзѣи прѣсты: кострыцею пятницѣи ѣчи засыпають“.

„Нохтѣи нѣззѣи зризѣть на пѣльцахъ: на тѣмъ свѣти нѣчимъ буде драцца на гору“.

Сказки: 1) Булы собѣи дѣдъ та бѣба, и у ихъ булы сынъ и дочка. Купѣвъ дѣдъ собѣи козѣу за тры кѣпы. Посылѣ дѣдъ сына пастѣи козѣу и каже: „гонѣи ты, сыну, козѣу пѣсты, та щобъ напѣсь. Сынъ погнавъ: пѣсь—пѣсь ий; напѣсь дѣбре, напоѣвъ и гѣне у вечѣри до дѣму. А дѣдъ стоѣть на ворѣтахъ у червѣныхъ чѣбѣтахъ и зѣ золотѣмъ ножѣмъ и пыта: „козѣи моѣ люба, козѣи моѣ мѣла, чи ты ѣла, чи пыла?“—„Ни, дѣдѣсю, ны ѣла я, ны пыла; якъ бѣгла чѣрезъ лужѣчѣкъ, та ухватила клѣновѣй лѣстѣчѣкъ; та якъ бѣгла чѣрезъ гребѣлку, та ухватила водѣи капѣлку—тѣлько ѣла и пыла“. Винъ узѣвъ сына и зарѣзавъ, та пѣдъ корѣто и положѣвъ. Тодѣ послѣвъ дочкѣу пѣсты козѣу. Дочка пасла—пасла, напасла, напоѣла и гѣне до дѣму. Дѣдъ стоѣть упѣть на ворѣтахъ въ червѣныхъ чѣбѣтахъ съ золотѣмъ ножѣмъ и спрашуе: „козѣи моѣ люба, козѣи моѣ мѣла, чи ты ѣла, чи пыла?“—„Ни, дѣдѣсю! ны ѣла, ны пыла я, якъ бѣгла чѣрезъ лужѣчѣкъ, ухватила клѣновѣй лѣстѣчѣкъ; якъ бѣгла чѣрезъ гребѣлку, ухватила водѣи капѣлку—тѣлько ѣла и пыла“. Дѣдъ узѣвъ и дочкѣу зарѣзавъ та пѣдъ корѣто ий и положѣвъ. Тодѣ дѣдъ послѣвъ бѣбу пѣсты козѣу. Погнала бѣба въ такѣу траву, шо и рѣжкѣвъ не вѣдно. Напасла бѣба козѣу, напоѣла и гѣне до дѣму; а дѣдъ стоѣть на ворѣтахъ у червѣныхъ чѣбѣтахъ и съ золотѣмъ ножѣмъ и пыта: „козѣи моѣ люба, козѣи моѣ мѣла, чи ты ѣла, чи пыла?“—„Ни, дѣдѣсю, ны ѣла, ны пыла я, якъ бѣгла чѣрезъ лужѣчѣкъ, ухватила клѣновѣй лѣстѣчѣкъ,

якъ бѣгла чѣрезъ гребѣлку, ухватила воды капѣлку—тѣлько йла и пыла“. Винъ узавъ бабу зарѣзавъ и положивъ пидъ корыто. Погнавъ тоді дидъ самъ пасты козѹ. Напасъ, напоивъ и гоне до дому, а самъ забѣгъ упередъ, ставъ на ворѣтахъ и пыта козы: „коза моя люба, коза моя мѣла, чи ты йла, чи пыла?“—„Ни, дидѹсю, ны йла, ны пыла я; якъ бѣгла чѣрезъ лужбѣкъ, ухватила кленовый листѣкъ, якъ бѣгла чѣрезъ гребѣлку, ухватила воды капѣлку—тѣлько йла и пыла я“. Дидъ розсѣрдывся, пиймавъ козѹ и ставъ живѹ драть. Обидравъ половину бѣка, а вона вѣрвалась тай побѣгла, ускѣчила въ лысичину хатку и сидѣтъ на печѣ. Прибѣгла лысичка у свою хатку тай и чѹе, шо е шось у ий хатци, и озываецця: „а хто, хто у мойй хатци?“—„Я, коза, дереза пивъ-бока лѹплена, за тры копы кѹплена; тупѹ, тупѹ ногамы, сколю тебе рогамы, лапками вѣгребу, хвѣстыкомъ вѣмету“. Лысичка спугалась, сила на порѣгъ и плаче. Тутъ идѣ зайчыкъ и спрашует: „лысичко, сестрычко, чѣго ты плачешъ?“—„Зайчыку, братыку, якъ минѣ ны плакаты, шось у мойй хатци е“.—„Ходѣмъ, подѣвымосъ, шо тамъ е; я вѣжыну. Прийшли у хатку. Зайчыкъ якъ крѣкне: „хто, хто въ лысиччиний хатци?“—„Я, коза, дереза, пивъ-бока лѹплена, за тры копы кѹплена, тупѹ, тупѹ ногамы, сколю тебе рогамы, лапками вѣгребу, хвѣстыкомъ вѣмету“. Зайчыкъ и кѣже: „я боюсь, це страшнѣ“, та й побѣгъ. Осталась лысичка сама, сила упѣтъ на порѣгъ и плаче; а вѣчыкъ идѣ и пыта ий: „чѣго ты, лысичко, плачешъ?“—„Вѣчыку, братыку, якъ минѣ ны плакаты: шось у мойй хатци“.—„Ходѣмъ, я вѣжыну“. Пишли. Вѣчыкъ якъ закрычытъ: „хто, хто въ лысиччиний хатци?“—„Я, коза, дереза, пивъ-бока лѹплена, за тры копы кѹплена, тупѹ, тупѹ ногамы, сколю тебе рогамы, лапками вѣгребу, хвѣстыкомъ вѣмету“. Вѣчыкъ злякався и утѣкъ. Лысичка сидѣтъ упѣтъ на порѣзи и плаче. Идѣ видмѣдъ и спрашует: „чѣго ты, лысичко, плачешъ?“—„Якъ минѣ ны плакаты: шось у мойй хатци“.—„Ходѣмъ, я вѣжыну и т. д. Наконецъ лизе ракъ и спрашует: „чѣго ты лысичко, сестрычко, плачешъ?“—„Якъ минѣ, рѣчеку, братыку, ны плакаты: шось у мойй хатци“.—„Ходѣмъ, я вѣжыну“. А лысичка и кѣже: „ни, рѣчеку-братыку, не вѣжынешъ: тутъ булы ны по тоби: зайкинъ,

вѣчыкъ и вѣмедыкъ, та не вѣгнады, а то ты вѣжынешъ“.—„Ни, вѣжыну“. Пишли. Прийшовъ ракъ у хату та якъ крѣкне: „а хто, хто въ лысиччинеи хатци?“—„Я, коза, дереза, пивъ-бока лѹплена, за тры копы кѹплена; тупѹ, тупѹ ногамы, сколю тебе рогамы, лапками вѣгребу, хвѣстыкомъ вѣмету“. А ракъ и кѣже: „вѣжыну“ и полѣзъ на пичъ и кѣ козы злизъ, та якъ ущипнѣ ий клешнею за облѹпленный бикъ. А вона якъ закрычытъ: „не менѣ!“ та и зогнавъ ий съ пѣчи на пилъ (кровать), а тоді упѣтъ ий „щипъ“, а вона: „не менѣ!“ Ракъ зогнавъ ий до долу и упѣтъ „щипъ“, а вона: „не менѣ!“ та й вѣбѣгла у сѣны; а ракъ упѣтъ ий „щипъ“, а вона: „не менѣ!“ и вѣбѣгла на двиръ; а ракъ ий упѣтъ „щипъ“, а вона: „не менѣ!“ та и побѣгла геть. Тоді лысичка вийшла у свою хатку, поклыкала и рѣка до сѣбе, зачала ёго угощѣтъ; угостѣвши, поблагодарила ёго: „спасѣби тоби, рѣчеку-братыку“, шо ты минѣ услуживъ такѹ слѹжбу, я на тебе не надѣялась“.

2) „Жылы собѣ дидъ да баба, старѣ—старѣ; дидъ бувъ слѣпый. Дожились вони до того, шо имъ стало ничѣго йсты. Вотъ баба и кѣже: „я тебе, дѣду, бросю“. А дидъ и кѣже: „не бросай менѣ, бабѹсю, лѹче я пийдѹ у поле, та рожживѹсь, мѣже, кѣже, чѣго небудъ“. А баба и кѣже: „ну, ходѣмъ же, колы такъ, дидѹсю, у двоухъ“. И пишли скрызъ по дорѣзи. Ийшли, ийшли—ничѣго на дорѣзи ны найшли. Дойшли, шо дорѣга раздѣбилась на двѣе. Баба и кѣже тоди: „ну, ты, дѣду, идѣ по правий дорѣзи, а я по лѣвий; та, мѣже, ты якъ найдешъ зайчыка, такъ гукай минѣ сюды: бабѹсю! на цю дорѣжку!“ Тоді дидъ пишовъ по правий дорѣзи, а баба по лѣвий. Дидъ ийшовъ, ийшовъ и найшовъ рѣшетѣ, та и крѣчытъ: „сюды, бабѹсю! на цю дорѣжку!“ Баба прибѣгла и бѣче, шо дидъ рѣшетѣ найшовъ; вона ёго попобѣла и кѣже: „якъ зайця найдешъ, такъ гукай минѣ“ та й и пишла своєю дорѣгою, а дидъ своєю. Дидъ ийшовъ, ийшовъ и найшовъ колесѣ, та и гукѣ: „сюды, бабѹсю! на цю дорѣжку!“ Баба прибѣгла и бѣче, шо дидъ колесѣ найшовъ. Вона упѣтъ его попобѣла и кѣже: „я тоби казалѣ: якъ шо зайчыка найдешъ, такъ гукай; тепѣрь я тебе бросю, цуръ тоби!“ Дидъ заплакавъ и кѣже: „хотѣ одведѣ менѣ, бабѹсю, у свою хатку,

тоді и бросышъ". Вона одвела его до дому и положила на пичі, а сама пішла упуєть у поле и прыйшла у лисъ; ийдє, ийдє по лису и побачила: козы съ козынятами пасуцьця, а не далєчко и хатка стоить ихъ. Баба вийшла у хатку, дывыцьця—нымъ нікого; вона полізла на пичъ и сіла пидъ шийкою. А козы напаслысь и прибігли у свою хатку. Тоді баба и отзываицьця къ нымъ: „козочки, козочки, я васъ буду доить, молочко и маслычко собыраты, а васъ буду годуваты"; та тоді слізла съ пєчи, подоїла ихъ, погнала упуєть пастысь, а сама понесла молоко продаваты на базаръ. Продала молоко, а собі купыла мукы и пшыньця, прыйшла у лисъ, у хатку, напекла коржыкы и наварыла кашки и пообідала. Живє баба у тий хатыци, доє козочокъ, собыра и маслычко, и сырѡкъ, и смытанку, та продає на базари, а собі купує мукыцю и пшинцє. Пожила баба довгєнько и надбала бя себе ще кой-чєго. Потимъ вздумала и про діда, та истъ варєныкы и плаче. Наварыла ще варєныкы, набрала сыру и молока и пішла діда провідать. Прыйшла до діда, а винъ лежить на пичі, рѡтомъ зява. Баба злізла на горіще, проколупала у єму дѣрку надъ рѡтомъ и упустила єму молочка; винъ ковтнувъ, вона и другє. Дидъ тоді и оживъ тай й каже: „це бѡжа роса". Тоді баба кынула єму у ротъ грудочку сырьцю, винъ плямкнувъ и каже: „це шось дѡбре"; тоді баба упухнула у ротъ єму варєныкъ и другий. Тоді дидъ подвѣвся и каже: „чи мині прыснѣлось". Тоді и баба злізла съ горіща, увийшла у хату и каже: „здрѣствуй, дидусю!" Дидъ и каже: „на шо ты менє, бабусю, бросыла, де ты прожывѣешъ?" А баба й каже: „у менє тепєрь гѡже мистєчко".—„Возьмы жъ, бабусю, и менє съ собою".—„Я бѣ, дидусю, узала тебе, та ты якъ закашляишься, такъ рожжынєшь мойхъ козѡкъ".—„Ни, бабусю, я буду тыхєнько; ты менє посадышъ на горіщи, біля вєрха, то я тамъ и сидытому, а ты мині будєшь туды исты давать". Узала єго баба, повела до сєбе, посадыла на горіще и каже: „сиды жъ, дидусю, та ны кашляй, а то ты мойхъ козѡкъ разжынєшь, потыряєшь мою жистъ и свою". Сидытъ дидъ день и два; на трєтій день, тѣхъ козѡкы прибігли до хаты, до вєрхи, а дидъ якъ кашлянє, козы якъ полякалысь, та й побігли гєть у лисъ. Тоді баба діда

попобыла, а сама сіла на порѡзи тай плаче и каже дідови: „я тобі казала, дидусю, ны кашляй, а то козѡкъ розжынєшь. Чимъ тепєрь будємо жыты?" Та и стѣлы упуєть жыты ны прычємъ".

3) „Булы царъ и царыця, и у ихъ булы царєвичъ Иванъ Ивановичъ и царєвна Олєксандра. Зробывъ царъ имъ для потѣхи залїзного вѡвѡ. У воднѡ врємя вѡвѡ оживъ. Царъ и царыця бачуть, шо винъ ихъ пойсть; вони царєвыча и царєвну поховѣлы въ пичъ и замѣзали ий. Вѡвѡ царя и царыцю пойвъ и дума: „дѡбъ же жъ одискать царыннѣтъ". Спытавъ винъ горпика: „Горшѡкъ, де царъ царыннѣтъ подивѣвъ?"—А винъ одвичѣ: „я не знѣю.—Пытѣецця вѡвѡ мѣски: „мѣска, де царъ царыннѣтъ подивѣвъ?"—Вона одвичѣ: „не знѣю".—Пытѣецця вѡвѡ рѡгачѣ: „рогачѣ, де царъ царыннѣтъ подивѣвъ?"—И рѡгачѣ сказѣвъ: „не знѣю". Тоді вѡвѡ пытѣецця долѡтѣ: „долѡтѡ, долѡтѡ, де царъ царыннѣтъ подивѣвъ?" А вѡнѡ и говорє: „я скажу: хѡзяинъ менє по щєкамъ и по головѣ бѡвъ—бѡвъ, а тоді ще и лѡдыамъ оддѣсть; перекинъ менє чєрєзь гѡлову; де я устроимлюсь, тамъ и рѣйсѣ". Вѡвѡ бросывъ долѡтѡ, а вѡнѡ и устроимлюсь сєрєдѣ пєчи. Винъ давай рыть, вѣрывъ ихъ, тогдѣ и каже имъ: „я васъ поймъ".—А вони и прѡсяцьця: „Вѡвчыку-брѣтыку, не ижъ насъ: мы будємъ тобі звѣныцьця; ты будєшь намъ стѣрший братъ". Вѡвѡ ихъ не зѣвъ, и тоді побігъ на рѣжжѣву, а ихъ посадывъ на могильци. Де взялыся журавлѣ, лѣтѣтъ и говорѣтъ: „Иванъ Ивановичъ, руський царєвичъ, чѡгѡ ты тутъ и съ царєвною сидышъ? чи по вѡли, чи по невѡли".—А винъ и одвичѣ имъ: менъшь по вѡли, а бильшь по невѡли".—„Сидай", кажуть журавлѣ, „мы вѣнесемъ тебѣ и царєвну". Посидѣлы вони на крѣла, а журавлѣ и понєслы ихъ. Прибігъ вѡвѡ на то мѣсто, розглядѣвся, а царыннѣтъ нѣма; завѣвъ и побігъ вдѡгѡню. Журавлѣ лѣтылы—лѣтылы и говорѣтъ: „Иванъ Ивановичъ, руський царєвичъ, оглядайся назадъ, чи далєко, чи нѣдалєко вѡвѡ?"—Царєвичъ оглянѣвся и каже: „ось ны далєко".—Тутъ зѣразъ вѡвѡ и догнавъ ихъ; дыхнѣвъ и посмалѣвъ имъ крѣльця; журавлѣ съ царыннѣтами и попѣдалы на зємлю. Тоді вѡвѡ и каже царыннѣтамъ: „тепєрь я васъ поймъ, шѡбъ вы не обмѣнювалы менє".—Царє-

ко, та й достанься? Та чи школьничку, та чи полковничку, та чи прежнему полюбовничку.

7. Та якъ пидѣ я та по надѣ лѣтомъ; та мий мѣлий та й орѣ плѣтомъ; та й винъ орѣ та й ще гукѣе, та й сѣрыхъ воливъ та й погонѣе. Та й понесѣ жъ я ёму йсты. Та й винъ найвѣся, винъ напѣвся, на борознѣ та й похиливѣся. „Чѣго сидѣшь, чѣмъ ны орѣшь, чѣмъ до мене ны говорѣшь?“ „А я сидѣю, тай дѣмаю, та ни пидѣ мѣсли та жѣнку маю“.—„А хто жъ цѣму та тепѣрь вѣненъ, шо ты вдѣвся та чорнобрѣвий; а я рѣса та вродѣлася, чѣрнѣвому та судѣлася: та не свѣтавъ бы менѣ вночи та повѣлазѣть тобѣ очѣ! Та свѣтавъ бы менѣ у день та распѣтавъсь бѣ ты добрыхъ людѣй; та добри бѣ людѣ та тобѣ бѣ розсказѣли: та якѣ булѣ я работѣха, та й до людѣй говорѣха, та хотѣ до плѣга, хотѣ до рѣля, хотѣ до пѣна генерѣла; хотѣ до плѣга, хотѣ до вѣза, якѣ булѣ я дѣвѣина гѣжа“

8) „Якѣ на виснѣй при виснѣй зацвилѣ лѣтѣта на водѣ: а я молодѣя рѣла; рѣучѣ, ѣнголя зогнѣла. Лѣтѣ, полѣтѣ, ѣнголю, пидѣ батѣнькивъ двѣрь, въ комѣрю; слѣхай, послѣхай, ѣнголю, шо мий батѣнько говорѣ; а мий батѣнько говорѣ: „изнѣдило, дѣтяко, изнѣдило у чужѣго батѣнька живучѣ; та на гѣру водѣцю носѣчи, а сѣ пидѣ горѣ каминѣць котѣче. Якѣ покотѣ каминѣць дѣвѣи Мѣрьѣци въ рукавѣць. Онѣ дѣмала, каминѣць а то Иванѣко молодѣць“.

9) „Спѣвалѣ дѣвѣчки, спѣвалѣ, та въ рѣшетѣ пѣсенѣку складѣли, та й и постѣвалѣ на вербѣй. Якѣ полѣнѣлы лѣбѣди, та звѣлѣлы рѣшетѣ до дѣлу. Чѣсомъ дѣвѣчки до дѣму.“

10) Та тѣхѣ водѣ, та тѣхѣ водѣ бережѣчки знѣсе. Молодѣй козѣкъ, молодѣхинѣй, полковничѣка прѣсе: „пустѣ жъ менѣ, пустѣ жъ менѣ, полковничѣкъ, изъ пѣвку до дѣму: бо вѣже скѣчи-бо вѣже скѣчила, дѣвѣина за мною“.—„Пустѣвъ бы я, пустѣвъ бы я, та боѣсь, дѣвѣго бѣдѣшь; напѣйсь водѣ холѣдноѣ, про дѣвѣку забѣдѣшь“.—„Пѣвъ я водѣ, пѣвъ холѣдну, пѣвъ, не одѣхѣвъ я, за дѣвѣиноѣ молодѣю все плѣкавъ, рѣдавъ я“.

11) „Та пѣшѣвъ же мий голѣсѣчѣкъ та по юлѣци рѣзво. Та лѣе жъ менѣ моѣ матѣ, шо ходѣю я пѣздно: та хочѣ ходѣю я, хочѣ гулѣю, та добрый рѣзумъ маю; та я жъ томѣ лѣдѣшѣму та й не довѣряю. Та й упѣвъ снижѣкъ на обнѣжѣкъ, та вѣзѣвся

водѣцею; та лѣчѣе жъ минѣ дѣвѣцею, чѣмъ молодѣцею. Молодѣи рѣно вѣтѣты, та въ хѣти прѣбрѣты, та й нѣньки распѣтѣты, а дѣвѣи рѣно вѣтѣты, косу росчѣсѣты, та пидѣты погѣлѣты“.

12) „Зелѣная ты, дѣбрѣвѣчка, чѣго похѣлѣлася?“—„Ой якѣ минѣ не хѣлѣтыся! вѣтеръ повѣвѣе“. „Молодѣя та ты дѣвѣинонѣчка, чѣго зажѣрылася?“—„Якѣ минѣ та не жѣрытыся: батѣко покѣдѣе, а самъ уѣжѣе у Китѣй горѣдѣчѣкъ на чѣсѣ на чѣсѣчѣкъ, на одѣнь дѣнѣчѣкъ“.

13) „Та пидѣ горѣю крынѣчѣнка, тамъ холѣдна водѣчинѣнка; тамъ дѣвка водѣ брѣла, и зѣ вермѣномъ размовѣла. „Ой вермѣну, вермѣночку! свѣтай менѣ дѣвѣинонѣчку!“—„Ой радѣ бы я тебѣ свѣтѣть, та боѣсь твоѣ брѣта; отрѣй, дѣвѣко, своѣ брѣта, тодѣ бѣду тебѣ брѣты“.—„Ой рѣда бѣ я отрѣитѣ, та не знѣю, шо робѣты“.—„Пѣтай, дѣвѣко, добрыхъ людѣй: добры людѣ тобѣ скѣжѣть, шлѣхъ-дорѣженѣку покѣжѣть“.—Добры людѣ не скѣзѣлы, тѣко дѣрою назѣвалѣ. „Пѣтай, дѣвѣко, лѣхѣхъ людѣй, лѣхѣ людѣ тобѣ скѣжѣть, шлѣхъ-дорѣженѣку покѣжѣть. Идѣ, дѣвѣко, все лѣгѣмы, все крутѣми берѣгѣмы. Въ чѣстѣмъ пѣли кушѣ кѣлыны, на кѣлыни тѣри гѣдыны. На кѣлыну вѣтеръ вѣе, а кѣлына червѣниѣ; на гѣлыну сѣнце пѣчѣ, а зѣ гѣлыны отрѣй тѣчѣ. „Пидѣтавъ, дѣвѣко, конѣвѣчку пидѣ гѣдѣчу голѣвѣчку“. Ищѣ брѣтыкъ у дѣрозѣ, сѣстрѣ сѣ пѣвомъ на порѣзи. „Вѣпей, брѣтець, оцѣ пѣво; якѣ бѣде сѣ тебѣ дѣво“. Тѣко брѣтычѣкъ до рѣта, а кѣнычѣкъ за вѣрѣта. „Ой, шо, сѣстро, цѣ за пѣво, шо за сѣрдѣнько вѣхѣтѣло“.—А въ недѣлю порѣнѣнько сѣстрѣ брѣта похѣвала, до вермѣна пѣсьмѣ слѣла. „Ой вермѣнку—вермѣночку! свѣтай менѣ дѣвѣинонѣчку“.—„Ой радѣ бы я тебѣ свѣтѣть, та боѣсь тебѣ брѣты: отрѣила ты рѣдѣну, отрѣишь ты и дружѣну.“

Пословицы. Якѣ ны пѣпѣ, такѣ у рѣзы ны сѣвайся. Якѣ шо ны ковѣль, такѣ и клѣщѣвъ не погѣнь. Тодѣ сырѣтѣ велѣкъ-дѣнь, якѣ бѣла сорѣчка. Мѣты, дѣчко, хѣту, та смѣтытѣ не выкѣдѣй за двѣрь. Не бѣде Гѣля, такѣ бѣде другѣя. Не Кулѣня—и голѣсь не иѣ. Такѣ нѣженъ, якѣ собѣацѣ ковѣтѣнь у спѣсивѣку. Гѣжоѣ дѣвѣи, гѣжо и въ ганѣчѣрѣци.

Загадки. 1) Дзыга мышаста, вси городы обшаста. (Торговка галантерейнымъ товаромъ въ деревнѣ—ниточница называется). 2) Крыкнувъ вилъ на сто гирь, на тысячу городивъ (Грошъ). 3) Вылетивъ птахъ на шести ногахъ, та сивъ на могилѣ, у божому мѣли, ну и говоре: Бóже мий! Бóже мий! давъ ты минѣ волю надъ попáмы, надъ панáмы и надъ великими господáмы; тѣлько не давъ боли, шо рыба у мóри. (Комаръ). 4) Сыдивъ птахъ на бѣлыхъ горахъ, дождавъ зъ мѣртвыхъ—живыхъ. (Насѣдка на яйцахъ). 5) Зайдѣ на мистъ, потягнѣ за хвистъ; вонó пробѣ крычѣтъ. (Колоколъ). 6) Жóвта кúрыця пидъ тѣномъ кúблыця. (Дыня). 7) Сыдытъ Катрушка въ семѣ кожúшкахъ; ще, кáже, и хóдно. (Лукъ). 8) Стоить цѣрква безъ вѣконъ, безъ дверей, а пóвно людеѣ. (Арбузъ). 9) Стоить бáба на току, въ зелѣному колпаку. (Отцвѣтшій макъ). 10) Тютюнъ горбатый, на хлѣбъ богáтый далѣко хлѣпа. (Водяная мельница).

Поговорки. 1) Це вже ты расказуешъ рябѣи кобылы сонъ. 2) Сняцѣя комусь кыслѣи, та не зна, прóтивъ чóго. 3) До свогó рóду хочъ чѣрезъ во́ду. 4) Їжъ, Левкó, хотъ и глевкó.

Лѣчение лихорадки. 1) Срѣзанный слой съ копытъ ковавшей лошади въ первый разъ положить на жаръ, а самому накрыться платкомъ, и этимъ дымомъ окуриться. 2) Черезъ поясокъ, которымъ подпоясываютъ сорочку, перегнуть змѣю и потомъ подпоясаться. 3) Взять 77 зеренъ пшени (по числу лихорадокъ), пойти до восхода солнца къ рѣкѣ и бросить ихъ въ рѣку черезъ голову, обернувшись къ ней спиною и сказавъ при этомъ: „васъ 77, нáте вамъ по пшони́ни всимъ“. Идя обратно домой, читать молитву Господню и не оглядываться и не отзываться встрѣчнымъ. 4) Набрать въ трехъ дворахъ, гдѣ есть первобрачные, воды изъ колодезей незамѣтно для хозяевъ и эту воду пить. 6) Выпить сырое яйцо, а скорлупку повѣсить въ трубѣ; когда скорлупка сторить, тогда и лихорадка прекратится.

Заговоры. Отъ „бешыхъ“: „Изъ очей, изъ речей, зъ нижечекъ, кисточекъ, зъ щиро́го сѣрца, съ чорво́ной крóви; тутъ тоби ны стойты, чирво́ной крóвы ны пыты, жóвтои кóсты ны ломыты;

съ прыжѣнна на прыжѣнну. Поможи́ Госпо́ды, Ма́ты Бóжа, шептáты отъ, бешыхъ раба́ бóжого“ (имя). Прочитать три раза утромъ и вечеромъ. Отъ лышай: „Лышай, лышай! зъ г....номъ змишай; на сýщци прыстне, а цу́дыкъ злы́же“. Три раза утромъ и вечеромъ. Одъ зубивъ: „Царъ ныбѣсный, царъ земляный, царъ водяной. Коли́ ци три царѣ до мѣста зойдúцыя, бóдутъ зъ одной чáры йсты, зъ одной чáры пыты; тоди у хрещѣн (ого, ои) не бóдутъ зúбы боли́ты“. Прочитать три раза. Далѣе: „Молодой ты мѣсяць, Володымырь, чи ны бáчивъ ты мѣртвои жѣнки, чи ны боля́тъ у неѣ зúбы?“—„Ны бáчивъ я мѣртвои жѣнки, ны боля́тъ у неѣ зúбы; ны боля́тъ и ны щимля́тъ“. „Нэхай же у (цѣго, цыѣи) хрещен (ого, и) новорожде́но (го, и) ны боля́тъ, и не щимля́тъ“. Три раза утромъ и вечеромъ натошакъ въ новолуніе. Отъ залáзивъ: „Я, я зѣньске щиня́ давы́ла, Ма́ты Бóжа на пóмоча прыходы́ла. Поможи́ Госпо́ды шоптáты отъ залáзивъ раба́ бóжого (имя)“. Три раза утромъ и вечеромъ.

Народная ботаника. „Нызы́я садовы́тъ у палыса́дныку бересткывъ:—симья́ розбрѣдѣ́цыя. Не трѣба осы́кового дѣрева клáсты у стѣны, якъ стрóбятъ хáту—нездóрово на симью́. Осы́кове квы́чало трѣ́цьке надо вты́кать на горы́щи отъ переполóха на дитя́хъ.—Якъ злучи́цыя переполóхъ зъ дыты́ною, стáвлять ёго билы́ля одвѣрка у хáти и стѣко винъ захвáте одвѣрка у вышинѣ, то на тимъ мѣсти вѣртятъ буравце́мъ дѣрку и забивáютъ у иѣ килóкъ изъ тогó квы́чала. Якъ тѣко дыты́нча переростѣ килóкъ, тоди и переполóхъ прóйде. Колю́чкѣ (триколѣ) якъ расплóдя́ця по всѣму́ свѣту, тоди и конѣ́ць ёму́ настáне“.

Названіе растений. Деревья: дубъ, бѣрестъ, ясенъ, кленъ, осы́ка, соко́ръ, то́поль, верба́, вяза́, лы́па, кáлына, жóстеръ, брусли́на, тернъ, вы́шня, я́блоня, гру́ша, берга́мота, слѣ́ва, шипчи́на, малы́на, крыжовны́къ, лоза́, бузы́на, черно́кленъ, бу́зёкъ, или рай-дѣрево.

Травы: Буковы́ця, живоки́сть, Ода́мовы ребѣ́рыця, хвилы́льныкъ, пидбѣ́ль, лобода́, пы́рый, митлы́ця, шпурѣ́мъ, жабрѣ́й, очерѣ́тъ, оку́га, ро́гизъ (палочникъ), лопу́цькѣ, тѣ́рки и рябѣ́нкѣ, козе́лькѣ, свербы́ль, вороне́ць, пѣ́вныкѣ, морко́вныкъ, кáлачыкѣ, бѣ́резка, буда́кѣ, дурма́нъ, кропы́ва, пасле́нь, макъ, ро́жа, горó-

шокъ полѣвѣй, чмынь, нагидѣй, тарилочки, чѣрнобрѣвчики, гвоздыки, павутѣль, зорька, любыстокъ, дзиндзѣверъ, городоваина, булыголова, полынь, полынець, крокѣсъ, мѣята холѣдна, мѣята кучерѣва, гѣнустъ, васылькѣй, бѣбки, молочѣй, гѣдзыки, хмель, сунѣици, полунѣици, борщивнѣкъ, пѣрець, чѣполочь, буркѣунъ, кѣколь, свѣрѣпа, гирчѣкъ, латѣтъя (лотосъ, кувшинка), рыжѣй, подорѣжнѣкъ, вѣвча, стѣпа (стѣпня), дырѣвѣй, колючкѣй (триколѣ), лопѣухъ, кѣряча слипотѣ, тѣрса (шелковая трава, ковыль), перекотѣ-полѣ, холѣдокъ (спаржа), зализнѣкъ, хринъ, полѣвѣй лукъ, прѣлиски, рѣска, ромѣшка, петрѣвъ ботѣгъ (цикорѣй), мышѣй, сокиркѣй, пѣпоротнѣкъ, забѣдкѣй, щибрѣць (чаберъ), гѣвъязъ, гиркѣй молочѣй, зѣячий горѣшокъ, собѣчий хринъ, зѣяча капѣста, ласкѣвыць, стоголовнѣкъ, шамрѣй, собѣча рѣжа, чернѣшка, нѣхвороща, вѣныки.

Плачь сироты. „Сиротѣ-дивѣця вѣйшла за гѣй лѣнъ братъ, и зачалѣ къ сырѣй землѣ прыпадѣть и говорѣ: „ой ты, землѣ, мой земѣлькѣ! На щѣ прѣйняла отѣця и нѣнѣку и прѣймѣ менѣ молодѣнѣку; шобъ я по людѣхъ не ходѣла, чужѣмъ батѣкамъ не робѣла, а мѣчухамъ не годѣла. Прѣйде недѣльѣя у сырѣты сорѣчка не бѣла, и прѣйде субѣбота, чужѣя робѣта, а у сырѣты голѣвка не мѣта и у сырѣты голѣвка побѣта“. Де узѣвся цѣганъ и говорѣ: „шо ты такѣ?“—„Я сырѣтѣ“. А цѣганъ и говорѣ самъ собѣ: „возмѣу я сырѣтѣу за свѣго сѣна“. Узѣвъ и вѣкѣтыгъ онъ сороковѣу бѣчку вынѣ, бо бувъ сѣльно богѣтый; зачалѣ пыть и гулѣть и пропѣвъ цѣганъ конѣ ворѣнѣго, тодѣи и кѣже: „Подѣй, цѣганѣко, клѣчи золѣтѣи, одомкнѣтъ крѣни грошовѣи и узѣтъ грѣши золѣтѣи. Та вѣкупыть конѣ ворѣнѣго“

Е. И. Кобелевъ.

34.—Сл. Чмыровка.

Населеніе и жители.—Жилище, одежда и пища.—Свадьбы.—Родины.

Подгороднее селеніе Чмыровка находится въ двухъ верстахъ къ востоку отъ города Старѣбѣльска и въ 50 верстахъ отъ заштатнаго города Бѣловѣдска. Она расположена на низменномъ мѣстѣ, грунтъ земли супесчаный, мѣстность очень красива и богата растительностью; хотя фруктовыхъ садовъ мало, но

почти при каждой усадѣбѣ есть ливада въ нѣсколько десятинъ земли. Въ ливадахъ растутъ деревья: осокѣръ, тополь и верба.

Чмыровка раздѣляется на 4 селенія отдѣльныхъ наименованій, именно: 1) Чмыровка, получившая названіе отъ перваго жителя, который поселился въ этой мѣстности; 2) селеніе Пѣски, принявшее названіе отъ песчаной мѣстности; 3) Бѣтово, объясненіе названія коего за давностью лѣтъ утрачено; 4) селеніе Заѣрокъ, принявшее названіе отъ поселенія крестьянъ на усадѣбныхъ земляхъ отъ города Старѣбѣльска, за потокомъ воды, или яркомъ. Чмыровка начала устраиваться съ 1810 года. Первый житель, который поселился въ этой мѣстности, былъ Иванъ Чмыръ, семья котораго состояла изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей; они занимались земледѣліемъ. Иванъ Чмыръ отъ природы былъ человѣкъ не глупый, кромѣ того былъ грамотенъ и читалъ священныя книги: Евангеліе, Псалтырь, Четъ-Минеи и Библию. Онъ хорошо игралъ на гусяхъ и зарабатывалъ много денегъ. Однажды ему пришла въ голову такая мысль: куда идутъ тѣ деньги, которыя онъ зарабатываетъ, играя на гусяхъ. По его домыслу такой заработокъ былъ противенъ Богу, и милостыня, которую онъ давалъ нищимъ, была не угодна Ему, т. е. Богу. Иванъ Чмыръ уничтожилъ гусли и, сдѣлавъ себѣ цѣпъ, которымъ молотилъ хлѣбъ, началъ зарабатывать цѣпомъ зерновой хлѣбъ. Получаемымъ хлѣбомъ онъ кормилъ свою семью и давалъ ради Христа милостыню нищимъ и считалъ, что такая милостыня прѣятна Богу. Иванъ Чмыръ былъ всѣми уважаемъ. а потому и селеніе назвали Чмыровкой.

Въ селеніи Чмыровкѣ всѣхъ жителей насчитывается до 5004 человѣкъ, изъ которыхъ 2424 женщины. Инородческихъ примѣсей нѣтъ. Чмыровчане, какъ называютъ себя жители Чмыровки, рослы и стройны, имѣютъ большею частью темныя и прямые волосы, носъ тонкій съ горбомъ, бѣлыя зубы, смуглый цвѣтъ кожи и крупныя черты лица. Они весьма опрятны и гостепріимны, но грубоваты и неразговорчивы. Они очень недѣрчивы и въ разговорѣ осторожны; на вопросы отвѣчаютъ не вдругъ, а обдуманно; если они говорятъ при постороннихъ и не хотятъ, чтобы ихъ разговоръ былъ понятъ всѣми, то го-

ворять иносказаніями, какъ-бы загадками. Кромѣ того, они медлительны и мало подвижны. Женщины проворнѣ мужчинъ, и на ихъ обязанности лежитъ забота о семьѣ. Какъ мужчины, такъ и женщины пользуются хорошимъ здоровьемъ и имѣютъ здоровый видъ. Они гостепріимны и не отпустятъ гостя, не накормивъ его.

Жилище. У крестьянъ есть такой обычай: когда они начинаютъ строить хату, то на мѣстѣ, выбранномъ для хаты, насыпаютъ въ 4 мѣстахъ зерна жита. Жито это лежитъ три дня. Если оно все это время лежитъ нетронутымъ, въ такомъ видѣ, какъ оно положено, то, значить, мѣсто годится для постройки хаты и жизнь въ ней будетъ благополучна; если-же жито будетъ разгромозжено, то мѣсто это не годится, и выбираютъ другое. Жито сыплютъ для того, чтобы хорошо жилось новой хатѣ. Съ особеннымъ торжествомъ поднимаютъ на хату сволокъ: этотъ сволокъ перевязываютъ платкомъ, каковымъ перевязываютъ и главнаго плотника, который строить хату, и платокъ остается въ пользу плотника; при этомъ у нихъ цѣлый день пьютъ водку, угощаютъ рабочихъ, иногда зовутъ и сосѣдей. Хаты свои крестьяне устраиваютъ такъ: прежде сѣни, чисто выбѣленные, съ землянымъ поломъ, вымазаннымъ глиною и усыпаннымъ пескомъ. Въ сѣняхъ двое дверей: однѣ двери въ хату, другія—въ хатыну. Хата—большая свѣтлая комната, передній уголъ которой увѣшанъ образами, передъ ними лампадка. Иконы украшены цвѣтами, убраны „рушниками“, т. е. вышитыми гарусомъ или бумагою полотенцами; подъ образами длинныя, широкія скамьи, лавки. Въ углу передъ образами столъ, покрытый чистою, бѣлою скатертью, на столѣ всегда лежитъ хлѣбъ и солонка съ солью; въ другомъ углу печь, выбѣленная мѣломъ и раскрашенная цвѣтною глиною и синькою, иногда и сурикомъ. Съ лѣвой стороны печи—лежанка, въ лежанкѣ устроена „грубка“; лежанка служитъ ступенью для взлѣзанья на большую печь, на которой зимою спятъ старики и дѣти. Отъ лежанки до стѣны положены доски; онѣ называются „поломъ“. На этомъ полу стоитъ „скрыня“, т. е. сундукъ; полъ служитъ кроватью, а на сундукѣ днемъ складываютъ постель. Вверху прибита жердь для вѣшанья одежды—кожуховъ

и свить. За печью дверь, ведущая изъ хаты въ „хатыну“. Хатыной называется маленькая комнатка, въ которой устроена русская печь, гдѣ варятъ пищу и зимою работаютъ. Большая комната всегда чиста; въ ней принимаютъ гостей; почетное мѣсто для гостей подъ образами; здѣсь сажаютъ жениха и невѣсту, сватовъ и кумовьевъ. Это мѣсто называется „пѣкутью“. Дворъ зажиточнаго крестьянина устроенъ такъ: кругомъ дворъ обнесенъ тыномъ; среди двора (очень рѣдко на улицу) стоитъ большая хата, выбѣленная мѣломъ и крытая соломой. Ставни оконъ выкрашены синею, красною, желтою краскою, или цвѣтною глиною, иногда разрисованы цвѣтами; у нѣкоторыхъ въ верху ставень рѣзьба. Отъ дверей, вокругъ хаты тянется „прѣзба“, т. е. заваленка для сидѣнья; за хатою хлѣвухи для овецъ и птицы. Противъ хаты „комѣри“, т. е. амбары для ссыпки хлѣба, съ лѣвой стороны „загорода“ для быковъ и хлѣвы для коровъ. „Задворокъ“, гдѣ стоитъ „клуна“, куда свозятъ хлѣбъ и молотятъ во время ненастной погоды; за клунею огородъ, въ которомъ посажены картофель, капуста, горохъ, фасоль, лукъ и макъ. Въ огородѣ сдѣлана глиняная печь; въ ней кипятятъ воду и лѣтомъ моютъ бѣлье. Въ огородѣ также вырыто нѣсколько не глубокихъ колодцевъ; это „копанки“ для поливки капусты. За огородомъ вишневый садъ окопанъ со всѣхъ сторонъ рвомъ,—по одну сторону сада пахатная земля засѣяна хлѣбомъ, а по другую бакша. Почти у всѣхъ крестьянъ хотя въ небольшомъ количествѣ можно найти въ огородѣ всякія огороднія растенія.

Одежда. Лѣтняя нижняя одежда крестьянина состоитъ изъ полотняной рубахи, часто вышитой, съ воротомъ, завязывающимся противъ середины груди „стѣжкой“, т. е. лентой,—съ низкимъ воротникомъ и изъ широкихъ полотняныхъ „штановъ“, запущенныхъ въ сапоги. У болѣе зажиточныхъ штаны бываютъ черкесиновые. Когда же выходятъ изъ дому, то надѣваютъ „чумарку“, т. е. поддѣвку изъ черкесина. У молодыхъ парней чумарки плисовые, передъ и воротникъ чумарки украшены блестящими пуговицами. У нѣкоторыхъ верхняя пола, рукава, воротникъ и карманы вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ. Сверхъ чумарки надѣваютъ широкій цвѣтной, шерстяной поясъ крас-

наго или зеленого цвѣта. Лѣтомъ какъ парни, такъ и пожилые люди носятъ картузы, а зимою парни носятъ шапки, которыя называются „кучмы“; это—невысокая шапка съ широкимъ дномъ, изъ настоящаго барашка. Пожилые люди носятъ „капелюхи“ изъ сукна и вязаннаго барашка. Зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ „черевѣки“ (башмаки), надѣваемые на босую ногу. У самыхъ бѣдныхъ и у пастуховъ есть особая обувь, родъ кожаныхъ лаптей, такъ называемые „коты“. Зимою носятъ „ваденки“. Верхняя зимняя одежда крестьянъ—полушубокъ на овечьемъ мѣху; передъ, рукава, воротникъ и карманы вышиты по зеленому или красному сафьяну разноцвѣтными шнурками. У богатыхъ полушубки дубленые съ вышивкою. „Свиты“ у бѣдныхъ крестьянъ бѣлыя изъ сукна домашняго приготовленія, а у болѣе зажиточныхъ изъ покупнаго сукна, чернаго и коричневаго цвѣта; онѣ сшиты халатомъ, съ маленькимъ отложнымъ воротникомъ, и называются „габовая“; еще есть свиты съ „видлѣгою“; это обыкновенныя свиты съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Такія свиты крестьяне носятъ только по праздникамъ, а въ будничные дни—бѣлыя. Будничный нарядъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ состоитъ изъ полотняной, вышитой сорочки и ситцевой юбки, краснаго или синяго цвѣта; носятъ юбки и кофты съ рисунками крупныхъ цвѣтовъ. Юбку называютъ „шарафаномъ“, а кофту—юбкой. Разница между кофтой и юбкой такая: кофта шьется широкая, короткая, внизу съ маленькою оборкою, а юбка дѣлается по таліи съ широкою оборкою. Пожилыя старухи носятъ „шарафанъ“ и кофту. Праздничный нарядъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ слѣдующій: плисовая кофта по таліи безъ рукавовъ, украшенная блестящими пуговицами и вышитая разноцвѣтными шнурками, коленкоровая вышитая сорочка и красный „шарафанъ“. Носятъ „шарафаны“ и юбки краснаго цвѣта, гладкія и пестрыя. На шею надѣваютъ много „намість“, т. е. бусъ, между бусинами нанизываютъ по нѣсколько большихъ крестовъ и серебряныхъ рублей; у богатыхъ кресты серебряные, у бѣдныхъ оловянные. Дѣвушки очень рѣдко убираютъ голову цвѣтами и лентами; онѣ любятъ, чтобы головы у нихъ были покрыты, а потому въ будничные дни носятъ маленькіе ситцевые платки, желтаго и бѣлаго цвѣта, а въ праздникъ пест-

рые кашемировые, шелковые и атласные. Иногда дѣвушки убираютъ головы цвѣтами и лентами: онѣ заплетаютъ волосы сзади въ одну косу, на концѣ косы навязываютъ большой пучокъ лентъ разныхъ цвѣтовъ: синихъ, красныхъ, желтыхъ, голубыхъ и лиловыхъ; эти ленты висятъ почти до земли и называются „кисныкамы“. Сверхъ волосъ на голову надѣваютъ атласную ленту, краснаго или синяго цвѣта; такая лента называется „стричкою“ или „тканочкою“. Стрички носятъ плисовые, черныя, вышитыя гарусомъ или шерстью, съ лѣвой стороны прикалываютъ цвѣтокъ. Если дѣвушка выходитъ замужъ, то надѣваетъ стричку съ нашитыми на нее цвѣтами изъ ленточки, которая называется „лопотушкою“, сверхъ стрички надѣваются два покупныхъ вѣнка изъ цвѣтовъ, одинъ поверхъ другого. Иногда повязываютъ голову маленькими, шелковыми платочками и большими шерстяными. Для этого складываютъ платокъ „косынкою“, потомъ сворачиваютъ его широкою лентой и повязываютъ вокругъ головы. Головной уборъ замужнихъ женщинъ: „капоръ“, т. е. чепецъ изъ ситца; очень рѣдко можно встрѣтить женщину въ „очіпкѣ“, который крестьяне называютъ „кибалка“; дѣлается она изъ желтой или бѣлой парчи. Женщины зимою носятъ сапоги, а лѣтомъ открытые башмаки и бѣлые чулки. Свиты будничныя—домашняго, бѣлаго сукна, сшитыя по таліи со складками сзади, а праздничныя изъ тонкаго сукна коричневаго, синяго и чернаго цвѣта, сшитыя халатомъ. Кожухи, т. е. шубы широкія, на овечьемъ мѣху, у нѣкоторыхъ покрыты черкесиномъ или синимъ кубовымъ ситцемъ. Городское вліяніе замѣтно въ томъ, что, кромѣ своихъ національныхъ костюмовъ, молодыя бабы и нѣкоторыя старухи шьютъ себѣ платья на подобіе городскихъ, какія носятъ мѣщане: обыкновенныя юбки и короткія кофточки съ оборкою въ низу и на рукавахъ. Кромѣ ситца, онѣ употребляютъ на костюмы и бумазею.

Стоимость одежды: Поясъ—75 коп., шапка „кучма“—3 руб., „капелюха“—75 коп., „картузь“—50 коп., сапоги отъ 3 р. до 5-ти руб., „черевѣки“—1 руб. 20 коп., полушубокъ отъ 12 до 18-ти руб., свита бѣлая 3 руб., „габовая“, или съ „видлѣгою“ отъ 5 до 7-ми руб., юбка и кофта отъ 2 до 4-хъ руб., плисо-

вая безрукавка отъ 4 до 5-ти руб., платки праздничные отъ 2 до 3-хъ руб., вѣнки, „стрички“ и „кисныки“ отъ 2 до 3-хъ руб., женскіе башмаки—1 р. 40 коп., чулки—25 коп.

Пища. Богатые крестьяне въ скоромные будничные дни ѣдятъ борщъ съ саломъ и пшенную кашу, а въ праздничные варятъ борщъ съ мясомъ, а кашу ѣдятъ съ молокомъ или варятъ на молокѣ. Кромѣ того, по праздникамъ у нихъ всегда пекутъ пироги съ сыромъ, въ постные дни съ картофелею, горохомъ, капустой и чечевицею. По средамъ и пятницамъ они ничего не варятъ, а ѣдятъ квасъ, лукъ, капусту и огурцы; лѣтомъ же большею частію по средамъ и пятницамъ ѣдятъ овощи: арбузы, дыни и огирки, т. е. огурцы. Обѣдъ бѣдныхъ крестьянъ ничѣмъ не отличается скоромный отъ постного. У нихъ въ постные и скоромные дни борщъ съ оліею (постное масло), или съ рыбою; кашу, пшенную, они ѣдятъ не всегда, а очень рѣдко, потому что не всегда имѣютъ возможность покупать пшено. Мясо ѣдятъ только въ праздники. Пироги у бѣдныхъ пекутъ каждый праздникъ; если не на что купить пшеничной муки, то пекутъ ржаные. Съ каждымъ годомъ пища бѣдныхъ крестьянъ ухудшается по случаю неурожаевъ на хлѣба и травы. Они не могутъ выкармливать свиней, отъ которыхъ получали бы сало для приправы кушаній, потому что не имѣютъ достаточнаго количества зерна, а также домашней птицы. Бѣдные крестьяне не держатъ коровъ, потому что зимній кормъ стоитъ гораздо дороже самой коровы, и потому они считаютъ выгоднѣе продавать сѣно. Если у нѣкоторыхъ и есть корова, то семья очень рѣдко пользуется молокомъ: они продаютъ его на базарѣ. Почти каждый изъ бѣдныхъ крестьянъ имѣетъ пару воловъ, или одну лошадь и зимою занимается извозомъ; возятъ хлѣбъ къ желѣзной дорогѣ на ближайшую станцію Лисичанскъ, находящуюся отъ города Старобѣльска въ 60 верстахъ. Нѣкоторые ѣздятъ за углемъ и солью и въ Старобѣльскѣ продаютъ. Вліяніе города замѣтно въ томъ, что крестьяне вмѣсто завтрака, „галушекъ“ или „кулиша“ пьютъ фруктовый чай, такъ какъ онъ дешевле настоящаго чаю. Самовары имѣютъ самые богатые, а бѣдняки кипятятъ воду въ чугунѣ, потомъ наливаютъ эту воду въ глиняные чайники, которые замѣняютъ

имъ самовары. Мѣстныя лавочки очень удобны для крестьянъ; во-первыхъ, имъ не надо идти въ городъ за всякою мелочью, а во-вторыхъ, покупка производится не на наличныя деньги, а въ обмѣнъ: мѣняютъ на холстъ, яйца, сало и т. п. такой товаръ, какъ керосинъ, спички, соль и замолочъ, т. е. красныя и синія нитки для вышиванья. Избы свои крестьяне освѣщаютъ керосиномъ и находятъ, что это освѣщеніе самое выгодное.

Свадьбы. Осенью и зимою начинаются „вечерниці“, устраиваются сватовства и свадьбы. Дѣвки сговариваются, избираютъ какую нибудь женщину и поручаютъ ей устраивать собранія. Вечеромъ онѣ отправляются въ избранную избу и занимаются работою: нѣкоторыя шьютъ или вышиваютъ, другія прядутъ пряжу для полотна. Сюда являются и парубки развлекать дѣвокъ: поютъ пѣсни, играютъ на гармоніяхъ и балалайкахъ, иногда и танцуютъ; здѣсь же на вечерницахъ парубокъ выбираетъ будущую подругу жизни. Парни приносятъ лакомства: вино и водку, а дѣвки съѣстные продукты: сыръ, масло, муку, яйца, сало и курей. Здѣсь готовятъ ужинъ: квасокъ, въ родѣ борща, варятъ вареники съ сыромъ и жарятъ „орѣшки“, т. е. прѣсное тѣсто на яйцахъ, жареное въ салѣ. Лѣтнее гульбище называется „улицею“, на которую выходятъ парубки и дивчата и поютъ пѣсни, иногда далеко за полночь. Свадьбѣ всегда предшествуетъ сватовство. Парубокъ посылаетъ „старостовъ“ къ родителямъ дѣвки, которую онъ избралъ себѣ въ жены. Для этого избирается два пожилыхъ человѣка, дается имъ „паляныця“, и они идутъ съ хлѣбомъ сватать дѣвку. Приходятъ къ ней поздно вечеромъ подъ окно и говорятъ: „добрый вечеръ“, имъ отвѣчаютъ „здоровѣ“. Просятся въ гости, имъ отвѣчаютъ: „милости просимъ“. Входятъ старосты въ хату, ихъ просятъ садиться. Они кладутъ хлѣбъ на столъ и начинаютъ рассказывать о совершенно постороннихъ вещахъ. Потомъ старосты говорятъ: „у васъ есть дѣвка, а у насъ парубокъ, будемъ сватами“. Родители дѣвки спрашиваютъ, большая ли семья у жениха, и есть ли какое хозяйство. Если находятъ, что женихъ подходящій, то оставляютъ хлѣбъ и просятъ, чтобы сваты пришли въ другой разъ; если же неподхо-

дящій, то найдутъ какую нибудь причину для отказа: или дѣвкѣ лѣта не выходятъ, или отдавать не съ чѣмъ. Въ другой разъ старосты приходятъ съ отцомъ жениха и съ женихомъ съ палиницею. Иногда зовутъ дѣвку и спрашиваютъ: нравится ли ей женихъ, и согласна ли она выйти за него за мужъ. Если ей нравится женихъ, то она скажетъ, что согласна за него выйти. Потомъ спрашиваютъ жениха: нравится ли ему невѣста. Если окажется обоюдное согласіе съ той и другой стороны, то всѣ молятся Богу, женихъ и невѣста три раза кланяются иконамъ, потомъ по три раза отцу и матери, потомъ пьютъ мотарычъ. Женихъ и невѣста уходятъ къ сосѣдямъ, невѣста зоветъ своихъ подругъ, а женихъ проситъ молодыхъ парней. Дѣвки готовятъ ужинъ, а парни покупаютъ водку, пьютъ, ѣдятъ и поютъ пѣсни. На другой день родители и близкіе родственники невѣсты ѣдутъ къ жениху на „оглядины“, посмотрѣть, какъ живутъ родители жениха, и есть-ли у нихъ какое хозяйство, а женихъ остается у невѣсты. Приѣхавшихъ сватовъ ведутъ по двору и показываютъ все хозяйство, потомъ ведутъ въ „комору“, т. е. амбаръ, показываютъ, сколько хлѣба; затѣмъ начинается угощеніе, и назначаютъ день сватанья. Сватанье всегда бываетъ вечеромъ. Невѣста собираетъ своихъ подругъ, одну изъ нихъ избираетъ себѣ въ старшія дружки; эта дружка до самой свадьбы бываетъ вмѣстѣ съ невѣстою и во время вѣнчанія держитъ вѣнецъ надъ нею. Невѣста съ подругами ходитъ изъ хаты въ хату, проситъ гостей. Прийдя въ хату съ одною старшею дружкой, невѣста говоритъ: „просишь бѣтько и маты и я просю на хлибъ, на силъ и на свѣтанье“. Когда невѣста соберетъ всѣхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, то идетъ съ подругами къ себѣ домой, дѣвки громко поютъ пѣсни. Женихъ приѣзжаетъ къ невѣстѣ съ отцомъ, матерью, двумя старостами и близкими родственниками. Онъ избираетъ изъ своихъ товарищей старшаго боярина, который до самой свадьбы вездѣ сопровождаетъ его и бываетъ шаферомъ во время вѣнчанія. Кромѣ боярина, у жениха есть еще дружка; послѣдній долженъ быть человѣкомъ женатымъ. Когда собираются всѣ родные, то начинается сватанье: дружка проситъ благословенія у старостъ завести молодого за столъ и говорить такъ: „староста, пане пидъ-ста-

роста, благословѣть молодого за стилъ завести“. Староста отвѣчаетъ: „Богъ благословѣть и я благословляю“. Дружка беретъ за руку жениха и ведетъ его за столъ, женихъ садится. Потомъ входитъ невѣста, здоровается со всѣми, подноситъ на тарелкѣ платокъ жениху и низко кланяется ему. Бояринъ затягиваетъ этотъ платокъ за поясъ жениху и на мѣсто платка кладетъ мелкую монету, потомъ подноситъ „рушныкы“ отцу и матери жениха, тѣ тоже кладутъ на тарелку монеты; потомъ подноситъ „рушныкы“ старостамъ, тѣ перевязываютъ себя этими рушниками черезъ плечо и говорятъ: „спасибо тобі, бѣтькова дочка, що ты раненько вставала, рушныкы напрядла и насъ перевязала“. Когда перевязуютъ всѣхъ родныхъ жениха, то дружка заводитъ невѣсту за столъ къ жениху, возлѣ невѣсты садится старшая „дружка“, и начинается угощеніе. Отецъ невѣсты наливаетъ рюмку водки, выпиваетъ самъ, потомъ даетъ своей женѣ. Въ это время женихъ и невѣста кланяются, и до тѣхъ поръ, пока угостятъ всѣхъ родныхъ, молодые дѣлаютъ за каждою рюмкою по два поясныхъ поклона. Потомъ мать замѣняетъ отца, т. е. угощаетъ водкою всѣхъ родныхъ и родственниковъ. Дружки поютъ въ это время слѣдующую пѣсню:

Чи гораздъ же тобі, мой ненько, мой змѣвинки пѣты,
Та не гораздъ буде моє діло робѣты,
Моє дилѣшко: сѣны и хату мыстѣ
И водѣци принѣстѣ.
Та нікому буде постѣленьки слѣты
И у головѣ иськѣты;
Та нікому буде въ печѣ затопѣты
И въ дивѣ замисѣты.

Мать въ это время плачетъ, потому что эта пѣсня очень трогательна и заунывна. Потомъ женихъ, невѣста и вся молодежь идутъ къ сосѣдкѣ въ хату, а старики вечераютъ, т. е. ѣдятъ пирожки, лапшу и капусту. Потомъ родители жениха просятъ къ себѣ всѣхъ родныхъ невѣсты. Тамъ пьютъ, ѣдятъ и веселятся; невѣста же съ женихомъ и со всею молодежью возвращаются къ себѣ домой и готовятъ ужинъ. На другой день приходитъ женихъ съ хлѣбомъ и солью, проситъ роди-

телей и родственниковъ невѣсты къ себѣ на обѣдъ. Старики уходятъ, а невѣста съ подругами пьетъ жениху сорочку. Недѣли черезъ двѣ бываетъ свадьба. За два дня до свадьбы пекутъ шишки, „коровай“, „калачи“ и „лѣжень“. Дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

1.

Годи тобі яра пшеніця,	Порѣ тебе яра пшеніця
Въ стозі стояты,	Въ шишечки бѣаты.

2.

До бору, бояры, до бору,
Та рубайте сосну здорову,
Та колыте сосну на триски (т. е. щепки),
Гнитыты коравѣй и шишкѣй.

Когда садятъ въ печь каравай (большой хлѣбъ), который украшенъ вырѣзными изъ тѣста фигурами, одинъ изъ мужчинъ выметаетъ печь, а дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

Вермѣнь *) пичъ вымытае,	На сѣжне мѣсто,
Вермѣнка въ пичъ заглядѣе,	Де короваю сѣсты.

И у жениха пекутъ шишки и каравай такъ же, какъ и у невѣсты. У крестьянъ свадьбы справляютъ почти всегда по воскресеньямъ, въ субботу бываетъ „подвисѣлокъ“, т. е. „дѣвичникъ“. Невѣста собираетъ подругъ, набираетъ „шишокъ“ и идетъ звать гостей на „подвисѣлокъ“. Невѣста входитъ въ хату, кланяется и говоритъ: „прохѣлы бѣтько и мѣты, и я просю на хлѣбъ, на силъ, на подвисѣлокъ“, и даетъ шишку. Ей отвѣчаютъ: „спасѣбо, дѣчко, прійдемъ“.

Когда она позоветъ всѣхъ, то идетъ къ свекрови и дожидаетъ, пока явится женихъ, который также зоветъ своихъ гостей. Когда придетъ женихъ, то всѣ молятся Богу, кланяются отцу и матери и пьютъ водку, которую отецъ наливаетъ, а женихъ и невѣста кланяются. Когда окончится угощеніе, то дѣвки начинаютъ вить „гильце“, т. е. украшаютъ сосновое дерево цвѣтами изъ бумаги, калиною и живыми цвѣтами: васильками, гвоздиками и „крокѣсомъ“. Потомъ ужинаютъ и невѣста съ дружками и женихомъ идетъ домой. Здѣсь ихъ заводятъ за

*) Вермѣнь должность на свадьбѣ.

столъ, а родныхъ угощаютъ водкой; молодые кланяются. Послѣ угощенія старики ѣдутъ къ жениху, а молодежь остается ужинать, пить и гулять, чѣмъ и оканчивается „подвисѣлокъ“. Невѣста вѣнчается всегда въ халатѣ, подпоясанная длиннымъ полотенцемъ, волосы ея заплетены широко въ одну косу. Если у невѣсты есть отецъ и мать, то вся коса перевита лентами; если нѣтъ отца или матери, то перевита только половина косы, если же нѣтъ ни отца, ни матери, то совсѣмъ не перевита. Передъ вѣнчаніемъ невѣста, женихъ, старшій бояринъ и старшая дружка идутъ къ родной и крестной матерямъ невѣсты и кланяются; если ихъ нѣтъ въ живыхъ, то идутъ кланяться на ихъ могилы. На голову надѣвается лента, а съ лѣвой стороны два цвѣтка. Послѣ вѣнчанія невѣста идетъ обѣдать къ жениху, послѣ обѣда возвращается домой, и начинается свадьба. Въ день свадьбы женихъ ѣдетъ за молодою на двухъ тройкахъ. На одной подводѣ сидятъ женихъ, свашки, бояринъ, дружка и „свитѣлка“. Свитѣлкою называется дѣвочка, которая держитъ букетъ цвѣтовъ съ восковою свѣчею въ срединѣ. „Гильце“ везутъ къ невѣстѣ. Когда женихъ сядетъ въ повозку, то мать обсыпаетъ его орѣхами, конфетами, хмелемъ и мелкими монетами, а отецъ выводитъ лошадей за ворота и даетъ жениху хлѣбъ. Женихъ заѣзжаетъ за невѣстою и приглашаетъ ее кататься; она садится вмѣстѣ съ женихомъ, а на другой подводѣ свашки и музыканты. Свашки поютъ пѣсни, музыканты играютъ. Невѣсту завозятъ домой, а сами еще катаются, потомъ начинается свадьба. Женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Его встрѣчаетъ мать невѣсты и угощаетъ его водкою; потомъ входитъ невѣста, цѣлуется съ свашками и подругами. Послѣ этого дружка заводитъ невѣсту за столъ; возлѣ невѣсты съ правой стороны сидитъ старшая дружка, съ лѣвой стороны невѣсты стоитъ мальчикъ, большею частью братъ невѣсты: онъ продаетъ косу сестры. У него въ рукахъ палка, на концѣ которой большой комокъ репяховъ. Когда дружка подводитъ жениха къ столу, чтобы завести его къ невѣстѣ, то этотъ мальчикъ бьетъ по головѣ дружка палкою съ репяхами. Дружка даетъ выкупъ, т. е. ставитъ на тарелку рюмку водки, кладетъ монету и подаетъ мальчику; онъ беретъ все это и уступаетъ мѣсто жениху.

Невѣста въ это время, наклонившись надъ калачомъ, плачетъ, а женихъ поднимаетъ ее и цѣлуетъ. Въ это время дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

У садѹ соловейко защебетавъ,
Иванъ Марьечку поцеловавъ.

Если женихъ не догадается поцѣловать невѣсту, то поютъ:
Тобѣ, дружкѣ, не дружковаты, | А молодѣму завертаты,
А тобѣ, дружкѣ, свѣней пасты, | Що не вмѣе молодѣи целоваты.

Мать невѣсты угощаетъ гостей водкою. Женихъ и невѣста кланяются, а свашка пришиваетъ вѣнки къ шапкамъ. Жениху пришиваютъ цвѣтокъ, а боярамъ красныя ленточки. Дѣвки въ это время поютъ:

Изъ Кіева швачка (швея),	У ней рѹчки билѣньки,
Купеческа дочка,	Пучкѣ тонѣньки.
По торгѹ ходѣла,	Та не жалѣй дѣты
Шовкѣ скуповѣла,	Винкѣ пришивѣты.
Винкѣ пришивѣла.	

Потомъ дѣвки поютъ прѣбывшимъ сватамъ:

Свашка нелѣпашка (неакку- ратная)	Одну излипила
Шипѣкъ не липѣла,	Зѣ зелѣного сѣна
Дружѣкъ не дарѣла.	Та ѣ ту сама зѣѣла.

Свѣтилѣ дѣвки поютъ слѣдующую пѣсню:

Свѣтилѣ, якъ шпѣлька при стинѣ,	Пришлѣ сусѣдка, пытѣе,
На нѣй сорѣчка нѣ иѣй.	Скидѣй сорѣчку: смеркаѣ.

Старшему боярину поютъ:

Старшѣй бояринѣ горбатѣй,	Та сыдѣла совѣ до пивѣ-ночи,
А на томѹ горбѣ вѣросла верба,	Поки вѣклювала зѣ лѣба ѣчи.
А на тѣй вербѣ сыдѣла совѣ.	

Бояринъ отвѣчаетъ имъ:

Враки дружѣчки, враки, брѣшете, якъ собѣаки.

Прѣбывшѣ свашки раздаютъ въ это время шипки родственникамъ невѣсты. За матерью водкою угощаетъ отецъ невѣсты, а матери прѣбывшѣ свашкѣ на тарелѣ подносятъ чоботы. Она надѣваетъ ихъ, танцуетъ въ нихъ и поетъ слѣдующую пѣсню:

Ой, чоботы, чоботы вы мой,
Чомъ дѣла не рѣбыты вы минѣ,
Чоботы, чоботы вы мой,
Чомъ дѣла не рѣбыты вы минѣ.
Одежѣ тѣи чоботы, що зѣ бычка,
Чомъ дѣла не рѣбыты, якъ
дочка.

До рѣчки шла, чоботы скрипѣлы,
Одѣ рѣчки шла, чоботы плакалы.

Одежѣ тѣи чоботы, що зятѣ
давѣ,
А за цѣи чоботы дочку взявѣ.
Повѣсыла чоботы на килѣкъ,
Сама пишла плакаты у ши-
нокѣ.

Ой, чоботы, чоботы и т. д.
Чоботы, чоботы вы мой,
Чомъ дѣла не рѣбыты вы
минѣ.

Потомъ двѣ свашки снимаютъ съ невѣсты цвѣты, расплетаютъ ей косу; въ это время на каравѣ несутъ „очѣпокъ“, т. е. парчовый головной уборъ; молодая не даетъ снимать цвѣтовъ. Дѣвки поютъ:

Оглянься, ты, дѣво,	Якѣ шовкѣ, тонѣсенѣкий;
Та несутѣ твоѣ дѣло;	Одѣ дѣло не линѣющее,
Якѣ билѣ, билѣсенѣкий,	Усѣмѣ дѣвамѣ не минѣющее.

Невѣстѣ надѣваютъ очѣпокъ, а дѣвки поютъ:

Цѣжѣ тоби, Марьечка, за тоѣ,
Щѣ ны плѣты кѣсонѣки у трѣе;
Заплѣты кѣсонѣко вѣ дрибѣлки,
Цѣжѣ тоби не ходѣты у дѣружки.
Приѣхалы, моѣ нѣнько, щѣсь за панѣ,
Взялѣ моѣ кѣсонѣку пидѣ жупанѣ (верхняя одежда),
Стѣлы моѣ кѣсонѣку трипѣты,
Стѣла моѣ рѣдна матѣ плакаты.
Та не плачѣ, матѣ, по косѣ,
Заплѣчѣ, матѣ, по дочѣ.

Потомъ двѣ свашки берутъ кусокъ бѣлой кисеи въ 3 аршина, машутъ ею надъ головою жениха и невѣсты и поютъ:

„Покрѣванка плачѣ, покрѣваѣцѣ хѣчѣ;
Не такѣ покрѣваѣцѣ, якѣ цѣловаѣцѣ.“

Въ это время обѣ свашки цѣлуются. Когда покроютъ молодыхъ, то закрываютъ кисеею голову и лицо невѣсты. Потомъ дружкѣ разрѣзываетъ „коровѣй“ на части и раздаетъ ихъ гостямъ. Невѣста угощаетъ своихъ подругъ водкою, онѣ уходятъ и поютъ:

„Прѣщѣй, прѣщѣй та Марьечко, ужѣ мы идѣмо,
Та мы жѣ твоѣ дѣвовѣнѣе собѣ берѣмо“.

Молодые ужинаютъ, потомъ ихъ благословляютъ иконою отецъ и мать невѣсты и ѣдутъ къ жениху. Когда невѣста садится на повозку, то молится Богу на всѣ четыре стороны, а женихъ три раза обходитъ кругомъ экипажа, въ которомъ сидитъ невѣста, и всякій разъ, когда подходитъ къ невѣстѣ, бьетъ ее кнутомъ. На воротахъ раскладываютъ костеръ, и лошади, которые везутъ, прыгаютъ черезъ него. У жениха свекровь встрѣчаетъ молодыхъ, и когда они подъѣдутъ къ дому, то поетъ:

„Свекрѹха невѣхны (невѣстка) бажала,
До кѹпки пирижкѣй складала,
До кѹпки пирижкѣй, до кѹпки
Для моѣй невѣхны голѹбки“.

Молодыхъ заводятъ за столъ, свекровь угощаетъ ихъ водкою, потомъ угощаетъ гостей, молодые кланяются и уходятъ. На другой день молодыхъ ведутъ къ рѣкѣ умываться, если нѣтъ рѣки, то къ колодцу; потомъ приходятъ всѣ, кто былъ на свадьбѣ, и дарятъ молодыхъ. Нѣкоторые дарятъ телушку или овцу, другіе мѣшокъ пшеницы и т. д. Дружко записываетъ подарки. Если кто подаритъ овцу или теленка, то онъ на передней части печи рисуетъ нѣчто похожее на овцу, если мѣшокъ пшеницы, то отмѣчаетъ палочкою, а на другой день при пѣвчѣ заставляютъ молодую невѣстку бѣлить печь. Когда отдаютъ у жениха, то ѣдутъ дарить къ невѣстѣ. На другой день свадьбы дружко зоветъ всѣхъ къ себѣ и угощаетъ ихъ варениками съ сыромъ, чѣмъ и кончается свадьба.

Родины. Когда родится ребенокъ, его въ тотъ же день несутъ крестить. Послѣ рожденія продѣлываютъ слѣдующій обрядъ: простилаютъ кожухъ на землѣ и кладутъ на него ребенка; потомъ берутъ ребенка съ кожухомъ вмѣстѣ—кумъ за голову, а баба за ноги, подносятъ его къ кумѣ; баба при этомъ говоритъ: „на́те вамъ ребѣнка некрещѣнаго и немолѣтвеннаго, а намъ принесите крещѣнаго и молѣтвеннаго“. Когда приносятъ ребенка уже окрещеннаго отъ священника, то опять его кладутъ на кожухъ; кумъ беретъ за голову, а кума за ноги, вмѣстѣ съ кожухомъ подносятъ его къ бабѣ и говорятъ кумъ и кума: „на́те вамъ ребѣнка крещѣнаго и молѣтвеннаго“, и говорятъ его имя. На

кожухъ кладутъ новорожденнаго для того, чтобы онъ былъ богатъ. Потомъ зовутъ людей на крестины. Кума и куму сажаютъ на „пѹкоть“, т. е. почетное мѣсто подъ образами и начинаютъ угощать. Подносятъ водку родной отецъ ребенка, потомъ бабка угощаетъ кума, куму и гостей водкою и проситъ „на опѣньки“, т. е. компотъ изъ фруктовъ. Ей дарятъ деньги, потомъ кума несетъ матери новорожденнаго паляницу, рюмку водки и деньги, которые дарятъ ей гости. На другой день бабка „сливаетъ“ на руки матери новорожденнаго. Для этого приносятъ воду, бабка наливаетъ ее въ кувшинъ, въ который кладутъ цвѣты: васильки, хмель, а также конопляное сѣмя. Мать новорожденнаго сливаетъ воду изъ кувшина на руки бабкѣ, а бабка—матери новорожденнаго, потомъ начинается угощеніе. Женщины садятся въ „рай“. Для этого приглашаютъ самыхъ близкихъ родственниковъ. На лавкѣ за столомъ стелютъ кожухъ, на него садится мать новорожденнаго, пьютъ водку и закусываютъ. Потомъ родильница кланяется бабкѣ въ ноги и проситъ у нея прощеніе. Она даетъ ей полотно на рубаху, нѣсколько копѣекъ денегъ, и бабка уходитъ домой. Пѣсенъ на крестинахъ не поютъ.

Крестинные расходы у крестьянъ отъ 1 до 3-хъ рублей, свадебные расходы отъ 50 до 100 рублей.

Похороны. Когда кто нибудь умираетъ у крестьянъ, то на третій день по покойникѣ служатъ панихиду, служатъ и на сороковый день и въ годъ. Принято надъ покойникомъ голосить, т. е. плакать и причитывать. Причитаніе надъ матерью:

„Моя нѣнько, моя риднѣнька, моя родѣтельница; на когѣ жъ ты, моя нѣнько, насъ посыротѣла, до когѣ жъ намъ, моя нѣнько, голѹвоньку прыхилѣты, и комѹ намъ, моя нѣнько, правдоньку казаты; та подывлюся, моя нѣнько, що въ чужѣхъ дѣтокъ мѣть есть, а у насъ не бѹде, та нікому жъ, моя нѣнько, намъ бѹде голѹвоньки мѣты, та нікому намъ сорочки даваты; та прѣйде моя нѣнько, май мѣсяць, та бѹде зузѹленька куваты (зузуля—кукушка), та бѹдутъ соловѣйки щебетаты, а мы бѹдымъ ходѣты, та своей нѣньки риднѣньки пытаты; та нѣкто-жъ намъ не скаже, нѣкто и словѣчка ны промѹве, та кудѣ я не пидѹ, та своихъ родѣтыливъ не найду; та мой родѣтели, мой дорогѣи,

та прийде прázдникъ годóвый, та чужі діточки підуть у гóсти, а мині ни до кóго бóде итѣ; та вѣйду я подивлюся, дрибніми слезами обильюся“. Причитаніе отцу: „Ой, мий тáточку, мий виногáдочку, мий тáточку старéсенський, та колѣ вы, мий тáточку, до мéне вѣ гóсти прибóдете, чи кѣ Риздвѣ, чи Велѣкодню, чи кѣ святій ниділиньци. Кѣ Риздвѣ снижкóмъ позападае, а кѣ Велѣкодню водѣцею позалывае, а кѣ святій ниділиньци травóю зелененькою позаростае и позарастають мой стежки и дорѣжки, що я до васѣ ходѣла и минѣцѣя мой рѣчи, що я зѣ вáми говорѣла“. Причитаніе мужу: „Мий хозѣину, мий дорогій, та кудѣ мині голóвоньку повиртáты. Чужі жѣ лóды идѣть у пóле, и мой дружѣночка вѣрна ничéго не каже. Пóйхала бѣ я самá, я твóго дѣлонька не вроблю. Мой косáрики, мой дорогій, и шо мині робѣть и казáть, и мой вóлыки, мой сокóлыки, и кто вамѣ бóде хозѣиномѣ, и кто вамѣ бóде порѣдокѣ давáты, и кто вáми бóде замышлáты. Та мой дóленька, мой несчастлѣва, и на щóжѣ ты, мой нѣнько, менѣ несчастную породѣла, и чомѣ ты менѣ, мой нѣнько, манѣнькою не втопѣла чéго ты менѣ несчастную нá свитѣ породѣла и на щóжѣ тѣ менѣ пустѣла на бѣлий свитѣ скитáцьця“.

Е. А. Ливанская.

35.—Сл. Подгоровка.

Поселение.—Население, жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Занятія.—Свадебные обычаи.

Поселение. Вѣ одной верстѣ отъ г. Старобѣльска расположено село Подгоровка. Оно отдѣляется отъ города съ одной стороны рѣкою Айдаромѣ, впадающимѣ вѣ р. Донецѣ, съ другой стороны р. Бѣлой, впадающей вѣ р. Айдарѣ. Весною во время полой воды низменная часть селения подвергается наводненію, такѣ что сообщеніе между городомѣ и селомѣ происходитъ посредствомѣ лодокѣ и паромовѣ, недѣли двѣ и даже болѣе. При этомѣ избушки, расположенныя недалеко отъ берега, заливаются водой, подвергаются разрушенію, и крестья-

яне нерѣдко бываютъ застигнуты врасплохѣ, если не поспѣшатъ выбратъся изъ нихѣ со своимѣ имуществомѣ. Западная часть селения окаймлена мѣловыми горами, на восточной же низменной сторонѣ находятся такѣ называемыя „мертвыя озера“, поросшія сплошѣ камышами и другими болотными растеніями. Берега рѣкѣ мѣстами бѣдны и песчаны, но большею частью покрыты густою, сочною травою, тѣнистыми вербами и фруктовыми деревьями и представляютъ собою довольно живописныя мѣста. Крестьяне Подгоровки объясняютъ названіе своего села тѣмѣ, что оно было основано подѣ мѣловой горой, источниками которой они и донинѣ пользуются. Народѣ также называетъ свое село „Пидгоркомѣ“.—Такѣ какѣ Подгоровка есть пригородная слобода, то происхождение ея тѣсно связано съ происхождениемъ самаго города. Вѣ послѣдней четверти XVII вѣка (около 1686 г.) выходцами изъ разныхъ мѣстѣ гетманщины, которые первоначально проживали вѣ Полтавской и Черниговской губ., а потомѣ вошли вѣ составѣ Острогожскаго полка, на правомѣ берегу рѣки Айдара, недалеко отъ впаденія вѣ нее рѣки Бѣлой, вѣ тѣни густолиственныхъ вѣковыхъ лѣсовѣ, былѣ основанѣ небольшой казацкій „Городокѣ“. Вѣ первой половинѣ XVIII вѣка Городокѣ былѣ обращенѣ вѣ слободу „Старую-Бѣлую“, по всей вѣроятности отъ названія рѣки Бѣлой. Благочестіе первыхъ жителей Городка выразилось вскорѣ послѣ его основанія построеніемѣ храма, который, вѣ виду близкаго и безпокойнаго сосѣдства поклонниковѣ Магомета—татарѣ, былѣ посвященѣ Покрову Пресвятой Богородицы. Съ одной стороны ограниченность мѣста, а съ другой низменность, способствовавшая значительнымѣ разливамѣ рѣки Айдара, были причиною того, что во второй половинѣ XVIII вѣка жители Городка оставили свое первоначальное поселение и перешли на другую сторону р. Айдара. Здѣсь они образовали слободу Старую-Бѣлую, причиненную вѣ 1782 году кѣ Воронежской губ., Бѣловодской округи, Деркульскому заводу. Вѣ 1789 году вѣ Старой-Бѣлой положено было основаніе каменнаго храма во имя Покрова Божіей Матери. На мѣстѣ же первоначальнаго храма вѣ бывшемѣ Городкѣ, нынѣ с. Подгоровкѣ, стоитъ кампличка, которая

и свидѣтельствуешь о томъ, что поселеніе началось съ этой мѣстности. При учрежденіи Слободско-Украинской губ., сл. Старо-Бѣлая преобразовалась въ уѣздный городъ Старобѣльскъ съ духовнымъ правленіемъ и духовнымъ двухкласснымъ училищемъ и съ окрестными селами отчислилась отъ Воронежской губ. и причислилась къ Харьковской губ. Въ былыя времена вся описываемая мѣстность была покрыта дремучими лѣсами, о чемъ свидѣлствуютъ въ настоящее время огромнѣйшіе пни, попадающіеся въ окрестностяхъ селенія. По народному преданію, въ лѣсахъ этихъ проживали цѣлыя шайки разбойниковъ, которые всѣхъ грабили и никому не давали проѣзду. Когда же правительство мало-по-малу уничтожило эти шайки, лѣсъ начали рубить, и одинъ за другимъ стали селиться мирные землепашцы. Но и они, по народному преданію, много терпѣли отъ набѣговъ татаръ, которые грабили и убивали ихъ. Богатые помѣщики принуждены были содержать войско, для устраненія татарскихъ набѣговъ. Существуетъ также преданіе, что жители, убѣгая отъ преслѣдованій татаръ, закапывали свое имущество въ описываемой мѣстности. Дѣйствительно въ 1882 году весною, послѣ полой воды, два крестьянскихъ мальчика, пасшіе стадо, напали подъ горой нѣсколько вещицъ, которыя привлекли ихъ вниманіе. Вещи эти они передали въ полицію, а изъ полиціи они были отосланы въ Харьковъ въ археологическій музей, гдѣ вещи эти были приняты, а за нихъ выслана сумма въ 300 руб. Онѣ были золотыя и серебряныя.

Народонаселеніе сл. Подгоровки состоитъ исключительно изъ малороссовъ; дворовъ 607, жителей болѣе 3000. Они средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ угловатыми движеніями, съ темнорусыми волосами и побольшей части съ темными глазами. Волоса они напускаютъ на лобъ почти до самыхъ бровей. Въ ихъ наружности не обнаруживается вліяніе инородческихъ примѣсей. Евреи здѣсь отсутствуютъ, цыгане же появляются только во время ярмарокъ, и вліянія на мѣстныхъ жителей имѣть не могутъ. Другіе инородцы, какъ напр. французы и нѣмцы, живутъ въ очень маломъ количествѣ, и то не въ деревнѣ, а въ городѣ

и также вліянія никакого не оказываютъ. Виликоруссовъ въ самомъ селѣ также нѣтъ.

Жилище крестьянъ—хаты; онѣ строятся изъ разнаго матеріала: изъ глины, мѣлу, дерева и лимпача. Лимпачъ это четырехугольный кирпичъ изъ смѣси глины съ пескомъ и соломою; когда онъ затвердѣетъ, то становится очень крѣпкимъ. Желтая глина и мѣлъ добываются въ самомъ селеніи въ большомъ количествѣ. Крыши по большей части—изъ соломы и камыша, изрѣдка попадаютъ и деревянные. Хаты у бѣдныхъ крестьянъ раздѣляются темными сѣнями на двѣ неравныя части; въ большей изъ нихъ помѣщается вся семья, въ меньшей же сохраняется имущество. У крестьянъ богатыхъ хата состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Хатына съ большой варистой печью, сосновымъ столомъ и такимъ же диваномъ или лавками; въ стѣнѣ вѣдѣано нѣсколько полокъ—„мысликъ“ для посуды. Въ переднемъ углу, называемомъ „покуть“, находятся иконы; это мѣсто для почетныхъ гостей. Иногда на стѣны наклеиваются обои, здѣсь же висятъ картины религіознаго содержанія. 2) Хата или комната съ такимъ же убранствомъ, какъ и въ первой. Она тѣснѣе немного, въ ней находится „поль“,—нѣсколько сколоченныхъ досокъ,—который замѣняетъ кровать; сюда-же выходитъ изъ хатыны варистая печь, на которой также спятъ зимою. Однимъ словомъ, комната играетъ роль спальни. 3) Хижка или чуланъ, безъ оконъ, служитъ для храненія одежды. 4) Сѣни. Въ жилыхъ помѣщеніяхъ всегда находится одинъ или два сволака. Дворовыя постройки слѣдующія: загонъ, куда загоняютъ скотъ, сарай для повозокъ и комора для ссыпки зерна.

Одежда крестьянъ Подгоровки подъ вліяніемъ города совершенно измѣнилась и носитъ характеръ мѣщанской одежды. Женщины здѣсь носятъ ситцевыя юбки и такія же кофты. Иногда кофта замѣняется безрукавкой, въ прежнее время называвшейся кирсетомъ; до пояса она шьется въ талію на крючкахъ, а къ таліи складками пришивается ровный кусокъ изъ такой же матеріи въ четверти двѣ длиною; шьется она изъ кумачу и плису. На работахъ же и до сихъ поръ изрѣдка попадаютъ запаски—продолговатые куски домаш-

няго сукна черного или сѣраго цвѣта; запаской оборачиваются кругомъ и подвязываются поясомъ. На головѣ женщины носятъ очипокъ; онъ имѣетъ продолговатую форму, шьется изъ парчи, набивается хлопьями и густо простегивается и назади собирается въ „очкурецъ“, куда затягивается лента. Сверхъ очипка крестьянки повязываются большимъ платкомъ, большею частью кашемировымъ съ цвѣтами. Многія же не носятъ очипковъ и не повязываются большими платками, а просто завязываются ситцевыми платочками. Мужчины носятъ брюки, жилетку и чинарку. Эта послѣдняя имѣетъ форму сюртука и шьется изъ нанки, плису и даже изъ сукна. Въ зимнее время мужчины носятъ свитки изъ бѣлаго и сѣраго сукна, тулупы, которые у богатыхъ крестьянъ покрываются синимъ и чернымъ сукномъ. У женщинъ верхняя зимняя одежда та же, что и у мужчинъ, только у нихъ часто встрѣчается мѣщанское пальто на ватѣ. На головѣ мужчины носятъ картузы, шапки и капелюхи.

Пища крестьянъ значительно ухудшилась. Хлѣбъ употребляется ячный (изъ ячменя) или пшеничный съ ячнымъ. Обыкновенная пища: борщъ, въ скоромные дни съ саломъ, а въ постные съ олеей; пшенная и ячная каша, кулешъ, галушки. Въ постъ даже рѣдко варятъ и питаются хлѣбомъ съ огурцами и капустой, вареной картофелемъ и лукомъ. Не смотря на бѣдность, незамѣтно расчетливости. Нерѣдко бываетъ, что семья сидитъ по два и по три дня на одномъ сухояденіи; когда же случится заработать, то на столѣ появляется борщъ съ бараниной, жареная баранина, блинцы и т. п. Ъдятъ также мелкую рыбу, которую ловятъ въ рѣкѣ, крупную же рыбу сбываютъ на базарѣ. Освѣщеніе повсемѣстно керосиновое.

Болѣзни наиболѣе встрѣчающіяся—оспа и дифтеритъ. Въ особенности здѣсь свирѣпствуетъ дифтеритъ, который каждую осень и зиму душитъ не только дѣтей, но и взрослыхъ; въ народѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ „обкладки“. Весною въ 1892 году здѣсь почти все населеніе болѣло цынгой. Кромѣ того постоянно бывають лихорадки. Вслѣдствіе близости города и его вліянія крестьяне часто обращаются за совѣтами и помощью къ врачамъ. Во время цынги, по улицѣ мимо боль-

ницы, находящейся въ городѣ, трудно было пройти, такъ она была запружена народомъ, пришедшимъ за помощью. Тѣмъ не менѣе знахарство все еще процвѣтаетъ.

Занятія жителей: земледѣліе, садоводство и огородничество. Сѣютъ преимущественно яровые хлѣба: пшеницу, ячмень, овесъ и просо. Землю обрабатываютъ плугомъ и бороной. При посѣвѣ соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: пекутъ крестъ и кладутъ его въ пшеницу, назначенную для посѣва, при выѣздѣ же въ поле сѣдаютъ его. Въ огородахъ сѣютъ: капусту, свекловицу, картофель, баклажаны, рѣдьку, лукъ и проч. Огородныя овощи крестьяне большею частію сбываютъ на базарѣ. Яблоки, груши, сливы, вишни и ягоды также несутъ въ городъ на продажу. Многіе занимаются выжиганіемъ кирпича. Продають возами мѣлъ, изъ мѣловой горы; гасятъ известь, которую и сбываютъ въ городъ.

Свадебные обряды у здѣшнихъ крестьянъ состоятъ главнымъ образомъ изъ оглядинъ, сватанья и свадьбы. Оглядины состоятъ въ томъ, что узнается приданное невѣсты. Со стороны жениха посылаются къ невѣстѣ сваты или старосты. Они приходятъ къ родителямъ невѣсты съ хлѣбомъ, и начинается сватовство. Родители сразу никогда не даютъ своего согласія и подъ разными предлогами отказываютъ, такъ что сваты приходятъ нѣсколько разъ. Наконецъ, когда родители согласятся, то оставляютъ хлѣбъ у себя. Въ назначенный день въ домъ невѣсты собираются родственники жениха, ставится могогарычъ (водка) и невѣста „подаетъ рушники“ (полотенца). Всѣ эти обряды сопровождаются пѣніемъ. Такъ, когда невѣста обноситъ всѣхъ водкою и перевязываетъ жениха платкомъ, сватовъ полотенцами, родственниковъ и родственниковъ жениха платками и миткалемъ,—друзки поютъ:

„Ой, посѣдты вы, та добрые люды,
Та покы Харытынка (имя) вийды.
Харытынка вийшла
И рушнечки подала,
Нызенько поклонилася.
Старостамъ въ ручку,

Усимъ по рушнечку,
А женихови хвусточку,
Хвусточку дала
И ручку приняла.
Та теперъ, Андрійко, я вже
твоя“.

Послѣ вѣнчанья играютъ свадьбу. Сначала сажаютъ невѣсту за столъ и поютъ:

„Ой, глянь же ты, Харытынко, кризь калачъ,
Та карымы очима тай заплачь.“

Затѣмъ, сажая жениха за столъ, поютъ:

„Ой, у саду соловейко защибетавъ,
А Андрійко та Харытынку поццловавъ.
Ой, у саду соловейко гнзздо вье.
Чи всимъ боярамъ мисто йе?
А которому нѣмае,
Нѣхай у дружѣчки спытае.
Ой якъ же ййи пытаты?
А чи у порози стояты?
Пидъ плечемъ шапочку держаты?“

Въ это время гостей угощаютъ водкою и разными яствами. Въ концѣ свадьбы молодую покрываютъ платкомъ, надѣваютъ ей очипокъ и поютъ:

„Не бачышь ты, диво,
Шо несуть твое дило.
Якъ билъ билесенький,
Якъ шовкъ тонесенький.
Воно дило не линющее,
Усимъ дивчатамъ не мѣнущее!
Ёго ни витеръ не звийне,
Ни дрибный дощикъ не змоче.
Молода Харытынка зносе!“

По окончаніи свадьбы молодую сажаютъ на возъ, на которомъ стоитъ ея скрыня (сундукъ), молодой три раза обходить вокругъ воза и плетью бьетъ молодую. Затѣмъ садится съ нею рядомъ и везетъ въ свой домъ. Когда подъѣзжаютъ къ дому, то передъ воротами зажигаютъ соломѣ, и перевозятъ чрезъ нее молодыхъ.

Е. Х. Елеферьева.

36.—Сл. Марковна.

Поселеніе и населеніе.—Нарѣчіе и чтеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болезни и ихъ лѣченіе.—Занятія.—Религіозное настроеніе и развитіе.—Свадебные обряды и пѣсни.—Примѣты о погодѣ.—Праздниковые обряды.—Игры и музыка.—Демонологія.—Юридическіе обычаи.—Пѣсни.

Сл. Марковка, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губерніи, прежде Воронежской, лежитъ въ долинѣ истоковъ рѣки Деркулъ; съ западной стороны села возвышается гора съ крутымъ подъемомъ, а съ восточной постепенный подъемъ, версты на двѣ протяженіемъ, достигающій такой же высоты, какъ и западный холмъ—гора. Долина между возвышенностями имѣетъ 2 версты, иногда меньше, въ поперечникѣ. Среди села долина пересѣкается двумя противоположными „ярками“, и въ этомъ мѣстѣ сл. Марковка представляетъ крестъ, состоящій изъ 2-хъ пересѣкающихся долинъ. Къ западу отъ села на горизонтѣ виднѣется лѣсъ, представляющій красивую картину; только жалъ, что нѣтъ рѣки. По сказанію старожиловъ, 70 лѣтъ тому назадъ была здѣсь хорошая рѣка, а въ настоящее время нѣтъ ни ручейка, ни пруда, въ которомъ бы можно было лѣтомъ освѣжиться. Ближайшій городъ отъ Марковки Старобѣльскъ, который находится на юго-западѣ въ 60 верстахъ отъ Марковки, въ 35 верстахъ къ югу заштатный г. Бѣловодскъ, бывшій окружной городъ, верстахъ въ 200 къ юго-востоку лежитъ г. Новочеркасскъ, къ сѣверо-востоку въ 90 верст. находится г. Богучаръ, прямо на востокъ въ 90 верст. Павловскъ и къ сѣверо-западу г. Валуйки; послѣдніе три города—Воронежской губ. Названіе села, по преданію, происходитъ отъ имени одного крестьянина или казака Марка, который пришелъ въ эту мѣстность съ западной стороны; спускаясь съ горы, онъ увидѣлъ у подножья рѣку, близъ которой и поселился. По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ (Волостной архивъ 1845 г., дѣло № 9), Марковка населена выходцами изъ Полтавской и Харьковской губ., большею частію людьми, бѣжавшими отъ помѣщиковъ, и изъ Малороссіи. Когда это было точно, опредѣлить нельзя, во всякомъ случаѣ не позже 1500 годовъ, такъ какъ въ Марковкѣ цер-

ковъ существуетъ около 200 лѣтъ или болѣе, слѣдовательно, 200 лѣтъ она уже—село, которое имѣетъ общество и строить общественныхъ зданія. По преданію, святитель Тихонъ Задонскій самъ освящалъ одну изъ церквей села Марковки. Въ Марковкѣ считается мужскаго пола 5230 душъ, женскаго 5180 душъ. Наружность мужчинъ:—роста болѣе средняго, иногда вершковъ 12, съ грубоватыми чертами лица, носъ умѣренный, глаза большею частію сѣрые, лицо кругловатое, волосы темно-русые, походка развалистая, медлительная, какъ и вообще у малоросовъ; въ общемъ они довольно представительны. Женщины очень рѣдко красивы, въ большинствѣ широколицыя, носъ широкій, глаза сѣрые, лицо одутловатое и не всегда чистое, волосы темно-русые, наружность мало-привлекательна. Впрочемъ, изрѣдка встрѣчаются женщины очень красивыя съ правильными чертами лица. Замѣтна великорусская примѣсь, кажется, есть и донскіе казаки. Эти примѣси замѣтны и въ фамиліяхъ, хотя можно предположить, что эти фамиліи отъ времени и измѣнились, кромѣ большихъ семей, гдѣ онѣ не измѣнились. И теперь много фамилій донскихъ: Клищъ, Сычъ, великорусскихъ—Ковалевъ, Морозовъ, Степановъ, малороссійскихъ—Ткаченко, Марченко, Диденко и пр. Этихъ фамилій большинство. Есть и польскія—Вербицкій и пр. Евреи почему то обошли Марковку и по настоящее время ихъ здѣсь нѣтъ.

Нарѣчіе. Преобладающее нарѣчіе малорусское съ небольшою примѣсью литературнаго. Мѣстныя реченія, слова и выраженія, заслуживающія вниманія: „Я пакъ и не чувъ“, „тривай“—посторонись или подожди, „трѣба“—надо; выраженіе, зацидѣвъ ажъ каганцѣ засвѣтілись“, названіе метели вообще: „завирюха“. „Чорная хмара“—большая туча. Будущее время выражается прибавкою къ глаголу: ыму; напр., „носѣтыму, рубѣтыму, сидѣтыму“ и пр. выражаетъ: буду носить, порубаю или буду рубать и буду сидѣть и пр. Малороссійскія слова: чѣмъ же ты ничого не кажешъ“—замѣняются иногда выраженіемъ: „шожь ты ничого не рѣчешъ“,—замѣтно, прихвачено изъ церковно-славянскаго. Глаголь настоящаго времени 1-го лица съ окончаніемъ на шипящій звукъ не употребляется, напр. „сидю, ходю, свистю“ и пр. Литературная примѣсь замѣтна во всѣхъ оборотахъ рѣчи

развѣ только глубокій старикъ ведетъ рассказъ на чисто малороссійскомъ нарѣчій; всегда слышется ѣ въ мѣстахъ, гдѣ въ малорусскомъ употребляется э, да и самыя слова приближаются къ литературной формѣ настолько, что ихъ трудно признать за малорусскія. Вліянію литературнаго нарѣчія на коренное много помогаетъ школа; она способствуетъ искорененію мѣстнаго нарѣчія, и бывшаго, даже уже давно, школьника легко можно узнать по одному разговору.

Чтеніе. Въ большинствѣ народъ любитъ читать книги религіознаго содержанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ охотно берется и за сказки о Бовѣ Королевичѣ, Ерусланѣ Лазаревичѣ, Соловьѣ разбойникѣ и т. п. Вся эта литература распространяется посредствомъ коробейниковъ, щетинниковъ и книготорговцевъ, которые переполняютъ собою всякій базаръ, ярмарку и храмовой праздникъ; вмѣстѣ съ тѣмъ коробейники продаютъ и картины, самаго разнообразнаго содержанія: или религіозныя, напр. о страшномъ судѣ, пирѣ богатаго Лазаря, съ непозволительными фигурами темнаго міра; или не религіознаго содержанія—въ большинствѣ случаевъ представляется въ лицахъ какая нибудь пѣсня, напр.; „вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала“, или: „эй, вы кони, мои кони, мчитесь сокола быстрѣй“ и т. п. Иногда картина представляетъ древній римскій циркъ, гдѣ на аренѣ на христіанъ-мучениковъ выпущены сразу всѣ звѣри: тигры, медвѣди, львы, и пр. и всѣ заняты ѣдою, а между собою не дерутся. Всѣ эти картины, подъ названіемъ лубочныхъ, влѣди-мирской живописи. Книги у коробейниковъ большею частію пудоваго достоинства, т. е. продаются на вѣсъ; изрѣдка попадаются изданія Сытина. Очень часто крестьяне обращаются въ школу съ просьбою дать имъ какую нибудь книгу почитать, но такъ какъ школьная бібліотека слишкомъ мала, не пополняется новыми книгами и пришла въ ветхость, то школа не можетъ удовлетворить потребности народа въ чтеніи; учитель по возможности старается хотя чѣмъ нибудь удовлетворить желающаго и отпускать ему книгу изъ своей скудной бібліотеки; но желанію читать нѣтъ предѣла, и приходится отказывать. Школьная бібліотека состоитъ изъ нѣсколькихъ книгъ, большею частію историческаго содержанія: О Петрѣ Великомъ,

Иванъ Сусанинъ, вступленіи французовъ въ Москву и друг., и житій святыхъ,—напр., Николая Чудотворца, описаній Троице-Сергіевой Лавры и святителей ея; всѣ эти книги присланы бывшимъ инспекторомъ Купянского и Старобѣльскаго уѣздовъ, г. Ивановымъ. Всѣ книги школьной библіотеки отпускаются безъ всякаго затрудненія и при желаніи скоро всѣ прочитываются; крестьянинъ же, отвѣдавши чтенія, не легко разстается съ нимъ, а какъ школа не можетъ удовлетворить этому желанію, то онъ волею-неволею набрасывается на грошоваы книги, и интересъ къ чтенію либо совсѣмъ пропадаетъ, либо принимаетъ другое направленіе, и вмѣсто религіознаго или историческаго событія онъ увлекается удалствомъ какого нибудь богатыря, разбойника или мошенника; иногда, наткнувшись на такую книгу, онъ теряетъ всякую охоту къ чтенію. Вообще руководить чтеніемъ могла бы только школа, но она по неимѣнію книгъ лишена этой возможности. Правда, въ Марковѣ имѣется двѣ школы и въ обѣихъ есть маленькія библіотеки для чтенія, но это, въ сравненіе съ требованіемъ, капля въ морѣ. Случается, что ученикъ, прочитавъ всѣ книги школьной библіотеки, черезъ нѣсколько времени обращается опять съ просьбою дать ему книги, разъ уже читанныя, и охотно читаетъ ихъ въ другой разъ; это печальное доказательство того, какъ мало народъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи.

Жилище. Мѣстные жилища устроены большею частію изъ дерева, хотя встрѣчаются постройки и каменные, глиняныя и мѣловыя, которыя относятся уже къ позднѣйшему времени. Хата большею частію разбита на 2 или 3 клѣтки; напр.:

кимната.	кѹхня.	кимната.	сѣни.	хата.
	сѣни.			

Эти три рода устройства хатъ преобладаютъ. Сѣни большею частію безъ потолка и имѣютъ некрасивый видъ, похожи на сарай, но женщины украшаютъ сѣни, развѣшивая по стрѣхамъ разные цвѣты и сѣмена нѣкоторыхъ растений: гвоздичку, укропъ, васильки и др., чѣмъ и скрашивается непріятный видъ сѣней. Убранство хатъ: вдоль стѣнъ обыкновенно стоятъ лавки безъ

спинки, рѣдко со спинками и тогда называются диванами; въ переднемъ углу стоитъ дубовый столъ; впрочемъ, въ послѣднее время большею частію сосновый—бѣлый. Въ углу у порога находится „шѣхва“—шкафъ, большею частію прикрѣпленный къ стѣнѣ гвоздями, иногда застекленный, а иногда безъ стеколя, но чѣмъ нибудь, т. е. оборочкой, завѣшанный. Въ другомъ углу діагонально устроена неподвигающаяся кровать, иногда со вкопанными въ землю ножками; она называется „поль“ или „помость“; на ней нѣтъ ни матраца, ни перины и только 1 или 2 подушки, „кровать“ устилается рядомъ—одеждою, вытканною изъ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ нитокъ или ветошекъ, разорванныхъ въ узкія полоски; она служитъ и матрасомъ и одѣяломъ; иногда помость застилается полстью. Въ изголовьи прибитъ въ наклонномъ положеніи доска, служащая для подкладыванья подъ подушки и иногда замѣняющая ихъ; 2-й конецъ кровати—„пола“ упирается въ печь съ лежанкою. Въ большой семьѣ на ночь располагаются такъ: мать и отецъ спятъ на полу, т. е. на кровати, молодежь „дѣли“, т. е. на землѣ, если есть гость—его кладутъ на „лави“ къ столу головою; дѣдъ или баба укладываются на печи или на лежанкѣ. Передній уголъ въ хатѣ убираютъ иконами, въ числѣ которыхъ очень часто встрѣчается и картина о страшномъ судѣ или богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Этотъ уголъ украшается, чѣмъ попало: дѣлаютъ бумажные цвѣты, кружки изъ стружекъ, окрашенные въ зеленую или розовую краску, колосьями пшеницы, связанными въ красивый щитокъ; если попадаетъ золоченая рѣзьба изъ старыхъ иконъ или иконостасовъ, то и еѣ цѣпляютъ тутъ же, напр., ликъ крылатого Ангела, звѣздочки и тянутся пр.; словомъ, весь передній уголъ занятъ иконами и картинами, и даже далеко по стѣнамъ тянутся украшения. Въ самомъ углу виситъ лампада, съ привѣшеннымъ внизу ея голубемъ, часто сводѣльнымъ, иногда золоченымъ; иногда скорлупы крашеныхъ яицъ, группою связанныя, привѣшиваются къ лампадѣ. Печь украшаютъ шпалерою или просто разрисовываютъ синею или красною краскою, цвѣтами или незатѣйливыми фигурками, своего изобрѣтенія. Всѣ хаты снаружи и внутри мажутся глиною и бѣлятся мѣломъ; попадаютъ мытня, которыя моются только

на 1 аршинъ выше лавки, для того, чтобы мѣлъ не мазалъ спины сидящаго. Печи строятъ всегда съ трубою и достаточнымъ помѣщеніемъ для нее; никогда не строятъ курныхъ, т. е. безъ трубы. Большимъ почетомъ пользуется передній уголъ потому уже, что въ немъ стоятъ иконы; поэтому, кому хотятъ оказать гостепріимство или почетъ, то сажаютъ въ передній уголъ, когда же садятся обѣдать безъ гостей, то это мѣсто занимаетъ самъ хозяинъ,—глава дома, который наблюдаетъ за порядкомъ во время обѣда: чтобы была соблюдаема приличная обѣда тишина, чтобы дѣти не шалили и т. п. Во время свадьбы первое мѣсто занимаютъ женихъ и невѣста, за отсутствіемъ ихъ свать и сваха; если бываетъ батюшка, то ему предлагаютъ первое мѣсто. Остальныя части дома не пользуются особеннымъ значеніемъ, впрочемъ, мѣсто у порога считается послѣднимъ. Новѣйшее устройство хатъ отличается отъ стариннаго, и, какъ видно, находится въ зависимости отъ городского вліянія. Вотъ фасонъ новой хаты: „клѣта“ разбита на четыре неравныя комнаты,—сѣни, кухня, чистая комната и спальня, въ 4 или 5 оконъ на улицу, поставлена на высокомъ фундаментѣ, словомъ, представляетъ подражаніе подгороднимъ зданіямъ; иногда отъ крыльца и на лицевой сторонѣ сдѣланъ навѣсъ крыши на столбахъ, представляющій галерею, на которой можно укрыться отъ дождя. Расположеніе дворовыхъ построекъ совершенно зависитъ отъ личнаго взгляда хозяина, хотя въ общемъ имѣетъ опредѣленный характеръ. Обыкновенно дворъ представляетъ четырехугольникъ, который тянется отъ задней стѣны хаты къ огороду и конецъ котораго содержитъ либо амбары, либо сарай—„кладбы“, въ которыхъ сберегаютъ хлѣбъ; въ срединѣ двора находится площадь, съ трехъ сторонъ огороженная сараями, иногда пересѣченная проѣздными воротами на огородъ и токъ, кругомъ же тянутся иногда сплошь, иногда отдѣльно другъ отъ друга, хлѣвы и сараи для разнаго скота и подѣздной сарай. За дворомъ помѣщается токъ, а отступя сажень 5 отъ двора клуня; между клунею и дворомъ находится складочное мѣсто для сѣна, соломы и хлѣба, дальше идутъ огородъ и садъ; вообще расположеніе дворовыхъ построекъ зависятъ отъ мѣстныхъ условій. Старинныя постройки двора

начинались подъ одну крышу съ хатою, и ближе всего къ хатѣ обыкновенно находилась конюшня; расположеніе же остальныхъ построекъ дѣлалось по произволу или по удобству. Если огородъ прикасается съ лугомъ, то на концѣ огорода разводять ливаду, а если луга близко нѣтъ, то ливада разводится отдѣльно отъ дома.

Одежда мужчинъ въ праздничные дни: лѣтомъ по праздникамъ крестьяне носятъ подѣвку изъ синяго, сѣраго и чернаго сукна, это одежда богатыхъ; бѣдные носятъ „капотѣну“ изъ бумажной матеріи, сшитую по таліи, ниже таліи короткая жиленькая юбочка—четверти въ $1\frac{1}{2}$ длиною, но въ общемъ она не похожа на подѣвку, застегивается на крючки; эта одежда всегда холодная, на коленкоровой, большею частію не крестьянскаго холста подкладкѣ; штаны бѣлые, простого полотна, широкіе, въ праздникъ изъ той-же бумажной толстой матеріи, какъ и копотъ; сапоги, шитые не на колодку, а грубо какъ-бы обтесанные, подошвы большія съ длинными голенищами. Иногда лѣтомъ тяжелые башмаки, картузь, зимою теплая барашковая шапка или капелюхъ дополняютъ убранство. Зимою употребляется та же одежда, съ добавленіемъ полущубка или свиты изъ своедѣльнаго сукна, съ большимъ прямымъ воротникомъ, цвѣта бѣлаго, или рыжовато-сѣраго; въ праздники и въ будни одежда одна и та же, только по праздникамъ употребляется болѣе чистая и новая, а по буднямъ старая. Лѣтомъ на работѣ крестьяне всегда въ одной рубашкѣ поверхъ штановъ и подпоясаны поясомъ. Женская одежда болѣе разнообразна: будничную одежду составляетъ бѣлая рубаха-сорочка, „спидниція“ съ большою пазухою и длинными рукавами и „шарафанъ“, т. е. просто юбка съ оборкою внизу; иногда надѣваютъ запаску, которая состоитъ изъ шерстяной полосатой своедѣльной ткани. Этимъ полотенцемъ женщины обертываются вокругъ таліи и образуютъ изъ него нѣчто въ родѣ юбки, прихвативъ верхній край поясомъ. Изрѣдка попадаются плахты, тоже шерстяныя, непременно цвѣтныя, клѣтчатыя и сшитыя ввидѣ юбки; послѣдній костюмъ отживаетъ свой вѣкъ. Праздничный нарядъ составляетъ кофта, называемая юбка-по таліи, съ полами въ видѣ оборки, шитая обыкновенно изъ красной цвѣтной матеріи,—

ситца; шарафанъ—юбка изъ того-же ситца. Иногда надѣваютъ корсетъ,—безрукавую кофту изъ плиса, на крючкахъ или пуговицахъ, почти плотно облегающій талію; красные сапоги на мѣдныхъ подковкахъ; на головѣ у замужнихъ очипокъ, у дѣвушекъ повязка съ распушенною косою, т. е. коса заплетена, но опускается книзу и украшается лентами,—стараются надѣть ленты 5 и болѣе разныхъ цвѣтовъ, составляя „косники“—верхній халатъ, суконный черный или темно-синій; зимою къ этой-же одеждѣ прибавляется тулупъ—кожухъ бѣлый—нагольный или бѣлая свита. Стоимость одежды зависитъ отъ состоятельности крестьянина. Для примѣра возьмемъ средняго крестьянина. Тулупъ овчинный стоитъ 10—15 руб., халатъ 12 руб. и меньше, считая сукно отъ 1½ до 2 руб. за арш. и работу 2 руб., своего издѣлія свитка 5—6 р., парочка, т. е. кофта и юбка 2½—3 руб. Хорошіе сапоги отъ 2½ до 4 руб., у дѣвушки шелковый платокъ рубля 3 и „подшаликъ“ 1½ руб.; остальной костюмъ домашняго приготовленія,—слѣдовательно, стоимость одежды женщины средняго достатка около 50 руб. или немного меньше. Столько же стоитъ и приданное, такъ какъ невѣстѣ, кромѣ перечисленнаго, прибавляютъ еще 2—3 парочки по 3 р. и сундукъ руб. 4, остальное тоже. Одежда богатаго нѣсколько дороже, такъ какъ онъ покупаетъ шерстяныя иногда и шелковыя ткани для парочекъ и сукно для халата дороже, но реестръ костюмовъ не измѣняется. Стоимость мужского костюма приблизительно: полущубокъ 15 руб., подѣвка суконная—13 р., копотъ бумажный—4 р., сапоги—5 р.; остальныя части костюма своего приготовленія; слѣдовательно, стоимость около 50 руб.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ преимущественно изъ хлѣба и овощей. Богатый печетъ хлѣбъ изъ муки, которая готовится изъ чистой пшеницы, иногда съ слабою примѣсью ячменя или ржи; къ празднику у богатаго размалывается пшеница 1-го сорта, и мука, полученная изъ такой пшеницы, превосходитъ достоинствомъ крупчатку, но бѣлизнѣ же равняется 3-му сорту послѣдней; изъ овощей потребляютъ картофель, капусту, огурцы, арбузы и другія; у богатаго всего этого достаточный запасъ на зиму. Всѣ перечисленное съ постнымъ масломъ со-

ставляетъ для крестьянина постный столъ съ прибавкою пшенной каши; кромѣ того борщъ, каша, густая капуста съ примѣсью пшена, вареная картофель и похлебка; у многихъ имѣется въ запасѣ сушеный тѣрнъ и яблоки для взвара, вечеромъ варятъ галушки-рванцы; это меню для бѣднаго и богатаго. Понятно, у бѣдныхъ въ запасѣ не все имѣется, а потому онъ большею частію налегаетъ на хлѣбъ и, если есть картофель и пшено, то это уже хорошо, и семья такого крестьянина не голодаетъ; но бѣда, если и этого нѣтъ, тогда каждый день—сухой черный хлѣбъ, испеченный изъ ячменной муки съ кострикою. Въ скоромный день ѣдятъ то же, что и въ постные дни, съ тою разницею, что прибавляется либо кусокъ свинины, если есть, или курица, большею частію свиное сало. Крестьяне очень рѣдко употребляютъ мясо и считаютъ, что, если есть сало, то они живутъ хорошо; ѣдятъ съ саломъ борщъ. Мясною пищею особенно отличаются дни праздника Рождества Хр.; къ этому празднику почти каждый крестьянинъ приготовитъ либо свинины и колбасъ, либо гусей, а также свѣжее сало; впрочемъ, обильная пища бываетъ осенью, когда у любого хозяина есть нѣсколько штукъ баранчиковъ и цыплятъ, тогда у нихъ роскошь; но крестьяне употребляютъ мясо въ варенномъ видѣ и почти никогда не жарятъ, только и жаркого—что колбасы на Рождество, есть поросенокъ. Улучшается ли пища крестьянъ, этого сказать нельзя, такъ какъ это находится въ тѣсной связи съ урожаемъ; 50 лѣтъ назадъ у нихъ не было картофеля, который заводили по приказанію окружнаго начальства, и даже получали премію—награду, кто соберетъ картофеля болѣе 5 четвертей (дѣло № 38-й 1846 года). Наверно, и другіе овощи разводились въ меньшемъ количествѣ. Понятно, что, если у крестьянина есть корова, то она даетъ ему скоромную пищу: варятъ вареники съ сыромъ, ѣдятъ молоко, масло и сметану. Всякій крестьянинъ разводитъ овецъ, куръ, гусей, но самъ мало потребляетъ ихъ, больше старается продать: продаетъ онъ и баранчиковъ, и гусей, и куръ, и даже яйца, и лишь 10-я доля попадаетъ ему въ пищу. Зарѣжетъ иногда баранчика, иногда цыпленка, но это бываетъ рѣдко. Только тогда, когда выкормитъ свинью, то не

продаетъ ее, а обрѣзавъ на ней сало, складываетъ его въ кадушечку и солить, мясомъ же набиваетъ колбасы, до которыхъ онъ большой охотникъ, остальное варить; сало же оставляетъ на лѣто, и когда убираетъ сѣно или хлѣбъ, тогда сварить кашу съ саломъ. Вообще крестьянинъ любитъ сытно поѣсть, но не прихотливъ, а поэтому и не поддается городскому вліянію, и пищу свою приготовляетъ такъ же, какъ готовили его дѣды, и тѣ же самыя кушанья. Въ лавочкахъ крестьяне покупаютъ только одну рыбу: селедки, тарань, а также керосинъ; ничего же другого съѣстного не покупаютъ; изъ мелочей—нитки, заполочь, иголки и проч., всё это они могутъ купить и на базарѣ, который бываетъ въ воскресенье и праздничные дни. Освѣщеніе исключительно керосиновое.

Болезни. Изъ болезней распространены дифтеритъ, оспа, скарлатина, встрѣчается и сифилисъ, хотя онъ и не сильно распространенъ. Народное лѣченіе сводится къ употребленію простыхъ средствъ и изрѣдка къ заговариванію; заговариваютъ „бышху“, „перелѣги“, зубную боль и другія болѣзни. Мѣстныхъ знахарей нѣтъ, но народъ вѣритъ имъ и охотно обращается къ нимъ за помощію; напр., въ слободѣ Кризской есть ворожка—цыганка, которая пользуется и отъ болѣзней, и отъ всякихъ невзгодъ. Идутъ къ ней брошенные мужья и жены, оставленные мужьями, и всякіе больные люди. Мнѣ лично пришлось быть у этой цыганки проѣздомъ. Тамъ я засталъ молодого солдата, который обращался къ ней за содѣйствіемъ возвратить ему убѣжавшую отъ него жену. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у нея, каждый разъ въ назначенное время и съ заранѣе опредѣленнымъ приношеніемъ—деньгами, мукою и проч., но все-таки жены своей не воротилъ. Тамъ же и въ то же время были люди изъ Воронежской губ., верстъ за 100, которые привезли больного сына. Знахарка даетъ корешокъ, наговариваетъ воду. Въ нашей слободѣ есть заговаривающіе зубы и другія болѣзни. При лѣченіи „огника“ берутъ $3 \times 9 = 27$ лучинъ, зажигаютъ ихъ, а черезъ ихъ огонь брызгаютъ изо рта водою на больныя мѣста, и очень часто огникъ проходитъ; его же лѣчатъ въ кузницѣ: въ теплой водѣ намачиваютъ тряпку и, вымазавъ ее въ сажу возлѣ горна и подогрѣвъ на горнѣ, мажутъ

ею больныя мѣста. Отъ испуга поютъ водою съ 9 горящихъ лучинъ съ угольками и выливаютъ „переполохъ“, т. е. расплавляютъ воскъ и выливаютъ его въ холодную воду; изъ него быстро застываютъ фигурки; если выйдетъ фигурка, похожая либо на человѣка, либо на какое животное, или на предметъ,—гробъ, пожаръ и проч., то этотъ предметъ и причинилъ больному испугъ и страданіе, отъ котораго лѣчатъ. Доктора и фельдшера особеннымъ довѣріемъ не пользуются, и крестьянинъ обращается къ нимъ только въ крайности, испробовавъ всѣ домашнія средства. Такъ, напр., когда появилась въ слободѣ холера, то первому больному докторъ или фельдшеръ предлагалъ лѣкарство, но онъ и родные его на отрѣзъ отказались принимать какія бы то ни было лѣкарства отъ доктора, почему больной, не получивъ никакой помощи, вскорѣ умеръ; заболѣлъ другой членъ семьи, который согласился, послѣ долгаго уговариванья, принять лѣкарство, и онъ выздоровѣлъ; тогда и всѣ остальные больные стали принимать лѣкарство. Такое невѣріе распространилось въ народѣ отъ рабочихъ, пришедшихъ съ Дона, которые рассказывали, будто въ Астрахани доктора больныхъ холерою отравляютъ вредными лѣкарствами, чтобы они скорѣе умирали, или даже хоронятъ живыми. Скотъ лѣчатъ тоже просто: колику лѣчатъ разсолонъ, дегтемъ, тащатъ за хвостъ больную скотину, при головныхъ воспаленіяхъ отрѣзываютъ уши или обливаютъ водою; употребляютъ и заговоры, но рѣже, чѣмъ для людей. Вотъ одинъ заговоръ, чтобы остановить текущую кровь: „На морѣ, на океанѣ, на островѣ, на Буянѣ стоитъ конь каръ, а ты кровь не капъ“. При этомъ слѣдуетъ 11 разъ сказать „аминъ“ безъ отдыха. Это заговариванье употребляется при всякихъ случаяхъ кровотеченія, и заговаривающій кладетъ руку на мѣсто, откуда идетъ кровь. При поварныхъ болѣзняхъ народъ обыкновенно выдумываетъ какую нибудь легенду; напр., когда отъ голода развилась въ народѣ цынга, появилась легенда, будто изъ хутора Новоселовки выѣхала одна женщина въ Марковку съ 3 мѣшками пшеницы; продавъ пшеницу и возвращаясь обратно, она запоздала и дорогою нагнала человѣка, который просилъ, чтобы она подвезла его въ тотъ же хуторъ. Женщина согласи-

лась. Дорогою этотъ человекъ отобралъ у нея деньги и, сбросивъ ее, поѣхалъ прямо на хуторъ; лошадь привезла его прямо ко двору; домашніе вышли встрѣтить свою мать, но вмѣсто того увидѣли на своей лошади пріѣхавшаго незнакомаго человека, который просился почевать, на что и получилъ согласіе. Впустивъ въ комнату, сыновья стали спрашивать его, гдѣ онъ дѣвалъ ихъ мать, но онъ отказывался, что совсѣмъ не знаетъ ихъ матери и что лошадь это его собственная. Видя, что онъ обманываетъ ихъ, сыновья стали не на шутку допрашивать его и хотѣли побить его, но въ это время онъ сталъ невидимъ. Черезъ нѣсколько времени пришла мать, но деньги пропали вмѣстѣ съ человекомъ. Появилась также легенда, будто пастухи пасли скотъ недалеко отъ слободы и нашли тамъ нору „скоту“, лисью или другого звѣря. Передъ вечеромъ они увидѣли, что изъ этой норы вышелъ мальчикъ въ красной рубашкѣ и въ красной шапочкѣ, а на рукахъ вынесъ маленькую дѣвочку; проходили они возлѣ норы и, когда постухи стали приближаться къ нимъ, то скрылись опять въ нору. Къ чему относится эта легенда, пока не разберешь, народъ впоследствии опредѣлитъ, либо къ урожаю, либо къ холерѣ, или къ чему другому. Если у кого падетъ скотина, то считаютъ, что Богъ наказалъ за то, что когда люди стояли въ заутренѣ, этотъ человекъ кормъ скотинѣ давалъ.

Заговоръ отъ лихорадки: „Богъ напустилъ на Христовый міръ, щѣбъ Бога не забува́лы, и вси его прославля́лы! Забралася Ханька, трикмета погánка, по свѣту гуля́ты, людей навича́ты. Повій, вітре, изъ-пидъ сонця, засы́пать погánци очи въ виконци, щѣбъ людей не бáчила, б́иле т́ило не гнит́ыла, голóвоньку не крут́ыла; мин́ула пáльчики, не спизна́ла сустáвчики, щѣбъ ала кровь не зост́ыла и раба Бóжого (имя) отпу́стыла. Янголе Бóжий, заженъ погánку за чérтову бáлку, на мóре Оки́яну, на дно-Тит́яну! Де пт́иця не лит́ае, звиръ не живѣ, р́ыба не гу́лае, га́да живѣ, нехай вона́ его и жре. Амíнь.

Заговоръ отъ зубовъ: „Місяце, Авра́ме, въ тебе́ е три браты́: видм́идъ у л́иси, р́ыба у мóри, черв́якъ у д́уби; ко́лы ци браты́ соберу́дця вм́исти гуля́ты, то́дй и зу́бы б́удуть оп́ять бо-

литы, а тепѣрь вони́ не гуля́ють и черв́якы́ у раба Бóжого (имя) изъ зуби́въ хай пови́пада́ють“.

При лѣченіи скота посредствомъ заговоровъ употребляются тѣ же заговоры, что и для людей, только измѣняется названіе болѣзни, при этомъ непремѣнно воображаютъ болѣзнь въ видѣ женщины, которую и гонять въ „оки́яну мóре“; употребляютъ нѣкоторые приемы, напр., перекидываютъ мѣшокъ или шапку крестообразно черезъ животное или вокругъ посыпаютъ солью.

Главное занятіе крестьянъ—земледѣіе второстепенное—разведение лука по мѣстному названію „дибу́ли“; ею засаживаютъ домовитые крестьяне большую часть огорода. Собранный лукъ поступаетъ въ продажу, а остальные огородные овощи разводятся для себя, и продается только излишекъ. Лукъ очень хорошо вознаграждаетъ трудъ крестьянина: при небольшомъ уходѣ и малой площади онъ даетъ возможность уплатить всѣ подати и оправдать другіе расходы. Плантація въ 200 квадр. сажень можетъ при урожаѣ дать 100 руб. Лукъ разводятъ самый крупный, иногда бываютъ луковицы въ $1\frac{1}{2}$ фунта вѣсу. Разводятъ лукъ самымъ рациональнымъ способомъ: удобряютъ землю, добываютъ отличныя сѣмена и изъ нихъ разводятъ его; въ первый годъ лукъ родится величиною въ орѣхъ, иногда достигаетъ величины небольшого куриного яйца, смотря по обилію влаги; на слѣдующій годъ эти луковицы разрѣзываютъ на 3—4 части по числу ростковъ, которые она можетъ выгнать изъ земли; эти-то части и садятъ на грядахъ на глубинѣ 2-хъ вершковъ и заравниваютъ гряды; весною и лѣтомъ только и заботы за нимъ, что время отъ времени прополоть сорную траву, но поливки не дѣлаютъ. Если лукъ пускаетъ дудки, т. е. стволыки для цвѣтенія, то ихъ срываютъ, иначе луковицы не будетъ: вся она перейдетъ въ дудку. Въ началѣ или половинѣ августа луковицы готовы, и ихъ выбираютъ изъ земли просто руками, такъ какъ всѣ луковицы къ этому времени окажутся наверху и легко отдѣляются отъ земли; собранныя луковицы заплетаютъ въ вѣнки-полоски и продаютъ отъ 5 до 10 коп. за вѣнокъ, смотря по качеству лука.—Пчеловодство и садоводство особеннымъ вниманіемъ не пользуются; хотя въ Марковкѣ

и много садовъ, но они содержатся первобытнымъ способомъ, сильно заростають и представляютъ непроходимый кустарникъ, а потому и мало даютъ или совсѣмъ не даютъ плодовъ.—Кустарные промыслы развиты очень слабо; это объясняется тѣмъ, что въ прежнее время крестьяне принадлежали государственному коннозаводству и должны были отбывать повинности натурою и трудомъ: съ каждой ревизской души полагалось давать сѣна по 24 пуда, соломы 6 пуд., сѣно должны были косить на своей землѣ, солому доставляли съ своего хлѣба, но зато никакихъ подушныхъ денежныхъ взносов, кромѣ содержанія общественныхъ учреждений, напр., волости, школы и пр., не было. Приволья было много, поэтому имъ жилось хорошо; они ничѣмъ другимъ не занимались кромѣ хлѣбопашества и разведенія рогатаго скота, объ улучшеніи породы котораго правительство заботилось: присылало породистыхъ бугаевъ и строго наблюдало за содержаніемъ и убылью ихъ (отчетъ о бугаяхъ въ архивѣ 1846 г., дѣло № 148-й). Въ настоящее время скотъ такъ измелъчалъ, что за рѣдкость увидѣть въ стадѣ хорошую корову; этому причиною плохіе бугаи и недостаточность пастбища и корма; при покупкѣ бугая избранные доверенные общества стараются какъ можно больше оставить намогарычъ изъ опредѣленной на это суммы.

Религіозное настроеніе крестьянъ достаточно ясно выражается любовью къ храму и его нуждамъ; напр., въ 1885 году крестьяне рѣшили перестроить церковь, которая оказалась тѣсною и ветхою. Капитала у нихъ было только 1 тысяча руб., тѣмъ не менѣе они договорили подрядчика на перестройку за 9 тысячъ, и имѣвшуюся тысячу отдали въ задатокъ, но не послали по сбору для постройки, какъ это дѣлають въ другихъ селеніяхъ, а стали изобрѣтать доходныя статьи. На первый разъ взяли подрядъ сѣнокоса въ конскомъ заводѣ 1000 десят. и цѣлымъ обществомъ убрали его въ полмѣсяца и заработали 2½ тысячи за исключеніемъ всѣхъ расходовъ; въ то же время посѣяли около 150 десятинъ пшеницы и къ осени выручили отъ этого около 2-хъ тысячъ; обезпечивъ себя болѣе, чѣмъ на годъ, они и въ слѣдующіе года продолжали поступать такъ же, и съ тѣхъ поръ прошло 7 лѣтъ. Въ эти года они

сдѣлали новую колокольню, которая не входила въ прежній подрядъ, и отдали за нее 10 тысячъ, построили новый иконостасъ за 10 тысячъ и многія другія подѣлки, такъ что затратили около 40 тысячъ, но на церковь не просили, да еще думаютъ построить и новую ограду, школу и караулку. Изъ сказаннаго ясно, какъ крестьяне относятся къ нуждамъ церкви и какъ охотно жертвуютъ капиталомъ и своимъ трудомъ. Сектантовъ въ мѣстности и близко около Марковки нѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была найдена икона Козельщанской Божіей Матери на полѣ въ криницѣ и принесена въ церковь; народъ, принявъ ее за явленную, сталъ служить ей молебны, и слухъ быстро распространился о ней на далекое пространство вокругъ; стали являться поклонники, чаявшіе исцѣленія, но мѣстный благочинный и другое начальство приказали убрать эту икону, и теперь она находится въ алтарѣ.

Общественной благотворительности нѣтъ, но въ прежнее время она была. Во времена коннозаводскаго окружнаго правленія было издано повелѣніе открыть богадѣльни при каждой волости человѣкъ на 15, больныхъ стариковъ, сиротъ и безродныхъ (дѣло № 69, 1846 года), а также и школу, которая содержала бѣдныхъ учениковъ на общественномъ иждивеніи—отпускала имъ одежду, обувь и кормила ихъ (дѣло о призрѣніи бѣдныхъ учениковъ и ихъ содержаніи № 22, 1846 г.). Хотя все это дѣлалось по приказанію начальства, но все-таки дѣлалось; теперь же этого нѣтъ. Существуетъ благотворительность частная, т. е. каждый хозяинъ помогаетъ неимущему, чѣмъ только можетъ, и такими приношеніями въ настоящее время содержится одинъ параличный старикъ, который около ½ года лежитъ въ отведенной ему пустой хатѣ. За нимъ присматриваетъ одна женщина. Полезнѣе было бы взять его на общественное попеченіе, тогда онъ былъ бы обезпеченъ на каждый день.

Развитіе. Опредѣлить умственный уровень народа, подвести его подъ какую либо мѣрку не возможно, хотя можно сказать, что общій умственный уровень ни чѣмъ не отличается отъ уровня

рабочаго люда всякой мѣстности. Бываютъ единичные случаи, когда крестьянинъ собственнымъ умомъ додумывается до какого нибудь не новаго, а только не имѣющагося по близости, мастерства. Такъ, одинъ крестьянинъ собственнымъ умомъ дошелъ и устроилъ токарню для желѣзныхъ вещей, т. е. станокъ, на которомъ вытачиваетъ желѣзные валики и другія незатѣйливыя вещи, которыхъ кузницы не могутъ устроить, такъ же отливаютъ изъ цинка втулки и другіе предметы для молотилокъ и вѣялокъ. Существуютъ и другіе механики-самоучки по части деревянныхъ вещей и проч. Образование распространяется посредствомъ школъ, которыхъ въ Марковкѣ 5; двѣ изъ нихъ земскія, а 3 церковно-приходскія. Какъ тѣ, такъ и другія переполнены учениками, и при поступленіи учениковъ ежегодно чувствуется недостатокъ мѣстъ. Если бы открыть еще 1—2 школы, то и тогда хватило бы учениковъ. Жаль только, что ученикамъ нечего читать по окончаніи курса. Этотъ фактъ достаточно обрисовываетъ отношеніе крестьянъ къ школѣ; отношеніе же къ учителю выражается въ томъ, что бывшіе ученики всегда обращаются къ учителю съ просьбою дать что нибудь почитать. Впрочемъ, обращаются за совѣтомъ къ учителю и родители учениковъ и даже прочіе крестьяне. Когда школа была коннозаводскою, то доброе отношеніе крестьянъ къ школѣ поддерживало начальство, заставляя общество содержать бѣдныхъ учениковъ на полномъ общественномъ содержаніи въ пищѣ, одеждѣ, обуви и другихъ необходимыхъ предметовъ; на такомъ иждивеніи школы было до 10 человекъ, а нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся успѣшностію въ изученіи грамоты, были посылаемы начальствомъ въ С.-Петербургъ для изученія сельскаго хозяйства въ петербургскихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ; обыкновенно выбирались и посылались ежегодно 2 ученика (архивное дѣло № 64, 1846 года).

Въ семьѣ или обществѣ, исключая свадьбъ, крестьянинъ не позволяетъ себѣ никакихъ дурныхъ поступковъ; но, какъ только подгулялъ или попалъ на свадьбу, то тутъ позволяетъ себѣ многія недозволительныя вещи; у молодежи на вечерницахъ кто лучше выдумаетъ или кто красивѣе скажетъ какую либо нецензурную шутку или прибаутку, тому и чести болѣе.

Нужно замѣтить, что дѣвушки крестьянки не слишкомъ застѣнчивы и, хотя сами не выдумываютъ, но охотно слушаютъ подобныя остроты. Положеніе женщины таково: мужъ—старшій въ семьѣ и заправляетъ, распоряжается всею семьей, не исключая и жены; женщина въ семьѣ нужна болѣе какъ работница и хозяйка, подъ присмотромъ которой и ея руками совершаются всѣ работы. Лѣтомъ она вяжетъ снопы, гребетъ снопы, обрабатываетъ и пропалываетъ огородъ; осенью она готовитъ для пряденья ленъ и коноплю, а зимою прядетъ и печетъ; она всегда въ работѣ. Особенной приниженности предъ мужемъ не терпитъ; понятно, что, если мужъ пьяница, то женѣ приходится переносить отъ него побои и всякія непріятныя сцены. Въ 1846 году за истязаніе свекромъ невѣстки виновный былъ опредѣленіемъ земскаго суда наказанъ 70 ударами плетей и ссылкой въ арестантскія роты на 4 года (дѣло № 52), а въ 1864 году по обвиненію за дурное поведеніе, за сожительство съ чужою женою и воровство виновнаго наказали 20 ударами и безъ зачета отдали въ рекруты (дѣло № 38). Въ настоящее время проституція хотя и встрѣчается, но совершается тайно, и на такихъ женщинъ смотрятъ съ презрѣніемъ; нѣкоторые занимаются этою профессією для добыванія средствъ къ жизни, нѣкоторые же просто изъ распущенности. Впрочемъ, могу прибавить, что всѣ таковыя женщины не чисто крестьянки, а болѣе подходятъ къ мѣщанамъ или подгороднымъ, коренныя же крестьянки хотя и грѣшатъ, но ведутъ свои дѣла въ строгой тайнѣ.

Вообще дѣти почитаютъ отца, но бываютъ и исключенія; на примѣръ въ 1890 году въ волостномъ судѣ разбиралось дѣло о раздѣлѣ отца съ сыномъ, и судъ сдался на мнѣніе отца, который за непослушаніе своего сына приказалъ наказывать его 25 ударами розогъ, что и было исполнено, и тѣмъ заставилъ сына примириться съ своею судьбою, и сынъ остался жить при отцѣ. Пьянство отчасти уменьшилось съ открытіемъ винныхъ лавокъ вмѣсто кабаковъ, хотя и теперь въ праздничные дни цѣлыя сборища около винныхъ лавочекъ, а всетаки сравнительно съ прежнимъ (лѣтъ 8 назадъ) пьянство уменьшилось; можетъ быть, причиною тому скудные года. Прежде за обык-

новеніе было пропить общественный дугъ, общественную солому, излишнюю землю и т. под. По исчисленію, въ 1886 году крестьяне пропили около 2 тысячъ руб. общественныхъ денегъ, не считая такихъ доходныхъ статей, какъ при постановленіи приговора на пріемъ или увольненіе изъ общества, когда тоже пьютъ могарычъ.

Свадьба. При рожденіи и крещеніи ребенка никакихъ пѣсенъ не поютъ, и эти важныя событія проходятъ безъ угощенія и гульбы; самое большое, если дадутъ закусить чтонибудь куму съ кумою и выпьютъ бутылку водки или вина.

Вечерницы устраиваются только во время свадьбы. Невѣста еще съ утра идетъ собирать своихъ подругъ, и дѣлается это особенно торжественно: она наряжается въ самую лучшую яркую одежду, голову убираетъ цвѣтами и лентами и въ этомъ нарядѣ идетъ къ своей лучшей подругѣ или родственницѣ, которая, нарядившись въ лучшую одежду и ленты, сопровождаетъ невѣсту, и онѣ обѣ идутъ за третьей подругой, потомъ за 4—5 и т. д.; переходы изъ одного дома въ другой сопровождаются пѣніемъ присвоенныхъ этому событію пѣсенъ. Самая же процессія и кругъ подругъ называется „водѣть дружкѣ“ и продолжается цѣлый день. Особенно замѣтны эти дружки осенью, когда болѣе всего гуляютъ свадьбы. Тогда только и видишь, что проходятъ съ пѣніемъ дружки, наряженные въ ярко-красныя одежды, въ красныхъ сапогахъ и съ цѣлымъ пучкомъ развѣвающихся по вѣтру разноцвѣтныхъ лентъ въ косахъ; не успѣетъ пройти одна толпа, какъ идетъ другая, а тамъ еще и еще. Въ это же время и точно такія же партіи собираетъ и женихъ изъ своихъ товарищей; эти партіи называются боярами. При встрѣчѣ съ какимънибудь пожилымъ человѣкомъ дружки и бояре проходятъ, а невѣста или женихъ останавливаются и кланяются въ поясъ встрѣчному. Затѣмъ снаряжаютъ поѣздъ брать невѣсту. Это дѣлается дня черезъ три или черезъ недѣлю въ ближайшее воскресенье. Тогда бояре ѣдутъ верхомъ на лошадяхъ, а поѣздъ, убранный цвѣтными бумажными полосками, а иногда шпалерами, кумачемъ и лентами, со звонками подкатываетъ къ воротамъ невѣсты, усаживаетъ и торжественно везетъ ее въ домъ же-

ниха; женихъ же и бояре на лошадяхъ верхомъ сопровождаютъ невѣсту. Собравъ всѣхъ подругъ, невѣста ведетъ ихъ въ заранѣе приготовленную хату, туда же къ вечеру приходятъ бояре съ женихомъ, и здѣсь устраиваются вечерницы. Бояре приносятъ каждый что нибудь: курицу, утку или кусокъ баранины, подруги невѣсты дѣлаютъ складчину на муку, сыръ, масло и проч., выпивка отъ жениха, и здѣсь готовятъ „вечерю“: варятъ вареники, галушки, жарятъ птицу и яичницу, и вмѣстѣ съ боярами поѣдаютъ все это; потомъ танцуютъ, поютъ или потѣшаются какимъ нибудь паробкомъ—чудакомъ, наряженнымъ въ женское платье или въ коужу на выворотъ, или просто слушаютъ сказки, иногда остроты бойкихъ паробковъ. Дѣвки иногда идутъ ночевать съ избранными паробками; это въ укоръ имъ не ставится, и почти всѣ такъ поступаютъ. Въ день вѣнчанья, собранныя дружки садятся за столъ съ невѣстою и поютъ подходящія къ этому событію пѣсни, пока не пріѣдетъ женихъ. Большею частію женихъ съ боярами приходятъ пѣшкомъ, берутъ невѣсту и, сопровождаемые тѣми же дружками и поручителями, идутъ въ церковь вѣнчаться. Послѣ вѣнчанья молодой съ боярами идетъ въ гости къ старшему боярину, а молодая къ старшей дружкѣ, гдѣ для нихъ готовится обѣдъ. Пообѣдавъ, новобрачные расходятся по домамъ и живутъ такъ до перваго воскресенья, когда уже играютъ свадьбу. Въ это воскресенье молодой снаряжаетъ цѣлый поѣздъ. Молодая сидитъ у себя за столомъ съ дружками, и дожидается этого поѣзда. Пріѣхавшіе войдутъ, а дружки выйдутъ изъ-за стола и уступаютъ мѣсто гостямъ, которые во главѣ съ молодымъ и молодою садятся за столъ. Вскорѣ всѣ поднимаются, берутъ молодую и увозятъ ее домой. Съ этого времени начинается свадьба: родные невѣсты гуляютъ у отца невѣсты, а жениховы—у жениха.

На другой день торжественно поднимаютъ молодыхъ и, смотря по достоинству невѣсты, устраиваютъ гулянье. При благоприятныхъ условіяхъ каравай, ложки, рюмки убираютъ красными лентами, а надъ хатою выкидываютъ красный флагъ на длинномъ шестѣ, который потомъ несутъ за собою всюду, куда ни направляется свадьба; свадьба же отъ жениха вся

направляется съ флагомъ и молодыми къ отцу невѣсты, и здѣсь для нихъ готовятъ угощеніе. Шествіе къ отцу невѣсты сопровождается иногда самыми комическими сценами: запрягаютъ 2 или 3 пары воловъ цугомъ, съ погоньями, становятъ рядомъ двое или трое саней, а иногда телѣгъ, кладутъ доски, и сюда садится вся свадьба съ флагомъ; эта процессія медленно движется по улицамъ, время отъ времени выпивая по рюмкѣ, играютъ и поютъ пѣсни или пляшутъ подъ музыку. Въ домѣ невѣсты свадьбу—„бесѣду“ сажаютъ починно за столы, и невѣста съ женихомъ угощаютъ сидящихъ: сначала подносятъ отцу и матери жениха; при этомъ кланяются имъ до земли, лежа до тѣхъ поръ, пока угощаемые не выпьютъ; потомъ подносятъ ближайшимъ родственникамъ, уже съ пояснымъ поклономъ. Часто свадебные расходы на водку и съѣстное составляютъ около 100 р. у богатыхъ, а у бѣдныхъ руб. 40—50. Разница между свадьбою богатою и бѣдною въ томъ, что богатый покупаетъ 20—30 ведеръ водки, а бѣдный отъ 2 до 3 ведеръ, рѣжутъ 2—3 барановъ или гусей, иногда телку. Впрочемъ, съѣстное на свадьбѣ не составляетъ необходимаго, иногда довольствуются только хлѣбомъ и огурцами или капустою; мясо большею частию подается варенымъ; галушки, холодецъ и каша—это обѣдъ. Въ остальные дни никакихъ обѣдовъ не готовятъ, только угощаютъ водкою при скудной закускѣ, и наконецъ отказываются угощать и водкою, такъ какъ гости „ни поры, ни чѣру“ не знаютъ и пьютъ отъ зари—до зари. Танцы устраиваютъ иногда подъ музыку, если же нѣтъ ея, то кто нибудь выбиваетъ въ худое ведро или заслонку дробь, а остальные танцуютъ,—или подъ тактъ пѣсни. Когда у хозяина не станетъ водки, то берутъ его, кладутъ на рядно и тащатъ въ кабакъ пропивать; тамъ онъ покупаетъ четверть, самъ же старается уйти, послѣ чего гости пьютъ въ складчину и расходятся. Гулянье иногда продолжается цѣлую недѣлю. Молодыхъ при дѣлежкѣ каравая дарятъ, кто баранчикомъ, кто мѣшкомъ пшеницы, а кто полотенцемъ; это дѣлается на другой день послѣ свадьбы.

Поютъ слѣдующія пѣсни:

1) На проводы невѣсты: „Ой, спасіби тобі, мий батенько,

за твоє кохання, якъ я у тебе жилъ—кохалася: важкого діла не знала, грубого слова не чула, а теперъ піду—поскачу, важке діло побачу, грубе слово почую“.

2) „Ой, доненько моя, иди, не барься, швиденько йшла, повненько брала, а вечереньки не застала: тільки ступила полавину двора, брязнули ложечки у столъ; тільки ступила на присіночки, брязнули тарілочки, на порігъ стала ступати, стали столы стирати. Не погнивайся, чуже дитя, що забули оставити вечеряти. Я въ друге пийшла, до батенька зайшла, тай сила вечеряти, чи тожъ вечеряти, чи тожъ поглядати, чи не йдуть загонати; покотилися слізочки по білому личку, тай и впали дрібни слізочки та Марьечки въ ложечку. Якъ батенько гляне, серденько вьяне: чого жъ моє мые дитя плаче, чи біта, чи лаяна, чи йисти не давано. Мини жъ не біто, лаяно, тільки йисти не давано“.

3) „Отсунь, Марьечко, тай виконечко, подивись на ясне сонечко, чи високо сонечко на небі, чи хорощий Пётречко (женихъ) на коні. Ой, високо, матенька, сонечко на небі, ой, хорощий Пётречко на коні,—хорощий, матенько, тай краще всіхъ, изнявъ шапочку швидче всіхъ, поклонився понище всіхъ“.

4) „Батенько передъ столѣмъ частує, долею дарує; отгадай, доненько, чий доля лучча, чи Божая, чи батенькова. Божая доля лучча; батенькова доля до чатня, Божая доля до вічня“.

5) Сыроцька пїсня: „Я ходила по горѣ, тай гонила сирі утята; пливй, пливй сире утй, тай по воді, прибудь, прибудь, мой матенько (или батенько) теперъ до мєни. Ой, рада бы я, дитя моє, прибути до тебе: уста мой склепилися, рѣченки мой зложилися, я не можу встати“.

6) На сватань: „Йихали боіры рядѣчкомъ, тай по-пидь вишнєвымъ садѣчкомъ; зломйли квітѣнку зелененьку, клікалы Марьечку молоденьку: ты йди, Марьечко, зъ нами, дамо тобі квітѣнку съ перами, ще й съ золотими краями. Я жъ тий квітѣнці не знаю, полюбіла Пётрєнька, якъ свою дѣшу“.

7) „Въ чистѣмъ полі криниченька, чиста вода льєцьця, а тамо Марьечка воду брала, коромысло гнєцьця. Ой, гнєся,

гнѣся, хочѣ и уломѣся, чимъ ты, молодой Пётренъко, давно не женѣлся“.

8) „Якъ бы я знала свою долю, не пишла бы зѣмижъ молодю тай не пишла бы зѣмижъ за салдата; салдаты дома не почѣе, а я всю ниченьку просумѣю“.

Когда идутъ по улицѣ дружкѣ, то поютъ:

9) „Ой, у пѣли конопѣлечка стояла, волоконечко маяла, не дали ей бѣины вѣтры стоять, волоконечко маяты (съ припѣвомъ гу!). Ой, гуляла дѣвко Марьечка у батенько, не дали ей добри людѣ гуляты, киску маяты,—гу!“

При входѣ во дворъ дружкѣ поютъ:

10) „Застылайте столы, вымитайте дворы, сполняйте клубочки, ось идутъ панянки, дружечкѣ; клубочки повнѣньки, дружечкѣ малѣньки. Обризаѣ, маленько, китѣйки, застылаѣ столы и вси лѣвки, ось идутъ дружечкѣ панянки“.

Невѣста въ послѣдній день дома поетъ:

11) „Устанѣ, устанѣ, мий батенько, годи тоби спаты, а вже жѣ менѣ тай у тебѣ не вѣкъ викуваты, одну ничку субботоньку переночуваты, одѣнѣ дынѣкъ недѣленьку“.

12) Свадебная пѣсня: „Дружѣ каравѣй краѣ, семеро дѣтѣй маѣ, та вси съ костылями, весь каравѣй забрали, та въ михѣ поховали, въ михѣ, та въ халѣшу, батькови на сторѣшу, въ михѣ, та въ рукавици, дѣвчѣтамъ на вечерници“.

Дѣвѣцка пѣсня:

13) „Летѣтъ орелъ по-надѣ моремъ, не дай, море, пѣты; велѣкая Маркѣвочка, та никого любѣты: булы, булы хлопѣточка, въ салдаты забрали, остѣлыся волопѣсы, ти волѣ погналы“.

14) „Въ огорѣди любѣсточекъ, схилѣвся лѣсточекъ, не бѣчила милѣнького, болѣтъ животѣчекъ. Въ огорѣди кренѣченька, чѣста вода лѣецѣя, якъ побѣчу милѣнького, ажѣ сердѣнько бѣецѣя. На яблоньки горлыночка суммѣе-воркѣе, якъ побѣчу милѣнького, щѣро поцѣлю“.

15) „Надѣ нашими воротами чѣрна хмѣра стѣла, а на тѣю дѣвчѣноньку поговѣрь, та слѣва; булѣ, булѣ слѣва, стѣлы поговѣры, тай на тѣю дѣвчѣноньку, шо чѣрнии брѣвы“.

16) „Ой, кѣло млѣна калѣна, не калѣна—соснѣ, самѣ собѣ дѣвѣюся, для кѣго я выросла; чи для тебѣ, каламѣрю, крамомѣ“.

торгуваты, чи для тебѣ, скѣрвый сѣну, волѣвъ погонѣты; тай погонѣла сѣры волѣ рябѣи корѣвы, попалѣла бѣле лѣчко, ще й чѣрнии брѣвы“.

Народный календарь основанъ на примѣтахъ; примѣчаютъ большею частію по какому либо животному или птицѣ, иногда по облакамъ, солнцу, лунѣ и пр.; напр., если воробѣи летѣютъ большими кучами и громко чирикаютъ, то будетъ дождь, не сегодня, такъ завтра; если купаются въ пыли, или водѣ, тоже будетъ дождь. Если гуси обираются, т. е. носомъ копаются въ перьяхъ, тоже къ дождю, а если зимою купаются, то будетъ оттепель. Если паукъ сидѣтъ на срединѣ своей паутины, то будетъ вѣдро, если прячется въ уголокъ, то будетъ дождь; если тарантулъ убѣрается изъ своей норы, иногда съ дѣтьми, то будетъ сильный дождь, и много воды. Если зимою собака катается по снѣгу, то будетъ мѣтель; если свинѣя несетъ солѣму для логова, то будетъ мѣтель и холодно. Послѣ слишкомъ большого мороза ожидаѣ оттепели. По небу вечеромъ облачка въ видѣ змѣекъ вѣются или похожія на колечко овечьей шерсти и по небу растягиваются, то на слѣдующій день цѣлый день будетъ дождь или вообще продолжительный и будетъ пасмурно. Слишкомъ ярко восходитъ солнце—къ дождю, заходитъ въ тѣчку—къ дождю; если при заходѣ окрашиваетъ облака розовымъ или краснымъ цѣтѣтомъ, то будетъ вѣтеръ. Много звѣздъ на небѣ предвѣщаютъ хорошую погоду, мало, когда мелкихъ не видно,—къ дождю. Если къ Свѣтлому празднику куры много несутъ яицъ, то это къ неурожаю, что и оправдалось въ 1891 году: яицъ къ празднику было изобильно, а хлѣба очень мало. Всѣхъ примѣтъ не исчислишь, такъ какъ почти каждая семья примѣчаетъ по своему.

Праздниковые обряды. На Рождественскихъ святкахъ принято посѣщать своихъ родственниковъ. Еще подѣ Рождество на сочельникъ, или „багѣтый святъ—вѣчеръ“, готовятъ въ каждомъ домѣ „кутѣю“, „узваръ“ и пекутъ пироги; вечеромъ чинно садятся за столъ, на который накладываютъ столько хлѣба и пироговъ, что семейство не можетъ поѣсть всего; это дѣлается за нѣсколько времени до ужина, и старшій въ семьѣ, отецъ или дѣдъ, садятся за столъ, сыновей въ это время зовутъ вечерять;

они, войдя въ комнату, становятся у порога, а отецъ изъ-за стола спрашиваетъ: „а шо, сыны, бачите вы свѣго бѣтька“?— „Ни, не бачимъ“, отвѣчаютъ они. „Бодѣй бы вы его и лѣтомъ не побѣчили изъ-за хлѣба“. — „Дай Богъ, тѣту“. Послѣ этого садятся „вечерять“. Вечеромъ на Рождество молодыя дѣвушки ходятъ щедровать подь окнами и поютъ: „щѣдрикъ вѣдрикъ, дай вѣренныкъ, грудочку кашки, килце ковбаски“, или: „Щѣдрый вечеръ, добрый вечеръ, добрымъ людемъ на здоровье“. Послѣ утрени на Рождество мальчики ходятъ по хатамъ и славятъ Христа. Подь Крещеніе, въ „голодный святъ вечеръ“, ѣдятъ только кутью и узваръ, приговаривая: „иды, куття, изъ покутя, а узваръ на базаръ“. Нужно сказать, что кутья и узваръ, наваренные на сочельникъ, стоятъ въ переднемъ углу на сѣнѣ, а подь Крещеніе доѣдаются. На Крещеніе вечеромъ дѣвушки ходятъ подь окнами и „миланкують“, т. е. поютъ: „Миланко ходыла, Васылька просыла, Васылько, мый бѣтько, пусты мене въ хѣтку, я жита не жалѣла, честный хрестъ держала, радуйтесе люды, до васъ Христосъ бѣде, Богу свѣчку ставьте, намъ пиритъ давайте, не дастѣ пирога, возьмемъ волѣ за рога, а кобылу за чупрыну, поведѣмъ на могилу, изъ могилы та въ кабѣ проѣдемъ за пятакъ“. Во всѣ большіе праздники мужъ съ женою и сестры съ братьями ходятъ по улицѣ, смотря по времени, на гуляніе, а въ особенности „ковбасою“, а въ ночь угощаютъ ихъ, камы съ сыромъ и сметаною. На Масляной недѣлѣ собираются на улицу, устраиваетъ катанье съ горъ или просто „пѣвзается“ по льду; вечеромъ собираются въ хоробы: берутся въ растяжку рука-за-руку и съ пѣсней идутъ или бѣгутъ по улицѣ. Этотъ хоробъ называется „водѣтъ козла“, при этомъ поютъ пѣсню, какъ видно, сохранившуюся отъ временъ языческихъ: „Какъ вскочивъ козель въ огорѣдъ, въ огорѣдъ, Дѣду—Лѣду, въ огорѣдъ, въ огорѣдъ; та пойивъ козель лукъ—чеснокъ, Лукъ—чеснокъ, Дѣду—Лѣду, лукъ—чеснокъ (2 раза). А мы просо сѣялы, сѣялы, Дѣду—Лѣду и пр. и того козла поймалы, поймалы, Дѣду—Лѣду и пр. Та впоймалы козла за рога, за рога, Дѣду и пр. Та потяглы козла до торгоу, до торгоу, Дѣду и пр. И продалы козла за три рубль, за три рубль, Дѣду—

Лѣду“ и пр. Остальные праздники проходятъ безъ всякихъ обрядностей и пѣсенъ, только на Ивана Купала дѣвушки плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣваютъ на голову и въ вѣнкахъ идутъ въ лѣсъ; тамъ гуляютъ, поютъ пѣсни, но спеціальныхъ пѣсенъ на этотъ случай не сохранилось, а поютъ, какія прійдется. Потомъ, возвратясь домой, вѣшаютъ вѣнокъ на шесть или кладутъ на сарай, засушиваютъ его, и при болѣзняхъ пьютъ настой изъ этой травы; такъ же поютъ настойкою съ той травы, которую берутъ на Троицу послѣ вечерни, т. е. моленія о Свят. Духѣ, съ того столика, передъ которымъ читалъ священникъ молитву съ колѣноприклоненіемъ.

Игры. Зимомъ мальчики играютъ въ „свѣнку“—шаръ; подѣлившись на 2 партіи, становятся рядомъ парами, другъ къ другу лицами. Одинъ мальчикъ, отступя отъ прочихъ на 10 шаговъ, начинаетъ, т. е. бьетъ шаръ палкою по направленію къ разставленнымъ парамъ; когда шаръ долетитъ до какой нибудь пары, то мальчики стараются бить шаръ, одинъ по прежнему направленію, а другой назадъ, и стараются отбивать шаръ другъ у друга, пока наконецъ одной партіи не удастся догнать шаръ до опредѣленной черты,—тогда партія считается выигранною, и начинаютъ другую. Игра въ „гѣлки“ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлаютъ обрубокъ изъ палочки, длиною въ четверть, выкапываютъ маленькую ямочку, обводятъ чертою—„городкомъ“. Одинъ изъ играющихъ становится въ городокъ, подбрасываетъ одною рукою обрубокъ и тою же рукою палкою бьетъ его; остальные стоятъ въ „полѣ“ и стараются задержать его своими палками или вѣтками. Кто остановилъ обрубокъ, беретъ его и бросаетъ въ городокъ, а стоящій въ городѣ отбиваетъ его палкою отъ городка и, если удастся понасть и отбить, то это разстояніе измѣряется тою же палкою, которою билъ, и сколько разъ уляжется палка, столько считается „гиль“ на противникѣ; если же не удалось отбить и обрубокъ не попалъ въ городокъ, то играющій бьетъ обрубокъ по одному концу на землѣ, отчего онъ подскакиваетъ кверху, а въ это время мальчикъ старается ударить его, какъ мячъ, и опять по—прежнему измѣряютъ разстояніе; если же обрубокъ попалъ въ городокъ, и разстояніе между городкомъ и обруткомъ

они, войдя въ комнату, становятся у порога, а отецъ изъ-за стола спрашиваетъ: „а шо, сыны, бачите вы свѣго бѣтька“?— „Ни, не бачимъ“, отвѣчаютъ они. „Бодѣй бы вы его и лѣтомъ не любѣчили изъ-за хлѣба“. — „Дай Богъ, тѣту“. Послѣ этого садятся „вечерять“. Вечеромъ на Рождество молодыя дѣвушки ходятъ щедровать подъ окнами и поютъ: „щѣдрикъ вѣдрикъ, дай ва-рѣныкъ, грудочку кѣшки, килце ковбѣски“, или: „Щѣдрый вѣчеръ, добрый вѣчеръ, добрымъ людемъ на здоровье“. Послѣ утрени на Рождество мальчики ходятъ по хатамъ и славятъ Христа. Подъ Крещеніе, въ „голодный святъ вечеръ“, ѣдятъ только кутью и узваръ, приговаривая: „идѣ, кутѣ, изъ по-кутя, а узваръ на базаръ“. Нужно сказать, что кутья и узваръ, наваренные на сочельникъ, стоятъ въ переднемъ углу на сѣнѣ, а подъ Крещеніе доѣдаются. На Крещеніе вечеромъ дѣвушки ходятъ подъ окнами и „миланкуютъ“, т. е. поютъ: „Миланко ходѣла, Васѣлька просѣла, Васѣлько, мий бѣтько, пустѣ мене въ хѣтку, я жѣта не жѣла, честный хрестъ держѣла, радуй-теся люды, до васъ Христѣсъ бѣде, Бѣгу свѣчку ставѣте, намъ пирѣгъ давѣйте, не дастѣ пирога, возѣмемъ волѣ за рога, а кобылу за чупрѣну, поведѣмъ на могѣлу, изъ могѣлы та въ кабѣкъ, пропѣмъ за пѣятѣкъ“. Во всѣ большіе праздники мужъ съ женою непремѣнно идутъ къ тещѣ, и она угощаетъ ихъ, смотря по времени, на Рождество „прѣженнымъ“ саломъ, гусѣ-тиною, а въ особенности „ковбасѣю“, а на Маслянной варени-ками съ сыромъ и сметанѣю. На Маслянной недѣлѣ молодежь собирается на улицу, устраиваетъ катанье съ горъ или просто „пѣвзается“ по льду; вечеромъ собираются въ хорѣводы: берутся въ растѣжку рука-за-руку и съ пѣсней идутъ или бѣгутъ по улицѣ. Этотъ хорѣвъ называется „водѣтъ козлѣ“, при этомъ поютъ пѣсню, какъ видно, сохранившуюся отъ временъ язы-ческихъ: „Какъ вскочѣвъ козѣль въ огорѣдъ, въ огорѣдъ, Дѣду—Лѣду, въ огорѣдъ, въ огорѣдъ; та поѣвъ козѣль лукъ—чеснѣкъ, лукъ—чеснѣкъ, Дѣду—Лѣду, лукъ—чеснѣкъ (2 раза). А мы просѣ сѣялы, сѣялы, Дѣду—Лѣду и пр. и тогѣ козлѣ поѣмѣлы, поѣмѣлы, Дѣду—Лѣду и пр. Та впоѣмѣлы козлѣ за рога, за рога, Дѣду и пр. Та потѣгѣлы козлѣ до торга, до торга, Дѣду и пр. И продалѣ козлѣ за три рублѣ, за три рублѣ, Дѣду—

Лѣду“ и пр. Остальные праздники проходятъ безъ всякихъ об-рядностей и пѣсень, только на Ивана Купала дѣвушки плетутъ вѣнки изъ цвѣтовъ, надѣваютъ на голову и въ вѣнкахъ идутъ въ лѣсъ; тамъ гуляютъ, поютъ пѣсни, но спеціальныхъ пѣсень на этотъ случай не сохранилось, а поютъ, какія прѣдется. Потомъ, возвратясь домой, вѣшаютъ вѣнокъ на шесть или кладутъ на сарай, засушиваютъ его, и при болѣзняхъ пѣютъ настѣю изъ этой травы; такъ же поютъ настѣкою съ той травы, которую берутъ на Троицу послѣ вечерни, т. е. моленія о Свят. Духѣ, съ того столика, передъ которымъ читалъ священникъ молитву съ колѣноприклоненіемъ.

Игры. Зимѣю мальчики играютъ въ „свѣнку“—шаръ; подѣ-лившись на 2 партіи, становятся рядомъ парами, другъ къ другу лицами, Одинъ мальчикъ, отступя отъ прочихъ на 10 шаговъ, начинаетъ, т. е. бѣетъ шаръ палкою по направленію къ разставленнымъ парамъ; когда шаръ долетитъ до какой нибудь пары, то мальчики стараются бить шаръ, одинъ по прежнему направленію, а другой назадъ, и стараются отбивать шаръ другъ у друга, пока наконецъ одной партіи не удастся догнать шаръ до опредѣленной черты,—тогда партія считается выигранною, и начинаютъ другую. Игра въ „гѣлки“ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлаютъ обрубокъ изъ палочки, длиною въ четверть, выкапываютъ маленькую ямочку, обводятъ чертою—„городкомъ“. Одинъ изъ играющихъ становится въ городокъ, подбрасываетъ одною рукою обрубокъ и тою же рукою палоч-кою бѣетъ его; остальные стоятъ въ „пѣлѣ“ и стараются за-держать его своими палками или вѣтками. Кто остановилъ обрубокъ, беретъ его и бросаетъ въ городокъ, а стоящій въ городкѣ отбиваетъ его палкою отъ городка и, если удастся по-пасть и отбить, то это разстояніе измѣряется тою же палкою, которою билъ, и сколько разъ уляжется палка, столько считается „гѣлъ“ на противникѣ; если же не удалось отбить и обрубокъ не попалъ въ городокъ, то играющій бѣетъ обрубокъ по одно-му концу на землѣ, отчего онъ подскакиваетъ кверху, а въ это время мальчикъ старается ударить его, какъ мячъ, и опять по—прежнему измѣряютъ разстояніе; если же обрубокъ по-палъ въ городокъ, и разстояніе между городкомъ и обрубкомъ

менѣ палочки-мѣрки, то это считается проигрышемъ, и играющій идетъ въ поле, а выигравшій начинаетъ. Другія дѣтскія игры болѣе распространенныя: мячъ, „крѣмушки“, „жмурки“ и пр. Игры взрослыхъ: тотъ же мячъ, „длинныя лѣзы“. Игра эта употребляется, когда идутъ куда нибудь: одинъ становится согнувшись, другой перепрыгиваетъ черезъ него и, отбѣжавъ немного, становится въ такую же позу; третій бѣжитъ и перепрыгиваетъ черезъ обоихъ и тоже становится, наконецъ четвертый, пятый и всѣ, сколько ихъ есть; потомъ первый подымается и перепрыгиваетъ черезъ всѣхъ, за нимъ другой, третій и т. д.; игра безконечная. Любимая и доступная музыка „гармоника“, изрѣдка „балалайка“ въ 4 струны; послѣдняя исчезаетъ и теперь очень рѣдко можно встрѣтить балалаечника. Подъ эту-то музыку молодежь устраиваетъ пляску „трепакъ“. Мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ народъ за неимѣніемъ музыки, устраиваетъ ее упрощеннымъ способомъ. Вообще только богатые крестьяне нанимаютъ музыку, бѣдные же обходятся безъ нея; но чтобы не плясать безъ музыки, два или три человѣка берутъ что нибудь—разбитое ведро, чугуны или колокольчики и выбиваютъ въ эти предметы палочками дробь, а подгулявшія женщины танцуютъ, да съ какимъ еще задоромъ и азартомъ—лучше, чѣмъ подъ музыку.

Демонологія. Существуетъ повѣрье, если пожаръ произошелъ отъ молній, то его не слѣдуетъ заливать, или, если и заливать, то не водою, а молокомъ, такъ какъ въ томъ, во что былъ ударъ, находился злой духъ, котораго Господь поразилъ молніею. Иногда вокругъ горящаго мѣста обносятъ икону „Неопалимую Купину“. Если на пожарѣ сгоритъ человѣкъ, то замѣчаютъ, что огонь и дымъ надъ этимъ мѣстомъ будетъ высоко возноситься къ небу, а вмѣстѣ съ огнемъ и дымомъ возносится и душа человѣка.

Мѣстная демонологія богата своимъ разнообразіемъ. По мѣстному понятію, домовый имѣется во всякомъ домѣ на потолкѣ, у бѣднаго онъ совершенно голый, а у богатаго въ шерсти. Домовой наблюдаетъ за домашнею скотиною и любимой скотинѣ, лошади или коровѣ, хотя не всякой изъ любимыхъ, онъ даетъ кормъ и всячески холетъ её, даже отни-

мая пищу отъ другихъ; поэтому, если лошадь у хозяина захудала, то говорятъ, что домовый не взлюбилъ ея, надо шерсть перемѣнить, т. е. купить другой масти. Иногда домовый производитъ на потолокѣ шумъ или гремитъ, передвигая какіе нибудь предметы; въ этомъ случаѣ говорятъ, что домовый выживаетъ кого нибудь. Домового можно видѣть; для этого, прійдя со Страстей съ горящею свѣчею, слѣдуетъ полѣзть на чердакъ, обойти 3 раза вокругъ трубы и тогда можно увидѣть домового гдѣ нибудь въ уголкѣ. Одна женщина задумала увидѣть домового и полѣзла со свѣчей на чердакъ, да когда обходила кругомъ трубы, то, навѣрно, боялась, а потому и не рассчитала, гдѣ находится лядя и упала съ чердака, да и теперь горбата, домового же не видѣла. Люди говорятъ, что домовый сбросилъ её; онъ не любитъ, когда смотрятъ на него.

По народному повѣрью, вѣдьма родится съ хвостомъ и занимается собираніемъ молока и масла; для чего, распустивъ косы, въ одной сорочкѣ идетъ во дворъ того, у кого хорошо доится корова, и доить ее, отчего корова теряетъ молоко. Вѣдьма можетъ оборачиваться въ свинью и собаку, въ клубокъ и т. д. и нападаетъ на проходящихъ, иногда кусаетъ, или просто пугаетъ и случается на столько перепугаетъ, что человѣкъ долго болѣетъ. Чтобы отбиться отъ вѣдьмы, слѣдуетъ ночью имѣть палку изъ осики или клена, и когда вѣдьма нападетъ, то ударить ее „на—отмашь“; если удастся попасть въ неё, то она вдругъ превращается въ человѣка, а тогда уже легко справиться съ нею. Вотъ рассказъ о приключеніи съ однимъ крестьяниномъ. „Шли мы съ кумомъ шевцомъ изъ кабака и уже было поздно; какъ разъ на мостку попалась намъ бѣленькая собачка, да и ну лаять на насъ, а у Шматка была осиновая палка, онъ ударилъ её этой палкою, да только не на отмашь, а просто, такъ что она упала съ моста и пропала. На утро приходятъ къ одной женщинѣ Бѣличкѣ, а она лежитъ на печи, и все ея лицо побито и въ крови, а подъ глазомъ синякъ; тогда-то и догадались, кто была бѣлая собака: баба Бѣличка“. Другой случай: идетъ человѣкъ со свадьбы ночью и поетъ пѣсню, какъ вотъ передъ нимъ что-то прокатилось; онъ думалъ, что это ему такъ показалось; но вотъ опять,—да прямо

ему подъ ноги, такъ что онъ упалъ и тогда разглядѣлъ, что это катается клубокъ. Да только онъ поднимется и начнетъ идти, какъ клубокъ опять подъ ноги, да такъ провожалъ его почти до двора, такъ что этотъ человѣкъ долго болѣлъ послѣ того и съ трудомъ выздоровѣлъ. У одного купца вѣдьма подоила корову, и молоко пропало; когда пошли доить, то надоили немного молока съ кровью. Кто-то посовѣтовалъ имъ, чтобы они поджарили это молоко на сковородкѣ и вылили его на воротахъ; вѣдьма придетъ и будетъ просить чего нибудь. Дѣйствительно, когда вылили молоко, то вскорѣ пришла женщина, сосѣдка и тутъ-то её и напали и, какъ хотѣли, такъ и выговорили ей, такъ что она заплакала. Въ другое время, когда вылили молоко на воротахъ, то прибѣжали три поросенка во дворъ; оказалось, что они-то и сосали корову, и слѣдовательно были вѣдьмы.

Лѣтъ 25 назадъ передъ храмовымъ праздникомъ Преображенія благочинный послалъ псаломщика и своего рассыльного на Меженскій хуторъ поймать карасей въ пруду. Приѣхавъ на хуторъ, они обратились къ Меженскому отъ имени благочиннаго съ просьбою дозволить имъ наловить рыбы, на что и получили согласіе. Взявъ тутъ же висѣвшій волокъ, они въ лунную ночь начали ловить и въ 3 захода поймали столько карасей, что для благочиннаго было достаточно, и рѣшили зайти еще разъ на свою долю; дойдя до середины, они почувствовали большую тяжесть въ волокъ и едва подвигались впередъ, наконецъ, съ большимъ трудомъ добрались до берега и, когда стали вытаскивать волокъ, то въ немъ рыбы почти не было, а что-то въ „гузырѣ“ чернѣло и шевелилось, а потомъ полѣзло изъ гузыря. Вылѣзъ большой черный котъ, который усѣлся тутъ же и сталъ злобно мяукать, сверкая глазами; у ловившихъ отъ страха и волосы поднялись дыбомъ, но котъ, не давъ имъ опомниться, быстро вскочилъ, зашелкалъ въ ладоши, какъ человѣкъ, и захохоталъ, а потомъ нырнулъ въ прудъ. Послѣ этого они поскорѣе убрали волокъ и поѣхали домой. До слободы было 5 верстъ; но вотъ ѣдутъ часть—два, а слободы все нѣтъ; наконецъ стало свѣтать, и они увидѣли человѣка на ночевкѣ и спросили его—куда эта дорога? Онъ

сказалъ, что дорога на такую-то слободу, а Марковка верстъ 20 назади. Ночевали они здѣсь, а утромъ поѣхали и приѣхали часовъ въ 9 утра. Потомъ они спрашивали Меженскаго, что это за котъ? Тотъ отвѣтилъ, что это у нихъ случается: „бува“.

Юридическіе обычаи. Чисто народныхъ обычаевъ относительно сватовства, развода и раздѣла имуществъ не существуетъ, такъ какъ мѣстные крестьяне коннозаводскіе и управленіе у нихъ было не общественное, а либо по закону, либо по усмотрѣнію начальства. Относительно раздѣла имуществъ было издано узаконеніе еще въ 1823 году, по которому, если въ семьѣ 3 работника, то допускается раздѣлъ, если же меньше, то строго воспрещается, и коннозаводское начальство, т. е. окружное, строго придерживалось этого правила и подвергало виновныхъ наказанію; за одно возмущеніе въ семьѣ, побуждающее къ дѣлежу, виновныхъ штрафовали отъ 1-го руб., нѣкоторыхъ даже посылали на общественныя работы (архивъ 1845 года, дѣло № 59). Со временемъ это положеніе измѣнилось, и уже въ 1856 году допускался раздѣлъ и между 2-мя братьями, если у нихъ имѣются сыновья хотя бы и не взрослые. Въ настоящее же время допускается раздѣлъ по усмотрѣнію, но при этомъ, если раздѣлъ происходитъ при отцѣ, то старое мѣсто, т. е. отцовское, достается меньшему сыну, а остальные отходятъ и при томъ въ этомъ случаѣ обращаются къ мѣстнымъ властямъ за совѣтомъ. Если происходитъ разногласіе, которому не помогутъ и сосѣди, то рѣдко дѣлежъ проходитъ безъ драки, но и не всегда попадаетъ на волостной судъ; иногда спорное дѣло улаживаетъ одинъ какой либо человѣкъ—батюшка, дьяконъ или просто почетный человѣкъ. Относительно женской чести издавна существовали строгія правила, и виновныхъ подвергали общественнымъ судомъ строгому наказанію; такъ въ 1856 году крестьянина Шурубѣ за изнасилованіе своей невѣстки наказали 70 ударами плетей и безъ очереди сдали въ экстренный наборъ въ томъ же году въ ратники ополченія. Теперь нравы измѣнились. Всякую ночь, въ особенности подъ приздики, принято у молодежи ходить на улицу. Здѣсь происходитъ шумъ-гамъ до полночи и позднѣе, иногда и крупныя драки. Послѣ полуночи дѣвки и паробки расходятъ

ся ночевать попарно куда нибудь въ клуню или другое укромное мѣсто. Изрѣдка за безпорядокъ, шумъ или драку урядникъ или старшина прикажетъ забрать виновныхъ въ холодную, и затѣмъ посылаетъ ихъ на общественныя работы; наприм., былъ случай, что арестованные за уличные безпорядки и за пьянство копали погребъ въ школѣ.

Пѣсни. Народная поэзія ведется изъ древности, и нѣкоторые изъ пѣсенъ относятся къ тому времени, когда этотъ вольный край былъ отданъ въ коннозаводское управленіе, напримѣръ, пѣсня: „Деркулъ, Деркулъ, Деркулечку, славный городочку. Тоди тоби лихо бѣде, якъ розійдѹцца люды. Сидѣть вже, вже слѹщырѣ на могилѣ, винъ дѹма гадае; ой, винъ дѹма и гадае, конюшни ядѣе, горы размиряе. Пѣрву конюшню на кобылы, щѣбъ не бѹло безъ панщины ны дня ни годѣны“.

Приведемъ еще одну старинную пѣсню: „Ой, не сізый орѣль, не ластивка надъ водою бѣецца, а то чѣвинъ съ козаченькомъ по рѣчці несѣцця. По рѣченъки Деркулочку до Динця та къ Дѣну, плывѣ козакъ, качаючись, шукаты роздѣлу. До бѣлой горы, до кренѣченъки приплывъ козакъ въ чѣвни; ой, приплывъ винъ, не самъ приплывъ и не своей волей, мижъ двухъ будкѣвъ качаючись, и безъ домовѣны, приплывъ козакъ по рѣченъки шукаты могѣлы. Ой, тикайте, хлопѣтонька, тикайте до-Дѣну, тамъ бѣльши насъ, бѣльши воли и бѣльши раздѣлу“.

М. Негробога.

37.—Сл. Ново-Бѣленькая.

Жилище.—Одежда.—Пища.—Занятіе.—Игры и обряды.

Сл. Ново-Бѣленькая расположена большею частію на низменномъ мѣстѣ; находится въ 60 верстахъ отъ г. Старобѣльска и въ 20 верстахъ отъ торговой слободы Ровенокъ Воронежской губ., Богучарскаго уѣзда. Въ 7 верстахъ отъ описываемаго села на сѣверъ начинается Воронежская губ., такимъ образомъ она лежитъ какъ разъ на границѣ Харьковской губерніи и Воронежской. Жителей считается до 7000 чело-

вѣкъ обоого пола. Малороссъ занимаетъ большой плецъ, или мѣсто съ постройками, гдѣ находится домъ и дворовыя постройки: загорода для скота, сарай для храненія повозокъ и всей упряжи, конюшня и хлѣвы для гулевого скота и птицъ, амбары для хлѣба. Въ домѣ богатаго малоросса есть двѣ комнаты, изъ нихъ одна называется горныця, куда входятъ въ большіе праздники, а въ другой живутъ всегда; у бѣднаго одна комната. Но какъ бѣдный, такъ и богатый украшаетъ одинаково свои комнаты: въ переднемъ углу можно встрѣтить много иконъ, увѣшанныхъ вышитыми рушниками. За иконами помѣщаются много сухихъ васильковъ, гвоздики, любистку, самодѣльныхъ цвѣтовъ, косыци (перья селезня).

Мужчины и женщины Старобѣльскаго уѣзда сравнительно съ народомъ прочихъ уѣздовъ губерніи одѣваются очень красиво и нарядно. Лѣтомъ мужчины одѣваются въ „чинарки“—видъ кафтана, шаровары шерстяные; женщины носятъ кофточки, юбки, платки и корсеты, т. е. безрукавки яркихъ цвѣтовъ. Дѣвки на шеѣ носятъ цвѣтное монисто, а въ косу вплетаютъ разноцвѣтныя ленты или „кисныки“. Отличительная черта женщинъ Старобѣльскаго уѣзда та, что онѣ носятъ въ праздники красные или желтые сапоги. Зимомъ мужчины и женщины одѣваются въ свиты (преимущественно бѣлой шерсти) и полушубки. Пища малоросса не особенно разнообразная. У богатаго ѣдятъ въ скоромный день: борщъ съ мясомъ, молоко, а въ постные: борщъ съ масломъ, кашу, горохъ, фасоль, пироги, рыбу, а у бѣднаго—борщъ безъ масла, огурцы, лукъ, квасъ и капусту. Дома свои крестьяне освѣщаютъ керосиномъ. Изъ болѣзней распространены дифтеритъ или обкладка, сибирка, свинка, корь, водянка, и чахотка. Обращаются къ докторамъ, а то и къ знахаркамъ.

Занятіе малоросса: земледѣліе, пчеловодство и садоводство. Въ годы урожайные крестьяне получали прежде большую прибыль, но теперь, благодаря плохимъ урожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ, многіе изъ богатыхъ стали бѣдными; не смотря, однако, на это, люди не унываютъ и съ большимъ стараніемъ работаютъ. Среди трудовъ народъ устраиваетъ для себя и забавы: большею частью молодые люди (паробки и дѣвки) собираются въ какой либо

домъ, куда приносятъ: хлѣбъ, сало, муку, деньги; пекутъ коржи, орѣшки, пьютъ водку, вино и проводятъ время до самаго утра въ пѣсняхъ и играхъ. Не только игры, забавы сопровождаются пѣснями, но и болѣе важныя событія, напримѣръ, свадьба и похороны. Ничего не можетъ быть трогательнѣе слышать при похоронахъ, какъ женщины плачутъ, приговаривая: „Моя ненько ридненько“ или „моя сестрычко, зузучко“ и т. д.

Къ большимъ годовымъ праздникамъ приурочиваютъ нѣкоторыя примѣты, повѣрья и обряды, наприм.: подь Новый Годъ на муч. Меланьи народъ примѣчаетъ, если будетъ идти мятель, то весь годъ будетъ урожай на садовые плоды, а если не будетъ мятели, то наоборотъ. Подь Ивана Купала дѣвки идутъ въ церковь съ вѣнками на головѣ, а днемъ тоже съ вѣнками къ рѣкѣ и гадаютъ тамъ. Бросаютъ вѣнокъ въ воду, приговаривая: „Плыви вѣнокъ и съ нимъ моё счастье“. Если вѣнокъ поплыветъ скоро и далеко,—это предвѣщаетъ скорое замужество, а если будетъ кружиться на одномъ мѣстѣ, или утонетъ, то предвѣщаетъ гадающему скорую смерть. Въ день Троицы украшаютъ дома свои зеленью, а на Симона Зилота старые люди въ лѣсу собираютъ лѣкарственныя травы. Главныя изъ мѣстныхъ танцевъ: метелица и казачокъ, которые сопровождаются подь звуки балалайки и гармоніи. Въ умственномъ отношеніи народъ значительно подвинулся и въ вѣдѣмъ, колдуновъ никто уже почти не вѣритъ.

С. В. Богатырева.

38.—Сл. Бѣловодскъ.

Поселеніе и населеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болезни.—Занятіе, религіозное настроеніе, школа, нравственное состояніе.—Свадьба.—Примѣты, праздничные обычаи.—Демонологія.—Лѣкарственныя травы.—Юридическіе обычаи.

Сл. Бѣловодскъ находится въ 50 верстахъ отъ Старобѣльска. Граница Донской области отстоитъ въ 35 верстахъ отъ Бѣловодска; граница Воронежской губ. около 70 верстъ, а граница Екатеринославской губ. за 70 верстъ. Бѣловодскъ рас-

положенъ по обѣ стороны мелководной рѣчки Деркула. Народъ объясняетъ названіе слободы такъ: изъ бѣлой горы текутъ источники и отъ бѣлизны мѣла вода кажется бѣлой,—изъ соединенія этихъ двухъ словъ и составилось названіе: Бѣло-водскъ. Названіе дано первымъ поселившимся крестьяниномъ, который поселился вблизи бѣлой мѣловой горы, гдѣ вытекаютъ источники, на поворотѣ рѣчки Деркула. Улица эта носитъ названіе „Старосилье“; жители Бѣловодска начали поселяться на теперешнемъ Старо-сельѣ. Въ настоящее время Староселье кажется, въ сравненіи съ центральною мѣстностью Бѣловодска, хуторомъ. Съ теченіемъ времени жители Бѣловодска начали селиться южнѣе и сѣвернѣе Староселья. Жителей въ Бѣловодскѣ считается болѣе 11,000 обоого пола. Они средняго роста, волосы у нихъ по большей части темнорусые, весьма рѣдко встрѣчаются между ними брюнеты, а также и настоящіе блондины. Языкъ малорусскій. Здѣсь много неграмотныхъ; грамотные крестьяне любятъ читать книги изъ священнаго писанія, какъ-то: псалтирь, евангеліе и житія святыхъ, а всѣ остальные книги они называютъ или „плетеньками“ или „брехеньками“. Книги приобрѣтаются на базарѣ у книгопродавцевъ, которые появляются часто въ особенности въ зимнее и осеннее время. Передъ праздникомъ Рождества Христова бываетъ два базара: въ послѣднее воскресенье предъ праздникомъ и предпослѣднее воскресенье. Базары эти подобны ярмаркамъ, они называются „красными“. Кромѣ того, въ Бѣловодскѣ бываетъ четыре ярмарки: въ первыхъ числахъ сентября, на второй день св. Пасхи, предъ Вознесеніемъ за три дня и на Масляной. Базары въ лѣтнее время начинаются съ разсвѣтомъ и оканчиваются весьма рано.

Жилище. Прежде крестьяне не строили себѣ домовъ, а довольствовались небольшими хатами; хаты у нихъ были на улицу въ два окна, окна отодвигались, а не растворялись, ставни бывали рѣдко. Въ холодное время вмѣсто ставней окно снаружи закрывали матками, сдѣланными изъ соломы или окуті: солома связывалась на подобіе соломенной сторы, только гораздо толще, для защиты отъ снѣга. Внутри черезъ сѣни находятся двѣ комнаты. Въ сѣняхъ устраивалась холодная комна-

та, называемая хижкой и чуланомъ, и замѣняла собою кладовую; въ сѣняхъ также устраивались мѣловыя печныя трубы, колонально отъ земли, выходившія сверху крыши хаты; трубы эти не имѣли оборотовъ для выхода дыма. Изъ сѣней въ трубѣ дѣлалось отверстіе въ видѣ двери, а изъ печи два небольшихъ отверстія для выхода дыма, которыя закладывались тряпьемъ для удержанія теплоты, вмѣсто теперешнихъ вьюшекъ. Въ печахъ не было ни плитокъ, ни двѣрокъ, ни вьюшекъ. Въ большой модѣ были глиняныя кафли, изъ которыхъ дѣлали печи. Одна изъ комнатъ была парадная, въ другой въ зимнее время помѣщалась не только семья, но телята и ягнята. Если старики были въ живыхъ, то они занимали лучшую парадную комнату. Въ хатахъ и у богатыхъ крестьянъ полы были земляныя, а стѣны, если изъ толстыхъ пластинъ, то въ срединѣ не бѣлились и не штукатурились; онѣ мылись, получалась: „мыта хата“. Эта самая лучшая хата. Кто побѣдише, тотъ строилъ хату изъ дешеваго матеріала, — изъ тонкаго дерева, изъ мѣлу и хворосту. Въ срединѣ такую хату бѣлили бѣлой глиной и мѣломъ. Мебель состояла изъ двухъ лавокъ. Лавка это доска, положенная на двухъ ножкахъ; иногда вмѣсто деревянныхъ ножекъ дѣлались мѣловыя столбики, на которые клали доски. Гдѣ лавки сходились въ углу, тотъ уголъ назывался покутемъ. Въ верху въ этомъ углу стояли иконы, предъ иконами лампы, которыя зажигались въ праздничные дни. Каждый старался уставить какъ можно большій рядъ иконъ. Въ этомъ углу стоялъ столъ передъ лавками. Въ другомъ углу „полъ“, замѣняющій собою кровать; съ пола ходъ на печь, гдѣ въ зимнее время помѣщались дѣти и разный домашній скарбъ; надъ порогомъ вверху полка: на деревянныхъ колышкахъ положена доска, — это мисникъ, куда ставилась посуда, а иногда въ углу у порога двѣ полочки въ рядъ задрапированы какой нибудь матеріей, — это тоже мисникъ.

Теперь рѣдко встрѣтишь такую хату и обстановку. Въ настоящее время хаты строятъ не въ два окна на улицу, а въ три и въ оконъ со ставнями крашенными, растворчатыми, и не въ двѣ комнаты, а въ четыре или пять, на полахъ. Мебель другая: диваны,

стулья, столы — угольники и ломберные; шкафъ для чайной посуды, который находится въ парадной комнатѣ. Всѣ безъ исключенія и самые бѣдные пьютъ чай. Стѣны и потолки бѣлятъ мѣломъ, а у нѣкоторыхъ мажутъ желтымъ крономъ; сволочки красятъ красной и зеленой краской. Внизу иконъ наклеиваютъ обои самыхъ рѣзкихъ цвѣтовъ. Печи также раскрашиваютъ яркими цвѣтами. Дворъ устраиваютъ позади дома, обносятъ плетнемъ или мѣловой стѣнкой, амбары строятъ иногда вмѣстѣ съ домомъ, по другую сторону дома, а иногда во дворѣ, по большей части изъ тонкаго вербовога дерева, потому что въ нашей мѣстности лѣсовъ мало, а верба имѣется у каждаго домовладѣльца, если его дворъ примыкаетъ къ рѣчкѣ. Въ каждомъ дворѣ есть загороды съ навѣсомъ, съ повитками, какъ ихъ называютъ здѣсь, для загона скота, а для овецъ и свиней есть хлѣвы; всѣ эти постройки крыты соломой.

Одежда. Лѣтняя одежда мужская: подѣвка, праздничная суконная въ 12 руб., а будничная черкесиновая въ 4 руб. Нѣкоторые носятъ пиджаки. Дома лѣтомъ ходятъ въ однѣхъ рубахахъ и жилетахъ. Рубахи носятъ ситцевыя, сапоги на высокихъ каблукахъ, картузы суконные. Весенняя и осенняя одежда: длинное драповое или бобриковое пальто. Зимой барашковый тулупъ съ большимъ отложнымъ воротникомъ и полушубокъ дубленный, черная барашковая шапка, а молодые парубки носятъ теплые картузы. Старинная одежда мужчинъ состояла изъ бѣлой суконной свитки, — сукно домашнего приготовления изъ овечьей шерсти, такъ какъ овецъ держали всѣ крестьяне безъ исключенія, — бѣлаго овчиннаго тулупа и шапки съ ушами, капелюхи, а лѣтомъ носили шляпы высокія — брили. Рубахи готовились изъ своего холста, который ткался въ длинные зимніе вечера. Теперь одежда старинная встрѣчается очень рѣдко, а брили совсѣмъ не увидишь. Одежда женщинъ лѣтняя праздничная: сарафаны и кофты не въ талию, а свободно, а также фартуки (запонки), праздничные — кашемировые и люстриновые, а будничные — ситцевые; отдѣланы, отступая отъ низу на четверть аршина, полоской другой матеріи. На головѣ носятъ платки шелковые и шерстяные не

большіе лѣтомъ, осенью и весною шерстяные большіе съ цвѣтами. Зимой платки и сарафаны—теплые, сарафаны фланелевые и бумазевые. Теплыя кофточки нанбуковыя, шерстяныя, а будничныя—черкесиновые; какъ первыя, такъ и вторыя отдѣляются плисомъ, полоской въ вершокъ ширины, а по обѣ стороны плиса аграмантомъ, который сами искусно выдѣлываютъ изъ матеріи. Въ край кофты пришиваютъ мелкіе зубчики и разными узорами строчатъ края кофты. Кофты эти носятъ въ холодно-осеннее, весеннее и зимнее время. Зимой еще носятъ тулупы, крытые сукномъ; шьютъ ихъ халатами. Старинные рѣдко встрѣчаются—бѣлые тулупы и свитки. Сарафаны шьютъ изъ синей нанки или дешеваго ситцу съ оборками внизу въ четверть аршина ширины, оборки съ красными кантами; плисовые кофточки безъ рукавовъ, тоже съ красными кантами, называемые кирсетами. Холщевая рубашка бываетъ съ вышитыми полными рукавами, своей работы. вмѣсто сарафана носили прежде запаски толстаго сукна. Старинные костюмы приготавливались по большей части изъ домашнихъ матеріаловъ. Прежде замужнія женщины носили очипки парчевые, необходимое головное украшеніе, а теперь накрываютъ головы платками и дома, и въ народныхъ собраніяхъ. Крестьянки всегда вѣнчались такъ: завязывали головы платками шелковыми или шерстяными большими, съ правой стороны повязки, похожей на турецкую чалму, прикалывали 2 вѣночка, сдѣланныхъ изъ розовой узкой ленты, на подобіе букета разцвѣтшей георгины. Теперь вѣнчаются крестьянки въ бѣлыхъ восковыхъ цвѣтахъ, въ шерстяныхъ платьяхъ, въ шубахъ вмѣсто тулуповъ, которые непременно во время вѣнчанья подвязывали вышитыми рушниками, полотенцами. Только крестьянки себя и выдаютъ тѣмъ, что не соображаютъ подъ вѣнецъ снимать свои завѣтныя украшения: „наместо“ съ монетами (кораллы). Здѣсь кораллы въ большой модѣ. У каждой крестьянки безъ исключенія есть „добре намысто, та ще съ гришмы“.

Пища. У богатыхъ въ праздничные скоромные дни бываютъ пироги съ сыромъ (съ творогомъ), съ печенкой, съ картофелемъ; съ яйцами и рисомъ, борщъ съ бараниной, свиной, или птичьимъ мясомъ,—говядины крестьяне не любятъ. Студень съ

говяжьихъ ногъ ѣдятъ охотно, но свиной считается лучшимъ. Лапшу приготавливаютъ съ мясомъ,—рѣжутся тонкіе, прѣсные коржики и бросаются въ горячую воду съ мясомъ; эти кушанья приправляются свинымъ саломъ. Жареное мясо ѣдятъ съ картофелемъ, кашу пшеничную съ молокомъ. Гречи у насъ не сѣютъ, потому и каши гречневой не ѣдятъ. Пища и у бѣдныхъ бываетъ такая же, а если мяса не случится, то приправляютъ саломъ, но въ праздники въ каждой хатѣ все это найдется. Въ постные дни: борщъ съ масломъ или мелкой рыбой,—лѣтомъ здѣсь привозится пропасть тарани,—каша, пироги съ капустой кислой, съ картофилемъ, съ урдой. Урда добывается изъ жмыховъ или макухъ сѣмянныхъ, вываривается и смѣшивается съ кашей. Горохъ, чичевица, фасоль служатъ для начинки пироговъ, а также для супа. Узваръ изъ яблокъ, вишенъ, грушъ и терну подается какъ пирожное. Лѣтомъ много арбузовъ, дынь, кукурузы или пшенички. Сельди, подъ названіемъ бишаки, считаются лучшей соленой закуской. Зимой же закуска не купленная: свиная колбаса и сало, а также огурцы соленые и арбузы. Соленые къ жаркому не подаются, да и жаркое бываетъ рѣдко. Еще ѣдятъ блины прѣсные со сметаной, вареники съ сыромъ, а постные съ капустой, галушки и кулешъ. Больше ничего не готовятъ. Освѣщеніе—керосиновое, а для отопленія употребляется навозъ, солома, полова, бурьянъ и антрацитъ.

Болѣзни наиболѣе губительныя: дифтеритъ у дѣтей, называемый здѣсь „довучкой“, появляется каждый годъ. Во время холеры крестьяне, относясь недовѣрчиво къ врачамъ, тщательно скрывали случаи заболѣваній, и употребляли домашнія средства: нашатырь съ квасомъ, купоросное масло съ водой, а также припарки изъ золы. Бывали случаи, что въ моментъ заболѣванія принимали Баклановскую миктуру, а также водку съ солью для вызыванія испарины, и многіе выздоравливали. Въ Бѣловодскѣ умирали отъ холеры только крестьяне; хотя подвергались этой болѣзни и купцы, мѣщане и дворяне.—„Якъ-же до дохторивъ обращаться,—говорили крестьяне,—вонь заливаютъ, травлятъ насъ; та ще кажутъ: якъ хто захвора, заразы въ яму крючками тягнуть; це, кажутъ, було въ

Донскихъ мистахъ". Слухи эти сильно возмутили народъ, и когда начали строить усыпальницы, народъ вообразилъ, что это тѣ самыя ямы, куда крюками тянутъ больныхъ, разбросали начатыя усыпальницы, и за это, конечно, подверглись отвѣтственности. Насколько народъ буйный, настолько и трусливый: при допросѣ всѣ говорили ложно для защиты. Начало всякой болѣзни они приписываютъ „съ глазу“, „це ёму зъ очей сталося“. Бабы умываютъ съ глазъ; отъ „бышыхи“ или рожи ворожки заговариваютъ. Прочитавъ нѣкоторыя молитвы, онѣ произносятъ: „лытила бышыха чырызъ лись, лиса ны йила; лытила бышыха чырызъ поле, травы ны йила; лытила бышыха чырызъ море, воды ны пыла; прылытила бышыха до рожденной, молитвынной, хрещенной (имя): тутъ тоби ны стояты, косты твои ны ламаты, красной крови ны портыты, а лытиты тоби на болота“. Молодежь не вѣритъ въ заговоры и съ полнымъ довѣріемъ относится къ мѣстнымъ врачамъ. Скотъ лѣчатъ своими средствами, не обращаясь къ ветеринарамъ. При заболѣваніи ногъ, мажутъ дегтемъ, керосиномъ, кровь открываютъ; рѣжутъ уши, бѣльма засыпаютъ солью, продѣваютъ красную шелковину въ ухо съ противоположной стороны.

Занятія. Прежде землѣдѣліе было главнымъ занятіемъ, а теперь стало второстепеннымъ, а главнымъ—торговля. Мало занимаются пчеловодствомъ и садоводствомъ. Здѣсь почва для садовъ неудобна, по большей части мѣловая. Жители Бѣловодска развозятъ товаръ по Донской области, Кавказу, Астраханской и Саратовской губ. Осенью въ холодное время привозятъ домой, привозятъ съ Кавказа разные сушеные фрукты и другой товаръ и продаютъ дешевле противъ мѣстныхъ торговцевъ. Мелочной товаръ продаютъ женщины, мужчины же торгуютъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, рыбой. Рыбу доставляютъ изъ Астрахани, лошадей изъ Саратовской губ., а изъ Воронежской губ. картофель, бураки, если на мѣстѣ бываетъ неурожай. Капусту отсюда отправляютъ вагонами; виноградъ получается изъ Донской области. Скотъ по большей части доставляютъ въ Москву и Петербургъ. Въ рабочее время, если сами не возвращаются, то высылаютъ для уборки деньги домашнимъ. Много также ремесленниковъ, которые хлѣбопашествомъ сов-

сѣмъ не занимаются. Здѣсь есть слесаря, кузнецы, сапожники, портные, плотники, печники, скорняки, кожевники, свѣчники и мыловары. Свѣчи выдѣлываются восковыя, мыло простое. Есть много лавокъ съ краснымъ, бакалейнымъ, мелочнымъ, чернымъ и желѣзнымъ товарами. Въ лавкахъ можно найти разные товары, какъ и въ губернскомъ городѣ, только въ меньшемъ количествѣ.

Религіозное настроеніе. Народъ нашъ любитъ посѣщать церковныя богослуженія и особенно съ удовольствіемъ слушаетъ, по окончаніи богослуженія, проповѣди, а также и собесѣдованія, которыя ведутся каждый воскресный день послѣ вечерни мѣстными священниками. Имѣется особенно чтимая Казанская Божія Матерь, которой читается каждую субботу передъ обѣдней акаѣистъ съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства. Въ началѣ болѣзни крестьяне стараются исполнить христіанскіе обряды: приобщить, поисповѣдывать и пособоровать больного. Во время болѣзни съ вѣрою принимаютъ ладонъ, подаваемый во время херувимской пѣсни, васильки, которыми украшаютъ въ церкви крестъ въ опредѣленное для того время, артось, освященную просфору. Послѣ погребенія заказываютъ панихиды въ 3, 9, 20 и 40 дни, дѣлаютъ обѣды, подаютъ милостыню. Кромѣ того служатъ панихиды въ установленное время св. отцами, въ концѣ осенняго мясоѣда, въ концѣ Рождественскаго мясоѣда, на провода. Крестьяне служатъ молебны, хотя одинъ въ годъ, покупаютъ свѣчи, подаютъ грамотки на проскомидію и просфоры, которыя берутъ обратно для раздачи нищимъ или для семейства. Есть здѣсь, да пожалуй и повсемѣстно, черницы, къ которымъ крестьяне относятся съ большимъ уваженіемъ, нанимаютъ ихъ читать по умершимъ сорокъ дней послѣ смерти, такъ какъ сорокоустъ въ церкви не всякій имѣетъ средства служить.

Школа. Крестьяне охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, такъ что все мужское молодое поколѣніе грамотно; крестьянки рѣдко грамотны, хотя дѣвочекъ охотно учатъ грамотѣ и въ школѣ, и въ частныхъ домахъ у черницъ, которыя учатъ только читать, такъ какъ писать онѣ и сами не умѣютъ. Грамотность для торговли необходима, потому они и стали отдавать

дѣвочекъ въ школы. Здѣсь есть 2 школы церковно-приходскихъ, одно двухклассное министерское училище и одна земская женская школа, есть также частныя школы, въ которыхъ учатъ по своему соображенію и усмотрѣнію. Если учитель относится къ своему дѣлу съ любовью и оказываетъ дѣйствительно пользу обществу, то къ такому учителю общество относится съ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ, не только въ такомъ мѣстѣ, какъ Бѣловодскъ, но и въ болѣе глухихъ. Къ несчастью такихъ учителей немного. Въ Бѣловодскѣ нѣкто Любарскій былъ 12 лѣтъ учителемъ; и окончилъ свое существованіе на поприщѣ учительской дѣятельности. При жизни къ нему относились съ уваженіемъ и по смерти его часто вспоминаютъ добрымъ словомъ.

Нравственное состояніе. Крестьяне вообще флегматичны, ко всѣмъ невзгодамъ относятся равнодушно, довѣрчивы и въ трезвомъ видѣ миролюбивы, а въ пьяномъ задорны. Ихъ общественныя собранія нерѣдко оканчиваются ссорой и даже дракой. У нихъ ни какого торжества не можетъ быть безъ водки. Женщины у крестьянъ должны обязательно приобрести опытность въ торговлѣ мелочнымъ товаромъ, иначе всѣ ея достоинства не имѣютъ значенія. Во время сватовства крестьяне платятъ за неvěсту дороже, если она была въ разѣздѣ съ мелочнымъ товаромъ: „за нѣи треба дороже, вона нытошныця“. Если у жениха не чѣмъ платить за неvěсту, онъ и не женится; заработавъ денегъ или занявши ихъ, онъ обязанъ дать ихъ неvěстѣ на всѣ свадебные расходы, преимущественно на водку. Послѣ свадьбы бѣдныя нанимаются на торговлю въ разѣздѣ. Крестьянки нанимаются на лѣтніе, весенніе и осенніе мѣсяцы отъ 50 руб. и 200 руб. Зимой всѣ возвращаются домой. Торговля дурно вліяетъ на людей. Дѣти становятся самоуправными, отвыкаютъ отъ родной семьи, неохотно принимаютъ за домашнія работы, надѣясь съ открытіемъ весны пуститься на торговлю въ дальній путь. Прежде крестьяне жили осѣдло, занимались земледѣліемъ, а теперь преобразились въ какихъ-то кочевниковъ.

Свадьба. Молодежь знакомится другъ съ другомъ на вечерницахъ. Вечерницы состоятъ въ томъ, что собираются пар-

ни и дѣвки, рѣзвятся, поютъ пѣсни, хотя мало, ходятъ по улицамъ до поздняго вечера и расходятся. Не такъ бываетъ по глухимъ селамъ. Свадебные расходы, смотря по состоянію, начиная отъ ста рублей, доходятъ до 300 руб. Больше всего расходовъ идетъ на водку,—то и не свадьба, если гости не напьются до безумія и не перессорятся и подерутся. „Тамъ на свадьби, говорятъ, побылись добре, та воно—свадьба бизъ того и не бува“. Какъ-бы хозяинъ не угощалъ, а непременно все общество на второй день свадьбы отъ свата идетъ въ кабакъ съ музыкой, пѣніемъ и плясками по улицѣ. При сватовствѣ парень говоритъ дѣвкѣ: „эй, Марья, чи ты пидешъ за мене?“ — „Такъ шо-жъ, отвѣчаетъ дѣвка, прысылай старостивъ“. По просьбѣ жениха, два избранные старосты, въ сопровожденіи жениха, идутъ въ тотъ домъ, гдѣ дѣвка. Прийдя вечеромъ, непременно подъ окномъ говорятъ: „добрый вечеръ!“ на что получаютъ отвѣтъ и приглашеніе. Войдя въ хату, здороваются, кладутъ хлѣбъ и ставятъ водку на столъ. Пришедшихъ спрашиваютъ, по какой надобности они пришли, хотя хорошо знаютъ, за чѣмъ пришли; старосты отвѣчаютъ: „та у васъ йе дивка, а у насъ парубокъ“. — „Та чый же парубокъ?“ Говорятъ. „Такъ зовить-же ёго въ хату“. Входитъ женихъ, здоровается и становится у порога. Его приглашаютъ: „проходи дали, та сидай, мы на тебѣ подывимось“. Потомъ входитъ дѣвка, также становится у порога. Старосты начинаютъ выпивать. Начинаютъ торговаться, говоря: „скільки вѣзмете за дивку?“ — „Та треба бильше,—вона торговка“. Торгуются, какъ за вещь. Когда дѣло состоится, то происходятъ „змовыны“, а послѣ „сватанье“. На сватанье приѣзжаютъ къ неvěстѣ со стороны жениха много гостей, ихъ усаживаютъ за столъ, и женихъ съ неvěстой кланяются каждому изъ нихъ по три раза, а потомъ дарятъ всѣмъ гостямъ платки. Гости выпиваютъ по рюмкѣ водки и ѣдутъ на ужинъ къ жениху въ домъ. Къ нимъ присоединяются родные неvěсты. Парни и дѣвки собираются у неvěсты и варятъ вареники съ сыромъ. Кромѣ варениковъ, на ужинъ подается все, что есть. Вареники на свадьбѣ играютъ большую роль, безъ нихъ не можетъ быть и сватанья. Послѣ вѣнчанія празднуется свадьба, иногда въ день

вѣнчанія, а если вѣнчаются въ простой день, то свадьбу откладывают на праздничный день. Къ свадьбѣ приготавливаютъ поѣздъ, украшаютъ лошадей и сбрую яркими цвѣтами; дѣлаютъ еще теремокъ: вѣтвистое деревцо украшаютъ цвѣтами и лентами и возятъ, при чемъ его держитъ въ рукахъ одна изъ свашъ. Процессія эта совершается по улицамъ цѣлый день, а вечеромъ всѣ свашки, свитилки и бояре приѣзжаютъ за невѣстой. Если невѣсту послѣ вѣнца привозятъ прямо къ жениху, то выражается недовольство: „Шо цѣ за свайба по мищаньскому“.

Примѣты. Если на Рождественскіе праздники бываетъ на деревьяхъ иней, то ожидается урожай. Если на Покровъ день дуетъ вѣтеръ съ восточной стороны, то говорятъ: „витиръ съ пидъ сонца,—зима будѣ холодна“. Когда увидятъ на небѣ комету, говорятъ: „цѣ бизприминно будѣ война“.

Праздничные обряды. Наканунѣ Рождества готовятъ узваръ и кутю. Кутя ставится на покутьѣ на сѣнѣ; сѣно это сохраняется. Когда весною сажаютъ насѣдокъ, то это сѣно кладутъ въ гнѣзда, чтобы куры лучше выводились; верхъ, собранный изъ вареной куты, дается также курамъ: „шобъ булы нысуци“. Каждый крестьянинъ къ празднику закалываетъ кормленнаго кабана, изъ котораго приготавливается сало на весь годъ для приправы къ кушаньямъ. Богатые кормятъ и двухъ. На праздникъ послѣ обѣда ѣдутъ въ гости къ тестямъ. Вечеромъ молодежь колядуетъ подъ окнами, дѣлаютъ и вертепъ и носятъ по домамъ. Колядуютъ съ пѣніемъ: „Ой, на рицьци на Іѳордани, щедрый вечеръ, добрый вечеръ“ и т. д. Подъ Новый годъ щедруютъ подъ окнами такъ: „Миланка ходыла, Василька просыла“, и т. д. Хозяева выносятъ—кто денегъ, кто пряниковъ или конфетъ. На Новый годъ дѣти ходятъ по домамъ посыпать. Сыпятъ зерно, приговаривая: „На щастья, на здоровья, тай на Новый годъ. Роды Боже“ и т. д. Канунъ Крещенія именуется „голодной кутей“. Весь день не употребляютъ пищи, а послѣ служенія и водоосвященія ѣдутъ домой съ кувшинами наполненными водой. Ужинаютъ, а послѣ ужина стрѣляютъ изъ ружья или пистолета. „Эй, чуишь? говорятъ, цѣ, кутю вже прогоня“. На праздникъ Пасхи пекутъ папошники, а куличей нѣтъ; папошники украшаютъ гла-

зировой и посыпаютъ цвѣтнымъ сахарнымъ пескомъ; если сами не пекутъ, то покупаютъ на базарѣ. У каждого пасха бѣлая, не изъ пшеничной муки, а изъ крупчатой. Ржаного хлѣба здѣсь не умѣютъ печь; мѣшаютъ пшеничную муку съ ржаной, и этотъ хлѣбъ далеко не вкусный.

Игры бываютъ только между дѣтьми, взрослые мало играютъ. Въ весеннее время играютъ только въ мячъ, зимою въ шашки или бабки и въ свинки. Свинка—это большой деревянный шаръ, который палками бьютъ, перекатывая съ мѣста на мѣсто. Музыкальные инструменты—гармонія и балалайка, танцы—казачокъ.

Пожары. При повальныхъ болѣзняхъ или частыхъ пожарахъ просятъ духовенство обойти по улицамъ съ крестнымъ ходомъ, и послѣ ранняго служенія ходятъ цѣлый день по улицамъ, возлѣ каждой хаты служатъ молебенъ, читаютъ акаеистъ, какой кто попроситъ. Это трудъ огромный, но, для поддержанія въ народѣ живой вѣры, онъ охотно исполняется духовенствомъ, даже и въ томъ случаѣ, если для этого требуется и двухъ дней. Жители Бѣловодска неоднократно подвергались разоренію отъ пожаровъ. Здѣсь сгорѣло двѣ церкви во имя Пресвятой Троицы, стоявшія одна на берегу рѣчки Деркула, другая недалеко отъ теперешней церкви на базарной улицѣ; горѣли черныя лавки въ 60 годахъ, находящіяся на берегу рѣчки, гдѣ теперь построены дома и молитвенный домъ старообрядцевъ; горѣли лавки красныхъ товаровъ, на пепелищѣ которыхъ построены новыя въ 70 годахъ; въ 75 году въ Бѣловодскѣ сгорѣло 120 домовъ, начиная отъ второго дома базарной улицы и оканчивая послѣднимъ домомъ отъ ряда лавокъ. На мѣстѣ погорѣвшихъ домовъ построены лучшіе. У многихъ купцовъ имѣются пожарныя трубы.

Благотворительность. Мѣстные купцы и мѣщане отличаются простотою, добродушіемъ и благотворительностью. Здѣсь находятъ пріютъ и посторонніе. Нѣкто Козыревъ построилъ кладбищенскую церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы на собственные средства, двѣ мѣщанки Рябова и Корсяченкова построили на торговой площади часовню въ память по Божѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II; каждый годъ

1-го Марта бывает крестный годъ изъ церкви въ часовню для служенія панихиды. Корсяченкова, въ благодарность за выздоровленіе сына, пожертвовала серебряную ризу на мѣстную икону Божіей Матери. Предки этихъ купцовъ—бѣловодскіе крестьяне—также отличались благотворительностью. Во время голода въ 30 годахъ Корсяченко раздалъ амбары хлѣба. Въ 1892 году открылась богодѣлня на средства, пожертвованныя купцомъ Аксеновымъ въ размѣрѣ 4,000 р. На эти деньги построили домъ, а содержится богодѣлня на счетъ четырехъ купеческихъ семействъ. Здѣсь трудно только положить начало доброму дѣлу, а жертвователи найдутся.

Народная демонологія. Крестьяне вѣрятъ въ домовыхъ. Домовые, по ихъ мнѣнію, имѣютъ мѣстопробываніе на чердакѣ, являются въ видѣ человѣка, обросшаго косматою шерстью. Чтобы видѣть домового, нужно полѣзть въ Чистый четвергъ въ полночь на чердакъ со страстною свѣчей. Когда грива у лошади вьется, то это „домовый плете гриву“, и стало-быть „кинй идѣ въ руку“; если же лошадь худѣетъ, то „домовый знынавидивъ: що noci ганя“. Чтобы домовый не гонялъ лошади, покупаютъ козла и запираютъ его вмѣстѣ съ лошадыю на ночь. Крестьянина трудно разубѣдить, онъ пожалуй и согласится, говоря: „та може й нема домовыхъ“, а все-таки останется при своемъ убѣжденіи. Вѣрятъ въ существованіе вѣдьмъ, которыя имѣютъ сношеніе съ злыми духами. Вѣдьмы являются только ночью въ видѣ свиньи, собаки и женщины; въ видѣ свиньи и собаки онѣ являются на дорогѣ, а въ видѣ женщины въ загородахъ. Днемъ вѣдьмы не являются, потому что боятся людей. Вѣдьма-женщина бываетъ одѣта въ бѣлую рубашку и ходитъ съ растрепанными волосами. Онѣ доятъ молоко съ чужихъ коровъ. Случается, что вѣдьма не успѣетъ убраться, какъ на мѣстѣ преступленія является хозяйка; послѣдняя въ испугѣ убѣгаетъ, а вѣдьма тѣмъ временемъ уноситъ съ собой надоенное молоко.

Крестьяне могутъ опредѣлить возрастъ коровы по рогамъ. На рогахъ коровы, говорятъ, образуются колечки съ трехъ лѣтъ, причемъ каждый годъ вырастаетъ новое колечко; у старыхъ коровъ рога дѣйствительно покрыты почти до конца

рубчиками въ видѣ колецъ. Опредѣляютъ возрастъ лошади до 10 лѣтъ: каждый годъ на зубахъ у лошади появляется черное пятнышко; по этимъ пятнамъ и узнаютъ лѣта лошади.

Лѣчебныя травы. Бабы 10 мая рвутъ травы: шалфей, подорожникъ, чистецъ, филадельникъ и мн. др. Шалфей пьютъ отъ простуды, а также пьютъ липовый цвѣтъ, листья клубничные, холудную мяту; подорожникъ и филадельникъ прикладываютъ къ нарывамъ, чистецомъ и лопухомъ моютъ головы, чтобы волосы росли; на звѣробоѣ настаиваютъ водку, горькую полынь принимаютъ отъ лихорадки. Корнями купины румянятъ щеки, листья хрѣна употребляютъ для умыванія.

Юридическіе обычаи. Крестьяне не любятъ жить большими семьями, рѣдко гдѣ живутъ два брата вмѣстѣ. Дѣлежи не обходятся безъ ссоръ, а потому приглашаются сосѣди въ качествѣ свидѣтелей. Свидѣтели называются свидками; если сосѣди не раздѣляютъ ихъ, тогда обращаются съ просьбой къ волостному суду, къ земскому начальнику или, какъ они называютъ, „земскому пану“. Имущество дѣлится по поламъ между братьями, если же есть мать, то она получаетъ часть имущества. Вдовы бездѣтныя не получаютъ никакой части безъ суда. Бракоразводныхъ дѣлъ здѣсь не бываетъ, такъ какъ супруги расходятся и живутъ врозь, каждый по своему, не прибѣгая къ разводамъ. Съ появленіемъ земскихъ начальниковъ, въ крестьянскихъ судахъ и сходкахъ водворился порядокъ. Земскій начальникъ можетъ сдѣлать очень много для народа: „якъ земскій скаже, такъ и буде“.

II. Агеева.

39.—Сл. Ново-Боровая.

Поселеніе.—Жилище.—Одежда.—Пища.—Населеніе.—Свадьба.—Примѣты.—Игры.—Юридическіе обычаи.—Пѣсни и заговоры.

Село Ново-Боровая находится въ 25 верстахъ отъ Старобѣльска. Расположено оно на низменномъ мѣстѣ, на лѣвомъ берегу р. Боровой. Почва здѣсь по большей части глинистая, почему садовъ и вообще всякой растительности мало, а вер-

стахъ въ двухъ отъ села есть небольшіе лѣса. До основанія села, какъ передаютъ старожилы, мѣстность эта состояла изъ озеръ и болотъ, поросшихъ камышемъ. Первыми жителями этого села были поселяне, а затѣмъ поселились многіе добровольцы изъ крѣпостныхъ людей. Названіе свое село получило отъ рѣки, при которой оно расположено; а Ново-Боровой названо въ отличіе отъ другого села Боровая, которое основалось гораздо раньше. Ново-Боровая въ народѣ называется еще Варяжиной. Названіе это существуетъ издавна. Произошло оно отъ того, что кѣмъ-то, изъ вновь поселившихся на жительство, украдены были во многихъ дворахъ варяки (колья). Съ тѣхъ поръ жителей прозвали варяжинцами, а село Варяжиной. Всѣхъ жителей въ селѣ 2200 душъ. Они отличаются красивой наружностью; роста средняго, широкоплечи, волосы у всѣхъ по большей части русые. Старики носятъ длинныя бороды, а молодые—бороды брѣютъ. Населеніе смѣшанное.

Жилище. Крестьяне живутъ въ деревянныхъ избахъ, обмазанныхъ снаружи и внутри бѣлой глиной. Внутренность избы состоитъ изъ сѣней и двухъ горницъ. Одна изъ нихъ маленькая, холодная, называемая „хатѣною“ или „кимнатомъ“, служить для склада зимней одежды; а также ставятъ въ ней сундуки съ хозяйскимъ добромъ. Въ другой, большей горницѣ или хатѣ, живетъ вся семья. Входя въ хату и въ кимнату идетъ изъ сѣней. Передній уголъ въ хатѣ устанавливается иконами. Между иконами вбиваются въ стѣну деревянные колышки, и на нихъ вѣшаются рушники. Въ этомъ же углу ставятъ столъ, а вдоль стѣны лавки. Ближе къ порогу, въ углу ставятъ печь и грубу съ лежанкой, а вдоль стѣны, гдѣ нѣтъ окошекъ, устраиваютъ помостъ изъ досокъ для ночлега. Сволокъ въ хатѣ не обмазываютъ глиной, а моютъ водой. Въ настоящее время новыя избы отличаются отъ старыхъ тѣмъ, что строятся на высокихъ фундаментахъ, и на окнахъ снаружи прибавляются наличники съ рѣзьбой и ставни, раскрашенныя разными красками. Дворъ огораживается плетнемъ. Во дворѣ недалеко отъ избы дѣлаются глиняные или плетеные изъ хвороста сараи для скота. За сараями устраиваются клуня и токъ для молотбы хлѣба, а за токомъ огородъ.

Одежда. Лѣтняя одежда мужчинъ въ праздники состоитъ изъ чинарки, короткой свитки, картуза и высокихъ сапоговъ, а въ будни мужчины ходятъ въ бѣлыхъ полотняныхъ рубахахъ, такихъ же шароварахъ, а сапоги замѣняютъ черевиками, т. е. башмаками. Зимой же носятъ полушубки, свитки съ большими воротниками, шапки, рукавицы, сапоги или валенки. Женщины въ праздники лѣтомъ носятъ юбки какого нибудь яркаго цвѣта, преимущественно краснаго, ситцевыя рубахи и такіе же фартуки. На головѣ носятъ капоры тоже разнаго цвѣта, а поверхъ капора повязываются какимъ нибудь платкомъ. Обуваются въ бѣлые чулки и башмаки на высокихъ каблукахъ съ подковками; зимой носятъ свитки сѣраго сукна, кожану и сапоги. Стоимость чинарокъ и свитокъ отъ 4 до 5 р., а полушубковъ и кожану отъ 8 до 10 р.

Пища. Въ скоромные дни люди зажиточные ѣдятъ борщъ съ бараниной или саломъ, кашу пшеничную съ молокомъ, вареники съ сыромъ, а въ постные дни—картофель и борщъ съ коноплянымъ масломъ. Бѣдные люди получаютъ сѣстные продукты отъ богатыхъ, работая у нихъ подѣнно. Мѣстные лавочки снабжаютъ жителей дешевыми ситцами, платками и разнымъ мелочнымъ товаромъ, необходимымъ въ домашнемъ быту. Избы всѣхъ жителей освѣщаются керосиномъ.

Волѣзни. Чаше всего встрѣчаются головная боль, ломота всѣхъ членовъ, колотье въ груди, кашель, боль живота. Къ врачамъ народъ относится недовѣрчиво. Лѣчатся больше домашними средствами. Такъ, напримѣръ, отъ кашля пьютъ вмѣсто чая, холодную мяту, липовый или бузиновый цвѣтъ; отъ боли живота пьютъ настой дерева; при колотѣхъ или ломотѣ призываютъ къ больному бабку—знахарку, и она ставитъ на больныя мѣста, вмѣсто банокъ, кувшины или прикалываетъ—ключкой, т. е. деревяннымъ крючкомъ, на которомъ вѣшаютъ въ хатѣ шапку. Скотъ болѣетъ отъ прилива крови, отъ перелоговъ, отъ укушенія гадюки. Отъ перелоговъ больной скотъ рано утромъ и поздно вечеромъ гонятъ къ рѣкѣ и долго обливаютъ водой; отъ прилива крови рѣжутъ ухо, бросаютъ кровь; отъ болѣзни во рту—смазываютъ чистымъ дегтемъ, смѣшаннымъ съ синимъ купоросомъ; отъ укушенія гадюки знахари

поютъ болѣзную скотину квасомъ съ солью и употребляютъ слѣдующее шептаніе: „На морѣ, на океанѣ, на островѣ Буянѣ золотой мостъ; на томъ мосту золотая груша; на той грушѣ золотое гнѣздо; въ томъ гнѣздѣ три сестрицы не родныя, а названныя; съ того гнѣзда скакаютъ, гадючій зубъ вынимаютъ изъ желтой кости, изъ червонной крови, изъ сѣрой шерсти“.

Нравственность. Жители исключительно земледѣльцы. Въ крестьянскомъ быту положеніе женщины весьма тяжелое. Въ своей семьѣ каждая крестьянка—раба. Личность ея пришиблена семьей. Она обязана подчиняться не только мужу, но и каждому старшему члену семьи. На ея обязанности лежитъ вести все домашнее хозяйство. Цѣлую зиму она прядетъ, ткеть и обшиваетъ семью, а лѣтомъ работаетъ въ полѣ и дома ухаживаетъ за огородомъ. Съ дѣтьми родители обращаются ласково; еще съ малыхъ лѣтъ они начинаютъ внушать имъ пользу труда и заставляютъ участвовать въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Многіе хозяева и съ наймитами обращаются, какъ съ родными, но есть и такіе люди, которые требуютъ отъ наймита безусловнаго рабскаго повиновенія. Пьянство и проституція были распространены въ народѣ прежде, но теперь уничтожены.

Свадьба. Каждый годъ съ наступленіемъ осени молодежь избираетъ себѣ одну избу, въ которую собираются по вечерамъ дѣвки и парубки (парни). Въ будни дѣвки приходятъ съ работой, а парни веселятъ ихъ своими шутками да прибаутками. Среди шума и смѣха они незамѣтно проводятъ время до полночи. Въ праздники парубки приносятъ съ собой водку, конфеты и орѣхи, а дѣвки варятъ вареники, жарятъ яичницу и угощаютъ другъ друга. Тамъ знакомятся. — Свадебные обряды по недостатку средствъ у крестьянъ много измѣнились противъ прежнихъ временъ. Въ настоящее время по соглашенію жениха и невесты, а также и родителей, назначается день сговора. На сговоръ приглашаются отцомъ невесты родственники со стороны жениха и невесты, сваты и знакомые. Сходятся дѣвки, подруги невесты. Хозяева сажаютъ жениха и всѣхъ сватовъ за столъ, угощаютъ ихъ, а невеста даетъ въ подарокъ жениху платокъ, а всѣмъ сватамъ по рушнику; затѣмъ и сама садится

за столъ рядомъ съ женихомъ, и начинается веселье. Попивавъ до полночи, гости расходятся домой, а иногда сватъ, отецъ жениха, зазываетъ всѣхъ пировавшихъ еще къ себѣ въ домъ и гуляютъ уже до самаго утра. На сговорѣ поются слѣдующія пѣсни:

Я пойду во зеленый садъ гулять,
Я спрошуся у соловушка.
Доложуся у молоденькаго,
Кому воля, кому нѣтъ гулять?
Воля, доля краснымъ дѣвушкамъ
гулять,

Молодушкамъ зарѣшилася
гульба,
Цѣловать-бы, миловать-бы три
раза.

* * *

Не два голубя,
Не два сизые,
На скалѣ они сидятъ,
Они пьютъ и льютъ,
Въ музыки играютъ,
Душу дѣвицу, Танюшку,
Ее забавляютъ.
Охъ, дѣвица, душа Танюшка!
Тебя тятенька кличетъ.
—Право, дѣвушки, не слыхала,

Право, красныя, не слыхала.
Танюшка! тебя маменька кли-
четъ.
Танюшка по горницѣ гуляетъ,
Руки бѣлыя, перстни золотые.
Танюшка Никифоровна!
Тебя Емельянъ Никитичъ кли-
четъ.
—Подруженьки мои любезныя,
Давно слышу.

Послѣ сговора къ невестѣ каждый вечеръ собираются ея подруги и приходитъ женихъ со своими товарищами. Время незамѣтно проходитъ въ играхъ, шуткахъ, въ веселомъ смѣхѣ и въ пѣсняхъ. Черезъ три дня послѣ сговора отецъ жениха приходитъ къ свату для переговоровъ о свадебныхъ расходахъ, подаркахъ и назначаютъ день свадьбы. За день до свадьбы въ домъ жениха собираются молодая баба, а у невесты—дѣвки лѣпить шишки, каравай и „старожки“ (вѣтку лозы облѣпливаютъ тѣстомъ). Наканунѣ свадьбы каравай, т. е. большой продолговатый хлѣбъ, кладется на столъ, и подруги невесты втыкаютъ въ него сторожки и убираютъ ихъ лентами. Въ самый день свадьбы выбираютъ изъ родныхъ жениха дружка съ подружемъ. Обязанность послѣднихъ заключается въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ въ свадебномъ поѣздѣ, а дома поддерживать своими шутками и прибаутками веселое настроеніе гостей. Когда свадебный поѣздъ готовъ, родители благосло-

вляють жениха иконой. Женихъ кланяется отцу и матери въ ноги, а съ остальными родными обмѣнивается поцѣлуями; затѣмъ, въ сопровожденіи дружка, свахи и бояръ (парней), отправляется къ невѣстѣ. Когда поѣздъ въѣзжаетъ во дворъ, подруги невѣсты поютъ:

Улица, улица и широкая!
Кто тебя, улица, разорять бу-
детъ?
Разорить меня молодая Та-
нѣшка:
Въ танокъ идетъ, всѣхъ дру-
жокъ ведетъ.

Вы, дружечки, станьте къ сто-
ронѣ:
Батюшка идетъ, подарокъ не-
сетъ.
Подарокъ не большой,
Платокъ шалевой.

Женихъ съ дружкой входятъ въ избу. Въ горницѣ встрѣчаютъ ихъ брать невѣсты и требуетъ выкупа за невѣстину косу. Дружкѣ подаетъ ему шишку и рубль денегъ. Потомъ выходятъ отецъ и мать и подводятъ свою дочь къ жениху. Женихъ беретъ невѣсту за руку и садится за столъ, а отецъ подаетъ водкой весь поѣздъ. Затѣмъ родители благословляютъ невѣсту образомъ. Невѣста кланяется имъ въ ноги вмѣстѣ съ женихомъ. Потомъ, попрощавшись со всѣми родными, невѣста съ женихомъ садятся въ одни сани или телѣгу и, въ сопровожденіи дружка, свахъ и бояръ, ѣдутъ въ церковь для вѣнчанія. Послѣ вѣнчанія всѣ поѣзжане опять ѣдутъ въ домъ невѣсты. Собираются и гости. Всѣ садятся за столъ обѣдать и пьютъ за здоровье молодыхъ. Послѣ обѣда свахи расплетаютъ невѣстѣ косу, надѣваютъ ей на голову очипокъ и повязываютъ платкомъ. Дружкѣ въ это время рѣжетъ на куски каравай, ломаетъ сторожки и раздаетъ гостямъ. Потомъ отецъ и мать берутъ икону и хлѣбъ и благословляютъ новобрачныхъ. Затѣмъ свадебный поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Вслѣдъ за поѣздомъ везутъ приданное невѣсты. Родители жениха встрѣчаютъ молодыхъ во дворѣ съ иконой и хлѣбомъ. Послѣдніе кланяются имъ въ ноги, потомъ поцѣлуютъ образъ и хлѣбъ. Отецъ икону отдаетъ жениху, а мать хлѣбъ—невѣстѣ и просятъ ихъ войти въ хату. Въ хатѣ ихъ усаживаютъ за столъ, на почетное мѣсто, подъ образами. Начинается веселье. Настоящій же пиръ и веселье бываетъ на второй день послѣ

свадьбы. Женихъ посылаетъ дружка къ родителямъ невѣсты просить ихъ на веселье, а самъ встрѣчаетъ ихъ во дворѣ со стаканомъ краснаго вина и съ пряникомъ, подаетъ и проситъ въ избу. Когда всѣ гости соберутся, тогда молодая подноситъ каждому изъ нихъ по стакану вина на тарелкѣ. Гости поздравляютъ невѣсту съ законнымъ бракомъ, выпиваютъ вино и кладутъ на тарелку деньги. Состоятельные родственники дарятъ невѣстѣ что нибудь изъ скота. Такимъ щедрымъ дарителямъ невѣста кланяется въ ноги. Обойдя всѣхъ гостей, невѣста садится на свое мѣсто. Веселье продолжается до полуночи. Затѣмъ гости съ пѣснями расходятся по домамъ. На свадебные расходы выходитъ отъ 40 до 100 рублей.

Примѣты. Въ народѣ существуетъ много разныхъ примѣтъ относительно состоянія погоды. Такъ, на примѣръ, чтобы узнать погоду каждаго мѣсяца въ теченіе всего года, подъ Новый годъ ставятъ 12 чашекъ изъ лука, съ надписью каждаго мѣсяца, насыпаютъ ихъ сухой солью, а утромъ на Новый годъ замѣчаютъ: въ какой чашкѣ соль будетъ мокрая, значитъ, мѣсяцъ будетъ дождливый. Если при заходѣ солнца облака покраснѣютъ, то на слѣдующій день будетъ вѣтеръ; а если солнце зайдетъ за тучу, то будетъ дождь. Если ласточки летаютъ низко надъ землей, тоже къ дождю. Если подъ Крещеніе бываетъ ясная звѣздная ночь, то будетъ урожай гороха. Если на Благовѣщеніе гремитъ громъ, то—къ урожаю орѣховъ и желудей. Дождь на Троицкой недѣлѣ къ урожаю грибовъ. Если 18 сентября летятъ журавли, то на Покровъ (1-го октября) будетъ морозъ. Зима будетъ теплая, если уродилось много желудей. Если 10-го августа вода въ рѣкѣ стоитъ тихо, то зима будетъ безъ вьюгъ. Будетъ грозное лѣто, если первый весенній громъ гремитъ по полудни. Съ какой стороны дуетъ вѣтеръ 1-го марта, оттуда будетъ дуть, и во все лѣто. Если 1-го марта ясный день, то будетъ много огурцовъ.

Игры. Въ Троицынъ день дѣвки ходятъ въ лѣсъ, плетутъ вѣнки и надѣваютъ ихъ на головы. На Масляной собираются молодыя бабы и дѣвки въ хороводъ, ходятъ по улицамъ и играютъ въ козла: становятся въ большой кругъ, а нѣсколько душъ входятъ въ середину круга, танцуютъ и всѣ поютъ:

„Вскочилъ козелъ въ огородъ, въ огородъ,
Да поѣлъ козелъ лукъ, чеснокъ, лукъ, чеснокъ“.

Въ праздникъ Воскресенія Христова, при привѣтствіи другъ друга словами: „Христосъ Воскресе!“ крестьяне мѣняются другъ съ другомъ крашенками, т. е. яйцами, окрашенными разными красками: красной, желтой, синей, зеленой. Въ каждой семьѣ крашенки эти дѣлятся по равной части между всѣми членами семьи, и одна часть оставляется для роздачи людямъ бѣднаго состоянія. Молодые люди крашенками играютъ. Игра эта называется „котокъ“. Для этой игры устраиваютъ горку и спускаютъ по ней яйца одно за другимъ по одному направленію. Чье яйцо разобьется, тотъ проигрываетъ. Дѣтскія игры весною слѣдующія: игра въ кости, въ мячъ, въ шоровни и цурки, а зимою въ свинки. Забава взрослыхъ людей—карты и танецъ, называемый третьякъ, который производится подъ мѣстные музыкальные инструменты: балалайки, свирѣли, пищики изъ камыша и свистуны изъ глины.

Повѣрья. Нѣкоторые не вѣрятъ въ то, что существуютъ колдуны, вѣдьмы, вовкулаки, лѣшіе и прочіе; но старики и большая часть молодыхъ людей убѣждены въ ихъ существованіи и даже четвергъ на Троицкой недѣлѣ празднуютъ въ честь русалокъ. Въ этотъ день они не ходятъ въ поле и не купаются изъ боязни, чтобы не встрѣтить русалку, которая можетъ защекотать человека до смерти. Русалку они представляютъ себѣ въ видѣ красивой дѣвушки съ длинными зелеными волосами. Въ день Симона Зилота рано утромъ, до восхода солнца, бабы рвутъ разнаго рода травы, вѣря, что всякая трава, сорванная въ этотъ день, помогаетъ, въ разныхъ болѣзняхъ. Рвутъ, напримѣръ, холодную мяту, ромашку, деревей, подорожникъ, папоротникъ, чернотыльникъ, звѣробой, копаютъ лопуховый корень, снимаютъ кожицу съ ясеневаго дерева и проч.

Юридическіе обычаи. Если почему либо сосватавшіеся расходятся и причина разлада зависитъ отъ одной какой нибудь стороны, то виновная сторона обязана уплатить другой всѣ расходы, причиненные сватовствомъ; а если произойдетъ общее несогласіе, тогда убытки не пополняются. Разводовъ въ народѣ не существуетъ. Раздѣлы имущества бываютъ почти

въ каждой большой семьѣ. Отецъ или мать еще при жизни выдѣляютъ каждому сыну часть своего имущества и отдѣляютъ его отъ своей семьи, при себѣ же оставляютъ только одного сына, вручаютъ ему остальное хозяйство и живутъ съ нимъ до смерти. Если родители не успѣютъ при жизни раздѣлить своихъ сыновей, тогда дѣлитъ ихъ мѣстное волостное правленіе.

П ѣ с н и:

Въ полѣ снѣжки сорвалися,
Солдаты въ походѣ убралися.
Мостили мосты все золотые,
Становили столбы серебряные.
Туда шли, прошли три полка
солдатъ.
Первый полкъ идетъ,
Пѣсенки поетъ;
Другой полкъ идетъ,
Плачетъ, рыдаетъ;

Третій полкъ идетъ,
Все разважаетъ:
„Не плачьте, братцы!
Не журитесь!
Дай намъ Богъ
Походъ сходить.
Царю послужить.
Царю послужить,
Царя взвеселить“.

* * *

Гдѣ дѣвался тотъ цвѣточекъ,
Что долину украшалъ?
Гдѣ дѣвался тотъ дружочекъ,
Что словами улещалъ?
Не влещай меня словами,
Я имъ не вѣрю никогда.
Стану я, гляну на крылечко,

Посмотрю своего дружка.
И не видно, и не слышно:
Онъ женился на другой.
Мнѣ, конечно, дружка жалко,
Забывай теперь его.
Пойду я въ края чужіе,
Отыскать своего дружка.

* * *

Изъ-за горъ, горы
Ѣдутъ мазуры.
Стукъ, грякъ въ окошечко:
„Выйди, моя коханочка,
Дай коню воды!“
— „Я не могу встать,

Коню воды дать.
Вонъ столбикъ:
Коня привяжи,
Войди въ хату,
Меня молодую
Къ сердцу прижи.

Заговоры отъ болѣзней много. При кровотеченіи изъ носа или изъ раны, кровь заговариваютъ такъ: „Есть море океанъ, на томъ море-океанѣ стоитъ островъ, на томъ островѣ воздвигъ-

нута церковь, въ той церкви святая дѣвица, а имя ей Анастасія. Держитъ она у себя разныя иглы, и шелковою нитью она зашиваеъ кровавую рану, а ранѣ болѣтъ и крови идти заповѣдываетъ, и ни тѣмъ прикасаться ко мнѣ рабу Божию (имя), отъ скорби и болѣзни, отъ тьмы тысячъ, отъ всякихъ враговъ и отъ нечистаго духа не велитъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“. Если появится на глазу болѣзнь, известная подъ именемъ „ячменя“, то больной самъ себѣ или кто нибудь подноситъ къ больному глазу кукишъ и говорить: „Ячмень! вотъ тебѣ кукишъ: что хочешь, то и купишь. Купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперекъ“. Въ случаѣ вывиха прибѣгаютъ къ бабкамъ правильщицамъ, которыя прежде больного парятъ, потомъ, растирая больное мѣсто мыломъ, приговариваютъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Здѣсь не здѣсь, на синемъ морѣ лежитъ бѣлый камень, на бѣломъ камнѣ кто-то сидитъ, высиживаетъ изъ желтой кости цвѣты, выкликаютъ: желта кость, львовъ духъ! какъ у льва духъ не держится, такъ чтобы у желтой кости раба Божія (имя) вывихъ не держался. Микола угодникъ, скорый помощникъ, мѣсяцъ ясный, князь прекрасный, встань мнѣ на помощь въ первый разъ, въ другой разъ, въ третій разъ,—аминь“.

В. С. Нельговская.

40.—Сл. Алексѣвка.

Поселеніе.—Храмъ и его строители.—Населеніе, жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Религіозно-нравственное настроеніе.

Сл. Алексѣвка расположена подъ кряжемъ горъ, покрытыхъ множествомъ кургановъ, съ нѣсколькими вокругъ земляными насыпями. Расположеніе этихъ кургановъ въ разстояніи одинъ отъ другого показываетъ, что это не самородки, а искусственно-устроенныя возвышенія для наблюденій во время татарскихъ набѣговъ,—посты, расположенныя между собою диаметрально, чтобы служить одинъ другому для передачи сообщеній. И теперь неподалеку отъ могилъ и въ другихъ мѣ-

стахъ находятъ обломки стрѣлъ, чугунныя ядра и другіе предметы, подтверждающіе выше сказанное. Первоначально село это называлось „Веревкино“. Здѣсь росли непроглядные, сплошные камыши, гдѣ свили себѣ гнѣзда разбойники; съ цѣлью ограбленія они ловили проходящихъ арканомъ — веревкою. Старожилы передаютъ, что князь Куракинъ, посѣтивъ здѣсь свои вотчины и выслушавъ жалобы крестьянъ на поселившихся злодѣевъ въ камышахъ, сказалъ, чтобы мѣстность эта называлась „Веревкиною“. Въ послѣдствіи, когда крестьяне были отпущены на волю, они дали этой мѣстности названіе „Алексѣвка“ по имени первыхъ поселенцевъ съ фамиліею „Алексѣйка“. Фамилія Алексѣвъ и по нынѣ существуетъ. Сл. Алексѣвка отъ уѣзднаго города Старобѣльска находится на разстояніи 18 верстъ, отъ Харькова въ 220 вер.; близкая торговая слобода отъ Алексѣвки Куракина,—въ 12 верст.

Приходъ раздѣляется рѣкою Бѣлой на 2 части: по правую сторону находится слобода, по лѣвую—хутора, принадлежащія къ приходу: „Паньковъ и Заикинъ“. Первый получилъ свое наименованіе отъ поселенца, Пантелеймона Гринька, богатаго крестьянина, который до того знатенъ былъ въ свое время, что выдалъ дочь свою за кандидата священства, бывшаго впослѣдствіи священникомъ въ сл. Бѣлокуракиной, куда принадлежалъ и описываемый приходъ.

Второй хуторъ—„Заиковка“ носилъ первоначально названіе „Зайцевки, по множеству зайцевъ бывшихъ въ этомъ мѣстѣ, мало въ то время населенномъ; впослѣдствіи поселился здѣсь выходецъ Заика, и вѣроятно по имени его Зайцевка обращена въ Заиковку. Тотъ и другой хуторъ съ самого основанія церкви и понынѣ состоятъ въ этомъ приходѣ. Фамиліи „Гринько“ и „Заика“ понынѣ существуютъ. Въ 1821 году, въ виду просьбы прихожанъ, Епифаніемъ, епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ, было разрѣшено образовать, отдѣльный отъ Бѣлокуракинскаго, самостоятельный приходъ съ наименованіемъ „слобода Алексѣвка“ и съ посвященіемъ имѣющаго быть здѣсь храма во имя святителя и чудотворца Николая; предварительно же дозволено устроить молитвенный домъ, въ которомъ, на выданномъ антиминсѣ, тѣмъ же преосвященнымъ дозволено

совершать и божественную литургію. Изъ актовъ, имѣющихся при церкви, видно, что молитвенный деревянный домъ существовалъ болѣе 12 лѣтъ. Храмосоздателемъ былъ первый священникъ, вновь назначенный къ сей церкви, Гавріиль Поповъ. Первоначальный приходъ былъ малъ, всего въ 450 д. м. п., между тѣмъ храмъ предположенъ былъ въ два этажа. Народъ волновался и пришелъ къ тому убѣжденію, что совсѣмъ слѣдуетъ оставить постройку храма, довольствуясь однимъ молитвеннымъ домомъ; но храмосоздатель перемѣнилъ планъ на меньшій, и этимъ снова разположилъ прихожанъ продолжать дѣло. Между тѣмъ наступилъ самый бѣдственный 1833 роковой, голодный годъ. Народъ питался лебедою, древесною корою, глиною, премѣшанною въ маломъ количествѣ съ мукою—прихожане впали въ уныніе и отказались отъ всякаго участія въ окончаніи церкви, отказались даже возить песокъ къ церкви и камень для половъ. Не унывалъ только храмосоздатель кля подвозки необходимыхъ матеріаловъ къ окончанію церкви, онъ давалъ своихъ собственныхъ двѣ лошади, а староста: церковный—волово; для сбора провизіи рабочимъ, лично отправлялся съ старостою въ сосѣдніе приходы, не минуя ни духовныхъ, ни свѣтскихъ, ни крестьянъ. Изъ одного мѣшка муки въ домъ отдѣлялся евангельскій малый чванецъ ему, просящему подаваніе на прокормленіе строителей храма. При неимовѣрныхъ усиліяхъ со стороны храмосоздателя, каменная церковь съ колокольнею была совершенно окончена и въ томъ же 1833 году 1 октября по архипастырскому благословенію Иннокентія, епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго, освящена. Съ этихъ поръ и понынѣ празднуется 1-е октября такъ же, какъ и храмовой день 9-го мая,—при многочисленномъ стеченіи народа со всѣхъ ближайшихъ селъ. Храмъ этотъ и донинѣ существуетъ въ томъ видѣ, какъ устроенъ. Взамѣнъ парусиннаго иконостаса, въ 1845 году устроенъ тѣмъ же храмосоздателемъ новый, деревянный, весьма приличный, въ полтора яруса. Въ 1850 году, еще при своей жизни, покойный отецъ Гавріиль Поповъ просилъ бывшаго архіепископа Харьковскаго Филарета похоронить его вблизи храма, но владыка далъ такую резолюцію: „Добродѣтельнаго

старца, когда Богъ пошлетъ ему кончину жизни, похоронить въ самомъ храмѣ, о которомъ онъ столько пекся и для котораго жертвовалъ трудами и собственностію“. (Указъ конс. отъ 28 января 1850 года, № 662). Еще до своей кончины о. Гавріиль устроилъ себѣ гробъ, купилъ всѣ принадлежности не только для погребенія, но и для сорокоуствова въ разныхъ церквахъ, и все это, а равно и деньги за трудъ, оставилъ въ наличности. Священникъ Гавріиль Зиновьевъ сынъ Поповъ на дѣйствительной службѣ при упомянутой церкви состоялъ съ 1821 г. по 1852 г. и въ званіи окружнаго духовника съ 1824 г. по день смерти 1867 г. апрѣля 21-го дня. По собственноручной записи покойнаго, всей суммы, испрошенной имъ на храмъ въ разное время его службы, было собрано 13,116 руб., изъ личныхъ средствъ имъ пожертвовано до 6,000 руб. Церковь имѣетъ форму равносторонняго, продолговатаго креста, окна въ 2 яруса: въ нижнемъ 8 съ желѣзными рѣшетками, въ верхнемъ 6 полукруглыхъ оконъ. Куполъ на церкви одинъ—глухой; крестъ и главы желѣзные, вызолоченные. Кромѣ того, на верхнемъ шейкѣ церкви устроена большая, желѣзная глава вышиною $3\frac{1}{2}$ арш., шириною въ окружности $5\frac{1}{2}$ арш., выкрашенная темно-голубымъ цвѣтомъ, съ большими золочеными звѣздами. Кровля желѣзная, окрашенная мѣдяною; дверей входныхъ четыре, въ томъ числѣ одинъ въ алтарь—съ сѣверной стороны. Зданіе церкви и колокольни довольно прочно. Внутренняя площадь вмѣстимости храма: 27 арш. въ длину и 21 арш. въ ширину. Внутреннее расположеніе круглое: алтарь и при немъ двѣ полукруглыхъ кладовыхъ; таковыхъ же двѣ и въ трапезѣ: справа и слѣва. Храмъ устроенъ съ 4 сводами; полъ въ церкви каменный, въ алтарь—деревянный. Церковь—холодная; солея возвышена на $\frac{1}{2}$ ар., здѣсь же устроены и клиросы. Предѣлъ одинъ, во имя святителя и чудотворца Николая. Алтарь полукруглый съ двумя справа и слѣва отдѣленіями: первое занято ризницею, второе—библіотекою. Горнее мѣсто, во всемъ полукругѣ алтаря, устроено съ двумя жертвенниками и 4 окнами въ самомъ горнемъ мѣстѣ. Передъ всѣми 6-ю иконами серебряныя лампы, а вверху, передъ образомъ Св. Троицы, тройная тоже

серебряная, цѣнная лампада. Иконостасъ устроенъ съ колоннами и пилястрами; рѣзба вся золоченая, фонъ выкрашенъ карминомъ. Царскія врата всѣ рѣзныя, золоченныя, съ 4 овальными образами. На мѣстныхъ иконы Спасителя и Богоматери, въ 1876 году, усердіемъ прихожанина Ивана Головки, устроены серебряныя два вѣнца, цѣною въ 140 руб.; на прочихъ двухъ, тоже серебряныя, золоченныя вѣнцы стоимостью въ 125 р. Стѣны храма и алтаря росписаны альфresco; художественно написаны 4 евангелиста въ златомахъ храма, а также въ осмерикѣ—явленія воскресшаго Христа Спасителя. Утварью церковь снабжена не только достаточно, но и богато. Колокольная устроена во фронтовой части церкви. На ней 6 колоколовъ. Вокругъ церкви въ 1844 г. устроена каменная съ деревянною рѣшеткою ограда, перестроенная въ 1875 г. Кругомъ церкви (внутри ограды) растутъ деревья, которымъ лѣтъ по 50. Приходскихъ кладбищъ въ слободѣ пять; въ хуторѣ Паньковомъ—3 и 2 въ Заикиномъ; всѣ оно окопаны рвами и окружены изгородью.

Говоря о храмѣ, слѣдуетъ упомянуть о старицѣ Евдокии Мышанской, скончавшейся въ 1841 г. Въ молодыхъ лѣтахъ, по вступленіи мужа ея въ военную службу, оставшись солдаткою, Евдокія рада была, что избавилась отъ тирана мужа, постоянно пьянаго; величавая и ростомъ и красотою, Евдокія предалась всѣмъ грѣшнымъ удовольствіямъ молодой женщины—красавицы, но не долго это продолжалось. Вскорѣ Евдокія выступила на подвигъ покаянія со всѣмъ самоотверженіемъ. Заключившись въ малую хижину, раздѣленную еще меньшею перегородкою, за этой послѣдней Евдокія совершала свои молитвенныя подвиги. Она пекла просфоры въ теченіе почти 20 лѣтъ; трудъ этотъ она несла безмездно. Изъ своей затворнической избушки она выходила, чтобы испросить на нужды новоустроеннаго храма подаваніе у прихожанъ и ближайшихъ чужеприходныхъ. Всѣ имѣли къ ней особое довѣріе, какъ женщинѣ высоконравственной, и потому подаванія шли черезъ руки этой труженицы довольно обильно. Покойный храмосоздатель передавалъ, что трудами Евдокии собрано много пожертвованій на новый храмъ. Старица Евдокія была не грамотна, но любила слушать,

когда что ей читали, сопровождая чтеніе обильными слезами. Много старица страдала болѣзнію праваго глаза, который къ концу ея жизни совершенно закрылся. Говорятъ, что эта болѣзнь была неестественною, а слѣдствіемъ самопроизвольнаго подвига во имя Христа, по св. изреченію: „аще око твое соблазняетъ тя,—истгни“. Погребеніе Евдокии совершилось при многолюдномъ стеченіи народа на 3-й день Свѣтлаго Воскресенія Христова, вблизи бывшаго молитвеннаго дома. Могила эта охраняется въ церковной оградѣ, устроенной вокругъ престола.

Населеніе. Въ слободѣ Алексѣевкѣ 442 рев. д., а наличныхъ 1326 д. об. п. Всѣ—малороссы. Наружность жителей не особенно красива; они средняго роста, русые, большею частью съ свѣтлыми глазами, съ неправильными чертами лица, хотя довольно симпатичными. Даже дѣтей маленькихъ рѣдко можно встрѣтить красивыхъ. Особенность выговора жителей Алексѣевки—удареніе на послѣднемъ слогѣ. Своего священника они называютъ не батюшкой, а папашей, жену священника—мамашей, а не матушкой, какъ принято называть ихъ въ другихъ селеніяхъ.

Народъ очень любитъ читать Евангеліе, Псалтырь, Житія Святыхъ, Часословъ, сказки: Бову Королевича, Битву русскихъ съ кабардинцами и др. Покупаютъ много на ярмаркахъ дешевыхъ книгъ и безъ разбора ихъ читаютъ, берутъ книги и въ шкодѣ и по нѣсколько разъ читаютъ ихъ. Изъ школьныхъ книгъ имъ въ особенности нравится книга Баранова.

Жилище. Хаты въ слободѣ Алексѣевкѣ деревянныя, довольно большія, большею частью съ навѣсомъ и крылечкомъ во дворъ. Въ хатахъ обыкновенно на улицу выходитъ 3 или 2 окна и хоть одно во дворъ; бываютъ и такія, въ которыхъ дѣлаются 3 или 2 во дворъ и одно на улицу. Крестьяне говорятъ: „намъ на улицу не дывицьця, дывицьця за хозяйствомъ.“ Крыши крыты соломой или камышемъ. Содержатся хаты очень опрятно какъ внутри, такъ и снаружи. Ставни всегда красятъ желтой или красной глиной, а по срединѣ ставни или, какъ они называются, „виконницы“ красуется какая нибудь звѣзда, разукрашенная синькой и мѣломъ. Въ настоящее время за недостат-

комъ лѣса, многія хаты, а также сараи и хлѣвы дѣлаются изъ мѣла. Въ хатѣ большею частью двѣ комнаты—хата и кимната, а также чуланъ (кладовая) и большія сѣни. Въ хатѣ стоитъ большой столъ, подлѣ стола съ двухъ сторонъ широкія лавы (скамьи). Въ переднемъ углу стоятъ иконы, въ другомъ „поль“, т. е. помощены доски, которыя замѣняютъ собою кровать; ближе къ двери печь съ большой лежанкой, съ которой ребятишки почти не слѣзаютъ зимою, не говоря уже о старикахъ. Да и молодежь любитъ погрѣться на печи, въ особенности когда прѣдутъ съ базара, ярмарки, а бабы прѣдутъ съ рѣки. Первое мѣсто въ избѣ—это передній уголъ, въ немъ всегда стоятъ иконы. Онѣ занимаютъ въ избѣ $1\frac{1}{2}$ стѣны и почти всегда бываютъ украшены бумажными яркими цвѣтами, крокосомъ и васильками, а внизу иконъ прибиваютъ цвѣтную бумагу, на подобіе дешевыхъ обоевъ (шпалеры), расписанную самими яркими цвѣтами, какъ напр. по красному фону желтый, по зеленому синій съ бѣлымъ, а то вмѣсто бумаги прибиваютъ и красный ситецъ. Въ праздничные же дни на иконы вѣшаютъ широко вышитыя полотенцы (рушники). Полотенцы и скатерть непременно должны быть вышиты невѣсткой, если она есть. На столѣ подъ скатертью всегда лежитъ хлѣбъ. Передній уголъ—самое почетное мѣсто. Священникъ-ли прѣдетъ для молитвы, его посадятъ „на покути“, также кума, куму, зятя и вообще всѣхъ уважаемыхъ гостей. Существуетъ повѣрье, что на порогѣ дѣвушка не должна сидѣть,—иначе замужъ не выйдетъ. Никто не долженъ здороваться черезъ порогъ, чтобы не поссориться. Во время крестинъ руки родильницы „размываютъ“ (обмываютъ), ставя ее одной ногой въ корыто, которое должно стоять на порогѣ, для того чтобы она скорѣе поправлялась.

Расположеніе дворовъ у всѣхъ почти одинаково съ тою только разницею, что у нѣкоторыхъ крестьянъ амбары ставятся черезъ улицу противъ хаты; тѣ же, у которыхъ дворы большіе или построекъ меньше, амбары ставятъ здѣсь же во дворѣ противъ хаты. Загороды, хлѣвы для овецъ, свиней и домашней птицы ставятъ позади, а всѣ чистыя постройки впереди.

Одежда. Лѣтняя будничная одежда мужчинъ: черевикъ, широкія „набирныя“ шаровары, а иногда и бѣлыя полотняныя; сорочка, вышитая мережкой и красной бумагой, на выпускъ; жилетъ черкесиновый со спинкой изъ сѣраго коленкора и картузъ. Въ праздничные дни надѣваются: чинарка черкесиновая съ передомъ, расшитымъ строчкой цвѣтными нитками, причемъ молодые подпоясываютъ ее краснымъ или зеленымъ поясомъ; сапоги съ широкими голенищами на низкихъ каблукахъ, а у парубковъ на высокихъ. Верхнее лѣтнее платье: бѣлая свита съ комиремъ (воротникомъ), обшитымъ чернымъ плисомъ. Зимнее нижнее платье то же, а верхнее—полушубокъ и капелюхъ. У многихъ женщинъ сохранились еще запаски, замѣняющія собою спидницы. Запаска—это кусокъ грубой шерстяной матеріи, которою обварачиваются вокругъ стана, подвязавъ поясомъ. Нѣкоторыя женщины въ будничные дни ходятъ въ бѣлой, расшитой мережками, красной и черной бумагой рубахѣ и въ запаскѣ; другія же въ „спидницѣ“ (юбка) и „юпкѣ“ (кофть) съ рукавами. Носятъ полуоткрытые башмаки или сапоги и бѣлые чулки. У дѣвушекъ костюмъ тотъ же, что и у женщинъ, только ярче: цвѣтъ юбокъ по большей части красный, а кофты—плисовые, расшитыя „снурками“ и украшенныя позади бѣлыми пуговицами. Будничнымъ головнымъ уборомъ дѣвушки, подъ вліяніемъ города, сталъ ситцевый платокъ; головной уборъ пожилой женщины—очипокъ, повязанный темнымъ платкомъ, а въ будничные дни—ситцевый капоръ. Праздничный же головной уборъ дѣвушки слѣдующій: шелковый или шерстяной платокъ онѣ сворачиваютъ на подобіе того, какъ подвязываютъ шею мужчины, и повязываютъ вокругъ головы; сверху платка накалываютъ много блестящихъ булавокъ разноцвѣтныхъ; поверхъ же платка накалываютъ цвѣты, павлиныя перья, а на вискахъ, на подобіе еврейскихъ пейсовъ, спускаются у нихъ перья изъ селезня. Это самый шикарный головной уборъ; на шеѣ много серебряныхъ наместъ, съ серебряными большими крестами. Въ ушахъ серьги разнаго вида. Заплетенная коса, въ которую вплетается много разноцвѣтныхъ лентъ, спускается вдоль спины. Зимній головной уборъ какъ у женщинъ, такъ и у дѣвушки остается тотъ же. Только женщины во время силь-

ныхъ холодовъ подвязываютъ уши бумажнымъ платкомъ. Костюмъ молодой женщины почти ничѣмъ не отличается отъ костюма дѣвушки, кромѣ головного убора, который состоитъ изъ парчеваго очипка, поверхъ котораго повязывается цвѣтной шелковый платокъ; внизу очипокъ завязывается шелковой лентой съ длинными концами, спущенными вдоль спины, какъ у дѣвушки ленты. Намиста молодые женщины носятъ такъ же много, какъ и дѣвушки. Старухи носятъ намиста очень рѣдко или совсѣмъ не носятъ, а носятъ довольно большой крестъ или таллеръ. Зимній верхній костюмъ женщинъ и дѣвушекъ: бѣлая свитка, широкій нагольный, безъ талии, кожихъ (шуба), полы и воротникъ котораго оторочены сѣрымъ или чернымъ барашкомъ. Мужской полушубокъ стоитъ не менѣе 15 р., женскій—хорошій 12, свитка мужская—5 р., женская 8, черевикъ—1 р. 20 к., открытые башмаки—1 р. 50 к.

Пища почти одинакова у всѣхъ: борщъ съ мясомъ или саломъ, пшенная каша,—гречихи не сѣютъ; въ праздничные дни пироги съ картофелемъ, сыромъ или начинкою изъ легкаго, печенки и сердца, вареная курица, печеные (жареные) гусь или утка. Въ постные дни: капуста вареная или борщъ съ рыбою, лошка (супъ изъ рыбы) съ картофелемъ, картофель вареный съ олією—постнымъ масломъ, узваръ (варенныя вишни) квашенныя яблоки, терень. Рыбу ловятъ здѣсь же въ рѣкѣ.

Лавка въ слободѣ одна и очень плохенькая; въ ней продается керосинъ, спички, деготь и пр. Крестьяне большею частію все нужное для себя покупаютъ или въ сл. Куракиной, или въ Старобѣльскѣ.

Болѣзни. Народъ лѣчится и у докторовъ, и у бабокъ. Одна баба, отъ кашля, прикуриваетъ сахарною бумагою; если появляются колотья, то на больныя мѣста прикалываютъ рогачъ; если болятъ зубы, то шепчутъ: „Мисяцю Владимірю! не можешь ты по земли ходить, можешь на небесахъ свитыть. Пытаецця молодой старого: чи болятъ зубы не въ живого? не болятъ, не щимлять, не ворущаецця. Якъ мертвый у гроби, а каминь у земли не ворущицця, такъ у новорожденны (имя) костяный зубъ не болитъ не щимить, ни ворущицця“.

Религіозно-нравственное настроеніе. Всѣ жители исклю-

чительно земледѣльцы, бывшіе государственные крестьяне; другихъ сословій нѣтъ. Прихожане свято и ненарушимо исполняютъ всѣ религіозныя требованія. Дни постовъ чтятъ и никогда не нарушаютъ ихъ, считая за тяжкій грѣхъ, если вынуждены бываютъ больнымъ дѣтямъ давать скоромную пищу, но и это не иначе ими допускается, какъ только съ дозволенія священника. Неупустительно говѣютъ всѣ одинъ разъ въ годъ; другіе же во всѣ 4 поста. Службы церковныя во всѣ воскресные и праздничные дни охотно посѣщаютъ; молебны въ домѣ и церкви, освященіе домовъ, поминовеніе умершихъ въ дни, положенные церковью и независимо отъ того, въ осеннее время въ субботы, а также въ 1 понедѣльникъ по истеченіи пасхальной седмицы, всегда свято исполняютъ. Крестные ходы по полямъ бываютъ ежегодно, а также вокругъ села, въ случаѣ общественной бѣды, эпидемической болѣзни и пр. Суевѣрные обычаи были, особо при погребеніи умершихъ: посыпаніе лежа умершихъ зерномъ, помѣщеніе сосуда съ водою вблизи умершаго и т. п.; при свадьбахъ: переѣздъ молодыхъ черезъ огонь, разложенный у воротъ, цѣлованіе замка двери церковной, скаканье поѣзда свадебнаго 3 раза вокругъ церкви. Все это было прежде, теперь же совершенно оставлено. Крестьяне съ удовольствіемъ отдають своихъ дѣтей въ школу, относятся къ учительницѣ и школѣ очень хорошо. Женщина въ крестьянской семьѣ не пользуется особеннымъ почетомъ: для молодыхъ женщинъ мѣсто почти всегда ближе къ порогу; совѣта ихъ никогда не спрашиваютъ, ихъ дѣло—подавать кушанье на столъ, водкою же угощаютъ мужчины. Когда гостей угощаютъ чаемъ, невѣстки должны пѣть для развлеченія. Только мать, если она вдова, пользуется почетомъ, почти всегда спрашиваютъ ея совѣта въ дѣлахъ хозяйственныхъ и она, какъ почетное лицо, угощаетъ гостей водкой; невѣстки находятся въ полномъ ея распоряженіи. Свекровь, часто пользуясь своею властью, обращается съ невѣстками очень деспотически; почтительный сынъ никогда не вступится за жену, требуя ея полного повиновенія матери.

А. В. Доброхотова.

41.—Сл. Штурмова.

Поселение и население.—Жилище.—Одежда.—Пища.

Штурмова лежитъ отъ г. Старобѣльска на югъ въ 21 верстѣ, по лѣвую сторону р. Айдара, правый берегъ которой покрытъ большимъ дубовымъ лѣсомъ. Отъ этого мѣстоположеніе сл. Штурмовой очень живописно. Названіе свое, по преданію, она получила отъ помѣщика Штурмы, котораго сами крестьяне упросили быть ихъ паномъ,—для защиты ихъ отъ тогдашней администраціи, чтобы ихъ не брали, въ солдаты. Мѣстное население называетъ слободу Штурмова. Вѣроятно это названіе она получила отъ того, что въ 20-хъ годахъ крестьяне хотѣли избавиться отъ крѣпостной зависимости и взбунтовались противъ помѣщика, купившаго ихъ у наслѣдниковъ прежняго, фиктивного ихъ помѣщика. Преданіе было свѣжо: крестьяне знали, что они не жалованы помѣщику, а предки ихъ добровольно приурочились къ нему и поэтому имъ легко отъ него избавиться, и они взбунтовались. Но расчетъ былъ невѣренъ, борьба была не по силамъ. Для усмиренія ихъ прислали солдатъ, которые объявили крестьянамъ, что они будутъ за бунтъ штурмовать Штурмову. Съ тѣхъ поръ Штурмову крестьяне называютъ Штурмова.

Численность жителей слободы до 1000 д. муж. п., всѣ малороссы. Языкъ чисто малороссійскій, хотя въ молодомъ поколѣніи встрѣчаются часто выраженія литературнаго языка.

Жилище. Хата строится деревянная съ сѣнцами въ одной связи подъ соломенной въ расческу крышей. Въ такомъ же видѣ бываетъ болѣе семейная хата въ два отдѣленія, между которыми помѣщаются сѣнцы; у нѣкоторыхъ въ сѣнцахъ устраивается „хижка“ (чуланъ). У людей незажиточныхъ вмѣсто чулана помѣщеніемъ служить „горище“ (чердакъ). Печь въ хатѣ находится около входной изъ сѣней двери; въ углу, сбоку печи лежанка; дымовыя трубы частью кирпичныя и мѣловыя, а частью хворостяныя. Такія трубы ставятся съ самой земли въ сѣняхъ около стѣны, къ которой примыкаетъ печь, и проводятся сквозь крышу; хворостяныя трубы обмазываются со всѣхъ сторонъ глиною.

Надворныя постройки: пашенный хлѣвъ, это кладовая—помѣщеніе для ссыпки хлѣба и харчевыхъ припасовъ, или амбаръ деревянный. Повѣтка для склада земледѣльческихъ орудій, два три сарая съ загорою для скота и овецъ; курникъ для куръ; для свиней сажъ или хлѣвъ. На току—клуна или вмѣсто клуны сарай для храненія обмолоченнаго хлѣба, до его отвѣйки, а на зиму для храненія половы. Границы двора огорожены плетнемъ, ворота съ улицы во дворъ рѣшетчатые. Строеніе вообще обмазывается глиною и бѣлится мѣломъ. Въ дворахъ имѣются погреба для храненія овощей на зиму.

Стоимость двора наименьшая до 100 р., у крестьянъ среднего достатка 200—300 р., у зажиточныхъ до 1000 р.

Домашняя утварь: иконы занимаютъ мѣсто въ переднемъ углу или обѣ стороны угла, по стѣнамъ, на полочкахъ или желѣзныхъ крючкахъ, иконы частью живописныя, многія подъ фольгою, а частию картинами въ рамкахъ. Обычай располагаетъ жителей вообще къ установкѣ иконъ и картинъ въ домахъ сколь возможно больше; принято въ большіе праздники, какъ Рождество Христово, Свѣтлое Воскресеніе и храмовые развѣшивать при иконахъ для украшенія полотенца, вышитыя или вытканныя разноцвѣтною бумагою. „Красный“ уголь около оконъ обклеиваютъ цвѣтной бумагою. Столъ находится тоже въ переднемъ углу, гдѣ имѣется для сидѣнья двѣ лавки или диванчики простые. Вмѣсто кровати помостикъ изъ досокъ отъ лежанки до противоположной стѣны. Въ домашнемъ хозяйствѣ имѣются: чугуны, горшки, кочерги и лопаты для сажанія хлѣба въ печь. Молоко разливается въ „гличики“, сметана собирается въ макитры. Масло сбивается разнымъ способомъ: сбивается лопаткою въ макитрѣ или въ небольшой тонкой, высокой двухъ-этажной кадочкѣ, складной съ двумя днами, въ которой сквозь верхнее дно пропущена палочка, имѣющая кружочекъ, изверченный дырочками; отъ дѣйствія руки этотъ кружочекъ ходитъ въ сметанѣ вверхъ и внизъ; сметана между двумя днами кадочки, маслостойки, никуда не разбрызгивается и скоро сбивается въ масло. Матеріалы отопленія: навозный кирпичъ, навоз-

ныя плитки, солома, небольшая часть угля и дрова, какъ рѣдкость. Освѣщеніе керосиновое.

Зимняя одежда у мужчинъ—дубленныя полушубки, у женщинъ длинныя бѣлыя бараны тулупы, стоящіе отъ 10 до 12 р. Осенняя одежда состоитъ изъ свитъ, сдѣланныхъ изъ домашнего сукна. Лѣтняя: у мужчинъ чинарка изъ черкесина или ластика, а у болѣе зажиточныхъ изъ тонкаго сукна. Женщины лѣтомъ преимущественно носятъ ситцевыя юбки и кофты. Разница между праздничною и будничною одеждою только въ томъ, что въ праздники надѣвается новая, а когда она становится поношенною, то дѣлается всedневною. Одни только женскіе платки, стоящіе 3—5 р., весь свой вѣкъ бываютъ праздничнымъ нарядомъ и нерѣдко переходятъ отъ матери къ дочери въ качествѣ праздничнаго наряда. Вся одежда мужчинъ: тулупъ, свита, чинарка, сапоги и шапка стоятъ отъ 20 до 30 р., женская не дороже 30 р.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ почти одна и та же, только разница въ количествѣ, но не въ качествѣ. Зажиточный крестьянинъ можетъ ѣсть четыре раза въ день: завтракаетъ, обѣдаетъ, полудничаетъ и ужинаетъ; крестьянинъ побѣднѣе—завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ; еще бѣднѣе—обѣдаетъ и ужинаетъ. Между скоромными и постными днями разница въ пищѣ та, что въ скоромные дни ее готовятъ съ свинымъ саломъ и молокомъ, а въ постные съ коноплянымъ и льнянымъ масломъ. Мясо крестьяне ѣдятъ очень рѣдко, только въ рождественскіе праздники, когда почти каждый хозяинъ рѣжетъ свинью; да иногда осенью позволяютъ себѣ зарѣзать барана и полакомиться его мясомъ.

Борщъ—самое необходимое кушанье и по возможности каша пшенная; въ праздники бываютъ пирожки или блинчики, лапша или каша молочная; лѣтомъ холодный обѣдъ: квасъ съ лукомъ. Малороссійскій борщъ, хотя при скудныхъ матеріалахъ, бываетъ лучше русскихъ щей, вообще хохлушки готовятъ пищу лучше русскихъ. Крестьянскій обѣдъ на одного рабочаго при среднемъ достаткѣ стоитъ не дороже 3½ коп. Кромѣ означенной пищи приготовляются иногда „галушки“, которыя дѣлаются изъ прѣснаго тѣста и варятся въ водѣ, какъ бы

супъ; такая пища считается горячей. Вареники постные или скоромные замѣняютъ завтракъ или ужинъ. На зиму приготовляются изъ овощей: кислая капуста бѣлая, картофель, соленые огурцы и арбузы; изъ садовыхъ фруктовъ: сушеныхъ яблокъ, вишенъ, терна варится „узваръ“ (кампотъ). Узваръ бываетъ рѣдко; вмѣстѣ съ пшеничною кутьею онъ необходимъ къ вечернему ужину передъ Рождествомъ Христовымъ. Ужинъ въ этотъ вечеръ крестьяне вкушаютъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, причемъ, кто можетъ, поститъ весь день.

Болѣзни крестьянъ болѣе всего происходятъ [отъ простуды, запущенность которой нерѣдко вызываетъ смерть. При заболѣваніи они обращаются сперва къ своимъ доморощеннымъ врачамъ, а когда болѣзнь усиливается, тогда уже обращаются къ земскому врачу или въ земскую больницу. Главное занятіе крестьянъ—земледѣліе и скотоводство. Если въ семьѣ имѣются работники, то они отправляются зарабатывать на сторону, преимущественно въ Донскія мѣста и Кубанскую область. Къ школь и учителю относятся сочувственно. Положеніе женщины въ семьѣ равноправное; а если женщина въ умственномъ отношеніи выше мужчинъ, то вліяніе ея въ семействѣ преобладающее.

Уца Р. Г. Буткевичъ.

42.—Сл. Бѣлолуцкъ.

Поселеніе и населеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни, занятія, школа.—Положеніе женщины.—Национальность.

Сл. Бѣлолуцкъ находится въ сѣверной части Старобѣльскаго уѣзда при соединеніи рѣчекъ Айдары и Бѣлой, въ 20 верстахъ отъ границъ Богучарскаго и Острогожскаго уѣздовъ Воронежской губ., отъ уѣзднаго города Старобѣльска въ 53 верстахъ.

Мѣстность, занимаемая селомъ, представляетъ низменную котловину пространствомъ около 10 кв. вер., большая часть которой заливаема весеннимъ половодіемъ. Названіе Бѣлолуцкъ дано селу потому, что первоначальный поселокъ находился на правомъ берегу р. Айдары противъ устья р. Бѣлой. „Лучка“ по

малорусски—устье рѣки, обросшее лѣсомъ. Рѣка Айдаръ называлась прежде Гайдаръ, гайдаръ значить пастухъ овецъ. По словамъ мѣстныхъ жителей, первоначальный поселокъ назывался Городкомъ. Городокъ защищался съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а съ четвертой непрходимымъ болотомъ, поросшимъ густымъ камышемъ; въ немъ была выстроена деревянная церковь, которая сожжена татарами во время набѣга послѣднихъ. Существуетъ преданіе, что жители городка, узнавъ о набѣгѣ татаръ, поспѣшили убѣжать въ болѣе безопасное мѣсто и вмѣстѣ съ домашнимъ скарбомъ увезли и церковную утварь, а большой церковной колоколъ бросили въ р. Айдаръ, гдѣ онъ и находится до сихъ поръ. Эта мѣстность часто подвергалась набѣгамъ татаръ. Въ 20 верстахъ отъ Бѣлолуцка, по краю, мимо слободы Ново-Пскова (Закамянки), хуторовъ Писаревки, Рыбенцова и слободъ Песокъ, Булавиновки, Лимана, на гор. Старобѣльскъ проходитъ дорога, проѣзжая только лѣтомъ, называемая гетьманскимъ шляхомъ. Въ селѣ 5063 души обоего пола; по ревизіи числится 1542. Населеніе малорусское. Изъ книгъ болѣе всего распространены книги церковныя и книги духовно-нравственнаго содержанія, какъ-то: Псалтырь, Часословъ, Святцы, Евангеліе, Житія святыхъ, описанія святыхъ мѣстъ; встрѣчаются также книги историческаго характера: біографіи знаменитыхъ русскихъ людей и описанія выдающихся событій изъ жизни русскаго народа. Всѣ книги приобрѣтаются въ мѣстахъ богомолья или у книгоношъ.

Жилище. Всѣ избы построены изъ дерева и имѣютъ продолговатую форму съ покатыми съ 4 сторонъ крышами. Каждая изба имѣетъ не менѣе трехъ помѣщеній, не считая сѣней. Первое помѣщеніе называется хата. Это парадная комната, мѣсто приѣма гостей. Второе помѣщеніе—хатына, родъ кухни; здѣсь находится варистая печь и всѣ кухонныя принадлежности, здѣсь-же въ зимнее время сохраняются ягнята, телята, поросята и ранніе выводки домашней птицы. Третье помѣщеніе—чуланъ, служащій для склада провизіи и одежды. Передній уголъ въ хатѣ—мѣсто почета и уваженія, печь и порогъ—мѣсто униженія и подчиненія. Дворовыя постройки дѣлаются изъ хворосту, мѣлу, глины и дерева, располагаются

вблизи дома такъ, чтобы всѣ постройки обходили дворъ четырехъ угольникомъ. Въ послѣднее время начали строить жилища и дворовыя постройки изъ саману—смѣси глины и соломы. Жилымъ помѣщеніямъ придаютъ форму равносторонняго четырехъ угольника.

Одежду мужчинъ лѣтнюю въ будни составляютъ: сорочка съ прямымъ „комиремъ“ и штаны изъ простого пеньковаго холста, „камдзель“,—короткая поддѣвка,—надѣваемый сверхъ сорочки, или пиджакъ; въ дождливое время надѣвается кудына—короткая, изъ простого сукна поддѣвка. Обувью служатъ черевики съ волоками. Въ праздничное время надѣвается черкесиновая или суконная чинарка или же свитка съ усами, картузъ и сапоги. Козырьки картуза парни украшаютъ живыми цвѣтами: гвоздикомъ, чернобривцами и розами. Зимой мужчины носятъ нагольные полушубки съ сборами или съ усами, а сверху ихъ большіе нагольные тулупы или же большія свиты изъ сѣраго сукна; на головѣ носятъ капелюхи—шапки съ наушниками. Зимняя праздничная одежда мужчинъ ни чѣмъ не отличается отъ будничной, только бываетъ поновѣе. Сорочка съ вышитыми рукавами и „надѣлечками“ изъ простого пеньковаго холста, юбка—родъ кофты, спидница, ботики или „черевики“ съ „волоками“ составляютъ женскую лѣтнюю будничную одежду. Замужняя женщина носитъ на головѣ ситцевый „очипокъ“, который еще называется „капиромъ“ и повязывается платкомъ такъ, что концы скрещиваются сверху лба, а дѣвушки повязываются „панянкою“: концы платка связываются подъ подбородкомъ. Въ праздничные дни замужняя женщина надѣваетъ на голову парчевый очипокъ, который повязывается шерстянымъ или шелковымъ платкомъ такъ, что верхъ очипка остается открытымъ; дѣвушки или повязываютъ голову платкомъ такъ, что верхъ головы остается не покрытымъ, или же носятъ вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ, къ которымъ сзади прицѣпливаютъ разноцвѣтныя ленты. На шеѣ какъ замужнія, такъ и дѣвушки носятъ цѣлую массу „наместъ“, крестовъ и „дукачей“. Въ верхней одеждѣ женщинъ преобладаетъ красный цвѣтъ. Юбка или кирсетъ, расшитые разноцвѣтными шнурками и пуговками, „спидныця“ изъ такъ называемаго краснаго за-

граничнаго ситца или кумачу, фартухъ съ яркими большими цвѣтами составляютъ необходимость для каждой женщины, какъ богатой, такъ и бѣдной. Обувью служатъ ботики, или сапоги, или же открытые башмаки съ бѣлыми чулками. Иногда сверху надѣвается черкесиновый или суконный халатъ съ полукруглымъ воротникомъ. Зимой женщины носятъ длинныя свитки изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, съ круглымъ воротникомъ, или кужухи безъ воротниковъ съ одной опушкою, или съ большими барашковыми „комирами“. Старинная одежда совершенно исчезла. Въ одеждѣ начинаетъ проглядывать городское вліяніе; ситецъ, фабричное сукно, шерстяныя ткани все болѣе и болѣе вытѣсняють ткани домашняго приготовленія. Въ покроѣ одежда тоже измѣнилась: женскія одежды съ претензіей на моду, а мужскія на нѣмецкій покрой попадаютъ все чаще и чаще. Стоимость одежды бѣднаго за годъ: 3—5 мужскихъ сорочекъ по 50 к. каждая, 3—5 паръ штановъ по 40 к. каждая, картузъ 35 к., капелюхъ 60 к., сапоги 3 р., пиджакъ или камдзель 1 р., козюхъ 4 р., свитка 3 р. 50 к., большая свита 4 р., поясъ 40 к., итого годичная стоимость одежды 21 р. 35 к. Стоимость одежды въ годъ средняго крестьянина: 6—8 сорочекъ мужскихъ по 50 к. каждая, 6—8 паръ штановъ по 40 к., картузъ 60 к., капелюхъ 90 к., сапоги 3 р., пиджакъ или камдзель 1 р. 50 к., полушубокъ 8 р., большой козюхъ 15 р., свитка 4 р., куцына 1 р., большая свита 6 р., черевикъ 90 к., поясъ 40 к., чинарка 4 р.—всего 53 р. Годичная стоимость одежды богатаго крестьянина: 10—15 сорочекъ мужскихъ по 50 к., 10—15 паръ штановъ по 40 к., картузъ 80 к., капелюхъ 1 р. 20 к., пиджакъ или камдзель 1 р. 50 к., чинарка 5 р., полушубокъ 8 р., большой тулупъ 20 р., свитка 5 р., большая свитка 7 р., сапоги 3 р., черевикъ 90 к., поясъ 60 к., куцына 1 р., что составитъ 69 р. 50 к. Стоимость женской одежды какъ у богатыхъ, среднихъ, такъ и убогихъ почти одинакова. Стоимость женской одежды слѣдующая: очипокъ парчевый 1 р. 50 к., ситцевый 50 к., платокъ ситцевый 30 к., шерстяной 1 р., сатиновый (пенька съ бумагой) 80 к., юбка или кирсетъ 2 р., спидница 1 р. 20 к., фартухъ 50 к., сапоги 3 р., черевикъ 90 к., чулки 30 к., свитка 5 р., ко-

зюхъ 8—12 р., куцына 1 р., халатъ 3 р., поясъ 30 к., что составитъ отъ 30 до 40 руб., если прибавить стоимость сорочекъ.

Пища. Жители Бѣлолуцка любятъ поѣсть; яйца, масло, молоко, творогъ, баранина, сало, свинина, мясо домашней птицы, — все это поѣдается ими самими, и только незначительная часть этихъ пищевыхъ веществъ идетъ въ продажу. Постороннему человѣку въ Бѣлолуцкѣ трудно купить курицу, кувшинъ молока, 10—20 яицъ или еще что нибудь съѣстное. Только недавно жители начали употреблять житный или ячменный хлѣбъ, раньше они употребляли лишь пшеницу, а жито они сѣяли, какъ сами выражаются, для „сиривцю“. Въ урожайные годы мѣстный житель не любитъ себѣ отказывать въ пищѣ, такъ какъ молоко, сметана, сыръ, мясо домашнихъ животныхъ и птицъ, пшено, кутья, сало, конопляное или подсолнечное масло имѣются у него въ достаточномъ количествѣ, а борщъ, супъ (юшка), кулешъ, лапша, затирка, галушки, каша, печенье, пироги, оладки, блины и т. под. представляютъ довольно разнообразную ихъ пищу.

Въ мѣстныхъ лавкахъ имѣются только товары, требуемые простымъ сельскимъ жителемъ. Мѣстная торговля въ послѣдніе годы сильно упала: прежде оборотъ бѣлолуцкихъ торговцевъ простирался до 150—200 тысячъ, а теперь едва достигаетъ 60—70 тысячъ. Причины такого явленія мѣстные торговцы считаютъ три: развитіе желѣзнодорожныхъ путей, объединеніе мѣстныхъ окружающихъ помѣщиковъ и общій экономическій упадокъ.

Изъ болѣзней наиболѣе распространенныхъ первое мѣсто занимаетъ сифилисъ, который можно встрѣтить въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и видахъ, затѣмъ лихорадка; заразительныя болѣзни, какъ напр.: корь, скарлатина, свинка, тифъ почти не покидаютъ села. Довѣріе къ врачамъ увеличивается.

Занятія. Прежде жители занимались овцеводствомъ и скотоводствомъ, хлѣбопашество было побочнымъ занятіемъ. Пчеловодство и садоводство, не смотря на удобную для нихъ мѣстность, развиты очень слабо. Теперь главное занятіе жителей — хлѣбопашество. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу и ячмень.

Школа. Въ слободѣ имѣется одно земское училище и нѣсколько частныхъ школъ, въ которыхъ учатъ черницы и солдаты. Къ школъ относятся, какъ къ полезному учрежденію, но даютъ средства на ея содержаніе неохотно и были бы довольны, если бы она содержалась не на ихъ счетъ. Въ виду того, что школа не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ въ нее поступить, крестьяне не даютъ средствъ на наемъ сторожа, отопленіе и на ремонтъ. Къ учителю крестьяне относятся равнодушно.

Положеніе женщины. Въ семьѣ женщина занимаетъ положеніе управителя всего домашняго хозяйства. Все домашнее хозяйство находится на рукахъ женщины. Благополучіе семьи въ нравственномъ, а во многихъ случаяхъ и въ матеріальномъ отношеніи часто зависитъ отъ нравственнаго состоянія старшей въ семьѣ женщины. Въ обществѣ же смотрятъ на женщину какъ на безправную личность, которая во всемъ безпрекословно должна повиноваться мужу. — Сельскій наймитъ, сознавая, что безъ его труда обойтись не могутъ, предъявляетъ довольно большія требованія при договорѣ, такъ напр. рабочій стремится не только ограничить число часовъ рабочаго дня, но и родъ работы.

Проституція начинается развиваться въ довольно большихъ размѣрахъ. Невинность невѣсты почти потеряла свое значеніе; по выходѣ замужъ замужнія женщины на супружескую вѣрность смотрятъ очень легкомысленно. Въ селѣ существуетъ нѣсколько десятковъ женщинъ, которыя смотрятъ на это почти какъ на ремесло. Причины этому—бывшее военное поселеніе и стоянка войскъ, а также усилившійся съ 1870 года отхожій промыселъ молодежи на Донъ.

Национальность. Въ племенномъ отношеніи населеніе Бѣлолуцка малорусское, смѣшанное съ великоруссами, которые слились съ малороссами въ сферѣ привычекъ, одежды и языка. Въ сохраненіи своихъ племенныхъ особенностей проявляютъ большую устойчивость великороссы, которые, попавъ въ среду малороссовъ, почти не измѣняютъ своихъ привычекъ и языка, а сохраняютъ ихъ до самой смерти, и только потомки ихъ сливаются съ малороссами. Малороссъ меньше оказываетъ устойчивости въ своихъ племенныхъ особенностяхъ, чѣмъ великороссъ и легче прини-

маетъ привычки, одежду и языкъ окружающей его среды. Во взаимныхъ отношеніяхъ малороссы смотрятъ на великороссовъ какъ на болѣе предприимчивыхъ, сметливыхъ и изворотливыхъ. У малороссовъ по этому поводу сложилось слѣдующее мнѣніе: „якъ хохолъ начнѣ балакать, то дай йѣму волю, винъ самъ забалакаецца, а якъ москаль начнѣ балакать, то бый скорись по пици, а то выбалакаецца“.

М. Кондратьевъ.

43.—Сл. Бондаревка.

Поселеніе.—Жилище, одежда, пища.—Болѣзни.—Вечерниці.—Свадебные обряды.—Праздники.—Повѣрья.—Юридическіе обычаи.

Слобода Бондаревка расположена по теченію рѣчки Лозной. Ближайшіе города къ селу Старобѣльскъ Харьковской губ.—60 верстъ, Богучаръ Воронежской губерніи—80 верстъ, станція Камянская, области Войска Донскаго—100 верстъ.

Названіе села объясняетъ народъ по фамиліи крестьянина Бондаря, перваго здѣшняго поселенца. До заселенія этой мѣстности рѣчка была заросшею лозою и камышомъ, съ крутыми берегами и глубокими плесами. Лѣтъ за 50—70 имѣлись водяныя мельницы; земля была цѣлинная, лѣса были еще не тронуты, съ вѣковыми дубами. Въ настоящее же время рѣчка совершенно пересохла, кое-гдѣ, впрочемъ, есть глубина футовъ на 10-ть; уничтоженіе рѣчки объясняется тѣмъ, что все поле въ окрестности слободы вспахивается, и когда бываютъ весенніе и лѣтніе разливы воды, то рѣчка заносится иломъ; слѣдовательно, причина очевидна: земля близъ рѣчки распахивается, лѣса уничтожены, и источники въ нихъ забиты. Крестьяне описываемой мѣстности и близъ лежащихъ слободъ по рѣкѣ Деркулу, именно: Марковки, Кризской, слоб. Сычевки, Курячевки, хутора Гармашова, Лимаревки и Кононовки—раньше принадлежали Лимаревскому государственному конскому заводу и считались коннозаводскими крестьянами; къ означенному заводу причислялись слободы, расположенныя по яру „Обитоку“: слобода Брусовка, слобода Литвиновка и слоб. Шуликовка. Уп-

равленіе сосредоточено было въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ. По теченію рѣчки Деркула находится еще заводъ Деркульскій. Зависимость крестьянъ состояла въ томъ, что они платили оброкъ—по 3 р. съ души; надѣлъ земли былъ такимъ же, какъ и теперь. Тогда еще отъ этихъ слободъ земля не урѣзывалась къ заводамъ, и крестьяне обязаны были возить въ заводъ по 10 пудовъ соломы съ души. Затѣмъ, когда земля отъ крестьянъ отрѣзалась, то солому перестали возить, а все общество обязано было выѣзжать на заводскую степь и убирало сѣно въ пользу казны. Съ 1861 года крестьяне освободились отъ завода и теперь считаются государственными крестьянами. Слобода населена, какъ передаютъ старики, выходцами изъ Харьковской и другихъ губ.—малоруссами и великоруссами, а потому и говоръ населенія смѣшанный.—Подъ терминами: село разумѣется мѣстность, заселенная заходящимъ людомъ, деревня,—если при селѣ есть много разнаго дерева; слобода—большое торговое село, въ которомъ есть двѣ—три церкви, „слободка“ и „мѣстечко“—небольшое село съ одною церковью; хуторъ,—въ которомъ нѣтъ ни одной церкви и находится вблизи какого нибудь села. Населеніе само себя называетъ „хохлами“, такъ же называютъ ихъ и сосѣди. Старинныя черты быта въ слободѣ достаточно сохранились, хотя и подверглись разнымъ вліяніямъ вслѣдствіе отлучекъ для заработковъ на Донъ; сильно также вліяніе солдатъ, бывшихъ въ городахъ, и грамотности. Все это поколебало старинныя черты быта и языка.

Жителей въ селѣ въ настоящее время значится 689 душъ м. п., считая по X ревизіи, женщинъ 723, дѣтей 286 д. Наружность жителей: волосы большею частію темнорусые, лицо бѣлое и чистое, носъ, ротъ и подбородокъ умѣренные. Иностранцевъ примѣсей въ наружности не замѣтно. Говорятъ на нарѣчій великорусскомъ и малорусскомъ. Мѣстные слова, особливо выдающіяся: труна—гробъ, завжди—постоянно, гожо—хорошо.

Жилища строятся изъ дерева вербоваго и дубоваго; въ настоящее время начинаютъ преобладать глиняныя, саманныя постройки. Этотъ необожженный кирпичъ называется „саманъ“ будто бы потому, что всякій хозяинъ можетъ самъ для себя дѣлать такой кирпичъ и всю постройку. Глиняная постройка

производится за недостаткомъ въ деревѣ; но предпочитается деревянная постройка. Вообще хаты строятся по большей части въ двѣ, три и въ одну комнаты, фасадомъ преимущественно на югъ, т. е. противъ солнца. Убранство хатъ слѣдующее: передній уголъ уставляется множествомъ иконъ и картинами; стѣны комнатъ обиваются шпалерами. Почти въ каждомъ домѣ можно встрѣтить портреты Государя, Государыни и Наслѣдника, которые всегда висятъ на первомъ и видномъ мѣстѣ; даже считается священнымъ долгомъ имѣть въ домѣ портреты Царской семьи. Передній уголъ называется краснымъ или „покутя“. Печь устраиваютъ съ прихода отъ дверей направо или налево. Дворъ огораживается плетнемъ; дворовыя постройки, смотря по состоянію хозяина, устраиваются различно, въ довольно удобномъ и стройномъ порядкѣ: вблизи дома помѣщается конюшня, затѣмъ теплые зимніе хлѣвы для рогатаго скота и овецъ и рядомъ съ ними открытые лѣтніе; затѣмъ амбары, которые ставятъ вдали отъ другихъ построекъ. Новѣйшее устройство хатъ: высокія съ большими окнами, приблизительно въ двѣ, три и четыре комнаты; рѣзьбы и раскраски почти нѣтъ; сволоковы съ надписями также нѣтъ.

Одежда мужчинъ лѣтняя будничная: бѣлая сорочка и такіе же шаровары, а женщинъ—шерстяная запаска („дерьга“) своего приготовленія, для будничныхъ дней; праздничная же изъ покупныхъ тканей—для мужчинъ „поддевка“, или „капотъ“, новѣйшая—пиджакъ; у женщинъ „кофта“ и „сарафанъ“; зимняя будничная для мужчинъ и женщинъ—„свитка“, или „пальто“ изъ овечьей шерсти; „кожухи“ или „тулупы“ изъ овчинъ („смуховы“). Остатки старинныхъ одеждъ: „халатъ“ („байбарахъ“) для мужчинъ и женщинъ. Городское вліяніе въ одеждѣ: стали шить одежду по городскому покрою и шивать сорочки и кофты цвѣтною бумагою—для лѣта. Свитка стоимостью отъ 5 до 7 р., кожухи или тулупы отъ 7 до 12 руб.

Пища богатыхъ въ скромные и будничные дни: галушки, кулишъ, борщъ, приправленные свинымъ саломъ, у бѣдныхъ та же пища безъ приправы; въ праздничные дни: борщъ съ говядиною, бараниною или съ курицею, пироги, блины и каша съ молокомъ, непременно съ топленнымъ; бѣдные употребляютъ

ту же пищу, но безъ мяса; развѣ только приправятъ саломъ; главную часть пищи составляютъ картофель, капуста, бураки всегда и особенно въ зимнее время.

Пища не улучшается, а ухудшается, потому что, когда были лѣса, каждый могъ пользоваться произведеніями лѣсовъ для приготовления вкусныхъ кушаній, особенно—узвара; въ настоящее время такое кушанье имѣетъ только тотъ, у кого собственная плодовая роща, а такъ какъ уже года три нѣтъ урожая на плоды, то нѣтъ и такого кушанья. Городскаго вліянія на пищу не замѣтно. Мѣстныхъ лавчонки для крестьянъ, особенно бѣдныхъ, весьма полезны и даже необходимы, потому что въ этихъ лавочкахъ все необходимое для крестьянина можно купить или за наличныя деньги, или въ кредитъ до осени, т. е. до урожая. Способъ освѣщенія—керосинъ; не въ далекомъ прошломъ для освѣщенія употреблялось баранье сало и конопляное масло.

Болѣзни, болѣе распространенныя въ селеніи—слѣдующія: дифтеритъ, скарлатина и оспа, которыми заболѣваютъ дѣти по большей части весною и осенью, хотя и не каждый годъ, а периодически. Взрослые въ неурожайные годы заболѣваютъ слѣпотю и цингою, вообще же преобладаютъ болѣзни простудныя. Всякую боль въ животѣ народъ считаетъ „нутрянною сибиркою“ и для лѣченія пьютъ какой-то настой. Мѣстные знахари шепчутъ отъ „быпѣхи“, или „рѣжи“, при боли въ животѣ завариваютъ „сѣяшныци“. Къ фельдшерамъ и докторамъ народъ относится недовѣрчиво; кто обращается, то съ недовѣріемъ: нерѣдко, получая отъ доктора лѣкарство, не употребляютъ его, а выливаютъ или оставляютъ безъ употребленія. Вообще народъ относится къ врачамъ не совсѣмъ сочувственно; хотя въ новѣйшее время и стали болѣе обращаться къ нимъ, чѣмъ прежде, но все-таки прежде обратятся къ простымъ бабкамъ или „знахаркамъ“.—Отъ засоренія желудка у скота поятъ скотину огуречнымъ рассоломъ, смѣшаннымъ съ коноплянымъ масломъ, или рассоломъ изъ свиного сала; когда скотъ не ѣстъ кормъ, валяется, посматриваетъ на бока, опустивъ уши, то стараются скорѣе отрѣзать ухо и говорятъ:—кровь напала,

надо пустить кровь и облегчить животное. Это у крестьянъ—самое лучшее средство.

Главные занятія—земледѣліе и скотоводство. Садоводства и пчеловодства очень мало, потому что лѣсовъ нѣтъ, гдѣ бы можно было вести хорошее пчеловодство. Садоводство уменьшилось вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ; бывшіе прежде порядочные садики вырублены, и дерево изъ нихъ употреблено на огорожу усадебъ. Особенно бѣдствуетъ Бондаревка отъ хищеній въ лѣсахъ: три лѣса, находящіеся на сосѣднемъ участкѣ, въ слоб. Брусовкѣ, уничтожены самовольною порубкою жителями слоб. Брусовки. Судебный процессъ ведется и до сихъ поръ, а бондаровцы лѣсами не пользуются.

Вечерницы бываютъ только по зимнимъ вечерамъ и заключаются онѣ въ слѣдующемъ: каждый парень и каждая дѣвушка послѣ ужина собираются въ назначенный раньше малосемейный домъ, приносятъ туда по возможности—муки, сала свиного, яицъ, пекутъ прѣсныя „орѣшки“ изъ тѣста (вареники), парни доставляютъ водку. Когда уже все приготовится, то всѣ вмѣстѣ начинаютъ пить и ѣсть; являются гармонія или балалайка и устраивается пляска. Если парень неравнодушенъ къ какой либо дѣвушкѣ, то непременно ухаживаетъ за нею: подшучиваетъ съ нею, держитъ ее за косу, подставляетъ ей ногу; та въ свою очередь или толкнетъ его, или дернетъ за чубъ. Кончаются эти гулянья тѣмъ, что каждый парень ложится спать съ тою дѣвушкою, за которою ухаживалъ. Если общаго ночлега не бываетъ въ этомъ домѣ, то идутъ по-парно по своимъ домамъ и уже тамъ ночуютъ. Семейство дѣвки должно знать, съ чѣмъ парубкомъ ихъ дѣвка ночуетъ; дурныхъ послѣдствій отъ вечерницъ не бываетъ. Почти каждый вечеръ, за исключеніемъ только тѣхъ вечеровъ, когда народъ занятъ полевыми работами, собираются ребята и дѣвки на улицѣ, поютъ пѣсни, играютъ и танцуютъ.

Свадебные обычаи. Ни одинъ изъ крестьянъ не посмѣетъ сватать своего сына до праздника Покрова Пресв. Богородицы. Съ перваго же дня октября, желающіе сватать своихъ сыновей просятъ двухъ сосѣдей или родственниковъ идти къ тому

крестьянину, у которого есть дѣвка, если она нравится парубку и если по состоянію отецъ дѣвки подходитъ къ отцу парубка. Родители торгуются за дѣвку и берутъ за нее отъ 10 до 50 руб. и отъ $\frac{1}{4}$ ведра водки до 1 ведра, мѣшокъ пшеницы или муки и т. д. Если сваты договорились, то посылаютъ за парубкомъ, и, если женихъ и невѣста изъявили согласіе, то невѣста сейчасъ же собираетъ своихъ подругъ и съ ними вмѣстѣ идетъ звать на сватанье своихъ родныхъ и сосѣдей, а женихъ идетъ за своею матерью и родственниками, зоветъ ихъ тоже на сватанье. Отецъ жениха покупаетъ водки отъ 1-го до 2-хъ ведеръ. Когда всѣ сойдутся, невѣста даетъ рушники старостамъ, отцу, всѣмъ родственникамъ и приглашеннымъ сосѣдямъ, а матери жениха платокъ („хустку“) и кланяются каждому въ ноги. Въ это время подруги невѣсты поютъ пѣсни: „Кланяйся, Марійко, или Галько, или Докійко, отцю, нѣнцы (матери), тай въ нѣженьки, тай нызѣнько, тай сердѣньку, тай близѣнько, нѣжѣнькамъ (ногамъ) тай ще нѣжче, а сердѣньку тай ще блѣжче“. „Тай пропѣю, тай пропѣичку, тай пропѣвъ бѣтько дочку на солѣдкомъ медѣчку, тай на зелѣному гѣльи (вѣткахъ), тай не жаль дочкѣ минѣ“. По окончаніи всей церемоніи отецъ жениха сейчасъ-же зоветъ всю компанію безъ исключенія и всѣхъ родственниковъ невѣсты къ себѣ въ домъ, и здѣсь вновь начинается гулянье, и водки выпиваютъ гораздо больше: отъ 4 до 6 вед. Сватанье продолжается дня два—три. Когда компанія пойдетъ домой, т. е. въ домъ отца жениха, то у невѣсты остаются парни и дѣвки, готовятъ вареники, садятся попарно за столъ (парень съ дѣвкою), поютъ пѣсни, пьютъ водку и ѣдятъ вареники съ сыромъ или съ картофелемъ. Черезъ нѣсколько времени сваты сходятся на уговоръ, зовутъ только близкихъ родныхъ: братьевъ, сестеръ, дѣда, бабу и крестныхъ отца и мать; назначаютъ день свадьбы и опредѣляютъ, кому и какіе должны быть подарки во время свадьбы. У крестьянъ въ обыкновеніи вѣнчать за 3 и 5 дней до дня свадьбы, хотя бы женихъ былъ изъ другого села. Послѣ вѣнчанья обѣдаютъ у отца невѣсты и затѣмъ расходятся по домамъ. Въ назначенный день свадьбы съ утра женихъ собираетъ своихъ товарищей (бояръ), забираетъ у родственниковъ и сосѣдей лошадей и запрягаетъ

три или четыре тройки. Женихъ съ старшимъ бояриномъ садится на лучшую тройку, а всѣ остальные бояре и даже свашки въ другія повозки или сани. Женихъ и бояре перевязываются черезъ плечо платками; это бываетъ только у богатыхъ семей, а у бѣдныхъ боярамъ пришиваютъ ленточки къ шапкамъ. Передъ выѣздомъ со двора всѣ молятся Богу и потомъ садятся въ повозки, а мать жениха съ дружкой (ея зять) обходитъ, вокругъ всѣхъ троекъ, обсыпаетъ ихъ и всѣхъ поѣзжанъ хмѣлемъ и сама выводитъ за дворъ первую тройку, при чемъ желаетъ благополучія. Это новѣйшій обычай, раньше же всѣ бояре съ женихомъ ѣздили верхомъ на лошадяхъ, а свашки съ жениховой стороны вслѣдъ ѣздили въ экипажахъ. Невѣста съ своими дружками ходитъ по улицѣ и при встрѣчѣ съ женихомъ „здоровается“ и цѣлуется; при этомъ старшій бояринъ даетъ невѣстѣ шишку (небольшой пшеничный хлѣбъ, имѣющій форму сосновой шишки, отчего и хлѣбъ получилъ названіе шишки). Развѣзды этой процессіи продолжаются до вечера, если женихъ и невѣста односельчане; если же женихъ изъ другого села, то раньше вечера поддружій (одинъ изъ родственниковъ жениха или дружка) загоняетъ молодую на „посадъ“, чтобы молодая садилась въ экипажъ жениха и ѣхала въ домъ къ жениху. Когда молодая уѣдетъ съ женихомъ въ домъ своихъ родителей, то ея подруги (дружки) расходятся по домамъ.

Отецъ и мать невѣсты обыкновенно подносятъ сначала молодымъ по рюмкѣ водки, потомъ всѣмъ родственникамъ и знакомымъ; снимаютъ мѣстную икону съ „покути“, иногда и купленную нарочно для благословенія дочери, затѣмъ благословляютъ молодыхъ, которые въ это время крестятся, три раза кланяются, цѣлуютъ икону, отца и мать; такъ же точно поступаютъ и крестные отецъ и мать,—и тѣмъ кланяются, даже и другимъ близкимъ родственникамъ. Потомъ молодые берутъ икону (благословеніе), хлѣбъ, садятся въ экипажъ и ѣдутъ въ другое село къ отцу и матери жениха, которые непремѣнно ждутъ ихъ приѣзда. По приѣздѣ домой, отецъ и мать жениха тоже благословляютъ молодыхъ другою иконою, предназначенною въ благословеніе сыну, а потомъ уже просятъ всѣхъ присѣсть и угощаютъ („частуютъ“). Дружка выводитъ молодыхъ въ сѣни и,

отворивъ дверь, просить благословенія завести молодыхъ за столъ: „Господи Іисусе Христѣ Сыне Божій, помылуй насъ“. Изъ комнаты кто нибудь отвѣчаетъ: „аминь“. — „Благословѣть молодыхъ за стілѣ завести“. Изъ комнаты отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть, и мы благословляемъ“. Дружко ведетъ молодыхъ за столъ, садитъ ихъ, садится и самъ. Когда отецъ и мать подносятъ водку родственникамъ, то непременно должны прежде поднести молодымъ, а тѣ молча кланяются и отсылаютъ по порядку роднымъ и знакомымъ; это продолжается до тѣхъ поръ, пока не обнесутъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, гуляющихъ на свадьбѣ. За каждою рюмкою молодые обязаны поклониться каждому въ поясъ, какъ-бы упрасивая выпить всю.

Наканунѣ свадьбы вечеромъ ставятъ большой пшеничный хлѣбъ, имѣющій форму сосновой шишки, съ воткнутою въ немъ вѣткою изъ сосны; вѣтка украшена разноцвѣтными бумажками (теремокъ). Этотъ хлѣбъ называютъ „короваемъ“. Дружко съ благословенія отца и матери выноситъ ржаной соломѣ $\frac{1}{8}$ снопа, вѣшаетъ понемногу на гвозди, которыми прибиты иконы, а въ это время молодыя женщины и дѣвки поютъ пѣсни. Солома, висѣщая на божницѣ, называется у нихъ „покрѣса“, а этотъ вечеръ называютъ „подвисѣлкомъ“, или „сговоромъ“. Свадьбу называютъ „висѣлье“ или „свадьба“.

Когда всѣхъ обнесутъ водкою, тогда дружко, подружій и свашки ведутъ молодыхъ въ отдѣльный домикъ спать съ пѣніемъ и плясками; молодые улягутся спать, а дружко и всѣ, бывшіе съ нимъ возвращаются назадъ и тутъ уже гуляютъ до самаго разсвѣта. Какъ только станетъ свѣтать, дружко и всѣ свашки идутъ будить молодыхъ, надѣваютъ молодой „очіпокъ“ (женскій головной уборъ) и ведутъ къ отцу и матери здороваться съ ними. Какъ только войдутъ въ сѣни, дружко, отворивъ дверь, кричитъ: „Господи Іисусе Христѣ Сыне Божій, помылуй насъ“; ему отвѣчаютъ по попрѣжнему — „аминь“. „Благословѣть молодыхъ въ хату ввести“; тѣ отвѣчаютъ: „Богъ благословѣть и мы благословляемъ“. Отецъ и мать берутъ хлѣбъ и становятся рядомъ, а молодые, войдя въ хату, кланяются родителямъ въ ноги и не встаютъ до тѣхъ поръ, пока отецъ и мать сдѣлаютъ родительское наставленіе и скажутъ имъ, чтобы они встали.

Наставленіе состоитъ въ слѣдующемъ: „молитесь Богу, дѣти; почитайте отца и мать и старшихъ себя; любите другъ друга, за это Богъ пошлетъ вамъ здоровье и во всемъ успѣхъ“. Молодые поднимаются, цѣлуютъ хлѣбъ-соль, отца, мать и другихъ родныхъ. Мать въ это время обноситъ всѣмъ гуляющимъ „варѣху“ (медъ, сваренный съ водою и крупнымъ горькимъ перцемъ). Послѣ этого сейчасъ же молодые съ дружкомъ, подружیمъ и свашками, ѣдутъ къ отцу неvěсты (тестю) на поклонъ; здѣсь ихъ угощаютъ завтракомъ, и молодые просятъ отца и мать, всѣхъ родственниковъ и сосѣдей къ отцу въ домъ продолжать свадьбу. Какъ только молодые уѣдутъ, вслѣдъ за ними тестъ и теща съ своими гостями ѣдутъ къ своему свату (отцу жениха). Въ домѣ жениха идетъ попойка: утромъ подносятъ водку сперва большой рюмкою ($\frac{1}{80}$ ведра), потомъ меньшею. Гуляющіе на свадьбѣ дарятъ молодыхъ, кто быковъ, кто овцу, кто мѣшокъ какого нибудь хлѣба или просто деньгами отъ 1 до 3 р., а молодые обязаны перевязать всѣхъ гуляющихъ черезъ плечо платками, смотря по степени родства: если близкій родственникъ, то платокъ рублевый, если дальній, то платокъ въ 25 коп. и даже 15 к. Если свадьба у богатыхъ людей, то иногда нанимается и сельская музыка (двѣ скрипки и виолончель), а у бѣдныхъ музыка „вокальная“, иногда впрочемъ бываетъ гармонія или „сопка“ (вродъ флейты). У богатыхъ подарковъ собирается рублей на 60 и 100, а у бѣдныхъ меньше. По окончаніи даренія гостей сажаютъ за столы обѣдать, и если гости неvěсты пришли или пріѣхали, а обѣдъ еще не окончился, то они всѣ ожидаютъ на дворѣ, пока окончится обѣдъ. Какъ только обѣдъ окончится, свать и сваха выходятъ на дворъ съ хлѣбомъ, солью, цѣлуются со сватами, обмѣниваются хлѣбомъ-солью, всѣ пріѣзжіе входятъ въ домъ и свать разсаживаетъ гостей за столomъ; всѣ же свои гости выходятъ на дворъ, просятъ хозяина дома, чтобы онъ позволилъ имъ поймать овцу, или свинью, или гусей и сварить гдѣ нибудь въ огородѣ, пока пріѣзжіе гости пообѣдаютъ и подарятъ молодыхъ, на что отецъ и мать соглашаются, такъ какъ уже раньше бываетъ определено, что зарѣзать. Хозяинъ и хозяйка угощаютъ пріѣзжихъ гостей, послѣдніе по возможности дарятъ молодыхъ, потомъ на-

чинаютъ обѣдать. Послѣ обѣда прїѣзжіе гости благодарятъ хозяина, хозяйку и молодыхъ и всѣ ѣдутъ продолжать и оканчивать свадьбу въ домѣ отца невесты. Оставшіеся гости опять садятся за столъ, ѣдятъ, пьютъ, поютъ пѣсни и танцуютъ до тѣхъ поръ, пока совершенно охмѣлѣютъ. Кое-какъ нѣкоторые сами доходятъ домой, а большинство забирается на подводы и развозится по домамъ. Случается часто, что нѣкоторые не доходятъ до своихъ домовъ и въ изнеможеніи располагаются спать на пути или просто на огородѣ подъ сѣномъ или подъ соломой, кому гдѣ придется. На третій день всѣ гости опять сходятся къ отцу жениха, а гости невесты къ отцу невесты и продолжаютъ гулять, пока будетъ у кого возможность. На четвертый день гости сходятся такимъ же образомъ, хозяинъ похмѣляетъ ихъ, даетъ имъ и обѣдать, послѣ обѣда рѣжутъ коровай на куски, намазываютъ каждый кусокъ медомъ и раздаютъ ихъ всѣмъ гулявшимъ. Послѣ этого отецъ откладываетъ гостямъ, проситъ гостей, чтобы извинили его за все и отказываетъ имъ въ водкѣ. Гости благодарятъ хозяина и складываются по 30 и болѣе коп. съ пары (мужъ и жена) и такимъ образомъ составляется сумма на 1 чет. и $\frac{1}{2}$ ведра водки; попойка подолжается до тѣхъ поръ, пока пропьютъ всю складчину. Когда всю водку выпьютъ, везутъ отца и мать въ кабакъ и тамъ покупаютъ имъ водки: благодарятъ за хлѣбъ—соль; это называютъ „ховать кинці“ (кончатъ свадьбу). Такъ гуляютъ съ обѣихъ сторонъ. Если есть родственники богатые, то тѣ зовутъ гостей къ себѣ въ домъ. Черезъ недѣлю или больше сваты устраиваютъ гулянье („завовы“): отецъ невесты зоветъ свата, сваху и близкихъ родственниковъ къ себѣ въ гости, угощаетъ ихъ до полудня, а затѣмъ отецъ жениха зоветъ всѣхъ къ себѣ, какъ говорится у нихъ, въ отцовскій (до чѣпа); здѣсь уже вечеромъ оканчивается вся свадьба.— Пѣсенъ при рожденіи и крещеніи ребенка не поютъ; существуетъ только обычай: послѣ рожденія, до крещенія ребенка, изъ двора не давать положительно ничего ни взаймы, ни на время, да и за деньги ничего не продавать.

Праздники. На канунѣ праздника Рождества Христова, по заходѣ солнца, изъ каждой семьи дѣти носятъ къ родствен-

никамъ и близкимъ сосѣдямъ кутью съ медомъ, за что получаютъ деньги и пряники; въ этотъ день всѣ варятъ „кутью и узваръ“ (груши, сливы и т. д.), ставятъ ихъ на „пѣкути“, на сѣнѣ; по заходѣ солнца все семейство собирается и „вечеряютъ“. Этотъ вечеръ называютъ „богатымъ святымъ вечеромъ“, потому что на ужинъ готовятъ много блюдъ. Если за ужиномъ ктонибудь изъ семейства, въ особенности изъ дѣтей, чихнетъ, то отецъ даритъ чѣмънибудь, и его называютъ счастливымъ. Подъ Крещеніе (сочельникъ) тоже готовятъ кутью, только гораздо меньше, почему и называютъ этотъ вечеръ „голодный святъ-вечеръ“. Въ день Крещенія, когда освящается рѣка (называютъ Иорданъ), во время пѣнія тропаря: „во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“, бываетъ стрѣльба изъ ружей залпомъ, и когда поютъ: „и Духъ въ видѣ голубинѣ“, то нѣкоторые изъ поды полы выпускаютъ голубей, принесенныхъ изъ дому для этой цѣли. Любители разведенія голубей стараются вытащить тотъ колы или клинъ, которымъ забито отверстіе въ вырубленномъ во льду крестѣ, вѣря, что голуби, должны хорошо плодиться, если этотъ клинъ положить въ голубятнѣ. Рождественскія святки до самаго Нового года проходятъ въ гуляньѣ: родственники и знакомые ходятъ другъ къ другу въ гости.

Молодежь днемъ и вечеромъ собирается на улицахъ, поетъ пѣсни и пляшетъ поды игру на балалайкѣ или гармоніи. До Крещенія вечерами не работаютъ до освященія воды и называютъ ихъ „святыми вечерами“. Недѣли за двѣ до масленицы бываютъ по вечерамъ кулачки, и начинаются онѣ съ дѣтей; одна половина слободы воюетъ съ другой половиной и это продолжается каждый вечеръ. Одни другихъ называютъ „кучанами“ (отъ слова кутѣкъ). Съ первыхъ дней масленицы выступаютъ въ кулачный бой взрослые парни, затѣмъ женатые, и дѣло доходитъ до 40 лѣтнихъ мужчинъ; особенно сильныя кулачки бываютъ на самое заговѣнье передъ постомъ, доходя до мордобитія и изрядныхъ дракъ.

Съ перваго дня масленицы собираются женщины и ходятъ по слободѣ и просятъ сыру, масла, муки, потомъ всѣ вмѣстѣ варятъ вареники; оставшуюся отъ нихъ муку, сыръ и проч. продаютъ, на вырученные деньги покупаютъ вод-

ку. Это называютъ „вязать колодку или тягать колодку“. Вечеромъ перваго дня праздника Рождества Христова дѣвки ходятъ по слободѣ подъ окнами и колядуютъ, т. е. поютъ такія пѣсни, въ которыхъ просятъ хозяевъ, чтобы они вынесли имъ колбасы или сала, или муки, или пшена; все собранное продаютъ, а деньгами дѣлятся. Съ перваго дня масленицы дѣвки начинаютъ водить козла (берутся за руки длинной вереницей и поютъ пѣсни) и продолжаютъ водить каждый вечеръ до великаго поста. Вечеромъ на заговѣнье, или на „прощенный день“ всѣ парни и дѣвки, хотя раньше и ссорились, прощаются: кланяются въ ноги другъ другу и цѣлуются.

Съ наступленіемъ весны дѣвки поютъ пѣсни—веснянки.

Вітеръ не вѣе,
Сонечко не грѣе,
Каліна не спѣе.
Любѣвъ паренъ дівку,
Заняты не смѣе,
Ой, тымъ же я не займаю,
Шо свѣтаты маю,

Ой, тымъ же я не горнуса,
Славоньки боюся.
Тай була слава, поговоры,
Та на тую дівку,
Та на тую красну,
Ще чорнии бровы.

* * *

Зацвила рясно червона каліна..
Ны цвітомъ, а лістомъ;
Выкликае паренъ молоду дивчину
Ны голосомъ, а свѣстомъ,

Тай ны ходы, дівко, черезъ
огороды,
Тай не робы славы
На себѣ и на мѣнѣ“.....

Дѣти играютъ зимою въ свинку, деревянный шаръ, который гоняютъ палками, въ коня, мячъ, взрослые—въ карты, дамки (въ послѣднія—рѣдко), танцуютъ преимущественно „гайдучка“, или „казачка“ или просто „трепачка“. Музыкальные инструменты—скрипка, гармонія и сопѣлка.

При посѣвѣ каждый хозяинъ непременно вывозитъ въ поле крестъ (испеченный въ формѣ креста хлѣбъ на четвертой недѣлѣ великаго поста), молится Богу, ломаетъ хлѣбъ и ѣстъ на томъ загонѣ, гдѣ впервые начинается сѣять; при жатвѣ или косбѣ старается начать въ субботу, лишь бы не пришлось въ понедѣльникъ, потому что считаютъ его тяжелымъ днемъ.

Повѣрья. Народъ вполне увѣренъ, что вѣдьмы, колдуны, водяные, лѣшіе, русалки, вовкулаки и проч. существуютъ, почему и придаетъ большое значеніе какому нибудь случаю, не имѣя къ тому совершенно основанія. Женщины часто болѣютъ головою отъ простуды,—непремѣнно стараются осмотрѣть головную подушку, на которой постоянно спятъ, а также и перину; расшиваютъ ихъ и, если пухъ и перья окажутся въ твердомъ состояніи, т. е. сбитые въ комокъ, или попадаютъ тамъ нитки или волосъ какой нибудь, то говорятъ и вполне вѣрятъ, что это „сдѣлано“ какимъ нибудь недобрымъ человекомъ, и называютъ этотъ затвердѣвшій комокъ „закруткою“, отъ слова закрутить, вотъ почему и „крутить“ голову или ноги. За помощью обращаются къ бабкамъ или старикамъ, которые наговариваютъ воду даютъ ее пить; а чрезъ это будто бы исчезаетъ и означенная „закрутка“. Вѣдьма, по ихъ мнѣнію, можетъ обратиться въ какое нибудь животное: свинью, кошку, собаку и друг., даже въ кошку сѣна или въ какой нибудь клубокъ нитокъ и двигаться. Вѣрятъ, что вѣдьмы доятъ ночью коровъ, почему коровы на утро даютъ мало молока, и даже молоко теряетъ вкусъ—бываетъ горькое, соленое.

Въ маѣмѣсяцѣ народъ собираетъ въ садахъ или лѣсахъ липовый цвѣтъ, который при простудѣ и кашлѣ варятъ, и этотъ отваръ пьютъ; собираютъ ягоды дерева „жѣстеръ“, варятъ и пьютъ при засореніи желудка; отваръ бузиннаго цвѣта пьютъ вмѣсто чаю. Во время Троицына дня усыпаютъ поля хатъ разными травами: щибрецомъ, „конуперомъ“, любисткомъ, „холодною мятою“, и послѣ праздника собираютъ все вмѣстѣ и хранятъ, какъ лѣкарство; въ случаѣ болѣзни головы варятъ это лѣкарство и отваромъ моютъ голову. Въ третье воскресенье великаго поста и 14-го Сентября во время выноса изъ алтаря на средину церкви креста, который украшается васильками и гвоздиками, народъ этими травами весьма дорожитъ: варятъ ихъ и моютъ голову при головной боли. Если ребенокъ безнадежно боленъ, то купаютъ его.

Юридическіе обычаи. Отецъ невѣсты выговариваетъ съ отца жениха деньги, какъ-бы въ вознагражденіе себѣ—отъ 10

р. до 50-ти, которые обѣщает послѣ выплатить или всѣ, или часть, „смотря по товару“. Часто бываетъ, что свекоръ, заплатившій за свою невѣстку, заставляетъ невѣсту идти къ своему родному отцу и требовать возврата денегъ, что въ большинствѣ случаевъ и удается, такъ какъ рѣдко кто допуститъ родное дитя до плохого житія. О разводѣ въ крестьянскомъ быту почти не слышно; если случаются непріятности въ семьѣ со стороны мужа или жены, то въ такихъ случаяхъ жена или сама уходитъ, или её прогоняютъ, и она идетъ къ своимъ роднымъ. Заводится судъ, на которомъ обѣ стороны послѣ долгихъ взаимныхъ пререканій и споровъ, сходятся на прежнее сожительство; въ благодарность обѣ стороны покупаютъ миротворцамъ водку. Раздѣлы имущества случаются все чаще и чаще: рѣдкій отецъ удерживаетъ трехъ и четырехъ сыновей, до конца своей жизни. Раздѣлъ происходитъ нерѣдко послѣ того, какъ какой нибудь членъ семьи, по приходѣ изъ военной службы, начнетъ заводить новые порядки, или оказывать непослушаніе къ старикамъ, почему его выдѣляютъ изъ семьи, но отдѣляютъ только того, кого пожелаетъ отецъ. Часто бываетъ и такъ, что злая сварливая невѣстка посорится со своими „ятрѣвками“ (съ женами братьевъ), чрезъ что ссоры бываютъ и между братьями, почему они и дѣлятся между собою. Наемъ рабочихъ, особенно малолѣтнихъ и пастуховъ, производится домашнимъ образомъ, больше договариваются за деньги отъ 10 до 25 р. въ годъ и часто выговариваютъ выорать сколько нибудь земли.

А. Губныхъ.

44.—Сл. Шелестова.

Поселеніе. — Жилища. — Одежда и ея стоимость. — Пища. — Болѣзни. — Хлѣбопашество и др. занятія.

Слобода расположена по обѣимъ сторонамъ р. Камышной, которая беретъ свое начало въ этой-же слободѣ изъ ключей. Рѣчка эта очень небольшая: ширина ея въ рѣдкихъ мѣстахъ болѣе сажени, а глубина рѣдко доходитъ до одного аршина. Въ предѣлахъ Старобѣльскаго уѣзда, именно въ Донецкомъ

округѣ, она сливается съ рѣчкой Нагольной, потомъ съ рѣчкой Полной и впадаетъ въ рѣку Деркулъ, впадающій въ Донецъ. Названіе слободы „Шелестова“ произошло отъ того, что съ начала населенія слободы, первоначально поселился крестьянинъ по прозванію „Шелестъ“. Теперь народъ называетъ эту слободу „Шелестовка“. Слобода принадлежитъ Никольской волости. Въ Шелестовкѣ церковь кирпичная, во имя Рождества Пресвятой Богородицы, существующая съ 1830 года.

Въ Шелестовкѣ 278 хатъ или дворовъ; ревизскихъ душъ мужескаго пола 622, женскаго пола 658. Наличныхъ жителей мужчинъ 1107, женщинъ 1056, обоюго пола 2163 души.

Жилище. Въ послѣднее время нѣкоторые крестьяне строятъ дома съ окнами во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, но большая часть хатъ имѣетъ окна только въ двухъ стѣнахъ, именно: въ одной стѣнѣ два окна и въ другой стѣнѣ, составляющей уголъ съ предыдущею, — два окна и двери; остальные двѣ стѣны бываютъ безъ оконъ. Замѣчательно, что большая часть хатъ стоитъ на улицу тою стѣною, въ которой нѣтъ оконъ; окна выходятъ не на улицу, а на подворье, на скотскіе базы и гумно. Хаты то деревянные, то изъ саману. Саманъ — кирпичъ, выдѣлываемый крестьянами изъ глины съ примѣсью мелкой соломы. Деревянные хаты — больше изъ вербы, растущей на ливадахъ (усадебныхъ). Нѣкоторые деревянные хаты не мажутся глиной въ срединѣ и не бѣлятся мѣломъ, а моются, потому что стѣны ихъ сложены изъ толстыхъ пиленныхъ бревенъ такъ плотно, что холодъ сквозъ нихъ не проникаетъ, и гладко выстроганы столярнымъ рубанкомъ. Въ такихъ хатахъ потолокъ иногда бываетъ изъ досокъ и также не бѣлится, а моется; въ немногихъ такихъ хатахъ и полы изъ досокъ; снаружи стѣны такихъ хатъ мажутся глиной и бѣлятся мѣломъ съ водой. Прочія хаты въ срединѣ и снаружи мажутся глиной и бѣлятся, такъ какъ стѣны ихъ сложены изъ круглыхъ бревенъ и потолокъ состоитъ изъ сволока и лежащихъ на немъ сволочковъ, застланныхъ сверху камышемъ или хворостомъ. Многія хаты съ растворчатыми окнами и ставнями, которыя въ нѣкоторыхъ хатахъ выкрашены зеленою или синею краскою. Всѣ хаты кроются житною соло-

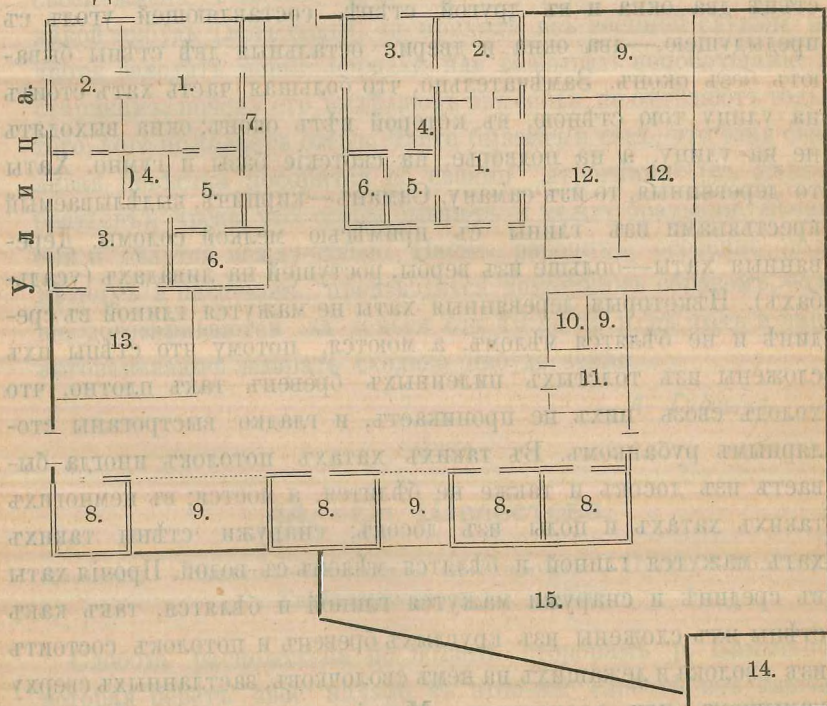
мою. Въ домахъ особенныхъ украшеній нѣтъ; имѣются только св. иконы и картины. Въ нѣкоторыхъ хатахъ передній уголъ оклеивается цвѣтною бумагою къ великимъ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова. Передъ иконами виситъ лампадка одна или двѣ, въ которыхъ подѣ праздникъ и на праздникъ горитъ олива. Въ срединѣ хаты имѣются большею частью отдѣленія: сѣни, большая хата или горница, спальня, кухня, называемая хатиной и кладовка, въ которой помѣщается только одежда, какъ-то: шубы, халаты и сундуки съ одеждою. Хаты, по большей части, содержатся чисто.

Приводимъ планы двухъ дворовъ. Планъ деревяннаго дома, хаты, двора, надворныхъ построекъ и гумна одного богатаго крестьянина.

У л и ц а.

Домъ.

Хата.

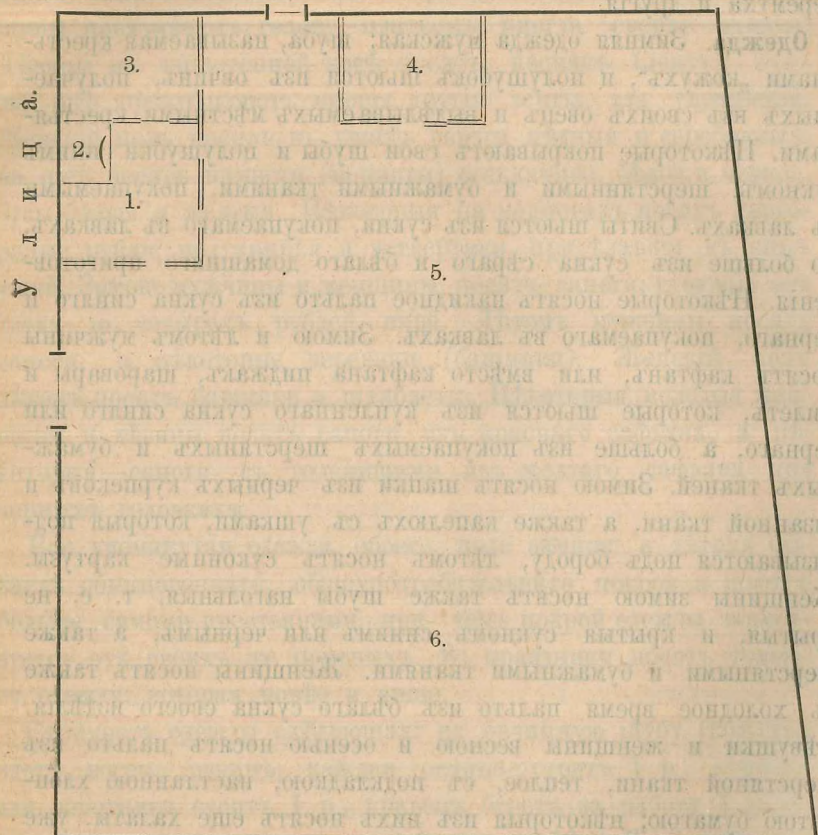

1. Большая хата или горница. 2. Спальная. 3. Кухня, называемая хатиной. 4. Печь. 5. Сѣни. 6. Кладовка. 7. Крыльцо. 8. Амбарчикъ. 9. Повѣтка или навѣсъ. 10. Хлѣвъ для овецъ. 11. Капара для овецъ. 12. Базы для скота. 13. Садикъ вишневый. 14. Хлѣвъ для половы. 15. Гумно.

Планъ хаты, двора и надворныхъ построекъ одного бѣднаго крестьянина въ масштабѣ 3 саж. въ дюймѣ.

У л и ц а.

Хата.

1. Хата.

2. Печь.

3. Сѣни.

4. Амбарчикъ.

5. Дворъ.

6. Гумно.

Нѣкоторые крестьяне, кромѣ двороваго мѣста, имѣютъ еще ливады или усадьбы, гдѣ растеть верба для построекъ. Эти ливады находятся въ слободѣ или внѣ слободы при рѣчкѣ. Нѣкоторые имѣютъ огороженные рощи, въ которыхъ для построекъ растутъ лѣсныя деревья: дубокъ, берестъ, кленъ, ясенъ, черемуха и другія.

Одежда. Зимняя одежда мужская: шуба, называемая крестьянами „кожухъ“, и полушубокъ шьются изъ овчинъ, получаемыхъ изъ своихъ овецъ и выдѣлываемыхъ мѣстными крестьянами. Нѣкоторые покрываютъ свои шубы и полушубки синимъ сукномъ, шерстяными и бумажными тканями, покупаемыми въ лавкахъ. Свиты шьются изъ сукна, покупаемаго въ лавкахъ, но больше изъ сукна сѣраго и бѣлаго домашняго приготовления. Нѣкоторые носятъ накидное пальто изъ сукна синяго и чернаго, покупаемаго въ лавкахъ. Зимой и лѣтомъ мужчины носятъ кафтанъ, или вмѣсто кафтана пиджакъ, шаровары и жилетъ, которые шьются изъ купленнаго сукна синяго или чернаго, а больше изъ покупаемыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей. Зимой носятъ шапки изъ черныхъ курпекъ и вязанной ткани, а также капелюхъ съ ушками, которыя подвязываются подъ бороду, лѣтомъ носятъ суконные картузы. Женщины зимою носятъ также шубы нагольня, т. е. не крытыя, и крытыя сукномъ синимъ или чернымъ, а также шерстяными и бумажными тканями. Женщины носятъ также въ холодное время пальто изъ бѣлаго сукна своего издѣлія. Дѣвушки и женщины весною и осенью носятъ пальто изъ шерстяной ткани, теплое, съ подкладкою, насланною хлопчатую бумагою; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ еще халаты, уже выходящіе изъ употребленія и замѣняемые пальто.

Женскій полъ носить юбки верхнія и нижнія, или, вмѣсто верхнихъ юбокъ, носятъ кофты; вся эта одежда шьется изъ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей. Женщины и дѣвицы носятъ при поясѣ нижней юбки спереди и снаружи красиво сшитый изъ лучшей матеріи карманъ, называемый „басага“. Во всякое время, по буднямъ на работѣ, вмѣсто нижнихъ юбокъ, нѣкоторыя крестьянки носятъ „дергу“, которую ткуть онѣ сами изъ пряжи черной шерсти. Дерга есть кусокъ шерстяной ткани

длиною два аршина, а шириною полтора аршина. Крестьянки обвертываются дергою внизу, начиная отъ пояса, и припоясываютъ дергу поясомъ. Дерга прочнѣе юбки. Нѣкоторыя женщины на головѣ носятъ „очипокъ“, который шьется изъ парчи, прежде очипки были въ большомъ употребленіи. Въ послѣднее время, вмѣсто очипковъ, болѣе употребляются платки. Женщины повязываютъ голову платкомъ, иногда сверху очипка. Дѣвицы въ заплетенной косѣ носятъ коснякъ (ленту); тутъ же онѣ прикрѣпляютъ многія другія ленты для украшенія. Женскій полъ носить въ ушахъ серьги мѣдныя и серебряныя; на шеѣ носятъ намисто (монисты) стеклянное, бѣлое и черное, бусы бѣлыя и желтыя. Нѣкоторыя на монистахъ носятъ серебряныя рубли, полтинники и четвертаки, придѣлавши къ нимъ ушки. Зимой мужчины и женщины носятъ сапоги, стоящіе отъ двухъ до четырехъ рублей пара. Лѣтомъ мужчины носятъ сапоги, а нѣкоторые черевики (башмаки). Женскій полъ лѣтомъ носить башмаки и штиблеты. Нѣкоторыя молодыя женщины и дѣвицы носятъ сапоги изъ краснаго сафьяна, а нѣкоторыя—сапоги съ голенищами изъ желтаго сафьяна при черныхъ головкахъ.

Вся упомянутая одежда обоюго пола зимняя и лѣтняя бываетъ обыкновеннаго, общеупотребительнаго покроя и шьется болѣе самими крестьянами, при чемъ покроемъ одежды заимствуется отъ своихъ же портныхъ. Въ праздники носятъ только ту одежду, которая новѣе и чище.

Стоимость одежды слѣдующая: на овчинную шубу (кожухъ) идетъ восемь овчинъ, каждая овчина стоитъ 1 р., курпекъ для воротника стоитъ 1 р., кравецъ беретъ за работу 1 р.,—поэтому овчинная нагольная шуба стоитъ 10 р. Чтобы покрыть ее сукномъ, нужно сукна пять аршинъ по 1 р. 50 к. за аршинъ, портной за работу беретъ 1 р. 50 к.,—поэтому крытая овчинная шуба стоитъ 19 р. Овчинная шуба, крытая бумажной матеріей, стоитъ 13 р., потому что на покрытие ея идетъ черкесину 10 арш., каждый аршинъ стоитъ 20 к., да портной беретъ за шитье 1 р. На овчинный полушубокъ идетъ семь овчинъ, каждая овчина стоитъ 1 р., курпекъ для воротника и обложки стоитъ 1 р., кравецъ за работу беретъ 1 р.,—по-

этому овчинный нагольный полушубокъ стоитъ 9 р. Чтобы покрыть его сукномъ, берутъ сукна пять аршинъ, по 1 р. 50 к. за арш., да портной беретъ заработу 1 р. 50 к., такимъ образомъ крытый сукномъ овчинный полушубокъ стоитъ 18 р. Овчинный полушубокъ, крытый бумажной тканью, стоитъ 12 р., потому что на крышу идетъ матеріи 10 арш., по 20 к., да портной за работу беретъ 1 р. На свиту идетъ сукна бѣлаго или сѣраго своего издѣлія 10 арш., аршинъ стоитъ 45 к., да кравецъ беретъ за работу 50 к.,—поэтому свита стоитъ 5 р. На женское пальто идетъ сукна бѣлаго своего издѣлія 8 арш., аршинъ стоитъ 45 к., да кравецъ беретъ за работу 40 к.,—значитъ пальто изъ бѣлаго сукна стоитъ 4 р. На женское теплое пальто изъ шерстяной матеріи идетъ матеріи нанбуку 8 арш. по 50 к., на подкладку коленкору 7 арш. по 13 к., 3 ф. хлопчатой бумаги по 30 к., портной беретъ за работу 1 р.,—такъ-что теплое изъ шерстяной матеріи пальто стоитъ 6 р. 80 к. Мужское накидное пальто покупается въ лавкахъ отъ 9 до 12 р., это пальто носятъ только немногіе богатые крестьяне. На суконный кафтанъ идетъ сукна 4½ арш. по 1 р. 50 к. за аршинъ, на подкладку коленкору 9 арш. по 13 к., на докладъ 30 к., портному за работу 1 р.,—всего суконный кафтанъ стоитъ 9 р. 22 к. Кафтанъ изъ шерстяной матеріи стоитъ до 6 р. 10 к., потому что берутъ, примѣрно, камлоту 9 арш. по 40 к., на подкладку коленкору 9 арш. по 13 к., на докладъ 33 к., за шитье портному 1 р. На кафтанъ изъ бумажной матеріи берутъ, примѣрно, черкесину 7 арш. по 20 к., коленкору на подкладку 7 арш. по 13 к., на прикладъ 9 к., портному за шитье 60 коп.,—всего кафтанъ изъ бумажной матеріи стоитъ 3 р. Пиджакъ суконный стоитъ 5 р. 15 к., потому что на него идетъ сукна 2½ арш. по 1 р. 50 к., на подкладку коленкору 5 арш. по 12 к., портному за шитье 80 к. На пиджакъ изъ бумажной ткани идетъ матеріи 5 арш. по 20 к., на подкладку коленкору 4½ арш. по 12 к., на пуговицы 6 к., за шитье 40 к.,—всего 2 р. Жилетъ суконный стоитъ 1 р. 40 к., жилетъ изъ бумажной матеріи 75 к.; на суконныя шаровары идетъ сукна 2½ арш. по 1 р. 50 к., на докладъ 10 к., за шитье 60 коп.,—всего

4 р. 45 к. На шаровары изъ бумажной ткани берутъ 5½ арш. по 20 коп., на карманы полотна 1 аршинъ, стоящій 10 коп., за шитье 30 коп.,—всего 1 р. 50 к. На женскій суконный халатъ берутъ сукна 5 арш. по 1 р. 50 к., на подкладку коленкору 8 арш. по 13 к., за шитье 80 к.,—всего 9 р. 34 к. Шалки изъ плетеной ткани покупаются отъ 40 к. до 60 к., Шалки курпечатыя покупаются до 3 р., капелюхъ курпечатый покупается за 1 р., суконные картузы отъ 50 коп. до 1 р.

Женская ситцевая кофта стоитъ 75 коп., потому что на нее идетъ матеріи 5 арш. по 15 коп.; шерстяная женская кофта стоитъ 2 р., на нее берутъ шерстяной матеріи 5 арш. по 40 к. На нижнюю юбку идетъ матеріи 6 аршинъ, шерстяная юбка стоитъ 2 р. 40 к., а изъ бумажной ткани 90 к. Дерга, носимая крестьянками въ работѣ, стоитъ 1 р. Очипокъ, носимый женщинами на головѣ, покупается отъ 80 к. до 1 р. Платки бумажной матеріи, черные, носимые старухами зимою и лѣтомъ, покупаются отъ 80 к. до 1 р. Въ будни повязываютъ голову небольшими бумажными платочками, стоящими отъ 15 до 30 к.; въ праздники, лѣтомъ молодыя женщины и дѣвицы повязываютъ голову небольшими шерстяными, красными и бѣлыми платочками, стоящими отъ 40 к. до 1 р. Нѣкоторые богатые дѣвицы и молодыя женщины повязываютъ голову шелковыми платками, больше красными, стоящими отъ 2 до 3 р.; зимою молодыя женщины и дѣвицы носятъ больше шерстяные большіе, черные, голубые и красные платки, стоящіе отъ 1 р. 50 к. до 3 р.

Серьги носятъ мѣдныя, покупаемыя отъ 5 до 10 к., и серебряныя отъ 15 до 30 к. за пару.

Упомянутые выше наместо и всякія бусы покупаются отъ 5 до 12 к. за низку. Дѣвицы и женщины носятъ этихъ низокъ на шеѣ отъ 2 до 12 и больше. На монистахъ носятъ большіе серебряные кресты, покупаемые отъ 2 до 3 руб. за крестъ.

Пища. Богатые крестьяне въ скоромные дни ѣдятъ: 1) пирожки съ мясомъ, или сыромъ, или съ мясомъ и картофелемъ; иногда при ѣдѣ обмакиваютъ ихъ въ кислое молоко или сметану, которая снимается изъ застоявшагося молока прѣс-

наго, для приготовления изъ него масла. 2) Борщъ, состоящій изъ квасу, капусты, курицы или мяса: свинины или баранины, или говядины съ приправою стараго солената свиннаго сала, лука и картофеля,—иногда добавляются бураки. 3) Молочная, пшенная каша, иногда съ хлѣбомъ прѣсное молоко, вареное или сырое. Зимой и осенью первымъ кушаньемъ бываетъ студень (холодецъ) изъ свинины или баранины, или говядины; иногда ѣдятъ горячія пышки, помазанныя коровьимъ масломъ, блины и оладьи. Въ постные дни богатые ѣдятъ: 1) пирожки съ фасолью, или горохомъ, или чечевицей, или съ картофелемъ съ приправою постнаго масла и лука. 2) Борщъ, состоящій изъ квасу, капусты съ приправою картофеля, луку и постнаго масла; иногда, вмѣсто капусты, употребляютъ въ борщъ бураки. 3) Крутая (густая) пшенная каша съ постнымъ масломъ. Иногда ѣдятъ узваръ изъ яблокъ, грушъ, кислицъ и терну, также ѣдятъ моченый кислый терень, моченныя кислицы, соленые огурцы и арбузы. Въ скоромные дни бѣдные ѣдятъ борщъ, состоящій изъ квасу, капусты и бураковъ, съ приправою свиннаго сала, картофеля и лука. Въ постные дни они ѣдятъ такой же борщъ, но съ приправою картофеля, луку и постнаго масла, а иногда и безъ масла. Богатые ѣдятъ хлѣбъ пшеничный чистый, чаще пекутъ хлѣбъ изъ муки не изъ самой лучшей пшеницы, которую берегутъ для продажи, а изъ муки средняго и послѣдняго сорта. Къ большимъ праздникамъ пекутъ хлѣбъ изъ самой лучшей пшеничной муки. Бѣдные ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки, или изъ муки пшеничной, смѣшанной съ ячною мукою. Иногда пекутъ хлѣбъ изъ одной пшеничной муки, которую мелятъ изъ самаго послѣдняго сорта пшеницы, а 1 сортъ берегутъ для продажи. Къ праздникамъ пекутъ хлѣбъ изъ лучшей пшеничной муки. Прежде мясныхъ торговцевъ въ слободѣ почти не было, а теперь находятся два мясныхъ торговца, которые закупаютъ по двѣ и болѣе штукъ рогатаго скота для зарѣза, и мясо сбываютъ на станціи желѣзной дороги, лежащей въ 6-ти вер. отъ слободы, часть его сбываютъ въ своей слободѣ и въ сосѣднихъ слободахъ. При томъ же крестьяне болѣе пристрастились къ вкусной пищѣ и стали заботиться о

ней болѣе прежняго; нѣкоторые на ближайшемъ базарѣ покупаютъ картофель, пшено, свинное сало и постное масло. Прежде многіе питались только своею домашнею пищею. Поэтому пища крестьянъ улучшилась. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія и хлѣбопашества, число пастбищъ для скота уменьшилось, а потому содержаніе рогатаго скота стало затруднительно, особенно при засухахъ и въ неурожайные годы, поэтому молоко имѣется понемногу и только у богатыхъ крестьянъ. Большая часть крестьянъ пьетъ чай съ сахаромъ; чай употребляютъ дешевый, фруктовый, нѣкоторые же пьютъ обыкновенный чай. Многіе крестьяне, по бѣдности не имѣя самоваровъ, завариваютъ воду для чая въ мѣдныхъ чайникахъ или простыхъ чугунахъ. На храмовой праздникъ, изъ сосѣднихъ и дальнихъ слободъ, приходитъ много народа въ церковь. Послѣ обѣдни эти пришедшіе богомольцы приглашаются жителями слободы по хатамъ, гдѣ угощаютъ ихъ обѣдомъ. Каждый домохозяинъ къ храмовому празднику особенно запасается лучшимъ хлѣбомъ, мясомъ и водкой, чтобы пришедшихъ угостить лучше. Этотъ добрый обычай съ усердіемъ выполняется и въ другихъ сосѣднихъ слободахъ. Въ слободѣ имѣются три мелочныя лавочки; въ нихъ содержатся необходимые для крестьянъ предметы: соль, соленая рыба, чай, сахаръ, крендели, пряники, конфеты, деревянное масло, постное масло, медъ, пшено, мыло, спички, лампы, керосинъ, деготь, гвозди, замки, монисты, ленты, синія нитки, иголки, платочки для дѣвочекъ, пуговицы и многіе другіе предметы. Лавочки эти для крестьянъ необходимы, такъ какъ базаръ находится отъ Шелестовой въ 18 верстахъ, въ слободѣ Кантемировкѣ Богучарскаго уѣзда, Воронежской губ. Всѣ дома освѣщаются керосиномъ, для чего употребляются маленькія жестяныя и стеклянныя лампочки.

Волѣзни. Часто встрѣчаются: боль живота (катарръ желудка), бышиха (рожа), „волость“,—когда дѣлается нарывъ съ сильною болью на пальцѣ руки или ноги, глазная болѣзнь. Катарръ желудка иногда называютъ крестьяне „переполохомъ“, отъ котораго бабка наговариваетъ воду и даетъ пить больному; иногда пьютъ водку, настоящую декоктомъ и разными пряными корень-

ями, покупаемыми въ лавкахъ. Рожу часто называютъ сибиркой; отъ рожки, сибирки и волоса всегда шепчетъ бабка, подувая ртомъ на больное мѣсто. Къ рожѣ и сибиркѣ прикладываютъ: медъ, листокъ табаку, кислое молоко и чаще всего замѣшанную съ водою глину. Рожу окуриваютъ еще дымомъ изъ тряпки. Волосъ лѣчатъ такъ: бабка свяжетъ нѣсколько колосьевъ, придерживаетъ ихъ на больномъ мѣстѣ надъ горячей водой, которою поливаетъ больное мѣсто и при этомъ шепчетъ. Нѣкоторые крестьяне, по испытаніи всѣхъ своихъ средствъ, если болѣзнь не проходитъ, обращаются къ фельдшеру и доктору. При заболѣваніи рогатаго скота чаще всего пускаютъ ему кровь: отрѣзавъ немного уха, бьютъ палочкой по уху, чтобы побольше сошло крови,—и болѣзнь иногда проходитъ. Если скотъ то ложится, то встаетъ, повторяя это очень часто, то эту болѣзнь крестьяне называютъ „дерелогъ“ и призываютъ такого человѣка, который отъ этой болѣзни знаетъ отговоръ.

Хлѣбопашество. Главное занятіе крестьянъ хлѣбопашество. Всю землю, находящуюся въ полѣ для хлѣбопашества, пастбища и сѣнокоса, крестьяне дѣлятъ на три участка. Когда участокъ служитъ пастбищемъ для скота, тогда онъ называется толокою. Каждый участокъ бываетъ два года пастбищемъ для скота, или толокою, а затѣмъ на немъ сѣютъ хлѣбъ, потомъ траву въ теченіе четырехъ лѣтъ, послѣ чего онъ опять оставляется подъ пастбище, или толоку, на два года и т. д. На участкѣ, который былъ пастбищемъ для скота въ теченіи двухъ лѣтъ, крестьяне сѣютъ хлѣбъ и косятъ траву въ теченіи четырехъ лѣтъ въ такомъ порядкѣ: въ первые два года сѣютъ на немъ пшеницу, называемую „гарновка“, на третій годъ сѣютъ болѣе ячмень и овесъ; нѣкоторые еще сѣютъ пшеницу, а нѣкоторые крестьяне оставляютъ свои десятины незасѣянными подъ сѣнокосъ. На четвертый годъ весь этотъ участокъ оставляется преимущественно подъ сѣнокосъ, но нѣкоторые опять засѣваютъ свои десятины овсомъ и ячменемъ. По прошествіи означенныхъ четырехъ лѣтъ хлѣбопашества и сѣнокоса, участокъ опять оставляется подъ пастбище и толоку на два года. На

всѣхъ трехъ участкахъ хлѣбопашество, сѣнокосъ и пастбище производятся въ такомъ порядкѣ. Первые два года на первомъ участкѣ сѣется пшеница, второй участокъ въ эти два года служитъ пастбищемъ или толокою для скота, а третій участокъ въ первый годъ засѣвается болѣе овсомъ и ячменемъ, а во второй годъ онъ служитъ болѣе для сѣнокоса. На третій годъ первый участокъ засѣвается болѣе овсомъ и ячменемъ, а на четвертый годъ онъ служитъ болѣе для сѣнокоса. На второмъ участкѣ, который былъ пастбищемъ два года, сѣется пшеница въ слѣдующіе два года, т. е. на третій и на четвертый годъ. Третій участокъ въ послѣдніе два года, т. е. на третій и на четвертый годъ служитъ пастбищемъ для скота, затѣмъ сѣется опять пшеница два года и т. д. Первый участокъ называется „на узбичѣ“; онъ раздѣленъ на число душъ, находящихся въ обществѣ и пожелавшихъ взять землю подъ пахоту, всего на 820. По раздѣлѣ участка на каждую душу приходится земли по 16 сажень и два аршина. Саженью называется здѣсь полоса земли, имѣющая въ ширину одну сажень, а въ длину сто двадцать сажень, т. е. равную длинѣ десятины. Второй участокъ—„яръ сѣмениковъ или глиняный“, раздѣленъ тоже по числу душъ, на каждую душу числится земли: на глиняномъ по 10 сажень, на коржевомъ по 8 сажень. Третій участокъ около круглаго лѣса; здѣсь на каждую душу числится земли: около круглаго лѣса по 3 сажени, западной по 3 сажени, на осиковомъ по 8 саж., лозовомъ по 8 саж.,—всего по 22 сажени. Кромѣ означенныхъ трехъ участковъ земли, имѣется еще земля, которая по отдаленности разстоянія отъ слободы, никогда не бываетъ пастбищемъ, а каждый годъ служитъ для посѣва хлѣба и для сѣнокоса. Эта земля находится въ слѣдующихъ урочищахъ: На лезнѣ по 5 саж. на душу, за лезною по 5 саж., лѣсами по 5 саж., за лѣсами цѣлины по 3 саж., на срубѣ шпилья по 1½ саж., всего 19½ саж.; за лиманомъ: за могилою по 5 сажень, на паркахъ по 2 саж., въ дѣрезахъ по 3 саж., на бакшищахъ по 3 сажени цѣлины, всего 13 сажень. Такимъ образомъ, во всѣхъ участкахъ всей земли, употребляемой подъ хлѣбопашество, сѣнокосъ и пастби-

ще, причитается на душу по четыре десятины девять сажень и полъ-аршина. Такъ какъ въ обществѣ число душъ, на которыя дается земля подѣлѣна, со временемъ увеличивается, то и земля чрезъ каждыя шесть лѣтъ вновь передѣляется крестьянами.

Земля пахется обыкновенными крестьянскими плугами, издавна употребляемыми; нѣмецкіе плуги здѣсь не употребляются. Плуги есть большіе, дѣлающіе борозду болѣе двухъ четвертей, и меньшіе плуги, дѣлающіе борозду четверти на полторы. Поэтому богатые крестьяне запрягаютъ въ плугъ по четыре пары воловъ, а нѣкоторые по три пары; бѣдные-же крестьяне запрягаютъ въ плугъ по двѣ пары воловъ, въ маленькіе же плужки запрягаютъ по три лошади для распашки мягкой земли.

Чтобы вспахать мягкую землю, съ которой скошенъ хлѣбъ, употребляютъ „рало“, состоящее изъ двухъ перекадинъ, скрѣпленныхъ вмѣстѣ, и въ каждой перекадинѣ имѣется по 6-ти или 7-ми желѣзныхъ зубьевъ, которые и взрыхляютъ землю, когда пара воловъ или лошадь тянетъ рало на нивѣ. Сѣется хлѣбъ также наволокомъ, только на мягкой землѣ, съ которой скошенъ хлѣбъ; такую десятину нѣкоторые не пахутъ, а, посѣявши осенью на ней рожь, взрыхляютъ потомъ на ней землю раломъ или бороною. Иногда на такой землѣ сѣютъ также весною и яровые хлѣба. Но на вспаханной плугомъ землѣ урожаи бываютъ гораздо лучшіе. Здѣсь сѣютъ слѣдующіе хлѣба: пшеницу-гарновку, рожь, ячмень, овесъ, просо, очень мало сѣютъ пшеницу—гирку. Всегда понемногу сѣютъ горохъ, фасоль и чечевицу. Для масла и волокна сѣютъ коноплю и ленъ. Нѣкоторые понемногу сѣютъ подсолнечники для масла. Всегда устраиваютъ бакчи арбузовъ, дынь и огурцовъ. Въ огородахъ, находящихся вблизи хатъ и при рѣчкѣ, сажаютъ капусту, сѣютъ бураки и картофель; картофель сѣютъ также и въ полѣ. Въ урожайные годы у богатыхъ крестьянъ избытокъ хлѣба закупается часто на мѣстѣ купцами, приѣзжающими изъ Ельца и Ростова, такъ какъ желѣзная дорога находится въ 6 верстахъ отъ слободы.

Скотоводство. Крестьяне считаютъ здѣсь скотоводство не удобнымъ, по недостатку пастбищъ, особенно въ неурожайные

годы, отличающіеся продолжительными засухами. Старательный хозяинъ еле въ состояніи содержать 3 пары воловъ, 2 коровы, 2 лошади и десятка два овецъ. Рогатый скотъ здѣсь крупной породы. Почти у каждого хозяина имѣется лошадь, а у нѣкоторыхъ по двѣ и по три лошади. Нѣкоторые хозяева содержатъ овецъ десятка по два. Лошади и овцы простой породы.

Пчеловодство здѣсь мало распространено. Пчелы имѣются только у шести хозяевъ. У одного изъ нихъ прежде было пчелъ до 200 ульевъ, а теперь только 75. У прочихъ хозяевъ пчелъ весьма мало: отъ 5 до 15 ульевъ у каждого. Продолжительныя засухи препятствуютъ пчеловодству.

Въ слободѣ почти въ каждой хатѣ имѣется „верстать“, т. е. такой станокъ, на которомъ ткуть полотно; почти каждая крестьянка умѣетъ ткать. Пряжу для полотна прядутъ сами крестьянки на прядкахъ, изъ волокна, приготовляемого изъ конопли, воздѣлываемой самими крестьянками. Прядениемъ пряжи и тканьемъ онѣ занимаются съ начала Филиповки, всю зиму. Холстъ употребляютъ для бѣлья своего семейства, а нѣкоторые продаютъ его за аршинъ по 20 коп. Трое хозяевъ, кромѣ земледѣлія и скотоводства, занимаются выдѣлкою кожъ для продажи.

Г. Цырюльниковъ.

45.—Сл. Тимонова.

Русскіе и малороссы.—Ихъ свадебные обряды.

Названіе построекъ у русскихъ: хата, пунька (хлѣвъ, служашій кладовой), амбаръ, клуня, верокъ (загонъ для скота), а деревьевъ: караичъ (берестъ), лоза (строевая верба). Русскіе говорятъ: кого, чего, давече—прежде, кое—гдѣ, анадысь—позавчера, позанадысь—третьяго дня, лѣтосъ—прошлаго года, позалѣтосъ—третьяго года. У малороссовъ постройки именуются: хата, комора, хливъ, загорода—для загона скота, повитка (сарай). Выраженія: шо, ще, вчора, позавчора, торикъ—прошедшій годъ, позаторикъ—третьей годъ.

Свадебные обряды въ селеніяхъ съ русскимъ населеніемъ бывають слѣдующіе: сначала бываетъ стговоръ—„помолвка“, потомъ у неvěсты „дѣвишникъ“, у жениха „каравай“. Во время стговора вызываютъ неvěсту и жениха и спрашиваютъ согласія обоихъ брачующихся и по любви ли они вступаютъ въ бракъ; въ это время отецъ жениха уплачиваетъ деньги отцу неvěсты, по мѣстному названію—„на столъ“, отъ 5 до 15 р., и затѣмъ пьютъ могорычъ, при чемъ отрѣзается отъ хлѣба жениха, съ которымъ приходили свататься, и отъ хлѣба неvěсты по куску, краюшки; оба куска складываются вмѣстѣ, завязываются въ платокъ неvěсты и отдаются отцомъ неvěсты отцу жениха съ приговоромъ: „прійми, сватъ, хлѣбъ-соль, Христову любовь и дитя наше въ свою семью“. Отрѣзанные куски хлѣба съѣдаются въ домѣ жениха. Во время помолвки собираются родственники неvěсты, куда приходитъ женихъ съ отцомъ, матерью и своими родственниками; водка и всѣ съѣстные продукты доставляются женихомъ. Собираются дѣвки, садятся за столъ, и къ нимъ идетъ родственникъ жениха, какъ говорятъ, „выкупать столъ“. Идетъ торгъ, уплачивается отъ 50 к. до 2 руб. 50 коп. и при этомъ подносится дѣвкамъ по рюмкѣ водки. Ставятъ рядомъ жениха и неvěсту и начинаютъ бить поклоны къ иконамъ три раза. Послѣ этого неvěста прячется между дѣвками. Въ это же время подносится жениху водка, который и вызываетъ неvěсту, называя ее по имени и отчеству, пожаловать распить вмѣстѣ предлагаемую винную чару. Невѣста является, и они распиваютъ рюмку водки. Начинаются земные поклоны всѣмъ до единого гуляющимъ на помолвкѣ, не исключая дѣвокъ и даже пяти-лѣтнихъ дѣтей, которымъ также подносится по рюмкѣ водки. Подносятъ родственникамъ подарки: платки и другія вещи. Выпившіи рюмку водки обязанъ взять тутъ же на тарелкѣ лежащій новый платокъ, утереть губы рта жениха и неvěсты и поцѣловать ихъ. При всемъ этомъ дѣвки поютъ пѣсни: „Груша—яблоня садовая рано засинѣла, рано-рано засинѣла, листа не уронила. Аксиньюшка Гавриловна съ дарами ходила; она съ дарами ходила, свѣкра дарила: любиминькій свекорочикъ, не гребай ты мною, мною молодою и моими дарами, мои дары не большіе,

ковры вышитые“. За каждымъ куплетомъ поютъ припѣвъ: „Ой, лѣли, Али-лай-лѣли“. Затѣмъ дѣвки съ молодыми во главѣ отправляются кататься и ѣдутъ обѣдать или ужинать къ жениху, а старики остаются въ домѣ неvěсты и гуляютъ все таки на счетъ жениха, потомъ отправляются къ отцу жениха. На другой день опять идутъ къ отцу неvěсты, а затѣмъ ходятъ по дворамъ гуляющихъ родственниковъ. Процедура эта продолжается дней пять и болѣе, чѣмъ и заканчивается договоръ сватовства. Послѣ этого бракъ юридически считается заключеннымъ. Наканунѣ свадьбы вечеромъ собираются опять тѣ же родственники на такъ называемый „каравай“. На другой день собирается поѣздъ, и бояре и молодые ребята къ этому времени приѣзжаютъ со двора неvěсты къ жениху. Два или три человека мужчинъ, называемые „головатыми сватами“, приглашаются за столъ, а затѣмъ уже собираются бояре и много другого народа и провожаютъ поѣздъ съ неvěстой. При выѣздѣ поѣзда на воротахъ по обѣимъ сторонамъ становится одинъ изъ родственниковъ и его жена съ перерѣзанными половинками хлѣба; по проѣздѣ поѣзда стоящіе цѣлуются, а хлѣбъ отдаютъ дружку, который ѣдетъ съ поѣздомъ. На обязанности стоящей на воротахъ пары лежитъ, по привозѣ постели молодыхъ, „грѣть постель“. Гулянье продолжается своимъ порядкомъ, какъ и на помолвкѣ.

У малороссовъ ходятъ также сваты со стороны жениха къ неvěстѣ. Засватавъ неvěсту и запивъ могорычъ, назначаютъ день сватанья. Сходятся вмѣстѣ къ неvěстѣ свекоръ и свекровь съ женихомъ и нѣсколькими боярами, молодыми ребятами, двумя родственниками, называемыми старостами. При этомъ старость перевязываютъ чрезъ правое плечо рушниками или платками со стороны неvěсты. Сводятъ жениха и неvěсту, они кланяются отцамъ и матерямъ жениха и неvěсты, а равно и воспріемникамъ съ той и другой стороны. Все это сопровождается пѣснями дѣвокъ и молодыхъ бабъ. Потомъ заводятъ за столъ молодыхъ, такъ называемыхъ, „князя и княгиню“, подносятъ по рюмкѣ водки и подарки со стороны неvěсты свекру и свекрови. Послѣ этого молодые, дѣвки и бояре идутъ въ сосѣдскую хату, гдѣ готовится ужинъ, а старики гуляютъ

отдѣльно. Этимъ заканчивается договоръ сватовства. При этомъ уплачивается на столъ со стороны жениха отцу неvěсты отъ 5 до 25 р. Въ назначенный для свадьбы день вечеромъ собираются родственники и сосѣди на такъ называемыя „вечерины“; если молодые живутъ въ одномъ селеніи, то сводятся и молодые, въ противномъ случаѣ собираются отдѣльно у жениха и неvěсты, а на другой день снаряжаютъ поѣздъ. Женихъ ѣдетъ кататься отъ неvěсты на одной повозкѣ или на саняхъ со старшимъ бояриномъ и однимъ изъ меньшихъ, такъ чтобы жениху не было пары, а неvěста на особой подводѣ съ свашками, молодыми бабами и одной дѣвкой, называемой „свѣтилкой“, у которой въ рукахъ бываетъ связанный пучокъ васильковъ съ палкой по срединѣ, къ которой прилѣпляется восковая свѣча. Пучокъ этотъ называется „мечъ“. Въ домѣ неvěсты, когда заведутъ молодыхъ за столъ, обводятъ во кругъ головъ молодыхъ три раза мечемъ съ зажженною свѣчею. При возвращеніи во дворъ жениха съ неvěстою, подлѣ порога дома ихъ встрѣчаютъ отецъ и мать съ иконою и хлѣбомъ и просятъ въ домъ. Здѣсь предлагается ужинъ, а затѣмъ отправляютъ молодыхъ спать. Черезъ нѣсколько времени такъ называемый „дружокъ“ вводитъ молодыхъ опять въ хату, и начинается усиленная попойка съ пріѣхавшими вмѣстѣ съ молодыми сестрами и братьями съ ихъ супругами, играющими роль повѣренныхъ со стороны неvěсты для подтвержденія ея чистоты.

46.—Сл. Евсугъ.

Поселеніе.—Жилище.—Одежда.—Пища.—Занятія.

„Евсугъ“—слово татарское, означаетъ „овецій потокъ“. Свое названіе слобода получила отъ протекающаго съ вершины слободы протока, образовавшаго въ дальнемъ теченіи рѣку Евсугъ. Мѣстоположеніе гористое, но поселокъ расположенъ по-надъ яромъ съ обѣихъ сторонъ. На разстояніи 7 верстъ по теченію рѣки стоитъ хуторъ „Юпани“, населенный въ 1874 г. отставными солдатами изъ разныхъ мѣстъ; между ними

было нѣсколько семействъ поляковъ, но они за исключеніемъ 2-хъ семействъ, удалились въ родной край. Слобода отстоитъ отъ Старобѣльска въ 30 вер. на востокъ отъ города. Жителей до 6000 д. об. п. Наружный типъ жителей малороссійскій, безъ всякой инородческой примѣси. Нарѣчіе малорусское; но вслѣдствіе близости жителей конныхъ государственныхъ заводовъ, говорящихъ на русскомъ нарѣчіи, мѣстный говоръ, благодаря заимствованію нѣкоторыхъ русскихъ выраженій у сосѣдей, отчасти теряетъ свою національную особенность. Хаты строятся изъ лѣснаго матеріала и изъ саману. У болѣе состоятельныхъ встрѣчаются хаты съ навѣсомъ надъ входною дверью. Хата болѣею частью состоитъ изъ одной комнаты; но бываетъ и въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно назначается для кухни, а другое для помѣщенія семейства. Стѣны комнатъ украшаютъ или обоями, или расписываютъ краскою, синькою и проч. Передній уголъ обставляется иконами, украшается искусственными цвѣтами своего издѣлія и завѣшивается своей работы и тканными, купленными на ярмаркахъ, рушниками. Хаты строятся преимущественно лицевою стороною на улицу; въ задней сторонѣ дома во дворѣ ставятся: амбары, сарай, а въ остальной части двора помѣщается токъ, у богатыхъ съ клунами для хлѣба, и за нимъ—огороды для посѣва домашнихъ овощей. Садовъ весьма мало. У нѣкоторыхъ имѣются и отдѣльные огороды, на которыхъ растутъ вербы. Верхняя одежда жителей, подъ названіемъ свитки, дѣлается изъ сукна домашнего приготовленія, для мужчинъ въ формѣ пальто, а для женскаго пола съ „ўсами“—складками. Легкая или лѣтняя одежда для мужчинъ—поддевки или чинарки изъ бумажной или шерстяной покупной матеріи, для женскаго пола—юбки и кофты изъ матеріи бумажныхъ, ситцевъ и изъ бумазеи. Юбка по мѣстному называется „сарафанъ“, а кофта по мѣстному „юбка“. Для осени приготовляются ваточныя кофты и лавочнаго сукна халаты. Въ зимнее время мужчины одѣваются въ шубы и полушубки по преимуществу дубленныя, женскій полъ носитъ зимою шубы тоже нагольные и не отличающіяся покроємъ отъ мужскихъ шубъ. Головной уборъ для мужчинъ—шапки и картузы, приобретенные покупкою на ярмаркахъ, въ сл. Бѣловод-

скѣ и въ г. Старобѣльскѣ; для женщинъ—парчевые „очипки“, которые понемногу упраздняются и замѣняются платками. Дѣвки повязываются въ праздники платками, иногда съ приколкою вѣнковъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, со вылетеніемъ въ косу лентъ разныхъ цвѣтовъ. Обувь праздничная молодыхъ женщинъ и дѣвокъ—изъ сафьяна краснаго и желтаго цвѣта. Запаски встрѣчаются очень рѣдко. Въ приготовленіи одеждъ подражаютъ жителямъ сл. Бѣловодска. Пища населенія не особенно затѣйлива и роскошна: хлѣбъ обыкновенно ржаной и ячный; изъ пшеничной муки приготовляются только пирожки по праздникамъ, галушки, вареники и блины. Изъ варенаго—борщъ, въ скоромные дни у зажиточныхъ съ курицею, съ говядиною и бараниною, у бѣдныхъ съ однимъ саломъ,—каша и молочное; въ постные дни—борщъ безъ грибовъ и не у всѣхъ съ масломъ. Каша и супъ по мѣстному называются „юшкой“. Въ великій постъ употребляютъ соленье—арбузы и огурцы, квасъ съ хрѣномъ, рѣдку и лукъ. Узваръ изъ терну, вишенъ и яблокъ, готовится рѣдко. Рыбы свѣжей не бываетъ, грибовъ тоже; сельди и тарань покупаютъ въ мѣстныхъ лавкахъ. Чаепитіе распространяется. Употребляютъ мѣстные чайники черепяные поливаные. Освѣщеніе керосиновое. Главное и общее занятіе—земледѣіе; подспорьемъ къ нему для многихъ жителей служить горшечное производство, вызванное обиліемъ глины, пригодной для этого дѣла. Одни готовятъ глиняную посуду, какъ-то: горшки, миски, кувшины, ринки, цвѣточники и прочія глиняныя издѣлія, а другіе развозятъ ее по деревнямъ и ярмаркамъ для продажи и для обмѣна за хлѣбъ. Пчеловодствомъ занимаются мало по недостатку удобныхъ мѣстъ.

М. Касьянова.

47.—Сл. Павловка.

Поселеніе и его прошлое.—Населеніе, жилище, одежда и пища.

Слобода расположена между двухъ возвышенностей на широкомъ низменномъ пространствѣ. Разстояніе отъ Павловки до г. Старобѣльска 36 вер., до г. Купянска 84 вер., до г.

Изюма 110 в., до Харькова 220 в. Павловкой слобода называется потому, что въ ней храмъ во имя Петра и Павла. По преданію, село основано въ XVI-мъ вѣкѣ. Нѣкогда здѣсь былъ черкасскій городокъ. Остатки его—валы со рвомъ замѣтны были до 1853 г. Прежнее названіе слободы Павловка-Тарабановка—по фамиліи владѣльца земель Тарабанова. Мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ Тарабановскій, извѣстно и ограждено памятникомъ. Но храмъ перенесенъ куда-то въ Воронежскую губернію, куда переселены и крестьяне Тарабановскіе. Слобода дѣлится на 5-ть частей, каждая часть имѣетъ свое особое названіе—Москалевка, Низянка, Забочанка, Чумаковка, Холоднянка. О переселеніи жителей данной мѣстности сохранилось преданіе, которое и подтверждаютъ старожилы. Князь Б. И. Куракинъ владѣлъ всѣми землями, окружающими Павловку (Тарабановку), онъ и купилъ или обмѣнялъ хуторъ Тарабановку съ небольшимъ участкомъ земли у послѣдней владѣлицы, Тарабановой. Сама же Тарабанова со своими крѣпостными крестьянами переселилась въ Воронежскую губернію. По выселеніи тарабановцевъ, князь Куракинъ заселилъ поселокъ своими крѣпостными людьми съ сосѣдняго села Бѣлокуракиной, значительную часть поселка заняли и крѣпостные крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ господъ. Бѣжавшимъ давали избы, которыя были оставлены тарабановскими крестьянами; избы эти были курныя, изъ чего заключаютъ, что тарабановцы были русскіе. Гораздо позже здѣсь же князь Куракинъ поселилъ около 20-ти великорусскихъ семействъ, кѣмъ-то ему подаренныхъ. По мѣстности, занимаемой Павловкой, протекала значительная рѣка Бѣлая. Противъ дома сельской расправы было очень большое и глубокое озеро, убыль воды въ немъ постоянно пополнялась изъ сосѣдняго родника, который сохранился и теперь, подъ названіемъ Каменный колодезь. На участкѣ земли, которая принадлежит теперь павловцамъ, было много большихъ лѣсовъ, которые теперь совершенно изведены, отъ многихъ не осталось даже признаковъ поросли; въ одномъ изъ нихъ, Васильковомъ, который отличался своею густотой и величиной, жили разбойники. По сказанію старожилловъ, разбойники изъ Василькова лѣса никогда не причиняли обидъ жи-

телямъ ближнихъ селъ и хуторовъ; на разбой и грабежъ уходили въ Воронежскую губернію, къ г. Валуйкамъ и на большую валуйскую дорогу. Верстахъ въ 10 къ западу отъ Павловки проходитъ, такъ называемый, „великій валуйскій шляхъ“ съ сѣвера на югъ. По этому пути каждую весну проходятъ тысячи народа, направляясь съ сѣвера на югъ въ отхожіе промыслы. На западной сторонѣ этой дороги на протяженіи версты сохранился земляной валъ—окопъ. Населеніе данной мѣстности можно назвать чисто малороссійскимъ, потому что хотя здѣсь и были поселены великоруссы (около 20 семействъ), но по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на малороссовъ, вскорѣ сами смѣшались съ малороссами, переняли ихъ обычаи и языкъ и совершенно утратили свои особенности.

Въ слободѣ Павловкѣ жителей обоого пола 2426, въ т. ч. муж. 1217 и женщинъ 1209. Населенныя мѣста: слобода Павловка съ хуторами—Заводянка, Морозовъ, Стативкинъ, Скрипаевка, Шандринъ, Рудовъ, Бervenовка. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ населеніе малороссійское, исключая Павловки, гдѣ населеніе, какъ уже замѣчено—малороссійское и отчасти великорусское. Жизнь населенія во всѣхъ этихъ мѣстахъ складывалась при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, и никакого различія ни въ чемъ не замѣтно. Жители занимаются исключительно земледѣліемъ, и все въ жизни ихъ приспособляется къ этому занятію. Крестьянскія постройки—хата, комора (амбаръ), сарай, хлѣвъ, загонъ, погребъ. У бѣднаго хозяина хата—одна жилая комната, сѣни, въ сѣняхъ же отдѣляется меньшая ихъ часть для кладовой (чулана). Хата дѣлается изъ вербы или саману, а остальные постройки хворостяныя. Хаты дѣлались изъ дерева и только въ самое позднѣйшее время начали дѣлать хаты изъ саману-лампачу. Къ хатѣ пристраиваютъ сѣни и чуланъ (кладовую). Хаты внутри и снаружи вымазаны бѣлой глиной и выбѣлены мѣломъ. Лицевая сторона хаты и окна на ней снаружи украшаются рѣзьбой. Стоимость построекъ безъ дворового мѣста отъ 20 руб. до 50. У богатаго хозяина хата—двѣ, а иногда и три комнаты, сѣни, кладовая. Надворныя постройки—одинъ или два амбара, отъ трехъ до пяти хлѣбовъ, два или три загона, два или три сарая, клуня. Хата

дубовая, амбары дубовые или вербовые, остальная постройка вербовая или хворостяная. Стоимость построекъ безъ дворового мѣста отъ 200 до 400 руб. Предметы обстановки: столъ, лавки, шкапъ, стулья, полъ, который служитъ вмѣсто кровати.

Лѣтняя одежда мужчинъ чинарка и свитка, у женщинъ халатъ и свитка. Зимняя одежда мужчинъ и женщинъ—тулупъ. Стоимость чинарки и халата отъ 1 р. 50 к. до 7 руб., мужской и женской свитки отъ 4 до 7 руб., тулупа отъ 7 до 15 руб.

Пища крестьянъ—борщъ, каша, картофель, пироги, блины, вареники, коржи, пампушки, перепечки, галушки, кулешъ и пр.; въ постные дни всѣ эти кушанья приготавливаются съ постнымъ масломъ, а въ скоромные дни съ саломъ или коровьимъ масломъ. Кушанья богатыхъ и бѣдныхъ крестьянъ имѣютъ одинаковыя названія, разница заключается въ количествѣ приготавливаемой пищи и качествѣ продуктовъ, изъ которыхъ готовится пища. Крестьяне освѣщаютъ свои жилища керосиновыми лампами. Крестьянская семья—отъ 2 до 30 человекъ. Составъ крестьянскихъ семействъ—мужъ и жена; мужъ, жена и ихъ дѣти; мужъ, жена, ихъ сыновья со своими женами и дѣтьми, и незамужнія дочери. Раздѣлы вошли въ обычай. Весь вообще расходъ средней крестьянской семьи можно опредѣлить въ 200 руб.

А. Петрова.

48.—Сл. Трехизбянская.

Прошлые поселенія.—Жилище, одежда, пища.

Слобода Трехизбянская расположена подъ горою, вблизи р. Донца, на границѣ Екатеринославской губ., отъ г. Славяносербска находится въ 5 вер., отъ г. Старобѣльска въ 65 верстахъ. Число жителей въ ней 1100 д. м. п. и 1200 д. ж. п. По преданію, названіе свое слобода получила отъ трехъ избъ, построенныхъ звѣроловыми и рыбопромышленниками. Около 1672 г. донскими казаками были построены городки по р. р. Айдары и Донцу, въ числѣ ихъ и Трехизбянскій, для защиты отъ на-

бѣговъ крымскихъ татаръ. Потомъ, какъ говоритъ преданіе, всѣ эти городки были совершенно уничтожены, за убійство Некрасовскими казаками какого-то военного вельможи и разграбленіе царской казны. Теперь остались только ямки на мѣстѣ прежняго городка. Въ 1715 г. произведено было заселеніе городковъ. Трехизбенскъ былъ заселенъ жителями с. Верхняго Салтова бывшей тогда Бѣлгородской губ. Салтовцевъ привлекло сюда обиліе лѣса, воды и приволье луговъ. Но крымскіе татары продолжали набѣги и тревожили жителей, заставляя ихъ уходить въ чащи лѣсовъ и оставлять жилища и имущество на разграбленіе; къ тому же и Донецъ подмывалъ ограду городка и уносилъ кости покойниковъ, а потомъ подмылъ и церковь, такъ что жители въ 1765 г. оставили городокъ и перешли на болѣе возвышенное мѣсто подъ гору. Въ 1788 г. все Трехизбянское общество было обращено въ казачье званіе и участвовало въ сраженіяхъ при взятіи Очакова и Измаила. Въ 1794—95 г. оно обращено въ прежнее однодворческое званіе, а желающимъ остаться на правахъ казаковъ, предложено переселиться на р. Кубань, куда большая часть жителей и ушла. На мѣсто ихъ въ Трехизбянскъ перешли новые поселенцы изъ Курской и Воронежской губ.—Обоянскаго, Воронежскаго, Калужскаго, Нижне-Дѣвицкаго уѣздовъ. Новопоселенцы отличались отъ старопоселенцевъ обличьемъ, образомъ жизни и нарѣчіемъ. Старопоселенцы—статны, опрятны, говорятъ чисто, вѣжливы; новопоселенцы—тощи, неуклюжи, избы строили курныя. Въ настоящее время курныхъ избы нѣтъ и переселенцы, сохраняя отчасти свой прежній типъ, стали сходны со старожилыми.

Жилище. Избы строятъ деревянныя съ сѣнями и кладовой, иногда съ рубленными сѣнями. Внутри избы съ правой стороны и противъ дверей—лавки, на стѣнѣ возлѣ дверей—мисникъ (шкафъ для посуды). Противъ дверей—святой уголъ (божница съ иконами). Св. уголъ украшаютъ цвѣтами, засушенными и сдѣланными изъ разноцвѣтной бумаги, обиваютъ обоями, увѣшиваютъ вышитыми полотенцами и раскрашиваютъ стѣны синькой. Съ лѣвой стороны—полъ, печь и груба.

Одежда. Праздничный мужескій уборъ: рубаха кумачевая или коленкоровая, воротникъ и обшлага вышиты цвѣтной бумагой, плисовый или суконный жилетъ, черкесиновая или суконная чинарка, синей китайки шаровары, сапоги. Зимой полушубокъ или шуба. Буденный дѣлается изъ холста домашняго приготовления; верхняя одежда—зипунъ изъ сукна домашняго приготовления. Женскій уборъ: рубаха бѣлая, кумачевая, ситцевая, воротникъ вышивается шелками; синій сарафанъ отдѣляется на груди мишурной сѣткой и лентами, подолъ краснымъ ситцемъ. На головѣ перевязка съ блестками и въ косѣ лента съ бисернымъ махромъ. У женщинъ—бархатный или штофный кокошникъ и шелковый или шерстяной платокъ, синій суконный халатъ, бахилки; зимой—шуба, крытая синей нанкой. Вліяніе города замѣтно: оставляютъ синіе сарафаны, и пьютъ изъ ситца сарафаны, юбки и кофты. Въ первые дни Рождества, Свѣтлаго праздника и Троицы всѣ женщины ходятъ въ бѣлыхъ рубахахъ, а на второй день въ красныхъ. Полный женскій уборъ стоитъ отъ 25 до 30 рублей.

Пища. Въ пищѣ русскіе неразборчивы; хлѣбъ у нихъ ржаной и пшеничный. Праздничная пища не отличается отъ повседневной. Обыкновенно готовятъ борщъ, кашу, лапшу,—мясное бываетъ рѣдко,—пампушки съ сѣмяннымъ сокомъ, пышки съ хрѣномъ и квасомъ. Весною любимая ѣда: щавель, скородь, пикульки. Свадебные и поминальные обѣды отличаются обиліемъ: пироги съ начинкой и сыромъ, холодное, борщъ, лапша, мясо вареное: курица, баранина, свинина, жареный поросенокъ, баранина и гусь, лапшевникъ, каша молочная, узваръ или арбузъ. На поминальныхъ обѣдахъ водку не пьютъ. Пища съ каждымъ годомъ ухудшается вслѣдствіе плохихъ урожаевъ. Освѣщаютъ жилища керосиновыми лампами.

Самыя распространенныя болѣзни—сифилисъ и чесотка. Лѣчатся и у докторовъ, и у знахарей, къ которымъ обращаются иногда за 30—50 верстъ.

Занятія жителей—земледѣліе и кустарные промыслы,—дѣлаютъ плуги, полозья.

Школа. Первое училище было открыто въ 1837 году съ пособіемъ въ 100 руб. отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, просуществовало семь лѣтъ и было переведено старшиною Репринцевымъ въ Старую-Айдарь. Нѣкоторые изъ учениковъ этой школы служатъ и теперь писарями. Въ 1862 г. съ 1 января протоіеремъ о. Михайломъ Павловымъ открыта школа въ караулкѣ безмездно. Потомъ съ 1866 г. до 1874 года получалось пособіе отъ земства въ количествѣ 130 р., 100 руб. наставнику и 30 на учебныя пособія. Въ 1876 году земствомъ увеличено жалованье наставнику до 200 руб. Земская школа существуетъ и въ настоящее время и помѣщается въ общественномъ зданіи. Въ 1886 г. открыта въ караулкѣ церковно-приходская школа, а въ 1889 г. устроено прекрасное зданіе для этой школы. Всѣхъ учащихся обоого пола въ обѣихъ школахъ бываетъ отъ 120 до 130 душъ. Общество относится къ учительскому персоналу съ уваженіемъ; дѣтей отдаютъ охотно.

Читаютъ преимущественно книги духовно-нравственнаго содержания. До открытія общественной бібліотеки при церковно-приходской школѣ 24 марта 1892 г., книги приобретались на ярмаркахъ и у коробейниковъ, въ настоящее же время всѣ грамотные имѣютъ право пользоваться книгами бібліотеки бесплатно. Библиотека составила изъ книгъ, пожертвованныхъ основателемъ ея, протоіер. о. Михайломъ Павловымъ, на сумму около 150 руб., а также пожертвованныхъ другими лицами. Кромѣ того, обществомъ ассигновано на усиленіе бібліотеки по 15 руб. въ годъ. Библиотека помѣщается въ зданіи церковно-приходской школы.

Ю. В. Стефанова.

49.—Сл. Городище.

Поселеніе.—Нарѣчіе.—Жилище.—Одежда.—Пища.

Слобода расположена на равнинѣ при р. Деркулѣ, впадающей въ Донецъ. Съ западной стороны ея прымыкаетъ гора довольно оригинальнаго вида. Гора эта пересѣкается въ хребтѣ и представляетъ собою видъ огромнаго холма. Вышина ея

достигаетъ 32 саж. Городище получило свое названіе отъ слова „городъ“, такъ какъ на мѣстѣ ея, по преданіямъ, существовалъ татарскій городокъ, главное укрѣпленіе котораго было на упомянутой горѣ. Существуетъ преданіе, что на этой горѣ отдыхалъ и дѣлалъ обзоръ окрестности Государь Петръ Великій, по возвращеніи своемъ изъ Азова. Жителей до 3000 д. об. пола.

Нарѣчіе малорусское. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и произношеніи состоятъ въ измѣненіи гласныхъ: е и ѣ на и:—Андрій, смилый, сидивъ, ви́дро, кри́ко; е на э—овэсь, Семёнъ, дэ́рэво, бэ́рэза; и на ы—ходывъ, простывъ, купывъ, Мы́трэ, мы́ска, сы́ній; о на ы—якы, сли́пый, чудный; е на о—чо́го, чо́винъ, чо́лови́къ. Чисто малорусскій говоръ измѣняется замѣтно, такъ напр., въ выраженіяхъ йодынъ, йдэ, найвэсь,—придыхательное „й“ встрѣчается рѣдко; своеобразныя малороссійскія выраженія замѣняются или чисто русскими или смѣшанными: вмѣсто „шкапа“, говорятъ „кинъ“, т. е. лошадь, вмѣсто „батигъ“—кнутъ, вмѣсто „пужално“—кнутовище и т. д.

Жилище. Хаты строятся изъ дерева, частью изъ мѣла или самана глинянаго и кроются соломой. Потолки бываютъ деревянные, частью камышовые, мазанные глиною. Дворовыя постройки располагаются по-надъ границею двора. Зажиточные домохозяева застраиваютъ весь дворъ сараями, навѣсами и амбарами. Украшенія, карнизы и раскраска дѣлаются преимущественно на печахъ и грубахъ. Если встрѣчаются картины, то вѣшаются въ „кимнатахъ“, по боковымъ и заднимъ стѣнамъ. Избы состоятъ вообще изъ хатыны (кухни) и кимнаты (зало), а иногда изъ одной комнаты, замѣняющей и то и другое. Передній уголъ въ домѣ считается самымъ почетнымъ мѣстомъ; тамъ хранятъ, если есть, церковныя книги, молитвенники, освященную пасху и т. п.; туда сажаютъ дорогого или важнаго гостя. Порогъ имѣетъ значеніе противоположное. Убранствомъ хатъ служатъ одни лавы или „ослоны“ для сидѣнья, столъ и кровать, называемая „пиломъ“.

Одежда мужчинъ въ лѣтнее время будничная: штаны и сорочка бѣлаго холста, иногда штаны изъ холста, окрашеннаго

черною или синею краскою, и камзолъ, т. е. короткій пиджачекъ со сборками назади изъ бумажной дешевой матеріи. Праздничная одежда состоитъ изъ штановъ бумажной матеріи и такой же поддевки до колѣнъ. Одежда зимняя: длинные полушубки (тулупы), свитки и шапки, большею частію „капельюхи“, шапки съ наушниками. Одежда женщинъ будничная лѣтняя: „кѣрсѣть“, т. е. короткая безрукавая кофточка, и юбка бумажной матеріи, называемая „шарафаномъ“; кофту же называютъ „юбкою“. Пожилыя женщины носятъ „дѣрги“, представляющія собою два аршина толстаго сукна; имъ обертываются, а затѣмъ подпоясываются, придавая костюму видъ юбки. Праздничная „юбка“, т. е. кофта съ рукавами, и шарафанъ—юбка, бывають изъ лучшей матеріи. Сапоги безусловно должны быть краснаго цвѣта, сафьяновые. Зимняя: нижняя—таже, а верхняя—овчинныя шубы длинныя, называемыя „байбараками“, крытыя, и „кожухами“, некрытыя. Остатками старинной одежды являются „очипки“, женскій головной уборъ въ родѣ шапочки съ наушниками и позолоченной парчею. Стоимость одежды: мужской будничной лѣтней отъ 3 до 4 р., включая фуражку, но исключая обуви, праздничной отъ 9 до 20 р., зимней будничной отъ 9 до 15 руб., праздничной отъ 15 до 25 руб. Стоимость одежды женской сходна со стоимостью одежды мужской.

Пищу бѣдныхъ въ скромные дни составляютъ: борщъ, заправленный саломъ и изрѣдка съ мясомъ, и каша, а въ постные дни пустой борщъ и огородніе продукты, а у кого есть—и садовые. Пища среднихъ хозяевъ бываетъ немного лучше, у богатаго всегда бываетъ сало, мясо, молоко, постное масло и бѣлый хлѣбъ. Въ страдное и вообще рабочее время пища улучшается по случаю усиленныхъ трудовъ и хорошихъ заработковъ. Городское вліяніе сказалось введеніемъ чаепитія. Богатые имѣютъ самовары, а бѣдные кипятятъ для чая воду въ чугунахъ; при недостаткѣ средствъ чай замѣняется полевыми травами: шалфеемъ, цикоріемъ или фруктовымъ напиткомъ. Для освѣщенія употребляютъ дешевыя керосиновыя лампочки.

Болезни. Населеніе часто заболѣваетъ простудными болѣзнями: кашлемъ, лихорадкой, а также дифтеритомъ. Народ-

нымъ врачевнымъ средствомъ является бузиновый и липовый цвѣтъ, которыхъ пьютъ, какъ чай. Дѣтей лѣчатъ еще горячимъ молокомъ. Лѣчатъ еще посредствомъ шептанія молитвъ и сказаній народнаго изобрѣтенія. Такъ, отъ лихорадки, прежде читають молитвы: „Святый Боже, Отче нашъ, помилуй мя Боже“, и въ это время окуривають больного лошадиными копытами, даютъ пить растертый артосъ; затѣмъ произносятъ заключительныя слова: „Васъ (лихорадокъ) сімдесять симъ—отъ вамъ плѣта всимъ“. Иногда эти слова записываютъ на особомъ клочкѣ бумаги, въ этотъ клочокъ заворачивають старинную копѣйку или денежку и заключають въ амулетъ для ношенія на шеѣ. Отъ вывиха или перелома костей читають молитвы, иногда „Святыхъ Отецъ нашихъ“, иногда „Отче нашъ“, а въ заключеніе говорятъ: „шлѣ Бѣжа Мѣты зъ своимъ Сыномъ Исусомъ Христомъ, ййіхалы во Египеть на осляти. Осель спотыкнѣвсь, суставъ на суставъ наткнѣвсь“. При произнесеніи этихъ словъ правятъ больному поврежденное мѣсто, а затѣмъ даютъ внутрь красную мѣдъ, стертую въ погорошокъ. Отъ зубной боли читають молитву: „Отче нашъ“, а затѣмъ причитываютъ: „мисяца Владимира, и бувъ ты за моремъ? Чи бачывъ мѣртвыхъ людей, чи болять у нихъ зубы. Богъ на нѣби, царь на земли, мидвидь у лиси, тоди у (того-то) зубы будуть болиты, якъ зийдутся вси вмисти“.

Е. А. Рыбалова.

50.—Сл. Колядовка.

Поселеніе.—Обряды.—Свадьба.—Заговоры.—Сказка.—Пѣсни.—Молитва.

На сѣверо-западѣ отъ Колядовки въ 35 верстахъ находится Старобѣльскъ, на сѣверѣ въ 30 верстахъ мѣстечко Бѣловодскъ, на югъ въ 65 верстахъ литейный Луганскій заводъ. По рассказамъ стариковъ, названіе сл. Колядовки произошло отъ имени Коляды, поселившагося впервые на восточномъ берегу рѣки Евсуга. Коляда былъ и строителемъ первой церкви. Раньше Коляды, подъ горою на западномъ берегу рѣки, возлѣ колодца поселился Голодъ, къ Голоду пришелъ Малимонъ, потомки ко-

тораго и теперь существуют, почему и хуторъ называется Малимоновкой, а пишется Голодовымъ. Хуторъ этотъ отъ Колядовки отдѣляется небольшою луговой поляною. Поселились какъ Коляда, такъ и Голодь въ болотистой степи и занялись обработкой земли. Коляда, какъ говорятъ, былъ изъ шайки разбойниковъ, и въ началѣ было много разбоевъ. Рѣка въ то время была многоводная, а кругомъ были озера и непроходимыя болота, заросшія камышомъ, гдѣ прятались бѣглецы, которыхъ называли „новорожденными“.

Обряды. При посѣвѣ хлѣба соблюдаются извѣстные обряды. Въ великій постъ на четвертой недѣлѣ въ среду пекутъ кресты, и одинъ изъ нихъ кладутъ въ зерно, приготовленное для посѣва. Отправляясь первый разъ въ поле сѣять, зажигаютъ предъ иконами свѣчи и лампы, собираются всей семьей для молитвы, потомъ старшій въ семьѣ кропитъ святою водою скотъ и зерно и затѣмъ выѣзжаютъ. Когда выйдутъ въ поле, то сѣющий кладетъ крестъ среди нивы, бьетъ четыре земныхъ поклона на всѣ четыре стороны и засѣваетъ ниву, и засѣявши, садится завтракать и первымъ стѣдаетъ крестъ—„хлебъ за хлебъ“.

Когда „баба“ (акушерка) идетъ за молитвою, то кладетъ за „пазуху“ кусокъ хлѣба, который передаетъ потомъ крестной матери, когда та несетъ ребенка для крещенія; послѣ крещенія этотъ хлѣбъ передается крестною матерью „породили“, чтобы у нея было много молока. Во время обѣда кума передаетъ въ ложкѣ или кусочками все, что дается на обѣдъ, сначала роженницѣ, а послѣ того, какъ та отвѣдаетъ,—гости начинаютъ ѣсть.

Свадьба. За день до свадьбы пекутъ шишки и коровай. Собираются сосѣди и родичи и мѣсятъ тѣсто, припѣвая при этомъ: „Иванова нѣнька по сусѣдочкамъ хѣде та сусѣдочекъ прѣсѣ: сусѣдочки, мой голубочки, приходѣте до мене, до мѣго дытѣты коровай, шипечекъ дѣбаты“. Первоначально дѣлаютъ небольшія шишки, ставятъ дижу и раскатываютъ коржи: берутъ ржаной муки, вливаютъ въ нее воду и заставляютъ „хлопчика“ (мальчика) размѣшивать ее пальцемъ. Накрывая одинъ коржъ другимъ, „уряжаютъ“ ихъ шишками. Когда „шишки“ посадятъ въ

печь, то староста, дружка и двѣ женщины берутъ на голову дижу и цѣлуются навкрестъ.

Въ „пидвесилокъ“ молодая ходитъ съ дѣвками по улицѣ, при чемъ дѣвки поютъ:

„Ой, скѣки, скѣки,
Сорѣки, ворѣны,
Нызѣньки поклѣны,
Довгѣнько кулычѣкъ,
Далѣко чуты дружечѣкъ.
Ой, попѣ, попѣ Гордию
Нѣ звѣны ранѣ въ нѣдѣлю,

Зазвѣны ранѣ въ суббѣту,
Потирѣй дѣвкамъ робѣту.
Нехай дивѣчки не прядѣтъ,
Нехай дивѣчки винки вѣютъ
Зѣ высѣкого дѣрева, зѣ ялыны,
Зѣ червѣной калѣны
Нашей Марѣи княгини“.

Молодая собираетъ дружекъ и идетъ до свекора:

„Обмитѣйтѣ дворѣ,
Застылайтѣ столѣ,
Наповняйтѣ кубѣчки:

Идѣтъ дружѣчки.
Повнѣйтѣ повнѣньки:
Идѣтъ молодѣньки“.

Входятъ въ хату. Молодая кланяется „бѣтькови й мѣтери“.

Поютъ:

„Ой, рѣсно—рѣсно
Калѣна въ лузи,
Рѣснѣше—крѣснѣше
Иванѣвъ посѣдѣ.
Самъ Госпѣдъ спѣсѣавъ,
А на двѣрычкахъ
Самъ Госпѣдъ стойтѣ
И благословѣтъ,
А перѣдъ столѣмъ

Бѣтѣнько рѣднѣнький
Зѣ кубѣчка частѣе,
Дѣлею дарѣе.
Угадѣй же, Иванъ,
Чѣй дѣля лучча,
Чи Бѣжия,
Чи бѣтѣнькова?
Бѣтькова до-часна,
Бѣжия до-вишня“.

Молодая садится за столъ, а съ нею „бѣтько“, такъ какъ мать въ это время „пѣштуе“, молодая отсылаетъ, кланяясь въ поясъ. Поужинавши, идутъ до молодой; тамъ тоже „вѣчѣряютъ“. Когда ведутъ молодую отъ вѣнца, то поютъ:

„Якъ стояла Марѣичка пѣдъ винцѣмъ,
Чѣсала кѣсонько грибѣнцѣмъ,
Та й упавъ грибѣнѣцъ пѣдъ стилѣцъ;
Подѣй, Иванъ, грибѣнѣцъ.
Яжъ тобѣ, Марѣичка, нѣ вдѣвѣцъ,
Шѣобъ тобѣ подавѣвъ грибѣнѣцъ“.

„Нэ вий вѣтэръ зъ рѣжи,
Повий, повий по дорѣзи,
Розмай косу русу
Въ червѣнимъ поясѣ;

Розмай по волосѣчку,
Якъ жѣто по колосѣчку;
Розмай по волосѣнці,
Якъ жѣто по колосѣнці“.

Когда идутъ до старшей дружки, то поютъ:

„Матэна улыця, матэна;
Туды наша Марья ведэна,

Старша дружечка промэла,
До сѣбэ дружкѣ повэла“.

* * *

„До менэ дружечки, до менэ,
А у менэ пань-отэць
Самъ стрилэць,

Я пониматка куховарка.
Та убѣвъ пань-отэць тэтэрю,
Справыла паниматка вэчэрю“.

Идя отъ дружки до свѣкра, поютъ:

„Колэсѣмъ, колэсѣмъ сѣнэчко
горѣю,

То тобъ твой краса въ лѣ-
чэньку стояла,

Молодая Марычка съ дружеч-
кѣми идэ.

То якъ быжъ ты, Марья,
Ивана слухала...

Якъ бы ты, Марычка, батенька
вважала,

Нэ будэ пускаты
Мижъ дивкѣ гуляты,

То тобъ твой кѣсонька по плэ-
чахъ лэжала,

Косѣю маляты,
А будэшъ съ бабами гуляты“.

Прійдя до свѣкра, кланяется, отдаётъ „шишки“ и ухѣдитъ домой. У жениха дѣла идутъ своимъ чередомъ. Собираются „боярѣ“, „свашки“ и „рѣдчи“. Молодой кланяется, потомъ садятся за столъ бояры и молодой, а шапки отдаютъ свашкамъ, которыя „пришиваютъ квитки“ и поютъ:

„Не стий, вѣрбо, розвивайся
Рано-рано,

Симсѣтъ бояръ, щэ й чотѣри
Ранэсэнько.

Не стий, вѣрбо, розвивайся
Ранэсэнько!

Всѣмъ боярамъ по квѣточці,
Рано-рано,

А звый собѣ симсѣтъ квѣтѣкъ
Рано-рано,

Всѣмъ боярамъ по квѣточці,
Ранэсэнько.

Симсѣтъ квѣтѣкъ, щэ й чотѣри
Ранэсэнько.

Ивановѣ квѣтки нэ мае,
Рано-рано,

А у Ивана симсѣтъ бояръ,
Рано-рано,

Иванова квѣтка—Марычка
дивка,
Ранэсэнько“.

Пришивши „квитки“, свашки подаютъ шапки каждому боярину на торелкѣ, а тѣ платятъ за это. Затѣмъ снаряжается

„поѣздъ“. Садятся на коней всѣ „поѣзжане“, а мать ходитъ вокругъ „поѣзда“ три раза и посыпаетъ „поѣздъ“ хмѣлемъ, орѣхами и деньгами. Когда поѣздъ выѣзжаетъ со двора, свашки поютъ:

„Пытаецця Иванко:

До цѣрквы, сынку, до цѣрквы:

Куды минѣ, батенько, ййхатъ,

Помолѣвши Бѣгу,

Чи до цѣрквы, чи до дѣвки?

До дѣвки, до молодой Мары“.

Прѣѣзжаютъ къ цѣрквы, молодой молится Богу, а затѣмъ катается до самаго вечера, а вечеромъ идетъ до молодой.

„Ой, лѣгомъ, лѣгомъ вода йдэ,

Стѣха шабѣлку выймэ,

А по пѣдъ лѣгомъ стѣжэчка,

На тѣю калѣноньку замирѣе.

А по тѣй стѣжэчці калѣнонька,

Не для тѣбэ ця калѣна са-
жэная,

А туды ййхавъ староста

Для тѣбэ Марычка зряжэная“.

Не далѣко, конѣчэнька супиня,

Подходя къ воротамъ молодой, поютъ:

„Ой, свѣту, свѣту,

Сѣру зѣмлю та топтѣтымѣмъ

Пускай насъ у хѣту.

Червѣнымы чобѣткамы,

Ой, дѣки мы та стойтымѣмъ,

Золотѣмы пидкивѣткамы“.

Молодая прячется съ дружками. Староста и дружка ищутъ ее и когда найдутъ, то ведутъ ее; она идетъ и останавливается, а ее кнутомъ подгоняютъ. Приходя въ сѣни, дружки поютъ:

„Ой, вѣйды, вѣйды,

Ужэ Марычка зъ усѣми рид-
нѣнькѣмы;

Старая маты зъ хѣты.

Ой, вѣйды, вѣйды

Съ повнымы кубѣчками,—

Зъ повнымы, повнѣйшымы,

Ужэ Марычка зъ усѣми дру-
жѣчкамы;

Ужэ Марычка зъ усѣми рид-
нѣйшымы“.

Ой, вѣйды, вѣйды

Зъ повнымы, повнѣнькѣмы,

Дружка говоритъ: „Староста, пѣне-пидстаросты! благословѣть молодѣ за стиль завѣсты“. Изъ хаты отвѣчаютъ: „Богъ благословѣтъ трѣчи разѣмъ“. Заводятъ за столъ съ дружками. Гости и дружки поютъ:

„Сѣвая та зузѣлэнька,

Молодая та Марычко,

А сѣвая та зузѣлэнька!

Нэ сыды смутнѣнько,

Нэ литѣй тыхѣнько,

Заплачь жалибнѣнько;

Та закупѣй жалибнѣнько;

Ужэ твоѣ та минѣецця

Ужэ твоѣ та мынаецця

Субѣйтнѣшне та чисѣннѣчко,

Высокое та литѣннѣчко,

Нѣдѣлышне квѣчѣннѣчко,

На калѣни спочивѣннѣчко,

Рѣннее снѣдѣннѣчко“.

Рѣннее та кувѣннѣчко.

Заговоръ зубовъ: „Дубъ у по́ли, щу́ка въ мо́ри, мѣсяць на не́би; ко́лы бѣ́дутъ ци три бра́ты у кѣ́пы пы́ты,—та гуля́ты, то́ди у наро́ждѣнаго, мо́лытва́наго, хрѣ́щеннаго зу́бы бѣ́дутъ бо́лыты“.

Отъ дѣтскихъ „крикльвцивъ“: „Крикльвци и нишнѣци, пидѣть на вечернѣци, де ворѣта новѣ, огонь горѣтъ; тамъ бѣдуть васъ вытѣты, тамъ вамъ бѣдуть ворѣта одчинѣты; нѣ дай-те имъ спѣты, а дѣвкамъ на улици гуляты“.

Отъ „бышѣхи“: Бышѣха бышѣшнице, витрянѣ водянѣ, пидвианѣ, состричѣна, спѣтена, зѣйдѣна, подѣмана, погѣдана, помѣшлена, позавѣдована, и мужѣцѣа, и жинѣцѣа, и хлопчѣа, и дивчѣа. Ихѣвъ чѣрнѣй чѣловѣкъ у лѣсъ, запригѣ чѣрнѣ волю, надѣвъ чѣрнѣ ярмѣ, узѣвъ чѣрнѣ сокиру, а у сокири чѣрнѣ топорѣще. Пойихѣвъ у чѣрнѣй лѣсъ и зрубѣвъ чѣрнѣ дѣрево, покурѣвъ нарождѣному, молѣтвѣяному, хрѣщѣному бышѣху“.

Заговоръ отъ змѣй: „На землѣ Осиѣни, на мѣри—окиѣни, на ѡстровѣ Буѣни лѣжитъ камѣнь линтварѣна, на камѣни линтварѣни лѣжитъ змѣй Шевельдѣ. Просѣ тѣбѣ, змѣю „Шевельдѣ, прѣйдѣ зѣ своїми дѣтѣми, возѣми свѣй зубъ костѣнѣй отъ плѣской кѣсты, отъ чѣрвѣной крѣвы, отъ сѣроѣ шерсти.“ Такъ какъ по народному повѣрѣю существуетъ двѣ змѣи: Шевельдѣ и Ульянѣ, то слѣдуетъ произносить безъ передышки три раза Шевельдѣ и три раза Ульянѣ.

Заговоръ, чтобы приворожить: „Гѣры зѣ гѣрамы, бѣрегѣ зѣ бѣрегѣамъ! Повернѣ зѣ горѣ камѣнѣня, зѣ бѣрегѣвъ корѣнѣня, привернѣ нарождѣного, молѣтвѣяного, хрѣщѣного до мѣнѣ. Горѣ зѣ горѣю, рѣкѣ зѣ рѣкѣю, сѣрѣдѣ рѣкѣ водѣ брѣла, нарождѣного, хрѣщѣного, молѣтвѣяного наповѣла, одѣ любви пособлѣла.“

Сказка. „Сыдѣтъ горѣбѣцъ на быльнѣци. Быльнѣка, быльнѣка, покачѣй мѣнѣ, горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ. — Нѣ хѣчу. — Ну, пидѣ до козѣ, нѣхѣй тѣбѣ козѣ угризѣ. Козѣ, козѣ! идѣ быльнѣку йѣсты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ-ѣѣ, нѣ хѣчу. — До вовкѣвъ пидѣ, нѣхѣй тѣбѣ вовкѣ зѣидѣтъ. — Идѣ, идѣ. — Вовкѣ, вовкѣ, идѣтъ козѣ йѣсты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ быльнѣнки грѣзты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ хѣчѣмо. — Пидѣ до дѣба. — Дѣбѣ, дѣбѣ, идѣ вовкѣвъ быты. — На шо! — Нѣ хѣчѣтъ козѣ йѣсты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ быльнѣнки грѣзты. — На вищѣ? Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Шшѣ, нѣ хѣчу. — Пидѣ

до мѣря, нѣхѣй тѣбѣ утѣпѣ. Мѣрѣ, мѣрѣ, утѣпѣ дѣба. — На шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ быты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ козѣ йѣсты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ быльнѣнки грѣзты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Брр! брр! — нѣ хѣчу. — До волѣвъ пидѣ, шоѣ выпылы тѣбѣ. Волю, волю, идѣтъ мѣрѣ пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ быты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ козѣ йѣсты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ быльнѣнки грѣзты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Бѣу, нѣ хѣчѣмо. — Пидѣ до дѣвѣни, нѣхѣй идѣ волѣвъ быты. Дѣвѣнѣ! идѣ волѣвъ быты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ мѣря пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ быты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ козѣ йѣсты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ быльнѣнки грѣзты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ хѣчу. — Пидѣ жѣ до чѣрвѣй. Чѣрви, чѣрви, идѣтъ дѣвѣню тоѣтъ. — На шо? — Нѣ хѣчѣ волѣвъ быты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣря пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ быты. — За шо? и т. д. Иду жѣ тѣпѣрѣ до курѣй. Курѣ, курѣ, идѣтъ чѣрвѣй йѣсты. — За шо? — Нѣ хотѣтъ дѣвѣни тоѣтъ и пр. Отъ тоѣ курѣ за чѣрвѣй—йѣсты, чѣрви за дѣвѣню—тоѣты, дѣвѣня волѣвъ быты, волю водѣвъ мѣри пѣты, мѣрѣ дѣба топѣты, дѣбѣ вовкѣвъ быты, вовкѣ козѣ грѣзты, а козѣ та быльнѣку грѣзты, а быльнѣка горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты“.

П ѣ с н и.

„Лѣтила зузѣля
Чѣрѣзъ садѣ, кѣючѣ;
Заплакалы новѣбранѣци,
До прѣѣму йдѣчѣ,
Ой, нѣ плачѣтъ, ѣчи,
До прѣѣму йдѣчѣ,
Заплачѣте, кѣри ѣчи,
Нѣжду прѣймаѣючѣ.
А у горѣди
Тры кѣщѣики мѣаты;

Зберѣѣцѣя рѣдѣ до рѣду,
Хѣчѣ погулѣты.
Гулѣютѣ, гулѣютѣ,
Мѣнѣ спѣминаѣютѣ:
Дѣсъ нашѣго гѣсарѣйка
На свѣти нѣ мѣѣ.
Ой, чи егѣ вѣбитѣ,
Чи вѣ полѣнѣ занѣто;
Чѣмѣсь минѣ свѣтъ нѣ милѣй
И вѣ бѣдѣнѣ и вѣ свѣто“.

* *

„Самѣ нѣ знѣю, самѣ нѣ виѣаю,
Якѣ у свѣти жѣты?
Жѣты жѣ минѣ вѣ свѣти плѣхо
Скажѣтъ лѣдѣ: онѣ дуракѣ.“

Жѣты жѣ минѣ вѣ свѣти стрѣго
Скажѣтъ лѣдѣ: онѣ богѣтъ.
Жѣты жѣ минѣ у своѣмѣ дѣми,
Якѣ та пѣашѣка у своѣмѣ садѣ?

Отъ дѣтскихъ „крикльвцивъ“: „Крикльвци и нишныци, пидѣть на вечернѣи, де ворѣта новѣ, огѣнь горѣтъ; тамъ бѣдуть васъ вытѣты, тамъ вамъ бѣдуть ворѣта одчинѣты; нѣ дай-те имъ спѣты, а дѣвкамъ на ўлицѣ гуляты“.

Отъ „бышѣхи“: Бышѣха бышѣшнице, витряна водяна, пидвиѣна, состричена, спѣтена, зѣйдена, подѣмана, погѣдана, помѣшлена, позавѣдована, и мужѣцка, и жинѣцка, и хлопчѣча, и дѣвчѣча. Ихѣвъ чѣрныи чѣловѣкъ у лѣсъ, запригѣ чѣрныи волѣ, надѣвъ чѣрнѣ ярмѣ, узѣвъ чѣрну сокиру, а у сокири чѣрнѣ топорѣще. Пойѣхавъ у чѣрныи лѣсъ и зрубѣвъ чѣрнѣ дѣрево, покурѣвъ нарождѣному, молѣтвѣяному, хрѣщѣному бышѣху“.

Заговоръ отъ змѣй: „На землѣ Осиѣни, на мѣри—окиѣни, на ѣстровѣ Буѣни лѣжѣтъ кѣминѣ линтварѣна, на кѣмини линтварѣни лѣжѣтъ змѣй Шѣвельдѣ. Просѣ тѣбѣ, змѣю „Шѣвельдѣ, прѣйдѣ зъ своѣми дѣтѣми, возѣми свѣй зубѣ костѣныи отъ плѣской кѣсты, отъ чѣрвѣной крѣвы, отъ сѣрои шерсти.“ Такъ какъ по народному повѣрѣю существуетъ двѣ змѣи: Шѣвельда и Ульѣана, то слѣдуетъ произносить безъ передышки три раза Шѣвельдѣ и три раза Ульѣанѣ.

Заговоръ, чтобы приворожить: „Гѣры зъ гѣрамы, бѣрегѣ зъ бѣрегѣми! Повернѣ зъ гѣры кѣминѣна, зъ бѣрегѣвъ корѣнѣна, привернѣи нарождѣного, молѣтвѣяного, хрѣщѣного до мѣнѣ. Гѣрѣ зъ гѣрою, рѣкѣ зъ рѣкою, сѣрѣдѣ рѣкѣи вѣду брѣла, нарождѣного, хрѣщѣного, молѣтвѣяного наповѣла, одѣ любви пособлѣла.“

Сказка. „Сыдѣтъ горѣбѣцъ на былинѣи. Былинѣка, былинѣка, покачѣи мѣнѣ, горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ. — Нѣ хѣчу. — Ну, пидѣ до кѣзы, нѣхѣи тѣбѣ кѣзѣи угризѣ. Кѣзѣ, кѣзѣ! идѣи былинѣку ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ-ѣѣ, нѣ хѣчу. — До вовкѣвъ пидѣ, нѣхѣи тѣбѣ вовкѣи зѣидѣтъ. — Идѣи, идѣи. — Вовкѣи, вовкѣи, идѣи кѣзѣи ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣчѣ былинѣки грѣзѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ хѣчѣмо. — Пидѣ до дѣба. — Дѣбѣ, дѣбѣ, идѣи вовкѣвъ бѣты. — На шо! — Нѣ хѣчѣтъ кѣзѣи ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣчѣ былинѣки грѣзѣты. — На вишо? Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Шшѣ, нѣ хѣчу. — Пидѣ

до мѣри, нѣхѣи тѣбѣи угѣбѣ. Мѣрѣ, мѣрѣ, угѣбѣи дѣба. — На шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ бѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ кѣзѣи ѣистѣ. — На шо? — Нѣ хѣчѣ былинѣки грѣзѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Брр! брр! — нѣ хѣчу. — До волѣвъ пидѣ, шѣбѣи выпылы тѣбѣ. Волѣи, волѣи, идѣи мѣрѣи пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ бѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ кѣзѣи ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣчѣ былинѣки грѣзѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Бѣу, нѣ хѣчѣмо. — Пидѣ до дѣбѣи, нѣхѣи идѣи волѣвъ бѣты. Дѣбѣнѣ! идѣи волѣвъ бѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ мѣри пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ бѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣтъ кѣзѣи ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣчѣ былинѣки грѣзѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ мѣнѣ горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣты. — Нѣ хѣчу. — Пидѣ жѣ до чѣрвѣи. Чѣрви, чѣрви, идѣи дѣбѣнюи топѣтъ. — На шо? — Нѣ хѣчѣ волѣвъ бѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ мѣри пѣты. — На шо? — Нѣ хѣчѣ дѣба топѣты. — За шо? — Нѣ хѣчѣ вовкѣвъ бѣты. — За шо? и т. д. Иду жѣи тѣпѣрѣ до курѣи. Курѣи, курѣи, идѣи чѣрвѣи ѣистѣ. — За шо? — Нѣ хѣтѣтъ дѣбѣи топѣтъ и пр. Отъ тѣдѣи курѣи за чѣрвѣи—ѣистѣи, чѣрви за дѣбѣнюи—топѣтыи, дѣбѣни волѣвъ бѣтыи, волѣи вѣдувъ мѣри пѣтыи, мѣрѣи дѣба топѣтыи, дѣбѣи вовкѣвъ бѣтыи, вовкѣи кѣзѣи грѣзѣтыи, а кѣзѣи тѣи былинѣку грѣзѣтыи, а былинѣка горѣбѣцѣ-мѣлодѣцѣ качѣтыи“.

П ѣ с н и.

„Лѣтѣла зузуля
Чѣрѣзъ садѣ, кѣючѣ;
Заплакалы новѣбранѣи,
До прѣѣму ѣдѣчѣ,
Оѣи, нѣи плачѣтѣ, ѣчи,
До прѣѣму ѣдѣчѣ,
Заплачѣтѣ, кѣри ѣчи,
Нѣжду прѣѣмѣючѣ.
А у горѣди
Три кѣщѣики мѣятѣ;

Зѣбѣрѣѣцѣи рѣдѣ до рѣду,
Хѣчѣи погулѣты.
Гулѣютѣи, гулѣютѣи,
Мѣнѣи спѣминаютѣи:
Дѣсѣи нѣшѣго гѣсарѣка
На свѣти нѣи мѣѣ.
Оѣи, чѣи егѣи вѣѣто,
Чѣи вѣи полѣнѣи занѣто;
Чѣмѣсѣи минѣи свѣтъ нѣи милѣи
И вѣи бѣдѣнѣи и вѣи свѣто“.

* *

„Самѣи нѣи знѣю, самѣи нѣи вѣдаю,
ѣкѣи у свѣти жѣитѣи?
Жѣитѣи жѣи минѣи вѣи свѣти плѣхо
Скажѣтъ лѣдѣи: онѣи дѣракѣи.“

Жѣитѣи жѣи минѣи вѣи свѣти стрѣго
Скажѣтъ лѣдѣи: онѣи бѣгѣтъ.
Жѣитѣи жѣи минѣи у своѣмѣи дѣми,
ѣкѣи тѣи пѣашѣка у своѣмѣи садѣи?

Хочэ яструбъ твоё дытя вбѣты.
Твоею крѣвию брюхонасытитъ.
Нэхай томѹ лёгко згадаецца,
Хто надо мною горко
вбываецца.
Нэхай томѹ тяжко-важко
тхнеецца,
Хто надо мною знуцаецца“.

Ледячому досталася,
Гора набралася.
Ай, на горі дощикъ идѣ,
Ажъ бўлбашки дмұцьця;
А зо мною молодую
Родычи бьюцьця.
Бійся, бійся, мий родоньку,
Бійся—побывайся,
Якъ пиду я на Украйну—
Нє сподивайся“.

Полпнѣла бѣ, одвѣдала
Нѣньку о пивнѣчи;
Та сила бѣ я, упала
У нѣньки на порѣзи;
Мбю нѣньку старѣньку
Обливають слѣзы.
Гѣди, маты,
Горѣчихъ слизь литы,
Порѣдъ мѣнѣ, мѣя нѣнько:
Якъ на свѣти жѣты.
О, якъ минѣ жѣтъ,
О, якъ горюватѣ,
Чи, обнявши голѣвоньку,
Та й помандруватѣ“.

По ўлыци, якъ мацѣкъ.
Якъ изволочу жъ я червѣнэ
прѣсо!
Чарочка-чударочка,—
Дочка въ мѣнэ Одарочка;
Чѹда чѹда и пр.

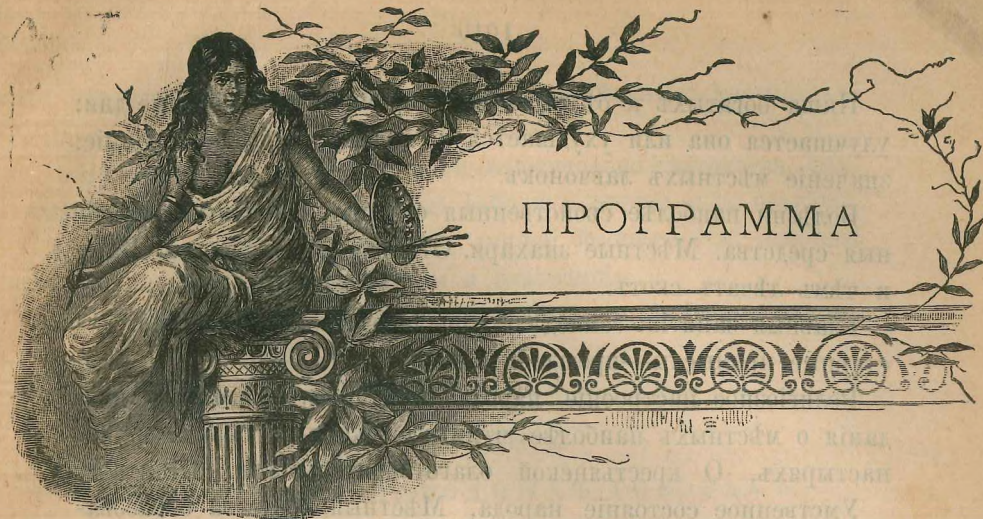
Тамъ стоялы кавалёры
По ўлыци, якъ мачѡкъ.
О якъ продѡмъ я червѡнѡ прѡсо
Та куплю жъ червѡнѡ намѡсто.
Чѡрочка-чудѡрочка,—
Дочка въ мѡнѡ Одѡрочка и пр.

Та гляну я на долину.
А на тий долини
Стоявъ куць каліны
Ажъ до землі ввѣщя—
гнѣщя;
Пидъ тыєю каліною
Стоявъ козакъ зъ дивчиною:
Дивчинька плачѣ,
А козакъ смієщя,
Що не по міри бэрєщя“.

Однѣ слово ни якѣе,
Другѣ ласковое,
Трѣте слово прозорливѣ
Та ѣ про женихѣ;
Женихѣвсѣ, насмѣивсѣ,
Думавѣ: мой будѣ,
А тѣперѣ роздумавсѣ:
Нѣхай берѣть людѣ.
Выряжѣла мѣты сынѣ
Та ѣ на косовѣщѣю,
Росчѣсѣла русѣ кудри
Та ѣ на потылицѣю.
Я жѣ думѣла, мѣй сынѣчкѣу,
Шѣ будѣшѣ косѣты,
А винѣ бросѣивѣ ѡстру косѣу,
Начѣвѣ голосѣты:
Якѣ бы знѣла мой мѣты,
Шѣ цѣ за досѣда,
Ожѣнѣла ѡ мѣнѣ мѣты,
Щѣѡ булѣ ѡдѣрада.
Жѣнѣсь, жѣнѣсь, мѣй
сынѣчкѣу,
Бѣрѣ инкѣуж ѣлюбкѣу,

Цилуй йй, милуй йй
 Якъ голубъ голубку.
 Голубъ, маты, на дубочку,
 Голубка на вишні;
 Скажи, мині, роздусенька,
 Шо въ тѣбѣ на думци?
 Молитва. „На Олывѣнський горі, на Осиѣнський земли,
 тамъ стояло древо копорѣснѣ. Пидъ тимъ дрѣвомъ Діва Марія
 спала—спочивала, собі упокой мала. Вѣдывся ий и дѣвѣнъ, и
 ужасѣнъ и страшенъ сонъ: вѣдѣцця Павѣль въ рай и святый
 Петро въ домѣ, а Ты, Сїну мий, на дрѣви роспѣтый, рѣци Твой
 и нозі желѣзнымъ гвѣздамъ прыбѣти; на Твою главѣ на Святу
 тѣрновий винѣць накладаютъ, ангелы зъ нѣбѣсь злитаютъ, пидъ
 Твою кровь золоті кубки пидставляють и Твоєи св. крови до
 земли нѣ допускають. Маты Мой! слова Твой свѣтаѣя правда
 будѣ. И такъ хто будѣ сѣй сонъ рано и пѣзно почитаты, той
 нѣ будѣ въ огни погораты, въ воді потопаты, наглою смѣр-
 тью помыраты. А хто будѣ помыраты, будѣ Господь янгѣливъ
 зъ нѣбѣсь ссылаты, душі полѣгкить даваты. Дай мині, Гос-
 поди, вѣсповидацця и тайно Христово прыняты, во вики ви-
 ковѣ. Амѣнь“.

А. Русинова.

для сообщенія свѣдѣній по этнографіи Харьковской губерніи.

Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

Численность и наружность жителей. Не обнаруживается-ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстные слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка *).

Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенія (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями. Способъ освѣщенія.

Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

*) См. добавленіе.

Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское вліяніе; значеніе мѣстныхъ лавчонокъ.

Болѣзни наиболѣе свойственныя селенію. Народныя врачевныя средства. Мѣстные знахари. Отношеніе къ врачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скоть.

Главныя занятія: земледѣліе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и теперь.

Религіозное настроеніе народа. Сектанты. Сказанія и преданія о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпитали.

Умственное состояніе народа. Мѣстныя средства образованія. Отношеніе крестьянъ къ школѣ и учителю.

Нравственное состояніе народа. Положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституція.

Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденіи и крещеніи ребенка. О вечерницахъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебныя расходы. Похоронныя обряды, причитанія и поминки.

Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, Масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ пасхальными писанками. Какіе рисунки бываютъ на писанкахъ. Народныя названія писанокъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозкѣ въ клуны, печеніи хлѣба и т. п.

Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярмарочные.

Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ, названія ихъ.

Народныя юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, аренды и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзаряхъ и лирникахъ.

ДОБАВЛЕНІЕ.

О МѢСТНЫХЪ НАРОДНЫХЪ ГОВОРАХЪ.

а) Для малорусскаго населенія.

Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: року—рікъ; овесь—вівса; жінка; лідъ? Примѣры перехода *е* въ *ѣ*: жовтий, чорний, лѣнь, синѣго, здоровѣмъ, зеленый, его? Примѣры перехода *ъ* въ *і*. Какимъ измѣненіемъ подвергается неударяемое *о*: какъ произносятся, на примѣръ, слова: горячій, хозяинъ, въ соборѣ, тополя, тоска и др.? Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *е*). Какъ произносится звукъ *и*? Какъ произносится звукъ *ы*? Гдѣ слышатся гласныя неопредѣленные или дифтонги (двугласныя)? Какъ произносится звукъ *г* (*г* или *h*)? Какъ произносятся сочетанія: *жа, ча, ша, шу, чу, жу* и под.? Какимъ измѣненіемъ подвергаются горланные: *г, к, х*? Какимъ измѣненіемъ подвергаются звуки: *з, ц, с*? Какъ измѣняются губные: *б, п, о, м*? Какъ измѣняются зубные *д* и *т*? Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж*: на примѣръ, походжено? Какъ измѣняются *л* и *р*? Какъ измѣняется звукъ *ф*? Случаи удвоенія согласныхъ: безлюддя, влючча. Случаи придыханія: *в*—вірла, вівса, *й* (й) йяголь, йодинъ јодинъ, йовесь, јего?

б) Для великорусскаго населенія.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о* неударяемый. Какъ произносятся, на примѣръ, слова: голова, хорошо, огурцы, того? Какъ измѣняется *о* ударяемое. Какъ произносятся слово—хоть? Нѣтъ-ли случаевъ перехода неударяемого *а* въ *о*. Какъ произносятся слова: Андрей, Александръ, работникъ, пароходъ, самоваръ? Какъ измѣняются ударяемые *е* и *ъ*. Какъ, примѣрно, произносятся слова: купецъ, идетъ, тетка, овесь, цѣпъ, цѣпы, ослѣпъ, береза, зеленый, ель? (Употребленіе звука *ѣ* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ общеніи). Какъ измѣняются *е* и *ъ* неударяемые. Какъ, на примѣръ, произносятся слова: земля, цѣтты, сестра, ребята, медовый, лѣсной, сѣмена, бѣловатый, зеленоватый, черезъ поле, черезъ дорогу, жена, пшеница, на мѣстѣ, еще, нельзя, человекъ, теремокъ. Какъ измѣняется *ы*. На примѣръ, какъ произносятся слова: былъ, была, не былъ, колыбель, умываться, крышка? Есть-ли случаи употребленія *е* вмѣсто *у* и наоборотъ? Какъ произносятся слова: ударить, взять, вдова, всѣ? Какому измѣненію подвергается *у*? Какъ произносятся: будто, буйная голова, глубоко,

откуда, кукушка? Нѣтъ-ли случаевъ употребленія придыханія? Какъ произносятся слова: онъ, утка, этотъ? Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятся слова: дѣти, видѣлъ, тѣло, свѣтелъ мѣсяцъ, въ золотѣ, видѣтъ, знать, темный, отлетѣлъ? Нѣтъ-ли случаевъ измѣненія гортанныхъ *г*, *к*, *х* въ *ж*, *ч*, *ш*, и въ *з*, *ц*, *с*. Какъ произносятся: на рѣкѣ, въ лугу, въ лугахъ, на берегу, при дорогѣ, въ кабацѣ. Какъ произносятся слова: копѣйка, хозяйка, чайку, яблочковъ, корольковъ, рѣдка, палочка, на рѣчку, шапочка, кашка? Какъ измѣняются губные: *б*, *в*, *м*, *п*; какъ произносятся слова: граблю, ловлю, ломлю, куплю? Нѣтъ-ли какихъ либо особенностей въ произношеніи плавныхъ звуковъ? Какъ, напримѣръ, произносятся слова: вихоръ, грибы, крикъ, кропива, рама, завтра, царапать? Какимъ измѣненіямъ подвергаются шипящіе звуки *ц*, *ч*, *ш* и *щ*. Какъ произносятся слова: цѣпъ, цапля, улица, щека, щавель, знающій, большущій? Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ отзвучные или нѣтъ? Говорятъ: дубъ или дупъ, городъ или горотъ, лугъ или лухъ и проч.? Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныя въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятся, напримѣръ, черный, бѣлый, синій, хорошій, добрый, деревенскій, городской? Какъ родит. пад.? Какъ произносятся родительный и дательный падежи мѣстоименій: я, ты, себя, онъ, кто, тотъ? Какъ произносятся: тебѣ, себѣ, его, кого, того? На что оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 3-мъ множественнаго? Какъ произносятся: ведешь, знаешь, несешь, печешь, ведетъ, несетъ, читаетъ, пишетъ, мутитъ, шумитъ, жжетъ, сѣетъ, пашетъ, учится, учится, учишься, толкаешься, толкается, знаютъ, ведутъ, говорятъ, шумятъ и друг.? Нѣтъ-ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?

ПРОГРАММА

для сообщенія свѣдѣній по этнографіи Харьковской губерніи.

Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

Численность и наружность жителей. Не обнаруживается-ли въ наружности вліяніе инородческихъ примѣсей.

Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и въ произношеніи словъ. Мѣстные слова, реченія и поговорки. Слѣды вліянія литературнаго языка *).

Что читаетъ народъ. Какія книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значеніе имѣютъ части дома: передній уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположеніе дворовыхъ построекъ. Новѣйшія измѣненія въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенія (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями. Способъ освѣщенія.

Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Вліяніе городское. Стоимость одежды.

*) См. добавленіе.